

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

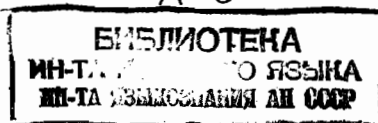
А АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК ЗА 2009 – 2010 ГОДЫ

Основан в 1957 году
академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА
НАУКА
2013

УДК 930
ББК 63.2
А87

99373

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы "Культура России"*

Ответственный редактор
академик Российской академии образования
С.О. ШМИДТ

Редакционная коллегия:
Ю.В. АНДРЮШАЙТИТЕ, М.П. ИРОШНИКОВ, С.М. КАШТАНОВ,
В.П. КОЗЛОВ, А.В. МЕЛЬНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Р.Г. ПИХОЯ, Н.Н. ПОКРОВСКИЙ, В.А. ЧЕРНЫХ, С.В. ЧИРКОВ,
Е.Н. ШВЕЙКОВСКАЯ

Рецензенты:
доктор исторических наук М.П. МОХНАЧЕВА,
доктор исторических наук А.А. ЧЕРНОБАЕВ

Археографический ежегодник / [отв. ред. С.О. Шмидт]; Археограф. комис.
РАН; Фед. архив. агентство. – М.: Наука, 1957 – .
2009–2010 годы. – 2013. – 527 с. – ISBN 978-5-02-037565-9 (в пер.).

Ежегодник содержит материалы преимущественно по отечественной истории, археографии, архивоведению, источниковедению, историографии, специальным историческим дисциплинам от Средневековья до наших дней. Публикуются статьи об "архивной революции" в России 1990-х годов, об издании документального наследия декабристов, А.М. Горького, источниковедческом изучении губернаторских отчетов XIX – начала XX в., подготовке справочных изданий о московском городском самоуправлении, документальных источниках, отразивших судьбы православных храмов в 1920–1930-е годы, о современной археографической деятельности в Беларуси, статьи, документальные публикации и хроникальные заметки о выдающихся отечественных историках и архивистах Н.И. Костомарове, С.Ф. Платонове, А.И. Андрееве, Н.Ф. Демидовой, К.Е. Новохатском и др., о средневековых рукописях, об организации системы писцовых описаний второй половины XVII в., таможенном деле. Значительное место уделено обзорам личных архивных фондов, библиографиям трудов историков, хроникальным материалам.

Для научных работников, сотрудников архивов, библиотек и музеев, краеведов, преподавателей и студентов.

По сети "Академкнига"

ISBN 978-5-02-037565-9

- © Археографическая комиссия РАН, Федеральное архивное агентство, 2013
- © Российская академия наук и издательство "Наука", продолжающееся издание "Археографический ежегодник" (разработка, оформление), 1957 (год основания), 2013
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство "Наука", 2013

И. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Р.Г. Пихоя

“АРХИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ”: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ.

Часть 2. Архивы в России. 1992–1993

Начнем с того, чем закончилась прежняя статья¹. 1991 год стал рубежом в истории страны. Распался Советский Союз. Ушла в небытие Коммунистическая партия Советского Союза. Изменился политический строй России. Начались радикальные экономические реформы. Эти исторические события самым решительным образом повлияли на состояние архивного дела. Передача архивов КПСС в ведение Роскомархива, центральных архивов в ведение Российской Федерации, начало разработки новой правовой базы для архивов...

Комплекс преобразований архивной отрасли получил в литературе определение “архивная революция”, под словом “революция” понимая радикальные изменения сложившейся системы управления, правоотношений, отношений собственности.

Полагаю, что в архивной революции в России отчетливо выделяются три этапа.

Первый – 1990–1991 гг. Он был порожден Декларацией о государственном суверенитете России. На первом этапе были сформулированы следующие задачи:

– возвращение суверенитета России над архивными документами, созданными на ее территории с древнейших времен до начала 1917 г. и хранящимися на территории России;

– начало разработки законодательства “Об Архивном фонде Российской Федерации и архивах”.

Стремительное разрушение Советского Союза во второй половине 1991 г. вынудило архивную службу принять на государственное хранение свыше 70 млн дел архивов КПСС на территории России, что вполне укладывалось в логику возвращения суверенитета над документами, созданными и хранящимися на ее территории.

Второй – 1992–1993 гг. Основное содержание этого этапа:

– повышение государственного статуса архивной службы;

¹ Пихоя Р.Г. “Архивная революция”: Двадцать лет спустя. Часть 1. Архивы для России. 1990–1991 // АЕ за 2007–2008 годы. М., 2012. С. 3–34.

- доработка, согласование и принятие Закона Российской Федерации “Об Архивном фонде Российской Федерации и архивах”;
- принятие временных регламентов, определявших доступ исследователей к документам;
- обеспечение социальных условий для сотрудников архивов и физического обеспечения сохранности документов в обстановке галопирующей инфляции;
- выполнение функций информирования общества о прежде секретных документах, раскрывающих существенные страницы истории СССР;
- разработка концепции Постановления Совета Министров РФ “О государственном регулировании развития архивного дела в Российской Федерации”.

Второй этап архивной революции завершился вместе с преодолением политико-конституционного кризиса в стране, принятием новой Конституции в декабре 1993 г. Для московских учреждений архивной службы конец 1993 г. был связан со спасением документов из здания Верховного Совета, пострадавшего в результате трагических событий 3–4 октября 1993 г.

Третий этап я датирую 1994–1996 гг. Его характерные признаки, по моему мнению, следующие:

- осложнение позиций исполнительной власти под воздействием думской оппозиции и, как следствие, усиление критики деятельности Росархива при рассекречивании документов и в области международного сотрудничества;
- создание в Администрации Президента комиссии по рассекречиванию документов КПСС;
- попытки Росархива распространить статус госслужащего на сотрудников Государственной архивной службы.

Этот этап завершается снижением статуса Государственной архивной службы, утратой ей прямой подчиненности Президенту РФ и преобразованием в Федеральную архивную службу, а позже – потерей самостоятельного статуса в системе органов управления и включением в структуру Министерства культуры на правах агентства.

* * *

Начало 1992 г. для российских архивистов ознаменовалось тем, что в тугой клубок заплелись и перепутались новые проблемы и старые беды архивной отрасли.

Перечислю лишь некоторые:

- дефицит бюджета, как, впрочем, и всей бюджетной сферы в стране, ухудшение материального положения архивистов в условиях радикальной экономической реформы;
- необходимость срочно принимать и где-то размещать документы тысяч ликвидирующихся предприятий, ведомств, министерств;
- стремление обеспечить достойное место архивной отрасли в системе менявшихся органов государственной власти и управления страны;
- необходимость найти ответы на требование, звучавшее отовсюду – от Кремля и Верховного Совета до газет, отечественных и иностранных исследователей и журналистов – рассекретить архивы – и отсутствие любой нормативной и законодательной базы для этого;

– поток предложений о международном сотрудничестве и осознание необходимости соблюдения российских интересов и приоритеты...

Это далеко не все, что спрессовалось в два года. Хронологическая последовательность изложения в этой статье будет нарушаться. Заранее извиняюсь перед читателями. И тем не менее постараюсь выделить важнейшее, что происходило в архивном деле в эти, в полном смысле драматические, два года.

Архивные стычки за союзные архивы. В первой части статьи я рассказал об острой борьбе за союзные архивы, когда столкнулись три подхода:

– союзных республик – поделить между собой все союзное, в том числе и архивное наследие;

– попытку Главархива СССР – продлить свое существование в новых политических условиях путем создания объединения союзных архивов как некоего автономного образования;

– позицию Роскомархива – сохранить в России все архивы, которые оказались на ее территории к 1991 г.

Напомню, что к 1991 г., путем заключения двусторонних соглашений между архивными ведомствами России и Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии, были достигнуты договоренности, согласно которым утверждался принцип “чья земля – того архивы”, что легло в основу переговорной позиции Роскомархива во взаимоотношениях с другими республиками.

После распада СССР споры о правах на союзные архивы переместились из архивного сообщества на политический уровень. В Протоколе совещания глав государств от 14 февраля 1992 г., министрам иностранных дел государств СНГ поручалось “подготовить документ о правопреемстве договоров, всей собственности, государственных архивов, долгов и активов бывшего Союза ССР”. Реальность угрозы передела фондов союзных архивов была подтверждена “Соглашением о возвращении культурных и исторических ценностей государствам их происхождения”, принятом в тот же день, 14 февраля 1992 г. В преамбуле этого соглашения сообщалось: “Возвращение народам их произведений искусства, памятников, музейных экспонатов, архивов, рукописей, документов и других раритетов культуры и истории будет служить благородной задаче возрождения национальных культур...”.

Однако реализация этой “благородной задачи” почти автоматически вела к конфликтам. Протокол совещания глав государств не был подписан в этой части Президентом Б.Н. Ельциным. Договоренности не были ратифицированы Верховным Советом Российской Федерации.

Наличие ранее заключенных соглашений позволили найти выход из сложнейшей ситуации, созданной появлением упомянутого выше Соглашения о возвращении культурных и исторических ценностей. В Минске 22–23 апреля 1992 г. состоялось совещание руководителей архивных служб республик бывшего Советского Союза. На нем присутствовали представители Беларуси, Украины, Азербайджана, Армении, Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, Грузии, России, Литвы, Латвии, Молдавии. Переговоры были сложными, с острыми дискуссиями, но в результате возникло общее понимание необходимости гарантировать: доступ к архивам бывшего СССР, право копирования материалов бывших центральных архивов СССР для по-

полнения архивного фонда других республик, целостность и неделимость исторически сложившихся фондов, суверенитет государства по отношению к тем архивам, которые возникли и существовали на территории этих республик к 1991 г.

Итоги этой дискуссии и принятое в Минске соглашение были сообщены политическому руководству стран СНГ. Мнение архивистов учтено, и 6 июля 1992 г. в Москве главы государств СНГ подписали специальное соглашение о правопреемстве в отношении государственных архивов бывшего Союза ССР.

Этот документ закрыл споры о собственности на союзные архивы, провозгласив: “Стороны, исходя из принципа целостности и неделимости фондов, образовавшихся в результате деятельности высших государственных структур бывших Российской империи и Союза ССР, которые хранятся в государственных архивах, находящихся за пределами их территорий, не претендуют на праволадение этими комплексами документальных материалов”. Это важнейшее для судеб центральных архивов положение дополнялось другим: “Стороны взаимно признают осуществленный в соответствии с их национальным законодательством переход под их юрисдикцию государственных архивов и других архивов союзного уровня, включая государственные отраслевые архивные фонды бывшего Союза ССР, находящиеся на их территории”.

Попытка экспертной комиссии из представителей государств – участников СНГ в начале 1993 г. вернуть вопрос о разделе архивов в поле политических решений, вызвала резкое неприятие Государственной архивной службы России. 11 февраля 1993 г. архивная служба ответила на проект “Соглашения о Межгосударственной комиссии по проблемам собственности на культурные ценности, которые собраны в музеях, библиотеках, архивах и других хранилищах бывшего Союза СССР”. В этом ответе говорилось, во-первых, что Государственная архивная служба России считает необходимым, чтобы архивы были исключены из проекта Соглашения. Во-вторых, российские архивисты напоминали, что этот вопрос уже был рассмотрен на Совете Глав государств Содружества в Москве в июне 1992 г., что главы десяти государств – членов СНГ 6 июля 1992 г. подписали специальное Соглашение “О правопреемстве в отношении государственных архивов бывшего Союза ССР”, в основу которого была положена концепция целостности и неделимости архивных фондов государств Содружества.

“Таким образом, повторное рассмотрение вопроса об архивах на Совете Глав государств Содружества не вызывается необходимостью. Полагали бы целесообразным вывести архивы из вышеназванного Соглашения”, – завершилось заключение на проект Соглашения.

При внешней драматичности проблемы следует признать, что проблема правопреемства уже утрачивала для руководства Роскомархива свою актуальность.

Наваливались новые проблемы. Срочные. Неотложные.

Прием новых документов. Радикальные перемены в экономике и системе государственного управления России повлекли за собой поток документации ликвидированных или приватизированных предприятий и ведомств. Закрывались многие заводы и НИИ. Министерства преобразовывались

в акционерные общества. Прежние архивы новым хозяевам не были нужны. Зато необходимы были площади, помещения, где раньше хранились служебные архивы. Документы в буквальном смысле выбрасывались на улицу. Нельзя сказать, что эта ситуация возникла внезапно. С момента создания 6 ноября 1991 г. Правительства реформ во главе с Б.Н. Ельциным и Е.Т. Гайдаром количество российских министерств было сокращено в несколько раз, с начала 1992 г. была запущена программа ускоренной приватизации государственных и муниципальных предприятий², следом за которой началось массовое изменение юридического статуса предприятий и учреждений.

Понятно, что в этих условиях новым владельцам было не до архивов.

Утрата ведомственных архивов с неизбежностью привела бы не только к сокращению их источникового потенциала, но и создавала опасные социальные последствия. В случае утраты документов невозможно было бы установить производственный стаж работников, оформить пенсию, льготы и многое другое, жизненно важное для бывших и нынешних сотрудников приватизированных предприятий.

По инициативе Роскомархива уже 14 ноября 1991 г. Правительством РСФСР было принято распоряжение № 8-Р об обеспечении сохранности документов ликвидированных министерств и ведомств СССР. Это было восьмое (!) по счету распоряжение нового правительства Ельцина–Гайдара. В соответствии с ним, министерства и ведомства должны были передать образовавшиеся в результате их деятельности документы, а также помещения для их хранения, штатную численность и фонд оплаты труда работников ведомственных архивов соответствующим органам государственного управления РСФСР, при их отсутствии – Роскомархиву. Другим Указом Президент РСФСР обязал министерства и ведомства России, получавшие в свой состав бывшие союзные министерства и ведомства, обеспечить сохранность их архивов³.

Эти указы создали необходимую правовую основу для сохранения документов из ведомственных архивов. Из 82 ликвидированных министерств и ведомств поступило более 5,6 млн дел, в том числе 0,97 млн дел постоянного хранения и 1, 29 млн дел по личному составу. Сохранились 144 архивных помещения общей площадью 17,7 тыс. кв. м и ставки для 135 архивистов.

Конечно, за этим результатом стоял труд работников Роскомархива – прежде всего В.П. Тюнеева, В.А. Еремченко, Г.Г. Бакалинской, сотрудников центральных архивов, куда поступали на постоянное хранение документы из ведомственных архивов (ЦГАОР, ЦГАНХ, ЦГАЛИ, ЦГА РФ) и непосредственно работников ведомственных архивов как бывших союзных, так и вновь образованных министерств и ведомств⁴.

Важное значение для обеспечения сохранности ведомственных документов и усиления роли архивной службы в контроле над ведомственными

² Указ Президента Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. // Приватизация. Полный пакет документов: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 10–11.

³ Указ Президента РСФСР от 28 ноября 1991 г. № 242 “О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР”.

⁴ Андреева Л.С., Бакалинская Г.Г. О пересмотре отраслевого состава источников комплектования Архивного фонда Российской Федерации // ОА. 1992. № 3. С. 240–244.

документами стало постановление Правительства от 3 марта 1993 г. “О порядке ведомственного хранения документов и организации их в делопроизводстве”. Это постановление устанавливало, что “центральные органы федеральной исполнительной власти, министерства, ведомства республик в составе Российской Федерации, государственные учреждения, организации и предприятия:

- осуществляют временное хранение документов государственной части Архивного фонда Российской Федерации в создаваемых ими ведомственных архивах или других структурных подразделениях, на которые возлагаются соответствующие функции;

- обеспечивают учет, сохранность, использование, своевременный отбор и подготовку документов государственной части Архивного фонда Российской Федерации к передаче на государственное хранение в соответствии с правилами, установленными Государственной архивной службой России;

- передают документы государственной части Архивного фонда Российской Федерации в учреждения Государственной архивной службы России по истечении предельных сроков ведомственного хранения... Все работы, связанные с подготовкой и передачей документов на постоянное хранение выполняются за счет средств центральных органов федеральной исполнительной власти...”. Это постановление стало основой для заключения соглашений Росархива с министерствами и ведомствами, где прописывались конкретные вопросы обеспечения контроля над ведомственными архивами.

Другой серьезной задачей архивного ведомства явилось выполнение президентских указов от 24 августа 1991 г. о передаче на государственное хранение документов КГБ и КПСС⁵.

Для приема документов КГБ СССР и КПСС была создана специальная парламентская комиссия, которую возглавил Д.А. Волкогонов. В ее состав вошли, кроме депутатов, большая группа историков и журналистов. Весьма обстоятельное изложение вопросов, обсуждавшихся на заседаниях этой комиссии, содержится в публикации одного из руководителей “Мемориала” Н.В. Петрова⁶.

Пока в недрах комиссии бурно обсуждался порядок доступа к документам КПСС и КГБ, ситуация в стране стала быстро меняться.

КПСС, как политическая организация, оказалась обречена. Ее сменила Российская коммунистическая партия, утратившая все права на архивы КПСС. С проблемами, сложностями, но процесс приема и введения в научный оборот партийных архивов шел относительно благополучно.

Совсем по-иному складывалась обстановка вокруг выполнения Президентского Указа о передаче архивов КГБ в государственные архивы. Правовой основой должен был быть Указ Президента Б.Н. Ельцина от 24 августа 1991 г. о передаче архивов КГБ СССР и его управлений в республиках в составе РСФСР, краях, областях, городах Москве и Ленинграде в ведение

⁵ Подробные записи об организации приема-передачи партийных архивов см.: *Тюнеев В.П.* В августе 1991 года: О приеме партархивов в ведение государственных архивных органов // ОА. 2011. № 3. С. 23–25.

⁶ *Петров Н.* Десятилетие архивных реформ в России // Индекс. 2001. № 3. См.: <http://index.org.ru/journal/cont14.html>

архивных органов РСФСР вместе с занимаемыми ими зданиями, сооружениями, штатной численностью и фондом оплаты труда. Однако на практике выполнение этого указа стало тормозиться едва ли не с первых дней после его издания. Первая и главная причина состояла в том, что КГБ СССР при всех его многочисленных реорганизациях, переименованиях, объединениях и разъединениях⁷, по сути, сохранился и отнюдь не был намерен оставаться без своего ведомственного архива. С того момента, как структуры госбезопасности перешли в российское подчинение, у защитников сохранения ведомственного архива госбезопасности появились новые аргументы. Стало ясно, что получить архивы КГБ так, как были переданы архивы партии, уже не удастся.

В этих условиях удалось договориться с министром госбезопасности В.П. Баранниковым о некоем компромиссном варианте – об этапности передачи документов КГБ СССР на государственное хранение, что позволяло принять хотя бы часть документов. Так появилось совместное информационное письмо за подписями министра госбезопасности В.П. Баранникова и председателя Роскомархива Р.Г. Пихоя от 3 февраля 1992 г. «О передаче архивов бывшего КГБ на государственное хранение», адресованное руководителям республиканских, краевых, областных органов безопасности, начальникам управлений военной контрразведки Российской Федерации и руководителям архивных органов республик, краев и областей Российской Федерации, городов Москвы и Санкт-Петербурга. В письме сообщалось, что, в соответствии с Указом Президента и решением Комиссии Президиума Верховного Совета Российской Федерации по организации передачи-приема архивов КПСС и КГБ от 23 января 1992 г., передаче на государственное хранение подлежали:

- а) фильтрационные фонды;
- б) архивно-следственные дела;
- в) личные дела бывших сотрудников госбезопасности;
- г) фонды секретного делопроизводства.

На первом этапе передаче подлежат документы групп «а» и «б»».

Письмо предписывало: «Передачу-прием фильтрационного и трофейного фонда и архивно-следственных дел на госхранение завершить не позднее 1.08.1992 г. Об исполнении доложить».

При выделении двух основных групп документов уже тогда было понятно, что последняя группа – личные дела сотрудников и фонды секретного делопроизводства – вряд ли будет передана. Личные дела попадали под нормы охраны личной тайны.

Тем не менее с февраля 1992 г. архивные органы приступили к приему фильтрационных и архивно-следственных дел, т.е. архивных дел о реабилитированных. Прием документов КГБ шел сложно. На годичной коллегии Роскомархива в марте 1992 г. начальники областных и краевых архивных

⁷ КГБ СССР был официально упразднен 22 октября, и 3 декабря 1991 г. на его месте была создана Межреспубликанская служба безопасности СССР, в январе 1992 г. Министерство безопасности, объединившее ряд структур бывшего КГБ и Министерства внутренних дел, затем его сменила Федеральная служба контрразведки (с декабря 1993 г.), а за ней – Федеральная служба безопасности (с апреля 1995 г.).

отделов сетовали, что “что установленные сроки передачи дел из КГБ не учитывают реальных возможностей на местах: не хватает помещений, необходимого оборудования, средств на научно-техническую обработку, методического обеспечения проводимых работ” (Н.И. Разгон, Алтайский край); отмечали опасность расшифровки агентурной сети, нерешенность вопросов со штатной численностью и фондом заработной платы работников архивов бывшего КГБ (Г.И. Черникова, Курская область); заведующая архивным отделом Вологодской области О.А. Наумова критиковала письмо “О передаче архивов бывшего КГБ на государственное хранение” руководства Министерства госбезопасности и Роскомархива. По ее словам, письмо не только не прояснило ситуацию с приемом документов КГБ, а наоборот, запутало. В письме, отмечала она, “нет четкого разъяснения по документам личного состава, не определено, какие документы органов КГБ и за какие годы будут передаваться на госхранение, с учетом сроков их ведомственного хранения или нет? Например, судебные дела, документы по личному составу хранятся на месте 75 лет, т.е. на хранение в 1992 г. должны передаваться документы 1917–1920 гг., а не все документы. Как быть с документами по личному составу на внештатных сотрудников КГБ? Роскомархив и представители КГБ должны четко определиться по всем этим вопросам”⁸.

Нужно отдать должное О.А. Наумовой. Она достаточно точно указала на те противоречия, которые были в нашей позиции по приему документов КГБ. Это было понятно, впрочем, и авторам письма. За неясностями в письме скрывалось понимание того, что изменилось отношение политического руководства страны к будущему архивов КГБ.

Указ Президента об архивах КГБ фактически был отменен уже летом 1992 г. Законами “О федеральных органах государственной безопасности” и “Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации”⁹.

В Законе “О федеральных органах государственной безопасности” сохранилась статья 5.1, устанавливавшая, что “материалы архивов федеральных органов государственной безопасности, представляющие историческую и научную ценность, рассекречиваемые в соответствии с законодательством Российской Федерации, предоставляются для использования представителям науки, культуры, общественных объединений (организаций), средств массовой информации и гражданам в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о государственных архивах. Материалы федеральных органов государственной безопасности, содержащие сведения об их кадровом составе, лицах, оказывавших или оказывающих конфиденциальное содействие федеральным органам государственной безопасности, об используемых указанными органами методах и средствах решения оперативно-служебных задач, хранятся в архивах федеральных органов государственной безопасности”.

⁸ Архивная реформа: проблемы, пути развития: (Расширенное заседание коллегии Роскомархива) // ОА. 1992. № 3. С. 3–14.

⁹ Закон “Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации” (в редакции от 2 июля 1992 № 3181-1 и от 8 июля 1992 г. № 3246/1-1) и “О федеральных органах государственной безопасности” от 8 июля 1992 г.

Как не трудно заметить, архивы КГБ оставались на прежнем месте, за исключением тех документов, которые государственные архивные органы смогли получить в начале 1992 г., порядок использования архивов КГБ в конечном счете зависел от органов безопасности, которым предстояло рассекретивать документы “в соответствии с законодательством Российской Федерации”, выдавать или отказывать “для использования представителям науки, культуры, общественных объединений (организаций), средств массовой информации и гражданам”.

Обращу внимание читателя и на то, что, в соответствии с Законом, оставались секретными данные “о методах и средствах решения оперативно-служебных задач”. Расширительная трактовка этой нормы фактически закрывала доступ к большинству документов о массовых репрессиях 1920–1940-х годов, так как не сложно доказать, что в них содержатся данные об этих методах и средствах.

Иначе сложилась работа по приему и обработке документов КПСС. Это было и просто, и сложно.

Просто – потому, что партийные документы были переданы на государственное хранение в течение очень короткого срока – в конце августа 1991 г. Архивы КПСС были переданы по Указу Президента от 24 августа 1991 г. вместе со зданиями и фондом оплаты труда сотрудников, что позволило сохранить квалифицированных сотрудников бывших партийных архивов. После этого политические наследники КПСС практически отказались от претензий на архивы.

А сложно – потому, что в течение десятилетий система партийных архивов развивалась независимо от государственной архивной службы, по своим собственным правилам. Сотрудники ВНИИДАД, исследовавшие состояние научно-справочного аппарата бывших партийных архивов, писали: “Характерными ее (системы партархивов. – *Р.Л.*) чертами являлись почти абсолютная закрытость от общества, строгие иерархичность и функционирование по определенным для каждого уровня правилам, четкая исполнительская дисциплина”¹⁰.

Партийные архивы изначально были устроены не так, как государственные. Областные и краевые партархивы отличались от архивов ЦК КПСС, но и архивы 6-го и 7-го секторов Общего отдела ЦК – Политбюро и Секретариата – от Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Напомню, что архивы Общего отдела, где хранились документы, ценнейшие в историческом отношении, по сути, были тайными.

Принимая партийные документы на государственное хранение, необходимо было провести большую подготовительную работу – подготовить пользовательский научно-справочный аппарат, провести рассекретивание, создать условия для обеспечения сохранности.

В результате больших усилий сотрудников Центра современной документации, созданного на основе документации 7-го сектора ЦК (секретариата ЦК КПСС) и текущей документации аппарата ЦК, собранной в зданиях на Старой

¹⁰ *Белянина Л.И., Ларина В.Г., Химица Н.И.* Научно-справочный аппарат в бывших партийных архивах: состояние и перспективы развития // ОА. 1994. № 5. С. 3.

площади, 2 марта 1992 г. был открыт читальный зал. С.В. МIRONENKO – тогда заместитель директора Центра хранения современной документации, писал: “Со 2 марта начал работать читальный зал архива и первые исследователи, журналисты, представители общественности получили возможность изучать новейшую историю нашей страны на основе ранее совершенно недоступных и секретных документов КПСС. В распоряжении центра до 30 млн ед. хр. Его уникальные фонды охватывают период с 1952 по август 1991 г. Здесь хранятся протоколы заседаний секретариата ЦК КПСС и материалы к ним, документы отделов ЦК КПСС: организационной работы, идеологии и пропаганды, науки, культуры, торговли, промышленности...”¹¹.

Архивы бывшего ЦК КПСС открылись. Не полностью. С необходимостью рассекречивания огромных массивов документов. Без материалов, хранившихся в Архиве Президента. Документы так называемого 6-го сектора – архива Политбюро, “сталинского архива”, позже Президентского архива – поступают в государственные архивы небольшими партиями до настоящего времени. Но они открылись. Прежде совершенно секретные, они стали доступны для исследователей. Исследовательское поле для историков расширилось невероятно. Закончились ли разговоры о “недоступности архивов”? Нет¹². Потому что спекуляции на эту тему служат и будут служить оправданием для умственной лени и нелюбви к работе с документами.

Деньги, которых нет. Новый, 1992 год, начинался с безденежья. Денег не было в центральных архивах. Чуть лучше положение было с финансированием бывших партийных архивов. Там была сравнительно новая материальная база. Там не рвались трубы, рискуя погубить документы, не протекали крыши, не вылетали стеклянные блоки в хранилищах. Там оставались какие-то деньги от переданного по Указу Президента фонда оплаты труда бывших партархивов. В центральных архивах – слезы! Старинные здания Военно-исторического архива в Лефортово, Архива древних актов на Пироговке и Исторического архива в Петербурге – прекрасные и разваливающиеся, требовали капитального ремонта. Гортехнадзор запретил использование лифтов в архивном городке на улице Большой Пироговской, 17. Необходимо было менять кровли в нескольких архивах в Москве. Работа по созданию страхового фонда остановилась. Не было техники, пленки, химикатов. Архивный городок в Москве и архив кинофотодокументов нуждались в технологическом обновлении и простом ремонте¹³. И самое тяжелое – сотрудникам

¹¹ МIRONENKO С.В. Центр хранения современной документации //ОА. 1992. № 3. С. 3.

¹² Летом 1992 г. мне пришлось выступать перед историками в Институте российской истории РАН о том, какие новые фонды и документы стали доступны. Из зала раздался недовольный голос: “К вам в архив не попасть! Как не приду, там всегда двери закрыты!”. На мой вопрос – “А Вы куда приходите?” – последовал ответ: “Как куда? Как всегда, со стороны улицы Горького!”.

Для справки. Двери в старое здание партийного архива, выстроенное архитектором С.Е. Чернышовым в 1925–1927 гг., со стороны ул. Горького были закрыты в 1984 г. В связи с появлением нового громадного здания архива ЦК КПСС, главный вход был открыт со стороны ул. Пушкинской.

¹³ Заместитель руководителя Роскомархива В.И. Абрамов и начальник отдела сохранности Л.С. Шатенштейн в 1992–1993 гг. едва ли не круглые сутки занимались организацией ремонтов бесчисленных прорывов и протечек.

центральных архивов платили нищенские зарплаты, таявшие под напором инфляции.

В январе 1992 г. меня вызвали в архивный городок на общее собрание архивистов. Формально его организовал коллектив ЦГАОР, но фактически встретиться и спросить с председателя Роскомархива пришли архивисты и из Архива экономики, и из ЦГАДА. О требованиях архивистов к архивной администрации ясное представление дает резолюция общего собрания трудового коллектива ЦГАОР от 23 января 1992 г., оформленная по всем правилам, заверенная печатью архива. В резолюции, адресованной в Комитет по делам архивов и в московскую мэрию сообщалось: "...Собрание сотрудников архива... констатирует резкое падение жизненного уровня сотрудников архивов, вплоть до обнищания".

Требования архивистов:

– установить должностные оклады за счет бюджетных средств для сотрудников центральных государственных архивов с учетом прожиточного минимума в г. Москве в условиях инфляции;

– передать архивам площади, которые занимал в архивном городке Главархив СССР;

– увеличить финансирование материально-технического обеспечения архивов.

В случае неприятия – архивисты угрожали забастовкой. Из требований архивистов скоро решить можно было единственный вопрос – передать архивам помещения бывшего Главархива СССР, благо, что Роскомархив занял площади в здании бывшего ЦК КПСС на Старой площади, на ул. Ильинка, 12. Надеяться на расширение бюджетного финансирования уже не приходилось. Шло падение оплаты труда. В условиях стремительно нарастающей инфляции, зарплата выросла в номинальном исчислении с января 1992 по декабрь 1992 г. в 11,5 раз. Однако реальная заработная плата за 1992 г. сократилась по отношению к концу 1991 г. более чем в 2 раза и составила около 40% по отношению к декабрьской зарплате 1991 г.¹⁴

Руководство Роскомархива обивало пороги в правительстве, в Минэкономике, у курировавшего архивную отрасль заместителя министра М.Ю. Юсупова, пытаясь выпросить у него не деньги, а хотя бы не сокращения и без того тощего бюджета в условиях секвестирования государственного бюджета. Напомню, что секвестирование – забытое ныне слово – означало отказ государства финансировать уже утвержденные прежде в бюджете статьи расходов. Казна финансировала только оплату труда, да и то время от времени уменьшала бюджетные деньги на 15–25%.

Положение было отчаянное.

Приходилось искать средства везде, где только возможно.

Инфляция увеличивала долги отрасли, а секвестирование бюджета в очередной раз уменьшало возможности рассчитаться по долгам. Долги росли, расходы сокращались. Сетовать на тяжелую ситуацию, говорить об отсутствии инфраструктуры было бы просто безответственно. Поэтому согласиться с призывами – понять тяжелое положение бюджета и сидеть тихо – было бессовестно. Роскомархив настойчиво добивался увеличения финансирования.

¹⁴ Цены в России: Статистический сборник. М., 1996. С. 124.

24 сентября 1992 г. Роскомархив писал исполнявшему обязанности Председателя Правительства Российской Федерации Е.Т. Гайдару о финансовом положении архивных учреждений в IV квартале 1992 г. В письме сообщалось, что “выделенные ассигнования с учетом уровня заработной платы и цен в настоящее время покрывают всего 38% требуемых на IV квартал расходов”. Не хватало: на зарплату сотрудникам федеральных архивов 35 млн руб.; по начислениям по оплате труда – 9,3 млн руб.; на хозяйственные расходы – 70,7 млн руб.; в том числе: отопление – 13,4 млн руб.; освещение – 1,2 млн руб.; аренда – 12,4 млн руб. Не было денег на охрану помещений, реставрацию и обеспечение сохранности документов... “Практически выделяемые средства в сумме 13 161 тыс. руб. могут покрыть затраты только на зарплату и начисления на зарплату”, – сообщалось в письме. Добавлю – далеко не полностью.

Прошло 20 дней. Начальник отдела экономической и планово-финансовой работы, опытейшая и ответственная финансист Людмила Петровна Хвош информировала, что ответа на это письмо не получено.

Просили помощи у Президента.

Письма были отосланы 29 мая 1992 г.¹⁵, 6 августа 1992 г., 25 декабря 1992 г. Положительные резолюции Президента позволили получить от Правительства в ноябре 1992 г. 150 млн руб. на хозяйственные расходы и капитальный ремонт¹⁶.

В последнем, в 1992 г., письме Президенту в конце декабря 1992 г. Роскомархив информировал Президента, что недофинансирование отрасли составило 222,9 млн руб.¹⁷ Справедливости ради следует отметить, что поручения Президента едва ли не были единственным средством некоторого ослабления финансовой петли.

Жизнь становилась труднее. С 1991 г. цены пошли вверх, взлетев уже в 1992 г. (см. табл.):

Средние цены на отдельные продовольственные товары*
(на конец года; рублей за килограмм, литр)

Наименование продовольственного товара	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.
Говядина	15,54	221,5	22 101	5186	12 547
Свинина	14,38	260	2673	6579	15 053
Колбаса вареная	17	271	3351	8984	20 016
Масло животное	12,24	280,2	2913	12 985	20 075
Масло растительное	5,48	190	1365	55 307	10 460
Молоко цельное	0,6	22,4	315	1222	2812
Яйца (за десяток)	4,47	87,1	827	2657	5345
Хлеб пшеничный высшего сорта	0,99	43,3	466	1678	4811
* См.: Цены в России. С. 86–87.					

¹⁵ ГА РФ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 126. Л. 78–79.

¹⁶ Распоряжение Правительства РФ от 10 ноября 1992 г. № 2067-р.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 126.

Как хотя бы частично смягчить последствия ухудшения материального положения архивистов? Прежде всего надо было с максимальной степенью использовать перевод сотрудников бюджетной сферы на новые условия оплаты, на так называемую единую тарифную сетку. Согласно ей, все виды труда в бюджетной сфере распределялись на 18 разрядов. Министерство труда Российской Федерации направило в Роскомархив проект Постановления Правительства об уровнях оплаты труда сотрудников бюджетной сферы. Однако предполагаемые условия оплаты вызвали наши возражения.

В письме, направленном в Минтруд 29 сентября 1992 г., Роскомархив настаивал: «Намечаемая тарификация работников государственных архивов не соответствует возложенным на них обязанностям и предъявляемым к ним квалификационным требованиям...

В связи с тем что архивные учреждения относятся к учреждениям и организациям науки и научного обслуживания, финансируются по разделу 202 “Наука” отдельным параграфом (§ 55) бюджетной классификации... считаем необходимым выделить работников архивных учреждений в самостоятельный раздел ... повысить диапазон устанавливаемых разрядов».

Далее в письме следовал перечень архивных должностей с нашими предложениями о размерах оплаты.

Эти предложения Роскомархива были практически полностью учтены в Постановлении Правительства РФ от 14 октября 1992 № 785 “О дифференциации в уровнях оплаты труда работников бюджетной сферы на основе Единой тарифной сетки”, подписанном Президентом Б.Н. Ельциным. Учтено было и наше предложение о вычленении архивных учреждений в отдельный раздел классификации.

Протицирую этот документ:

“АРХИВНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Главный специалист	11–14
Заведующие (начальники): отделами (секторами) по основной деятельности, лабораториями, архивохранилищами	11–14
Главный хранитель фондов	12–15
Директор (заведующий) архивного учреждения, директор филиала	10–16” ¹⁸ .

На некоторое время архивная отрасль по оплате труда оказалась конкурентноспособной по сравнению прежде всего с учреждениями Российской академии наук, рядовые сотрудники которой в новых условиях получали меньше, чем архивисты. Это позволило привлечь к работе в архивах очень квалифицированных сотрудников.

Однако инфляция скоро догнала и уничтожила это кратковременное облегчение.

Росархив добился обсуждения в июле 1993 г. вопроса о государственной политике в архивном деле на Президиуме Правительства. (Подробнее об этом – ниже.) Понятно, что вопрос о финансировании отрасли был од-

¹⁸ <http://law7.ru/base29/d2ru1324.htm>

ним из центральных. Это, в свою очередь, привело к тому, что Отдел науки, культуры и образования аппарата Правительства запросил Росархив о ходе финансирования в 1993 г. Ответ Росархива, сообщенный 18 августа 1993 г., содержит точную картину финансового состояния отрасли. В нашем ответе сообщалось: “Финансирование покрывает всего одну треть предельно ограниченных потребностей Федеральных архивов и осуществляется с большим опозданием, что создает социальную напряженность в коллективах. Повышение зарплаты в 2 раза с 01.04.93 г. и в 1,81 раза с 01.07.93 г. при открытии кредитов не учитывалось. Не обеспечивается должным образом финансирование основной функции архивов – сохранности документов Архивного Фонда России. Катастрофически не хватает средств на оплату по договорам за милицейскую и пожарную охрану, коммунальные услуги, приобретение материалов и специального оборудования, необходимых для реставрации и создания страхового фонда уникальных и особо ценных документов...”.

К записке прилагалась справка о состоянии финансирования Росархива на 11 августа 1993 г. (в млн руб.):

	План финансирования на 1993 г.	Открыто кредитов в 1993 г.			
		I квартал	II квартал (с нарастающим итогом)	июль	август
Объем финансирования из республиканского бюджета	1092,3	273,1	546,1	91,0	–

Экономический кризис в России, шедший на фоне падения нефтяных цен, составлявших в 1993 г. от 13 до 15 долларов за баррель¹⁹, не мог не влиять на состояние архивного дела в стране, и можно только выразить глубочайшую благодарность сотням архивистов в России, продолжавшим выполнять в этих условиях свои обязанности.

Международные соглашения о копировании документов. В сложнейшей ситуации 1992 г. Роскомархивом было заключено несколько договоров о международном сотрудничестве. Самое квалифицированное исследование по истории их появления принадлежит, по моему мнению, начальнику отдела международных связей Роскомархива К.Г. Черненко²⁰. Это были проект по копированию и распространению документов по новейшей истории России совместно с Гуверовским институтом войны, революции и мира (США) и издательской компанией Чедвик-Хили ЛТД (так называемый Гуверовский проект), проект по копированию метрических книг для Генеалогического общества штата Юта (США). Не останавливаясь на конкретных деталях этих соглашений, изложенных в статье К.Г. Черненко, полагаю важным напом-

¹⁹ Некрасов А.С., Данилина М.В. Валютные поступления от экспорта российских углеводородов: факторы и зависимости // Проблемы прогнозирования. 2004. № 5. С. 28.

²⁰ Черненко К.Г. Международные проекты российских архивистов // Всероссийская научно-практическая конференция “Архивоведение и архивное дело в России (1991–2005 гг.): осмысление пройденного”, Москва, 19–20 апреля 2006 г. См.: http://www.rusarchives.ru/evants/conferences/1991_2005_txt/chernenkov.shtml

нить обстоятельства, повлиявшие на принятие решения о заключении этих договоров.

Прежде всего хочу отметить беспрецедентное политическое давление, оказанное на Роскомархив, с настойчивыми предложениями о копировании документов КПСС, которые посыпались уже в первые дни после принятия Президентом Указа о передаче архивов КПСС на государственное хранение. Это давление шло от депутатов Верховного Совета, представителей Правительства, МИД, известных диссидентов, пользовавшихся политической поддержкой в условиях крушения КПСС²¹. В английской “Санди телеграф” в ноябре 1991 г. появилась статья, в которой Норман Стоун – тогда профессор Оксфорда – объявил, что президент России передал ему, Н. Стоуну, право монопольного изучения архивов ЦК КПСС на ближайшие два года. Это было бы смешно, если бы не воспринималось вполне серьезно учеными коллегами этого профессора.

Поверить, что нарушается монополия на использование партийных архивов, что в России пытаются применить те же правила использования документов, что и в большинстве стран мира, было чрезвычайно трудно. Проще было убедить себя, что прежняя монополия “плохого парня” – КПСС – будет заменена монополией другого “парня” – политического противника КПСС, только похитрее и побогаче.

Немало учреждений или отдельных исследователей приезжали в Москву в конце 1991–1992 г. с предложениями решить все многочисленные проблемы архивной отрасли при условии предоставления им непременно “эксклюзивных прав на использование архивов КПСС и КГБ”. По пути ими раздавались устные и письменные заверения о неограниченных научных и финансовых ресурсах, несколько позже выяснялось, что все они появятся после того, как им будут переданы пресловутые “эксклюзивные права...”.

Не стану даже перечислять те институции, отечественные и зарубежные, которые добивались, требовали, интриговали, угрожали, обвиняли меня “в непонимании политической ситуации” и необходимости срочно и тотально копировать архивы КПСС. Отчасти именно они стали в дальнейшем критиками и обвинителями руководства Роскомархива²².

Считаю необходимым изложить мою позицию, которой я руководствовался в то время.

Я полагал, что,

– во-первых, Россия является преемницей СССР, а КПСС была важнейшей частью государственного аппарата. Поэтому отношение к документам КПСС должно быть таким же, как и к документам государственного управления. Это предполагало необходимость анализа копируемых документов, исключающих возможность утечки реальных государственных секретов. Это обстоятельство решительно отличало мой подход от подхода В. Буковского, о чем он достаточно ясно написал в своем “Московском процессе”.

– во-вторых, возможность копирования части документов КПСС, обладающих огромным источниковым потенциалом и служащих ценным свиде-

²¹ Буковский В.К. Московский процесс. М., 1996.

²² См., например: Афанасьев Ю.Н. Архивная “Березка”: Оказывается, из нашей истории можно качать валюту // Комсомольская правда. 1992. 23 мая.

тельством политической (и не только!) истории СССР, должна стать доступной для отечественных и иностранных ученых.

– в-третьих, непременным условием договоренности о копировании должен был быть паритетный характер соглашения. Он предполагал не только копирование российских архивов, но и получение такого же количества копий России из западных архивов.

– наконец, но не в последнюю очередь, соглашение должно было позволить решить ряд материальных проблем архивной отрасли в условиях сокращения государственного финансирования. За счет западной стороны следовало создать собственный страховой фонд документов, микрофильмировать их в соответствии с действовавшими мировыми стандартами, а для этой цели надо было получить современные аппараты для микрофильмирования, пленки, расходные материалы.

Поэтому в качестве партнера был избран Гуверовский институт, располагающий одной из лучших за границами нашей страны коллекцией России.

Соглашение предполагало микрофильмирование ряда фондов трех российских архивов: Государственного архива Российской Федерации, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (ныне РГАСПИ) и Российского центра современной документации (ныне РГАНИ). Зарубежными партнерами по проекту были Гуверовский институт войны, революции и мира (Стэнфорд, США) и издательская фирма “Чедвик-Хили ЛТД” (Кембридж, Англия), специализировавшаяся на изготовлении микрофильмов архивных документов. В соглашении устанавливалось, что Гуверовский институт будет представлять, по выбору российской стороны, равный объем микрокопий своего архива.

Российская сторона оставляла себе так называемую master-copy, пленку, которая могла служить основой для последующего копирования и создания страховых копий; копии всех – российских и американских документов – передавались в Государственный архив Российской Федерации и в научно-техническую библиотеку Сибирского отделения Российской академии наук; в США – в Гуверовский институт и Библиотеку Конгресса США. Для выбора материалов для копирования был согласован состав редакционного комитета, куда вошли, в частности, академик Н.Н. Покровский и член-корреспондент РАН Д.А. Волкогонов. В соответствии с этим договором, российская сторона получала в свою собственность микрофильмирующую аппаратуру (после завершения проекта), страховые и пользовательские копии всех произведенных микрофильмов, копии Русской коллекции Гуверовского института, а также соответствующие финансовые выплаты и отчисления от продаж.

Работа по копированию оплачивалась американской стороной. Деньги, полученные за осуществление этого проекта, буквально кормили сотрудников федеральных архивов, в том числе не занятых в проекте, в трудные месяцы 1992 и 1993 гг., когда проходило секвестирование заработной платы в архивах.

За период с 1992 по 1996 (а для ГА РФ – 2005 год) по всем трем архивам – участникам проекта было произведено около 14 500 000 кадров микрофильмов документов и описей архивов. Из них на ГА РФ приходится около 9 500 000 кадров, на РГАСПИ – около 3 500 000 кадров, на РГАНИ –

около 1 470 000 кадров²³. Российская сторона получила от реализации этого проекта около 3 млн долларов, что было более чем существенно в условиях 1992–1995 гг.

В центральной российской прессе был опубликован ряд критических статей, в которых руководитель архивного управления был обвинен в том, что “он подписал не только финансово невыгодный договор, но и согласился на условия, при которых микрофильмы документов будут скорее доступны в США, чем в самой России”. Сам договор о микрофильмировании был назван “победой коммерции над наукой”, указывалось на то, что “американцы и британцы выставили на продажу большую часть московских архивов, а российские историки чувствуют себя обманутыми”²⁴.

Прошло время. Стало ясно то, что и во время заключения договора было понятно для тех, кто хотел понять, а не спекулировать на извечной российской фобии – пугать иностранцами. Документы *копировали*, а не продавали. Ни одна бумажка не сменила места своего хранения. Документы стали (и оставались) *доступными для всех исследователей*. Более того, *доступность этих документов стала больше, чем раньше*. Информационная база российских архивов выросла за счет того, что в Москве и Новосибирске появились копии документов Гуверовского архива. Добавлю к этому, создание и обновление страхового фонда, т.е. улучшение сохранности документов, оснащение ряда архивов современной копировальной техникой.

Я был и остаюсь решительным противником рассуждений о необходимости создания “приоритетных условий для отечественных ученых”. За благозвучной формулировкой скрывается стремление оправдать лень и неразворотливость той части людей, для которых появление новых источников, расширение доступа к документам – это головная боль и покушение на прежнюю монополию в науке. Убежден: наука конкурентна по своей природе. Там, где конкуренция заканчивается, начинается кризис науки.

Архивное ведомство в системе государственного управления. Место архивного ведомства в системе государственного управления – это ясное свидетельство отношения государственной власти на каждом этапе ее деятельности к историческому наследию. В ноябре 1990 г. Главное архивное управление при Совмине РСФСР было преобразовано в Комитет по делам архивов при Совмине РСФСР, а с ноября 1991 г. – в Комитет по делам архивов при Правительстве Российской Федерации. Параллельно с этим шло расширение полномочий органа управления архивным делом, роста количества объектов управления. Напомню, что с осени 1991 г. Роскомархив должен был принять под свое управление все хозяйство союзного Главархива и партийные архивы ЦК КПСС местных партийных организаций на территории России.

Осенью 1992 г. началась подготовка к очередной реорганизации системы государственного управления. Предполагалось преобразовать Роскомархив в федеральную службу. Это вынудило меня обратиться 22 сентября 1992 г.

²³ Ульяницкий К.Б. Информационные ресурсы зарубежных архивов в микрофотокопиях ГА РФ (1956–2000-е гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

²⁴ См.: Черненко К.Г. Международные проекты российских архивистов... http://www.rusarchives.ru/evants/conferences/1991_2005_txt/chernenkov.shtml

к Президенту с запиской “О месте Роскомархива в системе центральных органов федеральной исполнительной власти”. Там сообщалось, что в «проекте Указа “О системе центральных органов федеральной исполнительной власти”... предусмотрено преобразование Комитета по делам архивов при Правительстве в Федеральную службу архивов. Это предложение, на наш взгляд, не может быть принято, так как служба, в отличие от комитета, не наделяется функциями межведомственного контроля. Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 января 1992 г. “Вопросы Комитета по делам архивов при Правительстве Российской Федерации” на Роскомархив возложены обязанности государственного регулирования развития архивного дела в Российской Федерации, ответственности за его состояние...».

Результатом этого обращения стало то, что архивная служба получила особый статус – она была преобразована не в федеральную, а в Государственную архивную службу²⁵. Функции межведомственного контроля были закреплены Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 декабря 1992 г., утвердившим Положение о Государственной архивной службе. Этим Положением Государственная архивная служба России (Росархив) определялась как центральный орган федеральной исполнительной власти, осуществляющий государственную политику в области архивного дела и геральдики. Среди его межведомственных функций были объявлены:

- государственное регулирование развития архивного дела и научно-технический прогресс в этой области;
- единая политика в вопросах создания и использования официальных государственных символов;
- координация деятельности центральных органов федеральной исполнительной власти в области архивного дела, геральдики и организации документов в делопроизводстве;
- развитие совместно с центральными органами федеральной исполнительной власти государственной системы делопроизводства и унифицированных систем документации; взаимодействие по этим вопросам с органами исполнительной власти республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга.

Росархиву было представлено право:

- получать от центральных органов федеральной исполнительной власти, учреждений, организаций и предприятий, независимо от их ведомственной подчиненности и форм собственности, необходимые материалы о работе архивов и об организации документов в делопроизводстве;
- заслушивать представителей центральных органов федеральной исполнительной власти, учреждений, организаций и предприятий по вопросам работы архивов и организации документов в делопроизводстве, а также по вопросам геральдики;
- давать, в пределах своей компетенции, центральным органам федеральной исполнительной власти, учреждениям, организациям и предприятиям обязательные для исполнения письменные указания по работе архивов

²⁵ Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 1992 г. “О структуре центральных органов федеральной исполнительной власти”.

и организации документов в делопроизводстве, а также по вопросам геральдики.

В Росархиве вводилась должность Руководителя – Главного государственного архивиста России, назначаемого и освобождаемого от должности Президентом Российской Федерации.

Росархив перешел в непосредственное подчинение Президента, в число так называемых ведомств под звездочкой – наряду с МИД, Минобороны, ФСК и др.

С 1992 г. руководство архивной отрасли начало долгую борьбу за отнесение архивной службы к виду государственной архивной службы. Обращаясь к Правительству, мы писали, что “основную часть хранящихся документов Архивного фонда России составляют акты органов государственной власти и органов государственного управления...”. Обеспечение органов государственной власти документной информацией – это важнейшая обязанность архивистов. Мы обращали внимание на то, что сотрудники ведомственных архивов – аппарата Правительства, Администрации Президента, министерств и федеральных ведомств – уже являются госслужащими, а сотрудники федеральных архивов, которые хранят и обеспечивают использование несравненно большего комплекса документов государственного аппарата тех же министерств и ведомств, – не являются государственными служащими. Мы обращали внимание на то, что речь идет о сравнительно небольшом количестве человек. В 1992 г. насчитывалось 9951 человек, из которых 3535 работали в федеральных архивах и центрах документации, а остальные – в республиканских, краевых и областных архивах.

Мы ссылались на международную практику, на опыт государственных архивов США, ФРГ, Франции, сотрудники которых являются государственными служащими в своих странах.

С этого времени до 1995 г. затянулась долгая борьба за перевод архивной службы в службу государственную. Задача эта не решена и по сей день. Убежден в том, что именно принадлежность к государственной службе должна радикально и позитивно изменить статус архивиста в России.

Нельзя не отметить еще один важный документ, прямо повлиявший на архивную отрасль. 12 ноября 1992 г. был издан Указ Президента РФ № 1352 “О закреплении имущества за органами и учреждениями Государственной архивной службы России”. В нем сообщалось: “В целях обеспечения сохранности документов Архивного фонда Российской Федерации и укрепления материально-технической базы органов и учреждений Государственной архивной службы России постановляю:

1. Установить, что имущество, в том числе недвижимое, находящееся или передаваемое в оперативное управление органам и учреждениям Государственной архивной службы России, закрепляется за ними на праве бессрочного владения, пользования и распоряжения им.

2. Запретить собственникам закрепленного за органами и учреждениями Государственной архивной службы России имущества, передаваемого им в

оперативное управление, изымать это имущество или перераспределять его между другими созданными ими юридическими лицами”²⁶.

Понятно, что этот указ стал средством стабилизации и укрепления архивной отрасли, только что принявшей в свой состав по всей стране и в Москве многие десятки зданий бывших партийных архивов. Замечу, что этим указом было закреплено право архивной отрасли на бессрочное владение, пользование и распоряжение своим имуществом. Именно эта норма в дальнейшем с большим трудом и спорами вошла в будущий закон об архивах, и ссылка на действующий указ была серьезным аргументом в нашу пользу.

Архивная служба и обеспечение органов власти исторической информацией. Так случилось, что в первой половине 90-х годов архивное ведомство стало основным поставщиком исторической информации для органов государственной власти. В конце октября 1990 г. вице-премьер Совета Министров РСФСР Н.Г. Малышев проводил совещание, связанное с выполнением поручения I Съезда народных депутатов РСФСР о создании Государственного гимна России. Участвуя в обсуждении, я обратил внимание, что в ближайшее время российское общество будет обсуждать вопрос о Государственном гербе РСФСР. Красный с синей полосой у древка флаг РСФСР вытесняется историческим российским бело-сине-красным флагом. Во всех бывших социалистических странах центральной Европы возвращены исторические гербы. Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть, что на очереди – споры о гербе, и лучше предусмотреть такое развитие событий.

В результате 5 ноября 1990 г. было принято Постановление о создании Государственного герба и Государственного флага, я был назначен председателем Правительственной комиссии по созданию герба и флага. В структуре Роскомархива была создана Государственная геральдическая служба, которую возглавил известный геральдист, заместитель директора Эрмитажа Г.В. Вилинбахов. 22 декабря 1992 г. она была преобразована в управление геральдики Государственной архивной службы России. Ход работы над Государственными гербом и флагом и президентским штандартом описаны в книге Г.В. Вилинбахова²⁷. В 1994 г. по предложению Росархива в структуре Администрации Президента была создана Государственная герольдия. Отмечу только, что деятельность по созданию герба и флага шла под пристальным вниманием общества и прессы и завершилась тем, что 30 ноября 1993 г. Президент Б.Н. Ельцин утвердил новый Государственный герб.

Огромный объем исторической информации потребовался с мая по ноябрь 1992 г. для Конституционного суда, исследовавшего так называемое Дело КПСС, или, точнее, «Дело о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 г. “О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР”, от 25 августа 1991 г. “Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР” и от 6 ноября 1991 г. “О деятельности КПСС и КП РФ”, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР».

Для нужд Конституционного суда была проведена громадная работа по выявлению документов и их рассекречиванию в архивах Секретариата

²⁶ <http://base.garant.ru/101533/>

²⁷ Вилинбахов Г.В. Государственный герб России: 500 лет. СПб., 1997. С. 51–57.

и Политбюро ЦК КПСС. Достаточно сказать, что в ходе этой работы были обнаружены подлинники докладной записки наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии И.В. Сталину с предложением поручить НКВД СССР рассмотреть в особом порядке дела на польских граждан, содержащихся в лагерях для военнопленных НКВД СССР и тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии, датируемой мартом 1940 г., и выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) “Вопрос НКВД СССР” (пункт 144) 5 марта 1940 г., которым санкционировался бессудный расстрел польских пленников²⁸.

В процессе выявления документов мне было поручено докладывать важнейшие документы Президенту. Так пришлось выполнить поручение Президента и в качестве его специального посланника доставить 14 октября 1992 г. копии так называемых катынских документов Президенту Польши Л. Валенсе.

Эти и многие другие поручения, которые выполнялись в 1992–1995 гг. для Президента и Правительства, служили дополнительным доказательством важности Росархива для органов государственной власти и позволяли более успешно решать ряд вопросов.

Создание нормативно-законодательной базы архивной отрасли. Рассекречивание. Огромные ожидания получения архивных данных из прежде закрытых архивов вызвали поток публикаций в прессе, архивную службу нередко критиковали за то, что она по-прежнему не допускает людей к ранее секретным архивам. Значительные сложности возникли с проведением работы по снятию необоснованных ограничений допуска к документам. Грифы секретности имели до 90% партийных и до 20% документов федеральных архивов. Оставались засекреченными материалы 50-, 60- и даже 70-летних сроков давности. Полностью были засекречены все данные о массовых репрессиях, большинство данных о деятельности высших органов госаппарата, партии.

Многочисленные запросы Правительства, Верховного Совета, Военной прокуратуры, их гражданских коллег, специальных комиссий, созданных Верховным Советом, настойчивые обращения представителей прессы, ученых как отечественных, так и зарубежных, опередили создание новой, отвечающей демократическим критериям, юридической основы. Таким образом, архивисты на некоторое время оказались в двусмысленном положении – они были в равной степени уязвимы для критики и в том случае, когда выдают считавшиеся прежде секретными материалы, и в том, когда пытаются руководствоваться старыми инструкциями и ограничениями.

Выходом из создавшегося положения стало не только принятие упомянутого выше Постановления Верховного Совета, но и создание специальной комиссии по архивам под руководством заместителя Председателя Правительства Российской Федерации М.Н. Полторанина, которая рассматривала наиболее сложные документы, созданные, как правило, сравнительно недавно. Именно через комиссию М.Н. Полторанина было рассекречено

²⁸ Замечу для расплывшихся товарищей разнообразной политической ориентации, пытающихся доказать поддельный характер этих документов, подлинники хранятся: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 621. Л. 130–134.

большинство документов, использованных в ходе “процесса КПСС” в Конституционном суде.

Возраставший интерес широкой общественности к архивам, в особенности после принятия Государственной архивной службой в свое ведение архивов КПСС, вынудил нас к принятию ряда промежуточных решений, предшествовавших изданию закона об архивах. Считаю необходимым отметить, что эти решения не носили импровизационного характера, а основывались по преимуществу на тех положениях, которые были выработаны в процессе подготовки закона. Ситуация, сложившаяся после августа 1991 г., заставила нас обратиться в Верховный Совет для того, чтобы была создана специальная комиссия по приему-передаче архивов КПСС и КГБ. Такая комиссия была учреждена Президиумом ВС. Ее возглавил Д.А. Волкогонов.

Комиссия подготовила совместно с Роскомархивом “Временные правила доступа и использования к архивным документам”, которые в основном базировались на положениях проекта закона. Эти правила были утверждены Верховным Советом 18 июня 1992 г. Согласно им, был установлен 30-летний срок секретности для государственных документов, 75-летний – для документов, содержащих тайну личной жизни. Постановлением были установлены равные права доступа к архивным материалам для российских и иностранных исследователей. Эти нормы в полной мере соответствовали международной практике. Благодаря этому постановлению Верховного Совета впервые появилась правовая основа для деятельности архивов, хотя оно далеко не исчерпывало содержание будущих Основ законодательства Российской Федерации “Об Архивном фонде Российской Федерации и архивах”.

Работа над созданием проекта Закона растянулась на 1991–1992 гг. Непосредственное участие в разработке нового закона принимали участие руководитель Росархива Р.Г. Пихоя, заместители руководителя Росархива В.А. Тюнеев, В.И. Абрамов, А.С. Прокопенко, В.П. Козлов, начальник отдела Росархива А.Н. Артизов, профессор РГГУ Б.С. Илизаров, председатель Археографической комиссии РАН, академик РАО С.О. Шмидт, член-корреспондент РАН Я.Н. Щапов.

Всю вторую половину 1992 и первую половину 1993 г. заняла работа с Верховным Советом Российской Федерации. Верховный Совет уже тогда раздирался острыми политическими спорами, едва ли не основным вектором политического процесса стало противостояние президентской и представительной власти. Росархив был частью президентской власти. Тем важнее было отвести будущий Закон от политической суеты. Я и мои коллеги работали со всеми фракциями – от ЛДПР и коммунистов до Демократической России и “Смены – новой политики”. Нужно отдать должное депутатам – они понимали важность этого закона для России²⁹.

Закон был принят и 7 июля 1993 г. подписан Президентом. Впервые в истории нашей Родины появился закон об архивах.

Полагаю, что принятием этого закона завершается второй, самый трудный и самый важный, период архивной революции в России.

²⁹ Подробный и тщательный анализ значения этого закона см.: *Артизов А.Н., Илизаров Б.С., Козлов В.П.* и др. Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде РФ и архивах: идеи, принципы, реализация // ОА. 1993. № 6. С. 3–9.

П.В. Ильин

30 ЛЕТ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ СЕРИИ “ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА”: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

“Полярная Звезда” – крупнейший, единственный в своем роде археографический проект в отечественной историографии, предполагающий систематическое, целостное и практически полное издание значимого документального наследия определенной группы участников общественно-политического движения первой половины XIX в.

До середины 1970-х годов существовали отдельные издания мемуарных, публицистических, литературных и эпистолярных источников различного эдиционного уровня – от академических публикаций в серии “Литературные памятники” до публикаций в труднодоступных сборниках Академии наук 1920-х годов, не исключая также дореволюционных документальных изданий. Большая их часть, однако, к 1970-м годам в значительной степени устарела по принципам публикации, передачи текста и комментирования. Заметная часть письменных памятников декабристского наследия, в том числе принадлежащих наиболее известной группе лидеров движения, не имела научной публикации и не подвергалась специальному источниковедческому изучению. Немалый объем письменного наследия декабристов оставался в рукописи, а подавляющая часть писем – не собиралась вместе и не издавалась. Эту ситуацию, существовавшую на фоне распространенного уже тогда поверхностного представления о якобы полной “изученности” источников по декабризму, отразил доклад С.В. Житомирской на юбилейной конференции 1975 г. в Иркутске, посвященный насущным задачам декабристского источниковедения и археографии².

Таким образом, документальная серия “Полярная Звезда” появилась в тот период развития исторических разработок, когда в полной мере назрела потребность в представительном научном издании документального наследия декабристов, систематической публикации основного комплекса первоисточников, выполненной на серьезном археографическом уровне, в сопровождении развернутого комментария академического типа. Можно сделать вывод: серия “Полярная Звезда” ответила на вызов времени, ответила на насущным потребностям развития исторической науки.

¹ Статья представляет собой дополненный текст доклада, прочитанного 3 декабря 2009 г. на заседании в Санкт-Петербургском институте истории РАН, посвященном этому юбилею. Хронику заседания см. в настоящем изд. С. 490–495.

² См.: *Житомирская С.В.* Источниковедение декабризма: Некоторые нерешенные задачи // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 28–40.

За истекшее 30-летие иркутская документальная серия доказала, что источниковая база изучения декабристов может быть не только представлена на более высоком качественном уровне, но и существенно пополнена. На протяжении 1970-х – 2000-х годов, опровергая стереотипное представление о том, что в рамках декабриствоведения все уже опубликовано, изучено и исследовать больше нечего, появляются масштабные публикации источников, в том числе новонайденных и ранее не известных, сводятся воедино ценные документальные материалы и комплексы документов, открываются новые возможности для изучения.

Публикация томов документальной серии в полной мере показала, что в декабриствоведении есть “белые пятна” и исследовательские проблемы, требующие дальнейшего изучения, а его источниковая база может быть значительно расширена и выведена на новый качественный уровень.

Серия “Полярная Звезда” уникальна тем, что, выходя в Иркутске, она приобрела *общероссийское значение*, – по самой проблематике декабристского движения, которую освещают публикуемые материалы, по значению вводимых в оборот исторических источников и, в том числе, благодаря тому, что к работе над томами были привлечены исследователи из Москвы, Ленинграда–Петербурга, Саратова, Новосибирска, Красноярска и т.д. Принято считать, что общероссийское издание должно составляться и выходить в общероссийском научном центре – Москве или Петербурге. Однако выпуск данной документальной серии в Сибири представляется вполне оправданным. Большая часть активных участников движения, оставивших письменное наследие, которое является предметом публикации в рамках серии, оказалась после приговора суда в сибирском изгнании и сыграла выдающуюся роль в истории Сибири. Кроме того, значительная часть документального наследия репрессированных деятелей декабристских организаций относится именно к сибирскому периоду их жизни.

В настоящее время, наряду с документальной серией “Восстание декабристов”, серия “Полярная Звезда” – основополагающий археографический проект в области истории декабристов и всего общественного движения в России первой половины XIX в., предоставляющий в руки исследователей исторические источники первостепенной важности (главным образом, документы личного происхождения).

* * *

30-летие документальной серии “Полярная Звезда” – благоприятный повод для промежуточного подведения итогов. За истекшие годы назрела потребность дать оценку иркутской серии как явлению отечественной археографии и, в целом, исследовательской традиции; такая потребность ощущалась уже некоторое время назад³.

В связи с этим прежде всего следует остановиться на достижениях, которыми отмечена исследовательская и публикаторская практика иркутской документальной серии за прошедший период (1979–2009 гг.).

³ См. об этом: *Марголис Ю.Д., Марголис А.Д., Жуковская Т.Н.* Рец. на кн.: *Якушкин И.Д.* Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993 // ОИ. 1995. № 6. С. 185.

К числу важнейших достижений следует отнести *систематичность и масштабность подхода к публикации документального материала*, заданную высокую планку требований, относящихся к полноте и качеству научного уровня изданий. В составленную в 1978 г. программу серии “Полярная Звезда” были включены с исчерпывающей полнотой все заслуживающие научной публикации, в рамках отдельного издания, памятники декабристского наследия и комплексы первоисточников. С первых же томов серия завоевала прочный авторитет в отечественной науке – как выполненное на высоком научном уровне фундаментальное издание, масштабная публикация письменного наследия декабристов, осужденных по приговору Верховного уголовного суда 1826 г. и сосланных в Сибирь.

На протяжении 30 лет, благодаря усилиям авторов-составителей, объединившихся вокруг замысла серии, перед читателем впервые с необходимой полнотой предстала наиболее значимая и ценная часть письменного наследия многих лидеров, выдающихся представителей, а также “рядовых участников” декабристских обществ – политических мыслителей, литераторов, публицистов, мемуаристов, создателей большого эпистолярного архива.

Значительная часть томов серии вводила в научный оборот большой комплекс новых исторических источников. При этом необходимо отметить *принцип совокупной, целостной публикации исторически значимого наследия декабристов*, согласно которому в рамках одного издания в едином комплексе публикуются политические сочинения, публицистика, научные и литературные труды, разного рода статьи и записки, мемуары, дневники, деловая и частная переписка, документы к биографии, воспоминания современников, генеалогические материалы и т.д.

Далее следует отметить высокий уровень квалификации привлеченных специалистов и качества проделанной исследовательской работы. Каждый том серии – “запечатленный труд” выдающихся исследователей, глубоких знатоков эпохи. Над воплощением в жизнь задуманного фундаментального собрания трудились известные историки, составившие цвет декабристоведческого направления исследований в советскую эпоху и постсоветское время: академик М.В. Нечкина, Н.Я. Эйдельман, С.Ф. Коваль, В.А. Федоров, И.В. Порох, С.В. Мироненко, Г.А. Невелев, Н.П. Матханова, Э.А. Павлюченко, С.В. Думин и др. В работе по подготовке томов серии также участвовали виднейшие историки-архивисты: С.В. Житомирская, Ю.И. Герасимова, А.А. Брегман, Е.П. Федосеева, В.П. Павлова, Н.В. Зейфман, Г.Г. Лисицына и др. Работа над изданиями серии объединила исследовательские силы крупных научных центров Европейской России и Сибири, и это тоже несомненное достижение руководителей документального серийного издания⁴. Следует подчеркнуть важность участия в подготовке томов практикующих архивистов: оказался востребованным их опыт работы с рукописями, поисковой и текстологической работы, публикаторский опыт и т.д.

⁴ Кроме перечисленных исследователей, следует назвать известных специалистов, выступавших в качестве ответственных редакторов и рецензентов томов серии. В их числе: С.С. Волк, Ю.Д. Марголис, Т.А. Перцева, М.М. Сафонов, А.В. Семенова, М.Д. Сергеев, А.Г. Тартаковский, А.Н. Цамутали.

К числу достижений необходимо отнести *высокий уровень текстологической и источниковедческой работы* составителей большинства томов, а также историко-биографических разысканий, археографической и редакторской подготовки, научного комментирования.

С первых изданий серии был задан серьезный уровень научной публикации, приближенный к академическому. Научный аппарат документальных сборников также приближен к академическим требованиям.

В основу публикации текстов в каждом томе положены архивные оригиналы – авторские рукописи, наиболее полно и качественно передающие авторскую волю. При отсутствии таковых – сохранившиеся наиболее полные рукописные тексты (списки, копии) или наиболее полные и авторитетные публикации. Этот принцип воспроизведения позволил во многих случаях восстановить полный, точный и критически выверенный текст документального памятника, часто искаженный в прежних публикациях или купированный цензурой, восстановить авторское расположение и структуру текста, подлинный смысл отдельных фраз и выражений и т.д.

В связи с этим нельзя не отметить, что в ходе подготовки томов серии выработаны определенные *принципы отбора, изучения и подготовки документов, передачи текста и комментирования*. Каждой публикации предшествует огромный объем работы по источниковедческому и текстологическому анализу сохранившихся рукописей, поиску и изучению сохранившихся автографов, списков и т.д. В каждом издании исследованы особенности дошедших до нас рукописей воспоминаний, сочинений, иных составляющих письменного наследия. Как правило, восстанавливается история создания воспоминаний и других сочинений, их источники, обстоятельства создания, последовательность появления различных редакций, наконец, история архива того или иного декабриста.

В ходе подготовки томов серии “Полярная Звезда” авторы-исследователи, в рамках заданного высокого научного уровня изданий, должны были решить целый комплекс взаимосвязанных проблем поисково-исследовательского, источниковедческого, археографического, текстологического и иного характера. Почти каждый том сопровождали открытия, находки, новации, достижение нового качества знаний о персоналиях декабристов, их политической и культурной деятельности, письменном наследии. И, конечно же, новые документы, вновь найденные рукописи, в том числе считавшиеся утерянными.

Сопроводительные статьи, нередко впервые в историографии, представляют собой развернутые биографические и, во многих случаях, цельные монографические исследования, первый опыт научной реконструкции биографии декабриста. Как правило, статьи содержат постановку новых вопросов, ранее не рассматривавшихся в декабристской историографии, а значит – новые открытия и новые оценки.

Каждый том – своеобразный монографический памятник одному из участников декабристских обществ, включающий все значимое письменное наследие (в значительной своей части, не издававшееся ранее), а также обстоятельное биографическое исследование и развернутые комментарии. Таким образом, издания серии на многие годы определяют историографическую ситуацию вокруг каждого из ставших предметом внимания декабристов – и,

следовательно, его “образ в истории”. Впервые восстанавливается подлинный облик участника общественного движения, в истинном масштабе предстает его роль в декабристских обществах, его вклад в общее письменное наследие декабристов. Издания серии позволяют по-новому взглянуть на личность, биографию, творческое наследие участников общественного движения первой половины XIX в.

Особо следует отметить научное значение вводимого в оборот документального материала. В томах серии не только публикуются оставленные декабристами рукописи, но также обретают полноценное научное издание первостепенные источники для изучения общественно-политического движения и общественной мысли целой исторической эпохи; формируется документальная база продолжающихся исследований.

Далее необходимо обратиться к практическому вкладу, внесенному томами серии “Полярная Звезда” в источниковую базу исследований, к конкретным источниковедческим достижениям составителей. Первые же тома, вышедшие в иркутской серии, доставили науке подлинные открытия, применительно к истории общественного движения и общественной мысли первой половины XIX в., и существенные достижения в области источниковедения.

В первых томах серии были впервые собраны политические сочинения, дневники, мемуары и письма *М.А. Фонвизина*, в том числе вновь обнаруженные сочинения декабриста. Составители 2-томного собрания С.В. Житомирская и С.В. Мироненко провели кропотливую работу по установлению сохранившихся рукописей произведений *М.А. Фонвизина*, взяв за основу наиболее полные и последние по времени авторские варианты. Следует отметить, что записки и сочинения *М.А. Фонвизина* обрели в серии первую научную публикацию. Впервые увидело свет и все выявленное эпистолярное наследие декабриста.

Одним из первых в серии было издано 2-томное собрание документов, относящихся к биографии и общественно-политической деятельности *В.Ф. Раевского*. Составители его – А.А. Брегман и Е.П. Федосеева – отобрали, систематизировали и прокомментировали обширный комплекс материалов судебно-следственных процессов, проводившихся по делу *В.Ф. Раевского*. Впервые собрано и опубликовано по сохранившимся автографам письменное наследие декабриста – записки, публицистические, агитационные, педагогические и литературные сочинения, письма.

В научный оборот был введен большой комплекс письменного наследия *С.П. Трубецкого*: в состав 2-томника вошли дневники, записки и другие мемуарные тексты, письма декабриста (составитель В.П. Павлова). В рамках серии осуществлена первая научная публикация комплекса мемуарных текстов *С.П. Трубецкого* с исправлением ошибок и неточностей предыдущих публикаций, приближенного к подлинной авторской структуре записок.

В рамках серии читатели впервые смогли познакомиться с богатым и разнообразным наследием *В.И. Штейнгейля*: мемуарными сочинениями, дневниками, научными работами, публицистикой, всеми выявленными его письмами. Доказано наличие двух мемуарных текстов *В.И. Штейнгейля* (автобиографических воспоминаний и особых записок о 1825 г., следствии и суде); они публикуются по наиболее точным рукописным и печатным оригиналам. В рамках издания, подготовленного Н.В. Зейфман и В.П. Шахеровым,

впервые состоялась научная публикация большинства текстов, вошедших в состав 2-томника.

Особняком стоит фундаментальный том сочинений *М.С. Лунина*, подготовленный Н.Я. Эйдельманом и И.А. Желваковой и впервые собравший практически все его письменное наследие: публицистические сочинения, записные книжки, иные вышедшие из-под пера этого декабриста тексты, письма, а также биографические документы. Составители тома проделали огромный объем работы по выявлению рукописей публицистических статей, списков и различных вариантов сочинений М.С. Лунина, по установлению основного текста публикации. Издание сопровождается развернутым источниковедческим и текстологическим комментарием.

Объемный том, посвященный *Н.А. Бестужеву*, собрал воедино выверенную по рукописям наиболее значимую часть письменного наследия декабриста (кроме литературных сочинений, имевших не одно издание, и части писем). Это результат многолетних усилий С.Ф. Коваля, выполнившего составительскую, источниковедческую и публикаторскую работу со всей присущей ему тщательностью и обстоятельностью.

Существенно обогатились имевшиеся ранее представления о письменном наследии *А.В. Поджио*: в серии впервые осуществлена публикация оригинальной авторской рукописи записок, обнаруженной составителем тома Н.П. Матхановой, введена в оборот подавляющая часть писем декабриста.

Том записок и писем *А.М. Муравьева* впервые дал читателю наиболее полный, критически выверенный текст мемуарно-публицистических записок декабриста и – традиционно для серии – впервые введенные в научный оборот его письма. Составители тома Г.Г. Лисицына и Э.Н. Филиппова проделали масштабный объем источниковедческой и текстологической работы, в частности, по сличению различных редакций записок А.М. Муравьева, сопоставлению их с сочинениями М.С. Лунина и М.А. Фонвизина, обратив внимание исследователей на содержательные и в ряде случаев текстуальные совпадения этих декабристских трудов.

В рамках серии впервые под одной обложкой были собраны воспоминания *А.Н. Муравьева*, его публицистические статьи, другие сочинения и значительная часть писем (составители Ю.И. Герасимова, С.В. Думин).

То же можно отнести к первому тому наследия *П.Н. Свистунова*, вобравшему в себя мемуарные и публицистические сочинения, речи декабриста, посвященные крестьянской реформе, а также часть писем (составитель В.А. Федоров).

Впервые в рамках подготовленного для серии издания был представлен читателю авторский текст воспоминаний *Н.В. Басаргина*, с восстановлением полного его состава и внутренней последовательности составных частей, а также публицистические труды и литературные опыты декабриста, собранные под одной обложкой (составитель И.В. Порох).

В серии состоялась первая научная публикация известных “Записок декабриста” *А.Е. Розена*, подготовленная Г.А. Невелевым. До этого исследователи пользовались изрядно устаревшим дореволюционным изданием 1907 г. или еще более ранним авторским изданием 1870 г.

В серии осуществлена первая научная публикация записок *С.Г. Волконского*, выполненная по сохранившейся рукописи (издание подготовили

А.З. Тихантовская, Н.Ф. Караш, Б.Н. Капелюш). Как ни странно, до 1991 г. историки не располагали научным изданием мемуаров этого видного участника общественного движения первой четверти XIX в., вынужденно пользуясь устаревшей дореволюционной публикацией 1901 г.

Впервые полностью по рукописи и на современном научном уровне тщательным образом в серии воспроизведены записки *И.Д. Якушкина*, а также его отдельные мемуарные тексты, сохранившиеся дневниковые записи, статьи, публицистика и научные работы (составители В.И. Порох, И.В. Порох).

В серии благодаря усилиям М.В. Нечкиной обрели новую жизнь известные мемуары *Н.И. Лорера*, которые имели уже научную публикацию, осуществленную тем же ученым в 1931 г., но к 1980-м годам ставшую труднодоступной даже для специалистов.

Впервые в томах серии была начата систематическая публикация обширного эпистолярного наследия *Г.С. Батенькова* (составители А.А. Брегман и Е.П. Федосеева) и *Н.М. Муравьева* (составитель Э.А. Павлюченко). Причем в последнем случае издан уникальный обширный комплекс писем декабриста, сохранившийся за период до 1826 г.

Наконец, впервые по-настоящему открылся "архив" ряда участников декабристских обществ, включающий письма, научные и литературные сочинения, публицистику таких деятелей движения, как *П.С. Бобринцев-Пушкин*, *А.Ф. Бриген*, *В.Л. Давыдов*, *А.З. Муравьев*, *П.А. Муханов*, *М.А. Назимов*.

Как видим, подавляющая часть опубликованных в серии мемуарных, публицистических, эпистолярных и других документальных материалов ранее не собиралась вместе, не имела качественной научной публикации, а значительная их часть была впервые введена в научный оборот. Практически каждый из перечисленных выше томов заполнял существовавшие значительные, иногда остро ощутимые лакуны в источниковой базе. Это и есть, по нашему мнению, главная составляющая вклада документальной серии "Полярная Звезда" в историческую традицию.

Нельзя не отметить также, что многие тома посвящены декабристам, наследие которых никогда не привлекало внимания исследователей. Некоторые из них, в сущности, впервые открывали перед читателем письменное наследие деятелей общественного движения первой половины XIX в., незаурядных человеческих индивидуальностей.

* * *

В контексте 30-летнего юбилея, как представляется, необходимо затронуть вопрос о *перспективах иркутской документальной серии*.

К настоящему времени увидели свет 27 томов, каждый из которых вносит существенный вклад в источниковую базу исследований общественного движения и общественной мысли первой половины XIX в.

Однако даже с учетом этих значительных, несомненных достижений, неизданный фонд материалов из корпуса декабристского наследия, в том числе первоклассных по своему значению, далеко не исчерпан. По нашей оценке, при всем огромном объеме проделанной работы и введенного в научный оборот документального материала, только в последние годы, уже после

возобновления выпуска томов серии в 1999 г., реализация плана по изданию основного письменного фонда участников “декабристского движения” пересекла середину пути.

Следует еще раз специально пояснить, что в соответствии с замыслом основателей серии речь идет о публикации наследия наиболее известной категории бывших участников декабристских обществ – тех, кто, будучи осужден по приговору суда, оказался в сибирской каторге и ссылке.

С учетом этого уточнения, в настоящее время, однако, остается группа осужденных декабристов (в том числе деятелей первого ряда), наследие которых по-прежнему не имеет полноценного научного издания.

Исходя из этого, следует признать, что редколлегии серии “Полярная Звезда” предстоит подготовить и выпустить в свет еще не один том, чтобы публикацию наследия осужденных декабристов (даже в главной своей части) можно было считать завершенной в том объеме, в котором это предусмотрено согласно принятому плану⁵.

Так, чрезвычайно значимым явлением в научной традиции явилось бы полное и снабженное научным комментарием издание сочинений *Н.М. Муравьева*, никогда не собиравшихся вместе. В посвященный *Н.М. Муравьеву* том должны быть включены не только варианты его проекта конституции, но и такие документы, как “Любопытный разговор”, написанная в Сибири “Записка о тайном обществе”, замечания на жизнеописания *А.В. Суворова*, замечания на “Историю государства Российского” *Н.М. Карамзина*, военно-исторические статьи.

Несомненно, в первую очередь требует научного издания привлекающее особое внимание наследие одного из лидеров тайного общества и выступления 14 декабря 1825 г. *Е.П. Оболенского*, оставившего ценные мемуарные тексты, богатые и интереснейшие эпистолярные материалы.

Не менее важным событием в декабристской археографии, несомненно, станет появление тома, вобравшего в себя наследие *М.И. Муравьева-Апостола*, перу которого принадлежат обладающие первостепенным значением мемуарные очерки, а также объемная, почти не введенная в научный оборот, переписка.

Зияющей лакуной для документальной серии по-прежнему остается отсутствие издания, вобравшего в себя письменное наследие *И.И. Пущина*⁶.

Отсутствует пока в серии запланированное и очень важное издание мемуарного текста, который традиционно считается произведением “летописца” “Общества соединенных славян” *И.И. Горбачевского*. Публикация его в серии “Литературные памятники” давно стала библиографической редкостью.

⁵ В настоящее время ведется работа по подготовке к печати ряда новых томов (Г.С. Батеньков, М.И. Пущин и др.); в дальнейшем изложении мы не будем специально оговаривать это обстоятельство, регистрируя положение на настоящий момент, чтобы более точно отразить современную ситуацию и наглядно подтвердить заявленный нами тезис о достигнутом половинном результате.

⁶ Вышедшая в последние годы академическая научная публикация записок и писем декабриста (*Пущин И.И. Сочинения и письма: В 2 т. / изд. подгот. М.П. Мироненко, С.В. Мироненко. М., 1999–2001*) не отменяет необходимости подготовки издания наследия *И.И. Пущина* в серии “Полярная Звезда”.

стью, а, кроме того, в некоторой степени устарела; особенно это касается комментариев и сопроводительной статьи⁷.

Несомненно, весьма ценным и научно значимым пополнением документальной базы исследований станет публикация эпистолярного наследия видного члена Южного общества *А.П. Юшневского* и письменного наследия лидера “Общества соединенных славян” *П.И. Борисова* (политические сочинения, научные труды, письма).

Безусловно, внушительный полновесный том составит впервые собранное богатое и оригинальное наследие *А.П. Беляева*, включающее его обширные воспоминания и письма⁸.

Еще более масштабные воспоминания, а также отдельные статьи и письма *Д.И. Завалишина*, никогда еще не печатавшиеся в рамках единого издания, почти не изучены критически (что очень важно, в виду специфической позиции мемуариста) и не имеют научной публикации, – составили бы несколько внушительных томов. Оба издания – и “беляевское”, и “завалишинское” – безусловно, станут существенным вкладом в отечественную археографию, в изучение памятников русской мемуаристики первой половины XIX в.

Говоря о мемуарном наследии декабристов, невозможно обойти вниманием чрезвычайно интересный и почти не затронутый исследователями комплекс воспоминаний *М.И. Пуцина*, которые до сих пор не имеют научной публикации⁹.

Конечно, нельзя обойтись без изданий, посвященных наследию таких заметных фигур в общественно-политической и культурной жизни 1810–1820-х годов, как *А.А. Бестужев* (его дневники, воспоминания, обширное эпистолярное наследие и другие материалы, важные не только как произведения известного литератора, но и как своеобразный архив политического деятеля, – до сих пор не собирались вместе), *М.А. Бестужев* (его воспоминания и письма были опубликованы в серии “Литературные памятники”, но далеко не в полном объеме¹⁰), *В.К. Кюхельбекер* (дневники, политические сочинения, публицистика, письма, – ценные и для историка литературы, и для исследователя общественного движения, – никогда не собирались под одной обложкой с необходимой полнотой), *А.О. Корнилович* (прежде всего многочисленные записки по различным общественным вопросам и письма,

⁷ *Горбачевский И.И.* Записки, письма / изд. подгот. Б.Е. Сыроечковский, И.В. Порох, Л.А. Сокольский. М., 1963.

⁸ Недавно появилось новое издание воспоминаний А.П. Беляева, представляющее собой простую перепечатку первой публикации в журнале “Русская старина” (*Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. СПб., 2009). Уровень подготовки этого издания весьма низкий. В нем не только не исправлены ошибки и опечатки первой публикации, но еще добавлены новые, не говоря уже о необходимой для научного издания опоре на рукопись воспоминаний, хранящуюся в РО ИРЛИ. Конечно, это издание ни в коей мере не решает задачу подготовки настоятельно необходимой первой научной публикации мемуаров А.П. Беляева.

⁹ Мемуарное наследие М.И. Пуцина в настоящее время готовится к печати автором настоящей статьи.

¹⁰ См.: Воспоминания Бестужевых / изд. подгот. М.К. Азадовский. М.; Л., 1951. Репринт. СПб., 2005.

также никогда не публиковавшиеся целиком в едином комплексе¹¹). Здесь же следует упомянуть письменное наследие, принадлежащее *А.И. Одоевскому* (речь идет главным образом о письмах).

Каждый из упомянутых выше томов явится весьма значимым событием в летописи публикаций материалов по российской истории и культуре первой половины XIX в.

Но этим не исчерпывается перспектива документального серийного издания. Среди названных томов не были упомянуты незавершенные в рамках серии публикации письменного архива декабристов. Прежде всего необходимо упомянуть заявленные ранее вторые тома собраний наследия *Г.С. Батенькова* (мемуары, отдельные статьи, письма), *И.Д. Якушкина* (письма), *С.Г. Волконского* (письма), *П.Н. Свистунова* (письма).

То же самое можно сказать об эпистолярном архиве *А.Е. Розена*, который благодаря трудам Г.А. Невелева недавно был подготовлен к печати и издан. В совокупности с опубликованными этим исследователем статьями и публицистикой А.Е. Розена¹² он может образовать полноценный второй том письменного наследия декабриста в рамках серии “Полярная Звезда”.

Далеко не полной следует признать осуществленную в серии публикацию наследия *Н.В. Басаргина*. В 1988 г. вышли в свет только его воспоминания и часть публицистики. Между тем в архиве Якушкиных¹³ хранятся неизданные экономические и публицистические сочинения Н.В. Басаргина, вне серии остаются письма этого декабриста.

Наконец, еще одну группу изданий могут составить тома письменного наследия, аккумулирующие материалы, никогда не собиравшиеся вместе, — тем больший научный интерес они представляют. Так, отдельных томов, несомненно, заслуживает письменное наследие *Ф.Ф. Вадковского* (очерк “Белая Церковь” — первый мемуарный декабристский текст о событиях “южного восстания”, письма), *Ф.П. Шаховского* (дневниковые записи, записки по разным вопросам, записки о Туруханском крае, письма), *В.С. Толстого* (воспоминания, статьи, письма). Не следует оставлять без внимания публицистические, научные, мемуарные, литературные сочинения и письма *И.А. Анненкова*, *А.П. Барятинского*, *П.Ф. Выгодского*, *Н.А. Крюкова*, *Н.А. Чиждова*. Наконец, в серии не изданы имеющие в каждом случае свой особенный интерес эпистолярные архивы, весьма обширные (как в случае *В.П. Ивашева*, *С.И. Кривцова*, *М.М. Нарышкина*) или компактные (как в случае *М.Ф. Митькова*, *Н.А. Панова*, *А.Н. Сутгофа*, *З.Г. Чернышева*).

Все перечисленные тома откроют перед читателем новую “галерею” декабристов, не затронутых специальным монографическим вниманием. Отсутствие каждого из перечисленных изданий обедняет документальную серию, лишает ее необходимой полноты.

¹¹ В последнее время вышло в свет представительное собрание записок и писем А.О. Корниловича (*Корнилович А.О. Записки из Алексеевского рavelина*. М., 2004). Однако его нельзя считать полным, оно не охватывает всего комплекса сохранившегося письменного наследия этого автора, не сопровождается полноценным биографическим исследованием.

¹² См.: *Розен А.Е. Письма декабриста* / изд. подгот. Г.А. Невелев. СПб., 2008; *Розен А.Е. Записки декабриста* / изд. подгот. Г.А. Невелев. СПб., 2008.

¹³ ГА РФ. Ф. 279.

Таким образом, письменное наследие целого ряда видных фигур декабристского круга давно заслуживает нового документального издания, осуществленного на современном археографическом уровне (Н.М. Муравьев, М.И. Муравьев-Апостол, Е.П. Оболенский), в некоторых случаях это наследие никогда не собиралось вместе (Г.С. Батеньков, А.П. Беляев, Д.И. Завалишин, В.С. Толстой, Ф.П. Шаховской и др.). Наряду с этим требуется тщательно подготовленное комментированное переиздание известных письменных памятников на современном научном уровне, в первую очередь – ценных с исторической точки зрения сочинений, дневников, воспоминаний (А.А. Бестужев, И.И. Горбачевский, А.О. Корнилович, В.К. Кюхельбекер и др.).

Нельзя не признать, что цель, которую ставила перед собой редакционная коллегия серии, далеко еще не достигнута: требуется заполнить существенные лакуны в введенном в широкий научный и читательский обиход корпусе письменного наследия осужденных декабристов. По крайней мере, в количественном отношении вышедшие в свет 27 томов представляют около половины документального архива, который предполагалось охватить в серии, если иметь в виду реализацию предложений, образовавших ее программу. В перспективе, по нашему мнению, могут быть выпущены не менее 24 томов.

Перед редакционной коллегией серии – большое поле для плодотворной деятельности, а исследователям декабристской эпохи нужно приложить еще немало усилий, чтобы историческая наука и интересующийся читатель получили в свое распоряжение представительное и законченное собрание письменного наследия декабристов.

Приложение

Документальная серия “Полярная звезда”: Библиографический указатель вышедших изданий (1979–2010 гг.)

- Фонвизин М.А.* Сочинения и письма: В 2 т. Т. 1: Дневник и письма / изд. подгот. С.В. Житомирской, С.В. Мироненко. Иркутск, 1979. 480 с.
- Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности: В 2 т. Т. 1: Документы о революционной деятельности и судебном процессе / изд. подгот. А.А. Брегман, Е.П. Федосеевой; отв. ред. С.Ф. Коваль. Иркутск, 1980. 416 с.
- Фонвизин М.А.* Сочинения и письма: В 2 т. Т. 2: Сочинения / изд. подгот. С.В. Житомирской, С.В. Мироненко; отв. ред. Н.Я. Эйдельман. Иркутск, 1982. 432 с.
- Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности: В 2 т. Т. 2: Материалы судебного процесса и документы о жизни и деятельности в Сибири / изд. подгот. А.А. Брегман, Е.П. Федосеевой; отв. ред. С.Ф. Коваль. Иркутск, 1983. 540 с.
- Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности: В 2 т. Т. 1: Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки / изд. подгот. В.П. Павловой; отв. ред. И.В. Порох. Иркутск, 1983. 410 с.
- Лорер Н.И.* Записки декабриста / изд. подгот. М.В. Нечкиной. Иркутск, 1984. 416 с.

- Розен А.Е.* [Записки и письма: В 2 т. Т. 1.] Записки декабриста / изд. подгот. Г.А. Невелевым; отв. ред. М.Д. Сергеев. Иркутск, 1984. 480 с.
- Назимов М.А.* Письма, статьи / изд. подгот. О.В. Поповым; отв. ред. В.А. Федоров. Иркутск, 1985. 238 с.
- Штейнгейль В.И.* Сочинения и письма: В 2 т. Т. 1: Записки и письма / изд. подгот. Н.В. Зейфман, В.П. Шахеровым; отв. ред. С.В. Житомирская. Иркутск, 1985. 608 с.
- Муравьев А.Н.* Сочинения и письма / изд. подгот. Ю.И. Герасимовой, С.В. Думиным; отв. ред. С.Ф. Коваль. Иркутск, 1986. 442 с.
- Бриген А.Ф.* Письма, исторические сочинения / изд. подгот. О.С. Тальской; отв. ред. С.Ф. Коваль. Иркутск, 1986. 570 с.
- Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности: В 2 т. Т. 2: Письма, дневник 1857–1858 гг. / изд. подгот. В.П. Павловой; отв. ред. И.В. Порох. Иркутск, 1987. 604 с.
- Басаргин Н.В.* Воспоминания, рассказы, статьи / изд. подгот. И.В. Порохом; отв. ред. С.В. Мироненко. Иркутск, 1988. 544 с.
- Лунин М.С.* Сочинения, письма, документы / изд. подгот. Н.Я. Эйдельманом, И.А. Желваковой; отв. ред. С.В. Житомирская. Иркутск, 1988. 568 с.
- Батеньков Г.С.* Сочинения и письма: В 2 т. Т. 1: Письма 1813–1856 гг. / изд. подгот. А.А. Брегман, Е.П. Федосеевой; отв. ред. С.Ф. Коваль. Иркутск, 1989. 526 с.
- Поджио А.В.* Записки, письма / изд. подгот. Н.П. Матхановой; отв. ред. С.В. Житомирская. Иркутск, 1989. 592 с.
- Волконский С.Г.* [Записки, письма: В 2 т. Т. 1.] Записки / изд. подгот. А.З. Тихантовской, Н.Ф. Караш, Б.Н. Капелюш; отв. ред. Н.Я. Эйдельман. Иркутск, 1991. 512 с.
- Муханов П.А.* Сочинения, письма / изд. подгот. Г.В. Чагиным; отв. ред. В.А. Федоров. Иркутск, 1991. 496 с.
- Штейнгейль В.И.* Сочинения и письма: В 2 т. Т. 2: Записки и статьи / изд. подгот. Н.В. Зейфман, В.П. Шахеровым; отв. ред. С.В. Житомирская. Иркутск, 1992. 448 с.
- Якушкин И.Д.* [Сочинения и письма: В 2 т. Т. 1.] Мемуары, статьи, документы / изд. подгот. В.И. Порохом, И.В. Порохом; отв. ред. В.А. Федоров. Иркутск, 1993. 400 с.
- Муравьев А.М.* Записки и письма / изд. подгот. Г.Г. Лисицыной, Э.Н. Филипповой; отв. ред. М.М. Сафонов. Иркутск, 1999. 416 с.
- Муравьев Н.М.* Сочинения и письма: В 2 т. [Т. 1.] Письма 1813–1826 гг. / изд. подгот. Э.А. Павлюченко; отв. ред. С.В. Житомирская. Иркутск, 2001. 432 с.
- Свистунов П.Н.* Сочинения и письма: В 2 т. Т. 1: Сочинения, письма 1825–1840 гг. / изд. подгот. В.А. Федоровым; отв. ред. А.Г. Тартаковский. Иркутск, 2002. 416 с.
- Бестужев Н.А.* Сочинения и письма / изд. подгот. С.Ф. Ковалем; отв. ред. В.П. Шахеров. Иркутск, 2003. 752 с.
- Давыдов В.Л.* Сочинения и письма / изд. подгот. Т.С. Комаровой; отв. ред. С.Ф. Коваль. Иркутск, 2004. 512 с.
- Бобрицев-Пушкин П.С.* Сочинения и письма / изд. подгот. В.С. Колесниковой; отв. ред. Т.А. Перцева. Иркутск, 2007. 512 с.
- Муравьев А.З.* Письма / изд. подгот. Т.Г. Любарской; отв. ред. П.В. Ильин. Иркутск, 2010. 528 с.

А.С. Минаков

ГОДОВЫЕ ВСЕПОДДАННЕЙШИЕ ОТЧЕТЫ ГУБЕРНАТОРОВ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Каждый историк знает, что нет ответственнее задачи, чем выбор источников для своей темы. В этом отношении исследователям России XIX – начала XX в. в какой-то мере повезло. В их распоряжении находится такой источник, который, с одной стороны, дает энциклопедическую ретроспективу жизни страны, а с другой – ставит перед исследователями множество вопросов, решение которых превращается в нескончаемый творческий процесс. Таким источником являются ежегодные отчеты губернаторов.

Губернаторские отчеты появились в начале XIX в., когда молодое Министерство внутренних дел (МВД) нуждалось в информации о происходящем на местах. Поэтому первые отчеты, строго говоря, были внутриведомственными документами МВД, но уже очень скоро превратились в постоянно действующий информационный канал. О полезном нововведении стало известно императору, и вскоре отчеты стали подаваться на его имя. Так появилось их второе название – “всеподданнейшие”. Поскольку законодательство не предусматривало единого наименования этих документов, в делопроизводственном обиходе их также называли “годовыми” или просто “губернаторскими”. На самих отчетах часто фигурировал также заголовок – “отчет начальника губернии”. Все эти названия в равной степени использовались в бюрократическом лексиконе, а также мемуарной литературе.

Отчеты имели свой формуляр (программу) и установленные сроки представления. Не вдаваясь в изложение уже известных в историографии по этому поводу предметов¹, скажем, что к концу первой трети XIX в. составление годовых отчетов стало для губернаторов привычной процедурой. Изменения социально-экономической обстановки и усложнение системы управления заставляли правительство, правда не всегда оперативно, корректировать формуляр отчета. Структура последнего претерпела особенно видимые метаморфозы после проведения “великих реформ”, которые показали важность отчетов не только в процессе становления отечественной административной статистики, но и в работе самодержавной системы управления.

Со второй половины XIX столетия, с развитием ведомственной статистики и началом статистической деятельности земств, губернаторские отчеты утрачивали свое некогда монопольное право информационного источника.

¹ Подробнее о нормативном статусе губернаторских отчетов см., например: *Дятлова Н.П.* Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения: Мат-лы научн. конф. архивистов Ленинграда, 4–6 февр. 1964 г. Л., 1964. С. 227–246.

Однако они приобрели другой, более значительный статус. Губернаторский отчет стал одним из важных элементов сложной многогранной системы взаимоотношений внутри властной вертикали, одной из связующих линий между провинциальной и верховной властью. Такое двуединое значение этих документов, административное и информационное, сохранилось вплоть до начала Первой мировой войны, когда их составление было прекращено.

Больше столетия прошло с того времени, как всеподданнейшие отчеты губернаторов, продолжая занимать видное место в имперском делопроизводстве, были признаны историческим источником, став, тем самым, объектом исследовательского внимания. Так, на рубеже XIX–XX вв. возникла необходимость разобраться как в информационных, так и административных функциях этих документов. В числе первых, кто дал оценку губернаторским отчетам, был А.Ф. Фортунатов², изучавший методику и технику исчисления урожая озимой ржи в XIX в. Несмотря на скептическое замечание о том, что губернаторские отчеты опирались на “догадки волостных правлений”, А.Ф. Фортунатов отмечал согласованность их результатов с данными других источников, в частности, погодными записями по частным хозяйствам.

В марте 1899 г. увидела свет книга В.И. Ленина “Развитие капитализма в России”, где при изучении динамики промышленного производства использовались различные данные официальной фабрично-заводской статистики, в том числе губернаторские отчеты³. В связи с этим В.И. Ленин выделил ряд отрицательных моментов в ее организации. Во-первых, отсутствовал единый центральный орган для сбора и проверки данных, а “распределение промышленных заведений между различными ведомствами”, наоборот, затрудняло их сбор. Усложняло работу расплывчатость понятий “фабрика” и “завод”, что давало возможность их разного толкования. В.И. Ленин подмечал, что уже с 1860-х годов составители статистики “прекрасно сознавали крайнюю неудовлетворительность обрабатываемых ими данных”. Сопоставляя данные Ежегодника Министерства финансов и Военно-статистического сборника, он писал, что число промышленных предприятий в последнем слишком и явно завышено, поскольку более не подтверждается никакими источниками. Такой факт В.И. Ленин объяснял тем, что составители Военно-статистического сборника пользовались данными Центрального статистического комитета, который в свою очередь оперировал сведениями губернаторских отчетов. Заметим, что эти данные были формально секретными, поэтому неудивительно, что они более нигде не встречались. О данных губернаторских отчетов В.И. Ленин прямо писал, что они “всегда преувеличивают в громадных размерах числа фабрик и заводов”, поскольку относили к фабрикам мелкие сельскохозяйственные и кустарные предприятия.

В.И. Ленин, хотя и поставил под сомнение достоверность губернаторских отчетов, предоставил этому источнику некий кредит доверия, обеспечивший ему признание советских историков. Исследователи первых советских десятилетий продолжали активно использовать отчеты и, следуя ленинской установке, подвергать критике их достоверность. Например, П.И. Лященко не без основания отмечал, что сведения губернаторских отчетов о размерах

² Фортунатов А.Ф. Урожай ржи в Европейской России. М., 1893. С. 28–29.

³ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // ПСС. 5-е изд. М., 1979. Т. 3. С. 457–468.

зернового производства “до организации общеимперской статистики урожайности” уникальны, но их данные по размерам валового урожая все-таки “не могут считаться источником большой точности”⁴. Схожая оценка давалась фабрично-заводской статистике 1860–1880-х годов, которая “настолько неудовлетворительна и неточна, что не дает возможности сколько-нибудь подробно осветить и выяснить итоги развития крупной фабричной промышленности за эти годы”⁵. Анализ достоверности губернаторских отчетов П.И. Лященко не проводил, а ссылался на ленинские оценки этого источника.

По мере расширения социально-экономической проблематики, повышения интереса к ней возникла объективная потребность в специальном, источниковедческом изучении губернаторских отчетов. По сути, первой такой работой стала статья Н.Н. Улащика. Она была посвящена характеристике всеподданнейших отчетов о состоянии Виленской, Гродненской и Ковенской губерний. Анализируя сведения по экономическому потенциалу земельного фонда, урожайности сельскохозяйственных культур, скотоводству, народонаселению, промышленности, ярмарочной торговле и судоходству, белорусский историк отмечал ряд преимуществ губернаторских отчетов перед другими источниками. Главным образом они заключались в систематичности подачи материала. Между тем он считал, что едва ли не с первых лет их составления была очевидна условность данных отчетов по ряду показателей, их усредненность, а нередко и противоречивость. В целом Н.Н. Улащик подытожил существовавшее в то время отношение к источнику: “...отчеты не дают совершенно точных цифр, но показывают направление развития хозяйства”⁶.

В статье Н.П. Дятловой⁷ превалирует другой угол рассмотрения этого документа. Она взяла не отдельные его характеристики на частных примерах каких-либо губерний, а вопросы теоретического плана. Н.П. Дятлова проследила изменение формуляра губернаторского отчета и охарактеризовала его как источник по социально-экономической проблематике. Формуляр отчета, по ее мнению, влиял на содержательную сторону отчетов, которые приобрели наибольшую полноту после 1870 г. Н.П. Дятлова признавала особую источниковую ценность за статистическими приложениями к отчету, приуменьшив в какой-то мере даже значение основной нарративной его части. Кроме того, по мнению Н.П. Дятловой, большое влияние на содержание отчета, особенно с конца XIX в., оказывала личность губернатора.

Вопросы достоверности губернаторских отчетов, в контексте изучения урожаев зерновых культур, разрабатывались А.С. Нифонтовым. Свои основные выводы он сформулировал уже в статье 1968 г., которая затем легла в основу соответствующей главы его монографии⁸. А.С. Нифонтов сосредоточил внимание лишь на одном, но очень важном блоке информации – данных

⁴ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1947. Т. 1. С. 519.

⁵ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1948. Т. 2. С. 106–107.

⁶ Улащик Н.Н. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник // ПИ. М., 1961. Т. 9. С. 55.

⁷ Дятлова Н.П. Указ. соч.

⁸ Нифонтов А.С. Статистика урожаев в России XIX в.: (по материалам губернаторских отчетов) // ИЗ. М., 1968. Т. 81. С. 216–258; *Он же*. Зерновое производство России во второй половине XIX в. М., 1974. С. 15–81.

по урожайности. Рассмотрев правительственную статистику в целом, неотъемлемой частью которой являлись и губернаторские отчеты, А.С. Нифонтов пришел к выводу, что недостоверность последних преувеличена. Сбор предварительных сведений об урожае на местах, хотя и допускал неточности в абсолютных показателях, обеспечивал в целом относительную объективность. В этом отношении А.С. Нифонтов поддерживал мнение А.Ф. Фортунатова о пригодности губернаторских отчетов для изучения урожаев⁹. Для придания весомости своим рассуждениям он приводил пример В.И. Ленина, который безоговорочно использовал данные губернаторских отчетов¹⁰. Кроме того, А.С. Нифонтов подчеркивал наличие других каналов поступления данных в центр помимо губернаторского отчета, что не делало его монополистом в аграрной статистике. А.С. Нифонтов, так же как Н.Н. Улащик и Н.П. Дятлова, признавал, что отдельные показатели губернаторских отчетов грешили разнобразием данных, несовпадением и несравнимостью с другими источниками. Однако достоверность статистики МВД, к которой относились и всеподданнейшие отчеты, по сравнению с другими ведомствами, по мнению А.С. Нифонтова, была не менее надежна.

И.Д. Ковальченко еще в 1959 г. назвал губернаторские отчеты “массовым” источником, который мог выявить динамику уровня развития земледелия отдельных районов. Он признавал относительную достоверность отчетов, особенностью которых была “одинаковая степень неточности” данных по разным губерниям благодаря их “одинаковой технике сбора”¹¹. Отчеты губернаторов, по его мнению, отражали примитивный уровень развития имперской статистики, когда “никакой проверки точности поступающих сведений, кроме сравнения с предыдущими годами, не существовало”. И.Д. Ковальченко утверждал, что губернаторские отчеты, составленные до 60–80-х годов XIX в., являются единственным источником по многим аспектам аграрной истории России. В частности, это касалось урожайности зерновых культур, корнеплодов и поголовья скота. Данная позиция И.Д. Ковальченко нашла отражение и в его последнем, посмертном, фундаментальном труде¹².

В работах Б.Г. Литвака¹³ губернаторский отчет тоже рассматривается как одна из разновидностей массовой документации. Б.Г. Литвак толковал понятие “губернаторский отчет” расширительно, подразумевая под ним систему документов, требующую комплексного рассмотрения. Такая система подразумевала включение в нее подготовительной документации, на основании которой и составлялись отчеты губернаторов, направлявшиеся на “высочайшее” благоусмотрение. Изучая материалы Саратовской губернии, Б.Г. Литвак обратил внимание на процедуру сбора подготовительной информации к отчетам. Между тем подготовка отчета интересовала его, главным образом,

⁹ Нифонтов А.С. Зерновое производство России... С. 31.

¹⁰ Там же. С. 80–81.

¹¹ Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства в России в первой половине XIX в. // ИСССР. 1959. № 1. С. 59.

¹² Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004. С. 39, 48, 106.

¹³ Литвак Б.Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977. С. 125–144; Он же. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979. С. 142–186.

в отношении проверки достоверности статистической информации экономического характера. Как и Н.П. Дятлова, он сосредоточил свое внимание на статистических приложениях к отчетам – обзорам. Статистические ведомости к отчетам выделялись Б.Г. Литваку интересным объектом применения математических методов обработки, в частности, корреляционного анализа. Это позволяло, по его мнению, уточнить достоверность отчетных данных.

Другой видный советский историк-аграрник В.К. Яцунский писал, что сведения губернаторских отчетов “вообще не имеют под собою какой-либо статистической базы”¹⁴. Они, по его мнению, не содержат данных одинаковой точности о посевах и урожае в разных районах и по разным годам, так как неизвестно, “как фактически собирались и собирались ли вообще в значительных размерах материалы о количестве высеянного и собранного зерна”¹⁵.

Историография поставила множество вопросов, связанных с критикой губернаторских отчетов. Отдельные из них стали предметом обсуждения широкого круга исследователей и касались общетеоретических вопросов источниковедения. В конце 1970-х годов вопрос о классификационной принадлежности отчетов губернаторов был вовлечен в орбиту рассуждений об определении понятия “массовые источники”. В советском источниковедении были сформулированы два подхода к его толкованию. Так, И.Д. Ковальченко и Б.Г. Литвак по-разному понимали природу массовых источников, признаки их “массовости”, хотя оба относили губернаторские отчеты к массовым источникам. Этот вопрос только на первый взгляд уводит нас в теоретическую плоскость. На самом деле он важен для правильного позиционирования губернаторских отчетов в огромном массиве делопроизводственной документации.

Б.Г. Литвак считал, что массовые источники имеют ряд признаков: “ординарность обстоятельств происхождения”, “однородность, аналогичность или повторяемость содержания”, “однотипность формы, тяготеющая к стандартизации” и “наличие формуляра”¹⁶. И.Д. Ковальченко относил к массовым источникам, “характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами”. У него “массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы, а следовательно, строение, свойства и состояние самих систем”¹⁷. В массовых источниках, по мнению И.Д. Ковальченко, заключен большой объем скрытой информации¹⁸.

В какую из этих двух теоретических конструкций наиболее удачно вписываются отчеты губернаторов? Концепция Б.Г. Литвака выглядит стройной и логичной, но насколько комфортно чувствуют себя в ней губернаторские отчеты? Для этого “примерим” к ним каждый из “массовых” признаков. Если вести речь об “ординарности происхождения”, то, конечно, отчет стал устой-

¹⁴ Яцунский В.К. К вопросу о собирании и публикации материалов по истории урожаев и цен в России // ПИ. М., 1955. Т. 4. С. 352.

¹⁵ Яцунский В.К. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России // Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв.: Избранные труды. М., 1973. С. 281.

¹⁶ Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации... С. 7.

¹⁷ Массовые источники по социально-экономической истории периода капитализма / ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979. С. 6.

¹⁸ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд. М., 2003. С. 132.

чивой бюрократической процедурой, причем как для местных властей, так и центральных. Что касается “однородности содержания”, то, на наш взгляд, этот признак в большей степени был присущ отчетам за 1840–1890-е годы. В это время программа с известными оговорками стандартизировала отчет. “Однотипность формы”, как и предыдущий признак, не всегда была свойственна отчетам. Более того, с конца XIX в. губернаторские отчеты очень трудно сравнимы между собой. Поэтому эта характеристика так же должна быть конкретизирована хронологически. Наконец, формуляр отчета опять-таки понятие непостоянное во времени. Он, безусловно, присутствовал и, конечно, подчинял отчеты структурному единству. Однако здесь также нужно не забывать, что после 1897 г. многие губернаторы придумывали свои формуляры, что делало отчеты непохожими один на другой. За весь период существования отчетов имели место и многочисленные нарушения формуляра. Таким образом, правильно будет говорить об ограниченной употребимости модели Б.Г. Литвака. Она в большей мере может быть применима к обзорам губерний, которые формально были приложениями к отчетам, но, по сути, стали самостоятельными документами.

И.Д. Ковальченко, в отличие от Б.Г. Литвака, не говорит о каких бы то ни было признаках источников. Для него важен характер отражаемых в них явлений. Не будем забывать и мы, что источники, а тем более такие, как губернаторские отчеты, не могли существовать абстрагировано от общественно-политического контекста. Формуляр отчета сохранял свою информационную насыщенность независимо от политического и экономического климата в стране. Другой тезис И.Д. Ковальченко о скрытом информационном потенциале представляется весьма точным. Сведения отчетов тематически были гораздо шире заявленных в формуляре. Особенно это проявилось на рубеже XIX–XX вв., когда содержательная глубина этих документов стала особенно велика. Однако у И.Д. Ковальченко массовые источники безлики. Кроме того, исследователь должен а priori обладать каким-то минимумом знаний об общественных явлениях, которые в них отражаются.

Таким образом, всеподданнейшие отчеты губернаторов имеют право на жизнь и в той, и в другой концепции. Видимо, этот источник соединил в себе признаки, с одной стороны, индивидуального, а с другой – массового документа. Такая оригинальность и неповторимость создает трудности при его классификации.

Еще в досоветское время исследователи обратили внимание на то обстоятельство, что губернаторские отчеты являются важной характеристикой уровня взаимоотношений внутри самодержавной системы управления. Так, практика их составления была разобрана авторами юбилейного издания, посвященного истории Комитета министров¹⁹. Их интересовали рассмотрение отчетов императором и дальнейшая работа с ними в правительстве. В этом многотомнике впервые в исторической литературе были классифицированы императорские резолюции на отчетах, которые могли быть “исходными пунктами некоторых важных реформ”, поскольку их исполнение способст-

¹⁹ Исторический обзор деятельности Комитета министров / сост. С.М. Середонин, И.И. Тхоржевский, Н.И. Вуич. СПб., 1902. Т. 1–5.

вовало разработке общеимперского законодательства²⁰. Таким образом, не подвергавшаяся критике содержательная сторона отчетов и обуславливала, по мнению составителей многотомника, интерес к ним.

Тогда же появилась и иная точка зрения на губернаторские отчеты, которую разделял И.А. Блинов. Он относил губернаторские отчеты к одним из потенциальных, но не реализованных средств надзора за деятельностью губернаторов. По мнению исследователя: “Всепооданнейшие отчеты губернаторов играют очень большую роль. Правительство относится к ним крайне внимательно, обстоятельно их изучает и постоянно прислушивается к мнению губернаторов. Государи-императоры кладут на отчетах многочисленные собственноручные отметки. Влияние этих отчетов сказывается как на направлении административной, так и законодательной деятельности”. “Вместе с тем, – продолжает И.А. Блинов, – губернаторы в своих отчетах часто весьма неточно передавали действительную картину местной жизни, стремясь сообщаемыми сведениями пойти навстречу желаниям центрального правительства. [...] В виду такого характера отчеты не могут служить сколько-нибудь полезным средством надзора за деятельностью губернаторов”²¹.

В советской историографии одним из первых обратил внимание на важное административно-политическое значение губернаторских отчетов П.А. Зайончковский. Он считал, что губернаторские отчеты, главным образом, демонстрировали “реакционную направленность всей деятельности губернских властей”²². К ценным элементам этого источника П.А. Зайончковский относил и императорские резолюции, которые отражали общий внутривластный курс, а в особенности отношение местной власти к нововведениям пореформенного периода. Однако специально этот вопрос в историографии не рассматривался довольно долго. Лишь немного позднее ленинградские историки в своей коллективной монографии²³ указали, что через губернаторские отчеты был поставлен вопрос о введении земских учреждений в Западном крае. Впоследствии это замечание почти без изменения повторила их последующая книга²⁴.

Со второй половины XIX в. МВД, в ведении которого находились губернаторы, стало использовать всепооданнейшие отчеты как один из рычагов контроля над местной администрацией. На этот вопрос обратил внимание М.М. Шумилов²⁵, который считал, что МВД, таким образом, желало подчинить губернаторов своему диктату. Особое значение он придавал конечному этапу представления отчета, его рассмотрению в Санкт-Петербурге. Его интересовала потенциальная возможность влияния отчетов вообще на внутреннюю политику. В связи с этим он продолжил разработку вопроса о

²⁰ См.: Исторический обзор деятельности Комитета министров / сост. И.И. Тхоржевский. СПб., 1902. Т. 4. С. 111, 122.

²¹ Блинов И.А. Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 341–342.

²² Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 14–15.

²³ См.: Кризис самодержавия в России: 1895–1917. Л., 1984. С. 95, 115.

²⁴ См.: Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 430–431.

²⁵ Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х годов XIX вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1992.

взаимосвязи императорских резолюций на просмотренных губернаторских отчетах с последующим принятием политических решений²⁶.

Об истоках годовой губернаторской отчетности рассуждает в своей статье П.В. Акульшин²⁷. По его мнению, отчеты были нужны МВД для более эффективного управления страной, но они не стали прочным каналом связи между центром и регионами. Имело место, как пишет П.В. Акульшин, взаимное непонимание между МВД и губернаторами, что отражалось на качестве и оперативности отчетов. Между тем трудности в составлении первых отчетов на местах продемонстрировали слабые места в системе местного управления как на губернском, так и уездном уровне. Поэтому составление губернаторами годовых отчетов превратилось, по его словам, в “бюрократический ритуал”, не имевший ничего общего с рациональным предназначением этого документа.

Роль губернаторских отчетов в организации управления отдельными регионами также не ускользнула от внимания историков. А.В. Ремнев, автор исследований по истории управления губерниями Сибири и Дальнего Востока²⁸, показал, что отчеты сибирских генерал-губернаторов и губернаторов были не только информационным каналом, но и рабочим материалом для правительства при формировании административной политики в Сибири.

Проблема статуса губернаторских отчетов затрагивалась и американским историком Р. Роббинсом²⁹. Он полагал, что губернаторы придавали большое значение своему “отчетному” праву. Посредством всеподданнейших отчетов губернаторы подчеркивали свой “наместнический статус”, возвеличивая свою должность и себя лично. По мнению Р. Роббинса, большинство губернаторов ограничивалось лишь ординарным информированием императора о состоянии дел в губернии. Однако встречались и те, кто пытался на страницах отчетов выступить с инициативой каких-либо преобразований в той или иной сфере. Отдельные проекты могли касаться даже общегосударственных масштабов. Между тем результативность губернаторских инициатив была небольшой, хотя они и способствовали усилению внимания центрального руководства к местным нуждам.

В статье Н.П. Матхановой³⁰ также обращается внимание на необходимость использования губернаторских отчетов как источников по изучению административной системы. Исследователя интересует вопрос расширения источниковой базы для изучения проблемы “соотношения закона и действительности, юридической нормы и административной практики”. Н.П. Матха-

²⁶ Шумилов М.М. Указ. соч.

²⁷ Акульшин П.В. Реформаторские планы и провинциальная реальность: губернаторские отчеты первых лет правления Александра I (на материале Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний) // Вестник Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина. 2005. № 1. С. 66–72.

²⁸ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск, 1997; *Он же*. Россия Дальнего Востока: Имперская география власти XIX – начала XX в. Омск, 2004.

²⁹ Роббинс Р. Наместник и слуга // ОИ. 1993. № 1. С. 202–213.

³⁰ Матханова Н.П. Губернаторские отчеты и жандармские донесения как источник по истории российского провинциального чиновничества середины XIX в. // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. Вып. 19. С. 204–236.

нова занята разработкой частного вопроса – истории провинциального чиновничества середины XIX в., в связи с чем и обращается к губернаторским отчетам. Ей импонирует точка зрения Н.П. Дятловой о влиянии личных качеств и идейно-политических настроений губернатора на характер подачи сведений в отчете. Губернаторские отчеты, по мнению Н.П. Матхановой, отражают уровень понимания разного рода проблем во властных структурах, а также содержат интересные характеристики представителей провинциальной администрации.

Мы видим, что единого взгляда на губернаторские отчеты как исторический источник нет. В историографии их изучения длительное время преобладал главным образом “экономический” подход. Он односторонен в использовании и тем более понимании природы этих документов. Данный источник действительно важен при изучении одной из составляющих правительственной статистики и официальной оценки состояния народного хозяйства. Вместе с тем процесс подготовки губернаторского отчета явно заслуживает более подробного изучения с точки зрения контроля и управления со стороны губернатора подведомственным ему губернским аппаратом и участия в этом процессе центральной власти. Анализ подготовительной документации к отчетам, ведомственной переписки и документов по их рассмотрению императором и Комитетом (Советом) министров показывает, что процесс составления и представления отчетов был важным инструментом регулирования административных взаимоотношений центра и провинции, а следовательно, и внутренней политики в целом³¹.

Кроме того, необходимо преодоление некоторого скептицизма по отношению к отчетам, который еще остается у исследователей. Сложилась парадоксальная ситуация – отчеты подвергаются жесткой критике, но их продолжают (а часто только их) использовать. Чем это объяснить? Видимо всеподданнейшие отчеты губернаторов имеют ряд очевидных преимуществ перед другими источниками. Эти преимущества носят как объективный, так и субъективный характер. Губернаторские отчеты в целом хорошо сохранились, они легко читаются. Содержащиеся в них сведения систематизированы и имеют внутреннюю логику изложения. Все это делает отчеты губернаторов очень “удобным” источником.

Содержание губернаторских отчетов готовит для историков немало открытий, ведь их формуляр всесторонне охватывал жизнь отдельного региона. Эволюция программы отчета, равно как основная проблематика ее содержания, освещена в литературе и нет надобности останавливаться на этом подробно³². Между тем практика включения в отчет информации, выходящей за рамки формуляра, делает этот документ еще более интересным. Достаточно сказать, что конструирование своих оригинальных формуляров стало особенно распространено с конца XIX в. Поэтому для этого времени,

³¹ Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов как источник по изучению взаимоотношений центральной и местной власти в России второй половины XIX – начала XX в. // ОИ. 2005. № 3. С. 170–175.

³² См., например: Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации... С. 142–161.

когда страна переживала бурные перемены в общественно-политической и социально-экономической жизни, этот источник особенно ценен.

Изучение различных по тематике, хронологии и географии проблем с привлечением отчетов губернаторов ставит историков в неравное положение. В первую очередь это связано с сохранностью этих документов. Обращаем внимание на эвристические аспекты проблемы. Состав и содержание архивных фондов оставляют открытым вопрос о количестве представленных и доступных для историков отчетов.

Поскольку практически ни в одном архивохранилище нет полного комплекта отчетов по какой-либо губернии, создается противоречивое представление о потенциальном количестве представленных отчетов. Часто можно встретить какое-нибудь исследование по региональной проблематике, где исследователь использует лишь несколько отчетов из местных архивов, считая их оригиналами и (или) единственными из сохранившихся экземпляров.

Учитывая эти обстоятельства, важное практическое значение имеет выяснение общего числа составленных отчетов, которые представлены в архивохранилищах и потенциально доступны исследователям; их географии (по каким административно-территориальным единицам и за какие годы были составлены отчеты); наконец, хронологии этих документов. Это даст историкам конкретную информацию о документах, представленных в архивном фонде, сэкономит рабочее время, а также укажет перспективные направления дальнейших поисков.

В каком количестве экземпляров изготавливался отчет? Его тираж с большой точностью можно определить лишь зная порядок представления этого документа, поскольку отчеты были секретны и массово не тиражировались. Оригинал отчета вместе с всеподданнейшим рапортом шел императору, а копии с оригинала в МВД (с 1895 г. в 2-х экземплярах) и управляющему делами Комитета министров (с 1895 г.). Кроме того, начальники губерний, которые входили в генерал-губернаторства, представляли копии своих отчетов соответствующим генерал-губернаторам. После чтения отчетов царем, они направлялись на рассмотрение в Комитет, а с 1905 г. Совет министров³³. С начала 1880-х годов для министров и главноуправляющих стали изготавливаться типографским способом копии уже с рассмотренных царем отчетов. Таким образом, к концу XIX в. по условным подсчетам количество отправленных экземпляров отчета (оригинала и копий с него) не могло превышать 4–5 экземпляров. Заметим, что с 1870 г. обзоры губерний и статистические приложения к отчетам не являлись секретными документами. Они размножались типографским способом и имели большой список рассылки. С 1870-х годов губернаторы обменивались обзорами губерний, и это даже поощрялось центральными властями³⁴.

При знании институциональной стороны всеподданнейших отчетов, может показаться, что эвристическая задача в отношении этих документов не так уж сложна в решении. Отчеты должны быть в делопроизводстве тех

³³ Мемория Совета министров о распределении дел, отнесенных к ведению Комитета министров. 21 марта 1906 г. // Совет министров Российской империи. 1905–1906 гг.: Документы и материалы. Л., 1990. С. 367.

³⁴ См.: Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов... С. 171.

учреждений-фондообразователей, которые входили в круг рассылки отчета, а на местах могут находиться копии оригиналов и разного рода предварительная документация. Так ли это на самом деле?

На практике исследователя ожидает несколько иная картина. Остановимся подробнее на коллекции всеподданнейших отчетов губернаторов Российского государственного исторического архива (РГИА). На сегодняшний день она самая полная. Особую ценность имеют отчеты, хранящиеся в фондах Комитета и Совета министров (1263 и 1276 соответственно). География отчетов представлена около 130 губерниями, областями и градоначальствами. Фонды располагают также отчетами генерал-губернаторов, обер-полицеймейстеров и атаманов казачьих войск. В указанных фондах хранятся оригиналы отчетов – те, которые просматривал император, а потом передавал на рассмотрение в Комитет (Совет) министров. Оригиналы отчетов разбросаны по многочисленным описям и сопровождалась, как правило, выписками журнальных статей Комитета (Совета) министров. В научно-справочном аппарате РГИА имеется сводная опись губернаторских отчетов, составленная в алфавитно-хронологическом порядке.

Крайние даты коллекции РГИА 1804–1916 гг. Однако большая часть отчетов представлена 1837–1914 гг. Наиболее ранние, за 1804 г. включительно, это отчеты о состоянии Архангельской, Астраханской, Виленской, Витебской, Владимирской, Волынской, Вятской, Гродненской, Кавказской, Казанской, Калужской, Киевской, Костромской, Курской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Московской, Нижегородской, Олонецкой, Пензенской, Пермской, Петербургской, Подольской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Саратовской, Слободско-Украинской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тобольской, Томской, Тульской, Херсонской, Эстляндской, Ярославской губерний, а также Области войска Донского. Имеются отчетные материалы о состоянии Финляндии за 1804–1810 гг. Относительно непрерывно имеются отчеты по губерниям Царства Польского. За первую треть XIX в. преобладают объединенные отчеты сразу за несколько лет. По многим губерниям отсутствуют, например, отчеты за 1905 г.

Большая часть последних отчетов представлена за 1913 или 1914 гг. Наиболее поздние отчеты – за 1915 г.: о состоянии Астраханской, Бакинской, Волынской, Дагестанской, Закаспийской, Кубанской, Новгородской, Самаркандской, Сахалинской, Тифлисской, Тульской, Уральской, Уфимской губерний и областей, а также Области войска Донского Кронштадтского, Николаевского, Ростовского-на-Дону и Севастопольского градоначальств. За 1916 г. имеются отчеты лишь о состоянии Иркутской губернии и Семиреченской области.

Подобный состав коллекции РГИА в указанных фондах, особенно по первой половине XIX в., вполне объясним. Напомним, что первые отчеты, строго говоря, вообще не были всеподданнейшими, а составлялись по поручению министра внутренних дел. Поступление отчетов в Комитет министров также не сразу стало регулярным. С 1828 по 1837 г. было рассмотрено всего 14. Лишь с 1838 г. их обсуждение стало вестись систематически³⁵.

³⁵ Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801–1917. СПб., 2000. Т. 1. С. 63.

Первый из разобранных в Комитете министров отчетов был подготовлен генерал-губернатором Н.Н. Хованским. Он касался состояния Витебской, Калужской, Могилевской и Смоленской губерний³⁶. Впрочем, имеющиеся лакуны могли быть вызваны и делопроизводственными утратами.

Среди документов других различных фондов РГИА находится большое количество копий отчетов. Особого внимания, конечно, заслуживают фонды МВД (Ф. 1282, 1284, 1290 – канцелярия министра, Департамент общих дел и Центральный статистический комитет соответственно). Одна из наиболее полных коллекций отчетов отложилась в фонде Совета министра внутренних дел (Ф. 1281), делопроизводство которого было сосредоточено в Департаменте общих дел МВД³⁷. Здесь анализировали замечания по каждому отчету, вели по ним переписку с губернаторами и другими ведомствами.

Остановимся подробнее на коллекции типографских копий губернаторских отчетов, которая также хранится в РГИА³⁸. Она насчитывает 133 единицы хранения. 124 из них представляют собой подшивки отчетов одной губернии. Внутри фонда подшивки расположены в алфавитном порядке. Крайние даты фонда 1853–1917 гг., но собственно печатные копии отчетов представлены с 1882 г. Самые ранние из них – всеподданнейшие отчеты о состоянии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства за 1882 г., а также Амурской области за 1883 г.³⁹ В основном же первые отчеты по большинству губерний и областей начинаются с 1884 г. Более поздние экземпляры – рукописные копии. Это отчеты Курляндского, Лифляндского и Эстляндского генерал-губернатора за 1853 г., Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора за 1855–1857 гг. В фонде хранятся всеподданнейшие отчеты не только губернаторов, генерал-губернаторов и начальников областей, но и некоторых градоначальников, обер-полицеймейстеров, а также атаманов отдельных казачьих войск. Всего – 117 административно-территориальных субъектов империи, но полного комплекта отчетов нет ни по одной губернии. Помимо единиц хранения по конкретной губернии, имеются подшивки 1903, 1904, 1905, 1907, 1908, 1909, 1910 гг. с отчетами за указанный год. Наконец, две единицы хранения содержат россыпь отчетов за 1884–1910 гг. в алфавитном порядке. Обе эти подшивки продолжают одна другую. Первая содержит отчеты, начиная с Бакинской по Петербургскую губернии, вторая – продолжается с Петроковской губернии по Якутскую область.

Обследование коллекции печатных копий губернаторских отчетов *de visu* позволяет говорить о большем количественном разнообразии ее состава. Помимо отчетов, которые значатся на заголовках переплетов, в коллекции имеются справки из Комитета министров к всеподданнейшим отчетам, проекты резолюций по всеподданнейшим отчетам, извлечения из

³⁶ Справка по вопросу о составлении всеподданнейших отчетов губернаторов и порядке рассмотрения их в Совете министров. Б/д. / сост. в Канцелярии Совета министров (РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 182. Л. 245).

³⁷ Только в 1900–1902 гг., одновременно с Советом министра внутренних дел, рассмотрением губернаторских отчетов занималась Канцелярия министра внутренних дел.

³⁸ Подробнее об этом: *Минаков А.С.* Коллекция печатных отчетов губернаторов из фонда библиотеки I отделения РГИА // *Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания.* М., 2008. Ч. II. С. 462–464.

³⁹ См.: РГИА. Ф. Библиотека I-го Отд. Д. 2, 59.

всеподданнейших отчетов губернаторов, всеподданнейшие рапорты губернаторов, прилагаемые к отчетам, и другая ценная документация, по которой можно изучать судьбу губернаторских отчетов до и после их рассмотрения императором.

Каждый печатный экземпляр отчета изготавливался для какого-либо министра или главноуправляющего. Об этом говорят соответствующие рукописные пометки черными чернилами в левом нижнем углу первой страницы отчета. Наибольшая часть из сохранившихся в коллекции отчетов предназначалась К.П. Победоносцеву. Печатаение губернаторских отчетов, по всей видимости, было связано с усилением правительственного внимания к ним после воцарения Александра III. Скорее всего решение о начале печатания отчетов могло быть принято при участии А.Н. Куломзина, назначенного в 1883 г. управляющим делами Комитета министров. Он был сторонником активного использования губернаторских отчетов в правительственных мероприятиях⁴⁰.

Наряду с этим по отдельным архивохранилищам и библиотекам известны “печатные” отчеты Галицийского, Виленского, Ковенского и Гродненского; Западно-Сибирского; Иркутского; Киевского, Подольского и Волынского; Приамурского, Степного, Туркестанского и Финляндского генерал-губернаторов за некоторые годы. Почти все они не имеют выходных данных⁴¹, зато есть указание на секретность документа. Можно предположить, что их изготавливали типографским способом для удобства работы с ними. Так что в правительстве вполне могли пользоваться отчетами не только напечатанными в сенатской типографии, но и непосредственно на местах. Например, ряд объединенных отчетов приамурского генерал-губернатора за 1886–1891, 1893–1895, 1896–1897, 1898–1900, 1901–1902, 1906–1907, 1908–1910 гг., обнаруженные в коллекции библиотеки РГИА, имеются также в РНБ, библиотеке ИНИОН РАН, БАН, ЦНБ ДВО РАН, ДВГНБ и других хранилищах.

В Комитете министров отчеты оказывались уже после прочтения их императором, поэтому на “библиотечных” отчетах РГИА есть пометки о сделанных императором резолюциях, что, несомненно, усиливает их источниковую ценность. Пометки, информирующие о наличии и количестве резолюций, расположены в верхней части первой страницы отчета, с выравниванием по правому краю. В соответствующих местах текста воспроизведены сами резолюции. Они-то и создают впечатление тождественности этих экземпляров оригиналам. Однако такое мнение обманчиво. Если проверить количество и содержание воспроизведенных резолюций по Сводам высочайших отметок, то обнаруживается отсутствие отдельных императорских маргиналий. Поэтому более точные данные могут быть получены лишь при сопоставлении “печатных” отчетов с оригиналами.

⁴⁰ См.: Куломзин А.Н. Пережитое (РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 188. Л. 6–8).

⁴¹ Из отчетов, имеющих выходные данные, укажем, например: Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта С.М. Духовского. 1896–1897 гг. СПб., 1898; Отчет временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 г. по 1-е июля 1915 г. Киев: Тип. штаба Киевск. воен. окр., 1916. (Сведения предоставлены А.И. Раздорским.)

Не менее интересными материалами располагает и Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Всеподданнейшие отчеты имеются в фондах канцелярий Варшавского, Ломжинского, Петроковского и других губернаторов. Множество извлечений из губернаторских отчетов содержит фонд Департамента полиции. Например, во 2-м, так называемом законодательном делопроизводстве департамента, велась работа по исполнению высочайших резолюций на отчетах, которые касались устройства полиции, благонадежности поступающих на службу, борьбы с распространением сект, содержания тюрем и т. п. вопросов. Много губернаторских отчетов в личных фондах высокопоставленных чиновников МВД, губернаторов. Например, в фонде министра внутренних дел В.К. Плеве хранятся отдельные всеподданнейшие отчеты Приамурского, Степного, Иркутского генерал-губернаторов; начальников Закаспийской, Карской областей и др.⁴²

Большое значение имеют губернаторские отчеты, хранящиеся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. В Коллекции рукописных книг (Ф. 115) имеются отчеты о состоянии Воронежской, Курляндской, Орловской, Черниговской губерний за 1804–1810 гг., Вятской за 1813 г., Иркутской за 1814–1815 гг. и др. Это рукописные экземпляры, адресованные министрам внутренних дел и полиции. Многие из этих документов пока не обнаружены в фондах РГИА, однако их выявление затруднено тем, что отчеты не включены в инвентарные описи. Поэтому велика вероятность обнаружения и других документов.

Наконец, губернаторские отчеты сосредоточены в республиканских, краевых и областных государственных архивах. Как правило, они хранятся в фонде канцелярии местного губернатора. В императорской России этот орган не имел единой организационной структуры. Поэтому часто документы “канцелярских” фондов сформированы по числу столов канцелярии и разделены тематической направленностью. Такое деление фондов на столы, а не на описи связано с их первичной архивной обработкой еще в XIX в. Заметим, что губернаторские отчеты встречаются в разных столах губернаторских канцелярий. Впрочем, есть примеры хранения отчетов и в других фондах. Например, в Государственном архиве Красноярского края они есть лишь в фондах Енисейского губернского правления и Енисейского губернского статистического комитета⁴³. Как правило, отчеты губернаторов являются документами постоянного хранения, большинство из которых отнесены к категории “особо ценных”.

В местных архивах исследователь в лучшем случае имеет дело с копиями оригиналов отчетов. Ни один региональный архив обычно не располагает полным комплектом отчетов своей губернии за весь период составления. Впрочем, законодательство досоветской России не предписывало хранить на местах копии уже представленных отчетов губернаторов. Есть архивы, располагающие совсем скромными их собраниями. Например, в Государственном архиве Псковской области учтено лишь пять отчетов – за 1857, 1859,

⁴² См.: ГА РФ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 38а, 39, 173, 188, 228; и др.

⁴³ См., например: Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3956. Л. 3–13; Ф. 31. Оп. 1. Д. 35. Л. 2–6; и др.

1860, 1862 и 1913 гг., а в Государственном архиве Новгородской области есть лишь один – за 1853 г.⁴⁴

Ежегодный всеподданнейший отчет губернатора является сложным источниковым комплексом, включающим помимо самого текста отчета подготовительные материалы к нему и документы о его рассмотрении в правительстве. В местных архивах часто находятся черновые редакции отчета, сопроводительные документы к нему и разного рода предварительные сведения. Среди архивов, особо отличающихся наличием этого ценного документального комплекса, отметим Государственные архивы Красноярского края, Кировской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Ярославской и других областей. Предварительные материалы и черновики с правкой губернских чиновников могут оказать существенную помощь в оценке достоверности данных губернаторских отчетов. Их анализ делает возможным изучение процесса его создания. Однако выявление этих материалов вызывает сложности, связанные с необходимостью обследования большого количества единиц хранения.

Историку, вынужденному обращаться к всеподданнейшим отчетам, порой трудно ориентироваться в документальном многообразии. Чтобы выяснить места хранения, реальное количество отчетов и их географию необходимо трудоемкое обследование архивохранилищ. Облегчить работу исследователей по выявлению этих документов может каталог губернаторских отчетов, который систематизирует имеющуюся информацию⁴⁵. В нем может быть три системы поиска (по конкретной губернии, области или градоначальству, по отчетному году и по месту хранения отчетов). В процессе обследования местных архивов могут обнаружиться предварительные материалы и черновые редакции отчетов. Это поможет историку быстрее найти нужный документ.

Наши представления о той роли, которую играли губернаторские отчеты в системе управления и правильная оценка их содержательной стороны, невозможны без привлечения дополнительных источников. Для исследуемых нами вопросов особую важность имеют императорские резолюции на губернаторских отчетах. Они были главным итогом “жизни” этих документов. Резолюции были отправной точкой в оценке деятельности местной власти, часто с них начиналась разработка каких-либо внутриполитических мероприятий. Поскольку императорские резолюции были важным “рабочим материалом” в текущей деятельности правительства, в последней четверти XIX в. они начинают публиковаться в систематизированном порядке. Первый “Свод высочайших отметок” – они носили такое название, появился

⁴⁴ Государственный архив Псковской области. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1913, 1945, 1977, 2019, 3265; Государственный архив Новгородской области. Ф. 138. Оп. 1. Д. 12766.

⁴⁵ См.: *Минаков А. С.* О подготовке сводного каталога годовых отчетов о состоянии губерний, областей и градоначальств России (1804–1916) // Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития. М., 2006. С. 81–84; *Он же.* Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: Источниковедческие и методологические аспекты составления сводного каталога // IV Яхонтовские чтения. Рязань, 2008. С. 122–125; *Он же.* Всеподданнейшие отчеты о состоянии губерний, областей и градоначальств Российской империи: проблема архивной эвристики // ОА. 2009. № 1. С. 28–36.

в 1893 г. и охватывал императорские резолюции за 1881–1890 гг.⁴⁶ С 1893 г. отчетного года “Сводь” стали выходить ежегодно. В этих изданиях императорские резолюции, как словесные, так и в виде отчерков, распределены по губерниям в алфавитном порядке. К ним прилагался развернутый тематический указатель. Следует принимать во внимание, что ни “Сводь”, ни упоминавшиеся выше “печатные” отчеты не могут создать полного представления о количестве императорских резолюций. Сопоставление состава резолюций в “Сводях” с теми, которые имеются в текстах “библиотечных” отчетов, показало, что ряд резолюций отсутствует как в одном, так и в другом издании. Отдельные из них указаны неправильно или опущены (например, словесная резолюция приведена без отчерка). В “Сводь” преднамеренно не включались некоторые резолюции (к примеру, связанные с духовным ведомством). Поэтому для выявления полного состава высочайших резолюций необходимо обращение к оригиналам отчетов.

Интересным источником, проливающим свет на судьбу губернаторских предложений, являются Особые журналы Совета министров⁴⁷. Некоторые из них были посвящены рассмотрению отдельных губернаторских отчетов. Журналы содержат сведения о работе по исполнению резолюций в соответствующих центральных ведомствах, реакции на них, а также заключения Совета министров по ним. Особые журналы документировали обсуждение одного или нескольких заседаний правительства и потенциально могли получить статус законодательного акта. Все это позволяет судить о том, насколько значимы были предложения губернаторов при обсуждении внутриполитической ситуации в стране на самом высоком уровне.

Богатый материал для оценки роли губернаторских отчетов во внутренней политике дают воспоминания и дневники чиновников, которые по роду службы соприкасались с их составлением или рассмотрением. Это позволяет взглянуть на данные документы из-за кулис бюрократической “кухни”, увидеть их характеристики, скрытые за официальной делопроизводственной документацией. Интересные свидетельства мы находим прежде всего в воспоминаниях бывших губернаторов. Например, Б.А. Васильчикова⁴⁸ волновала судьба своих предложений в отчетах. То, как исполнялись высочайшие резолюции на них, по его мнению, отражало уровень монаршего авторитета в системе государственной власти. Другой мемуарист, В.А. Друцкой-Соколинский⁴⁹, занимавший губернаторские должности в последние годы самодержавного строя, подчеркивал особое значение всеподданнейших отчетов в двусторонних взаимоотношениях монарха и губернатора. Монархист, по своим политическим убеждениям, он несколько идеализировал этот документ, полагая, что его страницы допускали самую откровенную объективную критику правительственной политики, а сам отчет был важным информационным каналом. Интересны и содержательны воспоминания бывшего

⁴⁶ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1881–1891 гг. генерал-губернаторов, губернаторов, начальников областей и градоначальников. [СПб.], 1893. Были также объединенные своды за 1882–1889 и 1891–1892 гг.

⁴⁷ См.: Особые журналы Совета министров царской России. 1906–1908. М., 1979–1985; Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917. М., 2000–2009.

⁴⁸ Васильчиков Б.А. Воспоминания. М., 2003. С. 148.

⁴⁹ Друцкой-Соколинский В.А. Записки русского губернатора. Орел, 1994. С. 130.

московского губернатора В.Ф. Джунковского. Он подробно останавливается на тех проблемах губернии, о которых писал в своих ежегодных отчетах. В отличие от других мемуаристов-губернаторов, каждая глава воспоминаний В.Ф. Джунковского повествует об отдельном календарном годе пребывания на посту. В.Ф. Джунковский аккуратно рассказывает и о судьбе своих предложений и инициатив. В соответствующих главах о 1906 и 1907 гг. мы обнаруживаем даже краткий пересказ всеподданнейших отчетов за эти годы⁵⁰. Практически за каждый отчетный год В.Ф. Джунковский обильно цитирует императорские резолюции на своих отчетах. Он также сообщает о дальнейшем движении дел по возбужденным ходатайствам. Схожую литературную педантичность мы встречаем и в мемуарном наследии И.А. Шестакова. Последний едва ли не дословно цитирует текст своего всеподданнейшего отчета по Таганрогскому градоначальству, останавливаясь даже на приложении к нему⁵¹.

Свидетельства других государственных деятелей различного ранга не менее содержательны. Они обозначают позицию как компетентных представителей чиновного мира, так и сторонних, невольных свидетелей делопроизводственной кухни этого документа. Так, например, уже упоминавшийся А.Н. Куломзин⁵² в своих обширных воспоминаниях отразил собственный взгляд на роль губернаторских отчетов в управлении страной и отношение к ним в правительстве. Его мемуары уточняют взгляды отдельных государственных деятелей на губернаторские отчеты и то, в какой атмосфере проходила работа с ними в правительстве после рассмотрения их императором. А.Н. Куломзин был сторонником взвешенного отношения к бюрократической системе своего времени, поэтому зачастую резко высказывался о сложившихся в высших эшелонах власти традициях и порядке рассмотрения губернаторских отчетов, критиковал недооценку правительством содержательного потенциала этих документов.

О практике рассмотрения губернаторских отчетов на заседаниях Совета министров вспоминал последний министр иностранных дел царского правительства Н.Н. Покровский⁵³. Интересные оценки частных аспектов проблемы есть в мемуарах К.Д. Кафафова, С.Е. Крыжановского, дневниках Е.А. Перетца, А.А. Половцова, А.В. Богданович, А.Н. Куропаткина⁵⁴ и других источниках личного происхождения. Отрывочные записи о рассмотрении губернаторских отчетов имеются в дневниковых записях императора Николая II⁵⁵.

Как всякий содержательный источник губернаторские отчеты являются привлекательным объектом археографии. Впрочем, опыт публикации этих

⁵⁰ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 194–195, 264–265.

⁵¹ *Шестаков И.А.* Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838–1881 гг.). СПб., 2006. С. 460–463.

⁵² *Куломзин А.Н.* Пережитое (РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 192. Л. 13; Д. 195. Л. 2–2 об).

⁵³ *Покровский Н.Н.* Воспоминания // ИА. 2002. № 2. С. 206

⁵⁴ См.: *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 227; *Кафафов К.Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // ВИ. 2005. № 3. С. 92; *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Берлин. Б.г. С. 147; [*Куропаткин А.Н.*] Дневник А.Н. Куропаткина // КА. 1922. Т. II. С. 15; *Перетц Е.А.* Дневник. М.; Л., 1927. С. 107; и др.

⁵⁵ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 110, 142, 423.

документов не богат примерами. В 1926 г. в журнале “Красный архив” были помещены выдержки из отчетов о состоянии Саратовской, Херсонской и Казанской губерний за 1904 г.⁵⁶ Они касались преимущественно аграрной проблематики.

Якутскими архивистами были опубликованы отчеты о состоянии Якутской области за 1855, 1887, 1891, 1902 и 1911 гг.⁵⁷ Характеризуя публикуемые документы, составители издания уделяют особое внимание всеподданнейшему отчету за 1911 г., подготовленному губернатором И.И. Крафтом, поскольку “отчеты губернаторов за исключением отчета И.И. Крафта, практически ничем не отличаются [...] В отличие от других губернаторов, старавшихся в своих отчетах показать лишь положительные стороны, Иван Иванович Крафт смело ставил и неотложные, на его взгляд, вопросы, в первую очередь о насущных проблемах”⁵⁸. Значительное место занимает пространный пересказ этого отчета, с указанием на последовавшие высочайшие резолюции. В издании говорится, что основная масса отчетов якутских губернаторов хранится в РГИА и Государственном архиве Иркутской области, а публикуемые документы выявлены в фондах этих архивов. Судя по всему, этим составители объясняют их выбор для публикации. Отчеты опубликованы в хронологической последовательности с сохранением орфографических и стилистических особенностей оригинала. Отчет за 1855 г. опубликован вместе со статистическими ведомостями. В отчете за 1911 г. воспроизведены высочайшие резолюции. В качестве приложения публикуются две статьи одинакового названия “Памяти И.И. Крафта” из газеты “Сибирская жизнь”. Завершают научно-справочный аппарат примечания по содержанию, посвященные в основном персоналиям якутских губернаторов. Издание иллюстрировано портретами губернаторов и фотографиями Якутска XIX – начала XX в.

Одновременно в Польше были опубликованы два всеподданнейших отчета о состоянии Варшавского генерал-губернаторства за 1880 и 1895–1896 гг.⁵⁹ Публикация осуществлена на русском и польском языках. Издание снабжено научно-справочным аппаратом. Императорские резолюции, имеющиеся на отчетах, указаны, хотя воспроизводятся графически (подчеркиваниями и вставками текста на полях).

Указанные выше издания отчетов варшавских генерал-губернаторов и якутских губернаторов пока единственные публикации таких документов, в целом соответствующие правилам издания исторических источников и археографической культуре в целом.

Учитывая востребованность губернаторских отчетов как исторического источника, их публикация в полном виде, несомненно, откроет более широкие перспективы перед исследовательской аудиторией страны. Особенно важно, что к этим источникам получают доступ историки, лишенные, в силу

⁵⁶ См.: К истории аграрной реформы Столыпина / предисл. Н. Гайстера // КА. 1926. Т. IV(17). С. 83–88, 88, 89, 89, 90.

⁵⁷ История Якутии в отчетах якутских губернаторов / сост. А.А. Калашников, А.А. Павлов. Якутск, 2007.

⁵⁸ Там же. С. 6.

⁵⁹ Warszawscy generałowie-gubernatorzy o sytuacji społeczno-politycznej Królestwa Polskiego. Raporty Albiedynskiego i Szuwałowa z lat 1881 i 1896. Kielce, 2007.

географии их региона, возможности постоянного обращения к фондам РГИА. Архитектоника такого издания нам видится следующей. Для публикации обосновано брать оригиналы губернаторских отчетов из фондов Комитета (Совета) министров РГИА, т.е. текст, который читал император. Чрезвычайно важен учет всех высочайших резолюций и прочих помет. В случае обнаружения предварительных редакций в местных архивах, можно попытаться реконструировать первоначальный текст и последующие изменения, о чем будет указано в примечаниях.

При издании губернаторских отчетов важную роль играет научно-справочный аппарат. Он крайне необходим для разъяснения содержания и указания на неточности фактической стороны описываемых событий. Из указателей первостепенное значение будут иметь тематический и географический, обязательно включающие несколько видов предметных обозначений. Указатель имен также будет целесообразен, хотя персоналии встречаются в губернаторских отчетах не часто.

Таким образом, страницы губернаторских отчетов являются благодатным исследовательским полем. Однако в полной мере их информационный потенциал еще не раскрыт. Историографический опыт показал обоснованность и неизбежность рассмотрения губернаторских отчетов как многоаспектного источникового комплекса. Природа этих документов была такова, что они появились как объективная потребность государственного аппарата и существовали как в контексте соответствующих социально-экономических условий, так и сложной атмосфере взаимоотношений центральной и местной власти. Изучение социально-экономической проблематики не может обойтись без губернаторских отчетов. Вместе с тем перспективным направлением их применения является история имперской системы управления в целом. Комплексное использование как предварительных подготовительных материалов к отчетам, так и документов по работе с ними в правительстве, а не только итогового текста документа, даст ключ к раскрытию его достоверности и информационной полноты. Это приблизит источник к исследователю и будет залогом его долгого служения исторической науке.

Л.А. Спиридонова

РОЛЬ АРХЕОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ НАСЛЕДИЯ А.М. ГОРЬКОГО

М. Горький – одна из ключевых фигур XX в. Сегодня по-разному оценивают его личность и творчество. “Буревестник революции”, предвидевший и прославлявший ее, он долгие годы был живым символом нового мира, убежденным марксистом, “первым пролетарским писателем”, “основоположником социалистического реализма”. В период перестройки именно это ему вменили в вину и постарались вычеркнуть из русской истории, общественной мысли и литературы. Его стали называть предателем и конформистом, “надсмотрщиком” над советскими писателями, другом кровавых чекистов и их “хозяина” Сталина. Понадобились годы и публикации сотен архивных материалов, а также неизвестных ранее документальных источников, чтобы читатели вновь обратились к Горькому, желая понять, что же это был за человек, мыслитель и художник.

На этот вопрос прежде всего отвечает полное собрание сочинений писателя, выпускаемое отделом изучения и издания творчества М. Горького Института мировой литературы Российской академии наук. Оно задумано в трех сериях: 1) художественные произведения в 25 томах и 10 томов вариантов к ним (изданы в 1968–1982 гг.), 2) “Письма” в 24 томах и 3) “Публицистика” в 18 томах.

Издаваемые с 1997 г. “Письма” (в 2009 г. вышел том 14) позволяют узнать настоящего Горького, писателя сложного и противоречивого, человека с мятежной душой и острым умом, незаурядного мыслителя и общественного деятеля, поднявшегося из народных низов до высот мировой культуры.

Эпистолярное наследие Горького – явление уникальное и по объему и по значению в истории мировой культуры. Писатель признавался, что за всю жизнь написал 20 тыс. писем. Среди них была не только частная корреспонденция, но и письма, посвященные важнейшим общественно-политическим, историческим, философским, эстетическим и этическим проблемам века. Часто находясь в центре событий мирового значения, Горький запечатлел в них эпоху социальных катаклизмов, глобальной переоценки ценностей, зарождения и развития нового типа сознания. В письмах, охватывающих период с 1889 по 1936 г., гораздо более откровенно, чем в публицистике или художественных произведениях, он высказывает свои мысли обо всем происходящем в мире, сообщает подлинные факты необычной биографии цехового Алексея Максимовича Пешкова, ставшего всемирно известным писателем. В них не только раскрывается внутренний мир Горького и тайны его творческой лаборатории, но и достаточно полно представлена картина

культурной и общественно-политической жизни России за полвека. “Он был биографией своего века”, – писал К. Федин¹.

Горький переписывался со многими выдающимися деятелями эпохи: Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым, В.Г. Короленко, И.Е. Репиным, Ф.И. Шаляпиным, И.А. Буниным, Л.Н. Андреевым, А.М. Ремизовым, В.В. Розановым, М.М. Пришвиным, К.С. Станиславским, В.И. Немировичем-Данченко, И.С. Шмелевым, И.Э. Бабелем, В.Ф. Ходасевичем, А.П. Платоновым, К.А. Фединым, Б.Л. Пастернаком, М.М. Зощенко, Л.М. Леоновым, П.Д. Кориним и многими другими. Среди иностранных корреспондентов писателя – Б. Шоу, Р. Роллан, Г. Уэллс, А. Франс, Ф. Нансен, К. Гамсун, Б. Брехт, С. Цвейг, Г. Гауптман, А. Барбюс, К. Каутский, М. Хилквит и др.

Довольно интенсивно велась переписка с В.И. Лениным, И.В. Сталиным, Л.Д. Троцким, Л.Б. Каменевым, Г.Е. Зиновьевым, Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым, С.М. Кировым, Г.Г. Ягодой, В.М. Молотовым, Л.Б. Красиным, А.В. Луначарским, А.А. Богдановым, Г.А. Алексинским, В.Л. Бурцевым, Б.И. Николаевским, В.Е. Жаботинским и другими, которая частично или полностью была закрыта для исследователей на долгие годы. Не менее интенсивной была переписка Горького с крупнейшими учеными России и мира: И.П. Павловым, К.А. Тимирязевым, А.Д. Сперанским, К.Э. Циолковским, Л.Н. Федоровым, А.Н. Бахом, Ф.А. Брауном, В. Оствальдом, А.М. Игнатьевым, С.Ф. Ольденбургом, Н.А. Семашко, С.И. Метальниковым и многими другими.

Один только перечень адресатов свидетельствует не только о широте интересов писателя, но и о его огромной эрудиции. С годами Горький превращался из личности в целое “учреждение”, занимавшееся наиболее значительными вопросами общественно-политической и культурной жизни России и СССР. Его подпись стоит на деловых бумагах, обращениях, декларациях, документах различных литературно-общественных организаций, редакций, учреждений.

Эпистолярное наследие Горького позволяет раскрыть многие аспекты его многогранной деятельности, круг интересов, этапы духовной и творческой эволюции, взаимоотношения с современниками, узнать интимные стороны его жизни. Оно прежде всего показывает процесс становления и развития самосознания талантливого писателя-самоучки, выходца из народных низов Алексея Пешкова. В нем – история развития общественной мысли в России, пропущенная сквозь призму сознания незаурядной личности, богато одаренной и тонко чувствующей. Иными словами, читая тома “Писем”, в каждом из которых треть документов публикуется впервые, читатель только сейчас начинает представлять масштаб деятельности писателя и подлинную картину его духовного развития. Именно они являются бесценным источниковым материалом, позволяющим узнать настоящего Горького, без лакировочного глянца и неоправданного очернения.

Прежде всего тома “Писем” показывают стремительный рост талантливого самоучки Алеши Пешкова, который уже в 1899 г. стал широко известным. Первый том открывается письмом 1888 г. служащему Грязе-Царицынской железной дороги Безобидному с просьбой ответить, входит ли

¹ Федин К. Горький среди нас. Двадцатые годы. М., 1943. С. 22.

в обязанности сторожа “таскание помой из кухни начальника станции”². Двадцатилетний А. Пешков служил ночным сторожем на станции Добринка, и начальник каждое утро заставлял его выносить помой из кухни. Жалоба в управление железной дороги подействовала: вскоре его перевели в Борисоглебск охранять брезенты и мешки с хлебом, о чем свидетельствует второе письмо Горького – В.А. Щуренкову.

А рядом – письма Л. Толстому и Г. Успенскому, написанные чужой рукой, так как юноша был еще не в ладах с грамматикой и стеснялся это показать. “Порешил написать Вам письмо”, – сообщает Горький Л. Толстому и просит помочь ему “сесть на землю”, заняться хлебопашеством и “приложить свои силы к честному и полезному делу” (2, 1, 42). У Г. Успенского он спрашивает, существуют ли в прикаспийских степях трудовые товарищества “Земля и Брага” – и если существуют, то “как и где таковых отыскать”, ибо он хотел бы там поработать (2, 1, 42). В этих письмах за наивными рассуждениями полуграмотного человека уже видна личность борца с социальной несправедливостью, искателя воли и правды.

Пройдет всего три года, и письма Горького станут не только грамотными, но и полными раздумий о собственной жизни и даже философичными. “Мое мнение: лучше больше пережить, чем дольше прожить”, – признается он профессору И.А. Картиковскому в 1892 г. и размышляет: “Но что же есть эта жизнь? Конечное нечто или же переходная форма к лучшему?” (2, 1, 44). В этих словах уже слышится голос Сокола, презирающего спокойную мещанскую жизнь в темном ущелье. А 10 декабря 1899 г. Горький сообщает Ф.Д. Батюшкову, что дает разрешение французскому переводчику Дени Рошу переводить и печатать его ранние рассказы с иллюстрациями И. Репина. Во втором томе “Писем” читатель узнает, что солидное американское издательство “Сыновья Ч. Скрибнера”, только что выпустившее роман “Фома Гордеев”, получило “исключительное право издания и перевода” сочинений Горького. Воистину стремительный взлет!

Всем, интересующимся личной жизнью писателя, стоит обратиться к 25 письмам Горького О.Ю. Каменской (1892–1895), публикуемым в собрании сочинений впервые. Их можно считать набросками автобиографического рассказа “О первой любви”, в котором раскрывается драматическая история взаимоотношений писателя с любимой женщиной и ее дочерью. Это была первая попытка Горького создать семью, однако их роман не принес счастья ни О.Ю. Каменской, ни начинающему писателю. Три с небольшим года, прожитые вместе, были похожи на постоянный поединок двух очень разных людей. Предчувствуя расставание, Горький пишет: “Прощайте. Счастья я Вам желаю. Скорого и без борьбы. Пусть сдастся скорей кто-нибудь, и один усладит себя негой рабства, а другой прелестью обладания” (2, 1, 50). Тем не менее в письмах О.Ю. Каменской то и дело прорываются не ноты иронии, а искренние жалобы одинокого человека, ищущего смысл жизни: “Зачем я живу? – думаю я упорно” (2, 1, 62).

² Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. М., 1997. Т. 1. С. 41. Далее ссылки на это издание даются в тексте: том (арабскими цифрами) и страница. Первые цифры означают номер серии: 1 – “Художественные произведения”, 2 – “Письма”.

Как страницы интимного дневника звучат и письма Горького невесте Е.П. Волжиной, которой он писал почти ежедневно с лета 1895 г. до свадьбы, состоявшейся 30 августа 1896 г. Он признается, что совершенно не понимает себя: “Фигура изломанная и запутанная [...] Иногда я склонен думать, что он своеобразно умен, но чаще думаю, что он оригинально глуп. Главное – он слишком непонятен, вот его несчастье” (2, 1, 147). Накануне свадьбы он пишет: “Станный я человек, Катя, – чего я хочу? У меня душа – бродяга, вечно рыщет где-то вне земли и вечно чего-то настойчиво ждет и просит” (2, 1, 184).

“Беспокойный человек” Горький мучительно пытается понять себя и окружающих, ищет свое место в жизни и свою правду. Как выясняется из писем, он вовсе не был правоверным марксистом, каким его всегда изображали советские литературоведы. В конце февраля 1897 г. Горький пишет критику А.М. Скабичевскому: «Я – не марксист и оным не буду вовеки, ибо считаю стыдом исповедовать “марксизм по-русски и по-немецки”, ибо я знаю, что жизнь творят люди, а экономика только влияет на нее» (2, 1, 220). И чуть позже – А.Л. Волынскому: “О себе я одно знаю хорошо – я родился идеалистом, а теперь становлюсь скептиком, ибо люди – пошлы и мелки, а жизнь скучна и темна. [...] демократ по рождению и чувству, я очень хорошо вижу, что демократизм губит жизнь, и понимаю, что его победа будет победой не Христа, как думают иные, – а брюха” (2, 1, 245, 246).

Как совместить это признание, сделанное одному из теоретиков модернизма, с навязываемой нам десятилетиями мыслью о демократе Горьком, усердно боровшимся с декадентством? Столь же бездоказательно критики именовали его “первым пролетарским писателем”, не обращая внимание на то, что горьковские босяки – это люмпен-пролетарии, а вовсе не рабочие. В начале XX в. Горький сблизился с большевиками, какое-то время активно помогал им в подготовке революции, но и тогда не отказался от свободы думать по-своему. В томах писем, относящихся к этому периоду, читатель узнает, как Горький пытался предотвратить расстрел мирной демонстрации 9 января 1905 г., как спасал и переправлял за границу Г. Гапона, собирал средства на развитие русской революции в Европе и Америке, участвовал в V съезде РСДРП. Но и здесь, помимо известных фактов, много нового: письма Л. Троцкому 1908 г., полемика с В. Лениным и восхищение его противником А. Богдановым (переписка с которым стала полностью известна лишь в XXI в.). Здесь – подлинные свидетельства участия Горького в Каприйской партийной школе и в так называемой антипартийной группе “Вперед”. После 1909 г. его уже не удовлетворяли полностью ни большевики, ни меньшевики, и он шел с ними только до той поры, пока его любимый красный цвет не превращался в потоки крови.

С годами менялось горьковское понимание задач литературы и миссии художника, но оставалось неизменным желание писать о коренных вопросах духа, о героическом и светлом, возбуждающем в людях мечту об иной жизни, воспевать Человека с большой буквы. Окрыленность была свойством самой натуры писателя. Он жил, по меткому определению В. Шкловского, “с собственным воздухом вокруг крыльев”³. В самом начале XX в. Горький

³ Шкловский В. Удачи и поражения Максима Горького. [Тифлис,] 1926. С. 18.

почувствовал, что происходит развал того философского и этического базиса, на котором основано благополучие мещанства, и провозгласил в качестве основного принципа жизни *социальный романтизм*. В Америке уже в 1906 г. писатель пронизательно ощутил атмосферу бездуховности и фальши, безразличия к человеку. Развенчивая буржуазную демократию, он осудил культ денег, которые “короли жизни” делают лишь для того, чтобы сделать еще деньги и подчинить себе весь мир. Именно там он начал писать первую редакцию повести “Мать”, в которой попытался создать новое евангелие для пролетариата.

Горьковская концепция личности, характерная для первого периода творчества, сформулирована в его письме И.Е. Репину от 24 ноября 1899 г.: “Я не знаю ничего лучше, сложнее, интереснее человека. Он – все. Он создал даже Бога. Искусство же есть только одно из высоких проявлений его творческого духа, и поэтому оно лишь часть человека. [...] Но вижу также, что развитие человека с некоторой поры идет криво: развивается ум наш и игнорируются чувства. Думаю, что это вредно для нас. Нужно, чтобы интеллект и инстинкт слились в гармонии стройной, и тогда, мне кажется, все мы и всё, что окружает нас, будем ярче, светлее, радостнее”(2, 1, 377).

Отвечая на вопрос, что он сам более всего ценит в человеке, Горький пишет: “...это свобода. А человеку очень нужна свобода, и в свободе думать по-своему он нуждается более, чем в свободе передвижения. Никому не подчиняться – это счастье, не правда ли? Быть хозяином своей души и не принимать в нее чужого, нахально сорящего там свое, – это хорошо?” (2, 1, 377). В том же письме И.Е. Репину звучит мысль, которая станет определяющей для писателя на долгие годы: человек должен подняться до уровня Бога. Он размышляет: “Бог создает соловья и паука, слона и блоху, и – всюду он великий творец, и во всем он художник, вездé его любовь к жизни, везде – напряженное стремление создать вещь как можно лучше, умнее, ярче. Человек во всей деятельности своей, – а в искусстве всего больше, – должен быть художественен, т.е. красив и силен, как Бог”(2, 1, 378).

Утверждение самоценности свободной человеческой личности, презирующей условности мещанского бытия, доминирует в раннем творчестве Горького. Его рассказы о босяках положили начало созданию концепции человека, социальное самосознание которого не совпадает с его реальной жизнью. Дерзкие, сильные, смелые, презирующие власть и деньги, выше всего ставящие свободу, – такими рисуются Макар Чудра и Мальва, старуха Изергиль и Коновалов. Размышляя над вопросом “что есть человек?”, писатель сопоставляет разные ответы: ницшеанскую проповедь Ларры и альтруистический подвиг Данко, эгоистическую мораль князя Шадро и бескорыстную помощь его спутника. Излюбленный прием Горького – столкновение полярно противоположных идей, дуэль человеческих характеров.

Наиболее отчетливо мысль о Человеке с большой буквы выражена в монологах Сатина из пьесы “На дне”: “Человек – свободен... он за все платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум – человек за все платит сам, и потому он – свободен! Человек – вот правда. Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они... нет! – это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет ... в одном! (Очерчивает пальцем в воздухе фигуру человека.) Понимаешь? Это огромно!

В этом все начала и концы... Все в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное – дело его рук и его мозга!” (1, 7, 177).

Сатин почти дословно повторяет мысли самого Горького из приведенного выше письма Репину. Писатель создает единое родовое понятие Человека, в котором растворяются сословные, национальные и прочие индивидуальные признаки, не имеющие никакого значения на “дне” жизни. В ночлежке они просто не существуют: есть лишь голый человек на голой земле. Герои Горького настолько абстрагированы от жизни, что некоторые лишаются даже собственных имен. Актер мучительно пытается вспомнить себя в прошлом, Барон перечисляет лишь внешние признаки былого бытия. Общество, опустившее их на “дно”, лишает людей ценностных ориентиров и смысла жизни. Труд, мораль, стыд, совесть, гуманность остаются в той, прошлой, жизни.

Попытка объяснить смысл жизни звучит в словах Луки, обращенных к ночлежникам: “А – для лучшего люди-то живут, милачок!” Эту цитату обычно трактуют как призыв Горького к революции, к созданию другой, более справедливой жизни. Но смысл ее совсем иной. Лука продолжает: “Вот, скажем, живут столяры и все – хлам-народ... И вот от них рождается столяр... такой столяр, какого подобного и не видела земля, – всех превысил, и нет ему во столярах равного. Всему он столярному делу свой облик дает... и сразу дело на двадцать лет вперед двигает... Так же и все другие... слесаря, там... сапожники и прочие рабочие люди... и все крестьяне и даже господа – для лучшего живут! Всяк думает, что для себя проживает, а выходит, что для лучшего! По сту лет... а может и больше – для лучшего человека живут!” (1, 7, 173–174).

Итак, место хлама-народа должен со временем занять Человек с большой буквы, который вернет себе имя, и оно прозвучит гордо. Это не “сверхчеловек”, ибо он родится от тех же столяров, сапожников или крестьян. Это “новый человек”, облика которого писатель еще не знает, но верит в его пришествие. В отличие от Ницше, который в “Антихристе” заявил, что прогресс – это временная и фальшивая идея, Горький верил в поступательное движение истории к лучшему будущему. В дидактической поэме “Человек”, формулируя свое понимание личности, Горький пишет: “Я вижу его гордое чело и смелые глубокие глаза, а в них – лучи бесстрашной Мысли, той величавой силы, которая в моменты утомленья – творит богов, в эпохи бодрости – их низвергает” (1, 6, 35). Горьковский Человек “один среди загадок бытия, один – среди толпы своих ошибок” (1, 6, 36). Его окружают Любовь, Дружба, Надежда, Ненависть, Вера, но “только Мысль – подруга Человека”. В Вере он видит ловко спрятанные когти изуверства, а Мысль, свободная и вечная, противостоит даже Смерти. Напрасно ему внушают, что он – ничтожная букашка, которая все равно умрет, поэтому лучше всего выбрать путь “на скотный двор спокойного довольства самим собою” (1, 6, 39). Он верит, что распутает загадки бытия, создаст гармонию “между собой и миром” и гармонию в себе самом. “Я создан Мыслию затем, чтоб опрокинуть, разрушить, растоптать все старое, все тесное и грязное, все злое, – и новое создать на выкованных Мыслию незыблемых устоях свободы, красоты и – уваженья к людям” (1, 6, 40–41).

Можно сказать, что универсалии Разума, понимаемые в традициях философии Просвещения, стали одной из составных частей концепции личности

в творчестве и жизни Горького. Сблизившись с большевиками и осмысляя итоги Первой русской революции, Горький пытается определить лицо массы как коллективный собирательный портрет Человека. Именно эту задачу, по его мнению, решает Российская социал-демократическая рабочая партия, собирая воедино разрозненные силы пролетариата, крестьянства и революционной интеллигенции.

В середине ноября 1906 г. Горький писал З.И. Гржебину: “Социализм есть великий процесс собирания раздробленных жадностью, пошлостью, ложью, злобой людей в единого великого Человека, прекрасного, *внутренне* свободного, цельного” (2, 5, 232). Такое понимание социализма связывало мысль Горького не с марксизмом, а с его собственным представлением об общественном прогрессе, который движет вперед Человек с большой буквы. В этом высказывании отразились мысли А.А. Богданова из статьи “Собирание человека” (1904), проникнутой идеей пролетарской солидарности и активизма во имя построения нового мира. Но, подчеркнув слово “*внутренне*”, Горький выразил и свой идеал будущего, а не только марксистский лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”.

По мысли писателя, слияние рабочих людей всего мира в единое международное братство немыслимо без внутренней сложной работы по созданию “нового человека”, сплоченного общим мировоззрением и общей культурой. Таким человеком в повести “Мать” изображен Павел Власов. Чудо его прозрения начинается с библейской сцены: Павел приносит домой и вешает на стену картину, изображающую Христа по дороге в Эммаус. Правда социализма, которая уравнивается в повести с новой религией, постепенно овладевает сердцами людей. В тесной комнатке Власова, где собираются за чтением запрещенной литературы его друзья, “рождалось чувство духовного родства рабочих всей земли. Это чувство сливало всех в одну душу” (1, 8, 37).

Павел Власов – прообраз социалиста-сеятеля. Во многом напоминая демократов-шестидесятников своим аскетизмом и суровостью, он тем не менее сопоставляется не с ними, а с Иисусом Христом: “Это – человек” (1, 8, 191). Проповедник новой веры, он сеет семена правды, которые падают среди рабочих фабрики на добрую рыхлую почву и дают свои плоды. Первомайская демонстрация сравнивается в повести с крестным ходом. Начиная движение, Андрей Находка обращается к толпе: “Мы пошли теперь крестным ходом во имя бога нового, бога света и правды, бога разума и добра! Далеко от нас наша цель, терновые венцы близко” (1, 8, 153).

Процесс духовного преображения Павла и его товарищей Горький сопоставляет с библейской легендой о лестнице, которая привиделась Иакову во сне: она соединяла небо и землю, а Бог, стоя на верхней ступеньке, благословил Иакова. В повести так говорится о еженедельных собраниях у Павла: “Каждую субботу к Павлу приходили товарищи, каждое собрание являлось ступенью длинной пологой лестницы – она вела куда-то вдаль, медленно поднимая людей” (1, 8, 33). Каждое собрание социалистов является ступенью, поднимающей их на высоту постижения новой религии – социализма. Но вместо ангелов на лестнице “новые люди”: улыбчивый веселый Хохол, “точно вымытый щелоком” Иван Букин, гладкий и чистый Яков Сомов, “неисчерпаемо веселая и живая” Наташа, Николай Иванович “с маленькой светлой бородкой”, иконописно красивая с огромными глазами Сашенька.

Все они написаны одной светлой краской и лишены каких бы то ни было пороков. Даже угрюмый злой Николай Весовщиков становится спокойнее и лучше под их влиянием. Как апостолы новой веры они исповедуют заповедь: “Возлюби ближнего, как самого себя”.

Их бог – не Иисус Христос, а новая вера, которую Горький отождествляет с религией. В письме “социалистической леди” графине Ф.Э. Уорвик он утверждает: “Богатство и власть, честный ум и отзывчивое сердце – все должно идти прямой и честной дорогой к свободе! – все должно служить великому делу возрождения жизни, делу Всемирной Революции, которая поднимет нации от рабства к равенству, братству, радости жизни, которая должна стать праздником для всех; если же это будет не так, то это будет уродливая комедия, сознательно участвовать в которой было бы низостью. Да здравствует эта новая религия, которая освобождает бедных от оков бедности, а богатых – от позорного бремени золота и предрассудков” (2, 5, 168).

Понимая социализм как высшую форму религии, Горький, в отличие от А.А. Богданова и А.В. Луначарского, вкладывал в это понятие свою собственную идею Человека, и прежде всего мысль о духовном “воскрешении” угнетенных. Образ Матери – Пелагеи Ниловны – возвышается в повести до символа Богоматери, отдающей Сына на муки во имя счастья людей. Это фигура новой матери, “невинно убиенной” и воскресшей к жизни, чтобы сделать ее чище и справедливее. Общечеловеческая мечта о счастье и лучшем будущем для детей заставляет ее заниматься революционной пропагандой. Именно Ниловна воплощает в повести идею Горького о личности, способной пересоздать себя.

Павел, Хохол и их товарищи, по словам А.В. Амфитеатрова, – не люди, а “воздушные разветвления одной и той же идеи, отмеченные лишь разнообразием наклеенных ярлыков. Нивелировка личности доведена до крайности. Не в том дело! Личность каждого должна исчезать в общем движении партии, которому Горький с таким самоотвержением отдал и собственную личность”⁴. Критик прав и не прав. Как апостолы новой веры, герои похожи друг на друга, так как служат одной общей идее. Но сознательное подчинение коллективу не обезличивает их. “Одни насмешливые и серьезные, другие веселые, сверкающие силой юности, третьи задумчиво тихие, – все они имели в глазах матери что-то одинаково настойчивое, уверенное, и хотя у каждого было свое лицо, для нее все лица сливались в одно: худое, спокойно решительное, ясное лицо с глубоким взглядом темных глаз, ласковым и строгим, точно взгляд Христа по пути в Эммаус” (1, 8, 108). В воображении Ниловны Павел и его товарищи складывались в “одного огромного человека, полного неисчерпаемой мужественной силы”, который со временем спасет мир от скверны и создаст новую жизнь. Именно так в повести “Мать” Горький воплотил идею собирания людей в коллективного Человека.

Образ Матери не обезличен, а резко индивидуализирован. Писатель поставил в центр повествования фигуру неграмотной женщины из народа, чья материнская любовь способствует ее духовному обновлению. Ниловна, “душа воскресшая”, – глубоко религиозный человек. Процесс замещения

⁴ Амфитеатров А.В. Собрание сочинений. СПб., 1914. Т. 22: Властители дум. С. 188.

одного Бога другим происходит в ее сознании мучительно трудно. Только поверив, что Павел и его друзья идут “по пути в Эммаус”, она начинает помогать им. По словам критика В. Львова-Рогачевского, горьковская повесть дает основание говорить о “величественном слиянии материнского и человеческого”⁵.

Личность, по определению Горького, является вершиной огромной пирамиды народного опыта. Он соглашается с Л. Толстым, что России необходимы университеты, но иронизирует по поводу его высказывания: “Человек всякий живет только затем, чтобы проявить свою индивидуальность”. Горький убежден, что люди должны решать не только вопросы низшего, но и высшего порядка: покорять стихии природы, улучшать общественно-экономические отношения и саму природу человека, “ускорить процесс совершенствования жизни путем активного вмешательства человеческого сознания во все дела”⁶. Полемика с Толстым отразилась в повести Горького “Исповедь”, проникнутой идеей богостроительства. В ней показано коллективное лицо “героя-массы”, единый соборный Человек, способный творить настоящие чудеса. Герой повести Матвей – искатель Града Грядущего, пытается найти истину в вере в Бога. Но беседы с протопопами, блаженными, монахами, схимниками лишь убеждают его, что задача церкви – “держатъ народишко в крепкой узде” (1, 9, 313). Он приходит к выводу, что нет Бога у людей, пока они живут во вражде и рассеянии. Русский народ видится Матвею как одно большое грустное лицо, немотное в словах, но дерзкое в помыслах. “Единое лицо многих” слепо, ибо люди разобщены, а души их изъедены горем, страхом и отчаянием: “...вижу не людей, а обломки жизни разрушенной, – грязная пыль человеческая носится по земле, и сметает ее разными ветрами к папертям церквей” (1, 9, 322).

Пытаясь найти истинную веру, герой повести начинает задумываться о смысле жизни и искать Человека. Странник Иона внушает ему, что человек – хозяин земли, он способен осветить своим светом чужую тьму и зажечь в сердцах пламя правды. Люди, по его мнению, делятся на два типа: “одни – вечные богостроители, другие – навсегда рабы пленного стремления ко власти над первыми и надо всей землей” (1, 9, 341). Сопоставляя божеское и человеческое, Иона внушает Матвею, что Бог живет не вне, а внутри человека. Толстовская проповедь “царства Божия внутри вас” трансформируется у Горького в призыв создать нового бога, “бога красоты и разума, справедливости и любви” (1, 9, 341). При этом источником боготворчества он считает “неисчислимый мировой народ”, “народушко бессмертный”, способный творить чудеса. В финале повести чудо исцеления больной девушки совершает слитая воедино коллективная воля людей, испытывающих чувство духовного единства.

“Велик народ русский, и неописуемо прекрасна жизнь!” – восклицает Горький (1, 9, 385). Этот вывод противоречит взглядам богоискателей, видевших в Евангелии абсолютную нравственную истину и стремившихся не к новому, более совершенному общественному устройству, а к совершенствованию индивида на его пути к Богу. Мысли Ионы о собирании русско-

⁵ Образование. 1907. № 11. С. 78.

⁶ Горький М. История русской литературы. М., 1939. С. 285.

го народа, который сознательно разрушают господа, близки самому автору. Не случайно Иона называет себя Иегудиилом, повторяя горьковский псевдоним “Иегудиил Хламида”, которым подписан цикл фельетонов “Между прочим”. Обличая в них дрянную жизнь, недостойную Человека, писатель, как Иона, критиковал мещанина, целью которого являются “самозащита, покой и уют” (1, 9, 355). В “Исповеди” Горький утверждает, что “ничтожный и злой комок мелких желаний”, именуемый “я”, есть “злейший враг человека!” (1, 9, 354, 355).

Письма Горького свидетельствуют, что повесть “Исповедь” была написана под воздействием новейших идей о коллективной психологии масс: книг Лебона “Психология социализма” (1910) и “Эволюция сил. Опыт над дематериализацией материи” (1910), Н. Котика “Эманация психофизической энергии: экспериментальное исследование явлений медиумизма, ясновидения и мысленного внушения в связи с вопросом о радиоактивности мозга” (1907), У. Джемса “Многообразии религиозного опыта” (1910) и др. Поэтому критик Л. Войтоловский в статье “Очерки психологии коллективизма”, анализируя финал “Исповеди”, объяснил “чудо” исцеления не мистическими причинами, а гипнозом толпы⁷.

В горьковских “Сказках об Италии” мысль о “боге-народушке” развивается в соответствии с идеями итальянских социал-демократов. Общась и переписываясь с Артуро Лабриола, Дживовани Бергамаско, Энрико Ферри, членами редакции газеты “Аванти!”, читая двухтомное исследование Альфредо Анджиолини “История социализма в Италии” (СПб., 1907), Горький все больше убеждался, что чувство солидарности людей труда лежит в основе “религии социализма”. Именно это позволило ему назвать бытовые очерки из жизни простых итальянцев сказками.

Крах каприйской партийной школы и разрыв отношений с А.А. Богдановым лишил Горького богостроительских иллюзий. В творчестве 1910-х годов он обращается не к мифическому “богу-народушке”, а к русскому человеку во всем многообразии его национальных черт (цикл “По Руси”). Реальный, а не идеальный герой рисуется на фоне матери-природы, с которой он чувствует свое кровное родство. В финале рассказа “Калинин” Горький восклицает: “Вот я и один, в ночи, на милой мне земле, всем одинаково чужой и всему равно близкий, щедро оплодотворяемый жизнью, по мере сил оплодотворяющий ее. С каждым днем все более неисчислимы нити, связующие мое сердце с миром, и сердце копит что-то, от чего все растет в нем чувство любви к жизни” (1, 14, 350).

Пантеизм как “религия человека” характерен для большинства очерков цикла “По Руси”. Картины природы обрамляют повествование, идущее от лица “проходящего”, и выражают его отношение к событиям и людям. Таким образом, традиционная антиномия “человек – среда” замещается иной: “человек – мир”. Едва ли не в каждом рассказе присутствует образ солнца, которое освещает тьму жизни, согревает души людей или сжигает их своим жгучим огнем. “Пресветлое солнце, родоначальниче людей и богов”, созвучно настроениям героев цикла. В рассказе “Калинин” оно купается в голубом океане неба, как чудесный цветок, и под его влиянием «малень-

⁷ Современный мир. 1913. № 9. С. 153.

кое человечье сердце объято мятежным пламенем и, сгорая, кричит миру: “Я тебя люблю!”» (1, 14, 332). А в рассказе “Нилушка” пронзительные вопли Фелициаты, оплакивающей умершего сына, сопровождаются трагической картиной заката солнца: “оно опустилось ниже слободы, как будто навсегда хочет уйти в болотный лес. В красный диск его воткнулись острые черные вершины елей, и все вокруг красно, – словно раненое солнце истекает кровью” (1, 14, 227).

Человек в цикле “По Руси” – органическая часть космоса, он неразрывно связан с Землей, а через нее – со всей вселенной. Глядя на безобразную жизнь, проходящую перед ним, Горький сравнивает ее с песней, безнадежно испорченной глухим певцом, или с бессвязной игрой пьяного на плохой гармонике. Он признается: “Стонет душа, нестерпимо хочется говорить кому-то речь, полную обиды за всех, жгучей любви ко всему на земле, – хочется говорить о красоте солнца, когда оно, обняв эту землю своими лучами, несет ее, любимую, в голубом пространстве, оплодотворяя и лаская” (1, 14, 277, 278).

Большинство героев цикла не заслуживают имени Человека с большой буквы. Перед читателем мелькают темные лохматые фигуры нищих, “неудавшихся людишек”, босяков, которых гонит ветер бродяжничества, чудаков, не знающих, зачем они живут на этой прекрасной земле. Горький сравнивает их с сором, согнанным ветром со степи: “Большинство людей, среди которых я иду по земле, – не то восходя, не то опускаясь куда-то, – серо, как пыль, мучительно поражает своей ненужностью. Не за что ухватиться в человеке, чтобы открыть его, заглянуть в глубину души, где живут еще незнакомые мне мысли, неслыханные мною слова” (1, 14, 269). Проходя по Руси и пытаясь “объяснить человека”, писатель видит по большей части “непогребенных мертвецов”, никудышников, убийц, грубиянов, называющих друг друга непотребными словами. Так, задолго до 1917 г., в сознании и мировоззрении Горького рождается мысль о необходимости пересоздать (впоследствии он скажет “перековать”) человека, в соответствии с новой верой, которую он воспел в повести “Мать”.

В 1930-х годах это произведение объявят первой ласточкой социалистического реализма, а Горького “основоположником” нового литературного направления. И почти никто не заметит, что писатель отразил в “Матери”, а потом в “Исповеди” занимавшие его идеи о необходимости дать Человеку новую *религию*, которая воскресит его к новой жизни, перестроит мир по законам правды и справедливости. Писателя занимала идея “собирания” людей в единого Человека, становящегося Богом-народушкой, могучей силой, способной творить чудеса. Именно так он понимал задачи истинных социалистов.

Горьковское понимание социализма было довольно далеко от большевистского, что скажется с особой остротой в революционные дни 1917–1918 гг. Он ратовал не за классовую борьбу и диктатуру пролетариата, опасаясь, что она приведет к борьбе с собственным народом, а за духовное преображение страны. Писатель резко осуждал циников и авантюристов, производящих кровавый эксперимент на одной шестой части света. Пытаясь спасти культурные ценности прошлого в огне Гражданской войны, Горький протестовал против террора как красного, так и белого.

В письмах этого периода, долгие годы хранившихся в архивных спецхранах, выражено истинное отношение писателя к политике большевиков и их вождям. В них гораздо более резко, чем в “Несвоевременных мыслях”, говорится о Ленине, Троцком, Зиновьеве и Луначарском, о лозунге “Грабь награбленное!”, о поведении большевиков в дни июльского кризиса. Говоря о событиях в Петрограде в июле 1917 г., Горький пишет жене: “Боюсь, что Ленин влопался в мерзкую историю, сам он, конечно, не при чем, но его ближайшие товарищи, кажется действительно, – жулье и подлецы” (2, 12, 156). Считая, что толпа не понимает истинного значения событий, “кто ее ведет и куда”, писатель так реагирует на события Октября: «Сняли с России обручи самодержавия и вот – рассыпается “Святая Русь”, как разошедшаяся бочка, изгнившая бочка. Ужасно гнило все, а людишки особенно» (2, 12, 182).

Из писем читатель узнает, что в страшные дни террора Горький прятался на своей квартире и спас от смерти великого князя Гавриила Константиновича с женой, что А.А. Вырубова не раз тайком пробиралась к нему на Кронверкский проспект, ища поддержки, чтобы помочь царскому семейству. Невозможно сосчитать, скольких людей писатель спас от голодной смерти, тюрьмы, расстрела, от красного и белого террора в 1920-х годах. Ведь Горький, по его собственному признанию, “ходил по всем этажам социальной лестницы” – от простых рабочих до великих князей и советских вождей.

Суровая жизненная школа и постоянная работа беспокойной ищущей мысли со временем сформировали из полуграмотного босяка подлинного интеллигента, который возглавил “Дом ученых”, “Дом искусств”, издательство “Всемирная литература”, а во второй половине 1920–30-х годов стал организатором всего культурного процесса в СССР. Как никто другой, он постоянно оказывался на переднем крае острой идеологической борьбы и частенько пытался примирить противников: Ленина с Богдановым, Сталина с оппозицией. Неудивительно, что ему доставалось справа и слева. Достается и сегодня: Горькому не могут простить искренней увлеченности идеями социализма и критики буржуазного Запада.

В годы перестройки произошла деканонизация советских классиков, были разрушены марксистские основы литературоведения. Соответственно развеялась созданная в советские годы легенда о Горьком – правоверном большевике, близком друге Ленина и Сталина. В его произведениях перестали искать марксистские мысли и пролетарскую идеологию, концентрируя внимание на изображении жизни во всей ее сложности и раскрытии духовного мира человека. В работах зарубежных литературоведов тоже стал меняться определенный, установившийся в годы холодной войны, круг суждений о Горьком, во многом совпадавший с оценками русских эмигрантов первой волны. Тем не менее до сих пор жизнь и творчество писателя трактуют тенденциозно и необъективно. Не говорим уже о том, что в популярных теле- и радиопередачах Горький выглядит давно забытым писателем, которого “погубил соцреализм”: прославившие его “Очерки и рассказы”, якобы, имеют лишь этнографическую ценность, а малохудожественная “Мать” демонстрирует полное падение таланта писателя из-за его приверженности социал-демократическим идеям.

Еще более строго судят Горького последнего периода творчества. Называя его “официальным рупором власти”, “певцом колоний, лагерей, товари-

шем шефа ОГПУ–НКВД зловещего Ягоды”⁸, писателя упрекают в одобрении методов террора и насилия, в предательстве и приспособленчестве. Все это свидетельствует о том, что, обвиняя Горького в восхвалении советской системы, ненавидящие ее авторы попросту игнорируют реальные факты, ставшие известными лишь в последние 20 лет. Между тем именно в этот период появилась возможность по-новому понять Горького и объективно оценить его роль и значение в мировой литературе и русской общественной жизни.

“Письма” М. Горького дополняются сопутствующими Полному собранию сочинений томами из серии “М. Горький. Материалы и исследования”. Подготовленные по принципам научных изданий со вступительными статьями и обширным комментарием, они тоже открывают новые страницы жизни и творчества писателя, сегодня “широко неизвестного”.

В 1990-х годах начался новый период развития горьковедения, характерный отсутствием политической и групповой предвзятости, опорой на реальные документы, в том числе те, которые долгие годы были скрыты в спецхранах архивов (в том числе в Архиве Президента РФ и ФСБ). С 1989 г. в ИМЛИ РАН была возобновлена серия “М. Горький: материалы и исследования”, в которой вышло уже 10 выпусков. Кратко охарактеризуем содержание основных из них. В книгах “Неизвестный Горький. (К 125-летию со дня рождения)” (1994), “М. Горький и его эпоха. Материалы и исследования” (1995), “М. Горький. Неизданная переписка” (1998. 2-е изд. 2002) впервые публикуются материалы из обширного эпистолярного наследия писателя: переписка с В.И. Лениным, И.В. Сталиным, Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым, А.А. Богдановым, В.Г. Короленко, К.И. Чуковским, раскрыта история работы Горького над очерком о Сталине, напечатана единственная его сохранившаяся страница, а также неизвестная статья из цикла “Несвоевременные мысли”.

Особый интерес представляет неизвестная переписка Горького с главой ОГПУ Г.Г. Ягодой, которая впервые позволяет понять тщательно скрытую деятельность писателя по защите жертв политических репрессий в 1930-х годах. В разделе исследований публикуются материалы о хрестоматийно известных произведениях Горького (“На дне”, “Жизнь Клима Самгина”, рассказы 1922–1924 гг. и др.), заново прочитанных и интерпретированных в соответствии с новым взглядом на историю русской литературы XX в.

В уникальном выпуске “Вокруг смерти Горького. Документы, факты, версии” (2001) впервые собраны документальные свидетельства о болезни и последних днях жизни писателя, анализируются все имеющиеся версии его гибели и проясняется тайна смерти Горького⁹. Здесь публикуются “История болезни” Горького, его “Предсмертные записи”, воспоминания лечащих его врачей (Д.Д. Плетнева, Л.Г. Левина, А.Д. Сперанского, М.П. Кончаловского), воспоминания родных и близких писателя (Е.П. Пешковой, М.И. Будберг, П.П. Крючкова, О.Д. Чертковой, М.М. Пешковой), коменданта дома на Малой Никитской, № 6 И.М. Кошенкова, который вел подробные записи всего, что происходило в последние 18 дней жизни писателя. Эта книга является

⁸ Московская правда. 1990. 3 авг.

⁹ Краткое изложение см. в статье: *Спиридонова Л.* Бацилла для Буревестника // Литературная газета. 2011. 15–21 июня.

ответом на разного рода недостоверные версии о смерти Горького, бытующие до сих пор в литературоведении и средствах массовой информации.

В выпуске седьмом – “Горький и его корреспонденты” (2005) – продолжается публикация неизвестных документов из фондов Архива А.М. Горького, архива МИД РФ и зарубежных коллекций. В томе представлены письма писателя Е.П. Пешковой за 1917–1919 гг., в которых дана оценка событий этих лет, переписка с Л.Б. Красиным, И.Д. Сургучевым, З.А. Пешковым, Э. Мадани, П.П. Сувчинским, В.С. Яновским, Л.Л. Авербахом, письма В.А. Базарова и А.А. Золотарева Горькому, разделы “Горький и мир философских идей Н.Ф. Федорова” и “Я не люблю свою личную жизнь” (об отношениях писателя с О.Ю. Каменской и ее дочерью). Содержание книги не только расширяет круг корреспондентов писателя за счет тех, кто был под запретом в годы советской власти, но позволяет по-новому оценить противоречивую личность Горького, широкий спектр его идейного и художественного развития, его роль в общественной и литературной борьбе конца XIX – начала XX в.

Труд “Публицистика М. Горького в контексте истории” (Вып. 8. 2007) посвящен неизвестным или малоизученным страницам публицистического наследия писателя, которое до сих пор полностью не собрано. Значительная его часть была под запретом в годы советской власти. Достаточно сказать, что даже хорошо известный за рубежом цикл “Несвоевременных мыслей” стал печататься в России только в 1990-х годах.

Составители книги проделали огромную работу, разыскав в труднодоступных периодических изданиях горьковские произведения и атрибутировав те из них, которые печатались без подписи. Охватывая период с 1896 по 1936 г., публикуемые в книге статьи и очерки касаются многих актуальных проблем: Горький и Николай II, кавказский вопрос, американские интервью писателя, его позиция в годы Первой мировой войны, отношение к революционным событиям 1917 г., позиция, занятая им в первые годы советской власти, сотрудничество в журнале “Коммунистический Интернационал”, так называемый русский вопрос, отношение писателя к инакомыслящим в СССР. Во втором разделе книги печатаются неизвестные воспоминания о Горьком русских эмигрантов. Вступительные статьи, сопровождающие каждую публикацию, по-новому оценивают роль Горького в истории России.

Примером изменения методологии современных исследований о Горьком, опирающихся на вновь найденные источники, может служить теоретический труд “Концепция мира и человека в творчестве Горького” (2009), являющийся девятым выпуском серии (написан по гранту Президиума РАН). В нем рассматриваются философские, социально-политические и этические проблемы, не утратившие своей актуальности в XXI в.: противостояние Востока и Запада, судьбы евразийства, соотношение общечеловеческого и национального, “русский вопрос”, проблемы религии и веры, коммуникативность как феномен сознания, соотношение культуры и цивилизации, проблема свободы личности и др. В труде раскрывается целостная концепция мира и человека, которую создал Горький как основоположник нового литературного направления в XX в.

В десятом выпуске серии – “Горький в зеркале эпохи: Неизданная переписка” (2010) – впервые печатается неизданная переписка с А.А. Богдано-

вым 1908–1910 гг., полученная из итальянского архива Лелио-Лисли-Бассо Иссоко (Рим). Она позволяет не только понять истоки разногласий писателя с В.И. Лениным и его сторонниками, но и оценить, насколько сильным было влияние А.А. Богданова на эволюцию творчества Горького не только в каприйский период жизни, но и значительно позже. В томе печатаются письма Горькому других общественных деятелей и писателей, чьи имена замалчивались в советском горьковедении: Л.Б. Каменева, Е.Д. Кусковой, Г.Д. Гребенщикова, Н.Н. Суханова, Б.И. Николаевского, переписка с И.С. Коноплиным и др. Особую страницу составляют письма М.Ф. Андреевой Горькому – “Мой долгий и мучительный роман”. Труд завершается публикацией неизданной переписки писателя с философом П.Ф. Юдиным об истории литературных организаций в СССР в 1930-х годах, которую сопровождают списки писателей, принятых в члены ССП, стажеров и не принятых писателей.

В настоящее время ведется работа над 11-м и 12-м выпусками серии.

За последние годы в России и за рубежом все большее число ученых и писателей обращается к сложному, во многом уникальному явлению, именуемому Максимом Горьким. Его творчество действительно изучается заново, ибо изменились не только методологические ориентиры, но существенно расширились историко-литературный контекст эпохи и источниковая база горьковедения. Стали доступными запрещенные в СССР работы зарубежных исследователей, в научный оборот введено огромное количество ранее неизвестных архивных материалов, расширилось понимание деятельности писателя за пределами родины, осветились его взаимоотношения со Сталиным и его сторонниками, деятельность по спасению членов оппозиции. В итоге пришло понимание того, что Горький – один из классиков мировой литературы конца XIX – начала XX в., без изучения творчества которого невозможно понять историю, идейно-политическую борьбу и общественно-культурную жизнь этого периода.

Французский ученый Мишель Никё пишет: «...именно благодаря тому, что Горького перестали превозносить, появилась возможность сегодня заново прочесть его, отбросив стереотипы и предвзятые мнения, открыть как писателя, воплотившего, как никто другой, надежды и иллюзии своего времени, и “всемирно услышанного”...»¹⁰. Итальянская исследовательница Паола Чони, называет писателя “одним из европейских интеллектуалов, повлиявших на формирование ценностных ориентиров в политике и культуре XX века”¹¹. Серж Роле в книге с характерным названием “Феномен Горького” обстоятельно анализирует раннее творчество писателя и приходит к выводу, что “Очерки и рассказы” – “замечательный сборник”, сыгравший большую роль в становлении нового литературного направления. Сравнивая Горького с А. Чеховым и Л. Толстым, с писателями-натуралистами, он показывает, что формирование его художественного метода происходило в теснейшей связи с литературным процессом Серебряного века, а “учение социалистического

¹⁰ *Niqueux M. Un Gorki hérétique le constructeur de Dieu // Gorki M. Une Confession. Roman. Paris, 2005. P. 10.*

¹¹ *Чони П. Феномен Горького в политической борьбе первой трети XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 3.*

реализма (1932–1934) – не только литературная программа, но и теория нового типа¹².

Во Франции в издательствах “Галимар” и “Меркюр де Франс” возобновилось издание сочинений Горького и исследований о нем, которые велись в течение 20 лет. В 2005 г. повесть Горького “Исповедь” вышла в издательстве “Фебус” в новом переводе и с предисловием М. Никё. Малоизвестные автобиографические рассказы в его же переводе, с предисловием и комментарием появились во Франции в 2009 г. На испанском языке в том же году опубликована книга литературных портретов Горького (А. Чехов, Л. Толстой, Л. Андреев) с научным предисловием и солидным справочным аппаратом (“Нортесур”, Барселона). Сборник статей «“Горький” писатель в “сладкой” стране», посвященный 100-летию пребывания Горького на Капри, вышел в Италии в 2006 г. Несколько последних лет торжественно проходят “Горьковские дни” на Капри.

Все это свидетельствует об актуальности творческого наследия Горького сегодня, когда мир вновь оказался на пороге кризиса и глобальных перемен. Волновавшие писателя вопросы о движущих силах истории, назначении человека и смысле жизни, соотношении личности и коллектива, веры и религии, свободы и необходимости, гуманизма и жестокости продолжают занимать умы людей XXI в. Все более остро встают проблемы противостояния социализма и капитализма, Запада и Востока, этики и политики, силы и насилия. Актуален и вопрос, существовал ли социалистический реализм как новое литературное направление, созданное Горьким в начале XX в. или был придуман партийными чиновниками в 1930-х годах по указке Сталина.

Можно сказать, что вторая серия Полного собрания сочинений Горького “Письма” и сопровождающие ее “Материалы и исследования” отвечают на многие из этих вопросов. И только в начале XXI в. стал ясен масштаб деятельности писателя и подлинная картина его духовного развития.

¹² *Role S. Le phénomène Gorki: Le jeune Gorki et ses premiers lecteurs. Villeneuve-d'Ascq-France. 2007. P. 34, 66.*

В.Н. Быков, К.В. Быков

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА ПО СОСТАВУ ОРГАНОВ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ*

Городское общественное управление (понимаемое как публичная муниципальная власть) прошло в России несколько периодов в своем развитии, включая начальный, связанный со становлением в раннюю феодальную эпоху начал городского самоуправления. Упоминание о полноценных городских советах (ратушах) и им подобных учреждениях встречается в указах, изданных в 1699 г. в ходе государственных преобразований Петра I¹. При императрице Екатерине II идея городского самоуправления получила дальнейшее развитие в процессе окончательного формирования устойчивых социальных групп городского сообщества. У каждой был свой юридический статус, права и привилегии, свои правила поведения, моральные нормы, внешние формы отличия. Во второй половине XIX в. органы самоуправления в Москве были трижды реформированы. Дважды при Александре II – в 1862 г. и в 1872 г. в ходе подъема общественно-политических и буржуазных преобразований, в 1892 г. – в правление Александра III – во время откатной волны этого процесса. С небольшими изменениями эта система общественной власти просуществовала до 1917 г.

Растущий в современной России интерес к пореформенному периоду определяет тематику и цели работы историков, занятых в исследовании истории городского управления и городского хозяйства Москвы. Сотрудники Центра исследования городского управления и самоуправления на основе сравнительно-исторического методов и археографического инструментария в 2000-е годы начали поиск в архивах и периодике новых сведений, ведут аналитическую работу по подготовке к изданию биографических словарей общественных деятелей дореволюционного периода занятых на общественной службе в различных сферах городского самоуправления². Поддержанный коллегами опыт и наработки были рассмотрены властями города. Председатель Московской городской думы и мэр Москвы, после ознакомления в 2004 г. с концепцией, поддержали идею создания полного и подробного словаря общественных деятелей, связанных с органами власти сначала дореволюционного, а затем и советского периодов. Одним из итогов этой рабо-

* Продолжение статьи: *Быков В.Н.* Московская городская дума: публикации и выставки в 1997–2007 гг. // АЕ за 2007–2008 годы. М., 2012. С. 241–256.

¹ ПСЗ. Т. 3: (1689–1699). С. 598. № 1674.

² [*Быков В.Н., Павлова О.Ф., Писарькова Л.Ф., Шапошников М.Б.*] Московская власть: городские головы (1782–1997). Иллюстрированные биографии руководителей городского самоуправления. М., 1997. Вып. 1. 208 с.; *Быков В.Н., Шапошников М.Б.* Московская власть и Биржа: биографический словарь (1828–1918). М., 1999. 320 с., ил.

ты стала книга “Московская власть: гласные Городской думы. 1863–1917 гг. Энциклопедия биографий общественных деятелей”.

В данной статье автор предполагает остановиться на выяснении особенностей избранного хронологического периода в общем контексте становления и развития городского самоуправления. На основе археографического анализа провести оценку и перспективы использования части ценной с нашей точки зрения источниковой базы словаря – опубликованных и привлекаемых из архивов воспоминаний гласных и лиц, связанных с городским самоуправлением. Намечить особенности социального облика групп гласных, связанных с исторической наукой и смежными историческими дисциплинами, показать статус, роль и место гласных-историков в формировании единого городского историко-культурного пространства Москвы на рубеже столетий.

В дореволюционной истории городского управления можно выделить несколько этапов. В силу ряда причин, применительно к Москве, можно говорить о четырех переходных этапах в истории представительных органов городского управления и, соответственно, формах власти.

К ним следует отнести:

– учрежденную в 1699 г. при Петре I *Московскую бурмистерскую палату*, вскоре им же переименованную в *Ратушу*;

– созданную в 1786 г. при Екатерине II по характерным сословным признакам *Московскую городскую общую думу*, реформированную в 1863 г. при Александре II;

– преобразованную на принципах бессословности в 1870 г. при Александре II, а также в 1892 г. при Александре III – *Московскую городскую думу*;

– основанную на принципах автономии от государственной власти, всеобщего избирательного права, бесклассовости, многопартийности *Московскую городскую думу*, действовавшую между июлем и ноябрем 1917 г.

Советская эпоха и органы власти Москвы стоят в этом ряду особняком.

Начавшаяся в феврале 1917 г. реорганизация представительных органов вызвала распространение властных функций на иные, кроме Городской думы, общественные институты, созданные по инициативе масс. В Москве появились Комитет общественных организаций, Советы всех мастей, советы районных дум и др. После октября 1917 г. Городская дума и управа, как и другие учреждения переходного времени, были ликвидированы. Наряду с решением местного Военно-революционного комитета и Моссовета о роспуске Городской думы от новых властей из революционного Петрограда в ноябре 1917 г. был получен безапелляционный приказ, который гласил: “Москва. Совет Народных Комиссаров подтверждает акт о роспуске Московской городской думы, изданный Московским Советом рабочих и солдатских депутатов. Председатель Совета Народных Комиссаров Ленин”³. Конституция РСФСР 1918 г. провозгласила полномочие Советов. На значительном этапе своего существования они являлись классовым органом, формируемом по производственному признаку.

Новые органы власти переходного периода (ноябрь 1917 г. – март 1918 г.) и пришедшие им на смену Городские советы по своим политическим целям, задачам и функциям, порядку формирования, а также принципам смены

³ Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. М., 1975. Т. 50. С. 7.

депутатского корпуса, отличались от прежде существовавшей Городской думы.

Московский совет и исполком Моссовета – государственные и исполнительные органы советской власти, действовавшие на основе союзного законодательства, введшего руководящую и направляющую роль одной партии в государстве, вместе с Горкомом РКП(б) (позже, с 1923 г. – ВКП(б) и с 1952 г. – КПСС) стали органами местной власти; фактически полномочия Советов продолжалось с весны 1918 г. до осени 1993 г. (прекращено в соответствии с Указом Президента РФ № 1594 от 7 октября 1993 г.). В 1991 г., еще в рамках советской системы, начался новый этап в истории самоуправления. Он характеризовался коренными преобразованиями в экономике и социально-политической жизни страны, изменением функций властных органов, в том числе учреждением должности *мэра Москвы*, а также нового представительного и законодательного органа власти.

Московская городская дума, восстановленная в соответствии с Указом Президента РФ № 1738 от 24 октября 1993 г. и действующая ныне на основании Устава города Москвы, утвержденного 28 июня 1995 г.⁴, открыла новую страницу (этап) в истории самоуправления и управления города Москвы.

* * *

Вскоре после отмены крепостного права в 1861 г., в рамках начального этапа проведения в России общественных реформ, 20 марта 1862 г. Сенату был дан царский указ о реформе представительных органов самоуправления в Первопрестольном граде Москве. Проведя в 1860-е годы реорганизацию городских парламентов в Москве, Одессе и Тифлисе, как сейчас говорят в пилотном режиме, зачинатели реформы, либеральные деятели из Министерства внутренних дел, Министерства финансов и Государственного совета, других ведомств сановного Петербурга тем самым наметили новый порядок формирования представительных органов самоуправления⁵. Предполагалось распространить статьи Городового положения 1846 г. для Петербурга и 1862 г. для Москвы на остальные города Российской империи. Однако в действительности, реформирование городских общественных управлений (таких, как Общая городская дума, Шестигласная дума), изменение порядка формирования состава депутатов в населенных пунктах губерний центральной России пошло по другому пути. В том числе и в самой Москве, на которую в 1872 г. автоматически распространили статьи Городового положения 1870 г. без учета успешного собственного опыта, полученного в предшествующее десятилетие⁶. Содержание общественного управления стоило городу относительно дорого; в 1863 г. – около 103 тыс. руб., в 1868 – более 130 тыс. руб., по смете на 1869 г. на эти цели было ассигновано более 137 тыс. руб.⁷

⁴ Законы города Москвы. М., 1997. С. 5–62.

⁵ Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX в. СПб., 1994.

⁶ Писарькова Л.Ф. Московская городская дума. 1863–1917. М., 1998. С. 47–48.

⁷ Щенкин М.П. Опыты изучения общественного хозяйства и управления городов. М., 1882. Ч. 1. С. 188.

Весь последующий период в империи не создавалось особых, законодательных актов специально для Москвы. Всего за 55 лет дореволюционного существования Московской городской думы с марта 1863 по ноябрь 1916 г. трижды менялся избирательный ценз. 16 раз голосовали за своих избранных выборщики города Москвы. В 1863–1872 гг. выборы в Думу проходили один раз в три года: 500 выборщиков (по 100 человек от каждого из пяти избирательных сословий градского общества) выбирали по 35 своих представителей в Общую городскую думу (175 гласных) и по 2 члена в городскую Распорядительную думу – исполнительный орган городского общественного управления⁸. В 1873–1892 гг. один раз в четыре года гласными становились 180 человек (кандидаты в гласные обсуждались и выбирались в городском выборном собрании от трех имущественных курий москвичей, сформированных по величине налоговой ставки на имущество, выплачиваемой ими в городскую казну, как владельцами недвижимости). Пересмотр статей прежнего Городового положения произошел в 1892 г. Введение территориальной системы формирования выборных участков и предоставление права выборов владельцам городской недвижимости и по их “мандатам” арендаторам привело к избирательным ящичкам на выборах, проходивших в 1893–1916 гг., выборщиков от трех, а с 1901 г. от шести участковых образований, избиравших 160 гласных⁹. Всего за 53 года в Московскую городскую думу было избрано 1266 гласных. По новым правилам, утвержденным Временным правительством, прошли выборы в июне 1917 г., увеличившие количественный состав Думы еще на 200 человек.

Выборный процесс и итоги выборов в Городскую думу освещались в работах дореволюционных авторов (об этом ниже), были предметом специального исторического исследования, результаты которого получили отражение в докторской диссертации, и ряде последующих публикаций сотрудника ИРИ РАН Л.Ф. Писарьковой. В монографии¹⁰ и статьях автора приведен довольно полный список гласных Городской думы, подробно освещалась и проблематика формирования состава депутатского корпуса.

Создаваемый ЦИГУС словарь продолжает начатую несколько лет назад работу и представляет собой комплекс биографических сведений о лицах, чья жизнь и общественная деятельность протекали на фоне социально-экономических преобразований и роста политической нестабильности в России. Многие из московских городских деятелей участвовали в государственном управлении, играли значительную роль в муниципальном и сословном самоуправлении, принятии решений по аккумуляции новых налоговых поступлений и распределении денежных средств по различным статьям городского хозяйства, создании новых социальных, образовательных и культурных учреждений, находившихся в ведении города.

Цель книги “Московская власть: гласные Городской думы. 1863–1917 гг. Энциклопедия биографий общественных деятелей” – представить сводную картину по составу депутатского корпуса, охарактеризовать лиц, чья общественная деятельность прихлала на особый, качественно новый, цельный и

⁸ ПСЗ. Отд. 1. Т. XXXVII. С. 224.

⁹ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010. С. 179–190.

¹⁰ Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863–1917. М., 1998.

самостоятельный этап в развитии города Москвы, наступивший в период общественных реформ 60-х годов XIX в. и продолжавшийся до начала XX в.

Для ее достижения решаются следующие задачи. На основе архивных, опубликованных и частных документов провести систематизацию биографических данных о гласных и тем подвести определенный итог в изучении лиц, причастных к городскому управлению, действовавших в рамках сложного реформаторского процесса (со всеми его прорывами и откатами, достижениями и проблемами). Показать связь достижений и недочетов в развитии города с конкретными персонами, призванными во власть в указанный период, занявший почти 60 лет в жизни России и ее крупнейшего мегаполиса. Через биографии людей, рекрутированных во властные структуры, показать, как от десятилетия к десятилетию формировались и воплощались замыслы инициаторов благоустройства столичного города. Выявить сложный путь поиска и нахождения решений, нацеленных на исполнение нужд и чаяний жителей крупного регионального центра. Отобразить многообразные формы деятельности активных участников общественной жизни, членов представительного органа московского самоуправления. Указать на проблемы, вышедшие из недопонимания потребностей горожан со стороны самих депутатов/гласных. В биографиях конкретных лиц отметить факты произвола по отношению к депутатам со стороны властей предрежущих как в центре, так и в административных органах на местах.

Гласные, избравшиеся в Городскую думу, действовали в конкретных социально-экономических и политических условиях. В рассматриваемый период социальный облик гласных (их социальное происхождение, занятия накануне избрания в Думу, уровень образования, общественная активность, компетентность) имел свои особенности, отражал эволюцию системы городского общественного управления, которая протекала в России почти два столетия. Для понимания особенностей формирования социального облика депутатов указанного периода как в целом по составу, так и особенностей (знаковых черт) биографий конкретных лиц, представленных в биографических очерках, необходимо четко представлять, что депутаты Городской думы были участниками эволюционного процесса в развитии самоуправления, являвшегося составной частью управления городом с конца XVII в.

Несмотря на внешние признаки проявления благожелательности, об отношении властей к городскому самоуправлению говорил тот факт, что Городская дума долгое время не располагала собственным постоянным помещением. В XVIII – начале XIX в. ее резиденция одно время находилась на Красной площади, в бывшем здании Земского приказа, перестроенном под размещение Аптекарского приказа и в конце века отданного под Городовой магистрат – Шестигласную думу. С 1863 г. Городская дума, Городская управа, некоторые из подведомственных им общественных учреждений, например Правление и канцелярия Московского городского кредитного общества, переехали в арендованный особняк графов Шереметевых. Он располагался на пересечении нынешних ул. Воздвиженки, 6 и Романова пер., 2 (ранее Шереметевского пер.). Лишь в период деятельности городского головы Н.А. Алексева, остро поставившего перед коронными властями вопрос о собственном здании для проведения заседаний и организации систематической текущей работы городского совета и управы, затянувшееся обсуждение вопроса о выборе места

было прекращено¹¹. С мая 1892 г. Дума размещалась в собственном здании (проект архитектора Д.Н. Чичагова), построенном рядом с Историческим музеем на месте губернских присутственных мест на Воскресенской площади (ныне площадь Революции, 3/2). Заседания Городской думы проходили один раз в две недели или еженедельно по средам, начинаясь в 18 или в 19 часов.

* * *

Полное историко-документальное описание комплекса источников, привлекаемых для подготовки биографических статей сборника – дело будущего. В данной статье остановимся на некоторых археографических аспектах документальных публикаций, возможностях обобщения биографических сведений о гласных Думы по архивным документам, опубликованным мемуарам, недокументированным формам прошлого, а так же документальным комплексам, связанным с документами личного происхождения, в том числе нарративным источникам, находящимся в семьях потомков. Много полезных сведений содержится в монографиях и статьях по составу органов городского самоуправления.

В основу работы над словарем были положены закрепленные в общеимперских законодательных актах общие принципы формирования состава органов городского общественного управления¹². Эти и иные законодательные акты уже были предметом археографического анализа¹³. В литературе отмечалось, что в основе законодательных актов, закрепивших создание в конце XVIII в. в стране разветвленной структуры российского регионального самоуправления, лежали русские законы прежних времен, ряд заимствований из законов нескольких европейских государств, переработанные, а в некоторых случаях лично написанные императрицей Екатериной II. Об этом писали русские исследователи, отмечали иностранные ученые, занимавшиеся разбором научных штудий Екатерины Великой¹⁴. Поэтому перед автором не стоит задача раскрыть особенности использования этой части документального комплекса.

Общее представление о становлении, этапах развития и особенностях русского опыта городского самоуправления позволяют получить работы Б.Б. Веселовского, И.И. Дитятина, А.А. Кизветтера, В.А. Нардовой, К.А. Пажитнова, С.С. Семенова, М.П. Щепкина¹⁵. Ученые дореволюци-

¹¹ Памяти Н.А. Алексеева // Русское обозрение. 1893. Т. II. Апр. С. 993–1002.

¹² “Учреждения для управления губерний Российской империи”. 5 ноября 1775 г. // ПСЗ. Т. XX. № 14392; “Устав благочиния или полицейский” // ПСЗ. Т. XXI. № 15379. 8 апр. 1782 г.; “Жалованная грамота городам Российской империи” // ПСЗ. Т. XXII. № 16188. 21 апр. 1785 г.

¹³ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 420–421; Российское законодательство X–XX вв. М., 1984–1994. Т. V–IX; *Чистяков О.И., Новицкая Т.В.* Реформы Александра II // Реформы Александра II. М., 1998. С. 5–36.

¹⁴ *Де Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 477; и далее.

¹⁵ *Веселовский Б.Б.* Муниципализация и муниципальная политика в России. СПб., 1914; *Дитягин И.И.* Наше городское самоуправление: речь, произнесенная на годичном акте Демидовского лица 30 августа 1876 г. // Статьи по истории русского права. СПб., 1895; *Кизветтер А.А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г.: опыт исторического комментария. М., 1909; *Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX в. СПб., 1994; *Пажитнов К.А.* Городское и земское самоуправление. Пг., 1914; *Семенов С.С.* Городское самоуправление: очерки и опыты. СПб., 1901; *Щепкин М.П.* Общественное самоуправление в Москве. М., 1906; и др.

онного, советского и современного периодов в должной мере исследовали законодательную базу, выявили заложенные в этих документах источники, заимствования, лежавшие в основе формирования законодательных актов, принципы, этапы реализации замыслов законодателей, в том числе эволюцию взглядов на формы власти, на динамику изменения численности и персонального состава органов городского самоуправления.

Протоколы, постановления Городской думы, стенографические отчеты заседаний Думы, газетные отчеты о них, официальные документы Думы и Городской управы и газетные материалы биографического и имущественного характера представляют источниковую базу словаря. К ним примыкают опубликованные документы, подготовленные в управах московского земства, купеческого, ремесленного и мещанского обществ со сведениями биографического характера о своих членах, отчеты фабричных и санитарных инспекторов, публикации экономико-статистического характера.

Воспоминания гласных различных созывов Городской думы, других современников составляют небольшой, но весьма представительный ряд нарративных источников. Они привлекались для решения вспомогательных задач, поскольку позволяют наглядно отразить в биографиях приверженность ряда гласных существовавшим групповым объединениям, выявить и привести характерные оценки современников, отобразить политические пристрастия участников общественной жизни Москвы как из числа коллег-гласных Думы, так и чиновников городской и губернской администрации. Емкой фразой или эмоциональным рассказом, приводимым в биографии, можно вызвать симпатии или антипатии, охарактеризовать противостояния либералов и консерваторов в Московской городской думе.

Добрых слов заслуживают дореволюционные авторы и издательства, начавшие публикацию мемуаров известных в Москве общественных деятелей, которые оставили документально скрупулезные воспоминания о Московском городском общественном управлении и его деятелях. Как видно из перечня, эти работы начали выходить еще в XIX в. Отдельной благодарности заслуживают и современные издатели, с начала 1990-х годов осуществляющие публикацию мемуаров известных в Москве общественных деятелей. По проблематике самоуправления ее ведут сразу несколько современных издательских компаний. Именно благодаря переизданию в прошлом раритетных (иногда малотиражных) книг обеспечен интерес к нашим героям, произошло расширение современной читательской аудитории. Примечательные истории из жизни москвичей, в том числе гласных Думы, членов Московского купеческого общества и банкиров нашли отражение в воспоминаниях наблюдательных купцов и промышленников, дворян из числа общественных и государственных деятелей, журналистов, театральных деятелей, многих московских литераторов, ученых¹⁶. Особенно много характерных

¹⁶ Аксакова-Сиверс Т.А. Семейная хроника. Париж, 1988. Кн. 1; Богословский М.М. Москва в 1870-х–90-х годах // Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная: (Научное наследие). М., 1987; Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1993; Давыдов Н.В. Москва. Пятидесятые и шестидесятые годы 19-го столетия // Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989; Грабарь И.Э. Моя жизнь. Автобиография. М.; Л., 1937; Зилоти В.П. В доме Третьякова. М., 1992; Иванова Е. Мемуары Принцессы-Золушки // Чайка. 2004. № 1(9); Из памятных тетрадей

зарисовок, в том числе о примечательных фактах из жизни москвичей-гласных Городской думы, сохранил и донес до нас в своих полных тонкой иронии и язвительных замечаний, памятных записках “Москва и москвичи”, “Москва газетная” В.А. Гиляровский¹⁷. На рубеже 2000-х годов начали издаваться целиком или в извлечениях архивные материалы, ранее известные цитатами из неопубликованных воспоминаний, подготовленные к печати историками и филологами, нередко с солидным справочным аппаратом¹⁸.

Среди изданий выделяются воспоминания Николая Александровича Найденова (1834–1905), представителя небогатого купеческого рода, благодаря своей общественной деятельности, со временем ставшего широко известным не только в Москве, но и в сановном Петербурге. Он был знатоком московского быта, купеческих традиций и родословий, анекдотов и баек из жизни современников-предпринимателей. Об особенностях мемуаров Найденова, имеющих основательную документальную основу (в том числе подкрепленную сведениями из прошлого своих предков, полученным в “археографических путешествиях” автора в среду их бытования и в региональные архивы),

С.М. Сухотина // Русский архив. 1894. № 2–4; *Кокорев В.А.* Экономические провалы в воспоминаниях с 1837 года. СПб., 1887; *Кони А.Ф.* За последние годы: Судебные речи (1888–1896). Воспоминания и сообщения. Юридические заметки. СПб., 1896; [*Крестовников Н.К.*] Семейная хроника Крестовниковых. М., 1903–1904. Т. 1–2; *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886–1890 / под ред. и с предисл. Ф.А. Ротштейна. М.; Л., 1926; *Львов Г.Е.* Воспоминания / предисл. Н.В. Вырубова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002; *Маклаков В.А.* Отрывки из воспоминаний // Московский университет. 1755–1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930; *Мещерский Н.П.* Воспоминания о М.Н. Каткове (Письма в Тверитино) // Русский вестник. 1897. № 8; *Монахов Н.Ф.* Повесть о жизни. М., 1961; *Набоков В.Д.* Временное правительство и большевистский переворот / предисл. М.Я. Геллера. Лондон, 1988; *Осипов В.* Городское хозяйство Москвы // Русская мысль. 1886. № 11; *Пыляев М.И.* Старая Москва. М., 1990; *Рябушинский В.П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин. Статьи об иконе. М.; Иерусалим, 1994; *Слонов И.А.* Из жизни торговой Москвы // Исторический вестник. 1913. Т. XI; *Соловьев С.М.* Детство // Новый мир. 1993. № 8; *Станиславский К.С.* Моя жизнь в искусстве. М., 1980; *Стенун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990; *Телешов Н.Д.* Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом. М., 1953; *Тимофеев-Ресовский Н.В.* Воспоминания: Истории, рассказанные им самим с письмами, фотографиями и документами / сост. и ред. Н. Дубровина. М., 2000; *Трубецкой Е.Н.* Воспоминания. София, 1921; *Угримов А.А.* Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту / сост. и коммент. Т.А. Угримовой. М., 2004; *Хлудов Г.И.* Памятная книга. Письма. М., 1999; *Черкасский В.А.* Его статьи, его речи и воспоминания о нем. М., 1879; *Четвериков С.И.* Невозвратное прошлое / сост. Н.А. Добрынина, М.В. Золотарев. М., 2001; *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом / предисл., подгот. текста и коммент. С.В. Шелохаева. М., 2007; *Щапов Н.М.* Я верил в Россию... Семейная история и воспоминания инженера о Москве и послереволюционной России. М., 1998; *Юсупов Ф.Ф.* Мемуары. М., 2007; *Янжул И.И.* Воспоминания о пережитом и виденном. СПб., 1910. Вып. 1; и др.

¹⁷ *Гиляровский В.А.* Мои скитания. Москва газетная. М., 2007; *Он же.* Москва и москвичи. М., 2005; *Он же.* Мои странствия. М., 2005.

¹⁸ *Балашов С.С.* Алексеевы. М., 2008; Варвара Алексеевна Морозова: На благо просвещения Москвы: В 2 т. М., 2008; *Варенцов Н.А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. В.А. Любартовича, Е.М. Юхименко. М., 1999; *Герье В.И.* О Московской городской думе // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. М., 1996. Вып. 1; Из дневника Н.П. Вишнякова / подгот. публикации Ю.А. Князева // Московский журнал. 1996. № 4. С. 37–43; Суконщики Поповы. Записки о московской жизни и не только. М., 2010; *Штекер Г.А.* Сведения о купеческом роде Алексеевых. М., 1945. С. 181.

можно узнать в статье доктора исторических наук Л.В. Ивановой¹⁹, других исследователей, обращавшихся к истории Москвы.

В той части воспоминаний, которые раскрывают общественную деятельность самого Найденова и его современников, вниманием мемуариста были отмечены деятели разного уровня, и происходившие из семей купеческой элиты, и представители средних слоев городского купечества. Тем, кто интересуется историей городского управления, особенно ценна та часть воспоминаний, которая освещает начальный этап реформирования городского управления в Москве в эпоху великих реформ, участие в органах самоуправления представителей различных государственных и негосударственных структур. Нередки в тексте отсылки автора, в течение 40 лет до своей смерти в декабре 1905 г. избравшийся гласным Думы, на имеющиеся в его распоряжении документальные свидетельства его заметок, относящиеся к истории представительного органа общественного управления Москвы²⁰.

В воспоминаниях нашлось место для откликов на сам законодательный акт от 20 марта 1862 г. из предпринимательской среды, на описание процесса выборов гласных Думы и кандидатов на пост градского главы. Книга богата на образные характеристики городским деятелям, представителям всех слоев градского общества, к которому в 1862 г. императорским указом официально были причислены дворянские семьи, имевшие недвижимость в Первопрестольной. Передана и атмосфера в зале заседания Думы при обсуждении повестки дня. Тогда в думской зале на Воздвиженке, 6 дружно заседали и даже полемизировали по вопросам расходования средств из городского бюджета академик Петербургской академии наук М.П. Погодин и доктор А.Т. Тарасенков, бывший у постели умирающего Н.В. Гоголя, московский ремесленный старшина провизор Я.И. Буханов и губернский предводитель дворянства князь Л.Н. Гагарин, филантроп и этнограф В.А. Дашков – многолетний директор Московского публичного и Румянцевского музеев, один из лидеров так называемой мещанской группы фабрикант “шипучих вин” Н.П. Ланин²¹, с 1872 г. по совместительству являвшийся издателем газеты “Русский курьер”. Найденовские воспоминания с фотографиями из семейных альбомов, комментариями и дополнениями потомков вышли в свет в 2007 г. в “Издательском доме Тончу”²², известного и другими своими альбомами и книгами по истории Москвы.

К мемуарам Н.А. Найденова тематически и хронологически примыкают воспоминания князя В.М. Голицына (1847–1932), который более 40 лет был связан с московскими органами власти и управления, занимая значительные посты в государственных организациях и общественных объединениях. Поскольку часто приходится сталкиваться с путаницей в описании его жизненного пути, приведем выдержки из служебного формуляра этого городского

¹⁹ *Иванова Л.В.* Издатель и писатель по старой Москве. Николай Александрович Найденов. 1834–1905 // Краеведы Москвы. М., 1995.

²⁰ *Найденов Н.А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1903–1905. Ч. 1–2.

²¹ *Герье В.И.* О Московской городской думе // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. М., 1996. Вып. 1. С. 423.

²² *Найденов Н. А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 2007.

деятеля, выявленного в Центральном историческом архиве Москвы²³. После окончания естественного отделения Московского университета, Голицын в 1860-е годы поступил на службу в органы общественного управления, состоял столоначальником в Московской распорядительной думе, приравненной к служебной деятельности по ведомству МВД. Затем находился на службе в дворцовом ведомстве и в попечительствах ряда медицинских учреждений по линии Ведомства Императрицы Марии, одновременно в 1870-е годы избирался гласным Городской думы. С апреля 1883 по апрель 1887 г. он действующий вице-губернатор, с мая 1887 по декабрь 1892 г. – гражданский губернатор Московской губернии. По выходе в отставку с государственной службы через четыре года он вновь был избран гласным Городской думы, а вскоре по предложению комиссии Думы, состоявшей из старейших гласных, в апреле 1897 г. был утвержден Московским городским головой и дважды в феврале 1901 г. и марте 1904 г. переизбирался в этой должности.

Всю жизнь “наш князь” (бытовало и такое именование князя Голицына в среде московского купечества²⁴) писал воспоминания. Потомкам осталось более 30 крупноформатных тетрадей, исписанных по-русски и по-французски не всегда понятным почерком. Времени на них он не жалел, специально посвящая часть дня этому занятию. Выдержки из воспоминаний были переработаны и опубликованы в 1917 г. и в 1919 г., тяжелое для самого автора и страны время²⁵. Сравнительно недавно, В.Ф. Молчанов подготовил к печати другую часть воспоминаний В.М. Голицына, написанных им в 1924 г. на основе своих же дневниковых записей. Впервые эти воспоминания увидели свет в 51-м томе Записок Отдела рукописей РГБ²⁶. В 2007 г. потомки В.М. Голицына на основании дневника, хранящегося в НИОР РГБ (Ф. 75. Д. 32), подготовили публикацию из воспоминаний, представляющую описание мытарств семьи в “окайные дни” периода революций 1917 г.²⁷ В 2008 г. к 600-летию служению рода князей Голицыных России при участии Правительства Москвы и Московской городской думы прошел ряд просветительских акций²⁸. В том числе выставка из фондов московских и региональных музеев, личных архивов проживающих в России потомков этого рода, проведенная в восстановленном центральном корпусе Государственного музея-заповедника Царицыно. Одним из основных участников был Иван Илларионович Голицын, московский художник, инициатор многих начинаний потомков городского головы²⁹.

В воспоминаниях В.М. Голицына, опубликованных в Записках Отдела рукописей РГБ, наряду с зарисовками из прошлого аристократической

²³ ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21.

²⁴ Писарькова Л.Ф. Московская городская дума. С. 177.

²⁵ Голицын В.М. Московский университет в 1860-х годах // Голос минувшего. 1917. № 11/12; Он же. Москва в 1870-х годах // Голос минувшего. 1919. № 5/12.

²⁶ Голицын В.М. Старая Москва // Записки отдела рукописей РГБ. М., 2000. Вып. 51; Он же. Дневник 1917–1918 годов. М., 2008.

²⁷ Князь Владимир Михайлович Голицын: Дневник 1917–1918 годов. М., 2008.

²⁸ “О праздновании 600-летнего юбилея служения представителей рода князей Голицыных Москве и России (Распоряжение Правительства Москвы от 17 сентября 2008 года № 2136-РП)” // Вестник мэра и Правительства Москвы. 2008. № 10.

²⁹ Князья Голицыны: 600 лет служения России: Каталог выставки. М., 2008.

Москвы, описанием почитаемых праздничных дней, ярких событий, которые собирали всю Москву, заметок о критико-оппозиционном духе в Москве по отношению к Петербургу отведено немало страниц характеристике органов управления пореформенной Москвы. “С 1862 года взамен архаической Шестигласной думы введено было городское общественное самоуправление, первоначально имевшее характер исключительно сословный. Городская дума, или как тогда она именовалась Общая дума, состояла из 150 гласных, по 30 от каждого из пяти городских сословий...³⁰ Распорядительная дума, соответствовавшая Городской управе, состояла из десяти членов, по два от каждого сословия. Председателем той и другой был городской голова. Первым должностью эту занимал кн. А.А. Щербатов”³¹. Особый интерес представляют краткие, образные и очень емкие биографические заметки о десятках городских общественных деятелей (в том числе о лицах, не состоявших в Думе). Среди них были ученые, профессора Московского университета, историки и юристы, врачи и литераторы, деятели судебной реформы – судьи и первые русские адвокаты, почетные и участковые мировые судьи, губернские и уездные земские деятели тех лет, представители торгово-промышленного мира, собиратели картин и библиофилы, благотворители и меценаты, мещане и ремесленники, состоявшие гласными Городской думы.

Хронологически продолжают воспоминания Найденова и Голицына мемуары другого бывшего Московского городского головы Б.Н. Чичерина (1828–1904). Обнародованные через 30 лет после кончины (в соответствии с завещанием автора) воспоминания, были подготовлены к печати в 1920-е годы в частном, кооперативном издательстве М.В. Сабашникова, основанном в 1890-е годы бывшими гласными Городской думы братьями С.В. и М.В. Сабашниковыми³². Современный вариант этого раритетного издания, представляющего объемный источник нарративного происхождения, вышел из печати в “Издательском доме братьев Сабашниковых”. Работу сотрудников этого издательства отличает хорошо разработанный справочный аппарат.

Окончив курс университета в 1849 г., Б.Н. Чичерин совершенствовал свои знания, написав и опубликовав несколько крупных работ по истории государственного и местного управления, был утвержден профессором по кафедре государственного права в 1865 г. Отдавая должное его научным студиям³³, самого Чичерина можно охарактеризовать как несостоявшегося государственного деятеля. Эта оценка верна и в силу особенностей его характера, отличавшегося независимостью и отсутствием почитания административных авторитетов, и ввиду ранней смерти его протеже-воспитанника – наследника престола цесаревича Николая Александровича (1865 г.), которому профессор Чичерин преподавал историю и теорию государства и права, что позволяло в перспективе, в новом царствовании, представить его каким-то видным администратором. Выйдя из университета в отставку

³⁰ В.М. Голицын ошибается, в первый период с 1863 по 1872 г., избиралось по 35 гласных от пяти избирательных сословий (соответственно 175 человек. – В.Б.).

³¹ Голицын В.М. Старая Москва.

³² Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Земство и Московская дума. [1868–1893]. М., 1934.

³³ Зорькин В.Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX — начала XX в. (Б.Н. Чичерин). М., 1975.

(1868 г.), он был занят написанием книг и общественной деятельностью: 10 лет был земским гласным в Тамбове, 16 лет избирался гласным Московской городской думы, в течение двух лет состоял городским головой.

Из четырех томов его мемуаров на третий том приходится описание деятельности Б.Н. Чичерина в Московской думе. Он повествует о 1880-х годах, новом периоде истории города, который пришел на смену двум предыдущим десятилетиям, связанным с деятельностью царя-освободителя Александра II. “Правительство, испуганное страшною катастрофой, естественно отшатнулось назад. Общество, со своей стороны, сильнее, нежели когда-либо, почувствовало потребность власти”, – так сам Чичерин определил знаковые проявления времени после гибели монарха³⁴. В воспоминаниях, отличающихся своеобразной творческой манерой, сдержанной силой и эрудицией, перед читателем предстает великий мыслитель и лидер городского общественного управления, за короткий срок завоевавший уважение коллег.

Приводя факты из жизни города, давая развернутые характеристики явлениям общественно-политической жизни Москвы, он позволяет себе и нелицеприятные оценки ярких личностей из числа коллег гласных Думы, чиновников городской и губернской администрации, дополняя их эмоциональными рассказами о противостоянии либералов и консерваторов в общественной жизни Москвы. Человек широкого кругозора и фундаментальных знаний в воспоминаниях сумел представить деятельность городского управления в контексте общероссийских проблем, показал особенности решения социальных вопросов на региональном уровне. Рассматривая социологические проблемы управления на примерах губернской администрации во главе с всесильным генерал-губернатором князем В.А. Долгоруковым, бывший городской голова показал особенности выстраивания взаимоотношений между ветвями московских властей. В мемуарах обозначены и перспективы развития самоуправления, и его рудименты, новые направления и способы решения задач, возложенных на органы самоуправления в ходе передачи от государственной администрации в ведение города целых областей городского хозяйства. В последующее время эти задачи успешно решались в рамках масштабной деятельности преемников Б.Н. Чичерина на посту городского головы Н.А. Алексеева, В.М. Голицына, их коллег, гласных Думы и членов Городской управы – тех, с кем начинал работать Чичерин.

Наряду со своими трудами на общественном поприще, философии и юриспруденции Б.Н. Чичерин был отмечен за оригинальный вклад в изучение и пропаганду теории химических процессов, создание собственной теории периодизации химических элементов. По рекомендации хорошо знавшего его профессора Д.И. Менделеева, он был избран членом Российского физико-химического общества, удостоен звания Почетного члена Санкт-Петербургской академии наук.

К сожалению, нам не известны сопоставимые по информативной насыщенности с названными выше другие нарративные источники по истории московского городского самоуправления, освещающие период с конца 1880-х до середины 1890-х годов. Заметки о представителях самоуправления и данные о составе гласных этих лет находим в материалах современ-

³⁴ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. С. 120.

ников, описавших отдельные эпизоды из истории управления и городского самоуправления³⁵, еще в неопубликованных воспоминаниях (в том числе С.В. Бахрушина, князя В.М. Голицына, С.А. Попова³⁶). Позволяют восполнить неполноту документальной базы некрологи и воспоминания, например, об избравшихся на должности городского головы Н.А. Алексееве³⁷ и К.В. Рукавишникове³⁸, оставивших след в области образования благотворителей П.И. Губонине и В.Д. Коншине, близких к ним по значению деятельности в Думе адвокатов В.М. Пржевальском³⁹, М.В. Духовском⁴⁰, С.А. Муромцеве⁴¹ и др. К информационным якорям можно отнести статьи в газетах, другие материалы о гласных, например, таких как видный деятель Московского отделения Русского музыкального общества и пропагандист музыкальной культуры кн. П.Н. Трубецкой, меценат и преобразователь музыкального театра С.И. Мамонтов, организаторы музыкальных салонов В.А. Хлудов, В.И. Якунчиков и др.

Немало полезных сведений о гласных Городской думы второй половины 1890–1910-х годов выявлено в изданных мемуарах Н.И. Астрова, П.А. Бурьшклина, Н.А. Варенцова, Н.П. Вишнякова, В.Ф. Джунковского.

Воспоминания секретаря Московской городской думы Н.И. Астрова, состоявшего в этой должности с 1897 г. по начало 1900-х гг., а в 1917 г. избранного городским головой, написаны в эмиграции, в Праге. Они были опубликованы в Париже в 1940 г. графиней С.В. Паниной, состоявшей с ним в гражданском браке⁴². Часть из них была переиздана в 2000 г. в Москве издательством Государственной публичной исторической библиотеки под не совсем точным названием (поскольку в книге они прерываются на 1906 г., когда Астров был приглашен С.А. Муромцевым в С.-Петербург и назначен ответственным сотрудником Аппарата I Государственной думы)⁴³.

Окончив юридический факультет Московского университета, недолго прослужив в органах юстиции Московской губернии, Н.И. Астров (1868–1934) перешел в городской мировой суд, став участковым мировым судьей. С этой должности своими многоопытными коллегами, приметившими

³⁵ Бахрушин В.А. Описание построения храма св. Василия Исповедника в Москве за Рогожской заставой в Новой деревне // Московский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 1996. Вып. 1.

³⁶ Бахрушин С.В. Воспоминания // ЦИАМ. Ф. 2236. Оп. 1. Д. 6; Голицын В.М. Дневник // НИОР РГБ; Попов С.А. Воспоминания (рукопись) // Архив Государственного центрального театрального музея им А.А. Бахрушина.

³⁷ Памяти Н.А. Алексеева // Русское обозрение. 1893. № 4; Амфитеатров А.В. Недавние люди. СПб., 1901.

³⁸ НИОР РГБ. Ф. 218. К. 478. Д. 13; Памяти К.В. Рукавишникова // Известия Московской городской думы. 1916. Вып. 1.

³⁹ Двадцатипятилетие Московских присяжных поверенных // Сборник материалов, относящихся до сословия присяжных поверенных округа Московской судебной палаты с 23 апреля 1866 по 23 апреля 1891 г. М., 1891; В.М. Пржевальский. Некролог // Исторический вестник. 1900. № 3.

⁴⁰ Памяти Михаила Васильевича Духовского. М., 1903; Щетинин Б.А. Михаил Васильевич Духовской. Опыт характеристики // Исторический вестник. 1903. № 5.

⁴¹ Сергей Андреевич Муромцев: Сб. ст. М., 1911.

⁴² Астров Н.И. Воспоминания / предисл. С.В. Паниной, П.П. Юренева. Париж, 1940. Ч. 1–2.

⁴³ Астров Н.И. Воспоминания москвича: от Мосгордумы до эмиграции (1897–1932 гг.). М., 2000. С. 170–171.

молодого либерально настроенного юриста, он был выдвинут в городские секретари, заняв пост почти одновременно с В.М. Голицыным. В органах городского самоуправления, где юридическая служба была поставлена очень высоко, должность секретаря Городской думы (подчас этот пост имел и такое обозначение) появилась в 1860-е годы. Не состоявшие гласными, не входившие в члены Городской управы, городские секретари по регламенту переутверждались в должности на заседаниях Думы. Им была подведомственна Канцелярия Думы, они были первыми редакторами докладов, вносимых в Думу, подписывали принятые Думой приказы. Влияние их, как писал Н.И. Астров, «могло быть прямое и непосредственное, в порядке высказывания мнения, подкрепленного ссылками на законы, на разъяснения Сената, на постановления Думы и установившуюся практику, на создавшиеся прецеденты»⁴⁴. По должности Астров одновременно состоял делопроизводителем Московского губернского по городским делам присутствия, работавшего под председательством гражданского губернатора. В присутствие с правом голоса входили вице-губернатор, управляющий Казенною палатою, прокурор окружного суда, председатель мирового съезда, председатель Губернской земской управы и городской голова губернского города.

Воспитание, хорошее образование, ответственная и многообразная по формам работа сформировали из молодого юриста опытного городского деятеля, со временем ставшего одним из признанных лидеров московских кадетов. Воспоминания Н.И. Астрова, помимо информации о текущей работе аппарата и самих думцев 1890-х – середины 1900-х годов, содержат развернутые биографические характеристики о многих гласных, хорошо аргументированные выводы и обобщения. Приведем одно из них: «Существо традиций Московской Думы, – писал Н.И. Астров, – сводилось к тому, что Дума делает не чисто хозяйственное дело, а большое общественное дело, нужное для всей Москвы, для всего населения города. Московская дума никогда не забывала, что Москва – сердце России и что ее работа нужна для России, связанной с нею духовными и материальными узами. Московская дума строго берегла свое достоинство и независимость, отдавала должное С.-Петербургу, не фрондировала перед ним, исполняла свой долг, указанный в законе, но жила своею жизнью, создавала и берегла свои нравы и свой московский уклад. ...граждане Москвы несли ей свои жертвования, отдавали свои капиталы и имущества, завещали свои средства, зная, что Московская Дума выполнит их волю свято. И Москва пользовалась сложной сетью учреждений благотворительных и просветительных, имеющих целью также и глубже идти навстречу общим нуждам всего населения. Будучи цензовой, Московская Дума делала работу, которая все более и более приобретала характер демократический. ...“Общественная Дума” нашего времени на рубеже двух столетий оказалась переросшей узкие одежды, скроенные ей городовым положением 1892 года. Ее состав был оторванным от толщи населения, ей не хватало прав, не было в ее распоряжении надлежащих средств, чтобы развернуть дело в должном размере. Но тем не менее работа ее шла, развиваясь и совершенствуясь»⁴⁵.

⁴⁴ Там же. С. 31.

⁴⁵ Там же. С. 50–51.

К темам, поднятым Н.И. Астровым в заключительной части своих воспоминаний, где говорится о становлении новой политической системы в период между русскими революциями, примыкают воспоминания В.Ф. Джунковского (1865–1938), по взглядам представителя противоположного политического лагеря. Находясь с 1890-х годов на службе в свите Московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, являясь во второй половине 1900-х годов вице-губернатором и гражданским губернатором Московской губернии, а с 1913 г. заместителем министра внутренних дел, Джунковский обладал богатейшим опытом административной деятельности, имел доступ ко многим тайным и явным пружинам власти. Мемуары генерал-майора свиты последнего русского императора – человека, который умел “отделять нравственное от безнравственного и старался всегда следовать велению совести, а не политических доктрин”⁴⁶ – были частично опубликованы 1997 г. в двух томах, охватывая период с 1905 по 1915 г.

Его труд, подготовленный к печати современными историками, проделавшими большую работу по сверке текстов и составлению подробных указателей, имеет большую ценность⁴⁷. С юности скрупулезно собирая документы, газеты и другие свидетельства эпохи (сохраненные в период службы и переданные в 1920-е годы в Пушкинский Дом), автор дополнял свои воспоминания о Москве уже в советский период, приезжая для уточнений в Петроград, привлекая для источниковой базы материалы архива и библиотеки Академии наук, стараясь соблюдать объективность в оценках. Созданный им документальный комплекс смело можно поставить в один ряд с крупными исследовательскими проектами.

В мемуарах десятки страниц отведены сюжетам, связанным с освещением примечательных фактов и явлений из московской жизни, учреждений городского хозяйства, социальной защиты и образования, муниципальных предприятий и культурно-просветительных центров, созданных при участии городского самоуправления. В данных автором нелицеприятных оценках многие городские деятели по-разному предстают перед читателем как в кризисные дни Первой русской революции, так и на последующем этапе преодоления политической нестабильности в России. Автор подкупающе откровенен в раскрытии многих официальных и закулисных сторон жизни государственных и общественных институтов, приведении свидетельств о роли многих частных лиц и чиновников в событиях, свидетелем которых он был в недавнем прошлом, рассказывая о них уже в иную историческую эпоху.

О деятельности гласных в 1900–1910-х годах много ценного можно почерпнуть в воспоминаниях яркого представителя московской предпринимательской династии Вишняковых. Автор записок Н.П. Вишняков (1844–1927), выходец из Замоскворечья, один из членов семьи владельцев галунной

⁴⁶ Семкин А.Н. Зачислить за ВЧК впредь до особого распоряжения. Дело В.Ф. Джунковского в московской Таганской тюрьме // ОА. 2002. № 5.

⁴⁷ Джунковский В.Ф. Воспоминания / предисл. И. Пушкаревой, З. Перегудовой. М., 1997. Т. 1–2.

фабрики, рантье, ученый-палеонтолог⁴⁸, мировой судья, библиофил⁴⁹, приходился братом, двоюродным братом, дядей и дедом и нескольким гласным Думы из рода Вишняковых – владельцу фабрики, двум банкирам, виноторговцу, близким родственником (двоюродным дядей и племянником) золотоканительщикам Алексеевым, биржевым деятелям и фабрикантам Крестовниковым и Каретниковым и др.

Его рукописное наследие условно можно разделить на три группы. К первой относятся опубликованные в 1900-е годы в трех выпусках, скрупулезно подобранные в семейных и государственных архивах и профессионально обработанные материалы, вылившиеся в документальные исторические очерки о предках купцов Вишняковых, их родственниках Алексеевых, Боткиных, Живаго, Зевакиных, других современниках. Занимательные зарисовки автора о быте, семейных связях, нравах зажиточных москвичей XVIII–XIX вв., как и другие свидетельства московских купцов археографически описаны⁵⁰. Опубликованные мизерным тиражом, они ждут своего издателя и комментаторов⁵¹.

Кроме семейных материалов, автор, гласный Городской думы, многие годы вел дневники, в которых давал оценку событий, проходивших в Москве и России, в том числе характеристики гласным Городской думы. Его личный архив уцелел, но разрознен. Частично он находится в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ⁵²), в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и Российской государственной библиотеке. Выдержки из архивных материалов были представлены в нескольких публикациях последних лет⁵³. Л.Ф. Писарькова, работавшая с архивом Вишнякова, охарактеризовала автора как “человека бесспорно умного, наблюдательного, не лишенного литературного дара, но вместе с тем резкого, желчного”⁵⁴. П.А. Бурыйшкин писал о послереволюционной судьбе Вишнякова: “Он был очень образованный человек, и после революции, уже совсем в преклонных годах, жил тем, что преподавал испанский язык”⁵⁵.

Третий вид нарративных источников, созданных Н.П. Вишняковым, рукопись “Гласные Московской городской думы. 1897–1916 гг.” находится не в архиве, а в одном из отделов Московской областной библиотеки имени Н.К. Крупской в г. Королеве и доступна для исследователей⁵⁶. Сшитые в тет-

⁴⁸ Стародубцева И.М. Н.П. Вишняков и его коллекция в фондах Государственного геологического музея им. В.И. Вернадского РАН // История Тейкова в лицах. Иваново, 2005.

⁴⁹ В отчете Государственного Румянцевского музея за 1916–1922 гг. отмечено поступление 584 томов различного содержания из национализированной библиотеки Н.П. Вишнякова. См.: электронный ресурс Российской государственной библиотеки <http://kp.rsl.ru/collections/personal?letter=B>.

⁵⁰ Ульянова Г.Н. Благотворительность московских купцов в дореформенный период // Москва: события, люди, проблемы. М., 1997.

⁵¹ Вишняков Н.П. Сведения о купеческом роде Вишняковых. М., 1903, 1905, 1911. Ч. 1–3.

⁵² ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 15, 16.

⁵³ Вишняков Н.П. Из купеческой жизни // Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989; Революция 1905 года в Москве. Из дневника Н.П. Вишнякова / подгот. публ. Ю.А. Князева // Московский журнал. 1996. № 4. С. 37–43.

⁵⁴ Писарькова Л.Ф. Московская городская дума. С. 27.

⁵⁵ Бурыйшкин П.А. Москва купеческая. М., 2001. С. 158.

⁵⁶ Вишняков Н.П. Гласные Московской городской думы 1897–1916 гг. Рукопись. Б.м, б.г. (Московская областная б-ка им. Н.К. Крупской, г. Королев).

радь листы объемом 272 страницы формата чуть более А4, пронумерованы от руки, с текстами авторских биографических характеристик на гласных Городской думы и компиляциями из газетных заметок и пометок, расположенными на обеих сторонах листа, с фотографиями из газет и авторскими комментариями к ним. Рукопись долгое время оставалась не атрибутирована, не имела фамилии автора ни на титульном листе, ни в библиографическом описании. Странность эта понятна: для автора рукопись представляла собой рабочий материал о его общественной деятельности, находилась дома (возможно, на даче в Подмосковье) и по своему назначению не носила публичного характера. Первое библиографическое описание и атрибуцию рукописи провел в 1990-е годы богородский краевед Е.Н. Симонов⁵⁷, который высказал свое мнение об авторстве Н.П. Вишнякова и с ним следует согласиться, поскольку на странице 51 рядом с газетной вырезкой 1910-х годов и фотографией Н.П. Вишнякова приводится запись чернилами: “Се азь”. В статье Е.Н. Симонова даны небольшие по объему характеристики на 15 гласных (из более чем 700 приведенных в источнике), являвшихся владельцами нескольких подмосковных фабрик в Богородском уезде.

Наряду с указанными материалами, в заключительной части этого документа полезными представляются сведения, содержащие алфавитный указатель (поскольку сведения о гласных расположены не в алфавитном порядке). Заслуживают внимания газетные вырезки с десятками фотопортретов гласных и статистические сведения о трех избирательных компаниях в Городскую думу, состоявшихся между 1908 и 1916 гг., в которых участвовал сам автор. Записи об итогах выборов представляют значительный интерес с учетом роли автора в постреволюционной Городской думе: в 1910-е Вишняков по возрасту являлся одним из старейших гласных и в соответствии с регламентом в 1912–1916 гг. избирался на почетную должность замещающего городского голову. Он председательствовал в Городской думе при рассмотрении и обсуждении некоторых вопросов, когда требовалось устранение городского головы от руководства этим процессом⁵⁸. Девять лет он состоял председателем думской Комиссии о пользах и нуждах общественных (помимо прочего имевшей негласный статус думской экспертной группы по вопросам расходования бюджета), был членом Комитета беспартийно-умеренной группы гласных, своеобразного фракционного объединения депутатов, группировавшихся вокруг сторонников октябристов в думе. Газета “Русское слово” писала о нем: “Всем интересуется, во все входит и всегда действует самостоятельно, не поддаваясь родственным влияниям. Работает в нескольких думских комиссиях, принимает деятельное участие в вопросах благотворительном и училищном, и, вообще – человек почтенный и полезный”⁵⁹. Данная рукопись в значительном объеме (около 100 цитат) была использована сотрудниками ЦИГУС при подготовке словаря “Московская власть: гласные Городской думы 1863–1917 гг.”.

⁵⁷ См.: Вишняков Н.П. Гласные Московской городской думы 1897–1916 гг. // Богородский край: Альманах. 2001. № 2. В статье так же даны небольшие по объему характеристики на 15 гласных, являвшихся владельцами нескольких подмосковных фабрик.

⁵⁸ Это положение было сформулировано в статье 120 Городового положения 1892 г.

⁵⁹ Русское слово. 1904. 10 нояб.

Известная книга воспоминаний “Москва купеческая”, как документальная основа сведений по истории Москвы, также использовалась при подготовке биографического словаря. Книга, как и ее автор П.А. Бурьшкин (1887–1955), в особых представлениях не нуждаются. С момента своего выхода в свет в начале 1950-х годов этот исследовательский труд по истории московского предпринимательского мира выдержал несколько изданий за рубежом и в Советском Союзе. Не обойден он вниманием издателей и в постсоветскую эпоху⁶⁰. Привлекая доступные в эмиграции автору документы и книги, базируясь на недокументированных формах прошлого, из так называемой устной истории⁶¹, маститый общественный деятель начала XX в. и русской эмиграции представил яркую картину жизни Москвы и России.

В отличие от всех названных выше мемуаров, имевших некоторое временное ограничение уже в процессе создания, П.А. Бурьшкиным предложен взгляд на историю своего сословия как сквозной процесс. Автор провел анализ особенностей, вывел закономерности развития московского купечества, обратившись к персонам, начиная с первой четверти XIX по начало XX в. Часть воспоминаний посвящена описанию отдельных семей московского предпринимательского сообщества, в том числе гласных Думы. В персональном плане московское купечество в этот период выдвинуло из своей среды значительную когорту городских общественных деятелей, получивших известность, принесших много пользы как по линии Московского купеческого и биржевого обществ, так и по линии Городской думы и управы. Они сами и члены их семей безвозмездно работали в социальных, просветительских и благотворительных учреждениях, жертвовали средства и на строительство, и на содержание созданных ими школ, больниц, богаделен. Часть московских предпринимателей в начале XX в. перешла на иной уровень известности, заслужив внимание общества своей государственной деятельностью в столице России, в высших законодательных и исполнительных органах власти. Сам П.А. Бурьшкин, несмотря на молодость, не только избирался старшиной Биржевого комитета Московской биржи, был соучредителем нескольких газет, состоял гласным Городской думы, но и членом Городской управы, а в 1917 г. он дважды избирался заместителем Московского городского головы – кадета Н.И. Астрова и эсера В.В. Руднева.

Ценную информацию о деятельности Московской городской думы и гласных по периодам, предшествовавшим Первой мировой войне и предреволюционному, находим в неопубликованных воспоминаниях С.В. Бахрушина (1882–1950), хранящихся в ЦИАМ. Мемуарист – известный советский историк – происходил из той ветви большой семьи благотворителей, представители которой получили известность своей общественной и собирательской деятельностью. Бахрушин был впервые избран в Думу в 1909 г., став самым молодым представителем этого купеческого рода в городском парламенте. Его политический противник октябрист Н.П. Вишняков писал о нем: “...краснощекий, румяный, красивый брюнет статного роста...

⁶⁰ Бурьшкин П.А. Москва купеческая. М., 2001.

⁶¹ Козлов В.П. Теоретические основы археографии с позиций современности // ОА. 2001. № 1.

Бахрушину едва ли 30 лет, а, между тем, по предложению К.В. Рукавишников, дума утвердила его попечителем Рукавишниковского приюта. Он также член Училищной комиссии. Очень ретивый, без сомнения интересующийся городскими делами и серьезный. С.В. составляет приятное явление среди повального индифферентизма гласных...”⁶² Его оценки городских деятелей в воспоминаниях подкреплены не только собственным, но и опытом общественной деятельности членов семьи. Он был внуком почетного гражданина города Москвы Александра Алексеевича Бахрушина (1823–1916), избравшегося гласным Городской думы с 1869 по 1900 г., племянником коллекционера театральных раритетов гласного Думы Алексея Александровича (1865–1929) и собирателя книг и фарфора Сергея Александровича (1863–1922) Бахрушиных, сыном Владимира Александровича (1853–1910) – многолетнего гласного, избравшегося в Думу в 1885–1909 гг. Сам С.В. Бахрушин, написавший еще до революции ряд работ по истории Москвы: “Москва в 1812 году” (1913 г.) и “Малолетние нищие и бродяги в Москве” (1913 г.) после 1917 г. остался в России, стал профессором, членом-корреспондентом АН СССР (1939 г.), действительным членом Академии педагогических наук РСФСР (1945 г.).

Потомки некоторых гласных Городской думы предоставили в распоряжение сотрудников ЦИГУС документальные материалы, фотографии, семейные воспоминания, написанные как самими гласными, так и их близкими, краеведами, в разные годы занятыми разработкой истории местностей, в которых протекала деятельность гласных. Некоторые из них, составленные на основе качественных генеалогических изысканий, имеют вполне добротную основу. Среди них сводка данных о представителях многочисленного рода Мамонтовых, включающие сведения о 12-ти поколениях рода (в количестве не менее 150 человек, с указанием степени родства, даты рождения и смерти)⁶³. Ценные биографические сведения были получены от ныне здравствующих потомков, интересующихся историей своего рода: о пяти гласных золотоканительщиках Алексеевых и их родственниках Четвериковых (от Н.А. Добрыниной); о двух гласных из семьи Армандов (от В.М. Егорова-Федосова); о шестерых гласных из рода Гучковых (от И.А. Гучкова, О.И. Демушкиной, М.К. Восканянц, Д.Б. и М.П. Зиминых); о гласном Н.Ф. Гагмане (от Н.А. и Г.В. Гагман); о трех гласных Ляминых (от И.И. Лямина); о гласном В.Е. Мещерине (от дочери известного искусствоведа О.И. Епифанова-Грабарь и Г.А. Гуськова); о гласных из кланов Морозовых и их родственниках братьях Карповых (от М.Г. Смольяниновой); о гласных-юристах, отце и сыне В.М. и В.В. Пржевальских (от Н.М. и Л.К. Пржевальских); о четверых гласных Щаповых (от сына гласного Н.М. Щапова, члена-корреспондента РАН, историка Я.Н. Щапова) и др.

Часть генеалогических сведений выявлена в электронных ресурсах, например, в статьях подмосковного краеведа Г.В. Ровенского: о представителях нетитулованного дворянского рода Мусиных-Пушкиных, о выходцах из московского купечества, дворянах Пантелеевых, о представителях династии шелковых фабрикантов Кондрашевых, о родствен-

⁶² Вишняков Н.П. Гласные Московской городской думы 1897–1916 гг. Рукопись. С. 301.

⁶³ Копия документа находится в архиве ЦИГУС.

нике А.С. Пушкина, в том числе родном брате супруги поэта, известном в свое время городском финансовом деятеле С.Н. Гончарове. Сведения о члене городской управы Д.Д. Дувакине, размещенные его внуком и др.⁶⁴

В 1990-е–2000-е годы рубрика “Свет памяти” в “Московском журнале”, журналы “Русское искусство”, “Наше наследие”, еженедельник “Былое” и другие периодические издания и тематические сборники “предоставляли слово” потомкам москвичей, в том числе гласным Городской думы. Они рассказывали немало интересного из жизни своих широко известных и мало известных предков, среди которых были ценители искусства и библиофилы, известные благотворители и предприниматели, священники и писатели. В этих статьях находим семейные материалы о заводчиках Листах, производивших пожарные насосы и металлоинструменты, о благотворителях фабрикантах Капцовых, построивших два здания для народных училищ, о фабрикантах Йокишах, учредивших донныне действующую шерстоткацкую фабрику, о выходцах из мещан обувщиках Королевых, выдвинувших из своих рядов городского голову и видного церковного иерарха, о семье либеральных дворян Самариных, ставших известными своей общественной позицией и внятным вкладом в земское и городское самоуправление⁶⁵.

В эти же годы появилось немало аналитических материалов, освещающих жизненный путь, профессиональную и общественную формы работы видных общественных деятелей, вклад которые замалчивался или игнорировался в советскую эпоху. В этой группе публикаций находим и развернутые исследования о семейных кланах, вылившиеся в монографии, как работы М.Л. Гавлина, Е.А. Динерштейна, Ю.А. Петрова, И.В. Поткиной, В.В. Тихонова⁶⁶, так и разнообразные по направленности и скрупулезности статьи. Например, о библиофилах Голицыных, о клане купцов-старообрядцев Рябушинских-Кузнецовых, о враче-коллекционере эскизов русских художников А.М. Ланговом и нумизмате А.И. Голикове, адвокате, участнике политических процессов Н.К. Муравьева, историке П.Г. Виноградо-

⁶⁴ *Ровенских Г.В.* Родословная Мусиных-Пушкиных (www.bogorodsk-noginsk.ru); *Он же.* Родословная Гончаровых. Фрязино, 2004; *Споров Б.В.* Живая речь ушедшей эпохи: собрание Виктора Дувакина // НЛО. № 74 (2005) (<http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/>).

⁶⁵ *Иванова Е.* Мемуары Принцессы-Золушки // Чайка. 2004. № 1(9); *Капцов К.* Капцовы // Московский журнал. 2006. № 2; *Комаровская А.В.* Отец и сын Самарины // Московский журнал. 2001. № 2; *Перцов Д.Г.* Дом Перцова: архитектура и жизнь // Русское искусство. 2005. № 1; *Петрова Е.Г.* Йокиши // Московский журнал. 2001. № 3; *Пржевальский М.В., Пржевальский Н.М.* Род Пржевальских // Родословные очерки: Смоленское дворянство. М., 2001. Вып. 5; *Реформатская М.А.* Юные годы ровесников века // Человек. 1993. № 3; *Соснер И.Ю.* Князь Г.Е. Львов и русская школа в изгнании // Князь Георгий Львов: Возвращение имени. Калуга, 2006; *Юдин Б.* Исконные москвичи Королевы. Из записной книжки московского старожилы // Московский журнал. 2006. № 4; *Я возлюбил Вас...* Архиепископ Пражский Сергей (Королев). Автобиография. Свидетельства современников. Духовное наследие. М., 2003.

⁶⁶ *Гавлин М.Л.* Из истории российского предпринимательства: династия Боткиных. М., 2000; *Динерштейн Е.А.* Иван Дмитриевич Сытин и его дело. М., 2003; *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М., 1997; *Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797–1917. М., 2004; *Тихонов В.В.* Историк “старой школы”: Научная биография Б.И. Сыромятникова. Пиза, 2009.

ве, председателей Государственной думы С.А. Муромцове, А.И. Гучкове и Ф.Н. Головине⁶⁷.

Большой интерес представляют сборники материалов многочисленных краеведческих научно-практических конференций, иногда целиком посвященных вкладу в становление своего дела целых династий предпринимателей, общественных деятелей Москвы и Подмосковья⁶⁸.

* * *

Кем же были люди, пришедшие в обновленную Общую думу в 1863 г.?

Во многом это были “новые люди”, рекрутируемые из разных социальных групп русского общества либо “пробужденные” реформами, либо “порожденные” ими.

С конца 1850-х годов видные общественные деятели из дворянства начали привлекаться к разработке будущего положения об освобождении крестьян⁶⁹. Со временем в Москве сформировался небольшой, сравнительно стабильный круг лиц, связанных с участием в выборах и службой в реорганизованных органах самоуправления. Поводом к его формированию стало несколько факторов. Прежде всего создание генерал-губернатором П.А. Тучковым Комитета по рассмотрению предложений о реорганизации московского городского общественного управления (1859 г.), подготовка текстовой части “московского проекта”, которым предусматривалось изменение структуры выборных органов городской власти, количественное и качественное расширение состава гласных Думы, общий настрой в московском чиновничьем мире и высшем свете, собиравшем в своих рядах отставных, в том числе либерально настроенных деятелей предыдущего царствования, разработанное на его основе Городовое положение 1862 г. В начале 1860-х годов коронная власть объявила “общественный призыв” на службу в новые земские и городские органы самоуправления. Князь В.М. Голицын писал о дворянах, избранных в Думу: “...особенно выделялись Д.Д. Голохвастов, молодой, горячий ратоборец за земское дело, за его развитие и свободу действий, И.И. Мусин-

⁶⁷ Агеева Е.А. В авангарде всегда шел купец: торговая экспедиция московских купцов-старообрядцев в Монголию 1910 г. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 2004. Вып. 3; Боханов А.Н. Савва Морозов // ВИ. 1989. № 4; Он же. Александр Иванович Гучков // Исторические силуэты. М., 1991; Варфоломеев Ю.В. Адвокат Н.К. Муравьев и политические процессы в России (конец XIX – начало XX в.) // ОИ. 2006. № 6; Галутва Г.В. Владелец Голицынской библиотеки // Московский журнал. 2000. № 2; Он же. Ланговые: Семейные хроники // Московский журнал. 2001. № 2; Заворотная Л.А. Коллекционер Александр Григорьевич Голиков (1865–1940) // Монеты и медали (Сборник статей по материалам отдела нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина). М., 2004. Вып. 2; Перкин Е. Московская ветвь рода Волковых // Московский журнал. 2001. № 3; Спивак М.Л. Три жизни: Мемориальная квартира Андрея Белого на Арбате // Наше наследие. 2005. № 75–76; Старых В. Меценат из Петровского // Поиск. 1991. № 1/2; Томсинов В.А. Павел Гаврилович Виноградов // Вестник Московского университета. 1997. № 1.

⁶⁸ Морозовы и Москва. Труды юбилейной научно-практической конференции “Морозовские чтения” (Москва, 26–27 декабря 1997 г.). М., 1998; Прохоровские чтения. Научно-практическая конференция, посвященная 200-летию Прохоровской Трехгорной мануфактуры. Москва, 9–10 декабря 1999 г. М., 1999; и др.

⁶⁹ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968; Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861 гг. М., 1984.

Пушкин, Д.А. Наумов, пробывший без малого 30 лет в должности председателя губернской управы, гр. Бобринский, бывший долгое время губернским предводителем, владеец громадного дома на М. Никитской, и многие еще другие. Все это было юно, все одушевлено надеждами и чаяниями, у всех было одно заветное желание, одна мечта – продление и возрастание дарованной свободы, общественности, самостоятельности работы в созидании нового строя, имеющего заменить отживший, военно-бюрократический, и, нечего скрывать, многие тогда лелеяли в себе мечту об увенчании здания – созданием государственного представительства”⁷⁰.

Представителей дворянства в Думе 1860-х годов объединяли две сословные группы. 35 гласных насчитывала группа потомственного дворянства, другая состояла из представителей служилого дворянства, отнесенных к комбинированной группе не занимавшихся торговыми операциями потомственных почетных граждан, а также чиновников, получивших дворянство после окончания вузов и по выслуге лет. Все они входили в состав сборного сословного объединения “личных дворян, почетных граждан, в гильдию не записанных, иностранцев и других званий лиц, не приписанных к купечеству и городским податным сословиям, владеющих недвижимостью в Первопрестольной столице”. Все пять сословных собрания Градского общества были учреждены в Москве по Указу императора Александра II от 20 марта 1862 г. в соответствии с “Положением об общественном управлении Москвы” с целью объединения лиц, имевших недвижимое имущество в городе или находившихся на службе. Закон определял, что каждое из этих собраний “входит в обсуждение дел, относящихся до отдельного сословия, и действует его именем во всех случаях, когда закон требует по сим делам постановления и приговора сословия. Сверх того собрания производят выборы в гласные Общей думы и в другие должности по общественному управлению”⁷¹. Сословные объединения горожан действовали в Москве до 1872 г.

В связи с постоянным ростом населения Москвы (в 1860–1890-е годы с 360 до 950 тыс., а в 1916 г. до 1 млн 854 тыс. человек)⁷² перед Городской думой и Городской управой, к которым в течение 30 лет переходили функции заведывания городским хозяйством и большей частью социальной сферы, особенно остро стоял вопрос о расширении медицинской помощи населению. В деятельности депутатов традиционно более пристальным было внимание к таким сферам городского хозяйства, как народное образование, просвещение, “народное здравие”, судопроизводство. Для многих гласных необходимость решения проблем управления городским хозяйством из области теоретической, отвлеченной переросли в насущную тематику общественной жизни, а для иных стали императивом личной жизни.

В составе гласных Думы разных лет состояли видные представители российской науки, своей деятельностью в представительном органе власти поднимавшие уровень городского управления, в том числе в области образования, здравоохранения, просвещения. Остановимся на характеристике тех гласных, которые принадлежали к группам гуманитарной интеллиген-

⁷⁰ Голицын В.М. Старая Москва. С. 166.

⁷¹ ПСЗ. Отд. 1. Т. XXXVII. С. 224.

⁷² См.: Городской экологический профиль Москвы. М., 2000.

ции, в частности, представляли историческую науку, смежные дисциплины. Документальную основу их биографий составляют публикации их научного наследия, публицистические работы, данные из монографий и статей о них и по различным направлениям их творчества. Полезная информация содержится в воспоминаниях коллег и друзей, в документальных сборниках, в эпистолярном наследии современников и других материалах. Существенную информацию находим в официальных изданиях Городской думы – протоколах заседаний, материалах комиссий, постановлениях.

Первые десятилетия работы реформированной Думы прошли под воздействием личности двух действительных членов Санкт-Петербургской академии наук. В первую очередь это собеседник и издатель произведений А.С. Пушкина, известный русский историк, собиратель документальных раритетов и древностей, профессор Московского университета М.П. Погодин (1800–1875). Автор литературных произведений и публицист, он в 1827–1830 гг. издавал журнал “Московский вестник”, в 1841–1856 гг. совместно с С.П. Шевыревым – “Москвитянин”. В 1840-е годы Погодин обосновал и с группой литераторов выступил перед генерал-губернатором князем А.Г. Щербатовым с инициативой проведения в 1847 г. первого праздника в честь 700-летнего юбилея основания Москвы. Его дом в Москве многие годы был одним из центров культурной жизни, собирая видных представителей литературы и искусства, а собранные Погодиным коллекции поступили в Эрмитаж и Российский исторический музей. В Думе, по словам мемуариста Н.А. Найденова, этот почтенный литератор принадлежал к числу влиятельных гласных⁷³.

Близким к Погодину по масштабам служебной деятельности и реализованных проектов был юрист-законовед, директор Московского архива Министерства юстиции Н.В. Калачов (1819–1885). Он остался в памяти современников и последующих поколений энтузиастов как учредитель Петербургского археологического института (1877 г.), устроитель губернских ученых архивных комиссий (1884 г.), сыгравших большую роль в сохранении русского документального наследия. В Москве по его инициативе начались работы по устройству нового помещения для размещения архива Министерства юстиции: на безвозмездно переданном Городской думой участке земли на Б. Царицынской (ныне Б. Пироговской) улице было построено двухэтажное здание, открытое после смерти Калачова (ныне здесь располагается РГАДА).

Более 30 лет, с конца 1870-х годов до 1910-х годов, протекала в Городской думе деятельность историка, профессора В.И. Герье (1837–1919), воспитавшего несколько поколений русских историков, с именами которых связывают становление русской исторической школы всеобщей истории. Не менее значимой для города было открытие по инициативе В.И. Герье в мае 1872 г. одного из первых в России женских учебных заведений – Московских высших женских курсов при Московском университете. На рубеже столетий был замечен в Городской думе П.Г. Виноградов (1854–1925), историк-медиевист, исследователь английского Средневековья. Вскоре по приглашению руководства Оксфордского университета он переехал в Англию, чтобы занять должность профессора, а затем возглавить кафедру сравнительной юрис-

⁷³ Найденов Н.А. Указ. соч. С. 24.

пруденции. С 1880 г. по 1896 г. избирался гласным историк Д.И. Иловайский (1832–1920), который посвятил свою жизнь изысканиям в области политической истории России и популяризации исторических знаний. Не создав собственную историческую школу и не являясь яркой величиной на поле исторических исследований, он вслед за Н.М. Карамзиным, С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским был одним из авторов собственной обширной “Истории России” (пять томов издавались в период с 1876 г. по 1905 г.). Был тесно связан с региональным краеведением ряда губерний Центральной России.

Являясь гласным, В.И. Герье в Думе с 1877 г. по 1905 г. бессменно состоял в должности председателя Комиссии о пользах и нуждах общественных. П.Г. Виноградов избирался председателем Училищной комиссии Городской думы. Ее деятельность способствовала улучшению хозяйственного положения городских начальных училищ, увеличению числа ежегодно открываемых училищ, рационализации системы приема детей малоимущих москвичей в начальные классы, совершенствованию методик преподавания, включая использование технических средств и др. Историк Д.И. Иловайский создал десятки методических пособий по преподаванию истории, которые использовались, в том числе в городских начальных училищах.

В новом столетии среди гласных Городской думы был ряд лиц, окончивших историко-филологические факультеты, в том числе будущий лидер октябристов А.И. Гучков, коллекционер М.А. Морозов, библиофил, член городского училищного совета Н.М. Горбов, банкир и текстильный фабрикант С.А. Смирнов, экономист, видный деятель московского императорского общества сельского хозяйства А.И. Угримов и др.

Несколько гласных по роду своей деятельности профессионально занимались историческими исследованиями. И.А. Лебедев (1847–1916) защитил магистерскую диссертацию по всеобщей истории в Киевском университете (1878 г.), много лет подряд – с 1882 г. по 1916 г. состоял гласным, утверждался членом Городской управы, членом Городского училищного совета, а с 1898 г. по 1905 г. товарищем (заместителем) городского головы князя В.М. Голицына. Возглавляя учебный отдел Управы, он осуществлял контроль над деятельностью сотен учреждений народного образования (народных училищ), был причастен к формированию городской программы строительства специальных школьных зданий. К ценным исследовательским материалам из истории Думы следует отнести написанные им воспоминания о Н.А. Найденове⁷⁴. Приват-доцент Г.К. Рахманов (1873–1931) был оставлен в Московском университете для подготовки к профессорскому званию. Принадлежавший к семье состоятельных старообрядцев, он получил известность в кругах либеральной московской интеллигенции, самостоятельно, начиная с мая 1905 г., издавал еженедельную общественно-политическую газету “Московская неделя”, состоял членом редакционной коллегии, учрежденного на средства Маргариты Морозовой, вдовы гласного Думы Михаила Морозова, “Московского еженедельника”, а в 1910-е годы был сотрудником религиозно-философского издательства “Путь”. Одним из его учредителей был единомышленник и друг, видный философ, профессор университета

⁷⁴ Лебедев И.А. Николай Александрович Найденов. 1834–1905 гг.: Очерк жизни и деятельности. М., 1915.

Е.Н. Трубецкой. Накануне Февральской революции был избран в Городскую думу приват-доцент Б.И. Сыромятников (1874–1947). Окончив юридический факультет, он был оставлен для подготовки к профессорскому званию, специализировался на изучении древнерусского общества, феодального законодательства и государственного строительства в эпоху Петра I, в 1902–1911 гг. преподавал в нескольких вузах Москвы, в том числе в Московском университете. Являясь убежденным сторонником новых форм приобщения к знаниям самых широких слоев общества (путем чтения лекций популярно-просветительского характера в вечернее время), Сыромятников был одним из учредителей Московского общества народных университетов. Среди его коллег, энтузиастов создания учебного заведения нового типа, были гласные Думы – профессора А.С. Алексеев, Н.А. Каблуков, В.К. Рот, А.Н. Реформатский (избранные членами бюро). Сыромятников в 1909–1914 гг. состоял членом правления, с 1912 г. избирался товарищем председателя и с 1914 г. председателем общества, которое просуществовало до 1918 г. Оставшись в России, он преподавал, а в 1937–1946 гг. возглавлял сектор в Институте права АН СССР. Свои работы в 1910-е годы публиковал уже упомянутый выше специалист по русской истории историк-медиевист С.В. Бахрушин, в 1910-е годы один из самых молодых гласных Думы.

К особой группе гласных Думы разных лет можно отнести собирателей произведений живописи и икон, нумизматов и этнографов, библиофилов и ученых-искусствоведов, тех, кто своими трудами обеспечил превращение нескольких домашних галерей в подлинные музейные собрания. В Москве в течение ряда лет эти очаги культуры оказывали влияние на воспитание художественного вкуса нескольких поколений посетителей. В середине века пользовалось уважением имя исследователя искусства и пропагандиста открытия в Москве художественного музея профессора К.К. Гёрца, родственника и друга художника А.К. Саврасова. Своим личным вкладом в создание двух музейных коллекций был известен этнограф В.А. Дашков – директор Румянцевского музея и Московского публичного музея. Прославили свои имена собиратели русской живописи галеристы В.А. Кокорев, К.Т. Солдатенков, П.М. Третьяков, П.И. Харитоненко; получившие признание как меценаты, они были избраны в почетные или действительные члены Санкт-Петербургской академии художеств. В 1860-е годы известность у современников получила галерея князя С.М. Голицына на Волхонке, а в 1900-е годы – собрание русских икон искусствоведа И.С. Остроухова в Трубниковском пер. на Арбате. В 1900-е годы было на слуху собрание нумизмата А.Г. Голикова – коллекционера русской и зарубежной живописи (насчитывавшее более 500 произведений) и собрание эскизов к картинам русских художников доктора медицины А.П. Лангового. С середины 1860-х годов по начало 1880-х годов привлекала читателей общедоступная городская Чертковская публичная библиотека (открытая в 1863 г. гласным Г.А. Чертковым на основании собрания своего отца А.Д. Черткова и в 1872 г. подаренная городу). Участие в работе Городской думы архитекторов – особая тема. Начало этой традиции положило избрание гласным многолетнего директора Дворцового архитектурного училища архитектора Ф.Ф. Рихтера, который вошел в историю России не только своими работами в Кремле, Пскове и Подмоскovie, но и как основоположник научной реставрации, создатель палат старого Англий-

ского двора в Китай-городе и палат бояр Романовых в Костромской лавре. В 2008 г. московская общественность отметила 200-летие со дня рождения этого гласного Думы первых пореформенных лет.

В новую культурную эпоху, наступившую на рубеже XIX и XX столетий, своим мощным культурным заделом стала известна собирательская деятельность гласных М.А. Морозова, С.И. Щукина – создателей национальной сокровищницы современной европейской живописи. Коллекция Морозова – 60 картин П. Гогена, В. ван Гога, П. Боннара и многих других художников – в 1911 г. безвозмездно была передана в Третьяковскую галерею его супругой М.К. Морозовой (Мамонтовой). Коллекция Щукина – 250 картин К. Моне, П. Гогена, П. Пикассо, А. Матисса, полотна П. Сезанна, В. ван Гога, К. Писсарро, Э. Дега, А. Руссо, А. Сислея, А. де Тулуз-Лотрека и других – после национализации в 1918 г. так же перешла в республиканский фонд культуры и после его расформирования ныне находится в лучших музеях Москвы и России. Традиции собирательства живут и в семьях потомков собирателей: в год 150-летия Щукина его внук Андре-Марк Делок-Фурко передал в дар Государственному музею истории искусств им. А.С. Пушкина несколько произведений, купленных дедом в 1920-е годы.

Подводя итог обобщению личного вклада известных общественных деятелей в развитие художественной культуры Москвы, отметим, что в новейшем сборнике биографий коллекционеров, подготовленном Н.М. Полуниной, “Кто есть кто в коллекционировании старой России”, приведено около 20 имен известных собирателей, являвшихся гласными Московской городской думы⁷⁵.

* * *

Воспоминания современников, предмет нашего обзора, как и протоколы заседаний Думы, газетные отчеты дополняют круг документальных свидетельств о гласных. Их использование позволяет предметнее представить социальное сознание и социальный облик депутатов представительного органа городского самоуправления, обозначить существо проблем, стоявших перед городом, обрисовать сложные пути исканий в принимаемых решениях. Сведения из воспоминаний дают возможность существенно дополнить базы генеалогических данных и семейных сведений, найти дополнительные краски в написании биографий многих общественных деятелей Москвы, до недавнего времени скрытых от потомков и исследователей.

Анализ состава социальных групп, складывавшихся в разные исторические периоды деловой активности депутатов на заседаниях и в промежутках между собраниями показывает, что многие гласные не просто проводили время, пассивно “заседаая” в отведенных им палатах, не всегда только “организованно” голосовали за предложенные пункты повестки дня. Придерживаясь разных взглядов, они дискутировали, в спорах выражали и отстаивали

⁷⁵ Полунина Н.М. Кто есть кто в коллекционировании старой России: Новый биографический словарь. М., 2003. См. биографии: А.А. Бахрушина, П.А. Бурьшклина, Г.Г. Герца, кн. Л.С. Голицына, В.А. Дашкова, В.А. Кокорева, А.П. Лангового, С.И. Мамонтова, М.А. Морозова, М.П. Погодина, Н.М. Постникова, К.Т. Солдатенкова, П.М. и С.М. Третьяковых, гр. А.С. Уварова, П.А. Харитоненко, П.В. Щапова, С.И. Щукина.

свои мнения, вступали в коалиции, противостояли друг другу, а подчас – и носителям административного ресурса власти. Как, например, в ходе принудительной отставки летом 1883 г. городского головы Б.Н. Чичерина или во время политического противостояния левого крыла московских думцев и коронных властей в ноябре 1904 г., за два месяца до Кровавого воскресенья и за год до Декабрьского вооруженного восстания в Москве.

Среди выбранных в Думу городских общественных деятелей одних отличало понимание остроты текущих проблем городской жизни и готовность к поиску путей их решения. Другие шли в Думу по обязанности, накладываемой на них действующим законодательством, которое требовало несения каждым гражданином той или иной общественной службы. Третьи искали выгод для себя и своего дела, возможности поддержать свои семейства. Независимо от мотивов, к началу XX столетия гласные Думы и члены Городской управы создали приемлемые условия в формировании полноценного муниципального хозяйства Москвы, ставшего опорой и надеждой жителей одного из крупнейших мегаполисов Европы, примером для подражания другим муниципалитетам Российской империи.

Не всё и не всегда получалось сразу, но уже к началу XX в. сложившиеся в Московской думе традиции и принципы хозяйствования в городе впечатляли⁷⁶. Городские учреждения различных специализаций и производственные подразделения, находившиеся в ведении Городской управы, и обслуживали целые отрасли городского хозяйства. Результаты деятельности органов власти по своим масштабам приближали Москву к уровню европейских столиц.

⁷⁶ Писарькова Л.Ф. Московская городская дума. С. 265.

М.В. Корогодина

СОСТАВЛЕНИЕ КОРМЧЕЙ НИФОНТА КОРМИЛИЦЫНА*

Кормчая Нифонта Кормилицына (РГБ. Ф. 98. Собр. Е.Е. Егорова, 156) рано привлекла внимание исследователей. К ней обращался уже И.П. Лаптев, сравнивавший ее с Кормчей Вассиана Патрикеева и оставивший на ней карандашную помету¹. Тем не менее до сих пор так и не появилось специального исследования, посвященного этой Кормчей. Между тем, Кормчая Нифонта Кормилицына – явление необычное для истории канонического права на Руси прежде всего потому, что она составлена “по граням”, в соответствии с Номоканоном² XIV титулов, т.е. по тематическому принципу, в отличие от Кормчих традиционного состава, в которых правила расположены по соборам. Известны греческие канонические сборники, в которых правила расположены “по граням”. На славянских землях также составлялись подобные Кормчие: древнейший южнославянский список Мазуринской редакции относится к третьей четверти XIV в.; Западнорусская редакция Кормчей получила распространение на украинских и западнорусских землях с XV в.; тематический принцип был избран и Вассианом Патрикеевым, который составлял свою Кормчую в Москве за несколько лет до Нифонта Кормилицына³.

Последние три редакции Кормчих, составленные “по граням”, очень похожи друг на друга. Они имеют одинаковые (за небольшими различиями) грани, разделенные на одни и те же главы. В главах выписаны правила, ко-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 11-01-00184а.

¹ РГБ. Ф. 98. Егор. 156. Л. 181 об. См. также: *Андрюшаитите Ю.В.* И.П. Лаптев: У истоков отечественного филиграноведения. М., 2001. С. 221; Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. М., 2005. Вып. 1: Апостол – Кормчая. С. 234–235.

² По терминологии В.Н. Бенешевича, «Номоканон будет называться такой состав XIV титулов, где в главах есть законы; “Синтагмой” – такой, где законы отсутствуют; “Синагогой” – где правила не процитированы только по номерам, а вписаны целиком». См.: *Бенешевич В.Н.* Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г. СПб., 1905. С. 115; *Плигузов А.И.* Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2002. С. 144.

³ *Бегунов Ю.К.* Кормчая Ивана Волка Курицына // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. XII. С. 141–159; *Белякова Е.В.* Источники Кормчей Ивана Волка Курицына // Древнерусская литература: Источниковедение: Сб. науч. трудов. Л., 1984. С. 75–83; *Она же.* Особые редакции Сборника XIV титулов в византийско-славянской традиции // Церковь в истории России. М., 1999. Сб. 3. С. 41–43; Мазуриная Кормчая: Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв.: Исследование и тексты / подгот. изд. Е.В. Белякова, К. Илиевская, О.А. Князевская, Е.И. Соколова, И.П. Старостина, Я.Н. Щапов. М., 2002; *Мошкова Л.В.* Западнорусская Кормчая особого состава // Хризограф. М., 2005. Вып. 2. С. 231–240; *Она же.* Кормчие особого состава // Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века... Вып. 1. С. 315–498.

торы соответствуют тематике главы, причем большинство правил во всех трех редакциях совпадает. Однако сходство состава не должно вводить нас в заблуждение, поскольку объясняется тем, что составители этих редакций руководствовались одинаковыми принципами работы. Взяв за основу Кормчую традиционного состава (с правилами по соборам), они выписывали правила, опираясь на Номоканон XIV титулов, присутствующий в каждой Кормчей. Номоканон был разбит на 14 больших разделов: титулов или глав, внутри которых были выделены главы, а в главах указаны номера правил. В различных редакциях Кормчих книг XIII–XV вв. Номоканоны имеют незначительные отличия, которые позволяют определить, какая из традиционных редакций Кормчей послужила основным источником для того или иного составителя Кормчей “по граням”. Кроме того, Вассиан Патрикеев, Нифонт Кормилицын и неизвестный составитель Западнорусской редакции дополняли главы другими правилами, не упомянутыми в Номоканоне. Этим объясняются отличия в порядке следования и наборе правил в главах в разных редакциях Кормчих, несмотря на их большое сходство.

Кормчая Нифонта Кормилицына наиболее поздняя по времени создания из названных нами редакций. Мог ли Нифонт опираться на одну из предшествующих редакций в своей работе? Кормчая Западнорусской редакции дошла до нас в западнорусских списках, и у нас нет сведений, была ли она известна в Северо-Восточной Руси в первой половине XVI в.⁴ Синагога в Кормчей Кормилицына и Западнорусской Кормчей чрезвычайно близки по набору статей; однако это может объясняться одинаковыми принципами составителей, вносящих в Синагога правила, на которые были ссылки в Номоканоне XIV титулов в Кормчей Сербской редакции, а также статьи, упоминавшиеся в толкованиях уже выписанных правил. В свою очередь различие в формулировках отсылок и некоторая разница в составе Синагога не может служить доказательством независимости Кормчей Кормилицына от Кормчей Западнорусской редакции. Однако есть несколько правил, которые позволяют безошибочно определить, использовал ли Кормилицын Кормчую Западнорусской редакции в качестве источника. Как было показано Л.В. Мошковой, Кормчая Западнорусской редакции была составлена на основе Кормчей Сербской редакции; тот же перевод правил мы находим и в Кормчей Кормилицына. Однако несколько апостольских правил: апп. 26, 28–30 и 66, внесенных в Кормчую Кормилицына по отсылкам из Номоканона XIV титулов (т.е. заимствованных из основного источника, а не вставленных позже из дополнительного источника), записаны в переводе русских редакций Кормчих. В Кормчих Западнорусской редакции эти правила читаются, как и остальные, в переводе Сербской редакции Кормчей; следовательно, они не могли быть заимствованы отсюда в Кормчую Кормилицына. Л.В. Мошкова обратила внимание на то, что данные правила в переводе русских редакций Кормчих читаются в списках Кормчих Даниловской подгруппы Сербской редакции⁵. Это указывает на близость Кормчей Кормилицына к Кормчим Даниловской подгруппы.

⁴ Мошкова Л.В. Кормчая Вассиана Патрикеева // Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века... Вып. 1. С. 461.

⁵ Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века... Вып. 1. С. 309–312.

Дополнительные статьи, записанные после Синагога, также убеждают нас в том, что Кормчая Западнорусской редакции не могла быть источником Кормчей Кормилицына. Среди дополнительных статей Кормчей Кормилицына мы находим главы 41–42 Кормчей Сербской редакции и целый ряд текстов, служащих конвоем для некоторых списков Кормчих Сербской редакции и отсутствующих в Западнорусской редакции Кормчей. Таким образом, мы приходим к выводу, что Кормилицын не пользовался списком Кормчей Западнорусской редакции как источником, и у нас нет данных, которые бы говорили о том, что он был знаком с Кормчими подобного типа. Однако Нифонт Кормилицын был хорошо знаком и с Вассианом Патрикеевым, и с его Кормчей.

Нифонт стал игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря в 1522 г., после того как бывший игумен Даниил стал митрополитом. Кормилицын принимал участие в подготовке собора против Вассиана Патрикеева, состоявшегося в 1531 г. Главные обвинения на соборе были направлены против Кормчей Вассиана, причем осуждались не только те взгляды, которые Вассиан старался обосновать с помощью правил святых отцов, но и сама идея Вассиана расположить правила тематически, “по граням”. В противовес Вассиановской Кормчей к собору была составлена митрополичья Кормчая, в создании которой деятельное участие принимал и Нифонт⁶. После осуждения Вассиана Патрикеев был сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь, под начало Нифонта Кормилицына, где умер спустя непродолжительное время⁷.

Именно в это время, уже после окончания работы над митрополичьей Кормчей и после собора против Вассиана Патрикеева, Нифонт начинает составлять собственную Кормчую “по граням”⁸. Он работает без ведома и без благословения митрополита, что позже было поставлено ему в вину. Очевидно, что Нифонт хорошо знал Кормчую Вассиана, но, используя ту же форму, хотел придать своему каноническому труду смысл, противоположный вассиановскому, и отстаивать право церкви владеть имуществом и быть полностью независимой от светской власти. По всей видимости, Нифонт надеялся, что его труд будет принят митрополитом и послужит на благо русской церкви, – ведь он обосновывал ту позицию, которой придерживались и митрополит Даниил, и митрополит Макарий. Окончив труд, Нифонт показал Кормчую митрополиту Даниилу, но был им жестоко осужден: “Про себя, деи, еси писал, а тако, деи, не надобе писати!” На Нифонта было наложено церковное покаяние за самовольное составление Кормчей; но когда владыкой стал Макарий, Нифонт понадеялся, что его труд будет принят новым владыкой, и снова представил его. Однако и митрополит Мака-

⁶ Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 748–749; Кюсс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 63.

⁷ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2: (вторая половина XIV–XVI в.), ч. 1. С. 121.

⁸ Очевидно, что дошедший до нас список Кормчей Нифонта Кормилицына отражает завершающий этап работы над рукописью. Хотя в рукописи бросается в глаза наличие нескольких почерков, от полууставного до скорописного, мы склонны доверять записи, оставленной Кормилицыным: “а писал я сам”. Те же почерка мы встречаем и в сборнике Кормилицына, относящемся к тому же времени: РНБ, Q.XVII.15, в котором также в записи говорится, что он писан Нифонтом Кормилицыным в бытность его игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря (л. 1–10). Описание почерков Нифонта Кормилицына и его помощников – тема отдельного исследования.

рий осудил Нифонта: “Толко, де, так писати, и еретики, де, все роскрудут”. Снова подвергнувшись церковному наказанию, Нифонт больше не пытался придать своей Кормчей официальный статус. Смирившись с ее осуждением, он оставил в Кормчей запись, в которой запретил переписывать ее.

Может быть, из-за этой записи Кормчая Нифонта Кормилицына не получила продолжения в рукописной традиции, в отличие от Кормчей Вассиана Патрикеева, которая имела более счастливую судьбу, чем ее составитель. До нас дошло восемь списков Кормчей Вассиана, из которых три были написаны при жизни автора (один из них во время собора на Вассиана хранился в библиотеке великого князя), а еще пять были написаны уже после его смерти, в XVI–XVII вв.⁹ Один из поздних списков имеет роскошное оформление, т.е. явно был написан как подносной экземпляр; на другом есть указание на Вассиана как на автора-составителя. Таким образом, Кормчая, несмотря на соборное осуждение ее автора, продолжала переписываться, читаться и приноситься в дар, а имя ее составителя бережно сохранялось. Иначе сложилась судьба Кормчей Нифонта Кормилицына, более поздние списки которой нам неизвестны. Но сама Кормчая, несмотря на порицание двух митрополитов (как и списки Кормчей Вассиана Патрикеева), по-прежнему оставалась ценностью и была вложена в Иосифо-Волоколамский монастырь в качестве ценного вклада, за который Нифонт завещал внести в Синодик и поминать его самого и всю его родню.

Кормчая Нифонта Кормилицына чрезвычайно похожа на Кормчую Вассиана Патрикеева. Это сходство проявляется прежде всего в составе Синагога, в которых правила одинаково распределены по главам, так что большинство правил совпадает. Сходство проявляется и в общей структуре Кормчих, в которых к Синагога прибавлены дополнительные главы – канонические тексты, не охваченные главами Синагога. В Кормчей Вассиана Патрикеева выделено от 14 до 41 глав (в разных изводах); в Кормчей Нифонта – 20 глав. В обеих книгах пометами и глоссами на полях отмечены наиболее интересные составителя темы. Мог ли Нифонт обращаться к Кормчей Вассиана Патрикеева как к источнику, тем более, что ее автор доживал последние дни в Иосифо-Волоколамском монастыре в то время, когда Кормилицын составлял свою Кормчую?

Несмотря на сходство обеих Кормчих, мы вынуждены дать отрицательный ответ на этот вопрос. Что касается дополнительных глав к Кормчим, то они у двух авторов не совпадают. Главное сходство проявляется в Синагога, но при ближайшем рассмотрении оно оказывается обманчивым. Правила в Кормчей Вассиана Патрикеева и Нифонта Кормилицына даны в разных переводах: Вассиан заимствовал правила из Кормчей русской редакции, а

⁹ *Викторов А.Е.* Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных публичным и Румянцевским музеями в 1868 г., после Д.В. Пискарева. М., 1871. № 39; *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1–3. № 2714–2722; Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971. С. 183; *Клосс Б.М.* Никоновский свод... С. 69; *Белякова Е.В.* Особые редакции Сборника XIV титулов в византийско-славянской традиции. С. 41–43; *Плигузов А.И.* Полемика в русской церкви. С. 143–144; Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века... Вып. 1. С. 227–239, 380–442 (автор описаний Л.В. Мошкова); *Корогодина М.В.* Новонайденные списки Кормчей Вассиана Патрикеева // АЕ за 2007–2008 годы. М., 2012. С. 100–112.

Кормилицын выписывал правила из Сербской редакции Кормчей. В Кормчей Вассиана большинство правил дано без толкований; у Кормилицына в основном правила с толкованиями.

Можно было бы предположить, что Кормилицын обращался к Кормчей Вассиана для того чтобы выписать номера тех правил, которые подходят по тематике к той или иной главе. Ведь помимо правил, названных в Номоканоне XIV титулов, в обеих редакциях Кормчей выписано немало других правил, проясняющих заявленную в названии главы тему. Поиск этих правил по Кормчей традиционного состава (т.е. с правилами, расположенными по соборам) представляет собой гигантскую работу и требует прекрасного знания канонического материала. Возможно ли, что Нифонт Кормилицын заимствовал найденные Вассианом номера правил, но при составлении собственной Кормчей выписывал их не из книги Патрикеева, а из Кормчей Сербской редакции?

И на это предположение мы также должны дать отрицательный ответ. Правила некоторых соборов: Лаодикийского, Карфагенского имеют разную нумерацию в Сербской и в Чудовской редакции Кормчей (бывшей основным источником для Вассиана). Так же различаются номера правил и в Кормчих Патрикеева и Кормилицына, т.е. приводится одно и то же правило, но под разными номерами, например, в 4-й грани 11-й главе в Кормчей Патрикеева Лаод. 47 (как в Номоканоне Кормчей Чудовской редакции), а в Кормчей Кормилицына то же правило Лаод. 48 (как в Номоканоне Сербской редакции). Таких примеров можно привести очень много. Если бы Кормилицын выписывал номера правил из Кормчей Вассиана, то номера правил бы совпадали, в то время как тексты правил были бы различны. Между тем очевидно, что Кормилицын обращался к Номоканону Сербской редакции Кормчей, а не к Кормчей Вассиана при составлении собственного труда.

Как же можно объяснить совпадения (по номерам) тех правил, которые не были выписаны из Номоканона XIV титулов? Для этого надо понять пути составления Кормчих Вассиана Патрикеева и Нифонта Кормилицына:

1) В толкованиях к тем правилам, которые выписывались из Номоканона, часто присутствовали ссылки на другие правила сходной тематики¹⁰. Поскольку толкования к правилам в Кормчей Чудовской редакции (источнике Вассиана) и Кормчей Сербской редакции (источнике Нифонта) одинаковы¹¹, то и те правила, которые выписывались по отсылкам из толкований, также одинаковы по номерам (но различаются по переводу) в обеих Кормчих. Таких правил, выписанных по отсылкам из толкований, в Кормчей Нифонта Кормилицына насчитывается более двухсот.

2) Отдельные правила вносились Нифонтом Кормилицыным, поскольку они соседствовали в Сербской редакции Кормчей с теми правилами, которые выписывались из Номоканона. Приведем примеры только из первой грани по Кормчей Нифонта (во втором столбце таблицы записан номер правила, выписанного из Номоканона XIV титулов; в третьем столбце – номер правила, внесенного Кормилицыным в Синагогá перед или сразу вслед за правилом из Номоканона):

¹⁰ Принципы составления Кормчей Вассиана Патрикеева были описаны Л.В. Мошковой, см.: Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века... Вып. 1. С. 461–470.

¹¹ *Щанов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 171.

Номер главы	Правило, упомянутое в Номоканоне XIV титулов	Дополнительное правило
1 гр. 4 гл.	2 всел. 7	2 всел. 8
1 гр. 5 гл.	2 всел. 2	2 всел. 1
1 гр. 5 гл.	ВВ 59	ВВ 60
1 гр., 6 гл.	1–2 соб. 16	1–2 соб. 17
1 гр., 6 гл.	ВВ 88	ВВ 87 и 89
1 гр. 7 гл.	7 всел. 3	7 всел. 4
1 гр. 21 гл.	6 всел. 17	6 всел. 18
1 гр. 24 гл.	4 всел. 2	4 всел. 1
1 гр. 26 гл.	ап. 12	ап. 13
1 гр. 26 гл.	Карф. 90	Карф. 91
1 гр. 27 гл.	1 всел. 9	1 всел. 10
1 гр. 29 гл.	Неокес. 13	Неокес. 14 и 15
1 гр. 37 гл.	6 всел. 14	6 всел. 15
1 гр. 38 гл.	Неокес. 9	Неокес. 10

К тому же приему прибегал и Вассиан, но он часто вносил иные правила, чем Нифонт, что приводило к различию Кормчих Патрикеева и Кормилицына.

3) Наконец, Кормилицын дополнил Синагога некоторыми главами Сербской редакции Кормчей, которые не были охвачены Номоканонном XIV титулов. В Номоканоне упоминалась лишь небольшая часть соборных и отеческих правил, и одним из обвинений на соборе против Вассиана было то, что избрав расположение правил по граням, он оставил вне Кормчей значительную часть святоотеческого канонического наследия: “малую сию некую часть ко твоему малоумию угодна написал, а иная вся розметал сложенная и сочтаннаа Святыми Отци с прежними Соборы и с последними”¹². Нифонт постарался избежать этой ошибки, и включил в Синагога отдельные главы Сербской редакции не взирая на то, подходят они тематически к этому разделу Синагога или нет. В приведенной ниже таблице указано, в какой главе Кормчей Кормилицына находятся вставленные Нифонтом правила, представляющие собой отдельные главы Кормчей Сербской редакции:

Кормчая Кормилицына	Правила, вставленные Кормилицыным	Кормчая Сербской редакции
1 гр. 6 гл.	Правила Кирилла Александрийского к Домну, Пентапольским и Ливийским епп., Максиму диак., Геннадию архим., Евлогию Александрийскому	гл. 36
1 гр. 6 гл.	Правила Кирилла Александрийского, 12 правил	гл. 37
1 гр. 27 гл.	Правила Феофила Александрийского, правила 3–14	гл. 35
гр. 3 гл. 18	Правила Тимофея Александрийского, 15 правил	гл. 34
гр. 3 гл. 18	Правило Афанасия Великого к Аммону мниху о соблазняющихся в ночи	гл. 30
гр. 3 гл. 18	Правило Василия Великого о причащении	гл. 24
гр. 9 гл. 10	Правило Василия Великого “О том, колика и какова суть места епитимиям”	гл. 23
гр. 9 гл. 13	О Агапии и о Гавадии, правило 1	гл. 16

¹² Прение Данила, митрополита Московского и всеа Руси, с старцем Васьяном, 1531 года, мая 11 дня. Б.м., б.г. С. 2.

В последнем случае в Кормчей Нифонта Кормилицына даже выписан номер главы по Сербской редакции: “глава 16”, что снова убеждает нас в том, что непосредственным источником для Кормилицына была Кормчая Сербской редакции. Оставшиеся главы Сербской редакции Кормчей, как мы увидим ниже, Нифонт включил в свой сборник в виде дополнительных глав к Синагогá.

Это три основных пути пополнения Синагогá в Кормчей Нифонта Кормилицына. Кроме того, Кормилицын переносил правила из одной главы в другую, например, он включил в 5-ю главу 1-й грани правила, названные в Номоканоне XIV титулов для 14-й главы 8-й грани. Эти две главы обладают сходной тематикой, что и позволило перенести правила из одной главы в другую. В то же время в 14-й главе 8-й грани Нифонтом были даны отсылки к 1-й грани 5-й главе.

Помимо тех правил, которые попали в Синагогá указанными путями, есть еще ряд правил, внесенных Кормилицыным; некоторые из них совпадают по номерам с правилами, внесенными Патрикеевым. Однако таких совпадающих правил на протяжении 1–9-й граней всего 15, в то время как правил, внесенных дополнительно Вассианом в Кормчую и отсутствующих у Кормилицына, около 150. Если бы Кормилицын выписывал номера правил из Кормчей Вассиана Патрикеева, он бы внес в свой сборник и эти правила. Таким образом, мы приходим к выводу, что огромный труд по подбору правил и расположению их “по граням” был проделан Нифонтом Кормилицыным и Вассианом Патрикеевым нéзависимо.

Какими же источниками пользовался Нифонт Кормилицын? Мы уже упоминали об использовании Нифонтом Кормчей Сербской редакции. Я.Н. Щапов выделил в Сербской редакции несколько групп, отличающихся как количеством глав в основном составе Кормчей, так и конвоем¹³. При сравнении с Кормчей Нифонта Кормилицына обращает на себя внимание близость ее к Кормчим Сербской редакции, группы в 64, II главах, Даниловской подгруппы. Известно пять списков второй половины XVI в., принадлежащих этой подгруппе, сравнение которых было проведено Е.В. Беляковой¹⁴. В двух списках (ГИМ, Воскр. 28 и РГАДА, ф. 181 (РО МГАМИД) № 1593)¹⁵ после окончания глав Кормчей Сербской редакции имеется копия записи: “Доселъ съ суздальских Правиль, а се събрание и припись того же Даниила игумена, потом бывша митрополита, лѣта 7030-го месяца февраля”. Во всех списках к Кормчей Сербской редакции присоединен сборник канонических текстов, заимствованных из разных источников. Эти дополнительные тексты в том же порядке (за редкими исключениями) вошли и в Кормчую Нифонта Кормилицына.

Так, главы 1–11 Кормчей Нифонта Кормилицына представляют собой главы Сербской редакции: 45, 46, 44, 47–60, 41, 42, 61–64. Напротив статьи Никиты Стифата о субботнем посте в Нифонтовской Кормчей на поле написано: “глава 50”¹⁶, как в списках Кормчих Сербской редакции. Следующие

¹³ Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси. С. 136–138.

¹⁴ Белякова Е.В. Источники Печатной Кормчей // Вестник церковной истории. 2008. № 3 (11). С. 99–115.

¹⁵ Мошкова Л.В. Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века. ... Вып. 1. № 81. С. 293–313.

¹⁶ РГБ. Ф. 98. Егор. 156. Л. 375 об.

главы 12–17 Кормчей Кормилицына вобрали в себя “собрание и припись” будущего митрополита Даниила – те дополнительные статьи, которые продолжают Сербскую редакцию в списках Кормчих Даниловской подгруппы. В Кормчую Кормилицына вошли почти все дополнительные тексты, собранные Даниилом. Однако Нифонт внес также и некоторые дополнения и изменения в этот раздел.

Например, после Устава игумена монастыря св. Иоанна в Пантеллерии в “собрании” митр. Даниила были записаны Правила Василия Великого. Нифонт, включивший Устав в 13-ю главу своей Кормчей, заменил Правила Василия Великого на Око церковное (пенитенциалы для монахов), в которое правила Василия Великого входили в более полном виде. Око церковное было выписано Нифонтом также из сборника митр. Даниила, где оно было записано несколькими листами ниже. Попутно Нифонт решил собрать в одной главе все тексты Василия Великого, и поместил в главу 13 вслед за Оком церковным главы 22–25 Сербской редакции Кормчей. Избегая повторений, Нифонт дал отсылки к соответствующим граниям и главам Синагога для тех правил, которые уже были выписаны им выше. Таким образом, в данном случае перестановка статей, нарушающая порядок их в источнике (сборнике митр. Даниила) объясняется желанием Кормилицына систематизировать материал, собрав воедино произведения одного автора. Переписав все тексты Василия Великого, Нифонт возвращается к порядку следования статей в сборнике Даниила.

Некоторые статьи из “собрания” Даниила были включены Нифонтом в Синагога. Так, отдельные статьи, продолжающие Правила Тимофея, архиеп. Александрийского, были внесены Нифонтом в 3-й грани 18-ю главу¹⁷. Соседствующие с этими статьями в сборнике Даниила правила Тимофея Александрийского (прав. 5, 7, 13, 12), возможно, побудили Нифонта внести в ту же 3-й грани 18-ю главу все правила этого автора (прав. 1–15), представляющие собой главу 34 Кормчей Сербской редакции. Также из сборника Даниила Нифонтом было заимствовано 3-е правило Кирилла Александрийского с толкованием Феодора Вальсамона и внесено в 6-ю главу 1-й грани и в 12-ю главу 8-й грани¹⁸.

Как уже говорилось, известно несколько списков Кормчей Сербской редакции Даниловской подгруппы. Из них наиболее близки по составу к Нифонтовской Кормчей рукописи ИР НБУ. Ф. 312 (собр. Киево-Софийского собора), № 221/50С и ГИМ, Барс. 157¹⁹. В них мы находим те же статьи, что и в Кормчей Кормилицына: среди текстов о степенях родства и браке после статьи “От иноя главы”, нач.: “Множицею нам наиде и мужем онѣм дивитися...” (представляющей собой продолжение главы 56 Сербской редакции Кормчей) внесены две статьи русского происхождения: “О възбраненых женитвах”, нач.: “Съближение имя есть рожественное...”, и “Уставъ о брацѣхъ”,

¹⁷ Никоново, нач.: “И сиа убо о сущих в мирѣ простых людех...”; Дионисия Александрийского о сущих без общения, прав. 3 и 4; о причащении вопрос и ответ св. Варсонофия, нач.: “Аще бывшу ношному мечтанию...”; Афанасия Великого к Аммону мниху о соблазняющихся в ночи. См.: РГАДА. МГАМИД 1593. Л. 610 об.–612 об.; РГБ. Ф. 98. Егор. 156. Л. 157–158 об.

¹⁸ РГАДА. МГАМИД 1593. Л. 686 об.–687 об.; РГБ. Ф. 98. Егор. 156. Л. 87 об.–88 об., 197 об.–198.

¹⁹ Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси. С. 266.

нач.: “Тако есть право уне поиманиа...”²⁰ Канонические ответы болгарского архиепископа Димитрия Хоматина, приписываемые Иоанну Китрскому²¹, в названных списках Кормчих Даниловской подгруппы, как и в Нифонтовской Кормчей имеют продолжение в виде дополнительной главы “О бубачней хижичи”, к которой приписаны два правила о соблазне во сне и о блуде с иноверной женой²². При этом, правило о соблазне во сне не приведено в Кормчей Нифонта Кормилицына полностью, но имеет отсылку к 3-й грани 18-й главе. Как мы уже видели, это не единственный случай отсылки к Синагогá из дополнительных глав в Кормчей Кормилицына.

Можно предположить, что Нифонт пользовался той самой рукописью, которая была составлена в 1522 г. игуменом Даниилом, будущим митрополитом. Эта недошедшая до нас рукопись являлась оригиналом Кормчей Даниловской подгруппы Сербской редакции и в первой половине – середине XVI в. скорее всего хранилась в Иосифо-Волоколамском монастыре. Думается, именно она упоминается в описях Иосифова монастыря 1573 и 1581 гг. как “Правила старые писаны с суздальских Правил, не одно писмо: в начале Нилово писмо Полева и иных старцов при Даниле митрополите”²³. Очевидно, что для описи сведения о рукописи, написанной давно, могли быть почерпнуты только из записи на самой рукописи. Из записи на сборнике Даниила составители описи могли узнать, что книга была списана с “суздальских Правил” и составлялась при Данииле. Что касается наименования книги “старой”, то оно соответствует состоянию рукописи, степени ее ветхости. Скорее всего рукопись Даниила ко второй половине XVI в. уже была сильно изношена, если с ней долгое время работал Нифонт Кормилицын. Кроме того, с рукописи Даниила делались списки – по крайней мере, некоторые из пяти известных списков Кормчей Даниловской подгруппы должны были быть списаны с этой рукописи.

Кроме сборника Даниила Нифонт обращался и к другим источникам. Большая часть выписок из других источников пришлась на конец Кормчей – главы 18–20, однако некоторые вставки читаются как в Синагогá, так и среди дополнительных глав Кормчей. В главе 6 после толкования чина проскомидии (выписанного из Сербской редакции Кормчей) Кормилицын добавил по тематическому принципу толковые тексты, касающиеся богослужения, из Чудовской редакции²⁴. Небольшие вставки были сделаны и в другие

²⁰ РГБ. Ф. 98. Егор. 156. Л. 483–484 об.; ГИМ. Барс. 157. Л. 563–566 об. В рукописи ИР НБУ. Ф. 312, № 221/50С после статьи “От иноя главы” написано: “О возбраненных женитвах иши от доски”, т.е. в конце (л. 218). Последние листы рукописи утрачены, однако процитированная отсылка позволяет предположить, что обе статьи были записаны в конце книги.

²¹ Павлов А.С. Кому принадлежат канонические ответы, автором которых считался Иоанн, епископ Китрский (XIII века)? // ВВ. СПб., 1894. Т. 1, вып. 3–4. Отд. 1. С. 493–502.

²² РГБ. Ф. 98. Егор. 156. Л. 551–551 об.; ГИМ. Барс. 157. Л. 672 об.–673; ИР НБУ. Ф. 312. № 221/50С. Л. 288 об.–289.

²³ Дмитриева Р.П. Описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 и 1574 гг.: Публикация // Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоцкий монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 74.

²⁴ Толкование литургии; Толкование священнического чина “Василия Великого” и “Правило иереям, иже не облачаются в священные ризы” – РГБ. Ф. 98. Егор. 156. Л. 386–402 об.

главы; источниками для них послужили Кормчие Чудовской и Софийской редакций²⁵.

Также Нифонтом были включены в Синагогá учительные тексты: “О крестном целовании”, нач.: “Всего же злѣе преступити крестное цѣлование...” и выписка о вдовых попах и о попах пьяницах из Поучения митрополита Петра (4-я глава 1-й грани); Афанасия Великого от 9-го послания праздничного, Григория Богослова о книгах и св. Амфилохия к Селеуку о тех же книгах (37-я глава 1-я грани) и многие другие²⁶. Наконец, некоторые правила Кормилицын включал в разных переводах, иногда в пределах одной главы. Обычно правила в его Кормчей следуют в том же порядке, что и в Номоканоне XIV титулов, и в этом случае они заимствуются из Сербской редакции Кормчей (т.е. из сборника Даниила). Однако Нифонт делал вставки из иных источников, куда входили иногда те же правила, но в ином переводе. Так, дважды в разных переводах было включено прав. 3 Кирилла Александрийского (в 6-ю главу 1-й грани); 4 всел. 2, 6 всел. 22 и Василия Великого прав. 89 (в 24-ю главу 1-й грани) и другие²⁷.

Обращался Кормилицын и к сборникам, входившим в монастырскую библиотеку. В одном из таких сборников (РНБ, Q.XVII.15), составленном в монастыре самим Кормилицыным, на л. 465–466 выписаны пометы к различным правилам Кормчей, списанные из Чудовской редакции Кормчей – одного из источников Нифонта. Не все эти пометы вошли в Кормчую Кормилицына; ряд помет вроде “смотри прилежно”, “ереи внимаи прилежно”, “подобаает смотрити сего”, которые широко использовались в Кормчих Чудовской редакции и в Кормчей Вассиана Патрикеева, не были скопированы Нифонтом. Однако другие пометы, отражающие содержание правил, были записаны им в отредактированном виде. Приведем лишь некоторые примеры:

Правило	Кормчая Чуд. ред., РНБ, Солов. 477/496	Сборник, РНБ, Q.XVII.15	Кормчая Кормилицына, РГБ, Егор. 156
4 всел. 3	Мниси окромѣ попечении мирских	Попы и диаконы и мниси да не приимают на ся мирских попечении	И причетником и епископом не имати на себе мирских попечении
4 всел. 9, Карф. 15	Пред мирскаго судию да не идет причетник	Пред судиею мирским причетнику не судитися	Пред мирскими судиями не судитися причетнику
4 всел. 17	Церковна притяжания за 30 лѣт искати	Церковныя земли за 30 лѣт искати	Аще церковныя земли за 30 лѣтъ не възыщет

²⁵ Глава 8, л. 488: “Въпрос. Жена нѣкаа вдова имущи присную сестру...”; глава 9, л. 492 об.: “О крестѣ иже на земли и на леду пишут”; глава 17, л. 605–608: “Егда отстоит новосвященный поп урок свои...” с отпустной молитвой; главы 17–18, л. 610 об.–619: “От книг Еноха праведнаго прежде потопа” и Афанасия Александрийского, л. 639–649 об.: “Епистолия на римляны”.

²⁶ РГБ. Ф. 98. Егор. 156. Л. 64–64 об., 130 об.–132.

²⁷ Там же. Л. 76–88 об., 111–114.

В этом же сборнике мы находим и некоторые тексты, которые были внесены Кормилицыным в Кормчую не из основного источника. Например, в 1-й главе 7-й грани Кормчей Кормилицына выписан ряд текстов: “От завѣщанна святыхъ апостоль”; “Святого Великого Афанасиа патриарха Александрийского”; “Святого Епифаня архиепископа Кипрьскаго от слова, еже о вѣре”; “Того же от слова, еже от панарии”, “Великаго Василиа, еже о Пятидесятници”; “Рече нѣкии от святыхъ отецъ: в Пятидесятницу ни поститися...” “А сие Селиваново, перевел съ греческихъ правил”²⁸. Те же тексты в том же порядке мы находим в сборнике Кормилицына РНБ, Q.XVII.15, л. 437–437 об.

В некоторых случаях Кормилицын вносил одно и то же правило в двух переводах, записывая их подряд. Так, в 4-й главе 3-й грани Кормилицын выписал из Кормчей Сербской редакции правила апп. 3, 4; не удовлетворившись ими, он записал ниже те же правила в другом переводе²⁹. Апостольские правила в этой редакции мы также находим в сборнике РНБ, Q.XVII.15, л. 442 об.–443; это заставляет нас пристальнее рассмотреть названный сборник.

Сборник состоит из двух частей; в первой части переписан Просветитель Иосифа Волоцкого (л. 1–226 об.). Вторая часть (л. 227–562), представляющая для нас наибольший интерес, разделена на 18 глав. Эту часть сборника можно охарактеризовать как справочник по пользованию библиотекой Иосифо-Волоколамского монастыря. Здесь выписано оглавление (а иногда даже инципиты) и подробно прокомментировано содержание различных книг: Патерика, Синаксаря, Кормчей книги (Сербской редакции и отдельно некоторые главы Кормчей русской редакции), Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна и от Матфея, Тактикона Никона Черногорца, Канонария Иоанна Постника с дополнительными главами. Так же подробно описаны отдельные тексты из Сербской редакции Кормчей: Собрание новелл Юстиниана в 87 главах Иоанна Схоластика, Сборник выписок из “Номоканона XIV титулов патр. Фотия (“От различных титулов, рекше граней, Иустиниана царя новых заповедей главы по избранию различны”), и “Закон Моисеев” (главы 45–48 Сербской редакции Кормчей). В сборнике часто встречаются отсылки к конкретным рукописям Иосифо-Волоколамского монастыря: “вкратце Патерик тонкий”, “в старом Златоусте от задние доски начало глав латынских”, “в соборнице, ему же в начале Слово на предпразество Рождества Христова”, “в Апостоле Ферапонтова, Павел письма”, “в соборнице в полдесть”, “в Златоусте в полдесть”, “от Русских Правил” и др. Помимо этого, разумеется, в сборнике выписано множество отдельных статей, интересовавших Кормилицына, в том числе отдельные правила из Кормчих книг в разных редакциях (л. 278–301 об. и др.).

Таким образом, сборник Q.XVII.15 играл роль вспомогательного, справочного аппарата и, вероятно, использовался Кормилицыным при подготовке Кормчей. Однако то, что материалы, вошедшие в Кормчую из сборника, рас-

²⁸ Там же. Л. 170 об.–171 об. В последней статье, безусловно, имеется в виду переводчик Силуан, ученик Максима Грека, полностью или частично переведший Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея и на Евангелие от Иоанна (см.: Буланина Т.В. Силуан // Словарь книжников и книжности Древней Руси. М.; Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 321–323). Показательно, что в сборнике РНБ, Q.XVII.15 приведено оглавление этих книг (л. 482–486 об.).

²⁹ РГБ. Ф. 98. Егор. 156. Л. 140 об.–141.

положены в последнем не систематично и при внесении в Кормчую дополнительно редактировались, заставляет нас думать, что сборник составлялся до начала работы над Кормчей. Сборник обычно датируют 1530-ми годами³⁰, однако можно уточнить эту датировку. В сборнике мы находим начало челобитной от монастырских старцев великому князю Василию Ивановичу и его сыну Ивану Васильевичу, с упоминанием княгини Елены (л. 411). В другом месте записана ектеня о здравии великого князя Василия, архиепископа Данилы, великой княгини Елены и их чада Ивана, князей Егория и Андрея (л. 344–345). Все это указывает на 1530–1532 гг.: вел. кн. Василий Иванович умер в 1533 г., а его сын Иван Васильевич родился в 1530 г.; очевидно, в момент написания челобитной и ектеньи еще не было младшего брата будущего царя Юрия, родившегося предположительно в 1533 г. Под князьями Егорием и Андреем имеются в виду братья вел. кн. Василия Ивановича: кн. Юрий Иванович Дмитровский (1480–1536) и кн. Андрей Иванович Старицкий (1490–1536). Однако еще интереснее молитва, записанная на чистом обороте того листа, где заканчивалась ектеня. Это молитва о здравии великого князя “имярек” и его матери Елены, причем на верхнем поле со знаком вставки к “имярек” приписано “Ивана Васильевича” (л. 345 об.). Такую молитву могли записать только в 1533 г., когда Василий Иванович только что умер (ум. 3 декабря 1533 г.).

В сборнике Q.XVII.15 находится также список отреченной грамоты митрополита Даниила (л. 235), ушедшего с митрополии в 1539 г. Однако отреченная грамота написана в тетради, прибавленной к кодексу позже³¹. Эта тетрадь содержит также оглавление ко второй части рукописи, что указывает на завершение работы над кодексом. Таким образом, можно считать, что основная часть кодекса была создана в 1530–1532 гг., но отдельные дополнения продолжали вноситься и позже. Работу над Кормчей нам следует относить к более позднему времени, 1533–1543 гг. Более точные данные можно будет получить после изучения других рукописей, составлявших в Иосифо-Волоколамском монастыре в бытность Нифонта игуменом.

Рассмотренный нами материал позволяет представить себе объем гигантской работы, проделанной Нифонтом Кормилицыным при составлении Кормчей. Для чего же был предпринят этот труд? Конечно, Кормилицын был вовлечен в споры о церковных имуществах, о правах церковных иерархов, о приоритете светской или церковной власти и о других вопросах, волновавших его современников. Все это отразилось в его Кормчей; однако, думается, не только ради обоснования иосифлянских взглядов трудился Нифонт. В первой половине XVI в. русских канонистов перестает удовлетворять традиционная форма Кормчих книг; на примере Кормчей Нифонта Кормилицына можно наблюдать те радикальные изменения, которым подвергались Кормчие в это время.

³⁰ Дмитриева Р.П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 218, 220; Плигузов А.И. Полемика в русской церкви... С. 313.

³¹ РНБ, Q.XVII.15. Л. 227–235. Тетрадь имеет филигрань, не встречающуюся в остальной части рукописи: перчатка с розеткой. Тожественный знак есть в рукописи РГБ. Ф. 173.1, МДА 214, написанной в Иосифо-Волоколамском монастыре в 1537 г.; по этой рукописи филигрань была воспроизведена Н.П. Лихачевым (Палеографическое значение бумажных водяных знаков. № 1637).

Во-первых, Нифонт, вслед за Вассианом Патрикеевым, избрал новую форму расположения канонического материала – “по граням”, а не по соборам. Для Вассиана и Нифонта это не пустая формальность, а новый метод изложения канонического материала, который позволил сконцентрироваться на актуальных вопросах современности. Расположение “по граням” позволило заострить внимание на правилах, подтверждающих правоту составителя Кормчей, – прокомментировать их, расширив заголовок или записав помету на поле; или, напротив, исключить те правила, которые противоречили взглядам составителя (как, например, в споре о церковном имуществе).

Во-вторых, Нифонт, подобно Вассиану и митрополиту Даниилу, существенно расширил толкования некоторых правил. Очевидно, что редакторы Кормчих не могли отказаться от правил вселенских и поместных соборов; но именно в первой половине XVI в. русские канонисты начали понимать, что толкование правил может быть разным – не обязательно таким, как в традиционных редакциях Кормчих. Благодаря деятельности Максима Грека появился целый круг лиц, занимавшихся переводами с греческого языка; таким образом, стали доступны толкования не только Алексея Аристина, но и Феодора Вальсамона. Эти толкования редактировались Вассианом, Нифонтом и митрополитом Даниилом в зависимости от их собственных взглядов. Так, в толковании 7 всел. 12 (цитируя его по Сербской редакции Кормчей) Нифонт делает знак вставки к словам “елика же суть недвижима, рекше села, или нивы, или винограды” и на поле приписывает из Чудовской редакции Кормчей: “или сѣно жатвы, или лѣс, или борти, или воды”, добавляя от себя: “или езера, или рѣкы”³². Аналогичный пример редактирования текстов, касающихся церковных имуществ, в Никоновской летописи и Сводной Кормчей митр. Даниила привел Б.М. Клосс³³.

Составители не ограничивались новыми переводами; они вводили в Кормчие тексты иных жанров, обращаясь к неканоническому материалу для толкования и комментирования канонических правил. Так, в Кормчей Вассиана Патрикеева появились выписки из Хронографа и Дионисия Ареопажита. Наиболее широко к неканоническому материалу обращался митрополит Даниил, который толковал правила с помощью житийных, повествовательных, исторических текстов³⁴. Даниил обращался к житиям русских святых, доказывая случаями из их жизни свое понимание правил святых отцов; пространно цитировал не только сочинения своего учителя – Иосифа Волоцкого, но и собственные, представляя их как иллюстративный материал и доказательство своего толкования правил.

В-третьих, составители отказались от большого объема канонического материала, который считался обязательным для Кормчих традиционного состава, но не входил в Кормчие Вассиана Патрикеева, митрополита Даниила, Нифонта Кормилицына. Расположение правил “по граням” в Кормчих Вассиана Патрикеева и Нифонта Кормилицына привело к тому, что в их

³² РГБ. Ф. 98. Егор. 156. Л. 251 об.

³³ *Клосс Б.М.* Никоновский свод... С. 62.

³⁴ *Розенкампф Г.А.* Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829. Прил. VII; *Клосс Б.М.* Никоновский свод... С. 62–70.

Кормчие не вошли многие правила соборов и святых отцов, не упомянутые в Номоканоне XIV титулов или исключенные составителями по идеологическим соображениям. Это снова подводит нас к мысли, что форма изложения канонического материала имела решающее значение для канонистов первой половины XVI в., позволяя им сосредоточиться на актуальных вопросах и с наиболее выгодной стороны представить свою точку зрения.

Таким образом, Кормчая Нифонта Кормилицына, стоящая в одном ряду с Кормчими Вассиана Патрикеева и митрополита Даниила, позволяет наблюдать процесс эволюции взглядов на каноническое право (и канонические книги) на рубеже Нового времени. Однако те новшества, которые внесли в русское каноническое право составители этих редакций, были отвергнуты современниками и забыты потомками. Хотя Кормчие Вассиана Патрикеева и митрополита Даниила переписывались иногда в XVI–XVII вв., они не продолжали редактироваться; Кормчая же Нифонта не получила продолжения в рукописной традиции.

**К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСТВА “ЭГО-ДОКУМЕНТОВ”
(на примере прошений городских служащих
в Священной Римской империи в XVI–XVII вв.)***

Установление авторства “эго-документов” (т.е. текстов, написанных от первого лица и описывающих действия, положение, чувства, желания, опыт автора в настоящем или прошлом¹), – одна из важных и зачастую сложных задач в источниковедении истории любой страны. Всякий раз, когда мы имеем дело с “эго-документом”, приходится проверять, чье же “эго” стоит за ним: того, от чьего лица написан текст, или того, чьей рукой он написан? В данной статье будет предложен один из возможных подходов к ее решению применительно к такому типу источников, как петиции, на примере прошений, подававшихся городскими служащими в адрес вышестоящих инстанций и властей вольного имперского города Аугсбурга в XVI–XVII вв.

Несмотря на огромные возможности, заложенные в подобных документах и ждущие своего раскрытия, до сих пор прошения лишь несколько раз оказывались предметом внимания историков Германии² – можно перечислить по пальцам работы, в которых они использованы в качестве

* В данной научной работе использованы результаты проекта ТЗ № 65, выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

¹ См. о термине: Ego-Documente: Annäherung an den Menschen in der Geschichte / Hg. von W. Schulze. Berlin, 1996.

² Ограниченная применимость наработок Натали Земон Дэвис в этой области (см.: *Davis N.Z. Fiction in the Archives: Pardon tales and their Tellers in Sixteenth-Century France*. Stanford, 1987) связана не только с тем, что она исследовала источники по Франции, в силу чего между ними и теми петициями, которые рассматриваю я, существуют различия, обусловленные культурными, политическими и правовыми особенностями Франции и немецких земель. Дело главным образом в жанре петиций: канадская исследовательница изучала прошения о помиловании (*lettres de rémission*). Они описывали конкретные события, а именно преступления; они писались ради спасения своей жизни и свободы людьми, у которых в прямом или переносном смысле была “голова в петле” (такое заглавие и получил немецкий перевод книги Дэвис), и которые всеми силами стремились избежать наказания. Мои же источники возникали в менее экстремальных ситуациях: их авторам тоже было что терять в случае отказа, но все-таки речь шла не о голове и не о свободе. Это накладывало свой отпечаток и на характер повествования, и на выбор риторических стратегий. В прошениях о предоставлении должности или повышении оклада излагались, как правило, не случаи, а обстоятельства: они лишены сюжета. “Повествовательное мастерство” авторов проявлялось здесь совсем иначе. Некоторые подходы, опробованные Н.З. Дэвис, конечно, при анализе этих текстов могут пригодиться: особенно это касается тех прошений, где описываются конфликты.

источников³: Гельмут Нойхауз исследовал петиции по юридическим вопросам из ландграфства Гессенского в традиционном ключе конституционной истории; швейцарский историк Андре Холенштайн подошел к подобным же прошениям из других местностей (Баден, Австрия) с новыми вопросами, пытаясь не только проследить их функцию в системе абсолютистской государственной власти *ancien régime*, но и наметить подходы к изучению аргументационных стратегий в этом типе текстов. Прекрасным примером культурно-исторического подхода являются работы американских авторов, работающих в настоящее время на аугсбургском материале, – Энн Тлусты, Кэтлин Э. Стюарт и Митчелла Хэммонда. В работах двух последних мы встречаем персонажей, состоящих на городской службе: в одном случае это палачи и живодеры, в другом – врачи и акушерки. Западногерманский исследователь Отто Ульбрихт занимался прошениями крепостных крестьян именно как “эго-документами”, позволяющими (или не позволяющими) заглянуть во внутренний мир их неграмотных подателей⁴.

Об этой последней работе хотелось бы сказать подробнее. Поскольку крестьяне были неграмотны, все тексты от их имени написаны в той или иной степени с их слов, но не ими собственноручно. На вопрос, считать ли автором того, кто формулировал текст и водил пером, или того, кто говорил, о чем в этом тексте должно быть сказано, О. Ульбрихт, судя по всему, выбирает второй ответ: он приходит к выводу, что петиции представляют собой “хорошие эго-документы... они весьма близко передают то, что проситель говорил писцу. Несмотря на формализацию, неизбежную при всякой записи, в них еще обнаруживаются элементы устного изложения. Прощения этой эпохи (XVII в. – *К.Л.*), таким образом, вплотную подводят нас к индивидууму”⁵. Аргументы, приведенные германским историком в пользу данного тезиса, не кажутся мне удачными. Так, в первую очередь Ульбрихт обосновывает аутентичность этих памятников тем, что они “не превращались в юридические трактаты, а сохраняли простую, обусловленную существом дела двухчастную структуру (суть дела и просьба)”⁶. На мой взгляд, это свидетельствует лишь о том, что прошения составлялись в соответствии с канонической формой, предусматривавшей в письме та-

³ *Neuhaus H.* Reichstag und Supplikationsausschuß: Ein Beitrag zur Verfassungsgeschichte der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts. Berlin, 1977. (Schriften zur Verfassungsgeschichte; Bd. 24); *Idem.* Supplikationen als landesgeschichtliche Quellen – das Beispiel der Landgrafschaft Hessen im 16. Jahrhundert // *Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte.* 1978. Bd. 28. S. 110–190; 1979. Bd. 29. S. 63–97; *Stuart K.E.* The Boundaries of Honor – “Dishonorable People” in Augsburg, 1500–1800. Yale University, 1993; *Eadem.* Des Scharfrichters heilende Hand // *Ehrkonzepte in der Frühen Neuzeit: Identitäten und Abgrenzungen* / Hg. von S. Backmann, H.-J. Künast, S. Ullmann und B.A. Tlusty. Berlin, 1998. S. 316–347; *Holenstein A.* Supplicieren und Dispensieren – Gnade, Recht und Gute Policy im Ancien Régime: Vortrag, gehalten am 1. Juli 1998 an der Universität Augsburg (unveröffentlicht); *Hammond M.* From pilgrims to patients: care for the sick in sixteenth-century Augsburg. Zürich, 2002.

⁴ *Ulbricht O.* Supplikationen als Ego-Dokumente: Bittschriften von Leibeigenen aus der ersten Hälfte des 17. Jhs. als Beispiel // *Ego-Dokumente: Annäherung an den Menschen in der Geschichte.* S. 149–174.

⁵ *Ulbricht O.* Op. cit. S. 157.

⁶ *Ibid.*

кие элементы как “Salutatio”, “Narratio”, “Petitio”, “Argumentum petitionis” и “Conclusio” – все они, в самом деле, наличествуют в текстах, приведенных автором в качестве примеров. О трансформациях, которые претерпевал устный рассказ просителя при записи, эта структура нам ничего не говорит.

В пользу того, что петиции не отходят далеко от исходных высказываний просителей, говорит, по мнению Ульбрихта, также то, что в них мало фраз-формул и латинизмов. Формулы встречаются только в трех местах: во вводной части, содержащей титулатуру, затем весьма кратко при переходе от изложения сути дела к просьбе и в наибольшем количестве мы находим их в конце, где заранее высказывается благодарность правителю. Кроме того, используются устойчивые обозначения самого просящего лица, которые подчеркивают его положение умоляющего подданного, бедного и простого человека из народа⁷. Латинские слова и выражения редки, что свидетельствует о близости текста к речи простых людей.

В чем-то мои наблюдения, сделанные на материале прошений городских служащих, говорят о том же, но сравнение текстов показывает, что и в тех памятниках, что изучены мною, и в тех, которые исследовал Ульбрихт (а между ними обнаруживается много общего) “формульных” фраз, словосочетаний и слов в них зачастую бывает едва ли не больше, чем оригинальных выражений, сформулированных предположительно самим просителем. О том, как я предлагаю решать в данном случае проблему авторства, будет идти речь ниже. Здесь скажу лишь, что, независимо от того, использовано ли в тексте для выражения той или иной мысли устойчивое (и на первый взгляд исключаящее элемент авторства) или уникальное (т.е. как бы гарантированно подлинное) слово или словосочетание, мы все равно в большинстве случаев не можем судить по нему с достаточной надежностью, принадлежит ли оно просителю или же писцу: с одной стороны, надо учитывать, что, как отмечает чуть ниже сам Ульбрихт⁸, крестьяне зачастую довольно хорошо представляли себе, что и как надо формулировать в прошениях; с другой стороны, писари стремились в той или иной (не известной нам каждый раз априорно) степени облечь слова своих клиентов в такую форму, которая казалась им наиболее подходящей⁹, и к тому же в тех преобладающих для XVI–XVII вв. случаях, когда при составлении документов осуществлялся перевод с устного местного диалекта (в случае с шлезвиг-гольштейнскими крепостными, о которых пишет О. Ульбрихт, – с нижненемецкого) на верхненемецкий письменный язык, выбор слов так или иначе оставался в значительной мере за писавшим¹⁰. Ульбрихт смешивает в данном случае два аспекта – “что” и “как”. В том, что именно просители “в основном определяли со-

⁷ Ibid. S. 158.

⁸ Ibid. S. 160. Нарративную компетентность просителей Ульбрихт рассматривает как еще один аргумент в пользу аутентичности текстов их петиций, что мне представляется не совсем понятным.

⁹ О том, какие трансформации претерпевали тексты прошений при записи, см.: Davis N.Z. Op. cit. P. 16f, 22–25; Jütte R. Sprachliches Handeln und kommunikative Situation: Der Diskurs zwischen Obrigkeit und Untertanen am Beginn der Neuzeit. Wien, 1992. S. 176ff.

¹⁰ Об этом см. также: Ulbricht O. Op. cit. S. 160.

держание”¹¹ петиций, я с ним полностью согласен, но в том, что касается авторства языковых средств выражения, формул и структуры текста, мне его уверенность кажется необоснованной.

Наконец, последний аргумент Ульбрихта в пользу толкования прошений как “хороших эго-документов”, заключается в обстоятельствах их написания: во многих случаях, пишет он, необходима была поспешность (крестьянин должен был опередить своего помещика), времени на переделку текста не было, в петициях поэтому нередки зачеркивания, неудачные конструкции предложений, пропущенные слова. Однако – оговаривается тут же автор – эти особенности текстов могут объясняться и тем, что проситель обращался не к адвокату, а к писарю (т.е., надо понимать, к менее опытному и тщательному исполнителю. – *К.Л.*), который не переделывал текст. Мне эта оговорка представляется очень существенной коррекцией тезиса о “поспешности”: дело действительно было едва ли в нехватке времени, а скорее в том, что в качестве писцов привлекались зачастую не те, кто мог написать прошение наилучшим образом, а те, чьи услуги были по карману заказчику. Это мог быть и профессиональный писарь, и клирик, и школьный учитель. Запутаться в сложном синтаксисе, характерном для письменного языка XVII в., мог и адвокат, а тем более человек менее образованный, который зачастую даже не осознавал неправильности той или иной конструкции, ориентированной на образцы канцелярского стиля. Ошибки, опiski, пропущенные слова могли быть следствием не только спешки, но и простой невнимательности. Все эти признаки встречаются неоднократно в петициях горожан, просмотренных мною, – а они возникали в иных обстоятельствах, нежели крестьянские, и ни цейтнот, ни бедность просителей тут, как правило, не могут служить объяснением.

Прошения (они могли называться *Supplication*, *Bitt*, *Anbringen*, *Anlangen*, *Anrufen*, *Furbringen*¹² или иначе, как правило, с добавлением эпитета “*vnderthenig(ist)*”, “*flehenlich*”, “*diemuetig*”, “*notwendig*”¹³ и т.п. – единого термина не существовало) были в Священной Римской империи в раннее Новое время одним из основных средств коммуникации, обеспечивавших связь “снизу вверх”, т.е. передачу информации от подчиненных и подданных к властям. Существовали определенные каноны написания этих текстов, закрепленные в традиции тех или иных государственных органов, а также в так называемых формулярных книгах (см. ниже).

¹¹ *Ibid.*

¹² Приблизительно эти слова можно перевести как “просьба”, “обращение” и “представление”, но для простоты здесь и ниже будут использоваться “прошение” и “петиция”.

¹³ Приблизительно переводится как “всеподданное” (всеподданнейшее), “молебное”, “смирненное”, “неотложное”. Собственно, само наиболее часто употребляемое “*Supplication*” в словаре – правда, более позднем – толкуется именно как “смирненная, молебная и убедительная просьба, в особенности же всеподданное письменное прошение”. (*Supplic*, *supplicat*, oder *Supplication*, und *Supplications-Schrift ... heißt eigentlich nichts anderes als eine demütige flehentliche, und bewegliche Bitte, ins besondere aber eine Bittschrift, ein underthanig Bitt-Schreiben...*) *Grosses vollständiges Universal-Lexikon, ... von ... Zedler ... Leipzig; Halle, 1744. Bd. 41. S. 364.*

Если задачей исследования является изучение дискурсов и аргументационных стратегий в прошениях, огромную важность приобретает вопрос об аутентичности привлекаемых текстов: чей дискурс, чьи стратегии мы изучаем?

В эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени грамотность среди мирян была в Европе все еще сравнительно мало распространена, а, кроме того, собственноручное писание по разным причинам не практиковалось даже многими грамотными людьми. По мере приближения к эпохе всеобщей грамотности проблема эта постепенно отступает, но для того, кто изучает тексты, порожденные в городах Германии в XVI–XVII вв., она еще в большой мере сохраняет актуальность.

В принципе мы можем исходить из того, что большинство городских служащих владели в той или иной степени навыками письма, но, во-первых, мы не можем априори знать это наверняка про каждого из них; во-вторых, необходимо учитывать специфику прошений: это были весьма ответственные тексты, и есть свидетельства того, что даже люди, претендовавшие на должности, связанные с писарской работой, свои заявки писали не сами, а заказывали их – тем, очевидно, у кого, по их мнению, был лучше слог и/или почерк: профессиональным писцам, нотариусам, юристам, школьным учителям. В-третьих, некоторые высокопоставленные чиновники не опускались до собственноручного составления документов и поручали его своим подчиненным. Проблема авторства прошений, таким образом, может быть выражена или как дилемма: “проситель или писарь?”, или более гибко: “что – от просителя, а что – от писавшего?”

Путей к решению этой проблемы мне видится два. Первый предполагает такую источниковую базу, которой мы, как правило, не располагаем: это сличение почерков во всех текстах, связанных с именами как протагониста, так и предполагаемого писаря. Это теоретически могло бы в каждом данном случае дать ответ на вопрос, чьей рукой написан тот или иной текст. Но на практике такое сравнение осуществимо чаще всего лишь в крайне ограниченном масштабе: как правило, мы имеем дело только с одним, реже с двумя прошениями, сохранившимися от каждого просителя. Но предположим, что мы располагаем двумя прошениями, поданными от имени одного и того же человека, и видим (как это чаще всего и бывает), что они написаны не одной рукой. Мы заключаем отсюда, что по крайней мере одно из них написано не им самим. Если есть еще один или более документов, написанных тем же почерком (или теми же двумя почерками), но от имени других людей, то можно сделать вывод, что перед нами заказные работы писаря или нотариуса. В случае, если где-то нам посчастливится обнаружить его подпись, мы констатируем, что такое-то прошение от имени X на самом деле написано не им, а Y. И соответственно, тот же вывод делается обо всех остальных прошениях, где мы встречаем почерк Y (а таких может быть одно-два, а то и вовсе ни одного). Картина осложняется тем, что у многих нотариусов имелись помощники-писцы, которым перепоручалась часть работы: они переписывали черновики набело, а иногда и изготавливали документы от начала до конца, сам же нотариус ставил на них только свою подпись.

Но даже если мы установим наряду с именем просителя имена всех лиц, прямо или косвенно причастных к возникновению прошения в его окончательном виде, мы все-таки никогда не сможем узнать, какова была мера участия каждого из них в создании текста, а это ведь и есть суть проблемы: дело для нас заключается не в том, чья рука выводила буквы, а в том, чьи мысли водили этой рукой. Необходимо ведь помнить еще и о том, что прошения, как и большинство других типовых документов, имели более или менее строгую форму, каноны жанра, и вообще, как правило, они не сочинялись каждый раз отдельно: для них существовали заготовки, образцы, которые собирались и хранились писарями на все случаи жизни¹⁴; в XVI–XVII вв. они часто издавались и переиздавались в виде так называемых формулярных книг – это была канцелярская разновидность письмовников, сборников образцов всякого рода официальных документов¹⁵. Надо, однако, заметить, что прошений о приеме на городскую службу и о прибавке жалованья в таких изданиях практически не встречается.

Чтобы приблизиться к ответу на вопрос, с чьими аргументационными стратегиями, с чьими дискурсами мы имеем дело в прошениях, необходимо поэтому идти одновременно и по второму пути.

Из корпуса аугсбургских прошений выделим те, что подписаны одним писцом или нотариусом. Таких групп текстов в моей выборке обнаруживается три¹⁶: в первой группе четыре петиции, написанные нотариусом Д. Шварцем¹⁷, во второй – три, подписанные Г. Швайгером, и в третьей группе три за подписью Л. Вегмана¹⁸.

Сличим тексты в рамках этих трех групп между собой (см. тексты в конце статьи). Вступительные и заключительные формулы, практически одинаковые во всех прошениях, мы заранее вынесем за скобки, как и длинную и крайне труднопереводимую титулатуру городских властей, которую

¹⁴ Показательный пример из материалов Аугсбургского городского архива: бывший писарь Строительного ведомства Леонхард Халайхер писал, что оставил своему преемнику “сотни черновиков всевозможных отчетов, писем и прочих вещей, которые ему пригодятся, касающихся как Строительного ведомства, так и ведомства Общественных работ”. Stadtarchiv Augsburg. Bestand Reichsstadt Akten. Repertorium 1065 Faszikel Stadtbedienstete Baumeisteramt Bauschreiber (далее ссылки на документы из этого архива даются сокращенно: StA Aug Rst Akten, затем номер описи и название дела. Внутри дел листы не нумерованы).

¹⁵ Например: *Gessler H.* Formulare und teutsch Rethorica. Straßburg, 1493. Одна из наиболее популярных и часто переиздававшихся формулярных книг была написана пфюрцхаймским писарем Александром Хуге – *Huge A.* Rhetorica und Formulare. Tübingen, издания разных лет. Из литературы на эту тему следует прежде всего назвать: *Götz U.* Die Anfänge der Grammatikschreibung des Deutschen in Formularbüchern des frühen 16. Jahrhunderts: Fabian Frangk-Schryfftspiegel-Johann Elias Meichßner. Heidelberg, 1992; *Notter M.* Formularbeihelfe um 1400: Diss. Freiburg i. Ue. 1976; *Tabula curie episcopi: Das Formularbuch der Würzburger Bischofskanzlei von ca. 1324 / Hg. von A. Wendehorst.* Würzburg, 1957.

¹⁶ Это, разумеется, неправильно было бы толковать в том смысле, что в Аугсбурге в изучаемый период прошения на заказ писали только три нотариуса: надо помнить о неопределенных множествах однократно встречающихся подписей, не подписанных писарем наказных прошений и, наконец, прошений, не попавших в выборку.

¹⁷ Мы можем исходить из того, что они написаны именно им, так как почерк в тексте и в его подписи один и тот же.

¹⁸ Почерк в последней из этих трех петиций другой, нежели в первых двух и в подписи Вегмана: очевидно, ее писал его помощник, а сам нотариус только поставил свою подпись.

заменяем для краткости одним словом “[Совет]” как собирательным условным обозначением для собственно членов правящего совета, бургомистров и попечителей города. Есть и другие стандартные формулы, присутствующие во всех, или почти во всех, прошениях, однако их последовательное исключение нарушило бы связность текстов, поэтому они воспроизведены полностью.

Сравнение показывает, что наибольшее текстуальное сходство имеет место между прошениями, представляющими собою заявки на одну и ту же должность (в данном случае это должность зерномера на городской хлебной бирже – о ней будет еще неоднократно идти речь ниже). Между заявками и другими жанрами прошений общего мало, главным образом это стандартные слова или фразы-связки, как показывают особенно наглядно тексты, написанные Давидом Шварцем.

Заявки с подписью Л. Вегмана написаны в основном по единому шаблону, в меньшей степени это относится к тем, что подписаны Г. Швайгером. Но шаблонное однообразие не касается тех частей, где речь идет о квалификационных характеристиках (в заявках) или о нынешнем положении просителей (в других прошениях). Просмотр большого количества источников этого типа показывает, что в лексическом и синтаксическом отношении они написаны в общем одним языком, но содержание, передаваемое с помощью этого “канцелярского жаргона”, бывает более или менее индивидуальным; точнее, от прошения к прошению выбраны, скомбинированы и использованы разные тропы и аргументы из сравнительно широкого, хотя в общем ограниченного репертуара.

Экспертами как в отношении языка, так и того, что можно и нужно с его помощью написать в прошении, были, конечно, в первую очередь профессиональные писари и нотариусы. Более или менее богатый опыт в этом деле имели школьные учителя, подрабатывавшие писцовой практикой, и члены городского совета, ежедневно сталкивавшиеся с прошениями, по которым они должны были принять решение. Но и многие служащие, помимо писарей, и люди “с улицы” зачастую представляли себе достаточно четко, как должна выглядеть петиция и что в ней надо писать. Это видно из прошений, о которых известно, что они написаны *manu propria*, – они зачастую обнаруживают большое сходство с заказными во всех отношениях. Даже если писец не просто переписывал начисто представленный заказчиком черновик, а составлял прошение сам, он должен был получить от просителя некоторую информацию. Сообщая писцу данные о себе – стаж работы, число детей и прочие обстоятельства, – проситель тем самым тоже влиял, и порой, может быть, даже в решающей степени, на содержание прошения, подсказывая писцу тот или иной вариант аргументации. Этим, на мой взгляд, объясняются различия, которые мы видим даже между такими однообразными текстами, как те, что писались “по одной колодке” в декабре 1579 г. Л. Вегманом и его помощником, не говоря уже о менее шаблонных, изготавливавшихся Д. Шварцем и Г. Швайгером.

Иными словами, с точки зрения авторства тексты прошений можно представить себе в качестве конструкций, собираемых из трех типов “строительного материала”. Эти три элемента в основном подобны тем, которые выделял при структурном анализе текста Клод Леви-Стросс: у него материал

расчленен на “арматуру”, “код” и “послание”. Под “арматурой” он понимает неизменную совокупность характеристик, общих для разных текстов, а под “посланием” – содержание или конкретное значение того или иного текста, которое выражается с помощью “кодов”¹⁹. Сам Леви-Стросс разработал и применял свой инструментарий для изучения мифов, а медиевист Жак Ле Гофф показал, что такими же методами достигаются весьма интересные результаты при исследовании средневековых рыцарских романов²⁰. Мне кажется, что эта эвристическая классификация может быть использована и для наших целей, хотя и с определенными оговорками и модификациями – ведь в случае с прошениями речь идет о текстах с принципиально иными задачами, функциями, структурой и канонами, нежели в авторских или фольклорных литературных произведениях больших жанров. Достаточно указать на то обстоятельство, что часть прошений вообще лишена повествовательного момента: в них практически отсутствует “сюжет” в том смысле, в каком он является стновым хребтом нарративного текста. Не в последнюю очередь имеет значение также и то, что прошения – в отличие от мифов и средневековых романов – возникали и существовали как письменные тексты. Но тем не менее, три вышеназванных структурных элемента мы вправе, на мой взгляд, анализировать с помощью левистроссовских терминов.

Итак, под “арматурой” я предлагаю применительно к прошениям понимать единые, общие, постоянные обязательные формулы, такие как вступительная и заключительная, включая адрес и подпись. В них возможность проявления индивидуальности исчезающе мала, поэтому вопрос об авторстве (если не говорить о тех, кто задавал норму) здесь иррелевантен. Левистроссовским “кодам”, в принципе, можно было бы поставить в соответствие язык документа вообще, но с точки зрения нашей постановки вопроса удобнее обозначить этим словом только специфические элементы языка, такие как часто используемые шаблонные выражения, термины, эпитеты, вводные слова и фразы-связки, специфический синтаксис: то, о чем в первую очередь идет речь, когда мы говорим о канцелярском языке (о нем я писал в другой статье²¹). Они, очевидно, были в значительной степени всеобщим достоянием, особенно в среде служащих; владение этим языком можно рассматривать как меру компетентности пишущего в деле составления прошений. Выбор, место в тексте и особенности использования этих элементов были в большой мере делом случая (ср. мелкие отличия между текстами особенно третьей группы), они явно не несли индивидуальной смысловой нагрузки. Проявлениями индивидуальности писавшего можно считать, например, сильно повышенное или пониженное число этих канцеляризмов, особое пристрастие к некоторым из них или наоборот, избегание, т.е. ту меру, до которой он “коди-

¹⁹ Lévi-Strauss C. *Anthropologie structurale*. 3me éd. P., 1985. P. 26–30.

²⁰ О применении этого метода Ле Гоффом см. диссертацию: *Scholze-Irrlitz L. Moderne Kulturen historischer Anthropologie: eine vergleichende Studie zu den Arbeiten von Jacques Le Goff und Aaron J. Gurjewitsch*. Frankfurt/M.; Berlin; Bern etc., 1994. S. 47ff. (Europäische Hochschulschriften: Reihe. 19: Volkskunde, Ethnologie: Abt. B: Ethnologie; Bd. 36).

²¹ См.: *Левинсон К.А.* Некоторые наблюдения относительно языка государственного делопроизводства в городах Священной Римской империи в раннее Новое время // АЕ за 2006–2007 годы. М., 2012. С. 126–146.

ровал” сообщение, переводил его на канцелярский язык. В тех случаях, когда мы имеем дело с прошениями, написанными не собственноручно просителем, эти характеристики текста, как правило, зависят от писаря. Это – сфера преимущественного проявления его авторства.

Наиболее индивидуальны в прошениях части, называемые в дипломатике “Narratio”, “Petitio” и “Argumentum petitionis”: в них излагается собственно “послание” – та или иная информация о просителе, о сути его просьбы и о том, по каким основаниям он рассчитывает получить желаемое. Разнообразие нарративных мотивов, просьб и аргументов было в рамках каждого жанра не очень велико, но их выбор и модификация в каждом конкретном случае зависели не только от писавшего, но и от того, кто предоставлял ему информацию. Содержание, а в связи с ним в какой-то мере, наверное, и языковое оформление этих частей, формировалось с участием просителя, здесь – основная сфера проявления его (со-)авторства.

Мы не можем применительно к несобственноручным прошениям говорить об авторском стиле просителя, его авторских риторических приемах, авторском выборе и написании слов, но применительно к указанным частям текстов можем с большой уверенностью говорить об аутентичном (т.е. отражающем мнение просителя) выборе предмета просьбы и его выборе аргументации, о его представлениях, стоящих за высказываниями о себе, о службе, о жалованье и т.д.

Что же касается собственноручных прошений и тех, о которых мы не можем сказать, кем они написаны, то в массе своей они, как уже говорилось выше, подобны заказным текстам по структуре, языку и содержанию. Поэтому там, где речь пойдет о “послании”, есть все основания рассматривать их наравне и вместе друг с другом. При анализе “кодов”, разумеется, имеет смысл разделять тексты по критерию авторства, когда это возможно. Сравнение заведомо аутентичных текстов, которые в чем-либо демонстрируют интересные отклонения от “канона” прошения, с другими поможет нам составить представление об усвоении и реализации тех или иных коммуникативных техник и дискурсов представителями разных социально-профессиональных групп.

В заключение хотелось бы отметить, что данный подход наиболее результативен в применении к делопроизводственным культурам, отличающимся более или менее высокой стандартизацией – наличием сравнительно небольшого набора образцовых текстов, используемых при составлении документов. Там же, где канон не устоялся, или где сосуществует множество канонов, представленных в дошедшей до нас массе источников лишь одним-двумя документами каждый, использование предложенной схемы будет, по всей вероятности, проблематичным.

Тексты источников

Стандартные вступительные и заключительные формулы опущены. Полужирным шрифтом выделены места, совпадающие в текстах разных прошений, подписанных одним и тем же нотариусом.

Тексты некоторых прошений, написанных Д. Шварцем:

1. **“Поскольку снова оказались свободны два зерномерских места, мы легко можем рассудить, что таковых открытых вакансий будут сильно добиваться и настоятельно просить, по каковой причине мы не можем не доложить всеподданно [Совету], что мы в нынешнее тяжелое и дорогое время совершенно спокойно и хорошо можем мерить зерно как на бирже, так и повсюду в городе, и [что] у нас есть четыре вдовы, которым мы еженедельно должны выплачивать определенную [сумму] на пропитание, прося всеподданнейше, да благоволит [Совет] упомянутые два места (однако без нашего указания) пока еще [никому] не отдавать, а позволить еще какое-то время мерить зерно нам [...]”** (14 зерномеров с зерновой биржи, 1623)²².

2. **“Поскольку снова оказались свободны и [будут] раздаваться различные зерномерские места, то не могу не доложить всеподданно [Совету], что не только мой дорогой отец, Ганс Амман, но также мой дед и прадед Амман, все блаженной памяти, почти 200 лет, и точно так же мой блаженной памяти свояк Файт Ашпергер, были зерномерами, и вели себя, не хвастаясь, всегда так, что, слава Богу, никаких жалоб на них не возникало, а были ими и достопочтенные Власти милостиво довольны, и вообще все ощущали полное удовольствие. Так как я с юности воспитывался при этой службе и насмотрелся и научился у вышеназванного блаженной памяти моего дорогого отца столько, что думаю, мог бы с Божьей помощью исполнять указанную вакантную должность, то обращаюсь к [Совету] со своей всеподданной просьбой и покорной мольбой, да соблаговолит он, милостиво принимая во внимание столь долгую и верную службу моих указанных блаженной памяти дорогих предков, мне тоже вверить и поручить одну зерномерную корзину [...]”** (Абрахам Амман, 1629)²³.

3. **“Поскольку нам вот уже долгое время из-за возникающих то и дело моровых поветрий приходится немало трудиться, хлопотать и примечать у трех главных ворот – Гёггингенских, Красных и св. Якова, – расспрашивая и записывая, а также ежедневно представляя Высоким Властям [списки] всех прибывающих иностранных лиц; и круглый год при запирании и открывании указанных ворот мы должны быть первыми и последними, утром и вечером, а теперь вот уже долгое время остаемся без тех 30 крейцеров, которые нам давались еженедельно на каждые ворота за отогнание нищих, а теперь достаются служащим Ведомства призрения, то мы не можем не доложить [Совету], что каждому из нас приходится получать в неделю всего 42 крейцера жалованья, и на это содержать и обеспечивать себя вместе с женой и детьми. А так как в нынешние тяжелые времена нам, бедным людям, которые обременены кто восемью детьми, кто меньше, ежегодной платой за квартиру и добыванием пропитания и самых необходимых [вещей], обходиться таким заработком, который некоторым приходится расходовать на сухари на неделю, и сохранить честь, оказывается невозможно, к тому же нам достается не меньше утренних и вечерних, ежечасных и ежеминутных забот, нежели привратникам у Вертахбрукских ворот, которым платят в неделю гульден, и службу свою [мы] несем совершенно безропотно. Так что мы обращаемся к**

²² StA Aug Rst Akten 1077 Stadt-Diener Kornmesser.

²³ Ibid.

[Совету] все вместе со всеподданной мольбой и покорнейшей просьбой, ради упомянутых наших разнообразных хлопот и ради нашего лучшего пропитания, благоволите по отеческой милости наделить нас тоже окладом в один гульден в неделю [...]” (Девять привратников у ворот Гёггингенских, Красных и св. Якова, 1611)²⁴.

4. Мы не можем не доложить всеподданно [Совету], что мы при теперешнем большом голоде и непреодолимой дороговизне, с нашими небольшими окладами настолько всего лишились, что нам с женами и детьми уже не на что жить и нечего лишаться, и если нам не будет оказана милостивая помощь от властей, то нам придется умирать и погибать от голода.

Поскольку же [Совет] других своих покорных слуг при теперешнем голоде со всею милостью наделяет и почитает, а нам с нашими большими пришлось в свое время перенести опасность для здоровья и жизни, **то мы обращаемся к [Совету] со своим вынужденным всеподданным призывом и покорнейшей просьбой,** добросердечно оказать нам при нынешнем тяжелом голоде такую милостивую помощь от властей, так чтобы мы могли сохранять жизнь свою и своих жен и детей [...]” (Георг Вебер и Давид Баушмид, оба ткачи и братья милосердия в городском лазарете, 1623)²⁵.

Тексты прошений, подписанных Г. Швайгером:

1. “Поскольку, как я узнал, несколько городских зерномеров умерли, так что места их свободны, и [Совет] будет принимать и нанимать [людей] вместо них; и так как я почти одиннадцать лет служил в этом городе помощником мельника на мельницах Кресса, Гее, Крестовой и Новой, и вел себя так, что, слава Богу, никогда никаких жалоб на меня не было, о чем у меня есть хорошее свидетельство от моих мастеров, у которых я служил, данное мне за мое усердие; в знак этого они также подписались в конце; то, чтобы я в моем хозяйстве тем лучше мог себя содержать и обеспечивать, **у меня к [Совету] всеподданнейшая просьба, позволить мне воспользоваться приписанными здесь ходатайствами моих благосклонных господ, и принимая также особо во внимание, что я [в том, что касается] зерна, имею больший опыт, чем другие, милостиво принять и нанять меня на такую должность, или службу [...]”** (Ганс Кипп, помощник мельника на Нагорной мельнице, 1579)²⁶.

2. “Поскольку, как мне стало доподлинно известно, несколько городских зерномеров умерли, так что их вакансии [Совет] будет замещать другими, и для этого нанимать других [людей]; и так как я с юности воспитывался при хлебной торговле, и до сих пор при ней состою, а также имею большое количество детей, каковых еще больше ожидаю с каждым днем, так что при этом хозяйство свое с трудом могу содержать;

[То,] чтобы я мог себя обеспечивать со всею честью и маломальски прокармливать жену и детей, у меня к [Совету] всеподданнейшая настоятельнейшая просьба, принимая особо во внимание, что я [в том, что касается] зерна и зернобиржи, и пекарского дела, имею большой

²⁴ StA Aug Rst Akten 1078 Stadtbedienstete Torwarte.

²⁵ StA Aug Rst Akten 1082 Stadtbedienstete Trostknechte.

²⁶ StA Aug Rst Akten 1077 Stadt-Diener Kommesser.

опыт и думаю, что с божьей помощью мог бы исполнять эту должность к общей пользе лучше других, благосклонно **нанять и принять меня на такую должность [...]**" (Ганс Шайбенштайн, продавец хлеба и гражданин, 1579)²⁷.

3. "Поскольку такое время и такое дело, что нам приходится ехать и сопровождать докуда приказано конвой с купцами, которые едут на Боценскую ярмарку, а нам до сих пор по причине дороговизны и беспокойствия [Совет] по милости назначал жалованья в день по гульдену, и поскольку опыт показывает, что до сих пор никакого особенного улучшения нет, корм и еда еще в прежней цене, то **мы обращаемся к [Совету] со своей всеподданной настоятельнейшей просьбой, наделить нас милости-во, и на этот раз, пока Бог не пошлет улучшения, еще благосклонно выплачивать нам ежедневное жалованье по гульдену в день.**" (Адам Мюлих, Леонхарт Байрлин, Кристоф Файглин, Ульрих Шедлер, все четверо конные стражники, 1580)²⁸.

Прошения, подписанные нотариусом Л. Вегманом (все – 1579):

1. **Мне стало наверное известно, что две зерномерских должности свободны, и [Совет] будет их снова раздавать, так что я не мог не предложить ему покорно также и мои всеподданные услуги, принимая во внимание, что я довольно сведущ в зерне, потому что я время от времени служил городу и закупал таковое, и эту службу (помимо того, что и в остальном в моем наивысшем усердии, верности и честности не было бы недостатка), мог бы исполнять не хуже других. Если я [Совету] для нее подхожу, то у меня к нему всеподданнейший призыв и просьба, позволить мне воспользоваться ходатайством подписавшихся на обороте господ и милостиво нанять и принять меня на эту должность [...]"** (Георг Хафнер)²⁹.

2. "[Совет] повелел 15-ого сего [месяца] публично объявить перед Почтенным Городским Судом, что в течение следующей недели будет раздавать две пустующих зерномерских должности, поэтому я не премину покорно предложить ему также и мои всеподданные услуги, принимая во внимание, что я вот уже более 24 лет хожу на биржу и работаю в ней, в обычаях и [во всем том,] что для этого [дела] нужно, довольно сведущ, к тому же я более года был зернохранителем [на службе Совета] и, надеюсь, вел себя так, что жалоб на меня никогда не возникало, так что я эту службу мог бы исполнять не хуже других, точно так же, как и в моем верном наивысшем усердии и честности не было бы недостатка. Если я [Совету] для нее подхожу, то у меня к нему всеподданнейший призыв и просьба, по изложенным причинам милостиво наделить меня и милостиво нанять и принять меня на эту должность [...]" (Михаель Затлер)³⁰.

3. "Мне стало наверное известно, что [Совет] будет снова раздавать две пустующих зерномерских должности, так что я не преми-

²⁷ Ibid.

²⁸ StA Aug Rst Akten 1078 Stadtbedienstete Einspänner.

²⁹ StA Aug Rst Akten 1077 Stadt-Diener Kornmesser.

³⁰ Ibid.

ну предложить ему покорно также и мои всеподданные услуги, принимая во внимание и рассмотрение, что я с юности хорошо знаком с зерном, так как я более 10 лет занимался [в Аугсбурге] пекарским ремеслом, так что я, не хвастаясь, хорошо сведущ в обычаях биржи и [во всем том,] что к этому [делу] относится, так что я эту службу мог бы исполнять не хуже других, точно так же как и помимо этого в моем верном усердии и честности не было бы недостатка. Если я [Совету] для нее подхожу, то у меня к нему всеподданный призыв и просьба, позволить мне воспользоваться ходатайством нижеподписавшихся господ и милостиво нанять и принять меня на эту должность [...]"
(Георг Краус)³¹.

³¹ Ibid.

А.В. Малов

КОМАНДИРЫ ЧАСТЕЙ НОВОГО СТРОЯ

В 1628–1636 гг.

(от подготовки к Смоленской войне до роспуска частей нового строя после ее окончания)

Формирование в России с 1630 г. полков нового строя стало началом создания в стране принципиально новой военной организации¹. Значение в этом процессе иноземных (европейских) командиров – начальных людей (офицеров) и урядников (младших командиров)² трудно переоценить. Настоящая работа является частью большого совместного с О.А. Курбатовым исследования по формированию в России XVII в. войск нового строя и его офицерского корпуса³, важнейшей составляющей которой является создание справочника по старшим офицерам солдатского, драгунского, рейтарского, копейного и гусарского строя, начиная с майорского чина. В справочнике представлены командиры, служившие в России, начиная с подготовки к Смоленской войне в 1628 г. Справочник доведен не только до роспуска частей нового строя в конце 1634–1635 гг., когда все наемные иноземцы были уволены и высланы из страны, но и продлен до 1636 г., до которого затянулся выезд некоторых наемников и когда на русскую службу уже в новом качестве служивых иноземцев вернулось заметное число бывших наемников.

* Работа подготовлена по гранту РФГФ в рамках проекта № 10-01-00331-а “Создание офицерского корпуса русской армии в 1630–1671 гг.”.

¹ Чернов А.В. Вооруженные силы // Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 439–456; Малов А.В. Конница нового строя в русской армии в 1630–1680-е годы // ОИ. 2006. № 1. С. 118–131; Он же. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006. С. 30–48, 576–577.

² Малов А.В. Начальные люди // Государственность России: словарь-справочник / ВНИИДАД. М., 2005. Кн. 5: Должности, чины, звания, титулы и церковные саны России: конец XV в. – февраль 1917 г. Ч. 2: М–Я. С. 78–79; Он же. Приказные люди меньшего чина 1 // Там же. С. 245–246; Он же. Урядники. 1 // Там же. С. 422–424; Он же. Урядники. 2 // Там же. С. 424; Он же. Урядничьего чина люди // Там же. С. 424–425.

³ В рамках работы над проектом подготовлены следующие статьи: Курбатов О.А. Смотренные десятины полка Елисея Цыклера 1655 г. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2010. Вып. 2. С. 296–337; Он же. Полки драгунского и солдатского строя, существовавшие к началу русско-польской войны 1654–1667 гг. // Там же. С. 501–508; Малов А.В. Смотренный список начальных людей московских выборных полков солдатского строя 1692 года // Там же. С. 433–490; Он же. Войска нового строя в 1630–1634 гг. (готовится к печати); Он же. Начальные люди московских выборных полков солдатского строя в 1657–1671 гг. (готовится к печати).

К войне с Речью Посполитой в Московском государстве готовились фактически с самого подписания Деулинского перемирия 1618/19 г.⁴, завершающая стадия подготовки началась в 1630 г. с формирования полков нового строя и разбора служилых городов 7139 (1630/31) г.⁵ Планирование правительством Михаила Федоровича и его отца патриарха Филарета мероприятий по подготовке государства и общества к войне и усилению армии, развернувшихся в 1630–1632 гг.⁶, должно было произойти несколько ранее, почему нами и охвачены 1628–1629 гг., хотя политика привлечения на русскую службу европейских и польско-литовских ратных людей сохранялась со времен Смуты⁷.

Справочник учел всех старших начальных людей существовавших в Европе на тот момент чинов: полковников, подполковников, майоров, а также офицеров и верхушку урядников полковых чинов, составлявших командование частей нового строя и участвовавших в организации и управлении частями выше роты солдатского, рейтарского, драгунского и гусарского строя. Среди этих чинов учтены полковые квартирмейстеры, полковые обозники, полковые судьи и секретари, полковые профосы, полковые писари. Включены и командиры объединений в несколько рот уровня сквадроны (шквадроны), даже если эти подразделения сквадронной не именовались, а командир этой воинской части носил чин ротмистра, а не майора или подполковника.

⁴ Скобелкин О.В. Ирландцы на русской военной службе в конце 10-х – 20-х годах 17 века // Шемрок: Ирландские исследования (история, политика, культура). Воронеж, 2002. № 3. С. 25–37; Малов А.В. Ратные люди Великих Лук после Смуты и разбор служилых “городов” 1621/22 г. // Историография, источниковедение, история России X–XX вв. М., 2008. С. 90–126.

⁵ Сташевский Е.Д. Смоленская война 1632–34: Организация и состояние московской армии. Киев, 1919; Чернов А.В. Строительство вооруженных сил русского государства в XVII веке (до Петра I): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1949; Он же. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. (С образования централизованного государства до военных реформ при Петре I): Краткий очерк. М., 1954; Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976; Козляков В.Н. Служилый “город” Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000; Малов А.В. Ратные люди Великих Лук накануне Смоленской войны 1632–1634 гг.: от разбора служилых “городов” 139-го (1630/31) г. до начала военных действий в октябре 1632 г. // Архив русской истории. 2007. Вып. 8. С. 98–156.

⁶ Результаты этой работы во многом отразила смета вооруженных сил, составленная Разрядным приказом в первой половине 1632 г.: Сташевский Е.Д. Смета военных сил Московского государства на 1632 г. // Военно-исторический вестник. Киев, 1910. № 9/10.

⁷ Бибииков С. Опыт военной реформы 1609–1610 гг. // ИЗ. М. 1946. Т. 19. С. 3–16; Скобелкин О.В. Ирландская рота на русской службе в последние годы Смуты // Шемрок: Ирландские исследования (история, политика, культура). Воронеж, 1997. № 1. С. 71–85; Он же. Шотландцы на русской службе в середине 10-х годов XVII века // Исторические записки: Научные труды ист. фак-та. Воронеж, 1997. Вып. 2. С. 14–21; Он же. Иностранцы на русском Севере в годы смуты // Исторические записки: Научные труды ист. фак-та. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 5–20; Он же. Переходы западноевропейцев из войск Владислава на русскую сторону в 1618 году // Исторические записки: Научные труды ист. фак-та. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 17–26; Он же. Участие ирландцев в последних событиях Смуты в России // Шемрок: Ирландские исследования (история, политика, культура). Воронеж, 2002. № 2; Курбатов О.А. Наемный корпус Деллагарди на службе царя Василия Шуйского // Военно-исторический журнал “Цейхгауз”. 2002. Вып. 19, № 3. С. 4–6.

Справочник составлен по расходным книгам Иноземского приказа⁸, а также книгам расхода товаров на жалование разных чинов людям Казенного приказа за указанный хронологический период. В публикуемом виде справочник, является отчасти аннотированным указателем к названным книгам из двух фондов РГАДА и в дальнейшем будет расширяться, пополняться и уточняться. Использованы сохранившиеся в фонде Разрядного приказа РГАДА книги Иноземского приказа № 40 (7136-го г.), 68 (7137-го г.), 42 (7139-го г.), 43 (7139–7140-го г.), 44 (7140-го г.), 45 (7140-го г.), 46. Ч. I–II (7141-го г.), 47. Ч. I–II (7142-го г.). Из расходных книг Казенного приказа обработаны и использованы книги № 283 (7136-го г.), 284 (7137-го г.), 285 (7138-го г.), 286 (7139-го г.), 287 (7140-го г.), 288 (7141-го г.), 289 (7142-го г.), 290 (7143-го г.), 291 (7144-го г.).

Большой проблемой при составлении справочника стал выбор формы написания имен и фамилий иноземцев. Фамилии приведены в русской транскрипции XVII в., все разночтения и возможные современные транскрипции фамилий приведены в скобках. С именами ситуация несколько иная. Форма написания иноземного имени в русском языке XVII в. сохранена в двух случаях. Во-первых, если имя иноземца отсутствует в современном русском языке, а его написание в русском языке XVII в. имеет традицию и устойчивую форму. Во-вторых, если имеются какие-либо сомнения в идентификации имени с принятой в современном русском языке формой, в качестве основной также приведена форма, наиболее часто встречающаяся в русском языке XVII в. Имена иноземцев приведены в принятых в современном русском языке формах в тех случаях, когда: во-первых, идентификация имени иноземца с принятой в современном русском языке формой не вызывает сомнений; во-вторых, в русском языке XVII в. отсутствовала традиция и устойчивая форма написания данного имени. Встречающееся в документах – как правило в расписках – оригинальное написание фамилий и имен также приведено в скобках, но лишь в тех случаях, когда написание фамилии и имени достаточно четко прочитывается.

Алфавит старших офицеров частей нового строя в 1628–1636 гг.

Англер (Англяр) Юрий. 1633 г.: по указу от 24 мая, по представлению полковника Александра Гордона от 23 мая пожалован в полковые квартирмейстеры его драгунского полка, оклад 35 руб.⁹; 1634 г., весна – нач. июня: квартирмейстер в драгунском полку; по указу от 8 июля по представлению полковника от 1 июня в Можайске произведен в капитаны на место Вилима Меди с окладом в 80 руб., в связи с чем 16 июня поверстан поместным окладом: 450 чети, 35 руб.¹⁰

⁸ Лантвева Т.А. Документы Иноземского приказа как источник по истории России XVII века // Архив русской истории. 1994. Вып. 5. С. 109–127.

⁹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 6. Кн. 46. Ч. II. Л. 1238, 1250.

¹⁰ Там же. Кн. 47. Ч. I. Л. 2 об., 6 об., 33.

Аннат Александр. Англичанин. 142 (1633/34) г.: наемный подполковник солдатского строя, безместный (уволен), получал жалованье в ИП¹¹.

Анреп (Анрип) Госен (Гозен). “Немец” беспоместный. 1632 г.: немецкий поручик, нанятый полковником А. Лесли; апрель: безместный; мая 13 по представлению полковника Я. Вильсона записан в его солдатский полк; а в июле произведен в ротмистры рейтарского полка Ш.С. Делиберта¹²; декабрь: не получил жалованье¹³; 7141 (1632/33) г.: ротмистр в рейтарском полку Ш.С. Делиберта, оклад 100 руб.¹⁴; 1632 г., осень – 1633 г., июнь: ротмистр 10-й роты рейтарского полка, у него в роте 146 рядовых¹⁵; 142 (1633/34) г.: ротмистр, потом майор, командовал 4 ротами рейтарского полка¹⁶.

Анрип, см. Анреп

Банатин Яков. Шотландец. 1632 г.: выездный подполковник, октября 19: получил в Посольском приказе соболей из КП¹⁷.

Бекман Гарман. 1631 г., августа 5: подполковник (начальный поручик) солдатского полка Александра Лесли, въехал в Россию через заставу на р. Лавуе и через Новгород 17 августа прибыл в Москву. Был нанят в Европе полковником А. Лесли и прислан заранее во главе группы из 15 офицеров, урядников и солдат для обучения русских солдат¹⁸. 1632 г., август–сентябрь: большой полковой поручик и капитан 2-й роты в 4-м солдатском полку полковника Валентина Росформа¹⁹; 1632 г., ноября 18 по запросу Посольского приказа от 26 октября назначен месячный найм – 100 руб (по полтине за ефимок)²⁰.

Бом Мартин (Мартын). 1632 г. к июню: полковой квартирмейстер в солдатском полку Фукса; по указу от 9 июня произведен в капитаны с переводом в полк И. Фандама на место Петра Балсыря²¹; 1632 г., август–сентябрь: капитан 6-й роты во 2-м солдатском полку полковника Индрика Фандама²².

Бонер (Бонор) Вилим. Шотландец. 1633 г.: наемный полковой квартирмейстер (большой окольниковый) и капитан солдатского полка В. Кита²³; 1633 г.: капитан солдатского полка В. Кита²⁴.

Бредень (Бреден) Гаврила. “Немец”. 7141 (1632/33) г.: сержант в солдатском полку Вилима Кита; 1633 г.: по указу от 8 июня по представлению полковника произведен в полковые обозники²⁵; 7144 (1635/36) г.: служилый иноземец старого выезда, помещик в Ниж. Новгороде, оклад 550 чети, 40 руб.; полковой обозник, товарищ рейтарской роты²⁶.

¹¹ Там же. Ч. I. Л. 49 об.

¹² Там же. Кн. 45. Л. 235.

¹³ Там же. Кн. 46. Ч. I. Л. 362.

¹⁴ Там же. Л. 358.

¹⁵ Там же. Л. 527–542 об.

¹⁶ Там же. Кн. 47. Ч. I. Л. 40; Ч. II. Л. 1199.

¹⁷ Там же. Ф. 396 (Архив Оружейной палаты). Оп. 2. Кн. 288. Л. 57–57 об.

¹⁸ Там же. Кн. 44. Л. 916–920.

¹⁹ Там же. Кн. 45. Л. 10–10 об.

²⁰ Там же. Кн. 44. Л. 920–923.

²¹ Там же. Кн. 45. Л. 293 об.

²² Там же. Л. 5.

²³ Там же. Кн. 46. Ч. I. Л. 598–598 об.

²⁴ Там же. Л. 600–601.

²⁵ Там же. Кн. 46. Ч. II. Л. 628.

²⁶ Там же. Кн. 49. Л. 1410.

Брун см. Брунов

Брунов Яган. 1632 г., август–сентябрь: полковой обозник во 2-м солдатском полку полковника Индрика Фандама²⁷.

Брунов Ян. Бельский “немец”. 7136 (1627/28) г.: оклад: 450 чети, 35 руб., корм: по 23 руб. 20 алт. да на лошадь²⁸; 1632 г., весна: служилый иноземец, помещик по Алатырю с окладом в 20 руб.; по указу от 10 августа по представлению полковника И. Фандама произведен в прапорщики и записан в его полк с окладом в 20 руб. с вычетом за поместье 1/3 (13 руб. 11 алт.)²⁹; 1633–1634 гг.: служил в частях нового строя; 7144 (1635/36) г.: служилый иноземец старого выезда, помещик на Алатыре, оклад 400 чети, 25 руб.; полковой обозник, товарищ рейтарской роты³⁰.

Бурус Лоренц. Британец. 1632 г., август: приехал в Россию “для службы и бою”; 1633 г.: с апреля записан в рейтарский полк Ш.С. Делиберта без места, оклад 25 руб.; мая 23 получил жалованье за апрель–май; с июня оклад 35 руб.; 1 июня дано вперед для похода под Смоленск на июнь–август³¹.

Бюст Давыд Яковлев с. Бельский “немец”, кормовой. 7136 (1627/28) г.: оклад: 450 чети, 35 руб., корм: по 23 руб. 20 алт. да на лошадь³²; 1632 г.: по представлению полковника Ш.С. Делиберта от 1 июля 1632 г. произведен в бригадиры (капрал, “а по-русски есаул”) рейтарского полка с окладом в 12 руб.³³; 7141 (1632/33) г.: бригадир (капрал, “бригадиар, по-русски капрал”) в рейтарском полку Ш.С. Делиберта, оклад 12 руб.³⁴; 1633–1634 гг.: полковой квартирмейстер (окольник, “полковой окольник, а квартирмейстер тож”) солдатского полка А. Лесли, был под Смоленском в армии М.Б. Шеина; 1634 г. ноября 29: дано жалованье за прошлые месяцы за июль–октябрь, получал жалованье в ИП в ноябре 1634 г. – августе 1635 г.³⁵; 7144 (1635/36) г.: полковой квартирмейстер, оклад 600 чети, 35 руб., корм по 6,5 руб./мес.³⁶

Валдон (Вальден?) Томас. Шотландец. 1632 г.: капитан, нанятый полковником А. Лесли: апрель: безместный; мая 13: по представлению полковника Я. Вилсона произведен в майоры его солдатского полка³⁷; 7141 (1632/33) г.: майор – “полковой большой сторожеставец” и капитан солдатского полка Юрия Матейсона; с 15 сентября 1632 г. по май 1633 г. получал жалованье в Москве в ИП; 1633 г.: по указу от 25 мая по представлению полковника пожалован в подполковники на место Александра Гордона³⁸.

Вейман (Вейманов, Веймонов) Юрий. 1634 г.: полковой обозник солдатского полка П. Кинемонта, был на службе в Можайске; ноября 29: дано жалованье за прошлые месяцы за июль–октябрь, получал жалованье в ИП в

²⁷ Там же. Кн. 45. Л. 4.

²⁸ Там же. Кн. 40. Л. 261 об.

²⁹ Там же. Кн. 45. Л. 416.

³⁰ Там же. Кн. 49. Л. 1410 об.

³¹ Там же. Кн. 46. Ч. I. Л. 577 об.–578 об.

³² Там же. Кн. 40. Л. 261.

³³ Там же. Кн. 45. Л. 62 об., 63 об., 67–67 об.

³⁴ Там же. Кн. 46. Ч. I. Л. 359.

³⁵ Там же. Кн. 48. Л. 992.

³⁶ Там же. Кн. 49. Л. 953.

³⁷ Там же. Кн. 45. Л. 231.

³⁸ Там же. Кн. 46. Ч. II. Л. 635.

ноябре 1634 г. – августе 1635 г.³⁹; 7144 (1635/36) г.: полковой обозник, оклад 100 чети, 6 руб., корм по 4 руб./мес.⁴⁰

Веймонов Юрий см. Вейман

Велмеров Анц Андреев с. 1634 г.: полковой квартирмейстер (окольниковый) солдатского полка В. Росформа; ноября 29: дано жалованье за прошлые месяцы за июль–октябрь, получал жалованье в ИП в ноябре 1634 г. – августе 1635 г.⁴¹

Вельмеров Анц Андреев с. 1633–1634 гг.: полковой окольниковый, а квартирмейстер тож в солдатском полку Валентина Росформа, был под Смоленском в армии М.Б. Шеина; 7144 (1635/36) г.: полковой квартирмейстер, оклад 350 чети, 19 руб., корм по 6,5 руб./мес.⁴²

Вестерман Еремей Еремеев с. 1632 г., весна: служилый иноземец, помещик по Вологде с поместным окладом в 30 руб.; по указу от 10 августа по представлению полковника Т. Унзена записан в его полк в чин вагонмейстера (“вагмейстер, по-русски обозник”) с окладом в 30 руб. с вычетом за поместье 1/3⁴³; 1632 г., август–сентябрь: полковой обозник в 4-м солдатском полку полковника Валентина Росформа⁴⁴.

Вестов Захарий. 1633 г.: рейтар в полку Ш.С. Делиберта; июнь: переведен в драгунский полк А. Гордона с производством в урядничий чин⁴⁵; 1633–1634 гг.: служил в частях нового строя; 7144 (1635/36) г.: служилый иноземец старого выезда, помещик в Ниж. Новгороде, оклад 500 чети, 25 руб.; полковой обозник, товарищ рейтарской роты; умер (помета в книге)⁴⁶.

Вильсон (Вилсон) Яков (Якоб, Якуб). 1632 г.: немецкий подполковник, нанятый полковником А. Лесли: март: безместный; марта 26 произведен в полковники (полковники и капитаны) русского солдатского полка (“учить русских людей ратному делу”)⁴⁷; 1632 г., мая 30: в солдатский полк Я. Вильсона из КП выдана ткань на знамена⁴⁸; 1633–1634 гг.: капитан (солдатской) роты, которая на службе не была (?); 1635 г., октября 3: в ИП упоминаются его роты времен Смоленской войны⁴⁹.

Виммес (Выммес) Яков. Шотландец. 1629 г.: выезджий капитан; июля 27: явлено за выезд жалованье при Государе в Золотой палате из КП и из Разряда⁵⁰; 1631 г., августа 31: квартирмейстер (“а по-русски полковой окольниковый”) полка А. Лесли, получил жалованье в КП⁵¹; 1631 г., сентябрь – декабрь: полковой квартирмейстер (“а по-русски окольниковый”) и капитан 4-й роты солдатского полка Александра Лесли⁵²; 1632 г., август–сентябрь: майор,

³⁹ Там же. Кн. 48. Л. 997.

⁴⁰ Там же. Кн. 49. Л. 958.

⁴¹ Там же. Кн. 48. Л. 994.

⁴² Там же. Кн. 49. Л. 955.

⁴³ Там же. Кн. 45. Л. 398.

⁴⁴ Там же. Л. 11–11 об.

⁴⁵ Там же. Кн. 46. Ч. I. Л. 367.

⁴⁶ Там же. Кн. 49. Л. 1410 об.

⁴⁷ Там же. Кн. 45. Л. 219.

⁴⁸ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 287. Л. 345 об.–346 об.

⁴⁹ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 49. Л. 1158.

⁵⁰ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 284. Л. 351–352 об.

⁵¹ Там же. Кн. 285. Л. 402 об.–406 об.

⁵² Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 44. Л. 39–63.

командир 3-й роты в 1-м солдатском полку полковника А. Лесли⁵³; 1633–1634 гг.: наемный подполковник солдатского полка в армии М.Б. Шеина под Смоленском, после роспуска полков остался на Государево имя, из ПСД был отпущен для решения родственных и имущественных дел (“в свою землю для животов и с родимцами повидаться”); 1635 г., сентября 14: выехал из Ругодива с двоюродным братом, женой, племянником и 5 слугами; ноября 23: прислан из РП в ИП⁵⁴.

Выммес см. Виммес

Галинский (Голинский) Анц Альбрехт (Брехт). Немец Прусской земли. 1630 г., сентября 2: дано жалованье из КП⁵⁵; 1632 г.: служилый (поместный?) “немец” старого выезда, поручик у поместных и кормовых служилых немцев. 1632 г., июня 23: представлен полковником Ш.С. Делибертом на должность ротмистра рейтарского полка, 25 июня утвержден в должности с окладом в 100 руб.⁵⁶; 1632 г., осень–декабрь: ротмистр в рейтарском полку Ш.С. Делиберта, оклад 100 руб.⁵⁷; 1632 г., осень – 1633 г.: ротмистр 7-й роты рейтарского полка, у него в роте 125 рядовых; в командовании ротой его сменил Тимофей Борзовиков⁵⁸; 1633 г.: по указу от 22 февраля выведен за штат полка по представлению полковника, безместный⁵⁹; 142 (1633/34) г., осень–зима: ротмистр безместный (уволен), получал жалованье в КП⁶⁰; 1634 г., март: майор и ротмистр рейтарской роты; марта 10: для его роты в КП сделано знамя⁶¹.

Гамолтов (Гамолтон, Гамонтон, Гамелтон, Гамильтон) Петр, в крещении **Давыд.** Шотландец. 7139 (1630/31) г.: “немец” старого выезда, ротмистр, помещик по Ярославлю, оклад: 35 руб.⁶² 1632 г.: ротмистр служилых немцев. 1632 г., июня 23: представлен полковником Ш.С. Делибертом на должность полкового большого поручика (подполковника) рейтарского полка, 25 июня утвержден в должности с окладом в 200 руб. с вычетом за поместье 1/3; дано 1 августа 133 руб 11 алт.⁶³; поместный оклад: 150 чети 109 руб.⁶⁴; 1632 г., осень – 1633 г., июнь: подполковник и ротмистр 2-й роты рейтарского полка, у него в роте 121 рядовой⁶⁵; 7144 (1635/36) г.: служилый иноземец старого выезда, помещик в Ярославле, оклад 1000 чети, 114 руб.; подполковник рейтарского строя, командир рейтарской роты; умер (помета в книге)⁶⁶.

Гартень Еремей. 1629 г.: выезджий капитан; июля 27: явлено за выезд жалованье при Государе в Золотой палате из КП и из Разряда⁶⁷; 1631 г., осень:

⁵³ Там же. Кн. 45. Л. 2.

⁵⁴ Там же. Кн. 49. Л. 1218.

⁵⁵ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 286. Л. 2 об.–3 об.

⁵⁶ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 60 об.–61, 63 об., 65 об.

⁵⁷ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Ч. I. Л. 358.

⁵⁸ Там же. Л. 479–494 об.

⁵⁹ Там же. Л. 363; Ч. II. Л. 1001.

⁶⁰ Там же. Кн. 47. Ч. I. Л. 41.

⁶¹ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 289. Л. 454 об.–456.

⁶² Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 43. Л. 2–2 об.

⁶³ Там же. Кн. 45. Л. 60 об.–61, 63 об., 65 об.

⁶⁴ Там же. Л. 382.

⁶⁵ Там же. Кн. 46. Ч. I. Л. 358, 397–412 об.

⁶⁶ Там же. Кн. 49. Л. 1405.

⁶⁷ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 284. Л. 351–352 об.

майор (“а по-русски сторожеставец”) и капитан 2-й роты 2-го немецкого солдатского полка Ф. Пецнера, после его смерти – И. Фандама⁶⁸; 1632 г., август–сентябрь: майор и капитан 3-й роты во 2-м солдатском полку полковника Индрика Фандама⁶⁹.

Герн Томас (Thomas Garne). Бельский “немец”. 7126 (1617/18) г.: на службе в Казани; 7136 (1627/28) г.: ротмистр бельских немцев, оклад: 500 чети, 40 руб., корм: 84 руб. (по 7 руб./мес.) да на 3 лошади⁷⁰. 7139 (1630/31) г.: ротмистр кормовых немцев нового выезда, оклад: 35 руб.⁷¹; 1632 г., август–сентябрь: большой полковой поручик (подполковник) и капитан 2-й роты в 3-м солдатском полку полковника Валентина Росформа⁷².

Голинский см. Галинский

Гом (Гам, Гим, Хим) Роберт (Роборт, Робярт). Шотландец. 1632 г.: капитан, нанятый полковником А. Лесли; апрель: безместный; 7141 (1632/33) г.: полковой квартирмейстер (“полковой большой околничий”) и капитан солдатского полка Юрия Матейсона; с 15 сентября 1632 г. по май 1633 г. получал жалованье в Москве в ИП; 1633 г.: по указу от 13 мая по представлению полковника Я. Вильсона записан в его солдатский полк полковым квартирмейстером и капитаном⁷³; 1633 г.: по указу от 24 мая по представлению полковника Александра Гордона от 23 мая пожалован в подполковники (полковой большой поручик) его драгунского полка, оклад 190 руб.; мая 25 записан в полку А. Гордона подполковником и капитаном 2-й роты⁷⁴.

Гордон Александр. Шотландец. 1632 г.: немецкий прапорщик, нанятый полковником А. Лесли; к маю 1632 г. – полковой квартирмейстер и капитан (ротмистр) рейтарского полка; по указу от 11 мая произведен в подполковники с переводом в солдатский полк Я. Вильсона; июнь: безместный; с июля – в рейтарском полку Ш.С. Делиберта; в июле–августе – командир роты в рейтарском полку⁷⁵; 7141 (1632/33) г.: подполковник солдатского полка Юрия Матейсона; с 15 сентября 1632 г. по май 1633 г. получал жалованье в Москве в ИП; 1633 г., (апрель ?) май: по заказу правительства разрабатывал проект драгунского полка; мая 23: подал проект своего драгунского полка с предварительным списком начальных людей, утвержденные царем 24 мая; 25 мая составлен первый официальный список его драгунского полка, а он записан его полковником⁷⁶; ноября 29: сделано в КП ему в полк дополнительно 3 знамени; 1634 г., января 7: выдана тафта на завесы к трубам⁷⁷; 1633 г., май – 1634 г., апрель: полковник драгунского полка⁷⁸; 1634 г., февраля 20: со своим полком на службе в армии кн. Черкасского; для его драгунского полка в КП сделано дополнительно 4 знамени и отосланы в армию⁷⁹.

⁶⁸ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 44. Л. 179.

⁶⁹ Там же. Кн. 45. Л. 4, 4 об.

⁷⁰ Там же. Кн. 40. Л. 259.

⁷¹ Там же. Кн. 43. Л. 455 об.

⁷² Там же. Кн. 45. Л. 7–7 об., 9 об.

⁷³ Там же. Кн. 45. Л. 221.

⁷⁴ Там же. Кн. 46. Ч. II. Л. 637, 1248, 1249 об.

⁷⁵ Там же. Кн. 45. Л. 250, 282–282 об., 288.

⁷⁶ Там же. Кн. 46. Ч. II. Л. 633, 1247–1251 об.

⁷⁷ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 289. Л. 190 об.–191, 287 об.–288.

⁷⁸ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. Ч. I. Л. 16–35 об.

⁷⁹ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 289. Л. 416 об.–417 об.

Гроткоп Мартын. 1632 г.: кормовой “немец”; по указу от 26 июля по представлению полковника А. Лесли произведен в сержанты и записан в его полк; по указу от 8 августа по представлению полковника произведен в чин полкового провиантмейстера (“а по-русски обозник”)⁸⁰; август–сентябрь: полковой обозник в 1-м солдатском полку полковника А. Лесли⁸¹.

Дебелия Вилим. “Немец”. 1633 г.: по указу от 28 мая по представлению полковника Ш.С. Делиберта произведен из бригадиров (капралов) в полковые квартирмейстеры рейтарского полка⁸².

Дегилбов Дмитрий. “Немец” поместный. 1632 г.: поместный “немец”. По представлению полковника Ш.С. Делиберта от 1 июля 1632 г. произведен в полковые секретари рейтарского полка с окладом в 15 руб.⁸³; 7141 (1632/33) г.: полковой секретарь (“по-русски писарь”) в рейтарском полку Ш.С. Делиберта, оклад с вычетом 1/3 за поместье – 10 руб.⁸⁴; 1633 г., июнь: по указу по представлению полковника Ш. С. Делиберта произведен из полковых секретарей в прапорщики рейтарского полка на место Томоса Карелфина⁸⁵.

Делиберт (Дезберт, Де-Эберт, д’Эберт) Шарль Самойло (Самуил). Француз. 1632 г., наемный подполковник солдатского полка с окладом в 85 руб.; 1632 г., июня 13 произведен в полковники и назначен командиром рейтарского полка с окладом в 400 руб., 16 июня представил штатное расписание, 23 июня – именной список урядников; 3 августа получено жалованье⁸⁶; 1632 г., осень – 1633 г., июнь: полковник рейтарского полка и ротмистр 1-й роты, у него в роте 145 рядовых⁸⁷; 1633 г., июня 30: для его полка в КП изготовлены знамена⁸⁸; июля 5: купил у торговых людей недостающее вооружение и снаряжение для своего полка, за что получил жалованье только после возвращения из-под Смоленска; 1634 г., к 13 июля: пришел со своим полком из-под Смоленска к Москве⁸⁹.

Зегерн Яган. 1632 г.: кормовой “немец” нового выезда; июнь–июль: по представлению полковника И. Фандама записан в его полк “к ученью ратного дела у русских салдат” секретарем (“по-русски полковой писарь”); август: по представлению полковника произведен в чин полкового судьи и писаря⁹⁰; 1632 г., август–сентябрь: полковой судья и секретарь во 2-м солдатском полку полковника Индрика Фандама⁹¹.

Зиновьев Степан Борисов с. 1631 г., сентябрь – 1632 г., июль: полковой подьячий солдатского полка Александра Лесли, боровитин⁹².

⁸⁰ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 296–296 об.

⁸¹ Там же. Кн. 45. Л. 1 об.

⁸² Там же. Кн. 46. Ч. I. Л. 367.

⁸³ Там же. Кн. 45. Л. 62 об.

⁸⁴ Там же. Кн. 46. Ч. I. Л. 359.

⁸⁵ Там же. Л. 367.

⁸⁶ Там же. Кн. 45. Л. 59–59 об., 59 об.–60 об., 60 об.–61, 63 об., 65 об.

⁸⁷ Там же. Кн. 46. Ч. I. Л. 376–395.

⁸⁸ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 288. Л. 599–600 об.

⁸⁹ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. Ч. II. Л. 1198–1198 об.

⁹⁰ Там же. Кн. 45. Л. 294, 297.

⁹¹ Там же. Л. 4.

⁹² Там же. Кн. 44. Л. 85.

Индриксон ? 1632 г., август–сентябрь: один из полковых урядников в 1-м солдатском полку полковника А. Лесли⁹³.

Канюти Андрей. 1632 г.: кормовой “немец”, к маю – безместный; май: по представлению полковника Я. Вильсона записан в его солдатский полк полковым писарем⁹⁴.

Кар (Карь) Яган (Еган). Шотландец. 1632 г.: капитан, к маю – безместный; май: по представлению полковника В. Кита записан в его солдатский полк⁹⁵. 7141 (1632/33) г.: капитан солдатского полка Юрия Матейсона; с 15 сентября 1632 г. по май 1633 г. получал жалованье в Москве в ИП; 1633 г.: по указу от 25 мая по представлению полковника пожалован в майоры на место Томаса Валдона⁹⁶.

Кинарт (Кинерт) Петр. 1630 г., февраль: поручик, выехал с полковником Александром Лесли; февраля 6: получил за выезд жалованье в КП⁹⁷; 1631 г., августа 31: капитан в солдатском полку А. Лесли, получил жалованье в КП⁹⁸; 1631 г., сентябрь – 1632 г., июнь: капитан 5-й роты в полку А. Лесли⁹⁹; 1632 г., август–сентябрь: полковой квартирмейстер и капитан 4-й роты в 1-м солдатском полку полковника А. Лесли¹⁰⁰.

Кинемонт (Кнойнемонт, Конемонт) Петр. 1630 г., февраль: капитан, выехал с полковником А. Лесли; февраля 6: получил за выезд жалованье в КП¹⁰¹; 1631 г., августа 31: майор (“а по-руски сторожеставец”) полка А. Лесли, получил жалованье в КП¹⁰²; 1631 г., декабрь – 1632, август: (майор?) и капитан 3-й роты солдатского полка Александра Лесли¹⁰³; 1632 г., август–сентябрь: подполковник, командир 2-й роты в 1-м солдатском полку полковника А. Лесли¹⁰⁴; 1634 г., февраль: полковник солдатского полка в Москве; февраля 22: для его полка в КП сделано 8 знамен¹⁰⁵; 7143 (1634/35) г.: полковник солдатского полка, его полк упоминается на службе в Можайске, его солдат получал жалованье с сентября, выдано на июль и вперед для Тульской службы на август – сентябрь 1635 г.¹⁰⁶

Кит Альбрехт. Шотландец. 1632 г.: капитан, нанятый полковником А. Лесли: апрель: безместный; мая 13 по представлению полковника Я. Вильсона произведен в майоры и капитаны его солдатского полка¹⁰⁷; 1633 г.: майор (большой полковой сторожеставец) и капитан солдатского

⁹³ Там же. Л. 1 об.

⁹⁴ Там же. Л. 290 об.

⁹⁵ Там же. Л. 289.

⁹⁶ Там же. Кн. 46. Ч. II. Л. 635.

⁹⁷ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 285. Л. 154–158 об.

⁹⁸ Там же. Л. 402 об.–404.

⁹⁹ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 44. Л. 64–84.

¹⁰⁰ Там же. Кн. 45. Л. 1 об., 2.

¹⁰¹ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 285. Л. 154–158 об.

¹⁰² Там же. Л. 402 об.–406 об.

¹⁰³ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 44. Л. 1–38.

¹⁰⁴ Там же. Кн. 45. Л. 2.

¹⁰⁵ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 289. Л. 423 об.–424.

¹⁰⁶ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 48. Л. 387–387 об.

¹⁰⁷ Там же. Кн. 45. Л. 224.

полка В. Кита, оклад 125 руб. (50 – майорский, 75 – капитанский); для похода под Смоленск дано жалование вперед на июль¹⁰⁸.

Кит Андрус. Шотландец. 1632 г.: немецкий майор, нанятый полковником А. Лесли, в апреле – безместный¹⁰⁹; 7141 (1632/33) г.: наемный майор, безместный¹¹⁰; 142 (1633/34) г.: майор безместный (уволен), получал жалование в ИП¹¹¹.

Кит Вилим. Шотландец. 1632 г.: подполковник, нанятый полковником А. Лесли: апрель: безместный; апреля 23 произведен в полковники (полковники и капитаны) русского солдатского полка (“учить русских людей ратному делу”)¹¹²; 1632 г., апреля 14 и 30: в солдатский полк В. Кита из КП выдана ткань на знамена¹¹³; 1633 г.: наемный полковник солдатского полка, оклад 325 (250 – полковничий, 75 – капитанский); для похода под Смоленск дано вперед на июль¹¹⁴; 1633 г., октябрь: полковник солдатского полка на службе под Смоленском¹¹⁵.

Козлов Артемий Иванов сын. 1632 г., июнь: полковой подьячий в полку Т. Унзена¹¹⁶.

Колгозь Адам. Датчанин. 1632 г.: выездный подполковник, октября 19: получил соболей в Посольский приказ из КП¹¹⁷.

Кормихель (Кармикель, Кармихель) Ричард (Рыцерт). 1632 г., осень – 1633 г., февраль: майор и ротмистр 3-й роты рейтарского полка, у него в роте 147 рядовых; 1633 г.: по указу от 22 февраля выведен за штат полка, безместный¹¹⁸; 7142 (1633/34) г.: наемный майор безместный (уволен), получал жалование в ИП¹¹⁹.

Кормихель (Кармикель, Кармихель) Шарт. 1632 г.: капитан 1-го немецкого солдатского полка А. Лесли. 1632 г., июня 23: представлен полковником Ш.С. Делибертом на должность майора рейтарского полка, 25 июня утвержден в должности с окладом в 150 руб.¹²⁰.

Краферт (Кровфорт, Кроуфорд) Александр. Шотландец. 1629 г.: наемный нововыезжий капитан, завербован А. Лесли; июля 27: явлено за выезд жалование при Государе в Золотой палате из КП и из РП¹²¹; 1633 г.: наемный полковой большой поручик (подполковник) и капитан солдатского полка В. Кита, оклад 175 (100 – подполковничий, 75 – капитанский); для похода под Смоленск дано жалование вперед на июль¹²²; 1633 г., осень: подполковник солдатского полка В. Кита на службе под Смоленском; к 7 октября:

¹⁰⁸ Там же. Кн. 46. Ч. I. Л. 596–596 об.

¹⁰⁹ Там же. Кн. 45. Л. 219.

¹¹⁰ Там же. Кн. 46. Ч. II. Л. 986–987.

¹¹¹ Там же. Кн. 47. Ч. I. Л. 37.

¹¹² Там же. Кн. 45. Л. 218.

¹¹³ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 287. Л. 345–345 об.

¹¹⁴ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Ч. I. Л. 592–601; Ч. II. Л. 603–628.

¹¹⁵ Там же. Кн. 47. Ч. II. Л. 1189.

¹¹⁶ Там же. Кн. 44. Л. 782 об.

¹¹⁷ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 288. Л. 57–57 об.

¹¹⁸ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Ч. I. Л. 413–429 об.; Ч. II. Л. 1000.

¹¹⁹ Там же. Кн. 47. Ч. I. Л. 37.

¹²⁰ Там же. Кн. 45. Л. 60 об.–61, 63 об., 65 об.

¹²¹ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 284. Л. 351–352 об.

¹²² Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Ч. I. Л. 594–594 об.

ранен, “как был бой с королем и с королевичем”, отпущен к Москве, по дороге ограблен и вторично ранен шишами; октября 7: лежит раненый в Дорогобуже, его жена Олена получила за него жалованье для доставки мужа в Москву; ноября 12: получил жалованье в ИП¹²³; 1634 г., февраль: полковник солдатского полка в Москве; февраля 26: для его полка в КП сделано 8 знамен¹²⁴; после роспуска полка остался на Государево имя; 7144 (1635/36) г.: полковник, корм по 50 руб./мес., получил жалованье в ИП за период с 1 сентября 1634 по 1 сентября 1635 г.¹²⁵

Крип Антон. 1630 г., февраль: писарь, выехал с полковником А. Лесли; февраля 6: получил за выезд жалованье в КП¹²⁶; 1632 г., август–сентябрь: полковой секретарь в 1-м солдатском полку полковника А. Лесли¹²⁷.

Кудлин Богдан. 1632 г.: поместный “немец”. По представлению полковника Ш.С. Делиберта от 1 июля 1632 г. произведен в ротные квартирмейстеры рейтарского полка с окладом в 15 руб. с вычетом за поместье 1/3¹²⁸; 7141 (1632/33) г.: ротный квартирмейстер (“по-русски ротный околничий”) в рейтарском полку Ш.С. Делиберта, оклад 15 руб. с вычетом 1/3 за поместье – 10 руб.¹²⁹; 1633 г.: по указу от 28 мая по представлению полковника Ш.С. Делиберта произведен из ротных квартирмейстеров в поручики рейтарского полка¹³⁰; 7144 (1635/36) г.: служилый иноземец старого выезда, помещик в Ярославле, оклад 400 чети, 25 руб.; поручик, товарищ рейтарской роты¹³¹.

Кунингем (Кунигам, Кунигем) Роман. Шотландец. 1633–1634 гг.: майор (рейтарской) шквадроны (рот), которая на службе не была (?); 1635 г., октября 3: в ИП упоминаются его роты времен Смоленской войны¹³²; 7144 (1635/36) г.: служилый иноземец старого выезда, помещик в Ниж. Новгороде, оклад 700 чети, 54 руб.; майор рейтарского строя, командир рейтарской роты¹³³.

Лесли Александр (Алекандр Куим). Шотландец. Офицер на шведской и русской службе. 1630 г., февраль: полковник; февраля 6: получил за выезд жалованье в КП¹³⁴; 1631 г., сентябрь – 1632 г., июль: полковник 1-го немецкого солдатского полка¹³⁵; вербовщик европейских наемников на царскую службу¹³⁶; 1632 г., август–сентябрь: полковник¹³⁷; октября 26: со своим полком под Дорогобужем¹³⁸.

¹²³ Там же. Кн. 47. Ч. II. Л. 1189–1189 об.

¹²⁴ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 289. Л. 433–433 об.

¹²⁵ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 49. Л. 1166, 1403.

¹²⁶ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 285. Л. 154–158 об.

¹²⁷ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 1 об.

¹²⁸ Там же. Л. 62 об., 63 об., 66 об.–67.

¹²⁹ Там же. Кн. 46. Ч. I. Л. 359.

¹³⁰ Там же. Л. 366 об.

¹³¹ Там же. Кн. 49. Л. 1409.

¹³² Там же. Л. 1160.

¹³³ Там же. Л. 1405 об.

¹³⁴ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 285. Л. 154–158 об.

¹³⁵ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 44. Л. 1–156 об.

¹³⁶ Там же. Л. 916 об.–918 об.

¹³⁷ Там же. Кн. 45. Л. 1–5.

¹³⁸ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 288. Л. 66.

Ловзин Андрей. 1633–1634 гг.: полковой обозник в солдатском полку Валентина Росформа, был под Смоленском в армии М.Б. Шеина; 7144 (1635/36) г.: полковой обозник, оклад 400 чети, 18 руб., корм по 5 руб. мес.¹³⁹

Ловзин Давыд. 1634 г.: полковой обозник солдатского полка В. Росформа, был под Смоленском в армии М.Б. Шеина; ноября 29: дано жалованье за прошлые месяцы за июль–октябрь, получал жалованье в ИП в ноябре 1634 г. – августе 1635 г.¹⁴⁰

Мархов Петр. “Немец” поместный. 1632 г.: по представлению полковника Ш.С. Делиберта от 1 июля 1632 г. произведен в вагонмейстеры (“а по-русски полковой обозник”) рейтарского полка с окладом в 20 руб.¹⁴¹; 7141 (1632/33) г.: вагонмейстер (“вагмейстер, по-русски обозник”) в рейтарском полку Ш.С. Делиберта, оклад с вычетом 1/3 за поместье – 13 руб. 11 алт.¹⁴²; 7144 (1635/36) г.: служилый иноземец старого выезда, помещик в Вологде, оклад 600 чети, 32 руб.; полковой обозник, товарищ рейтарской роты¹⁴³.

Матейсон (Матусов, Матисон) Юрий. Шотландец. 1630 г., февраль: капитан, выехал с полковником А. Лесли; февраля 6: получил за выезд жалованье в КП¹⁴⁴; 1631 г., августа 31: подполковник полка А. Лесли, получил жалованье в КП¹⁴⁵; 7141 (1632/33) г.: наемный полковник солдатского полка; с 15 сентября 1632 г. по 15 июня 1633 г. получал жалованье в Москве в ИП; 1633 г., июнь: получил жалованье на июль для похода под Смоленск¹⁴⁶.

Матисон см. Матейсон

Меди Вилим. 1633 г., осень – 1634 г., июнь: капитан в драгунском полку А. Гордона с окладом в 80 руб.¹⁴⁷; по указу от 8 июля 1634 г. по представлению полковника от 1 июня в Можайске произведен в майоры солдатской шквалдроны драгунского полка А. Гордона¹⁴⁸.

Меер см. Мейер

Мейер (Меизэр, Меер) Анц. Наемный “немец”. 7141 (1632/33) г.: полковой писарь в солдатском полку Вилима Кита¹⁴⁹; 1633 г.: по указу от 24 мая, по представлению полковника Александра Гордона от 23 мая пожалован в прапорщики его драгунского полка, оклад 23 руб.¹⁵⁰; 1633–1634 гг.: поручик в солдатской шквалдроне Романа Кунингама; 1634 г.: поручик драгунского полка А. Гордона; ноября 29: дано жалованье за прошлые месяцы за июль–октябрь, получал жалованье в ИП в ноябре 1634 г. – июле 1635 г.; дано вперед на август–сентябрь для Тульской службы¹⁵¹; 7144 (1635/36) г.: поручик, не верстан, корм по 6 руб./мес.¹⁵²

¹³⁹ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 49. Л. 957.

¹⁴⁰ Там же. Кн. 48. Л. 996.

¹⁴¹ Там же. Кн. 45. Л. 62 об., 63 об., 67.

¹⁴² Там же. Кн. 46. Ч. I. Л. 359.

¹⁴³ Там же. Кн. 49. Л. 1410.

¹⁴⁴ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 285. Л. 154–158 об.

¹⁴⁵ Там же. Л. 402 об.–406 об.

¹⁴⁶ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Ч. II. Л. 631–669.

¹⁴⁷ Там же. Кн. 47. Ч. I. Л. 16–2.

¹⁴⁸ Там же. Л. 16–2, 2 об., 6 об., 33.

¹⁴⁹ Там же. Кн. 46. Ч. II. Л. 608.

¹⁵⁰ Там же. Л. 1248, 1250.

¹⁵¹ Там же. Кн. 48. Л. 990.

¹⁵² Там же. Кн. 49. Л. 951.

Ментур (Мемтур, Немтур) Андрей. 1633–1634 гг.: был под Смоленском в армии М.Б. Шеина; 1634 г.: полковой квартирмейстер (окольный – “полковой окольный, а квартирмейстер тож”) солдатского полка Т. Унзена; ноября 29: дано жалованье за прошлые месяцы за июль–октябрь, получал жалованье в ИП в ноябре 1634 г. – августе 1635 г.¹⁵³; 7144 (1635/36) г.: полковой квартирмейстер, не верстан, корм по 6,5 руб./мес.¹⁵⁴

Мурей Вилим. 1632 г., август–сентябрь: майор и капитан 3-й роты в 3-м солдатском полку полковника Валентина Росформа¹⁵⁵.

Нерк (Нерн, Нерден) Александр. (Шотландец ?). 7141 (1632/33) г.: капитан солдатского полка Юрия Матейсона; с 15 сентября 1632 г. по май 1633 г. получал жалованье в Москве в ИП; 1633 г.: по указу от 25 мая по представлению полковника пожалован в полковые квартирмейстеры на место Роборта Гома¹⁵⁶.

Олузов (Олунов, Олунон) Юрий Ефимов с. 1632 г., весна: служилый иноземец, помещик по Ярославлю с поместным окладом в 20 руб.; по указу от 10 августа по представлению полковника В. Росформа записан в его полк в чин вагонмейстера (“вагмейстер, по-русски обозник”) с окладом в 20 руб. с вычетом за поместье 1/3 (13 руб. 11 алт.)¹⁵⁷.

Палт Юрий. 1632 г., весна: служилый иноземец, помещик по Костроме с поместным окладом в 35 руб.; по указу от 13 мая по представлению полковника И. Фандама произведен в полковые квартирмейстеры и записан в его полк “у русских салдат” с окладом в 30 руб. с вычетом за поместье 1/3¹⁵⁸; 1632 г., август–сентябрь: полковой квартирмейстер и капитан 4-й роты во 2-м солдатском полку полковника Индрика Фандама¹⁵⁹.

Пенкин Анц (Клеповский (Кленовский ?) Иван он же). 1633–1634 гг.: полковой обозник в солдатском полку П. Кинемонта, был в Можайске; 7144 (1635/36) г.: полковой обозник, оклад 450 чети, 22 руб., корм по 4,5 руб./мес.¹⁶⁰ Возможно, одно лицо с прапорщиком солдатского полка И. Фандама (?)

Першин Захарий Клементьев сын. 1632, июня 29: полковой подьячий 2-го немецкого солдатского полка И. Фандама¹⁶¹.

Пецнер (Петцнер) Франц. 7136 (1627/28) г.: кормовой иноземец нового выезда, капитан, получил корм в ПБП на себя и двух людей¹⁶². 1631 г. осень: полковник 2-го немецкого солдатского строя до 22 октября 1631 г. (†)¹⁶³; (1630 или 1631 г. ?) сентября 29: получил ткань на знамена своего полка в КП¹⁶⁴.

¹⁵³ Там же. Кн. 48. Л. 993.

¹⁵⁴ Там же. Кн. 49. Л. 954.

¹⁵⁵ Там же. Кн. 45. Л. 7–7 об.

¹⁵⁶ Там же. Кн. 46. Ч. II. Л. 637, 639.

¹⁵⁷ Там же. Кн. 45. Л. 405.

¹⁵⁸ Там же. Л. 389 об.

¹⁵⁹ Там же. Л. 4.

¹⁶⁰ Там же. Кн. 49. Л. 959.

¹⁶¹ Там же. Кн. 44. Л. 348.

¹⁶² Там же. Кн. 40. Л. 98.

¹⁶³ Там же. Кн. 44. Л. 151–172 об.

¹⁶⁴ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 287. Л. 30–31 об.

Реди Яков. 1633 г.: по указу от 24 мая, по представлению полковника Александра Гордона от 23 мая пожалован в полковые секретари (секретариус, полковой писарь) его драгунского полка, оклад 12 руб.¹⁶⁵

Ретих см. Рехтих

Ретух см. Рехтих

Рехтих (Ретих, Ретух?) Яков. 1633–1634 гг.: полковой судья и писарь (регент-шульц он же) в драгунском полку А. Гордона, был в Можайске; 1634 г., июнь–июль: полковой секретариус (писарь) в драгунском полку А. Гордона; 11 июля получил жалованье на июль 12 руб. по возвращении со службы из Можайска¹⁶⁶; ноября 29: полковой судья и писарь, дано жалованье за прошлые месяцы за июль–октябрь, получал жалованье в ИП в ноябре 1634 г. – августе 1635 г.¹⁶⁷ 7144 (1635/36) г.: полковой судья и писарь, не верстан, корм по 3,5 руб./мес.¹⁶⁸

Росvorm см. Росформ

Росформ (Розформ, Росvorm) Валентин (Фалентин). Австрийский “немец”. 7136 (1627/28) г.: капитан, кормовой “немец” нового выезда, с ним выехали: жена и 2 человека, служит по списку иноземцев Ниж. Новгорода; март 1628 г. – поверстан поместным окладом и справлен в окладной книге; корму всем: по 4 гривны на день да питье из кабака¹⁶⁹. 1632 (1631 ?) г., апреля 14 и 30: в солдатский полк Ф. Росформа из КП выдана ткань на знамена¹⁷⁰; 1632 г., лето: полковник солдатского полка¹⁷¹; 1632 г., август–сентябрь: полковник 3-го немецкого солдатского полка¹⁷²; 1634 г.: полковник солдатского полка в армии М.Б. Шеина; после роспуска полка выслан в свою землю, в 1635 г. вернулся на Государево имя; 1635 г., июля 18: прислан из ПСД в ИП, записан в окладную книгу, дано жалованье за выход¹⁷³; 7144 (1635/36) г.: полковник, корм по 20 руб./мес.¹⁷⁴

Рыльский (Rilsky) Христофор (Krzystofor, Krzisztof, Кристоф). Поляк. 7139 (1630/31) г.: служилый иноземец, помещик по Ниж. Новгороду; ротмистр у поместных поляков и литвы старого и нового выезда, оклад: 35 руб.¹⁷⁵; 1632 г. (январь–апрель): ротмистр у служилых поляков и литвы, оклад 30 руб.¹⁷⁶; 7141 (1632/33) г.: помещик в Ниж. Новгороде и на Курмыше; ротмистр у служилых поляков, литвы и черкас, оклад 550 чети, 30 руб.¹⁷⁷; 7142 (1633/34) г.: ротмистр у служилых поляков и литвы, оклад 550 чети, 30 руб.; 1634 г.: по указу от 7 января назначен ротмистром трех рот (шкvadроны) гусарского, рейтарского и драгунского строя; марта 9: за тульскую службу 7141-го г. и убитого татарина, “а под ним ранили коня”, придачи 150 чети, 20 руб. – итого: 700 чети,

¹⁶⁵ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Ч. II. Л. 1248 об, 1250 об.

¹⁶⁶ Там же. Кн. 47. Ч. I. Л. 23–23 об.

¹⁶⁷ Там же. Кн. 48. Л. 1000.

¹⁶⁸ Там же. Кн. 49. Л. 963.

¹⁶⁹ Там же. Кн. 40. Л. 331 об.

¹⁷⁰ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 287. Л. 306 об.–307, 323–323 об.

¹⁷¹ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 44. Л. 370–690.

¹⁷² Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 7–9 об.

¹⁷³ Там же. Кн. 48. Л. 975.

¹⁷⁴ Там же. Кн. 49. Л. 1167.

¹⁷⁵ Там же. Кн. 43. Л. 179.

¹⁷⁶ Там же. Кн. 45. Л. 349–349 об., 457 об.

¹⁷⁷ Там же. Кн. 46. Ч. II. Л. 850–850 об.

50 руб.; дано жалованье на февраль–апрель, а 16 мая – за май¹⁷⁸; 1634 г., февраля 5 и 10: в его роты в КП сделаны знамена и прапоры¹⁷⁹.

Сандерсон Томас. Англичанин. 1632 г.: наемный полковник; декабря 30: получил тафту в Казенном приказе на знамена своего полка¹⁸⁰.

Синиот Юрий. 1632 г., август–сентябрь: майор и капитан 3-й роты в 4-м солдатском полку полковника Валентина Росформа¹⁸¹.

Слуц Анц. 1632 г.: лекарь Аптекарского приказа; по указу от 8 августа по представлению полковника Т. Унзена записан в его полк полковым лекарем на место Эдварта Роланта с окладом в 30 руб.¹⁸²; 1632 г., август–сентябрь: судебный писарь и полковой лекарь в 4-м солдатском полку полковника Валентина Росформа¹⁸³.

Смит Кильян (Килян) Якуб. Англичанин. 7134 (1625/26) – 7136 (1627/28) гг.: кормовой “немец” нового выезда, служит с бельскими “немцами”, оклад сгорел в 7134 г., корм 7136 (1627/28) г.: 3 руб. да на лошадь¹⁸⁴; 1632 г.: служилый иноземец, оклад 350 чети, 23 руб.; полковой писарь солдатского полка Юрия Матейсона; с 15 сентября по 15 декабря 1632 г. получал жалованье в Москве в ИП; 15 декабря 1632 г. умер, на его место назначен Борис Шведер¹⁸⁵.

Танибердиус Ажидиус. “Немец”. 1633 г., июнь: по указу по представлению полковника Ш.С. Делиберта произведен из “новых немец” в полковые секретари рейтарского полка на место Дмитрия Дигилбова¹⁸⁶.

Титов Иван. 1632 г., лето: полковой подьячий в полку Ф. Росформа¹⁸⁷.

Унзен Тобиас (Тобияс). 1630 г., октября 24: полковой поручик (подполковник), ему с женой за выезд дано жалованье из КП¹⁸⁸; 1632 г., июнь: полковник 4-го немецкого солдатского полка¹⁸⁹; 1632 г., август–сентябрь: полковник солдатского полка¹⁹⁰.

Фалер Ричард (Рыхорт), в крещении Иван. Голландец. 1635 г.: нововыезжий иноземец, новокрещен, майор, с ним жена Олена, в крещении Фекла, и дети Иван и Михаил; ноябрь: получил с семьей в КП жалованье на платье за крещение¹⁹¹.

Фандам (Фандрам, Ван-Дам?) Индрик. 1631 г., осень: полковник солдатского строя, 22 октября 1631 г. после смерти полковника Ф. Пецнера получил его 2-й солдатский полк¹⁹²; 1632 г., август–сентябрь: полковник 2-го немецкого солдатского полка¹⁹³.

¹⁷⁸ Там же. Кн. 47. Ч. I. Л. 540–540 об., Ч. II. Л. 1178–1179.

¹⁷⁹ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 289. Л. 371 об.–372, 389 об.–390.

¹⁸⁰ Там же. Кн. 288. Л. 184–184 об.

¹⁸¹ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 10–10 об.

¹⁸² Там же. Л. 300 об.

¹⁸³ Там же. Л. 11–11 об.

¹⁸⁴ Там же. Кн. 40. Л. 279 об.

¹⁸⁵ Там же. Кн. 46. Ч. II. Л. 645.

¹⁸⁶ Там же. Кн. 46. Ч. I. Л. 367.

¹⁸⁷ Там же. Кн. 44. Л. 466 об., 469.

¹⁸⁸ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 286. Л. 56–60.

¹⁸⁹ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 44. Л. 691–914 об.

¹⁹⁰ Там же. Кн. 45. Л. 10–12 об.

¹⁹¹ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 291. Л. 100 об.–101.

¹⁹² Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 44. Л. 151–172 об., 345, 348.

¹⁹³ Там же. Кн. 45. Л. 5–6.

Фандериль (Фан-дер-Иль, фон дер Иль, Ван дер Иль?) Рихарт (Рухгарт). Австрийский “немец”. 7144 (1635/36) г.: нововыезжий майор, выехал на Государево имя с женой, детьми и слугами; 1636 г., января 30: получил жалованье в ИП¹⁹⁴. Возможно, одно лицо с одноименным ротмистром на русской службе в 1630–1634 гг. (?)

Фанрехгузин Иохим (Яхим). Немец “Цысарской земли”. 1635 г.: наемный подполковник; сентября 20: получил жалованье в КП на отпуске в свою землю¹⁹⁵.

Флек Якуб. 1633 г., апрель: произведен из поручиков в капитаны в драгунском полку А. Гордона; с 20 апреля по 17 декабря 1633 г. ездил в Англию вербовать трубачей для полка; 1633, осень – 1634 г., январь: капитан в том же полку с окладом в 80 руб.¹⁹⁶; по указу от 8 июля 1634 г. назначен квартирмейстером солдатской шквандроны драгунского полка А. Гордона в Можайске¹⁹⁷.

Франц Давид. Наемный “немец”. 1632 г.: сержант в солдатском полку Юрия Матейсона; с 15 сентября 1632 г. по май 1633 г. получал жалованье в Москве в ИП; 1633 г.: по указу от 8 июня по представлению полковника Юрия Матейсона произведен в полковые обозники в его полку¹⁹⁸; 1634 г.: полковой обозник солдатского полка Ю. Матейсона, был под Смоленском в армии М.Б. Шеина; ноября 29: дано жалованье за прошлые месяцы за июль–октябрь, получал жалованье в ИП в ноябре 1634 г. – августе 1635 г.¹⁹⁹; 7144 (1635/36) г.: полковой обозник, не верстан, корм по 5 руб./мес.²⁰⁰

Француженин (Дюрант) Степан. “Немец”, поместный старого выезда. 1632 г.: безместный наемный “немец”. 1632 г., июня 23: представлен полковником Ш.С. Делибертом на должность полкового квартирмейстера рейтарского полка, 25 июня утвержден в должности с окладом в 50 руб.²⁰¹; по представлению полковника Ш.С. Делиберта от 1 июля 1632 г. произведен в бригадиры (капрал, “а по-русски есаул”) рейтарского полка с окладом в 12 руб.²⁰²; 7141 (1632/33) г.: полковой квартирмейстер (“а по-русски околничий”) в рейтарском полку Ш.С. Делиберта, оклад с вычетом 1/3 за поместье – 33 руб. 11 алт.²⁰³; 1632 г., декабря 26: полковой квартирмейстер рейтарского полка, получил в ИП 40 руб. в приказ “для московского житья”²⁰⁴; 1633 г.: по указу от 28 мая по представлению полковника Ш.С. Делиберта произведен из полковых квартирмейстеров в ротмистры рейтарского полка²⁰⁵.

Фредрик (Фредрин) Яган. 1632 г., август–сентябрь: полковой судья и писарь в 4-м солдатском полку полковника Валентина Росформа²⁰⁶.

¹⁹⁴ Там же. Кн. 49. Л. 1219.

¹⁹⁵ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 291. Л. 29.

¹⁹⁶ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. Ч. I. Л. 16–16 об.

¹⁹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁹⁸ Там же. Кн. 46. Ч. II. Л. 669.

¹⁹⁹ Там же. Кн. 48. Л. 995.

²⁰⁰ Там же. Кн. 49. Л. 956.

²⁰¹ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 61, 63 об., 66.

²⁰² Там же. Л. 62 об., 63 об., 67–67 об.

²⁰³ Там же. Кн. 46. Ч. I. Л. 358.

²⁰⁴ Там же. Ч. II. Л. 1225.

²⁰⁵ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Ч. I. Л. 366 об.

²⁰⁶ Там же. Кн. 45. Л. 11–11 об.

Фукс (Фухс). Полковник, нанятый русским вербовщиком полковником А. Лесли в Штральзунде на русскую службу, в Россию не приехал²⁰⁷.

Фукс Крестьян. “Немец” наемный. 1633 г., март: начальный человек, прислан с отписками из-под Смоленска из солдатского полка А. Лесли; по представлению полковника Ш.С. Делиберта переведен в майоры рейтарского полка²⁰⁸.

Фурт Вилим. 1631 г., августа 5: капитан солдатского полка Александра Лесли, въехал в Россию в группе подполковника Гармана Бекмана через заставу на р. Лавуе и через Новгород 17 августа прибыл в Москву. Был нанят в Европе полковником А. Лесли и прислан заранее для обучения русских солдат; 1632 г., август–сентябрь: полковой квартирмейстер и капитан 4-й роты в 4-м солдатском полку полковника Валентина Росформа²⁰⁹; ноября 18: по запросу Посольского приказа от 26 октября назначен месячный найм – 25 руб.²¹⁰

Шулт Александр. 1632 г., август–сентябрь: полковой квартирмейстер и капитан 4-й роты в 3-м солдатском полку полковника Валентина Росформа²¹¹.

Ян Юрий. 1632 г., август–сентябрь: полковой судья и секретарь в 3-м солдатском полку полковника Валентина Росформа²¹².

Янсен Яган. 1632 г., август–сентябрь: судебный писарь, профос и полковой лекарь в 3-м солдатском полку полковника Валентина Росформа²¹³.

Garne Thomas см. Герн Томас

Принятые сокращения

БД	– приказ Большого дворца
ЗКМС 7134–35 гг.	– Записная книга Московского стола 1626, мая 5 – 1627, августа 31 // РИБ. СПб., 1884. Т. IX. С. 385–524.
ЗКМС 7142 г.	– Записная книга Московского стола 1633, сентябрь – 1634, август // РИБ. СПб., 1884. Т. IX. С. 525–576.
ИП	– Иноземский приказ
КП	– Казенный приказ
ПБП	– приказ Большого прихода
ПП	– Пушкарский приказ
ПСД	– приказ Сыскных дел
РП	– Разрядный приказ

²⁰⁷ Там же. Кн. 44. Л. 917–917 об.

²⁰⁸ Там же. Кн. 46. Ч. I. Л. 364.

²⁰⁹ Там же. Кн. 45. Л. 10 об.–11.

²¹⁰ Там же. Кн. 44. Л. 916.

²¹¹ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 7–7 об.

²¹² Там же. Л. 7–8 об.

²¹³ Там же. Л. 7–8 об.

А.И. Федорен

ИСПОВЕДНЫЕ ВЕДОМОСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО КУПЕЧЕСТВА В XVIII ВЕКЕ

Такое направление исторических исследований, как история крупных социальных групп, не может обойтись без использования массовых данных. Если со второй половины XIX в. такие данные предоставляет статистика, то историк России XVIII столетия располагает лишь комплексами учетных материалов, к которым относятся, в числе прочего, исповедные ведомости. Эти материалы могут предоставить историку богатую информацию по широкому спектру вопросов. Исповедные ведомости позволяют под новым углом зрения взглянуть на историю различных социальных групп в Российской империи XVIII – начала XX в. В частности, они предлагают свежий взгляд на историю купечества. Задача настоящей статьи – выявить ту информацию, которую исповедные ведомости могут дать для истории купеческого сословия, указать основные причины искажения социальной информации, содержащейся в этом источнике, а также определить, какие ограничения возникают при его использовании.

Исповедные ведомости – это учетные документы, при помощи которых Русская православная церковь собирала сведения о состоянии приходов (их часто не совсем верно именуют “церковной статистикой”). В XVIII – начале XX в. любой человек православного вероисповедания был связан со строго определенным приходом – тем, к которому был “приписан” двор, где этот человек проживал. При помощи исповедных ведомостей государство выявляло старообрядцев и заставляло их платить подати в пользу казны, а также следило за состоянием религиозной жизни общества.

Исповедные ведомости – один из немногих массовых источников по русской истории XVIII столетия, причем источник, обладающий большим потенциалом. Как таковой, он неоднократно привлекал внимание специалистов. Традиционно исповедные ведомости, наряду с метрическими книгами, используются при генеалогических изысканиях – особенно когда интерес исследователя прикован к представителям непривилегированных сословий, изучение которых возможно главным образом на материале исповедных ведомостей и ревизских сказок.

Новый подход к материалам церковного учета населения обозначился в 1960-е годы, когда В.М. Кабузан предложил использовать этот “ценный, хотя и незаслуженно забытый источник” в историко-демографических исследованиях¹. Он впервые провел критический разбор исповедных ведомостей и

¹ *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: По материалам ревизий. М., 1963. С. 82–84.

пришел к выводу, что они дают, пусть и с некоторыми оговорками, вполне достоверные данные по численности, составу и движению православного населения.

Призыв В.М. Кабузана извлечь исповедные ведомости из архивов и провести на их основе анализ социально-демографических процессов был услышан. К концу 1980-х годов появляются региональные исследования, частично претворившие эту идею в жизнь. Так, Н.А. Варламова, опираясь на данные исповедных росписей, предлагает картину размещения населения петербургских приходов². Одна из задач ее статьи – показать на практике особенности работы с исповедными ведомостями. Первые шаги в этом направлении были сделаны также в статье Б.Н. Миронова³. Автор сравнивает исповедные росписи с ревизскими сказками и административно-полицейскими данными XVIII – первой половины XIX в. Вывод, к которому он приходит, таков: церковный демографический учет “...дает в руки исследователя достаточно надежные данные о численности, социальной и отчасти профессиональной структуре сельского и городского населения. Некоторую неточность церковного учета следует принимать в расчет, но это не должно останавливать исследование, ибо совершенно точных данных вообще нет”⁴. Те же сюжеты подробно разбираются в монографии Б.Н. Миронова “Русский город в 1740–1860-е годы”⁵. Он рассматривает многообразные аспекты существования города на протяжении указанного периода, и прежде всего автора интересуют социально-демографические сюжеты. Так, в одной из глав он немалое место отводит классификации сословий в разных видах демографического учета.

Из новейших исследований, базировавшихся на материале исповедных ведомостей, стоит упомянуть статью О.В. Щербачева⁶, в которой он проследивает историю московских дворянских родов. Автор обращает внимание на то, что взятые за определенный временной промежуток исповедные росписи позволяют проследить межсословные связи, и что именно здесь становится очевидной вся зыбкость и условность хрестоматийного деления российского общества на сословия⁷.

Несомненный интерес представляет сборник “Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник”⁸. Сборник условно можно разделить на две части. Первая часть включает статьи,

² Варламова Н.А. Исповедальные ведомости 1737 г. как источник по истории населения Петербурга // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1988. Вып. 11: Генезис и развитие феодализма в России. С. 187–196.

³ Миронов Б.Н. Исповедальные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX в. // ВИД. Л., 1989. Т. XX. С. 102–117.

⁴ Там же. С. 117.

⁵ Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е гг.: Демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.

⁶ Щербачев О.В. Исповедные ведомости московских сороков как источник по генеалогии дворянства середины XVIII века // Изв. Русского генеалогического общества. СПб., 2003. Вып. 12. С. 25–52.

⁷ Там же. С. 30–31.

⁸ Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007.

ориентированные в основном на изучение проблем, возникающих при использовании материалов церковной статистики как исторического источника. Вторая часть посвящена методам обработки данных, извлекаемых из метрических книг, исповедных и клировых⁹ ведомостей. Хронологически сборник охватывает XVII – начало XX в., однако основной массив статей приходится на XIX в. Тематически бóльшая часть сборника посвящена метрическим книгам. Единственное исследование, близкое к тематике настоящей статьи – работа М.А. Марковой по истории населения Санкт-Петербурга и столичной губернии в 1730–1740-е годы¹⁰, которая целиком построена на материалах исповедных ведомостей.

В итоге можно сказать следующее: современная наука проявляет усиленный интерес к исповедным ведомостям. Это не удивительно, ведь исповедные ведомости дают сведения о численном, половозрастном и социальном составе православного населения Российской империи на протяжении почти двух столетий. Так как исповедные ведомости составлялись ежегодно, они позволяют проследить социальные процессы в динамике. Еще одно несомненное достоинство данного источника заключается в том, что он фиксирует все категории населения – как податные, так и неподатные, отмечает лиц обоего пола и всех возрастов¹¹. Таким образом, некоторые возможности использования названной документации специалистами уже раскрыты. Однако сколько-нибудь систематическая оценка исповедных ведомостей как источника по истории купечества до настоящего времени не производилась.

Произвести эту оценку удобнее всего на материале обширного московского комплекса исповедных ведомостей, находящихся, в основном, в прекрасном состоянии¹².

Самые ранние из дошедших до наших дней исповедных ведомостей по г. Москве датируются 1737 г.¹³ Исходя из этого, хронологические рамки исследования охватывают период с 1737 г. до конца XVIII в. Московские исповедные ведомости формировались по сорокам. Сорок – это церковно-

⁹ Клировые ведомости содержали информацию в первую очередь о священнослужителях, а также о состоянии того или иного прихода. Как уже говорилось, использование понятия “церковная статистика” не вполне грамотно с чисто терминологической точки зрения: как метрические книги, так и исповедные ведомости являются разновидностью учетной документации.

¹⁰ *Маркова М.А.* Источники по истории населения Санкт-Петербурга и столичной губернии: 1730–1740-е гг. // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. С. 103–120.

¹¹ Подробнее о проблемах источниковедческой оценки исповедных ведомостей см.: *Федоренко А.И.* Московские исповедные ведомости середины XVIII века как источник социально-демографической информации по истории города // *Per aspera...*: Сборник научных статей победителей конкурса студенческих работ Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и материалы научных конференций. М., 2010. Вып. 2. С. 6–18.

¹² Исповедные ведомости московских приходов дошли до наших времен в составе комплекса материалов Московской духовной консистории (до 1742 г. – Московской духовной дикастерии), органа местного церковного управления, хранящихся в Центральном историческом архиве Москвы. Здесь хранятся исповедные ведомости за 1737–1915 гг. с некоторыми перерывами. Другой крупный комплекс, связанный с Санкт-Петербургом, уже получил частичное освоение в названных статьях Н.А. Варламовой и М.А. Марковой.

¹³ Именно с 1737 г. исповедные ведомости стали в обязательном порядке отправляться в Московскую духовную директорию (с 1742 г. – консисторию).

административная единица, включавшая в среднем 40–50 приходов¹⁴. В XVIII столетии в Москве насчитывалось пять-шесть сороков. В рамках исследования были использованы материалы по трем сорокам – Замоскворецкому, Никитскому, а также Сретенскому, – в сумме охватывающим большую часть территории Москвы.

Специфика исповедных ведомостей заключается в том, что они дают исчерпывающую информацию по дворовладельцам, но крайне редко указывают социальный состав жителей дворов. В связи с этим речь пойдет о тех слоях купечества, которые владели жилой недвижимостью на территории Москвы, а также об их соотношении с другими категориями дворовладельцев.

В истории московского купечества XVIII–XIX вв. до настоящего времени остается немало белых пятен.

С одной стороны, исследователю не ясна картина массовых процессов, затрагивающих данную социальную группу. До сих пор нет четкого представления о расселении купцов по территории города, о динамике их численности в отдельных районах и по городу в целом, а также о соотношении их с прочими слоями населения.

С другой стороны, недостаточно изучена жизнь крупнейших купеческих династий, не говоря уже о биографиях рядовых выходцев из этого социального слоя. Иначе говоря, нерешенные проблемы остаются как на макро-, так и на микроуровне изучения московского купечества.

Некоторые сферы активности предпринимательского класса названного периода породили особенно много неясностей в исследовательской литературе. Это в первую очередь относится к быту, местам проживания и вероисповедной активности московских коммерсантов. Слабо изучена и их благотворительная деятельность.

Исповедные ведомости могут использоваться при решении исследовательских проблем как на уровне массовых процессов, так и на уровне судебных единичных представителей (отдельных династий) московского предпринимательского класса. Ниже представлены примеры информационных возможностей данной группы источников и по первой, и по второй группе задач.

Например, как уже говорилось, исповедные ведомости по г. Москве дают полную картину расселения православных дворовладельцев; помимо приверженцев синодальной Церкви, они учитывают старообрядцев. Данные по отдельным сорокам и приходам позволяют проследить расселение отдельных категорий населения по территории города. Так, в литературе распространено представление о том, что районом традиционно купеческого расселения является Замоскворецкий сорок, в то время как на территории Никитского сорока предпочитало селиться дворянство¹⁵. Однако это мнение опирается, главным образом, не на анализ фактического материала, а на исследовательскую интуицию. И, следовательно, нуждается в подкреплении данными источников.

¹⁴ Количество приходов в том или ином сороке не было постоянно; так, состав самого маленького Китайского сорока в иные годы не превышал 10 храмов. Сороки в Москве прослеживаются с середины XVI в.: упоминания о сороках встречается в “Стоглаве” 1551 г. (в тексте они названы “соборами”), но точная дата их появления неизвестна.

¹⁵ См., например: *Щербачев О.В.* Указ. соч.

Действительно, из всех сороков Москвы именно Замоскворецкий концентрировал наибольшую часть торгового люда, хотя он и не всегда представлял большую часть населения сорока. Так, в 1741 г. купцы составляли 21,6%, или $\frac{1}{5}$ часть дворовладельцев Замоскворецкого сорока, лишь ненамного опережая дворян (их доля – 20%) и далеко превосходя все прочие социальные категории. Через два десятилетия, в 1762 г., доля купечества возросла до 28,6% дворовладельцев (дворян – до 25,7%)¹⁶.

Совсем иная ситуация прослеживается в Никитском сороке. Здесь купечество в 1741 г. составляло 10,6% дворовладельцев (дворяне – 22,2%). В 1762 г. доля купцов-дворовладельцев в этом сороке также возросла: они составляли 13,9% владельцев жилой недвижимости (дворяне – 29,2%, священно- и церковнослужители – 16,1%)¹⁷.

На примере этих двух сороков – купеческого и дворянского – видно, что в середине XVIII в. купечество составляло значительную долю влиятельного населения Москвы; впоследствии эта доля останется столь же высокой. Видно и другое: зажиточное купечество в этот период действительно охотнее селилось на территории Замоскворецкого сорока, хотя его процент на других территориях достаточно велик.

Определенное влияние на социальный состав населения того или иного прихода оказывает его расположение на территории сорока. Так, социальный анализ отдельных приходов Замоскворецкого сорока середины XVIII в. показывает, что наибольшая часть купеческих дворов этой церковно-административной единицы была расположена на территории Москворецкого острова, т.е. напротив расположенных в Китай-городе торговых рядов.

В отношении единичных представителей московского купечества и отдельных династий сведения исповедных ведомостей могут быть использованы для решения исследовательских задач в широком диапазоне.

Данные исповедных ведомостей позволяют проследить географию расселения представителей одного рода по территории Москвы в динамике.

Так, всего за два десятилетия (1741–1762) резко выросло число дворов, принадлежавших купцам первой гильдии Журавлевым. В исповедных ведомостях за 1741 г. упоминается только один двор, в котором проживал “суконный купец” Роман Ильин сын Журавлев; этот двор был приписан к ц. Параскевы Мученицы на Пятницкой улице, т.е. располагался в самом сердце Замоскворечья¹⁸. В ведомостях за 1762 г. фамилия Журавлевых встречается несколько раз, причем все указания на них сконцентрированы в ведомостях по тому же Замоскворецкому сороку. Уже упоминавшемуся Роману Ильину сыну Журавлеву принадлежит, помимо двора в Параскевском приходе, еще один двор – в приходе ц. Воскресения Христова за Даниловым монастырем¹⁹, почти на самом краю Замоскворецкого сорока. Кроме этого, по одному двору в упомянутом Параскевском приходе принадлежит купцам-первогильдейцам

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 45. Л. 297. На 1741 г. в 28 приходах Замоскворецкого сорока насчитывалось 1715 дворовладений; на 1762 г. – в 38 приходах было 1705 дворов, и столько же их владельцев.

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 48. Л. 299. На 1741 г. в 48 приходах Никитского сорока значилось 2020 дворов и их владельцев; на 1762 г. – в 47 приходах было 1547 дворовладений.

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 45. Л. 34.

¹⁹ Там же. Д. 297. Л. 242 об., 365.

Алексею и Семену Гавриловым детям Журавлевым²⁰. А Илья Гаврилов сын Журавлев, упоминающийся в поздних документах как “московский первой гильдии купец и разных фабрик содержатель”²¹, проживает в приходе ц. Преображения Господня на Ордынке²²; приход этот расположен в центральной части сорока и граничит с Параскевским.

Таким образом, речь идет о компактном проживании представителей одного рода на территории Замоскворецкого сорока – ни в Никитском, ни в Сретенском сороках жилые владения Журавлевых в эти годы не упоминаются. Всего за 21 год владения семейства увеличились с одного до пяти дворов²³.

Другой пример такого совместного проживания являют члены гостиной сотни (со второй половины XVII в.) купцы Евреиновы. Из пяти дворов, принадлежащих разным членам этого семейства на территории Сретенского сорока (1741 г.), четыре расположены в приходе ц. Петра и Павла в Мещанской слободе, еще один – в приходе ц. Иоанна Предтечи на Лубянке²⁴.

Начиная с конца 1730-х годов и на протяжении длительного времени исповедные ведомости позволяют проследить, как с изменением имущественного положения членов рода менялась география их проживания на территории Москвы.

Анализируя связи внутри предпринимательского сообщества, исследователи традиционно обращают внимание на принадлежность взаимодействующих сторон к таким корпорациям, как гости, гостиная и суконная сотни, первая гильдия, на общность происхождения (“природное” и иногороднее купечество у А.И. Аксенова), на переход купцов от торговой деятельности к заведению фабрик, а также на роль брачных связей²⁵. Исповедные ведомости обеспечивают новый подход к данному вопросу: они позволяют говорить о взаимодействии крупных коммерсантов из разных семейств в рамках одного прихода.

Прекрасный пример являет приход ц. Троицы в Кожевниках (Замоскворецкий сорок). Под 1741 г. среди прихожан церкви Троицы в Кожевниках числятся представители сразу нескольких видных купеческих фамилий. Это “гостиной сотни” Михайла Петров сын Гусятников, купец Никита Дмитриев

²⁰ Там же. Л. 365 об.

²¹ Городская семья XVIII века: Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / сост. Н.В. Козлова. М., 2002. С. 414. В данном определении статус И.Г. Журавлева дан по состоянию на 1772 г.

²² ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 297. Л. 44.

²³ В исповедных ведомостях по Замоскворецкому сороку на 1762 г. имеются упоминания еще о двух дворах, в одном из которых проживает Ермилий Яковлев сын Журавлев, в другом – Иван Родионов сын Журавлев (оба – купцы второй гильдии). Трудно сказать, какое отношение они имеют к названному семейству.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 49. Л. 107, 259 об., 260 об., 261, 264 об. В Петропавловском приходе проживают: купцы первой гильдии Яков Матвеев сын Евреинов, Иван Федоров сын Евреинов, Аврам Федоров сын Евреинов и Данила Федоров сын Евреинов; в Иоаннопредтеченском – содержатель шелковой фабрики Иван Матвеев сын Евреинов.

²⁵ См.: Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988; Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1.

сын Сахаров, московской полотняной фабрики содержатель Иван Андреев сын Овощников²⁶.

Все три фамилии уходят корнями в XVII в. Гусятниковы – члены гостинной сотни, одно из крупнейших купеческих семейств середины XVIII столетия. Сам М.П. Гусятников – крупный откупщик, купец первой гильдии, владелец нескольких фабрик (первую из них, шляпную, заводит в 1745 г. совместно с тремя “товарищами”). Сахаровы – члены суконной сотни; к 1748 г. они владели крупным кожевенным заводом. Овощниковы упоминаются в составе гостинной сотни²⁷; на территории упомянутого Троицкого прихода уже в 1741 г. расположена их полотняная фабрика.

Приход ц. Троицы в Кожевниках включает 87 дворов. Помимо трех перечисленных выше коммерсантов, в нем проживает немало людей самого разного социального статуса. Однако в XVIII в. приход был гораздо более устойчивой единицей, нежели в наши дни. В порядке вещей было, когда между прихожанами завязывались деловые и родственные связи. Что касается представителей этих трех семейств “природных” москвичей, здесь очевидна общая направленность действий: в 1740-х годах все они, не оставляя торговой деятельности, заводят фабрики, постепенно превращаясь в предпринимателей торгово-промышленного типа. Вполне возможно, что между их действиями существовала определенная связь²⁸.

Разумеется, надо иметь в виду: само по себе сосуществование в составе прихода двух и более крупных предпринимателей дает в руки исследователя всего лишь гипотезу о том, что они могли вступать в партнерские или иные отношения. К этой гипотезе надо отнестись с большой осторожностью; прежде, чем строить на ее основе конкретные выводы, необходимо проверить ее при помощи ряда других источников. Однако ее появление вызывает необходимость внимательно присмотреться к “хорошо изученным” фактам и, таким образом, в ряде случаев помогает пролить свет на некоторые ранее не известные обстоятельства.

Другое направление исследований, для которого исповедные ведомости могут дать любопытную информацию – история того или иного купеческого семейства. Причем речь идет не столько о генеалогии (хотя данный источник в целом ряде случаев позволяет выявить родственные связи), сколько о различных бытовых аспектах существования: жило ли семейство в собственном доме или в съемной квартире; как менялись места проживания и с какими

²⁶ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 45. Л. 366 об., 377, 382.

²⁷ Соловьева Т.Б., Володихин Д.М. Состав привилегированного купечества России в первой половине 17 века (по материалам росписей гостей, гостинной и суконной сотен). М., 1996.

²⁸ Механизм складывания связей между купцами, проживавшими в одном приходе, хорошо виден на материалах более позднего времени – середины XIX в. Автор данных строк выявил содружество коммерсантов, сложившееся в рамках прихода ц. Николы в Толмачах. Переписка между его членами, а также мемуары доказывают, что между купцами действительно завязались деловые, а затем и дружеские отношения, итогом которых стало формирование кружка купцов – любителей искусства, несколько членов которого стали крупными коллекционерами. Исповедные ведомости 1850-х годов показывают, что ядром этого кружка были прихожане Никольского храма братья П.А. и А.А. Медынцева (семейству Медынцева принадлежало три из 26 дворов, приписанных к Никольскому храму), братья П.М. и С.М. Третьяковы и В.Д. Коншин, вокруг которых объединились другие молодые купцы. Подробнее см.: Федорев А.И. Павел Третьяков. М., 2011. С. 129–141.

приходами семейство было связано; каков был состав двора предпринимателя: члены его семьи, наемные служащие, жильцы и приживалы; в ряде случаев можно выявить конфессиональную принадлежность купца, а также степень религиозности членов семейства. Прекрасный пример – выявление информации о первых представителях крупного купеческого рода Третьяковых, который прославился в конце XIX в. благодаря видным коллекционерам и меценатам братьям П.М. и С.М. Третьяковым.

В московское купечество Третьяковы записались в 1774 г. из посадских людей города Малоярославца. О первых двух поколениях семьи, проживавших в Москве, в литературе имеется ничтожное количество достоверных сведений, которые к тому же подаются вперемешку с ошибочными. Так, современный исследователь Л.М. Анисов сообщает: Елисей Мартынович Третьяков “...переехал в Москву в 1774 году... До конца своих дней он жил с женой Василисой Трифионовной и двумя сыновьями в купленном им доме на Бронной, в приходе церкви Иоанна Богослова”²⁹. Это свидетельство нуждается в существенном уточнении по материалам исповедных ведомостей. В приходе Иоанно-Богословской церкви Бронной слободы семейство Третьяковых фиксируется лишь за 1783–1790 гг.³⁰, причем имя Елисея Мартыновича в документах не упоминается. Где Третьяковы жили в 1774–1782 и в 1789–1794 гг., сказать трудно. Зато ясно, что собственный двор у них появился лишь в 1784 г.: годом ранее они числятся как служители “господина офицера Ивана Калинина”³¹. В 1784 г. оба брата, Захар и Осип, жили в одном дворе. Но уже в 1789 г. на этом дворе проживает только Захар Елисеевич с супругой (можно предположить, что О.Е. Третьяков отделился от брата или скончался).

В 1795 г. исповедные ведомости демонстрируют: семья З.Е. Третьякова переехала в другой район Москвы – Замоскворечье. Л.М. Анисов пишет: “...с годами семья разрослась, дом стал тесен, и Захару Елисеевичу пришлось обзавестись новым”³². Но, вероятнее, дело в другом. У Захара Елисеевича появилось достаточно денег, чтобы приобрести прибыльную недвижимость. Если дом в Бронной вмещал лишь семью З.Е. Третьякова, то часть нового жилища на Замоскворецких землях купец начнет сдавать внаем уже на второй год после его приобретения³³.

Таким образом, в отсутствие других источников, исповедные ведомости дают косвенные свидетельства постепенного накопления Третьяковыми капиталов. В 1774–1783 гг. Третьяковы копили деньги, чтобы приобрести собственную недвижимость; судя по составу двора, прибыли эта недвижимость не давала. В 1795 г., с переездом в Замоскворечье, был приобретен более вместительный дом, и появилась возможность дополнительного заработка за счет сдачи “углов” в аренду. Это лишь частный случай, но даже он в достаточной мере демонстрирует большой потенциал исповедных ведомостей.

²⁹ Анисов Л.М. Третьяков. М., 2004. С. 7.

³⁰ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 537, 588, 607, 1976 и др.

³¹ Там же. Д. 1976. Л. 53.

³² Анисов Л.М. Указ. соч. С. 7.

³³ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 707. Л. 483 об. Само семейство Третьяковых живет в том же дворе, что и их жильцы.

Использование исповедных ведомостей открывает большие перспективы, однако оно ограничено спецификой данного источника.

Специфика эта заключается в том, что он фиксировал наличное население приходов. То есть, во-первых, ведомости далеко не всегда дают сведения о лицах, на данный год отсутствующих по месту жительства³⁴. Во-вторых, они учитывают временно пребывающих в городе лиц разных сословий. В-третьих, за их рамками остается все неправославное население. Тем не менее, Б.Н. Миронов, сравнивая церковный учет с ревизским и административно-полицейским учетом, приходит к выводу, что его точность была достаточно высока³⁵. Точность московских исповедных ведомостей, несомненно, выше, чем в целом по стране. Во-первых, потому что московские священники должны были быть более грамотны, чем провинциальные, а значит, допускали меньше ошибок при учете населения. Во-вторых, их приход отличался компактными размерами. На одного священника приходилось вполне обозримое количество прихожан – а значит, он должен был хорошо знать большинство из них, и ему было труднее ошибиться.

Существовал еще целый ряд факторов, которые могли повлиять на точность исповедного учета. Горожане, записанные в приходе одного священника, могли иметь духовником священника из другого прихода. Сбору данных мешала постоянная миграция населения: переселяясь из одной части города в другую или даже на соседнюю улицу, человек автоматически становился частью паствы другого прихода – это не говоря о перемещениях между городами или между городом и деревней. Солдатские жены могли за год сменить 6–7 квартир – и оказаться записанными в 4–5 исповедных росписях (в том случае, если за год они исповедовались несколько раз).

Помимо общих ограничений, следует также учитывать ограничения частного характера, возникающие при изучении купечества на основе исповедных ведомостей. К примеру, надо осторожно относиться к указаниям на принадлежность купца к той или иной гильдии. Нередки случаи, когда священник, даже хорошо зная купца, в данном вопросе ошибается³⁶. В ряде случаев может произойти произвольная замена имени. Так, священник мог перепутать имена Алексей и Елисей³⁷. Это особенно затрудняет поиск, когда в ведомостях отсутствует указание фамилии. Не всегда ясна и вероисповедная принадлежность купца: исповедные ведомости лишь отчасти справлялись со своей основной задачей – выявлением “скрытых раскольников” с целью

³⁴ Впрочем, когда речь идет о дворянах и о крупнейших купцах, минимальные сведения обычно приводятся. Чаще всего указывается род занятий, имя и фамилия владельца двора.

³⁵ *Миронов Б.Н.* Исповедальные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX в. С. 114.

³⁶ Ведение метрических книг, так же как исповедных ведомостей, было обязанностью приходских священников. Они должны были знать социальную принадлежность прихожан, но на деле не всегда вникали в детали. Так, священник Николо-Голутвинской церкви А.А. Виноградов, составляя исповедные ведомости, на протяжении 1843–1851 гг. ошибочно называет М.З. Третьякова купцом 1-й гильдии – в то время, как в действительности тот принадлежал ко 2-й гильдии. Такая ошибка произошла несмотря даже на то обстоятельство, что Михаил Захарович был дружен со священником, а значит, тот должен был знать о нем больше, нежели о рядовом прихожанине.

³⁷ В ведомостях за разные годы одна и та же женщина названа “Хевронья Елисеева” и “Хаврония Алексеева”. См.: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1976. Л. 53; Д. 537. Л. 11 об.

взыскания с них податей и возвращения на лоно православной Церкви. Еще одна трудность возникает при попытке выяснить состав двора: священник не всегда делит проживавших в нем людей на жильцов, наемных служащих и членов семейства, в связи с чем иногда бывает трудно отделить их друг от друга. Все эти особенности, конечно, затрудняют работу с исповедными ведомостями. Тем не менее, информационные возможности этого источника весьма велики.

Подводя итоги, можно сказать следующее: исповедные ведомости открывают широкие возможности для исследования московского купечества. Они содержат уникальную информацию по вероисповедной активности московских купцов, местам их жительства, связями с тем или иным приходом, составу жителей каждого двора и т.п. и, таким образом, позволяют лучше понять повседневную жизнь коммерсантов дореволюционной Москвы. Они позволяют проследить процессы в рамках не только отдельных приходов, но также на более высоких уровнях: в рамках сороков и города в целом. В настоящее время актуальной является задача широкого освоения этой группы источников.

А.В. Белов

**“РОСПИСАНИЕ ГУБЕРНСКИМ И УЕЗДНЫМ
ШТАТНЫМ ГОРОДАМ...” – ИСТОЧНИК ПО СТРУКТУРЕ
СЕТИ ГОРОДОВ И ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ РУБЕЖА
XVIII–XIX ВЕКОВ***

Русский город дореформенного периода не обделен вниманием исследователей. Историография этой темы содержит целый ряд известных имен (Ю.Р. Клокман, П.Г. Рындзюнский, Б.Н. Миронов, Л.Ф. Писарькова, А.И. Куприянов и др.). Однако среди крупных работ, затрагивающих рубеж XVIII–XIX вв., мы не найдем ответа на вопрос, который занимает одно из центральных мест в изучении городской проблематики: каково было общее число городских поселений на данном, конкретном этапе истории страны, и к каким типам они относились. Такое положение дел не случайно и имеет несколько причин.

Преобразования второй половины правления Екатерины II, активно формировали новую, иерархичную и хорошо разработанную сеть городов. Но смерть императрицы, прервала учиненные ей административные преобразования, и, в ряде случаев, начатое не получило окончательного оформления¹. Последовавшие вскоре так называемые “контрреформы” Павла I заново перекроили административную структуру империи, затронув и города. Наложение друг на друга двух противоположных процессов сильно запутало дело. На протяжении незначительного времени поселения, официально обладавшие статусом города, то получали его, то вновь лишались, переводились в разряд заштатных городов, затем в группу посадов, после чего возвращались обратно в ранг города. Для этого было весьма веское основание: официальная демонстрация Александром I своего страстного желания полностью вернуться к реальности правления “бабушки” Екатерины. Хотя данное обстоятельство и давало исследователям право говорить об эпизодичности усилий Павла I², но все же не снимало главного вопроса: “Сколько конкретно городских поселений было в России, когда она вступила в XIX столетие и к каким типам они относились”?

Отчасти помочь в разрешении обозначенного противоречия может источник, значение которого до конца не выявлено. Речь идет о составленном в правление Павла I справочнике – “Росписание губернским и уездным штат-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00181а.

¹ Созданная ею сеть городов далеко не всегда отвечала требованиям, предъявляемым к городам самой же императрицей.

² В частности именно этим обстоятельством объяснил пропуск периода рубежа веков даже чрезвычайно дотошный в своих исследованиях В.М. Кабузан. Хотя и он признал, что в отношении уездных центров император Александр I “не проявил последовательности”. См.: Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: (По материалам ревизий). М., 1963. С. 112–113.

ным городам, по новому разделению губерний устроенным, с показанием расстояния от обеих столиц и от губернского города”. Приведенные в нем данные в совокупности с другими источниками позволяют отчасти ответить на поставленные выше вопросы.

Справочник представляет собой книгу небольшого формата. Она содержит два набора поселений, выстроенных в алфавитном порядке. Первый – перечень поселений, которые современники именовали городами официально. Второй – поселения, которые такого наименования были лишены, но ставились с “городами” в общем фактическом ряду. Информация построена в виде таблицы, в которой указаны: название, официальный статус³, отношение к губернии, расстояние до столиц и губернских центров.

В справочнике нет даты выпуска. Отсутствует она и в специализированной справочной литературе⁴. На оборотной стороне первой страницы обложки экземпляра Отдела редкой книги Государственной публичной исторической библиотеки карандашом вписан предположительный год выхода книги (“1797? Не ранее 22/ХІІ 1797 и не позднее 11/І 1798”). В беседе с работниками отдела не удалось узнать кто, когда и на каком основании сделал датирующую приписку. Единственное, что выяснилось: книга поступила не в составе собрания, а скорее всего в результате закупки, возможно единичной, в одном из букинистических магазинов Москвы.

Справочник имеет официальное происхождение. Столь точный и обстоятельный материал, охватывающий всю территорию империи, мог находиться только в распоряжении государственных служб. Тем более что атлас отразил многочисленные административные изменения, которыми отличались предшествующие правлению Павла I годы. Использование данных частными типографиями было невозможно даже теоретически: к тому времени они были закрыты⁵.

Сведения, приведенные в справочнике, даже в мелочах соответствуют картам “Российского атласа из сорока трех карт...” 1800 г.⁶ В частности, наблюдается совпадение при описании таких незначительных объектов, как многочисленные крепости и редуты Кавказской и Сибирской укрепленных линий. “Российский атлас...” 1800 г., зафиксировав многочисленные административные преобразования Павла I, как бы подвел итог политике императора в данном вопросе. В связи с этим можно утверждать, что рассматриваемый нами документ создавался как сопроводительный текст к “Российскому атласу...” 1800 г., являясь своеобразной “Книгой Большому чертежу”, только не 1627-го, а конца 1790-х годов.

Таким образом, время создания “Справочника” в принципе не важно. Важно, что он подводит итоги замыслам императора, отразив новое положение вещей. В связи с кардинальностью перемен, многочисленностью и запутанностью нововведений, содержащиеся в книге сведения являются весьма полезными.

Время составления справочника, предложенное сотрудником Государственной публичной исторической библиотеки, может быть уточнено. Нижняя гра-

³ Уездный город, заштатный город, слобода, крепость и т.д.

⁴ Сводный каталог русской гражданской печати XVIII века: 1725–1800. М., 1963–1967, 1975. Т. 1–5.

⁵ 5 февраля 1797 г. См.: Россия: Хроника основных событий. IX–XX века. М., 2002. С. 183.

⁶ Российский атлас из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию империю разделяющей. СПб., 1800.

ница не вызывает возражения: 22 декабря 1797 г. произошло переименование губернского города Екатеринослав в Новороссийск⁷. Так он и указан в тексте источника⁸. Верхняя граница была, по всей видимости, выявлена по указу от 11 января 1798 г., согласно которому местечко Звенигородка стало уездным городом Киевской губернии вместо Екатеринополя⁹. Но в тексте справочника присутствуют оба уездных города¹⁰, что делает эту дату спорной. Следовательно, верхнюю границу можно установить выше. Например, не позднее 24 сентября 1800 г., когда было утверждено решение об именовании города Григориополя Новороссийской губернии городом Черным¹¹. В тексте справочника он дается именно под этим названием, которое вскоре будет вновь изменено.

В целом время составления источника не может быть отодвинуто дальше 1800 г., так как в “Общем штате Губернских и Уездных Присутственных мест...” (документе 1800 г.)¹² наличествует ряд изменений¹³, которых нет ни в “Росписании”, ни в “Российском атласе...”, что так же говорит об их родстве.

При изучении “Росписания” большой интерес представляет структура и логика размещения материала. Сам принцип изложения несет в себе значительные информативные возможности.

Наименование поселения, а также место, занимаемое им в “отделениях” справочника, всегда говорящее. Оно неизменно указывает на официальный ранг, приданный поселению. Такое внимание к статусу делает справочник важным источником не только по количеству городов и близких им поселений, но и по существующим типам городов и городских поселений, которые современники ставили в один ряд с официальными городами.

Причина такой подачи материала, естественно, не случайна и порождена особенностями времени составления “Росписания”. Во-первых, это связано с особенностями административных и городских преобразований, проводившихся в конце XVIII столетия и связанных с наделением городских сословий особыми привилегиями. Таким образом, тип поселения предусматривал заданный набор прав и преимуществ. Во-вторых, благодаря сословной организацией российского общества, устанавливалась четкая иерархия всех аспектов жизни.

Справочник состоит из двух частей (“отделений”). Первая содержит данные по городам – административным центрам (“губернским и уездным штатным городам, по новому разделению губерний устройением”). Всего – 428 пунктов¹⁴.

Вторая – по “городам без уездным, оставшимся за штатом, так же крепостям, местечкам и редутам”. Два списка по 475 и 95 пунктов соответственно. Однако необходимо особо отметить, что редуты отделены от прочих типов поселений. Этот фрагмент справочника стоит особняком, так как имеет собственную нумерацию и внутреннюю организацию. Приведенные в нем

⁷ ПСЗ. Собрание I (ПСЗ-I). № 18288.

⁸ Росписание губернским и уездным штатным городам, по новому разделению губерний устройением с показанием расстояния от обеих столиц и от губернского города. СПб., б.г. С. 14. Отд. I.

⁹ ПСЗ-I. № 18317.

¹⁰ Росписание... Отд. I. С. 7, 8.

¹¹ ПСЗ-I. № 19570.

¹² ПСЗ-I. Т. 44, ч. 2. С. 396–397.

¹³ В частности, город Пенза в “Росписании” и “Атласе” (1800 г.) не является центром одноименной губернии, а входит в состав Саратовской губернии.

¹⁴ Именно пунктов, а не поселений, так как некоторые из них по разным причинам дублируются.

крепостницы перечисляются не как прочие поселения по губерниям, а отдельно, в соответствии с порядком их размещения на укрепленных линиях. По сути, данный перечень лишь формально выступает частью второго “отделения”, являясь самостоятельной третьей частью справочника.

Благодаря вышеназванным особенностям, можно выделить типы городов и близких им городских поселений, в соответствии с логикой и правилами своего времени – рубежа XVIII–XIX вв.

Особой, главной, группой стоят поселения, наделенные функциями административного центра. Они всегда именуются городами. Таким образом, город как полноценная структура воспринимается составителями именно как административный центр. Если поселения до того не называемые городами получают статус города, то они всегда вместе с этим приобретают и обязанности административного (уездного) центра. А нередко и новое имя¹⁵.

Выделение “штатных” городов (городов административных центров) в особую книгу указывает и на особое отношение к такого рода поселениям, а также на то, что административная функция города занимает превалирующее место при наименовании поселения городом. Это важнейшая черта времени, на которую обращали внимание многие исследователи. В частности, Ю.Р. Клокман¹⁶.

Часто в исследованиях, посвященных городам XIX в., рассматривают только те поселения, которые имели официальный административный статус. С точки зрения жителей рубежа XVIII–XIX вв. это суждение ошибочно.

Во втором “отделении” собраны поселения, официально именуемые городами, но не имеющие функций уездного центра. Сохранение за ними права на именование “городом” определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, они ранее были уездными центрами, но лишились этого права, сохранив ряд присущих городу прав управления. Во-вторых, их городские обыватели обладали привилегиями городского состояния. Данный признак, как важнейший при характеристике позднефеодального города, неоднократно отмечался, в частности, Я.Е. Водарским¹⁷.

Вместе с заштатными городами одним списком даются поселения, которые официально городами не назывались. Более того, они неизменно указываются как обладатели иного, но также официального статуса: посад, крепость, местечко и т.д. Все они отделены от городов – административных центров, что подчеркивает их второстепенное положение в административной системе страны, но при этом собраны вместе с заштатными городами, которые сохранили городской статус. Таким образом, в представлении современников все эти типы, и официально городские (заштатные и “без уездные” города), и не имеющие статуса города (городки, местечки, посады, крепости и др.), были близки друг с другом по характеру, стояли в одном, общем ряду. Нередко поселения, не называвшиеся городами, переводились в статус официальных городов. Данное обстоятельство также указывает на общность всех типов городских поселений, собранных во “втором” отделении¹⁸.

¹⁵ Росписание... Отд. II. С. 10.

¹⁶ Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города: Вторая половина XVIII века. М., 1967. С. 320.

¹⁷ Водарский Я.Е. Зарайск: тайна рождения // Зарайск: Исторические реалии и легенды. М., 2002. Т. 1. С. 208; Он же. Исследования по истории русского города: (факты, обобщения, аспекты). М., 2006. С. 41, 43.

¹⁸ Естественно, кроме редутов укрепленных линий, о чем подробно говорилось выше.

Единственным исключением из данного правила выступают крепости-редуты, расположенные на окраинах страны¹⁹. В отличие от всех прочих, объекты этого перечня приводятся без описания расстояний от столиц и губернских центров, что указывает на оторванность их от основной части страны. Они хоть и даются наряду с городскими поселениями, но стоят отдельно и в собственной последовательности. Таким образом, можно сделать выводы, что группа “редутов” не имеет никакого отношения к городскому типу поселения, что позволяет полностью отнести данные объекты только к пограничным заставам и укреплениям, исключив из городской сети государства. Это же обстоятельство указывает на близость между собой всех прочих городских поселений, собранных во втором “отделении” справочника²⁰.

Справочник носил официальный характер. В связи с этим в нем непременно обозначался тип (или точнее сказать – официальный статус) поселения: уездный или заштатный город, местечко, крепость, городок и др. Данный подход характерен для официальных документов того времени. Так, например, в указе министра военных сухопутных сил от 31 декабря 1804 г. особо подчеркнута разница в статусе поселений, находящихся в ведении министерства, и их деление на три типа: города, крепости и гавань²¹.

Функциональность при обозначении поселений весьма заметна как в приписке к названию, так и в расположении частей.

Первый раздел справочника посвящен только штатным городам – губернским и уездным центрам. Города, лишенные статуса административного центра приводятся без каких-либо пояснений, но в своем, втором “отделении” справочника. Прочие присутствующие здесь поселения имеют обязательное указание на их официальный статус. Например, “Алешная слобода”, “Бийск крепость”, “Ильинской острог”, “Лоев местеч[ко]” и др. Слова обозначающие их тип явно отстоят от основного названия. Таким образом, слово город используется в “Росписании” применительно *только* к “штатным” и “заштатным” городам. То есть только к административным центрам, или поселениям, являвшимся ими, но впоследствии утратившим эту функцию, но сохранившим свои городские привилегии за своими городскими обывателями.

В списке есть уездные города, которые “по совместительству” одновременно являлись крепостями. Всего их 5: “Кизляр, в нем же кр[епость]”²², “Семипалатинск, в нем же и крепость”²³, “Моздок крепость”²⁴. Такая же приставка добавлена к уездному городу Санкт-Петербургской губернии, военной базе Кронштадту (“Кронштадт крепость”²⁵). Говоря о Георгиевске, особо указывалось, что это одновременно и “крепос[ть] и уездный гор[од]”²⁶.

В том случае если поселение прежде не имело статуса города (административного или заштатного), а являлось, например, крепостью и со временем получило городской статус, – слово крепость полностью удалялось из его названия и заменялось на новое. Например, “Екатерининская кре[пость],

¹⁹ Росписание ... Отд. II. С. 33–37.

²⁰ В связи с их совместной непохожестью на редуты укрепленных линий.

²¹ ПСЗ-I. № 21582.

²² Росписание... Отд. I. С. 9.

²³ Там же. С. 20.

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ Там же. С. 6.

смот[ри] в I м отделении Олвиополь”²⁷. Прежний официальный статус (крепости) противоречил вновь дарованному (городу).

На основании “Росписания” и законодательных актов можно выделить целый ряд различных типов городов и городских поселений, каждый из которых носил официальный характер и помимо “Росписания” неоднократно встречался в различных указах и распоряжениях.

Таким образом, деление городских поселений по типам происходило в конце XVIII в. по двум доминирующим критериям: административному статусу и распространению на жителей прав и свобод городских обывателей. В рамках “официальных” и “неофициальных” городов, исходя их текста “Росписания”, можно выделить 18 крупных типов городов. Все они разбиваются на 6 групп. В целом картина наблюдается очень пестрая, но она вполне соответствует практике своего времени, когда новые хозяйственные тенденции не получили развития, упорядочив жесткими экономическими критериями бывшее разнообразие.

В самом общем виде картина распределения городских поселений и их численность в завершающие годы XVIII столетия была следующей. Согласно материалам “Росписания”, в Российской империи существовало 904 поселения²⁸ (100%), которые могут быть отнесены к городам или иным, но близким им типам²⁹. 692 (77%) имели право официально именоваться городами, 428 (48%) – носили обозначение “штатных” городов. В том числе: 2 “столичных” (Санкт-Петербург и Москва); 41 губернский; 1 город-столица земли казачьего войска (Донского); 386 уездных. 264 города значились “внештатными” (“города без уездные, оставшиеся за штатом”). Это 29% от числа всех городов и городских поселений. Распределение городов (их числа и типов) по стране и ее регионам соответствовало их размерам и степени освоения. Для территорий современной Центральной России было характерно в среднем 15 поселений на одну губернию. Что в целом совпадало с планами Екатерины II, хотя и разнилось по числу уездных центров.

Переходя к заключению необходимо отметить, что сеть городов и городских поселений как всей страны, так и одного из ее регионов, по природе своей являлась сложной и не однотипной конструкцией. Она состояла не просто из различных, а часто из разнохарактерных форм. Однако типы всех городских поселений носили официальный характер, что предусматривало закрепление за ними определенного статуса. Основное место среди городов и городских поселений страны занимали официальные города. Более подробный анализ материалов, рассмотренного нами источника, находится вне задач данной публикации. Более того, он требует специального исследования. Мы же ограничимся таблицей, в которую собраны обработанные нами данные, содержащиеся в “Росписание губернским и уездным штатным городам, по новому разделению губерний устроенным с показанием разстояния от обеих столиц и от губернского города” (около 1797–1800 гг.).

²⁷ Росписание... Отд. II. С. 10.

²⁸ Редуты укрепленных линий, как заведомо не относящиеся к группе городских поселений, мы не рассматриваем.

²⁹ Из них точно не локализуемые всего 6, т.е. всего 0,5%. Величина, которой можно пренебречь при подсчетах.

Города Российской империи к концу правления Павла I (не позднее начала 1800 г.):
численность, типы, распределение по губерниям

п.п.	Тип поселения (указанный в источнике)	официально именованные "городами"		малые селения, близкие к городам					различные виды укреплений			поселения при промышленных и торговых центрах			"селение", "бывший" город	Итого:
		Города – административные центры	"Города без уездов, оставшиеся за птамом"	городок, "небольшой" "городок"	"казачий городок"	слободы	"колонии"	местечки	крепости	остроги	"укрепления"	заводы, рудники	пристань, порты	"урочище"-ярмарка		
1.	Архангелогородская	8	3	4	2		1	2								14
2.	Астраханская	9	2	4				17	1							35
3.	Белорусская (г. Витебск)	16	11				8									35
4.	Владимирская	8	6													14
5.	Вологодская	10	4													14
6.	Волынская (г. Житомир)	12	4													16
7.	Воронежская	9	11				1									21
8.	Выборгская	6	2					1								11
9.	Вятская	10	4													14
10.	Иркутская	15	12					5	16		3	2			1	54
11.	Казанская	10	3													13
12.	Калужская	9	5													14
13.	Киевская	12	3													15
14.	Костромская	11	8													20
15.	Курляндская (г. Митава)	6	3						1							9
16.	Курская	10	8											1		19
17.	Литовская (г. Вильна)	19	3													22
18.	Лифляндская (г. Рига)	5	6												1	13
19.	Малороссийская (г. Чернигов)	20	16				6									42

20.	Минская	10	4	1																15
21.	Московская	10	7																	17
22.	Нижегородская	10	6																	16
23.	Новгородская	11	4																	15
24.	Новороссийская	14	31	1														1		74
25.	Оренбургская	10	8	1																67
26.	Орловская	10	5																	15
27.	Пермская	12	4																1	24
28.	Подольская (г. Каменец-Подольский)	12	12																	26
29.	Псковская	6	4																	10
30.	Рязанская	9	4																1	14
31.	Санктпетербургская	11	4																1	16
32.	Саратовская	10	5						1										2	20
33.	Симбирская	10	7	1															2	20
34.	Слободская-Украинская (г. Харьков)	10	12						1											23
35.	Смоленская	9	3																	12
36.	Тамбовская	10	10																	20
37.	Тверская	9	4																	13
38.	Тобольская	16	8																	52
39.	Тульская	9	4																	13
40.	Эстляндская (г. Ревель)	4	1																	5
41.	Ярославская	10	2						1											13
42.	Земля Донского войска (г. Черкас)	1	1																	2
43.	Земля Черноморского войска																			1
	Поселения точно не локализуемые																			6
Итого:		428	264	11	2	4	1	24	42	131	18	3	11	4	1	2	16	904		904
		(48%)	(29%)				(3%)	(5%)	(5%)	(15%)	(2%)	(17%)	(2%)	(2%)			(2%)	(100%)		(100%)
		692	(77%)																	152
																				(17%)

Г.В. Вилинбахов

К ИСТОРИИ ОДНОЙ НАУЧНОЙ ДУЭЛИ (Диспут М.П. Погодина и Н.И. Костомарова)*

Припомним, Михаил Петрович
Звал Костомарова на бой;
Но диспут вышел неудачен, –
И огорчен, уныл и мрачен
Молчит Погодин, как немой!

Н.А. Некрасов

В истории русской общественной мысли пореформенного времени ярким событием был диспут о “Начале” Руси между М.П. Погодиным и Н.И. Костомаровым. Политическая окраска участников диспута, симпатии и антипатии окружающих, все это отразило общественно-политическую ситуацию, которая сложилась в России в то переходное время.

Начало рассматриваемых нами событий положил выход в свет первой книжки “Современника” за 1860 год. В ней была помещена статья Н.И. Костомарова, бывшего тогда уже известным ученым, “Начало Руси”. Она-то и вызвала шумные события, о которых мы хотим рассказать.

В этой статье Костомаров на основании разбора “Повести временных лет”, сообщений западноевропейских хроник и других материалов пытался доказать литовское происхождение Рюрика и его братьев. Он утверждал, что: “Все приведенные здесь свидетельства убеждают нас 1) в том, что название Руси география удерживала за правым рукавом реки Немана; 2) что сторона на берегу этого рукава называлась Русью, или Русиєю, и народ обитавший в ней, – руссами, или руссиенами, иначе русью; 3) что этот народ принадлежал к литовскому племени”¹.

Далее Костомаров проводит сравнение имен из летописи с литовскими словами, находит название двух портов у Константина Багрянородного в литовском языке, выводит имена языческих богов из того же языка и, под конец, доказывает, что русь-литовская народ мореходный. После этого он об-

* *От редакции:* статья эта публикуется к 60-летию доктора исторических наук, профессора, Государственного Герольдмейстера Российской Федерации, заместителя директора по науке Государственного Эрмитажа, члена Археографической комиссии РАН Георгия Вадимовича Вилинбахова, родившегося 13 апреля 1949 г. Это – часть дипломной работы, написанной на историческом факультете Ленинградского государственного университета в 1971 г. (научный руководитель профессор В.В. Мавродин). Текст этот интересен не только в плане изучения начального этапа научной биографии ученого, приобретшего международную известность своими трудами по государственной геральдике России, но и тем, что отражает показательные черты историографической поры его написания.

¹ *Костомаров Н.И.* Начало Руси // Современник. СПб., 1860. Т. LXXIX. № 1. С. 14. (Опубликовано также: Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1860. Т. CXIII. № 570.)

рушивается на норманнскую теорию происхождения первых русских князей и выводит их из Литвы.

Такова в общих чертах “основополагающая” статья Н.И. Костомарова. Первые возражения по поводу “жмудской теории” высказал профессор Дерптского университета А.А. Куник, бывший одним из основных сторонников норманнской теории. Костомаров пишет об этом в своем письме к Д.Л. Мордовцеву: “Я имел уже первую схватку с Куником, столь жаркую, что присутствовавшие начинали чувствовать необходимость в принесении воды на всякий случай. Но то было до прочтения им моего сочинения. Потом он отказался воевать против меня публично, говоря, что это не ученое сочинение, а памфлет на немцев”².

Необходимо отметить, что в том же номере “Современника”, где была напечатана статья Костомарова, в разделе “Русская литература” опубликована статья, в которой критиковалась книга М.П. Погодина “Норманнский период русской истории” (М., 1859). Между прочим, в ней писалось: «Довольно давно уже г. Погодин находится в приятном положении – повторять собственные старые мысли и не слышать на них возражений. Одна из этих мыслей есть, как известно, мысль о норманнстве варягов... Ныне изданная книжка составляет одно из бесчисленных повторений этой мысли; но ей не суждено уже величаво пройти, при всеобщем безмолвном согласии... В нынешней книжке “Современника” читатели найдут статью г. Костомарова о начале Руси, совершенно не признающую пресловутого норманнства...»³.

Статья носила довольно-таки провокационный характер, и ее автор не позаботился тщательно познакомиться с аргументацией Костомарова, поскольку в противном случае рецензия имела бы, вероятно, несколько иной вид. Судя по всему, статья была опубликована специально для того, чтобы задеть Погодина.

Враждебное отношение “Современника” к патриарху норманнизма объясняется тем, что Н.Г. Чернышевский и И.А. Добролюбов, задававшие тон журналу, приняли участие в полемике для того, чтобы, используя критику норманнской “теории”, высказать “свой взгляд на самодержавную власть как антинародную силу, мешавшую историческому прогрессу страны”⁴.

Погодин, естественно, не мог оставить без внимания выступление “Современника”. Это и понятно, ведь он затратил много лет своей жизни на изучение вопроса происхождения летописных князей – основателей Руси. Его магистерская диссертация “О происхождении Руси”, которую он защищал в 1825 г., представляла “лучший свод главнейших доказательств норманнизма, далеко выделялась из ряда тогдашних диссертаций”⁵.

Ответ был написан Погодиным в форме письма к Костомарову. «Не думал, – пишет он, – чтоб мне пришлось начинать докучную сказку о норманнах, которым в конце второго тома “Исследований о русской истории”, в

² Мордовцев Д.Л. Исторические поминки по Н.И. Костомарову // Русская старина. 1885. № 6. С. 623–625.

³ Современник. 1860. Т. LXXIX, № 1. Отд. Русская литература. С. 104.

⁴ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 46.

⁵ Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. СПб., 1882. С. 239.

1848 году, пропел я: *quiescant in pace*; но вашей статьи нельзя оставить без ответа. Пушкин сказал:

За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык.

Чего доброго – толпа закричит под песню литовской свистопляски, вслед за ученой редакцией “Современника”: Мы из Жмуди, мы из Жмуди! Вот мы откуда, вот мы каковы..! Мы из Жмуди!

О Русь село, там растет цветочек,
Туда мое сердце стремится».

Далее Погодин делит статью Костомарова на части, каждую из которых тщательно разбирает. После разбора первых доказательств, он говорит, что Костомаров “основывает свое мнение на одном географическом имени”. Тут же приводит пример того, как М.Т. Каченовский нашел Русь на Черном море и перечисляет различные мнения о местоположении Руси. Затем следует разбор филологических доказательств Костомарова и в заключение говорится следующее: “Я считаю вас честным добросовестным исследователем в куче шарлатанов, невежд, посредственностей и бездарностей, которые, пользуясь исключительным положением, присвоили себе на минуту авторитет в деле науки и приводят в заблуждение неопытную молодежь; вот почему я требую от вас, во имя этой науки, полной сатисфакции, то есть торжественного отступления из Жмуди, или полного отражения приведенных мною кратких доказательств, за коими я готов выдвинуть и тяжелую артиллерию. Иначе – бросаю вам перчатку и вызываю на дуэль, хоть в пассаже. Секундантов мне не нужно, разве тени Байера, Шлецера и Круга, если у вас в Петербурге есть вызыватели духов, а вы, для потехи, можете пригласить себе в секунданты любых рыцарей свистопляски. Сбор, в доказательство моего беспристрастия, я готов уступить в пользу неимущей Жмуди. Без шуток, приехав на неделю в Петербург, предлагаю вам публичное рассуждение в университете... в присутствии лиц, принимающих живое участие в вопросе. Хоть я лет двадцать уже оставил его, но, посвятив ему десять лучших лет в жизни, помню во всех подробностях и готов отстаивать его *unquibas et rostris*”⁶.

Приехав в Петербург, Погодин 9-го марта 1860 г. встретился с Костомаровым в Публичной библиотеке, где и прочитал ему свое письмо. Костомаров, выслушав прочитанное ему в библиотеке письмо, – писал впоследствии Погодин, – “отвечал мне: я принимаю ваш вызов. Как ни неожиданно было для меня услышать это, но не мог же я сказать ему, будто струсив: нет, я пошутил! Я отвечал ему, разумеется: ну, так идем на бой”⁷.

Разрешение на проведение диспута было запрошено у министра народного просвещения Е.П. Ковалевского, который ответил, что “как министр народного просвещения и как русский” не может не желать, чтобы этот диспут состоялся, и что он, со своей стороны, полагает, “что предполагаемый

⁶ Публичный диспут 19 марта 1860 года о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым // Современник. 1860. Т. LXXX, № 3. Отд. 1. С. 257–292.

⁷ Погодин М.П. О публичном диспуте в зале С.-Петербургского университета, касательно происхождения Руси // Русская беседа. М., 1860. Кн. 19, № 1. Отд. Смесь. С. 150.

диспут по его значению и характеру было бы соответственнее назначить в одной из зал университета”⁸.

В это же время Костомаров и Погодин были приглашены на вечер к профессору Н.В. Калачову, где они и решили условиться о времени, месте и порядке диспута. 11 марта, перед вечером у Калачова, Погодин посетил лекцию Костомарова в университете, после чего он записал в своем дневнике: “Лекция Костомарова о литовской мифологии. Прескучная. Видно он помещен на Литве”⁹.

Вечером того же дня Погодин был у Калачова, и вот что он пишет об этом: “Собрались профессора, академики, литераторы. Я надеялся, сказать правду, что большинство скажет нам: о чем же вам спорить, господа? Дело ясное. Сравнения мнений, количества, твердости доказательств, быть не может. Есть только недоразумения на той и на другой стороне: вам нужно только объясниться, пожалуйста, перед нами.

Нет, этого не послышалось. Большинство или запомнвало на ту пору старые основания, или не познакомилось внимательно с новыми, или увлеклось только мыслью о споре, независимо от его содержания.

Возникли вопросы: кто нападает – Погодин или Костомаров. Нападает Погодин, ибо он вызывает, говорили одни. А другие отвечали: нет, нападает Костомаров, ибо он представляет новое мнение, а Погодин только защищается.

Тотчас разговор перешел к сравнению спора ученого с юридическим, и явилась на сцену мысль о судьях или арбитрах, которые, выслушав обе стороны, решили бы, кто прав и кто виноват.

Если от великого до смешного один только шаг, господа, то от серьезного до смешного еще ближе. Нельзя никому прийти с мнением о китайском, японском или тибетском происхождении, а уйти непременно с монгольским или манжурским. Нельзя лечь спать с немцами, а встать с французами или англичанами, приняв к исполнению верховный суд какого-то суперарбитра. Мнений может быть двадцать, кроме норманнского и литовского, о коих идет речь. Ученых вопросов нельзя решать, по-моему, третейским судом, иначе легко было бы науке идти вперед...

Решения определенного, как и вообще у нас в делах случается, не последовало, а поговорили, и разошлись с мыслью, что спор все-таки как-нибудь да будет. Я все еще не думал ни об каком многочисленном, городском собрании”¹⁰.

Вернувшись от Калачова, Погодин записал в дневнике: “Вечер у Калачова. Познакомился с Семевским. Костомаров показал себя неспособным внимать делу. Толки забавные, но все-таки бестолковые”¹¹.

17 марта в “Санкт-Петербургских ведомостях” был опубликован ответ Костомарова. “Я принимаю вызов М.П. Погодина с полным уважением, – писал он, – как к науке, так и к почтенному ее ветерану, считаю это предложение высокою для себя честью и объявляю М.П. Погодину, что он най-

⁸ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1903. Т. XVII. С. 276–277.

⁹ Там же. С. 279.

¹⁰ Погодин М.П. Указ. соч. С. 150–151.

¹¹ Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 280.

дет меня, с оружием в руках, везде и всегда, куда только назначит явиться”. Костомаров предлагал “просить оказать нам честь принять на себя звание посредников в нашем споре гг. Калачова, Кавелина и Буслаева”¹².

После такого громогласного ответа, понятно, что интерес к предстоящему диспуту сильно возрос. Повсюду только и слышались разговоры о нем. Более тысячи билетов было раскуплено в течение нескольких часов. “...С нетерпением дожидались мы этого состязания, думая, что в нем откроется нам новая форма науки русской, неслыханная дотолге; науки, решающей в один вечер специальные трудные вопросы свои, в живом общении с массою общественною”, – свидетельствует профессор И. Булич¹³. А. Лоховицкий говорит, что: “За три дня нельзя было достать билета, несмотря на высокую цену”¹⁴.

«Два дня до диспута ходили на новый год, – писал “Современник”, – приезжому человеку можно было подумать, что все разъезжают с визитами, а это они за билетами рыскали!.. В университете уже в четверг оказался недостаток в билетах, и вследствие того в городе, на каждом шагу, можно было встретить озабоченные лица, и биться об заклад, что они тревожно заняты изобретением средств достать билет или каким бы то ни было образом попасть на диспут. Даже люди, которые принимали норманнов за потомков Нормы, а о Литве знали только по Литовскому рынку, и те приходили в волнение от одной мысли о диспуте... Слова: “Погодин”, “Костомаров”, “дуэль” – беспрестанно оглашали воздух и на Невском проспекте, и на набережных Невы, и в театрах, концертах, ресторанах, и даже а каждом доме, где сходилась пять-шесть человек»¹⁵.

Сам Погодин так описывал обстановку перед диспутом: “В городе тотчас пошли толки о диспуте, споре, поединке. Явилось множество охотников, которые выражали свое желание присутствовать при состязании, просили убедительно о предоставлении им мест, записывались. Начальство университета, заметив такое рвение, возымело мысль обратить его в пользу нуждающихся студентов. Мы с г. Костомаровым рады были от души содействовать благой цели... и на другой день я прочел уже объявление с ценами в 5, 4, 3 и даже на хоры в 1,5 рубля с. за место, чуть ли не дороже концертов Вьетана и Рубинштейна... Билетов тысячи две было расхвачано в несколько часов. Потом была постоянная давка в университетских сенях от множества новых охотников, которых желание не могло быть удовлетворено. Билеты перекупались из рук в руки, и предложения доходили, как было слышно, до 50 руб.”¹⁶

Ректор университета П.А. Плетнев писал князю П.А. Вяземскому: “Билетов уже никакого разряда нет ни одного. Поэтому и деньги имею честь возратить вашему сиятельству. Но я все-таки прошу вас пожаловать на этот поединок. Только не найдете ли вы возможности прибыть ко мне на квартиру

¹² См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 60; Московские ведомости. 1860. № 64.

¹³ Булич И. Ученый диспут гг. Погодина и Костомарова в Петербургском университете // Московские ведомости. 1860. № 67.

¹⁴ Лохвицкий А. Диспут гг. Погодина и Костомарова // Русское слово. 1860. № 4. Отд. 3. С. 121.

¹⁵ См.: Современник. 1860. Т. LXXX, Свисток. С. 10–11.

¹⁶ Погодин М.П. Указ. соч. С. 151–152.

никак не позже 7-ми часов вечера? Мы и отправились бы вместе, чтобы нам приютиться рядом, близ кафедры”¹⁷.

С просьбой о билетах обращались и к Погодину. Например, князь В.Ф. Одоевский писал ему: “Как досадно, что не застал тебя. Как хочешь, а посади меня завтра к себе в карман и принеси на диспут, ибо *уже три дня* не могу достать себе *никакого места и ни за какую плату*”. “Ради бога! – писал Погодину же барон М.А. Корф, – пришлите мне на сегодняшней вечер, хоть какой-нибудь билет. В университете уже нет ни одного”¹⁸.

Огромный интерес к диспуту, по мнению А. Лоховицкого, объяснялся тем, что: 1) “Объявление г. Погодина было далеко от скромных извещений ректора университета, что в час пополудни кандидат N будет защищать диссертацию, к чему и приглашаются любители просвещения. Нет, это был грозный вызов на поединок. Г. Погодин, тяжелый на подъем, приехал из Москвы, из-под Девичьего поля, нарочно для этого в Петербург. Вызов его, напечатанный в газетах, произвел большой эффект”; 2) “Личность диспутантов”, их популярность и известность; 3) “Предмет диспута, старый, избитый, но какой-то неугомонный, он представляется вдруг в новом виде, с новым значением, тогда, когда думали, по выражению г. Погодина, что он спит непробудным сном, *quiescat in pace*”¹⁹.

Видя какой оборот принимает затеянный им спор, Погодин приходит к выводу, что “толковать перед такой разнородной публикой о том или другом месте из летописи, о значении того или другого слова в языке, прибегать к тонкостям логики, было бы слишком неуместно и неблагоприятно. Положим, все знали, что они идут на ученый спор, а не на потеху, но все-таки нельзя было требовать от большинства, чтоб оно постигло вполне всю его для себя скуку, и употреблять во зло его доверенность было бы жестоко. Надо было подумать и опереди, чтоб публика не получала отвращение от ученых состязаний, а напротив расположилась бы еще более в их пользу. Следовательно – надо было сообщить спору, по возможности, общую занимательность, показать образчик, как можно говорить о самых сухих предметах с участием, и дать молодым людям пример спокойного ученого состязания, наконец – показать тем людям, которые смотрят у нас на науку и литературу исподлобья, с каким-то предубеждением, если не с подозрением, что ученые и литераторы имеют свои вопросы, в которых принимают живое, горячее участие, независимо от времени и обстоятельств, что даже общие вопросы получают в их глазах особые оттенки: следовательно, судить об ученых и литераторах деловым людям по себе невозможно.

Все эти мысли, мелькнувшие у меня в голове, я сообщил г-ну Костомарову, который вполне с ними согласился. Мы посоветовались, как бы, в таких видах, устроить дело благоприличнее, и решились, обдумав свои речи, соответственно вновь открывшимся целям, сойтись накануне на несколько часов, чтобы раскинуть сообща план мирного сражения. Не успев исполнить это в один раз, мы сошлись еще перед обедом в день самого диспута, и переговорили окончательно о пределах состязания, а чтоб не оставить спо-

¹⁷ Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 282.

¹⁸ Там же. С. 282–283.

¹⁹ Лоховицкий А. Указ. соч. С. 119–120.

ра без конца, без развязки, требуемой обыкновенно от романов, для своего успокоения публикою, мы, соразмерив удары, определили и формулировали взаимные возможные уступки, то есть, без Мадженты и Сольферино, о коих не могло быть и речи при таком обороте дела, мы заключили мир в Вилла-Франке оставляя герцогов, норманнских и литовских, *ad interim*, до печати, в их владениях, между небом и землею.

В таком расположении, подобно двум малороссиянам, ездившим из деревни в город жаловаться друг на друга на одной телеге, мы поехали в одном экипаже на поле сражения”²⁰.

19 марта 1860 г. в зале Петербургского университета состоялся диспут. Начало его было назначено на 7 часов вечера. Зал переполнен. Многие не могли найти своих мест. Студенты прорывались без билетов и создавали страшную давку. Проход между стульями также был заполнен. Некоторые, чтобы лучше видеть, забрались на стулья с ногами.

В числе желавших присутствовать на диспуте многие пришли из простого любопытства. Их интересовал не ученый спор, а процесс его, спектакль, обстановка, публика и “даже физиономии диспутантов”²¹. “Присутствие этого почтенного класса, для которого диспут служил чем-то вроде петушиного боя, сильно обнаруживалось топтаньем и гамом, часто вовсе не к стати”²².

По словам очевидца, “в течение получаса публика в живой картине представляла собою положение новгородцев, кривичей, чуди, мери и веси, в то время как они, изгнавши варягов за море и не давши им дани, не знали, что им затем с собою делать. Публика была велика и обильна, а порядка в ней не было... Наконец, явились норманны в образе г. Погодина. Тогда все стихло...”²³

Сам Погодин так описывал начало диспута: “Через сени нам понадобилось в настоящем смысле слова, пробиваться. Давка была страшная. Толпы, без билетов, напрасно испрашивая позволения пройти за какую угодно цену, готовились брать приступом места. С большим трудом могли мы пройти даже по зале до кафедр. Толкотня, шум, крик – и совершенный беспорядок... Народу набралось столько, что, когда я сел на кафедру, я не мог буквально оборотиться, что не задеть головой соседа. Духота нестерпимая! Где же тут быть ученой беседе, подумал я, привыкший к благочинным собраниям Московского общества любителей русской словесности, где перед самым открытием заседания не только во время чтения, слышно было, как пролетит муха. Множество посетителей ходило и искало своих мест. Другие должны были уступать занятые стулья. Беспреданно раздавались крики: садитесь, садитесь, а садиться было некуда...”

Долго продолжалось смятение, и, признаюсь, была минута, когда я решил было, из опасения худших последствий, просто явиться бегу, сославшись на внезапную головную боль, очень естественную и почти действительную. Но что произошло бы в зале, подумал я вслед за этой мыслью. Нет, надо оставаться во чтоб ни стало: взявшись за гуж, не говори, что не дюж”²⁴.

²⁰ Погодин М.П. Указ. соч. С. 152–153.

²¹ Штилевский П. Диспут академика Погодина и профессора Костомарова // Иллюстрация. 1860. Т. 5, № 113. С. 209.

²² Лоховицкий А. Указ. соч. С. 121.

²³ Современник. 1860. Т. LXXX, № 3. Свисток. С. 12.

²⁴ Погодин М.П. Указ. соч. С. 153–154.

Наконец, в дополнение ко всему сказанному, приведем свидетельство профессора И. Булича. «Все что только есть в Петербурге мыслящего, – отмечает он, – пишущего, все, кто только принадлежит почему-нибудь к литературному миру, были в этом собрании. Представьте себе большую залу, освещенную тремя небольшими люстрами с абажурами, проливающими неясный полусвет, который напоминает таинственный сумрак готических соборов, остроумно названный г. Погодиным “норманнскою и литовскою тьмою”, не позволявшею даже видеть ему своего соперника; две кафедры, одна против другой, на расстоянии всей ширины залы, с двумя свечами, покрытыми также зелеными абажурами; ни одного пустого места, везде волнующаяся толпа, и в сердце невольно зарождается ожидание чего-то небывалого, невиданного, неслыханного»²⁵.

Интересно отметить, что некоторые, наиболее прозорливые ученые, еще до начала диспута предсказывали его конец. Так, за несколько часов до диспута ученик Погодина – К.Н. Лебедев написал тому письмо, которое академик получил после диспута, и где, между прочим, говорилось, что, “судя по напечатанному письму, вы проиграете дело и перед молодежью, и в журналах”²⁶.

В восьмом часу вечера Погодин и Костомаров взошли на кафедры. Диспут открыл ректор университета – профессор Плетнев, но из-за шума его почти не было слышно. Затем начал говорить Погодин.

Поблагодарив присутствующих, он сказал, что цель спора заключается в том, чтобы “возбудить в молодом поколении – в студентах, участие к важнейшему вопросу русской истории”²⁷. Закончил он свое обращение к публике словами: “мы созрели для рассуждения, для участия в вопросах всех родов, для нас важных и нужных, теоретических и практических”²⁸, которые были встречены аплодисментами. Сделав несколько замечаний о положении вопроса, Погодин зачитал свое письмо к Костомарову, о котором говорилось выше. В заключение он извинился, сказав: “Написал к вам письмо сгоряча. Отступаюсь от выражений, но не от смысла моего письма”²⁹.

Костомаров начал свою речь вступлением: «Характер моего ответа будет чисто оборонительный – я буду единственно обращать внимание на те стороны вопроса, с которых угодно будет противнику напасть на меня. Я не буду, подобно ему, излагать моей системы: это значило повторять до слова мою статью “Начало Руси”, напечатанную в первой книжке “Современника”. Я буду отражать наносимые удары»³⁰. Затем он прочитал свой ответ на возражения противника, в котором разбирал филологические основания “норманнской теории”, стремясь показать их слабость и в то же время ссылался на свои доказательства, которые публике показались более весомыми,

²⁵ Булич И. Указ. соч.

²⁶ Барсуков Н. Указ. соч. С. 283.

²⁷ Публичный диспут 19 марта... // Современник. 1860. Т. LXXX, № 3. Отд. 1. С. 284.

²⁸ Там же.

²⁹ С.С. Отчет о диспуте гг. Погодина и Костомарова 19 марта 1860 г. // Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 67.

³⁰ Там же.

поскольку “ответ Костомарова был встречен рукоплесканиями, раздавшимися едва он начал говорить”³¹.

Судя по всему, у нас нет оснований говорить об объективности присутствовавших в зале, ибо: “В продолжение спора, слова г. Костомарова встречались беспрестанно рукоплесканиями, слова г. Погодина редко, это обстоятельство объясняется отчасти тем, что в зале было много студентов, которые, как известно, боготворят своего профессора”³². Еще до диспута между студентами ходили разговоры: “Хлопать-то хлопать Костомарову, но надо его после диспута качать и нести”³³.

Но вернемся к диспуту.

Прочитав свои письма, диспутанты начали словесные прения, “начался учено-литературный фейерверк, нравившийся некоторым, потому что раздавались аплодисменты. Остроты сыпались то с той, то с другой стороны”³⁴. “Погодин говорил очень внятно, громко, тем привычным к чтениям с кафедры голосом, который образуется продолжительной практикой; Костомаров, владеющий менее сильным органом, показал более искусства в диалектике. Он очень ловко владеет иронией и мастерски ею пользуется”³⁵.

В ходе прений было поднято три вопроса, имеющих отношение к теме диспута: вопрос о древности географического названия “Русь” в Литве; о названиях днепровских порогов у Константина Багрянородного и о происхождении имен: Игорь, Олег, Ольга, Рюрик и т.д. Но, так как обе стороны перескакивали с вопроса на вопрос, часто отвлекались для обмена шутками и не следили за логическим ходом прений, то к концу диспута все эти вопросы остались открытыми.

Правда, были сделаны некоторые уступки, как Погодиным, так и Костомаровым. Однако, учитывая то, что “план мирного сражения” разрабатывался ими заранее, мы позволим себе оставить без внимания эту часть диспута.

Закончился диспут в одиннадцатом часу краткой речью Погодина: “Итак, да здравствует Русь, откуда бы ни пошла она! Да здравствует Русь! Пусть живет она не тысячу лет, а многие тысячи, если нет ничего бессмертного, по выражению Карамзина, кроме души человеческой. Пусть цветет наука в стенах здешнего и всех русских университетов, и за стенами их: или выражаясь стихом Пушкина:

Да здравствует разум,
Да скроется тьма”.

К этому Костомаров добавил: “Я кончу словами Пушкина: Литва ли, Русь ли – все равно!”.

Последние слова можно было едва разобрать из-за шума и аплодисментов. Когда Погодин и Костомаров сошли с кафедр, их подхватили на руки и вынесли из зала. Общее мнение присутствовавших, видимо, можно пере-

³¹ Сын отечества. 1860. № 13.

³² Там же.

³³ Шелищев. О диспуте академика Погодина и профессора Костомарова // Северная пчела. 1860. № 68.

³⁴ Штилевский П. Указ. соч.

³⁵ Диспут М.П. Погодина и Н.И. Костомарова “о начале Руси” // Русский инвалид. 1860. № 64.

дать словами: “Я думал, что диспут будет интереснее. Но, право, не жаль ни денег, ни времени. Когда бы чаще бывали такие диспуты, – как бы хорошо было...”³⁶ Отчеты, напечатанные в различных газетах и журналах, выражали различное мнение о диспуте. С одной стороны, это были восторженные отзывы о “Жмудской теории” и выступлении Костомарова, в которых говорилось о плодотворности для науки “гипотезы Костомарова” и о том, “что движение, приданное г. Костомаровым русской истории, было... признано единодушным, торжественным образом”³⁷. С другой – статьи, в которых писалось: “Во всех газетах появились уже отчеты об ученом диспуте, доставившем такое приятное развлечение всем, кому нечего делать в Петербурге, а таких в нашем деловом городе наберется достаточное число; но если пустой болтовне было много работы по возвращении с диспута, то для людей серьезных, для людей, которым дорога русская наука и русская мысль, диспут был явлением прискорбным”³⁸. Во многих статьях высказывалась мысль о том, что для науки “диспут остался без всякого значения”³⁹.

Мнение же студенческой среды было совершенно противоположным. Это можно усмотреть из статьи студента петербургского университета Н. Рончевского, писавшего: “Едва ли придется увидеть опять бойца за правду, за науку, в полном его величии, каков был на этом диспуте г. Костомаров...”⁴⁰

Редакция “Северной пчелы” сделала интересное заявление: «...редакция “Северной пчелы” долгом, поставляет заявить, что 16 и 17 марта один из членов ее получил по городской почте два безыменных письма, написанные очевидно исковерканным почерком. В них заключались до крайности пристрастные программы газетной статьи о диспуте 19 марта, которую неизвестные авторы просили поместить в “Северной пчеле” в понедельник 21 марта. Программы эти в пользу жмуди»⁴¹. Это заявление, в известной степени, дает право предполагать, что, по всей вероятности, в студенческой среде, еще до диспута, было принято решение поддерживать Костомарова, во-первых, как своего профессора, а во-вторых, по политическим мотивам, как протест “против реакционных политических взглядов Погодина”⁴².

³⁶ См.: Публичный диспут 19 марта 1860 г. о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым // Современник. 1860. Т. XXX, № 3. С. 257–292; Ученый диспут о начале Руси между г. Погодиным и Костомаровым // Русский художественный листок. 1860. № 20; Сын отечества. 1860. № 13; Булич И. Указ. соч.; Диспут М.П. Погодина с Н.И. Костомаровым о “начале Руси” // Русский инвалид. 1860. № 64; Отчет о диспуте гг. Погодина и Костомаровым, 19 марта 1860 г. // Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 67; О диспуте академика Погодина и профессора Костомарова // Северная пчела. 1860. № 68; Платов А. Письма провинциала из Петербурга: (Диспут Погодина и Костомарова) // Семейный круг. 1860. № 17; Лохвицкий А. Указ. соч.; Шпилевский П. Указ. соч.

³⁷ Северцев Н. Два слова о диспуте гг. Погодина и Костомарова // Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 67.

³⁸ Литературная заметка (о диспуте между гг. Погодиным и Костомаровым) // Отечественные записки. 1860. Т. СXXXIX. Отд. 2. С. 107–108.

³⁹ Чибисов В. Норманно-литовский вопрос // Одесский вестник. 1860. № 101; Платов А. Письма провинциала... и др.

⁴⁰ Рончевский И. Состязание профессоров Костомарова и Погодина о начале Руси // Кавказ. 1860. № 27.

⁴¹ О диспуте академика Погодина и профессора Костомарова // Северная пчела. 1860. № 68.

⁴² Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. С. 133.

Вообще, по свидетельству современников, публика была “чрезвычайно довольна исходом диспута, легковерная молодежь и литературные партизаны склоняются больше на сторону Костомарова; все же ученые, которые привыкли в серьезных вещах требовать серьезного изучения...” брали сторону Погодина⁴³. И как бы в подтверждение этого звучат слова А. Пластова о том, что “...в аристократических салонах, в небогатой семье за чайным столиком, в гостях за преферансом, в должности, среди занятий, только и было говора, что мы литовцы, что Рюрик пришел не с севера, а с запада”⁴⁴. Из всего этого можно сделать вывод, что “теория Костомарова” была принята в широких кругах общественности, но ученые-специалисты решительно отрицали “жмудское построение”, но об этом несколько ниже.

В печати, кроме того, появилось также несколько фельетонов, в которых открыто смеялись как над диспутом, так и над его участниками⁴⁵. В одном из них было сделано интересное замечание о том, можно ли решать научную проблему публично: “мы желали бы знать, вопрос о норманнах и жмуди шутка или нет? Если не шутка, то какое же влияние на него могут иметь не только публика, но даже присутствие уважаемых ученых, как гг. Буслаев, Кавелин, Калачов, тем более что они, по замечанию г. Костомарова, никогда исключительно спорным предметом не занимались. Положим, что со стороны публики, на долю кого-нибудь из противников досталось бы большее количество ладоней, хлопающих одна об другую; положим, что названные посредники, послушав ученые доводы, сказали бы: норманны. Будет ли из этого следовать, что Рюрик, Синав и Трувор не жмудь, и можно ли в рассуждении об их генеалогии, сделать ссылку и привести, как неопровержимое доказательство, что в зале Петербургского университета такого-то месяца, числа и года многочисленная публика с избранными экспертами порешила дело окончательно?.. Ученые задачи разрешаются не рукоплесканиями многочисленной публики, а также не третейским судом... Спор состоялся. Из него, разумеется, собственно для науки, ничего не вышло”⁴⁶.

Сам Костомаров был вполне удовлетворен диспутом и в его письме к Д.Л. Мордовцеву, написанном вскоре после 19 марта, имеется следующее высказывание: “Я выдержал сей бой яко Давид против Голиафа. Норманнство с его доказательствами великолепно было ошкано и освистано; ... норманнская теория, выдуманная и утвержденная немцами и их бессознательными последователями, теория, которой Куник оправдывал немецкое влияние после Петра, а Крузе употреблял для параллели с событиями половины XVIII века, вытягивая насильно Рюрика за уши в звание голштинца – теория, которая по своей несостоятельности должна бы приводить в краску нас всех, позволявших себя морочить и признававших за истину явную ложь – теория эта пала, пала, пала...”⁴⁷

Погодин просил сообщить ему слухи о диспуте, а 23 марта выехал в Москву. Костомаров проводил его такими словами: “Желаю вам бросить якорь

⁴³ Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 294.

⁴⁴ Пластов А. Указ. соч.

⁴⁵ Г. Погодин и вызванные им рыцари свистопляски // Русский инвалид. 1860. № 72; Дело о варяго-руссах // Северная пчела. 1860. № 109.

⁴⁶ Норманны и жмудь // Наше время. 1860. 27 марта. № 11.

⁴⁷ Мордовцев Д.Л. Указ. соч. С. 624–625.

вместе со мною на счастливых, заветных берегах любезной мне жмуди, а до того времени благополучно прибыть на Девичье поле и в полном здравии и благополучии встретить праздник светлого воскресения Христова”⁴⁸.

Приехав в Москву, Погодин заперся в своем доме на Девичьем поле. Друзья академика были очень недовольны его поездкой. Шевырев писал ему: “Вчера я узнал, что ты возвратился и что к тебе проезду нет. После твоих петербургских подвигов, конечно, все желают тебя нетерпеливо видеть”⁴⁹. Любопытно, что друзей ученого волновали не результаты обсуждения, а то, что Погодин “не сумел поддержать чести Москвы”⁵⁰. “Срам: какое ясное дело, – писал А.С. Хомяков А.Ф. Гильфердингу, – и не умел его выиграть так, чтоб и слепые видели, кто победил! Что публика была бессмысленная, вовсе не отговорка. Нет публики, при которой было бы позволительно не разбить Костомарова в пух и в прах. Это обида для Москвы”⁵¹. Н.В. Берг писал Погодину: «Диспут ваш, говоря также без фокусов, мне не понравился. Охота была лезть в шайку пустозвонных гаэров, смотрящих на всякий предмет, как на пищу статьям, за которые можно взять деньги. Весь Петербург – все это одна шайка, род журнала “Искра”»⁵².

Необходимо отметить, что результаты диспута не нарушили добрых отношений между Погодиным и Костомаровым, которые обмениваются рядом писем, делясь в них впечатлениями о диспуте и его последствиях⁵³.

Нападки москвичей были чрезвычайно неприятны Погодину и он поместил в “Русской беседе” “Отчет московским друзьям”, который начинался следующим вступлением: “Публичное наше прение возбудило множество толков в обществе, в ученом сословии, в журналистике, петербургской и московской, между партиями. Считаю долгом изложить исторически ход дела, принимающего некоторое значение в нашей общественной жизни, представить объяснение разных недоразумений, и наконец оправдаться перед моими московскими друзьями, которые смотрят на дело науки построже иных петербургских весельчаков”⁵⁴. Далее он объясняет свое поведение после прочтения статьи Костомарова: “Мнение г. Костомарова о Жмудском происхождении Руси я счел с первого раза, как вы знаете, мимолетною прихотью ученого, которому захотелось на минуту потешиться приисканием доказательств в пользу несбыточного парадокса”⁵⁵. Затем говорится о том, что своему письму к Костомарову он нарочито придал шуточный тон, так как был уверен, что: “прочитав и обдумав мое письмо, г. Костомаров согласится со мною, и чтоб облегчить ему согласие, подать удобный случай сказать несколько удачных слов в ответ, я предложил ему дуэль. Это было ничто иное, как шутка”⁵⁶. Но Костомаров отнесся к делу серьезно, и Погодин посчитал

⁴⁸ Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 294.

⁴⁹ Там же. С. 295–296.

⁵⁰ Там же. С. 305.

⁵¹ Там же. С. 305.

⁵² Там же. С. 306.

⁵³ Там же. С. 296–303.

⁵⁴ Погодин М.П. Указ. соч. С. 149.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 150.

невозможным отказаться от вызова, так как могли подумать, что он струсил. Далее в письме описывается подготовка и проведение диспута.

В этом же отчете Погодин поместил “Отложенное до печати, дополнение к диспуту”, в котором он приводит множество самых разнообразных доказательств против “теории Костомарова”, основываясь главным образом на разборе летописных сообщений. Надо прямо сказать, что эти возражения основательны и хорошо аргументированы, и не имеют ничего общего с теми слабыми доводами, которыми Погодин оперировал на самом диспуте.

Статья заканчивается словами: “Но довольно! Мне совестно, мне стыдно распространяться так много, заниматься так долго пустым, неблагодарным вопросом. Скажу вам теперь просто, без околичностей: мне даже стыдно за себя, за русскую науку, за наше время, за университетское образование, видеть, что общий наш уровень так низок, и мы беспрепятственно имеем нужду возвращаться к своим задачам, повторять свою азбуку”⁵⁷.

Немедленно в “Современнике” появился ответ Костомарова – “Последнее слово г. Погодину о жмудском происхождении первых русских князей”⁵⁸. Вначале Костомаров отвечает на возражения Погодина, отвечает очень задиристо, но не переходя на личность. По всему чувствуется, что “Отчет” задел его за живое. Потом он обрушивается на Погодина за то, что тот представил все как шутку. “Я настолько не был догадлив, чтобы проникнуть в тайный смысл его предложения; я слишком много уважал тогда Погодина, чтобы допустить себе мысль о том, чтоб он решился шутить и над наукою и над публикой. Я принял его вызов совершенно серьезно”, – пишет Костомаров⁵⁹. Далее говорится о беспорядочности диспута, Погодин обвиняется в том, что способствовал этому, отказавшись от посредников. Это объясняется тем, что уже на вечере у Калачова Погодин понял свое поражение. В заключение говорится: “Я оканчиваю свой спор с г. Погодиным навсегда и равным образом решаюсь на будущее время уклоняться от ответов на чьи бы то ни было возражения, если они основаны только на прежних, давно известных и ни к чему положительно не ведущих доводах о норманнстве, ибо я уже высказал свое мнение об этих доводах”⁶⁰. В этом же номере “Современника” была помещена направленная против Погодина статья Н.Г. Чернышевского «Замечание на “Последнее слово г. Погодину” г. Костомарова»⁶¹. Причину, по которой написана статья, автор объясняет своим желанием “принести свою лепту в сокровищницу воспоминаний об этом достопамятном своею странностью явлении”⁶².

“Ученые труды г. Погодина, – пишет Чернышевский, – не имеют ровно никакого ученого значения, а между тем г. Погодин очень долго пользовался репутацией человека, оказавшего важные услуги русской истории, – так долго пользовался этой репутацией, что сам стал наконец верить, будто она по справедливости заслужена им. Когда человек, не имеющий заслуг,

⁵⁷ Там же. С. 168.

⁵⁸ Современник. Т. LXXXI, № 5. Отд. 3. С. 75–83.

⁵⁹ Там же. С. 82.

⁶⁰ Там же. С. 83.

⁶¹ Там же. С. 84–88.

⁶² Там же. С. 84.

считает себя имеющим заслуги, он становится несносен тщеславием и наглостью”⁶³.

Затем, продолжая нападки на Погодина, Чернышевский пишет, что он отговаривал Костомарова от диспута говоря ему, что: “Г. Погодин вызывает вас на шутовство. Он сам имеет такую репутацию, что уже не может ничем испортить ее, но человеку, пользующемуся уважением публики, каким пользуетесь вы, неудобно связываться с г. Погодиным: вы компрометируете себя через это и увидите, что г. Погодин принудит вас к объяснениям, очень неприятным для вас, человека не любящего полемики даже и приличной, а не только такой, какую имеет обычай вести г. Погодин”⁶⁴. В заключение кратко критикуется норманнизм как таковой.

Даже на основании приведенных отрывков можно в достаточной степени судить о характере всей статьи Чернышевского, написанной в чрезвычайно резкой форме. О причинах этого говорилось уже выше.

“Свисток” также немедленно откликнулся на статью Погодина и даже посвятил ему романс “Призвание” (М.П. Погодину от рыцарей “Свистопляски”), где в одном куплете пелось:

«Умешь ты мешать со вздором небылицы,
Смешить с ученым видом знатока.
Иди же, наполняй веселые страницы
Великодушного игривого “Свистка”⁶⁵».

После всего этого, можно было ожидать полного разрыва между Погодиным и Костомаровым. Но, надо отдать им должное, несмотря на всю резкость, которую приняла полемика, в частных отношениях они сохранили дружеский тон, о чем свидетельствует их переписка в этот период⁶⁶.

Между тем появились отклики и в других журналах. Две статьи напечатало “Русское слово”. В них Погодина обвинили в неуважении к публике и к науке, в том, что из-за него не было порядка на диспуте и т.п.⁶⁷ Появились статьи, в которых попадало Костомарову и Чернышевскому или сразу всем троим⁶⁸.

Так, например, в статье “Много шума из ничего” читаем: “г. Чернышевский говорил г. Костомарову свои иперболы по поводу такого предмета, о котором он мог высказать свое познание и некоторую компетентность своего суда одним только способом, а именно – сохранив молчание...”⁶⁹. Автор этой статьи полагал, что если бы в спор не вмешался “Свисток” “Современника”, то вся полемика проходила бы более спокойно, не было бы резких выпадов, которые имели место. Подобную же мысль проводит и автор статьи “Ученые приемы г. Костомарова”⁷⁰.

⁶³ Там же. С. 84.

⁶⁴ Там же. С. 85.

⁶⁵ Современник. 1860. Т. LXXXI, № 3. Свисток. С. 39–41.

⁶⁶ Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 320–323.

⁶⁷ А.Л. Мнение г. Погодина о своем собственном диспуте // Русское слово. 1860. № 5. Отд. 3; Еще несколько слов г. Погодину // Там же. 1860. № 7. С. 14–19.

⁶⁸ См.: Много шума из ничего // Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 153; Ученые приемы г. Костомарова // Там же. 1860. № 170; Критическая повесть о вступлении гг. Костомарова и Погодина в орден рыцарей свистопляски // Светоч. СПб., 1860. Кн. 5. Отд. 3. С. 17–30.

⁶⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 153.

⁷⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 170. С. 17–30.

Несколько особняком стоит помещенная в “Светоч” “Критическая повесть о вступлении гг. Костомарова и Погодина в орден рыцарей свистопляски”⁷¹. “Кто бы подумал, – писал ее автор, – что когда Европа занята великим делом итальянской независимости, когда у нас разрешается вопрос об отмене крепостного права и возникают десятки других важных дел, двое ученых, пользующиеся репутацией людей передовых, будут тратить время на сухие и бесплодные споры о происхождении каких-то варягов! Кто подумал бы, что в ту эпоху, когда на нас обращено общее внимание, когда сами мы должны обратиться к животрепещущим вопросам этой знаменательной эпохи, публика наша три месяца будет прислушиваться к мертворожденным толкам, откуда пришел Рюрик, из Литвы или из Швеции!.. И пусть бы еще этот допотопный спор велся с приличием, которого требует не только наука, но и всякий порядочный разговор; но вместо того противники позволили себе здесь такие выходки, каких можно ожидать не от кафедр, а разве от игорного стола”⁷².

Выругав Костомарова и Погодина за неуважение к науке, автор статьи далее пишет о Чернышевском, что “публицист же, который принял на себя роль судьи в этой не совсем ученой дуэли, дошел до горячности, не простибельной не только судье, но и какому-нибудь sergent de police”⁷³. В заключение все трое причисляются к “ордену рыцарей свистопляски”.

Одновременно со статьями такого порядка печаталось много статей, в которых серьезно разбирались доказательства Костомарова. Авторами этих статей были как специалисты, так и дилетанты, которые ограничивались, в основном, априорными утверждениями в пользу норманнизма⁷⁴.

Костомаров на эти статьи не отвечал вообще или отвечал в очень миролюбивых, спокойных тонах⁷⁵.

Первое серьезное возражение Костомаров получил от филологов. В июне в “Санкт-Петербургских ведомостях” была помещена статья Ю. Летголы⁷⁶. В этой статье резко критиковались филологические доказательства ученого. По мнению Летголы, Костомаров не знал сравнительной филологии и литовского языка. В статье показывалось, что он использует слова, которых вообще нет в литовском языке, дается неверное истолкование других и т.п.

Статья явилась громом среди ясного неба, так как она сводила на нет всю филологическую базу теории Костомарова. Естественно, что последний немедленно опубликовал ответ Летголе⁷⁷. Однако, ответ имел довольно странный характер. Костомаров утверждал, что Летгола придрался к опискам и опечаткам, а затем заявлял, что тот “в своей статье обличает собственное незнание литовского языка”. Все это нельзя было

⁷¹ Светоч. 1860. Кн. 5. Отд. 3. С. 17–30.

⁷² Там же. С. 20.

⁷³ Там же. С. 20–21.

⁷⁴ См.: Шпилевский П. Указ. соч.; Грот Я. Литва или Скандинавия // Отечественные записки. 1860. Т. СXXXIX. Отд. 1. С. 377–388; Воропонов Ф. Два слова о начале Руси // Одесский вестник. 1860. № 83.

⁷⁵ См.: Костомаров Н.И. Ответ профессора Костомарова г. Шпилевскому // Иллюстрация. 1860. Т. 5, № 114; Он же. Заметка на возражение о происхождении Руси // Современник. 1860. Т. LXXX, № 4. Отд. 3. С. 413–417.

⁷⁶ Летгола Ю. Костомаров как филолог // Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 142.

⁷⁷ Костомаров Н.И. Объяснение по поводу статьи г. Юрия Летголы // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1860. Кн. 1. С. 82–85.

воспринимать серьезно, поскольку Летгола указывал ошибки в переводе целых слов, путаницу в корнях и т.д. Обвинение его в незнании литовского языка выглядело также довольно-таки странным. Видимо в силу всего этого последний и не стал продолжать дискуссию с Костомаровым.

На филологические ошибки в доказательствах Костомарова вскоре указал и другой филолог – А. Дювернуа⁷⁸. В своем тщательном разборе он показал, что профессор действительно был знаком с литовским языком далеко недостаточно. Наконец, появилась статья А. Лиетувиса, который выступил против Летголы и повторялось утверждение, что тот не знает литовского языка⁷⁹. На это последовал спокойный и обстоятельный ответ Летголы, в заключении которого говорилось: “Ваша статья, г. Летувис, доказывает, что, собственно говоря, вы не знали хорошенько, о чем шло дело. Г. Костомаров отправился от совершенно неверного взгляда. Вместо того, чтоб отыскивать имена, соответствующие варяжским, в Литве, он вздумал сам вновь составлять их из литовских корней. Нашлись люди, которые объяснили, что если ссылаться на одни созвучия, то можно очень легко вывести варяжские имена из любого языка. Я, в то же время, доказывал, что этимологии г. Костомарова основаны не только на незнании литовского языка, но и на самом произвольном употреблении литовского лексикона. Ну, а вы, г. Летувис, знаете ли вы, что вы сделали в вопросе? Вы ни на волосок не помогли г. Костомарову, а разве только успели выказать, что мало быть литовцем, для того, чтоб пускаться в ученые рассуждения о литовском языке”⁸⁰.

После этого Костомаров и Летогила обменялись еще статьями и на этом их спор закончился⁸¹. Мы не будем пытаться устанавливать кто из них был прав, а кто нет. Отметим только, что М.О. Коялович в свое время отмечал недостаточное знание Костомаровым филологических вопросов⁸².

Одновременно со статьями филологов, в печати появились статьи, критиковавшие исторические построения Костомарова.

Первой атакой явилась книга Н.П. Ламбина, в которой автор, основываясь на летописных известиях, опровергал литовское происхождение Рюрика⁸³. Будучи сам сторонником норманнизма, Ламбин считал, что “к какой бы Руси ни стремилось наше сердце, к каким бы средствам мы ни прибегали, как бы ни мудрствовали лукаво, но от норманнов нам уже не избавиться, – не изгнать варягов за море: за них горой стоит наш старейший Нестор”⁸⁴.

⁷⁸ Дювернуа А. Разбор филологических объяснений г. Костомарова в статье “Начало Руси” // Летописи русской литературы и древностей. 1860. Кн. 6. С. 81–85.

⁷⁹ Lietuwis А. Замечание на статью “Костомаров как филолог”, помещенную в “Санкт-Петербургских ведомостях” за 1860 г. № 142 // Северная пчела. 1860. № 249.

⁸⁰ Летгола Ю. Запоздалый помощник г. Костомарова // Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 25.

⁸¹ Костомаров Н.И. Г. Юрию Летогиле // Северная пчела. 1860. № 262; Летгола Ю. Ответ г. Костомарову // Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 261.

⁸² Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884. С. 460.

⁸³ Ламбин Н. Объяснение сказаний Нестора о начале Руси. СПб., 1860.

⁸⁴ Там же. С. 49.

Костомаров не стал отвечать на эту работу, поскольку, по его мнению: “статья г. Ламбина есть повторение доказательств норманнской теории и написана, со своей точки зрения, добросовестно. Я уже прежде высказал свои убеждения о несостоятельности норманнской теории вообще”⁸⁵.

Но вслед за Ламбиным в наступление на “жмудь” пошел В. Васильев⁸⁶. В отличие от Ламбина, он сосредоточил свое внимание на тех доказательствах Костомарова, которые были почерпнуты у Петра Дюсбургского. Васильев указал на неправильный перевод источника и ошибочное толкование известий Петра Дюсбургского.

Поскольку Васильев выступал не с позиций норманнизма, Костомаров был вынужден ответить ему⁸⁷. Однако главные неприятности были впереди, Костомарову предстояло выдержать жаркий спор с Д. Щегловым и “Отечественными записками”, следствием которого был его разрыв с журналом, в котором он сотрудничал много лет. Причиной всего этого явилась статья Щеглова “Кто были варяги-русь, то есть, что мы такое?”⁸⁸

Прежде всего Щеглов, как и Васильев, разобрал свидетельства Петра Дюсбургского и пришел к выводу, что “ни одно из них не относится ни к какой жмудской, а большей частью прямо относится к нашей западной Руси”⁸⁹. Чтобы показать ошибочность этимологии Костомарова, Щеглов выводит некоторые варяжские имена из греческих, латинских и английских корней, с тем же успехом, что и Костомаров из литовских. Щеглов полностью отрицает “Жмудскую теорию” Костомарова, но не голословно, а шаг за шагом разбирая доказательства того и показывая их несостоятельность.

Ответ Костомарова был очень резким. Указав на одну ошибку Щеглова в переводе с латинского, он говорит, что “если б разбирать по составам всю ученую статью г. Щеглова, то оказалось бы, что он так же точно знает и старый русский язык и народную русскую речь, как латынь, и точно так же знаком со старинными приемами выражения и с историческими и литературными памятниками нашими, о которых он тоном знатока произносит суждения, не выдав их обертки. Все это можно было бы доказать, если б были досуг и охота рыться в такой куче”⁹⁰.

Так как в статье Костомарова был задет не только Щеглов, но и журнал, где была напечатана его статья, то первый получил два ответа, не уступавших по резкости⁹¹. После этого Костомаров ведет переписку с “Отечествен-

⁸⁵ Костомаров Н.И. Письмо к редактору по поводу статей о происхождении Руси из Литвы // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1860. Кн. 1. С. 81.

⁸⁶ Васильев В. Еще о руссах // Северная пчела. 1860. № 161.

⁸⁷ Костомаров Н.И. Объяснение по поводу статьи г. Васильева // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1860. Кн. 1. С. 85–92.

⁸⁸ Отечественные записки. 1860. Т. СХХІХ. С. 143–198, 427–458.

⁸⁹ Там же. С. 155.

⁹⁰ Костомаров Н.И. Как пишут в наше время ученые статьи в защиту происхождения руссов от норманнов, печатаемые в учено-литературном журнале // Северная пчела. 1860. № 168.

⁹¹ Щеглов Д. Г. Костомарову // Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 193; Несколько слов г. Костомарову // Отечественные записки. Т. СХХХІ. С. 95–100.

ными записками” по поводу “невыгодного мнения журнала о достоинствах Костомарова”, которая заканчивается разрывом между ними⁹².

Так закончились события, вызванные появлением “жмудской теории”. Рассказ о них можно закончить словами Н. Покровского: “Публичный диспут гг. Костомарова и Погодина о происхождении первых наших князей из Литвы или Скандинавии и возгоревшаяся затем полемика по поводу этого вопроса, в которой приняли участие почти все наши учено-литературные периодические издания, произвела неприятное впечатление и вызвала не совсем утешительные размышления в людях, беспристрастно следивших за ходом этой распри”⁹³.

⁹² *Костомаров Н.И.* Письмо к редактору // Наше время. 1860. № 34; Необходимое объяснение (от редакции “Отечественных записок”) // Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 200; *Костомаров Н.И.* Объяснение (к издателю “Северной пчелы”) // Северная пчела. 1860. № 232; От редакции “Отечественных записок” г. Костомарову на его объяснение в № 232 “Северной пчелы” // Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 231.

⁹³ *Покровский Н.* Два старые мнения о новом происхождении Руси // Русский мир. 1860. № 67.

В.Г. Бухерт

**СОВЕЩАНИЯ ПРОФЕССОРОВ РУССКОЙ ИСТОРИИ
И ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВА
РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ
(Москва, 26–28 марта 1915 г.)**

Местом события, которому посвящена статья, был Московский университет, однако в изданной в 1979 г. “Летописи Московского университета” о состоявшихся в его стенах совещаниях профессоров русской истории и истории русского права и принятых на них решениях не упоминается вовсе.

27 ноября 1914 г. на историко-филологическом факультете Юрьевского университета рассматривалось представление декана факультета М.Н. Крашенинникова¹, исполнявшего к тому же обязанности ректора университета (вместо В.Г. Алексеева², назначенного попечителем Виленского учебного округа), о присуждении императору Николаю II степени доктора русской истории *honoris causa*³. Аргументы Крашенинникова сводились к тому, что император Николай II является “всесторонним и глубоким знатоком” не только русской, но и всеобщей истории, “всемерно и мощно” содействует развитию исторической науки, принимая участие в деятельности Императорского Русского исторического общества, состоя его председателем. Кроме того, Николай II – сам “делатель” русской истории, и из его достижений Крашенинников особо отмечал возвращение Галицкой Руси и продолжение “искоренения давнишнего немецкого засилья”. Крашенинников заявлял, что предложил бы поднести императору степень доктора не только русской, но и всеобщей истории, если бы факультет решил его поддержать в этом вопросе⁴.

4 декабря 1914 г. профессор Юрьевского университета И.И. Лаппо⁵ писал к ректору Московского университета М.К. Любавскому, прося оставить

¹ Крашенинников Михаил Никитич (1865–1932) – филолог-классик, византист, приват-доцент Петербургского (1895–1896), профессор Юрьевского (1896–1918), Воронежского государственного (1918–1929) университетов. О нем см.: *Анфертьева А.Н.* М.Н. Крашенинников: к портрету ученого и человека // Рукописное наследие русских византистов. СПб., 1999. С. 375–419.

² Алексеев Виссарион Григорьевич (1866–1943) – математик, профессор Юрьевского университета (с 1901 г.), попечитель Виленского учебного округа (1914–1915).

³ Без защиты диссертации (*лат.*).

⁴ Николай II – “доктор русской истории” / публ. подгот. М.И. Ахун; предисл. Д.И. Заславского // КА. 1934. Т. 6 (67). С. 188–189.

⁵ Лаппо Иван Иванович (1869–1944) – историк, приват-доцент Петербургского (1903–1905), профессор Юрьевского (1905–1918), Воронежского государственного (1918–1919) университетов, уполномоченный ГУАД по Воронежской губ. (1919), преподаватель Русского народного университета в Праге (1923–1932), приват-доцент Каунасского (1933–1939) университета.

содержание письма в тайне. Лаппо обращался к Любавскому как к “личному другу”. Он подчеркивал, что вполне сознает значение старейшего в России университета. К тому же он был связан с ним фактом своей биографии: 24 апреля 1911 г. Лаппо защитил в Московском университете докторскую диссертацию “Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия: Литовско-русский повет и его сеймик”. Сообщая об инициативе М.Н. Крашенинникова, Лаппо писал, что историко-филологический факультет Юрьевского университета, “пораженный неожиданностью этого предложения”, был склонен “посчитать его дерзостью, ибо степени могут присуждаться русским *подданным* и иностранцам”. После бурных прений, “вызванных полною тайною, в которой декан вырабатывал свое предложение”, факультет отклонил обсуждение до выяснения своего права (у министра народного просвещения) обсуждать этот вопрос. Лаппо писал, что известил Любавского для того, чтобы тот мог, со своей стороны, “выяснить юридическую сторону дела” и не допустить “обхода Московского университета в подобающем ему первенстве”⁶.

11 декабря состоялась встреча Любавского с товарищем министра народного просвещения М.А. Таубе⁷, временно возглавившим ведомство после смерти министра Л.А. Кассо. Ректор был извещен о том, что в деле о присуждении императору степени доктора истории, Юрьевский университет готов уступить инициативу Московскому. Решение о присуждении, высказался Любавский, должно быть принято “всеми университетами”, для чего необходимо “единогласное представление всех русских историков”⁸.

19 декабря Лаппо сообщал Любавскому подробности обсуждения данного вопроса на заседании историко-филологического факультета Юрьевского университета. Он писал, что предлагал внести в журнал заседания решение об отказе факультета обсуждать предложение декана и о возложении на него всей ответственности за это предложение. Часть факультета оказалась на его стороне, а другая, руководимая М.Н. Крашенинниковым и Я.Ф. Озе⁹, настаивала на предложении, указывая, как на прецедент, на прием императрицей диплома сестры милосердия. Лаппо выражал убеждение, что все это дело будет использовано Крашенинниковым, чтобы “бросить подозрение” на Московский университет. “Сам я, – писал Лаппо, – нахожусь в крайне тяжелом положении: имя того, кто мне, как Вам, дороже жизни, захватывается грязными руками почти сумасшедшего человека!”. Происшедшее Лаппо расценивал как “крайне серьезное” и пояснял: «Дело в том, что Кр[ашениннико]в, по-видимому, впадает в душевную болезнь. Почва, по-видимому, полая. Он живет, имея при себе около десятка котов и кошек, и говорят о половых извращениях его в этой обстановке. Факт пока тот, что несколько лет тому назад его оставила его жена, ревнуя его к котам. Темы, которые он дает студентам (нап[ри]мер], “история проституции в Греции”), также говорят о направлении его мыслей. Таким образом, думаю, что перед нами душевно

⁶ ЦИАМ. Ф. 418 (Московский университет). Оп. 93. Д. 309. Л. 2а–2б.

⁷ Таубе Михаил Александрович (1869–1961) – барон, юрист, профессор Петербургского университета (1903–1911), Училища правоведения (1909–1917), товарищ министра народного просвещения (1911–1915).

⁸ Николай II – “доктор русской истории”. С. 189–191.

⁹ Озе Яков Фридрихович (1860–1920) – философ, профессор Юрьевского университета.

больной человек, и в этом особенный ужас положения!»¹⁰. В качестве декана Крашенинников был “навязан” факультету его другом А.Н. Ясинским¹¹. “Он прошел большинством одного голоса (Ясинский, зять его Грунский¹², Озе и два безвольных человечка). Лекций он почти не читает, над студентами издевается, и все покрывает своим декадентством. Я вообще никогда не встречал подобных людей и думал, что вообще их не бывает. Пришлось убедиться в противном!”¹³. Исполнять обязанности ректора Крашенинников стал как старший по возрасту декан. Затяжное им дело, писал Лаппо, является “шагом для достижения” ректорства без избрания, а о намерении его добиться Крашенинников заявляет публично. В 1905 г. он был в числе тех, кто требовал допуска в Юрьевский университет всех желающих, без различия пола, возраста и образовательного ценза¹³. По протоколам заседания Совета университета, писал Лаппо, можно составить “хорошую характеристику этого мерзавца”. Лаппо предлагал “затянуть время” до назначения нового министра народного просвещения, обещая, со своей стороны, “задержать дело” в Юрьеве, насколько это будет возможно¹⁴. “Не потому ли Кр[ашениннико]в подсунил дело Моск[овскому] ун[иверсите]ту, – писал Лаппо, – что после моих доводов убедился в опасности его для себя лично?”¹⁵. Инициатива Крашенинникова, по его убеждению, явилась результатом не только его личных свойств, но и “того разложения, до которого доведена профессорская среда покойным министром. У нас все последнее время было эпохой нашептываний министру, устройства своих личных делишек и выставления себя преданнейшими слугами главы ведомства. И это делал с десятков профессоров! В конце концов, у них явилось убеждение, что чувства долга нет, закона нет, а есть лишь усмотрение начальства и его милость, которую нужно схватить любым средством”¹⁶. В заключение Лаппо желал Любавскому “распутать узел”, который завязал юрьевский “мерзавец”¹⁷. Лаппо не советовал Любавскому иметь дело с М.А. Таубе, подозревая того в намерении использовать дело в своих интересах. Следовать этому совету было уже поздно. Накануне (18 декабря) Любавский письменно обратился¹⁸ к Таубе. Ректор отказался от своего прежнего предложения о присуждении ученой степени императору “всеми университетами”, пояснив, что этот путь не лишен “очень большого”

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 93. Д. 309. Л. 2в об.–2г.

¹¹ Ясинский Антон Никитич (1864–1933) – историк-славист, профессор Юрьевского университета (1896–1911), академик АН БССР (с 1928 г.).

¹² Грунский Николай Кузьмич (1872–1951) – филолог, палеограф, профессор Юрьевского университета (1912–1915), Университета св. Владимира (с 1915 г.).

¹³ 25 сентября 1905 г. М.Н. Крашенинников представил Совету Юрьевского университета свое “особое мнение” на обсуждавшийся “Проект мер для установления правильного хода учебной жизни в Университете”. Он предлагал принимать в университет всех желающих независимо не только от пола, национальности, вероисповедания и места жительства, но и от уровня образования, социального положения. Хотя у Крашенинникова нашлись сторонники из профессоров, его предложение было отвергнуто. (См.: Ученые записки Имп. Юрьевского университета. 1906. № 1. С. 15–18).

¹⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 93. Д. 309. Л. 2д об.–2е.

¹⁵ Там же. Л. 2е об.

¹⁶ Там же. Л. 2г об.–2д.

¹⁷ Там же. Л. 2е об.

¹⁸ Николай II – “доктор русской истории”. С. 189–191.

риска. Соответствующее предложение историков, писал Любавский, может встретить “серьезные возражения” в Советах университетов “с формальной, законной точки зрения”. В отличие от Крашенинникова, Любавский подчеркивал в деятельности Николая II не политическую сторону, а его заботу о сохранении “национального духовного достояния”, его уважение “ко всем памятникам русской исторической жизни”. Любавский писал, что присуждение ученой степени императору явилось бы “обычным, будничным” делом, “слишком мелким признанием” его заслуг “перед наукой русской истории”. Оно явилось бы даже “порухой” его сану. Любавский предложил созвать в Петрограде съезд, куда были бы приглашены “все вообще видные историки”, не только профессора университетов. Задачей съезда было бы составление торжественного адреса императору и принятие постановления о подготовке к 1919 г., т.е. к 25-летию воцарения Николая II, “обзора русской историографии” за время его правления “с присоединением даже исторической библиографии”. В результате этого “могла бы выйти импозантная демонстрация, кладущая более сильное и ясное впечатление, чем присуждение государю степени доктора русской истории”. Любавский сообщал Таубе, что в январе 1915 г. Московский университет собирается присудить степень доктора русской истории великому князю Николаю Михайловичу. При обсуждении этого вопроса в Совете университета, он, Любавский, мог бы коснуться вопроса о признании заслуг “перед наукой русской истории” императора Николая II и о созыве для этого съезда историков. Предложение Любавского обсуждалось во время встречи И.И. Лаппо с С.Ф. Платоновым в Петрограде. О ней Любавский узнал из письма Лаппо от 8 января 1915 г., в котором он касался также и истории своих взаимоотношений с Л.А. Кассо: “Опала на меня покойного министра, – писал Лаппо, – наложена была более двух лет тому назад, и вышло это следующим образом. Когда он готовил свои новые программы по истории для средней школы, они встретили противодействие в Ученом комитете. И вот Ваш покорный слуга в один прескверный вечер получил бумагу из Министерства – требование от меня отзыва о новых программах по приказанию министра (я перед этим по просьбе попечителя ревизовал преподавание истории в Рижском округе). Отзыв я дал, не восторгаясь присланными мне программами, а главное не поехал лично к министру. А между тем, как я узнал, мне была брошена им удочка – это была попытка привлечь меня в число своих покорных служителей и затем назначить в Петроградском университете на кафедру, ставшую вакантною за выслугою С.Ф. Платонова¹⁹. На все это идти я не мог”²⁰. В том же письме Лаппо сообщал, что на предложение провести съезд историков он смотрит “больше как на средство свести дело с того пути, на который оно поставлено недостойным, испорченным и душевнобольным человеком”. Сходного мнения, утверждал Лаппо, придерживается и Платонов, который “не сочувствует” предложению Любавского относительно съезда²¹. Со своей стороны Платонов использовал все имеющиеся у него связи, с тем, чтобы

¹⁹ Имеется в виду 25-летний стаж службы С.Ф. Платонова в Петроградском университете, куда он поступил в качестве приват-доцента в 1890 г.

²⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 93. Д. 309. Л. 2к–2к об.

²¹ Там же. Л. 2и.

дело о “присуждении” ученой степени Николаю II не имело последствий, о чем и сообщил в письме Любавскому 4 февраля 1915 г. (см. Приложение № 1). Будучи “убежденным монархистом”, Платонов “болел душою, когда придворная клика способствовала падению авторитета” династии Романовых²². Затею Крашенинникова он считал опасной, очевидно полагая, что она может быть использована в неблагоприятных целях.

Отклонение Любавским и Платоновым инициативы поднесения Николаю II степени доктора русской истории (как бы оно не мотивировалось) могло отразиться на репутации Московского университета. Видимо, с учетом этого обстоятельства, было решено ходатайствовать о присуждении ученой степени другому представителю династии Романовых.

17 января на историко-филологическом факультете Московского университета слушалось представление М.К. Любавского и М.М. Богословского “о научных заслугах” великого князя Николая Михайловича²³ и “о желательности признания” его доктором русской истории *honoris causa*²⁴. 24 января это предложение обсуждалось на заседании Совета университета. В заслушанной на нем докладной записке Любавского и Богословского²⁵ упоминалось, что на поприще историка великий князь вступил в 1901 г. с работой “Князя Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования”, написанной для “Русского биографического словаря”, но изданной отдельно. С тех пор он приобрел “почетную известность среди всех, занимающихся русской историей”. В своих работах великий князь “проявляет постоянную самостоятельность научного суждения”, которое всегда складывается “на основании тщательного изучения обширнейшего материала, эти исследования создали ему “репутацию лучшего знатока Александровской эпохи”. Вслед за тем выступил профессор А.Н. Филиппов²⁶, заявивший, что труды Николая Михайловича “имеют громадный научный интерес” и для историков русского права. Их автор пользуется “громадным новым и обычно недоступным для большинства историков материалом; он изучает его притом, если позволительно так выразиться, внецензурно”, делая при этом “чрезвычайно смелые” и, в то же время, объективные выводы²⁷. В письме на имя Любавского от 23 февраля 1915 г. великий князь Николай Михайлович выразил ему лично и Совету Московского университета “глубокую признательность” за проявленное к нему “внимание”. Вместе с тем он отметил, что оказанная старейшим русским университетом “высокая честь” превосходит его “скромные заслуги” в области исследования русской истории (см. Приложение № 2). Соизволение императора на возведение великого князя Николая Михайловича в ученую степень последовало 13 марта

²² Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. С. 29.

²³ О нем см.: Шмидт С.О. К изданию сборника трудов БАН памяти великого князя Николая Михайловича // Шмидт С.О. Путь историка. М., 1997. С. 482–495.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 42. Л. 2–2 об.

²⁵ Там же. Оп. 249. Д. 108. Л. 6 об.–8.

²⁶ Филиппов Александр Никитич (1853–1927) – историк права, приват-доцент (1885–1892), профессор (с 1905 г.) Московского; профессор (с 1892 г.), ректор (1901–1905) Дерптского (Юрьевского), университетов, чл.-корр. АН (с 1914 г.).

²⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 249. Д. 108. Л. 9.

1915 г.²⁸ Диплом Московского университета, датированный 24 апреля, спустя четыре дня был выслан Любавским попечителю Московского учебного округа А.А. Тихомирову²⁹ для вручения великому князю.

Присуждение ученой степени великому князю Николаю Михайловичу создавало благоприятные условия для решения главного для Любавского и Богословского вопроса – о созыве съезда русских историков. Их соответствующее предложение обсуждалось на заседании историко-филологического факультета Московского университета 10 февраля 1915 г. Факультет постановил просить Совет университета войти к управляющему Министерством народного просвещения П.Н. Игнатьеву с ходатайством о разрешении Московскому университету создать “комитет из профессоров русской истории российских университетов” для обсуждения вопроса о “торжественном признании и благодарном увековечении заслуг” императора “перед наукою русской истории”³⁰. На состоявшемся 14 февраля заседании Совета университета была определена желаемая дата проектируемого созыва “комитета” – 26 марта 1915 г. М.М. Богословский внес предложение (которое после того, как его поддержал А.Н. Филиппов, было принято) о включении в состав “комитета” также и профессоров истории русского права “как дисциплины, близко соприкасающейся с русской историей”³¹. 26 февраля было получено разрешение П.Н. Игнатьева на проведение “совещания” профессоров. Слухи о нем вышли за пределы университетской среды, вместе с тем, смысл готовящегося совещания был отнюдь не очевиден, оно воспринималось как сугубо научное мероприятие. Профессор Демидовского юридического лицея в Ярославле С.П. Покровский³² писал 20 марта 1915 г. Любавскому, что хотел бы принять в нем участие и сделать доклад “С.М. Шпилевский и его историко-юридическое мировоззрение”³³.

Совещание состоялось, как и было намечено, 26 марта 1915 г., в профессорском зале Московского университета. В нем приняли участие: от Московского университета – М.К. Любавский, А.Н. Филиппов, М.М. Богословский; Петроградского – С.Ф. Платонов, С.В. Рождественский, В.М. Грибовский; Университета св. Владимира – В.С. Иконников, М.Н. Ясинский, М.В. Довнар-Запольский; Харьковского университета – Д.И. Багaley, В.И. Савва, М.В. Клочков, Н.А. Максимейко; Казанского – В.В. Ивановский; Новороссийского – И.А. Линниченко, Е.П. Трефилев, А.Я. Шпаков; Юрьевского – И.И. Лаппо, Ф.В. Тарановский; Варшавского – И.П. Козловский, И.А. Малиновский; Томского – Г.Г. Тельберг. Из-за болезни не смогли приехать из Казани – Д.А. Корсаков и из Киева – М.Ф. Владимирский-Буданов. Открывая совещание, Любавский сообщил собравшимся, что его целями являются, во-первых, принятие “верноподданнического адреса” на имя императора, а,

²⁸ Там же. Оп. 93. Д. 508. Л. 13.

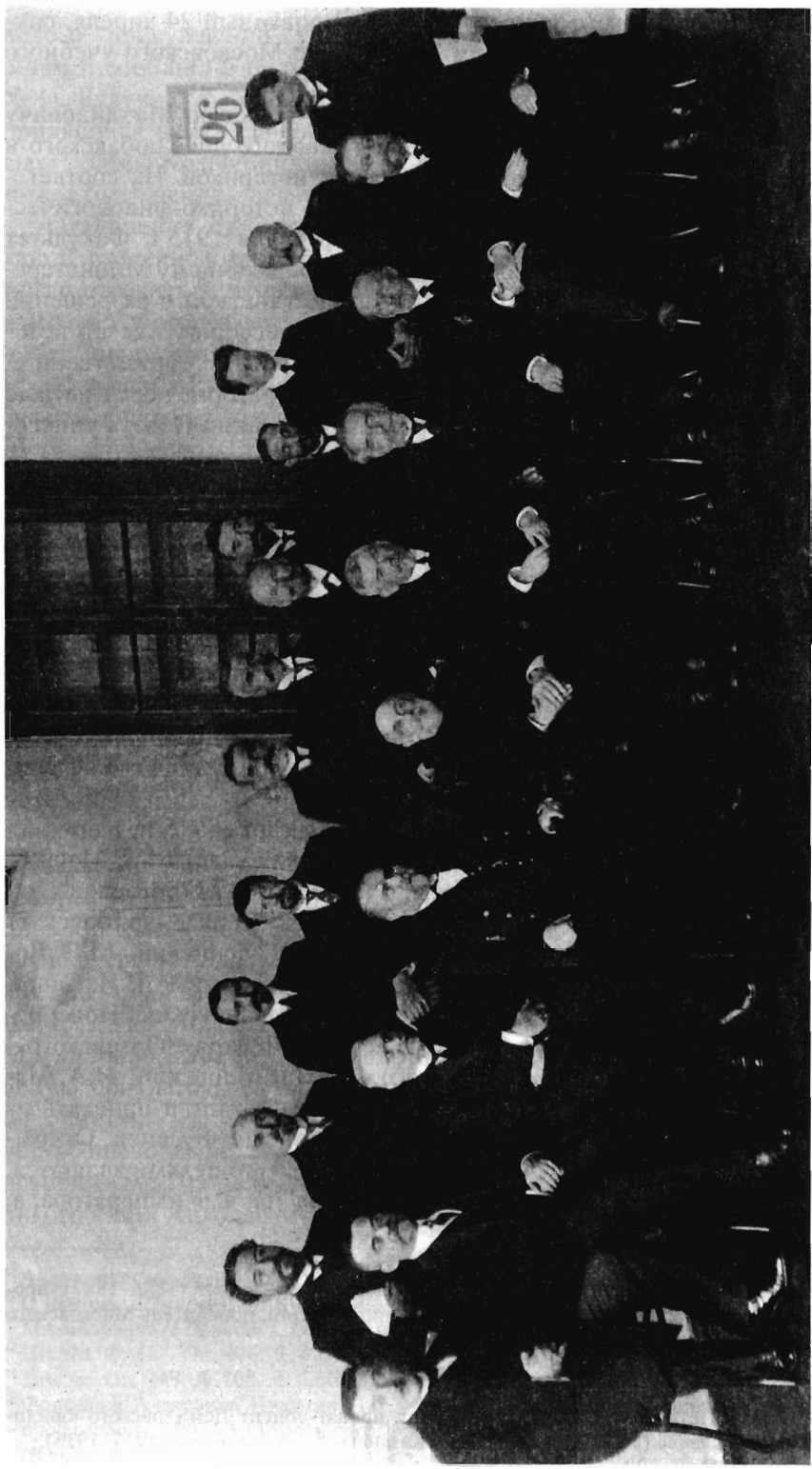
²⁹ Тихомиров Александр Андреевич (1850–1931) – зоолог, приват-доцент (1886–1887), профессор (с 1888 г.), ректор (1899–1904) Московского университета, попечитель Московского учебного округа (1911–1917).

³⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 42. Л. 6–6 об.

³¹ Там же. Оп. 249. Д. 108. Л. 18 об.

³² Покровский Сергей Петрович (1880–1939) – юрист, приват-доцент Демидовского юридического лицея в Ярославле (с 1913 г.), профессор Казанского университета (1917–1918).

³³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 93. Д. 309. Л. 42–43.

Совещание профессоров русской истории и истории русского права российских университетов. Москва, 26 марта 1915 г. Фото А.И. Савельева
ГА РФ. Ф. 1742 (Коллекция фотографий). Оп. 6. Д. 1193. Л. 1. Впервые опубликовано в журнале "Искры". 1915. № 13. С. 102. В первом ряду слева направо: А.Я. Шпаков, Е.П. Трефилев (?), С.Ф. Платонов, М.К. Любавский, В.С. Иконников, Д.И. Багалей, А.Н. Филиппов, И.А. Малиновский, В.В. Ивановский; во втором ряду слева направо: И.А. Линниченко, С.В. Рождественский, М.В. Ключков, В.И. Савва, Н.А. Максимейко, М.М. Богословский, И.И. Лаппо, И.П. Козловский (?), Г.Г. Тельберг, Ф.В. Тарановский, М.В. Довнар-Запольский. Фотография подготовлена к публикации А.В. Мельниковым

во-вторых, решение вопроса об организации в России периодически созываемых (каждые пять лет) съездов русских историков как “нового установления, чрезвычайно важного для развития русской исторической науки, причем такого, которое было бы связано с славным именем его императорского величества”³⁴. М.М. Богословский выразил мнение о желательности участия в этих съездах и преподавателей средних учебных заведений, впрочем, без включения в повестку съездов (как предлагал Г.Г. Тельберг) вопросов преподавания истории в средней школе³⁵. М.В. Довнар-Запольский считал необходимым ограничить повестку вопросами русской истории и истории русского права из-за опасения “слишком широкими рамками занятий исторических съездов создать конкуренцию съездам археологическим”³⁶. Однако возобладало мнение о необходимости все же формировать повестку с учетом и “соприкасающихся с русской историей и историей русского права дисциплин”. Съезды, которые предлагалось официально именовать “Русскими историческими съездами имени императора Николая II”, решено было устраивать поочередно в одном из городов, где находился университет, которому поручалась вся предварительная подготовка. Первый исторический съезд намечено было провести в Москве во второй половине декабря 1919 г., приурочив его к 25-летию царствования императора Николая II. К его открытию Любавский предложил подготовить специальные научные издания. Ссылаясь на мнение А.Н. Филиппова, он указал на необходимость составления “исторического научного атласа и словаря историко-юридических терминов, встречающихся в главнейших памятниках русского права”³⁷. В свою очередь М.В. Довнар-Запольский предложил составление библиографического обзора главных трудов и изданий “о законодательных и административных мероприятиях” проведенных в царствование Николая II, “направленных к развитию русской исторической науки”³⁸. В Предварительный комитет первого исторического съезда задумано было пригласить представителей от Академии наук, высших учебных заведений (как государственных, так и частных), исторических и археологических обществ. Предварительному комитету решено было предложить выбить медаль в память съезда для раздачи его участникам и поднесения императору. В заключение был заслушан составленный Любавским проект “верноподданнического адреса”, признанный “соответствующим чувствам и мыслям” всех участников совещания. Добиться разрешения на поднесение адреса рассчитывали с помощью управляющего Министерством народного просвещения П.Н. Игнатьева. Участие С.Ф. Платонова в совещании было хотя и не самым заметным, но все же достаточно важным. Он участвовал в обсуждении по существу основных вопросов совещания: о месте и времени созыва съезда и о составе Предварительного комитета.

Повестка дня официального совещания была исчерпана, однако его участники – все историки русского права (за исключением В.В. Ивановского) и, кроме того, М.К. Любавский и М.М. Богословский собрались 27 марта 1915 г.

³⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 93. Д. 309. Л. 55.

³⁵ Там же. Л. 55–55 об.

³⁶ Там же. Л. 55 об.

³⁷ Там же. Л. 56.

³⁸ Там же. Л. 56–56 об.

на специальное совещание по вопросу о составлении “Словаря к важнейшим памятникам древнерусского права”. В сообщении, сделанном А.Н. Филипповым, указывалось, что потребность в таком словаре “чувствовалась уже давно”³⁹, особенно при практических занятиях со студентами. Составлению общего словаря должно предшествовать составление словарей к отдельным памятникам древнерусского права, перечисленным в сообщении Филиппова. Сам Филиппов вызвался подготовить словарь к вечевым грамотам (Псковской и Новгородской). Словарь к договорам с греками согласился подготовить А.Я. Шпаков, к “Русской Правде” – Н.А. Максимейко, к Судебникам 1497 и 1550 гг. – Г.Г. Тельберг, к Литовскому статуту (1-й редакции) – М.Н. Ясинский, Н.А. Максимейко, И.А. Малиновский (планировалось также участие Г.В. Демченко⁴⁰), к Соборному уложению 1649 г. – Ф.В. Тарановский. О составлении словаря к “Церковным уставам”, “Закону Судному людем” и “Книгам законным” решено было вести переговоры с П.В. Верховским, а к “Уставным грамотам Московского государства” – с С.А. Шумаковым. К составлению основного словаря думали привлечь также В.А. Удинцева⁴¹ и В.Н. Ширяева⁴², собирались обратиться также и к М.В. Клочкову.

Совещание практически проигнорировало предложение Филиппова о составлении словаря к договорам с немцами, зато приняло “с полной благодарностью” предложения И.А. Малиновского о составлении словаря к договорам Новгорода с князьями и В.М. Грибовского – к “важнейшим памятникам” царствования Петра I (Артикулу воинскому, Генеральному регламенту, Регламенту Главному магистрату, указу “О форме суда”), хотя и отметило, что “нормы этих памятников не стоят в органической связи с нормами предшествующих веков” и потому памятники эти “не вполне” подходят под понятие памятников древнерусского права⁴³. При подготовке словарей решено было указывать все значения терминов, значения их у разных исследователей, указывать все источники словаря (литературные и иные), все списки и издания памятников, списки принятых авторами словаря сокращений и терминов, требующих объяснения. Координация всей работы была поручена специально образованному совещанию в составе А.Н. Филиппова, М.К. Любавского и М.М. Богословского. Крайним сроком составления словарей было назначено 1 октября 1918 г. Любавский обещал, со своей стороны, содействовать публикации словарей в изданиях Общества истории и древностей российских.

28 марта 1915 г. профессора истории русского права собрались вновь с тем, чтобы обсудить составленную М.Ф. Владимирским-Будановым, А.Н. Филипповым и М.Н. Ясинским “Записку о необходимости и неотлож-

³⁹ Там же. Оп. 93. Д. 767. Л. 14 об.

⁴⁰ Демченко Григорий Васильевич (1869–1958) – историк права, профессор Варшавского университета.

⁴¹ Удинцев Всеволод Аристархович (1865–1930) – историк права, профессор киевского Университета св. Владимира (1894–1911), Петербургского университета (с 1911 г.), товарищ министра народного просвещения (с 1917 г.).

⁴² Ширяев Валериан Николаевич (1872–1937) – юрист, приват-доцент (с 1904 г.), профессор (с 1916 г.) Демидовского юридического лицея в Ярославле (с 1904 г.), ректор Ярославского государственного университета (1918–1923).

⁴³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 93. Д. 767. Л. 15 об.

ности установления степеней магистра и доктора истории русского права”⁴⁴. Авторы “Записки” исходили из того, что история права является одним из “главных устоев правоведения” и одной из “специальных ветвей общей науки истории”, а история русского права занимает значительное место в системе юридического образования. Между тем, наблюдается “неравномерность научной разработки истории отечественного права”. Отсутствие магистерской и докторской степеней по истории русского права заставляет замещать кафедры магистрами и докторами государственного права, вследствие чего история русского гражданского и уголовного права изучается сравнительно меньше, чем история государственного права. Существующая система подготовки специалистов по истории русского права “не может способствовать привлечению молодых людей к специализации по истории русского права в качестве стипендиатов по этой кафедре”. Для своего магистерского экзамена стипендиату приходится выбирать одну из дисциплин действующего права (обычно гражданского или уголовного), тему же для диссертации он должен выбирать по предметам магистерского испытания. Поэтому, делали вывод авторы “Записки”, “нынешний весьма неудобный и даже ненормальный порядок приобретения ученых степеней для будущих представителей кафедры истории русского права должен быть незамедлительно отменен и заменен другим, более правильным и соответствующим интересам обширной науки истории русского права, столь важной в системе юридического образования. Авторы “Записки” уверяли, что далеки от мысли сделать будущих представителей кафедры истории русского права “больше чистыми историками, чем юристами”, и потому предлагали для историков русского права сохранить магистерский экзамен по действующему праву (государственному уголовному или гражданскому), как по дополнительному предмету. Предложения юридических факультетов разных университетов, в частности Университета св. Владимира, об установлении степеней магистра и доктора истории русского права делались и раньше, но они остались “без практического осуществления”. Для решения вопроса, полагали авторы “Записки”, “следует воспользоваться настоящим моментом”. По их мнению, введение степеней может быть осуществлено распоряжением министра народного просвещения (по примеру того, как в 1891 г. были введены степени магистра и доктора римского права).

Заслушав “Записку”, совещание признало необходимым “немедленно ходатайствовать” о введении степеней магистра и доктора истории русского права перед Министерством народного просвещения. 8 мая 1915 г. Любавский выслал копию постановления совещания 28 марта и “Записку” попечителю Московского учебного округа⁴⁵. Степени магистра и доктора истории русского права были введены циркулярным распоряжением министра народного просвещения П.Н. Игнатьева 27 ноября 1915 г.⁴⁶, однако вопрос о составе магистерского экзамена тогда не был решен и обсуждался впоследствии.

В ходе совещаний историков 26–28 марта 1915 г. вопрос, послуживший поводом для их приезда в Москву (поднесение императору всеподданнейшего

⁴⁴ Там же. Л. 17–19 об.

⁴⁵ Там же. Л. 23–24.

⁴⁶ Там же. Л. 25–26.

адреса), фактически отошел на второй план. 18 апреля на заседании Совета Московского университета слушалось сообщение Любавского об итогах совещания 26 марта. Было решено разослать всеподданнейший адрес всем профессорам Московского университета “после его поднесения” Николаю II⁴⁷. 5 мая 1915 г. министр П.Н. Игнатьев сообщил М.К. Любавскому о необходимости ему и всем участникам совещания прибыть в Петроград во второй половине мая для участия в высочайшем приеме. Не смогли приехать В.И. Савва, Е.П. Трефилов, И.П. Козловский и Г.Г. Тельберг. Остальные 18 профессоров вместе с министром графом П.Н. Игнатьевым были приняты императором в воскресенье 24 мая в 2 часа дня в Портретном зале Александровского Царскосельского дворца. Любавский зачитал всеподданнейший адрес, император после ответного слова “продолжительное время изволил беседовать с русскими профессорами”⁴⁸. Только после официального поднесения адрес был предан всеобщей огласке. Он был опубликован 26 мая в либеральной московской газете “Русское слово”, а на следующий день в “Правительственном вестнике”⁴⁹. В своем дневнике Николай II счел нужным упомянуть о приеме профессоров, однако без каких-либо подробностей⁵⁰. Копия официального ответа императора на приветствия профессоров, высланная Любавскому директором Департамента общих дел Министерства народного просвещения Н.В. Вестманом 26 мая 1915 г.⁵¹, была доложена ректором на заседании Совета Московского университета только 12 сентября⁵².

С подготовкой санкционированного императором съезда было связано появление журнала “Исторические известия”, к изданию которого приступило Историческое общество при Московском университете. Обращаясь 28 июня 1915 г. к министру П.Н. Игнатьеву, Любавский просил его поднести номер нового журнала великому князю Николаю Михайловичу и привлечь его внимание к тому факту, что издание журнала является “первым осуществлением” начинаний, связанных с предстоящим съездом⁵³. Историческое общество, писал Любавский великому князю Николаю Михайловичу 30 июня 1915 г., “не могло помириться с мыслью”, что будущий съезд “будет происходить при отсутствии такого научно-осведомительного органа, которым располагают поляки и чехи”⁵⁴. Несмотря на меняющиеся условия военного времени, Министерство народного просвещения полагало, что подготовка исторического съезда должна идти своим чередом. 9 декабря 1916 г. оно указывало попечителю Московского учебного округа на необходимость предложить М.К. Любавскому представить проект положения о съезде “в видах своевременного его распубликования”⁵⁵. По обсуждавшемуся на совещании вопросу о введении степеней магистра и доктора истории русского права

⁴⁷ Там же. Оп. 249. Д. 108. Л. 48.

⁴⁸ Высочайший прием профессоров российских университетов // Русское слово. 1915. 26 мая. № 119.

⁴⁹ Правительственный вестник. 1915. 27 мая. № 114.

⁵⁰ См.: Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 530.

⁵¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 93. Д. 309. Л. 96–97.

⁵² Там же. Л. 99–99 об.

⁵³ Там же. Д. 767. Л. 39 об.

⁵⁴ Там же. Л. 41 об.

⁵⁵ Там же. Л. 31 об.

исполняющий обязанности ректора Московского университета профессор Э.Е. Лейст⁵⁶ писал попечителю Московского учебного округа 4 мая 1917 г., что для магистерского испытания главным предметом должна быть история русского права, а вспомогательным – действующее право (государственное, гражданское или уголовное): “Что же касается русской истории, то означенный предмет должен входить как составной в главный предмет (историю русского права), а не как самостоятельный дополнительный предмет”⁵⁷.

Своеобразно откликнулся на публикацию адреса профессоров М.Н. Покровский. В издававшейся в Париже газете “Наше слово” он поместил статью “Лейб-гвардия Романовых”. Вряд ли Покровский не понимал, почему адрес профессоров не мог быть опубликован до его поднесения императору, тем не менее, он приписал профессорам боязнь последствий своей инициативы: адрес якобы сознательно был опубликован тогда, “когда последний студент сдал свой последний экзамен”⁵⁸. Фактически Покровский открыл путь для дальнейших спекуляций на эту тему. Факт проведения московского совещания профессоров 26 марта 1915 г. с последующим эпизодом поднесения историками всеподданнейшего адреса императору Николаю II активно использовался для политической дискредитации арестованных по “академическому делу” 1929–1931 гг. Он упоминался в известном докладе М.М. Цвибака⁵⁹ “Платонов и его школа”⁶⁰. Именно на этом совещании, утверждал автор доклада, “произошла организованная консолидация русских историков”⁶¹ под идейным руководством С.Ф. Платонова. Именно это совещание якобы со всей наглядностью выявило, что “не правое крыло дворянских историков, а буржуазная наука в целом стояла на позиции защиты самодержавного монархического строя”⁶².

Откликом (хотя и запоздалым) на те же события стала публикация «Николай II – “доктор русской истории”» помещенная в журнале “Красный архив” в 1934 г. В ее основу были положены документы из дела Департамента народного просвещения Министерства народного просвещения, обнаруженного сотрудником ЛОЦИА Л.И. Полянской. Публикация была подготовлена М.И. Ахуном⁶³, но предисловие к ней написал известный журналист Д.О. Заславский⁶⁴. Он, по собственному признанию, всегда испытывал интерес к исследованиям в области истории, но неизменно в своих литературных работах “соскальзывал” на путь фельетона⁶⁵. Содержание опубликованных документов Заславский истолковал совершенно превратно. Они якобы свидетельст-

⁵⁶ Лейст Эрнест Егорович (1852–1918) – геофизик и метеоролог, профессор Московского университета.

⁵⁷ ЦИАМ. Ф. 459 (Канцелярия попечителя Московского учебного округа). Оп. 2. Д. 8017. Л. 11–11 об.

⁵⁸ Покровский М.Н. Лейб-гвардия Романовых // Наше слово. 1915. 16 июля. № 140.

⁵⁹ Цвибак Михаил Миронович (1899–1937) – историк, директор Института истории феодального общества ГАИМК.

⁶⁰ См.: Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте. М.; Л., 1931. С. 96–97.

⁶¹ Там же. С. 96.

⁶² Там же. С. 97.

⁶³ Ахун Михаил Ильич (1890–1942) – историк, архивист.

⁶⁴ Заславский Давид Иосифович (1880–1965) – публицист, сотрудник газеты “Правда” (с 1928 г.).

⁶⁵ См.: Талант, отданный газете. М., 1980. С. 50.

вуют, что “профессора русской истории замыслили преподнести” ученую степень Николаю II (отнести инициатора всего дела – Крашенинникова к “профессорам русской истории” можно было лишь по недоразумению). В подаче всеподданнейшего адреса Заславский усмотрел “холопство официальной русской историографии”. Больше всех досталось покойному С.Ф. Платонову, который, по мнению Заславского, проявил “придворное холопство”, нуждающееся для сравнения “в образцах эпохи московских царей”⁶⁶.

В изданном в 1955 г. первом томе “Истории Московского университета” автор одной из глав (С.И. Антонова) также прибегла к эпизоду с поднесением адреса императору. На этот раз для шельмования был избран М.К. Любавский, который будто бы “сумел стать ректором не столько благодаря своим научным достижениям, сколько в результате лакейского прислужничества перед самодержавием”⁶⁷. Именно Любавский якобы “особенно усердствовал” в деле чествования императора. Эпизоду с поднесением всеподданнейшего адреса Антонова придала такое значение, о котором не могли догадываться даже самые промонархически настроенные участники церемонии. “Затеянное” Любавским чествование императора якобы имело целью “поднятие престижа царизма в глазах народа”⁶⁸ и даже было призвано способствовать преодолению революционного кризиса в стране.

В качестве наиболее одиозного представителя “контрреволюционной профессуры”, обладавшего “реакционным мировоззрением”, охарактеризовал Любавского Л.В. Черепнин в третьем томе “Очерков истории исторической науки в СССР”. Для обоснования этого рассуждения он также прибег к эпизоду с поднесением императору всеподданнейшего адреса⁶⁹. В действительности же М.К. Любавский, М.М. Богословский, С.Ф. Платонов, другие историки сделали все возможное, чтобы присуждение ученой степени Николаю II не состоялось. Отстаиваемая ими идея периодических съездов русских историков, будь она реализована, открывала бы перед исторической наукой новые возможности для развития.

Приложение

№ 1

С.Ф. Платонов – М.К. Любавскому

4 февраля 1915 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Матвей Кузьмич!

Я имел обстоятельный разговор с известным Вам графом, который устроил мне свидание с одним из самых высших чинов Двора (назову его потом). Этот чин выслушал дело с полным вниманием, совершенно понял и одобрил точку зрения Вашу и И.И.Л[аппо], порадовался, что Высокая особа уклонилась от степени, и уверил меня, что в его ведомстве дело не пройдет.

⁶⁶ Николай II – “доктор русской истории”. С. 188.

⁶⁷ История Московского университета. М., 1955. С. 379.

⁶⁸ Там же. С. 379.

⁶⁹ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 270.

Стало быть, дело со степенью можно почитать ликвидированным. Осталось то, что Вам предстоит теперь мастерить...

Ждем приглашения!

Сердечно Ваш

С. Платонов

P.S. Чин Двора просил меня передать и моим “товарищам”, что опасаться дороги через М[инистерст]во Двора нечего.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 93. Д. 309. Л. 12–12 об. Автограф.

№ 2

Великий князь Николай Михайлович – М.К. Любавскому

23 февраля 1915 г.

Матвей Козьмич.

Управляющий Министерством народного просвещения, предварительно испрошения Высочайшего соизволения, сообщил мне, что Совет Императорского Московского университета единогласно избрал меня доктором русской истории *honoris causa*.

Такое постановление побуждает меня теперь же выразить Совету университета и Вам лично глубокую признательность за оказанное мне внимание. Хотя я уже давно посвятил свои силы изучению вопросов, связанных с историей эпохи императора Александра I, но я вполне сознаю, что оказанная мне старейшим русским университетом высокая честь значительно превосходит мои скромные заслуги в этой области.

Весь Ваш

Николай Михайлович

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 93. Д. 508. Л. 9. Машинопись, подпись – автограф.

№ 3

Всеподданнейший адрес профессоров русской истории и истории русского права российских университетов, поднесенный императору Николаю II 24 мая 1915 г.

Всемилоостивейший государь!

Волею Господнею русский народ в царствование Вашего императорского величества поднялся на высоту своего исторического призвания. По зову своего сердца, как один человек, восстал он на освобождение от тевтонского ярма своих братьев славян, на защиту собственного достоинства и чести, на восстановление поруганных начал права и справедливости в международных отношениях. Близятся к разрешению очередные великие задачи России, поставленные ей историею, исполняются заветы прошлого и открываются перспективы светлого будущего...

В эти знаменательные исторические дни мы, профессора русской истории и истории русского права в российских университетах, следившие за внешними судьбами нашего отечества и за ходом его внутреннего раз-

вития, с особою силою почувствовали и с особою ясностью сознали великое значение совершавшегося доселе национального воспитания русского народа. Усилиями многих веков, многих поколений государственных, общественных, литературных и научных деятелей совершалось это национальное воспитание, проявлялось народное самосознание, развивалось чувство национального достоинства и укреплялась стихийная любовь к отечеству. При обозрении этих усилий наши взоры с глубоким умилением останавливаются на Вашей деятельности, великий государь!

Призвав свой народ в лице выборных представителей к участию в государственном домостроительстве, Ваше императорское величество тем самым сообщили новую действенную силу русскому национальному чувству и сознанию. Эта действенная сила ярко выразилась ныне в заявлениях и постановлениях законодательных учреждений, в заявлениях и деятельности многообразных государственных и общественных организаций, в патриотическом одушевлении и готовности к жертвам широких народных масс. Чувство, сознание и воля русского народа слились ныне воедино и в тесном, неразрывном соединении с чувством, сознанием и волею монарха направились ныне к совершению великих дел, великого исторического подвига.

Разделяя со всем русским обществом, со всем русским народом благодарное признание этого великого деяния Вашего императорского величества, мы, русские ученые, работающие в области русской истории вообще и истории русского права в частности, испытываем ныне душевную, сердечную потребность благодарно засвидетельствовать и о той стороне Вашего мощного содействия делу русского национального воспитания, которая близко соприкасается с нашею специальною научною деятельностью. Среди своих многочисленных царственных забот и трудов Ваше императорское величество всегда уделяли любовное внимание отечественной истории, лицам, деяниям и памятникам минувших времен. В лице Вашего императорского величества наука русской истории имеет высокого покровителя, неустанно пекущегося о сохранении ее памятников и разработке их, а русские историки имеют своего царственного духовного вождя, подающего высокий пример глубокого уважения ко всем памятникам русской исторической жизни, ко всем проявлениям русского национального гения в слове, образах и деятельности, своим живым интересом, одобрением и содействием ведущего их на усердную и дружную работу на поле отечественной истории.

Великий государь! Дерзаем думать, что ничем другим мы не сможем ответить на все щедроты Вашего любвеобильного духа, как только усилением нашей научной деятельности. В прошедшем 1914 году по указанию Вашего императорского величества собирався съезд представителей губернских ученых архивных комиссий для выяснения их нужд, очередных задач и объединения их деятельности. В этом съезде мы увидели предугадание Вашего императорского величества, что надо делать и нам, профессорам и преподавателям учебных заведений и членам ученых исторических обществ. Собравшись в стенах старейшего в России Московского университета, мы, профессора русской истории и истории русского права, пришли к мысли связать с славным именем Вашего императорского величества возникновение в России нового установления – периодических съездов русских историков в широком смысле этого слова, имеющих созываться через каждые пять лет в

университетских городах по очереди и в обмене изысканиями и мнениями объединять всех ученых, работающих в разных отраслях русской истории и соприкасающихся с нею дисциплин.

Повергая к стопам Вашего императорского величества чувства беспредельной любви и преданности, всеподданнейше просим Вас, всемилостивейший государь, благословить и утвердить это наше начинание и тем дать нам возможность запечатлеть достойно и навсегда особое благоволение и покровительство Вашего императорского величества разработке науки русской истории.

Вашего императорского величества верноподданные

Императорского Московского университета: ректор и ординарный профессор Матвей Любавский, заслуженный ординарный профессор Александр Филиппов, экстраординарный профессор Михаил Богословский.

Императорского Петроградского университета: заслуженный ординарный профессор Сергей Платонов, экстраординарный профессор Сергей Рождественский, ординарный профессор Вячеслав Грибовский.

Императорского Университета св. Владимира: заслуженный ординарный профессор Владимир Иконников, исправляющий должность ординарного профессора Михаил Ясинский, ординарный профессор Митрофан Довнар-Запольский.

Императорского Харьковского университета: заслуженный ординарный профессор Дмитрий Багaley, исправляющий должность ординарного профессора Владимир Савва, исправляющий должность экстраординарного профессора Михаил Клочков, исправляющий должность экстраординарного профессора Николай Максимейко.

Императорского Казанского университета: заслуженный ординарный профессор Виктор Ивановский.

Императорского Новороссийского университета: заслуженный ординарный профессор Иван Линниченко, исправляющий должность экстраординарного профессора Евгений Трифилев, ординарный профессор Алексей Шпаков.

Императорского Юрьевского университета: ординарный профессор Иван Лаппо, ординарный профессор Федор Тарановский.

Императорского Варшавского университета: исправляющий должность ординарного профессора Иван Козловский, ординарный профессор Иоанникий Малиновский.

Императорского Томского университета: исправляющий должность ординарного профессора Георгий Тельберг.

ГА РФ. Ф. 601 (Николай II). Оп. 1. Д. 109. Л. 1–4 об. Подлинник, подписи – автографы.

В. Ф. Козлов

**ПОСТОЯННАЯ КОМИССИЯ ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТОВ
ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ВЦИК И ЦИК СССР
И СУДЬБЫ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ. 1929–1937 гг.
(по материалам ГА РФ)**

Наследие Русской православной церкви всегда составляло основу историко-культурного богатства России. Особенно это касалось губерний Европейской части страны, населенных православными. Ярким подтверждением этого были русские исторические города и, в первую очередь, Москва, где православные храмы и монастыри и находящиеся в них разнообразные святыни (иконы, предметы церковного обихода, колокола, облачения и т.д.) составляли подавляющую часть всех памятников города.

До октября 1917 г. храмы и монастыри Русской церкви находились в ведомстве Св. Синода и в целом надежно охранялись законами империи. К началу XX в. Св. Синодом были уже разработаны достаточно эффективные меры по сохранению церковных памятников архитектуры, иконописи, монументальной живописи. Активным образом противодействовали разрушению и искажению древних памятников церковной старины Московское археологическое общество и Московское общество любителей духовного просвещения. Церковная и светская общественность Москвы, крупных исторических городов хорошо понимала необходимость охраны, изучения и популяризации церковного наследия.

Октябрьский переворот 1917 г. в буквальном смысле перевернул устоявшиеся вековые представления о стержневой роли православной культуры в истории государства, общества, формировании и развитии русского города. Новые власти, опираясь на провозглашенную государством атеистическую идеологию, неуклонно повели борьбу на вытеснение из общественного сознания традиций почитания православных ценностей, в том числе и зримых памятников сакральной культуры. В одночасье Русская православная церковь, накопившая в течение веков бесценные святыни, оказалась наедине с агрессивным-атеистическим государством, верхушку которого составляли люди либо не православные, либо далеко отошедшие от религии и равнодушные к ее ценностям, либо изначально глубоко враждебные к православию и его материальному наследию. К тому же авторитарный характер советской власти препятствовал возникновению и развитию общественных организаций, могущих защитить православные святыни.

Внимательное изучение истории советского государства первых послереволюционных лет позволяет усмотреть во многих государственных

актах и действиях неуклонное стремление по ослаблению, раздроблению и, в конечном итоге, уничтожению религии, ее институтов и служителей. К этим действиям и актам можно отнести последовательно происходившие: декрет Совнаркома РСФСР от 23 января 1918 г. “Об отделении церкви от государства”, ликвидацию домовых храмов и монастырей, государственную регистрацию и заключение договоров со всеми религиозными организациями, кампании по вскрытию мощей святых и изъятие церковных ценностей, фактически полное запрещение строительства новых культовых зданий, закрытие всех образовательных, просветительных, благотворительных учреждений и заведений Церкви, отчуждение у нее кладбищ, запрещение преподавания Закона Божьего в учебных заведениях и образование ЗАГСов, придание всей системе государственного просвещения атеистического характера, ликвидацию всего издательского дела Церкви, и создание в стране государственно-общественной атеистической сети, во главе которой был поставлен Союз воинствующих безбожников¹. Можно назвать еще и другие кампании, направленные на ослабление Церкви, формирование у населения негативного отношения к религиозным институтам и их служителям, а также святыням: храмам, монастырям, иконам и т.д.

Культовые постройки, занимающие заметную часть исторической застройки городов, давно привлекали внимание городских властей, особенно хозяйственников. В 1920-е годы на территории упраздненных монастырей, архиерейских домов, в различных зданиях, принадлежавших до революции административным, образовательным, благотворительным учреждениям и заведениям Церкви, были размещены общежития, рабочие поселки, артели, школы, сельсоветы, музеи, концлагеря, другие организаций Наркомзема, Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомата внутренних дел и т.д. С введением новой экономической политики и общей активизацией хозяйственной жизни возросла угроза отнятия у верующих храмов. Именно в середине 1920-х годов начались первые закрытия и сносы приходских церквей под предлогом улучшения движения транспорта, строительства жилых, общественных и административных зданий.

Еще более губительным образом сказались на судьбах церковного наследия развивавшиеся со второй половины 1920-х годов негативные процессы в идеологической, общественно-политической и хозяйственно-экономической жизни страны. Инициированное государством усиление классово-борьбы вызывало еще более ожесточенное преследование священно- и церковнослужителей, активных верующих-мирян. Объявленная индустриализация и бурное развитие некоторых отраслей промышленности, зачастую не обеспеченных ни сырьем, ни производственными и жилыми (для рабочих) помещениями, повлекли за собой массовые случаи захвата церковного имущества в городах. Коллективизация и наступление на “кулака” также приводили к “острой необходимости” занятия многих сельских и городских храмов под склады и амбары.

¹ Материалы об исполнении декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г. хранятся в ГА РФ в фонде Наркомата юстиции (Ф. 353).

Государство преследовало в конце 1920-х годов не только Церковь и ее наследие. Параллельно с этим процессом происходили крайне негативные процессы в других общественно-культурных областях – музейном деле и охране памятников искусства и старины, краеведении. В самом конце 1920-х годов государство фактически разрушило созданные им же в первые годы советской власти органы по руководству этими важнейшими отраслями культуры, в известной мере изучавшими и охранявшими церковное наследие.

Теперь о непосредственных обстоятельствах появления Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК. До ее создания всем кругом вопросов, связанных с надзором государства за религиозными организациями (регистрация общин, заключения договоров, составление документации, рассмотрение жалоб, ликвидация храмов и использование церковного имущества и т.д.), занимались подразделения административных отделов городских и губернских исполнительных комитетов – церковные подотделы, церковные столы и др. С усилением атеистической политики государства и местных властей в Президиум ВЦИК стало поступать все больше жалоб, обращений, вообще писем, касающихся вопросов деятельности и ликвидации религиозных объединений. Все чаще во ВЦИК стали направляться делегированные приходскими советами так называемые ходоки.

В центре проведения в жизнь государственной политики в отношении церкви в первые годы советской власти занимались VIII ликвидационный отдел Наркомата юстиции и 6-й секретный отдел ВЧК–ОГПУ. В июле 1921 г. при подотделе пропаганды Агитпропотдела ЦК РКП(б) была создана Комиссия по проведению отделения Церкви от государства при ЦК РКП(б), известная позже как Антирелигиозная комиссия. Секретарем комиссии с июля по август 1921 г. был Емельян Ярославский. В состав ее входили представители Агитпропа, МК РКП(б), VIII ликвидационного отдела Наркомата юстиции, Наркомпроса РСФСР, ГПУ, ЦК РКСМ.

В октябре 1922 г. ответственным секретарем Антирелигиозной комиссии стал зам. начальника 6-го секретного отдела ГПУ Е.А. Тучков. Заседания комиссии проходили в приемной М.И. Калинина на Воздвиженке. Работу комиссии координировал В.И. Ленин, а затем И.В. Сталин. В работе ее принимали участие практически все видные деятели государства и партии: Н.И. Бухарин, Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, Ф.Э. Дзержинский, Л.М. Каганович, А.В. Луначарский, П.Г. Смидович и др. Однако в связи с усиливающимися гонениями государства на Церковь, необходимостью изменения законодательной базы, Антирелигиозная комиссия исчерпала себя и в 1929 г. была ликвидирована². Материалы о ее деятельности хранятся в РГАСПИ.

Из приведенной ниже таблицы (составлена в Президиуме ВЦИК)³ хорошо прослеживается тенденция роста различного рода обращений религиозного населения к представителям высшей государственной власти в период с

² Бычков С.С. Большевики против Русской церкви: Очерки по истории Русской церкви (1917–1941 гг.). М., 2006. Т. 2. С. 178–181.

³ ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 46.

1924 по 1928 г. За четыре года число различного рода обращений верующих в Президиум ВЦИК и ответов на них выросло более чем в 2 раза.

№		1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
1.	Поступило различного рода заявлений, жалоб, дел, переписки	1506	1248	2840	2043	2861
2.	Сделано запросов, дано направлений и разъяснений	753	625	1420	1727	2245
3.	Прибыло ходочков	500	600	616	582	946
	Итого за год	2759	2673	4880	4332	6052

1929 и 1930-й годы были решающими и переломными в войне государства с религиозными организациями. Для безоговорочной победы над Церковью необходимо было принятие и проведение в жизнь нового религиозного законодательства. 8 апреля 1929 г. закон, по которому уже можно было, не церемонясь с верующими, легко закрыть и даже снести приходской храм, был принят. Начался новый период взаимоотношений государства с Церковью. Власть не просто, как раньше, медленно наступала на Церковь, она стала ее быстро и безжалостно уничтожать, но в то же время пыталась соблюсти подобие законности и даже демократичности при окончательном решении церковных вопросов. К тому же нужен был особый орган, призванный разгрузить Секретариат Президиума ВЦИК от огромного числа жалоб и ходочков с мест, способный оперативно решать вопросы закрытия большого числа храмов. Антираелигиозная комиссия с подобным масштабом работы справиться не могла. Таким центральным органом и стала Постоянная комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК (далее: Комиссия. – В.К.), созданная по тому же известному постановлению Президиума ВЦИК 8 апреля 1929 г. Подобные Комиссии по вопросам культов стали создаваться при президиумах областных, краевых и республиканских органах власти.

В фонде Комиссии (ГА РФ. Ф. 5263) имеется более 1820 дел, датированных 1929–1938 гг. Все дела тематически можно разделить на две неравные части. В первой (60 дел), составленной по хронологическому принципу, содержатся 9 дел (объемом 35–100 листов каждое) протоколов заседаний Комиссии за 1929–1937 гг. и 51 дело, тематически и хронологически связанное с ними (переписка, докладные, циркулярные письма, выписки из протоколов и др.). Подавляющая же часть фонда сформирована по административно-территориальному принципу – по республикам, краям и областям. Региональные комплексы состоят, главным образом, из дел со статистическими сведениями и перепиской о закрытии (ликвидации) храмов. Больше всего дел относится к процессу закрытия храмов в РСФСР, в том числе входивших тогда в ее состав автономных республик: Башкирской, Казахской, Карельской, Крымской, Марийской, Татарской, Чувашской и др. Среди краев и областей наибольшими комплексами дел представлены Московская (более 250 ед. хр.), Ленинградская (более 150 ед. хр.), Ивановская (около 100 ед. хр.) и др. Имеются небольшие комплексы дел, относящихся к Белорусской ССР и Украинской ССР.

В данной статье анализируются дела, главным образом, первой части, т.е. содержащие протоколы заседаний комиссии и дела, относящиеся к ним. Именно в этих материалах имеются сведения, позволяющие осветить деятельность Комиссии в 1929–1937 гг.

Протоколы в подавляющем числе “глухие”, т.е. каждый вопрос повестки дня состоял из двух пунктов – “слушали” и “постановили”, без материалов обсуждения, прений, экспертных заключений. Эти очень важные материалы можно найти в других делах, касающихся отдельных храмов.

Председателем Комиссии был назначен член Президиума ВЦИК и ЦИК СССР П.Г. Смидович, секретарем – Орлеанский, членами – лица, делегированные в ее состав от различных ведомств, чья деятельность прямо или косвенно относилась к функционированию религиозных организаций. В 1929 г. состоялось лишь три заседания Комиссии, на которых решались, главным образом, организационные и кадровые вопросы. Судя по протоколам, состав Комиссии еще не был четко определен. На заседаниях 1929 г. присутствовало по 7–9 человек. На последнем в 1929 г. (31 декабря) заседании в состав Комиссии был введен известный своими антирелигиозными взглядами и действиями П.А. Красиков, ставший заместителем П.Г. Смидовича, после кончины последнего в 1935 г. сменивший его на посту председателя.

На заседании Комиссии 31 декабря 1929 г. было решено устраивать заседания регулярно – 6, 16 и 26 числа каждого месяца, однако, как показывают сами протоколы, этот порядок не всегда соблюдался.

Сотрудники Комиссии сами окончательного решения не принимали, а лишь, собирая необходимые справки и документы, посылая запросы на места, делали экспертное заключение, вынося готовый проект на заседание Президиума ВЦИК. Стиль работы Комиссии выработывался постепенно. На первых ее заседаниях рассматривались крупные вопросы, касающиеся ожидаемых последствий Закона от 8 апреля 1929 г.: о налоговом и страховом обложении религиозных объединений, о землепользовании служителей культа, о порядке ликвидации церковного имущества и об урегулировании колокольного звона и изъятии колоколов. К обсуждению “колокольного” вопроса, разработке и принятию “Инструкции по использованию колоколов” были привлечены члены Комиссии Вишняков, а также представители НКВД Е.А. Тучков и М.Ф. Икрянистова и представители ведомств, заинтересованных в получении колокольной бронзы⁴. Сохранившиеся протоколы свидетельствуют о том, что члены Комиссии были склонны ужесточить религиозное законодательство в сторону поддержки “стихийности процесса ликвидации молитвенных зданий” (протокол № 7 от 6 февраля 1930 г.)⁵. Было признано, что в связи с развертыванием кампании по закрытию молитвенных зданий, закон об отделении Церкви от государства от 8 апреля 1929 г. подлежит пересмотру в сторону упрощения процесса закрытия и увеличения радиуса приходов. Выработку Инструкции поручили членам Комиссии П.А. Красикову, Е.А. Тучкову, М.Ф. Икрянистовой.

⁴ Там же. Д. 5. Л. 3. Протокол № 3 от 31.12.1929.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 4.

С другой стороны, на заседании от 6 апреля 1930 г. (Протокол № 9) при обсуждении вопроса “о служителях культа” осуждались чересчур радикальные формы борьбы со служителями культа на местах: выселение, изъятие имущества, посылка на лесоразработки и другие трудовые повинности и т.д.⁶

С середины 1930 г. крупные тематические вопросы повестки дня были заменены мелкими, относящимися, главным образом, к закрытию отдельных церквей в городах и селах Советской России. В контексте происходящего в церковной жизни РСФСР формирование таких повесток дня было вполне закономерно. Новое законодательство 1929 г. развязало руки местным органам власти, старавшимся как можно быстрее ликвидировать храмы, и вызывало крайнее недовольство этим верующих, жалующихся на закрытие своих святынь. В Президиум ВЦИК, Комиссию по вопросам культов, Председателю ЦИК СССР М.И. Калинину поступали тысячи жалоб, прошений, ходатайств от верующих с просьбой защитить их от произвола местных властей. По подсчетам членов Комиссии, в 1929 г. поступило 5242 заявления, жалобы и т.д., по которым членами Комиссии дано 5473 запроса, “направлений и разъяснений”. К членам Президиума ВЦИК и Комиссии в Москву с мест направились 1800 ходоков. Таким образом, суммарные цифры переломного 1929 г. составили 12 315 обращений (включая ходоков) и ответов и разъяснений⁷.

1930-й год стал еще более страшным для религиозной России. С мест во ВЦИК поступило 17 637 заявлений, жалоб и различного рода “переписок”, на которые члены Комиссии сделали 14 110 запросов, направлений и разъяснений. Поразительна цифра пришедших в 1930 г. во ВЦИК ходоков – 6029, что лишь немногим меньше, чем за все предыдущие (с 1924 г.) 6 лет учета (6942)⁸. Это и немудрено – в 1929–1930 гг. в стране власти инициировали закрытие сразу десяти тысяч храмов!

Повестки дня становились однообразнее и формировались по мере поступления в Комиссию постановлений областных, краевых и республиканских исполнительных органов власти о ликвидации храмов (они должны были быть утверждены решениями Президиума ВЦИК). Комиссию захлестнул вал всякого рода жалоб, протестов верующих на действия местных властей. Они, по закону 1929 г., имели возможность в двухнедельный срок обжаловать, с их точки зрения, противозаконную ликвидацию храма и присылали письма, телеграммы, и с помощью ходоков свои жалобы. Эти обращения также “участвовали” в формировании повестки дня заседания Комиссии. Относящиеся к рассмотрению судьбы того или иного молитвенного здания вопросы повестки формулировались, как правило, в двух вариантах: “ликвидировать” храм по решению городского, областного исполкомов или ЦИК автономных республик или “отменить” постановление упомянутых выше исполнительных органов местной власти. Действительно, в начале 1930-х годов Комиссия нередко пользовалась своим правом рекомендации Президиуму ВЦИК

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Д. 43. Л. 29–30.

⁸ Там же.

отменить особо одиозные постановления местных властей о ликвидации храмов.

Число вопросов, выносимых на заседания Комиссии, постоянно росло. Если до середины 1930 г. повестка состояла из 4–9 пунктов, то, начиная со второй половины 1930 г., она резко увеличивается: 32 вопроса (заседание от 16 сентября 1930 г.); 30 вопросов (заседание от 24 октября 1930 г.); 42 вопроса (заседание от 6 февраля 1931 г.); 28 вопросов (заседание от 6 апреля 1931 г.); 45 вопросов (заседание от 16 мая 1931 г.); 61 вопрос (заседание от 16 июня 1931 г.); 44 вопроса (заседание от 16 сентября 1931 г.)⁹ и т.д. В то же время были и “разгрузочные” (термин автора) заседания, на которых рассматривалось сравнительно небольшое число вопросов (до 10), напрямую относящихся к судьбе конкретных храмов. Так, например, на заседании от 24 февраля 1931 г. (протокол № 3) рассматривались вопросы “О созыве Старобрядческого Всероссийского съезда” (“признано в 1931 г. созыв съезда несвоевременным”), об издании бюллетеня Комиссии, о перерегистрации культовых объединений.

Четкого графика заседаний Комиссии на год, по-видимому, не существовало, а они созывались по мере необходимости и накопления материала. Так, в 1930 г. Комиссия заседала 15 раз, в 1931 г. – 11, в 1932 г. – всего 7, в 1933 г. – 16 раз. Со временем определился и состав Комиссии. Так, помимо П.Г. Смиловича, П.А. Красикова, ответственного секретаря Комиссии С.И. Воробьева (позже его сменил Орлеанский), в начале 1930-х годов на заседаниях присутствовали Вишняков, Пронин (от Наркомпроса РСФСР), Полянский (от ОГПУ), Олещук (от Союза воинствующих безбожников), Бодреев. На заседания, где рассматривались сложные вопросы, касающиеся интересов конкретных ведомств или регионов, приглашались представители наркоматов или местных комиссий по вопросам культов. Так, например, на заседании 16 сентября 1931 г. присутствовали представители Ивановского исполкома, Нижкрайисполкома, Западного, Уральского, Московского облисполкомов. На заседании 16 апреля 1932 г. (с грифом “секретно”) члены Комиссии вместе с представителями Наркомфина, Наркомторговли, ОГПУ, ЦУССТРАХа, Центросоюза, Мособлисполкома (МОИК) слушали «доклад ОГПУ и Наркомфина “О незаконных действиях местных органов власти в части ликвидации молитвенных зданий и реализации культового имущества”». Власти зорко следили за тем, чтобы абсолютно все предметы культового имущества из закрытых храмов были учтены и утилизированы на государственных предприятиях¹⁰.

Деятельность Комиссии имела всероссийский масштаб, поэтому существенно московские вопросы занимали в ее деятельности сравнительно небольшое место. В 1930 – середине 1934 г. Комиссия рассмотрела 122 вопроса, касающихся судьбы православных храмов Москвы. При решении их Комиссия поддержала постановления Президиума Мособлисполкома о ликвидации (иногда ликвидации и сносе) 74 храмов (более 64% от общего рассмотренного числа). Но в 48 случаях Комиссия все же отклонила решения московских властей, тем самым как бы косвенно поддержав ходатай-

⁹ Там же. Д. 9. Протоколы заседаний Комиссии... за 1931 г. (№ 1–11). Л. 1–35.

¹⁰ Там же. Д. 15. Л. 18–19.

ства верующих об оставлении храмов в пользовании религиозных общин. Следует указать, что некоторые из этих храмов все же были ликвидированы решениями той же Комиссии после 1934 г.

**Решения по храмам Москвы Комиссии по вопросам культа
при Президиуме ВЦИК 1930–1934 (январь–май)***

Год	Общее число вопросов, касающихся храмов Москвы	Из них – поддержано постановлений Президиума МОИК о ликвидации храмов	Из них – отменено постановлений Президиума МОИК о ликвидации храмов
1930	5	–	5
1931	19	11	8
1932	59	34	25
1933	29	20	9
до мая 1934	10	9	1
Итого	122	74	48

* Подсчитано автором по протоколам Комиссии.

Приведенная выше таблица дает представление и о тенденциях в работе Комиссии. Если в первые два года работы (1931–1932) Комиссия сравнительно принципиально и объективно подходила к рассмотрению вопросов о храмах, более чем в 50% не поддерживая решения московских властей о ликвидации культовых зданий, то в последующие годы ситуация диаметрально изменилась. И хотя Президиуму Мособлисполкома удавалось впоследствии со второго и даже с третьего раза провести свои “ликвидационные” решения, Комиссия в первые годы ее существования в какой-то мере пыталась соблюсти хотя бы видимость существовавшего тогда законодательства в религиозных вопросах. Сегодня неоспоримым фактом и даже заслугой Комиссии, например, является то, что в 1930–1934 гг. она не поддержала постановления Президиума МОИК о закрытии таких известных храмов, как Николая Чудотворца в Хамовниках, Николая Чудотворца в бывшем единоверческом монастыре в Преображенском, Пимена в Пименовском пер., Илии Пророка в Обыденском пер., Покрова в Лышикове, Спаса Преображения в Богородском, Воскресения в Брюсовском пер., Илии Пророка в Черкизове. Все названные выше храмы, к счастью, так и не были закрыты и впоследствии чудом сохранили свое внутреннее убранство.

Пиком в работе Комиссии стал 1932-й год. В этот год волна нигилистического отношения к историческому наследию, в том числе и церковного характера, достигла своего наивысшего накала. Комиссия работала не покладая рук. Так, 19 февраля 1932 г. на ее заседании было рассмотрено 93 вопроса, причем лишь в 20 случаях храмы были оставлены верующим¹¹. В повестке дня заседания 26 мая 1932 г. (Протокол № 3) числилось 129 (!) вопросов, из них лишь по 25-ти принято решение в пользу верующих. На этом заседании решалась судьба, в том числе 25 московских храмов, из которых решением Комиссии 14 оставлено верующим¹².

¹¹ Там же. Л. 1–14.

¹² Там же. Л. 20–32.

В 1934 г. в статусе, задачах, составе Комиссии произошли большие изменения. С января по май 1934 г. Комиссия, состоявшая при Президиуме ВЦИК, провела 3 заседания, на которых было рассмотрено 115 дел о закрытии молитвенных зданий (86 постановлений местных органов власти о закрытии было утверждено и 29 – отменено). Кроме того, в пяти случаях было сообщено прокуратуре о неправильности действий по закрытию храмов, и в двух – даны выговоры райисполкому и горсовету. В начале 1934 г. было решено создать общесоюзную Комиссию по делам культов. Решение вышло из недр существовавшей при Президиуме ВЦИК Постоянной комиссии по делам культов. Материалы эти находятся в фонде Центрального исполнительного комитета СССР (ЦИК СССР) в ГА РФ (Ф. 3316). 16 февраля 1934 г. было признано необходимым образовать Комиссию по рассмотрению культовых вопросов в союзном масштабе, которая должна была наследовать функции Комиссии по культам при Президиуме ВЦИК¹³. П.Г. Смидовичу и ответственному секретарю Комиссии С.И. Воробьеву тогда же было поручено войти с этим предложением в Объединенный секретариат ЦИК Союза ССР (ЦИКС) и ВЦИК. 3 апреля 1934 г. Объединенный секретариат ЦИКС и ВЦИК постановили образовать при Президиуме ЦИК СССР Постоянную комиссию по вопросам культов, в связи с чем упразднить существующую Комиссию при Президиуме ВЦИК. Тогда же председателем новой Комиссии был назначен П.Г. Смидович¹⁴. Был утвержден и список состава новой Комиссии, включавшей 12 человек: Красиков Петр Ананьевич – зам. Председателя Верховного Суда СССР, Полянский Иван Васильевич – нач. отдела ОГПУ, Мартемьянов Иван Николаевич – зам. зав. культ.-массовым отделом ВЦСПС, Манцев Василий Николаевич – зам. Наркома финансов СССР, Коркмасов Джалал – зам. Секретаря Совета Национальностей, Борисов Борис Лазаревич – помощник прокурора СССР, Олещук Федор Нестерович – отв. секретарь Центрального Совета Союза воинствующих безбожников, Муравьев Евдоким Федорович – ст. научный сотрудник Института философии Комакадемии, Храмов Владимир Иванович – постоянный представитель Украинской ССР, Есян Арсен – постоянный представитель Закавказской СФСР, Ишкова Клавдия Александровна – помощник зав. культ. Пропагандистского отдела ЦК ВКП(б). Последним в списке числится Воробьев Семен Иванович – ответственный секретарь Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, однако в документе его фамилия зачеркнута и сверху чернилами вписана: “Турсун Ходжаев – постоянный представитель Узбекской ССР”¹⁵.

Как видим, руководство Союзной комиссии (председатель, зам. председателя) осталось прежним, но состав существенно расширился и изменился. 13 июня 1934 г. Секретариат ВЦИК утвердил и состав аппарата Союзной комиссии в составе трех человек (в представлении П.Г. Смидович просил утвердить аппарат из четырех человек – отв. секретаря, инструктора, консультанта и технического секретаря). В штате новой комиссии работали: отв. секретарь Агеев, инструктор-консультант Орлеанский, технический секретарь Бабичева.

¹³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 27. Д. 386. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 7.

Было разработано и 13 августа 1934 г. утверждено на заседании Секретариата ЦИК СССР “Положение о союзной, республиканских и местных комиссиях по вопросам культов”, в котором указывалось, что Комиссия по вопросам культов при ЦИКС создается: “В целях единого руководства и наблюдения за правильным проведением на территории СССР политики Партии и решений правительства по отношению к религиозным объединениям всех культов...”. По “Положению” на Комиссию возлагались задачи: разработка и предварительное рассмотрение проектов законодательных актов и постановлений по вопросам, связанным с деятельностью религиозных объединений, и внесение таковых на утверждение Совнаркома и Президиума ЦИК, внесение в Президиум ЦИК предложений об отмене “неправильных” мероприятий в области культов нижестоящими органами власти, рассмотрение жалоб, учет всех религиозных объединений.

Несмотря на довольно высокий статус, реальных прав у Комиссии было совсем немного. Комиссия по вопросам культа имела право созывать совещания, образовывать подкомиссии, а также требовать отчетов комиссий по вопросам культов при ЦИК национальных республик¹⁶.

Постепенно определился и работающий состав Союзной комиссии. Так, 7 апреля 1935 г. Президиум ЦИК СССР утвердил его в следующем составе: П.Г. Смидович (председатель), П.А. Красиков (зам. председателя), члены: Е.М. Ярославский, И.В. Полянский, И.Н. Мартемьянов, Д. Коркмасов, Б.Л. Борисов, Ф.Н. Олещук, Е.Ф. Муравьев, К.А. Ишкова¹⁷. В хранящемся в делах Комиссии рабочем правленом варианте списка членов значатся еще: А.П. Олин – постоянный представитель Закавказской СФСР (напротив фамилии приписано рукою “Очень трудно будет посещать”) и поверх зачеркнутого в списке Турсун Ходжаева вписана фамилия Солнцева.

В состав Комиссии в мае 1935 г. вошел представитель НКВД В.И. Тимофеев (ввиду отъезда из Москвы И.В. Полянского), в июле 1935 г. В.М. Шохор (на правах члена Комиссии и штатного заместителя председателя), в марте 1936 г. – нарком здравоохранения Н.А. Семашко.

В архивных делах Комиссии сохранился подписанный 5 августа 1935 г. секретарем ЦИК СССР И. Акуловым документ о порядке представления материалов к заседаниям Президиума ЦИК СССР. Так, при вынесении вопроса на рассмотрение Президиума ЦИК СССР комиссия должна была представить докладную записку объемом не более 3–5 страниц, и все вносимые материалы не позднее 9, 19 и 28 числа каждого месяца. В этом случае вносимый Комиссией вопрос мог быть включен в повестку дня очередного заседания Президиума ЦИК СССР¹⁸.

Известно, что до 1935 г. Комиссия по вопросам культов размещалась в здании, где находилась Приемная М.И. Калинина на ул. Воздвиженке (с 1930 г. – ул. Коминтерна), в помещении Секретариата ЦИК СССР. По согласованию с М.И. Калининым в 1935 г. Союзной Комиссии были отведены три комнаты (№ 4, 5, 6). Одна комната предназначалась под кабинет председателя (П.А. Красикова), его заместителя и для заседаний Комиссии, во

¹⁶ Там же. Л. 24–25.

¹⁷ Там же. Л. 43; Ф. 5263. Оп. 1. Д. 43. Л. 12–13.

¹⁸ Там же. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.

второй комнате находился ответственный секретарь, здесь же производился прием посетителей, в третьей – помещались инструктор-консультант и технический секретарь-машинистка¹⁹.

Деятельность новой Союзной комиссии по задачам, методам и направлениям работы сравнительно мало отличалась от Комиссии, существовавшей при Президиуме ВЦИК. Существенно за счет союзных республик выросла территория деятельности Комиссии. Сохранившийся в фонде Комиссии отчет за 1934 г. (подписан ответственным секретарем Агеевым), дает представление о направлениях ее работы. Комиссия в отчетный год заседала 9 раз (протоколы № 1–13)²⁰. Главным в ее деятельности было рассмотрение дел о закрытии молитвенных зданий, причем из 105 дел, в 91 случае постановление местных органов власти о закрытии храмов было утверждено, а 14 – отменено (т.е. молитвенное здание было оставлено верующим). На заседаниях было рассмотрено также 46 других вопросов, как указано в отчете “принципиального и практического значения”, в том числе разработанные положения о Союзной комиссии, союзный закон о религиозных объединениях, циркуляр о порядке возмещения стоимости утраченных или похищенных предметов музейного значения. В 1934 г. Комиссия заслушала доклады представителей Белорусской, Узбекской, Татарской ССР и АССР о работе в области вопросов культов.

За счет значительного расширения деятельности Комиссии на всю территорию СССР резко возрос и объем работы. В 1934 г. в Комиссию поступило разного рода заявлений, жалоб, писем и дел – 8229 (из них ответов – 2216), “ходовков” было принято 1606, а исходящих бумаг числилось 3645. Если сложить эти цифры вместе, то получится 13 475, т.е. гораздо больше, чем в 1933 г. (более 8 тыс.). Большинство осуществленных членами Комиссии дел в 1934 г. касалось вопросов закрытия храмов (2664), налогообложения (3071)²¹.

Сохранившаяся переписка членов Комиссии с Президиумом ЦИК СССР свидетельствует о том, что аппарат ее, состоявший лишь из трех человек, не справлялся с валом жалоб и прошений с мест, необходимостью наводить о них справки и отвечать. Так, 2 апреля 1936 г. было направлено письмо М.И. Калинину, в котором, в частности, указывалось: “С преобразованием Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК в Общесоюзную постановлением Президиума ЦИК СССР от 7.05.1934 г. и постановлением Объединенного Секретариата Президиумов ЦИК и ВЦИК от 3.04.1934 г. о ликвидации Комиссии при Президиуме ВЦИК, вся работа по РСФСР продолжалась вестись Комиссией ЦИКС, которая является одновременно Комиссией ЦИКС и ВЦИК”²².

В 1935 г. Комиссия заседала 15 раз, на которых было рассмотрено 393 вопроса, из них 373 дела о ликвидации молитвенных зданий, из которых решением Комиссии было ликвидировано 323, а оставлено верующим

¹⁹ Сведения о размещении Комиссии см. в письме Красикова секретарю ВЦИК А.С. Киселеву 5 октября 1935 г. (ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 43. Л. 33).

²⁰ ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 43. Л. 26–28.

²¹ Там же. Л. 27–28.

²² Там же. Д. 46. Л. 113.

только 50. Количество жалоб, направленных в Комиссию, возросло на 1 тыс. Всего же в 1935 г. Комиссия получила жалоб: по вопросам налогов на служителей культа – 2010; по ликвидации молитвенных зданий – 1832, по вопросам временного закрытия молитвенных зданий – 1718²³.

В годовом отчете, подписанном П.А. Красиковым, содержится множество фактов нарушений законодательства, связанных прежде всего с желанием властей ликвидировать храмы. Приведем несколько характерных примеров: «Зачастую церковь занимается под ссыпку зерна не потому, что временно это вызывается необходимостью спасти хлеб. Причем в таких случаях верующие сами дают согласие на 1–2–3 месяца занять церковь под хлеб целиком или частично, но при условии устройства перегородки, а просто как предлог лишь бы занять церковь и не возвратить ее в пользу верующих. РИКи в таких случаях санкционируют действия сельсовета или работников Заготзерна...

Закрывают молитвенные здания ввиду их ветхости (угроза обвалом, и тут же ссыпают несколько десятков тонн хлеба или другого сырья), а также ввиду требования преувеличенного ремонта и при том в явно невыполнимые сроки... Это все говорит за то, что сельсоветы и РИКи пытаются “покончить с религией” административным путем, а метод массовой разъяснительной работы стоит на последнем месте... Имеют место факты, когда сельсовет запрещает совершенно богослужения по причине “эпидемического” заболевания в районе (хотя бы 1–2 случаев) тифа, причем остальные общественные здания, как клубы, школы и т.п., функционируют и на них положение об эпидемии не распространяется...

Поступившие Материалы из УССР и БССР говорят о том, что там ликвидируют молитвенные здания часто без достаточных на то оснований. Например, закрытие здания в радиусе от 50 до 70 км, закрытые здания не используются под культурно-просветительные цели, а зачастую становятся безнадзорными и продолжают разрушаться, что создает обильную пищу враждебно-классовому элементу для проведения антисоветской работы и т.д. и т.п.»²⁴.

В том же отчете П.А. Красикова приводится таблица под названием “Наибольшее количество было на приеме ходоков и поступило жалоб по РСФСР”, где перечислены названия 9 областей и краев, откуда в Комиссию пришло $\frac{2}{3}$ всех “ходоков” и поступило 50% жалоб. Лидирует в этом списке Московская область (528 “ходоков” и 516 жалоб), за ней идет Ивановская область (237 “ходоков” и 872 жалобы), на третьем месте – Воронежская область со 165 “ходоками” и 810 жалобами²⁵.

По предложению Комиссии, в 1935 г. в 39 случаях Президиум ВЦИК привлек к ответственности местных работников за допущенные ими перегибы при ликвидации молитвенных зданий. Много жалоб Комиссия передала по линии прокуратуры для расследования и привлечения виновных к ответственности. В самом конце отчета есть признание, что “большинство жалоб подтвердилось”, и констатация: “количество нарушений законодательства о религиозных объединениях в настоящее время не уменьшается”.

²³ Там же. Л. 110.

²⁴ Там же. Л. 106–109.

²⁵ Там же. Л. 109.

Столь откровенные признания о повсеместных, массовых, грубых нарушениях и без того атеистического по существу законодательства в области культа, конечно же, говорят о системных ошибках государственной политики в отношении к религии. В архивном деле с отчетом Комиссии за 1935 г. хранится копия письма П.А. Красикова прокурору СССР А.Я. Вышинскому с грифом “секретно”, в котором приводится множество фактов незаконного закрытия церквей в РСФСР, УССР и БССР и делается вывод, что на местах “увеличиваются случаи нарушения существующих законов о религиозных объединениях в сторону административной борьбы с религией”²⁶.

По всей видимости на тревожные выводы Комиссии обратили внимание и в ЦИКе. В архивном деле содержится проект постановления Президиума ЦИК, в преамбуле которого констатируется, что в практике местных органов, в части проведения в жизнь закона о религиозных культах, существует “ряд неправильностей”, главной из которых является “ликвидация молитвенных зданий без соблюдения закона”.

В проекте перечислены методы, которыми местные власти ликвидируют молитвенные здания: занятие храмов “временно” под ссыпку зерна и невозвращение их; требование в преувеличенных размерах производства ремонта молитвенного здания и притом в короткий, явно невыполнимый срок...; наложение карантина по случаю “эпидемических заболеваний”, гриппа, скарлатины и т.п., который впоследствии не снимается; обложение молитвенных зданий незаконными платежами, достигающими высоких размеров; отказа в регистрации религиозного общества, служителей культа и новых членов религиозного общества... и др. Любопытно, что в проекте приводятся конкретные цифры незаконного закрытия молитвенных зданий (в административном порядке) – 9876 (32,4%), причем признается, что 11 365 (33,3%) закрытых храмов используется под склады, т.е. “нецелесообразно”. Причем, если в официальных государственных и партийных документах, печати и выступлениях массовое закрытие храмов в отдельных районах оценивалось как безусловное достижение, то в проекте такая практика признавалась порочной, так как проводилась с явными нарушениями законов. В проекте такие случаи получили негативную оценку. (В Саратовском крае бездействующих церквей осталось 38 районов, Куйбышевском – 18, Красноярском – 13, Днепропетровской области – 20 районов и т.д.)²⁷). К сожалению, архивных материалов о судьбе проекта пока не выявлено.

О массовых нарушениях религиозного законодательства, “голом администрировании” при закрытии храмов, “неправильном” использовании зданий говорилось и на состоявшемся в 1935 г. специальном совещании. В делах Комиссии под грифом “секретно” хранится резолюция этого совещания, где, в частности, приводятся и статистические сведения, например: 6672 закрытых молитвенных здания совершенно не используются, 9682 молитвенных здания бездействуют и фактически закрыты, но юридически не оформлены.

Анализ протоколов заседаний Союзной Комиссии в 1935 г. свидетельствует о снижении числа закрытых московских храмов, что связано прежде всего с тотальной ликвидацией их в предыдущие пять лет. Так, например,

²⁶ Там же. Л. 76.

²⁷ Там же. Л. 96.

в 1935 г. Комиссия рассмотрела девять вопросов о закрытии православных храмов Москвы, причем характерно, что во всех случаях были поддержаны вынесенные ранее постановления Президиума МОИК и ни разу члены Комиссии не поддержали ходатайства верующих. Из девяти ликвидированных храмов шесть стояли на учете как памятники искусства и старины, а четыре (Рождества в Бутырьках, Троицы в Хохлах, Троицы в Голенищеве, Георгия в Яндове и старообрядческий собор Успения на Апухтинке) признавались специалистами как выдающиеся памятники архитектуры и церковного искусства²⁸.

К 1936 г. число действующих в СССР храмов резко уменьшилось. В делах Комиссии за 1937 г. сохранилась подписанная Красиковым и Агеевым “Записка Комиссии по вопросам культов к докладу на заседании партгруппы Президиума ЦИК СССР”, в которой, в частности, приводятся учетные сведения о числе действующих и закрытых храмов. Так, по состоянию на 1 января 1936 г., из существовавших до 1917 г. 72 936 церквей, молитвенных зданий и часовен было закрыто 41 868. Юридически незакрытых оставалось 30 543, из них функционировало 20 665, а не функционировало, т.е. было закрыто административно – 9878. Из закрытых 41 868 молитвенных зданий Комиссия располагала сведениями об использовании 34 254. Из этого количества культурно-просветительским целям предназначалось 11 948 (34,9% от общего числа), под склады – 11 365 (33,3%), снесено – 3343 (9,7%), не использовано – 7598 (22,1%)²⁹.

В фонде Комиссии хранятся 11 протоколов ее заседаний за 1936 г. Наряду с рассмотрением дел о закрытии молитвенных зданий, Комиссия рассматривала вопросы о состоянии работы по вопросам культов в наиболее “неблагополучных” областях и краях – Западной области (заседание 26 февраля 1936 г.), Москве (заседание 26 марта 1936 г.), Воронежской области (заседание 10 мая 1936 г.), Куйбышевском крае (заседание 21 августа 1936 г.). В частности, отмечались серьезные нарушения законодательства по Куйбышевскому краю, где сложилась «Практика закрытия по разным незаконным причинам: “эпидемии”, опасность обвала церкви, невыполнение ремонта, отказ в регистрации служителей культа, переобложение налогов, изъятие церковных сторожек». По количеству жалоб и обращений край вышел на третье место в РСФСР. Из существовавших в регионе до революции 2234 храмов в 1936 г. реально функционировали только 325. Из 87 районов края в 18 не осталось ни одной действующей церкви, а 432 закрытых церковных здания не были заняты “ни под какие просветительские цели, что создает неблагоприятные настроения”. Как отмечалось на заседании в 1935 г., краевой Совет Союза воинствующих безбожников был распущен и работники его отданы под суд “за жульнические махинации в производственной и торговой деятельности”³⁰.

На заседании Комиссии 10 мая 1936 г. был заслушан доклад Воронежской областной комиссии по делам культов о состоянии религиозных организаций в области, занимавшей в то время (1935 г.) первое место по числу поступав-

²⁸ Там же. Д. 37. Л. 1–82. Протоколы заседаний Комиссии... за 1935 г.

²⁹ Там же. Д. 48. Л. 4–7.

³⁰ Там же. Д. 45. Л. 37–47.

ших жалоб от верующих (810 жалоб и 165 “ходовков”). По области насчитывалось 639 храмов, 329 – не функционировали, хотя юридически никак это не было оформлено. К 1 января 1936 г. в области было закрыто 532 храма, из которых 238 были отданы под культурно-просветительские цели, 230 – под склады, а 60 – не использовались никак. На заседании указывалось, что многие храмы области закрываются на незаконных основаниях, что приводит к большому числу жалоб верующих. Из 270 поступивших в Комиссию жалоб – 91 написана по поводу засыпки хлеба в храмы и использование последних не по назначению. Констатировалось, что храмы закрывались административным путем, в восьми районах не осталось ни одной действующей церкви, в пяти было по одному, в шести районах – по два действующих храма. По мнению членов комиссии, “такое закрытие церковей ничего, кроме вреда, не приносит”³¹. Как доложил председатель Воронежской областной комиссии Тюрин, ни одну из закрытых церковей нельзя использовать под школу, можно только разобрать храм, а из материала построить школьное здание.

В 1936 г. через Президиум ВЦИК с заключениями Комиссии прошло 420 дел о закрытии молитвенных зданий. Из этого числа Президиум согласился с ликвидацией 308 зданий, которые передавались под культурно-просветительские цели или на снос с использованием материала на сооружение “культурно-просветительских учреждений”. Нередко же местные власти, чтобы закрыть храм, обманывали Комиссию, занижая сумму, назначенную на переоборудование церковного здания. В докладной П.А. Красиков приводит пример: 20 апреля 1936 г. был закрыт собор в г. Кашине Калининской области. Оказалось, чтобы его переоборудовать под театр, нужно не 23 тыс. руб., как было заявлено местными властями, а 300 тыс.³²

В октябре 1936 г. по данным Комиссии на территории СССР незакрытыми юридически оставались 28 772 храма, из которых функционировало 19 090 или 27,8% от общего числа существовавших до революции церковей. Были в то время и “передовики”; так на Украине действовало менее 10% храмов, а во многих районах республики все церкви были закрыты.

Иссякал и поток закрываемых храмов Москвы. Теперь практически любой из оставшихся действующими храмов можно было закрыть, только нарушая законы. В 1936 г. Комиссией было санкционировано закрытие и снос лишь одного православного храма – Никольской старообрядческой церкви по Лефортовскому переулку.

В последний год существования, 1937-й, Комиссия имела наименьшее число заседаний (всего пять)³³. Но как и прежде, на каждом из них рассматривалось множество дел о ликвидации храмов. Так, на первом заседании 10 февраля 1937 г. было рассмотрено 74 дела, из которых по решению Комиссии было принято решение по закрытию 41 храма. К протоколу приложена справка, поясняющая, что закрытые церкви передаются: под клубы – 25, под школы – 3, под пионерские клубы – 3, под детские ясли – 1, под снос – 3, под спортклуб, красный уголок, музей, водонапорную башню, кинотеатр – по 1. Интересен и содержащийся в справке анализ причин оставления

³¹ Там же. Л. 58–65.

³² Там же. Д. 51. Л. 1–6.

³³ Там же. Д. 47. Л. 1–105. Протоколы заседаний Комиссии... за 1937 г.

храмов верующим: слабая массовая работа среди населения – 7, дальнейшее расстояние – 6, неясные цели закрытия, отсутствие средств на переоборудование – 3, незаконные действия органов – 3, последние действующие церкви в районе – 2. Причем на виновников нарушения было наложено 3 взыскания, а в 4-х случаях потребовалось даже участие прокурора³⁴.

Подобные справки с анализом целей использования закрытых храмов и причин оставления их верующим приложены ко всем протоколам Комиссии (текст протокола № 2 в деле отсутствует). Приведем лишь общие количественные данные о деятельности Комиссии по протоколам 1937 г. На заседании 10 мая 1937 г. (протокол № 3) рассмотрено 85 дел по молитвенным зданиям, и которых Комиссия согласилась с закрытием 55 храмов, по 20 делам храмы оставлены верующим. На заседании 10 августа 1937 г. (протокол № 4) рассмотрено 107 дел о 111 молитвенных зданиях. Комиссия согласилась с закрытием 72 храмов, 24 оставлены верующим, 2 отослано “на доработку”. По 7 делам принято решение о наложении административного взыскания на местных работников, 1 дело передано в прокуратуру для привлечения к уголовной ответственности. Последний, имеющийся в деле 1937 г. протокол № 5а от 16 ноября, содержит сведения о рассмотренных 114 делах о 116 молитвенных зданиях. Члены Комиссии согласились с закрытием 85 молитвенных зданий и с расторжением договоров на 5 зданий, приняты решения о возвращении верующим 17 зданий³⁵.

Таким образом, по четырем протоколам в 1937 г. Комиссия, рассмотрев 380 дел, утвердила решения о закрытии 253 молитвенных зданий, оставив верующим 93 храма.

В связи с большим числом нарушений законодательства о культурах в сентябре 1937 г. Комиссия провела проверку исполнения райисполкомами и горсоветами постановления Президиума ВЦИК о ликвидации и использовании молитвенных зданий под культурно-просветительные цели.

В 1937 г. на заседаниях Комиссии присутствовало всего лишь от 4 до 7 ее членов: Красиков, Олещук, Муравьев, Мартемьянов, Борисов, Семашко и сотрудники аппарата Комиссии Агеев и Узков.

1937 годом обрывается деятельность Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР. В фонде этой Комиссии не сохранилось материалов о работе Комиссии после ноября 1937 г., а в 1938 г. она была ликвидирована. (Обстоятельства закрытия ее в архивах пока не выявлены.)

Достаточно трудно дать однозначную оценку деятельности Комиссии, созданной во исполнение нового законодательства 1929 г. в области религиозных культов. Комиссия находилась в структуре Президиума ВЦИКа, а затем и Президиума ЦИКа СССР, не имела полной самостоятельности и в основном выполняла функции главного экспертного органа страны по оценке решений местных органов власти о закрытии молитвенных зданий. Комиссия могла поддержать или отклонить решение городских, областных и краевых исполкомов о ликвидации храмов. Протоколы заседаний Комиссии утверждались на заседаниях Президиума ВЦИК (а с 1934 г. – ЦИК СССР) и приобретали уже юридическую силу. Предварительное знакомство с рас-

³⁴ Там же. Д. 47. Л. 72–73.

³⁵ Там же. Л. 4.

смотренными на заседаниях Комиссии делами показывает, что ее члены – руководители или представители наркоматов и ведомств – поддержали более $\frac{2}{3}$ постановлений местных органов власти о закрытии храмов и отклонили лишь те решения, в которых были вопиющие нарушения законодательства. Крайне редко наказывались виновники этих нарушений. Следует учитывать, что членами Комиссии в разное время были и деятели, известные своими убежденными антирелигиозными взглядами и действиями: Красиков, Ярославский, Олещук, Тучков и др. Кроме того, в составе Комиссии не было ни одного специалиста-реставратора, искусствоведа, архитектора, представителя Церкви. Все это придавало Комиссии в целом деятельность послушного органа, точно выполнявшего роль проводника антирелигиозной политики государства.

И тем не менее поставленная перед Комиссией задача соблюдать существующее законодательство в области религии в известной мере препятствовала проявлению на местах массовых, наиболее “диких” по форме антирелигиозных эксцессов при закрытии храмов. И хотя подавляющее большинство посланных в центр жалоб, ходатайств, просьб верующих оставить им храмы, не удовлетворялось Комиссией, тем не менее почти по каждому такому случаю проводилось разбирательство или писались ответы. Деятельность Комиссии, в известной степени, служила своеобразным прикрытием антирелигиозной политики властей.

И еще об одной несомненной пользе Комиссии следует сказать. Аппарат Комиссии, состоявший всего из двух человек, проводил большую работу по формированию дел, касающихся прежде всего закрытия молитвенных зданий. Дела эти, сравнительно небольшие по объему, состояли из обязательных документов: выписок из протоколов местных органов власти (райисполкомов, горисполкомов, облизполкомов, высших республиканских органов власти) о закрытии храма, а также выписок из заседания Президиума ВЦИК с окончательным вердиктом о судьбе храма. Помимо нормативных документов, в делах откладывалась переписка с руководством предприятий и учреждений (заводов, фабрик, артелей, мастерских, учебных и медицинских заведений и т.д.), заинтересованных в использовании закрытых церковных зданий, а также с подразделениями Наркомпроса (Сектор науки), Комитетом по охране памятников и др., на учете которых стояли церковные памятники. Наконец, важнейшими материалами дел являлись посланные на адрес Комиссии, ВЦИКа, ЦИКа СССР жалобы, просьбы и ходатайства верующих по защите своего родного храма. Иногда в письме верующих содержатся сведения о жизни прихода, об общинах верующих закрытых поблизости храмах, попытках властей закрыть церковь и т.д. К прошению нередко присоединялись многочисленные подписные листы с подписями верующих за оставление им храма. Если объем подписных листов был значителен, то сотрудники Комиссии заводили на них специальное дело. В условиях 1930-х годов, когда отсутствовали нормальное делопроизводство прихода да и Православной церкви, такие материалы внутренней жизни религиозной общины становятся уникальными.

Важной составной частью материалов так называемых ликвидационных дел, являются заключения, составленные членами аппарата Комиссии – Орлеанским, Воробьевым, Агеевым, Узковым. Изучив весь собранный мате-

риал как со стороны органов местной власти, так и со стороны верующих, инструктор-консультант или ответственный секретарь описывал положение закрываемого храма, учитывая мотивацию закрытия, расстояние закрываемого храма к ближайшей действующей церкви, вместимость последней и др., делал заключение о целесообразности закрытия. К этим заключениям не всегда прислушивались члены Комиссии. Так, например, Орлеанский составил заключение по делу о закрытии старообрядческого храма по Малому Гаврикову переулку в Москве и на основании того, что ближайшая к храму старообрядческая церковь Николы в Лефортовом пер. относится к другому толку, сделал вывод, что закрытие церкви как единственной в Москве по своему толку противоречит закону. Однако, несмотря на это, Комиссия, а затем и Президиум ЦИК, утвердили это решение.

Сформированные в дела материалы по отдельным закрываемым храмам – уникальный источник не только по истории самой Комиссии, взаимоотношениям власти и Церкви, но прежде всего бесценное свидетельство о положении Русской православной церкви в 1930-е годы, о самых трагических страницах летописи отдельных храмов, жизни прихода. Документы фонда Комиссии дают ценные сведения и о поведении и степени ответственности местных властей за судьбу храмов, о подвижнической деятельности прихожан по защите своих святынь.

Нужна особая исследовательская программа, предусматривающая публикацию всех протоколов Комиссии, составление сборников документов, с материалами посланных во ВЦИК жалоб и просьб верующих и т.д. На местах следует издавать хранящиеся в областных, краевых и республиканских государственных архивах материалы о деятельности местных комиссий по вопросам культов. Тщательное изучение и введение в научный оборот всех этих документов поможет полнее осознать причины, мотивы и обстоятельства трагедии Русской православной церкви, определить масштабы безвозвратных потерь отечественного культурного наследия, церковного имущества.

М.Ф. Шумейко

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

(К 10-летию создания Археографической комиссии
в системе Государственной архивной службы Беларуси)

Первым белорусским археографическим изданием, знаменовавшим зарождение археографии, стал подготовленный гомельским протоиереем Иоанном Григоровичем (1792–1852) в рамках румянцевского “Собрания государственных грамот и договоров” сборник документов “Белорусский архив древних грамот”, первая часть которого увидела свет в 1824 г. Позитивно встреченный современниками и высоко оцениваемый последующими поколениями историков и археографов¹, сборник, к сожалению, не получил продолжения; до сих пор остается неизданной вторая его часть, макет которой хранится в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства в Минске².

Заложенные Григоровичем археографические традиции продолжались в XIX – начале XX в. его последователями, включая профессуру функционировавшего в 1803–1832 гг. Виленского университета (И.Н. Даниловича, И. Лелевеля, И.Н. Лобойко, И.С. Онацевича), секретарей губернских статистических комитетов (А.Г. Киркора, А.П. Сапунова, А.М. Сементовского-Курилло), руководителей и сотрудников церковных историко-археологических комитетов с музеями и древлехранилищами (Д.И. Довгялло, Н.Я. Никифоровского и др.), виленских Археологической и Археографической комиссий (Е.П. Тышкевича, М. Круповича, Н.И. Горбачевского, Я.Ф. Головацкого, Ю.Ф. Крачковского, Ф.Н. Добрянского и др.)³.

С созданием в 1922 г. в Минске Института белорусской культуры – предшественника Белорусской академии наук, в 1925 г. в его структуре возникает Историко-археологическая комиссия, возглавляемая М.В. Довнар-Заполь-

¹ См., например: *Софинов П.Г.* Из истории русской дореволюционной археографии: Краткий очерк. М., 1957; *Улащик Н.Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973; и др.

² Подробнее об этом см.: *Трухина Т.А.* Рукопись второй части Белорусского архива древних грамот // Научно-информационный бюллетень Архивного управления при СМ БССР. Минск, 1961. № 10. С. 34–37; *Запартыко А.М., Запартыко А.В.* И.И. Григорович // Беларускі археаграфічны штогоднік (Белорусский археографический ежегодник) (далее: БАШ). Минск, 2001. Вып. 2. С. 260–267 (на бел. яз.); *Иванова О.С.* “Находка” третьей части “Белорусского архива древних грамот” И.И. Григоровича в БГАМЛИ // БАШ. Минск, 2004. Вып. 5. С. 29–34; и др.

³ На это обстоятельство обратила внимание, в частности, А.Л. Хорошкевич, анализируя деятельность в начале XX в. Археографической комиссии по подготовке к изданию документов Литовской метрики (*Хорошкевич А.Л.* Археографическая комиссия императорской Академии наук и ее традиции издания Литовской метрики // *Metriciana: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага.* Мінск, 2004. Т. 3. С. 198–199).

ским (1867–1934), которая в 1927 г. была переименована в Археографическую и продолжила археографическую деятельность своих предшественников. И совсем не случайно, точно так же, как и сборник И.И. Григоровича (только на белорусском языке), стало именоваться серийное документальное издание, начавшее выходить под эгидой комиссии с 1927 г. – “Беларускі архіў”⁴. Этим самым подчеркивалось сохранение археографической преемственности.

К сожалению, последовавшие в конце 1920–1930-х годов события не способствовали продолжению, развитию и углублению заложенных в первой четверти XIX в. археографических традиций. Учиненный в это время в Беларуси под ширмой борьбы с созданным в недрах спецслужб “Союзом освобождения Белоруссии”⁵ разгром гуманитарной интеллигенции, привел к отстранению от научной деятельности в структуре Академии наук наиболее квалифицированных кадров профессионалов, среди которых было немало историков и археографов. Архивные органы и учреждения республики, также немало потерпевшие от репрессий, не смогли по ряду причин объективного и субъективного характера организовать практическую и методическую археографическую деятельность. Так, оказались неудачными предпринимаемые ими в 1930-е годы попытки создать архивно-археографический ежеквартальник примерно под таким же, что и серийное документальное издание названием – “Архіў Савецкай Беларусі”. Они были заблокированы в форме резолюции “о нецелесообразности такого издания” чиновниками отдела культпропа ЦК КП(б)Б, не дойдя даже до высшего партийного руководства республики⁶.

В послевоенный период, особенно с воссозданием в Москве Археографической комиссии, археографы Беларуси, работавшие как в системе Государственной архивной службы, так и в Академии наук, пытаются активизировать свою деятельность, в том числе и за счет совершенствования организации археографической работы. Так, во второй половине 1950-х годов в академическом Институте истории создается сектор публикации документов, во главе которого становится известный историк К.И. Шабуня, введенный в состав союзной Археографической комиссии. Происходят реорганизации и в Архивном управлении республики: возникает научно-издательский отдел, призванный разрабатывать вопросы методического характера применительно к археографии, а также координировать практическую деятельность по публикации документов и материалов, которая ведется в Беларуси как архивными, так и научными учреждениями. Складывается неформальный союз

⁴ Позитивную оценку 1-го тома “Беларускага архіва” дал С.Н. Валк в обзоре документальных изданий (Архивное дело. 1928. Вып. III (16). С. 86–87); рецензией на него откликнулся и бывший в то время ректором Белорусского государственного университета (БГУ) В.И. Пичета (Польмя. 1927. № 6. С. 214–216).

⁵ Как известно, в это же время аналогичные “контрреволюционные” организации были раскрыты спецслужбами и в России (“Всенародный Союз борьбы за возрождение свободной России”) и Украине (“Союз освобождения Украины”).

⁶ Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ). Ф. 4 (ЦК КПБ). Оп. 14. Д. 128. Л. 293; Ф. 6 (ЦИК БССР). Оп. 1. Д. 2848. Л. 18–21 (Докладная записка директора ЦАУ БССР А.Р. Иодко “Об издательском плане ЦАУ БССР на 1933 год” в Президиум ЦИК БССР) (на бел. яз.).

историков и архивистов, итогом которого стало появление в 1960–1980-е годы значительного количества археографической продукции⁷.

С ликвидацией СССР, созданием независимого белорусского государства во многом были нарушены связи, ранее существовавшие у белорусских историков, архивистов, археографов с их российскими, украинскими коллегами. Начиная с 1990-х годов, ощущается явственный провал в эдиционной деятельности⁸. Это было обусловлено, на наш взгляд, не только причинами экономического характера, но и имевшим место своеобразным разрывом археографических традиций, получившим широкое распространение археографическим нигилизмом. Свидетельством тому может служить хотя бы тот факт, что именно в это время ликвидируется научно-издательский отдел в органе по управлению архивным делом, который, как отмечалось выше, ранее выполнял функции координационного центра в области археографии. Возникшему в декабре 1991 г. в структуре республиканского отраслевого Центра документоведения и ретроинформации (в настоящее время БелНИИДАД) отделу археографии требовалось время, чтобы восстановить нарушенные связи, наладить координацию археографической работы, а затем и самому принять в ней участие.

Знакома читателей историко-публицистического иллюстрированного журнала “Беларуская мінуўшчына” (“Белорусское былое”, выходит в Минске с 1993 г.) с основными направлениями недавно созданного отраслевого центра, один из его руководителей обращал особое внимание именно на необходимость осуществления им координации археографической деятельности, а также вовлечения в последнюю и самих сотрудников центра. Это, по его мнению, должно было положить начало краху антиисточниковедческой истории Беларуси послеоктябрьского периода, созданию фундамента для “объективного освещения нашего недавнего прошлого”⁹.

Вопросы археографии присутствовали и в повестке дня работы первого научно значимого форума, организованного в декабре 1993 г. отраслевым центром¹⁰. К 90-летию известного белорусского и российского историка, источниковеда, археографа Н.Н. Улащика в феврале 1996 г. в Минске по инициативе и с активным участием научных сотрудников БелНИИДАД, реорганизованного к этому времени из Центра, была проведена научная конференция, на которой, в числе прочих, широко обсуждались и проблемы

⁷ Здесь мы не говорим о качестве данной продукции, на которое в значительной степени оказывали воздействие ненаучного характера влияния, как-то: приоритет принципа коммунистической партийности в подходе к выбору объекта публикации, игнорирование многих комплексов исторических источников ввиду “небезупречности” их происхождения (“документы, созданные классовыми противниками”) и т.п.

⁸ В этом нетрудно убедиться, обратившись к соответствующим библиографическим указателям, зафиксировавшим за эти годы лишь единичные публикации документов (преимущественно учебного типа) в виде отдельных книг.

⁹ Шумейко М.Ф. Центр в штормовом море археографии // Беларуская мінуўшчына. 1993. № 3/4. С. 35 (на бел. яз.).

¹⁰ См., например: Нестерович Ю.В. Традиции и некоторые особенности развития белорусской археографии // Тезисы Международной научно-практической конференции “Архивоведение, источниковедение, историография Белоруссии: состояние и перспективы” 1–2 декабря 1993 г. Минск, 1993. Ч. 1. С. 69–71.

археографии¹¹. Аналогичная конференция одновременно прошла в Москве. Открывая ее, председатель Археографической комиссии РАН, академик РАО С.О. Шмидт дал высокую оценку стоявшей на одном уровне с классической монографией С.Н. Валка “Советская археография” книге Н.Н. Улащика “Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода”, отметив, что “не было другой монографии в плане историографии, археографии и источниковедения, где так органично и во взаимосвязи были бы охарактеризованы и сами источники, и их публикации, и деятельность учреждений, готовящих к изданию эти памятники, и индивидуальные черты публикаторов и исследователей”¹². Об Улащике – издателе летописных текстов – шла речь в одноименной статье В.А. Кучкина; об этом же говорилось и в носившей характер воспоминаний статье В.И. Буганова о совместной работе с Н.Н. Улащиком в Группе по изданию Полного собрания русских летописей. Истории публикации творческого наследия белорусского революционного демократа К. Калиновского была посвящена статья белорусского археографа и текстолога Г.В. Киселева.

В июне 1998 г. автор настоящей статьи, работавший в то время ведущим научным сотрудником БелНИИДАД и одновременно читавший для студентов историко-архивного отделения исторического факультета БГУ разработанный им курс лекций по археографии, обратился к руководству Государственного комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь с докладной запиской. В ней указывалось на отсутствие археографических структур в системе Государственной архивной службы, Национальной академии наук республики, что, по его мнению, негативно сказывалось на состоянии археографической работы, предлагалось в качестве “первого практического шага... учредить при Госкомархиве Республики Беларусь ведомственную археографическую комиссию, придав ей статус научно-методического центра в области археографии и смежных с ней специальных исторических дисциплин”¹³. Состав комиссии, по его мнению, мог бы быть сформирован из числа сотрудников архивных органов и учреждений, имеющих научные работы

¹¹ См.: *Чемерицкий В.А.* Николай Улащик – издатель и исследователь белорусских летописей; *Шумейко М.Ф.* Улащик как историк археографии; *Нестерович Ю.В.* Н.Н. Улащик – ученик Д.И. Довгялло (из очерка о преемственности в белорусской археографии) // Н.Н. Улащик и проблемы белорусской историографии, источниковедения и археографии (К 90-летию ученого): Материалы научной конференции. Минск, 14–15 февраля 1996 г. Минск, 1997. 359 с. (на бел. яз.).

¹² *Шмидт С.О.* Вступительное слово // Русь–Литва–Беларусь: Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. По материалам Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Н.Н. Улащика. Москва, 31 января 1996 г. М., 1997. С. 13.

¹³ Личный архив автора. Четырьмя годами ранее была предпринята попытка создать в республике археографическую комиссию, оказавшаяся неудачной. 25 января 1994 г. Правительство Республики Беларусь приняло распоряжение “О переименовании Белорусского научно-исследовательского центра и создании Белорусской археографической комиссии”, в соответствии с ним, Центр стал именоваться Белорусским Научно-исследовательским центром документообедения, археографии и архивного дела; что же касается реализации второй части распоряжения – создания археографической комиссии, то она была как бы “дезаурирована” произошедшими в республике событиями общественно-политического характера (имеется в виду введение института президентства и связанная с этим отставка премьер-министра, подписавшего распоряжение).

и опыт практической деятельности в сфере археографии, с приглашением в нее представителей научных, образовательных учреждений, учреждений культуры и др. Рабочий аппарат комиссии, включая штатную должность ее ученого секретаря, по мнению автора докладной записки, вводится в состав отдела археографии БелНИИДАД. На базе редакционно-издательского отдела последнего готовится и продолжающееся издание комиссии под названием “Белорусский археографический ежегодник”.

Обсуждение проблем организационного характера применительно к археографии было продолжено в Беларуси и в следующем году. Так, в марте 1999 г. на историческом факультете БГУ состоялась научная конференция “Проблемы белорусской археографии”, приуроченная к 175-летию выхода в свет “Белорусского архива древних грамот”¹⁴. Обратившийся с приветствием к ее участникам С.О. Шмидт отметил, что сам факт созыва конференции представляет собой “показатель и значительных достижений археографов, архивистов, источниковедов Беларуси, и показатель высокой ценности археографического наследия”¹⁵.

Все эти мероприятия создавали благоприятную почву для стимулирования решения организационных вопросов в части возрождения ранее существовавшего в Беларуси археографического центра. Обращение к истории белорусской археографии, популяризация археографической традиции присутствовали в ряде публикаций, помещенных в первых номерах начавшего выходить в 1999 г. научно-практического журнала “Архивы и делопроизводство” (вместо прекратившего издаваться в 1998 г. упомянутого выше журнала “Беларуская мінуўшчына”). Так, заканчивая публикацию об истории создания и деятельности Виленской археографической комиссии и размышляя при этом о перспективах дальнейшего развития белорусской археографии, автор настоящей статьи, ссылаясь на опыт российских и украинских коллег-археографов, повторил основные положения, изложенные в его упоминавшейся выше докладной записке и уже публично призвал создать в республике “Белорусский археографический ежегодник”, на страницах которого публиковались бы статьи научно-теоретического и методического характера по проблемам археографии, архивоведения, дипломатики. Возможность такого издания он связывал с созданием “научно-методического и координационного центра в виде Археографической комиссии”¹⁶.

Конкретизируя и развивая некоторые вопросы организационного порядка, будущий первый председатель Археографической комиссии Белкомархива Р.П. Платонов считал, что “одной общественной инициативы для возрождения в Беларуси археографической традиции и организации работы

¹⁴ К сожалению, материалы конференции отдельным изданием не были опубликованы. Некоторые выступления участников конференции в форме статей помещены в первом выпуске, начавшего издаваться с 2002 г. на историческом факультете сборника “Источниковедение и специальные исторические дисциплины”, а также в третьем выпуске БАШ (Минск, 2002) (на бел. яз.).

¹⁵ Шмидт С.О. Приветствие участникам конференции // Источниковедение и специальные исторические дисциплины. Минск, 2002. Вып. 1. С. 229.

¹⁶ Шумейко М.Ф. В поисках исторической истины // Архивы и делопроизводство. 1999. № 2. С. 59.

Археографической комиссии на новой основе недостаточно. Нужна реальная поддержка этой инициативы органами государственного управления”¹⁷.

Наряду с попытками решения организационных вопросов в сфере археографии на обсуждение научной общественности республики выносятся проект национальной программы издания исторических источников, составленный зав. отделом археографии БелНИИДАД Я.Я. Янушкевичем¹⁸, публикуются делопроизводственные документы Археографической комиссии Инбелкульта второй половины 1920-х годов¹⁹, призванные не только стимулировать интерес научной общественности республики к истории издания в прошлом исторических источников, но и заимствовать испытанные проверки временем формы ее организации при возрождении ведомственной Археографической комиссии.

28 октября 1999 г. организационное оформление создания в Беларуси Археографической комиссии было завершено. В принятом в этот день постановлении коллегии Госкомархива, в частности, говорилось: “В целях улучшения и совершенствования археографической работы в архивной отрасли коллегия Госкомархива постановляет: 1) Образовать Археографическую комиссию Государственного комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь. Возложить на комиссию разработку совместно с государственными архивами и заинтересованными научными и учебными учреждениями программы издания документов Национального архивного фонда Республики Беларусь, координацию публикаторской деятельности государственных архивов и заинтересованных учреждений, научную разработку проблем теории и истории белорусской археографии”²⁰. 27 января 2000 г. было утверждено Положение о ней, в соответствии с которым Комиссия объявлялась ведомственным координационным, научно-методическим и публикаторским центром в области археографии²¹.

В 2001–2003 гг. в Витебске и Гродно были открыты региональные отделения Археографической комиссии.

За 10 лет, прошедшие с создания в Беларуси ведомственной Археографической комиссии, ею сделано немало и в то же время не так уж и много. Ее традиционные критики (к их числу в первую очередь относятся, как это ни

¹⁷ Платонов Р.П. К вопросу о возрождении Археографической комиссии // Там же. 1999. № 3. С. 24.

¹⁸ Янушкевич Я. Национальная программа издания исторических источников: восстановление Белорусской археографической комиссии (далее: БАК) (проект) // Там же. 1999. № 4. С. 4–9 (на бел. яз.).

¹⁹ Из истории белорусской археографии // Там же. 1999. № 5. С. 39–43 (на бел. яз.).

²⁰ Постановление коллегии Госкомархива Республики Беларусь “Об Археографической комиссии Государственного комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь” 28 октября 1999 г. // Там же. 2000. № 1. С. 31–32; опубли. также в БАШ. Минск, 2000. Вып. 1. С. 10–11.

²¹ Положение об Археографической комиссии Государственного комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь. Утверждено постановлением коллегии Госкомархива от 27 января 2000 г. // Архивы и делопроизводство. 2000. № 2. С. 37–38; опубликовано также в БАШ. Минск, 2000. Вып. 1. С. 12–14. В 2008 г. в связи с реорганизацией Комитета по архивам и делопроизводству при СМ РБ в Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Положение об Археографической комиссии было утверждено в новой редакции (подробнее об этом см.: БАШ. Минск, 2009. Вып. 10. С. 312–313).

покажется странным, практики-археографы архивных учреждений) утверждают, что была бы Комиссия или нет, практическая работа по публикации документов и материалов все равно велась бы архивами. И в этом они, безусловно, правы.

Дело в том, что в Комиссии инициаторы ее создания усматривали своеобразный паллиатив, который должен был бы “подтолкнуть” научную общественность Беларуси к учреждению Археографической комиссии если не в статусе государственного, то академического учреждения (по аналогии с Россией, Украиной). Но, как отмечалось в докладе о деятельности Комиссии за 2000–2001 гг.: “Два года, прошедшие со времени создания в Беларуси Археографической комиссии, заставили нас, с одной стороны, лишний раз убедиться в правильности сделанного шага в части создания ведомственной Археографической комиссии, с другой стороны, окончательно рассеяли иллюзии относительно академической Археографической комиссии. В свете назревающей реорганизации высшего научного учреждения республики говорить о возможности создания в нем новой структуры по меньшей мере наивно”²². С учетом именно этого обстоятельства и следует, на наш взгляд, подходить к оценкам деятельности Археографической комиссии за 10 лет ее существования.

Главной и непреходящей заслугой Комиссии, по нашему мнению, является издание ею “Белорусского археографического ежегодника”: 10 выпусков за 10 лет²³. Включение ежегодника в перечень ваковских изданий является показателем признания его научного характера. Рецензии и отзывы на содержание всех без исключения 10 выпусков ежегодника свидетельствуют о значительном интересе к нему как со стороны отечественных, так и зарубежных ученых: историков, археографов, текстологов (и это при мизерном тираже издания – всего 100 экз.).

Разработанная и утвержденная Госкомархивом Республики Беларусь²⁴ структура издания, в основном выдерживается во всех его выпусках. Она включает статьи и сообщения по проблемам теории, истории, методики археографии и смежных с ней архивоведения, документоведения, источниковедения; обзоры и описания архивных фондов и коллекций; публикации документов Национального архивного фонда Республики Беларусь; статьи по

²² Шумейко М.Ф. Деятельность Археографической комиссии Белкомархива в 2000–2001 гг. и перспективы ее развития // БАШ. Минск, 2002. Вып. 3. С. 4.

²³ Почти одновременно с ежегодником в республике стал издаваться (с 2001 г.) сборник научных сообщений и статей “Архiварыус”. Его готовит Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). К 2009 г. вышло 7 выпусков. Археографический сегмент издания представлен разделами “Публикации и археографическая обработка архивных документов”, а также “Критика и библиография”; в последнем, в числе прочих, публикуются рецензии и на археографические издания, выходящие в республике (например, в 4-м выпуске – на сборники документов: 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии: док. и мат. Минск, 2005; Віцебска-Рыжскія акты XIII–XVII ст.: Дагаворы і службовая карэспандэнцыя паміж органамі кіравання горада Віцебска і ганзейскага горада Рыгі (з былога комплексу Ruthenica Дзяржаўнага Гістарычнага Архіва Латвіі). Мінск, 2005. Вып.1: Дакументы гаспадарча-гандлевыя, XV–XVI стст.; в 7-м выпуске – на сб. док.: Гісторыя Магілёўскага дзяржаўнага універсітэта (1913–1940 гг.): дак. і мат. Магілёў, 2008; и др.).

²⁴ Постановление коллегии Госкомархива Республики Беларусь “О Белорусском археографическом ежегоднике”. 27 января 2000 г. // БАШ. Минск, 2000. Вып. 1. С. 18–19.

истории государственных учреждений и общественных организаций; материалы по краеведению; статьи по архивоведению и архивному делу, включая публикации об автоматизированных архивных технологиях и электронной документации; информации об архивоведении за рубежом; библиография, хроника, юбилеи, тематика. В некоторых выпусках структура дополнена разделами “Текстология, палеография”, “Генеалогия”, “Геральдика, сфрагистика”, “Кодикология”. Начиная с 8-го выпуска (2007 г.), ежегодник перешел на “укрупненную” структуру, не дифференцируя статьи по научным дисциплинам: а) статьи; б) публикации документов; в) личности; г) рецензии; д) информация.

Разумеется, приоритетными в ежегоднике были и остаются статьи по проблемам археографии. Ее историческим аспектам посвящены публикации директора Департамента по архивам и делопроизводству (одновременно с 2008 г. он является и председателем Археографической комиссии) В.И. Адамушко и зав. отделом научного использования документов и информации Департамента В.П. Крюка “Публикаторская деятельность архивных учреждений Республики Беларусь в конце XX – начале XXI в.: состояние и перспективы” (выпуск 8), автора настоящей статьи “Становление и развитие белорусской археографии в первой половине XIX в.” (выпуск 1), “Состояние и развитие археографии в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.” (выпуск 2), “Деятельность Археографической комиссии Белкомархива в 2000–2001 гг. и перспективы ее развития” (выпуск 3), «“Страсти по Метрике”: попытка создания в 1920-е годы международного института по изучению и публикации Литовской метрики» (выпуск 4), “О новых задачах Археографической комиссии Белкомархива” (выпуск 5), «От “культуры обычая” к “культуре правил”: история создания нормативно-методической базы археографии в России и СССР» (выпуск 6), “Значение Витебской ученой архивной комиссии в развитии архивного дела, археографии, археологии, краеведения в Витебской губернии в начале XX в. (к 100-летию создания)” (выпуск 10) и др.

Теоретическое и методическое направления в сфере археографии представлены статьями бывших руководителей архивных служб России и Беларуси В.П. Козлова и А.Н. Михальченко “Некоторые вопросы археографии как научной дисциплины” (во многом это перевод на белорусский язык дискуссионной статьи первого автора “Теоретические основы археографии с позиций современности”), сокращенный вариант перевода на белорусский язык публиковавшейся в “Вестнике архивиста” (2002. № 4/5(70/71)) статьи В.П. Козлова “Документ в состоянии покоя: архивный, источниковедческий, археографический аспект” (выпуск 4); сотрудника БелНИИДАД Ю.В. Нестеровича “Некоторые вопросы археографической культуры белорусских документальных изданий второй половины 1990-х годов” (выпуск 3), “Объект и предмет археографии” (выпуск 4), “Терминология и дефиниция понятия археографии” (выпуск 5), “Экспликация понятия науки и обозначение археографии как социокультурного феномена” (выпуск 6), “Объект и основные аспекты эдиционной археографической работы (терминологический аспект)” (выпуск 7), “О науковедческом статусе археографии в системе научных дисциплин о документальной информации” (выпуск 8), “Проблемы унификации, оптимизации терминологии и построения терминосистемы археографии” (выпуск 9), “Некоторые вопросы теории и терми-

новедения археографии, связанные с интерференцией содержания понятий” (выпуск 10); преподавателя РГГУ И.И. Глебовой “Археография как компонент общественной культуры” (выпуск 3); научного сотрудника ОР РНБ Н.В. Николаева “Методические рекомендации И.И. Григоровича по описанию белорусских рукописных книг” (выпуск 3); зав. сектором ВНИИДАД И.В. Сабенниковой “Публикации исторических документов в электронной форме” (выпуск 9); ряд публикаций сотрудников Института истории НАНБ: А.И. Груши “Из опыта подготовки к изданию книги Метрики ВКЛ 44 (1559–1566)”, В.М. Свежинского – «Сопоставление двух изданий “Воспоминаний” Ф. Евлашевского – белорусского 1983 г. и литовского – 1998 г.», В.Ф. Голубева «“Собрание грамот” И. Даниловича как публикация источников по политической и социально-экономической истории Беларуси (до Люблинской унии)», М.Ф. Спиридонова “Населенные пункты в географических указателях публикаций источников Великого княжества Литовского XVI в.” (выпуск 3) и др.

Заметны в ежегоднике и обзоры архивных фондов, а также тематические обзоры, что, на наш взгляд, не может не свидетельствовать о повышении интереса среди белорусских архивистов и археографов к архивному источниковедению, камеральной археографии. Укажем на «“Обзор документальных материалов фонда “Радзивиллы, князья”» (выпуск 1) А.К. Голубович, директора НИАБ, где хранится этот фонд, ее же публикацию архивной описи «“Инвентари портретов, картин и мраморных скульптур” Несвижского замка кн. Радзивиллов в Бундесархиве г. Кобленца (Германия)» (выпуск 7); “Обзор первоисточников по войне 1812 г. на территории Беларуси, хранящихся в НИАБ” (подгот. Л.М. Лисова) (выпуск 4); “Из личного фонда П.М. Машерова в НИАБ” (подгот. В.А. Сверчков) (выпуск 4); “Документы по истории белорусского национального движения 1917–1930-х годов в ЦГА ВОВУ Украины” (подгот. О.Е. Зубко, Украина) (выпуск 4); носящую характер обзора статью “К истории коллекции автографов из библиотеки и музея древностей А.К. Ельского в Замостье” (выпуск 1) директора БГАМЛИ А.В. Запартыко; тематический обзор “Воложинщина в материалах Национального исторического архива Беларуси” (подгот. Я.Я. Янушкевич) (выпуск 6); “Комплекс ревизских сказок в Национальном историческом архиве Беларуси” (подгот. С.А. Рыбчонок) (выпуск 8); “Фонд Полесского воеводского управления как источник по истории органов местного самоуправления в Западной Беларуси в 20–30-е годы XX в.” (А.Г. Карапузовой) (выпуск 9); “Документы уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР как источник по истории Православной церкви в Беларуси 1944–1965 гг.” В.Г. Кулаженко (выпуск 10); описание фрагмента личного архива профессора Полоцкой духовной семинарии первой половины XIX в. А.Тамковиды (подгот. Д.В. Лисейчиков) (выпуск 8) и др.

Примером плодотворного сотрудничества архивных и музейных работников является описание документов XVI–XVIII вв. Г.М. Брегером (НИАБ) и Л.А. Линской (НИМ) (выпуски 2–9). Объекты описания – фрагменты фамильных архивов белорусских магнатов (Быховцев, Слизней, Радзивиллов) и архив Слуцкого Свято-Троицкого (Тройчанского) монастыря (последний был кратко описан А. Снитко (см. 4-й выпуск трудов Минского церковного историко-археологического комитета “Минская старина”, 1913 г.)).

Широк хронологический и языковой диапазон помещаемых в ежегоднике публикаций документов: от папских грамот XIII–XVI вв., подготовленных классическим филологом, членом Археографической комиссии А.А. Жлутко (выпуски 4, 7), до делопроизводственных документов о деятельности ЦГАОР БССР в конце 1920-х годов (Н.Е. Колесник, выпуск 8), протоколов допросов военврача 3-го ранга Л.А. Атанасяна, бывшего военнопленного, ушедшего в 1943 г. из Бобруйска в партизанский отряд и арестованного затем советской контрразведкой (выпуск 5) и др.

Самостоятельное научное значение имеют материалы библиографического раздела ежегодника: рецензии, аннотации на профильные научные, методические и документальные издания, вышедшие в основном в Беларуси. Они выступают как своеобразный барометр, показывающий уровень развития археографической мысли в республике. Особо выделим рецензии “Методические рекомендации по публикации рукописных актов кириллических источников в Беларуси (XIII–XVIII вв., период Великого княжества Литовского)” (на бел. яз.) (Минск, 2003. 168 с.). Автор-составитель, член Археографической комиссии А.И. Груша. На это издание откликнулась А.Л. Хорошкевич, подготовившая в свое время с С.М. Каштановым (при минимальном участии литовских, украинских и белорусских археографов и текстологов) “Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики” (Вильнюс, 1985). Признав в определенной степени устарелость последних, а также чрезмерное влияние на них русскоязычной археографической и дипломатической терминологии, рецензент в целом позитивно оценила белорусские методические рекомендации, отметив новаторский подход автора-составителя в части определения типов, разновидностей документов, включенных в состав книг Литовской метрики²⁵.

Совершенно иной характер имела помещенная здесь же рецензия двух белорусских практиков-археографов, едва ли не обвинявших автора-составителя в примитивном списывании ряда параграфов рекомендаций с вильнюсского варианта “Методических рекомендаций”²⁶. А.И. Груша откликнулся рецензией на рецензию, однако редколлегия отказалась помещать ее в очередном выпуске ежегодника, справедливо полагая, что это может вызвать ответную реакцию, дискредитируя, таким образом, научное издание. Отзыв Груши опубликован в негосударственном издании²⁷.

Помимо издания ежегодника, важным направлением археографической деятельности в республике, реализуемым благодаря участию в нем Археографической комиссии (разумеется, с привлечением научного потенциала коллективов архивных и научно-исследовательских учреждений архивной службы республики, институтов истории, литературы и языка НАНБ, вузов и других учреждений и организаций гуманитарного профиля), является разработка научных и методических проблем в области археографии. Она особен-

²⁵ Хорошкевич А.Л. Первые рекомендации по публикации рукописных кириллических документов ВКЛ белорусского автора // БАШ. Минск, 2003. Вып. 4. С. 308–310.

²⁶ Латушкин А.Н., Яцкевич Д.Л. Малоприспособленные для практического использования рекомендации // Там же. С. 310–318 (на бел. яз.).

²⁷ Груша А.И. “Малоприспособленные” рекомендации или малоподготовленные рецензенты? // Беларускі гістарычны агляд. (Белорусский исторический обзор). Менск, 2003. Т. 10. Тетр. 1/2. С. 201–227 (на бел. яз.).

но актуальна, на наш взгляд, учитывая имевшее место очевидное отставание в прошлом белорусских археографов от своих российских и украинских коллег. Появившиеся в рассматриваемое десятилетие исследования научного, учебного, методического характера по проблемам археографии свидетельствуют о повышении интереса белорусских историков, археографов, архивистов, текстологов к данным проблемам. Так, теоретико-методические и исторические аспекты археографии рассматриваются в работах Ю.В. Нестеровича²⁸, М.Ф. Шумейко²⁹; методика публикации документов представлена рекомендациями, подготовленными И.Г. Яцквичем и Р.П. Платоновым³⁰, А.И. Грушей³¹, А.А. Жлутко³²; учебное пособие – автором настоящей статьи³³.

Непреодолимое научно-методическое и практическое значение имело возрождение в республике, начатое еще в 1920-е годы Археографической комиссией Инбелкульту³⁴, работы по пофондовой публикации архива великокняжеской канцелярии, так называемой Литовской метрики. Позитивную роль в этом, на наш взгляд, сыграла предшествующая ей аналогичная деятельность литовских археографов во главе с Э.Д. Банёнисом (1948–1993). Он подготовил на высоком археографическом уровне 5-ю Книгу записей Литовской метрики (1427–1506) (по классификации С. Пташицкого) (Вильнюс, 1993³⁵). Последующие издания книг Метрики литовскими археографами также не могли не стимулировать работы их белорусских коллег в этом направлении³⁶.

В 2000 г. увидела свет 28-я книга записей Метрики (1522–1552), подготовленная научным сотрудником Института истории НАНБ В.С. Менжинским

²⁸ *Нестерович Ю.В.* Проблема классификации археографических публикаций и белорусские археографические издания (историко-археографический очерк). Минск, 1997 (на бел. яз.); *Он же.* Развитие археографии в БССР (1991–1991 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1998 (на бел. яз.); *Он же.* К вопросу о предмете археографии и типологии документальных изданий // Теоретические основы археографии с позиций современности: Материалы дискуссии. М., 2003. С.72–74; и др.

²⁹ *Шумейко М.Ф.* Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло. Минск, 2002; *Он же.* Белорусская археография в XIX–XX вв.: (проблемы теории, истории, методики). Минск, 2007; и др.

³⁰ Рекомендации по организации работы с историческими документами (для научных изданий). Минск, 1997 (на бел. яз.).

³¹ Методические рекомендации по публикации рукописных актов кириллических источников в Беларуси (XIII–XVIII вв., период Великого княжества Литовского.) Минск, 2003 (на бел. яз.).

³² Методические рекомендации к публикации латинских документов XIII–XIV вв. Минск, 2005 (на бел. яз.).

³³ *Шумейко М.Ф.* Археография: Курс лекций. Минск, 2005.

³⁴ В составе 2-го тома “Беларускага архіва” (1928 г.) помещена подготовленная Д.И. Довгялло 16-я книга записей Литовской метрики, высоко оцененная как современниками археографа, так и его учениками и последователями (см., например: *Улащик Н.Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973. С. 254).

³⁵ 10-я книга Метрики, готовившаяся Э. Банёнисом совместно с А. Балюлисом, увидела свет уже после смерти первого составителя, в 1997 г.

³⁶ Подробнее об этом см.: *Спиридонов М.Ф.* Возобновление публикации Метрики ВКЛ // *Беларускі гістарычны агляд.* 1996. Т. 3, тетрадь 2. С. 259–275 (на бел. яз.). Рец. на кн.: Литовская Метрика: 6-я книга судных дел (1528–1547) / подгот. И. Валиконите, С. Лазутка и др. Вильнюс, 1995. 448 с.

(при подготовке к изданию к работе подключился лингвист В.М. Свежинский). Издание было осуществлено благодаря сотрудничеству государственного и негосударственного (Центр Atheneum) учреждений. Последнее выступило в качестве инициатора издания электронной версии 28-й книги на компакт-диске, что рассматривается как начало создания электронного архива Метрики ВКЛ³⁷.

Параллельно с подготовкой книг Метрики по аналогии с историками и метрикантами Литвы, выпускающими с 1996 г. сборник аннотаций и сообщений “Новости Литовской метрики”³⁸, было начато издание ежегодного альманаха *Metriciana*, призванного “создать и полный спектр взглядов на Метрику, шире заявить о ней в нашем обществе, где все же недооценено это явление центральноевропейской цивилизации”³⁹. Вслед за 1-м томом в 2003 г. увидел свет 2-й, в 2004 г. – 3-й том альманаха, и на этом издании, к сожалению, приостановилось. Археографические сюжеты в нем представлены статьями ответственного редактора альманаха и координатора совместного проекта альманаха истории и культуры Atheneum и Отдела специальных исторических наук Института истории НАНБ О.И. Дерновича: “Подзабытая публикация материалов Метрики ВКЛ”, “Продолжение польских публикаций материалов Метрики ВКЛ”, “Книга № 28 Метрики ВКЛ на компакт-диске” (на бел. яз., т. 1); о комплексной публикации Метрики на Украине идет речь в статьях В.С. Менжинского “Начало комплексной публикации Метрики ВКЛ в Украине (издание Книги № 220 Волынской Метрики за 1652–1673 гг.)” (на бел. яз., т. 1), украинского метриканта С. Абросимовой «Археографический “Ренессанс” Метрики Великого княжества Литовского» (на укр. яз., т. 1).

К традициям издания Литовской метрики Археографической комиссией императорской Академии наук в начале XX в. обращается и А.Л. Хорошкевич, отмечая при этом, что «...подлинно научный подход к археографии книг Литовской метрики позволил участникам издания (Русской исторической библиотеки. – М.Ш.) возвыситься над официальной трактовкой прошлого Белоруссии и сопредельных с нею земель Великого княжества Литовского... Точно переданные тексты, предметные указатели “речений”... полностью опровергали официальную мифологему»⁴⁰. В заключение автор делает вывод, что если ученые историки и филологи честно занимаются своим, пусть даже очень подверженным влиянию конъюнктуры трудом, они оказываются выше своего времени.

Помимо архивных, академических учреждений к археографической деятельности в Беларуси в рассматриваемый период подключаются и учреждения образования, что обусловлено, в первую очередь, необходимостью обеспечения учебного процесса различными документальными изданиями хрестоматийного типа, но не только этим. Публикации документов по ис-

³⁷ См.: Дернович О.И. Новый проект // *Metriciana: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага*. Atheneum – Адзел спецыяльных гістарычных навук Інстытута гісторыі НАНБ. Менск, 2001. Т. 1. С. 9 (на бел. яз.).

³⁸ В 2009 г. вышел 10-й выпуск “Новостей Литовской метрики” уже в формате научно-информационного приложения к изданию “*Lietuvos istorijos metraštis*” (“Ежегодник истории Литвы”). В нем, помимо перечня книг Метрики, изданных в 1987–2008 гг., помещена информация о научной конференции памяти Э. Банёниса.

³⁹ Дернович О.И. Новый проект. С. 9.

⁴⁰ Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 204.

тории вузов Беларуси, а также иные тематические издания, готовящиеся преподавателями совместно со студентами, магистрантами, аспирантами призваны способствовать формированию у последних археографической и источниковедческой культуры, без которой немислимы современные научные и практические изыскания в области историографии, источниковедения, архивоведения, архивного дела, педагогической, культурно-просветительской и другой деятельности.

Примером подобного рода изданий могут служить начавшие выходить с 2005 г. в серии “Память и слава” сборники документов об истории первого государственного университета республики⁴¹. Они готовятся преподавателями и сотрудниками исторического факультета БГУ с привлечением студентов историко-архивного отделения (специализация “Археография”)⁴². Археографический опыт сотрудников БГУ был заимствован их магилевскими коллегами, подготовившими совместно с архивистами области аналогичное документальное издание⁴³.

Археографическая составляющая присутствует и в сугубо аналитических изданиях исторического факультета БГУ, в частности, в начавшем издаваться с 2002 г. научном сборнике “Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны” (Источниковедение и специальные исторические дисциплины) (в 2008 г. вышел 4 выпуск), аналогичном сборнике “Российские и славянские исследования” (в 2009 г. вышел 4 выпуск) и др.

Мы не станем останавливаться на характеристике археографических изданий, появившихся в Республике Беларусь, начиная с 1991 и по 2009 г. Она присутствует в виде аннотаций, рецензий, обзоров, библиографических справочников, появившихся в это же время⁴⁴ и подтверждающих, что ведущую роль в расширении археографической базы в республике продолжают играть ее национальные архивы. Последние отметили в 2007–2008 гг. свои юбилеи и приурочили к ним издание книг справочно-информационного характера, дающих в числе прочего и представление о их археографической деятельности в рассматриваемый период⁴⁵.

⁴¹ Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт ў гады Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945. Мінск, 2005; Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт 1921–1941. Мінск, 2006; Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт 1945–1961. Мінск, 2008.

⁴² При подготовке данного издания составители опирались на уже имевшиеся аналоги подобных публикаций, в частности, составленное под руководством доцента кафедры археографии Д.М. Эпштейн юбилейное издание «Московский ордена “Знак Почета” государственный историко-архивный институт. 1930–1980: Сб. док. и материалов» (Пермь, 1984).

⁴³ Гісторыя Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта (1913–1940 гг.): дак. і мат. Магілёў, 2008.

⁴⁴ Укажем лишь на важнейшие: Археаграфічныя даследаванні і распрацоўкі ў Рэспубліцы Беларусь (1991–2008 гг.): Бібліяграфічны паказальнік. (Археографические исследования и разработки в Республике Беларусь (1991–2008 гг.): Библиографический указатель). Минск, 2010; Бібліяграфічны паказальнік археаграфічных публікацый у Рэспубліцы Беларусь (Библиографический указатель археографических публикаций в Республике Беларусь) (1991–2006 гг.). Мінск, 2010.

⁴⁵ *Нарушевич К.А., Скалабан В.В.* Издания Национального архива Республики Беларусь и его сотрудников // Наша история: Национальный архив Республики Беларусь 1927–2007 гг. Минск, 2007. С. 117–131; Публікацыі супрацоўнікаў архіва (1955–2008): Зборнікі дакументаў і навуковых артыкулаў, даведнікі, навукова-папулярныя працы // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі – скарбніца дакументальнай спадчыны (Национальный исторический архив – хранилище документального наследия): 1938–2008. Мінск, 2008. С. 178–183.

Отрадно отметить, что расширяется география археографической деятельности. Значительно активизировали свою работу в этом направлении местные архивы, особенно в тех областях – Витебской и Гродненской – где имеются региональные отделения Археографической комиссии. Так, витебские архивисты опубликовали ряд оригинальных документальных изданий по истории архивного дела, Витебского художественного училища, Православной церкви на Витебщине⁴⁶, гродненские – по истории губернии и области, восстания 1863 г.⁴⁷ Заявляет о себе региональная журнальная археография: в издающихся на местах историко-краеведческих журналах и альманахах (в Березе Картузской – “Гістарычная брама”, Бресте – “Берасцейскі хранограф”, Браславе – “Браслаўскія зшыткі”, в Витебске – “Віцебскі зшытак”, Гродно – “Гістарычны альманах”, Лиде – “Лідскі летапісец”, Могилеве – “Магілёўская даўніна”, Полоцке – “Полацкі летапісец”) значительное место занимают публикации документов и материалов по истории этих регионов.

Все изложенное выше дает основание утверждать, что археографические, равно как и краеведческие, этнографические традиции в Беларуси возрождаются, создавая тем самым позитивные условия для развития и совершенствования здесь историографических, источниковедческих, архивоведческих и других исследований.

⁴⁶ Витебщина архивная: История, фонды, персоналии (середина XIX–XX вв.). Минск; Витебск, 2002; Витебск: Классика и Авангард: История Витебского художественного училища в документах Государственного архива Витебской области (1918–1923). Витебск, 2004; Православная церковь на Витебщине (1918–1991): Док. и материалы. Минск, 2006.

⁴⁷ Гродненская губерния в законодательных актах Российской империи (1801–1913). Слоним, 2004; Гродненская область в документах и материалах (1944–1995). Слоним, 2004; Повстанческое движение в Гродненской губернии, 1863–1864 гг. Брест, 2006.

Я.Е. Смирнов

С.Ф. ПЛАТОНОВ И ЯРОСЛАВСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Изучение региональных аспектов в творческой судьбе С.Ф. Платонова таит в себе еще много неизведанного и скрытого от глаз биографов выдающегося отечественного историка. По замечанию С.О. Шмидта, до сих пор “не обобщен в должной мере материал об участии Платонова в краеведческой работе, поддержке им инициативы краеведов Поволжья, Великого Новгорода и других местностей”¹. Между тем, такой подход в историографическом исследовании позволяет в акцентированном виде восстанавливать не только многообразные факты взаимодействия петербургского ученого с научно-краеведческими обществами и деятелями исторической науки в провинции, но и определить отношение ученого к самой русской провинции, оценить ее место в его жизни. Появившиеся за последние два десятилетия многочисленные исследования краеведческой направленности в деятельности С.Ф. Платонова – и новый признак современной историографии, и свидетельство того, какое большое значение историк придавал развитию провинциальной науки, обогащающей “общую историю страны”, тесному сотрудничеству “научного центра” с краеведческими силами на местах (Прил. IV)². Особенно в этом отношении плодотворными явились Всероссийские юбилейные конференции, посвященные 150-летию со дня рождения С.Ф. Платонова, материалы которых опубликованы³. Обращение к теме творческих связей С.Ф. Платонова с представителями исторической науки в Ярославском крае восполняет эту малоизвестную главу научной биографии ученого, дает возможность открыть новую страницу в истории ярославского краеведения⁴.

Достаточно напомнить, что интересы С.Ф. Платонова как историка Смуты уже с первых шагов его научной карьеры обусловили пристальное внимание исследователя к древней Ярославской земле, сыгравшей столь заметную роль в русской истории начала XVII в. Это неизбежно приводило ученого к необходимости много размышлять, условно говоря, над “ярославскими” сюжетами в общем контексте отечественной истории, изучать и реконстру-

¹ Шмидт С.О. Историк С.Ф. Платонов – ученый и педагог: (К 150-летию со дня рождения). М., 2010. С. 109.

² Наиболее полный обзор публикаций данной тематики представлен в монографическом исследовании В.В. Митрофанова, посвященном выяснению роли С.Ф. Платонова как организатора краеведческого движения, см.: Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России: Монография. Челябинск, 2011. С. 5–22, и др.

³ См.: Научное наследие С.Ф. Платонова в контексте развития отечественной историографии: Материалы Всерос. научн. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения С.Ф. Платонова (г. Нижневартовск, 15 мая). Нижневартовск, 2010; Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб., 2011.

⁴ В основе настоящей публикации – доклад автора на Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию С.Ф. Платонова, состоявшейся 28–30 июня 2010 г. в Санкт-Петербургском государственном университете и Российской национальной библиотеке.

ировать местные письменные источники, интересоваться развитием науки в Ярославском крае – и в дореволюционный период, и в годы “золотого десятилетия” краеведения. Открывая факты биографии С.Ф. Платонова, можно констатировать, что Ярославль и ярославцы уже с самого начала научной известности историка всегда находились в поле зрения его творческой и человеческой судьбы. Именно здесь в августе 1887 г. состоялся публичный дебют молодого исследователя с темой магистерской диссертации о древнерусских сказаниях и повестях о Смутном времени. Имя крупного ученого, председателя Археографической комиссии и директора Пушкинского Дома и Библиотеки АН СССР академика С.Ф. Платонова, тесно связанного с ярославскими краеведами 1920-х годов, явилось весомым основанием к разгрому в 1930–1931 гг. краеведческого движения в Ярославском крае.

Изучение историографических, документальных источников, как опубликованных, так и архивных, позволяет в основных чертах восстановить связи С.Ф. Платонова с ярославскими деятелями краеведения, рассмотреть их взаимоотношения на фоне научных и дружеских встреч, раскрыть темы обсуждавшихся в переписке проблем, осветить хронику посещений столичным ученым Ярославля и других городов края. Основным документальным источником для этой реконструкции нам послужили письма С.Ф. Платонова, отложившиеся в фондах Государственного архива Ярославской области (далее – ГАЯО) и до сих пор оставшиеся неизвестными.

Публикуемые в приложении к настоящей статье письма были адресованы С.Ф. Платоновым трем видным представителям ярославской исторической науки, археографии и музейного дела – архивариусу Ярославской губернской ученой архивной комиссии (далее – ЯГУАК) Илариону Александровичу Тихомирову (1861–1933), ростовскому купцу-историку Андрею Александровичу Титову (1844–1911) и хранителю Ростовского музея церковных древностей Ивану Александровичу Шлякову (1843–1919). Каждый из этих в высшей степени достойных людей составил отдельную значительную главу в истории ярославского краеведения.

И.А. Тихомиров, на протяжении почти тридцати лет служивший архивариусом ЯГУАК, принадлежит к числу ее наиболее видных и преданных деятелей. Увлеченный практик и теоретик архивного дела, активный собиратель музейных экспонатов, археолог и реставратор, ему ярославская наука обязана спасением и сохранением огромного числа документальных ценностей и памятников материальной культуры и искусства. Достаточно сказать, что составленные при его непосредственном участии и руководстве многочисленные архивные и музейные коллекции, по сути, дали жизнь современным ГАЯО и Ярославскому государственному историко-архитектурному и художественному музею-заповеднику, послужив основой для их богатейших фондов⁵. Успешный купец из Ростова Великого А.А. Титов, пожалуй, более известен как выдающийся коллекционер и археограф – собиратель, исследователь и публикатор письменных памятников. Его коллекция

⁵См.: *Смирнов Я.Е.* “Ярославский старожил” Иларион Тихомиров // Тихомиров И.А. Граждане Ярославля: Из записок ярославского старожила / вступ. статья и коммент. Я.Е. Смирнова. Ярославль, 1998. С. 5–40; *Он же.* Тихомиров Иларион Александрович // Энциклопедия Ярославского края с древнейших времен до 1917 г.: Антология / гл. ред. Ю.Ю. Иерусалимский. Ярославль, 2009. С. 222–224; *Он же.* “...Сохранить память о минувшем...”: Архивариус И.А. Тихомиров о назначении и деятельности ЯГУАК / публ. и предисл. Я.Е. Смирнова // ОА. 2009. № 5. С. 98–103; и др.

славяно-русских рукописей, которую купец собирал на протяжении всей своей жизни, насчитывала более пяти тысяч книг и являлась самым крупным частным рукописным собранием в России. Еще при жизни владелец начал передавать свою коллекцию в Императорскую Публичную библиотеку, где и по сей день она продолжает служить отечественной науке и культуре. Неутомимому историку-любителю принадлежит более 700 публикаций, среди которых и отдельные книжные издания историко-литературных памятников, и многотомные описания рукописных коллекций, и газетно-журнальные статьи на темы, связанные с историей его родной Ростово-Ярославской земли⁶. Купец И.А. Шляков снискал уважение современников и благодарную память потомков как один из инициаторов и главных участников реставрации знаменитого Ростовского кремля, явившись в числе “отцов-основателей” Музея церковных древностей, его бессменным хранителем, глубоким знатоком и исследователем русской художественной старины⁷.

Очевидно, что внимание С.Ф. Платонова к этим видным знатокам ярославского прошлого и, что особенно важно, его документального историко-культурного наследия, было обусловлено уровнем их научной компетенции и авторитета в профессиональной среде. Это позволяло всем им, по сути, любителям, и академическому ученому общаться “на равных”, т.е. на общем для них языке страстной любви к науке и русской старине. Именно об этом, кстати, всегда мечтал С.Ф. Платонов, осознавая необходимость такого тесного союза, призывая к “непрерывному единению местных ученых сил с деятельностью научных центров”⁸.

Помимо публикуемого здесь эпистолярного наследия С.Ф. Платонова из личных фондов И.А. Тихомирова, А.А. Титова и И.А. Шлякова большой интерес представляют и другие архивные материалы, в частности, хранящиеся в фонде ЯГУАК, в следственном деле по обвинению в контрреволюционной деятельности виднейшего представителя российского краеведения 1920-х годов – переславль-залесского краеведа Михаила Ивановича Смирнова (1868–1949). Опубликованные историографические источники, среди которых “Труды” и хроники заседаний проходивших в 1887 и 1901 гг. в Ярославле археологических съездов, активным участником которых был С.Ф. Платонов, а также публикации самого историка и его ярославских коллег, дают возможность воссоздать живую ткань событий конца XIX – первой трети XX в.

⁶ См.: *Смирнов Я.Е.* Андрей Александрович Титов (1844–1911) / отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2001; *Он же.* Титов Андрей Александрович (1844–1911) // *Ярославский край в XX веке: Кто есть кто?: Историко-биографический справочник* / гл. ред. Ю.Ю. Иерусалимский. Ярославль, 2008. Т. 2. С. 84; *Он же.* Андрей Александрович Титов: (К 165-летию со дня рождения) // *Ярославский календарь на 2009 год.* Ярославль, 2009. С. 98–103; и др.

⁷ См.: *Полякова О.Б.* Деятельность А.А. Титова и И.А. Шлякова по организации Угличского музея древностей // *История и культура Ростовской земли.* 1994. Ростов; Ярославль, 1995. С. 3–7; *Крестьянинова Е.И.* Иван Александрович Шляков: род, личность, судьба // *История и культура Ростовской земли.* 2003. Ростов, 2004. С. 5–25; *Ким Е.В.* И.А. Шляков и художественная жизнь в Ростове. (Часть I: 1880–1890-е гг.) // Там же. С. 26–59; *Кожжевникова А.А.* И.А. Шляков и его вклад в развитие краеведения Ярославской губернии // *Третьи всероссийские краеведческие чтения (Москва – Коломна, 22–23 июня 2009 г.)* / отв. ред. В.Ф. Козлов. М., 2009. С. 292–298; *Она же.* Вклад И.А. Шлякова в реставрационное дело конца XIX – начала XX в. // *Путь в науку: Сб. научных работ аспирантов и студентов исторического факультета / ЯРГУ им. П.Г. Демидова.* Ярославль, 2009. Вып. 13. С. 104–106; и др.

⁸ *Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области)* / иждивением И.А. Вахромеева. М., 1902. С. XLVI.

Первое появление С.Ф. Платонова перед широким представительством ученых России состоялось на VII Археологическом съезде, проходившем в Ярославле с 6 по 20 августа 1887 г.⁹. Съезд собрал 240 участников со всей страны, в его работе было представлено 69 рефератов¹⁰. Имя С.Ф. Платонова среди участников исторического форума значилось в общем алфавитном списке под № 148¹¹. Это был не только дебют молодого историка, но также публичное представление его темы о повествовательных источниках об эпохе Смуты, с которой он вскоре войдет в число классиков отечественной исторической науки. Ко времени ярославского съезда уже была известна первая публикация выпускника Петербургского университета, напечатанная на страницах “Журнала Министерства народного просвещения” (далее – ЖМНП) в 1883 г. и являвшаяся частью его дипломной работы¹². Статья С.Ф. Платонова “Заметки по истории московских земских соборов” сразу же зарекомендовала ее автора как одаренного и серьезного исследователя. По позднему признанию самого историка, “новостью в изучении предмета” было то, что он, обращаясь, в частности, к истории второго земского ополчения 1612 г., задался целью выяснить, какие социальные силы составляли образованное в Ярославле правительство – “Совет всея земли”, положившее конец долгому периоду не прекращавшихся в государстве смут. И приходил к выводу о решающей роли “средних классов” в событиях тех лет. По наблюдению С.О. Шмидта, «уже тогда ученый отметил чрезвычайную важность этого “исторического момента”, отделявшего в его представлении древнюю Москву (патримониальную) от нового государства, “возникшего из Смуты...”»¹³. По сути, эта работа предопределила тематику будущих диссертаций С.Ф. Платонова – магистерской (1888) и докторской (1899).

Завершая работу над магистерской диссертацией “Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник”, исследователь представил участникам форума результаты своих изысканий по этой теме. Доклад С.Ф. Платонова состоялся на вечернем заседании 9 августа в “VI отделении” съезда – “Памятники словесно-русского языка и письма”¹⁴. Помимо него в заседании, проходившем под председательством

⁹ См.: Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов на Археологических съездах // РА. 2008. № 1. С. 123.

¹⁰ См.: Дубов И.В. Столетие VII Археологического съезда в Ярославле // Дубов И.В. Залесский край: Эпоха раннего Средневековья. СПб., 1999. С. 244–258; Он же. VII Археологический съезд в Ярославле // Краеведческие записки: Мат-лы 8 и 9 Тихомировских чтений. Ярославль, 2005. Вып. 8. С. 30–40; Спиридонова Е.В. VII Археологический съезд в Ярославле как явление в культурной жизни города // Роль творческой личности в развитии культуры провинциального города: Мат-лы регион. науч. конф. Ярославль, 2000. С. 158–164.

¹¹ См.: Известия о занятиях Седьмого археологического съезда в Ярославле 6–20 августа 1887 года / изд. под ред. Ф.А. Бычкова. Ярославль, 1887. С. 5 (отд. паг.). Среди участников съезда в списке его членов значится и учитель С.Ф. Платонова – профессор К.Н. Бестужев-Рюмин (под № 17), который, однако, на съезде не присутствовал.

¹² См.: Платонов С.Ф. Заметки по истории московских земских соборов // ЖМНП. 1883. № 3. С. 1–20.

¹³ Шмидт С.О. Историк С.Ф. Платонов – ученый и педагог... С. 24–25.

¹⁴ О дате выступления С.Ф. Платонова судим, основываясь на данных протокола съезда (см.: Известия о занятиях Седьмого археологического съезда в Ярославле. № 6 (17 авг. 1887 г.). С. 6–8). В.В. Митрофанов неверно указывает другую дату – 17 августа, ошибочно принимая за дату доклада историка день публикации протокола, см.: Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов на Археологических съездах. С. 123.

профессора Казанского университета Д.А. Корсакова, с рефератами выступили известные ученые – А.И. Кирпичников, Л.Н. Майков, Е.В. Барсов и А.И. Соболевский.

Выступление С.Ф. Платонова на ярославском съезде явилось своеобразной генеральной репетицией перед публичным магистерским диспутом, состоявшимся чуть более года спустя – 11 сентября 1888 г. Однако реферат доклада не был опубликован в материалах съезда, что было, очевидно, решением самого историка: к тому времени текст диссертации уже был принят редакцией ЖМНП к публикации (обращает на себя внимание пересечение в одном заседании С.Ф. Платонова и видного историка литературы, будущего академика Л.Н. Майкова – в ту пору редактора ЖМНП)¹⁵. К печатанию же внушительного по объему трехтомника трудов съезда приступили со значительной задержкой, и издавался он на протяжении трех лет – в 1890–1892 гг.¹⁶ Между тем, краткое изложение выступления С.Ф. Платонова было помещено в “Известиях о занятиях” съезда, выходявших в дни его работы, и оно может быть признано первым по времени обнародованием основных положений классического труда историка. Исходя из обычной практики публикации подобного рода резюме, его составителем мог быть сам С.Ф. Платонов. В данном материале, в частности, сообщалось и о той конкретике в обширной теме, на которой “референт” сделал в своем сообщении акцент. Учитывая эти важные историографические обстоятельства, приведем полностью напечатанный в Ярославле текст:

«С.Ф. Платонов обратил внимание съезда на русские сказания о Смутном времени XVII века, составляющие в старой русской письменности весьма заметный отдел исторических памятников, и сделал попытку расположить эти сказания как изданные, так и неизданные, в порядке их составления. По мнению референта, Смута XVII века, еще до окончания своего, вызвала несколько литературных произведений, посвященных или изображению отдельных фактов Смуты, или обсуждению общего положения дел, созданного Смутой. Собственно историческое изображение событий

¹⁵ Труд С.Ф. Платонова “Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник” (именно в этой редакции названия) печатался в ЖМНП в нескольких номерах, начиная с октябрьской книжки за 1887 г. и завершая апрельским выпуском 1888 г. В том же году С.Ф. Платонов в серии “Памятники древней письменности и искусства” (вып. 70) опубликовал “Книгу о чудесах” преподобного Сергия Радонежского келаря Троице-Сергиева монастыря Симона Азарьина (см.: Книга о чудесах пр. Сергия. Творение Симона Азарьина / сообщ. С.Ф. Платонов. СПб., 1888). Экземпляр издания с автографом С.Ф. Платонова хранится в отделе редких книг Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника: “Глубокоуважаемому Александру Ивановичу Савельеву от С. Платонова” (на обложке; здесь же штамп “Библиотека Ярославского Древлехранилища” (ЯГУАК) и запись И.А. Тихомирова карандашом: “6/XI 1902. А.И. Савельева”) (ЯМЗ-60107/9; сообщено старшим научным сотрудником музея Т.И. Гулиной). А.И. Савельев (1816–1907) – генерал-лейтенант, военный инженер, преподаватель Николаевского инженерного училища, автор исследований по истории военно-инженерного дела в России. Уроженец Ярославля, он пожертвовал 11 столбцов XVII в. Пушкинского приказа в собрание ЯГУАК, в заслугу чего 2 февраля 1900 г. был избран почетным членом комиссии (см.: Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 6, вып. 1. С. 157, 158).

¹⁶ См.: Труды VII Археологического съезда в Ярославле. 1887 / под ред. [П.С.] Уваровой. М., 1890. Т. 1; М., 1891. Т. 2; М., 1892. Т. 3. В статье “От редакции”, помещенной в 3-м томе издания, было сказано, что реферат С.Ф. Платонова, как и некоторых иных авторов, “были напечатаны в других периодических журналах или вышли отдельными изданиями”.

Смуты во всей их совокупности началось в царствование Михаила Феодоровича, когда появилось много драгоценных и с литературной, и с фактической стороны произведений о Смутном времени. Но рядом с ними возникли также компиляции, иногда весьма низкого достоинства. Во второй половине XVII в., когда уже сошли со сцены очевидцы Смуты, писавшие о ней по личным воспоминаниям, развитие литературы о Смутном времени не остановилось, и путем переработки старого материала создались новые сказания, носящие в себе черты уже легендарные. Из них референт остановился только на наиболее ранних и представил краткую характеристику так наз[ываемого] “Иного сказания”, Повести протопопы Терентия, Новгородской повести о видении 1611 года, “Плача о разорении Московского государства” и “Повести о некоей брани, належащей на благочестивую Россию»¹⁷.

Об атмосфере, в которой проходил ярославский съезд, свидетельствуют мемуарные и эпистолярные источники непосредственных участников этого важного научного события, имевшего большое значение не только для их личной профессиональной судьбы, но и для консолидации местных “археологических” сил, определения направления и форм развития исторической науки в Ярославском крае. Интересные воспоминания о съезде оставил Василий Григорьевич Дружинин (1859–1937) – ближайший друг С.Ф. Платонова и член так называемого “кружка русских историков”, участниками которого, помимо двух друзей, были А.А. Спицын, С.М. Середонин, Н.Д. Чечулин и др.¹⁸ Рассказ о Ярославле автор включил в неопубликованные до сего времени “Воспоминания о литературных встречах и знакомствах”, обширная рукопись которых хранится в РГАЛИ¹⁹. По удивительному стечению обстоятельств, свои мемуары В.Г. Дружинин начал писать много лет спустя в Ростове Ярославском, но уже совершенно в другую эпоху – в 1932–1935 гг., когда находился здесь в ссылке по так называемому “академическому делу”.

Сообщая о почти полувековой давности события, местом своего проведения приуроченном к древним памятникам Ярославля и Ростова Великого, В.Г. Дружинин вспоминал о Платонове, Спицыне, Середонине, Чечулине (в числе “молодых историков” был и сам Дружинин), которые отправлялись на VII Археологический съезд “людей посмотреть и себя им показать”²⁰. “В Ярославле, – пишет В.Г. Дружинин, – отвели нам класс в местной гимназии, т.к. в это время были каникулы, и в классе мы впятером и поселились. Гимназия была расположена на площади рядом с Демидовским лицеем, против памятника Демидову. В лицее происходили заседания съезда”²¹. Эти бытовые подробности любопытны тем, что здание располагавшейся в ту пору здесь мужской гимназии – величественный корпус бывшей Ярославской городской думы. Существовавший еще с екатерининских времен, он был построен при первом ярославском наместнике генерал-губернаторе А.П. Мельгу-

¹⁷ Известия о занятиях Седьмого археологического съезда в Ярославле. № 6 (17 авг. 1887 г.). С. 7–8; то же было опубликовано через 5 лет: Труды седьмого Археологического съезда в Ярославле. Т. 3. Прил. I: Протоколы съезда. С. 51.

¹⁸ Подробнее о кружке и его участниках см.: *Бухерт В.Г.* С.Ф. Платонов и “кружок русских историков” // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 126–143.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 167 (А.В. и В.Г. Дружинины). Оп. 1. Д. 6–10.

²⁰ Зафиксирована точная дата выезда С.Ф. Платонова на съезд из Петербурга в Ярославль – 4 августа 1887 г., см.: *Бухерт В.Г.* С.Ф. Платонов и “кружок русских историков”. С. 129.

²¹ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 140 об.

нове (1722–1788). Одно из лучших городских строений последней четверти XVIII столетия, в котором ныне располагается государственная медицинская академия, и по сей день украшает исторический центр Ярославля. А вот здание Демидовского юридического лицея на знаменитой волжской Стрелке, где проходил ученый съезд, не уцелело – в июле 1918 г. оно было разбито большевистским артобстрелом города и сгорело вместе с уникальной лицейской библиотекой.

Впечатления от первого знакомства с “большим” миром науки и ученых, которым проникались “молодые историки”, приглядываясь к нему и оценивая в совместных обсуждениях тесного дружеского кружка, В.Г. Дружинин пронес через всю жизнь и с живостью передал в поздних воспоминаниях: “Опишу лишь людей, с которыми пришлось познакомиться. Мы представились председателю съезда – графине П.С. Уваровой. Это была уже пожилая дама высокого роста, худошавая: она была председателем Московского археологического общества. При ней были две ее дочери – барышни, приходившие в ветхость и не красивые. При ней же были два секретаря съезда – В.К. Трутовский – секретарь Московского археологического общества, нумизмат по специальности, и Ф.А. Бычков, чиновник особых поручений при ярославском губернаторе, занимавшийся генеалогией. Графиня распоряжалась всем единолично, т.к. была очень властолюбива и все ей беспрекословно повиновались. Секретарями она распоряжалась как подручными. Она, дочери ее и секретари устраивали выставку при съезде. Значение графини было в том, что она была очень богата и жила отчасти под ореолом покойного тогда мужа, графа А.С. Уварова, известного археолога, обладала имением Поречье, где был музей и замечательное собрание рукописей, впоследствии описанное в четырех томах архим[андритом] Леонидом (Кавелиным), кстати сказать, очень плохо. Графиня имела большие связи и потому вела самостоятельную линию в Москве и Московском археологическом обществе. При производстве раскопок она не считалась с Археологической комиссией, во главе которой стоял ничтожный граф А.А. Бобринский, археолог-любитель, сильный лишь близостью к графу Воронцову-Дашкову, тогдашнему министру Двора. Графиня, которая, в сущности, презирала гр[афа] Бобринского, была с ним в обостренных отношениях. Мы посещали заседания секций съезда и знакомились с членами съезда, каковыми были и сами. Члены съезда очень резко делились на людей старшего и младшего поколений. Старшие были сановники и профессура, а младшие – наша братия, молодые ученые”²².

Мемуарные зарисовки В.Г. Дружинина, очевидно, довольно точно отражают не только своеобразную атмосферу съезда, полностью подчиненную решениям волевой и властной его устроительницы – графини П.С. Уваровой, что не ускользнуло от критического взора петербургской молодежи, но и “резкое” размежевание участников форума на “аристократов” и прочих представителей науки. Подобная “избранность”, между прочим, находит подтверждение и в коллективной фотографии участников VII Археологического съезда в Ярославле. На сохранившемся общем фото, составленном из отдельных портретов-медальонов делегатов съезда, с изображениями в центральных кругах “триумвирата” – графини П.С. Ува-

²² Там же. Л. 140 об.–142 об.

ровой (являвшейся не председателем съезда, как указывает Дружинин, а председателем его Распорядительного комитета), директора Демидовского юридического лицея профессора С.М. Шпилевского (председателя Ученого комитета съезда) и историка И.Е. Забелина (председателя съезда), обращает на себя внимание отсутствие всех пятерых “молодых историков” (и не только их)²³. Впрочем, научное событие подобного масштаба, каким являлся ярославский форум, несмотря на все отмеченные его особенности (заметим, присущие не только ему, но и многим другим всероссийским Археологическим съездам, с чем, кстати, позже будет бороться С.Ф. Платонов²⁴), безусловно, послужило им, начинающим ученым, важной стартовой вехой в будущей карьере. Не случайно уже в 1893 г. С.Ф. Платонов будет ориентировать своего ученика А.Е. Преснякова на “выгодность” выступления с рефератом на IX Археологическом съезде в Вильне: “Ради представления моего в университет и вообще в виде *disons le mot* – ученой рекламы”²⁵.

По воспоминаниям самой графини П.С. Уваровой, для которой съезд в Ярославле оказался первым в ее новой видной ипостаси председателя Императорского Московского археологического общества (после кончины в 1884 г. предшественника – ее мужа графа А.С. Уварова), “более других заинтересовались съездом и его выставкой И.А. Шляков и А.А. Титов, которые не только поработали для их местного съезда, но и сохранили о нем добрую память, и остались верны и благорасположены к Московскому археологическому обществу и устраиваемым им съездам до конца своей жизни”²⁶. Мемуарист весьма точно указала и охарактеризовала эпицентр бурлящей в то время в крае “археологической” работы, выразившейся в масштабной реставрации знаменитого Ростовского кремля и открытии в его стенах в 1883 г. Музея церковных древностей²⁷. Посетивший в 1888 г.

²³ См.: ГАЯО. Фотоотдел. П 1-6029.

²⁴ См.: *Митрофанов В.В.* С.Ф. Платонов на Археологических съездах. С. 127–129; *Он же.* О роли С.Ф. Платонова в организации областных Археологических съездов // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2007. Вып. 10. С. 42–43.

²⁵ Цит. по: *Митрофанов В.В.* С.Ф. Платонов на Археологических съездах. С. 124.

²⁶ *Уварова П.С.* Былое: Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 133.

²⁷ См.: *Титов А.А.* Освящение Белой палаты в Ростове // Ярославские губернские ведомости (далее – ЯГВ). 1883. Ч. н. № 89. С. 5–6; Протокол торжественного собрания при освящении Белой палаты в Ростове Великом. Ярославль, 1883; *Кельсиев А.И.* Записка об основаниях деятельности и проект устава историко-этнографического музея в г. Ростове Ярославской губернии / изд. А.А. Титова. М., 1884; *Титов А.А.* Отчет о деятельности Комиссии по восстановлению древних зданий в Кремле Ростова Великого в 1885 году. Ярославль, 1885; *Он же.* Ростовский кремль и новейшие реставрации его. М., 1885; *Селифонтов Н.Н.* Восстановление древних зданий и музеев церковных древностей в Ростове Великом // ЖМНП. 1885. № 11. С. 25–35 (отд. “Современная летопись”); *Бычков Ф.А.* Путеводитель по Ростовскому музею церковных древностей. Ярославль, 1886; *Шляков И.А.* Очерк по восстановлению Ростовского кремля. Ярославль, 1897; *Титов А.А.* Музей в Ростове // Художественный хроникер. 1887. № 6/7. С. 59–60; *Он же.* Церковь Св. Иоанна Богослова в Ростове и реставрация ее в 1884 году // Занятия Восьмого Археологического съезда. М., 1890. С. 72–74; *Он же.* Белая палата в Ростове Великом // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1891. Т. 9. С. 173; *Шляков И.А.* Очерк деятельности комиссии по восстановлению Ростовского кремля. Ростов Ярославский, 1902; *Титов А.А.* Кремль Ростова Великого. М., 1905; Ростовский кремль: В описаниях Ан. Ал. Титова / изд. В.А. Талицкого. М., 1912; и др.

Ростов историк и редактор журнала “Русская старина” М.И. Семевский также с немалым восхищением отзывался обо всем увиденном здесь и публично благодарил местных ревнителей старины: “Спасибо вам, гг. Титовы и Шляковы, дай Господи, чтобы поболее вас было на святой Руси, и чтобы громадные средства, какие русские люди охотно издерживают на поддержку святыни, так же умело расходовались бы отныне, как то сделано в кремлевских храмах города Ростова”²⁸. Очевидно, что знакомство со своими будущими ростовскими корреспондентами, хотя бы только визуальное и формальное, у С.Ф. Платонова и его друзей²⁹ произошло именно во время работы VII Археологического съезда, участники которого в один из дней посетили с экскурсией Ростов Великий. Даже и полсотни лет спустя В.Г. Дружинин не мог забыть: “Город Ростов угощал нас обедом в доме местного археолога А.А. Титова”³⁰.

Для купца А.А. Титова, депутата съезда от Ростовского музея церковных древностей и одновременно от Императорского Московского археологического общества (членом-корреспондентом которого он стал в 1880 г., а действительным членом – 10 ноября 1882 г.³¹), участие в крупном научном форуме, для подготовки которого “археолог” прилагал столь много усилий, было и желаемой целью приобщения к представительному сообществу ученых России, и возможностью широкой демонстрации собственных достижений в деле сохранения и изучения ростово-ярославской старины. Несмотря на то, что время проведения съезда выпадало на тот традиционно “страдный” период, когда А.А. Титов, и как мануфактурный торговец, и как старшина Биржевого ярмарочного комитета, находился на Нижегородской ярмарке (обычно этот период длился с конца июля до начала сентября), он все же рассчитывал присутствовать на съезде, где полагал не только выступить с докладом, но и принимать в своем родном Ростове гостей – участников исторического форума. Однако в эти планы вмешались обстоятельства, которые выясняются из письма А.А. Титова от 3 августа 1887 г. к секретарю съезда Ф.А. Бычкову: “Дорогой Федор Афанасьевич! Ради Бога попросите графиню отложить поездку в Ростов. Вчера получена телеграмма от министра финансов, что будет на ярмарке между 10–15 [августа]. Я ранее его отъезда быть не могу на съезде. Во всяком случае буду. Можно ли ехать в Ростов после 17? До которого времени будет съезд? Если нельзя дожидаться меня, то все равно, я распоряжусь, чтобы гости были приняты и без меня. На вокзале не стоит делать обед, я сделаю все сам”³². В адрес съезда А.А. Титов направил телеграмму, которая была оглашена при торжественном открытии форума в зале Ярославской городской думы (напомним, в том самом здании, где жительствовавали С.Ф. Платонов и его друзья – “молодые историки”): “С пожеланием полного успеха приветствую открытие Археологического съезда, первого

²⁸ Семевский М.И. Путевые очерки, заметки и наброски: Поездка по России в 1888 г. IV: Ростов Великий // Русская старина. 1889. № 9. С. 692.

²⁹ Среди корреспонденций к А.А. Титову в его фонде имеются письма от А.А. Спицына и Н.Д. Чечулина – по одному от каждого (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1678, 1965).

³⁰ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 150.

³¹ См.: Смирнов Я.Е. Андрей Александрович Титов (1844–1911). С. 69.

³² ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 3. Л. 9–9 об.

в моем родном крае. Искренно сожалею, что служебные обязанности по ярмарке вынуждают меня отсрочить приезд в Ярославль до 16 августа”³³.

Посещение делегатами съезда Ростова Великого, однако, отложено не было, и оно состоялось без А.А. Титова – 11 августа³⁴. Распорядительницей приема гостей в Ростове от имени Андрея Александровича была его супруга Н.А. Титова, которая по просьбе мужа передала графине П.С. Уваровой присланную им приветственную телеграмму с тостом в память покойного графа А.С. Уварова: “Осчастливленный посещением моего дома почтенными членами съезда, с Вами во главе, предлагаю тост за процветание археологических изысканий в России, памятуя дорогое для меня имя моего учителя, основателя съездов. Титов”³⁵. На следующий день Н.А. Титова извещала мужа письмом в Нижний Новгород: “На мой взгляд, сошло все очень хорошо, благодарили меня и тебя, конечно, все так любезно. Всех гостей было 135 человек, такой массы в моем распоряжении никогда не было. Я сказала графине и многим, что ты будешь 16-тое в Ярославле. Графиня ожидает, что ты будешь читать реферат, и затем пригласила тебя и меня, и Глафиру (старшая дочь Титовых. – Я.С.) к себе 16-тое обедать. [...] За столом я сидела рядом с графиней и с Забелиным, первой тост я сказала, затем Шпилевский прочел телеграмму, которую ты прислал Уваровой, затем Забелин, Ваня (известный ярославский купец-миллионер и ближайший соратник А.А. Титова в деле сохранения старины И.А. Вахромеев – родной брат Н.А. Титовой. – Я.С.), граф Толстой говорил три раза, Иловайский и многие другие, которых фамилии не упомяну. Обед прошел очень шумно [...]. Многие гости порядком подвыпили, а Шляков так расхотелся, что хотел пригласить музыку, но я его остановила, мне кажется, это бы было лишнее. Он подносил букеты приезжим дамам – из роз. В Белую палату я не ездила, а в три часа отправилась в земской дом [...]”³⁶.

Знаменитый ростовский крестьянин-историк, прославившийся сочинением самобытных “историй” о своем родном крае и других древнерусских землях, старик Александр Яковлевич Артынов (1813–1896)³⁷, также с не

³³ Открытие VII-го Археологического съезда в Ярославле // Известия о занятиях Седьмого археологического съезда в Ярославле 6–20 августа 1887 года. С. 10 (отд. паг.); То же: ЯГВ. 1887. Ч. н. № 62. С. 5.

³⁴ См.: *Ростовец*. Ростов Великий (11 сентября): Посещение города членами VII Археологического съезда // ЯГВ. 1887. Ч. н. № 64. С. 1–2; Известия о занятиях Седьмого археологического съезда в Ярославле. № 8. С. 1–4 (отд. паг.).

³⁵ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 69. Л. 15 (черновик телеграммы, составленный А.А. Титовым, с адресатом: “Надежде Александровне Титовой для передачи графине Уваровой”). На заседании представителей ученых обществ в память графа А.С. Уварова, состоявшемся в Москве 28 февраля 1885 г., А.А. Титовым была произнесена речь – “Об отношениях графа Алексея Сергеевича Уварова к Ростову Великому” (см.: Незабвенной памяти графа Алексея Сергеевича Уварова: Речи, прочитанные в соединенном заседании ученых Обществ 28 февраля 1885 года, назначенном Имп. Московским археологическим обществом для чествования памяти своего покойного председателя, с приложением / под завед. В.Е. Румянцева. М., 1885. С. 35–38; То же: Речь А.А. Титова // Вестник литературный, политический, научный и художественный. 1885. 6 марта. (№ 588). С. 1).

³⁶ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1788. Л. 55–56 об. (письмо от 12 авг. 1887 г.).

³⁷ См.: *Воронин Н.Н.* “Сказание о Руси и о в’кчемь Олзѣ” в рукописях А.Я. Артынова: (К истории литературных подделок начала XIX в.) // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 175–199; *Безунов Ю.К.* Александр Яковлевич Артынов и его сказочные повести // Карабиха: Историко-литературный сборник: К 175-летию со дня рождения поэта посвящается. Ярославль, 1997. Вып. 3. С. 292–309.

меньшим достоинством исполнял почетную миссию гостеприимного ростовца. Его “отчет” в письме к своему ученому покровителю А.А. Титову, по-стариковски наивный и трогательный, рисует яркую картину пребывания участников съезда в Ростове Великом, передает те живые эмоции и впечатления, которые испытывали экскурсанты от вида местных исторических святынь и того радушного приема, который им был оказан. “Графиня Уварова от Вас в восторге. Иван Егорович Забелин в речи своей о древнем величии Великого Ростова возвел до небес и ктиторов возобновления Кремля – Вахромеева, Титова и Шлякова. 7-го августа я был на открытии съезда в Ярославле. Там Шпилевский говорил речь дивную о древнем величии Ростова Великого доисторических времен. Это до бесконечности меня заинтересовало. Подобную в Ростове говорил и Забелин. За Вашим хлебом-солью свели меня быть знакомым и с Иваном Егоровичем Забелиным, которому я обещал 16 августа быть в Ярославле. Равно такой же знакомый стал быть какой-то Корсаков (речь о казанском профессоре Д.А. Корсакове. – Я.С.), который просил меня быть у него в Ярославле. Многие из гостей спрашивали у меня о тебе и твоём образовании. Мне не верят, что я отвечал им, что вы далее Ростова никуда не шагали, а владеете не одним языком, и наболтал еще кое-что про Вашу письменную деятельную неутомимость, – старость болтлива. Роскошный стол Ваш продолжался более двух часов. [...] Завтрак был в Княжих теремах роскошной, только не было одного человека, – все чего-то недоставало. Нет Титова, нет жизни в обществе, все что-то натянуто и неразвязно. Иван Александрович Шляков, хотя старался занимать гостей, но один и в поле не орайт. Не знаю как для других, а для меня нет Титова, нет жизни, и некому посмеяться над Артыновым. [...] Гости, ходя по всему Кремлю, от удивления приходили в восторг, в особенности в храмах имя Титова было у всех на устах, многие с нетерпением желают видеть лично вас, поэтому многие и спрашивали меня о Вашей учености”³⁸.

После осмотра восторженными участниками съезда Ростовского кремля и его уникальных памятников – древнейшего храма города – Успенского собора XVI столетия, Белой палаты, где располагался недавно созданный Музей церковных древностей (здесь всем гостям раздавался путеводитель по музею, составленный Ф.А. Бычковым и изданный на средства И.А. Вахромеева³⁹), ученым экскурсантам было предложено путешествие на пароходе по озеру Неро, а затем обед в доме уездной земской управы. С особым удовольствием отмечая, что “все от Ростова в восторге”, А.Я. Артынов в послании к А.А. Титову заключал: “Гости из Ростова отправились в Ярославль в 9 часов вечера в веселом настроении духа”⁴⁰. Спустя несколько дней они могли уже

³⁸ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 283. Л. 16–16 об. (письмо от 12 авг. 1887 г.).

³⁹ Историк М.И. Семевский, побывавший в Ростовском музее в 1888 г., передавал свои впечатления от этого издания: «Берем “Путеводитель по Ростовскому музею церковных древностей” (Ярославль, 1886 г.), очень хорошо составленный Федором Афанасьевичем Бычковым, молодым, трудолюбивым изыскателем ростово-ярославской старины, – и переходим с ним от витрины к витрине, от предмета к предмету... А их немало. В год издания “Путеводителя” было в музее около 3000 номеров, а два года спустя, когда мы обходили музей, было уже в нем до 4900 предметов» (*Семевский М.И. Путевые очерки, заметки и наброски. Поездка по России в 1888 г. IV: Ростов Великий. С. 693*).

⁴⁰ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 283. Л. 17.

лично благодарить А.А. Титова за оказанное им щедрое гостеприимство⁴¹. Купец-историк прибыл в Ярославль 16 августа “на весьма короткое время”, чтобы в утреннем заседании “по VIII отделению древностей восточных” доложить ученому собранию свой реферат⁴².

Для С.Ф. Платонова и его товарищей, очевидно, тогда впервые открывавших для себя Ростов Великий и знакомившихся с выдающимся местным опытом по восстановлению и сохранению национальной старины, эта поездка, безусловно, не прошла бесследно, оставив в их памяти яркое и неизгладимое впечатление. Потому-то они и в последующем будут стремиться возвращаться сюда, опираясь на традиционную гостеприимную открытость и просвещенное внимание к “большой науке” известных всей России ростовцев-“археологов”. Но думал ли в ту пору молодой магистрант С.Ф. Платонов, что спустя десятилетие с лишним ему самому, уже видному университетскому ученому, суждено будет стоять у истоков областных археологических съездов, первый из которых состоится в 1901 г. именно здесь – на Ярославской земле? При закрытии “съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области”, которое пройдет в стенах Ростовского кремля, профессор С.Ф. Платонов произнесет яркую речь, напутствовавшую грядущие областные исторические съезды на успех⁴³.

Всероссийский археологический съезд 1887 г. явился заметной вехой в развитии ярославской исторической науки. Он сообщил большой импульс к объединению местных краеведческих сил и появлению в скором времени в Ярославле губернской ученой архивной комиссии. С.Ф. Платонов и его ученые коллеги из многих уголков страны оказались свидетелями всеобщего энтузиазма деятелей “археологии” в Ярославском крае. Выступая на закрытии съезда, председатель его Ученого комитета и директор Демидовского лицея С.М. Шпилевский с особым чувством отмечал этот просветительский подъем и благодарил участников форума: “Очевидно, что съезд произвел свое действие на местных жителей. Он оживил нас, поднял наш дух, воодушевил и направил нас к дальнейшему изучению нашей родной старины. [...] Приносим съезду глубокую благодарность и за то, что под его влиянием зародилась у нас близкая к осуществлению мысль об открытии Ярославского общества любителей археологии и этнографии с музеем при нем”⁴⁴.

Первое заседание ЯГУАК состоялось 15 ноября 1889 г., на котором был избран председатель комиссии – профессор С.М. Шпилевский. В числе пер-

⁴¹ Друг А.А. Титова секретарь Имп. Общества истории и древностей российских при Московском университете Е.В. Барсов телеграфировал 7 августа “старшине комитета” Нижегородской ярмарки: “Неприлично проминать съезд. Дорожи репутацией и приезжай” (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 313. Л. 81).

⁴² Известия о занятиях Седьмого археологического съезда в Ярославле. № 11. С. 1. Сообщение А.А. Титова, касавшееся произведенного им раскопа четырех так называемых “Любилковских курганов” в Петровской волости Ростовского уезда, опубликовано в протоколах съезда, см.: *Титов А.А. Раскопки курганов в Ростовском уезде, в мае 1887 года // Труды седьмого Археологического съезда в Ярославле. М., 1892. Т. 3. Прил. I: Протоколы съезда. С. 80–81.*

⁴³ См.: *Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). С. XXX.*

⁴⁴ Известия о занятиях Седьмого археологического съезда в Ярославле 6–20 августа 1887 года. № 15. С. 9 (отд. паг.).

вых действительных членов архивной комиссии – Ф.А. Бычков, И.А. Вахромеев (казначей), А.А. Титов (правитель дел, до 1894 г.), Л.Н. Трефолов, И.А. Шляков, Е.И. Якушкин и др.⁴⁵ В 1891 г. действительным членом комиссии станет ее бессменный архивариус И.А. Тихомиров. Под редакцией А.А. Титова и на средства И.А. Вахромеева в свет выйдут первые два выпуска “Трудов ЯГУАК” (1890, 1892)⁴⁶. Среди почетных членов ЯГУАК с начала ее существования – графиня П.С. Уварова, И.Е. Забелин, директор Императорской Публичной библиотеки академик А.Ф. Бычков, Е.В. Барсов. Именно в связи с деятельностью архивной комиссии главным образом и будут осуществляться дальнейшие контакты С.Ф. Платонова с представителями ярославской исторической науки. Профессор Санкт-Петербургского университета, доктор русской истории Сергей Федорович Платонов удостоится звания почетного члена ЯГУАК 22 января 1903 г.⁴⁷, позже – 14 мая 1907 г. – его изберут и действительным членом комиссии⁴⁸.

Своеобразным продолжением темы выступления С.Ф. Платонова на VII Археологическом съезде явилась заметка, вскоре появившаяся в журнале “Библиограф” и затрагивающая сюжет “ярославского” прошлого – гибель царевича Димитрия в Угличе в 1591 г., ставшую прологом Смутного времени в Русском государстве⁴⁹. На “крайне любопытную легенду” о перенесении мощей царевича в Архангельский собор Московского Кремля историк наткнулся в рукописи из собрания Московской Синодальной библиотеки. Ранее этот манускрипт, датируемый 1704 г., принадлежал св. митрополиту Димитрию Ростовскому (с его пометами), а находившийся в нем текст Жития царевича Димитрия был представлен так называемой Милютинской редакцией, внесенной в Четьи-Минеи священника Иоанна Милютина (1646–1654). Довольно распространенная в рукописной традиции редакция жития сопровождалась легендой, изложенной в предисловии к тексту памятника и обнаруженной только в этой рукописи. По словам исследователя, описанное здесь чудо заключалось в том, что «могила, которую ископали для тела царевича в Архангельском соборе, “сама о себе засыпашется”, а гробы, не раз изготавливаемые для мощей, не могли прийти в пору. В этих явлениях царь Василий и патриарх Гермоген (легенда изображает Гермогена уже патриархом во время

⁴⁵ См.: К 100-летию Ярославской губернской ученой архивной комиссии: Тез. выступ. на расширенном засед. науч. Совета архивного отдела Ярославского облисполкома. Ярославль, 1990; Ярославская губернская ученая архивная комиссия: люди, события, документы / ГАЯО. Ярославль, 2009.

⁴⁶ См.: Труды ЯГУАК / под ред. правителя дел комиссии А.А. Титова. М., 1890. Вып. 1; Труды ЯГУАК. М., 1892. Вып. 2 / напечат. под завед. А.А. Титова, на средства И.А. Вахромеева. На второй выпуск “Трудов ЯГУАК” Н.П. Лихачевым была подготовлена рецензия, не увидевшая свет, см.: *Лихачев Н.П.* По поводу трудов Ярославской архивной комиссии. СПб., 1893. Корректурa; То же, в сокращении / предисл. Л.Н. Простоволосовой // *Ярославская старина*. Ярославль, 1994. Вып. 1. С. 45–50.

⁴⁷ Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 6, вып. 1. С. 223.

⁴⁸ См.: ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 67. Л. 13 об.; Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 7, вып. 1. С. 7; Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 7, вып. 2. С. 46. В.В. Митрофанов в своей монографии указывает только на вторую дату, отмечая, что С.Ф. Платонов “14 мая 1907 г. стал действительным (не почетным) членом Ярославской комиссии” (*Митрофанов В.В.* С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России. С. 272).

⁴⁹ См.: *Платонов С.Ф.* Легенда о чуде св. Димитрия, царевича Угличского // *Библиограф*. 1888. № 1. С. 18–19.

перенесения мощей) увидели чудесное знамение и решили поэтому не скрывать мощей царевича под землею». Приведенная цитата из труда историка со ссылкой на рукопись св. Димитрия Ростовского и публикацию о ней в январском выпуске журнала “Библиограф” за 1888 г. читается уже в апрельском выпуске ЖМНП того же года, где была напечатана заключительная часть работы С.Ф. Платонова “Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник”⁵⁰. При этом исследователь указал, что “испорченный пересказ” данной легенды имеется в “Ярославских епархиальных ведомостях” (далее – ЯЕВ) за 1867 г.⁵¹ Это обстоятельство, вместе с другими фактами использования С.Ф. Платоновым ярославских историографических источников, демонстрирует хорошую осведомленность историка в репертуаре и содержании местной литературы краеведческой тематики⁵².

Статья С.Ф. Платонова в журнале “Библиограф” моментально привлекла к себе внимание в Ярославле. В одном из январских номеров газеты “Ярославские губернские ведомости” в рубрике “Отдел местной библиографии” появилась небольшая заметка, излагающая основное содержание публикации петербургского историка⁵³. Редактором неофициальной части газеты в это время – в 1887–1890 гг. – был “чиновник особых поручений при ярославском губернаторе” Федор Афанасьевич Бычков (1861–1909) – младший сын академика А.Ф. Быčkoва, в молодости служивший в Министерстве народного просвещения, а в 1885 г. перешедший на службу в Ярославскую губернию⁵⁴. Талантливый генеалог, археограф, библиограф и коллекционер, Ф.А. Бычков с большим увлечением занимался краеведческими разысканиями⁵⁵. Как

⁵⁰ Это свидетельство, что С.Ф. Платонов дополнял уже находившийся в печати текст своего труда и, в частности, “ярославскими” материалами, см.: *Платонов С.Ф. Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник // ЖМНП. 1888. № 4. С. 398; то же, в отдельном издании: Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888. С. 292.*

⁵¹ См.: ЯЕВ. 1867. Ч. н. № 15. С. 117–118.

⁵² В частности, исследуя родословную князя И.М. Катырева-Ростовского, автора одной из повестей о Смуте, С.Ф. Платонов ссылался на публикацию родословий ростовских князей в изданиях А.А. Титова “Ростовская старина” (Ростов, 1883. Вып. 1) и “Ростовский уезд Ярославской губернии: Историко-археологическое и статистическое описание” (М., 1885) (здесь была опубликована “Родословная князей ростовских”, составленная Ф.А. Бычковым). Вместе с тем, С.Ф. Платонов критически отмечал, что источник приводимых А.А. Титовым сведений иногда “ненадежен”. В частности, это касалось использования так называемого Хлебниковского летописца, которого “уже не существует и сохранились только выписки из него у крестьянина А.Я. Артынова”, в то время, как данный памятник порою “отличался крайнею невежественностью показаний” (*Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. С. 210*). Ссылки на документальные публикации А.А. Титова, И.Я. Гуриянда, М.А. Липинского, “Труды ЯГУАК” содержатся и в другом классическом труде С.Ф. Платонова “Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.”.

⁵³ См.: ЯГВ. 1888. Ч. н. № 8. С. 4.

⁵⁴ О Ф.А. Бычкове см.: Ярославские краеведы: Библиограф. указ., аннотированный / сост. В.П. Алексеев. Ярославль, 1988. Ч. 1. С. 9–10; *Бекке М.В. Ярославский журналист и краевед Ф.А. Бычков (к 140-летию со дня рождения) // Ярославский календарь на 2001 год. Ярославль, 2001. С. 32–33; Турилов А.А. Федор Афанасьевич [Бычков] // <http://www.pravenc.ru/text/153749.html>.*

⁵⁵ Помимо многочисленных публикаций Ф.А. Быčkoва в “Ярославских губернских ведомостях” и уже упоминавшегося “Путеводителя по Ростовскому музею церковных древностей” (Ярославль, 1886), ему принадлежат и другие отдельно изданные труды, см.: *Бычков Ф.А.*

свидетельствовал историк М.И. Семевский, побывавший летом 1888 г. в Ярославле, «за Ф.А. Бычковым есть немаловажная заслуга: со времени назначения его редактором “Ярославских губернских ведомостей”, именно с начала 1887 года, они вполне обосновались и сделались весьма содержательными, именно статьями по археологии, истории и этнографии Ярославского края»⁵⁶. Под наблюдением и редакцией Ф.А. Бычкова во время проведения ярославского исторического форума из печати оперативно выходили “Известия о занятиях Седьмого археологического съезда”. Полагаем, что именно он был инициатором, а возможно, и автором библиографической заметки в газете по поводу платоновской статьи в “Библиографе”.

Непосредственным откликом уже на публикацию в “Ярославских губернских ведомостях” явилась напечатанная 8 апреля в той же газете заметка “Легенда о чудесах от гроба св. царевича Димитрия по местному угличскому преданию”⁵⁷. Статья была подписана псевдонимом “К. Волжский”, под которым в губернской печати выступал, как выясняется, Константин Николаевич Евреинов (1867–1909) – известный угличский купец, земский деятель и страстный ревнитель старины⁵⁸. Один из основателей Угличского музея отечественных древностей, созданного в 1892 г. в отреставрированных княжеских палатах XV в. – Дворце царевича Димитрия, он до конца жизни служил хранителем музея⁵⁹. “Можно без преувеличения сказать, что Угличский музей создан руками К.Н. Евреинова”, – писали о “святой личности Углича” после кончины купца-историка и действительного члена ЯГУАК (с 1896 г.)⁶⁰.

Родословная рода князей и дворян Бычковых-Ростовских. СПб., 1880; *Он же*. Разрядные записки о венчании на царство царя Феодора Алексеевича. М., 1883; *Он же*. Опыт библиографического указателя печатных материалов для генеалогии русского дворянства. СПб., 1885; *Он же*. Надгробный памятник XV века, находящийся в Ростовском музее церковных древностей. СПб., 1886; *Он же*. Описание празднования столетнего юбилея Екатерининского дома призрения ближнего в Ярославле. Ярославль, 1886; *Он же*. Опись имущества царевичей: Ивана Михайловича, Алексея и Димитрия Алексеевича, составленная в 1665 году. Ярославль, 1886; *Он же*. Инструкция ярославскому обер-коменданту Ю.С. Нелединскому-Мелецкому (1712 года). Ярославль, 1889; *Он же*. Акты, относящиеся к истории Ярославской губернии. Ярославль, 1889. Вып. 1; *Он же*. Сказания о построении нового девичьего монастыря в Ярославле. Ярославль, 1890; *Он же*. Заметка о хронографе ярославского священника Феодора Петрова. М., 1890; *Он же*. В память 300-летия со дня мученической кончины св. царевича Димитрия Угличского. Ярославль, 1891; и др.

⁵⁶ *Семевский М.И.* Путевые очерки, заметки и наброски: Поездка по России в 1888 г. V: Ярославль // Русская старина. 1889. № 10. С. 233.

⁵⁷ *Волжский К. [Евреинов К.Н.]* Легенда о чудесах от гроба св. царевича Димитрия по местному угличскому преданию // ЯГВ. 1888. Ч. н. № 29. С. 6.

⁵⁸ См.: *Огурцов Н.Г.* Опыт местной библиографии: Ярославский край: (1718–1924). Ярославль, 1924. С. 421.

⁵⁹ Заметна роль в реставрации угличского дворца и создании в нем музея и ростовцев – А.А. Титова и И.А. Шлякова, см.: *Полякова О.Б.* Деятельность А.А. Титова и И.А. Шлякова по организации Угличского музея древностей. С. 3–7.

⁶⁰ *К-ий П. [Критский П.А.]* Константин Николаевич Евреинов (1867–1909) // Ярославские зарницы. 1910. 17 (30) янв. № 3. С. 2; см. также: Константин Николаевич Евреинов // Голос (Ярославль). 1909. № 194. С. 3; Ярославские краеведы: Библиограф. указ., аннотированный. С. 17–18; Труды ЯГУАК. Кн. 7, вып. 2. С. 55; *Колганова В.А.* Константин Николаевич Евреинов – основатель и первый хранитель Угличского музея // Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья. Углич, 1993. Вып. 3. С. [4]; Ярославская губернская ученая архивная комиссия: люди, события, документы. С. 19–20.

Превосходно зная и любя угличскую старину, он напечатал немало заметок этой тематики в местной и губернской периодике, сам в 1906–1909 гг. издавал газету “Угличанин”, явился автором небольшой книги “Прошлое Углича: Исторический очерк” (Сергиев Посад, 1898)⁶¹. В 1900 г. К.Н. Евреинов выступит инициатором археологических раскопок на территории Угличского кремля, осуществленных совместно с И.А. Тихомировым и вызвавших большой интерес у С.Ф. Платонова, исследовавшего по письменным источникам топографию старого Углича (Прил. I, 1–5).

В своей заметке о царевице Димитрии К.Н. Евреинов писал: «Прочтя приведенное г. Платоновым предание о чудесах, сопровождавших положение мощей царевицы в гроб, я припомнил, что нечто подобное, в несколько измененном виде, было слышано мною в Угличе несколько лет тому назад. Не придавая в то время слишком большого значения слышанному преданию, и сознавая его недостоверность, я не решался до сих пор сообщать содержание этого предания печатно. В настоящее же время заметка г. Платонова дала мне повод ознакомить читателей “Ярославских губернских ведомостей” с вариантом легенды о чуде царевицы Димитрия, который до сих пор живет в устном предании угличан».

Далее автор разъяснял, что бытующая в Угличе легенда “во многом разнится” с редакцией предания из рукописного сборника св. митрополита Димитрия Ростовского, которым пользовался С.Ф. Платонов. Суть этой разницы состояла в том, что “факт явления чудесных обстоятельств” от гроба царевицы происходил не в Москве, в момент положения мощей царевицы в Архангельском соборе, а в самом Угличе еще в 1591 г. По освидетельствовании тела “убитого царевицы” и допроса “московскими боярами” угличан было решено приступить к погребению, для чего заказали каменщикам высечь из белого камня гроб. После двух неудачных попыток изготовить этот гроб, который был то велик, то слишком короток, бояре, по словам предания, пораженные таким чудом, «узрели в этом “черное дело Борисовой души”, и, упав на колени перед телом царевицы-мученика, слезно плакали и всенародно каялись в неправильном снятии допроса по делу об убиении царевицы Димитрия. Чистосердечное раскаяние бояр и их сильная вера умиливали св. Димитрия царевицы, и третий, высеченный из камня, гроб оказался как раз того размера, какой требовался». Данному изустному преданию в Угличе с давних пор вторил и такой факт, который, по словам К.Н. Евреинова, может служить свидетельством, “насколько вообще жители города Углича знакомы с историею своего родного города и с сохранившимися в нем памятниками старины”. Выставленная в притворе Спасо-Преображенского собора – главного угличского храма – каменная плита, якобы взятая с могилы царевицы Димитрия “как предмет, заслуживающий особого внимания и почитания со стороны угличан”, на поверку, когда почти стершуюся на камне надпись прочли специалисты, оказалась “простою надмогильною плитою, положенною одним угличанином в конце XVI века над могилою его отца, жителя Иерусалимской слободы, занимавшегося просто рыбною ловлею”.

⁶¹ В 1997 г. Угличский историко-художественный музей к 100-летию выхода книги К.Н. Евреинова выпустил ее второе, репринтное издание.

Данная публикация со всей очевидностью демонстрирует, что историк-любитель К.Н. Евреинов, горячо любящий родной город патриот, стоял на просветительских позициях всестороннего изучения и приобщения своих земляков к знаниям о самых разных памятниках местной старины – устных, письменных, материальных, и что очень ценно, при условии документальной подлинности фактов и неукоснительного следования исторической правде. Примечательно, что научный труд С.Ф. Платонова, еще до защиты им магистерской диссертации, нашел живой отклик у провинциальных исследователей старины, побуждая их к собственным краеведческим разысканиям и критическим размышлениям на темы “домашней” истории. Такой взгляд ставил под сомнение интерпретацию некоторых исторических фактов, давно бытующую в народных преданиях и укоренившуюся в традициях провинциальной историографии. К примеру, “Угличский летописец” – интереснейший памятник “градского” историописания, сочиненный во второй половине XVIII в., совершенно однозначно решал краеугольный вопрос всей угличской истории: “Убиен же бысть святыи страстотерпец благоверный царевич Димитрий Иоаннович Углический государь повелением властолюбца Бориса Годунова...”⁶² Не случайно сам С.Ф. Платонов довольно скептически отнесся к данному “летописному” памятнику как историческому источнику, обходя его стороной при изучении реалий угличского средневекового прошлого и афористично в этой связи высказываясь: «Не основываемся на “Угличском летописце”, пока историческая критика не оправдает в нем того, что нам представляется полным баснословием»⁶³. Такая методологическая позиция ученого находила у историков в провинции не только понимание и уважение, но и творческое осмысление в их краеведческих трудах. Тот же К.Н. Евреинов в своей книге о прошлом Углича, освещая вопрос о загадочной смерти царевича, предупреждал читателя о его до сих пор “неразрешенности”: “Скажем в заключение только то, что историки нашего времени, с легкой руки Погодина, начинают высказывать большое сомнение в участии Годунова в деле убийства царевича Димитрия, а новейшие исследователи Смутной эпохи, располагающие вновь открытыми документами, уже прямо оправдывают Годунова, доказывая, что накинутае на него подозрение есть плод ненависти русского родовитого боярства к такому безызвестному потомку татарского мурзы, сумевшему благодаря своим личным достоинствам

⁶² Угличский летописец: [по списку Е.В. Барсова из собрания рукописей Ростовского музея] / текст подгот. Я.Е. Смирнов; отв. ред. А.А. Севастьянова. Ярославль, 1996. С. 52. Ср.: “Видя Борис Годунов себе быти больша всех в сигклите, восхоте и царем чтитися, и тако распалися желанием царскаго престола и нача мыслити, как бы желаемое получить. Прежде всего положи на сердце своем, да пресечется корень царский, и мысляше, како бы умертвить царевича Димитрия” (Угличский летописец (по списку Археографической комиссии № 18) / [публ. А.А. Титова] // Труды ЯГУАК. Вып. 1. С. 102).

⁶³ Платонов С.Ф. О топографии Угличского “кремля” в XVI–XVII веках // Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). С. 84. Между тем, С.Ф. Платонов упомянул “Угличский летописец” в обзоре источников к своим “Лекциям по русской истории”, назвав его в ряду позднейших русских летописей “строго местного, областного, даже городского характера”, при этом подчеркнув, “в большинстве лишенных значения для политической истории” (Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1900. Вып. 1. С. 46).

занять осиротелый трон московских государей”⁶⁴. При этих словах автор дал в подстрочных примечаниях ссылку на труд С.Ф. Платонова “Древнерусские сказания и повести о Смутном времени...”⁶⁵

Впрочем, далеко не всегда новые идеи и научные достижения “большой науки” с относительной легкостью и безболезненно приживались в “народной” историографии. И ситуация Углича, с его собственным “преданьем старины глубокой” о кончине царевича Дмитрия, в этом отношении – показательный пример. Безоговорочное следование этой традиции, мифологизирующей историю и исторические факты, в свою очередь, находило принципиальную критику со стороны С.Ф. Платонова, подчас проявлявшего жесткую категоричность и в отношении современных ему культурных явлений в жизни русской провинции, с позиций сегодняшнего дня кажущуюся излишне строгой. Отголосок такой неприязни содержится в переписке С.Ф. Платонова с издателем и драматургом А.С. Сувориным, развернувшим в своей газете “Новое время”, в связи с выходом в свет книги историка Д.И. Иловайского “Смутное время Московского государства”, полемику относительно происхождения и личности Лжедмитрия I. Споря с учеными, литератор полагал, что этот правитель России был подлинным царевичем Дмитрием, чудесно спасшимся в Угличе. Для С.Ф. Платонова, считавшего кончину царевича очевидным фактом, важнее было утвердить в общественном сознании другое: сама по себе эта трагедия и последующие чудеса еще не являются доказательством непреложности вины Бориса Годунова. В послании от 19 июля 1894 г. к А.С. Суворину историк писал: «Действительно, канонизация ц[аревича] Дмитрия – одно из препятствий для исследования; когда случается, я пытаюсь парировать его замечанием, что кощунство не в оправдании Бориса и не в отрицании насильственности кончины царевича, а скорее в притязании истолковать благодать, почившую на Дмитрие, именно как награду за “неповинное заклятие”; нетление и чудотворение-де само собой, а образ кончины тоже само собой, и Божьих судеб истолковать нельзя, а тем более нельзя таких толкований считать историческим доказательством убийства, и именно от Бориса. Может быть это – софизм, но он мне развязывает язык и руки в аудитории»⁶⁶. Далее в письме С.Ф. Платонов сфокусировал свой взгляд на тех “истолкователях” кончины царевича, которые вызывали его особую критику: «Очень Вам благодарен за сообщения, очень любопытные, о Ваших корреспондентах. Прилагаемое “письмо” от Л.Ф. Соловьева самая грубая подделка; но, кажется, ее совершил не сам он, иначе не помещал бы добросовестно бессмыслиц, вроде “отсвех” (не разобранное: от всех?). Г[осподин] Соловьев – один из угличских патриотов новейшей формации – с возвращением колокола, проектом памятника “основателю Углича”

⁶⁴ Евреинов К.Н. Прошлое Углича: Исторический очерк. Сергиев Посад, 1898. С. 32–33.

⁶⁵ Так же со ссылкой на этот труд С.Ф. Платонова священник И.С. Розов в 1905 г. писал: “Народная молва обвиняет Бор. Годунова и его ставленников, наука же в последнее время склоняется к освобождению Годунова от этого упрека”, см.: *Розов И.С. Исторический очерк угличской “Царевской”, что на крови, церкви (1583–1903 г.)* // Труды ЯГУАК. Ярославль, 1905. Кн. 4, вып. 2. С. 7.

⁶⁶ С.Ф. Платонов о царевиче Дмитрие / подгот. В.Г. Бухерт // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 374; То же: Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. / отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2003. Т. 1: Письма С.Ф. Платонова 1883–1930. С. 40. № 51.

боярину Яну и “собственноручными” письмами... Этими патриотами и созданы срамные угличские торжества, музеи и археологические общества».

Отсутствие научной основы в изучении и представлении фактов местной истории, “баснословие” в творчестве самодеятельных “археологов” вызывало естественное неприятие у С.Ф. Платонова. Таким деятелем “новой формации” в глазах ученого предстал Леонид Федорович Соловьев – угличский мещанин и петербургский купец, благодаря инициативе и чрезвычайной активности которого в 1892 г. из Тобольска в Углич был возвращен “ссылный колокол”, в трагический момент истории возвестивший всему городу о “неправедном заклятии” царевича Димитрия⁶⁷. За это “ратоборство” (по собственному выражению Л.Ф. Соловьева), длившееся около пяти лет, купец был удостоен местной думой звания почетного гражданина Углича. Несмотря на то, что серьезные историки скептически высказались о подлинности привезенного из Сибири колокола, и в печати появились разоблачающие эту, по сути, фальсификацию материалы⁶⁸, колокол был помещен во вновь созданном Угличском музее, а Л.Ф. Соловьев продолжил активно вносить свою лепту в “описание” местной старины⁶⁹. Задумав составить “Историю города Углича”, он обратился через газету к землякам с просьбой “не отказать высылкой каких-либо имеющихся документов, касающихся г. Углича”⁷⁰. Спустя четыре месяца автор информировал своих “сородичей”, что его труд уже “идет к концу”, и благодарил тех, кто откликнулся «высылкой некоторых материалов для пополнения “Истории”». Эта работа, как подчеркивалось в помещенном в газете письме, “составлена по новейшим исследованиям и фактам, заимствованным в архивах Российского государства, как то: Новгороде, Москве, Киеве, Владимире, Тобольском приказе и С.-Петербурге”⁷¹. Однако в вышедшей в 1895 г. из печати “Краткой истории города Углича”

⁶⁷ См.: *Соловьев Л.Ф.* По поводу возбуждения ходатайства о возвращении в Углич “ссылного” колокола из Тобольска // ЯГВ. 1888. Ч. н. № 96. С. 2; Письмо в редакцию от уполномоченного Угличской городской думы по делу о возвращении ссылного колокола Л.Ф. Соловьева // ЯГВ. 1889. Ч. н. № 58. С. 2; *Соловьев Л.Ф.* Письмо в редакцию // ЯГВ. 1891. Ч. н. № 88. С. 4; *Он же.* Письмо в редакцию // ЯГВ. 1892. Ч. н. № 17. С. 4.

⁶⁸ Как известно из данных “Сибирского летописца” (впервые опубликованного в журнале “Северный архив” в 1826 г.) ссылный угличский колокол, находившийся на соборной колокольне Тобольска, был уничтожен пожаром 1677 г.: “все раздалось и растопилось без остатку” (Сибирский летописец: Летопись конца XVII и начала XVIII столетий, веденная в Тобольске / с предисл. Е.В. Кузнецова. Тобольск, 1892. С. 8–9, 25). Журнал “Исторический вестник” по поводу угличского “торжества по недоразумению” писал: «Напрасно и тобольяки печалились, напрасно угличане хлопотали, тратились и торжествовали, если, в конце концов, вместо своего невинно пострадавшего колокола они получили колокол, отлитый уже в Сибири из обломков “корноухова”. А, может быть, даже и обломки-то совсем от других колоколов! Жаль угличан, а делать нечего: факт остается фактом. Ссылный угличский колокол погиб, а в Углич теперь возвращен совсем другой колокол позднейшего литья» (*Адрианов С.А.* Торжество по недоразумению // Исторический вестник. 1892. № 11. С. 500; см. также: *Тыжнов И.И.* Заметки о городских летописях Сибири // Записки Императорского Русского археологического общества. СПб., 1898. Т. 10, вып. 1–2. С. 4, 102, 131, 149–150, 154–155, 182; *Лобашков А.М.* История ссылного колокола. Ярославль, 1988. С. 32–45).

⁶⁹ По представлению члена ЯГУАК священника К.М. Ярославского 9 ноября 1899 г. Л.Ф. Соловьев был избран действительным членом ЯГУАК (см.: Труды ЯГУАК. Кн. 6, вып. 1. С. 103; Труды ЯГУАК. Кн. 7, вып. 2. С. 48).

⁷⁰ *Соловьев Л.Ф.* Письмо в редакцию // ЯГВ. 1894. Ч. н. № 18. С. 2.

⁷¹ *Соловьев Л.Ф.* Письмо в редакцию // ЯГВ. 1894. Ч. н. № 58. С. 4.

Л.Ф. Соловьева указаний на эту впечатляющую череду архивов не имеется⁷². Как не было здесь и упоминаний о действительно “новейших исследованиях и фактах”, проливающих свет на судьбу “ссыльного угличского” в Сибири⁷³, или по-иному, нежели сам автор (в пределах “народной” традиции), смотрящих на проблему гибели “царственного отрока”. Приведенное выше суждение С.Ф. Платонова, довольно эмоционально характеризовавшего, прежде всего, подобные проявления в местной культурно-общественной жизни и историографии, вместе с тем демонстрирует, что историк внимательно следил за тем, что происходило в “археологии” русской провинции и глубоко сопереживал происходившим там процессам.

Откликаясь на полемику в “Новом времени” относительно одного из главных персонажей Смутного времени – Лжедмитрия I, С.Ф. Платонов на страницах газеты от 26 июня и 6 июля 1894 г. выступил с двумя заметками частного характера – “По поводу житий царевича Димитрия” и “Когда родился царевич Димитрий?”⁷⁴. Первая из них вновь возвращала автора к сочинениям св. митрополита Димитрия Ростовского и являлась откликом на статью А.А. Титова в той же газете – “Кто написал житие Димитрия царевича?”⁷⁵. С.Ф. Платонов, как уже отмечалось, следивший за историко-документальными публикациями А.А. Титова и нередко использовавший их в своих трудах, на этот раз, не соглашаясь с выводами ростовского археографа, решил отреагировать критической заметкой. Данное выступление, очевидно, было инициировано самим издателем газеты А.С. Сувориным, предварительно направившим С.Ф. Платонову титовский материал еще в рукописи. Об этом может свидетельствовать то обстоятельство, что публикации обоих историков в газетных выпусках следуют подряд – в “свежем” и “вчерашнем” номерах (на ту же мысль наводит и характер переписки С.Ф. Платонова с А.С. Сувориным⁷⁶). Не разделяя мнения А.А. Титова о том, что св. Димитрий Ростовский не являлся составителем жития царевича Димитрия, включенного митрополитом в его *Минеи*, С.Ф. Платонов доказывал обратное: «Житие ца-

⁷² Представленный в книге документальный раздел из 25 материалов, без отсылок к местам их хранения или источникам публикаций, дополнен вполне красноречивым пояснением: “Кроме сих грамот, указов и актов, касающихся Углича, есть много других, но так как они мало представляют интереса, то я не счел нужным их воспроизводить, а ограничился лишь выше приведенными” (*Соловьев Л.Ф.* Краткая история города Углича (с рисунками) / сост. почетный гражданин Леонид Федорович Соловьев. СПб., 1895. С. 117).

⁷³ В том же духе была позднее составлена брошюра Д.В. Лаврова, в 1914–1919 гг. являвшегося хранителем Угличского музея древностей, см.: *Лавров Д.В.* Угличский ссыльный колокол / изд. Комитета Угличского музея древностей. Углич, 1913. Версию подлинности “ссыльного колокола” поддерживает и современный угличский краевед, инженер-металловед А.В. Кулагин, см.: *Кулагин А.В.* Угличские колокола // Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья. Вып. 3. С. 66–68.

⁷⁴ Этим материалам С.Ф. Платонова, выявленным в “Новом времени”, посвящена отдельная публикация В.Г. Бухерта в “Археографическом ежегоднике”, см.: С.Ф. Платонов о царевиче Димитрии. С. 372–376.

⁷⁵ См.: *Титов А.А.* Кто написал житие Димитрия царевича? // Новое время. 1894. 25 июня (№ 6580). С. 2–3; *Платонов С.[Ф.]* По поводу житий царевича Димитрия // Новое время. 1894. 26 июня (№ 6581). С. 2. См. также: *Смирнов Я.Е.* Андрей Александрович Титов (1844–1911). С. 168–169. № 359.

⁷⁶ См.: С.Ф. Платонов о царевиче Димитрии. С. 372–376; Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. Т. 1. С. 38–41. № 48–51.

ревича именно святителем “составлялось” для Миней и исправлялось, а не просто списывалось, – и составлялось по источникам, доступным нашему определению и изучению»⁷⁷. Сравнение печатной редакции с древнейшими рукописными списками жития, по словам историка, “открывает большое (но отнюдь не дословное) сходство текстов”. Ошибкой А.А. Титова, по мнению С.Ф. Платонова, было то, что он свои выводы основывал на гораздо более поздних рукописных текстах жития, взятых как раз из печатной Миней св. митрополита Димитрия Ростовского.

Интересно, что критика С.Ф. Платонова не осталась незамеченной А.А. Титовым. И хотя ростовец не стал отвечать в печати, очевидно, в целом принимая доводы оппонента, все же некоторое несогласие с ним усматривается в письме А.А. Титова к издателю “Русского архива” П.И. Бартеневу: “Мне ответил Платонов по поводу жития св. Димитрия. Хотя рукопись, изданная Общ[еством] люб[ителей] др[евней] письменности и копия XVIII в., но у меня есть и XVII в., почти такая же. Св. Димитрий мало исправил и дополнил это житие”⁷⁸. Затруднительно сказать, помнили ли историки об этом эпизоде их заочной полемики годы спустя, когда начиная с 1906 г. стали регулярно обмениваться своими изданиями в “память о первых шагах знакомства нашего” (Прил. II, 2). Во всяком случае, однажды промелькнувшие между ними “критические стрелы” не помешали их дальнейшим деловым и дружеским контактам.

В марте 1906 г. А.А. Титов направил С.Ф. Платонову роскошно изданный альбом “Кремль Ростова Великого” (М., 1905), который для всей семьи петербургского ученого явился приятным поводом к воспоминаниям о путешествии в Ростов в августе 1904 г. (Прил. II, 1; III). Вскоре и С.Ф. Платонов просил ростовца “принять благосклонно мою статейку” “К истории Московских земских соборов” (СПб., 1905), снабженную дарственной надписью и авторской пометой о том, что данное издание (оттиск) никогда не было в продаже. В числе документальных публикаций А.А. Титова, даримых С.Ф. Платонову, были и те, которые непосредственно относились к теме Смутного времени. В начале XX в. этот сюжет отечественной истории для ростовского историка и археографа, с большим увлечением отыскивавшего и публиковавшего польские источники, стал одним из ведущих в его творчестве⁷⁹. Из переписки С.Ф. Платонова с А.А. Титовым выясняется, что крупнейший специалист по истории Смуты одним из первых получил напечатанную ростовцем “Историю Димитрия царя Московского и Марины Мнишек, дочери Сендомирского воеводы” (Прил. II, 3). Ценный документальный источник, представляющий собой дневник шляхтича Мартина Стадницкого, человека из ближайшего окружения “русской царицы”, был впервые опубликован А.А. Титовым в журнале “Русский архив” по рукописи из собрания краковского Музея князей Чарторыйских. Примечательно также, что однажды высказанная С.Ф. Платоновым мысль о необходимости перевода и публикации важного комплекса источников – писем из архива

⁷⁷ См.: С.Ф. Платонов о царевиче Димитрии. С. 375. № 5.

⁷⁸ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 586. Л. 242 (письмо от 3 июля 1894 г.).

⁷⁹ См.: *Смирнов Я.Е.* А.А. Титов как публикатор и исследователь материалов по русской Смуте // Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода: К 400-летию “Совета вся земля” в Ярославле: Мат-лы Междунар. научн. конф. Ярославль, 6–9 июня 2012 года. М., 2012. С. 375–403.

великого канцлера литовского Льва Сапеги (1557–1633), касающихся “Москвы и смут”, была в определенной степени осуществлена А.А. Титовым⁸⁰. Направляемые петербургскому историку издания ростовца нередко пополняли и библиотеку Женского педагогического института, директором которого являлся профессор С.Ф. Платонов (Прил. II, 6, 7)⁸¹.

14 лет минуло между ярославским VII Археологическим съездом 1887 г., на котором дебютировал “молодой историк”, и Первым областным археологическим съездом, состоявшемся в Ярославле 10–14 августа 1901 г., идею которого горячо поддержал и принял в нем самое активное участие доктор русской истории С.Ф. Платонов. Для историка этот период оказался временем серьезного профессионального становления и вырастания из начинающего талантливый специалиста в признанного мастера отечественной историографии. 3 октября 1899 г. в Киевском университете состоялась блестящая защита докторской диссертации С.Ф. Платонова “Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)”. По собственному позднему признанию историка, “эта книга была высшим достижением моей жизни. Она не только дала мне степень доктора, но, можно сказать, определила мое место в кругу деятелей русской историографии”⁸². Оба ярославских “археологических” форума как бы фиксировали эти важные вехи в биографии ученого, знаменуя его выход к новым творческим и общественным достижениям.

В истории ярославского краеведения Всероссийский археологический съезд 1887 г. и областной “Съезд исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области” 1901 г. – также чрезвычайно важные вехи в его развитии, связанные с созданием и функционированием ЯГУАК⁸³. Если первый

⁸⁰ В одном из писем к А.С. Суворину С.Ф. Платонов писал: «Очень было бы хорошо выбрать и перевести все те письма Сапеги и его корреспондентов из “Archivum dom[us] Sapiehanae”, которые касаются Москвы и смут. Из иностранных источников исследование этого материала должно стать на первом плане» (С.Ф. Платонов о царевиче Димитрии. С. 375; Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. Т. 1. С. 40–41). Документальная публикация А.А. Титова в “Русском архиве” включала 9 корреспонденций из архива Л. Сапеги за период 1597–1606 гг. (см.: *Титов А.А. Из львовского архива князя Сапеги // Русский архив. 1910. № 11. С. 337–352*).

⁸¹ Примечательно, что среди этих изданий А.А. Титова встречались и такие, которые были опубликованы 20–30 лет назад. Определенно эти раритеты направлялись С.Ф. Платонову по его просьбе. Интересно также отметить, что две документальные публикации – “Летопись Великоустюжская” (М., 1889) и “Летопись Двинская” (М., 1889) – еще в год их выхода в свет были удостоены благожелательных откликов со стороны профессора Петербургского университета К.Н. Бестужева-Рюмина, учителя С.Ф. Платонова (см.: *Бестужев-Рюмин К.Н. Новые явления провинциальной исторической литературы // ЖМНП. 1889. № 5. С. 227–228 (Отд. II); Он же. // Библиограф. 1889. № 12. С. 218–219*). В ГАЯО сохранилось письмо К.Н. Бестужева-Рюмина к А.А. Титову (от 3 ноября 1889 г.) с благодарностью за присылку “Летописи Двинской” и извещением об отсылке в журнал составленной на книгу рецензионной заметки (см.: ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 358. Л. 1).

⁸² *Платонов С.Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 270.*

⁸³ См.: *Спирidonova E.B. Первый краеведческий съезд в Ярославле (к 100-летию Съезда исследователей Ростово-Суздальской области) // Ярославский календарь на 2001 год. С. 35–37; Дубов И.В., Седых В.Н. I Ярославский областной историко-археологический съезд и его роль в развитии исторической науки и краеведения в России // Краеведческие записки... Вып. 8. С. 19–29; Шипилов А.Д. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX века // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 47–51.*

съезд послужил мощным стимулом к скорому появлению в Ярославле своей архивной комиссии, то последующий форум явился прямым следствием многообразной деятельности и заслуженного авторитета этой комиссии, в недрах которой родилась, вызрела и осуществилась идея областного съезда. Выступая 14 ноября 1899 г. на торжественном заседании по случаю 10-летия ЯГУАК, председатель комиссии, профессор Демидовского юридического лица Э.Н. Берендс⁸⁴ впервые высказал “предположение” о необходимости созыва съезда, который объединил бы многих “областных” исследователей старины. Говоря о том, что за время существования ярославской комиссии ее научными силами был накоплен значительный опыт и потенциал, способствующий всестороннему изучению края, его исторических и документальных памятников, Э.Н. Берендс выдвигал в повестку дня необходимость качественно нового этапа в ее деятельности – историографического и источниковедческого обобщения имеющихся материалов: “Эта задача – несомненно задача нашей комиссии”. Председатель ЯГУАК метко сформулировал то, что уже вскоре будет поддержано другими архивными комиссиями и многими представителями отечественной исторической науки: “Но для удовлетворительного ее (стоящей перед исследователями областной истории задачи. – Я.С.) исполнения наша комиссия нуждается не только в напряжении всех своих сил, но и в единении с соседними комиссиями, с археологами и историками тех трех губерний, которых историческая судьба и археологически-этнографический состав сходны, отчасти тождественны. Какую пользу, какое оживление мог бы доставить археологический съезд исследователей четырех губерний: Ярославской, Костромской, Владимирской и Тверской. Такие областные археологические съезды имели бы, по моему мнению, несомненно больше реальной цены, чем громадные археологические съезды, которые одновременно касаются и древней Биармии, и развалин в Великой Армени. Ведь и местные сельскохозяйственные и промышленные выставки имеют неизмеримо больше значения, нежели эти парадные исполинские выставки, где посетители теряются в массе казовых успехов и, в конце концов, стремятся к концентрации в ресторане! Будем надеяться, что увидим съезд археологов и историков Ростово-Суздальской области!”⁸⁵

Разосланные в декабре 1899 г. запросы ЯГУАК в Костромскую, Владимирскую, Тверскую, Нижегородскую архивные комиссии и полученные на них благожелательные отклики подтверждали целесообразность созыва

⁸⁴ Ученый-юрист доктор права Эдуард Николаевич Берендс (1860 – после 1924) был председателем ЯГУАК в 1894–1900 гг., помимо трудов по истории зарубежного права, он являлся составителем каталога коллекции монет, подаренных И.А. Вахромеевым ЯГУАК (см.: *Берендс Э.Н.* Описание русских монет музея Ярославской ученой архивной комиссии, пожертвованных почетным членом и казначеем комиссии Иваном Александровичем Вахромеевым. Ярославль, 1898). См. о нем: Ярославские краеведы: Библиограф. указ., аннотированный. Ч. 1. С. 7–8; *Алексеев В.П.* Профессора Демидовского юридического лица – соратники И.А. Тихомирова по Ярославской губернской ученой архивной комиссии // Краеведческие записки. Ярославль, 1991. Вып. 7. С. 51–53; Биографический сборник Демидовского университета. Ярославль; Рыбинск, 2008. С. 52–53; Ярославская губернская ученая архивная комиссия: люди, события, документы. С. 10–11; и др.

⁸⁵ Труды ЯГУАК. Кн. 6, вып. 1. С. 126. Позже указывалось, что мысль о съезде разрабатывалась Э.Н. Берендсом при участии “и других членов комиссии” (Общий обзор деятельности Ярославской ученой архивной комиссии за 1900–1914 гг. // Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 7, вып. 2. С. 3).

областного историко-археологического съезда. На состоявшемся 17 марта 1900 г. заседании ЯГУАК под председательством ее неперемного попечителя ярославского губернатора Б.В. Штюрмера, с участием представителей Владимирской и Нижегородской комиссий, говорилось о готовности содействовать будущему съезду со стороны известных деятелей исторической науки – И.Е. Забелина, графа А.А. Бобринского, Е.В. Барсова, Н.В. Покровского, А.В. Орешникова, В.К. Трутовского, А.И. Соболевского и др. Диссонансом прозвучало лишь мнение графини П.С. Уваровой, лично высказавшей Б.В. Штюрмеру “свое сомнение относительно возможности успешных работ провинциальных сил без необходимого в этом случае, по ее мнению, направления и руководства их трудами со стороны деятелей Московского археологического общества”⁸⁶. Между тем, “окончательное суждение” о планируемом областном съезде графиня намеревалась вынести после ознакомления с его “программой запросов”. В ходе предварительного совещания в доме ярославского губернатора 16 марта, на котором присутствовали прибывшие представители от Владимирской и Нижегородской архивных комиссий, и заседания ЯГУАК 17 марта программа съезда, с учетом внесенных в нее “некоторых изменений”, была рассмотрена и утверждена⁸⁷. Решено

⁸⁶ Предложения по вопросу о проектируемом в г. Ярославле Областном археологическом съезде: (Извлечение из протокола 38-го общего собрания Ярославской ученой архивной комиссии, состоявшегося 17 марта 1900 г.). Ярославль, 1900. С. 6. В другой редакции того же протокола, опубликованной в 1914 г., читается: “Лишь председательница этого общества (Московского археологического общества. – Я.С.) графиня П.С. Уварова в беседе с докладчиком (Б.В. Штюрмером. – Я.С.) отнеслась к почину Ярославской комиссии с недоверием, высказала опасения в его успешности, и даже самое устройство областных съездов при наличии общерусских находила преждевременным. Тем не менее, окончательно высказаться она обещала лишь по ознакомлении с программой съезда” (Труды ЯГУАК. Кн. 6, вып. 1. С. 163).

⁸⁷ Сопоставление опубликованных с перерывом в 14 лет материалов протокола заседания ЯГУАК от 17 марта 1900 г. выявляет взаимоисключающие сведения об авторстве программы съезда. Отпечатанные в 1900 г. отдельной брошюрой “Предложения”, содержащие извлечение из этого протокола, составителем программы объявляют бывшего председателя ЯГУАК Э.Н. Берендса (до 2 февраля 1900 г.; в связи с назначением на должность помощника статс-секретаря Государственного Совета он покинул Ярославль). Версия того же протокола, опубликованная в 1914 г., составителем программы называет И.А. Тихомирова (Труды ЯГУАК. Кн. 6, вып. 1. С. 164). Полагаем, следует принять данное своеобразное исправление брошюры 1900 г. (составленной И.Я. Гурляндом), как сказано здесь в подстрочной ссылке на нее, страдающей “неполнотой и неточностью” (Там же. С. 163). Приписанное авторство (“программа Берендса”; в “Трудах” съезда в разделе о его подготовке и составлении программы имя И.А. Тихомирова вообще не упомянуто, см.: Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). С. IX–XIV), очевидно, было данью принципа общего руководства научным обществом и, возможно, в не меньшей степени, факту нового высокого статуса его бывшего председателя. Бессменный архивариус ЯГУАК И.А. Тихомиров, трудившийся при всех ее председателях, являлся не только признанным практиком комиссии, но нередко выступал с интересными идеями и разработками теоретического характера, в частности, выдвигал концепцию памятникоохранительной системы в масштабах всей России (см.: *Смирнов Я.Е.* И.А. Тихомиров и его проект устройства древлеведения в России // XIII Тихомировские краеведческие чтения. К 150-летию со дня рождения И.А. Тихомирова: Мат-лы научн. конф. Ярославль, 21–22 окт. 2011 г. Ярославль, 2012. С. 322–337; *Он же.* “Сделайте то, что подскажут не расчет и выкладка, а душа и чувство...”: К истории проекта ярославского архивариуса И.А. Тихомирова об устройстве древлеведения в России // Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. Региональная история. Краеведение. (В печати.)

было программу “I Ярославского областного археологического съезда”, со- зыв которого наметили на первую половину августа 1901 г., направить всем заинтересованным ученым обществам и учреждениям, а также “тем истори- кам и археологам, труды которых по истории и древностям области бывшей Ростово-Суздальской земли дают основание предполагать о возможном с их стороны желании принять участие в предполагаемом областном Яросла- вском съезде”⁸⁸. На заседании ЯГУАК 16 января 1901 г., член организаци- онного комитета съезда приват-доцент Демидовского лицея И.Я. Гурлянд “сообщил, что на предполагаемый в августе месяце текущего года I-й об- ластной археологический съезд изъявили желание приехать и прочитать ре- фераты профессора: Лаппо-Данилевский, Лихачев и Платонов, и что идея этого съезда возбуждает в Петербурге общий интерес и сочувствие”⁸⁹.

Далее И.Я. Гурлянд известил членов комиссии, “что С.Ф. Платонов вы- разил ему желание иметь возможно более древний план города Углича, по- чему он обращается к Ярославской архивной комиссии с просьбою, если та- кой план имеется в ее распоряжении, не отказать ему им воспользоваться”⁹⁰. Поскольку доклад С.Ф. Платонова на “съезде исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области” касался именно топографии Уг- личского кремля, то можно было бы полагать, что эта просьба петербургско- го ученого была продиктована подготовкой выступления с данной темой на ярославском съезде. Однако, давая свое согласие на участие в работе форума, С.Ф. Платонов не предполагал делать на нем доклад. Даже в июле 1901 г., ровно за месяц до открытия съезда, историк разубеждал ярославца И.А. Ти- хомирова: «Откуда Вы получили сведения, что я буду делать доклад “о мес- те убийства”? Я не обещал доклада; если же вызван буду на разговор об Угличе, то могу говорить лишь о топографических данных “следств[енного] дела 1591 года”, но отнюдь не о “месте убийства”» (Прил. I, 4).

Просьба о “древнем плане города Углича” к ЯГУАК, транслированная через И.Я. Гурлянда, основывалась на совершенно других предположени- ях, которые достаточно ясно проясняются в письме С.Ф. Платонова к графу С.Д. Шереметеву, председателю Общества любителей древней письмен- ности и Императорской Археографической комиссии. Обсуждая результа- ты своего главного труда “Очерки по истории Смуты в Московском госу- дарстве XVI–XVII вв.”, С.Ф. Платонов в письме от 23 ноября 1900 г. писал С.Д. Шереметеву: “Зато чувствую за собою обязанность что-либо сказать о теме, обойденной мною, об Угличских событиях 1584–1591 гг. Я имею на- дежду восстановить план старого Углича и его кремля. Если это удастся, бу- дет возможно дать *топографию* событий. И тогда будет видано, что смерть

⁸⁸ Предложения по вопросу о проектируемом в г. Ярославле Областном археологическом съезде. С. 10.

⁸⁹ Труды ЯГУАК. Кн. 6, вып. 1. С. 191–192. Из названных И.Я. Гурляндом лиц на съезде присутствовал только С.Ф. Платонов. Представленная здесь хронология хода подготовки съезда и откликов с пожеланиями участия в нем позволяет видеть некоторое преувеличение в утверждении, что “С.Ф. Платонов оказал личное содействие устройству первого област- ного съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской земли” (*Митро- фанов В.В.* О роли С.Ф. Платонова в организации областных Археологических съездов. С. 43).

⁹⁰ Труды ЯГУАК. Кн. 6, вып. 1. С. 192.

царевича приурочена была к самому закрытому углу дворца, куда не было хода посторонним по самому положению двора, где играл царевич. Если добьюсь результата, позвольте доложить в О[бществе] л[юбителей] др[евней] п[исьменности]. Хотелось бы сделать это во время Святков, но в Петербурге так много приходится суетиться!»⁹¹ Такое выступление С.Ф. Платонова действительно состоялось в заседании ОЛДП 12 января 1901 г. Делая неутешительное заключение о том, что топографию Углича XVI в., основанную на имеющихся письменных источниках, следуют признать “потерянной”, докладчик все же выражал надежду на “счастливый случай” – отыскание плана города первой половины XVII в., упоминание о котором сохранилось в документах⁹². Очевидно, тогда же, имея в виду продолжить начатое исследование, ученый и обратился (вероятно, при личной встрече в Петербурге) к своему недавнему знакомому И.Я. Гурлянду, историку-юристу и члену ЯГУАК, с просьбой об угличском плане⁹³. Уже 16 января, как было отмечено выше, выраженное С.Ф. Платоновым “желание иметь возможно более древний план” стало известно ярославским архивистам.

⁹¹ Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. Т. 1. С. 70.

⁹² Приведем полностью текст отчета об этом выступлении С.Ф. Платонова, предшествовавшем его докладу в Ярославле: «С.Ф. Платонов в этом заседании прочел сообщение, посвященное вопросу о том, возможно ли по известным ныне памятникам древней письменности восстановить план старого Угличского “города” (кремля) и топографическую обстановку, в которой произошла кончина царевича Димитрия 15-го мая 1591 года. Восстановление этой обстановки, без сомнения, имеет важность, если не для разъяснения обстоятельств самой кончины, то для устранения многих неточных представлений, с этим событием связанных; например, оно может содействовать правильной постановке и решению вопроса о степени достоверности так называемого “следственного дела”. Основанием для заключений докладчика послужили, кроме “житий” царевича и следственного дела, официальные описи Углича 1665, 1674–1676 и 1678 годов, переписные книги Углича 1710 года, переписная книга 1717 г. и отрывки дозора 1620 года. Все эти документы дают возможность лишь отчасти восстановить план угличских укреплений в XVII в. и определить место, занятое дворцом и его двором в XVI столетии; но они совершенно не могут служить для важнейшей цели – для приурочения к определенному месту на плане различных частей “двора” и упоминаемых в следственном деле “изб”, “подворий” и даже церквей, именно теплого собора и церкви “Царя Константиновской”, причт которой не один раз поминается в “деле”. Приходится признать, что топография Углича XVI века для нас потеряна, если счастливый случай не приведет к открытию каких-либо новых документов, вроде подробного чертежа Углича, который был сделан в 1628–1629 гг. и о котором дошли до нас определенные сведения» (Отчеты о заседаниях Имп. Общества любителей древней письменности в 1900–1901 году. СПб., 1902. С. 21–22).

⁹³ Об Илье Яковлевиче Гурлянде (1868 – не ранее 1921), талантливом ученом, писателе и “сером кардинале” ярославского губернатора (1896–1902), впоследствии премьер-министра и министра иностранных дел (1916) Б.В. Штюрмера, которому был обязан бюрократической карьерой, см.: *Алексеев В.П.* Профессора Демидовского юридического лица – соратники И.А. Тимоширова по Ярославской губернской ученой архивной комиссии. С. 54–55; *Чанцев А.В.* Гурлянд Илья (Илия-Максимилиан) Яковлевич // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 59–61; *Чукарев А.Г., Егоров С.А.* Профессор И.Я. Гурлянд: история взлета и падения // Ярославская старина. 1997. Вып. 4. С. 33–41; Биографический сборник Демидовского университета. С. 86–89; *Залева Ж. И.Я. Гурлянд – “серый кардинал” Б.В. Штюрмера* // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. Сер. “Історичні науки”. 2011. № 8, вип. 87 (http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vchdpu/ist/2011_87/Zalevsk.pdf). Членом ЯГУАК И.Я. Гурлянд “по собственному желанию и заявлению” стал 9 ноября 1899 г. (любопытно, что в один день с Л.Ф. Соловьевым), см.: Труды ЯГУАК. Кн. 6, вып. 1. С. 103.

Знакомство С.Ф. Платонова и И.Я. Гурлянда произошло в 1900 г., когда только готовившийся к защите магистерской диссертации молодой ученый Демидовского юридического лицея обратился к профессору и декану историко-филологического факультета Петербургского университета с просьбой об отзыве на свой труд “Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века”, вышедший в Ярославле отдельной книгой⁹⁴. “Одно дело мнение историков-юристов, – писал И.Я. Гурлянд известному ученому, – и другое мнение историка, каким я Вас знаю по Вашим работам. Ваше мнение представляет для меня еще тот специальный интерес, что я особенно интересуюсь второй половиной XVI в., временем изученным Вами с такой полнотой”⁹⁵. С.Ф. Платонов, по всей видимости, со вниманием отнесся к этой просьбе И.Я. Гурлянда и дал отклик на его диссертацию⁹⁶, что положило начало их длительному общению и научному сотрудничеству⁹⁷. Это проявилось и в период подготовки Первого областного археологического съезда, и на самом съезде (достаточно сказать, что С.Ф. Платонов по приглашению И.Я. Гурлянда в Ярославле останавливался в его квартире⁹⁸), и после него, когда И.Я. Гурлянд в качестве секретаря съезда готовил материалы форума к печати. Ярославец участвовал в работе предварительного петербургского совещания 30 марта 1902 г., посвященного устройству очередного областного археологического съезда в Твери, на котором кроме С.Ф. Платонова присутствовали С.М. Середонин, Н.Д. Чечулин, И.А. Шляпкин, В.И. Покровский, Н.В. Покровский, председатель Тверской губернской ученой архивной комиссии И.А. Иванов⁹⁹. Перу С.Ф. Платонова принадлежит критический разбор докторской диссертации И.Я. Гурлянда “Приказ великого государя тайных дел” (Ярославль, 1902), которую петербургский историк назвал “интересной книгой”¹⁰⁰. С.Ф. Платонов вспоминал талантливую ярославского

⁹⁴ См.: *Гурлянд И.Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900.

⁹⁵ ОР РНБ.Ф. 585. Оп. 1. Д. 2753. Л. 1 (письмо без даты). Благодарю В.В. Митрофанова за сообщение текстов некоторых писем И.Я. Гурлянда к С.Ф. Платонову из личного фонда историка в Российской национальной библиотеке.

⁹⁶ Официальными оппонентами диссертации, защита которой состоялась 12 ноября 1900 г. в Киевском университете, выступили профессора Н.М. Цытович, М.Ф. Владимирский-Буданов, М.Н. Ясинский. Все они единодушно “признали работу И.Я. Гурлянда весьма выдающейся” (Диспут И.Я. Гурлянда // Северный край. (Ярославль, 1900. 16 (29) нояб. № 304. С. 3).

⁹⁷ В фонде С.Ф. Платонова в РНБ насчитывается порядка 20 корреспонденций И.Я. Гурлянда за период 1900–1915 гг. (см.: *Митрофанов В.В.* С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России. С. 272–273).

⁹⁸ См.: *Митрофанов В.В.* О роли С.Ф. Платонова в организации областных Археологических съездов. С. 43. “ЯГВ” извещали, что прибывающие на съезд профессора С.Ф. Платонов и И.А. Шляпкин “остановятся у проф. И.Я. Гурлянда” (ЯГВ. 1901. Ч.н. № 62. С. 3). Прояснение этого вопроса посредством архивных материалов показало, что квартира И.Я. Гурлянда (по данным Всероссийской переписи 1897 г.) находилась в доходном доме купца А.А. Бухарина, стоявшем на углу ул. Ростовской (Екатерининской) и Угличской (см.: ГАЯО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 1313. Л. 40 об.–41). В угловой части этого дома в 1910 г. была построена гостиница “Бристоль”, расположившаяся напротив главного входа в Екатерининский дом призрения ближнего, где происходили торжества по случаю открытия Первого областного съезда.

⁹⁹ См.: Труды Второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Тверь, 1906. С. II.

¹⁰⁰ См.: *Платонов С.Ф.* К вопросу о тайном приказе // ЖМНП. 1902. № 12. С. 443–450; То же // Платонов С.Ф. Статьи по русской истории (1883–1902). СПб., 1903. С. 248–258.

ученого, а затем высокопоставленного столичного чиновника, и многие годы спустя, когда далеко позади остались не только общность их научных интересов, но и жизнь в одной стране. В 1927 г. историк давал в то время уже довольно смелые пояснения вдове поэта В.Я. Брюсова, раскрывая встречающееся в его дневниках упоминание о некоем “Арсении Г.”: под этим широко известным в прежние времена литературным псевдонимом (полностью – “Арсений Гуров”) выступал писатель, драматург и официальный публицист И.Я. Гурлянд, а в советскую пору – политический эмигрант¹⁰¹.

После состоявшегося на заседании ЯГУАК обсуждения запроса С.Ф. Платонова И.Я. Гурлянд отвечал петербуржцу в письме от 18 января 1901 г.: “Я доложил архивной комиссии о Вашем желании иметь план города Углича. Самый древний план, который есть в комиссии – это подтвержденный Екатериной. Хотели Вам послать его в пользование, но я устрою Вам копию с него, которую Вам и вышлю. Раз Вы уже заинтересовались нашей археологией, не доложили бы Вы Археологическому обществу, что в Ярославле живет довольно заявивший себя археолог-дилетант штабс-капитан Городцов. Надеюсь, что Ваш сын уже совсем здоров”¹⁰². Последняя фраза в письме И.Я. Гурлянда наводит на мысль о личном свидании корреспондентов, вероятно, произошедшем незадолго до того в Петербурге, в дни выступления С.Ф. Платонова в ОЛДП с сообщением о топографии Угличского кремля. Примечательно в послании и упоминание об “археологе-дилетанте” Василии Алексеевиче Городцове (1860–1945) – впоследствии одном из крупнейших отечественных археологов и основателе научной школы, профессиональное становление которого происходило в годы его активной деятельности в ЯГУАК¹⁰³. На поприще археологических разысканий В.А. Городцов тесно сотрудничал с архивариусом комиссии И.А. Тихомировым¹⁰⁴, успехи которого в этой сфере привлекли столь пристальное внимание С.Ф. Платонова. В ответ на сообщение И.А. Тихомирова о готовности комиссии выслать “старейший” план Угличского кремля, дополненное рассказом о собственном

¹⁰¹ Из письма к И.М. Брюсовой от 27 декабря 1927 г.: «Читая “Дневники” Валерия Яковлевича, я несколько раз встречал упоминания об “Арсении Г.” из “Новостей дня” и не встретил раскрытия этого псевдонима. Между тем сношения с ним имели значение в начальную пору публикаций В[алерия] Я[ковлевича]. Позвольте сказать, что “Арсений Г.” – это Илья Яковлевич Гурлянд, московский магистрант-юрист и беллетрист, затем преподаватель Ярославского лицея и “чиновник особых поручений” при ярославском губернаторе, затем доктор полицейские права и член Совета министра внутренних дел в Петербурге. О нем смотрите “Новый энцикл[опедический] словарь” Брок[гауза] и Ефрона, т. XV. Говорят, он жив и находится на юге Франции» (Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. Т. 1. С. 266).

¹⁰² ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2753. Л. 2.

¹⁰³ См.: *Крайнов Д.А.* К столетию со дня рождения В.А. Городцова // Советская археология. 1960. № 1. С. 120–124; Ярославские краеведы: Библиограф. указ., аннотированный. Ч. 1. С. 13–14; *Дубов И.В., Седых В.Н.* В.А. Городцов и Ярославская губернская ученая архивная комиссия // *Дубов И.В. Залесский край: Эпоха раннего Средневековья.* С. 227–232. Действительным членом ЯГУАК В.А. Городцов состоял с 22 декабря 1895 г. (см.: *Труды ЯГУАК. Ярославль, 1900.* Кн. 3, вып. 1. С. 75; *Труды ЯГУАК.* Кн. 7, вып. 2. С. 42).

¹⁰⁴ См.: *Дубов И.В.* Роль И.А. Тихомирова в археологическом изучении Ярославского Поволжья // Краеведческие записки. Вып. 7. С. 31–39; *Леонтьев А.Е.* Так кто же насыпал ярославские курганы? // Там же. С. 39–46; *Седых В.Н.* И.А. Тихомиров и некоторые вопросы методики исследования и интерпретации археологических источников // Там же. С. 46–49.

“небезрезультативном” обследовании его территории в археологическом отношении, С.Ф. Платонов уже 23 января 1901 г. отвечал: “Очень интересуюсь Вашими раскопками, о которых дошел до меня не вполне вразумительный слух” (Прил. I, 1)¹⁰⁵.

Известие И.А. Тихомирова о проведенных в Угличском кремле раскопках открыло С.Ф. Платонову “новое дыхание” в изучении вопроса о “топографии событий” гибели царевича Димитрия. Ученый надеялся при сопоставлении данных письменных источников и археологии составить более четкую картину трагических событий 1591 г. Вскоре из Ярославля ученый получил копию с угличского “казенного плана” 1784 г., дополненную планом, составленным самим И.А. Тихомировым, с нанесенными на него результатами археологического обследования Угличской “крепости”. “То, что Вы нашли, – признался С.Ф. Платонов в письме к И.А. Тихомирову, – *очень* любопытно и, если восходит ко времени ранее XVIII столетия, *очень* важно для истории Углича” (Прил. I, 3). Эти обстоятельства обмена научной информацией положили начало личным контактам двух историков, подкрепленным их перепиской, встречами и общением на археологических съездах, а также решающим образом послужило к согласию С.Ф. Платонова выступить в Ярославле с темой, которая ранее уже звучала¹⁰⁶. Историк воспользовался трибуной Первого областного съезда, чтобы продемонстрировать научной общественности открывающиеся новые источниковедческие возможности в исследовании темы, имеющей «большую важность для правильного понимания “следственного дела” о смерти царевича», и, очевидно, не ошибемся, к этому добавив, – своим авторитетом поддержать деятелей местной архивной комиссии в их научно-исследовательских начинаниях, в том числе требовавших немалых финансовых затрат¹⁰⁷.

Лето 1901 г. С.Ф. Платонов с семьей проводил на Верхней Волге, сняв дачу у пристани “Ильинское”, неподалеку от Рыбинска. По крайней мере дважды до открытия съезда он побывал в Ярославле проездом в Москву и обратно, предполагая по дороге в столицу (13 июля) воспользоваться временем перед отправлением поезда для короткого свидания с И.А. Тихомировым (Прил. I, 4). Однако пути их разминулись: к этому времени И.А. Тихомиров, очевидно, уже отбыл на раскопки в Тверскую губернию, план которых был согласован

¹⁰⁵ См.: *Митрофанов В.В.* С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России. С. 273.

¹⁰⁶ О том, что С.Ф. Платонов, откликаясь на приглашение к участию в съезде, не предполагал делать специальный доклад, на наш взгляд, свидетельствует такой факт: в опубликованном в газете “Северный край” 8 августа перечне заявленных на съезд сообщений, за названием темы последнего реферата под № 24 (доклад А.А. Титова “Ващажниково и ващажниковские вотчины”) следует фраза: “Сверх того заявлены рефераты профессором С.Ф. Платоновым и директором Археологического института Н.В. Покровским” (Северный край 1901. 8 (21) авг. № 208. С. 3; То же: ЯГВ. 1901. Ч. н. № 62. С. 3). С.Ф. Платонов, очевидно, был все-таки “вызван на разговор об Угличе”, и о его принципиальном согласии выступить с докладом стало известно только накануне съезда.

¹⁰⁷ И.А. Тихомиров свидетельствовал, что на проведенные в Угличском кремле раскопки было затрачено менее 100 рублей. И тут же разъяснял: “Чтобы исследовать обстоятельно весь кремль Углича, нужно не 100, а по крайней мере 1000 рублей, человек 30 землекопов и не менее месяца времени, да хотя двух помощников” (*Тихомиров И.А.* Раскопки в Угличском кремле. Тверь, 1904. С. 3, 15, 23).

с Императорским Русским археологическим обществом (еще в марте 1901 г. С.Ф. Платонов писал И.А. Тихомирову: “На Ваши раскопки около Млева, с Вашего разрешения, я бы приехал, если бы позволили служебные дела”. (Прил. I, 3)). Сожалея в письме от 10 июля о невозможности увидеться в ближайшие дни, С.Ф. Платонов извещал с “Ильинской” пристани: “В Ярославле в августе я надеюсь быть хотя бы на несколько дней. Тогда и побеседуем об Угличе” (Прил. I, 4). Речь шла об участии в ярославском съезде (и вновь это предположительное – “надеюсь быть...”), назначенном на 10–14 августа.

Профессора С.Ф. Платонова, вне сомнения, с нетерпением ждали в Ярославле, возлагая большие надежды на его научный вес и авторитет в ученом мире. Участие видного петербургского историка в форуме, безусловно, повышало планку и значение “областного съезда” – и как совершенно нового явления, в целесообразности которого усомнилась устроительница всероссийских археологических съездов графиня П.С. Уварова¹⁰⁸, и как своеобразной оппозиции им, постепенно терявшим свой авторитет. О немаловажной “представительской” функции ученого, которая возлагалась на С.Ф. Платонова, говорит и довольно показательное в этом отношении к нему письмо И.Я. Гурлянда: “Съезд будет открыт 10 (быть может, в присутствии великого князя Сергея Александровича, но это наверное). Было бы весьма и весьма желательно, если бы приезжать начали хотя бы к 9[-му]. Открытие съезда, думаем, состоится около 12 часов дня 10-го. Если бы вы решили захватить френч, это было бы весьма кстати”¹⁰⁹. В местной газетной периодике осталась зафиксированной следующая деталь: «Сегодня, 9-го августа, приезжают с вечерним пароходом О-ва “Самолет” проф. С. Ф. Платонов и проф. И.А. Шляпкина». Ближайший друг Сергея Федоровича, историк русской литературы Илья Александрович Шляпкина (1858–1918)¹¹⁰, по-видимому, гостивший

¹⁰⁸ Между прочим, в официальных материалах съезда имя графини П.С. Уваровой не упоминается среди тех, кто направил в адрес участников форума приветственные телеграммы (см.: Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). С. XVII–LIX). Однако такая телеграмма, очевидно, все же была. В освещавших съезд “ЯГВ” читаем: “Были прочтены приветствия также от известного историка И.Е. Забелина, графини Уваровой, проф. Корсакова и многих других” (ЯГВ. 1901. Ч. н. № 63. С. 3).

¹⁰⁹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2753. Л. 10.

¹¹⁰ В специальном рассмотрении нуждается вопрос о научных и творческих связях И.А. Шляпкина с ярославскими краеведами и ЯГУАК, действительным членом которой он состоял с 23 декабря 1896 г. (Труды ЯГУАК. Кн. 7, вып. 2. С. 51). Особенно тесными и дружескими его взаимоотношения были с А.А. Титовым, чьим богатейшим собранием рукописей пользовался еще начинающий ученый при подготовке своего знаменитого труда “Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709)” (СПб., 1891). Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует сохранившийся черновик письма (телеграммы?) А.А. Титова по случаю 25-летия научной деятельности И.А. Шляпкина: “Многоуважаемый Илья Александрович! Приветствуя дорогого юбиляра в замечательный для него день 23 апреля, я невольно переносюсь к милому прошлому; я вспоминаю о тех чудных днях, проведенных нами вместе в Ростове, когда Вы приготавливали материалы для одной из своих капитальных работ о св. Димитрии, митрополите Ростовском. Ведь она была начата среди вековых тополей в моей садовой хибарке, из которой были слышны мелодичные звуки Яковлевского звонкого колокола, и чуть-чуть виднелся белый купол исторического Шереметевского храма. Примите же мой привет – привет старого знакомого, как дорогую память двадцатипятилетнего друга. Ростов Великий. 23 апреля 1907” (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 2402. Л. 116–116 об). В ГАЯО хранятся письма И.А. Шляпкина к А.А. Титову за период 1879–1901 гг. (см.: Там же. Д. 2020). См.: *Смирнов Я.Е.* Андрей Александрович Титов (1844–1911). С. 28–29, 48–49, 73, 74, 99.

в это время у Платоновых на Волге, также откликнулся на приглашение организаторов археологического форума, и оба ученых в Ярославль прибыли вместе. Здесь же, в газетной публикации, находим уточняющие подробности уже известного нам факта: С.Ф. Платонов и И.А. Шляпкин на время работы съезда остановились в квартире И.Я. Гурлянда¹¹¹.

Дневник и протоколы Ярославского областного съезда, опубликованные в 1902 г. в отдельном томе его “Трудов”, изданных под редакцией секретаря съезда профессора И.Я. Гурлянда и на средства почетного члена ЯГУАК, ярославского городского головы И.А. Вахромеева, дают довольно полное представление об участии С.Ф. Платонова в историческом форуме. Помимо основного доклада, который ученый сделал в утреннем заседании 13 августа, он председательствовал в “историческом отделении” съезда (вечернее заседание 12 августа), активно участвовал в прениях по докладам и дважды выступал с содержательными речами, имеющими программное и научно-методическое значение. Переписка И.Я. Гурлянда с С.Ф. Платоновым показывает, что тексты выступлений петербургского ученого, как и его статья о топографии Угличского кремля, были подготовлены или обработаны самим историком уже после съезда и присланы специально для публикации¹¹². Этот факт тем более обращает на себя внимание, так как известно, что ни один доклад, произнесенный С.Ф. Платоновым на всероссийских археологических съездах, не был им помещен в их “Трудах”¹¹³. Таким образом, выявленная авторская редакция выступлений историка, “вплетенных” в содержание протоколов съезда, повышает значение этих текстов и позволяет в них видеть до сих пор неучтенные публикации видного ученого (Прил. IV; V). Кроме того, особую ценность представляет и то, что при издании трудов ярославского съезда И.Я. Гурлянд пользовался консультациями С.Ф. Платонова или рассчитывал на них: “Вообще же будьте уверены, что я приму все меры, чтобы издание вышло тщательное и изящное. Прошу разрешения, в случае если представится необходимость, просить у Вас совета или указания по поводу печатания трудов съезда”¹¹⁴.

Торжественное открытие съезда в Ярославле состоялось 10 августа в зале Екатерининского дома призрения ближнего (и ныне это здание, воздвигнутое в 1786 г. по инициативе наместника А.П. Мельгунова на средства ярославских благотворителей, служит научно-просветительским целям: здесь располагается один из факультетов и приемная комиссия Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова) в присутствии более 200 человек – членов

¹¹¹ См.: Северный край (Ярославль). 1901. 9 (22) авг. № 209. С. 3; то же: ЯГВ. 1901. Ч. н. № 62. С. 3.

¹¹² 26 августа 1901 г. И. Я. Гурлянд писал С.Ф. Платонову: «Пользуюсь случаем, чтобы присоединить и просьбу: будьте добры удосужиться и прислать: 1) Вашу речь перед открытием исторического заседания под Вашим председательством; 2) Ваш доклад о “Кремле”; 3) Вашу речь в Ростове» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2753. Л. 4). Уже вскоре И.Я. Гурлянд благодарил: «Спасибо Вам большое за все присланное. Сейчас все это переслали мне в Москву, где главным образом сию по делу издания трудов. Конечно, будет напечатан и план (имелся в виду план Угличской “крепости”, сопровождавший статью С.Ф. Платонова. – Я.С.)» (Там же. Л. 6).

¹¹³ См.: Митрофанов В.В. О роли С.Ф. Платонова в организации областных Археологических съездов. С. 44.

¹¹⁴ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2753. Л. 6.

съезда и “посторонних посетителей”, проявивших интерес к значительному событию. При этом имя профессора Петербургского университета С.Ф. Платонова в числе немногих почетных лиц, участвовавших в торжестве, значится одним из первых¹¹⁵. На первом рабочем заседании съезда, которое состоялось в тот же вечер в помещении ЯГУАК, в одном из двух корпусов мельгуновских Присутственных мест на центральной площади Ярославля – Ильинской (ныне это здание Ярославской областной думы – пл. Советская, д. 1/19), с краткой речью к собравшимся обратился председатель комиссии профессор Демидовского лицея М.А. Липинский¹¹⁶. В конце он заметил, что созвав археологический съезд, ЯГУАК “считает свою задачу исполненной и передает дальнейшие распорядительные действия в руки членов съезда”. Следом слово взял С.Ф. Платонов, который предложил избрать почетным председателем съезда, “в виду заслуг по созыву первого областного археологического съезда”, ярославского губернатора гофмейстера Б.В. Штюрмера, а председателем – директора Демидовского лицея С.М. Шпилевского. Оба эти предложения были встречены “шумными рукоплесканиями”. Для трех запланированных заседаний “исторических отделений” съезда их председателями были выбраны профессора С.Ф. Платонов, Н.Д. Чечулин, И.А. Шляпкин (примечательно, все трое – уже ставшие именитыми участники “кружка русских историков”). По предложению С.М. Шпилевского и С.Ф. Платонова секретарем съезда избрали И.Я. Гурлянда¹¹⁷.

12 августа С.Ф. Платонов, открывая в качестве председателя исторической секции заседание, произнес речь. Ее значение, быть может, впервые так заостренно поднимающей проблему объединения местных научных сил и “научного центра”, не утратило своей актуальности и в настоящее время. Важность и ценность краеведческих изысканий, проводимых местными историками-любителями, уже давно ни у кого не вызывали сомнений. “Чем шире и деятельнее изучается местная старина, – говорил С.Ф. Платонов, – тем более выигрывает от этого общая история страны”. Однако значение местных трудов и публикаций, к которым нередко обращаются и профессиональные историки, только бы возрастало, если “они будут ведены в полном соответствии с движением общей науки и будут сознательно пользоваться ее методами и выводами”. О том, что “вывод, добытый изучением общей истории

¹¹⁵ Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). С. XIX.

¹¹⁶ Ученый-юрист Мариан Александрович Липинский (1854–1919) – член Предварительного комитета и участник VII Археологического съезда в Ярославле, один из основателей ЯГУАК, председатель комиссии в 1900–1903 гг. Как археограф он многое сделал для изучения и публикации писцовых источников Углича и его уезда (см.: *Липинский М.А.* Писцовые книги Угличского уезда XVII века // *Временник Демидовского юридического лицея.* Ярославль, 1886–1888. Кн. 41–46; *Он же.* Угличские акты XVII века // Там же. 1889–1890. Кн. 48–52; *Он же.* Город Углич в XVII веке // Там же. 1891–1892. Кн. 54, 56, 57). Именно на эти материалы ссылался С.Ф. Платонов в своей статье о топографии Угличского кремля. О М.А. Липинском см.: *Ярославские краеведы:* Библиограф. указ., аннотированный. Ч. 1. С. 28–29; *Алексеев В.П.* Профессора Демидовского юридического лицея – соратники И.А. Тихомирова по Ярославской губернской ученой архивной комиссии. С. 53–54; *Ярославская губернская ученая архивная комиссия:* люди, события, документы. С. 24.

¹¹⁷ См.: Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). С. XXV–XXVI.

страны, может быть полезен, даже необходим для успешной разработки местных тем”, С.Ф. Платонов наглядно продемонстрировал на примере “золотого века” Ярославля. Задаваясь вопросом, почему в XVI–XVII столетиях здесь “памятники старого зодчества достигли такой красоты и стали так многочисленны”, историк пояснял: “Ответ на это в истории вообще Московской Руси, а не в истории одного ярославского строительства”. Только став мощным торгово-промышленным центром на перекрестье важнейших сухопутных и водных путей государства, город на Волге смог достичь такого и внешнего великолепия. “Это наблюдение над прошлым Ярославля, – подчеркнул ученый, – сделано в общей истории лишь недавно, с возникновением интереса к темам историко-экономическим”¹¹⁸. Свою речь С.Ф. Платонов закончил “призывом к дальнейшему и непрерывному единению местных ученых сил с деятельностью научных центров, высказав твердое убеждение, что только в этом единении залог успеха в труде обеих сторон” (Прил. IV).

Далее в заседании под председательством С.Ф. Платонова прозвучали доклады М.А. Липинского “К вопросу о несвободном земледельческом населении в Московском государстве: (По данным угличских писцовых книг)”, И.Я. Гурлянда, выступившего с двумя рефератами: “О раке св. мощей Василия и Константина в Ярославском Успенском соборе” и “О можжевелевой повинности в Ярославском уезде во второй половине XVII века”, и Н.Д. Чечулина “К вопросу о распространении в Московском государстве иноземных влияний”. По докладам И.Я. Гурлянда и Н.Д. Чечулина С.Ф. Платонов выступил в прениях. О его заинтересованном внимании к темам других референтов, посвященных вопросам “областной” и “общей” истории, свидетельствует та активность, с которой историк участвовал в работе съезда¹¹⁹.

13 августа в утреннем заседании “исторического отделения”, состоявшемся под председательством Н.Д. Чечулина, доклад «О топографии Угличского “кремля” в XVI–XVII веках» сделал С.Ф. Платонов¹²⁰. Любопытна деталь,

¹¹⁸ О торговом и промышленном значении Ярославля в XVI–XVII вв. С. Ф. Платонов подробно писал в своей докторской диссертации, см.: *Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)* / отв. ред. Я. Н. Шапов. М., 1995. С. 21–28.

¹¹⁹ См.: Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). С. XLIII, XLVII, XLVIII, L.

¹²⁰ См.: *Платонов С.Ф. О топографии Угличского “кремля” в XVI–XVII веках* // Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). С. 84–86; То же // Платонов С.Ф. Статьи по русской истории (1883–1902). С. 225–230. Запланированный для сообщения в том же заседании доклад известного ярославского историка и поэта Л.Н. Трефолева (1839–1905) “Из семейных бумаг Алалыкиных” по каким-то причинам не состоялся. Об этом реферате ярославца газета “Северный край” извещала в день заседания, причем, докладчики распределялись в следующем порядке: 1) А.А. Садовский “О населенных пунктах Нижегородской губернии XVII века”; 2) С.П. Писарев “О св. князе Андрее”; 3) Л.Н. Трефолев; 4) С.Ф. Платонов (Северный край. 1901. 13 (26) авг. № 213. С. 3; То же: Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). С. XXVII). Несколько днями ранее та же газета заявленный Л.Н. Трефолевым реферат представляла в другой формулировке: “Данные из переписки князя Василия Васильевича Голицына с царевной Софией Алексеевной” (Северный край. 1901. 8 (21) авг. № 208. С. 3). По неизвестным причинам не выступил на съезде и В.А. Городцов, предложивший тему “Доисторическая археология Ярославского края” (Там же).

не ускользнувшая от внимания местных хроникеров: при появлении на кафедре известный петербургский ученый был встречен “рукоплесканиями”¹²¹. Содержательно его реферат, по сути, явился повторением изложения исследовательской темы в ОЛДП 12 января 1901 г. Формулируя проблему “о степени достоверности” (в первом выступлении) и “правильного понимания” (во втором) следственного дела о смерти царевича Димитрия, С.Ф. Платонов показал, что с помощью имеющегося писцового материала она не разрешима. И вновь историк приходил к неутешительному выводу: «Другим словами, топографию Угличского кремля надо считать потерянной, ибо “следственное дело”, как мы видим, нам ее не разъясняет». Однако если вначале ученый усматривал “счастливый случай” в гипотетической находке угличского плана первой половины XVII в., то теперь он надежды возлагал на данные полевой археологии. «Тем большую важность могут иметь правильно поставленные раскопки на территории древнего Угличского “города”, – в заключение своего выступления заявил С.Ф. Платонов. – Начало им положено в 1900 году трудами К.Н. Евреинова и И.А. Тихомирова, и уже добыты доказательства существования каменных сооружений там, где их нельзя было предполагать по указаниям письменных памятников»¹²².

С.Ф. Платонов, таким образом, сообщил съезду не только о результатах источниковедческого изучения важного исторического вопроса, но и проиллюстрировал свою мысль о необходимости “единения” научных сил. Только комплексный подход с привлечением разнообразных источников, учет достижений других исследователей, в том числе и самостоятельных, может служить исторической истине. Нет сомнения, что И.А. Тихомиров присутствовал на выступлении С.Ф. Платонова, состоявшемся в помещении ЯГУАК. Накануне, 12 августа, ярославский архивариус был в числе руководителей раскопок известного курганного могильника у села Михайловского близ Ярославля, в которых приняли участие члены археологического съезда¹²³. Наверняка тогда же между С.Ф. Платоновым и И.А. Тихомировым состоялась предметная “беседа об Угличе”. И то, что уважаемый петербургский историк, управляющий отделением русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества, публично отметил важные исследовательские заслуги скромного архивариуса, безусловно, обратило на себя внимание многих. Оценивая труды И.А. Тихомирова, который,

¹²¹ См.: Северный край. 1901. 14 (27) авг. № 214. С. 4; ЯГВ. 1901. Ч. н. № 67. С. 4.

¹²² Платонов С.Ф. О топографии Угличского “кремля” в XVI–XVII веках // Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). С. 86. Несколько по-иному содержание доклада ученого передавалось в газетной хронике, где сказано: С.Ф. Платонов “сообщил, что при попытке бросить хоть какой-нибудь свет на историю убиения царевича Димитрия положительных результатов никаких нельзя получить ни из оставшихся от той поры документов, ни из производимых до сих пор раскопок угличского земляного кремля” (Северный край. 1901. 14 (27) авг. № 214. С. 4; ЯГВ. 1901. Ч. н. № 67. С. 4).

¹²³ Из газетной корреспонденции: “При раскапывании рабочими курганов просили наблюдать за ними сведущих в деле раскопок археологов, и свое согласие изъявили следующие специалисты в числе присутствующих: граф А.А. Бобринский, Я.А. Ушаков, И.А. Тихомиров, Н.М. Бекаревич, В.И. Колосов” (Поездка в село Михайловское на раскопки // Северный край. 1901. 14 (27) авг. № 214. С. 3; о том же см.: Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). С. XXVIII).

собственно, и являл собой на Ярославской земле один из лучших примеров краеведа-энциклопедиста – знатока местных памятников – письменных, археологических, этнографических, архитектурных и др., С.Ф. Платонов тем самым поднимал в глазах провинциального общества авторитет и значение деятельности подобных подвижников и охранителей родной старины. Это не могло не вдохновлять и самого И.А. Тихомирова.

Данное общение И.А. Тихомирова с С.Ф. Платоновым, полагаем, в немалой степени послужило поводом к тому, что одной из двух тем, заявленных ярославцем на Второй областной археологический съезд в Твери, оказались “Раскопки в Угличском кремле”. Так назывался доклад И.А. Тихомирова, который он прочел в дни работы съезда, состоявшегося 10–20 августа 1903 г.¹²⁴ Выявленные обстоятельства творческого диалога ученых позволяют по-новому взглянуть на эту известную работу И.А. Тихомирова. Без сомнения, краевед рассчитывал на новую встречу с петербургским ученым, который довольно активно включился в процесс подготовки Тверского съезда и рассчитывал на личное в нем участие (как известно, из-за болезни С.Ф. Платонов на съезде отсутствовал¹²⁵). Работа И.А. Тихомирова, по сути, явилась продолжением исследования С.Ф. Платонова. И хотя в ней нет прямых ссылок на труд известного историка, характер источниковых материалов, представленных в реферате, и сделанных выводов со всей очевидностью позволяют так думать. “Таковы главные результаты моих раскопок, – сообщает И.А. Тихомиров в середине своей статьи. – Они не богаты, не блестящи и не обильны находками вещей, но тем не менее думаю, что оправдывают сделанные на них затраты и привлекут внимание местных исследователей, так как предоставляют в распоряжение и такие данные, о которых ни в памятниках письменности, известных до сих пор, ни в преданиях нет даже намеков”¹²⁶. А далее автор, хотя и назвавший свой реферат “Раскопки в Угличском кремле”, выходит в изложении темы далеко за рамки сугубо археологических сведений и предлагает топографическую реконструкцию “крепости” с помощью документальных и историографических данных. Круг письменных источников, которым ранее пользовался С.Ф. Платонов, получил расширение за счет тех, которые имелись в собрании ЯГУАК или отыскивались в местных “казенных” архивах, и, соответственно, не были известны петербургскому историку. И хотя исследование И.А. Тихомирова не добавляло ничего нового к топографии следственного дела 1591 года (да и задачу такую краевед перед собой не ставил), автору удалось при сопоставлении археологических и письменных данных прийти к важным выводам более широкого плана: «Если теперь задать вопрос, когда в Угличе был каменный кремль, то на него нужно ответить, что он был, по крайней мере, уже в XVI в., так как целый ряд письменных свидетельств, идущих от конца XVI и за половину XVIII в., знает в Угличе только деревянный “город”. Если

¹²⁴ 11 августа И.А. Тихомиров сделал доклад “Кто насыпал ярославские курганы?”, 14 августа – “Раскопки в Угличском кремле”, см.: Труды Второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. С. XXXV, LXXIV–LXXV, 87–248 (отд. 1), 401–422 (отд. II).

¹²⁵ См.: Митрофанов В.В. О роли С.Ф. Платонова в организации областных Археологических съездов. С. 44–46.

¹²⁶ Тихомиров И.А. Раскопки в Угличском кремле. С. 15.

же принять во внимание данные, добытые раскопками, то указанное время придется отодвинуть к XV и даже к XIII в., как указывает и Угличская летопись по списку Археографической комиссии»¹²⁷.

Таким образом, угличские археологические изыскания И.А. Тихомирова обнаруживают то источниковедческое расширение и ту исследовательскую полноту, с какой на краеведа повлиял труд С.Ф. Платонова. В этом проявилось прямое воздействие личного общения и переписки ярославского архивариуса с петербургским ученым. И.А. Тихомиров, по природе своей человек застенчивый и несколько замкнутый, высоко ценил щедрость души и научный авторитет С.Ф. Платонова. И тем ценнее в свете этих отношений видится тот факт, что по предложению именно И.А. Тихомирова С.Ф. Платонов был избран сначала почетным (1903), а затем действительным членом (1907) ЯГУАК¹²⁸. По меньшей мере, еще дважды на протяжении жизни судьба сводила их вместе: в июне 1906 г., когда оба были участниками Третьего областного историко-археологического съезда во Владимире¹²⁹, и летом 1909 г. в Ярославле. “Общий обзор деятельности” ЯГУАК зафиксировал посещение С.Ф. Платоновым музея комиссии – “Древлехранилища”, создателем, хранителем и экскурсоводом которого был И.А. Тихомиров¹³⁰.

14 августа явилось заключительным днем работы Ярославского областного съезда, который его участники провели в Ростове Великом. Последнему рабочему заседанию форума предшествовала экскурсия по великолепным памятникам Ростовского кремля, посещение музея и обед. И вновь, как и в 1887 г., делегатов археологического съезда принимал “добрый дух Ростовского кремля” – И.А. Шляков¹³¹. “Живой ростовский летописец” А.А. Титов,

¹²⁷ Там же. С. 23–24. С.Ф. Платонов осторожнее отнесся к данным археологии и выводам И.А. Тихомирова (письмо от 7 марта 1902 г.): “Благодарю Вас за сообщение относительно Угличского кремля. И я так понимаю дело, что мы строим догадки без твердого фундамента. Археология здесь расходится с историей, и не знаешь, что думать. Но я боюсь мечтать о кладке XIII (!) века; думаю, что это нечто позднейшее” (Прил. I, 5).

¹²⁸ Вместе с И.А. Тихомировым С.Ф. Платонова в почетные члены ЯГУАК выдвинули М.А. Липинский и Е.И. Якушкин, см.: Труды ЯГУАК. Кн. 6, вып. 1. С. 223; Труды ЯГУАК. Кн. 7, вып. 1. С. 7.

¹²⁹ Здесь И.А. Тихомиров представил свою концепцию памятникоохранительной программы в России, см.: Тихомиров И.А. К вопросу об устройстве древлеведения в России. Владимир, 1908. С. 7–8. См. об этом: Смирнов Я.Е. И.А. Тихомиров и его проект устройства древлеведения в России; Он же. “Сделайте то, что подскажут не расчет и выкладка, а душа и чувство...”: К истории проекта ярославского архивариуса И.А. Тихомирова об устройстве древлеведения в России.

¹³⁰ Строка в разделе о “выдающихся посетителях музея”, где содержится упоминание о С.Ф. Платонове, выглядит следующим образом: “Академик А.И. Соболевский, проф. С.Ф. Платонов, Ф. Успенский – VI, VII, 1909 г.” (Труды ЯГУАК. Кн. 7, вып. 2. С. 25). Вероятно, таких встреч было больше, учитывая и другие приезды историка в Ярославль во время отдыха на Волге. В 1909 г. в письме к графу С.Д. Шереметеву С.Ф. Платонов вспоминал, как в июле 1902 г. он случайно “у губернатора Б.В. Штюрмера в столовой” встретился с великим князем Константином Константиновичем, когда тот путешествовал по Волге (см.: Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. Т. 1. С. 127. № 259). См. также ниже, в тексте настоящей статьи.

¹³¹ Так об И.А. Шлякове в начале XX в. отзывался прозаик и драматург Ю.Д. Беляев: “Это – замечательный знаток церковной старины, археолог-любитель и природный ростовец. Вышел ко мне седой, улыбающийся старичок, худошавый, зябко кутающийся в пальто. Ну, конечно, это – добрый дух! – подумал я. И у меня сейчас же сложилась фантазия: есть в

хотя и заявил на съезд реферат, но по делам торговым и общественной службы на Нижегородской ярмарке не смог присутствовать на историческом форуме¹³². Как сообщала газета “Северный край”, “в Белой палате церковные древности были показаны И.А. Шляковым, который с большой готовностью делился своими богатыми знаниями ростовской старины и давал ответы на самые детальные вопросы, с которыми к нему обращались многочисленные посетители”¹³³. Данной незаменимостью И.А. Шлякова при посещении Ростова пользовались многие ученые путешественники и просто любители отечественной старины. Этим же было продиктовано и письмо к нему С.Ф. Платонова, планировавшего вместе с членами своей семьи поездку в древнерусский город в начале августа 1904 г. (Прил. III). После осмотра Музея церковных древностей И.А. Шляков, уже по доброй традиции ростовского гостеприимства, предложил участникам съезда обед в Княжих теремах¹³⁴. На заседании в Белой палате под председательством И.А. Шляпкина выступил Е.В. Барсов с рефератом “Из истории колонизации и культуры Ростовского края”. “Доклад Е.В. Барсова, – по словам газетной хроники, – весь был проникнут патриотической идеей, и был произнесен автором необыкновенно горячо и сильно”¹³⁵. Давний друг Ростова и близкий приятель А.А. Титова, на протяжении нескольких десятилетий сочувствовавший и помогавший ростовцам в возрождении и сохранении местной старины, завершил свое выступление высоким патетическим слогом: “Все на свете идет своим чередом. Настала пора, когда правящие и мыслящие классы призываются Историей к одной злобе – к развитию в массах народных исторического самосознания. Я глубоко разделяю убеждение, что народы, у которых коротка историческая память, не достойны своего существования”¹³⁶. Таков был и общий настрой всех участников Первого областного съезда, с большим воодушевлением и удовлетворением отмечавших чрезвычайно удачный научно-просветительский почин ярославцев.

На состоявшемся затем торжественном закрытии форума, проходившем под председательством губернатора Б.В. Штюрмера, посредством голосования было установлено, что эстафету ярославского съезда в 1903 г. примет Тверь. В заключение заседания было произнесено несколько речей, и первым

Ростове один человек: днем он – седой хранитель музея, ночью – сказочная птица, что живет на кремлевской звоннице и стережет святыни...” Характеристика А.А. Титова как “живого ростовского летописца” также принадлежит Ю.Д. Беляеву (см.: *Беляев Ю.* В некотором царстве... СПб., 1907. С. 7–8).

¹³² В письме к П.И. Бартеневу от 13 июля 1901 г. А.А. Титов сообщал: “Мой адрес до 8 сентября: Нижегородская ярмарка, 15 и 16 линии № 4–7” (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 593. Л. 128).

¹³³ Северный край. 1901.-18 (31) авг. № 217. С. 3.

¹³⁴ Любопытно, что немногим ранее, 27 июня 1901 г., ростовцы здесь угощали обедом министра внутренних дел Д.С. Сипягина, в это время объезжавшего с инспекцией центральные губернии. Сохранилось по этому случаю отпечатанное меню, с изображением кремлевских теремов, отправленное А.А. Титовым П.И. Бартеневу (“Пишу Вам на меню данного нами ему обеда в этом здании”): “Суп а-ля тортю. Пирожки. Ветчина с ростовским горошком. Молодые курицы и цыплята. Зелень огородная – цветная капуста и стручки. Пломбир. Фрукты и ягоды. Кофе и ликер” (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 593. Л. 128, 129).

¹³⁵ Северный край. 1901. 18 (31) авг. № 217. С. 3.

¹³⁶ См.: *Барсов Е.В.* Из истории колонизации и культуры Ростовского края // Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). С. 169.

говорил профессор С.Ф. Платонов (Прил. V). Видный историк отметил “отрадную особенность Ярославского съезда, которая выгодно отличала его от всех известных ему археологических съездов”, – это возможность “свободной и непринужденной оценки” всего того, что было “сделано и пережито” на съезде. Суждения опытного ученого и педагога касались и очень ценного с практической точки зрения вопроса о методике подготовки и публичного представления рефератов, учитывая, что многие из выступавших на съезде историков-любителей не являлись профессиональными исследователями и лекторами. По сути, это были первые платоновские “уроки” творческого наставничества и взаимообогащения столичных и провинциальных ученых. Свою речь С.Ф. Платонов закончил “пожеланием успеха делу областных съездов, в которых следует видеть наиболее удобную и удачную форму ученого общения исследователей и любителей родной старины”. Профессор Н.Д. Чечулин также “остановился на оценке тех вполне отрадных впечатлений, которые им вынесены из всего виденного и выслушанного на съезде, и выразил уверенность, что дело областных съездов – живое и плодотворное дело”¹³⁷. Выступая в печати со специальной статьей об итогах Ярославского съезда, Н.Д. Чечулин еще раз обратил внимание на большой потенциал исторической науки в русской провинции: “Губернские ученые архивные комиссии доказали на этом съезде свое право на полное к ним внимание; несомненно, что они располагают работниками, преданными делу, усердными и нередко вполне умелыми. Объединение их на съездах, подобных описываемому, и общение провинциальных деятелей с представителями науки, посвятившими все свои силы и все свое время научным трудам, конечно, не останется без самых полезных результатов”¹³⁸.

Последующая история областных историко-археологических съездов в России оказалась не только подтверждением этих слов, но и живой иллюстрацией найденной в Ярославле новой формы “единения” научных сил провинции и центра. Когда спустя 13 лет здесь вспоминали Первый областной съезд, то одним из первых, с благодарностью за оказанную моральную и научную поддержку, называлось имя С.Ф. Платонова. «Труды съезда были удостоены высочайшим одобрением – телеграммой, в которой изложено, что государь император благодарит деятелей 1-го областного археологического съезда в Ярославле за выраженные ими чувства (телеграммой в день открытия съезда) и желает им успеха в работах по исследованию родной старины. Эта же мысль, с благодарностью инициаторам – учредителям съезда ярославцам, была высказана г[осподами] Платоновым, Чечулиным, Бобринским, Шляпкиным, Барсовым и Ивановым; а академик А.И. Соболевский, заключая речи (на закрытии съезда в Ростове Великом. – Я.С.), сказал, “что за последние 15 лет, в течение которых ему приходилось присутствовать на археологических съездах, ни один съезд не был так удачен, как этот”»¹³⁹.

¹³⁷ Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). С. XXX.

¹³⁸ Чечулин Н.Д. Первый областной археологический съезд в Ярославле // ЖМНП. 1901. № 10. С. 90.

¹³⁹ Общий обзор деятельности Ярославской ученой архивной комиссии за 1900–1914 гг. // Труды ЯГУАК. Кн. 7, вып. 2. С. 4.

О том, что ярославская и ростовская общественность осталась под сильным впечатлением от присутствия на съезде С.Ф. Платонова, очарованная его личностью и, несомненно, оценившая ораторское искусство ученого, свидетельствуют слова И.Я. Гурлянда, вскоре после форума писавшего ему: “Вы в Ярославле оставили по себе самую добрую память, о чем я слышу теперь со всех сторон”¹⁴⁰. В душе самого С.Ф. Платонова съезд также оставил самые благоприятные впечатления и теплые воспоминания. 27 августа 1901 г. А.Е. Пресняков сообщал своей жене: “Платонов тоже выглядит хорошо, много рассказывал про съезд историков в Ярославле”¹⁴¹. Нет сомнения, что итоги Ярославского съезда были весьма позитивно восприняты С.Ф. Платоновым, давая четкое представление о реальных возможностях и потребностях исторической науки в русской провинции. Вдохновленный пережитым событием и радуясь успеху провинциальных деятелей, историк активно включился в процесс подготовки последующих форумов, всячески содействуя широкому продвижению идеи, задач и целей областных съездов. Вместе с тем, всероссийские съезды на фоне столь заметного успеха областных все более утрачивали свое значение и привлекательность. По возвращении с Черниговского археологического съезда С.Ф. Платонов в письме от 15 августа 1908 г. к графу С.Д. Шереметеву откровенно заявлял: “Приходится в то же время признать, что независимо от места съезды падают, и под эгиду графини Уваровой идет все меньше и меньше народа. Сам о себе я думаю, что я был на ее съездах в последний раз. Будущность – за съездами областными, где яснее и уже цель и предмет занятий и однороднее публика”¹⁴².

Следствием участия С.Ф. Платонова в Ярославском археологическом съезде, организованном ЯГУАК, явилось его избрание почетным, а затем и действительным членом комиссии. Установившиеся партнерские связи с комиссией и некоторыми ее наиболее видными представителями послужили важной основой сотрудничества ярославских краеведов с выдающимся ученым. В Ярославле в 1901 г. был создан мощный задел для дальнейшего развития и практического воплощения идеи историко-археологических съездов как формы объединения различных научных сил в изучении областной и связанной с ней “общей” истории. Подготовка второго съезда, которую проводила Тверская губернская ученая архивная комиссия, осуществлялась уже при непосредственном организационном участии С.Ф. Платонова. Огромным дополнительным стимулом для столичного ученого здесь было то, что еще с конца 1890-х годов у него с тверскими краеведами установились не только деловые, но и тесные дружеские связи. Особенной теплотой отличались отношения с председателем архивной комиссии Иваном Александровичем Ивановым (1850–1927)¹⁴³. Активное участие ярославцев в Тверском

¹⁴⁰ ОР РНБ.Ф. 585. Оп. 1. Д. 2753. Л. 4 (письмо от 26 авг. 1901 г.).

¹⁴¹ Александр Евгеньевич Пресняков: Письма и дневники, 1889–1927 / отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2005. С. 478.

¹⁴² Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. Т. 1. С. 121. № 247.

¹⁴³ См.: Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России. С. 69–102 (гл. II «“Тверская губерния жаждет ваших речей”: С.Ф. Платонов и тверские краеведы»).

и последующих областных съездах было, по сути своей, одной из форм сотрудничества с историком¹⁴⁴.

В тесной связи с прошедшим в Твери съездом явилась инициатива тверичан организовать для “широкого круга лиц, интересующихся местной историей”, археологические курсы, которая получила горячую поддержку и живое участие С.Ф. Платонова¹⁴⁵. Курсы состоялись в период с 29 мая по 8 июня 1904 г., а их подробная программа предварительно была опубликована в Ярославле¹⁴⁶. Помимо самого С.Ф. Платонова, выступившего с циклом лекций “Значение XVII века в русской истории”, в работе курсов приняли участие известные специалисты: профессор Н.В. Покровский (“Христианская археология России”), академик А.И. Соболевский (“Русская палеография”), преподаватель Санкт-Петербургского археологического института В.В. Майков (практические занятия по палеографии) и доктор государственного права И.Я. Гурлянд (“Приказы Московской Руси”). Обращает на себя внимание, что в состав лекторов, подбиравшийся С.Ф. Платоновым, был приглашен один “провинциал” – И.Я. Гурлянд, столь ярко зарекомендовавший себя с научной и организаторской стороны представитель ЯГУАК. Согласно отчетным данным, на курсах в качестве слушателей присутствовали, помимо разнообразной иной публики, члены архивных комиссий Тверской, Костромской, Нижегородской, Пермской и Ярославской губерний¹⁴⁷.

Учитывая немалый успех археологических курсов, Тверская ГУАК в 1912 г. выступила с повторной инициативой их проведения. И вновь ведущая роль в организации просветительских лекций с участием ведущих специалистов принадлежала С.Ф. Платонову. Заранее оговоренная дата начала работы тверских курсов, приходившаяся на 28 мая, не позволила С.Ф. Платонову принять приглашение ЯГУАК участвовать в торжественном заседании 24 мая 1912 г., посвященном 300-летию со времени пребывания в Ярославле Земского ополчения К. Минина и Д.М. Пожарского. Необходимость обращения к С.Ф. Платонову, а также к Э.Н. Берендсу и Д.И. Иловайскому, с просьбой быть на юбилейных торжествах и “сделать соответствующие воспоминанию доклады”, обсуждалась на заседании ЯГУАК 8 февраля 1912 г. Причем, “личные переговоры об этом с г[осподами] Платоновым и

¹⁴⁴ Делегатами областных съездов от ЯГУАК были: на II съезде в Твери (1903) – И.Я. Гурлянд, И.А. Тихомиров, Н.Г. Первухин; на III съезде во Владимире (1906) – И.Я. Гурлянд, И.А. Тихомиров, А.А. Титов, Н.Г. Первухин; на IV съезде в Костроме (1909) – И.А. Тихомиров, А.А. Титов, Н.Ф. Флоровский (см.: Труды ЯГУАК. Кн. 7, вып. 2. С. 8, 10, 18).

¹⁴⁵ См.: Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России. С. 75–80.

¹⁴⁶ В газетном объявлении говорилось: “Тверская ученая архивная комиссия уведомила Ярославскую архивную комиссию, что в г. Твери с 29 мая по 8 июня имеют быть археологические курсы, устраиваемые по прилагаемой программе. Прося довести об этом до сведения членов Ярославской комиссии, Тверская комиссия радушно предлагает пожаловать к означенному времени тех из них, кто пожелает, присовокупляя, что посещение курсов бесплатно, желающие должны сообщить о своем намерении Ярославской комиссии для уведомления Тверской комиссии” (Северный край. 1904. 12 (25) мая. № 123. С. 3).

¹⁴⁷ См.: Макарихин В.П. Профессор С.Ф. Платонов и губернские ученые архивные комиссии Поволжья // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1990. № 4. С. 70; Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России. С. 76.

Берендсом” на себя брал почетный член комиссии – бывший ярославский губернатор Б.В. Штюрмер, в то время член Государственного совета¹⁴⁸. Возможность присутствия С.Ф. Платонова, крупнейшего ученого и ярчайшего знатока эпохи Смуты в России, в Ярославле расценивалась как большая честь и почетная привилегия для архивной комиссии и города. Однако уже 29 февраля 1912 г. С.Ф. Платонов писал председателю Тверской ГУАК И.А. Иванову: “Памятуем 28 мая! Ради него я отказался на 24 мая ехать в Ярославль...”¹⁴⁹ Между тем незримое присутствие С.Ф. Платонова на ярославских торжествах в память народного ополчения ощущалось многими. В кульминационный момент своей речи “Прошлое и будущее Ярославского края” Б.В. Штюрмер, говоря о подвиге ярославцев по спасению Отечества в Смутное время, апеллировал к высокому авторитету всеми любимого историка: “В Нижнем Новгороде в торжественном заседании, происходившем 25 августа минувшего 1911 года¹⁵⁰, профессор С.Ф. Платонов указал на мудрость, которую проявил К. Минин в деле установления прочных оснований для предстоявшей борьбы. Сотрудниками Минина в этом деле явились государственный разум ярославцев и их организаторские дарования. Потомки сынов единой Ростово-Суздальской области в эти памятные дни в дружном между собой единении проявили такой подъем духа, такие творческие способности, что их общими усилиями была спасена Россия, и здание русской Державы увенчалось избранием царя”¹⁵¹.

О той высокой просветительской миссии, с какой неизменно ассоциировалось в интеллигентской среде имя ученого и педагога С.Ф. Платонова, свидетельствует его постоянное стремление к применению экскурсионного метода в педагогической практике. Сам страстный путешественник, он в качестве преподавателя Высших женских Бестужевских курсов, а затем и директора Женского педагогического института, включал в программу профессиональной подготовки слушательниц ежегодные экскурсии по России и за границу¹⁵². Живой иллюстрацией того, как этот метод находил отклик в сердцах учениц С.Ф. Платонова, побуждавший их к широкой пропаганде “общеобразовательных экскурсий” и внедрению путешествий в гимназическое образование, может служить прекрасная статья известной “бестужевки” Елизаветы Александровны Дьяконовой (1874–1902), появившаяся в одном из сентябрьских номеров ярославской газеты “Северный край” за 1900 г. Автор знаменитого “Дневника русской женщины”, увидевшего свет уже после ее ранней кончины, она в 1891 г. в Ярославле окончила Екатерининскую женскую гимназию (при Доме призрения ближнего), затем была слушательницей Бестужевских женских курсов, а с конца 1900 г. училась в Париже на юридическом факультете Сорбонны¹⁵³.

¹⁴⁸ См.: Труды ЯГУАК. Кн. 7, вып. 1. С. 97.

¹⁴⁹ Цит. по: *Митрофанов В.В.* Сотрудничество С.Ф. Платонова с губернскими учеными архивными комиссиями // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17). С. 77; *Он же.* С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России. С. 88, 274.

¹⁵⁰ Исправлено, в тексте опечатка – “1912 года”.

¹⁵¹ Труды ЯГУАК. Ярославль, 1913. Кн. 4, вып. 1. С. 48.

¹⁵² См.: *Шмидт С.О.* Историк С.Ф. Платонов – ученый и педагог. С. 109.

¹⁵³ См.: *Дьяконова Е.А.* Дневник русской женщины. М., 2006.

Поводом для газетной публикации с символическим названием “О воспитании любви к родной старине” и к размышлениям о том, что необходимо делать, чтобы наблюдаемое в обывательской и школьной среде равнодушие к памятникам старины искоренялось, послужил описанный автором случай. «Как-то утром осенью настоящего года немногие проходящие по Ильинской площади могли видеть небольшую группу, стоявшую против церкви Ильи Пророка и в центре ее оживленно говорившего человека. Это были петербуржцы, – из них некоторые принадлежат к администрации СПб высших женских курсов, – с профессором Шляпкиным во главе: они приезжали в Ярославль для осмотра местных древностей. Года три назад в числе слушательниц высших женских курсов мне пришлось участвовать в экскурсиях для осмотра древностей Новгорода и Пскова, организованных профессорами Платоновым и Шляпкиным. Последний много рассказывал нам и о памятниках ярославской старины и, узнав, что я из Ярославля, стал спрашивать меня о них, но я на его рассказы не могла дать иного ответа, кроме “не знаю”. То же самое повторилось и с расспросами о ростовской Белой палате, которую мне ранее пришлось посетить, но не удалось осмотреть как следует, под руководством сведущего лица»¹⁵⁴. Е.А. Дьяконова признавалась, что среднее образование она получила «в одной из здешних гимназий (которую, кстати, она окончила с серебряной медалью. – *Я.С.*), где все преподавание истории ограничивалось тщательным изучением, изучением до озлобления, до отвращения, знаменитого учебника Иловайского. Какой же иной ответ, кроме “не знаю”, можем дать мы на вопросы о нашей родной старине?» Вот и получалось, по горькой убежденности автора, что “наша средняя школа и не думает пробуждать в детях любви и интереса к родной старине, интерес если не к изучению, то к сохранению ее. Поколение за поколением проходят чрез школы, и сознательное и любовное отношение к интересным памятникам прошлого все еще остается уделом специалистов да немногих любителей...” Ученица историков-профессоров С.Ф. Платонова и И.А. Шляпкина выход из весьма типичного положения видела в организации “экскурсий для ознакомления молодого поколения с местными памятниками древности”, так как такой подход в общеобразовательном процессе, убежденно полагала она, “не представляет особых затруднений и может принести пользу для преподавания истории, привить его и заинтересовать учащихся”. Большие надежды она возлагала на то, что преподаватели ярославских гимназий, наконец, увидят, “какой богатый образовательный материал находится у них под руками в виде церквей, коллекций, находящихся в помещении ученой архивной комиссии и ростовской Белой палаты...”. Заслуживает внимания то обстоятельство, что ЯГУАК и Ростовский музей церковных древностей образованным обществом воспринимались как главные ресурсные центры культурно-просветительской политики в Ярославском крае.

Примечательно и то, что статья Е.А. Дьяконовой сразу же вызвала отклик в печати. Публикация обратила на себя внимание директора Ярославской мужской гимназии Николая Григорьевича Высотского – одного из пионеров

¹⁵⁴ Дьяконова Е. О воспитании любви к родной старине // Северный край. 1900. 17 сент. № 246. С. 3. Текст газетной публикации воспроизведен в кн.: Дьяконова Е.А. Дневник русской женщины. С. 217–218.

экскурсионного дела в Ярославле. Школьный учитель писал: “Можно только почувствовать всему, что сказано в этой статье, и нельзя не порадоваться тому, что и в печати поднимаются голоса в пользу развития среди учащихся любви к родной старине”¹⁵⁵. Возникшая полемика между авторами касалась частных, хотя и важных: какими должны быть первые шаги на пути приобщения учащихся к знаниям об исторических памятниках? Нужно ли начинать с “прогулок” по родному городу, которые, к тому же, не требуют особых “денежных затрат”, или все же ценнее открывать мир в дальних путешествиях? Н.Г. Высотский утверждал, что “на первое место должны быть поставлены поездки для осмотра интересных древностей в других городах, а не осмотр древностей местных. Молодые люди, обучающиеся в средних учебных заведениях, еще не могут интересоваться древностями в той мере, в какой ими интересуются специалисты археологи; любовь к старине нужно в них еще воспитать”¹⁵⁶. Важным условием такого воспитания учащихся гимназический директор полагал раскрытие значения местных памятников через знакомство с теми достопримечательностями, которые сосредоточены в столицах и замечательных исторических городах и их музеях.

В контексте исследования связей С.Ф. Платонова и ярославского краеведения факт данной полемики предстает в совершенно новом свете: едва ли не первое в местной печати обсуждение вопросов пропаганды и развития экскурсионного дела в Ярославском крае состоялось вследствие влияния платоновской школы экскурсий. Сложившиеся тесные контакты с провинциальными любителями старины столичный ученый с успехом использовал при организации экскурсионных поездок своих “педагогичек” по древнерусским городам. В сентябре 1910 г. С.Ф. Платонов благодарил А.А. Титова за “радушный прием и самое любезное внимание” к слушательницам Женского педагогического института, которые весной того же года побывали с экскурсией в Ростове. Об этом директор института докладывал попечителю учебного заведения великому князю Константину Константиновичу, в свою очередь просившему выразить известному ростовскому деятелю “искреннюю благодарность” (Прил. II, 5). Очевидно, те же экскурсанты, в количестве 25 слушательниц и их преподаватели, расписались 6 июня 1910 г. в книге посещений “Древлехранилища” ЯГУАК¹⁵⁷.

С.Ф. Платонов очень любил Волгу, природные красоты и удалую ширь великой русской реки, ценил неповторимое великолепие старинных русских городов и сел, раскинувшихся по обоим ее берегам. В дореволюционную пору историк не раз совершал паромные путешествия по Волге, иной раз с верховьев реки – от Твери, Калязина, Углича и Рыбинска – добираясь до Симбирска и Астрахани. “Поедемте по Волге!” – призывал С.Ф. Платонов историка М.А. Дьяконова в мае 1891 г.¹⁵⁸ Опубликованные многочисленные, хотя пока далеко и не в полном объеме, письма С.Ф. Платонова своим

¹⁵⁵ В-ий Н. [Высотский Н.Г.] Поездка учеников ярославской гимназии в г. Ростов // Северный край. 1900. 19 сент. (№ 248). С. 3.

¹⁵⁶ См.: Дьяконова Е. Нужны ли казенные деньги для того, чтобы замечать окружающие нас предметы? // Северный край. 1900. 21 сент. № 250. С. 3; В-ий Н. [Высотский Н.Г.] К вопросу об ознакомлении учащихся с родной стариной // Там же. 23 сент. № 252. С. 4.

¹⁵⁷ См.: ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 73. Л. 82.

¹⁵⁸ См.: Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. Т. 1. С. 33. № 35.

коллегам-историкам позволяют выявить предпринимавшиеся им и другие волжские круизы: в мае–июне 1908 г. он сопровождал в плавании по Верхней Волге великого князя Константина Константиновича, а в июне 1913 г. совершил большое семейное плавание “на низ”¹⁵⁹. Своему тверскому приятелю И.А. Иванову С.Ф. Платонов, предвкушая предстоящее путешествие, писал 26 мая 1908 г.: “Рад я случаю повидать Ваши места и отдохнуть среди Вас, на Волге и Клязьме. Очень уж сильно во мне великорусское чувство!”¹⁶⁰

Практически ежегодно Платоновы старались снимать для летнего отдыха дачу на Волге. Особенно Сергею Федоровичу приглянулось живописное дачное правобережье, расположенное неподалеку от Ярославля, вверх по течению реки. “На Волге я и застряну отдохнуть от тяжелой зимы”, – извещал петербургский историк в мае 1899 г., за несколько месяцев до защиты докторской диссертации, своего официального оппонента профессора Киевского университета В.С. Иконникова. И указывал адрес для переписки: «“Через Ярославль, пристань Константиново на Волге” (для заказных: “Яросл[авская] губ., Романово-Борисоглебск, в Константиновку, имение Некрасова”»)¹⁶¹. Архивные документы позволяют установить, какому именно Некрасову принадлежала эта дача. Владельцем обширной усадьбы Константиновка, на берегу Волги, являлся потомственный дворянин Александр Федорович Некрасов (1866–1941)¹⁶². Племянник поэта Н.А. Некрасова, А.Ф. Некрасов был вторым сыном его брата – Федора Алексеевича Некрасова (1827–1913), владельца знаменитой усадьбы в селе Карабиха под Ярославлем¹⁶³. Именно А.Ф. Некрасову его теткой Анной Алексеевной Буткевич (1823–1882) были завещаны все авторские права на издание сочинений поэта, о котором его племянник уже в советское время составил небольшие воспоминания¹⁶⁴. Более всего из сыновей Ф.А. Некрасова остается известен Константин Федорович Некрасов (1873–1940) – член I Государственной думы от Ярославля, видный общественный деятель и книгоиздатель. В своем родном городе он был издателем газеты “Голос” и иллюстрированного к ней приложения “Ярославские зарницы”, выпускал литературно-художественный журнал “София”. Заметный след в истории русской культуры оставило издательство К.Ф. Некрасова, в котором в период с 1911 по 1916 г. выходили книги многих известных отечественных писателей и поэтов¹⁶⁵.

¹⁵⁹ См.: Там же. С. 115–118. № 235, 236, 238, 239, 240.

¹⁶⁰ Там же. С. 118. № 241.

¹⁶¹ Там же. С. 58–59. № 95.

¹⁶² См.: ГАЯО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 699. Л. 55 об.–56.

¹⁶³ См.: *Красильников Г.В.* Семейство Федора Алексеевича Некрасова: (Материалы к хронике карабихской жизни) // Карабиха: Историко-литературный сборник: 175-летию со дня рождения поэта посвящается. Ярославль, 1997. Вып. 3. С. 241–242.

¹⁶⁴ См.: *Некрасов А.Ф.* Из “Моих воспоминаний о Н.А. Некрасове и его близких” // Н.А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. Полный текст воспоминаний см.: *Некрасов А.Ф.* Мои воспоминания о Н.А. Некрасове и его близких / публ. Б. В. Мельгунова // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 2002. Вып. 4. С. 267–275.

¹⁶⁵ С издательством К.Ф. Некрасова сотрудничали А.А. Блок, В.Я. Брюсов, И.А. Бунин, К.Д. Бальмонт, А. Белый, З.Н. Гиппиус, Б.К. Зайцев, Н.А. Клюев, В.Г. Короленко, М.А. Кузмин, Д.С. Мережковский, А.Н. Толстой, В.Ф. Ходасевич и др. См.: Книгоиздательство К.Ф. Некрасова и русские писатели начала XX века / публ. И.В. Вагановой // Российский архив. М., 1994. Вып. 5. С. 436–474.

Именно в письмах родных к К.Ф. Некрасову сохранилось редкое описание усадьбы А.Ф. Некрасова, запечатленной в марте 1893 г., где уже через два года на летние месяцы обоснуется семейство Платоновых. “Она действительно очень и очень красива: и летом вся в зелени тополей, а теперь в снегу по уши. Парк, хотя и меньше Карабихского (немного), но очень красив. Хороша дорога по краю парка и идущая парал[лельно] Волге. Хорош и вид на Волгу. Вся усадьба расположена на крутом берегу. Парк сбегает по горе к Волге. Строения в усадьбе, особенно Большой дом, хороши. Мне лично нравится та дача, которую отделяет Саша (А.Ф. Некрасов. – Я.С.) из старых оранжерей, да и не внутренность ее, которой еще нет, а внешний вид: две башни на краях, соединенные корпусом. Два этажа, и на втором балкон и, кажется, терраса (будет). Главный дом снаружи мне не очень показался: он теряется своим желтым цветом на фоне белого снега и сероватого неба. Зато внутренность, которую теперь Саша ремонтирует и которая теряется в соре и хламе, накапливаемомся во время работ, действительно хороша: 1) все комнаты, которых много, обладают хорошим видом; 2) везде лепная работа, и почти везде расписаны потолки и снабжены лепной работой; 3) очень хорошее entree: чугунная лестница, чугунные перила. Почти кругом второго этажа идет веранда”. И в заключение семейного послания: “Общее впечатление Константиновка оставила хорошее, хотя, как я думаю, летом и, особенно, весной она вдвое красивее и живописнее”¹⁶⁶. Судя по данным опубликованной переписки С.Ф. Платонова, в имении А.Ф. Некрасова семья историка проживала в 1895 и 1899 гг.¹⁶⁷

Из других окрестных достопримечательностей, правда, довольно специфических, следует упомянуть уже тогда существовавшее предприятие по производству минеральных масел товарищества “В.И. Рагозин и К^о”. Оно возникло в соседнем с усадьбой селе Константиновском в 1879 г. при личном содействии выдающегося химика Д.И. Менделеева¹⁶⁸. Это был один из первых в России заводов по переработке нефти (в поселке Константиновский и поныне действует Ярославский нефтеперерабатывающий завод им. Д.И. Менделеева). Несмотря на такое обременительное для рекреационной зоны соседство, данный участок ярославского правобережья, протянувшийся на несколько десятков километров, издавна пребывал излюбленным местом отдыха ярославской знати и состоятельных людей. Неподалеку отсюда, в селе Михайловском, находилась дача “железного короля России” – ярославского купца-промышленника, миллионера и мецената Николая Петровича Пастухова (1820–1909). Уже издали с речных просторов открывался романтический вид на загородную усадьбу, состоявшую из двух домов-теремков с флигелями, и была видна спускавшаяся к Волге лестница из 245 ступеней, украшенная

¹⁶⁶ Кокорнова О.М. Жизнь усадьбы Карабихи в конце XIX – начале XX века: (Письма родных к Константину Федоровичу Некрасову) // Карабиха: Историко-литературный сборник. Вып. 4. С. 289, 290 (письмо А. Бегульского, около 15 марта 1893 г.).

¹⁶⁷ См.: Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. Т. 1. С. 42. № 55; С. 58–59. № 95, 96.

¹⁶⁸ См.: Колесниченко Г.В. Братья Рагозины: Начало нефтяного дела в России: Документальная биографическая повесть. СПб., 2009.

на разных уровнях тремя белоснежными беседками¹⁶⁹. О даче ярославских “господ Соболевых” в селе Красном, выше по течению реки, близ Рыбинска, в своих корреспонденциях упоминал С.Ф. Платонов (Прил. I, 3)¹⁷⁰. Недалеко от этой усадьбы, «на пристани “Ильинское”», историк в 1901 и 1905 гг. снимал для своей семьи дачу¹⁷¹. Отсюда, из сельца Ильинского, С.Ф. Платонов в июле 1901 г. вел переписку с архивариусом И.А. Тихомировым (Прил. I, 4), отсюда же он в августе этого года вместе с И.А. Шляпкиным отправлялся по Волге на Первый областной археологический съезд в Ярославле. Весной 1914 г. Платоновы гостили “на самой Волге около Рыбинска в новом имении Б.В. Штюрмера”¹⁷².

Приобретенные на Ярославской земле и с годами устоявшиеся научные и дружеские связи, семейные привычки оборвались в 1917 г. К сожалению, остается неизвестным, бывал ли С.Ф. Платонов в Ярославле и других городах края в послереволюционное время. Увидеть полуразрушенный Ярославль после большевистского артобстрела в июле 1918 г., удивительной красоты город-музей с разбитыми храмами XVII в., которые еще недавно восхищали и вдохновляли, будили историческую мысль, было бы непереносимым, тягостным испытанием¹⁷³.

Думается, С.Ф. Платонов с ностальгией и сердечной признательностью вспоминал то полное творческих надежд и устремлений время и тех замечательно увлеченных людей, которые в его памяти ассоциировались с Ярославским краем и Волгой, и которые стали частью его личной судьбы и научной биографии. Впрочем, сложно сказать, как часто в тяжелые во всех отношениях годы наступившей новой эпохи являлись к нему подобные сентиментальные воспоминания. Лишь один документально зафиксированный эпизод из жизни ученого наверняка мог навеять ему подобные чувства и переживания. И произошло это далеко от советской России – в Париже, куда он в 1926 г. в качестве действительного члена Академии наук и директора Пушкинского Дома отправился в научную командировку. За границу ученого влекла необходимость справочно-библиографической и архивной работы по интересовавшей его тогда, вслед за вышедшим трудом “Москва и Запад в XVI–XVII веках”, теме “сношений Петра I с учеными, техническими и финансовыми кругами Европейского Запада в период последних поездок Петра в Европу”, а также необходимость урегулирования вопросов перемещения в Россию так называемого “Онегинского собрания” – составленной

¹⁶⁹ См.: *Вербина Е.* Дача на Волге в селе Михайловском // *Имею честь быть Вашим...: К столетию училища имени Н.П. Пастухова.* Рыбинск, 2000. С. 39–40.

¹⁷⁰ По сообщенным нам А.В. Мельниковым сведениям, основанным на неопубликованных пока материалах переписки С.Ф. Платонова с М.М. Богословским, дача в селе Красном также являлась любимым и долголетним местом отдыха семьи Платоновых.

¹⁷¹ См.: *Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками.* Т. 1. С. 92–93. № 174. Согласно архивным документам, в сельце Ильинском хозяевами двух усадеб значатся дворяне А.В. Шпеер и А.И. Чубаров. В близлежащей к “Ильинской” пристани округе находился целый куст владельческих усадеб, их владельцами были А.А. Волков, С.В. Михайлов, В.Н. Медведев, К.Л. Лютейн, А.С. Панафутин и др. (см.: *ГАЯО.* Ф. 642. Оп. 3. Д. 645).

¹⁷² См.: *Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками.* Т. 1. С. 195. № 418.

¹⁷³ См.: *Ярославское восстание. 1918 / сост. Е.А. Ермолин, В.Н. Козляков.* М., 2007.

во Франции А.Ф. Онегиным-Отто коллекции пушкинских материалов¹⁷⁴. Находясь в Париже, С.Ф. Платонов посетил и Славянскую библиотеку, прочно связанную с именем ее многолетнего директора, историка-иезуита, известного специалиста по истории русской Смуты о. Павла Пирлинга (1840–1922)¹⁷⁵. По заведенной еще этим хранителем традиции, дожившей и до наших дней, каждому исследователю из России здесь предлагают оставить автограф в так называемой “Золотой книге” – *Livre d’Ore du Musée Slave*. Открыв большого формата в роскошном кожаном переплете фолиант, С.Ф. Платонов уже на первых его страницах прочел: “Товарищ председателя Ростовского музея церковных древностей А. Титов. VI. 2/15. 910”. Знаменитый ростовский историк, археограф и музейный деятель однажды побывал здесь, в гостях у П. Пирлинга, с которым вел длительную переписку, обсуждая занимавшие обоих вопросы истории и источниковедения Смутного времени¹⁷⁶. Для каждого из них высоким авторитетом в этой области исторического знания был С.Ф. Платонов. В свою очередь, выпуская в 1925 г. свою книгу “Москва и Запад в XVI–XVII веках”, историк не раз ссылаясь на редкий иностранный источник по русской Смуте – дневник “виднейшего поляка в Москве” Мартина Стадницкого, впервые в 1906 г. опубликованный А.А. Титовым и тогда же им подаренный в отгиске петербургскому ученому (Прил. II, 3). Академик расписался в “Золотой книге” Славянской библиотеки Парижа 15 июля 1926 г.¹⁷⁷ В этот летний парижский день С.Ф. Платонов наверняка мысленно переносился с берегов Сены на берега Волги и ростовского озера Неро, вспоминая замечательные “былые дни”. И как знать, не пересекались ли парижские пути историка с сыном купца А.А. Титова – Александром Андреевичем Титовым (1878–1961) – известным ученым-химиком, предпринимателем

¹⁷⁴ См. записку С.Ф. Платонова непременно секретарю АН С.Ф. Ольденбургу с просьбой о командировании его в Париж для работы в архивах и библиотеках (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 139. Л. 87–88) и удостоверение от 6 марта 1926 г., данное С.Ф. Платонову в том, что он командирован во Францию и Германию на два месяца (Там же. Л. 89); источники представлены на электронной выставке, посвященной 150-летию С.Ф. Платонова, на сайте Санкт-Петербургского филиала Архива РАН: <http://tanar.spb.ru/rus/exhibitions/id/133/>

¹⁷⁵ Судя по письму С.Ф. Платонова из Парижа к библиотекарю Пушкинского Дома Е.П. Казанович от 3 июля 1926 г., здесь его интересовали бумаги Ф.И. Тютчева, о копиях с которых необходимо было договориться, см.: Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. Т. 1. С. 255–256. № 568.

¹⁷⁶ См.: *Смирнов Я.Е.* Книги Андрея Александровича Титова в Славянской библиотеке Парижа // На земле Преподобного Сергия Радонежского: Шестые краеведческие чтения “Культура и образование русской провинции” 2006 года: Сборник статей. Ростов Великий, 2007. С. 17–33; *Он же.* А.А. Титов как публикатор и исследователь материалов по русской Смуте. С. 375–403.

¹⁷⁷ Свои автографы в “Золотой книге” в разное время оставили княгиня М.К. Тенишева, И.А. Шляпкин, Е.Ф. Шмурло, академик С.Ф. Ольденбург (31 августа 1926 г.), академик М.М. Богословский (14 июня 1927 г.), академик Н.Я. Марр (10 октября 1927 г.), позже – С.С. Аверинцев и др. В 1981–2002 гг. Славянская библиотека Парижа размещалась в Медоне, ближайшем пригороде Парижа, и являлась частью Центра русских исследований Св. Георгия (*Centre d’Études Russes Saint-Georges*). В 2002 г. книжный фонд Славянской библиотеки был разделен между Высшей нормальной школой в Лионе и Лионской городской библиотекой, а ее архивный фонд присоединен к Русскому архиву лионской Библиотеки Д. Дидро.

и политическим деятелем, игравшим заметную роль в общественно-культурной и научной жизни русской эмиграции в столице Франции¹⁷⁸.

Единственным пока прямым свидетельством о контактах историка с ярославскими деятелями “золотого десятилетия” отечественного краеведения сохраняется опубликованный С.О. Шмидтом отзыв С.Ф. Платонова о научной работе одного из самых известных и уважаемых краеведов этого времени – Михаила Ивановича Смирнова (1868–1949)¹⁷⁹. Яркий исследователь прошлого своего родного Переславского края, организатор в Переславле-Залесском историко-художественного музея и научно-просветительского общества, М.И. Смирнов, по мнению крупного ученого-современника, “за свою продолжительную работу по русской истории дал несколько весьма ценных трудов, основанных на изучении не только печатных источников, но, главным образом, архивных”. С.Ф. Платонов считал, что “в лице М.И. Смирнова мы имеем образцового по методу и научным приемам русского историка и прежде всего исключительного знатока прошлого Переславского края”. Отзыв академика С.Ф. Платонова датирован 4 февраля 1929 г. и был им составлен, по предположению С.О. Шмидта, “как председателем секции научных работников Всероссийского союза работников просвещения для Центральной комиссии по улучшению быта ученых”¹⁸⁰. В этом небольшом документе отчетливо запечатлелось не только отношение видного историка к трудам М.И. Смирнова и то значение, которое он придавал развитию исторической науки на местах уже в новую эпоху, но отчетливо высвечивается и роль самого С.Ф. Платонова, какую он играл в краеведческом движении страны.

Важным дополнением к этому источнику, свидетельствующему о контактах М.И. Смирнова и С.Ф. Платонова, к тому же, проясняющим обстоятельства появления платоновского отзыва, является следственное дело по обвинению “в контрреволюционной деятельности” краеведа М.И. Смирнова, датируемое 1930–1931 гг. и отложившееся в ГАЯО¹⁸¹. Обращает на себя внимание хронологическая близость дат арестов С.Ф. Платонова по “Академическому делу” и М.И. Смирнова по “Делу о переславль-залесской краеведческой контрреволюционной группе”, произошедших, соответственно, 12 и 22 января 1930 г. О не случайном совпадении этих фактов, а также о непосредственной связи “Дела краеведов”, тяжелым катком прошедшегося по

¹⁷⁸ См.: *Зайцева Е.А.* Из истории русской научной эмиграции во Франции: Новые архивные материалы и новые имена // *История химии: область науки и учебная дисциплина: К 100-летию профессора Н.А. Фигуровского.* М., 2001. С. 209–226; *Титов Ал. Ан.* “Все мы тогда были уверены, что большевики долго не продержатся...” / публ. Я.Е. Смирнова // *Ярославль многоликий.* 2002. № 3. С. 31–32; *Титовы: Ростов – Париж – Москва: Живые голоса.* Ростов, 2002; *Смирнов Я.Е.* Потомки Андрея Александровича Титова во Франции: встречи и впечатления // *На земле Преподобного Сергея Радонежского: Четвертые и пятые краеведческие чтения,* 2004, 2005 годы: Сб. ст. Ростов Великий, 2006. Вып. 3. С. 32–47; *Он же.* Ярославцы в Тургеневской библиотеке в Париже // *Библиотеки в сохранении исторической памяти народа: Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию Д.С. Лихачева.* Ярославль, 2006. С. 28–48; *Он же.* *Титов Александр Андреевич* // *Московская энциклопедия* / гл. ред. С.О. Шмидт. М., 2012. Т. 1, кн. 4. С. 577–578; и др.

¹⁷⁹ См.: С.Ф. Платонов об историках: приветствие А.Я. Ефименко (1910), отзыв о научной работе М.И. Смирнова (1929) / подгот. С.О. Шмидт // *АЕ* за 1993 год. М., 1995. С. 339–341.

¹⁸⁰ Там же. С. 340.

¹⁸¹ Из архива ФСБ дело было передано в 1997 г., см.: ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С. 4967. Т. 1, 2, 3.

всей стране, с “Делом Платонова”¹⁸² свидетельствуют материалы следствия и над переславскими краеведами.

Одним из вопросов, который задавался следователями ОГПУ на допросах М.И. Смирнову, был вопрос относительно его “знакомства и встреч с академиком Платоновым”. В деле об этом имеются собственноручные показания М.И. Смирнова, записанные 27 октября 1930 г. (в день второго ареста краеведа; после первого задержания его временно выпустили из-под стражи 20 февраля). Краевед припомнил о двух беседах с С.Ф. Платоновым, одна из которых произошла в дореволюционную пору, а вторая – в советскую, и рассказал о полученном от академика отзыве на свои научные труды. «С Платоновым я встречался два раза в жизни: первый раз в 1913 г.¹⁸³ в Н[ижнем] Новгороде на 300-летнем юбилее Нижегородского ополчения под начальством Пожарского и Минина. Знакомство состоялось после торжества за обеденным столом, причем я вел с ним небольшой разговор по поводу изданной мной книги: “Переславль-Залесский, его прошлое и настоящее”. Разговор был короткий и касался вопроса о месте рождения Федора Ив[ановича]¹⁸⁴. Второй раз я встретился с ним в Ленинграде на краеведческой сессии, происходившей в здании Академии наук. После одного из заседаний он говорил со мной о своем желании побывать в г. Переславле-Залесском с целью ближайшего ознакомления на месте с остатками Петровской флотилии. Было это, точно не помню, в 1922 г. или 1923 г. Но своего намерения Платонов не выполнил и в Переславле не был, хотя не оставлял этой мысли до последнего времени. В 1928 г. я послал ему в Ленинград изданные мною: путеводитель по Переславлю Залесскому и IX вып. Трудов музея “Историческая усадьба Ботик”¹⁸⁵. В ответ на это он прислал мне сначала открытку, а потом письмо с отзывом о моих брошюрах. Этим и ограничиваются мои отношения к Платонову”¹⁸⁶.

Данные немногие факты из биографии М.И. Смирнова, хотя и сообщенные им при особых обстоятельствах, рисуют ясную картину уважитель-

¹⁸² См.: Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова; *Акинъшин А., Ласунский О.* “Дело краеведов” Центрального Черноземья // *Отечество: Краеведческий альманах*. М., 1990. Вып. 1. С. 56–66; *Шmidt С.О.* Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992. С. 63–67; *Акинъшин А.Н.* Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х годов) // *ВИ*. 1992. № 6–7. С. 173–178; *Сизинцева Л.И.* Материалы о разгроме костромского краеведения в 1930–1931 гг. // *АЕ* за 1991 год. М., 1994. С. 114–136; *Брачев В.С.* Крестный путь русского историка: Академик С.Ф. Платонов и его “дело”. СПб., 2005; *Щавелев С.П.* “Дело краеведов ЦЧО” 1930–1931 годов: Курский “филиал”. Курск, 2007; и др.

¹⁸³ Так в документе – ошибочно, речь идет о 1911 г.

¹⁸⁴ Имеется в виду царь Федор Иванович (1557–1598). После его рождения Иван IV Грозный велел воздвигнуть в Федоровском монастыре Переславля-Залесского церковь в честь Феодора Стратилата, ставшую соборным храмом обители. Очевидно, это обстоятельство и явилось предметом обсуждения М.И. Смирнова с С.Ф. Платоновым.

¹⁸⁵ Упоминаемые в документе издания М.И. Смирнова: 1) Переславль-Залесский: Его прошлое и настоящее. М., 1911; 2-е изд. Сергиев Посад, 1913; 2) Переславль-Залесский: Путеводитель и справочник. С 25 иллюстрациями и планом города. Переславль-Залесский, 1928; *Смирнов М.И., Иваненко Б.В.* Историческая усадьба “Ботик” близ Переславля-Залесского: (К 125-летию находящегося в ней Петровского музея) // *Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея. Переславль-Залесский, 1928. Вып. 9. С. 1–77.*

¹⁸⁶ ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С 4967. Т. 2. Л. 37–37 об.

но-почтительного отношения краеведа, по сути, к главному обвиняемому в “контрреволюционном заговоре” и одновременно характеризуют его как высоко нравственного и мужественного человека. Они же, эти свидетельства, дополняют и научную биографию самого академика С.Ф. Платонова, обогащая общее представление о взаимодействии ученого с краеведами на местах в дореволюционное время и в период “золотого десятилетия” краеведческого движения в России, сообщают о стремлении историка на протяжении 1920-х годов побывать в Переславле-Залесском.

Связь крупного отечественного историка Сергея Федоровича Платонова с Ярославским краем и его деятелями на всем протяжении его биографии играла заметную роль в его личной и научной судьбе. Участие ученого в двух археологических съездах – всероссийском и областном – явилось важными вехами карьеры ученого и талантливого организатора науки. Здесь происходило приобщение молодого исследователя к большой науке, здесь же он стал олицетворением творческого и научно-методического взаимодействия ученых “центра” с представителями провинциальной науки. С Ярославским краем связаны темы его главных исследований по истории Смуты в России, он обращался к ним и в краеведческом аспекте. Интерес С.Ф. Платонова к местной истории и ее документальным источникам оказал влияние и на разработку локальной проблематики краеведами. Наиболее тесным сотрудничество петербургского ученого было с Ярославской губернской ученой архивной комиссией, избравшей его своим почетным и действительным членом. Деловые и дружеские контакты историка с видными участниками краеведческого процесса в Ярославском крае в дореволюционную и послереволюционную пору ознаменовывались нередкими встречами и перепиской. Эти контакты служили основой и для развития ареала и методики экскурсионного дела, одним из ярких пропагандистов которого выступал знаменитый ученый и педагог. Давняя любовь С.Ф. Платонова к памятникам истории и природным красотам края сделала его и его семью большими поклонниками отдыха на Ярославской земле. Здесь выдающийся историк черпал жизненные силы и вдохновение для своих трудов.

Приложение

I

Письма С.Ф. Платонова И.А. Тихомирову

№ 1

23 янв[аря] 1901.

Милостивый государь Иларион Александрович!

Очень благодарю Вас за Ваше письмо и за обещанную присылку плана¹. Очень интересуюсь Вашими раскопками, о которых дошел до меня не вполне вразумительный слух². Углич – это уже второе дело, с которым связывается для меня Ваше имя: первое – раскопки для Археолог[ического] общества, которые Вам было, кажется, угодно принять на себя³. Где именно и когда Вы располагаете их произвести, не откажите написать два слова. Адрес мой: Николаевская ул., д. № 61, кв. 6. Сергею Федор[овичу] Пл[атону]ву.

Должен сказать, что я смущаюсь высылкою копии с казенного плана⁴. Не укажете ли мне, кого надобно благодарить и нельзя ли уплатить издержки?⁵ Ваш план, пожалуй, мог бы заменить и эту копию?

Ваш слуга С. Платонов.

ГАЯО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 25. Л. 1-1 об. Автограф.

№ 2

[7 февраля 1901 г.]

Многоуважаемый Иларион Александрович!

Посылку Вашу получил и очень благодарю за нее. Писать Вам позвольте на досуге по рассмотрении плана⁶.

Слуга Ваш С. Платонов.

Там же. Л. 2. Автограф, на бланке открытого письма.

№ 3

СПб. 21 марта 1901.

Милостивый государь Иларион Александрович!

Искренно прошу извинений, если причинил Вам беспокойство долгим своим молчанием. Причина его – служебные дела: и февраль и март – было, что называется, горячее время. Лишь на днях мог я сопоставить Ваш план с Вашим описанием (которое, кстати сказать, почитаю долгом возвратить⁷) и с своим материалом. То, что Вы нашли, *очень*⁸ любопытно и, если восходит ко времени ранее XVIII столетия, *очень* важно для истории Углича. Неужели кроме церквей и “палаты” в Угличе до XVIII в. были каменные домовные и крепостные сооружения?⁹ Здание ВГД не есть ли “казна”, поминаемая в писцовой 1620-х гг.? А здание НР не есть ли “верх” “у Спаса”, поминаемый в следственном деле 1591 г.? Если бы это было так, план старого Углича был бы в существенных чертах восстановлен! На основании письменных источников это – дело невозможное.

Возвращаю Вам с величайшей благодарностью Ваш план¹⁰. С него не было снято никаких копий и никому не сделано сообщений.

О летних раскопках списывайтесь с А.А. Спицыным. Он и Н.И. Веселовский составили от Общества нашего проект раскопок¹¹. На Ваши раскопки около Млева, с Вашего разрешения, я бы приехал, если бы позволили служебные дела¹². Моя семья будет жить летом близ Рыбинска на пристани “Ильинское”, рядом с Красным г[оспод] Соболевых¹³. Проездом на раскопки, или из Ярославля, будьте любезны дать туда знать письмом на мое имя о сроке и месте работ.

Искренно благодарный Вам слуга Ваш С. Платонов.

Там же. Л. 3-4. Автограф.

№ 4

Ильинское, 10/VII 901.

Многоуважаемый Иларион Александрович!¹⁴

К сожалению, не зная, как Вы поедете из Ярославля, я не могу даже на минуту встретиться с Вами на Вашем пути. Сам я предполагаю 13-го в 4 часа на пароходе приехать в Ярославль, чтобы с поездом 6 ч. 50 м. ехать в Москву. В промежутке думал я заглянуть и к Вам, чтобы справиться о Вас, где Вы; но Ваше письмо убеждает меня, что я опоздаю. Поэтому я ограничиваюсь пожеланием Вам всего лучшего в Вашей поездке!

В Ярославле в августе я надеюсь быть хотя бы на несколько дней¹⁵. Тогда и побеседуем об Угличе. Откуда Вы получили сведения, что я буду делать доклад “о месте убийства”? Я не обещал доклада; если же вызван буду на разговор об Угличе, то могу говорить лишь о топографических данных “следств[енного] дела 1591 года”, но отнюдь не о “месте убийства”¹⁶.

Если бы в эти дни Вы захотели что-либо мне написать, пошлите прямо с матросом “Самолета” на нашу пристань Ильинское; а то в Рыбинске часто задерживают почту.

Искренний слуга Ваш С. Платонов.

Там же. Л. 5–6. Автограф.

№ 5

7/III. 1902.

Многоуважаемый Иларион Александрович!

Ваш отчет получен 27 ноября в Обществе и передан Спицыну, помимо меня, а у Спицына и залежался, помимо моей в том вины и даже без моего ведома¹⁷. Очень прошу извинить меня за причиненное Вам беспокойство, пошедшее от меня, но без злого моего умысла против Вас. Буду теперь торопить “своевременным” докладом Вашего отчета в Обществе.

Благодарю Вас за сообщение относительно Угличского кремля. И я так понимаю дело, что мы строим догадки без твердого фундамента. Археология здесь расходится с историей, и не знаешь, что думать. Но я боюсь мечтать о кладке XIII (!) века; думаю, что это нечто позднейшее.

Еще раз прошу извинить Вашего усердного слугу.

С. Платонов.

Николаевская, 61. СПб.

Там же. Л. 7–7 об. Автограф.

№ 6

Директор
Императорского Женского педагогического института.
Петерб[ургская] сторона.

20 II. 1913.

Многоуважаемый Иларион Александрович!

Я просил редактора “Ж[урнала] М[инистерства] нар[одного] просв[ещения]” обратить благосклонное внимание на Вашу статью. Ответа еще не

получил, но уверен, что он не поступит небрежно и поверхностно. Беда журнала в том, что он *завален* статьями¹⁸. Если что-либо узнаю, сообщу Вам.

Искренний слуга Ваш С. Платонов.

ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 192. Л. 10. Автограф.

II

Письма С.Ф. Платонова А.А. Титову

№ 1

Директор
Женского педагогического института.

14 марта 1906.

Многоуважаемый Андрей Александрович!

Позвольте мне принести Вам глубокую благодарность за присылку любопытной и ценной книги о Ростовском кремле¹⁹. Вся семья моя, посетившая Ростов в 1904 году, с истинною радостью смотрела эту книгу, вспоминая Ростов²⁰.

Искреннейше преданный Вам проф. С. Платонов.

ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1396. Л. 1. Автограф.

№ 2

СПб. 26/III. 1906.

Многоуважаемый Андрей Александрович!

Получив Ваше любезное письмо от 18-го, а за ним и посылку, мы с женою были очень смущены и не знаем, как и благодарить Вас²¹. Не откажите принять благосклонно мою статейку, при сем посылаемую, на память о первых шагах знакомства нашего²².

Искренний слуга Ваш С. Платонов.

Там же. Л. 2. Автограф.

№ 3

Директор
Женского педагогического института.

29/V. 906.

Многоуважаемый Андрей Александрович!

Сердечная благодарность за Вашу "Историю Димитрия"²³ Увидимся на Владимирском съезде²⁴, – буду лично бить челом за Ваше внимание.

Ваш С. Платонов.

Там же. Л. 3. Автограф, на бланке открытого письма.

№ 4

Директор
Женского педагогического института.

СПб. 16/VII. 1906.
Мал. Посадская, 26.

Многоуважаемый Андрей Александрович!

Посылка Ваша до меня дошла на сих днях. Я не знаю, чем заслужил я столь теплое внимание Ваше и чем могу ответить на него. Во всяком случае, не устаю смущаться и благодарить Вас и питаю надежду лично выразить Вам это если не в Ростове, то в С[анкт-]Петербурге.

Всего лучшего!

С совершенным почтением и преданностью к Вам слуга Ваш С. Платонов.

Там же. Л. 4. Автограф.

№ 5

В.У.И.М.²⁵
Директор
Женского педагогического института.

Милостивый государь Андрей Александрович!

Я имел счастье докладывать его императорскому высочеству почетному попечителю Женского педагогического института великому князю Константину Константиновичу²⁶ о том, что экскурсия слушательниц Женского педагогического института с их руководителями весною текущего года встретила с Вашей стороны в городе Ростове радушный прием и самое любезное внимание²⁷.

Его императорское высочество изволил выслушать мой доклад с сердечным удовольствием и поручил мне от его имени выразить Вам его искреннюю благодарность за Ваши заботы о вверенном его попечению учащемся юношестве.

Исполняя означенное поручение его высочества, прошу Вас принять уверение в совершенном к Вам почтении и преданности.

Проф. С. Платонов.

22 сент[ября] 1910.
№ 627.

Там же. Л. 5. Машинопись, подпись – автограф.

№ 6

Директор
Женского педагогического института.

3. IV. 1911.

Глубокоуважаемый Андрей Александрович!

Позвольте принести Вам мою глубокую благодарность за присланные Вами издания. Издание г[осподина] Брагина “Уст[южская] лет[опись]”²⁸ я

оставлю себе; прочее же передам в библиотеку нашего института, который, в свою очередь, будет Вас благодарить.

Запоздал я с этим письмом, так как был в отъезде. Не посетуйте за это на усердного слугу Вашего.

С. Платонов.

Там же. Л. 6. Автограф.

№ 7

В.У.И.М.

Директор

Женского педагогического института.

С.-Петербург.

4 апреля 1911 г.

№ 122

Милостивый государь Андрей Александрович!

Получив для библиотеки Женского педагогического института от Вас книги Ваши: 1) Летопись Великоустюжская²⁹, 2) Летопись Двинская³⁰, 3) “Ярославские епархиальные ведомости 1860–1892”³¹ и 4) “Дозорные и переписные книги древнего города Ростова”³², считаю приятным долгом принести Вам от лица института глубокую благодарность за Ваш дар.

Прошу вместе с сим принять уверение в моем совершенном к Вам почтении и преданности.

Проф. С. Платонов.

Его пр[евосходитель]ству

А.А. Титову.

Там же. Л. 7. Машинопись, автограф.

III

Письмо С.Ф. Платонова И.А. Шлякову

5 авг[уста] 1904.

Глубокоуважаемый Иван Александрович!

Мы предполагаем – в числе шести человек – быть в Ростове (из Ярославля) или вечером 7-го, или утром 8-го, и, во всяком случае, надеемся 8-е число провести в Ростове. Очень, очень благодарен Вам за Ваш любезнейший ответ на мое письмо!

Думаю, что если мы явимся в Ростов 7-го вечером, мы найдем две-три комнаты в гостинице?

Не могу уверенно говорить о сроке нашей поездки по той причине, что, кроме погоды, мы зависим еще от пароходов, ибо живем у маленькой пристани. Думается, что сумеем попасть на поезд, приходящий к Вам из Ярославля в 10-м часу вечера, именно 7-го числа.

Еще раз приношу Вам свою благодарность и вместе с нею искреннее уверение в моем совершенном к Вам почтении.

Ваш усердный слуга С. Платонов.

ГАЯО. Ф. 693. Оп. 1. Д. 440. Л. 1–2. Автограф.

IV

Речь С.Ф. Платонова на Ярославском областном археологическом съезде (12 августа 1901 г.)

Председатель проф. С.Ф. Платонов открыл заседание речью, в которой, напомнив присутствующим о прекрасном слове С.М. Шпилевского, сказанном при открытии съезда и имевшем целью изобразить постепенный рост мысли о необходимости изучения областной истории и главнейшие успехи этого изучения, обратил внимание сочленов на другую сторону данного дела. Чем шире и деятельнее изучается местная старина, тем более выигрывает от этого общая история страны. Но местные работы лишь тогда принесут всю ожидаемую от них пользу, когда они будут ведены в полном соответствии с движением общей науки и будут сознательно пользоваться ее методами и выводами. Двумя примерами говоривший пояснил свою мысль. Известно, что местные издания исторических документов иногда не имеют археографической ценности лишь потому, что сделаны ненаучно. Исследователь, знакомый с приемами правильной передачи в печати рукописного текста, затруднится пользоваться таким изданием, особенно если в нем он имеет дело с именами, названиями мест и цифровыми данными. Между тем, так легко было бы в подобном случае прийти на помощь к местным силам деятелю из научного центра, где приемы ученого издания давно определились и стали, можно сказать, общеизвестны. Иногда же не только прием изучения и издания, но и вывод, добытый изучением общей истории страны, может быть полезен, даже необходим для успешной разработки местных тем. Вряд ли, например, на основании только местных данных можно разрешить вопрос: отчего в Ярославле и кругом него памятники старого зодчества достигли такой красоты и стали так многочисленны в XVI–XVII веках и отчего, например, стариною более давнею Ярославль так беден? Ответ на это в истории вообще Московской Руси, а не в истории одного ярославского строительства. С открытием океанского пути и торго на Двинском устье с англичанами и голландцами, в XVI веке, торговое оживление Московского севера стало весьма заметно. В северной половине Московского государства обозначились руководящие торговым движением центры, и между ними главное значение получил Ярославль. Через него с Архангельским торгом и вообще с Поморьем сносилась не одна остальная Москва, но и все тогдашнее Поволжье. Ярославль, став узлом многочисленных сухопутных и речных дорог, вступил в свой “золотой век”: в нем сосредоточилось столько народа и добра, что в XVI–XVII веках он стал первым городом Поволжья по значению и населенности. Только Москва и Псков его превосходили числом дворов. Немудрено, что среди ярославского населения той эпохи нашлись средства для исключительных по богатству и архитектурной роскоши построек. Даже сами люди XVII века удивлялись этим постройкам: “строем церковным вельми и посадами велик”, – говорили они о Ярославле. Реформа Петра, открывшая Руси выход на Балтийские берега, умалила торговое значение северных дорог и вместе Ярославля, и лишь в наше время, с новым оживлением севера и с проведением на севере железных путей, для Ярославля становится близким возвращение к старому блеску. Это наблю-

дение над прошлым Ярославля сделано в общей истории лишь недавно, с возникновением интереса к темам историко-экономическим. Перенесенное в сферу местных занятий, оно послужит к их пользе, осветив новым смыслом изученное во внешних формах явление. Призывом к дальнейшему и непрерывному единению местных ученых сил с деятельностью научных центров проф. С.Ф. Платонов окончил свою речь, высказав твердое убеждение, что только в этом единении залог успеха в труде обеих сторон.

Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области) / изданием И.А. Вахромеева. М., 1902. С. XLIV–XLVI.

V

Речь С.Ф. Платонова на Ярославском областном археологическом съезде (14 августа 1901 г.)

Первым говорил проф. С.Ф. Платонов.

Прежде всего он указал на одну отрадную особенность Ярославского съезда, которая выгодно отличала его от всех известных ему археологических съездов прежнего времени. Особенность эта – в том, что заключительное заседание посвящено свободной и непринужденной оценке сделанного и пережитого на съезде. Критический пересмотр деятельности съезда, произведенный на месте, всего лучше может обнаружить и достоинства и недостатки ее и послужит лучшим залогом успеха последующих областных съездов, которые сумеют избежать обнаруженных здесь недочетов и сознательно воспримут все добрые начинания первого съезда. Перейдя затем к ближайшему обзору того, чему посвящены были исторические заседания съезда, С.Ф. Платонов указал на то, что все рефераты и сообщения, согласно программе съезда, были посвящены истории местной и имели предметом или описание исторических памятников, или исследование отдельных фактов из истории края, или, наконец, анализ общерусских общественных отношений, построенный на исторических материалах местного происхождения. Признавая несколько случайный подбор тем прочитанных рефератов, говоривший признал, с другой стороны, и то, что самое построение рефератов могло бы быть иногда изменено в видах большого приспособления к обстановке, в которой они произносились. Обыкновенно читалось все произведение с мелочами ученой аргументации. Было бы желательнее в реферате видеть, прежде всего, объяснение самой темы и ее специального значения, затем характеристику материалов, легших в основу изложения, и, наконец, изложение выводов, к которым пришел референт. Мелкие подробности выяснялись бы при таком порядке, по мере нужды, после чтения реферата, в живой беседе, для которой оставалось бы больше времени. Пожелание это, однако, следует высказать с оговоркою, что достижение такого однообразия в построении рефератов далеко нелегко, и не должно быть предметом принудительной регламентации. Закончил речь С.Ф. Платонов пожеланием успеха делу областных съездов, в которых следует видеть наиболее удобную и удачную форму ученого общения исследователей и любителей родной старины.

Там же. С. XXX.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В письме И.А. Тихомирова, датированном, судя по протоколам ЯГУАК, 19 января 1901 г. (см.: ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 46. Л. 9 об.–10), содержалось обещание о присылке С.Ф. Платонову “старейшего” плана Угличского кремля из собрания комиссии. Речь шла о плане 1784 г., самом раннем из имевшихся в распоряжении ЯГУАК. При этом И.А. Тихомиров отмечал существенный недостаток данного плана, который “довольно малого масштаба”, и потому “едва ли будет иметь большое значение” для С.Ф. Платонова (цитируется по книге В.В. Митрофанова, изучавшего фонд историка в ОР РНБ, см.: *Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России: Монография.* Челябинск, 2011. С. 273).
- ² Имеются в виду раскопки, проводившиеся И.А. Тихомировым на территории Угличского кремля 11–17 июля 1900 г. Археологические работы осуществлялись по инициативе, на средства и при участии хранителя Угличского музея отечественных древностей К.Н. Евреинова (см.: *В[олж]ский К. [Евреинов К.Н.] Раскопки в Угличском кремле // Северный край.* 1900. 17 июля. № 188). С. 3; Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 6, вып. 1. С. 152; *Ерохина С.В.* И.А. Тихомиров на раскопках в Угличском кремле // Археология: история и перспективы: Четвертая межрегиональная конференция: Сб. статей. Ярославль, 2010. С. 111–119; *Она же.* Угличские раскопки краеведа Тихомирова // Угличе поле: [Альманах]. Углич, 2012. С. 74–77). И.А. Тихомиров сообщал С.Ф. Платонову о “небезрезультативных” раскопках в кремле: “Обнаружен целый ряд кирпичных фундаментов и, кажется несомненно, наружной ограды или крепостной стены. Вещей почти не найдено, если не считать за них обломки кирпичей, черепицы, изразцов и пр.” (цит. по: *Митрофанов В.В.* Указ. соч. С. 273). О результатах полевых исследований в Угличе И.А. Тихомиров докладывал на Тверском областном археологическом съезде в августе 1903 г. (см.: *Тихомиров И.А.* Раскопки в Угличском кремле. Тверь, 1904; отд. отт. из “Трудов” съезда).
- ³ В протоколе 45-го заседания ЯГУАК от 16 января 1901 г. на данный счет сказано: “Действительный член И.А. Тихомиров, состоящий архивариусом комиссии, заявил, что Императорское Русское археологическое общество предложило ему принять на себя производство в будущем июне месяце раскопок в Тверской губернии. *Постановили:* Вопрос об отпуске архивариуса для исполнения этого поручения отложить обсуждением до следующего заседания” (ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 46. Л. 10 об.–11; Труды ЯГУАК. Кн. 6, вып. 1. С. 193). К обсуждению данного вопроса в последующем члены комиссии, однако, так и не вернулись. В июле 1901 г. ярославская газета “Северный край” о предстоящей экспедиции И.А. Тихомирова сообщала: “В скором времени член местной архивной ученой комиссии И.А. Тихомиров отправится в командировку от Императорского Российского археологического общества для археологических исследований Вышневолоцкого и других уездов Тверской губернии; между прочим, исследования будут предприняты с целью выяснения связи тверских курганов с новгородскими” (Северный край. 1901. 5 июля. № 175. С. 3). Результаты полевых исследований И.А. Тихомиров изложил в специальной статье, опубликованной в сборнике под редакцией С.Ф. Платонова, см.: *Тихомиров И.А.* Поездка на р. Мсту. (Извлечение из отчета) // ЗОРСА. СПб., 1903. Т. 5, вып. 1. С. 1–13.
- ⁴ Копию с угличского “казенного плана” 1784 г. для С.Ф. Платонова вызвался снять член ЯГУАК, ярославский губернский архитектор И.И. Окерблом (см.: ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 46. Л. 9 об.–10; Труды ЯГУАК. Кн. 6, вып. 1. С. 191–192; Общий обзор деятельности Ярославской ученой архивной комиссии за 1900–1914 гг. // Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 7, вып. 2. С. 7).
- ⁵ Протоколом 46-го заседания ЯГУАК 14 апреля 1901 г. зафиксировано благодарственное письмо С.Ф. Платонова на имя руководителя комиссии, доцента Демидовского юридического лица М.А. Липинского: “Председатель комиссии доложил о полученном им письме профес[сора] С.Ф. Платонова с выражением благодарности комиссии за высылку ему копии с древнего плана г. Углича, труд по изготовлению копии с означенного плана принял на себя член комиссии И.И. Окерблом. *Постановили:* Принять к сведению письмо профес[сора] Платонова и благодарить от имени комиссии И.И. Окерблома” (ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 46. Л. 12 об.; Труды ЯГУАК. Кн. 6, вып. 1. С. 194).
- ⁶ Здесь говорится о «Плане Угличской крепости (“города”) XVIII в. с нанесением на него древних каменных сооружений, обнаруженных раскопками», составленном И.А. Тихомировым. План был воспроизведен в его статье “Раскопки в Угличском кремле” (1904 г.).

⁷ Речь идет, по всей видимости, о начальной редакции реферата И.А. Тихомирова “Раскопки в Угличском кремле”.

⁸ Здесь и далее курсивом выделены слова, подчеркнутые в рукописи.

⁹ По итогам археологических разысканий в Угличе И.А. Тихомиров писал: «Одни из обнаруженных зданий были построены одновременно с “Дворцом”, другие несколько позже, третьи значительно позже и притом из материала ранее бывших зданий. К первым, несомненно, принадлежит корпус ГДВ, сложенный из большого, но тонкого, “лещадного” кирпича, прекрасной выделки. [...] Судя по толщине стен, нужно думать, что здание ГВД не было высоко, хотя нельзя сказать с уверенностью, что оно было и одноэтажно, так как половой материал сохранился от двух полов. Кирпичные полы нижнего этажа, стланные елкой и плетенкой, уцелели до настоящего времени; они сделаны из того же “лещадного” кирпича XV, если не XIII столетия, как и стены [...]» (*Тихомиров И.А. Раскопки в Угличском кремле. С. 8, 9.*)

¹⁰ См. примеч. 6.

¹¹ Очевидно, речь идет о программе изучения курганных могильников, см.: *Веселовский Н.И., Спицын А.А.* Записка об исследовании собственно русских курганных древностей // ЗОРСА. 1901. Т. 12, вып. 1/2. С. 404–408. Письма А.А. Спицына к И.А. Тихомирову за 1898 и 1903 гг. хранятся в фонде ярославского краеведа в ГАЯО (Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 14).

¹² Село Млѣво на реке Мсте Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Здесь, по народному преданию, была казнена и похоронена новгородская посадница Марфа Борецкая, на что якобы указывала кладбищенская надгробная плита XV в. с именем “Марфа”. И.А. Тихомиров в своей статье “Поездка на р. Мсту” дал описание плиты и привел собственноручный с нее рисунок. Примечательно, что в данном месте статьи С.Ф. Платонов, будучи редактором тома “Записок Отделения русской и славянской археологии”, сделал подстрочное примечание: «Плита издана Жизневским в описании Терского музея, стр. 33, и в статье Филимонова в “Вестн[ике] древнерусск[ого] искусства” 1874–78 г., стр. 12» (*Тихомиров И.А. Поездка на р. Мсту... С. 11.*)

¹³ Село Красное на Волге Рыбинского уезда (на границе с Романово-Борисоглебским) Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX в. принадлежало купцу Н.Н. Соболеву и его наследникам (см.: ГАЯО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 1103. Л. 47). Великолепный “господский” загородный особняк был выстроен в конце 1880-х годов по проекту известного архитектора Н.И. Поздеева (1855–1893). В этом доме не раз гостил выдающийся педагог, анатом, основатель физического образования в России П.Ф. Лесгафт (1837–1909), являвшийся воспитателем детей Соболева. Неподалеку, в километре от имени Соболевых, располагалась дача Н.Н. Феноменова (1855–1918) – видного акушера-гинеколога, профессора Казанского университета (см.: *Балагуров Е.* Усадьба в Красном под угрозой // Северный рабочий. Ярославль. 1988. 22 мая. № 119. С. 3; *Ясюнас Б.* Старинные парки Ярославской области: Усадебные. Городские. Монастырские. Ярославль, 2007. С. 83–85).

¹⁴ Исправлено, в подлиннике “Иларий Владимирович”.

¹⁵ Речь идет об участии С.Ф. Платонова в работе Ярославского областного археологического съезда (“съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской земли”), намеченного на 10–14 августа 1901 г.

¹⁶ См.: *Платонов С.Ф.* О топографии Угличского “кремля” в XVI–XVII веках // Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области) / изданием И.А. Вахромеева. М., 1902. С. 84–86.

¹⁷ Очевидно, речь идет об отчете И.А. Тихомирова Русскому археологическому обществу об экспедиции в Тверскую губернию летом 1901 г.

¹⁸ В ответе редактора журнала Э.Л. Радлова от 8 марта 1913 г. И.А. Тихомирову сообщалось: «Я очень сожалею, что не могу напечатать Вашу статью “Договоры Руси с греками” в ЖМНП. С одной стороны, обилие материала не позволяет мне приступить вскоре к напечатанию Вашей работы, с другой, отзыв специалиста указывает на то, что Ваша работа нуждается в некоторой переработке» (ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 192. Л. 16).

¹⁹ См.: *Титов А.А.* Кремль Ростова Великого. М., [1905]. II, [1], VII, 128 с., ил.

²⁰ О подготовке поездки семьи С.Ф. Платонова в Ростов см. в его письме к И.А. Шлякову от 5 августа 1904 г. (Прил. III).

²¹ Можно с уверенностью говорить о том, что здесь (как и в письме от 16 июля 1906 г., док. № 4) речь идет о присылке А.А. Титовым С.Ф. Платонову продукции цикорной фабрики Товарищества “И. Вахромеев и К^о”, одним из учредителей которой был ростовский купец.

Человек широкой натуры А.А. Титов, помимо традиционной рассылки своим знакомым собственных трудов и изданий, нередко щедро одаривал своих друзей и ученых коллег жареным цикорием, саго, житом, сушеным горошком, выращенными и приготовленными в его образцовом сельскохозяйственном имении или на цикорной фабрике. Благодарные получатели гастрономических даров отвечали восторженными откликами: «Не знаю, как благодарить Вас за память и милости, – писал А.А. Титову знаменитый петербуржец, историк и редактор журнала “Исторический вестник” С.Н. Шубинский. – И, вообразите, цикорий пришел как раз в ту минуту, когда старый вышел весь, и жена намеревалась разведывать всюду, где бы могла достать Вашего цикория, ибо признает его лучшим из всех. Любопытно, оценивается ли он также и публикой, и имеет ли хороший сбыт, которого вполне заслуживает». И в другой раз: «Очень благодарю за присылку цикория и жита. Жена моя вполне оценила их качества и усердно их пропагандирует, раздавая пробы и указывая на магазин Шлякова (магазин Товарищества “И. Вахромеев и К^о” в Петербурге. – *Я.С.*). Все, кому она вручала пробы, дали одобрительный отзыв, и в круге нашего знакомства у Вас есть клиенты» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 2031. Л. 42, 45).

- ²² Имеется в виду оттиск статьи С.Ф. Платонова “К истории Московских земских соборов” (СПб., 1905) из “Журнала для всех” (1905. № 1–3). В библиотеке Государственного музея-заповедника “Ростовский кремль” сохранился этот экземпляр с дарственной надписью С.Ф. Платонова: “Многоуважаемому Андрею Александровичу Титову от автора” (на титульном листе). На обороте обложки С.Ф. Платонов сделал приписку: “Издание, не бывшее в продаже” (см.: *Юревич А.С.* Редкие книги с автографами, подаренные Андрею Александровичу Титову: Из собрания Государственного музея-заповедника “Ростовский кремль” // Титовы: Ростов – Париж – Москва: Живые голоса. Ростов, 2002. С. 179).
- ²³ Речь идет об отдельном оттиске публикации дневника польского дворянина из свиты “русской царицы” Марины Мнишек М. Стадницкого, обнародованного А.А. Титовым в журнале “Русский архив”, см.: *Титов А.А.* История Димитрия царя Московского и Марины Мнишек, дочери Сендомирского воеводы, // Русский архив. 1906. № 5. С. 129–174; № 6. С. 177–222.
- ²⁴ Третий областной историко-археологический съезд состоялся во Владимире 20–26 июня 1906 г. Представителями от ЯГУАК на нем были И.А. Тихомиров и Н.Г. Первухин. А.А. Титов также принимал участие в работе съезда и сделал доклад “Икона с изображением Святой Троицы” (см.: *Смирнов Я.Е.* Андрей Александрович Титов (1844–1911) / отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2001. С. 204. № 597).
- ²⁵ ВУИМ – Ведомство учреждений императрицы Марии.
- ²⁶ Константин Константинович Романов (1858–1915) – великий князь, генерал-адъютант (1901), генерал от инфантерии (1907), поэт (псевдоним “К.Р.”), переводчик, драматург, выдающийся деятель русской культуры, президент АН. Инициатор создания и попечитель Женского педагогического института.
- ²⁷ В книге записей посещений “Древлехранилища” ЯГУАК за тот же год находим информацию о состоявшейся экскурсии: “6 июня 1910 г. Экскурсия слушательниц Женского педагогического института из Петербурга в числе 25 лиц в сопровождении помощницы начальницы и преподавателей” (в числе преподавателей, оставивших свои автографы – В.Т. Георгиевский, П.П. Аникиев и др.) (ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 73. Л. 82). Настоятель домово́й церкви Женского педагогического института о. Павел Петрович Аникиев (1878–1932) был духовником семьи Платоновых (см.: *Перченко Ф.Ф.* Академия наук на “великом переломе” // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 217).
- ²⁸ См.: *Титов А.А.* Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку XIII–XX вв. / изд. К.Н. Брагина. М.: тип. А.И. Снегиревой, 1903. [2], IX, 81 с.
- ²⁹ См.: *Титов А.А.* Летопись Великоустюжская / изд. А.К. Трапезникова. М.: тип. Л. и А. Снегиревых, [1889]. [1], VIII, XII, III, 169 с.
- ³⁰ См.: *Титов А.А.* Летопись Двинская / изд. П.Л. Фокина. М.: тип. Л. и А. Снегиревых, [1889]. [1], X, XXIII, 182, XXII с., ил.
- ³¹ См.: *Титов А.А.* Ярославские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. Список и указатель статей, помещенных в ведомостях за все время их существования 1860–1892 гг. Сергиев Посад: 2-я тип. А.И. Снегиревой, 1893. XVI, 204 с.
- ³² См.: *Титов А.А.* Дозорные и переписные книги древнего города Ростова / изд. А.А. Титова; с предисл. издателя, планом древнего Ростова и двумя снимками с рукописей XVII века. М.: тип. М.Н. Лаврова и К^о, 1880. VIII, 67, X с., [2] л. ил., план.

Г.А. Веселая

**З.А. ВЕСЕЛАЯ И КНИЖНАЯ СЕРИЯ
“ПОЭТЫ – УЗНИКИ ГУЛАГА”**

1 февраля 2010 г. умерла Заяра Артемовна Веселая, моя родная, любимая сестра. Таких ярких и неординарных личностей, как Заяра, доводится встретить нечасто. Ее ум, доброжелательность, отсутствие зависти и тщеславия, неиссякаемое чувство юмора привлекали к ней разных людей. Как наша мама, она всегда была готова посочувствовать и помочь и близким, и просто знакомым.

Заяра родилась в Москве 17 сентября 1928 г., наш отец – писатель Артем Веселый, мать – Гитя Григорьевна Лукацкая – медицинская сестра.

Лет с четырех Заяра научилась читать. Рано полюбила стихи. Окончив школу, в 1948 г. поступила в Педагогический институт им. В.П. Потемкина на филологический факультет. Как вспоминает Заярина однокурсница Нина Александровна Соколова, у них был «блестящий преподавательский состав. А.А. Реформатский – наш всеобщий любимец, по прозвищу “Борода”, С.М. Бонди, Л.П. Гроссман, Е.Б. Тагер...

Заяру интересовала поэзия. Она с подружками посещала поэтические вечера поэтов-фронтовиков в МГУ, вечера молодых поэтов в Литинституте [...]. Хорошо ее помню: всегда оживлена, в окружении, что-то обсуждают, смеются. Мрачной, унылой Заяру я никогда не видела. Вот в коридоре перед аудиторией стоит с нашим гением Сашей Калининым, рассуждают о Саше Чёрном. Он говорит, она внимательно слушает, не соглашается с чем-то. Голос ее запоминающийся – и сейчас слышу»¹.

Учеба Заяры была прервана массовыми репрессиями против молодежи. Ночью 22 апреля 1949 г. в Москве среди студентов университета и самых крупных институтов были произведены аресты. Среди “социально опасных” оказались те, чьи отцы были расстреляны в 1937–1938 гг., в том числе и мы с Заярой. Она, как и другие, была осуждена на 5 лет ссылки; в приговоре была записана ее “вина”: “дочь врага народа Артема Веселого и осужденной в 1948 году по ст. 58-10 Лукацкой Гити Григорьевны”.

Ни на Лубянке во время следствия, ни в пересыльных тюрьмах, ни в ссылке – год в сибирском селе, потом три года в Казахстане – Заяра не изменила свой легкий (но не легкомысленный) характер, не потеряла веру в людей.

Вернувшись после смерти Сталина в Москву, она как амнистированная не стала добиваться получения отнятой в 1949 г. жилплощади (пусть квартиры достанутся узникам ГУЛАГа).

Вышла замуж за возвратившегося из лагеря однокурсника Владимира Брониславовича Муравьева, будущего писателя и московеда.

¹ Соколова Н.А. Заяра Веселая. Рукопись.

Двенадцать лет она прожила со свекровью в одной комнате за занавеской.

Литературно одаренная, с прекрасным чувством языка, Заяра была настоящей труженицей. После реабилитации отца литературное начальство не торопилось печатать Артема Веселого, но Заяра была уверена, что его книги обязательно увидят свет. Не получив согласия издательства, она стала готовить к печати первое посмертное издание его главных произведений. В 1958 г. в Гослитиздате вышел том (600 страниц) “Артем Веселый. Избранные произведения”. На обороте титульного листа было обозначено: “Подготовка текста и примечания З. Веселой”. Двадцатилетнее замалчивание имени Артема Веселого закончилось. В разных городах России и за рубежом его стали печатать многотысячными тиражами. Переговоры с издательствами вела Заяра. Ко многим изданиям писала предисловия, или послесловия, готовила текст и комментарии.

Одновременно Заяра увлеклась переводами детских книжек с языков народов Поволжья, учила удмуртский язык и написала повесть о детстве и юных годах классика удмуртской литературы Кедре Митрея. Заяра писала исторические рассказы для школьников, среди них о средневековом герое Испании – Сиде, о событиях времен Парижской коммуны. Разные по темам, часто небольшие по объему сочинения отличаются прекрасным языком и безупречно тщательным отбором деталей.

Думаю, самое яркое и талантливое произведение Заяры – книга “7-35. Воспоминания о тюрьме и ссылке”, изданная в 1990-м и 2006-м. Написана она с необычным для такого рода мемуаров оптимизмом и читается на одном дыхании.

В 1989 г. по почину бывшего колымчанина Семёна Самуиловича Виленского был подготовлен и издан сборник воспоминаний 23-х бывших узниц ГУЛАГа “Доднесь тяготееет”. Заяра безвозмездно отредактировала весь сборник. В том же году С.С. Виленский основал Московское историко-литературное общество “Возвращение”, объединившее бывших политических заключенных, причастных к литературе. Познакомившись с членами Общества, Заяра узнала, что многие из них в лагере писали стихи. У нее возникла замечательная идея издать серию “Поэты – узники ГУЛАГа”.

Тогда своего издательства у “Возвращения” не было, но нашлись благодетели, подарившие Обществу ксерокс. Это была допотопная машина размером с холодильник, с большой, довольно тяжелой крышкой.

Заяра азартно принялась за дело. Она стала и составителем, и макетчиком, и оформителем, и печатником. Формат сборника – четверть машинописного листа, объем – 36 страниц. Тираж – 100–500 экземпляров. Книжка делалась вручную. Для изготовления 100 экземпляров нужно было 1 тыс. раз поднять и опустить крышку ксерокса. За этим занятием, не обращая внимания на боль в ногах, Заяра стоя проводила несколько часов. Затем каждый оттиск разрезался пополам, сброшюровывался, скреплялся степлером. Сначала Заяра края каждой книжки обрезала бритвой. Товарищи по “Возвращению” не оставили ее без помощи: “...соловчанин Сергей Васильевич Щеголков сделал мне станок-резак, чтобы я не бритвой, а одним взмахом ножа могла обрезать книжки”².

² Поэты – узники ГУЛАГа / сост., вступ. ст. З.А. Веселой. М., 2008. С. 13.

Заяра торопилась издать каждую следующую книжку: она понимала, что значит для автора увидеть изданными свои стихи, созданные за тюремной и лагерной решеткой.

С 1991 по 2005 г. через Заярины руки прошло 33 выпуска “Малой серии поэтов – узников ГУЛАГа”. Не нужно говорить, что Заярин многолетний труд не оплачивался.

О втором выпуске серии «“Соловецкая муза”: Стихи и песни заключенных СЛОНА» отозвалась парижская газета “Русская мысль”: «Эта крохотная книжка (36 страниц, включая предисловие, иллюстрации и справки об авторах) выпущена при посредстве копировального аппарата тиражом в сто экземпляров. [...] Книжечка сделана с любовью и тщательностью: в ее аккуратном сиротстве есть какая-то ненавязчивая, ненамеренная стилистическая адекватность материалу – честная бедность бумаги, графическая существенность “поляризованных” ксерокопированием фотографий, почти рукописная небрежность простого, слегка расплывчатого шрифта. Сам внешний вид этой книжки создает ощущение, что ее издатели знают о своем предмете гораздо больше того, что рассказали. Понятно, что сказались, прежде всего, обстоятельства издания. Сам факт выхода “Соловецкой музыки” – это маленький подвиг...»³.

Заяра – деятельная участница в подготовке четырех международных конференций “Сопrotивление в ГУЛАГе”, которые проводило “Возвращение” с 1992 по 2002 г. В Москву на конференции съезжались «бывшие заключенные из разных регионов страны, в основном участники лагерных забастовок и восстаний, а также узники нацистских концлагерей, участники европейского Сопrotивления, правозащитники, литераторы и историки.

К началу первой конференции были составлены и отпечатаны 12 выпусков серии. Несколько женщин из “Возвращения” сброшюровали книжки [...].

Первая международная конференция открылась 19 мая 1992 г. Необычная ситуация – бывшие лагерники соберутся не где-нибудь, а в Колонном зале Дома Союзов! – породила необычную идею. (Ее предложила Заяра. – Г.В.).

[...] Идея состояла в том, чтобы под сводами Колонного зала, где в 30-е годы гремели обвинительные речи Вышинского, отправлявшего на расстрел участников известных политических процессов и тысячи других ни в чем не повинных людей, теперь прозвучала бы народная песня, олицетворявшая собой ГУЛАГ.

Наш ксерокс отпечатал несколько сотен экземпляров “Ванинского порта”. 19 мая листы пустили по рядам.

Мотив знали все, даже те, кто не знал русского языка...

Я помню тот Ванинский порт
И вид парохода угрюмый,
Как шли мы по трапу на борт
В холодные мрачные трюмы...

Участники конференций получали в подарок все книги “Возвращения”.

³ Там же. С. 12–13.

Таким образом, комплекты серии “Поэты – узники ГУЛАГа” оказались в Международном институте социальной истории Амстердама, в библиотеке Конгресса США, в ряде университетов Европы и Америки»⁴.

В 1993 г. “Возвращение” издало первый номер журнала “Воля. Журнал узников тоталитарных систем”. Главным редактором был С.С. Виленский, Заяра входила в состав редколлегии. Я видела, как тщательно она редактировала каждый выпуск.

«Позднее, когда издательство “Возвращение” вошло в силу и стало выпускать книги типографским способом⁵, меня часто спрашивали, почему я по-прежнему использую ксерокс. Возможно, это моя фантазия, но я думаю, что книжка, каждый экземпляр которой прошел через руки кустаря, если он относится к своему делу с душой, отличается от типографской так же, как пирожок, испеченный на хлебозаводе, от вынутого бабушкой из печки»⁶.

Наверное, чтобы “пирожок был испечен в печке”, Заяра сделала своей подруге Зое Дмитриевне Марченко подарок. Она отредактировала, отпечатавала на ксероксе и довела до издания ее воспоминания⁷. “Готовиться к следующим конференциям я начинала загодя; брошюровать сборники – сотни экземпляров – мне помогала Галина Фроловская – родственница погибшего в лагере поэта Михаила Фроловского”⁸.

Заяра была человеком неконфликтным, но свои убеждения отстаивала твердо. Так, потратив массу времени и сил на подготовку к изданию вместе с С.С. Виленским тома антологии “Поэзия узников ГУЛАГа”, вышедшего в серии “Россия XX век” под редакцией академика А.Н. Яковлева в 2005 г., она перед отправкой тома в типографию (между прочим 80 печатных листов) попросила исключить ее имя из числа составителей, поскольку у нее возникли принципиальные разногласия с другими членами редколлегии.

Последнюю книгу Заяры “Поэты – узники ГУЛАГа” (антология избранных стихов из каждого сборника “Малой серии”) издательство “Возвращение” напечатало в 2008 г.

Книги серии “Поэты – узники ГУЛАГа”, вышедшие в издательстве “Возвращение”⁹

Елена Ильзен-Грин. Стихи. 1991

Соловецкая муза: Стихи и песни заключенных СЛОНа / сост. В.Б. Муравьев. 1992

Ольга Адамова-Слиозберг. Путь. 1992

Сергей Бондарин. Тебе дается день. 1992

Юрий Стрижевский. Колючие снега. 1992

Анна Баркова. Герои нашего времени. 1992

Александр Чижевский. Бесконечности. 1992

Михаил Фроловский. Северная весна. 1992

Нина Гаген-Торн. Отраженья. 1992

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Издательство создано в 1990 г.

⁶ Поэты – узники ГУЛАГа. С. 12.

⁷ Марченко З.Д. Семнадцать лет на островах ГУЛАГа. М., 1999.

⁸ Там же. С. 13.

⁹ Поэты – узники ГУЛАГа. С. 213–214.

Владимир Муравьев. Эллигии и баллады. 1992
Семен Виленский. Каретный ряд. 1992
Колымский этап. 1992
Платон Набоков. России черная метель. 1992
Елена Владимировна. Мы живы, товарищ... 1992
Андрей Загряжский. Кремнистая стезя. 1992
Анастасия Цветаева. Тетрадь Ники. 1992
Виктор Васильев. Сполохи. 1992
Надежда Надеждина. Огонь негасимый. 1992
Андрей Обросов. Беглец. 1993
Лазарь Шерешевский. Колесо. 1993
Татьяна Лещенко-Сухомлина. Гитара. 1993
Елена Тагер. Десятилетняя зима. 1994
Василь Стус. Не погасить свечи зажженной. 1994
Наталья Ануфриева. Жизнь развернула новую страницу. 1994
Юрий Фидельгольц. Много воды утекло с тех пор. 1995
Али Хашагульгов. Автопортрет. 1996
Вилен Лысенко. Изнанка века. 1996
Юлия Панышева. Лефортово. 1996
Андрей Рыбаков. Обратная перспектива. 1997
Владимир Кемецкий. Белая ночь. 1998
Борис Теплинский. Девятый год. 1998
Светлана Шилова. Мой любимый – шестьсот тридцать два. 2000
Вадим Попов. “В газетах о нас не писали...”. 2005

Ю.М. Эскин

К 90-ЛЕТИЮ Н.Ф. ДЕМИДОВОЙ

В 2010 г. исполнилось 90 лет замечательному историку – исследователю русской государственности и ее административных институтов и персоналий на ранней стадии формирования бюрократии, в эпоху приказов XVII в., Наталье Федоровне Демидовой.

Нам нет нужды подробно обрисовывать здесь ее творческий путь, поскольку это с возможной полнотой было сделано ее многолетним товарищем и коллегой, много лет проработавшим с ней в одном отделе, доктором исторических наук Александром Александровичем Преображенским в сборнике, посвященном 80-летию Н.Ф. Демидовой¹. Наталья Федоровна является признанным авторитетом в таких областях исторической науки, как история взаимоотношений России XVII–XVIII вв. с Китаем, Монголией и центрально-азиатскими государствами, с народами Северного Кавказа. Как выдающийся знаток России XVII–XVIII вв., она способствовала исследованию процессов взаимодействия политики Российского государства с политикой императорского Китая, монгольских и других государств Центральной Азии, выступая в качестве достойного соавтора отечественных востоковедов, в том числе академика В.С. Мясникова².

Давно стали классикой труды Натальи Федоровны по истории Башкирии³, которой была посвящена и ее кандидатская диссертация⁴. Десятки поколений студентов, постигающих тонкости русской скорописи по таблицам из учебника Л.В. Черепнина “Русская палеография”⁵ (и которые бесчисленное количество раз и в бесчисленных вузах копировались и перепечатывались для учебных пособий), не догадывались, что составителем их была Н.Ф. Демидова...

Поистине мировое признание принесла Наталье Федоровне книга о приказной бюрократии XVII столетия⁶, труд, беспримерный по масштабу использованного материала, фактической насыщенности и тонкости историко-источ-

¹ Преображенский А.А. Юбилей Натальи Федоровны Демидовой // Российское самодержавие и бюрократия: Сборник статей в честь Натальи Федоровны Демидовой / отв. ред. А.А. Преображенский. Москва; Новосибирск, 2000. С. 5–19.

² См., например: Формирование границы между Россией и Цинским Китаем / В.С. Мясников, Н.Ф. Демидова и др. М., 1970; Границы Китая: История формирования / колл. авт., под ред. В.С. Мясникова. М., 2001.

³ См., например: Башкирия // Очерки истории СССР: Период феодализма. М., 1956. С. 655–661; Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четв. XVIII в. // 400-летие присоединения Башкирии к России: Мат-лы научной сессии. Уфа, 1958. С. 23–67; Управление Башкирией и повинности населения в первой трети XVIII в. // Из. М., 1961. Т. 68. С. 211–237.

⁴ Башкирское восстание 1735–1736 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1956.

⁵ Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. 13 табл.

⁶ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

никоведческого анализа при необычайной для нынешней эпохи компактности и вразумительной сжатости изложения. С момента издания в 1987 г. этой монографии – докторской диссертации, защищенной в 1988 г., изучение государственного аппарата России в век завершения раннего Нового времени, его структуры, механики взаимодействия с социальными группами населения, кадровой системы вступило в новый этап. Книга эта с тех пор является настольной для всех исследователей русской истории XVII в. как в нашей стране, так и за рубежом – в Варшаве и Сорбонне, Стэнфорде и Токио.

Творческая жизнь Н.Ф. Демидовой связана с крупными центрами академической науки – она долгое время проработала в Институте Дальнего Востока АН СССР (1967–1976) и Институте российской истории РАН (1976–1993). Многолетние труды по подготовке таких фундаментальных изданий документов, как Материалы по истории Башкирской АССР (Т. 3–5. М., 1949–1960), Материалы по истории Башкортостана (Т. 4. Уфа, 2002), Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. (М., 1957), Первые русские дипломаты в Китае (М., 1966), Русско-китайские отношения в XVII в. Т. 1–2 (М., 1969, 1972), Русско-китайские отношения в XVIII в. (М., 1988), Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Т. 1–2 (М., 1978, 1990), Русско-монгольские отношения 1654–1685 и 1685–1691 гг. (М., 1996, 2000), Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XII, XIII (М., 1977, 1991), Документы Ливонской войны (Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Москва; Варшава, 1998), утвердили за ней славу выдающегося отечественного археографа. Архивистика обязана ей подготовкой публикаций эталонных описей⁷ знаменитой коллекции “Приказные дела старых лет” (РГАДА. Ф. 141) и Каталога писцовых книг Русского государства⁸, для которых она разработала методики описания, схемы описательных статей, предисловия, принципы научно-справочного аппарата; геральдика и сфрагистика – исследованием и публикацией печатей провинциальных учреждений России XVI–XVIII вв.⁹; историко-биографический жанр – очерками о царе Федоре Алексеевиче, историках-архивистах С.А. Белокурове, В.И. и Г.И. Холмогоровых; история просвещения – работами о школах по подготовке подьячих – государственных служащих при приказах XVII в.¹⁰

⁷ *Воскобойникова Н.П.* Описание древнейших документов архивов Московских приказов XVI – начала XVII в. М.; СПб., 1994, 1999. Кн. 1–3 / под ред. Н.Ф. Демидовой.

⁸ Каталог писцовых книг Русского государства / сост. Н.П. Воскобойникова, Н.Ф. Демидова, М.Ю. Зенченко и др. М., 2001–2010. Вып. 1–4.

⁹ См., например: *Демидова Н.Ф.* Печати русских государственных учреждений XVII–XVIII вв. и некоторые вопросы их учета и изучения // Труды Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 2. С. 118–130; *Она же.* Русские городские печати XVIII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 518–520; *Она же.* Отражение политики русского правительства в Башкирии в гербах и печатях ее городов XVII–XVIII вв. // Южноуральский археографический сборник. Уфа. 1973. Вып. 1. С. 112–121.

¹⁰ См., например: *Демидова Н.Ф.* Приказные школы начального обучения в Москве XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России: К юбилею профессора русской истории Н.Б. Голиковой. М., 1994. С. 152–167; *Она же.* Федор Алексеевич // Первые Романовы на Российском престоле / Демидова Н.Ф., Преображенский А.А., Морозова Л.Е. М., 1996 (переиздания – М., 2000, 2007); *Она же.* “Живой справочник для исследователей”: С.А. Белокуров // Краеведы Москвы. М., 1995. Вып. 2. С. 83–99; “Неувядаемый венец”: Василий Иванович (1835–1902) и Гавриил Иванович (1842–1924) Холмогоровы // Краеведы Москвы. М., 1997. Вып. 3. С. 59–81.

Следует заметить, что научные исследования ее всегда базируются на том огромном документальном фундаменте и тех обширных познаниях во вспомогательных исторических дисциплинах, которые она освоила, получив образование в Московском государственном историко-архивном институте, проработав много лет, почти сразу после его окончания, в Центральном государственном (теперь Российском) архиве древних актов (в 1946–1964 гг.), где и завершила свою служебную (но не творческую) карьеру в 1993–1999 гг.

Связь Натальи Федоровны с хранилищем источников, изучаемых ею всю жизнь, и с сотрудниками архива не прерывалась никогда, в каком бы научном центре она ни работала. Автор данных строк испытал некоторое потрясение, когда на следующее утро после триумфальной защиты ею докторской диссертации увидел Наталью Федоровну за столом в читальном зале архива, безмятежно разбирающей один из столбцов архива Оружейной палаты¹¹. Здесь выработались ее практические и теоретические археографические принципы, основой которых является максимально точная передача текста в транскрипции XX в. с достаточно лаконичным комментарием – “не объясняйте все, дайте поработать читателю”, и неприятие наборного (и поэтому всегда неточного) воспроизведения ушедших из языка букв и знаков. “Историкам это не нужно, а лингвистам и филологам все равно мало”, – объясняет Наталья Федоровна, цитируя высказанную ей некогда мысль крупного специалиста по русскому языку XV–XVII вв. С.И. Коткова¹². “Мастер-классом” истинного источниковедения стала для автора данной статьи работа с Н.Ф. Демидовой над подготовкой публикации “Документов Ливонской войны”. Приведу только один пример. Известно, что столбцовый материал Разрядного и большинства других приказов за XVI в. не сохранился, пожары обошли отчасти только архив Посольского приказа. И в трех фондах последнего обнаружили столбцы именно Разрядного, Городового и некоторых иных приказов за последние годы этой войны. Небольшую часть (36 из 133) документов опубликовал В.И. Буганов, но подобный материал – подлинное делопроизводство приказов и воевод за это время – на вес золота, и специалисты (А.Л. Станиславский, Б.Н. Флоря) давно советовали издать весь комплекс. В начале 1990-х годов наш польский коллега И. Граля основал совместную (Варшавский университет – РГАДА) серию “Памятники истории Восточной Европы XV–XVII вв.”, и мы попросили Н.Ф. Демидову подготовить эти материалы. И помимо тяжелой работы по передаче текстов, зачастую черновых, обильно правлен-

¹¹ Тогда Наталья Федоровна готовила к изданию сборник документов “История форм труда в Русском государстве первой половины XVII в.”, в 1930-е годы составленный еще молодыми А.Н. Сперанским, Н.В. Устюговым и В.И. Шунковым – в русле тогдашних идеологических установок по генезису пролетариата, и на долгие годы осевший в архиве ИРИ РАН; причем ей пришлось пересмотреть все столбцы заново и фактически осуществить это издание с комментариями и аппаратом (История форм труда в Русском государстве первой половины XVII в.: Материалы по истории ремесленного труда и форм найма на посадах Русского государства: Документы по Москве / сост.: А.Н. Сперанский, Н.В. Устюгов, В.И. Шунков. М., 1988–1989. Вып. 1–3).

¹² Не следует удивляться такому суждению специалиста, издававшего ряд сборников текстов именно с применением великого множества “заменяющих” знаков (см., например: Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / подгот.: С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. М., 1968), – ему, профессиональному лингвисту, была лучше, чем кому-либо, ведома их относительность.

ных, написанных выцветшими чернилами столбцов (“ветхи добре и розпались, а иные згнили” – так их оценивал архивист еще в 1614 г.), публикатору удалось разгадать загадку их сохранения. Наталья Федоровна обратилась к описям архива Посольского приказа и обнаружила, что уже в 1614 г. на его чердаке лежали “столпы старые... и грамоты от государя... в порубежные городы и в немецкие...”, что спустя некоторое время удалось идентифицировать с нашим комплексом; а в описи после пожара 1626 г. те же, опять уцелевшие, документы были описаны еще подробнее и датированы. И только в XVIII в., при создании тематических коллекций комплекс разделили и включили в три разных фонда¹³. Изящество этого аналитического исследования явилось плодом тяжелого труда и обширной научной эрудиции.

Наталья Федоровна не преподавала, о чем, возможно, приходится сожалеть – ведь с молодыми историками она всегда любила и любит общаться, они постоянно “вертелись” у ее стола, получая консультации и унося не только конкретные ответы на вопросы, но и методические познания. Тем не менее, многие историки ощущают себя в какой-то мере ее учениками. Заинтересованное внимание, которое она уделяла и уделяет своим коллегам всех возрастов и поколений, рецензирование работ и оппонирование диссертаций, советы, указания на источники, все это щедро распространяется вокруг и создает творческую и на редкость доброжелательную атмосферу. Однако не только познания – но и глубина проникновения в источник, принципы его воспроизведения и реконструирования, формы и методы научной дискуссии, этические нормы в полемике и в критике исследовательских работ коллег¹⁴ стали для тех, кто считал себя открытым для этого, важнейшим достоянием.

В настоящее время Н.Ф. Демидова совместно с Г.А. Ивановой завершила работу над капитальным, не имеющим в России аналогов, справочником приказных подьячих XVII в.¹⁵, в основе которого положены собранные ею

¹³ Документы Ливонской войны: Подлинное делопроизводство приказов и воевод 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII в. Москва; Варшава, 1998. Т. 3. С. 51–53.

¹⁴ Автор был свидетелем того, как Наталья Федоровна выступила с решительной защитой работы тогда молодого ученого, новаторский (по тем временам) характер которой вызвал неприятие сразу нескольких бесспорно авторитетных, крупных историков ее поколения, казалось бы, более близких ей по “школе”. Качественная работа, вне зависимости от согласия с выводами автора, считает Наталья Федоровна, всегда должна иметь право на признание.

¹⁵ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. (1625–1700): Биографический справочник / отв. сост. Г.А. Иванова. М., 2011. В справочнике этом содержится около 10 тысяч статей. Он основан на многолетнем исследовании материалов Разрядного, Поместного, Посольского, Сибирского, Печатного, Преображенского и др. приказов, и прежде всего – Московского стола Разрядного приказа, где сосредоточена основная кадровая документация. Это позволило, пишет Н.Ф. Демидова, “определить прочный костяк приказной системы, охватывавшей как Москву, так и города европейской и азиатской части страны; место службы отдельного приказного человека, его повышение в чине, размеры поместного и денежного жалованья” (Там же. С. 4), при добавлении сведений об их землевладении (из Поместного приказа), коммерческих сделках (из Печатного), награждениях (Оружейной палаты) и пр. Привлекались также документы из Отделов рукописей ГИМ, РНБ и др. хранилищ. Отметим, что в этом беспримерном 10-летнем труде, увенчавшем собиравшиеся ранее не менее 20 лет материалы, Наталье Федоровне помогали также Л.К. Бажанова, С.В. Десятникова, М.Ю. Зенченко, А.Д. Шахова.

за десятилетия картотеки – труд этот станет огромным шагом на пути преодоления “обезличенности” нашей допетровской истории, даст возможность реконструировать сотни, а может быть, и тысячи биографий “маленьких людей” – “винтиков” московского и регионального государственного аппарата, строителей будущей великой державы.

Историки разных школ и направлений, москвичи и петербуржцы, профессора университетов Новосибирска, Стэнфорда и Варшавы – многие ощущают Наталью Федоровну авторитетом не только в научном, но и в человеческом измерении¹⁶.

¹⁶ В 2012 г. по инициативе РГАДА вышел из печати сборник – PALEOBUREOCRATICA: Сборник статей к 90-летию Н.Ф. Демидовой. М., 2012. В нем приняли участие Б.Н. Флоря, Н.В. Козлова, М.В. Бабич, М.О. Акишин, А.П. Павлов, Н. Шилдс Коллманн, И. Граля, И.Л. Андреев, О.Е. Кошелева, Н.М. Рогожин, Д.В. Лисейцев, К.В. Петров и др.

Г.В. Боряк

КОНСТАНТИН НОВОХАТСКИЙ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИКА-АРХИВИСТА

Константин Новохатский принадлежит к поколению, которое сформировалось на изломе двух эпох: в конце хрущевской оттепели и начале затяжного брежневского застоя. Не знаю, связано ли это как-то с указанными эпохами, но главные, пожалуй, черты характера, которые удивительнейшим образом соединяются в нем, – это свободолобие и вольнодумство, с одной стороны, и педантизм, граничащий с жесткостью, скрупулезность и дотошность – с другой. Последние качества, кстати, не худшие для “бюрократа” (или, скажем мягче, – госслужащего) на любом поприще, а уж в архивном деле – и подавно.

Странно осознавать, что этот человек так и не обзавелся ученой степенью. Многих это удивляет, некоторых, возможно, настораживает. Но самое главное, самому Новохатскому это было ни к чему. В его жизни важнейшее обстоятельство, определяющее место и род его занятий, – это *чтобы было интересно*. И ново. Ну, и еще результативно, неважно, в конце концов, каким будет результат, – практическим или виртуальным, сиюминутным или отдаленным во времени, главное, чтобы он был.

Поэтому, наверное, Константин Евгеньевич до выхода на пенсию (точнее – в отставку) имел ровно *одно место* работы – архивный городок на Солюменке в Киеве. Должностей, безусловно, было много, направлений работы несколько, а вот место – действительно одно.

К.Е. Новохатский родился 27 февраля 1949 г. в совхозе Уразовский Валуйского района Курской (ныне Белгородской) области. Окончив в 1972 г. МГИАИ и получив блестящее образование, на которое наложились не менее блестящее воспитание в легендарном кружке источниковедения истории СССР Сигурда Оттовича Шмидта (если чем-то в жизни Новохатский и гордился, то, наверное, только тем, что он один из птенцов шмидтовского гнезда¹), молодой специалист прибыл в Киев “на землю предков” (его отец родом с Киевщины) и занял скромную должность старшего инспектора в Архивном управлении при Совете Министров УССР. Именно здесь началось “карьерное восхождение” Константина Евгеньевича. Здесь оно и закончилось: с должности первого заместителя председателя Государственного комитета архивов Украины он в 2009 г. ушел в Национальную библиотеку

¹ См.: *Новохатский К.Е.* Три года и вся жизнь // Мир источниковедения: (сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта). М.; Пенза, 1994. С. 461–462; *Чирков С.В., Новохатский К.Е., Шохин Л.И., Казаков Р.Б.* Учитель глазами учеников: (к 75-летию С.О. Шмидта) // ОА. 1997. № 2. С. 33–36.

Украины имени В.И. Вернадского Национальной академии наук Украины, чтобы на не менее скромной, чем в начале карьеры, должности научного сотрудника (без степени) с интересом открыть для себя и успешно освоить еще одно направление. Но об этом позже. Итак, 37 лет было отдано любимому делу – архивам, причем бесценно, с перерывами только на отпуск, в стенах одного и того же здания по улице Соломенской, 24.

Как человек талантливый, пытливым и творческий, он не мог не писать. Одно произведение он писал на протяжении нескольких десятилетий и продолжает писать до сих пор – это дневник. Несколько ж десятков статей, причем множество из них – в солидных научных журналах и академических изданиях, – это ярчайшее свидетельство тому, насколько широк круг исследовательских интересов историка, архивиста и руководителя высокого ранга².

С первых шагов на архивном поприще с особым пристрастием и большим удовольствием Константин Евгеньевич выполняет роль архивного летописца, он тщательно фиксирует все происходящее. Коллеги, заходящие в его кабинет, часто замечают его вдумчивый взгляд человека, которому важно изложить на бумаге свою мысль; застают его за записыванием заметок обо всем, что заслуживало хотя бы малейшего внимания. Не случайно значительный сегмент в его творческом наследии составляют малозаметные с точки зрения “высокой науки” хроникальные публикации о расширенном совещании руководящего состава архивных учреждений Харькова (1976), о визите французских архивистов в Киев (1976), о Всесоюзном совещании-семинаре работников архивных учреждений (1979), о присуждении премий Главархива за лучшие научные работы и методические разработки (1983), о ходе обсуждения проекта Закона СССР “О Государственном архивном фонде СССР” (1988), об участии архивистов в разработке проблем устной истории (1989), о заседании Подготовительного комитета по созданию Общества архивистов Украины (1990), об учредительном съезде Общества архивистов Украины (1991). Из этих мозаичных хроникальных этюдов искусно составлялось масштабное полотно архивной жизни на протяжении двух с половиной десятилетий – и практической, и творческой жизни, в которой он сам принимал самое деятельное участие³.

Не забывает историк и о своих юношеских научных пристрастиях: в серии публикаций 1975–1991 гг. он обнародует результаты первого научного

² Краткие библиографические сведения о К.Е. Новохатском: Заступник Голови Держкомархіву України Новохатський Костянтин Євгенович. [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://www.archives.gov.ua/Archives/Publication/Novohatskij_about.php (останній перегляд: 15.08.2012); *Васько Л.* Новохатський Костянтин Євгенович // Українські архівісти (XIX–XX ст.): Біобібліогр. довідник / Держкомархів України. УНДІАСД; Упоряд.: І.Б. Матяш (кер.), С.Л. Зворський, Л.Ф. Приходько та ін. К., 2007. С. 447–449; *Гінзбург О.* Ювілей К.Є. Новохатського // АУ. 2009. № 3/4. С. 264–265; *Шmidt C.O.* К юбілею К.Є. Новохатського // ОА. 2009. № 2. С. 132–133.

³ Крайне интересны и очень точны в оценках и характеристиках также ретроспективные экскурсии К.Е. Новохатского (см. его очерки по истории архивного строительства: *Архивне будівництво в Україні 50–60-х років очима сучасного архівіста* // Збірник на пошану С.Д. Пількевича. К., 1998. С. 90–95); *Основні напрями архівного будівництва* // Нариси з історії архівної справи в Україні. К., 2002. С. 559–574 (у співавторстві).

исследования – дипломной работы на тему “Историк В.В. Пассек”, выполненной под руководством С.О. Шмидта. Всего в нескольких статьях архивоведческого, источниковедческого и краеведческого характера автор смог проявить себя как достойный представитель знаменитой научной школы Сигурда Оттовича⁴.

Показательно, что с начала 1990-х годов Константин Евгеньевич перестает публиковать хроникальные заметки и полностью переключается на исследование и практическое решение концептуальных проблем развития архивного дела. Почти два следующих десятилетия он, полный сил и энтузиазма, приобретая достаточный опыт архивного менеджера высокого уровня и серьезной квалификации, в благоприятной обстановке общественной эйфории, когда украинская государственность возрождалась после десятилетий небытия, а украинская государственная служба делала первые робкие шаги в сфере декоммунизации и деидеологизации всего государственного организма (как оказалось впоследствии – очень правильные шаги, привлекая лучших *профессионалов* для решения *профессиональных проблем*), делает ставку на главное дело своей жизни – последовательное проведение в жизнь архивной реформы, разработку современного архивного законодательства.

В новых условиях жизни и хозяйствования, складывающихся с середины 1980-х годов, Константин Евгеньевич нащупывает единственно верный (как показала впоследствии практика) путь реформирования организационной структуры архивной отрасли – усиление роли и значения региональных государственных архивных учреждений, ликвидацию архивных отделов облисполкомов и передачу их функций госархивам областей. Идея усиления самостоятельности собственно архивных учреждений хотя и не была поддержана в Москве (статья К.Е. Новохатского для журнала “Советские архивы” была отклонена руководством Главархива СССР⁵), тем не менее успешно реализовывалась на практике в Украине при его непосредственном участии: в 1988 г. были ликвидированы архивные отделы облисполкомов, а во второй половине 1990-х годов государственные архивы областей и низовые государственные архивные учреждения получили статус местных органов государственной власти. Четко, последовательно и аргументированно эти идеи проводятся в солидной серии статей К.Е. Новохатского середины 1980-х –

⁴ Историк В.В. Пассек // Вопросы историографии в высшей школе: Всесоюз. конф. преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории ун-тов и пед. ин-тов, Смоленск, 31 янв. – 3 февр. 1973 г. Смоленск, 1975. С. 281–287; Архивные материалы о жизни и творчестве В.В. Пассека // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 277–287; В.В. Пассек и становление отечественного краеведения // II Всесоюзная конференция по историческому краеведению. Пенза, 1989. С. 72–73; “...Прошедшее в настоящем...”: Вадим Васильевич Пассек. 1808–1842 // Краеведы Москвы. М., 1991. С. 61–76; 3 історії українського краєзнавства (В.В. Пассек) // V Всеукраїнська конференція “Розвиток історичного краєзнавства в контексті Національного і культурного відродження України”. Київ; Кам’янець-Подільський, 1991. С. 62–64; В.В. Пассек і Слобожанщина // VIII Всеукраїнська наукова конференція “Історичне краєзнавство і культура” (Наукові доповіді та повідомлення). Київ; Харків, 1997. Ч. 1. С. 183–186.

⁵ Новохатський Костянтин Євгенович // Українські архівісти (XIX–XX ст.): Біобібліогр. довідник. С. 447.

конца 1990-х годов⁶. В начале 2000-х годов они окончательно оформляются как один из важнейших сегментов Концепции защиты национальных интересов Украины в архивном деле (1998–2002) – важнейшей теоретико-методологической разработки, в которой К.Е. Новохатский выступил инициатором, организатором, координатором и одним из главных авторов⁷.

Но, пожалуй, главное (и любимое) его детище – это Закон Украины “О Национальном архивном фонде и архивных учреждениях”. Интенсивная творческая работа коллектива разработчиков над проектом первой редакции (1992–1993) под руководством К.Е. Новохатского, в ходе которой было проанализировано архивное законодательство не только на постсоветском пространстве, но и в ведущих странах мира, увенчалась успешным прохождением Закона в парламенте (1993). Вместе с историком права И.Б. Усенко Константин Евгеньевич выступил автором этого и других законопроектов. Вскоре за основоположным документом последовал ряд подзаконных актов, а в 2001 г. он обеспечил подготовку и принятие новой редакции Закона.

На протяжении почти двух десятилетий кропотливая практическая законотворческая работа сопровождалась теоретико-методологическими публикациями Константина Евгеньевича в научной периодике по широкому спектру проблем архивоведения и документоведения. Среди них работы, посвященные значению, роли и функциям украинского архивного закона⁸, сравнительному анализу архивного законодательства в постсоветских государствах⁹ и в более широком международном контексте¹⁰, теоретическому

⁶ Государственные районные и городские архивы с переменным составом документов // Государственные архивы Украинской ССР. К., 1988. С. 209–213; Щоб архіви “не здали в архів” (Архіви в нових умовах господарювання: обговорюємо проблему) // АУ. 1990. № 6. С. 5–8; Архивные отделы в Украине – “возвращаться нет смысла” // ОА. 1992. № 4. С. 113–115; Мета – реалізація державної політики в архівній справі // АУ. 1992. № 4. С. 8–9; Проблеми отраслевой принадлежности архивных учреждений и статуса архивистов в Украине // Управление в архивном деле. Федеральные, региональные и муниципальные архивы. Архивист как государственный служащий: Материалы Международного семинара 21–23 марта 1995 г., Москва. М., 1995. С. 66–71; Стратегія ЮНЕСКО щодо розвитку архівної справи і перспективи українських архівів // АУ. 1995. № 4/6. С. 41–42 (у співавт.); До проблеми галузевої належності архівів // Актуальні проблеми розвитку архівної справи в Україні: Доповіді та повідомлення наукової конференції 15–16 березня 1995 р. К., 1996. С. 97–100.

⁷ До розробки концепції забезпечення національних інтересів України в галузі архівної справи // Українське архівознавство: історія, сучасний стан і перспективи: Наук. доп. Всеукр. конф. (19–20 листоп. 1996 р.). К., 1997. Ч. 1. С. 284–287; Безопасность архивов Украины в общей системе защиты национальных интересов в архивном деле // Безопасность архивов и архивных фондов. М., 2000. С. 54–59 (у співавт.); Концепція забезпечення національних інтересів України в архівній справі // Студії з архівної справи та документознавства. К., 2002. Т. 8. С. 53–79 (у співавт.).

⁸ Правовые принципы и организационная система архивной службы Украины после принятия Закона “О Национальном архивном фонде и архивных учреждениях” // Archiwa Europy Środkowej i Wschodniej w dobie przekształceń prawnoustrojowych: materiały międzynarodowej konferencji archiwalnej 28–30 czerwca 1996 г. w Puławach / pod redakcją Bolesława Woszczyńskiego; przy udziale Ewy Rosowskiej. Warszawa, 1997. S. 63–68; “Закон створює правову основу для розв’язання суто професійних питань” // АУ. 2001. № 6. С. 3–9; Новая редакция архивного закона Украины // ОА. 2002. № 3. С. 48–55.

⁹ Національні архівні фонди в пострадянських державах: порівняльний аналіз архівних законів // АУ. 2001. № 1/2. С. 30–40; Архівне законодавство України (1991–2001) // Архівознавство. Археографія. Джерелознавство. К., 2002. Вип. 5. С. 67–74.

¹⁰ Модерне архівне законодавство // АУ. 2004. № 3. С. 4–10 (те саме англ. мовою; у співавт.).

обоснованию понятий “Национальный архивный фонд”¹¹, “документ”¹², дискуссионным вопросам о границах понятия НАФ¹³.

Чрезвычайно интересны его историософские размышления о соотношении сфер и взаимодействия архивоведения и краеведения, об организационных основах краеведческой работы¹⁴, о личностном факторе в архивном деле¹⁵, о гуманитарной миссии архивов в современном обществе¹⁶.

Размышляя об архивах в современном мире и анализируя драматическую ситуацию в архивном деле Украины в связи с пожаром и безвозвратными потерями в Каменце-Подольском, а также кражами документов во Львове, он выступил с серьезными публикациями об архивных катастрофах и их последствиях¹⁷, об ответственности за нарушения архивного законодательства¹⁸.

В конце 1990-х годов К.Е. Новохатский инициировал и возглавил работу по усовершенствованию, унификации и “кодификации” национальной отраслевой терминологии, став руководителем авторского коллектива и главным редактором первого терминологического нормативного словаря “Архівістика” (1998). Как человеку цельному и системно мыслящему, Константину Евгеньевичу всегда претила неоднозначность толкования понятий, используемых в языке архивной науки и архивистике. Поэтому впоследствии он неоднократно возвращался к непростым вопросам архивной терминологии, порой сознательно заостряя проблему и провоцируя дискуссию¹⁹.

Логическим завершением цикла реформаторских и законотворческих инициатив К.Е. Новохатского после проведения организационной реформы и принятия архивного закона стала работа над Основными правилами работы

¹¹ Национальный архивный фонд в трактовке архивных законов постсоветских государств // Архивный фонд РФ: Феномен, миф, реальность. М., 2001. С. 21–25; НАФ України: склад, структура, правові засади // Архівознавство: Підручник. 2-е вид., випр. і доп. К., 2002. С. 99–114 (у співавторстві).

¹² Документ Національного архівного фонду – документальна пам’ятка історії та культури: співвіднесення понять // АУ. 1999. № 1–6. С. 26–34; Документ як об’єкт інформаційних відносин у законах України: спроба огляду деяких визначень // Архівознавство. Археографія. Джерелознавство. К., 2001. Вип. 3. С. 361–370.

¹³ Межі Національного архівного фонду: Архівознавство. Археографія. Джерелознавство: Міжвідомчий збірник наукових праць. К., 2001. Вип. 4: Студії на пошану Руслана Пирого. С. 173–180.

¹⁴ Краєзнавство, літописання й архіви: можливі перспективи // Студії з архівної справи та документознавства. 2003. Т. 10. С. 5–6; Опыт организации работы по развитию краеведения в Украине // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 241–245; Та же статья в кн.: Наука в странах СНГ. М., 2006. С. 271–276.

¹⁵ Архів і особа: аспекти виміру // Архівознавство. Археографія. Джерелознавство. К., 1999. Вип. 1. С. 8–12.

¹⁶ Гуманитарная миссия архивов на постсоветском пространстве // ОА. 2006. № 3. С. 10–15.

¹⁷ Пожары в архивах: случайность или закономерность? (Комментарий к информации о пожаре в Каменце-Подольском госархиве) // ОА. 2003. № 4. С. 121–122.

¹⁸ Правовое регулирование ответственности за нарушение архивного законодательства в Украине // МСА. ЕВРАЗИКА. Информационный центр по архивному делу. Информационный вестник. 2003. № 3(29). С. 17–20; Правове регулювання відповідальності за порушення архівного законодавства в Україні // АУ. 2004. № 3. С. 46–50 (те саме англ. мовою. С. 37–39).

¹⁹ См.: Проблеми впровадження унормованої архівної термінології: використання чи користвання // АУ. 2000. № 4/6. С. 4–8.

государственных архивов Украины, которые оформили кодекс современной национальной архивистики²⁰. Во главе рабочей группы, выступая не только как редактор, но и как автор отдельных разделов свода, Константин Евгеньевич обеспечил подготовку, широкую апробацию текстов, популяризацию и внедрение еще одного своего детища в повседневную работу архивистов Украины²¹, кстати, это был один из первых подобных документов на постсоветском пространстве.

Деятельная натура Новохатского, при внешнем кажущемся спокойствии его облика и даже некоторой флегматичности, широта профессиональных пристрастий, неугасаемый интерес к жизни и работе не позволили ему остаться в стороне от многочисленных текущих инициатив, проектов, форумов разного формата, даже если они непосредственно не касались основной сферы его деятельности, а тем более занимаемой должности. Он выступил соразработчиком Национальной информационной системы “Архивная и рукописная україніка” (1992)²²; принимал участие в подготовке престижного для страны проведения ежегодного всемирного архивного форума – XVI Международной конференции Круглого стола архивов в Киеве (1975); участвовал в работе первого конгресса Международной ассоциации украинистов (1990), XV Международного конгресса архивов в Вене (2004); представлял архивы Украины на Всесоюзных совещаниях архивных работников (1987, 1990), Международных научных конференциях в Санкт-Августине (ФРГ, 1993), Пулавах (Польша, 1996), Москве (1995, 1998), Одессе (2000) и других, на встречах руководителей архивных служб и архивных обществ стран СНГ в Киеве (1994), Москве (1999), Астане (2002), Минске (2003); был членом общественного совета по архивному делу при Главном архивном управлении при Совете Министров СССР (1989), членом Подготовительного комитета по созданию Общества архивистов Украины (1990), делегатом учредительного съезда Общества архивистов Украины (1991); представлял архивистов Украины в Правлении Общества архивистов СССР (1990); стал фундатором Общества архивистов Украины, дважды избирался первым заместителем председателя его правления; представлял его на конференциях Венгерского общества архивистов (1996, 1998); являлся членом совета правления Украинского отделения Международного фонда славянской письменности и славянских культур (1989), Всеукраинского общества краеведов (1991), выступал с докладами на Международных и Всеукраинских краеведческих конференциях в Пензе, Киеве, Каменце-Подольском, Харькове, Трускавце, Воронеже. Список можно было бы продолжить далее, но и он лишь контурно очерчивает круг интересов и направления энергичной деятельности коллеги.

Многие научные и методические разработки Константина Евгеньевича 1990-х годов стали классическими и вошли в учебники по архивоведению (1998, 2002), соавтором которых он всегда с удовольствием выступал. По-

²⁰ Основні правила роботи державних архівів України. К., 2004.

²¹ Новий архівний кодекс: до виходу в світ Основних правил роботи державних архівів України // АУ. 2004. № 1/2. С. 29–36.

²² Закон України “Про Національний архівний фонд і архівні установи” та деякі завдання у зв’язку із створенням НАІС та інших автоматизованих архівних систем // Національна архівна інформаційна система “Архівна та рукописна україніка”. Вип. 1: Інформатизація архівної справи в Україні: сучасний стан та перспектива. К., 1996. С. 66–71.

нимая значение не только архивного образования, но и архивной науки, в начале 1990-х годов он был инициатором создания отраслевого архивного научно-исследовательского института (Украинский научно-исследовательский институт архивного дела и документоведения, 1994), активно содействовал принятию правительственного решения о его формальном создании и фактическому его становлению, был патроном молодой научной институции в непростой начальный период ее деятельности, некоторое время работал в качестве научного сотрудника института.

Обладая обостренным чувством справедливости, Константин Евгеньевич множество усилий и энергии приложил к отчаянной борьбе руководства архивной службы за... землю, на которой расположен архивный городок. Когда в середине 2000-х годов было принято решение о строительстве новых корпусов и реконструкции всего архивного комплекса, нашлись конкуренты (некое ООО), представившие сфальсифицированный план земельного участка 1947 г. Землю, закрепленную за государственными архивами Украины городскими властями столицы уже в первые послевоенные годы, удалось тогда отстоять²³.

Вообще, автор этих строк особенно благодарен судьбе за те годы совместной работы с Константином Евгеньевичем, когда последний занимал должность первого заместителя руководителя архивной службы Украины (2003–2008). Между нами было установлено распределение векторов международной деятельности, и Константин Евгеньевич надежно обеспечил “российское направление”, или “направление СНГ”. Напомню, начало 2000-х годов было непростым временем, когда после почти десятилетия сведенных к минимуму контактов с соседями Россия и Украина, занятые до этого обустройством своих индивидуальных, национальных “архивных пространств”, “вдруг” вспомнили об этих самых соседях и начали выстраивать свои партнерские отношения совершенно по-новому. Создавать эту платформу на равноправной основе было непросто после десятилетий пребывания в статусе “старшего” и “младшего” брата. Во всяком случае, это, наверное, было проще, чем динамично развивать западный вектор при надежном, системном и крайне энергичном посредничестве польских коллег. Сегодня можно с уверенностью констатировать, что К.Е. Новохатский с честью выполнил эту важную миссию и заложил фундамент нынешнего “восточного” партнерства архивной службы Украины.

Если оставить в стороне профессиональные достоинства и достижения коллеги, то нельзя не отметить еще одной яркой черты его характера – прирожденной скромности. Приведу в качестве иллюстрации только один пример: список своих научных трудов он составлял по просьбе и даже под давлением своих друзей и коллег долго, крайне неохотно и даже несколько небрежно. Показательно: в нем нет публикаций, где Константин Евгеньевич выступал не автором, а главным редактором или членом редакционной коллегии, редакционного совета. Только в одной библиографической позиции – это Основные правила работы государственных архивов (2004) – он позволил себе, кроме указания на авторские тексты, отметить: “общая редакция, совместно с Л.А. Драгомировой”.

²³ См. серию публикаций рубрики “Земля ваша? Будет наша!” на портале Укргосархива: <http://www.archives.gov.ua/News/ZemlyaArch/>.

Крайне оригинально уйдя с работы в последний рабочий день в Госкомархиве (так, чтобы запомнить его навсегда, – пешком, затем измерил по карте пройденное до дома расстояние; оказалось напрямую 10 км 500 м, на самом же деле – около 12 км), Константин Евгеньевич ушел, как уже говорилось выше, на археографическую работу в Национальную академию наук и занялся изданием творческого наследия академика В.И. Вернадского. Новая работа, как оказалось, это некое совсем новое для него поле деятельности, несмотря на то что за его плечами не только школа Шмидта, но и бурные, длительные дискуссии с классиком – товарищем с институтских лет, однокурсником Владимиром Козловым. В свое время Новохатский жадно читал его теоретические разработки, высказывал критические замечания, начинал писать рецензию, во всяком случае, наверняка оставил в своем архиве множество записок. И вот теперь представилась прекрасная возможность заняться архивной эвристикой и эдиционной археографией не в теории, а на практике. Ныне Константин Евгеньевич завершает подготовку к печати писем В.И. Вернадского – выявление, расшифровку крайне неразборчивого почерка академика, копирование, археографическую правку и комментирование текстов²⁴.

Масштабный академический проект как бы смягчил резкий поворот в жизни историка-архивиста и не дал ему пасть духом, предоставив много времени на углубленную саморефлексию. Незаметно для самого себя он стал членом академического сообщества, просто и естественно войдя в близкую по духу и роду занятий, по друзьям и коллегам, но все-таки новую среду.

Всю жизнь Константин Евгеньевич любил писать. Именно писать, а не печатать на бездушной и дребезжащей печатной машинке или бесшумно набирать немые строки на компьютере. Текст становился для него живым и обретал статус документа только тогда, когда был написан от руки и пропущен через себя.

Сегодня Константин Евгеньевич пользуется электронной почтой, Интернетом и другими благами глобализационных процессов в информационной сфере, не исключено его участие и в социальных сетях (сам автор этих строк асоциален и не поддерживает свою страницу в фейсбуке, поэтому не стал проверять предположение), но, как и ранее, рукопись и написанный текст остаются для него главными профессиональными ценностями.

²⁴ См.: Володимир Іванович Вернадський: Листування з українськими вченими / НАН України, Нац. б-ка України імені В.І. Вернадського, Ін-т історії України, Коміс. НАН України з наук. спадщини акад. В. І. Вернадського; РАН, Архів Рос. акад. наук; ред. кол.: А.Г. Загородній, О.С. Онищенко (голова), В.А. Смолій [та ін.]; уклад.: В.Ю. Афіані, Л.А. Дубровіна, К.Є. Новохатський [та ін.]. К., 2012. Кн. 1: Листування: А–І; Кн. 2: Листування: К–Я. (Вибрані наук. пр. акад. В.І. Вернадського, т. 2).

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2009 года «ИЗ ОПЫТА ПУБЛИКАЦИИ НАСЛЕДИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ»

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

Тихомировские чтения 2009 г. состоялись 30 июня 2009 г. и были организованы совместно с Архивом РАН. Открывая заседание, *С.О. Шмидт* отметил, что обращение к изучению творческого наследия историков стало уже прочной традицией Археографической комиссии и являлось главной темой многих ее заседаний. Более всего внимание уделялось научному наследию основателя Комиссии академика М.Н. Тихомирова. Так, именно совместно с Архивом Академии наук опубликовано шесть томов собрания сочинений историка, научное описание его архива. Специальные заседания и даже обширные конференции посвящались и другим видным ученым XIX–XX столетий. Преимущественное внимание всегда уделялось впервые вводимым в научный обиход архивным материалам. Такая работа нашла отражение почти в каждом томе “Археографического ежегодника”. Специальные заседания такой проблематики были приурочены к юбилеям М.М. Богословского, А.С. Лаппо-Данилевского, А.Е. Преснякова, графа С.Д. Шереметева, С.Н. Валка, в 2010 г. запланирована большая международного плана конференция, посвященная 150-летию со дня рождения С.Ф. Платонова. Задача нынешних Тихомировских чтений – сопоставительное рассмотрение данных архивных фондов четырех видных историков второй половины XIX – первой трети XX в., изучение и издание этих архивных материалов.

С.В. Чирков (ЦГАМО) охарактеризовал отражение в архивной документации публикаторской деятельности С.Ф. Платонова и его организационной роли как руководителя Археографической комиссии и составителя программы ее работы¹.

А.Я. Дегтярев посвятил свое выступление характеристике творчества академика М.К. Любавского. Докладчик отметил, что научное наследие премника В.О. Ключевского, ректора Московского университета в 1911–1917 гг. лишь недавно стало активно возвращаться в лоно современной отечественной историографии, поскольку с 1929 по 1996 г. в России не было издано ни одного труда ученого, погибшего в сталинской ссылке. В его творчестве можно выделить несколько крупных тематических разделов и периодов. Первым по времени явился этап, связанный с изучением истории Литвы. По

¹ См. об этом подробнее: *Чирков С.В.* Археография в творчестве русских ученых конца XIX – начала XX века. М., 2005. С. 199–250 (гл. 4: “Издательская и научно-организационная археографическая деятельность С.Ф. Платонова”).

отзывам современников, они “составили эпоху в развитии изучения Литовско-Русского государства”. Эта оценка остается незыблемой по сей день – в России, Литве и всей Европе.

Многочисленные курсы, прочитанные в университете, составили большую серию изданий – “Древняя русская история”, “История России в XVII и первой четверти XVIII века”, “Русская история XVIII века”, “Историческая география России в связи с историей русской колонизации”, “История царствования Екатерины II”... Тогда же начались его занятия историей западных славян (“Лекции по истории Чехии, читанные в Московском университете в 1911/12 уч. году”, “Царство Польское и его конституция”).

В начале прошлого века ведущей темой исследований М.К. Любавского становится история расселения русского, украинского и белорусского народов (ученый считал их единым этносом) с древнейших времен и до XX в. Выдающийся ученый взял на себя задачу исключительной трудности – обобщить все, что было достигнуто в этой области, создать цельную картину тысячелетнего движения родного ему народа по земным пространствам. Расселение является универсальной формой бытия людских сообществ. Поэтому можно с полным основанием утверждать, что Любавским изучалась главная составляющая истории русского народа. Итогом трех десятилетий напряженной работы стал фундаментальный труд “История русской колонизации с древнейших времен и до начала XX века”. Он закончил его в уфимской ссылке. Труд этот увидел свет лишь спустя шесть десятилетий, в 1996 г.

После 1917 г. распадавшаяся российская жизнь заставила ученого активно заняться новой для себя сферой – архивным делом. Прекрасно понимая, что архивы есть средоточие национальной памяти, он не жалел времени и сил для их спасения. В Москве с его участием было обследовано (собственно говоря – спасено) более сотни архивохранилищ, включая архив родного университета. Он долго трудился в Главном архивном управлении, возглавлял его московское отделение, служил директором Древлеохранилища. Уже в 1918 г. он создал курсы архивистов при МГУ, а чуть позднее выдвинул идею создания историко-архивных институтов в Москве и северной столице. Спустя десятилетие эта идея была реализована, но уже без его участия, так как М.К. Любавский к этому времени был уже арестован по известному “академическому делу”. Созданный им в первые послереволюционные годы курс истории архивного дела в России не опубликован до сих пор.

Совершенно не исследованной остается на сегодня еще одна обширная сфера его творческой и гражданской активности. Мало кто помнит, отметил докладчик, что М.К. Любавский был прекрасным публицистом. Ему принадлежат сотни больших и малых публикаций в ведущих российских изданиях. В 2006 г. А.Я. Дегтярев опубликовал столетней давности большую и основательную статью М.К. Любавского “Либерализм и демократия”. Ее актуальность сказалась в современной российской политологии практически сразу – через полтора года статья появилась в фундаментальной пятитомной антологии “Российская политическая наука”.

Неопубликованными остаются и труды академика, посвященные истории последней приютившей его земли – Башкирии. Несколько монографий – “Очерки башкирских восстаний в XVII–XVIII вв.”, “Очерки по истории башкирского землевладения в XVII–XVIII вв.”, “Русская помещица и

заводская колонизация Башкирии в XVII, XVIII и первой четверти XIX в.” и др. Отрадно, что оценкой этой части творчества М.К. Любавского служит уважительное отношение к его памяти в этой славной республике России. Творчество М.К. Любавского возвращено российской науке. Молодой исследователь, набравший его имя в Интернете, обнаружит сотни сайтов, посвященных ученому.

А.В. Мельников (АК) осветил ход работы по публикации научного наследия М.М. Богословского, осуществляемого Археографической комиссией по материалам архивных фондов историка. Особенно подробно докладчик остановился на истории посмертной публикации труда М.М. Богословского “Петр Великий: Материалы для биографии”, рассказал о существенных искажениях авторского текста, подвергнутого цензурной правке. Современное издание этого труда осуществляется по подлинной рукописи. Также в Археографической комиссии подготовлено двухтомное собрание сочинений М.М. Богословского о России XVIII столетия.

В докладе *А.В. Топычканова* (РГГУ) “Архивное наследие С.К. Богоявленского: проблемы изучения” основное внимание было уделено формированию личного фонда С.К. Богоявленского в Архиве РАН (Ф. 553). По своему характеру этот фонд можно считать коллекцией. В его основе материалы личного архива С.К. Богоявленского, отобранные комиссией Института истории АН СССР для разбора личного архива С.К. Богоявленского и подготовки сборника его трудов (создана после смерти ученого 31 августа 1947 г.), а также поступления последующих лет из фондов редакций и из личного архива историка. Коллекционный характер фонду придает почти полное отсутствие документов личного происхождения, которые, возможно, были утрачены в связи с тем, что С.К. Богоявленский был репрессирован по “академическому делу”. При изучении его научного наследия необходимо обращаться к личным фондам его друзей и коллег: М.М. Богословского, С.Ф. Платонова, А.И. Яковлева, И.А. Голубцова, С.В. Бахрушина и других. В этих фондах содержатся не только письма С.К. Богоявленского, но и некоторые его работы и подготовительные материалы к ним.

Директор Архива РАН *В.Ю. Афиани*, подводя итоги заседанию, отметил важность совместных проектов Архива и Археографической комиссии по описанию, введению в научный оборот и публикации наследия отечественных историков.

**К 50-ЛЕТИЮ СО ВРЕМЕНИ КОНЧИНЫ
А.И. АНДРЕЕВА
СОВМЕСТНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ РАН
И АРХИВА РАН**

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

22 декабря 2009 г. состоялось совместное пленарное заседание Археографической комиссии РАН и Архива РАН, приуроченное к 50-летию со времени кончины выдающегося историка-источниковеда, архивиста и археографа, организатора науки Александра Игнатьевича Андреева (1887–1959).

Вклад А.И. Андреева в развитие специальных исторических дисциплин, его научно-организаторская и научно-педагогическая деятельность, значение его наследия были отмечены во вступительном слове *С.О. Шмидта* (АК).

Н.П. Копанева (СПбФ АРАН) посвятила свой доклад характеристике личного архивного фонда историка, хранящегося в СПбФ АРАН, а также на основании документов личного фонда перипетиям биографии историка. Доклад сопровождался просмотром слайдов с документами из личного архивного фонда. В докладе *А.Л. Юрганова* (РГГУ) рассматривались деятельность А.И. Андреева в Институте истории АН СССР во второй половине 1940-х годов, протекавшая на фоне идеологических кампаний “по борьбе с буржуазным объективизмом”, “космополитизмом” и т.п., противостояние ученого и власти. Яркими личными воспоминаниями об А.И. Андрееве как педагоге МГИАИ поделился *В.А. Черных* (АК). *С.О. Шмидт* вспоминал о непродолжительном периоде (в 1949 г.) совместной работы на кафедре вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ. *Н.С. Зелов* (ГА РФ) рассказал о письмах А.И. Андреева В.Н. Автократову тех лет, когда А.И. Андреев был вынужден вернуться в Ленинград. В письмах ученику, хранящихся в личном архивном фонде В.Н. Автократова в ГА РФ, А.И. Андреев продолжал живо интересоваться обстоятельствами московской научной жизни в Академии наук, Историко-архивном институте.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Пленарные заседания Археографической комиссии памяти выдающихся ученых стали уже традиционными. Заседание декабря 2009 г. проводится совместно с Архивом РАН и приурочено к 50-летию со времени смерти Александра Игнатьевича Андреева, скончавшегося 12 июня 1959 г. в Ленинграде. Петербуржец по рождению, более всего работавший там, Александр Игнатьевич может в какой-то мере считаться и московским ученым, так как жил в Москве в 1942–1949 гг. и интенсивно и плодотворно работал в МГИАИ и в академическом Институте истории, где его инициативе обязано возобновление многотомного издания “Писем и бумаг императора Петра Великого”, потому и в вышедшей в 2007 г. первой книге “Лица Москвы” первого тома “Московской энциклопедии” поместили статью об А.И. Андрееве¹.

Обращение к теме сегодняшнего заседания по существу в русле представлений первого председателя Археографической комиссии академика М.Н. Тихомирова. В первом томе “Археографического ежегодника”, формированию состава которого его ответственный редактор уделял особенно большое внимание (что отражено и в документах архива Археографической комиссии), помещены два материала об А.И. Андрееве: хроникальная заметка о праздновании 70-летия ученого и список его трудов² (вслед за этим помещен и список трудов С.Н. Валка³). Напечатанное именно на этих страницах предопределило практику отмечать в последующих книгах Ежегодника юбилеи видных современных ученых, особенно много сделавших в сфере специальных исторических дисциплин, а также отражало представление о том, что в сфере этой изначально особо значима деятельность ученых Петербурга, и творческое содружество историков и филологов Москвы и северной столицы – залог дальнейшего успешного развития историко-филологических специальных дисциплин. (Отметим и то, что из шести членов Бюро Археографической комиссии первого состава двое ленинградцев, и как раз те, чьи списки трудов напечатаны в этом Ежегоднике.)

В “Археографическом ежегоднике за 1978 год” напечатана статья А.А. Преображенского, посвященная творческому пути А.И. Андреева, где указаны и статьи, опубликованные в память историка⁴. Деятельности А.И. Андреева в МГИАИ, и особенно детально истории выживания его из МГИАИ, посвящены труды Л.Н. Простоволосовой и А.Л. Станиславского⁵.

¹ См.: Андреев Александр Игнатьевич // Московская энциклопедия. М., 2007. Т. 1: Лица Москвы, кн. 1: А–З. С. 60–61 (автор С.О. Шмидт).

² Козинцева Р.И. Чествование Александра Игнатьевича Андреева // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 494–496; Список печатных трудов А.И. Андреева // Там же. С. 496а–501.

³ Список печатных трудов С.Н. Валка: (К семидесятилетию со дня рождения) / сост. И.А. Бакланова // Там же. С. 502–508.

⁴ Преображенский А.А. Творческий путь Александра Игнатьевича Андреева // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 113–121; перепеч. в кн.: Преображенский А.А. Историк об историках России XX столетия. М., 2000. С. 17–34.

⁵ Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. “Мы учим советских людей, а не древних греков”: (Из истории вузовской исторической науки конца 30-х–40-х гг.) // ИСССР. 1989. № 6. С. 92–104; Они же. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин [МГИАИ]: Учеб. пособие. М., 1990.

И показательно для натуры Александра Лазаревича Станиславского, что, став заведующим кафедрой вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ, он счел своим долгом сделать достоянием гласности славное в традициях кафедры – время руководства ею профессором А.И. Андреевым. Ученый, эрудит по складу ума и прирожденный редактор и организатор, А.И. Андреев много сделал для того, чтобы кафедра стала средоточием подготовки учебных пособий и методических рекомендаций и изучения истории источниковедения и смежных с ним специальных научных дисциплин, а также и работы незаурядных ученых разных поколений, действительно способствовал включению в научное творчество даровитых аспирантов и студентов.

Новаторская для того времени по направленности и источниковой базе работа Л.Н. Простоволосовой и А.Л. Станиславского по существу положила начало сочинениям иного стиля по истории исторического образования советской высшей школы, чем нарочито сдержанные издания с рекламным набором информационных данных о вузе, факультете, кафедре. А у меня это вызвало особую признательность, так как преподавать в МГИАИ начал еще при А.И. Андрееве, и впечатление и от него, и от воздействия его личности на руководимую им кафедру⁶ немало определило в моей дальнейшей работе в этом вузе.

Теперь, по прошествии десятилетий, знакомясь с новыми публикациями, сопоставляя виденное и прочитанное, можно заметить, что антиандреевская кампания в Историко-архивном институте была значительно менее свирепой, чем “антикосмополитическая” на истфаке МГУ, в которой проявлялся к тому же и не слишком прикрытый антисемитизм⁷. В МГИАИ было и своеобразие, обусловленное местными обстоятельствами. Директору института, соответственно идеологическим установкам тех месяцев, положено было продемонстрировать, что и в подведомственном ему вузе тоже обличают профессоров, чьи взгляды в чем-то различаются с навязываемым одномыслием. Он мало разбирался в специфике историко-архивного образования и полагал наиболее выигрышным сделать основным объектом критики профессора, которого перед тем уже подвергли критике в Институте истории Академии наук. Наскок именно на А.И. Андреева и возглавляемую им кафедру поддерживался (если не инспирировался?) некоторыми лицами, причастными к преподаванию архивных дисциплин не только потому, что это отвлекало от выявления поводов для критики в их работе, а главным образом от того, что научная слабость ее была очевидна в сравнении с достижениями кафедры вспомогательных исторических дисциплин, еще недавно охарактеризованной как “образцовая”.

А.И. Андреев стремился обеспечить крепкую взаимосвязь преподавания научных дисциплин его кафедры с подготовкой специалистов именно архивного дела, и дипломные сочинения должны были базироваться на изучении архивных материалов; и потому склонные к исследовательской деятельно-

⁶ См.: Шмидт С.О. Ольга Михайловна Медушевская как профессор Историко-архивного института // Когнитивная история: Концепция – методы – исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской. М., 2011. С. 38–39.

⁷ См.: Шмидт С.О. Судьба историка Н.Л. Рубинштейна // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 202–227; перепеч. в кн.: Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России. М., 2011. Т. 2: Двадцатое столетие, кн. 2. С. 233–265.

сти студенты тянулись к преподавателям кафедры, где всегда обеспечивалась поддержка научно-перспективных молодых людей. Сам А.И. Андреев был опытным специалистом и в архивоведении, и в археографии. Это отчетливо выявляется в тексте, написанном профессором И.Л. Маяковским для выступления на юбилейном заседании в честь А.И. Андреева в 1947 г., подготовленном к печати А.В. Мельниковым⁸. Текст этот – ценный источник по истории архивного строительства первых советских лет, убеждающий в том, сколь значительна была роль в реализации реформы архивного дела специалистов, связанных с Союзом российских архивных деятелей, как плодотворно использовались в те годы прогрессивные традиции дореволюционной исследовательской и архивной работы.

И вряд ли случайно рекомендовали новым заведующим кафедрой вместо А.И. Андреева выпускника своего вуза, далекого от ее проблематики и не отличавшегося исторической образованностью. Но первые руководители кафедры, А.Н. Сперанский и А.И. Андреев, заложили столь прочные и продуманные основы программы по вспомогательным историческим дисциплинам и привлекли на кафедру таких преподавателей, что кафедра сумела сохранить научное лицо. И новый заведующий В.И. Самойлов, и возбудившая письмом в райком партии кампанию против А.И. Андреева Е.Н. Данилова предпочли быстро покинуть МГИАИ.

Об А.И. Андрееве – выдающемся исследователе, организаторе науки, педагоге написано уже немало, но его творчество, его биография человека, родившегося в простонародной семье, благодаря таланту, трудолюбию, упорству ставшего образованнейшим и очень уважаемым в сообществе профессуры ученым, заслуживают специального детального исследования. Сюжет этот особо интересен не только в плане историографической проблематики, но и истории общественной жизни его времени, причем и обеих столиц, и провинциальной. Хочется думать, что проводимое нами заседание добавит и новое в представление об А.И. Андрееве и станет одним из стимулов для подготовки книги о жизни и деятельности А.И. Андреева на фоне явлений науки и общественной жизни того времени с привлечением данных и его личного архива (и обязательно личной переписки), и других архивных и печатных материалов. И в этой связи полагаю допустимым поделиться в виде постановки вопроса некоторыми соображениями, основательность которых будет проверена, когда приступят к монографическому изучению темы “Историк А.И. Андреев”.

Ознакомление со списками трудов видных историков его и предшествовавшего А.И. Андрееву поколений убеждает в том, что некоторые из этих профессоров отличались широтой научных интересов, масштабным диапазоном и тематикой, и хронологии их исследовательских штудий, но, пожалуй, именно А.И. Андрееву, вынужденному обстоятельствами своей биографии изменять основную тематику исследований, удавалось с такой быстротой и научной результативностью становиться столь авторитетным специалистом в сравнительно новой для него научной проблематике – после десятилетий преимущественного внимания к актовому источниковедению и истории источниковедения и археографии средневековой Руси в XIX – начале XX в.,

⁸ См. настоящее издание, с. 324–331.

создание фундаментальных трудов по источниковедению истории Сибири, документация которой относится преимущественно к более позднему времени, и по историко-географической проблематике XVIII – начала XIX в.

Это объясняется, можно думать, тем, что А.И. Андреев изначально, и особенно в годы работы в семинаре академика А.С. Лаппо-Данилевского, старался овладеть методикой изучения разных видов исторических источников и был подготовлен к творческому использованию новых для него разновидностей источников и к публикации их на новейшем научном уровне. Это же обусловило, видимо, и глубокое внимание к историографическому наследию источниковедения и археографии, и убеждение в том, что обращение к нему имеет большое значение и в формировании научного мышления у учащейся молодежи.

Знакомство с биографией А.И. Андреева и особенно с его служебной карьерой показывает, что он был близок к обоим виднейшим петербургским историкам его времени – и к А.С. Лаппо-Данилевскому, и к С.Ф. Платонову, относившимся друг к другу тогда с нескрываемой антипатией, что зафиксировано в высказываниях и их самих, и их родных и коллег, и даже встречавшихся с ними московских профессоров (в дневнике М.М. Богословского и других документах). Это случилось отнюдь не от какого-то умения А.И. Андреева подлаживаться, даже не из-за понимания обоими мэтрами исторической науки того, что эрудированный и необычайно работоспособный более молодой ученый обладает нечастым в их среде административно-организаторским даром и уважительным вниманием к системе делопроизводства и принятым в ней традициям, столь важным для реализации планов и А.С. Лаппо-Данилевского (начиная со знаменитого семинара, в котором А.И. Андреев стал секретарем и историографом), и С.Ф. Платонова (особенно когда он возглавил Археографическую комиссию, где А.И. Андреев стал ученым секретарем).

Думается, дело в том, что в историографической литературе представление о различии личных предпочтений и политических взглядов А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова не вполне правомерно распространяют и на сферу научных исследований. С.Ф. Платонову, и как ученому-историку, и как фактическому научному руководителю при графе С.Д. Шереметеве деятельностью Археографической комиссии, были близки источниковедческие и археографические интересы А.С. Лаппо-Данилевского; и после кончины А.С. Лаппо-Данилевского он не только понимал научную значимость его начинаний, но и желал продолжать работы по изучению актовых источников – и публикации их, и составлению описаний их, справочно-библиографических изданий. И, можно думать, отнюдь не препятствовал тому, чтобы А.И. Андреев, поддерживаемый непререкаемым секретарем Академии наук С.Ф. Ольденбургом, издавал наследие А.С. Лаппо-Данилевского и готовил труды о своем учителе. И сам Александр Игнатьевич в разговоре со мной весной 1949 г. объединял обоих великих историков, как одновременно и источниковедов и историков-мыслителей, противопоставляя их третьему знаменитому академику Н.П. Лихачеву, которого признавал прежде всего фактологом.

И вообще, характеризуя “петербургскую школу” с ее акцентированным вниманием к источниковедению, следует в первую очередь говорить не о С.Ф. Платонове, а об А.С. Лаппо-Данилевском, у которого это выразилось

и в пристрастии к собственно архивоведческой проблематике. С.Ф. Платонов же (о чем приходилось и прежде писать) ощущал себя учеником и главы “московской школы” В.О. Ключевского, и его знаменитая докторская диссертация о Смутном времени написана в стиле, близком к докторской диссертации В.О. Ключевского о Боярской думе, но с гораздо большими источниковедческим основанием и четкостью в использовании государственно-политической исторической терминологии.

И А.И. Андрееву было нетрудно найти общий язык с вышедшими из “школы” В.О. Ключевского профессорами, к тому же осужденными, подобно ему, по общему сфальсифицированному судебному “делу” и С.Ф. Платонова, и его ленинградских и московских коллег.

Хочется надеяться, что на страницах “Археографического ежегодника”, где предполагается опубликовать относящееся к нынешней конференции, и впредь будут печататься материалы о жизни и творчестве А.И. Андреева.

Н.П. Копанева

К БИОГРАФИИ А.И. АНДРЕЕВА

Как это часто бывает в отношении ученых, особенно гуманитариев XX в., основные сведения об их жизни и научном творчестве представляются публике или в юбилейных статьях, или в некрологах. После смерти ученого обращение к его биографии и источникам ее осмысления довольно редки. Не является исключением и описание жизни А.И. Андреева. В 1957 г. к 70-летию со дня рождения ученого “Археографический ежегодник” опубликовал статью Р.И. Козинцевой (1906–1985) о юбилее историка со списком трудов Андреева¹. Некролог после кончины Александра Игнатьевича в 1959 г. написала его ученица К.Н. Сербина². В 1960 г. опубликован очерк В.К. Яцунского о жизни и деятельности А.И. Андреева³. В 1985 г. К.Н. Сербина опубликовала статью об А.И. Андрееве во “Вспомогательных исторических дисциплинах”⁴. По вполне понятным причинам автор статьи не писала подробно о тех периодах жизни учителя, о которых не только опасно было писать, но и не было возможности написанное издать. Речь идет об аресте А.И. Андреева по “академическому делу”, ссылке его (1931–1934 гг.) в Красноярский край и об изгнании в 1949 г. ученого из Историко-архивно-

¹ *Козинцева Р.И.* Чествование А.И. Андреева // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 494–496; Список трудов А.И. Андреева // Там же. С. 496–501.

² *Сербина К.Н.* Александр Игнатьевич Андреев // Вопросы экономики и классовых отношений в русском государстве XII–XVII веков. Л., 1960. С. 477–482. (Тр. ЛОИИ АН СССР; Вып. 2). Некрологи были опубликованы также в журналах “Вопросы истории” (1959. № 8.), “История СССР” (1959. № 4), “Советская этнография” (1959. № 5), “Известия ВГО” (1959. № 6).

³ *Яцунский В.К.* Александр Игнатьевич Андреев: Краткий очерк жизни и научной деятельности // Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1960. Вып. 1: XVII в. С. 3–14.

⁴ *Сербина К.Н.* А.И. Андреев – ученый и педагог: Из воспоминаний об учителе // ВИД. Л., 1985. Т. 17. С. 357–363.

го института после обвинения в “преклонении перед Западом”. Кроме того, практически нигде не раскрыта работа ученого в составе Комиссии по истории Академии наук (КИАН)⁵, которая требует отдельного исследования, как и история самой КИАН.

Архив А.И. Андреева, материалы которого позволяют получить сведения о жизни и деятельности ученого, хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (фонд 934). Документы биографического характера, рукописи, фотографии начала передавать в 1964 г. в академический Архив в Ленинграде супруга А.И. Андреева, Анастасия Яковлевна. Фонд был обработан В.П. Костыговой при научном руководстве Т.И. Лысенко⁶. В настоящее время архивный фонд составляют материалы в шести описях: 1 – научные труды (736 ед. хр.), 2 – биографические материалы (65 ед. хр.), 3 – материалы по научно-организационной и педагогической деятельности (84 ед. хр.), 4 – фотографии А.И. Андреева и других лиц (61 ед. хр.), 5 – переписка (455 ед. хр.), 6 – научные материалы и рукописи трудов других лиц (61 ед. хр.)

Важные для биографии А.И. Андреева документы хранятся и в других фондах академического Архива, в частности его переписка с директором Архива АН СССР Георгием Алексеевичем Князевым⁷ и членом Комиссии по истории АН СССР Инной Ивановной Любименко⁸. Именно эти документы дают представление об участии А.И. Андреева в проектах Комиссии по истории Академии наук, а также о жизни ученого в период Великой Отечественной войны. Важным источником являются дневники Георгия Алексеевича Князева, которые опубликованы лишь за период с 1941 по 1945 г.⁹

В данной статье на основе ряда указанных источников будут представлены несколько эпизодов из жизни А.И. Андреева, которые дополняют биографический очерк К.Н. Сербиной.

Известно, что А.И. Андреев был арестован 10 ноября 1929 г. по “Академическому делу” и в августе 1931 г. приговорен к пяти годам ссылки в Крас-

⁵ Комиссия по истории Академии наук (КИАН) была создана постановлением Президиума АН СССР от 15 ноября 1938 г. в Ленинграде при Архиве АН СССР с целью “изучения истории Академии наук и ее учреждений, истории научных дисциплин и деятельности крупнейших русских ученых”. Председателем Комиссии был назначен академик С.И. Вавилов, заместителем председателя – директор Архива АН СССР Г.А. Князев. Первоначально задачей Комиссии была подготовка двух томов истории Академии наук: первый о деятельности Академии в 1724–1917 гг., второй – с 1917 г. Постановлением Президиума АН СССР “О крупных недостатках в работе Комиссии по истории Академии наук СССР и мерах по их устранению” от 14 ноября 1952 г. КИАН стала подчиняться непосредственно Президиуму АН СССР, был утвержден ее новый состав под председательством вице-президента АН СССР академика В.П. Волгина. В 1953 г. КИАН вошла в состав ЛО ИИЕТ АН СССР. Постановлением Президиума АН СССР от 1 апреля 1955 г. КИАН была упразднена и преобразована в редколлегию по изданию при Институте истории естествознания и техники. См.: *Кольцов А.В.* Как писалась “История Академии наук СССР” // *Вопр. истории естествознания и техники.* 1999. № 3. С. 146–157.

⁶ *Лысенко Т.И.* Фонд А.И. Андреева в ЛО Архива Академии наук СССР // *АЕ* за 1978 год. М., 1979. С. 292–300.

⁷ Письма Г.А. Князева А.И. Андрееву // СПБФ АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Д. 187. Фонд Г.А. Князева, где хранятся письма А.И. Андреева к нему, находится в научно-технической обработке.

⁸ Письма А.И. Андреева И.И. Любименко // СПБФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 249.

⁹ А.И. Андреев был награжден медалями “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.” и “За оборону Ленинграда” (СПБФ АРАН. Ф. 934. Оп. 2. Д. 5).

ноярский край. В поселок Брянка (тогда Удере́йского района), расположенный на берегу р. Большой Пит, притоке Енисея, Андреев прибыл в декабре 1931 г. и начал работу счетоводом “транзитного лесосостава”. В марте 1932 г. А.И. Андреев руководил отделом экономики труда Старо-Нифантьевской железной дороги, там же работал статистиком. В поселке Брянка ссыльный Андреев пробыл до конца 1934 г., когда он был переведен в Енисейск в краеведческий музей и назначен научным сотрудником. В это же время Александр Игнатьевич заведовал библиотекой лесозэкспортного треста “Севполярлес”. В фонде А.И. Андреева есть небольшое число документов, связанных с его арестом и ссылкой¹⁰, а также фотографии мест ссылки и самого А.И. Андреева этих лет¹¹.

26 ноября 1934 г. Андреев был освобожден и в марте 1935 г. вернулся в Ленинград. В первый год Александр Игнатьевич работал по найму, а в октябре 1937 г. был зачислен на должность старшего научного сотрудника в Институт народов Севера, в 1938 г. там же получил работу преподавателя на курсах для аспирантов. С 15 ноября 1938 г. Андреев приступил к работе по договору в Архиве АН СССР, где готовилась к изданию книга В.Ф. Гнучевой (1890–1942) по истории Географического департамента¹², а с 15 мая 1939 г. стал сотрудником (сначала по договору, а потом старшим научным сотрудником) КИАИ. В обязанности А.И. Андреева входили консультации авторов, а также редактирование глав по истории Академии наук. В эти же годы Андреев интенсивно занимался научной работой и к 1940 г. подготовил докторскую диссертацию “Очерки по источниковедению Сибири XVII–XVIII вв.”¹³. Защита была назначена на 4 октября. Ситуация, сложившаяся непосредственно перед защитой диссертации, известна мало, а источником сведений о ней являются неопубликованные дневниковые записи Г.А. Князева¹⁴. 13 сентября 1940 г. А.И. Андрееву пришло предписание из органов милиции покинуть Ленинград не позднее 23 сентября как ранее судимому¹⁵. Для поездки в Москву Андреев должен был получить паспорт и командировочное удостоверение Архива АН СССР, так как КИАИ, куда А.И. Андреев был зачислен старшим научным сотрудником 1 мая 1940 г., работала при Архиве. Председатель КИАИ академик С.И. Вавилов обратился за помощью к президенту Академии В.Л. Комарову, куда 15 сентября Г.А. Князев был вызван вместе с А.И. Андреевым на прием. Для Князева ситуация была неожиданной, в дневнике он записал: “Никто его [А.И. Андреева] не тревожил. Он полностью был реабилитирован. Даже шквалы 1937 и 1938 г. прошли, не коснувшись его. За это время он проделал много научных работ и 4 октября должен был защищать докторскую диссертацию. И вдруг совершенно неожиданно – удар, лишение права жить в столице и переселиться не ближе чем на

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 2. Д. 23.

¹¹ Там же. Оп. 4. Д. 1. Л. 3, 4, 28; Д. 7. Л. 1, 2, 3 и др.

¹² Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в. / под. ред. А.И. Андреева; отв. ред. Г.А. Князев. М.: Л., 1946. (Тр. Архива Академии наук СССР; Вып. 6).

¹³ Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири: XVII век. Л., 1940.

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 929. Оп. 2. Д. 94. Л. 24–36.

¹⁵ Связано с упорядочением паспортной системы в соответствии с постановлением Совнаркома СССР № 1667 от 10 сентября 1940 г. “Об утверждении Положения о паспортах”.

101 километр от Ленинграда”¹⁶. В разговоре и В.Л. Комаров, и Г.А. Князев подчеркивали важность и необходимость той работы, которую Андреев выполнял в КИАИ. “Я указал, – писал Князев, – что возбуждаемое ходатайство Андреева следовало бы поддержать, если ему в милиции объявили, что его дело небезнадёжно, нужно только ходатайство об его оставлении в Ленинграде как нужного работника от учреждения. Письмо президента могло бы положительно разрешить весь этот вопрос”¹⁷. Непосредственно в ходе разговора с Г.А. Князевым В.Л. Комаров позвонил начальнику УНКВД по Ленинградской области С.А. Гоглидзе¹⁸. Переговоры прошли успешно, Андреев тут же письменно изложил суть дела, и В.Л. Комаров подписал это письмо на имя С.А. Гоглидзе. При этом президент счел нужным еще раз подчеркнуть, “что это он делает не из жалости, на жалость он не имеет никакого права, а из-за необходимости иметь в Академии нужного ученого-специалиста. Так требует производство. А раз это нужно для производства, то он и выполняет свою функцию руководителя научной работы Академии”¹⁹. Однако время шло, приближалось время защиты диссертации, а паспорта у А.И. Андреева не было. 2 октября Г.А. Князев решает сам звонить “по инстанциям” для выяснения ситуации, ссылаясь на поддержку С.И. Вавилова и В.Л. Комарова: “Наконец, как по лесенке, добрался до главного, т.е. до Грушко”²⁰. Резкий, повелительный, нетерпеливый голос, когда я изложил в десятый раз суть дела, прервал меня:

– А что же Вы делали до сих пор, если ему надо выезжать сегодня?

– Чуть ли не ежедневно в течение двух недель ждали решения вопроса дела, находящегося у Вас.

– Никакого такого дела от Андреева у меня нет.

– Ваши подчиненные заявили мне, что дело у Вас...

(Пауза. С кем-то приглушенный разговор.)

– Подождите у телефона.

В это время коммутаторша разъединила нас. Казалось, что все потеряно, связь, с таким трудом налаженная, прервалась. Я стал // (л. 37) в отчаянии звонить в коммутатор.

– Зачем Вы разъединили меня? Грушко приказал мне ждать у телефона!

– Проверю.

Наконец соединяет опять. Я ждал с нетерпением. Через несколько минут заговорил тот же резкий голос.

– Никакого недоразумения с Андреевым нет в том, что ему отказано жить в Ленинграде: он судился, отбывал наказание и с 1935 г. неправильно жил в Ленинграде... Но принимая во внимание ходатайство Академии наук в лице ее президента делается исключение для Андреева. Он может остаться в Ленинграде.

– Значит, я могу дать ему командировку в Москву?

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 929. Оп. 2. Д. 94. Л. 24–24 об.

¹⁷ Там же. Л. 24 об.–25.

¹⁸ Гоглидзе Сергей Арсеньевич (1901–1953) – с 1938 г. начальник Управления НКВД СССР по Ленинградской области.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 929. Оп. 2. Д. 94. Л. 26.

²⁰ Грушко Евгений Семенович (1894–1955) – помощник начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области по милиции.

– Можете.

Разговор окончился. Вопрос, наконец, был разрешен. Я тотчас позвонил в Институт народов Севера, где в это время находился Андреев, и сообщил ему о результатах разговоров с Грушко... Вечером А.И. Андреев уехал в Москву на защиту диссертации²¹. Надо отметить, что личные отношения Г.А. Князева и А.И. Андреева не были дружескими. По поводу слов благодарности Александра Игнатьевича Князеву после разговора с академиком В.Л. Комаровым директор Архива записал в дневнике: “Когда кончилась аудиенция, А.И. Андреев жал мне руку и говорил о своей признательности, что он никогда не забудет этой услуги... Я сделал нужное и правое дело. Какой благодарности оно заслуживает?! А.И. Андреева я знаю давно, но не люблю. Я ценю его исключительно как трудоспособного, талантливого ученого, как человека с необычайно крепкой волей. Никогда мы с ним не были и не можем быть близки – так мы не подходим друг другу”²². 4 октября 1940 г. Г.А. Князев получил от А.И. Андреева телеграмму об успешной защите диссертации²³.

До лета 1942 г. А.И. Андреев жил в блокадном Ленинграде, о чем также писал в своих, но уже опубликованных²⁴, дневниках Г.А. Князев. Дежурства в Архиве, заседания КИАН, на которых Андреев выступал с докладами, – все это в период тяжелейшего голода и холода: «...доктор исторических наук А.И. Андреев, один из 2–3 виднейших специалистов в СССР по истории Сибири, всю осень и зиму неослабно трудился над своими очередными темами, в особенности по истории Беринговской экспедиции. В декабре в заседании, посвященном памяти 200-летия смерти Беринга, прочел доклад о нем. Написанную статью на ту же тему сдал в “Морской сборник”. Осенью его квартира (комната) была дважды разгромлена взрывной волной. Комнату пришлось менять, и в новой также были выбиты стекла. Окна и тут пришлось заделать фанерой. Все эти испытания не сломили силы его духа и трудоспособности. Сегодня он дежурный по Архиву. Не понравился мне его вид: желто-зеленый цвет лица, усталые глаза.

– Ну, как Вы живете, спросил я его (в Архиве он теперь с моего разрешения бывает раз в неделю).

– Дух бодр, но вот плоть немощна, начинает сдавать”²⁵. 14 ноября 1941 г. во время бомбежки Ленинграда от взрывной волны пострадала квартира Андреевых. Князев писал: “Вчера и сегодня не прекращаются налеты стервятников на наш измученный город. Бомбежка идет ожесточенная. Пострадал Андреев. Бомба разорвалась на дворе его дома на Бронницкой и вышибла все рамы, исковеркала мебель, разметала книги. Сам он и его жена остались целыми, потому что находились не в комнате, а в коридоре. Их только засыпало известкой, забросало кусками сломанных вещей, но, к счастью, не

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 929. Оп. 2. Д. 94. Л. 36–37 об.

²² Там же. Л. 26 об.–27.

²³ Материалы по защите А.И. Андреевым диссертации: тезисы, проект речи на защите, отзывы С.В. Бахрушина, С.Н. Валка, Ю.В. Готье, Б.Д. Грекова – см.: СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Письма и телеграммы с поздравлениями по поводу защиты – Там же. Д. 7.

²⁴ Князев Г.А. Дни великих испытаний: Дневники 1941–1945 / отв. ред. Н.П. Копанева. СПб., 2009.

²⁵ Там же. С. 406.

ранило. Электричество погасло. С трудом вылезли из квартиры на лестницу через развороченную дверь, т.к. сама дверь не открывалась. В их квартире, после того как они возвратились и стали выбирать уцелевшее, оказались и вещи, им не принадлежащие. Оказывается, их внесло в комнату через окна взрывной волной. Андреев, человек крепкой воли, много испытавший, сразу постарел, осунулся, как-то растерялся. Еще бы! Мороз на улице до 10. В их разрушенной комнате также мороз и гуляет ветер”²⁶.

Летом 1942 г. Андреев с супругой были вывезены в Казань, а оттуда в Ташкент. Эвакуация была предписана телеграммой из Казани от 20 июля 1942 г. за подписью вице-президента Л.А. Орбели руководству Ленинградского административно-хозяйственного управления Академии наук: “Обеспечьте эвакуацию директора Архива [Г.А.] Князева Боровое. [А.И.] Андреева, [И.И.] Любименко, [Л.Б.] Модзалевского Ташкент”²⁷.

С 1 ноября 1942 г. А.И. Андреев был временно зачислен на должность старшего научного сотрудника Института истории АН СССР (отчислен 10 февраля 1949 г.) и переехал в Москву, где с 1943 г. занял кафедру вспомогательных исторических дисциплин в Московском государственном историко-архивном институте. Работе в институте и преподаванию А.И. Андреев отдавал практически все свое время.

Его научные успехи оценивались высоко, и в 1946 г. Советом Историко-архивного института А.И. Андреев был выдвинут в члены-корреспонденты АН СССР²⁸. За успешную научную работу по изучению истории, литературы и языка 23 января 1946 г. Андреев был награжден почетной грамотой Президиума Верховного совета Карело-Финской ССР²⁹, а 15 августа 1947 г. – почетной грамотой Президиума Верховного совета Якутской АССР³⁰. 24 марта 1947 г. Александр Игнатьевич отмечал свое 60-летие. На юбилей горячо откликнулись и Академия наук СССР, и Историко-архивный институт³¹. Письма и поздравительные телеграммы поступали от архивов, других учреждений, ученых: С.Н. Валка, А.А. Вознесенского, Б.Д. Грекова, Б.А. Романова и других³². В адрес ученого поступили поздравления от руководства института, различных кафедр, групп дипломников³³. Студенты Андреева, члены источниковедческого кружка выпустили к 60-летию своего учителя специальный бюллетень³⁴. Казалось бы, ничто не предвещало того, что произошло летом этого же года. В райком КПСС Свердловского района Москвы от профессора Елизаветы Николаевны Даниловой поступили записи лекций Андреева, прочитанных им по курсу источниковедения на 4-м курсе института. Чьи это были записи, так и осталось неизвестным. До самого ученого о происходящем лишь доходили слухи. 12 сентября состоялось партийное собрание Историко-архивного института с резкой критикой как

²⁶ Там же. С. 304.

²⁷ Там же. С. 796.

²⁸ СПБФ АРАН. Ф. 934. Оп. 2. Д. 9.

²⁹ Там же. Д. 10.

³⁰ Там же. Д. 11.

³¹ Там же. Д. 13.

³² Там же. Д. 21.

³³ Там же. Д. 15.

³⁴ Там же. Д. 14.

научной, так и педагогической работы Андреева. Его обвиняли в отсутствии в читаемых лекциях марксистско-ленинской идеологии, в “преклонении” перед Западом и его учеными, “протаскивании” на лекциях идей, враждебных марксизму. На партийном собрании было принято решение снять А.И. Андреева со всех занимаемых в институте должностей: профессора, заведующего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин и ученого секретаря Совета Института. 16 сентября А.И. Андреев подал заявление об уходе с занимаемых постов. 22 сентября в письме секретарю парткома Историко-архивного института Б.Г. Литваку А.И. Андреев пытался показать абсурдность обвинений, прибегая даже к профессиональным понятиям об источнике: «Элементарное правило, которому обучал я на этих лекциях, касалось и происхождения источника: кто его автор, подлинное или неподлинное сочинение перед нами... Проф. Е.Н. Данилову в числе моих слушателей по курсу источниковедения не видел, а потому записи лекций, переданные ею в райком, принадлежат кому-то другому, и следовало бы выяснить прежде всего, можно ли этим записям верить. Вероятно, эти записи не сочинены целиком, но в какой мере точно передают содержание моих лекций, судить не берусь, не выдав эти записи. Суждение о моих взглядах следовало бы основывать на документах, которые принадлежат мне, а не третьему лицу. Надо бы, например, посмотреть мои печатные работы, вышедшие с 1943 г., когда я начал преподавательскую работу в Историко-архивном институте. В числе таких же источников могут быть и подписанные мною протоколы заседаний руководимой мною кафедры и т.п. материалы. Только судить надо не на основании отдельных фраз, взятых, например, из этих протоколов, а на основании всей совокупности материалов, и прежде всего на основании моих печатных работ, список моих работ, отпечатанных в 1946–1947 г.г., прилагаю. Они дают, как мне кажется, много данных и о моих взглядах, по поводу которых, как говорят, многие высказывались весьма резко, к сожалению, основывая свои суждения не на твердых данных, а на личных впечатлениях, моем поведении, моей внешности и т.п. “источниках”»³⁵. Написал он и об отношении к западным ученым: «...я считаю, что, не освоив большую работу, сделанную ими (представителями исторической науки на Западе. – Н.П.), двигаться вперед нельзя, что, не зная наследия Запада и нашего собственного, не стоит заниматься исторической наукой, которая не имеет грани, определяемой понятиями “Запада”, “России” и т.п. Но своего места и роли в этой науке мы до сих пор не знаем. И одна из задач моей научно-педагогической работы этих лет состояла в том, чтобы показать большую роль русских людей – русских ученых, русских моряков и проч. – в развитии таких наук, как история, география, картография и проч. Мне казалось необходимым остановиться и на вопросе о характере наших “заимствований” с Запада и с такой точки зрения изучить прежде всего эпоху Петра Великого, прежде чем говорить о моем “преклонении”, “подхалимстве”, “низкопоклонничестве” и т.п., о моих взглядах и отношении к старым философским школам (в частности, неокантианцам)»³⁶. В вину А.И. Андрееву было поставлено и его участие в семинаре А.С. Лаппо-Данилевского. От своего учителя Андреев

³⁵ Там же. Д. 24. Л. 12–14.

³⁶ Там же. Л. 14–15.

не отказался: «Я учился в Ленинградском университете в те годы, когда там преподавали профессора, придерживавшиеся этих взглядов. Учителем своим считаю академика А.С. Лаппо-Данилевского (умер в 1919 г.), у которого занимался не в его семинаре по философии, а в семинарах по дипломатике частных актов Московского государства; с ним работал позднее в Постоянной Исторической Комиссии Академии наук по изданию актов XV–XVIII вв. По “методологии истории”, которую слушал и сдавал А.С. Лаппо-Данилевскому, я получил на окончательном экзамене только “удовлетворительно”, что вполне отражало мой слабый интерес к философским проблемам (к теории исторического знания), который появился уже в наши годы, когда, под влиянием учения Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, выработались те взгляды, которых держусь; в них, как мне кажется, очень мало от старого, слабо усвоенного и мало интересовавшего меня. Используя богатый фактический материал по отдельным вопросам источниковедения (интерпретации и критики источников), который находим у Лаппо-Данилевского, из старых (немарксистских) авторов, я, конечно, мог повторить невольно и их ошибки при толковании этого фактического материала...»³⁷ А.И. Андреев считал, что на его ошибки можно было бы указать “в порядке дружеской критики и замечаний”. Но в стране набирала обороты кампания по борьбе с космополитизмом, в ходе которой “дружеская критика” была неприемлема. Да и не для “исправления ошибок” она велась. В эти же дни, 20 сентября, А.И. Андреев написал письмо министру высшего образования СССР С.В. Кафтанову: “16 сентября с.г. мною подано директору Историко-архивного института Н.А. Елистратову³⁸ заявление об освобождении меня от обязанностей ученого секретаря Совета, заведующего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин и профессора Историко-архивного института. Причиной, заставившей меня подать заявление, указана предстоящая мне в ближайшее время большая работа по Академии наук СССР³⁹. Приняв от меня заявление, директор спросил меня об истинных причинах моей просьбы. Я объяснил ему, что то положение, в котором я оказался в Институте и при нем, новом директоре Института, заставили меня попросить об увольнении.

Я работаю в Историко-архивном институте пятый год и с самого начала веду кафедру вспомогательных исторических дисциплин, единственной в вузах СССР. Мною проделана большая работа по организации кафедры и преподавания вспомогательных дисциплин. В составе кафедры работал доктор исторических наук, проф. И.Ф. Колесников, старейший специалист по вспомогательным историческим дисциплинам, доктор исторических наук, проф. Л.В. Черепнин, один из немногих специалистов в области палеографии, хронологии, метрологии и источниковедения; в 1943–1946 гг. работал доктор исторических наук, проф. А.А. Новосельский⁴⁰, ныне заведующий кафедрой истории СССР в том же институте; профессор права Е.Н. Данилова, кандидаты

³⁷ Там же. Л. 15–16.

³⁸ Н.А. Елистратов был директором МГИАИ с 1947 по 1950 г.

³⁹ Имеется в виду работа в КИАИ.

⁴⁰ Новосельский Алексей Андреевич (1891–1967) – историк, специалист по отечественной истории XVII века; в МГИАИ на кафедре вспомогательных исторических дисциплин с 1943 г.; с 1947 г. там же на кафедре истории СССР.

исторических наук В.К. Яцунский⁴¹, А.Т. Николаева⁴² и А.А. Зимин⁴³, кандидаты филологических наук доценты Е.А. Василевская⁴⁴ и Д.Н. Введенский⁴⁵, преподаватели Е.И. Каменцева и Д.М. Эпштейн, заканчивающие свои кандидатские диссертации. Кафедрой проделана в эти годы большая педагогическая и научная работа, результатом которой явились напечатанные учебные пособия: в 1944 г. по хронологии и метрологии⁴⁶, в 1947 г. по палеографии⁴⁷ и два тома научных статей членов кафедры: один том (17 л.) вышел в этом году⁴⁸, второй том сдан в конце 1946 г.⁴⁹ (25 л.) Работа кафедры находила хорошую оценку в приказах директора Института, а руководитель кафедры и проф. Л.В. Черепнин получали денежные премии. Об оценке моей лично научной работы коллективом Института могу судить по тому, что в мае 1945 г. я был выдвинут Советом Института кандидатом в члены-корреспонденты Академии наук, в октябре 1946 г. избран в ученые секретари Совета, а в марте с.г., когда происходило празднование моего 60-летия, организованного Институтами истории и Историко-архивным институтом, я получил от последнего института специальный приказ, где была дана высокая и лестная для меня оценка моей педагогической и научной работы; среди полученных мною ценных подарков был и также подарок от Историко-архивного института. Я имел основания думать, что моя педагогическая работа, протекавшая только в одном институте, которому я посвящал большое внимание, несмотря на мою загруженность научной работой, нашла соответствующую оценку⁵⁰. Сообщая в письме о развитии событий июля–сентября 1947 г., Андреев подчеркивает, что обо всех обвинениях в свой адрес он знал лишь по циркулирующим в институте слухам: «...ни прежний директор Института Д.С. Бабурин⁵¹, ни новый (с середины июля с.г.) Н.А. Елистратов со мной на указанные темы не говорили; не было таких бесед и с кем-либо другим, занимающим ответственное положение. Несмотря на это слухи росли, в особенности после того, как 12-го с.м. состоялось партийное собрание Института; о происшедшем на нем стало известно и среди студентов Института. Но и в день подачи мною заявления директору и объяснения мною мотивов, заставивших меня пойти на такой шаг, я все же ничего от него не получил, кроме обещания поговорить на волнующие меня темы “по окончании выставки” (имеется в виду организованная мною выставка “Печатный двор и

⁴¹ Яцунский Виктор Корнельевич (1893–1966) – историк, специалист в области исторической географии и экономической истории России; в 1947–1965 гг. профессор кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ.

⁴² Николаева Александра Тимофеевна (1908–1988) – историк, специалист в области дипломатики, палеографии, источниковедения, на кафедре вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ с января 1947 г., с 1952 по 1960 г. заведующая этой кафедрой.

⁴³ Зимин Александр Александрович (1920–1980) – историк, специалист в области истории России с XI по XVIII в., преподавал в МГИАИ с 1947 по 1972 г.

⁴⁴ Василевская Евгения Алексеевна – филолог, доцент кафедры.

⁴⁵ Введенский Дмитрий Николаевич (1890–1968) – филолог.

⁴⁶ Черепнин Л.В. Русская хронология. М., 1944; *Он же*. Русская метрология. М., 1944.

⁴⁷ Чаев Н.С., Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1947.

⁴⁸ Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1946. Т. 2.

⁴⁹ Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1947. Т. 3.

⁵⁰ СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 2. Д. 24. Л. 1–2.

⁵¹ Дмитрий Сергеевич Бабурин (1909–1982) – историк, и.о. директора МГИАИ (1938 – 1941), директор МГИАИ с октября 1944 г. по январь 1947 г. См. о нем: *Кац А.А.* Д.С. Бабурин: историк, архивист, педагог (по материалам его личного фонда в ЦАДКМ) // ВА. 2002. № 4/5. С. 61–74.

Синодальная типография”, где я давал посетителям объяснения). Эту выставку, – продолжал Андреев, – посетили Вы, Сергей Васильевич, и многие лица; насколько могу судить, она производила на всех большое впечатление. Среди посетителей были также президент Академии наук СССР акад. С.И. Вавилов, академики Б.Д. Греков и И.И. Минц, члены-корреспонденты С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров, проф. Жигач, Галкин, Рубинштейн и др. Президент Академии наук С.И. Вавилов и академики Б.Д. Греков и И.И. Минц единодушно решили хлопотать о создании в старом здании Печатного Двора музея старой книги [...] Ввиду того, что дело обо мне, несомненно, будет рассматривать Министерство, прошу Вас принять во внимание те мои разъяснения, которые изложены выше»⁵². Еще не уволенный из института А.И. Андреев вынужден был в октябре 1947 г. и в марте 1948 г. писать разъяснения директору института и в партком о своих “идеологических” ошибках. 11 октября в письме И.И. Любименко, Андреев сообщал, что написанное им заявление об увольнении “гуляет по инстанциям” уже месяц, “но решение может состояться вскоре”, и тогда сразу возникнут бытовые проблемы: необходимо будет переезжать на другую квартиру, которой пока нет”⁵³.

Менялось и положение А.И. Андреева в структуре КИАН, участие в которой Андреев не прерывал, занимаясь написанием статей и редактированием “Ломоносовского сборника”, а также глав рукописи по истории Академии наук. В том же письме И.И. Любименко от 11 октября 1947 г. Андреев сообщает, что получил письма от Г.А. Князева, Л.Б. Модзалевского и А.А. Елисеева, в которых сообщалось решение С.И. Вавилова ввести в состав редколлегии истории Академии наук и “Ломоносовского сборника” А.А. Елисеева “и вместе с тем поручение ему руководящей роли в продвижении этих изданий”⁵⁴. Смысл решений Андрееву был понятен – Елисеев был членом партии в отличие от всех других, кто занимался написанием истории Академии наук: ни Князев, ни Любименко, ни Модзалевский, ни Андреев в КПСС не состояли.

Осенью 1947 г. в журнале “Военная мысль” (№ 10. С. 84–87) была опубликована резкая рецензия А.А. Строкова на сборник “Петр Великий”, вышедший под редакцией А.И. Андреева. 25 декабря в Институте истории АН СССР состоялось обсуждение сборника, о чем Александр Игнатьевич в письме Инне Ивановне Любименко 6 января 1948 г. писал: «...основное нападение было на меня за статью “Петр Великий в Англии в 1698 г.” (смысл нападения – я преувеличил значение английских встреч и знакомств, было и обвинение в “преклонении”, “низкопоклонстве” и проч., но оно было отбито). Думаю, что Вам полезно об этом знать»⁵⁵, – предупреждал Андреев.

⁵² СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 2. Д. 24. Л. 3–4.

⁵³ Там же. Ф. 885. Оп. 1. Д. 249. Л. 2–2 об.

⁵⁴ Там же. Л. 8.

⁵⁵ СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 249. Л. 9 об. Несомненно, что такое отношение к статье А.И. Андреева о пребывании Петра I в Англии связано с оценкой Сталиным речи У. Черчилля в Фултоне 14 марта 1946 г. как “расистской”, проповедующей, “что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира”. (О речи Черчилля и ее оценке Сталиным см., например: *Печатнов В.О.* Фултонская речь Черчилля // *Источник.* 1998. № 1. С. 88–99). Предупреждение И.И. Любименко было неслучайным: Инна Ивановна занималась русско-английскими отношениями XVII–XVIII вв.

10 февраля 1949 г. А.И. Андреев был освобожден от работы в Институте истории АН СССР “в связи с переходом на работу в Комиссию по истории АН СССР”⁵⁶. В трудовой книжке Андреева записей о его работе в Историко-архивном институте нет: 1 ноября 1942 г. он был зачислен в Институт истории АН СССР на должность старшего научного сотрудника, а 10 февраля 1949 г. освобожден от этой должности.

Так А.И. Андреев вернулся к работе в КИАИ, которую, впрочем, и не прерывал, несмотря на загруженность преподаванием в Историко-архивном институте. Подготовленные КИАИ рукописи по истории Академии наук так и не были изданы, сама Комиссия в 1952 г. была переведена в ведение Президиума АН СССР, а в 1955 г. упразднена. А.И. Андреев 1 апреля 1953 г. был переведен в Комиссию по разработке научного наследия и изданию трудов Ломоносова⁵⁷, а 16 сентября в Институт истории естествознания и техники АН СССР. С 1 марта 1956 г. Александр Игнатьевич работал в ЛО Института истории АН СССР. 12 июня 1959 г. А.И. Андреев скончался.

⁵⁶ СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 2. Д. 3. Л. 5.

⁵⁷ Создана при Президиуме АН СССР под председательством академика Б.Д. Грекова в 1952 г. На Комиссию было возложено «завершение издания полного собрания сочинений М.В. Ломоносова, издание избранных сочинений М.В. Ломоносова в серии “Классики науки”, составление и подготовка к изданию научно-популярной и научной биографии М.В. Ломоносова, организация и подготовка к изданию монографий и научно-популярных работ, освещающих многогранное научное творчество М. В. Ломоносова».

ДОКЛАД И.Л. МАЯКОВСКОГО 1947 года “А.И. АНДРЕЕВ КАК АРХИВИСТ”

Публикуемый доклад профессора МГИАИ И.Л. Маяковского сохранился в его личном архивном фонде в ЦМАМЛС¹. Как явствует из авторской карандашной пометки на первом листке, он был прочитан в Институте истории АН СССР 25 марта 1947 года². Тогда, точно в день рождения А.И. Андреева, состоялось торжественное чествование его 60-летия. К сожалению, нам до сих пор не удалось установить всех обстоятельств этого заседания: место (ученый совет? заседание сектора?), а также и состава предшествующих И.Л. Маяковскому выступлений, к которым он отсылает слушателей в начале текста. Очевидно, однако, что и согласно традиции подобного рода заседаний, на которых положено характеризовать вклад юбиляра в развитие тех или иных сфер его научной и иной деятельности и, исходя из того, что и доклад И.Л. Маяковского был, в частности, посвящен одной из таких граней, допустимо полагать, что в предшествующих выступлениях мог быть охарактеризован вклад А.И. Андреева в изучение Сибири, петровской эпохи, источниковедения и специальных исторических дисциплины и т.п. И среди выступавших могли быть и С.В. Бахрушин, и Б.Б. Кафенгауз, и другие видные специалисты тех областей исторической науки, в которых столь заметен

¹ ЦМАМЛС. Ф. 110 (И.Л. Маяковский). Оп. 1. Д. 103. Л. 1–19. Автограф.

² Там же. Л. 1; о докладе см.: АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 250; *Хорхордина Т.И.* “Неизвестный” Маяковский. М., 2001. С. 81, 85.

был вклад А.И. Андреева. Это и прямо подтверждается тем, что сохранился черновой набросок такого выступления С.В. Бахрушина³.

Доклад И.Л. Маяковского – замечательно ценный историографический источник. Разумеется он важен как оценка профессиональной научной и научно-организационной деятельности А.И. Андреева в архивоведении, археографии и истории архивного дела. Но особо следует отметить, что в докладе, на примере деятельности А.И. Андреева, совершенно четко утверждаются две важнейших составляющих отечественного архивного дела. Первое – это связь источниковедения, архивоведения и археографии, понимание того, что архив не только место хранения документов, но и фундамент их научной разработки. И второе – ясный для слушателей, непосредственных участников архивного строительства, взгляд на связующую нить дореволюционной исторической науки и архивного дела с современностью. Можно удивляться, сколь откровенно и смело докладчик в 1947 г., естественно, не называя имен (таких как А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов, Д.Б. Рязанов, А.С. Николаев и других), учреждений (Союз российских архивных деятелей) по существу прямо пишет о роли лиц, причастных к Союзу, в спасении архивов, выработке положений реформы. Впоследствии С.О. Шмидт, В.Н. Автократов, Е.В. Старостин, Т.И. Хорхордина и другие исследователи истории архивного дела напишут и о значении Союза архивных деятелей, и о вкладе историков и архивистов в спасение отечественного документального наследия в годы революции и Гражданской войны, об их роли в разработке положений архивной реформы, увенчанной декретом от 1 июня 1918 г. А насколько твердым и непримиримым (а на самом деле опасным для официальной концепции истории советского архивного дела) было убеждение в якобы пагубной деятельности Союза архивных деятелей и причастных к нему лиц даже и в конце 1960-х годов, видно на примере того, что когда патриарх отечественной археографии и участник архивной реформы С.Н. Валк высказался в поддержку положений доклада С.О. Шмидта на юбилейной конференции 1968 г. (где по существу впервые было озвучено действительное положение в истории архивной реформы) в рецензии на сборник материалов конференции для журнала “Советские архивы”, рецензенту было предложено устранить эти слова поддержки. И С.Н. Валк предпочел отозвать свою рецензию, которая была опубликована лишь десятилетия спустя⁴.

И потому, полагаем, звучащее таким диссонансом в здравнице А.И. Андрееву троекратное упоминание имени Сталина – не только очевидное для тех лет обрамление публичных выступлений, но и попытка таким способом защитить объективную правду о роли архивистов их поколения в сбережении достояний отечественной культуры, а, кроме того, и элементарно обезопасить от возможных преследований и себя, и героя выступления, уже столь претерпевшего от власти.

Доклад написан чернилами на отдельных листках блокнотной бумаги с авторской, преимущественно, стилистической правкой. Сохранились и предварительные тезисные наброски плана выступления⁵. Текст передается в его последней редакции.

А.В. Мельников

³ АРАН. Ф. 624 (С.В. Бахрушин). Оп. 1. Д. 551. Л. 1–5. Автограф.

⁴ См.: Неопубликованная работа С.Н. Валка / подгот. Т.В. Андреева, М.П. Ирошников // ОА. 1992. № 5. С. 66–70.

⁵ ЦММЛС. Ф. 110. Оп. 1. Д. 103. Л. 20–27.

А.И. Андреев как архивист

I

В предыдущих докладах была ярко показана многосторонность и плодотворность деятельности А[лександра] И[гнатъевича] как ученого. На мне лежит такая же приятная задача остановить на несколько минут внимание уважаемого собрания еще на одной стороне этой многогранной и плодотворной деятельности.

Будучи историком и специалистом в области вспомогательных исторических дисциплин и, в частности, источниковедения, – А[лександр] И[гнатъевич] является и архивистом в самом широком смысле этого слова.

С первых же дней советского архивного строительства А[лександр] И[гнатъевич] включился в эту гигантскую работу не как новичок, а как специалист во всех отраслях архивного дела: в его истории, в его теории и технике, в археографии.

В области истории архивного дела за А[лександром] И[гнатъевичем] имелась большая заслуга в составлении 2-хтомного *“Сборника материалов, относящихся до архивной части в России”*¹, в котором А[лександр] И[гнатъевич] не просто принимал участие, но был *главной* силой, вынесшей на себе всю работу, вплоть до корректурных и издательских хлопот. Этот сборник является и до настоящего времени настольной книгой для архивистов.

В области теории архивного дела А[лександр] И[гнатъевич] в это время работал, в частности, над составлением описи приобретенных в 1915 г. тогдашней Петроградской Публичной библиотекой актов и грамот, принадлежавших в начале XIX в. известному собирателю источников, графу Ф.А. Толстому². Хотя эта опись была издана под названием *“Краткая опись грамот, хранящихся в Рукописном Отделении Гос. Публичной Библиотеки”* только позднее, именно в 1923 г.³, но в самом процессе этой работы уже складывались те принципиальные взгляды А[лександра] И[гнатъевича] на методы составления описей, которые сыграли свою большую положительную роль в разработке этого вопроса в Главном управлении архивным делом на первых порах его деятельности.

Наконец, в области археографии в научном активе А[лександра] И[гнатъевича] было участие в таком монументальном издании, как *“Грамоты коллегии экономии”*⁴, и в составлении правил издания этих документов⁵.

II

При расстановке научных сил по важнейшим участкам начавшегося по декрету Ленина советского архивного строительства, А[лександр] И[гнатъевич] был поставлен на весьма трудный участок, именно на заведование архивами ликвидированных учреждений ведомства путей сообщения, получившими название 3-го Отделения V секции Единого Государственного Архивного Фонда.

В чем заключались основные трудности?

Архивы ведомства путей сообщения за дореволюционное время были опустошены в результате длительного и особенно в этом ведомстве массового уничтожения дел.

Достаточно указать на такой, например, факт, как уничтожение в общем, а следовательно в наиболее важном архиве М[инистерст]ва путей сообщения за один лишь прием свыше 300 тысяч дел. К моменту Октябрьской социалистической революции и к началу создания Е.Г.А.Ф. путейские архивы оказались распыленными по множеству бесхозных помещений. Планы и чертежи, являвшиеся ценнейшей частью путейских документальных материалов, были спрятаны даже по квартирам служащих. Всеподданнейшие доклады министров путей сообщения были погребены под кучей мусора на глухих лестницах б[ывшего] министерства.

На первых порах существования Главного управления архивным делом еще не было разграничения между архивными фондами центральных и местных учреждений: и те и другие должны были концентрироваться в отделениях секций Е.Г.А.Ф. И в этом отношении на долю А[лександр] И[гнатъевича] как управляющего 3-м отделением V секции выпала исключительно трудная задача: собрать фонды не только центральных органов М[инистерст]ва путей сообщения, но и огромного количества управлений и правлений железных дорог. Транспорта и рабочей силы не было. Нужно было своими силами концентрировать документальные материалы. Не хватало помещения, и надо было производить максимальное уплотнение в размещении материалов, не допуская в то же время смещения этих фондов в одну аморфную массу. Ко всем этим трудностям прибавилась еще одна, именно в состав возглавлявшегося А[лександром] И[гнатъевичем] отделения были включены еще и архивы почт и телеграфов. Служащие этих учреждений рассматривали свои архивы с точки зрения исключительно справочной и отказывались поэтому сдавать материалы в Отделение Е.Г.А.Ф., бесконтрольно уничтожали их. Надо было преодолеть эту трудность, суметь добиться договоренности с почтово-телеграфными служащими о разделении материалов почт и телеграфов на документы исторического значения и документы чисто справочного характера и включить первые в состав Отделения, что было очень затруднительно ввиду отсутствия более или менее удовлетворительных описей.

Но самая большая трудность заключалась в недооценке значения документальных материалов, концентрировавшихся в Отделении, управлявшемся А[лександром] И[гнатъевичем].

И вот, в преодолении всех этих трудностей и в создании одного из ценнейших отделений Е.Г.А.Ф. сказался во всем блеске и свежести талант молодого ученого и организатора. А[лександр] И[гнатъевич], наперекор существовавшей недооценке спасаемых им документальных материалов, ясно понял научное и народно-хозяйственное их значение и принял все меры к их спасению. Особые заботы были проявлены для спасения чертежей, планов, профилей, карт и другой технической документации, являвшейся мозгом и душою путейского делопроизводства и архивов. Несмотря на то, что этим материалам ежечасно грозила гибель даже и в самом Отделении от рук некоторых архивариусов-женщин, мечтавших выстирать кальки и сшить себе из них батистовые платья, – А[лександру] И[гнатъевичу] удалось спасти весьма многое из этих технических материалов.

Несомненно, много огорчений и разочарований пришлось испытать А[лександру] И[гнатъевичу], и в одном из тогдашних исторических журналов, осведомленном о положении, которое я только что охарактеризовал, –

писалось как бы для ободрения А[лександр]ра Иг[натъеви]ча: “Некоторые фонды (разумеется 3-го Отд[еления] V секции) будут иметь особенно важное значение... Эти архивы могут быть объединены в крупный и ценнейший в научно-техническом и справочном отношении отдел V Секции Е.Г.А.Ф.”⁶.

И действительно, усилия А[лександра] И[гнатъеви]ча были впоследствии сторицею вознаграждены, и он дожил до того счастливого момента, когда в Великую Отечественную войну среди тех планов и чертежей, которые он так самоотверженно спасал, были найдены проекты стратегических железнодорожных линий, использованные командованием Ленинградского фронта в борьбе с фашистскими захватчиками; или когда среди тех же чертежей и планов были обнаружены проекты трассы метрополитена для Петербурга, сократившие работу по проектированию метро для Ленинграда!

Другим любимым детищем А[лександра] И[гнатъевича] в возглавлявшемся им Отделении Е.Г.А.Ф. была научно-справочная библиотека: специальные печатные издания, разбросанные по разным складам, кабинетам, коридорам, лестницам, шкафам трех зданий ведомства и в брошенных квартирах служащих в разных концах города – превратились в ценнейшую специальную библиотеку. Это было тем более трудное достижение, что в то время архивы еще не считали наличие научно-справочной библиотеки *conditio sine qua non*^{*} правильной работы архива.

Подлинная изобретательность и остроумие были проявлены А[лександром] И[гнатъевичем] в уплотнении хранилищ Отделения. Я вспоминаю, в частности, научно-теоретический отдел Главного управления архивным делом *in cogroge*^{1*}, а также управляющие другими Отделениями Е.Г.А.Ф. посещали Отделение А[лександра] И[гнатъевича], чтобы ознакомиться с введенным им рационализаторским способом уплотнения в размещении документальных материалов, именно: связки дел размещались на стеллажах в вертикальном положении, но наружу не корешками, а лицевой стороной, что при определенной глубине стеллажей и при определенной толщине связок дало большую экономию места.

III

Наряду с организацией Отделения А[лександр] И[гнатъевич] принимал активное участие в деятельности и самого Главархива. Необходимо отметить его ближайшее участие в мероприятиях Главархива по пропаганде архивного дела на местах. Одним из мероприятий в этом отношении была разработка при участии А[лександра] И[гнатъевича] обращений от имени народного комиссариата по просвещению Союза коммун Северной области и от имени Главархива, печатавшихся в местной прессе и рассылавшихся в местные отделы народного образования, о необходимости охраны местных архивов. А[лександр] И[гнатъевич] принимал также деятельное участие в конференциях и съездах архивных работников.

Весьма важными вопросами, занимавшими Главархив на первых порах его существования, была проблема подготовки документальных публикаций.

^{*} То, без чего невозможно (*лат.*).

^{1*} В полном составе (*лат.*)

Для разработки этой проблемы при Петроградском отделении Главархива была организована Научно-издательская комиссия, получившая позже название Научно-издательского совещания, ученым секретарем которого был А[лександр] И[гнатьевич].

Важнейшим результатом деятельности этого совещания была выработка “Правил издания документов”⁷. Главную часть этой работы вынес на своих плечах А[лександр] И[гнатьевич]. “Правила” явились большим шагом вперед, по сравнению с предшествовавшими актами в этой области археографических учреждений и архивов; и они не теряли своего значения вплоть до издания в 1945 г. Институтом истории АН СССР и Главным архивным управлением “Основных правил публикации документов Гос. Архивного Фонда”⁸, в консультировании и редактировании которых также принимал деятельное участие А[лександр] И[гнатьевич].

IV

Все сказанное, мне думается, показывает, хотя и бледно, что настоящей родной стихией для А[лександр]а И[гнатьевич]а были и теперь продолжают быть наши архивы, созданные советским государством. В той поистине неизведанной пучине колоссальных масс документальных материалов, какой были архивы в первые годы существования [Е.]Г.А.Ф., – А[лександр] И[гнатьевич] не потонул; он перекинул от нее мост к источниковедению и истории, как раньше он с высоты истории и источниковедения смело погружался в архивную пучину необъятных масс документов.

Для А[лександр]а И[гнатьевич]а эти области являются неотделимыми одна от другой. Отсюда совершенно естественно вытекает та счастливая черта А[лександр]а И[гнатьевич]а как ученого, вследствие которой он, разрабатывая тот или [иной] вопрос истории или источниковедения, попутно, в связи с ним решает или ставит весьма важные проблемы архивного дела. Наиболее показательным примером этого является книга А[лександр]а И[гнатьевич]а “Очерки по источниковедению Сибири”⁹.

Хотя об этой книге уже говорилось, я прошу разрешить и мне коснуться ее, конечно, в плане моего доклада.

Когда книга появилась в печати, между многими архивистами завязался спор: одни говорили, что книга А[лександр]а И[гнатьевич]а представляет собою то, что в архивоведении называется тематическим обзором; другие утверждали, что это – научная опись источников по истории Сибири. В конечном счете, и те и другие зачисляли книгу А[лександра] И[гнатьевич]а в фонд архивоведческой литературы. Само собой разумеется, что это мнение архивистов было неправильно, т[а]к к[а]к оно суживало значение “Очерков”; но самый факт существования в среде архивистов такого заключения показывает, что книга А[лександр]а И[гнатьевич]а сделалась для них особенно близкой по той проблеме, которая для архивистов является главнейшей, именно: как ввести в научный оборот неисчерпаемые документальные богатства наших архивов, что сделать для того, чтобы архивы не были только хранилищами документов, чтобы максимально приблизить их к интересам историка, – наконец, чтобы описательные работы архива сделались начальным этапом научно-исследовательской работы.

И вот на все эти важные запросы А[лександр] И[гнатъевич], прекрасно знающий архивы и их работу, дает в своей книге те или иные ответы, отнюдь не ограничивая ими своей главной задачи – глубокой разработки истории народов СССР, в частности, народов Сибири. В процессе разрешения этой главной задачи А[лександр] И[гнатъевич] показывает, сколь необходимы выявление и полный учет исторических источников, и дает образец их подлинно научного обозрения по исследуемой им теме.

Точно так же в процессе разрешения своей главной задачи А[лександр] И[гнатъевич] дал в своей книге ценнейшие образцы построения того элемента научной описи, который в архивоведении называется аннотацией документа.

Имея дело в своей книге, в частности, с рукописями и сборниками, А[лександр] И[гнатъевич] дал рациональный опыт сокращенной передачи содержания источников – проблемы, которая в настоящее время особенно занимает архивистов и археографов.

Когда А[лександр] И[гнатъевич] дает обзоры однотипных источников, пред архивистами предстают мастерские приемы такого подлинно научного описания, в котором составитель его, отнюдь не жертвуя ни одним ценным штрихом источника, в то же время блестяще устраняет обычное для описей однообразие и утомительность повторений. Здесь – новая проблема методики составления научных описей, также занимающая в настоящее время наших архивистов.

Вот чем книга А[лекса]ндра И[гнатъевича] стала особенно близкой и ценной для архивистов.

V

Будучи архивистом столь крупного масштаба в научно-исследовательской области, А[лександр] И[гнатъевич] тесно связан с архивным делом и в области научно-педагогической: помимо огромной работы по руководству кафедрой вспомогательных [исторических] дисциплин в Историко-архивном институте, А[лександр] И[гнатъевич] в том же институте руководит рядом аспирантов и кафедры архивоведения. Это так же свидетельствует об органической связи А[лекса]ндра И[гнатъевича] с архивным делом и архивоведческими дисциплинами.

Дорогой А[лександр] И[гнатъевич]!

Ведя такую кипучую и многогранную научно-исследовательскую и научно-педагогическую работу, Вы и не заметили, как Вам стукнуло 60 лет, и как наступил момент, когда мы, собравшись здесь, подводим итоги проделанной Вами работы.

Со всеми здесь присутствующими Вашими коллегами, друзьями, почтителями и учениками я сливаюсь в единодушной уверенности в том, что Вы еще много лет будете здравствовать, работать на благо нашей родной советской исторической науки и так же как и сейчас, бодро присутствовать еще не раз при подведении новых и новых итогов Вашей плодотворной и неутомимой деятельности.

Эта уверенность непоколебима, так как она зиждется на следующем незыблемом основании: когда-то люди верили в незыблемость библейского

изречения о пределе человеческой жизни: “Дни лет его 70 лет, еще же в силах осемьдесят лет”¹⁰. Это утверждение Великая Октябрьская социалистическая революция выбросила в мусорный ящик истории. Октябрьская революция дала всем нам те силы, о которых столь долго и безнадежно звучат слова этого изречения. Ваша деятельность расцвела и стала зрелой именно после Великой Октябрьской революции.

Октябрьская социалистическая революция создала беспредельные возможности и перспективы для развития подлинной науки. И когда в процессе работы чувствуешь приближение 30-летия Октября, ясно сознаешь, что полной научной жизнью мы – старики – жили только эти 30 лет. А поставленная великим Сталиным перед учеными возвышенная задача не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны – окрыляет нас и удесятяряет наши силы, заботу о которых Правительства, Партии и лично тов. Сталина мы ощущаем во всей нашей повседневной научной работе.

Перед лицом великой сталинской задачи и в условиях неустанных забот, окружающих советскую науку, – сама природа, все более и более ею побеждаемая, должна отпустить Вам, дорогой Александр Иванович, еще много лет для продолжения Вашей плодотворной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ “Сборник материалов, относящихся до архивной части в России” (Пг., 1916–1917. Т. 1–2) был подготовлен по инициативе Императорского Русского исторического общества и Постоянной исторической комиссии АН, в нем впервые столь полно были собраны законодательные акты, циркуляры, инструкции, проекты реорганизаций архивного дела и другие материалы. В создание этого сборника внес существенный вклад учитель А.И. Андреева академик А.С. Лаппо-Данилевский. Издание это представляло собой определенный срез источниковой базы по истории и организации архивного дела в дореволюционной России.
- ² Толстой Федор Андреевич (1758–1849) – граф, коллекционер, библиофил.
- ³ Андреев А.И. Краткая опись грамот, хранящихся в Рукописном отделении Российской Публичной библиотеки. Вып. 1 // ЛЗАК за 1919–1922 годы. Пг., 1923. Вып. 32. С. 1–46, 3-я пагин.; отд. изд. (Пг., 1923). В издании описаны грамоты XV–XVI вв. других собраний.
- ⁴ Сборник грамот Коллегии экономии. Пб., 1922. Т. 1: Грамоты Двинского уезда. [2], XIII, [1] с., 968 стб.; Сборник грамот Коллегии экономии. Л., 1929. Т. 2: Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольского-Мезенского и Важского уездов. 1929. [2], II с., 896 стб.
- ⁵ Правила издания Сборника грамот Коллегии экономии / ред. А.С. Лаппо-Данилевский; сост.: Н.В. Борсук, В.И. Веретенников, Н.И. Сидоров, автор предисл. А.И. Андреев. Пг., 1922. По словам С.Н. Валка, правила “послужили несомненным образцом для всех последующих... работ по составлению правил издания документов”, и завершением “очерка русской дипломатики частного акта”.
- ⁶ Не совсем точная цитата из статьи: Николаев А.С. Главное управление архивным делом (апрель – октябрь 1918 года) // Исторический архив, издаваемый Главным управлением архивным делом. 1919. Кн. 1. С. 25.
- ⁷ Правила издания документов // Сборник документов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу за время 15.VI.1918–15.VI.1920. М., 1921. С. 118–122.
- ⁸ Основные правила публикации документов Государственного архивного фонда Союза ССР [Утверждены 16-го января 1945 г.] / сост. П.Г. Софинов; Институт истории АН ССР, Главное архивное управление НКВД СССР. М., 1945. 28 с.
- ⁹ Андреев А.И. Очерки по истории Сибири. XVII век. Л., 1940.
- ¹⁰ Пс. 89, 10.

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2010 года
ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
ПОСВЯЩЕННАЯ 150-ЛЕТИЮ С.Ф. ПЛАТОНОВА

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ*

Всероссийская научная конференция, посвященная 150-летию выдающегося историка, академика С.Ф. Платонова прошла 28–30 июня 2010 г. в стенах Санкт-Петербургского государственного университета и Российской национальной библиотеки. Основными организаторами конференции выступили Отделение Историко-филологических наук РАН и исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Оргкомитет конференции возглавили почетный председатель Археографической комиссии РАН С.О. Шмидт и декан исторического факультета СПбГУ А.Ю. Дворниченко. Знаковый характер события подчеркивало участие в работе Оргкомитета конференции представителей целого ряда академических учреждений (Санкт-Петербургский институт истории, Институт русской литературы (Пушкинский дом), Библиотека Российской академии наук, Археографическая комиссия, Архив РАН) и Российской национальной библиотеки.

На конференции прозвучало 37 научных докладов участников, представлявших различные регионы России – Москву, Петрозаводск, Самару, Саратов, Омск, Нижний Новгород, Великий Новгород, Рязань, Ярославль, Воронеж, Нижневартовск. Широко были представлены учебные и научные учреждения Петербурга – Санкт-Петербургский государственный университет, Библиотека Российской академии наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургский филиал архива РАН, Российская национальная библиотека, Санкт-Петербургский институт истории РАН. Участие в конференции представителей Украины (Симферопольский государственный университет) и гостей из Франции (потомки С.Ф. Платонова) по существу придало ей международный формат. Конференция привлекла широкое внимание научной общественности Петербурга – в заседаниях конференции и в дискуссии приняли участие ряд коллег, помимо заявленных в программе докладчиков. Особо следует указать на присутствие в заседаниях научной молодежи – прежде всего студентов и аспирантов исторического факультета СПбГУ.

Тематика конференции отражала многообразную научную, культурную и общественно-политическую деятельность С.Ф. Платонова и включала в себя

* В основе текст, впервые помещенный в журнале “Отечественная история” (2011. № 4. С. 228–231); к настоящей перепечатке добавлено приложение – содержание сборника статей, опубликованного по итогам конференции (*ред.*).

обсуждение следующих основных тем: “Вехи биографии и научного творчества С.Ф. Платонова”, “С.Ф. Платонов и историческая наука в России”, “С.Ф. Платонов и культурная среда эпохи”, “С.Ф. Платонов – ученый в отношениях с властью и обществом”, “С.Ф. Платонов и преподавание истории”.

Помимо решения основных научных задач конференции для организаторов было важно подчеркнуть ее мемориальный характер, что выразилось, прежде всего, в проведении ее занятий в “местах памяти”, связанных с личностью С.Ф. Платонова: историческое здание “двенадцати коллегий” – Петровский зал (бывший зал заседаний профессорского совета, членом которого был С.Ф. Платонов); Музей университета (бывшая университетская церковь, многократно посещавшаяся историком); актовый зал бывших Бестужевских курсов, профессором которых долго время состоял С.Ф. Платонов; историческое здание Российской национальной (бывшей Публичной) библиотеки, с которой также связана научная деятельность С.Ф. Платонова и в которой хранится основной архив ученого. В ходе конференции было организовано четыре тематических выставки, посвященных С.Ф. Платонову (библиотека им. М. Горького в СПбГУ, библиотека бывших Бестужевских курсов, Российская национальная библиотека, музей истории СПбГУ), возложение цветов к мемориальной доске на доме, в котором располагалась квартира ученого.

Согласно программе заседания тематически распределялись по дням работы конференции: первый день (28 июня) – Пленарное и мемориальное заседания; второй и третий день (29–30 июня) – секционные заседания. При этом рабочий день 29 июня был отведен для занятий секции “С.Ф. Платонов – ученый в контексте эпохи”, рабочий день 30 июня – занятий секции “Научное наследие С.Ф. Платонова”.

Работой пленарного заседания конференции (28 июня, 2010 г.), проходившего в Петровском зале Санкт-Петербургского государственного университета (“Здание двенадцати коллегий”), руководили С.О. Шмидт и А.Ю. Дворниченко. На заседании прозвучали доклады общего и проблемного характера, связанные с анализом важнейших сторон ученой и культурной деятельности С.Ф. Платонова, его творческого наследия. Академик *Б.В. Ананьич* в своем докладе остановился на деятельности С.Ф. Платонова в Академии наук в условиях политического режима 1920-х годов, подчеркнув заслуги ученого в поддержании профессиональных традиций петербургской исторической школы и передачи их новому поколению историков. *А.Ю. Дворниченко* остановился на трудах С.Ф. Платонова как профессора и декана Историко-филологического факультета Петербургского университета, рассмотрев деятельность ученого в контексте эпохи и подчеркнув его значение как организатора науки в условиях общественного кризиса начала XX в. *С.О. Шмидт* обратился к изучению личности и творчества С.Ф. Платонова в контексте отношений между академической и университетской наукой, педагогических традиций российской исторической науки. Главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН *А.Н. Цамутали* в своем докладе показал влияние как идей и тематики, так и методологии научной работы С.Ф. Платонова на несколько поколений российских историков. Доцент исторического факультета *А.В. Сиренов* представил издание первого тома собрания сочинений С.Ф. Платонова и остановился на дальнейших перспективах его подготовки, а также на археографических проблемах, связанных с

этой работой. В докладе профессора Самарского университета *Э.Л. Дубмана* были представлены научные результаты регулярных “Платоновских чтений” молодых ученых и аспирантов, которые в течение 15 лет (с 1996 г.) проводятся в память ученого в Самаре – месте ссылки и кончины ученого.

Второе заседание, мемориальное, состоялось в помещении музея СПбГУ в университетской церкви Петра и Павла, где регулярно бывал С.Ф. Платонов. Кроме того, часть музейных кабинетов – это бывшие аудитории историко-филологического факультета. Таким образом, музей для проведения мемориального заседания выбран не случайно. К конференции хранителем музея СПбГУ *Т.Н. Игнатъевой* подготовлена выставка, посвященная С.Ф. Платонову как профессору Петербургского университета и Высших женских курсов. Среди экспонатов центральное место занимает выпускной альбом историко-филологического факультета 1896 г., где среди преподавателей помещена фотография С.Ф. Платонова. Большую ценность представляют и коллективные фотографии профессоров историко-филологического факультета рубежа XIX–XX вв., а также серебряный ковшик в древнерусской технике перегородчатой эмали, подаренный С.Ф. Платонову его университетскими однокашниками В.Г. Дружининым, И.А. Шляпкиным, А.А. Спицыным и К.А. Ивановым по случаю 25-летия его научной деятельности.

Мемориальное заседание началось с выступления внучки С.Ф. Платонова *Надежды Михайловны Платоновой-Игнатъевой*, которая рассказала об истории семьи после смерти историка и представила прибывших на конференцию потомков Платонова: приехавших из Франции правнука – Андре Краевича и его сына Никола, а также проживающую в Петербурге правнучку – Татьяну Дмитриевну Федорову. В заключение своего выступления Н.М. Платонова-Игнатъева показала участникам конференции сохраненные ею личные вещи своего деда, из которых наиболее ценные она торжественно передала в дар музею СПбГУ – академическую шапочку С.Ф. Платонова, его печать с инициалами, а также изданный в Германии географический атлас, которым историк пользовался в своих исследованиях. Сотрудники музея оформили документы по принятию ценных экспонатов на музейное хранение, а директор музея С.Л. Тихонов выразил дарительнице благодарность от имени музея СПбГУ и заверил, что подаренные личные вещи великого историка займут достойное место в постоянной экспозиции музея.

Далее были заслушаны научные доклады. Доцент исторического факультета СПбГУ *Е.А. Ростовцев* рассказал о подготовке к изданию ценного историографического источника – дневника Надежды Николаевны Платоновой-Шамониной (жены С.Ф. Платонова), которая на протяжении многих лет подробно описывала взаимоотношения внутри сообщества петербургских историков. Пристрастные, но неизменно искренние оценки Н.Н. Шамониной добавляют много нового в наши представления о ведущих петербургских историках конца XIX – начала XX в. Доклад директора музея СПбГУ, доцента кафедры археологии СПбГУ *С.Л. Тихонова* был посвящен многолетним дружеским отношениям и плодотворному научному сотрудничеству С.Ф. Платонова с выдающимся археологом А.А. Спицыным. В докладе старшего научного сотрудника Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына *П.А. Трибунского* прослежена преемственность в руководстве кафедрой русской истории Петербургского университета в конце XIX в. – от Е.Е. Замыс-

ловского к его преемнику С.Ф. Платонову. Обозреватель “Вестника Академии наук” *Я.Г. Рокитянский* рассказал о деятельности С.Ф. Платонова в первые послереволюционные годы, о его сотрудничестве с советским государственным деятелем Д.Б. Рязановым. В докладе старшего научного сотрудника отдела книговедения Библиотеки Российской академии наук *М.П. Лепехина* шла речь об административной деятельности Платонова в 20-х годах XX в., в частности о его пребывании на посту директора БАН. Особую ценность докладу М.П. Лепехина придавало привлечение малоизвестных источников, среди которых особенно сильное впечатление производят собранные докладчиком на протяжении многих лет воспоминания сотрудников библиотеки о С.Ф. Платонове как администраторе. Заключительный доклад проректора Самарского государственного университета *П.С. Кабытова* был посвящен последним годам С.Ф. Платонова, которые историк провел в ссылке в Самаре, а также увековечиванию памяти С.Ф. Платонова в этом городе. Участники конференции посмотрели документальный фильм “Платонов в Самаре”, созданный самарскими кинематографистами. Затем для участников и гостей конференции была проведена экскурсия по выставке “К 150-летию со дня рождения С.Ф. Платонова”, подготовленной в помещении Научной библиотеки СПбГУ на материалах из фондов Научной библиотеки СПбГУ и Петербургского отделения Архива РАН.

29 июня заседания конференции прошли в актовом зале и библиотеке бывших Высших Бестужевских курсов, профессором которых С.Ф. Платонов был на протяжении многих лет. Ныне в этом здании – 10 линия, д. 33–35 – расположен факультет географии и геоэкологии СПбГУ и филиал Научной библиотеки СПбГУ “Библиотека Бестужевских курсов”. Сотрудниками Научной библиотеки СПбГУ подготовлена выставка книг С.Ф. Платонова из собрания “Библиотеки Бестужевских курсов” и проведена экскурсия по библиотеке, интерьеры которой в настоящее время восстановлены в первоначальном виде. Заседание вели главный библиотекарь Научной библиотеки СПбГУ *М.А. Морозов* и старший научный сотрудник Археографической комиссии РАН *А.В. Мельников*, который в своем докладе рассказал о подготовке к изданию переписки С.Ф. Платонова с московским историком академиком М.М. Богословским. В докладе старшего научного сотрудника Археографической комиссии РАН *М.П. Мироненко* шла речь о проблеме описания архивных материалов С.Ф. Платонова для “Каталога личных архивных фондов отечественных историков”. Зав. кафедрой источниковедения и историографии Нижегородского государственного университета *А.А. Кузнецов* в своем докладе рассмотрел переписку С.Ф. Платонова с видным нижегородским историком С.И. Архангельским. Библиотекарь Научной библиотеки СПбГУ *Н.А. Петрова* сделала доклад об участии С.Ф. Платонова в приобретении книжного собрания историка профессора Е.Е. Замысловского для библиотеки Бестужевских курсов. Доклад доцента исторического факультета СПбГУ *А.А. Мещениной* был посвящен истории взаимоотношений С.Ф. Платонова и выдающегося организатора науки дореволюционной России графа С.Д. Шереметева. Заведующий кафедрой исторического регионоведения СПбГУ проф. *Ю.В. Кривошеев* в своем докладе описал научные споры С.Ф. Платонова с известным московским историком Д.И. Иловайским. В докладах аспирантки Омского государственного университета *А.А. Серых*,

доцента Петрозаводского государственного университета *Т.Н. Жуковской*, соискателя Европейского университета в Петербурге *О.М. Беляевой* и доцента исторического факультета СПбГУ *Н.В. Штыкова* рассматривалась проблема личных взаимоотношений и научного сотрудничества С.Ф. Платонова с современными ему представителями науки – В.О. Ключевским, А.Е. Пресняковым, Э.Д. Гриммом, И.А. Ивановым. В докладе заместителя директора Института славяноведения РАН *М.А. Робинсона* был предпринят анализ упоминаний и характеристик С.Ф. Платонова и его научного творчества в эпистолярном наследии филологов 20-х годов XX в. В докладе новгородского историка *А.Н. Одинокова* прослежены связи Платонова с Великим Новгородом. Доклад профессора Воронежского университета *А.Н. Акинъшина* был посвящен взаимоотношениям С.Ф. Платонова с воронежскими историками, а доклад профессора Симферопольского университета *С.Б. Филимонова* – профессиональным и дружеским связям С.Ф. Платонова с историками Крыма. Заседание завершил доклад старшего научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории *М.М. Сафонова* о так называемом “Акте отречения Николая II”, хранение которого в фондах рукописного отделения БАН инкриминировалось С.Ф. Платонову на следствии по “академическому делу” 1929–1930 гг. как контрреволюционная деятельность.

По завершении заседания участники конференции отправились к дому Платонова (Каменноостровский пр., д. 73–75) и возложили цветы к мемориальной доске ученого, а также посетили квартиру, где жил историк.

В заключительный день конференции, 30 июня, заседания проходили в Российской национальной библиотеке, в фондах которой хранится обширный личный фонд Платонова. Заседание вели ведущий научный сотрудник Археографической комиссии РАН профессор Е.Н. Швейковская и ученый секретарь Российской национальной библиотеки А.И. Алексеев. После приветственного слова заместителя генерального директора РНБ по научной работе *В.Р. Фирсова* участники конференции заслушали доклад профессора Саратовского государственного социально-экономического университета *Е.И. Демидовой* о связях Платонова с саратовскими историками и заведующего отделом Государственного архива Ярославской области *Я.Е. Смирнова* об участии С.Ф. Платонова в мероприятиях ярославских краеведов, которые продолжали тематику предшествующего заседания. В докладах доцента исторического факультета СПбГУ *О.А. Барыниной* и старшего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН *В.Д. Назарова* были представлены материалы, показывающие научную актуальность изысканий С.Ф. Платонова в наше время. Так, *О.А. Барынина* обратила внимание на ценные византиноведческие наблюдения С.Ф. Платонова, а *В.Д. Назаров* проанализировал вклад С.Ф. Платонова в изучение общественно-политического устройства Русского государства XVI в. В докладе старшего научного сотрудника Московской энциклопедии *С.В. Чиркова* С.Ф. Платонов представлен как археограф-новатор, заложивший основы принципов публикации русских позднесредневековых источников. В докладе *Е.Н. Швейковской* рассмотрена деятельность С.Ф. Платонова по изучению русского Севера. Заведующая отделом публикаций и выставок СПбФ АРАН *Н.П. Копанева* представила обзор зарубежных изданий трудов С.Ф. Платонова. Заключительный доклад конференции был сделан вне программы. Его автор, прорек-

тор Нижневартговского государственного университета *В.В. Митрофанов*, рассказал о деятельности С.Ф. Платонова как руководителя русского отделения Русского археологического общества. Заседание завершилось презентацией проекта электронной выставки “Фотографии из фонда С.Ф. Платонова”, подготовленной старшим научным сотрудником Отдела рукописей РНБ *М.К. Свиченской*. Участники конференции высказали свои замечания и пожелания, касающиеся атрибуции отдельных фотографий, а также концепции выставки. После соответствующей доработки электронную выставку планируется разместить на сайте РНБ*. На закрытии конференции выступили *акад. Б.В. Ананьич*, *акад. РАО С.О. Шмидт*, *декан исторического факультета СПбГУ А.Ю. Дворниченко*, *Н.М. Платонова-Игнатъева*, *профессор СПбГУ Ю.В. Кривошеев* и *профессор Симферопольского государственного университета С.Б. Филимонов*. Выступавшие отметили высокую результативность работы конференции и предложили опубликовать ее материалы. Это решение было поддержано всеми присутствующими.

После закрытия конференции ее участники и гости посетили выставку “Документы из фонда С.Ф. Платонова”, подготовленную сотрудниками Отдела рукописей РНБ. На выставке представлены как хорошо известные исследователям документы, так и материалы, переданные в РНБ внучкой Платонова *Н.М. Платоновой-Игнатъевой* в последние годы. Среди этих материалов особенную ценность представляют коллективные фотографии петербургских ученых конца XIX – начала XX в., для окончательной атрибуции которых еще предстоит провести дополнительные изыскания.

Настоящая конференция, с одной стороны, стала достойным продолжением в ряду мероприятий по увековечиванию памяти великого русского историка на его родине – в Петербурге, а с другой стороны, явилась важным этапом в изучении историографического наследия одного из крупнейших русских историков, интеллектуальной и культурной среды российской науки конца XIX – первой трети XX в.

Е.А. Ростовцев, А.В. Сиренов

Приложение

Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / Санкт-Петербургский гос. университет, исторический факультет; Отделение историко-филологических наук РАН, Археографическая комиссия; отв. ред. *А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт*. СПб.: Любавич, 2011. 502 с. Тираж 200 экз.

Содержание

Предисловие	5
<i>Ананьич Б.В.</i> С.Ф. Платонов и Академия наук	8
<i>Шмидт С.О.</i> К юбилею С.Ф. Платонова	10

* В настоящее время выставка представлена на сайте РНБ.

Вехи биографии и научного творчества

<i>Медведев И.П.</i> С.Ф. Платонов как ученик византиниста В.Г. Васильевского	21
<i>Трибунский П.А.</i> С.Ф. Платонов – преемник Е.Е. Замысловского на кафедре русской истории имп. Санкт-Петербургского университета	26
<i>Ростовцев Е.А.</i> Обзор дневника Н.Н. Платоновой (Шамониной)	43
<i>Беляева О.М.</i> Сергей Федорович Платонов и Эрвин Давидович Гримм: коллеги по Петербургскому университету	88
<i>Петрова Н.А.</i> Книжное собрание профессора Е.Е. Замысловского в составе библиотеки Санкт-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов	93
<i>Бухерт В.Г.</i> “Мне очень трудно заменить этого незаменимого человека”: (Письмо великого князя Константина Константиновича императору Николаю II с рекомендацией С.Ф. Платонова на пост директора Публичной библиотеки)	101
<i>Бухерт В.Г.</i> “Кончина Вашего сына была прекрасна”: Два письма С.Ф. Платонова великому князю Константину Константиновичу	103
<i>Бухерт В.Г.</i> С.Ф. Платонов в Обществе “Маяк”	105
<i>Бухерт В.Г.</i> С.Ф. Платонов в Обществе российских архивных деятелей	111
<i>Бухерт В.Г.</i> С.Ф. Платонов в Комиссии для научного издания документов ритуальных процессов в России Народного комиссариата просвещения РСФСР (1919–1920 гг.)	119
<i>Рокитянский Я.Г.</i> Два выдающихся академика России: С.Ф. Платонов и Д.Б. Рязанов	130
<i>Бухерт В.Г.</i> “Ежегодно питаю надежду попасть к Вам”: (Письма С.Ф. Платонова к М.А. Волошину. 1924–1929 гг.)	137
<i>Сафонов М.М.</i> С.Ф. Платонов и акт отречения Николая II	146
<i>Лепехин М.П.</i> Об административной деятельности С.Ф. Платонова во второй половине 1920-х гг.	165
<i>Бухерт В.Г.</i> “Очень хотела бы Вас повидать, мой милый, хороший друг!” (Из писем Нины Сергеевны Платоновой)	193
<i>Прозорова Н.А.</i> Н.В. Измайлов об “академическом деле” (записи из архива)	198
<i>Кабытов П.С.</i> Самарский период жизни С.Ф. Платонова и движение за увековечение памяти выдающегося ученого в Самаре	216
<i>Дяттерев А.Я.</i> Письмо академика М.К. Любавского (1934 г.) прокурору СССР по поводу “академического дела”	220
<i>Бухерт В.Г.</i> К истории приобретения архива С.Ф. Платонова (Из переписки В.Д. Бонч-Бруевича)	228
<i>Бернев С.К., Ломагин Н.А.</i> Дело профессора М.С. Платонова: история фальсификации ...	232

Научное наследие С.Ф. Платонова и современность

<i>Цамутали А.Н.</i> С.Ф. Платонов и русская историография XX – начала XXI в.	239
<i>Бухерт В.Г.</i> С.Ф. Платонов о Шелонской военной операции 1471 г.	245
<i>Солодкин Я.Г.</i> Спорные проблемы истории земского собора 1598 года в трактовках С.Ф. Платонова	252
<i>Горбачев П.О.</i> О развитии взглядов на Смутное время после 1917 года в трудах Ю.В. Готье, Н.А. Рожкова и С.Ф. Платонова	257
<i>Швейковская Е.Н.</i> С.Ф. Платонов и изучение русского Севера	267
<i>Чирков С.В.</i> Археографические труды С.Ф. Платонова	276
<i>Мамонтова М.А.</i> Историографическое исследование в представлении С.Ф. Платонова ...	306
<i>Мамонтова М.А.</i> С.Ф. Платонов как рецензент	314
<i>Мельников А.В.</i> Об одной неосуществленной публикации С.Ф. Платонова	326
<i>Копанева Н.П.</i> Из истории издания книги С.Ф. Платонова “Петр Великий”	332
<i>Дубман Э.Л.</i> Платоновские чтения 1996–2009 гг. – конференция-конкурс студентов и молодых ученых	340

С.Ф. Платонов в среде историков

<i>Тихонов И.Л.</i> С.Ф. Платонов и А.А. Спицын	347
<i>Груздева Е.Н.</i> С.Ф. Платонов и С.В. Рождественский	362
<i>Ульяновский В.И.</i> С.Ф. Платонов и В.С. Иконников: история взаимоотношений через призму личного восприятия	375

<i>Мещенина А.А.</i> С.Ф. Платонов и С.Д. Шереметев	404
<i>Кривошеев Ю.В.</i> Платонов и Иловайский	418
<i>Жуковская Т.Н.</i> С.Ф. Платонов и А.Е. Пресняков: к истории взаимоотношений	424
<i>Филимонов С.Б.</i> Академик С.Ф. Платонов и Крым (по малоизвестным источникам)	431
<i>Митрофанов В.В.</i> “Спасибо Вам скажет наш брат провинциальный работник”: С.Ф. Платонов и Нижегородская губернская ученая архивная комиссия	436
<i>Кузнецов А.А.</i> Письма С.И. Архангельского С.Ф. Платонову (1923–1925 гг.) как историографический источник	470
<i>Одинокоев А.Н.</i> Исторические, культурные и профессиональные связи С.Ф. Платонова с Великим Новгородом	477
<i>Акиншин А.Н.</i> С.Ф. Платонов и воронежцы	484
<i>Щавелев С.П.</i> “Для меня это зрелище с Голгофы...” (Письма Н.И. Пузановой С.Ф. Платонову): Штрихи к “делу краеведов ЦЧО” 1930–1931 гг.	493
Список сокращений	500
Сведения об авторах	502

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

А.Л. Лифшиц

РУКОПИСНЫЙ РОМАН XVIII в. В СОБРАНИИ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится фонд известного пролетарского поэта-агитатора Демьяна Бедного (Ефима Придворова)¹. При формировании этого фонда в него вместе с разнообразными документами попали несколько рукописных книг XVIII в., которые, очевидно, отнесены были к архиву вполне механически как рукописные материалы, хотя место их, несомненно, в составе библиотеки Демьяна Бедного. Библиотека поэта была хорошо известна довоенной советской элите и содержала много хороших и весьма редких книг, поскольку ее владелец был знаменит еще и своим библиофильством и не просто разбирался в книгах, но имел возможность их приобретать. В настоящее время основная часть его интересной библиотеки хранится в Государственном Литературном музее.

Наше внимание привлекла одна из рукописных книг, оказавшихся в архиве. Это аккуратненькая книжица в восьмую долю тогдашнего листа (20,9×13,7 см), озаглавленная “История азиатской княжны Яйвены, королевы Мексической”². В кодексе 112 листов, частично снабженных пагинацией: 100 страниц первого счета и 106 страниц второго, что соответствует делению текста произведения на части, а также несколько припереплетных листов³. Переплетена рукопись была, вероятно, тогда же, когда и написана. Переплет – картон в гладкой темно-коричневой коже; на корешке скромное блинтовое тиснение, в том числе заголовок: “О кня / Яйве / не”. Бумага рукописи имеет водяные знаки: “[ProPatria] ГУБР / ФСГП”⁴ и “ЯМАЗ / герб Ярославля, тип 3 или 4”⁵.

Весь кодекс написан одним почерком, характерной скорописью середины XVIII в. На каждой страничке справа и слева карандашом отчерчены поля, за границы которых текст не выходит. Похоже, что рукопись входила в состав

¹ РГАЛИ. Ф. 377 (Д. Бедный).

² Там же. Оп. 1. Ед. хр. 80.

³ 1 форзацный + 3 б/н + л. I (титульный) + 100 страниц первого и 106 страниц второго счета (103 листа) + 3 б/н + 1 форзацный. Страница I второго счета первоначально была пронумерована как с. 101.

⁴ Вероятно, знак должен быть отождествлен с описанным в справочнике; см.: *Клепиков С.А.* Филиграния и штемпели на бумаге русского и западноевропейского производства XVII–XIX вв. М., 1959. № 213 – 1754 г.

⁵ *Клепиков С.А.* Указ. соч. № 749 – 1756 г.

какого-то книжного собрания XVIII столетия: на одном из передних приплетенных листов почерком XVIII в. поставлен № 470.

На листе I, соответствующем титульному листу печатной книги, значится: “История азиатской княжны Яйвены, королевы Мексической, переведенная с гишпанского на французской в Гаге 1751 года, а с французского перевел Л: Г: К: П: К: Д: Т: У в Москве 1753 октября дня”. Число пропущено. В нижней части этого титульного листа рукой писца выведена монограмма “JPS”.

Как видно из сопоставления даты перевода со временем производства использованной бумаги, рукопись была переписана около середины столетия, возможно, непосредственно тогда же, когда был осуществлен перевод. Оригиналом рассматриваемого текста действительно была книга, изданная в Нидерландах (Гааге) на французском языке в 1751 г. Это оказалось возможным установить, поскольку в настоящее время доступны электронные каталоги крупнейших европейских библиотек и разного рода сводные электронные каталоги, снабженные удобными возможностями для поиска⁶.

В 1751 г. в Гааге была выпущена маленькая по формату (в двенадцатую долю листа) книжечка, автором которой был иезуит, аббат Клод Франсуа Ламбер (Claude François Lambert, 1705–1765)⁷. Перевод же с испанского – нехитрая выдумка автора, о чем, конечно, не мог знать русский переводчик. Книги, напечатанные в Голландии на французском языке, в XVIII столетии во множестве поставлялись в разные страны Европы, в том числе и в Россию⁸.

К сожалению, установить, кто именно переводил роман на русский язык, нам не удалось. Имя переводчика зашифровано, и хотя подобные ребусы как раз рассчитаны на разгадывание, они предназначены для посвященных, что не всегда можно сказать об исследователях. Тем не менее после того, как были перепробованы различные варианты, стало понятно, что буквы Л: Г: К: П: К: Д: Т: У: представляют собой аббревиатуру, в которой едва ли более трех букв обозначают собственно имя переводчика.

Скорее всего первые четыре буквы следует расшифровывать как “Лейб-гвардии конного полка”. В этом случае следующая буква К должна будет соответствовать званию или должности переводчика, а последние три буквы, как мы и предполагали, должны оказаться его инициалами. В середине XVIII столетия на букву К начинались следующие воинские чины: капитан, капрал, каптенармус, корнет, а также квартирмейстер. Среди известных по изданным спискам⁹ офицеров-конногвардейцев не оказалось никого с инициалами Д.Т.У. В сохранившихся в архивах списках конногвардейского полка¹⁰, относящихся к этому времени, также не нашлось никого, кого мы могли

⁶ Чрезвычайно полезен, например, сводный электронный каталог, созданный университетом г. Карлсруе (ФРГ): www.ubka.unikarlsruhe.de.

⁷ [Lambert C.F.] Histoire de la princesse Jaiven, reine du Mexique / traduite de l’Espagnol. A la Haye, 1751.

⁸ См. об этом: *Копанев Н.А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII в.: Из истории международной книготорговли. Л., 1988. С. 91–115.

⁹ *Аниенков И.В.* История Лейб-гвардии конного полка. 1731–1848. СПб., 1849. Ч. 4.

¹⁰ РГВИА. Ф. 3543 (Лейб-гвардии конный полк). Следует сказать, что до царствования Павла I списки личного состава русской армии сохранились достаточно фрагментарно, поэтому порой поиск человека, не занимавшего хоть сколько-нибудь видный пост, бывает крайне затруднен, а то и практически невозможен.

бы заподозрить в переводческой деятельности. В указанное время в Москве находился переведенный из Псковского пехотного полка капрал Дмитрий Уваров, но он, к сожалению, был Васильевич¹¹. Попытка предположить, что буква Д может обозначать первую букву фамилии, ни к чему не привела: переводчик с французского с отчеством Ульянович, Устинович или, например, Усфазанович среди храбрых конногвардейцев не числился.

Во всяком случае, перед нами оказалась рукопись, переведенная кем-то из Лейб-гвардии конного полка, – четвертого из существовавших в то время гвардейских полков, в котором и на рядовых должностях служили замечательные люди¹². Вероятно, однополчане знали остающегося пока безымянным переводчика и наслаждались на досуге переведенной им любовной драмой, разворачивавшейся по воле французского аббата на просторах Мексики.

Сюжет романа несложен: Яйвена, дочь Фаредондака, короля Тзекузанского, пленила порочного и беззаконного Текеля, короля Такубского, который сватался к Яйвене, получив отказ, пошел войной на ее отца и убил его. Принцесса нашла приют у Мексиканского короля Ицеоалта, но Текель ее похищает. Влюбленный в девушку сын Ицеоалта, Тобилос, спасает ее и убивает Текеля. Свадьба. Так кончается первая часть романа. В его второй части Аскар, младший брат Тобилоса, хочет добиться благосклонности принцессы, но не знает силы ее чувств: поверив ложной вести о гибели Тобилоса, она кончает с собой. В свою очередь Тобилос, узнав о смерти принцессы, тоже кончает с собой. Король Ицеоалт умирает от горя. Все это умещается, как сказано, на двухстах небольших по формату страничках, заполненных красивым письмом XVIII в.

Очевидно, такая захватывающая история не могла оставить равнодушными сердца просвещенных россиян, поскольку разыскания в архивах позволили установить, что список романа о мексиканской княжне есть не только в РГАЛИ. В собрании известного коллекционера Федора Федоровича Мазурина (1845–1898) обнаружилась рукопись, озаглавленная “История о принцессе Явене, королеве Мексиканской”¹³. В рукописи из собрания Мазурина оказался перевод романа, сделанный неким флигель-адъютантом (полковым, по всей видимости, а не императорским) Герасимом Савиным в 1757 г. Возможно, в 1801 г. этот же Герасим Никитич Савин, отставной премьер-майор, доживал свой век в своей “вотчине” в Смоленской губернии¹⁴.

¹¹ РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Ед. хр. 2950. Л. 3 об.

¹² Так, примерно в это время рядовым Лейб-гвардии конного полка числился Григорий Потемкин (присяжный лист рейтара Григория Александрова сына Потемкина датирован 4 июня 1754 г.: РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Ед. хр. 3280. Л. 80 об.). Почти тогда же (в 1755 г.) рядовым в Лейб-гвардии конный полк был записан уже упоминавшийся нами тогда еще 5-летний князь Н.Б. Юсупов. Находясь “в отпуску в доме”, он к 1757 г. произведен в вице-вахмистры (РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Ед. хр. 2950. Л. 2 об.), а далее, не являясь “за малолетством” в полк, он в 1758 г. производится из вахмистров в корнеты. См.: *Анненков И.В.* История Лейб-гвардии конного полка. 1731–1848. СПб., 1849. Ч. 4. С. 46. Все так же, не являясь в полк, к 1762 г. он уже подпоручик, находящийся в службе восемь лет (РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Ед. хр. 2952. Л. 1 об.–2).

¹³ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 1119. См. также: Российский государственный архив древних актов: Путеводитель. М., 1999. Т. 4. С. 95.

¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 231 (М.П. Погодин). V. Карт. 8. Ед. хр. 6.

Таким образом, мы видим, что два человека в разные годы и независимо друг от друга переводят один и тот же французский роман. Нет ничего удивительного в том, что оба они имеют отношение к армии: как известно, до Закона Петра III о вольности дворянства каждый дворянин неминуемо должен был служить. Удивительно, что роман они выбирают далеко не самый выдающийся. Нам, шлифовавшим свое умение ценить литературные произведения в течение всего XIX в. и оттачивавшим его на блестящих переводах XX-го, странно представлять, что именно такая литература соответствовала вкусу читающей (и при этом отнюдь не самой необразованной!) российской публики. Еще позже роман был переведен снова и напечатан, а затем переиздан еще раз¹⁵.

Качество перевода, реализованные в тексте представления о том, каким должен быть язык литературного произведения, очень сильно различаются в рукописях из РГАЛИ и РГАДА. Напечатанный же текст демонстрирует, конечно, уже вполне нормализованный литературный язык, но кто был третьим переводчиком романа, установить также пока не удалось. Возможно, кропотливая работа в архивах приведет к тому, что мы будем знать еще несколько имен наших литературно одаренных соотечественников XVIII столетия, переведивших на русский язык европейские романы, и мы больше будем понимать, что так трогало этих переводчиков и их читателей в незатейливом повествовании.

Но роман Ламбера, переведенный трижды, не исключение, а скорее вполне типичное явление. Так, например, за несколько лет до появления печатной книги уже ходит в списках роман Ле Живра де Ришбурга “Селим и Дамасина”¹⁶, имя переводчика также осталось неизвестным. Важно, что появляющиеся по инициативе частных лиц и, по-видимому, не претендующие на то, чтобы быть напечатанными, переводы романов не существуют изолированно, но немедленно входят в пока не слишком известный нам “круг чтения”.

Во всяком случае, роман из собрания Демьяна Бедного содержит в себе несомненное указание на это. В нем принцесса Яйвена названа *азиатской* княжной, что невозможно объяснить обращением к оригиналу. Очевидно также, что к XVIII столетию Вост-Индию, где разворачивается действие романа, никто не считал частью Азиатского континента. Пожалуй, крайне маловероятно и то, чтобы человек, владеющий французским языком достаточно, чтобы переводить художественное произведение, настолько не знал географии. А значит, остается предположить, что прилагательное “азиатская” означает в данном случае вовсе не место проживания героини и совсем не ее происхождение.

¹⁵ Повесть о княжне Жеване, королеве мексиканской, переведенная с гишпанскаго на французский, а с французскаго на российский язык. СПб., 1765; 2-е изд. М., 1788. См.: Сводный каталог русской книги XVIII века. № 3432 и 3433.

¹⁶ Рукопись романа с владельческой записью 1757 г. хранится в Научной библиотеке Московского государственного университета (Отдел редких книг и рукописей НБ МГУ, 1Ru 756); издание было осуществлено в 1761 г., причем тираж составил немалые для того времени 2400 экземпляров: Селим и Дамасина: Африканская повесть / переведена с французскаго [И.И. Акимовым]. СПб.: [Типография Академии наук], 1761. Роман был издан повторно в 1791 г.

Единственным правдоподобным объяснением нам представляется апелляция переводчика еще к одному роману, который распространялся в списках и никогда не был напечатан. Это роман Генриха фон Циглер-Клипгаузена “Азиатская Баниза”¹⁷. Основные сюжетные линии истории о Жеване/Яйвене весьма схожи с сюжетными линиями “Азиатской Банизы”. Как и отца Яйвены, отца азиатской принцессы Банизы убивает порочный и жестокосердный тиран, как и Яйвену, Банизу спасает из ненавистного плена ее будущий муж, и как Тобилас Текеля, принц Балацин убивает жестокого и коварного врага. Оценивая эти совпадения как следствие использования распространенных сюжетных ходов в двух весьма несхожих между собой романах, мы не получим ответ на вопрос, почему Яйвена оказывается “азиатской княжной”. Зато практически очевидно, что переводчик использовал прилагательное “азиатская” как приманку для вероятного читателя, как безусловный знак захватывающего приключения в экзотической стране.

Исследователи переводной литературы XVIII в., как правило, обращают свое внимание к рукописным текстам или, наоборот, к той продукции, которая выходила из немногочисленных еще типографий. Почти никогда не попадают в поле зрения ученых те тексты, рукописная традиция которых не сложилась, особенно же, если литературное произведение было напечатано. Невольно исследователи оказываются заложниками сегодняшних представлений о книге, когда рукопись (если, конечно, с ней не связан какой-либо общественно значимый сюжет) заведомо воспринимается как нечто менее значимое, чем тиражное издание.

“История мексиканской принцессы” показывает, насколько неверны такие представления. Потребность в европейской (т.е. *художественной*) литературе в обществе середины XVIII в. настолько велика, что задолго до появления печатного издания одновременно разные люди берут на себя труд перевести на русский язык новый для российской культуры текст. Единичные, часто не слишком удачные и известные лишь в определенном кругу переводы, за неимением еще собственной художественной прозы формируют среду читателей, которая в дальнейшем становится адресатом типографских изданий.

¹⁷ См.: *Лифшиц А.Л.* “Азиатская Баниза”: Российская судьба немецкого романа // Век Просвещения. 1: Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 341–350.

П.А. Трибунский

**ФОНД АДВОКАТА И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ
О.О. ГРУЗЕНБЕРГА
В НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ИЗРАИЛЯ**

Материалы “Россики” в хранилищах Израиля немногочисленны. Почти все они поступили в качестве дара от репатриантов или евреев из других стран, сочувствовавших возрождению Израиля. Крупнейшим хранилищем “Россики”, без сомнения, является Национальная библиотека Израиля, расположенная на территории кампуса Эдмонд Сафра Еврейского университета в Иерусалиме. В архивном департаменте библиотеки находятся более 400 личных фондов писателей, художников, музыкантов, ученых, политиков со всего мира, в том числе и из России¹.

Среди обследованных нами коллекций одна из наиболее интересных – фонд адвоката и общественного деятеля Оскара Осиповича (Израиль Иосифовича) Грузенберга (1866–1940). Дореволюционные материалы Грузенберга и его семьи, оставшиеся в революционном Петрограде, ныне хранятся в ЦГИА СПб.² После смерти Грузенберга (Ницца, 25 декабря 1940 г.) большой массив документов, по преимуществу эмигрантского периода, по решению супруги, Р.Г. Грузенберг (ур. Голосовкер) (1867–1942), был передан С.В. Познеру (1876–1946) для хранения и подготовки собрания сочинений покойного³. Познер не сумел осуществить запланированное, и материалы Грузенберга надолго остались в семейном архиве Познеров⁴. С 1990-х годов стали появляться публикации документов из архива Познеров, в том числе и из собрания Грузенберга⁵. Нынешняя владелица архива, Валери Познер,

¹ Полный перечень личных фондов в Национальной библиотеке Израиля см.: <http://www.jnul.huji.ac.il/heb/archives-db.html>

² ЦГИА СПб. Ф. 2093. Оп. 1. 413 дел (за 1884–1917 гг.).

³ *Гольденвейзер А.А., Найдич И.А., Прегель Б.Ю., Столкин А.Я., Цитрон И.Л.* [Предисловие] // Грузенберг О.О. Очерки и речи / вступ. ст. Е.М. Кулишера и др. Нью-Йорк, 1944. С. 5; Глазами Милюкова: оккупация Франции и Восточный фронт: (Письма П.Н. Милюкова Я.Б. Полонскому (1940–1942)) // *Время и мы*. 1980. № 51. С. 187.

⁴ *Pozner V. Les archives Pozner en France // La première emigration russe: Vie politique et intellectuelle*. Paris, 1994. P. 65–70 (Cahiers de l'émigration russe; № 1).

⁵ Владимир Жаботинский. Письма Оскару Грузенбергу / вступ. ст., публ. и коммент. Х. Фиринина // *Вестн. Еврейского университета в Москве*. 1994. № 2 (6); *Грузенберг О.О.* Страницы воспоминаний / вступ. ст., публ. и коммент. В.Е. Кельнера // Там же. № 3 (7); *Кельнер В.Е.* Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции: (Из архива Соломона Познера) // *Russian studies = Études russes = Russische Forschungen: ежеквартальник русской филологии и культуры* (СПб.). 1994. Т. I, № 1; Письма П.Н. Милюкова – О.О. Грузенбергу (из парижского архива Соломона Познера) / вступ. ст., публ. и примеч. В.Е. Кельнера // Там же. 2000. Т. III, № 3; *Последние связи: Письма П.Н. Милюкова С.В. Познеру / подгот. текста О.Р. Демидовой; вступ. ст. и коммент. О.Р. Демидовой и В.Е. Кельнера // Диаспора: Новые материалы*. Париж; Санкт-Петербург, 2005. Т. VII.

в 2000-х годах начала передачу материалов в Библиотеку современной международной документации. Первая часть, материалы Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, секретарем которого был С.В. Познер, уже обработана и доступна исследователям⁶. Сеем думать, что и оставшаяся часть архива Познеров с включениями коллекции Грузенберга вскоре обретет новое место хранения.

Относительно фонда О.О. Грузенберга в Национальной библиотеке Израиля ясности гораздо меньше. По сведениям сотрудников архива, собрание поступило в библиотеку из университетского кампуса Маунт Скопус, что позволяет лишь утверждать, что к 1982 г., когда состоялась передача, архив Грузенберга уже был во владении Еврейского университета в Иерусалиме. Найденные документы позволяют выдвинуть две версии того, как материалы Грузенберга попали в Израиль. Возможно, что Р.Г. Грузенберг передала С.В. Познеру не все бумаги мужа. После ее кончины последние могли быть сохранены еврейской общиной Ниццы, которая еще в 1940 г. выступила инициатором перенесения останков Оскара Осиповича в Тель-Авив. В 1950 г. Грузенберг был перезахоронен⁷. Вероятно, тогда же сохраненные бумаги были перевезены в Израиль. Вторая версия отличается деталями. Из письма Я.Б. Полонского А.А. и Б.И. Элькиным от 14 апреля 1941 г. известно, что один из душеприказчиков Грузенберга “оказался проходимцем и мошенником”⁸. Не исключено, что у этого человека могли оказаться какие-то бумаги, которые потом также попали в руки еврейской общины, переправившей их в Израиль.

Косвенно раннее попадание материалов О.О. Грузенберга в Израиль подтверждает и приложенная к ним опись на русском языке, отпечатанная по старой орфографии. Опись позволяет предположить, что архив Грузенберга изначально был частью некоего большого комплекса бумаг: архив разделен на три раздела “Печатные материалы. Т. I–ый”, “Печатные материалы. Т. II”, “Рукописи. Т. II”.

Как бы то ни было, бумаги Грузенберга оказались в Израиле. Они до сих пор не стали предметом всестороннего изучения со стороны историков. Ниже дан обзор архива видного юриста и общественного деятеля.

Объем фонда О.О. Грузенберга невелик – два стандартных архивных ящика. Израильские архивисты пошли вслед за описью и сохранили деление на разделы. Первый раздел фонда занимает часть первого ящика, содержит материалы, озаглавленные в описи “Печатные материалы. Т. I–ый”, и состоит из восьми папок. Второй – из 18 папок, поделен между ящиками 1 и 2 (“Рукописи. Т. II”). Третий (“Печатные материалы. Т. II”), насчитывающий

⁶ Comité de secours aux écrivains et aux savants russes en France (F delta Rés 832). Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (Nanterre, France). Опись фонда см.: <http://www.bdic.fr/pdf/comiseocruss.pdf>

⁷ Цитрон И.Л. Жизненный путь О.О. Грузенберга // Грузенберг О.О. Очерки и речи. С. 56–57; О.О. Грузенберг // Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биографический словарь: В 3-х т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008. Т. 1: А–К. С. 436.

⁸ После Парижа: письма в Англию (из архива Б.И. Элькина) / вступ. ст., публ. и примеч. О.Р. Демидовой // Russian studies = Études russes = Russische Forschungen. 2000. Т. III, № 4. С. 197–198.

10 папок, находится во втором ящике⁹. При обозрении фонда следование делению, сохраняемому архивистами, вряд ли продуктивно. Представляется, что весь материал предпочтительнее разделить на два блока – рукописи и печатные материалы.

Рукописи О.О. Грузенберга (автографы и авторизованные машинописи) могут быть разделены на три группы.

Самая ценная группа – автографы нескольких очерков-воспоминаний Грузенберга. В эмиграции он охотно и часто помещал в периодической печати отрывки из своих мемуаров¹⁰. В 1938 г. вышла книга его воспоминаний¹¹. Почти сразу же он начал готовить их продолжение, которое закончил осенью 1940 г.¹² В бумагах Грузенберга сохранился общий план мемуаров, который охватывал как опубликованный том, так и оставшийся в рукописи. Ряд пунктов плана не был реализован (2/2.16).

В фонде Грузенберга отложились статьи мемуарного характера, которые никогда не публиковались. В очерке “О Родичеве” (б/д, не окончен) Грузенберг пишет о своем первом впечатлении от политика, дает оценку его ораторскому искусству (1/2.3). Глава “Савинков” (б/д) посвящена знакомству со знаменитым террористом. Грузенберг вспоминает о том, как помог Б.В. Савинкову выбраться из-под ареста в Севастополе, где тот был задержан за революционную пропаганду. Следующий эпизод связан с работой Грузенберга в еврейской делегации при Парижской мирной конференции. Когда до него дошли слухи, что обвиняемый в погромах С.Н. Булак-Балахович – правая рука Савинкова, то Грузенберг начал собирать материал о Савинкове. Во время неожиданной встречи в Париже Савинков попытался дезавуировать слухи, утверждая, что его мать еврейка. Присланная им политическая программа не убедила Грузенберга, который видел в Савинкове не героя, а игрока (1/2.4). Нескольким кратким встречам с П.М. Рутенбергом, организатором убийства Г.А. Гапона, Грузенберг посвятил отдельный рассказ (б/д). Он вел свое знакомство с Рутенбергом с 1905 г., когда способствовал освобождению того из тюрьмы после демонстрации 9 января. После революции 1905–1907 гг. Грузенберг встретил разочаровавшегося Рутенберга за границей. Последний просил свести его с сионистами. Каково же было удивление Грузенберга, когда в 1919 г. Рутенберг оказался одним из правых деятелей в Одессе. На предложение Рутенберга эвакуироваться с ним автор ответил отказом. Дальнейшая судьба Рутенберга оказалась связанной с Палестиной (1/2.4).

⁹ О.О. Grusenbergs papers (ARC. Ms. Var. 322 (L)). Archives Department. The National Library of Israel. Jerusalem. Далее в тексте в скобках будет даваться отсылка, где первая цифра – номер ящика, через косую черту – раздела, после точки – папки из фонда Грузенберга.

¹⁰ См. перечень публикаций: Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.: В 4 т. / науч. ред. А.Г. Тартаковский, Т. Эммонс, О.В. Будницкий. М., 2003. Т. 1. С. 101, 104, 264–265, 276; 2004. Т. 3. С. 254, 319; 2005. Т. 4, ч. 1. С. 62, 136, 174.

¹¹ *Грузенберг О.О.* Вчера: воспоминания. [Париж], 1938.

¹² Письма П.Н. Милокова – О.О. Грузенбергу... С. 301; Из писем О.О. Грузенберга к А.А. Гольденвейзеру 1938–1940 гг. // Грузенберг О.О. Очерки и речи. С. 222. Содержание второго, неопубликованного тома воспоминаний см.: Там же. С. 222–223.

В фонде сохранились два мемуарных отрывка – “О матерях” (б/д) (1/2.6) и без заглавия (1/2.8). Первый посвящен еврейским матерям, поддерживавшим своих детей в борьбе с царизмом. Второй – судебной системе России до того, как министрами юстиции стали Н.В. Муравьев и И.Г. Щегловитов. Вместе со вторым отрывком сохранился лист с названием “Суд”, в котором речь идет об убийстве турецкого подданного Мотеля Ишеса, совершенного черносотенцами с возможной подачи одесского градоначальника И.Н. Толмачева (1/2.8). В фонде также отложились отдельные заметки для воспоминаний, выписки из мемуаров других лиц, записи метких выражений и характеристик, стихи Грузенберга (1/2.12; 2/2.16), копии писем В.Г. Короленко Грузенбергу от 6 и 10 февраля 1913 г. (2/2.15). Указанные письма были опубликованы¹³.

Вторая группа – лекции на исторические темы и о современном положении. Самые внушительные по объему – лекции “О русской революции и ее канунах” (1926). Наряду с текстом до нас дошли план лекций, подготовительные заметки, выписки (1/2.7). По-видимому, к этим лекциям относятся небольшие очерки, хранящиеся в отдельных папках: “Об инородцах” (б/д) (1/2.2) и без заглавия – об отношениях города и деревни в России (1/2.5). Отдельная лекция, прочитанная Грузенбергом на заседании Русского юридического общества в Латвии, посвящена памяти А.Ф. Кони (1927) (2/2.14). Другие лекции Грузенберга, значительно меньшие по объему, “Доколе?” (1930-е) (1/2.1), о судьбе евреев в Палестине, и “Двенадцатый час Европ[ейской] истории” (1922) (1/2.11), о подъеме мусульманского мира. Сохранились подготовительные материалы “К лекции о ритуальных процессах” (б/д) (2/2.14), включающие в себя отделы о кровавом навете, дело Д.А. Блондеса, дело М.М. Бейлиса, дело о молельне чиновника особых поручений Зайцева, а также разрозненные заметки по еврейскому вопросу (б/д) (1/2.13).

Третья группа – статьи и речи, в основном юридического характера: “Когда, где и как был убит мальчик Андрей Ющинский (Опыт теоретического анализа бесспорного материала в ритуальном процессе еврея Бейлиса)” (1913, 1927) (2/2.18), “О пределах допроса на суде судебного следователя” (б/д) (2/2.15), о депутатской неприкосновенности (б/д) (2/2.17), “La mort mysterieuse de Madame Garola” (1930-е) (1/2.9), “Le lutte contre la speculation illicite” (1935?) (1/2.10).

Вместе со статьями Грузенберга сохранились его заметки по делам, что он вел (2/2.15), выписки из законов разных стран об условном осуждении (2/2.17). Грузенберг собирал отчеты о процессах (1904–1916 гг.), в которых он принимал участие в качестве адвоката, зачастую переписывая их из разных периодических изданий и сопровождая своими пояснениями (2/2.15).

Эгоцентричный характер Грузенберга, прекрасно известный его современникам, стал причиной формирования второго блока документов – печатных материалов. Грузенберг собирал собственные публикации, статьи о своей персоне (рецензии, объявления, фотографии, хроникальные заметки и др.). В фонде Грузенберга сохранились многочисленные вырезки из несколь-

¹³ Грузенберг О.О. Вчера. С. 167–168; Он же. Очерки и речи. С. 234–235.

ких десятков газет и журналов на идише, русском, немецком, французском, польском и латышском языках¹⁴. Не исключено, что он пользовался услугами одного из бюро газетных вырезок.

Печатные материалы тематически распадаются на ряд отделов. Прежде всего, это сочинения самого Грузенберга (воспоминания, статьи, письма в редакцию, рецензии) 1920–1930-х годов (1/1.1, 1/1.2, 1/1.3, 1/1.4). Многие вырезки содержат пометы и правку Грузенберга, высоко оценивавшего свое знание русского языка. На некоторых публикациях мемуарного характера указано, что они воспроизведены в книге воспоминаний “Вчера”. К указанному отделу примыкает подборка рецензий на воспоминания Грузенберга, опубликованные в те же годы как отдельно, так и на страницах газет и журналов (2/3.1, 2/3.10).

Велик отдел вырезок, посвященный различным юбилейным датам в биографии Грузенберга: чествование его 60-летия (1926), 70-летия (1936), 40-летие вступления Грузенберга в адвокатское сословие (1928), 50-летие супружеской жизни (1937) (2/3.5, 2/3.7, 2/3.8, 2/3.10).

По объему материала с ним может сравниться отдел о публичных выступлениях Грузенберга. Подавляющее большинство вырезок относятся к лекционному туру 1926 г., когда Грузенберг проехал по Латвии и Эстонии: здесь сообщения и объявления о лекциях, интервью с лектором, хроникальные заметки, пересказ выступлений, впечатления от них, фотографии и шаржи. Темами лекций были “Русская революция и ее кануны” и “Кровавый навет (Блондес и Бейлис)” (1/1.4, 1/1.5, 1/1.6, 1/1.7).

Достаточно полно подобраны материалы, освещающие деятельность Грузенберга по созданию и участию в трудах Русского юридического общества в Латвии, журнала “Закон и суд” (1920–1930-е). Грузенберг собирал статьи об обществе и журнале, рецензии на публикации, объявления и пригласительные билеты на заседания (1/1.6, 1/1.7)¹⁵. Близко к этому отделу примыкают собранные Грузенбергом документы об улучшении материального положения чинов судебного ведомства в Латвии (1920-е), а также разнообразные

¹⁴ Неполный перечень газет и журналов, вырезки из которых были собраны О.О. Грузенбергом: “На чужой стороне”, “Современные записки”, “Закон и суд”, “Перезвоны”, “Русские записки”, “Руль”, “Сегодня”, “Сегодня вечером”, “Рассвет”, “Дни”, “Еврейская неделя”, “Слово”, “Эхо”, “Либавское русское слово”, “Понедельник”, “Последние известия”, “Последние новости”, “Возрождение”, “Двинский голос”, “Наше слово”, “Россия и славянство”, “Новое время”, “Рассвет”, “За свободу”, “Новое русское слово”, “Общее дело”, “Накануне”, “Голос России”, “Иллюстрированная Россия”, “Литовское русское слово”, “Wiener Morgenzeitung”, “Bulletin Quotidien d’Information l’Agence telegraphique Juive”, “Revue juive de Geneve”, “Haint”, “Frimorgen”, “Der Moment”, “Das Wort”, “Die Neue Zeit”, “Der Yiddischer Kaempfer”, “Der Tog”, “Morgen Journal”, “Das Folk”, “Rigaesche Rundschau”, “Libausche Zeitung”, “Waba Maa”, “Revaler Bote”, “Paewalcht”, “Kaja”, “Jaunakas Zinas”, “Latvis”, “Yiddische Stimme”, “Unser Excelsior”, “L’Eclairer de Soir”, “Judische Rundschau”, “Nasz Przeglad”, “L’Eve Nouvelle”, “Rigas Siryas”, “Sozialdemokrats”, “Unser Express”, “Judische Zeitung”, “Eclairer de Nice”, “Samedi”, “Le Populaire”, “Le Temps”, “Forwards”, “Wilner Tog”, “Yiddische Express”, и др.

¹⁵ См.: Ковальчук С. Судьба журнала “Закон и суд” (1929–1938) // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 1999. Т. 4. С. 88–103; Она же. Рига в эмигрантских скитаниях Оскара Грузенберга // Евреи в меняющемся мире: мат-лы 3-й междунар. конф., Рига, 25–27 октября 1999 г. / под ред. Г. Бранновера и Р. Фербера. Рига, 2000. Т. III. С. 486–494.

произведения художественного, публицистического и исторического характера об адвокатах (2/3.4).

В фонде есть небольшие подборки вырезок по политическим и историческим вопросам, а также об А.Ф. Кони (1920-е) (2/3.3, 2/3.6), о биографии Грузенберга до 1917 г. (2/3.9), посвященные отношениям Грузенберга и сионистов (1/1.8). В последней папке содержатся две редкие брошюры, относящиеся к процессу над убийцами Х. Арлозорова (Jabotinsky V. Was Grusenberg Versprach. Praha, 1933; Oskar Grusenberg über Stavsky und Jabotinsky. Jabotinsky missbraucht Grusenbergs Namen. N.p., 1933).

Вне разделов – копии разных материалов (2/3.2, 2/3.4), а также произведения других лиц: воспоминания неизвестного о поручике В. Пирогове (б/д), в защите которого принимал участие Грузенберг (2/3.2), и поэма Б. Гуревича “У гроба Фоша” (б/д) (2/3.6), среди героев которой упомянут Оскар Осипович.

Бумаги О.О. Грузенберга в Национальной библиотеке Израиля служат прекрасным дополнением к его двум личным фондам в России и Франции. Представляется, что очерки мемуарного характера заслуживают публикации, как это было сделано с воспоминаниями Грузенберга, отложившимися в архиве Познера¹⁶. Собранные газетные и журнальные вырезки могут быть использованы для подготовки весьма подробной хронологической канвы биографии Грузенберга. Их значение для составления указателя печатных произведений Оскара Осиповича также весьма велико.

¹⁶ Грузенберг О.О. Страницы воспоминаний. С. 221–240.

М.П. Мироненко

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ С.Ф. ПЛАТОНОВА И О С.Ф. ПЛАТОНОВЕ В МОСКОВСКИХ ХРАНИЛИЩАХ

(Из опыта подготовки “Каталога личных архивных фондов
отечественных историков”)*

“Каталог личных архивных фондов отечественных историков” – научно-справочное издание, включающее описания личных архивов, литературу о рукописных собраниях и архивных документах, а также библиографические сведения о российских историках начиная с XVIII в.¹ Издание посвящено архивам не только собственно историков в узком понимании этого слова, но также и археологов, этнографов, востоковедов, историков искусства, науки, краеведов, архивистов, музейных работников, коллекционеров рукописей и исторических древностей. В настоящее время составителями подготовлен к изданию третий выпуск Каталога, посвященный ученым, чья научная деятельность протекала во второй половине XIX – начале XX в. Из-за большого объема материалов этот выпуск будет издаваться в нескольких частях (по алфавитному принципу, в первую часть третьего выпуска войдут статьи об ученых, чьи фамилии начинаются на буквы А–В). Статья, посвященная архиву академика Сергея Федоровича Платонова, войдет в одну из частей, которая будет опубликована не так скоро, но материал к ней составителями готовится уже сейчас.

Архив С.Ф. Платонова сохранился в виде двух личных фондов: большой (более 3200 ед. хр.) в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 585)² и маленький по объему в Российском государственном архиве

* В основе статьи доклад на Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения С.Ф. Платонова (28–30 июня 2010 г., Санкт-Петербург).

¹ Каталог личных архивных фондов отечественных историков. М., 2001. Вып. 1: XVIII век / сост.: В.Ю. Афиани, Т.В. Лохина, М.П. Мироненко. Каталог личных архивных фондов отечественных историков. М., 2007. Вып. 2: Первая половина XIX века / сост.: Т.В. Медведева, М.П. Мироненко.

История работы над Каталогом и принципы его подготовки изложены в статьях: Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 177–205; Афиани В.Ю., Мироненко М.П. К изданию первого выпуска “Каталога личных фондов отечественных историков: XVIII век” // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 39–45; Шмидт С.О., Афиани В.Ю., Мироненко М.П. Справочник об архивах отечественных историков XVIII–XIX вв. // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступлений на Всероссийской конференции 25–26 февраля 1999 г. М., 1999. С. 55–62.

² Описание части этого ценнейшего фонда содержится в изд.: Архив академика С.Ф. Платонова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Каталог / сост. В.А. Колобков. СПб., 1994. Вып. 1.

литературы и искусства (Ф. 406). Кроме того, в различных хранилищах находится большое количество писем С.Ф. Платонова к разным лицам³, а также материалов о нем и его научной деятельности. Это сообщение посвящено материалам о С.Ф. Платонове в двух московских хранилищах: РГАЛИ и Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ).

Небольшой личный фонд С.Ф. Платонова в РГАЛИ составляет по двум описям 28 единиц хранения (1898–1928). Среди них – автограф с авторской правкой “Слова” о Н.М. Карамзине, в основе которого лежит текст речи, произнесенной Платоновым 18 июля 1911 г. по случаю открытия памятника Карамзину в селе Остафьево (17 л. Оп. 1. Д. 3)⁴, статьи “Протопоп Аввакум как писатель” ([1928]. 12 л. Оп. 1. Д. 4) и автографы двух рецензий: на книгу А.К. Байова “Шелонская операция царя Иоанна III Васильевича и Шелонская битва в 1471 году 14 июля”, изданную в Петрограде в 1915 г., (1919. 9 л. Оп. 1. Д. 1) и на книгу А.А. Шахматова “Древнейшие судьбы русского племени” (Пг., 1919) с заголовком “Руса” (1920. 12 л. Оп. 1. Д. 2), а также автограф некролога П.А. Гильтебрандта ([1905]. Оп. 2. Д. 2), несколько писем Платонова к неустановленным лицам и письма к Платонову от В.Е. Вальденберга (1918), М.А. Дьяконова (1903 и б. д.), К.А. Иванова (1898), И.И. Лаппо (1918), А.И. Маркевича (1901), В.Н. Перетца (1927), Б.А. Романова (1912), В.И. Саввы (1907), И.Н. Суворова (1896), Ф.А. Ушакова (1901), Л.Н. Майкова и И.А. Шляпкина (1899 и б. д.), и др.

В других личных фондах, находящихся в РГАЛИ, также хранятся письма С.Ф. Платонова к разным лицам. Среди них следует выделить большие комплексы писем к В.Г. Дружинину в его семейном фонде (Ф. 167. 1881–1918. 321 п.) и И.А. Шляпкину (Ф. 1296. 1883–1915 и б. д. 144 п.), а также письма к Н.П. Барсукову (Ф. 87. 1900–1906. 9 п.), М.М. Гаккебушу (Ф. 157. 1916), Н.И. Иорданскому (Ф. 1073. 1904/ 2 п.), В.Ф. Миллеру (Ф. 323. 1890–1911. 5 п.), В.П. Погожеву (Ф. 833. 1922), С.И. Пономареву (Ф. 402. 1896), П.Н. Сакулину (Ф. 444. 1914–1930. 10 п.), Т.О. Соколовой (Ф. 442. 1908), А.С. Сувориной (Ф. 459. 1888–1906), Н.В. Султанову (Ф. 2428. 1905–1908. 6 п.), Н.Н. Трубицыну (Ф. 500. 1905–[1916]. 5 п.), А.И. Яцимирскому (Ф. 584. 1903–1905) и др. и письма разных лиц к С.Ф. Платонову: Н.П. Барсукова (Ф. 87. 1897–1906. 9 п.), А.С. Лаппо-Данилевского (Ф. 167. [1900-е годы]), В.В. Латышева (Ф. 167. 1891), Э.К. Пекарского (Ф. 1209. 1928), В.Н. Перетца (Ф. 1277. 1927), Е.А. Масальской-Суриной (Ф. 318. 1929, [кон. 1920-х годов] 2 п.), Л.В. Собинова (Ф. 864. 1907, 1916. Фотокопии) и др.

В НИОР РГБ в различных фондах хранятся 72 письма С.Ф. Платонова к разным лицам. Среди них выделяется большой комплекс писем к историку и археографу Я.Л. Барскову (Ф. 16. 1884–1925. 40 п.), 5 писем к С.А. Бело-

³ Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками / отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2003. Т. 1; М., 2011. Т. 2, кн. 1.

⁴ В описи в качестве даты этого документа указан 1922 г. В действительности, как показал в своей статье “Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков” в АЕ за 1992 год (М., 1994. С. 39–76) С.О. Шмидт, установивший историю и происхождение этого документа, в 1922 г. Платонов лишь передал этот текст Влад[имиру] Федорову (предположительно речь идет об экономисте и краеведе, позднее ставшем членом Ленинградского областного бюро краеведения и Общества краеведов-марксистов), и запись об этом имеется на л. 17.

курову (Ф. 23. 1898 и 1908–1913 гг.), письмо к В.Д. Бонч-Бруевичу (Ф. 369. 1928), письмо к декану историко-филологического факультета Петербургского университета Ф.А. Брауну (Ф. 119. 1909) о мотивах отказа от участия в диспуте о диссертации А.Е. Преснякова (в каталоге отдела это письмо ошибочно указано как письмо к Н.И. Карееву), 3 письма к вдове поэта И.М. Брюсовой (Ф. 386. 1927–1928), 8 писем и 1 открытка к педагогу, представительнице антропологического направления в образовании В.А. Волкович (Ф. 55. 1902–1909[?]), 3 письма к В.И. Герье (Ф. 70. 1902–1913), письмо к Н.И. Карееву 1895 г. (Ф. 119), письмо к В.О. Ключевскому от 23 декабря 1891 г. (Ф. 131), 3 письма к директору Библиотеки им. Ленина В.И. Невскому 1927 и 1929 гг. (Ф. 384), письмо к слависту, историку, архивисту Н.А. Попову 1890 г. (Ф. 239), письма к историку, профессору Варшавского университета Г.Г. Писаревскому (1908, открытка 1913 г.) с благодарностью за книгу по истории и пожеланием успешного диспута (Ф. 227), письмо в редакцию газеты “Русь” (Ф. 439. [1917])⁵. Также в разных фондах хранятся письма к Платонову от В.Д. Бонч-Бруевича (1927, 1928), 2 письма от В.А. Волкович, по одному письму от В.О. Ключевского (1892), В.И. Невского (1928), Я. Русанова (1903).

Одно из таких неопубликованных писем в НИОР РГБ очень любопытно. В фонде Н.П. и А.П. Барсуковых хранится письмо С.Ф. Платонова к историку, археографу, генеалогу и гербоведу А.П. Барсукову от 24 апреля 1902 г.⁶ Оно, как видно из текста, является ответом на письмо Барсукова, приславшего Платонову, очевидно, как члену Археографической комиссии, предисловие к подготовленному им изданию “Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. Составил Александр Барсуков, член Археографической комиссии” (СПб., 1902). На обороте титульного листа значится: “Напечатано по определению Археографической комиссии. Типография М.М. Стасюлевича”. Этот ценный труд, в течение более столетия активно используемый историками, изучающими Россию XVII в.⁷, содержит хронологический и алфавитный перечни представителей областного управления Московского государства в эпоху от воцарения Михаила Федоровича Романова до преобразований Петра I. С начала XVII в. в России шел процесс замены наместников – традиционных представителей государственной власти в уездах – городскими воеводами, и с воцарением первого Романова этот процесс стал повсеместным. Как пишет А.П. Барсуков, на создание этой книги его вдохновил труд “незабвенного основателя Археографической комиссии” П.М. Строева “Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви” (СПб., 1877), а толчком для работы стало собиранье материалов для

⁵ Часть этих писем опубликована в изд.: Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. / отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2003. Т. 1: Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930 / сост. В.Г. Бухерт, при участии А.В. Мельникова.

⁶ Ф. 18 (Н.П. и А.П. Барсуковы). К. 30. Д. 18. Л. 1.

⁷ Книга переиздана: *Барсуков А.П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. М., 2010.

истории рода Шереметевых⁸, в ходе которого он заносил на специальные карточки всех встречавшихся в документах городских воевод.

Ответное письмо С.Ф. Платонова проливает свет на любопытные детали подготовки А.П. Барсуковым его труда. К сожалению, в этом письме не все слова можно уверенно прочитать из-за повреждения бумаги (на обложке дела надпись: “Лист поврежден сыростью. Отреставрирован отделом гигиены и реставрации ГБЛ”), так что два из них читаются лишь предположительно.

«Я с удовольствием прочитал Ваше предисловие, – пишет С.Ф. Платонов, – и ничего не имею возразить против его содержания, раз оно Вами отредактировано в первом лице и за Вашею подписью.

Если бы [вы писали? – М.М.] в обычной форме, от лица самой комиссии, я решился бы возразить против ссылки на строевское словоупотребление “Русский период”, как на субъективное и принадлежащее уже отжитой эпохе историографии.

Затем я предпочел бы вместо Вашего термина “местные воеводы” говорить “городовые”.

Это и все, что я имею сказать, прося Вас вместе с тем верить искренности моего к вам уважения и преданности.

Слуга Ваш
С. Платонов».

Уже само название опубликованного А.П. Барсуковым труда, “Списки городских воевод”, указывает на то, что он последовал совету Платонова и заменил термин “местные воеводы” на “городовые”. Он также снял из текста и упоминаемый Платоновым термин “Русский период”. Чем он заменил его? Здесь возможны два варианта. Либо Барсуков совсем обошел этот термин, либо он заменил его на “Русскую историю XVII века” или “Московское государство XVII века”. Эти определения дважды упоминаются в его тексте.

Другой весьма интересный неопубликованный документ из НИОР РГБ относится к гораздо более позднему времени и даже к совсем другой эпохе. Это рецензия В.Д. Бонч-Бруевича на книгу С.Ф. Платонова “Лекции по русской истории” (Пг.: 1917)⁹.

Этот документ представляет собой машинописный листок с оторванным низом, содержащий авторскую правку Бонч-Бруевича. На листке почерком заведующей Отделом рукописей ГБЛ С.В. Житомирской, занимавшейся вместе с Б.А. Шлихтером и Л.В. Гапачко описанием этого архива и составлением его обзора¹⁰, вписана от руки дата: “[Март 1927]”.

Сверху значится заголовок:

“Книги, прочитанные (испр.: перечитанные. – М.М.) для этих статей” (здесь и далее подчеркнутые слова зачеркнуты автором. – М.М.). Далее следует текст:

«С.Ф. Платонов, профессор.

1) Лекции по русской истории, издал Ив. Блинов. Изд. 10-е, пересмотренное и исправленное. Петроград, 1917 г. – 743 с. Весьма поверхностная

⁸ Барсуков А.П. Род Шереметевых. СПб., 1881–1904. Кн. 1–8.

⁹ Ф. 369 (В.Д. Бонч-Бруевич). К. 74. Ед. хр. 23.

¹⁰ Житомирская С.В., Гапачко Л.В., Шлихтер Б.А. Архив В.Д. Бонч-Бруевича // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1962. Вып. 25. С. 7–79.

работа. О вопросе свободы совести, о борьбе православных церкви (так! – М.М.) с инаковерующими, о сектантстве и старообрядчестве, в частности и в особенности, – нет ничего, ни строчки. Просто поразительна легковесность и легкомыслие этого “придворного” – по всему своему мировоззрению, – профессора. Отметка, что Петр III оскорблял православие, предпочитая лютеранство, а Екатерина II-ая твердо вызубрила символ веры, конечно, ничего не говорят ни уму, ни сердцу. Огромное – тайное и явное – законодательство по этому вопросу – совершенно опущено. О яркой деятельности Александра I в этой области; о принципах новых установок в этом вопросе ни слова! Просто изумительно!..».

Эта рецензия явно была написана для себя, как вспомогательный материал при написании статей по больше всего интересовавшей В.Д. Бонч-Бруевича теме: истории сектантства и народно-религиозных движений, которые он расценивал и довольно прямолинейно описывал как проявление антицаристского, освободительного народного движения. Удивляет здесь категоричность и узость кругозора автора этой, пусть и написанной для самого себя, рецензии. Если в лекциях по русской истории ничего не говорится о сектантстве и старообрядчестве, то они легковесны, а их автор – легкомыслен. Один из лучших в отечественной науке курсов лекций по русской истории – походя назван “весьма поверхностной работой”. Звучит это особенно впечатляюще, если мы вспомним образование, полученное В.Д. Бонч-Бруевичем: он был недоучившимся студентом Межевого института, откуда был исключен за революционную деятельность, и впоследствии, поучившись в Курском землемерном училище, пополнял свои знания самообразованием (а во время эмиграции слушал лекции в Женевском университете), в то время как Платонов был самым авторитетным русским историком начала и первых десятилетий двадцатого века. Надо отметить, что 1927 г. был годом, когда началась осада Академии наук партийными властями, осада, закончившаяся развернувшимся всего через два года “академическим делом”, разгромом гуманитарной науки и массовыми арестами и гибелью лучших российских ученых. Поэтому кажущиеся сейчас несколько комическими высказывания этого видного деятеля революционного движения (в прошлом управделами Совета народных комиссаров, а после 1924 г. занявшегося главным образом написанием сочинений по истории революционного движения в России и историей религии и атеизма, в частности, сектантства) и обвинения С.Ф. Платонова в “придворном мировоззрении” звучат зловеще.

Впрочем, отношения В.Д. Бонч-Бруевича с Платоновым внешне были вполне корректными. В НИОР РГБ хранятся два письма Бонч-Бруевича к С.Ф. Платонову как директору Библиотеки Академии наук 1927 и 1928 гг. по поводу статуса переданной им в библиотеку на хранение своей книжной коллекции, главным образом, по истории сектантства. Эти официальные письма вполне дружелюбны и вежливы и заканчиваются формулами “Примите мои уверения в моем совершенном к Вам уважении” и “С искренним уважением к Вам”.

В письме от 22 декабря 1927 г. В.Д. Бонч-Бруевич писал С.Ф. Платонову:

“В ответ на Ваше письмо от 14 декабря с.г. за № 1989 подтверждаю Вам, что в сообщении В.И. Срезневского было совершенно точно и верно передано

мое желание по поводу той части моей библиотеки, которую [я] счел необходимым пожертвовать в библиотеку Академии наук. Я дважды писал В.И. Срезневскому и просил его передать в Академию, что жертвую эти мои книги на тех основаниях, которые мною были выработаны еще с покойным А.А. Шахматовым. Именно я хотел и хочу, чтобы моя библиотека сохранилась бы в Рукописном отделении Академии наук под непосредственным наблюдением В.И. Срезневского в полном, не разрозненном виде. В таком случае я хотел и хочу пополнять ее дальнейшими присылками тех книг, которыми я чувствую, что не в состоянии буду воспользоваться, принимая во внимание и мой возраст, и мое здоровье. Также я думаю постепенно пересылать туда все мои работы, которые до сего времени сделал, частью уже опубликовал, частью же сохраняю в ненапечатанном виде. У меня лично остается в моем постоянном пользовании библиотека в несколько тысяч книг, три четверти которых ($\frac{3}{4}$) принадлежат к тому специальному отделу, которым я так много занимался в моей жизни, а именно по вопросу изучения религиозно-общественных движений в России (сектантство, старообрядчество и пр. движения).

Я еще не предрешаю, но полагаю, что в будущем мне придется подумать о соединении этой моей библиотеки с той ее частью, которую я уже передал в Академию наук.

Вот почему в настоящее время я прошу Вас как директора Библиотеки, а также и Президиум Академии принять мое пожертвование на тех условиях, которые я устно выработал с А.А. Шахматовым и В.И. Срезневским, которым я так много обязан в моих работах и изысканиях.

С получением от Вас ответа на это мое письмо я хочу Вам выслать еще один ящик книг, которые при детальном разборе библиотеки я считаю возможным в настоящее время присоединить к тому собранию, которое я Вам выслал ранее¹¹.

Отношения В.Д. Бонч-Бруевича с ученым хранителем рукописного отделения Библиотеки Академии наук историком, археографом, палеографом и библиографом Всеволодом Измайловичем Срезневским (избран общим собранием в 1900 г.) были не просто близкими, но заключались в постоянном и непрерывном сотрудничестве в течение нескольких десятилетий. Благодаря В.И. Срезневскому в фондах Рукописного отделения было сосредоточено и постоянно пополнялось огромное собрание нелегальных революционных изданий, наряду с рукописными и другими материалами, относящимися к истории революционно-освободительного движения в России¹². Запрещенная литература поступала в Библиотеку и ранее, с начала 1900-х годов, и хранилась в особом XXXIII отделе, но в 1905–1906 гг. была передана в Рукописное отделение и, благодаря В.И. Срезневскому как хранителю, она продолжала комплектоваться очень широко. Будучи демократически настроенным и широко образованным ученым, В.И. Срезневский придавал большое значение сохранению всех революционных изданий, и этот фонд рос очень быстро. В значительной мере это достигалось благодаря помощи

¹¹ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 123. Ед. хр. 20. Л. 1–1 об. Машинопись.

¹² *Копанев А.И.* Всеволод Измайлович Срезневский – библиотекарь Библиотеки Академии наук // Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению. Л., 1973. Т. 3. С. 214–245.

В.Д. Бонч-Бруевича, который доставлял революционные издания, а также издания по народно-религиозным движениям и сектантству в Библиотеку Академии наук. Туда же была передана Бонч-Бруевичем в 1906 г. и его жене-евская библиотека, собранная им в годы эмиграции (1896–1905), весом в 6 пудов¹³.

После Февральской революции, также по инициативе Бонч-Бруевича, в Рукописное отделение был принят архив Охранного отделения и Департамента полиции, содержащий богатейшие материалы по истории революционного движения, в том числе и печатные: листовки, книги, газеты. Эти печатные материалы были включены в фонд революционных изданий, называвшийся в Отчетах Академии наук собранием книг русской заграничной печати и русской подпольной печати.

В 1917 г. часть этого фонда вместе с другими ценнейшими книгами и рукописями библиотеки была в связи с военным положением отправлена в эвакуацию в Саратов, и возвращению их через три года способствовал именно В.Д. Бонч-Бруевич, бывший в то время управляющим делами Совнаркома, который передал на руки В.И. Срезневскому декрет В.И. Ленина о беспрепятственном прохождении груза в Петроград¹⁴.

В конце 1926 г. Бонч-Бруевич передал в Библиотеку Академии наук значительную часть своей книжной коллекции по истории сектантства и религиозно-общественных движений (около 800 книг на русском и иностранных языках, среди которых было много старопечатных) с тем, чтобы она хранилась целиком в Рукописном отделении под непосредственным наблюдением В.И. Срезневского. Об этом в свое время у Бонч-Бруевича была договоренность также и с А.А. Шахматовым, бывшим с 1900 по 1920 г. директором I Отделения библиотеки. Однако у С.Ф. Платонова, ставшего в 1925 г. директором Библиотеки Академии наук, это вызывало возражения. В.И. Срезневскому не удалось убедить директора в необходимости хранить библиотеку В.Д. Бонч-Бруевича в Рукописном отделении. Именно тогда Бонч-Бруевич и написал эти два письма к Платонову, находящиеся ныне в НИОР РГБ. И вмешательство Бонч-Бруевича помогло – Платонов дал согласие, как видно из следующего письма Владимира Дмитриевича от 6 февраля 1928 г.:

“Ваше письмо от 28 января 1928 г. за № 118 я получил и очень радуюсь, что моя библиотека принята Академией и будет сохранена в том виде, как я писал об этом к Вам в письме моем от 14.XII–27 г. Надеюсь, что в самое ближайшее время я смогу выслать Вам еще один ящик книг, в несколько пудов, тех книг, которые я могу в настоящее время уделить из моей библиотеки по этому же вопросу”¹⁵.

Отношения С.Ф. Платонова и В.Д. Бонч-Бруевича не ограничивались, конечно, только вопросами хранения личной библиотеки последнего. В письме от 22 сентября 1928 г. Платонов просит Бонч-Бруевича помочь приобрести для Пушкинского Дома, директором которого Платонов был в 1925–1929 гг., некоторые заграничные коллекции, и в частности коллекцию литератора и

¹³ История Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1964. С. 274.

¹⁴ Лютова К.В. Спецхран Библиотеки Академии наук: Из истории секретных фондов. СПб., 1999. С. 38–39.

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 123. Ед. хр. 20. Л. 2–2 об. Машинопись.

библиофила, эмигранта, члена правления Общества друзей русской книги в Париже В.П. Катенева¹⁶.

“Памятуя нашу беседу 11 сентября в Музее изящных искусств о возможности приобретения для Пушкинского Дома некоторых заграничных коллекций, я решаюсь сообщить Вам данные о коллекции В.П. Катенева в надежде, что Вы найдете способ вступить с ним в сношения. Этим Вы оказали бы существенную помощь Пушкинскому Дому, который не имеет ни средств, ни способов вступить в переговоры с владельцем данного собрания”¹⁷. Летом 1927 г. в Россию был привезен и поступил в Пушкинский Дом завещанный ему архив коллекционера пушкинских материалов А.Ф. Онегина-Отто. С.Ф. Платонов искал возможности продолжить возвращение в Россию коллекций материалов по русской истории и культуре. Коллекция В.П. Катенева включала собрание автографов русских писателей (Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.И. Герцена, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, А.П. Чехова) и композиторов, в том числе М.И. Глинки, П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова. В коллекции В.П. Катенева, в частности, в 1928 г. находился подлинник письма А.С. Пушкина к французскому послу А.Г. Баранту от 16 декабря 1836 г., в котором поэт отвечал на запрос Баранта, дипломата и историка, автора “Истории герцогов Бургундских”, о положении в России с авторским правом¹⁸. Обращение С.Ф. Платонова к В.Д. Бонч-Бруевичу по вопросу возвращения коллекции было не случайным: Бонч-Бруевич принимал большое участие в поисках памятников русской культуры и искусства за рубежом, и через несколько лет стал заместителем председателя, а фактически руководителем созданной в 1931 г. Комиссии по выявлению находящихся за границей памятников литературы и искусства народов РСФСР. Однако стоимость коллекции В.П. Катенева была признана слишком высокой, и это собрание так и не поступило в Пушкинский Дом в цельном виде¹⁹. Сохранившиеся в архиве С.Ф. Платонова документы и переписка показывают разные грани его отношений с В.Д. Бонч-Бруевичем – видным представителем нового государственного устройства, внесшим большой вклад в дело сохранения русской культуры и собиранием материалов по истории церкви и раскола, и созданием Литературного музея, но в то же время отмеченным явным отпечатком партийной узости и ограниченности.

¹⁶ О нем см.: *Телицын В.Л.* П.Н. Апостол и “Общество друзей русской книги в Париже” // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3).

¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 318. Ед. хр. 2. Л. 1. Письмо опубликовано в изд.: Академик С.Ф. Платонов: переписка с историками. Т. 1.

¹⁸ *Домгер Л.Л., Измайлов Н.В., Модзалевский Л.Б.* Примечания // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 16: Переписка, 1835–1837. С. 348.

¹⁹ Письма М.Л. Гофмана к Б.Л. Модзалевскому. Часть II (1922–1926) / публ. Т.И. Краснобородько // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 2005–2006. СПб., 2009. С. 797–943.

Т.Б. Тишунина

**ФОНД ПУШКИНИСТОВ
И.М. ОБОДОВСКОЙ И М.А. ДЕМЕНТЬЕВА
В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ
А.С. ПУШКИНА**

В Государственный музей А.С. Пушкина (ГМП) поступил архив пушкинистов, супругов Ирины Михайловны Ободовской (1906–1990) и Михаила Алексеевича Дементьева (1900–1987). С этим музеем фондообразователей связывала творческая дружба в течение 30 лет, практически с момента его открытия в 1961 г. Как писал в своей книге “Рождение музея” А.З. Крейн, основатель и первый его директор: «Многого, очень многого не имел бы московский пушкинский музей, если бы у него не было, помимо обычного штата сотрудников, еще и “нештатного штата” – группы помощников, добровольно взявших на себя обязательство систематически работать в музее»¹. В этой группе энтузиастов трудились и И.М. Ободовская с М.А. Дементьевым, став в 1962 г. членами Совета содействия музея, располагая свободным временем (к этому моменту они уже вышли на пенсию), и главное – имея огромное желание посвятить свою деятельность на благо музея любимого поэта.

В настоящее время архив находится в стадии научного описания и изучения, документы шифров не имеют.

Задача данной статьи – дать общий обзор фонда, а также представить краткие сведения о биографии И.М. Ободовской и М.А. Дементьева, отсутствующие в литературе.

Реконструировать их биографию позволяет переписка – наибольшая по объему группа документов в фонде, а также краткая автобиография, составленная для Союза писателей. Из этих источников мы узнаем, что Ирина Михайловна родилась 7 октября 1906 г. в Ростове Ярославской губернии в семье агронома; по материнской линии ее двоюродный дед – известный художник, академик живописи К.Я. Крыжицкий (1858–1911); по отцовской – оба прадеда Александр Григорьевич (1796–1852) и Платон Григорьевич (1803–1861) Ободовские – известные в пушкинское время литераторы, журналисты, педагоги. Платон Григорьевич автор нескольких драматических произведений, сотрудничал в журнале “Благонамеренный”, в 1841 г. был приглашен преподавать русский язык великим князьям Константину, Николаю и Михаилу Николаевичам; Александр Платонович публиковал статьи по географии, педагогике, в 1833–1834 гг. издавал первый в России “Педагогический журнал”. Отсюда, по-видимому, генетически передались Ирине Михайловне любовь к литературе, педагогике и безусловный писательский дар. О родителях Ирины Михайловны сведений практически

¹ Крейн А.З. Рождение музея. М., 1969. С. 190.

нет, известно лишь, что отец – агроном, а мать после революции работала воспитателем в детском саду.

Переехав в Москву в 1928 г., она училась на курсах при Государственном техникуме иностранных языков одновременно на двух отделениях: французском и английском, получив квалификацию переводчика. По окончании с отличием в 1940 г. Института иностранных языков им. М. Тореза была оставлена на кафедре старшим преподавателем, а после войны приняла предложение возглавить секцию французского языка в Московском полиграфическом институте, где преподавала в течение почти 20 лет, вплоть до ухода на пенсию в 1961 г. За время работы в институте ею были написаны пять учебных пособий по французскому языку, и составлен французо-русский полиграфический словарь.

Официальная дата рождения Михаила Алексеевича – 28 ноября 1900 г., но скорее всего это произошло на три года раньше, о чем свидетельствуют письма Ирины Михайловны 1977 г. разным адресатам с упоминанием о 80-летнем юбилее супруга. Родился он в Астрахани, как и его родная тетьа, известная оперная певица, народная артистка СССР Валерия Владимировна Барсова (1892–1967). С семьей своего племянника она была очень дружна, часто писала письма; после ее смерти Михаил Алексеевич вел обширную переписку о создании в Сочи музея Барсовой, который существует до сих пор (часть ее сочинской дачи превращена в музей), о работах по увековечению ее памяти, об установлении памятника на могиле и т.д. Актрисой была и родная сестра Михаила Алексеевича – Валерия Алексеевна Дементьева, служившая всю жизнь в МХАТ, чьи письма, как и письма Барсовой, также представлены в архиве. Думается, что театроведов этот материал безусловно заинтересует.

После демобилизации из Красной армии Михаил Алексеевич закончил в 1927 г. Московский промышленно-экономический институт и до войны трудился инженером-плановиком в ряде учреждений, а после войны и до выхода на пенсию – в Госплане СССР.

Откликнувшись в начале 1960-х годов на призыв Татьяны Григорьевны Цявловской, убежденной в том, что возможности находок новых данных о Пушкине отнюдь не исчерпаны, И.М. Ободовская с М.А. Дементьевым взяли на себя работу в архивах Москвы и Ленинграда по поиску и сбору материалов о Пушкине. И в 1963 г. по предложению Государственного музея А.С. Пушкина они приступили в ЦГАДА к кропотливой исследовательской работе с фондом Гончаровых (Ф. 1265), требовавшей прекрасного знания французского языка, каким и обладала Ирина Михайловна, что было необходимо для прочтения неразборчивых почерков начала XIX в. В 1970 г. многолетний труд увенчался успехом – было обнаружено неизвестное письмо Пушкина к брату жены, Дмитрию Николаевичу Гончарову, и в “Литературной газете” от 9 декабря 1970 г. частично опубликовано в статье под заглавием “Редчайшая находка” (полностью текст воспроизведен во “Временнике Пушкинской комиссии”²). Это и в самом деле было сенсацией, находка в середине XX в. подлинного письма Пушкина – событие исключительное: 4 страницы пушкинского текста, свидетельствующие о крайне тяжелом материальном

² Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972. С. 5–13.

положении поэта, в связи с чем в феврале 1833 г., накануне родов жены, он был вынужден обратиться к шурину с просьбой одолжить шесть тыс. руб. на шесть месяцев. И в этом письме звучит постоянная тема его переписки 1830-х годов: обеспокоенность о растущей семье, о будущем детей, о невозможности полностью отдаться творчеству и жить литературными трудами: “Так как Вы глава семейства, в которое я имел счастье войти, и являетесь для нас настоящим добрым братом, я решаюсь надоедать Вам, чтобы поговорить о моих делах. Семья моя увеличивается, мои занятия вынуждают меня жить в Петербурге, расходы идут своим чередом, и так как я не считал возможным ограничить их в первый год своей женитьбы, долги также увеличились. Я знаю, что в настоящее время Вы не можете ничего сделать для нас, имея сильно расстроенное состояние, долги и содержание целого семейства, но если бы Наталья Ивановна была так добра сделать что-либо для Наташи, как бы мало то ни было, это было бы для нас большой помощью. Вам известно, что зная о ее постоянно стесненных обстоятельствах, я никогда не докучал ей просьбами, но необходимость и даже долг меня к тому вынуждают, – так как, конечно, не ради себя, а только ради Наташи и наших детей я думаю о будущем. Я не богат, а мои теперешние занятия мешают мне посвятить себя литературным трудам, которые давали мне средства к жизни. Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете. Все это печально и приводит меня в уныние”³. (Оригинал по-французски, перевод И.М. Ободовской.)

О своем открытии И.М. Ободовская и М.А. Дементьев рассказали 1 декабря 1970 г. на Ученом совете музея, что впоследствии делали неоднократно, выступая с докладами о вновь найденных материалах.

Дальнейшие архивные разыскания принесли новые плоды: спустя полгода ими были обнаружены 6 писем Дмитрию Николаевичу жены Пушкина, 41 письмо сестер Натальи Николаевны — Екатерины Николаевны и Александры Николаевны. Это тоже очень важная находка, поскольку сестры с конца сентября 1834 г. жили в Петербурге вместе с поэтом и его семьей, т.е. в непосредственной близости к нему, и в письмах имеется много прямых и косвенных упоминаний о Пушкине, характеризующих отношение сестер Гончаровых к Пушкину. Многие из писем уточняют и дополняют данные к биографии поэта, а каждая новая деталь его биографии представляет несомненную ценность. Судя по письмам, родственные связи Пушкиных и Гончаровых были, очевидно, более тесными, чем предполагалось ранее. Об этом свидетельствует, например, участие Пушкина в делах по длительному процессу, который вел Д.Н. Гончаров с купцом 1-й гильдии И.Т. Усачевым, и в результатах которого была заинтересована вся семья Гончаровых. Письма сестер помогли по-новому взглянуть и на их личности, они рисуют теплые отношения, сложившиеся между членами “большой” пушкинской семьи, в которую вошли и обе сестры Натальи Николаевны.

По итогам найденных И.М. Ободовской и М.А. Дементьевым материалов Ученый совет музея рекомендовал их публикацию в виде книги, вышедшей в 1975 г. под названием “Вокруг Пушкина” с предисловием Д.Д. Благого, значение которой Дмитрий Дмитриевич определил так: “Опираясь на свои

³ Деньги – Пушкин – Деньги: Альбом-каталог выставки в Государственном музее А.С. Пушкина / сост. Н.И. Михайлова, Ф.Ш. Рысина. М., 2010. С. 211.

архивные разыскания и обнаруженные материалы, авторы получили возможность по-новому взглянуть на отношения Пушкина с женой и ее сестрами; вместо поруганного врагами поэта, облепленного грязью семейного быта последних лет его жизни, сумели увидеть и показать действительную картину некоторых сторон его”⁴.

Публикуемые в книге письма Натальи Николаевны, написанные ею при жизни Пушкина, ценны тем, что до этого времени пушкиноведение не располагало свидетельствами самого близкого поэту человека – его жены. В письме брату Дмитрию в июне–июле 1836 г. Наталья Николаевна пишет: “Теперь я хочу немного поговорить с тобой о моих личных делах. Ты знаешь, что пока я могла обойтись без помощи из дома, я это делала, но сейчас мое положение таково, что я считаю даже своим долгом помочь моему мужу в том затруднительном положении, в котором он находится; несправедливо, чтобы вся тяжесть содержания моей большой семьи падала на него одного, вот почему я вынуждена, дорогой брат, прибегнуть к твоей доброте и великодушному сердцу, чтобы умолять тебя назначить мне с помощью матери содержание, равное тому, какое получают сестры и, если это возможно, чтобы я начала получать до января, то есть с будущего месяца. Я тебе откровенно признаюсь, что мы в таком бедственном положении, что бывают дни, когда я не знаю как вести дом, голова у меня идет кругом. Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам, и, следовательно, в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того, чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободна”⁵. (Автограф по-французски, перевод И.М. Ободовской.)

Пушкинисты и литературоведы проявляли большой интерес к работе И.М. Ободовской и М.А. Дементьева. В фонде хранятся письма всех ведущих пушкинистов того времени – Д.Д. Благого, Т.Г. Цявловской, В.И. Кулешова, Н.В. Измайлова, М.П. Алексеева, Л.А. Черейского и др. Не будучи профессиональными, “цеховыми” пушкинистами, И.М. Ободовская с М.А. Дементьевым зачастую нуждались в советах, подсказках, уточнениях, и их переписка с учеными содержит интереснейший материал, отражающий не только ход научной мысли, но и обмен мнениями, высказывания различных гипотез, подчас остающихся вне публикаций. И это тоже важно как история пушкиноведения середины XX в. Так, приступая к работе над своей первой книгой, Ирина Михайловна и Михаил Алексеевич обратились к Н.В. Измайлову с вопросами об архиве П.Е. Щеголева и источниках, которыми он пользовался при написании своей книги “Дуэль и смерть Пушкина” (Пг., 1916). Николай Васильевич подробнейшим образом ответил в письме от 27 сентября 1972 г.: «В части архива П.Е. Щеголева, находящейся в Пушкинском Доме (фонд 627), очень мало материалов, относящихся к его труду “Дуэль и смерть Пушкина”. В частности, вовсе нет подлинников, или копий, или фотоснимков опубликованных там документов – переписки членов семьи Гончаровых (включая Н.Н. Пушкину) с Жоржем Дантесом-

⁴ Ободовская И.М., Дементьев М.А. Вокруг Пушкина: неизвестные письма Н.Н. Пушкиной и ее сестер Е.Н. и А.Н. Гончаровых. М., 1975. С. 6.

⁵ Деньги – Пушкин – Деньги: Альбом-каталог выставки. С. 216.

Геккерном и его женой, Е.Н. Гончаровой. Тексты эти, по словам Щеголева, извлечены “из двух хранилищ: частного, принадлежащего внуку Дантеса (в Сульце, Альзас), и правительственного, в котором случайно сохранились копии некоторых писем”. В третьем издании (1928. С. 331) пояснено, что этот “правительственный архив – тот секретный отдел архива министерства иностранных дел (в Петербурге), в котором хранились перлюстрированные выписки из писем”. В каком виде имел Щеголев те и другие материалы – в копиях или в фотоснимках – неясно: вероятно, в копиях, но точных указаний Щеголев нигде не дает, так же как и не делает попыток точнее датировать отредактированные документы. Писем Александры Николаевны Гончаровой и Натальи Николаевны Пушкиной Екатерине Николаевне Геккерн в книге Щеголева, как известно, нет; нет их и в его архиве в Пушкинском Доме. Судя по письму Дмитрия Николаевича Гончарова Екатерине Николаевне от 14 сентября 1837 г. (Щеголев, 1928. С. 340–431), таких писем – и вообще переписки между ними – и не было вовсе. Вот все, что я могу сейчас Вам ответить».

Из поздравительного письма И.М. Ободовской и М.А. Дементьева Д.Д. Благому с новым 1975 г. мы узнаем о портрете Пушкина из коллекции А.М. Горького: “Разрешите послать Вам в качестве небольшого новогоднего подарка увеличенную фотокопию с редкого портрета Пушкина, которого, возможно, у Вас нет. Это миниатюра из коллекции М. Горького, подаренная им Вс. Иванову; теперь она находится у потомков Иванова. Судя по исполнению, миниатюра написана каким-то замечательным художником, к сожалению – неизвестным (может быть, Мазером)”.

Речь идет о миниатюре на кости 1826 г. работы Иосифа Вивьена, поступившей в московский музей А.С. Пушкина от вдовы Вс. Иванова⁶.

О чрезвычайно теплом и доверительном отношении к своим соратникам свидетельствует и письмо Д.Д. Благого Ирине Михайловне из больницы: «Дорогая Ирина Михайловна! Пишу со всей истинно-дружеской (чувство, которое общая наша борьба за историческую правду – за Пушкина и Наталью Николаевну (это неотделимо одно от другого), накрепко меня с Вами и с Михаилом Алексеевичем связала, со всей откровенностью и прямоотой. Прошу так и воспринимать то, о чем Вам пишу. Во вчерашнем нашем телефонном разговоре я снова сказал Вам, что очень хотел бы при встрече показать и бесспорно доказать то, о чем уже говорил Вам – об очень важной роли, которую сыграла Наталья Николаевна в создании условий для возможности чудодейственного расцвета пушкинского болдинского творчества осени 1830 года. Но Вы ответили, что уже давно это знаете и что сказали мне об этом при первом же нашем телефонном разговоре. Должен прямо признаться, что это меня и удивило, и озадачило. Я очень хорошо помню этот наш первый разговор и позволю себе совершенно точно напомнить его Вам. Сказав, что приготовил Вам, работая сейчас над третьим томом, сюрприз и, испытывая неодолимую потребность поделиться с Вами своей радостью, я добавил, что было бы справедливо установить новый литературный “праздник” – “день Натальи Николаевны”. Вы ответили, что сами давно думали

⁶ Коллекции Государственного музея А.С. Пушкина / под общ. ред. Е.А. Богатырева. М., 1999. С. 21.

об этом. А какой день? – спросил я. Вы ответили: “день ее рождения”. Нет, ответил я: – Я имею в виду 9 сентября 1830 года, когда и произошло то, о чем я Вам сообщил. А о том, что Вы и сами давно знаете это, Вы не сказали ни слова. Однако мое точное указание легко наводило на следующее. Стоило, что Вы, по-видимому, естественно и сделали, раскрыть на этом числе весьма полезную в ряде отношений книгу – сборник Порудоминского и Эйдельмана “Болдинская осень” и там полно собраны относящиеся сюда факты. Однако составители-авторы НЕ СДЕЛАЛИ того первостепенной важности вывода, который был сделан ВПЕРВЫЕ именно мной, и который, тоже естественно, натолкнул на него же (ведь мы стоим на одной позиции) и Вас. Именно аберрацией памяти я и объясняю себе то, что Вы мне сказали, что сами давно знаете об этом. Вывод, которым я так чистосердечно с Вами поделился, должен стать одним из значительнейших “открытий” (их у меня – без всякого авторского преувеличения – немало), и, если угодно, “сенсацией” моего третьего тома. Я абсолютно убежден, что Вы не злоупотребите моим глубочайшим доверием к Вам обоим (никому другому я бы не сказал о своем “открытии” ни слова) и не нарушите моего приоритета. Будьте здоровы и счастливы. Душевно Ваш Д. Благой».

Событие, о котором упомянул в письме Д.Д. Благой, – это полученное Пушкиным в Болдине 9 сентября 1830 г. письмо от невесты, Натальи Николаевны Гончаровой, где “она зовет его в Москву и обещает выйти за него замуж без приданого, на что жених был согласен с самого начала”⁷.

Поездки в Ленинград для работы в архивах Пушкинского Дома, Всесоюзного музея А.С. Пушкина (ВМП) способствовали тому, что Ирина Михайловна с супругом не просто познакомились, но и подружились со многими сотрудниками пушкинских музеев: С.Л. Абрамович и Л.П. Февчук из ВМП, Р.Е. Терebeneиной – хранителем пушкинских рукописей в ИРЛИ, С.С. Гейченко и многими другими, чьи письма хранятся в фонде Ободовской–Дементьева и отражают скрытую от глаз посетителей, но интереснейшую, насыщенную событиями внутреннюю жизнь музеев. Обмениваясь информацией по изобразительной пушкиниане с Людмилой Петровной Февчук, Ирина Михайловна и Михаил Алексеевич радовались успеху коллег и новым находкам. В ответ на присылку ею отиска своей статьи о портретах, хранящихся в Словакии, они пишут 24 декабря 1973 г.: “Большое спасибо Вам за присылку Вашей статьи. Поздравляем Вас с интереснейшей публикацией замечательных портретов. Такой богатый материал теперь редко встретишь и пушкинистам он доставил большую радость – сразу 12 неизвестных портретов!”. Из этого же письма узнаем, что замысел и даже название второй книги у авторов возникли еще до выхода первой книги “Вокруг Пушкина”: «Мы нашли еще новые материалы, по нашему мнению, очень интересные, работаем над ними. Эта часть работы будет называться “После смерти Пушкина”». В ответных письмах Февчук выражала свое мнение о работе пушкинистов и делилась музейными новостями: «Глубокоуважаемые Михаил Алексеевич и Ирина Михайловна, большое спасибо за ваш подарок – журнал “Москва” с вашей статьей о Нат. Николаевне. Материал очень интересный и много дающий для

⁷ Болдинская осень / сост. Н.В. Колосова; сопроводит. текст В.И. Порудоминского и Н.Я. Эйдельмана. М., 1974. С. 38.

исследователя. Да, пушкиноведение вступило, очевидно, в новую стадию развития: отошли от рассуждений, определений и “образов” – главное стало факты и документы. Я хотела поехать в командировку в Братиславу, чтобы посмотреть ту часть бродзянских материалов, которая находится в Словакии, но что-то задерживается в министерстве – очень хочется посмотреть на оригиналы. Приезжал к нам в Ленинград известный писатель-пушкинист Н.А. Раевский, – он ведь первым увидел еще до войны все в Бродзянах и описал это (правда очень любительски), а теперь кое-чего не находится (это между нами). Мы открыли Лицей в г. Пушкине. Народ валом валит, очень впечатляющий музей и как-то сердце щемит. Приезжайте посмотреть».

Стелла Лазаревна Абрамович, обратившись к И.М. Ободовской и М.А. Дементьеву с вопросами по уточнению сведений о женитьбе С.Н. и И.Н. Гончаровых и получив исчерпывающие ответы, в одном из своих недатированных писем не только благодарит, но и делится новым знанием, полученным от Т.Г. Цявловской: “Дорогие Ирина Михайловна и Михаил Алексеевич! Какие вы оба молодцы! Я понимаю, как много вам пришлось затратить времени и труда, чтобы найти то, что мы искали. Большое-большое спасибо за помощь! И, конечно же, как вы понимаете, я особенно рада, что Иван Николаевич женился тогда, когда нужно. Неопровержимо убедителен счет из бухгалтерской книги Ив. Ник. Гончарова с датой 11 апреля 1838 года. Хочу вам сообщить одну любопытную деталь, которая случайно выяснилась в разговоре с Т.Г. Цявловской. Татьяна Григорьевна объяснила мне, что на рубеже XVIII и XIX веков римской цифрой X обозначали декабрь (decembre). Возможно, IX в письме у Николая Афанасьевича даже не ошибка, а архаическое обозначение месяца (если X – декабрь, то IX – ноябрь?!). Очень-очень вам признательна”.

В фонде отложились и письма сотрудников ГМП: А.З. Крейна, Н.В. Баранской, Е.В. Павловой и др. Причем мы имеем практически полную картину переписки, поскольку И.М. Ободовская с М.А. Дементьевым, как истинные архивисты, хранили не только входящие письма, но также и исходящие, вкладывая в полученное письмо черновики своих ответов. И это в значительной степени облегчит работу будущих исследователей этого фонда.

Еще одна группа адресатов – потомки А.С. Пушкина, с которыми Ирина Михайловна и Михаил Алексеевич были знакомы лично и состояли в активной переписке, обмениваясь не только научными сведениями по генеалогии, истории, атрибуции портретов, но и о событиях повседневной жизни. И это очень важный исторический источник – своего рода бытовая летопись эпохи. Здесь много материалов биографического характера, семейных преданий, зачастую передававшихся только устно – в разговорах и беседах, но благодаря общению и переписке с И.М. Ободовской и М.А. Дементьевым они оказались записанными. Со многими сложились очень близкие дружеские отношения. Например, пушкинисты были частыми гостями в доме Татьяны Николаевны Галиной, в письме которой находим приглашение: “Если Вы не слишком заняты в настоящее время, мы очень хотели бы пригласить Вас посмотреть на аметистовый прибор Натальи Николаевны. Я помню, что Вы интересовались ее вещами”. (О местонахождении этого прибора нам пока ничего не известно.) Особенно близкие отношения сложились с И.Е. Гибшман, М.П. Араповой, С.П. Воронцовой-Вельяминовой, Г.Д. Гончаровым,

Т.Н. Галиной, Н.С. Шепелевой. В 1986 г. правнучкой А.С. Пушкина Натальей Сергеевной Шепелевой, урожденной Мезенцовой, проживавшей в Москве, по просьбе Дементьева были написаны воспоминания о ее тете, Е.А. Розенмейер, на 9 страницах:

“Дорогой Михаил Алексеевич! Написала все, что могла вспомнить насчет моей тетушки Елены Александровны, как Вы просили. Думаю, что этого вполне достаточно. Выписки из писем дяди Николая Александровича и его жены включила как подтверждение еще более авторитетное”. Эти воспоминания в дальнейшем были опубликованы в книге Натальи Сергеевны “В них обретает сердце пищу...”⁸, изданной в 1999 г. к 200-летию юбилею А.С. Пушкина.

Любопытны воспоминания Марии Петровны Араповой, правнучки Натальи Николаевны. В письме от 21 августа 1975 г. она рассказывает о своем дяде: «...теперь насчет дяди С.С. Гончарова... он довольно часто бывал у бабушки и ее сестры, из моей детской слышны были дядин громкий бас и довольно громкие голоса трех сестер, у нас говорили “звучали гончаровские голоса”... моя мама рассказывала, что в молодости он был атеист и очень увлекался спиритизмом и однажды вызвал душу своего отца и услышал голос: “Сережа, не делай этого, если бы ты знал, как мне больно”. И после этого на него произвело такое удручающее впечатление, что со спиритизмом было покончено. Дядя скончался в 1915 или 1916 году и последние годы вел монашеский образ жизни, постился, почти каждый день ходил в церковь и спал на голых досках».

Правнучку Пушкина Софью Павловну Воронцову-Вельяминову (ее дед – старший сын поэта А.А. Пушкин) М.А. Дементьев в письме от 18 мая 1972 г. побуждал записывать воспоминания понемногу (ввиду ее 88-летнего возраста), но ежедневно: “Нет ли у Вас желания и сил писать воспоминания о том, что Вы слышали от своих родителей о предках, т.е. о Пушкине и его жене Наталье Николаевне? Чтобы не переутомляться, писать надо понемногу: одну страницу почтовой бумаги в день. Может быть 365 таких страничек за год и составят очень интересный материал для напечатания в каком-либо журнале. Если хотите, я Вам куплю тетради и ручку для этой цели и все это привезу как-нибудь в один из выходных дней. Более того, можно будет составить вопросник, чтобы легче было писать-отвечать. Но все это при одном условии – писать в день не более одной страницы”.

Софья Павловна откликнулась и по мере сил присылала свои воспоминания, например, о Марии Александровне Гартунг, дочери поэта: «Портрет ее в Толстовском музее, хотя она и признавалась, что он описал только ее платье (черное бархатное, это на балу, с анютиными глазками). Тогда, когда я ее знала, она поздно вставала, выходила, приведя себя в порядок, подкрашивалась слегка. Прическа седых волос “гривкой” спускалась на лоб (эти “гривки” носили одно время). То, что Л. Толстой считал характерными завитками на затылке – Мария Александровна подвигала. Легкая походка, маленькие руки, небольшие, но блестящие серые глаза. Не целовалась, так как боялась микробов. В каждом студенте ей казался революционер. В последний раз, когда я ее видала, я была сестрой милосердия в I Импер[иалистическую].

⁸ Мезенцева Н. “В них обретает сердце пищу...”. М., 1999.

Надо сказать, что она радушно меня приняла, говорила, что новое она не отрицает, но ей странно непонятно кажется, что голого мужчину сестры “перевязывают” и пр. Мы, скажу кстати, относились к делу с благоговением, а то, что неудобно было в особенности – делали тогда фельдшеры».

Воспоминания разного характера содержатся во многих письмах потомков Пушкина, и этот комплекс документов также весьма интересен для исследователей.

Продолжающаяся работа в архивах радовала исследователей новыми находками, в частности – обнаружили письма Екатерины и Жоржа Дантесов, Луи Геккерна, написанные уже после смерти Пушкина, а также письма Натальи Николаевны за период ее вдовства и второго замужества (1838–1863). Новонайденные материалы стали основой второй книги И.М. Ободовской – М.А. Дементьева “После смерти Пушкина”⁹, увидевшей свет в 1980 г. Большой интерес в книге представляют не известные ранее письма Александры Николаевны Гончаровой-Фризенгоф и ее мужа Густава Фризенгофа, проживавших в имении Бродзяны; и здесь же впервые освещается судьба Екатерины Дантес, уехавшей за границу вслед за своим мужем. Опубликованные в книге письма Натальи Николаевны, хранящиеся в архиве ее дочери А.П. Ланской, важны уже по той причине, что ранее жизненный путь вдовы поэта был известен лишь в самых общих чертах вследствие нередко предвзятого к ней отношения. Узнав больше о жизни Натальи Николаевны и ее семьи после смерти Пушкина, авторам удалось понять ее характер, мысли, чувства – все то, что привлекло в ней самого поэта.

А всего лишь через два года выходит их следующая книга “Пушкин в Яропольце”¹⁰, где речь идет о двух приездах Александра Сергеевича в это имение Ярополец, причем факт второго приезда осенью 1834 г. был впервые установлен Ободовской и Дементьевым на основе найденных ими неопубликованных писем Екатерины Гончаровой и Натальи Ивановны Гончаровой Дмитрию Гончарову.

В 1985 г. вышла последняя книга Ирины Михайловны и Михаила Алексеевича “Наталья Николаевна Пушкина”¹¹, в которой собраны и некоторые материалы из предыдущих изданий, и конечно, новые.

Книги этих пушкинистов пользовались огромной популярностью, каждая из них мгновенно становилась “бестселлером”, и, несмотря на внушительные тиражи (50–100 тыс.), достать их было практически невозможно. Об этом свидетельствуют письма читателей из разных уголков нашей страны, сохранившиеся в архиве, с многочисленными просьбами либо выслать экземпляры, либо помочь их приобрести. Но не только с просьбами. В подавляющем большинстве читатели высказывали свое отношение к проблемам, затронутым в книгах, выражали мнения о личности Натальи Николаевны, благодарили авторов за предоставленную возможность расширить свои представления об этой женщине и ее роли в жизни великого поэта в противовес укоренившимся штампам... Изучение писем читателей тоже крайне

⁹ Ободовская И.М., Дементьев М.А. После смерти Пушкина: неизвестные письма. М., 1980.

¹⁰ Ободовская И.М., Дементьев М.А. Пушкин в Яропольце. М., 1982.

¹¹ Ободовская И.М., Дементьев М.А. Наталья Николаевна Пушкина: по эпистолярным материалам. М., 1985.

важно – как реакции общества на новые факты биографии Пушкина и его жены, так и на переосмысление уже известных фактов.

Значительную часть архива составляют материалы, связанные с подготовкой книг к изданию и переизданию: это деловая переписка с издательствами, редакциями журналов; многочисленные черновые наброски и варианты переводов с французского языка, копии выявленных документов; выписки из источников и литературы, газетные вырезки, журнальные статьи по пушкиниане. И здесь для будущих исследователей будет интересно сопоставить изданные книги с черновиками для выявления не вошедших материалов. В 1988 г. Ириной Михайловной (уже после смерти Дементьева) были подготовлены к печати неопубликованные письма Натальи Николаевны П.П. Ланскому, относящиеся к 1851 г., времени ее пребывания за границей для лечения. Этот материал напечатан в журнале “Наше наследие” (№ 3 за 1990 г.).

Иллюстративный материал представлен в фонде довольно широко. Работая постоянно в архивах, И.М. Ободовская и М.А. Дементьев заказывали копии документов – это и микрофильмы, ксерокопии, но большей частью фотокопии: например, с обнаруженного в ЦГАДА письма А.С. Пушкина, с писем Натальи Николаевны и ее сестер в фонде Гончаровых, с портретов; много материалов присылалось пушкинистам из Ленинграда. В фонде хранятся и фотографии потомков Пушкина, и семейные фото Ирины Михайловны и Михаила Алексеевича.

Разумеется, как в любом архиве, в фонде И.М. Ободовской и М.А. Дементьева представлены и их личные документы: записные книжки, поздравительные открытки, письма родственников. И как бытовые свидетельства советской эпохи они тоже очень интересны.

Проделав важную, трудоемкую работу, результатом которой явились ценнейшие архивные находки; подготовив и выпустив в свет основанные на найденных материалах книги об А.С. Пушкине, супруги И.М. Ободовская и М.А. Дементьев с полным правом заняли свое место в отечественном пушкиноведении.

Сегодня нет сомнения в том, что их фонд, хранящийся в Государственном музее А.С. Пушкина, представляет историко-культурный интерес.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ М.П. ИРОШНИКОВА

ЗА 1996–2012 гг.

(К 75-летию со дня рождения)*

1996

Отв. ред.: Заступники свободы: Памятные чтения, посвящ. 170-летию восстания декабристов, 14 дек. 1995 г.: [Сб. докл.] СПб. 58 с.

Ред.: Горенков А.В., Федотова О.А., Хрисанфов В.И. Программа курса «Всеобщая история» [Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов]. СПб. 14 с. Совм. с В.И. Хрисанфовым.

1997

Трансформация массового идеологического стереотипа в России XX века // Логос: Общество. Знак: (к исследованию проблемы феноменологии дискуссий). СПб. С. 27–31. Совм. с А.З. Ваксером.

1998

Россия и политаризм // ВИ. № 7. С. 36–46. Совм. с А.В. Гринёвым.

[Выступление об А.А. Амосове] / Памяти Александра Александровича Амосова: Заседание в Пушкинском Доме 29 мая 1996 г. // АЕ за 1996 год. М. С. 239–240.

2000

Малоизвестная страница биографии академика О.Ю. Шмидта // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М. С. 223–225.

Чл. редкол.: Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению: Научное наследие. СПб. 664 с.

2001

Государственность в России: традиции и современность // Исследования по русской истории: Сб. ст. к 65-летию проф. И.Я. Фроянова. Ижевск. С. 357–365.

Штрихи к облику С.Н. Валка // АЕ за 2000 год. М. С. 325–328.

2002

“Засекреченной ленинианы” больше не существует! // Политическая история России: теория и музейная практика: сборник научных трудов. СПб. Вып. 3. С. 122–134. Совм. с А.М. Кулегиным.

Рец.: В.И. Ленин: Неизвестные документы: 1891–1922 гг. М., 2000. 607 с. // ВИ. № 8. С. 159–162. Совм. с А.М. Кулегиным.

Рец.: Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга: Путеводитель / сост. Н.Б. Лебедева, Т.С. Конохова; ред. И.П. Бабурин, Н.Б. Лебедева, О.Ю. Нежданова, Н.В. Пономарев. СПб., 2000. 480 с. // Клио: Журнал для ученых. № 1 (16). С. 178–180.

2003

Из начальной истории становления советского центрального аппарата управления (1918 г.) // Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность: Ежегодный международный научный форум, июнь 2003. СПб. С. 27–32.

2004

Россия в XX веке: народ, власть, войны, революции, общество: Учебная книга по отечественной истории. СПб. 607 с. Совм. с А.З. Ваксером.

О некоторых вопросах изучения генезиса и трансформации советской государственности в России // Мавродинские чтения. 2004: Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Мат-лы юбилейной конф., посвящ. 70-летию исторического факультета Санкт-Петер-

* 4 января 2009 г. исполнилось 75 лет со дня рождения председателя Санкт-Петербургского отделения АК РАН, члена бюро АК РАН, доктора исторических наук, профессора СПбГУ, заслуженного деятеля науки РФ Михаила Павловича Ирошникова. См.: Пleshков В.Н., Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. и др. М.П. Ирошникову – 75 лет // ОА. 2009. № 2. С. 131–132. Список трудов за предыдущие годы см.: Список печатных трудов М.П. Ирошникова / сост.: Е.З. Панченко, А.Ф. Тугова // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 310–316. В настоящем списке, как и в предыдущем, не указывается работа М.П. Ирошникова в качестве члена редколлегий таких изданий как “Археографический ежегодник” и “Вспомогательные исторические дисциплины”, а также книжной серии “Памятники исторической мысли”.

бургского государственного университета. СПб. С. 89–90.

2005

Россия в XX веке: народ, власть, войны, революции, общество: Учебная книга по отечественной истории. 2-е изд. СПб. 608 с. Совм. с А.З. Ваксером.

Из истории зарождения раннебуржуазной идеологии в России начала XVIII в.: И.Т. Посошков. “Книга о скудости и богатстве” // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. № 4. С. 117–135.

2006

Юбилей Г.А. Победимовой // ОА. № 4. С. 134–135. Совм. с С.О. Шмидтом.

2008

Еще раз о подготовке и научном значении академического издания “Истории Российской” В.Н. Татищева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. Вып. 1. С. 3–7.

Малоизвестная страничка из биографии Генриха Осиповича Графтио // Поли-

тика. Общество. Человек: К 85-летию доктора исторических наук, профессора А.З. Ваксера. СПб. С. 293–297.

2009

Нарком А.Н. Винокуров: из начальной истории советской системы здравоохранения и социального обеспечения // Государство, общество, архивы в истории России: К 60-летию Александра Ростиславовича Соколова. СПб. С. 131–134.

Он полон творческих сил и энергии: К 60-летию А.Р. Соколова // Санкт-Петербургский университет. № 19 (3806). С. 27–28. Совм. с Д.И. Раскиным, Н.В. Штыковым.

2011

Из истории выявления в Государственном архиве Российской Федерации документов первой переписи советских служащих 1918 г. // Архивы и история Российской государственности. СПб. Вып. 1. С. 141–145.

Публ.: Документы ЦГАЛИ СПб. о частных библиотечных и архивных собраниях в Петрограде в годы Гражданской войны // АЕ за 2006 год. М. С. 415–425. Совм. с В.П. Ярошецкой.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Б.С. ИЛИЗАРОВА

(К 65-летию со дня рождения)*

1969

Публикация ленинских декретов “О мире” и “О земле” в петроградских большевистских газетах (27–28 октября 1917 г.) // Научная студенческая конференция [МГИАИ] 27 октября 1969 г.: Тез. докл. М. С. 10–17. Ротапринт.

1970

Статья В.И. Ленина “Помещики снюхались с кадетами”: (Опыт источниковедческого анализа) // Материалы научной студенческой конференции [МГИАИ]. Май 1970 г. Вып. 1: Источниковедение истории СССР. М. С. 6–15. Ротапринт.

1973

Государственное руководство периодической печатью в 1917–1920 гг.: (Историкография вопроса) // Проблемы отечественной истории: Сб. ст. аспирантов и соискателей Института истории СССР. М. С. 3–27. Ротапринт.

1974

Государственное руководство советской печатью (октябрь 1917–1921 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 29 с.

О некоторых особенностях публикации декрета “О мире” в центральных петроградских газетах (27–28 октября 1917 г.) // АЕ за 1972 год. М. С. 184–189.

Рец.: Издательское дело в первые годы Советской власти [рец. на кн.: Издательское дело в первые годы Советской власти (1917–1922): Сб. документов и материалов. М., 1972. 240 с.] // СА. № 2. С. 104–105.

1976

К вопросу о единстве источниковедческого и информационного подходов при определении ценности документов // Труды ВНИИДАД. М. Т. 6: Документная информация, естественнонаучные и технические вопросы архивного дела, ч. 1:

Документоведение, архивоведение, источниковедение. С. 236–237. Ротапринт. Литературно-художественная комиссия [Наркомпроса в 1917–1918 гг.] // Книжное обозрение. 16 июля. С. 12.

1977

Методологический семинар ВНИИДАД [обзор докладов за 1976 г.] // СА. № 3. С. 124–126. Подп.: Б.И.

1978

Новое в изучении первых публикаций Декрета о земле // АЕ за 1977 год. М. С. 139–150.

О перспективных направлениях архивоведения // Там же. № 4. С. 32–41. Совм. с К.И. Рудельсон, Н.М. Шепуковой.

Проблемы измерения в источниковедении и архивоведении: (Основания источниковометрии и документометрии) // Методологические вопросы документоведения, архивоведения, археографии: Сб. докладов методологического семинара ВНИИДАД. М. Вып. 2. 62–110. Ротапринт.

Развитие системы средств массовой информации и пропаганды в СССР: (К изучению проблемы) // Культура развитого социализма: Некоторые вопросы теории и истории: Сб. статей. М. С. 401–429. Совм. с В.А. Козловым.

1979

Теоретические проблемы архивоведения на современном этапе развития архивного дела // Материалы Всесоюзной научн. конф. “Архивы СССР периода развитого социалистического общества”. М. Ч. 1. С. 61–69. Ротапринт. Совм. с К.И. Рудельсон, Н.И. Стяжкиным, Н.М. Шепуковой.

Теоретические проблемы измерения информации документальных (письменных) источников // Там же. С. 199–204. Ротапринт.

* 24 марта 2009 г. исполнилось 65 лет видному историку и архивисту, доктору исторических наук, профессору Борису Семеновичу Илизарову, члену АК РАН, ведущему научному сотруднику ИРИ РАН, многие годы преподававшему в ИАИ РГГУ, руководителю и одному из организаторов созданной на базе МГИАИ независимой общественной организации «Центр документации “Народный архив”».

Автор-сост.: Развитие архивного дела с древнейших времен до наших дней // Труды ВНИИДАД. М. Т. 8, ч. 1. 255 с. Ротапринт. Совм. с Н.В. Бржостовской.

Чл. редкол.: Развитие архивного дела древнейших времен до наших дней // Труды ВНИИДАД. М. Т. 8, ч. 2. 256 с. Ротапринт.

Рец. на кн.: Великий Октябрь: История. Историография. Источниковедение: Сб. статей. М., 1978 // СА. № 5. С. 76–77.

Рец. на кн.: Медушевская О.М. Теоретические проблемы источниковедения: Учеб. пособие. М., 1977. 85 с. // ИСССР. № 3. С. 194–195.

1980

Архив как элемент социальной памяти // Актуальные проблемы советского архивоведения: Сб. статей. М. Вып. 2. С. 151–163.

Чл. редкол.: Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сб. статей. М. 206 с. Ротапринт.

1981

Источникометрические проблемы архивоведения: (Методы измерения объемов письменной информации): Учеб. пособие. М. 120 с. Ротапринт.

Рец.: Ходаковский Н.И. // СА. 1984. № 2. С. 80–82.

Моделирование процессов автоэкспертизы письменных исторических источников методами документометрии: (О методах количественной оценки исторического фонда страны) // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях: Сб. статей. М. С. 196–221.

Отраслевая система научно-технической информации по документоведению и архивному делу // СА. № 3. С. 20–29.

Рец. на кн.: Журавлев В.В. Декреты Советской власти 1917–1921 гг. как исторический источник: Законодательные акты в сфере обобществления капиталистической собственности. М. 1978. 399 с. // СА. № 2. С. 67–68.

1983

Проблемы изучения личных информационных, документальных и архивных фондов (социологический и источниковедческий аспекты) // Научно-информационная деятельность государственных

архивов: Сб. научн. тр. методологического семинара. М. Вып. 3. С. 121–148. Совм. с Е.Ю. Зубковой, М.В. Акимовой.

1984

Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения: Учеб. пособие. М. 107 с., ил.

Архивоведение и археография: Программа курса. М. 31 с. В соавторстве.

[IV Всесоюз. науч. конф. “Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин”, Днепропетровск, 31 окт. – 2 нояб. 1983 г.: Хроника конф.] // СА. № 4. С. 88–90.

1985

О реконструктивной модели развития и накопления научного знания // ВИЕТ. № 4. С. 58–65. Совм. с С.С. Илизаровым.

О социальных функциях архивов // Материалы Всесоюзной научно-практической конференции “Актуальные вопросы совершенствования архивного дела в условиях развитого социалистического общества”. М. Вып. 2. С. 58–66. Ротапринт.

Печать, издательское дело, радио // Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры: 1917–1927. М. С. 190–201.

Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (В свете представлений о социальной памяти) // Вопросы философии. № 8. С. 60–69.

Рец. на кн.: История книги в СССР: 1917–1921 гг. М., 1983. Т. 1. 240 с. // ИСССР. № 4. С. 179–181.

1986

Социальные функции архивов СССР. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. 39 с. Ротапринт.

Архивный документ в свете представлений о социальной памяти // АЕ за 1985 год. М. С. 42–51.

Вопросы типологии архивных фондов в свете дискуссии о массовых исторических источниках // Актуальные проблемы советского архивоведения: Межвуз. сб. М. Вып. 3. С. 17–31.

Документальный памятник науки и техники и его роль в формировании исторического самосознания общества // Памятники науки и техники: 1984–1985 гг. М. С. 198–206.

О понятии ценности документального исторического источника // ИСССР. № 5. С. 104–111.

1987

Прошлое как ценностная категория культуры // Советская культура: 70 лет развития: К 80-летию академика М.П. Кима. М. С. 45–49.

1988

Роль документальных памятников в общественном развитии: (Теоретические вопросы использования архивных документов): Учеб. пособие. М. 88 с. [На титул. листе выход. данные: 1987 г.]

Культурная революция и духовный прогресс [беседа С.А. Красильникова, Л.Ф. Лисса, В.Л. Соскина и Б.С. Илизарова] // Историки спорят: Тринадцать бесед. М. С. 335–379.

О границах, структуре и полноте документальной базы истории советского общества // Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников: Всесоюзная научная сессия, г. Кутаиси: Тез. докл. Тбилиси. С. 60–61.

Формирование исторической ретроспективы общества на базе документальных публикаций: Теоретические и терминологические вопросы // Актуальные вопросы теории методики и истории публикации исторических документов: Межвуз. сб. ст. М. С. 14–24. Ротапринт.

Кому выгодны тайны: Тревожные вопросы по поводу проекта Закона о госархивах // Литературная газета. 1 июля. С. 12.

1989

Закон СССР об архивном деле и архивах: Инициативный авторский проект // Вестник АН СССР. № 10. С. 76–87. В соавторстве.

Классификация, комплектование и экспертиза ценности документов Государственного архивного фонда в ракурсе перестройки: (Вместо предисловия) // Классификация, комплектование и экспертиза ценности документов в советском архивоведении (1917–1897 гг.): Межвуз. сб. науч. тр. М. С. 3–9. Ротапринт. Совм. с К.Б. Гельман-Виноградовым.

Народный архив // Родина. № 11. С. 96.

О формировании терминов “архив”, “архивный документ” в их современной интер-

претации (на материале словарей) // Архивы СССР: История и современность: Межвуз. сб. науч. тр. М. С. 4–10. Ротапринт.

Об архивах и тайной борьбе за сохранение их “тайн” // Огонек. № 2. С. 10–11.

Staatlichen Archivfonds der UdSSR // Archiv Mitteilungen. Berlin. № 6. S. 208–209.

Ред.: Классификация, комплектование и экспертиза ценности документов в советском архивоведении (1917–1897 гг.): Межвуз. сб. науч. тр. М. 157 с. Ротапринт. Совм. с К.Б. Гельман-Виноградовым.

Безмолвие спецхранов // Московские новости. 30 апр. С. 13.

Историк Борис Илизаров: «Дальнейшее сохранение “тайн” архивов аморально»: Беседа с Н. Беловым // Собеседник. № 34. С. 10.

Зачем народу архив? Беседа с Н. Беловым // Московский автотранспортник. 20–26 июля. С. 13.

1990

Архивное дело и архивы: пути демократизации // Закон об архивном деле и архивах. Каким ему быть? Мнение ученых. Инициативный авторский проект. М. С. 5–23.

Инициативный авторский проект: Закон СССР “об архивном деле и архивах” // Там же. С. 30–55. В соавторстве.

Ред.: *Безбородова И.В.* Теория и методика современного архивоведения в США: Учеб. пособие. М. 84 с.

Glasnost in archives? // The American archivist. Vol. 53, № 3. P. 470–473.

Мельчайт старинная московская культура: Беседа с Г. Емельяновой // Каретный ряд. № 4(10). Февраль. С. 5.

Как Советам найти общий язык с неформалами? // Московская правда. 2 марта. С. 2. В соавторстве.

Не дать прорастающей траве забвения // Труд. 6 марта. С. 2.

Хранить вечно? / авт. С. Соколов // Комсомольская правда. 18 марта. С. 2.

Дела давно минувших дней... Интервью Н. Журавлевой // Московский комсомолец. 3 марта. С. 4. О деятельности и проблемах “Народного архива”.

1991

Ред.: *Каменский А.Б.* Архивное дело в России XVIII века: Историко-культурный аспект: (постановка проблемы, историо-

графия, источники): Учеб. пособие по спецкурсу. М. 70 с., ил.
“Народный архив” // Новое время. 8 июня. С. 3.

Архивы без замков? // Совершенно секретно. 21 июля. С. 3.

Когда откроются архивы...: Интервью А. Орлову // Российская газета. 11 дек. С. 2.

Velika arhivska drzava // Политика. Белград. 17 avgust. С. 59–60.

1992

В духовном противостоянии временная пауза: Интервью // Столица. № 38. С. 10–11.

Ред.: Теория и методика архивоведения: Программа курса. М.

1993

Основы законодательства Российской Федерации об Архивном Фонде Российской Федерации и архивах // Вестник Верховного Совета Российской Федерации. № 8. С. 76–86; тоже // ОА. № 6. С. 3–9. В соавторстве.

Теория и методика архивоведения: Программа курса. М. 12 с. В соавторстве.

“Народный архив” // Из подвала: Альманах. М. Вып. 1. С. 3–8.

Чл. редкол.: Из подвала: Альманах. М. Вып. 1. 87 с. (Серия: “Народный архив”).

1994

Новый закон об архивах и архивном деле РФ // ОА. № В соавторстве.

О восприятии пространственно-временных структур и их отражении в источниках // Мир источниковедения: (Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта). М.; Пенза. С. 18–21.

[Выступление зав. кафедрой теории и методики архивоведения проф. Б.С. Илизарова (о перспективах развития университета)] // Ученый совет РГГУ: февраль–июнь 1994 г.: Сб. док. М. С. 87–88.

Ред.: Практикум по курсу “Теория и методика архивоведения”. М. 28 с.

Отв. ред.: Программа производственной практики студентов IV курса дневного отделения ФАД по специальности 2009 “Историко-архивоведение” (13 недель) / сост. Г.С. Акимова. М. 12 с.

Ред.: Женская судьба в России: Документы и воспоминания / сост. Т.М. Горлова и

др.; предисл. Т.М. Горяевой. М. 174 с., ил. (Серия: “Народный архив”).

1995

Память. Память социальная // Энциклопедический социологический словарь / под общ. ред. акад. Г.В. Осипова. М. С. 520–522.

Отв. ред.: Программа производственной практики студентов 4 курса дневного отделения ФАД по специальности 2009 “Историко-архивоведение” (11 недель) / сост. А.С. Светенко. М. 16 с.

Борис Илизаров: За нас по-прежнему решают, что следует знать и не знать: Беседа с А. Макаркиным // Сегодня. 15 июня. С. 5.

1996

Сост.: Теория и методика архивоведения: Программа курса. М. 43 с. Совм. с Т.М. Горяевой.

Архивы образа и звука // Архивы звука и образа: Статьи и методические материалы / сост. Т.М. Горяева. М. С. 3–5.

Новая идеология автоматизированной информационно-поисковой системы по документам архивов: (Основные идеи и практические решения) // Там же. С. 41–52. Совм. с Н.И. Добрушкиной.

Парадоксы компаративистики // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщ. научн. конф. Москва, 29–31 января 1996 г. М. С. 59–61.

Ред.: Архивы звука и образа: Статьи и методические материалы / сост. Т.М. Горяева. М. 96 с. (Серия: “Народный архив”).

1997

Воспитывать историей или жить в истории? (О соотношении социальной и исторической памяти) // Историческое сознание: разбегающиеся смыслы: Сб. научн. ст. М. С. 42–48.

Мир источниковедения и архивоведения: ревизия или новый порядок? // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступлений на второй Всерос. конф. 12–13 марта 1996 г. М. С. 23–31.

Пространство истории // Исторический источник: человек и пространство: Тез. докл. и сообщ. научн. конф. Москва, 3–5 февр. 1997. М. С. 311–314.

- Бржостовская [воспоминания о Н.В. Бржостовской] // ОА. № 2. С. 91–94.
- В марте, когда умер Сталин... // Знание – сила. № 3. С. 88–95.
- В поисках человека на вакантную должность спасителя Отечества // Новые вехи. № 2 (3). С. 26–42.
- Все, что осталось [о письме 10 января 1916 г. Т. Соловьевой мужу из коллекции “Народного архива”] // Знание – сила. № 8. С. 142–143.
- Две смерти [о Д.М. Павлове и его работе “Суд над участниками лермонтовской дуэли”] // Там же. № 11/12. С. 94–97.
- 10 лет... // Центр документации “Народный архив”: Справочник по фондам. М. С. III–XV.
- Документы из Народного архива // Новые вехи. № 3 (4). С. 76–84.
- Исторософия сталинизма (становление) // Там же. № 1. С. 60–84.
- Каждый имеет право на воскрешение [к 10-летию “Народного архива”] // Знание – сила. № 3. С. 9–15.
- Образ твой...: Ода помойке [о коллекциях фотографий “Народного архива”] // Знание – сила. № 6. С. 110–116.
- Общежитие времен развитого социализма // Там же. № 5. С. 141–145.
- Российская интеллигенция – порождение авторитарного государства // “Вехи”: Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры. Екатеринбург. С. 90–91.
- Росток генеалогического дерева [о воспоминаниях О.В. Смирновой из коллекции “Народного архива”] // Знание – сила. № 9/10. С. 94–98.
- Тени и силуэты // Там же. № 7. С. 132–143.
- Рец.: Размышления о судьбе Историко-архивного института, навеянные книгой Т. Хорхординой “Корни и крона” [Рец. на кн.: Хорхордина Т.И. Корни и крона: Штрихи к портрету Историко-архивного института (1930–1991). М., 1997] // ОА. № 1. С. 104–107.
- Ред.: Центр документации “Народный архив”: Справочник по фондам / сост.: Г.С. Акимова и др. М. XIX, 350 с.

- О необходимости очеловечивания исторической науки, архивоведения и архивно-

го дела // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступлений на третьей Всерос. конф. 25–26 февр. 1999 г. М. С. 30–40.

- Товарищ Сталин... не учусь, потому что нет штанов, или О документах, лишенных “актуальности” // Знание – сила. № 2/3. С. 94–101.

- “Народному архиву” – 10 лет: Беседа с Т.И. Бондаревой // ОА. № 1. С. 41–45.
- Каждый имеет право на воскрешение // Первое сентября. История: Научно-методический журнал для учителей истории и обществоведения. № 23.

- Архивоведение и архивное дело на современном этапе // Теоретические проблемы исторических исследований: Информ.-аналит. бюл. Центра теорет. проблем ист. науки [МГУ]. М. Вып. 3. С. 38–49.

- Сталин: Болезни, смерть и “бессмертие” // НиНИ. № 6. С. 125–145.

- Сталин: Болезни, смерть и “бессмертие” // Сталин. Сталинизм. Советское общество: Сб. ст. к 70-летию д-ра ист. наук., проф. В.С. Лельчука. М. С. 291–317.

- Сталин: Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // НиНИ. № 3. С. 182–205; № 4. С. 152–166.

- Сибирский потомок Сталина: Сенсационные подробности из жизни вождя народов: Интервью Э. Максимовой // Известия. 8 дек. С. 9.

- 10 лет // Voice of the people under Soviet rule: Primary Source Microfilm an imprint of the Gale Group. P. III–XV.

- People’s Archive Documentation Center: An Introduction // Ibid. P. 1–4

- Коба и его женщины: Роман вождя в туруханской ссылке // Родина. № 9. С. 67–73.

- Об историческом гештальте, историческом пространстве и тварях истории // Индекс: Досье на цензуру. № 14. С. 137–147.

- Вождь с копытом: Заметки на полях истории болезни Сталина // Общая газета. 1–7 марта. С. 15.

2002

- Тайная жизнь Сталина: По материалам его библиотеки и архива: К историософии сталинизма. М.: Вече, 479 с., ил. (Серия: "Особый архив").
- Власть, историческая наука и учебники истории: [выступление за "Круглым столом" "Каким быть школьному учебнику по отечественной истории XX века?"] // ОИ. № 3. С. 19–22.
- Душа Кобы подлинного // ВИ. № 7. С. 84–99.
- Рисунки Сталина: Портреты-шаржи и заметки по поводу вождя народов // Родина. № 1. С. 70–72.
- Бумаги Сталина хранятся в Кремле незаконно // Новое русское слово. 20 авг. С. 3.

2003

- Тайная жизнь Сталина: По материалам его библиотеки и архива: К историософии сталинизма. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вече. 480 с., ил. (Серия: "Эпоха Сталина").
Отз.: Емельянов Ю. Сталин перед судом пигмеев. 2-е изд., расшир. и испр. М., 2008. С. 395–397; *Гранин Д.А.* // Бульвар Гордона: Еженедельник светской хроники. 2012. 22 июля. С. 3.
- Почетный академик И.В. Сталин против академика Н.Я. Марра: К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 г. // НиНИ № 3. С. 102–122; № 4. С. 112–140; № 5. С. 162–190.
- Сталин и роман Льва Толстого "Воскресение" // ОИ. № 1. С. 22–35.

2004

- Тайная жизнь Сталина: По материалам его библиотеки и архива: К историософии сталинизма. 3-е изд. испр. и доп. М. 480 с.
- К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 году // НиНИ. № 5. С. 179–213.
- Подготовка историков-архивистов: (К выходу в свет сборника нормативно-методических документов по специальности "Историко-архивоведение") // ОА. № 5. С. 5–62.

2005

- Tajný život Stalina: Podle materiálů z jeho knihovny a tajných archivů. Olomouc: Fontana. 508 p.
- Vita segreta di Stalin: Le lecture, il profile psicologico e intelletuale. Boroli Editore. 429 p.

- Архитектор "Вавилонской башни": (К философии истории сталинизма) // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века: Материалы "Круглого стола" 4 марта 2003 г. М. С. 45–58.
- Секретаришка генералиссимус: Беседа с Л. Аннинским // Родина. № 3. С. 7–11.
- "В языкознании познавший толк...": Как Сталин участвовал в лингвистической дискуссии // История: Научно-методическая газета для учителей истории и обществоведения. № 11. 1–15 июня. С. 6–16.

2006

- Образ Сталина: Взгляд из XXI века. СПб.: Изд-во СПбГУП. 34 с. (Серия: Избранные лекции Университета; вып. 44).
- Народный архив // Московский архив: Историко-краеведческий альманах. М. Вып. 4. С. 749–758.
- Стрелял ли поэт? К 165-летней годовщине трагической гибели М.Ю. Лермонтова // История: Научно-методическая газета для учителей истории и обществоведения. № 19. 1–15 окт. С. 6–15.

2007

- И Слово воскрешает... или "Прецедент Лазаря": 25 тезисов и развернутое дополнение к светской теории воскрешения: По материалам Народного архива. СПб.; М.: Летний сад. 487 с.
Рец.: Козлов В.П. // ОА. 2007. № 5. С. 115–119.
- [Выступления и участие в дискуссии за "Круглым столом" "Февральская революция 1917 года в российской истории"] // ОИ. № 5. С. 9, 10, 17, 18, 24, 27, 28.
- Иосиф Сталин и Иван Грозный // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире: VII Международные Лихачевские научные чтения 24–25 мая 2007 года. СПб. С. 282–284.
- Иосиф Сталин и Иван Грозный // РГГУ. Вестник гуманитарной науки. № 4 (94). С. 98–99.
- Философия войны солдата Жукова: "...И никто из этих войн не выходит красивыми – ни победители, ни побежденные..." // Родина. № 5. С. 2–6.
- Зачем переработали сталинскую life "на мыло"? // Московские новости. 2–8 февр. С. 34.

Ожившие манекены: Полемиические заметки о телесериале “Сталин. Life” // История: Научно-методическая газета для учителей истории и обществоведения. № 7. 1–15 апр. С. 32–34.

2008

“...Думали только о нашей любимой историко-архивной науке”: Беседа с Т.И. Бондаревой // ОА. № 1. С. 77–86.

Польша и поляки в оценках и представлениях Сталина: Между Польшей довоенной и Польшей послевоенной // Историк и художник. № 1/2. С. 43–67.

Сталин о Гитлере, Гитлер о Сталине // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения 22–23 мая 2008 года. СПб. С. 225–226.

Голоса со свалки истории. Уникальный “Народный архив” переживает тяжелые времена: Интервью М. Расвской // Вечерняя Москва. 6 февр.

Позитив и негатив истории XX века [выступления за “Круглым столом” в редакции газеты “История – Первое сентября”, посвященный обсуждению концепции нового учебника “История России 1900–1945 гг.”, готовящегося к выходу в издательстве “Просвещение”] // История: Научно-методическая газета для учителей истории и обществоведения. № 20. 16–31 окт.

2009

История России. XX век: Учеб. для вузов: В 2 т. М. (коллектив авторов).

Воспоминания счастливого человека // Батурина А.Н. Я прожила счастливую жизнь. М. С. 3.

Документ: от функции управления к историческому образу: (Об информационных преобразованиях) // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступлений на шестой Всерос. научн. конф. 16–17 июня. М. С. 25–37.

“Не место красит человека, а человек – место” – обманчивая диалектика старинной русской поговорки, или преломления марксистского дискурса: “центр – периферия” в сталинском имперском строительстве // В центре и на периферии европейского сознания, XV–XX: Международная конференция. Германский

исторический институт в Москве, 24–26 сентября 2009 г. М.С.

Ответ Сталина на вопросы студента Холопова в ходе языковедческой дискуссии 1950 года: (Источниковедческий аспект) // НиНИ. № 3. С. 149–159.

2010

Когда “марксистская материократия обратится в психократию”: (Учения Н. Федорова и К. Маркса: линии схождения и расхождения) // “Служитель духа вечной памяти”: Николай Федорович Федоров: (К 180 летию со дня рождения): Сб. науч. ст. М. Ч. 2. С. 132–139.

[“Народный архив”: доклад] / Архивный коллоквиум 10 апреля 2008 г. “Общественные архивы”: Стенограмма // Германский исторический институт в Москве: Бюллетень. № 4. С. 116–120.

2011

О судьбоносных диалогах с прошлым (Обаяние зла: от культа живой к культу мертвой личности Сталина) // Диалоги культур в условиях глобализации: XI Международные Лихачевские научные чтения 12–13 мая 2011 года. СПб. Т. 1: Доклады. С. 315–320.

Обаяние зла: от культа живой к культу мертвой личности Сталина // Научный православный взгляд на ложные исторические учения. М. С. 383–407.

Ответ Сталина на вопросы студента Холопова в ходе языковедческой дискуссии 1950 г.: (источниковедческий аспект) // Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской. М. С. 476–490.

Утопизм, новаторство и архаика в сталинском имперском строительстве: (О социальном конструктивизме) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы Международной научной конференции, Москва, 5–7 декабря 2008 г. М. С. 615–631.

On crucial dialogues with the past (The charm of evil: from the living to the cult of the dead personality of Stalin) // Dialogue of cultures under globalization: 12th International Likhachov scientific conf., may 17–18, 2012. SPb. Vol. 1: Proceedings of the conference. P. 69–73.

2012

Почетный академик Сталин и академик
Март: О языковедческой дискуссии
1950 года и проблемах с нею связанных.
М.: Вече. 500 с.
Тайная жизнь Сталина: По материалам его
библиотеки и архива: К историософии

сталинизма. 4-е изд. испр. и доп. М.:
Вече. 500 с.
Царь, генсек и историк: Сталин и образ
Ивана Грозного в трудах Р.Ю. Виппера //
История: Научно-методический журнал
для учителей истории и обществознания.
Ноябрь. С. 28–38.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ С.С. ИЛИЗАРОВА

(К 60-летию со дня рождения)*

1976

Русский город глазами историков XVIII в. // Русский город: (историко-методологический сборник). М. С. 139–164.

1977

Вопросы топонимики в трудах В.Н. Татищева // ВИЕТ. М. Вып. 3/4 (56/57). С. 92–95.

1978

Анкеты XVIII в. как источник по историографии города // Теория и практика источниковедения и археологии отечественной истории. М. С. 87–97.

История создания и публикации первого русского географического словаря // АЕ за 1977 год. М. С. 90–97.

Рец. на кн.: История городов Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1977 // ИСССР. № 6. С. 180–182.

1979

Город в источниках петровской эпохи // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М. С. 114–130.

Пушкинский район 50 лет назад // Маяк. 1 февр.

1980

Воспоминания о В.И. Ленине как источник по истории техники // Материалы заседания к 110-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина: В.И. Ленин и научно-технический прогресс. М. С. 26.

Городовое летописание как источник по историографии города: (к постановке вопроса) // Источниковедение и историография: Специальные исторические дисциплины. М. С. 132–136.

1981

Институт истории естествознания и техники: (Краткий обзор). М.: Наука. 131 с. Совм. с О.А. Лежневой.

То же на англ. яз.: Institute of the History of natural sciences and Technology: (Brief Review). М.: Nauka. 139 p. Совм. с О.А. Лежневой.

Русский феодальный город в историографии и источниках XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 25 с.

Чл. редкол.: Памятники науки и техники. Ежегодник. М.: Наука, 1981–1990.

1983

Институт истории естествознания и техники Академии наук СССР // Общественные науки. № 5. С. 162–170.

Источники по истории техники: (X Симпозиум Международного координационного комитета по истории техники) // ВИЕТ. № 3. С. 167–168.

Sources of the history of technology and their peculiarities: (The structure of the source basis) // Acta Historiae rerum naturalium nec non technicarum. Special Issue, 17. Prague. P. 409–426.

1984

Документы из архива С.Л. Соболя по организации в СССР Музея истории науки и техники // Памятники науки и техники: Ежегодник. 1982–1983. М. С. 186–199.

Об опыте по созданию Музея истории науки и техники // ВИЕТ. № 3. С. 137–146.

Проблемы истории русского города // ИСССР. № 3. С. 176–180.

1985

Институт истории естествознания и техники: Краткая история. Структура института. Библиография. М.: Наука. 136 с. Совм. с О.А. Лежневой.

То же на англ. яз.: Institute of the History of natural Sciences and Technology: Brief Historical Background. Structure of the Institute. Bibliography. М.: Nauka. 139 p. Совм. с О.А. Лежневой.

О реконструктивной модели развития и накопления научного знания // ВИЕТ. № 4. С. 58–65. Совм. с Б.С. Илизаровым.

* 21 марта 2010 г. исполнилось 60 лет со дня рождения историка науки и техники, археографа, московеда, доктора исторических наук, профессора Симона Семеновича Илизарова, руководителя отдела историографии и источниковедения истории науки и техники ИИЕТ РАН, заведующего кафедрой научно-технических и экономических архивов и документов ИАИ РГГУ, члена АК РАН.

Сост.: К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин
о науке и технике. М. Т. 1. 520 с. Т. 2.
480 с. В соавторстве.

1986

- На путях к музею науки и техники // Памятники науки и техники: Ежегодник. 1984. М. С. 237–249.
- О формировании термина “исторический источник” в русской научной литературе XVIII в. // Источниковедение отечественной истории. М. С. 199–210.

1987

Рец. на кн.: Медушевская О.М. Источниковедение социалистических стран: Учеб. пособие. М., 1985. 104 с. // СА. № 6. С. 88–90.

1988

- Научный аппарат античности: коллекции и музеи // В.И. Вернадский и отечественная наука: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. по истории науки, посвящ. 125-летию со дня рождения В.И. Вернадского (Одесса, 18–21 апреля 1988 г.). Киев. С. 31.
- Памятники науки и техники в коллекциях и музеях Древнего мира // Памятниковедение науки и техники: теория, методика, практика. М. С. 188–209.
- “Предисловие” к историографии истории науки и техники // Современные исследования по науковедению и истории науки. М. С. 3–12.
- Публикация источников по истории отечественного естествознания: (К постановке вопроса) // Актуальные вопросы, теории, методики и истории публикации исторических документов: Межвуз. сб. статей. М. С. 24–37.
- Формирование источниковой базы истории науки: корпус опубликованных источников // Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников: Тез. докл. Всесоюз. науч. сессии (Кутаиси, 18–20 октября 1988 г.). Тбилиси. С. 62–64.

1989

- Институт истории естествознания и техники: Развитие и организация изучения истории науки и техники. М.: Наука. 166 с. Совм. с О.А. Лежневой.
- Тоже на англ. яз.: Institute of the History of natural sciences and Technology: Development and organization of research

into the history of science and technology. М.: Nauka. 167 p. Совм. с О.А. Лежневой.

- Материалы к историографии истории науки и техники: Хроника. 1917–1988 гг. М.: Наука. 295 с.
- Организация в СССР исследований в области истории естествознания и техники. М.: Наука. 118 с. В соавторстве.
- Динамика городского образования в России в XVIII в. // II Всесоюзная конференция по историческому краеведению: Тез. докл. и сообщ. (апрель 1989 г.). Пенза. С. 193–194.
- За строкой архивного документа // Природа. № 2. С. 125–128.
- Некоторые проблемы изучения источниковой базы истории науки // Теория и методика историографических и источниковедческих исследований: Межвуз. сб. статей. Днепропетровск. С. 140–145.
- Советские издания к XVIII Международному конгрессу по истории науки // ВИЕТ. № 4. С. 152–153.
- Analyse der Geschichte wissenschaftlicher Kenntnisse und der Staatsaufbau in Russland und der UdSSR // Studies on the History of Science and Technology: The abstracts of the papers of Soviet scientists presented to XVIIIth International Congress of History of Science (FRG, Hamburg–Munich, 1 st–9 th August 1989). М. Р. 48–49.
- “Wege und Schicksale der Wissenschaftsgeschichte” in Russland und in der UdSSR // Die Fragen der Geschichte der Naturwissenschaft und Technik. № 2. S. 33–41.

1990

- За стенами Кремля // ВИЕТ. № 4. С. 75–76, 79–80.
- История одного памятника: О кельпёперовском микроскопе, подаренном русским ученым японскому капитану в 1791 г. // ВИЕТ. № 2. С. 53–58.
- Коричневые цвета сорок девятого года // Вторая конференция по социальной истории советской науки: Тезисы (Москва, ИИЕТ АН СССР, 21–24 мая 1990 г.). М. С. 20.
- Коротко о событиях // ВИЕТ. № 2. С. 165–166; № 3. С. 169–171; № 4. С. 161–163.
- Некоторые особенности развития источниковедения истории науки и техники // Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины: Теория и методика: Межвуз. сб. статей. М. С. 45–63.

40 лет археографической серии “Научное наследство” // АЕ за 1989 год. М. С. 3–18. Совм. с И.Р. Грининой.

Юбилей старейшего студенческого научно-общественного сообщества: (Кружку источниковедения истории СССР – 40 лет) // ВИЕиТ. № 3. С. 168–169. Совм. с И.Р. Грининой.

1991

Коротко о событиях // ВИЕТ. № 1. С. 160–162; № 2. С. 161–163; № 3. С. 168–170; № 4. С. 142–143.

Первые научные известия о Восточно-Белорусских землях Российской империи // Наш Радавод: Материалы Международной научной конференции по региональной истории Восточной Европы “Культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии. XIII – начало XX в.”. Гродно. С. 11–13.

Роль стереотипов в компенсации текстовых лакун // Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвящ. памяти А.Л. Станиславского: Тезисы докл. и сообщ. (Москва, 27 января – 1 февраля 1991 г.). М. С. 97–98.

Создадим фонд изобразительных источников по историографии истории науки и техники // ВИЕТ. № 2. С. 168–169.

1992

Коротко о событиях // ВИЕТ. № 1. С. 160–161; № 2. С. 168–170; № 3. С. 168–170; № 4. С. 163–165.

1993

Формирование в России сообщества историков науки и техники. М.: Наука. 192 с.

Была ли встреча председателя СНК В.И. Ленина с группой петроградских ученых 8 ноября 1917 г.? // Источниковедение XX столетия: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. (Москва, 28–30 января 1993 г.). М. С. 118–119.

Динамика горообразования в Российской империи XVIII в.: (В контексте развития урбанистической мысли) // Историческое краеведение: По материалам II Все-союзной конференции по историческому краеведению. Пенза. С. 53–62.

ИИЕТ в 1953 году // ВИЕТ. № 4. С. 88–116. “Кот, который ходит сам по себе” // ВИЕТ. № 4. С. 130–133.

Коротко о событиях // ВИЕТ. № 1. С. 163–166; № 2. С. 156–158; № 3. С. 167–168; № 4. С. 163–164.

Публ.: Б.Г. Кузнецов. Из прошлого истории естествознания в СССР // ВИЕТ. № 4. С. 133–139.

Публ.: “По данным агентуры и оперативной техники...”: Справка КГБ об академике Л.Д. Ландау // ИА. № 3. С. 151–161.

Публ.: “Через агентуру и технику...” // Лит. газета. 3 нояб.

1994

Житие историка науки Н.А. Фигуровского им самим написанное [Н.А. Фигуровский. Автобиографические заметки и воспоминания] // ВИЕТ. № 2. С. 131–149.

Историографические традиции в заполнении текстовых лакун // Мир источниковедения: (Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта). М.; Пенза. С. 198–202.

Рец.: Триптих об ученом-герое: [Рец. на кн.: Отто Юльевич Шмидт – энциклопедист / сост. Г.В. Якушева. М., 1991. 160 с., ил.; *Никитенко Н.Ф.* О.Ю. Шмидт: Кн. для учащихся 8–11 кл. сред. шк. М., 1992. 158 с., ил.; *Матвеева Л.В.* Отто Юльевич Шмидт (1891–1956). М., 1999 (научно-биографическая литература)] // ВИЕТ. № 4. С. 154–156.

Публ.: Берия и теория относительности // ИА. № 3. С. 215–223. Совм. с Л.И. Пушкаревой.

Публ.: “Публиковать нецелесообразно”: Статья академика П.Л. Капицы “Ядерная энергия”, запрещенная ЦК КПСС к изданию. 1955 г. // ИА. № 6. С. 112–134.

Публ.: Сухаревка. Май 1920-го // Моск. правда. 7 июня.

Публ.: Академический июнь 1958-го // Моск. правда. 19 июля.

Публ.: Герард Миллер, историк первопрестольной // Моск. правда. 22 нояб.

История одной фотографии // Вечерняя Москва. 24 нояб.

Возвращение Николая Куна // Моск. правда. 29 нояб.

1995

Академик Г.Ф. Миллер и пробуждение российской провинциальной научности // III Всероссийская научная конференция “Российская провинция XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни”: Тез. докл. Пенза. С. 40–42.

Источниковедение истории науки: Развитие. Состояние. Перспективы // Архив

- истории науки и техники. М. Вып. 1. С. 19–35.
- Партаппарат против Тамма // Природа. № 7 (Специальный выпуск к 100-летию Игоря Евгеньевича Тамма). С. 118–123.
- Разбуженные словом А.А. Зимины // Россия в X–XVIII вв. Проблемы источниковедения: Тезисы докл. и сообщ. вторых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимины (Москва, 26–28 января 1995 г.). М. С. 36–38.
- Ученый и власть: штрихи к истории проблемы // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1995. М. С. 86–89.
- Публ.: Автобиография Н.А. Куна // ИА. № 3. С. 205–210.
- Публ.: Бертран Рассел, Петр Капица и ЦК КПСС // ИА. № 1: Россия и Великобритания XVI–XX вв. С. 134–142.
- Публ.: Н.А. Фигуровский. Москва – Казань – Москва. Начало Отечественной войны // Природа. № 5. С. 120–128.
- Чл. редкол.: Архив истории науки и техники. Вып. 1. Сб. статей. М. 256 с.
- Scientific devices in the 18th century Russian culture // XIV scientific Instrument Symposium. National Technical Museum: Abstract of paper. Prague, 23–28 September. 1995. P. 13.

1996

- Академик Г.Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и Московской провинции. М.: Янус. 256 с.
- Академик Герард Фридрих Миллер – гражданин Москвы // ВИЕТ. № 4. С. 50–92.
- Атомный проект – Ландау – ЦК КПСС // Наука и общество: История советского атомного проекта (40-е–50-е годы): Тезисы докл. Междунар. Симпозиума “Наука и общество: История советского атомного проекта (40-е–50-е годы)”. Дубна, 14–18 мая 1996. М. С. 50.
- “Для Всѣхъ”: Ученый и просветитель академик Г.Ф. Миллер в судьбах российской провинциальной научности // Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни: Материалы III Всероссийской научной конференции (Пенза, 25–29 июня 1995 г.). Пенза. Кн. 2. С. 257–266.
- Отдел науки ЦК КПСС в период политического кризиса 50-х годов // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1996. М. С. 79–87.

- Фундаментальная наука периода “оттепели” – распознавание образа под личиной канона // Историковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 29–31 января 1996 г. М. С. 286–287.
- Чл. редкол.: Вопросы истории естествознания и техники (по н/в.).
- Чл. коллектива составителей: Исторический лексикон. XVIII век: Энциклопедический справочник. М. 800 с.
- Год славы академика Сахарова // Моск. правда. 16 мая.

1997

- Москва в описаниях XVIII века. М.: Янус-К. 320 с.
- Ред.-сост.: Москва научная. М.: Янус-К. 520 с. Совм. с Е.А. Беляевым.
- “В Москве выросла новая наука” // ВИЕиТ. № 3. С. 55–58.
- Герард-Фридрих Миллер – первый московский академик // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы: Междунар. науч.-ист. конф., посвящ. 850-летию Москвы, 5 июня 1997 г., Москва: Тез. докл. М. С. 16–21.
- Из опыта преподавания истории науки и техники // Архив истории науки и техники. М. Вып. 2. С. 61–74.
- Историк Москвы Николай Иванович Фальковский // Фальковский Н.И. Москва в истории техники. М. С. 3–14.
- К вопросу о когнитивных и социальных функциях истории: функция забывания // Исторический источник: человек и пространство: Тезисы докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 3–5 февр. 1997 г. М. С. 314–316.
- Как меняли президентов Академии наук СССР: (40–50-е годы) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1997. М. Ч. 1. С. 136–140.
- От составителей // Москва научная. М. С. 5–6.
- Первые исследователи Москвы: зарождение и формирование традиции москововедения // Там же. С. 93–135.
- Японский трактат “Хокуса Монряку” как источник по истории науки в России второй половины XVIII века // Архив истории науки и техники. М. Вып. 2. С. 217–230.
- Рец. на кн.: Аксенов А.И. С любовью к Отечеству и просвещению: А.И. Мусин-Пушкин. Рыбинск, 1994. // ОИ. № 3. С. 192–195.

Публ.: С.И. Вавилов. Из истории науки в Москве // ВИЕТ. № 3. С. 58–61.

Публ.: Письма М.И. Ильинского академику Г.Ф. Миллеру // ИА. № 5/6. С. 183–192. Совм. с И.Р. Грининой.

Публ.: “Споспешествовать всеобщему благу”: Завещание первого московского архивиста академика Г.Ф. Миллера, 1783 г. // ИА. № 3. С. 35–43. Совм. с И.Р. Грининой.

Ред.: *Фальковский Н.И.* Москва в истории техники. М. 320 с., ил.

Ред.: *Щербо Г.М.* Сухарева башня. Исторический памятник и проблема его воссоздания. М. 44 с., ил.

Чл. редкол.: История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М. 254 с.

Чл. редкол.: Архив истории науки и техники. Сб. статей. М. Вып. 2. 272 с.

Возвращенная рукопись: Статья академика Сергея Вавилова спустя полвека выходит на страницах “МП” // Моск. правда. 16 сент.

1998

Партаппарат против Тамма // Капица. Тамм. Семенов. М. С. 339–350.

Михаил Иванович Ильинский (около 1730–1795) // Историки России XVIII–XX веков. М. Вып. 5. С. 4–14.

Эрнест Кольман, Никита Хрущев и ИИЕТ // ВИЕТ. № 1. С. 152–156.

Публ.: Документы о пребывании Эрнеста Кольмана в Институте истории естествознания и техники АН СССР // ВИЕТ. № 1. С. 156–161.

На зигзагах истории и науки: Интервью с Ольгой Александровной Лежневой // ВИЕТ. № 2. С. 180–195; № 3. С. 125–137. Совм. с Вл.П. Визигиным.

“О море, о пережитом и передуманном...”: (Интервью с Александром Филипповичем Плахотником) // ВИЕТ. № 1. С. 162–178. Совм. с И.И. Мочаловым.

Чл.редкол.: Серия РАН “Научно-биографическая литература” (по н/в).

Чл.редкол.: Сборник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная конференция (по н/в).

1999

Московская интеллигенция XVIII века. М.: Янус-К, Московские учебники и картолитография. 370 с. (Серия: Деятели науки и просвещения Москвы XVIII–XX вв. в портретах и характеристиках).

“...Мы разгоним к чёртовой матери Академию наук”, – заявил 11 июля 1964 г. первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев // ВИЕТ. № 1. С. 167–173.

Орден для советских ученых: Нереализованный проект 1946 года // ВИЕТ. № 4. С. 103–106.

Русский путь длиной 275 лет // Российская академия наук: 275 лет служения России. М. С. 38–47.

Первый очерк истории Академии наук и его автор И.Д. Шумахер // Там же. С. 755–758.

“Свои чужие”: Из истории социальной стратификации советской научной элиты // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1998. М. С. 170–176.

«Я низведен до уровня “ученого раба”»: (Атомный проект – Ландау – ЦК КПСС) // Наука и общество: история советского атомного проекта (40-е–50-е годы) (ИСАП-96, Дубна, 14–18 мая 1996). М. Т. 2. С. 245–254.

Публ.: Документы Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) о проекте учреждения орденов имени М.В. Ломоносова, Д.И. Менделеева, Н.И. Пирогова и И.П. Павлова // ВИЕТ. № 4. С. 107–123. Совм. с Д.А. Шибаевым.

Ред.-сост.: Российская академия наук: 275 лет служения России / отв. ред. В.М. Орел, ред.-сост. С.С. Илизаров. М.: Янус-К. 800 с.

2000

Мундиры для советской профессуры: (нереализованный проект 1949 г.) // ВИЕТ. № 2. С. 102–114. Совм. с А.А. Жидковой.

О С.О. Шмидте, москвоведении и творческой интеллигенции: (памятные записки) // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Отговича Шмидта Историко-архивному институту. М. С. 351–353.

Публ.: Документы о проекте установления персональных званий для работников высшего образования и о заведении форменной одежды для студентов высших учебных заведений и работников высшего образования 1949 г. // ВИЕТ. № 2. С. 115–128. Совм. с А.А. Жидковой.

Историк А.А. Фурсенко рассказывает // ВИЕТ. № 2. С. 129–148.

2001

- Битва за Москву: История Московской зоны обороны. М.: АО "Московские учебники и картолитография". 448 с. Совм. с С.В. Костиной.
- Ильинский Михаил Иванович // Историки России: Биографии. М. С. 33–40.
- О доминантах российской историографии науки // Принципы историографии естествознания: XX век. СПб. С. 353–363.
- "Основные события в историографии естествознания России и СССР в XX веке" // Там же. С. 364–446.
- Последний рассказ историка науки: интервью с Г.Е. Павловой (6 июля 1999 г., ИИЕТ РАН) // ВИЕТ. № 1. С. 157–180.
- Науч. ред.: Юркин И.Н. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства: Опыт науковедческой картографии. М. 333 с. Совм. с Н.К. Ламаном.

2002

- Творцы техники и градостроители Москвы (до начала XX века). М.: Янус-К, Московские учебники и картолитография. 378 с. (Коллективный труд). Автор предисловия "Сотворившие град" и 179 очерков.
- Комплексный проект ИИЕТ "Архив науки и техники в живом образе и звуке" // Материальная база сферы культуры: Аудиокультурология и аудиоархивистика: научн.-информ. сб. М. Вып. 3, ч. 1. С. 23–27.
- Материалы к биографии Н.А. Фигуровского // Вестн. Моск. ун-та. Серия 2: Химия. № 2. С. 83–86.
- Санкт-Петербургская академия наук на пространстве Российской империи // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2002. М. С. 43–49.
- Эмблемы научно-технического характера в русских гербах XVIII в. // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции. Москва, 18–19 апреля 2002 г. М. С. 220–223.
- Рец.: Мезяц Г.А. Спасти науку. М.: Наука, 2001 // Вестник РАН. Т. 72. № 9. С. 847–850.
- Сост.: Наука и техника // Россия: Хроника основных событий: IX–XX века. М.: РОССПЭН. 896 с. В соавторстве.

Ред.-сост.: Творцы техники и градостроители Москвы: (до начала XX века). М. 378 с. Совм. с З.К. Соколовой.

2003

- История науки и техники в Москве: (Учебно-методические материалы). М.: Янус-К. 280 с. Совм. с О.А. Вальковой, М.В. Мокровой.
- Аудиовизуальная антропология науки: проблемы и перспективы // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2003. М. С. 157–161.
- Гордость Москвы // Волков В.А., Куликова М.В. Московские профессора XVIII – начала XX века: Естественные и технические науки. М. С. 9–10.
- Историография истории науки и мотивация выбора исследовательских тем // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2003. М. С. 152–157.
- Своим путем: (историк науки и техники Л.И. Уварова) // ВИЕТ. № 1. С. 99–129.
- Отв. ред.: Волков В.А., Куликова М.В. Московские профессора XVIII – начала XX века: Естественные и технические науки. М. 294 с. (Серия: Деятели науки и просвещения Москвы XVIII–XX вв. в портретах и характеристиках).

2004

- Москва в науке и культуре России XVIII века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. 46 с.
- Становление урбанистики в России. Из истории научной мысли XVIII столетия. М.: Янус-К. 188 с.
- Академик Г.Ф. Миллер и книжная цивилизация России // Книга и мировая цивилизация: Материалы XI Международной научной конференции по проблемам книговедения (Москва, 20–21 апреля 2004 г.): В 4 т. М. Т. 2. С. 125–129.
- "Достойных людей память прославлять" – академик Г.Ф. Миллер – биограф деятелей Петровской эпохи // "Мы были": Генерал-фельдцейхмейстер Яков Брюс и его эпоха: Материалы Всероссийской научной конференции (12–14 мая 2004 г.). СПб. Ч. 1. С. 63–68.
- Историография истории науки и техники: Программа курса для специальности 07.00.10. – История науки и техники // Образовательная программа послевузов-

- ского профессионального образования: История науки и техники. М. С. 39–50.
- Источниковедение истории науки и техники: Программа курса для специальности 07.00.10. – История науки и техники // Там же. М. С. 51–74.
- Творческая биография и доминантные мотивы деятельности Г.Ф. Миллера // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова: Годичная научная конференция, 2004. М. С. 278–281.
- Устная история науки и проблемы археографии аудиовизуальных источников // Там же. С. 282–287. Совм. с М.В. Мокровой.
- “Я – плюралист”: (Наш собеседник – профессор Лорен Грэхэм) // ВИЕТ. № 1. С. 135–157.

2005

- Герард Фридрих Миллер (1705–1783). М.: Янус-К. 96 с. (Серия: Российские истории науки и техники. Вып. 1).
- Академик Герард Фридрих Миллер – историк науки: (к 300-летию со дня рождения) // ВИЕТ. № 3. С. 70–95; № 4. С. 155–182.
- Голосом Яншина // Академик Александр Леонидович Яншин: воспоминания, материалы: В 2 кн. М. Кн. 2. С. 61–79.
- “Известия о ландкартах...” Г.Ф. Миллера как памятник историко-научной мысли // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2005. М. С. 125–128.
- Научно-издательский проект “Москва в истории науки и техники”: итоги первого десятилетия // Международная научная конференция “Роль книгоиздания в развитии международных научных и культурных контактов”. Москва, 21–23 сентября 2005 г. М. С. 128–132.
- Санкт-Петербургская академия наук на пространстве Российской империи // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: материалы научной конференции (Пенза, 25–26 июня 2001 г.): В 2 кн. М. Кн. 2. С. 45–52.
- Чл. редкол.: Академик Александр Леонидович Яншин: воспоминания, материалы: В 2 кн. М. (Серия: Ученые России: очерки, воспоминания, материалы).
- Chinese Portfolios of Gerard Miller to 300s Anniversary of Science // XXII International Congress of History of Science: Book of Abstracts. Chinese: Academy of Science. P. 373.

Сост., вступ. ст., примеч.: Миллер Г.Ф. Избранные труды. М.: Янус-К; Московские учебники и картолитография. 816 с. (Серия: Москва: Памятники научной мысли).

- Г.Ф. Миллер и книжная цивилизация России // Книжная культура в трудах ученых стран СНГ. М. С. 73–77.
- Историография истории науки и техники: Программа курса для специальности 07.00.10. – История науки и техники // Аспирантура РГГУ: Образовательные программы: Исторические науки. М. С. 292–298.
- Источниковедение истории науки и техники: Программа курса для специальности 07.00.10. – История науки и техники // Там же. С. 299–315.
- К вопросу о формировании в XVIII в. исторического сознания: особенности восприятия “древностей российских” // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2006. М. С. 230–234.
- Научно-издательский проект “Москва в истории науки и техники”: итоги первого десятилетия // Научная книга. № 1/4. С. 27–29.
- Профессор Г.Ф. Миллер и учебная литература по истории и географии в изданиях Московского университета XVIII века // Книжная культура: Опыт прошлого и проблемы современности: К 250-летию вузовского книгоиздания в России: Материалы Международной научной конференции (Москва, 20–21 сентября 2006 г.). М. С. 145–148.
- Публ.: Кончина “безсмертного мужа”: Записка М.Н. Соколовского о Г.Ф. Миллере. 1783 г. // ИА. № 1. С. 29–42. Совм. с И.Р. Грининой.
- Отв. ред.: Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С.* Московские профессора XVIII – начала XX века: Гуманитарные и общественные науки. М. 300 с. (Серия: Деятели науки и просвещения Москвы XVIII–XX вв. в портретах и характеристиках).
- Науч. ред.:* История техники: Библиографический указатель. 1986–1990. М. 320 с. Совм. с Г.Г. Григоряном.

2007

- Отдел науки ЦК ВКП(б) – КПСС: первое десятилетие // Архив истории науки и техники. М. Вып. 3. С. 82–112.

- Рассказы историков науки: Г.П. Матвиевская // Там же. С. 443–477.
- Санкт-Петербург и Москва в жизни и творчестве Г.Ф. Миллера // Г.Ф. Миллер и русская культура. СПб. С. 15–36.
- “...для ученых Москвы двери открыты”: Интервью с генеральным директором Московского комитета по науке и технологиям профессором Д.А. Рототаевым // ВИЕТ. № 4. С. 146–171.
- Отв. ред.:* Архив истории науки и техники: Сб. статей. М. Вып. 3. 479 с.
- Чл. редкол.:* Московская энциклопедия. М. Т. 1: Лица Москвы, кн. 1: А–З. 640 с.

2008

- Академический потенциал Москвы: Московские академики XVIII–XX веков. М.: Янус-К. 520 с. Совм. с М.В. Мокровой.
- Авт.-сост.:* “Я пришел в ИИЕТ...”: Вспоминают ветераны. М.: Янус-К. 224 с. (Серия: Российские историки науки и техники. Вып. 2).
- Сост.:* Хроника событий в историографии естествознания в России [1996–2005] // Историография естествознания на рубеже тысячелетий. СПб. С. 406–495.
- Академик Г.Ф. Миллер и развитие наук о Земле // История наук о Земле: исследования, этапы развития, проблемы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 25–27 ноября 2008 г.): Сборник. М. С. 68–70.
- Еще раз об академике Г.Ф. Миллере, его наследии, друзьях и недругах // ВИЕТ. № 2. С. 12–25.
- Первый научный труд по истории русских морских открытий XVII – первой трети XVIII в.: “проблема” авторства // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2007. М. С. 231–235.
- “Человек, одаренный красотой, обаянием, жизнелюбием...”: (к 80-летию со дня рождения Зинаиды Кузьминичны Соколовской) // ВИЕТ. № 1. С. 208–212.
- Чл. редкол.:* Московская энциклопедия. М. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 2: И–М. 624 с.

2009

- Сост., вступ. ст., примеч.:* Путеводитель к древностям и достопамяностям московским. М.: Янус-К. Московские учебники. 560 с. (Серия: Москва: Памятники научной мысли).
- Авт.-сост.:* Постников Алексей Владимирович: Материалы к биобиблиографии.

- М.: Янус-К. 88 с. (Серия: Российские историки науки и техники. Вып. 3). Совм. с А.А. Жидковой.
- Авт.-сост.:* Соколовская Зинаида Кузьминична: Материалы к биобиблиографии. М.: Янус-К. 78 с. (Серия: Российские историки науки и техники. Вып. 4). Совм. с А.А. Жидковой.
- Сост., вступ. ст., примеч.:* Фигуровский Н.А. “Я помню...”: Автобиографические записки и воспоминания. М.: Янус-К. 604 с.
- Воспоминания Н.А. Фигуровского как исторический источник // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2008. М. С. 193–195 Совм. с И.Р. Грининой.
- Историография российской истории науки и техники по мемуарным источникам // Там же. С. 195–197.
- Петербургские академики в Москве в XVIII в. // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная конференция, 2009. М. С. 191–194. Совм. с И.Р. Грининой.
- “Пропавшие” академики (лакуны в академическом списке XVIII–первой половины XIX вв.) // Там же. С. 197–201.
- Публ.:* Мастера русской историографии: Герард Фридрих Миллер (1705–1783) // ИА. № 5. С. 162–177.
- Публ.:* Мастера русской историографии: Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) // ИА. № 2. С. 195–210. Совм. с А.А. Чернобаевым.
- S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology: 55 years of development (1953–2008). М. 156 с. Совм. с Н.А. Росстовской.
- Transfer of European Scientific Traditions in 18th century Russia // 3rd International Conference of the European Society for the History of Science. Vienna, The Austrian Academy of Sciences. P. 141–142.

2010

- История науки и техники: от зарождения исследовательского направления до формирования в России профессионального сообщества // Архив истории науки и техники: Сб. статей. М. Вып. 4 (13). С. 5–91.
- Интервью с Григорием Моисеевичем Идлисом // Там же. С. 484–564.
- Начала русской научной литературы // ВИЕТ. № 2. С. 49–81.

Отв. ред.: Архив истории науки и техники: Сб. статей. М. Вып. 4 (13). 564 с.

Чл. редкол.: Московская энциклопедия. М. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 3: М–Р. 640 с.

2011

Аудиовизуальные аспекты историографии истории науки // Технотронные документы – информационная база источниковедения и архивоведения. М. С. 189–198. Совм. с М.В. Мокровой.

Историк техники и педагог, профессор А.А. Кузин: (к 100-летию со дня рождения) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2011. М. С. 37–44.

Проект “Российские историки науки и техники” как исследовательская задача // Там же. С. 139–141.

Ломоносов – Культурный герой России // Новое о Ломоносове: Материалы и исследования: К 300-летию со дня рождения. М. С. 3–4.

“Слово похвальное... Петру Великому” – неизданное произведение М.В. Ломоносова // Там же. С. 7–47.

Материалы М.В. Ломоносова в Российском государственном архиве древних актов // Там же. С. 81–143.

Неизвестный памятник научной мысли – Географический лексикон 1779 года (предварительное сообщение) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2010. М. С. 377–381.

Обоснование в работе Г.Ф. Миллера над историческими источниками // АЕ за 2006 год. М. С. 208–235.

Первый год работы Г.Ф. Миллера в Московском архиве Коллегии иностранных дел // Когнитивная история: концепция–методы–исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской. М. С. 168–181.

Ред.-сост.: Новое о Ломоносове: Материалы и исследования: К 300-летию со дня рождения. М. 420 с.

2012

Отечественная историография истории науки и техники: Хроника: 1901–2011. М.: Янус-К. 484 с.

Авт. сост.: Соболев Самуил Львович: Материалы к биобиблиографии. М.: Янус-К. 120 с. (Серия “Российские историки науки и техники”. Вып.: VIII). Совм. с И.Р. Грининой и др.

Публ., вступ. ст., коммент.: Географический лексикон Российского государства. М.: Янус-К. 608 с. (Серия: Москва: Памятники научной мысли).

Чл. редкол.: Московская энциклопедия. М. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 4: Р–Т. 696 с.

Чл. редкол.: Московская энциклопедия. М. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 5: У–Я. 640 с.

Статьи в энциклопедиях

Московская энциклопедия. М., 2007. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 1: А–З.

Августин (А.В. Виноградский), архиеп. С. 14; Агентов М.И. С. 19; Адодуров В.Е. С. 24; Алексеев И.П. С. 43; Амвросий (А.С. Зертис-Каменский), архиеп. С. 56–57; Андреевский И.С. С. 64; Аргамаков А.М. С. 78–79; Арсений (Антон Путилин Суханов), иеромонах. С. 85; Аршеневский В.К. С. 94; Бабст И.К. С. 108; Бантыш-Каменский Д.Н. С. 124; Бантыш-Каменский Н.Н. С. 124–125; Барсов А.А. С. 132–133; Барсук-Моисеев Ф.И. С. 133; Бауэр Ф.В. С. 144; Белькинд Л.Д. С. 160; Бецкой И.И. С. 174–175; Бляхер Л.Я. С. 185; Болотов А.Т. С. 204; Веселовский И.Н. С. 291; Войтяховский Е.Д. С. 317; Волобуев П.В. С. 323; Голиков И.И. С. 395; Деборин И.А. С. 485–486; Дюмулен П. С. 547–548; Евгений (Е.А. Болховитинов), митрополит. С. 549; Забелин И.М. С. 593; Зубов В.П. С. 625–626; Зубов П.В. С. 626–627.

Московская энциклопедия. М., 2008. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 2: И–М.

Ильинский М.И. С. 46; Карпинский А.П. С. 124–125; Келлерман А.Т. С. 150; Керестури Ф.Ф. С. 153; Керстенс И.Х. С. 154; Кирилов И.К. С. 163; Кирсанов В.С. С. 164–165; Койет Ю. С. 213; Колмогоров А.Н. С. 221; Кольман Э. С. 225; Комаров В.Л. С. 229–230; Комов И.М. С. 232–233; Космодемьянский А.А. С. 271; Кравец Т.П. С. 286; Крашенинников С.П. С. 295; Круть И.В. С. 311–312; Кузин А.А. С. 325; Кузнецов Б.Г. С. 328; Кузнецов В.И. С. 329; Кун Н.А. С. 347; Курика Ф.К. С. 353; Ламан Н.К. С. 377; Лейтман И.Г. С. 413; Ломоносов М.В. С. 459–460; Лукьянов П.М. С. 479; Магницкий Л.Ф. С. 500; Майстров Л.Е. С. 509–510; Максимович Л.М. С. 522; Малиновский А.А. С. 527; Медведев Ф.А. С. 583.

Московская энциклопедия. М., 2010. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 3. М–Р.

- Миллер Г.Ф. С. 16–17; Мичурин И.Ф. С. 55; Мудров М.Я. С. 93–94; Немиров С.А. С. 161; Несмеянов А.Н. С. 167; Нестерук Ф.Я. С. 170; Новиков П.А. С. 219–220; Орреус Г.М. С. 286; Осиповский Т.Ф. С. 290; Охтенский Ф.А. С. 304–305; Пагенкампф И.И. С. 322; Панкевич М.И. С. 330; Пельский А.И. С. 357; Погодин С.А. С. 437; Райнов Т.И. С. 588; Резанов И.А. С. 610; Рейхель И.Г. С. 614–615.
- Московская энциклопедия. М., 2012. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 4: Р–Т.
- Рожков Н.А. С. 25; Самарин А.М. С. 148–149; Самуил (С.Г. Мислаский), митрополит. С. 160–161; Серафим (С.В. Глаголевский), митрополит. С. 226–227; Симон (Стефан Лагов), архиепископ. С. 276; Софроний (Иоанн Младенович), игумен. С. 409; Старосельская-Никитина О.А. С. 435–436; Старостин Б.А. С. 436; Стефан (С.И. Яворский), митрополит. С. 454–455.
- Московская энциклопедия. М., 2012. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 5: У–Я.
- Фальковский Н.И. С. 56; Федоров А.С. С. 63; Федосеев И.А. С. 75 (совм. с В.А. Широковой); Феофил (Кролик), архимандрит. С. 92; Феофилакт (Ф.Н. Горский). С. 92–93; Феофилакт (Ф.Л. Лопатинский). С. 93–94; Фигуровский Н.А. С. 100–101; Чеботарёв Х.А. С. 265–266; Шварц И.Г. С. 381–382; Щербатов М.М. С. 520; Энгельмейер П.К. С. 546–547; Ювеналий (И.Г. Воейков). С. 561; Ярошевский М.Г. С. 617.
- Немцы России: энциклопедия. М., 2004. Т. 2: К–О.
- Миллер Федор Иванович. С. 509–513.
- Отечественная история с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1996. Т. 2; М., 2000. Т. 3.
- “Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие” // Т. 2. С. 126–127; Магницкий Леонтий Филиппович // Т. 3. С. 429–430.
- Российская музейная энциклопедия: В 2 т. М., 2001. Т. 1–2.
- Екатерина II // Т. 1. С. 179–180; Науки и техники музеи // Там же. С. 11–13; Петр I // Т. 2. С. 93–94.

III. ПУБЛИКАЦИИ

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА В ТОТЕМСКОМ УЕЗДЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII в.

(реплика к изучению демонологии)

В отечественной историографии в последние два десятилетия XX в. достаточно широко развернулось изучение магических верований и демонологии, которое успешно продолжается в настоящее время. Изыскания в этой области ведут историки и филологи, как русисты, так и слависты. Назову лишь некоторые из исследований, и, прежде всего, Н.Н. Покровского, Н.И. Толстого, затем Н.С. Демковой о жанровых истоках севернорусской повести XVII в., А.Н. Власова об устюжской литературе XVI–XVII вв., в том числе о Житиях Прокопия и Иоанна Устюжских, О.Д. Журавель, рассматривавшей сюжеты древнерусской литературы о договоре человека с дьяволом, а также работы Л.Н. Виноградовой, Л.Н. Власовой, А.С. Лаврова, Е.Б. Смилянской и др.¹

Разные аспекты указанной проблематики для времени до XVIII в. освещаются, по преимуществу, на основе памятников древнерусской литературы, а иные привлекаемые материалы, в том числе фольклорные, относятся в основном к XVIII–XIX вв. Специальное внимание было уделено столь незаурядному произведению, возникшему в Устюге во второй половине XVII в., как Повесть о бесноватой Соломонии, включенной в единый Иоанно-Прокопьевский цикл. Его изучали А.Н. Власов, и особенно разносторонне А.В. Пигин². Он предпринял текстологическое изучение Повести, охарактеризовал ее ли-

¹ *Покровский Н.Н.* Материалы по истории магических верований сибиряков XVII–XVIII вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII – начале XX в.: Сб. научн. трудов. Новосибирск, 1975; *Он же.* Тетрадь заговоров 1734 г. // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987; *Толстой Н.И.* Заметки по славянской демонологии // Язык и народная культура: Очерки по славянской демонологии и лингвистике. М., 1995; *Власов А.Н.* Устюжская литература XVI–XVII вв.: Историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995; *Он же.* Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010; *Демкова Н.С.* Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники: Сб. ст. СПб., 1997; *Журавель О.Д.* Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск, 1996; *Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000; *Власова М.Н.* Русские суеверия. СПб., 2000; *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М., 2000; *Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретика: Народная религиозность и “духовные преступления” в России XVIII в. М., 2003; *Коровашко А.В.* Заговоры и заклинания в русской литературе XIX–XX веков. М., 2009. Большой интерес представляют издания: *Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв.* / отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М., 2002; *Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в.* / сост., подгот. текстов, ст. и коммент. А.Л. Топоркова. М., 2010.

² *Пигин А.В.* Из истории русской демонологии XVII в.: Повесть о бесноватой Соломонии: Исследование и тексты. СПб., 1998.

тературное окружение в рукописях, проанализировал поэтику и идейное содержание. Ему принадлежит не только обстоятельное исследование Повести, но и ее научное издание по 130 известным спискам, их исчерпывающая археографическая характеристика, а также публикация текстов семи ее редакций³.

Обратился к Повести о Соломонии и А.Л. Юрганов. Он привлек имеющуюся литературу о памятнике, для того, чтобы совершить путь “от конкретного текста к реконструкции смыслов древнерусской культуры переходного периода”⁴. В первой главе он разбирает книгу А.В. Пигина, используя приведенную в ней историографию, подробно пересказывает ее содержание, выискивая несообразности, которые не соответствуют его, Юрганова, взгляду и интерпретации⁵. И при этом Юрганов в собственном переложении и пространных цитатах использует доводы и наблюдения А.В. Пигина. Приведу одно из них: “Основной комплекс демонологических мотивов Повести обязан своим происхождением двум средневековым представлениям о сожительстве людей с бесами и о бесноватости (одержимости)”, которые очень редко объединяются в русской традиции в одном тексте. Другое суждение Пигина, которое цитирует Юрганов: для реконструкции «древнерусских “преданий” о сожительстве женщины с нечистой силой современный исследователь располагает в основном поздними источниками – записями фольклористов и этнографов XIX–XX вв. и отдельными документами о колдовстве XVII в., а преимущественно XVIII в. Однако даже эти источники, – продолжает далее Пигин, – хотя и не могут полностью восстановить мифологический субстрат Повести, свидетельствуют о его соответствии древнерусским верованиям»⁶. Эти суждения Пигина, приведенные А.Л. Юргановым в обширных цитатах, породили следующую авторскую сентенцию: “Эти и другие оговорки Пигина, весьма обоснованные, позволяют сделать вывод, что мифологическая основа Повести восходит не к агиографии, а к народной культуре, но ее памятники не сохранились, за исключением фрагментов. Значит, речь идет о таких мифологических представлениях русского Средневековья, которые практически не доступны для исследователя. Повесть (о бесноватой жене Соломонии. – *Е.Ш.*), по мысли историка (т.е. А.В. Пигина. – *Е.Ш.*), не находит себе места в древнерусской агиографии, среди ее памятников, но соответствует тому, что *должно было быть* (курсив А.Л. Юрганова. – *Е.Ш.*) в культуре народной. Это ли не порочный круг?”. Затем с абзаца А.Л. Юрганов продолжает: “Очевидно, что историография изучения Повести испытывает ныне *кризис интерпретаций*: прежние способы истолкования текста уже не могут быть прочным основанием для решения вопроса о природе чуда исцеления Соломонии”⁷. Следующие главы книги А.Л. Юрганова и содержат новую интерпретацию смыслов. В последней, заключительной, главе он предлагает свой “опыт реконструкции” русской культуры на пути к Новому времени.

Думаю, что продуктивнее иметь дело не с “реконструкциями”, а с реальными документальными свидетельствами, с текстами и их анализом. Особую ценность в связи с вышесказанным приобретает каждый из фактов, дошедших от XVII в., пополняющих арсенал сведений о бытовании народных верований.

³ Там же. С. 15 и след.

⁴ Юрганов А.Л. Убить беса: Путь от Средневековья к Новому времени М., 2006. С. 8.

⁵ Там же. С. 28–37.

⁶ Пигин А.В. Указ соч. С. 105–106.

⁷ Юрганов А.Л. Указ. соч. С. 34.

В данном случае речь пойдет о конкретном уголовном деле, произошедшем в Тотемском уезде в 1632 г.⁸ Оно расследовалось и на месте в Тотьме, и в Москве, в Устюжской четверти – приказе, который ведал территории северных уездов – Тотемского, Устюжского, Сольвычегодского и др. В них наряду с воеводским управлением довольно активно действовало земское, мирское. В сферу деятельности мирских органов самоуправления входила судебная юрисдикция. Компетенцию земских судов северных уездов в свое время обстоятельно охарактеризовал М.М. Богословский в своем капитальном труде о земском самоуправлении на Севере в XVII в.⁹ Ученый показал, что ее составляли разнородные имущественные тяжбы и конфликты между крестьянами. Из уголовных земским судам были неподсудны дела об убийстве, которые могли вести воеводы, но передавали их в высшую инстанцию в Москву. Роль судебно-следственных источников для указанной тематики была уже по достоинству оценена в литературе. Неординарность случившегося усиливает значимость рассматриваемого дела, придает ему дополнительный источниковый и исследовательский интерес.

Итак, в 1632 г. крестьянин д. Павлецово Царевской волости Тотемского уезда Дружина Игнатьев сын Шихов заявил волостному земскому судейке о том, что он обнаружил во дворе свою сноху Олену с перерезанным горлом, и это подтвердил досмотр земских властей, причем они “речи де у нее допрошать не могли”. Мертвое тело с “досмотренной запиской” было доставлено в Тотьму в Съезжую избу и еще раз освидетельствовано в присутствии воеводы Меньшого Владимировича Головачева. Он распорядился, во-первых, временно задержать Дружину Шихова как подозреваемого до распоряжения из Москвы, во-вторых, провести в волости повальный обыск и выяснить, “как ее Оленке смерть случилась”, не убил ли молодую женщину кто-либо из родственников – свекор Дружина Шихов или его жена, доводящаяся Олене свекровью, или их сын, а “муж ее Оленки”, или “она сама себя резала”. Устанавливая причину смерти, нужно было также узнать, не причиняли ли родственники Олене какого-нибудь “утеснения”, не били ли ее. В ходе обыска расспрашивались крестьяне в округе от двора Дружины Шихова до 10 и более верст.

Примечательно, что подозреваемый Д. Шихов подал воеводе челобитную на царское имя с просьбой разрешить “допрошать” игумена Тотемского Суморина монастыря Галактиона, это воевода и сделал. Результаты повального сыска крестьян селений Царевской волости и допрос игумена воевода со своей отпиской послал в Устюжскую четверть дьяку Пантелею Чирикову. Какова же была причина привлечения к делу игумена Тотемского Суморина монастыря? Он в Съезжей избе перед воеводою дал следующее разъяснение, что мать Олены “призывала в волость” игумена еще до ее смерти. Игумен приезжал “в волость на Цареву”, по всей вероятности, в местную церковь “для постриганья” “Дружинкины снохи Оленки”. Прежде, чем совершить обряд, он расспрашивал молодую женщину, задавая ей необходимые вопросы. Среди них был один ключевой: почему ты хочешь “постричься, а с мужем не живешь?” Оленка в присутствии своей матери, свекра и свекрови ответила, что с мужем ей жить невозможно по причине “черного недуга”.

⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631. № 30, ч. 1. Л. 202–211.

⁹ Богословский М.М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1912. Т. 2. С. 183–185.

По-видимому, последовали дополнительные расспросы игумена, и Олена пояснила: “И живу де я с нечистым духом, с *чертом*” (здесь и ниже курсив мой. – *Е.Ш.*). Естественно, постриг не состоялся. Знаменательна заключительная фраза игумена, которая гласит: “И я де игумен ее не постриг, что де она была молода”!¹⁰ Рассмотрение дела завершилось признанием самоубийства Олены, ее свекор Дружина Шихов из-под стражи был освобожден. Следует подчеркнуть оперативность проведения расследования, оно длилось в общей сложности с 15 марта по 1 августа 1632 г.

Такова фактическая канва данного дела. Его доминантой является признание Олены в сожительстве с нечистой силой, конкретно воплощенной в черте. Характерно и выражение женщины об ее одержимости (“одержит”) черным недугом. Вполне уместно привести высказывание А.В. Пигина по поводу Повести о Соломонии бесноватой: “Рассказы об эротических отношениях человека с бесами, *известные преимущественно по фольклору*, почти никогда не осложняются мотивом одержимости, а бесноватость в житийных чудесах мотивируется сожительством с нечистой силой лишь в исключительных случаях. В истории древнерусской литературы Повесть – единственное произведение, в котором эти представления оказались настолько тесно объединены и так детально разработаны”¹¹. Рассматриваемый мной случай как раз содержит документальное свидетельство, которое демонстрирует соединение одержимости и сожительства с бесом, вполне реальное в представлении Олены.

Публикуемые документы позволяют судить о подлинно бытовавших в обыденной жизни XVII в. народнорелигиозных воззрениях, о существовавшей питательной среде для их укоренения в сознании людей и претворении в мифологические представления. Вместе с тем они характеризуют: во-первых, действие судебно-следственной системы с конкретными мероприятиями на определенных этапах расследования; во-вторых, соподчиненность центральной и местной ветвей власти в решении насущных судебно-следственных задач. В целом же приводимый материал дает колоритный срез социальной действительности первой трети XVII в.

Публикуемые четыре документа представляют собой небольшое дело, находящееся в составе одной единицы хранения – № 30, ч. 1–2 из фонда Приказные дела старых лет (141). В ней находятся разнородные дела черносошных крестьян и посадских людей Сольвычегодского, Устюжского, Тотемского, Чарондского уездов, рассматриваемые в Устюжской четверти. Это собрание дел было сформировано, по всей вероятности, в XVIII в. Само дело, независимо от содержания включенных в него отдельных дел, интересно тем, что проясняет, как упоминалось, механизм судебно-следственного действия: разные этапы расследования, поступательное их рассмотрение, принятие решения и вынесение окончательного постановления. Особый интерес в ряду публикуемых документов вызывает помещенный под № 4. Это – сильно правленный черновик отпуска. Из него наглядно видно, как подьячий Устюжской четверти компилировали из имеющихся у них нескольких документов окончательный вариант решения по данному делу, воплотившийся в отпуске тотемскому воеводе. Публикуемое дело демонстрирует каждодневную рабочую практику приказной канцелярии первой трети XVII в.

Е.Н. Швейковская

¹⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631. № 30, ч. 1. Л. 208.

¹¹ *Пигин А.В.* Указ. соч. С. 105.

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии Л. 202
 холоп твой Меншичко Головачев¹ челом бьет. В нынешнем, государь, во 140-м (1632) году марта в 16 день на Тотьме в Съезжей избе перед воеводу Ивана Францбекова² положил Царевские³ волости крестьянин Офонка Осовской записку. А в записке написано, что марта ж в 15 день бил челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и звал Царевские волости земского судейку⁴ Демку Юрьева тое ж волости крестьянин Дружинка Игнатъев сын Шихов к себе в деревню на Павлецово досматривать снохи его, Дружинкины, Оленки. А сказал, что де она резала себя ножом по горлу. И тот де судейка Демка с крестьяны тое Оленки досматривал. А по досмотру у Дружинкины снохи у Оленки горло резано, а лежит у него на дворе в подклете⁵, а речи де у нее допрощать не могли. И после, государь, того марта ж в 18 день тотемской розсыльщик⁶ Степанко Собинин да Заозерские волости | крестьянин Семенка Шкулев, Л. 203
 а Оленкин вотчим, привезли к съезжей избе тое Дружинкину невестку Шихова Оленку мертву и положили волосную досмотренную записку. И у съезжие избы при воеводе при Иване ж Францбекове та Оленка досматривана. А в волосной записке и в тотемском досмотре написано, что у нее Оленки горло перерезано и по рукам и по ногам и по хребту бита, и битые места знать. И я, холоп твой, велел тотемскому розсыльщику Ортюшке Переляеву про то Оленкино резанье сыскать Царевские волости всеми крестьяны повальным обыском⁷, как ей^a Оленке смерть случилась, свекор ли ее Дружинка Шыхов убиѣ или жена его Дружинкина, а ее Оленкина свекры.

А Дружинка Шихов бил челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, а на Тотьме в Съезжей избе мне, холопу твоему, подал челобитную, чтоб ты, государь, ево Дружинку пожаловал, велел допрощать Суморина⁸ монастыря | игумна Галактиона, что де в Л. 204
 нынешнем во 140-м году звал он Дружинка с ее Оленкиною матерью, с Матренкою, его игумна к себе на церкву тое Оленки постригать. И он де игумен постригать тое Оленки ездил, и ее роспрашивал. И я, холоп твой, Суморина монастыря игумна Галактиона по его Дружинкину челобитью допрашивал. А что, государь, Царевские волости крестьяне и Суморина монастыря игумен в сыску сказали, и тот сыск и игумнову скаску я, холоп твой, за руками под сею отпискою послал к тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии к Москве в Устюжскую четверть⁹ перед твоего государева диака перед Понтелея Чирикова¹⁰. А Дружинку Шихова велел я, холоп твой, дать на поруки з записью до твоего государева указу.

А в поголовных¹¹, государь, деньгах, что ты государь укажешь?

На л. 202 об.: Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии.

Др. почерком: 140-го июля в 29 день подал тотемской розсыльщик Степанко. *По правому краю по вертикали:* в Устюжскую четверть.

На л. 203 резолюция Четверти: Вклеить в столп. А поголовных денег взять не доведетца. А того Дружинку велеть свободить по обыском и по скаске игуменской.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631. № 30, ч. 1. Л. 202–204. Подлинник.

^a Так в тексте.

Л. 205 Лета 7140-го июня в 3 день.

По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу воевода Меньшой Володимирович Головачев велел ехать тотомскому^а розсыльщику Ортыге Переляеву в Тотомской уезд в волость на Цареву для того, что в нынешнем же во 140-м году марта в 16 день на Тотьме в съезжей избе перед воеводу перед Ивана Францбекова положил Царевские волости крестьянин Офонка Осовской записку. А в записке написано, что марта ж в 15 день бил челом государю и звал Царевские волости земского судейку Демку Юрьеву тое ж волости крестьянин Дружинка Игнатъев сын Шихов к себе в деревню на Павлецово досматривать снохи его, Дружинкины, Оленки. А сказал, что де она резала себя ножом по горлу. И тот судейка с крестьяны тое Оленки досматривал, а по досмотру у Дружинкины снохи у Оленки горло резано, а лежит у него Дружинки на дворе в подклете под синником, а речи у нее допрошатцо не смогли. И после того марта в 18 день тотомской розсыльщик Степанко Собинин да Заозерские волости крестьянин Семенка Шкулев, а Оленкин вотчим, привезли к съезжей избе тое Дружинкину невестку Шихова Оленку мертву и положили волостную записку. И у съезжие избы при воеводе при Иване Францбекове та Оленка досматривана. А в волостной записке и в тотомском досмотре написано, что у нее Оленки горло перерезано и по рукам и по ногам и по хребту бита, и битые места знать. И розсыльщик Артемей Переляев, приехав в волость на Цареву, и опрашивал тое Царевские волости около Дружинки Шихова по версте и по две, и по три, и по пяти, и по шти, и по десяти всеми Царевские волости крестьяны повальным обыском всяких чинов людьми, попы по священству, а старосты и целовальников и крестьян по государеву крестному целованью в правду, как той Дружинкине невестке Шихова | Оленке Филиппеве дочери смерть случилась, и хто ее бил и резал, свекор ли ее Дружинка Шихов или жена его Дружинкина, а ее Оленкина свекрый Маринка или муж ее, Оленкин, а Дружинкин сын Федка, или она сама себя резала. И будет сама резалась, и от какие налоги¹², и живучи ей Оленке от того Дружинки и от жены его и от мужа ее от Фетки налоги какие и утеснения не было ли. И будет налога и утеснения было, и от ково, от Дружинки ли или от жены его или от сына их, а от ее Оленкина мужа. И живучи, она, Оленка, воровством¹³ каким не воровала ли, и будет воровала, и каким воровством воровала, и от них, живучи, не бегали ли, и будет бегала, и для чево бегала. И явки и изветы от того Дружинки и от жены его и от сына их на тое Оленку в какове воровстве, есть ли? И про то про все скажите в правду, не норovia никому, хто, что про то про все точма ведает, или хто, что слышал.

Л. 206

И Царевские волости поп Василей Тимофеев сказал в обыску по священству, что де я в Царевской волости служу внове после того, как у Дружины Игнатъева невестке его смерть случилась, и того я не ведаю, и слухом не слышал, от кого ее смерть случилась или сама себя зарезала. И то я все не ведаю. То мои в обыску и речи.

Да тое ж Царевские волости земской целовальник¹⁴ Незговор Дружинин да крестьяне Дружина Григорьев, Тимофей Панфилов, Дружина Леонтьев, Осип Дмитриев, Григорей Тарасов, Архип Родионов, Артемей Петров, Дементей Юрьев, Федор Первов сын Трухин, Иван Пантелиев, Семен Ананьин, Семен Федоров, Евтехий Самылов, Кирило Иванов, Лука Осипов, Родион Леонтьев, Афонасей Панкратьев, Третьяк Калинин, Иван Яковлев, Федор Матфеев, Василей Непеин, Иван Евсегниев, Костянтин

^а Так в тексте.

Поздеев, Семен Кунашин, Козьма Тимофеев, Давыд Осипов, Яков Семенов, Родион Исаков, Степан Давыдов, Тихон Шумилов, Яков Григорьев, Афонасей Яковлев, Яков Осипов, Тимофей Ананьин, Григорей Володимиров да все крестьяне Царевские волости сказали в обыску по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси | в крестное целованье в правду, как той Олене, Дружинине невестке Шихова, смерть случилась и кто ее будет бил и резал, свекор ли ее Дружина или жена его Марина, а ее Оленина свекрый, или муж ее Оленин Федор Дружинин сын, или она, Олена, сама себя резала, и от какие налоги и утеснения, и про то мы все не ведаем. И живучи, ей Олене от того Дружины и от жены его Марины и от сына их Федора, а от ее Оленина мужа, налоги и утеснения не слыхали. И живучи у того Дружины невестка его Олена и никаким воровством не воровала, а от них бегала. И про то мы не ведаем, от чего она Олена бегала. И явки и изветы¹⁵ от того Дружины и от жены его Марины и от мужа ее Оленина, от Федора Дружинина, на тое Олену Филипьеву дочь у нас в Царевской волости ни в какове воровстве не бывали. То и наши в обыску и речи.

Обыскные речи писал по крестьянской сказке Царевские волости земской дьячек Ивашко Добрынин.

На л. 205 об.: К сему обыску Царевские волости Воскресенья Христова да Рождества Пречистые Богородици поп Василей к своим речам и Царевские волости и крестьян место к сим речам руку приложил.

По склейкам на оборотах л. 205–206: К сему обыску Дружинка Дулепов руку приложил; л. 206–207: К сему обыску Тимошка Панфилов руку приложил. Посередине на л. 206 об.: К сему обыску Осипко Шихов и руку приложил.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631. № 30, ч. 1. Л. 205–207. Подлинник.

№ 3

140-го июня в 26 день. На Тотьме в съезжей избе перед воеводою Л. 208 Меньшим Володимировичем Головачевым Суморинова монастыря игумен Галактион сказал по иноческому обещаю. Призывала де меня в волость на Цареву Дружинкины снохи Шихова Оленки мати ее Матренка. И я де игумен ездил в волость на Цареву для постриганья Дружинины снохи. И говорил де той Олене, для чево де хошь постричься, а с мужем не живешь. И та де Олена говорила мне при матере своей да при свекре при Дружине Шихове и при свекрове своей: “с мужем де мне жить нельзя, потому что де меня одержит черной недуг, и живу де я с нечистым духом – с чертом”. И я де игумен ее не постриг, что де она была молода. А допрашиван игумен по Дружинкину челобитью Шихова. Др. почерком: приложил.

На л. 208 об. К сей записке и к тоим речем обыскным Суморина монастыря игумен Галактион руку...

РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631. № 30, ч. 1. Л. 208. Подлинник.

№ 4

От царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси на Л. 209 Тотьму воеводе нашему Меньшому Володимировичю Головачову^a.

Писал^b еси к нам, что в нынешнем^c во 140-м году^d марта в 16 день^d на Тотьме в Съезжей избе перед воеводою пред Иваном Францбековым

^a Далее зачеркнуто: в нынешнем во 140-м году марта в 16 день писал.

^b Далее зачеркнуто: ты.

^c Далее зачеркнуто: де.

^{d-d} Написано над строкой.

положил^a Царевские^b волости крестьянин Офонко Осовской записку. А в записке написано, что марта в 15 день бил нам челом и звал Царевские^c волости земского судейку Демку Юрьева тое ж волости крестьянин Дружинка^d Шихов к себе в деревню на Павлецово досматривать снохи своей^e Оленки, а сказал, что де она резала себя ножом по горлу. И^f судейка Демка с крестьяны тое Оленки досматривал. А по досмотру у ней^g горло резано, а лежит у него у Дружинки^h на дворе в подклете, а речи де у нее неⁱ допрошались^j. И марта ж де в 18 день тотемской розсылщик Степанка Собинин да Заозерские волости крестьянин Семенка Шкулев, а Оленкин вотчим, привезли^k на Тотьму^k к Съезжей избе тое Дружинкину невестку Шихова Л. 210 Оленку мертву, ^lа по досмотру у нее^l горло перерезано и по рукам и по ногам и по хрепту бита, и битые места знать. И ты^m Меньшой велел тотемскому розсылщику Ортюшке Переляеву про то Оленкино резанье сыскать Царевскиеⁿ волости^o всеми крестьяны повальным обыском, как ей^p смерть случилась^q и кто ее убил^q. И Дружинка^r де Шихов^r бил нам челом, а на Тотьме в Съезжей избе^s тебе^t Меньшому подал^t челобитную, ^uчтоб допросить Суморина монастыря игумена^u Галахтиона^v, что он ездил^w к нему Дружинке^x снохи^y его Аленки^x з^z постригати и ее^z роспрашивал. И ты де Суморина монастыря игумена Галахтиона по его Дружинкину

- ^a Далее зачеркнуто: наш.
- ^b Написано на правом поле.
- ^c Написано над строкой вместо зачеркнутого: наш.
- ^d Далее зачеркнуто: Игнатъев сын.
- ^e Вписано над зачеркнутым: его Дружинкины.
- ^f Далее зачеркнуто: тот де.
- ^g Вписано над зачеркнутым: у Дружинкины снохи у Оленки.
- ^h Написано над строкой.
- ⁱ Написано над строкой.
- ^j Исправлено из: допросать, и далее зачеркнуто: не могли и после того.
- ^{k-k} Написано над строкой.
- ^{l-l} Написано над зачеркнутым: и положили волосную досмотреную записку и у Съезжие избы де при воеводе при Иване ж Францбекове та Оленка досматривана, а в волосной записке и в Тотемском досмотре написано, что у нее Оленки.
- ^m Далее зачеркнуто вписанное над строкой: де.
- ⁿ Вписано над зачеркнутым: нашими.
- ^o Далее зачеркнуто: -ми.
- ^p Далее зачеркнуто: Оленке.
- ^{q-q} Написано над зачеркнутым: свекор ли ее Дружинка Шихов убил или жена его Дружинкина, а ее Оленкина свекры, а.
- ^{r-r} Написано над строкой.
- ^s Далее зачеркнуто: подал.
- ^{t-t} Написано над строкой.
- ^{u-u} Написано над зачеркнутым: чтоб нам ево Дружинку пожаловать, велеть, допросать.
- ^v Далее зачеркнуто неразборчивое, правленое слово: про тое
- ^w Далее зачеркнуто: тое его снохи, Суморина монастыря игумена Галахтиона, что де его.
- ^{x-x} Далее зачеркнуто: снохи его постригать, а над этим зачеркнутым вписано: его Аленки, после чего опять зачеркнуто: что в нынешнем во 140-м году звал он Дружинка (слово вписано над зачеркнутым и зачеркнуто: к себе снохи своей Оленки постригать) с ее Оленкиною матерью с Матренкою (слово вписано над зачеркнутым и зачеркнуто: его игумена к себе тое Оленки) Суморина монастыря игумена Галахтиона к себе в деревню тое снохи своей постригать. И он де игумен постригать тое снохи Оленки ездил и ее.
- ^y Зачеркнутое слово: снохи оставлено по смыслу.
- ^{z-z} Написано над зачеркнутым.

челобитью допрашивал, а что ^aон в роспросе сказал^a и волостные крестьяне^b в сыску сказали, и ты^c тот сыск и игунову скаску за руками под отпискою прислал к нам к Москве^d, а Дружинку де Шихова велел ты дать на поруки з записью до нашего указа. ^eА что в сыску^e про то убийство^f обыскные люди^g | ^hсказали и нам тово на Мо[скве?]^h И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б тогоⁱ Дружинку Шихова из-за поруки велел^j освободити^k, потому что ^lпо обыскам и по скаске игуменской до него^l Дружинки в убийстве невестки его^m Оленки дело не достало. Л. 211

Писан на Москве лета 7140 году августа в 1 день.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631. № 30, ч. 1. Л. 209–211. Черновик отпуски.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Головачев Меньшой Владимирович – воевода Тотьмы в 1632–1633 гг.

² Францбеков Иван Андреевич – воевода Тотьмы в 1629–1632 гг.

³ Царевская – волость Тотемского уезда, расположенная по течению р. Царева.

⁴ Судейка – выборное должностное лицо земской судебной организации.

⁵ Подклет – нижнее помещение жилой или хозяйственной постройки.

⁶ Рассыльщик – низший чин воеводской Съезжей избы.

⁷ Повальный обыск – розыск, ведшийся по окрестным деревням.

⁸ Суморин – Тотемский Спасо-Суморин монастырь основан в 1554 г.

^{a-a} Написано над зачеркнутым: наши и над строкой: Царевские.

^b Далее зачеркнуто: и Суморина монастыря игумен.

^c Написано над зачеркнутым: и.

^d Далее зачеркнуто: а велел отдать в Устюжской чети к обыску нашему к Пантелю Чирикову.

^{e-e} Написано над зачеркнутым: и нам бы о том.

^f Далее зачеркнуто: сказали.

^g Далее зачеркнуто: сказали тебе де, а ты указ учинил. И как к те|бе (Л. 211).

^{h-h} Строка написана по самому верхнему краю л. 211, чтение слов: на Мо[скве?] из-за неразборчивой правки предположительно. После нее сверху л. 211 по вертикали зачеркнуто 20 строк, из них 4 верхние зачеркнуты еще по горизонтали и правлены: 1-я строка – а в обыску, какой ты прислал к нам к Москве, 2-я строка – не велел, потому что в сыску сказали, 3-я полустрока – игумен Галахтион, 4-я строка – многие люди по нашему крестному целованью. И далее следует: как той Оленке, а Дружинине невестке Шихова, смерть случилась и хто ее бил и резал, свекор ли ее Дружина или жена его Марина, а ее Оленкина свекры или муж ее Оленкин, Фетка Дружинин сын, или она Олена сама себя резала и от какие налоги и утеснения, и про то про все не ведают. (Далее зачеркнуто: а как де она Оленка) А Суморикова (так!) де монастыря игумен Галахтион (далее зачеркнуто: ее Оленку допрашивал) как стриг ее Оленку допрашивал, от чево стрижетца. И та де Оленка игумену сказала, что она одержима черным недугом. И то стало знатно, что она Оленка умерла своею смертью, а не от Дружинкина бою.

ⁱ Вписано над строкой.

^j Вписано над строкой.

^k Далее зачеркнуто: велел и поголовных денег иметь не велел, потому что то стало знатно, что та Оленка умерла своею смертью.

^{l-l} Написано над зачеркнутым: в сыску Царевские волости поп и крестьяне до него сказали, как ево Дружинине невестке Аленке смерть случилась и хто ее бил и резал или она сама себя резала.

^m Вписано над строкой.

⁹ Устюжская четверть – приказ с административными, финансовыми и судебными функциями, ведавший территории северных Устюжского, Сольвычегодского, Тотемского, Чарондского уездов, Устьянских волостей, а также рядом замосковских уездов.

¹⁰ Чириков Пантелей – дьяк Устюжской четверти в 1631–1637 гг.

¹¹ Поголовные деньги – судебный сбор, штраф взимавшийся с виновного в делах об убийстве.

¹² Налога – нанесение обиды, притеснение, моральное угнетение.

¹³ Воровство – в данном случае бесчинство, безобразие, аморальный проступок (возможно, блуд).

¹⁴ Целовальник – выборная должность земского мира.

¹⁵ Извет – здесь сообщение, уведомление.

ПИСЦОВЫЙ НАКАЗ 1681 г. И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ О НАЧАЛЕ “ВТОРОГО ВАЛОВОГО ПИСЬМА” В РОССИИ (1680–1688 гг.)

Под “вторым валовым письмом” обычно понимается целый комплекс землеустроительных работ, организованных российским правительством в 80-е годы XVII в. Перед писцами был поставлен ряд взаимосвязанных задач – проверка соответствия используемых в хозяйстве земельных площадей служебным окладам (“мера”), занесение введенных сельскохозяйственных площадей в кадастровые источники – писцовые книги (“письмо”), межевание измеренных и занесенных в книги земельных участков. Декларируемая цель “письма” была объявлена специальным боярским приговором от 25 августа 1680 г. – “поместные, и вотчинные, и порозжие земли и всякие угодыя, межеванные и не межеванные – мерить все, что по наезду писцов не будет, чтобы неописанных, и немереных и не прописанных земель и угодей не было”¹. Предусматривалось и закрепощение посаженных на новые земли крестьян. Это прямо сказано в делопроизводственном разъяснении к указу: “великий государь... указал и бояре приговорили: послать во все государство ис Помесного приказу валовых писцов. *И переписчиком быть им же и дворы переписывать преже валового письма*”² (курсив наш. – А.З., А.П.). Таким образом, “второе валовое письмо” должно было начаться не позднее 1681 г. Но хронология проведения писцовых работ до сих пор остается предметом дискуссии.

Начало изучению этого вопроса было положено К.А. Неволным, предложившим выстраивать периодизацию работ, опираясь на основные организационно-распорядительные документы – указы “валовым писцам”. В его исследовании была приведена довольно логичная схема: 1) Писцовый наказ межевщикам Московского уезда 1680 г.; 2) Писцовый наказ 1681 г. августа 26; 3) Писцовый наказ 1682 года; 4) Писцовый наказ 1683 года; 5) Писцовый наказ апреля 1684 г.³ Основным рабочим документом писцов К.А. Неволин

¹ ПСЗ. СПб., 1830. Т. II. С. 275. № 832.

² Обнаружено и опубликовано В.Н. Седашевым: *Седашев В.Н.* Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII веке. М., 1912. С. 198.

³ *Неволин К.А.* Об успехах государственного межевания в России до императрицы Екатерины II // Неволин К.А. Соч. СПб., 1859. Т. 6. С. 484–488.

считал наказ 1684 года из 77 статей, подробно регламентировавших весь процесс описания и межевания земель⁴. Впоследствии эта точка зрения была поддержана П.Н. Милюковым⁵. С этой периодизацией в целом согласился и В.Н. Седашев, подкрепивший свои рассуждения находкой подлинного писцового наказа “193-го года июля” (то есть 1685 г.) и доклада Поместного приказа, подготовленного для внесения дополнительных статей в текст наказа 1684 г.⁶ Дату завершения писцовых работ установил Ю.В. Готье по именному указу от 2 июля 1686 г. – “писцам поместные и вотчинные земли писать и мерить и межевать августа до 1 числа нынешнего 194-го году и ехать с писцовыми своими и межевными и с приправочными книгами и со всеми писцовыми делами... к Москве”⁷. Вышедший в 1990 г. четвертый том “Актов писцового дела” окончательно закрепил сложившуюся концепцию. Практически все обнаруженные и опубликованные в сборнике документы относились только к 1684–1686 гг., т.е. к общепризнанной дате начала собственно “валового письма”⁸.

При более внимательном изучении аргументов К.А. Неволлина выяснилось, что часть приведенных им ссылок на документы несостоятельна. Так, например, первый в предложенной им хронологии работ “Писцовый наказ межевщикам Московского уезда 1680 г.” фактически был только наказом межевщикам и ничем больше. Такой же характер носил и документ, названный К.А. Неволлиным “Писцовый наказ 1681 г. августа 26”. Фактически же, это было только *извлечение* из некоего документа, который так был и назван в издании: “Выписка из наказа писцам о межевании поместных и вотчинных земель” от 26 августа 1681 г.⁹ В мае 1683 г. наказ вновь был дан только межевщикам: “Писцовый наказ межевщикам, посланным в города для межевания спорных земель”¹⁰. И лишь в 1684 г. “валовым писцам” был дан полноценный наказ, позволяющий не только межевать, но и писать все категории земель – “чтобы неописанных, и немереных, и не прописанных земель и угодей не было”. Таким образом возникла современная периодизация писцовых работ – в 1680–1683 г. писцы занимались только межеванием, в 1684–1686 гг. перешли непосредственно к письму.

Единственная попытка пересмотра периодизации работ с опорой на новые источники была предпринята только в конце 40-х годов XX в. С.Б. Веселовским был обнаружен и опубликован протокол обсуждения писцового наказа 1681 г. Боярской думой в марте 1682 г.¹¹ Из этого следовал очевидный вывод – писцовый наказ 1681 г. все же существовал. Это легко прочитывается по тексту источника, так как обсуждаемые Боярской думой статьи предусматривали не только межевание, но и “письмо и меру”. Документ,

⁴ ПСЗ. Т. II. С. 590–617. № 1074.

⁵ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. 85.

⁶ Седашев В.Н. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII веке. С. 211–225.

⁷ ПСЗ. Т. II. С. 807. № 1200.

⁸ Этому посвящен целый раздел в издании – «Документы и дела о “валовом” описании и межевании земель в 1681–1687 гг.» (Акты писцового дела. М., 1990. Т. IV. № 1–86. С. 295–363).

⁹ ПСЗ. Т. II. С. 348–355. № 890. В документе всего 13 статей, регламентирующих только характер решения межевых споров.

¹⁰ Там же. С. 522–534. № 1013.

¹¹ Веселовский С.Б. Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII в. // ИА. М., 1951. Т. VII. С. 300–367.

опубликованный в ПСЗ под № 890, в этом случае также являлся извлечением ряда статей из этого наказа. Исходя из незаконченного характера обсуждения документа, С.Б. Веселовский сделал вывод, что в 1681 г. существовал лишь проект наказа, и боярская комиссия его не утвердила.

В ряде документов (об этом мы скажем ниже) сохранились упоминания о дворянской комиссии, которая зимой 1682 г. также обсуждала некие земельные “статьи”. Об этом напомнил Л.В. Черепнин: «Была еще одна комиссия “выборных”, занимавшаяся рассмотрением земельного законодательства: “статей” о вотчинах и поместьях писцового наказа 1681 г. (до нас не дошедшего), “по которым были отпущены в города писцы” (примечание Л.В. Черепнина – Писцы были посланы в немногие города)»¹².

Таким образом, в цепочке исторических реконструкций образовалось “недостающее звено”. Дальнейшему исследованию вопроса препятствовало отсутствие двух важнейших документов – текста самого наказа 1681 г. (или хотя бы его проекта)¹³ и материалов его обсуждения хотя бы в одной из дворянских комиссий (стольников кн. И.А. Голицына и кн. А.И. Хованского). Привлечение же этих документов позволяет дать ответ на один из давно назревших вопросов – была ли земельная политика в период регентства Софьи самостоятельной или являлась дальнейшим развитием реформ, начатых в последние годы правления Федора Алексеевича.

Ряд находок, сделанных в РГАДА, позволяет внести некоторую ясность в решение этого вопроса. В документах Поместного приказа нами обнаружен фрагмент делопроизводства Рязанского стола с полной росписью уездов, в которые были направлены валовые писцы осенью 1681 г.¹⁴ Документ представляет собой перечневую роспись с указанием количества четвертей пашенной земли по станам, фамилии лиц, назначенных писцами, и результаты проверки, проведенной самим Поместным приказом, – “поместья за ним в том стану нет”. В документе названы 27 уездов, в которые направлены “валовые писцы”, 22 писца получили указы и приправочные книги, о чем свидетельствуют приказные пометы в документе – “Тула. В Заупский стан, в Глутенский, в Веркошенский станы, а в них 23 тысячи 609 чети. Писец Борис Марков сын Чириков, подьячей Алексей Лобков. Поместья и вотчины за ним на Туле нет. Помета: Наказ и книги даны”¹⁵. Таким образом, валовых писцов с действующими наказами все же отправили в уезды осенью 1681 г. И эти указы предусматривали именно “письмо”: “все, что объявиться по их наезду писать и мереть, и межевать по писцовым книгам, и по дачем, и по крепостям, по старым межам и граням... А реки, и озера, и болота, и луга, которые в поместьях и в вотчинах, и в пустошах, и в порозжих, и в отводных землях, описать и о[т]межевать с мерою, чтобы нигде неописанных, и немереных, и немежеванных, и прописных, и обводных земель и угодей без описи и без меры не было”¹⁶.

¹² Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 349.

¹³ Об обнаружении текста наказа 1681 г. сообщил П.В. Седов со ссылкой на архивный шифр: ОР РНБ. Собр. А.А. Титова. № 874, без количества листов (Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 479). Эту рукопись мы не рассматривали и в данной публикации ее не использовали.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10048. Л. 321–331 об.

¹⁵ Там же. Л. 322.

¹⁶ Там же. Л. 283 об.–284.

Причиной отсутствия каких-либо следов писцовых работ зимой 1681/82 г. стало разъяснение к указу о проведении “валового письма”, объявленного боярским приговором от 26 октября 1681 г.: “В нынешнем во 190 году по указу великого государя посланы в города писцы, а велено им по грамотам и по наказу, спорные земли розводить и межевать. А про насильство и про бой и про грабеж и про смертное убийство велено разыскивать и давать очные ставки, а по розыску на том, кто сколько лет чужою землею и всякими угоды насильством владел, на всякий год доправить за пашню и за сено по Уложению и по новым статьям”¹⁷. Таким образом, задача валовых писцов искусственно заужалась, а сам наказ, видимо, был отправлен на доработку.

Распоряжение о привлечении к обсуждению наказа выборных от служилых городов было обнаружено и опубликовано В.К. Никольским: “190-го декабря в 7 день великий государь указал и бояре приговорили – выслати к Москве из городов дворян из окладчиков для ратных и земских дел... А написать имяны з головы первых людей. А будет хто из них болен, и вместо них выслать иных из окладчиков ж других. А будет и другие больны, выслать третих. А стать им на Москве кончае к 1 числу. А о понизовых городех послать память...”¹⁸ Указ категорически предписывал присылать в Москву только “окладчиков”, т.е. людей, которые по выбору самого уездного дворянства занимались пересмотром поместных и денежных окладов. Заменять их сотенными головами или губными старостами (т.е. руководителями уездных дворянских корпораций) категорически запрещалось. Единственная причина, которая могла оправдать созыв в Москве наиболее опытных хозяйственников из числа провинциального дворянства в конце 1681 г., – это обсуждение писцового наказа валовым писцам. Об этом поручении прямо говорится в обнаруженном нами протоколе его обсуждения: “В нынешем во 190-ом году, февраля в 9 день... стольник князь Андрей княж Иванов сын Хованской с товарищи да выборные дворяня из городов слушали наказ, каков наказ дан ис Помесного приказу писцом, и что в том наказе по которой статье говорили пополнить”¹⁹. Обсуждение “статей” началось 9 февраля и продолжалось до конца марта 1682 г. Оно проходило в две стадии. Было образовано две группы “выборных” под руководством стольников кн. И.А. Голицына и кн. А.И. Хованского. Как видно из протокола обсуждения, наказ читался (“слушали”) по статьям, а из сопоставления статей в наказе и протоколе прямо следует, что комиссия обсуждала именно публикуемый ниже документ.

На обсуждение Боярской думы предлагаемые поправки передавались по частям. Как следует из опубликованного С.Б. Веселовским доклада Поместного приказа великим государям Иоанну и Петру Алексеевичу 1682/83 г. с итогами обсуждения поправок к писцовому наказу²⁰, на рассмотрение Думы он вносился дважды – 7 и 15 марта 1682 г. На заседании 7 марта были рассмотрены поправки к 1–13-й статьям наказа; на заседании 15 марта – к 14–

¹⁷ ПСЗ. Т. II. С. 357. № 893.

¹⁸ Никольский В.К. Земский собор о вечном мире с Польшей 1683–1684 гг. // Научные труды Индустриально-педагогического ин-та им. К. Либкнехта. Серия социально-экономическая. М., 1928. Вып. 2. С. 51.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10048. Л. 243.

²⁰ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 300–367.

33-й²¹. После этого Дума поправки не рассматривала²², хотя замечания, во всяком случае, в комиссии кн. А.И. Хованского, имелись ко всем 46 статьям. Единственным практическим результатом работы комиссий стал указ, немедленно разосланный валовым писцам, о порядке отвода поверстных лесов к дворянским усадебным местам²³.

В обнаруженном нами фрагменте делопроизводства писцов Орловского у. зимы 1681/82 г. П.М. Дурново и подьячего М. Хлудова сохранился как сам наказ за скрепой дьяка Поместного приказа Василия Протопопова²⁴, так и протокол его обсуждения комиссией стольника кн. А.И. Хованского в феврале 1682 г.²⁵

Оба публикуемых ниже документа были обнаружены в составе делопроизводственного сборника Вотчинной коллегии, сформированного не ранее 1737 г. Рукопись в 4° на 331 листе, переплет – кожа. В начале сборника помещены мерные и межевые книги Орловского у. 1680 г. орловских писцов П.В. Шамордина и подьячего С. Репьева в списке XVII в. за скрепой дьяка Поместного приказа Бориса Протопопова (Л. 1–216 об.)

Документ № 1 (собственно “Наказ...”) находится на л. 283–320 сборника. Написан хорошо выработанной приказной скорописью второй половины XVII в., предположительно двумя почерками.

Документ № 2 (“Протокол обсуждения...”) вплетен между листами 216 об. и 283 об. Листы перебиты. Преамбула и первые статьи документа на л. 243–248 об.; на л. 217–223 об. тот же текст. На л. 271–282 об. повтор статей 8, 11, 12, 13, 14, 19, 20, 21, 22, 27, 28 без окончания. Приказная скоропись второй половины XVII в. без скреп и помет.

Завершает сборник делопроизводственная справка Поместного приказа с росписью лиц, назначенных писцами в города Рязанского стола Поместного приказа, с указанием количества четей земли по станам, числящихся по прежним писцовым книгам, и отметками о выдаче писцовых наказов и приправочных документов, также без скреп, но с многочисленными приказными пометами.

При подготовке текстов составители следовали “Правилам издания исторических документов” 1990 г. Все вышедшие из употребления буквы заменялись буквами современного алфавита, слова под титлами раскрывались, выносные буквы вставлялись в строку, пропущенная гласная после выносной согласной восстанавливалась, мягкий знак восстанавливался в положении перед гласной и на конце слова, твердый знак на конце слов и все надстрочные знаки не воспроизводились. Буквенные цифры передавались арабскими. Утраченные части текста воспроизводились в квадратных скобках. В примечаниях оговаривались описки, ошибки и другие особенности текста.

М.Ю. Зенченко, А.М. Прокопенко

²¹ Седов П.В. Указ. соч. С. 483.

²² 6 мая 1682 г. начался роспуск по домам посадских-“двойников” и дворян-“окладчиков” (АИ. Т. V. № 83. С. 133), а 11 мая прекращено валовое письмо (АИ. Т. V. № 84. С. 134). В продолжении работы выборных комиссий новое правительство явно не нуждалось.

²³ 7 апреля 1682 г. ПСЗ. Т. II. № 912. С. 383.

²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10048. Л. 283–320. П.М. Дурново (с подьячим Василием Сафоновым) известен как писец Орловского и Кромского уездов уже с лета 1680 г. Сохранился полный текст книг их “письма, меры и межевания” (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1038. Л. 1–140).

²⁵ Там же. Л. 217–270.

**Писцовый наказ, выданный валовым писцам
Орловского уезда Потапу Михайловичу Дурному
и подьячему Максиму Хлудову**

1681 г.

Лета 7190-го сентября в день²⁶ великий государь царь и великий князь Л. 283
Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец указал писцом Потапу Михайловичю Дурному да подьячему Максиму Хлудову ехать в Орловской уезд в Корчаковской стан, и в том стану патриарши и митрополичьи, и архиепископли, и епископли, и церковные, и монастырские земли, за бояры и за окольныхими, и за думными людьми, и за стольники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки, и за жильцы, и за городовыми дворяны, и за детми боярскими, и за вдовами, и за недоросльми, и всяких чинов за помещики и за вотчинники поместные и вотчинные, и оброчные, и бортные села, и деревни, и починки, и пустоши, и селища, и замища, и оброчные земли, и всякия угодыя межеваные | и не межеваные: все, что объявитца по наезду писать, и мереть, и межевать по писцовым книгам, и по дачем, и по крепостям по старым межам и граням, и урочищам, где старых меж и граней нет, и старожилов, что те земли розвесть по старым урочищем не будет, и те земли описывать, и межевать розмеривая по дачем, а с образом не отвадить для того, чтобы в том никому душевредства не было. А реки и озера, и болота, и луга, которые в поместьях и в вотчинах, и в пустошах, и в порозжих, и в обводных землях, описать и омежевать с мерою, чтобы нигде неописанных и немереных, и немежеванных, и прописных, и обводных земель и угодей | без описи и без меры Л. 284
не было. А крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и в вотчинах не писать, для того в прошлом во 186-ом году для переписи крестьянских и бобыльских дворов был переписчик, и всякие подати указано платить по тем переписным книгам.

1.

Пашню паханую и перелог, и что лесом поросло на пашне, писцом мерить в одном поле в десятины, а десятину мерить в длину по осмидесят сажен, а поперег по тридцати сажен. А в дву полях пашню и перелог и что лесом поросло по пашне писать, выпрашивая окольных людей, и самим писцам смечать накрепко для того, что они | под хлебом, и от того, кабы Л. 284 об.
помещиком и вотчинником без хлеба не быть. А в котором поле будет лишек, и тот лишек прикладывать к меньшому полку, и изверстать во всех трех полях пашню, и перелог, и лесную поросль равно. И отхожие пашни и роспашы и поляны на лесах по тому же мерить в одном поле, а в дву полях смечая писать, и выпрашивая, и сыскивая окольными людьми накрепко. А сенные покосы и леса пашенные и непашенные мерить в десятины, и писать что десятин покосов, и по чему копен на десятина сена ставитца, и что пашенного и непашенного лесу десятин. А где будут леса большие, а мерить их в десятины нельзя, и те леса писать, смечая и выпрашивая, что где верст или десятин пашенного, и непашенного, и бортного лесу. И что где под которым селом и под деревнею рек, и озер, и прудов, и мель-

²⁶ Число отсутствует.

Л. 285 ниц, и спудов, и перевесей, и рыбных | ловель, и бобровых гонов, и всяких угодей, и какова где в селах, и в деревнях, и в починках, и на пустошах, и селищах, и займищах, и в отхожих пашнях земля добрая или середняя, или худая земля, а где будет в помесных, и вотчинных землях середняя или худая земля, и те земли одобривать, а наддавать на среднюю землю, средние земли на сто чети по двадцать по пяти чети, а на худую землю худые земли на сто чети по пятидесят чети, и учинить им середняя и худая земля против добрые же земли, а одобривать ис примерных земель. А которых людей в дачах примерных земель не будет и за теми людьми земель не одобривать, а быть против дачь. А добрые земли среднюю землю, и средние земли худую землю не писать.

Л. 285 об. А которые села и деревни, и пустоши написаны | в писцовых книгах и в дачах в станех, и по наезду писцом объявятца в землях иных станов, а те земли описывать и межевать в тот стан, в котором по наезду объявятца. И по писцовым книгам те земли в котором стану написаны, и в том стану описывать же, что те земли переписаны в другой стан за теми же помещики и вотчинники для того, что становые межи за теми землями размежевать было не мочно.

2.

Старым помещиком и вотчинником помесные и вотчинные земли писать и мерять дачи их сполна, сколько за кем в дачах по старым писцовым книгам, и по ввозным грамотам, и по отдельщиковым, и по откащиковым выписям, с угоды без убавки. А что у кого в поместьях и в вотчинах вымерют сверх их дачь лишние земли и всяких | угодей, и те примерные земли описать с мерою подлинно, сколько у ково примерено будет четвертные пашни с угоды, примежевать с прежними ево дачами. А отмежевав и написав межеванья своево в книги, давать тем помещиком и вотчинником с межевых книг выписи за своими руками на старья их дачи, и на примерныя их земли с угоды. А в выписях писать, что им с теми выписями явитца в Помесном приказе и бить челом великому государю о справке примерных земель в год с того числа, как писцы в Помесном приказе книги положат. А которые учнут бить челом по выписям писцом и до книг, и тем чинить указ в Помесном приказе.

Л. 286 об. Примерные помесные земли давать тем же людям в помесные оклады против дачь, | розмеривая по четвертям в три поля. А что за оклады будет лишка, и те помесныя примерные земли велено продавать им же в вотчину, а деньги имать по Уложению против пустых порозжих земель за три чети по рублю. А будет купить кто не хочет, и чьего челобитья по тем выписям, как писцы в Помесном приказе книги положат, о справке тех примерных помесных земель в Помесном приказе в год не будет, и те земли отдавать челобитчиком в поместье после того числа год спустя как писцы в Помесном приказе книги положат. А вотчинные примерные земли у кого примерено будет, писать и мереть, и межевать за теми же вотчинники в вотчину же безденежно. И великого государя указ писцом помещиком и вотчинником сказать, чтобы они ведали, и примерные земли за собою справливали по сему великого государя указу. |

Л. 287

3.

Под усадьбы помещиком и вотчинником, и под крестьянские дворы, и под огороды, и под гумна, и на выгоны отмеривать ис примерных земель на сто чети по пяти десятин, да на сенные покосы по десяти десятин. А где

примерных земель не будет и тем людям под усадьбы, и под сennie покосы отмеривать из их старых дачь, и из четвертные пашни, и в десятины выложить. А где дачи будут больши или меньши ста чети и под усадьбы писать против того по розчету. А где старые усадьбы и выгоны, и огороды, и гумна жилые и пустые, и те зачитать²⁷ в указные числа как написано в сей статье в десятины. А четвертную пашню тех усадебных мест и выгонов, и огородов, и гумен не писать. А где в старых усадьбах и выгонах, и в огородах, и в гуменных местех перед указным числам земли будет в лишке *Л. 287 об.* и тот лишек писать в четвертную пашню. А под поверсными лесами землю описывать имянно, какие есть земли пашенные, или боры, или болота, и сколько под теми поверстными лесами сухих мест, в которых местех мочно росчищать на пашню и на сennie покосы. А леса пашенные, которые промеж пашен небольшие, писать в угодыя в десятины. А которые леса пашенные и непашенные большие мерить их в десятины нельзя, и те леса отмеривать в поместье, и изверстать всех помещиков в поместье всеми угодыя по дачам ровно.

4.

Которые дворцовые села и деревни розданы в роздачу в поместье и в вотчину разным помещиком и вотчинником, а в угодыях во всяких и в лесах хоромных и дровяных те леса и деревни, и пустоши против пашни неизверстаны, а в старых писцовых книгах прописаны, и те все леса и угодыя дровяные и хоромные поделить | и изверстать против пашни по их дачам, опричь помесных и вотчинных старых земель. Которыми помесными и вотчинными землями по старым писцовым и по дозорным книгам владеют помещики и вотчинники в поместье или в вотчине по старине, а не з дворцовых сел по дачам, а угодыями и лесами не изверстаны, и тем людям владеть всякому своими угодыями по старым писцовым и по дозорным книгам, и в леса для дров и хоромному лесу велеть ездить всякому в свой лес по старине. А к порозжим и к примерным землям, которые останутца у помещиков и у вотчинников за дачами, оставливать угодыя по пашне, чтобы впредь те земли для угодей порозжи не были. *Л. 288*

5.

Которым людям дано после писцовых книг по мерным книгам обводные земли, а смежны | с теми землями, кои написаны в писцовых книгах, и те обводные земли мерить после четвертные пашни, которые написаны в писцовых книгах. А будет те земли кому даны после писцовых книг, в мере будет к тем же землям в четвертную пашню, которые земли написаны по писцовым книгам. А те люди теми землями, что даны из обводных земель владеют, а иные построили и земли росчистили, а до указу великого государя 188-го декабря по 12 число челобитья на них не было, и те земли, за кем написаны по писцовым книгам, и кому даны из обводных земель, розделить им против четвертные пашни по скольку против дачь достанетца для того, чтобы тех людей, за которыми земли написаны по писцовым книгам, на тех людей, кому дано из обводных земель, челобитья до сего, великого государя, указу не было. *Л. 288 об.*

А будет которые люди скажут, что у них на тех людей, которым даны после их дачь из обводных земель, спор и челобитье было, и у них о том

²⁷ Так в тексте.

Л. 289 иметь сказки | за руками: где и в которых годех то их челобитье было, и указ им по тем делам учинен ли. А взяв скаски, те земли меж ими разме- рить и размежевать по дачам, а спорное их челобитье в той меже описать подлинно.

А будет в обводных землях по дачам четвертная пашня будет сполна сверх тех земель, которые смежны с ними и написаны в писцовых книгах, и те земли – четвертную пашню, кои даны из обводных земель, с теми землями, что написаны в писцовых книгах, писать и межевать по тому же, размеривая по дачам. А леса и всякия угодыя межевать им к тем землям по дачам. Будет тех лесов и всяких угодей против дачь будет, а будет лесов и всяких угодей к тем землям против писцовых книг и дачь не будет, и те леса и всякие угодыя будет от тех людей, за которыми земли написаны по писцовым книгам, челобитья на тех людей, кому даны из обводных земель до указу великого государя 188-го декабря по 12 число не было, розписать за ними и размежевать по четвертям, кому по сколько достанетца, чтобы в тех лесах и угодыях изобижен ништо не был. |

Л. 289 об. Которые земли у прежних писцов обведены и теми обводными земля- ми владеют помещики и вотчинники без дачь, а иные лежат порозжи, и те порозжие обводные земли описывать имянно на каких они урочищах подле рек, или на ручьях, или на суходолах и на врагах, и по обе ль стороны, или по одну сторону, и с верховья речки или ручья и врага по правую ль или по левую сторону те обводные земли, и сь чьими землями смежны, и что к ним каких угодей. А описав и измеряв в десятины с угоды, от помесных и от вотчинных земель отмежевать, и в книгах написать особ статью.

А которые порозжие земли не в раздаче, а пашню пашут и сена на них косят самовольством, и писцом на тех порозжих землях хлеб всякой и сено отписывать на великого государя, и приказать тот хлеб пожати и скласть и беречь тутошним и сторонним людем, и написать в книги, сколько того хлеба у кого отписано будет и кому именем тот хлеб беречь приказано бу- дет, взять по них поручные записи. А которые люди теми землями владели без крепостей и без оброчной, и писцом про то сыскивать, сколько хто лет теми землями владел, пашню пахали и сена косили самовольством, и велел их давать на поруки в государеве пене и во владенье. |

Л. 290 А которые пустоши написаны в писцовых книгах в порозжих землях особая да четвертная пашня и всякия угодыя, и те пустоши помещики и вотчинники превладели без дачь к иным своим помесьям и вотчинам, хотя и примежевали, а старожилы и обыскные люди скажут, что те пустоши примежеваны к иным землям, и на те земли будут челобитчики, и про те пустоши сыскивать накрепко, и по старожилowym скаскам межи розводить, и писать те пустоши в книги особь статью. А буде меж не сыщется, и те пустоши ис поль вымеривать по дачем.

6.

Помещиком и вотчинником всяких чинов людем на помесные и вот- чинные свои земли писцом крепости приносить безсрочно не отъимаяся ничем. А которые | помещики и вотчинники скажут писцом, что у них кре- пости на те земли на Москве или в городех, и им велеть крести²⁸ крепости класть безсрочно, чтоб в том мотчанья не было²⁹. А которые крепостей не

²⁸ Так в рукописи.

²⁹ Дописано над строкой другими чернилами.

положат, или про которых помещиков и вотчинников люди их скажут, что они на воеводствах, и людем и крестьяном сказать: буде они крепостей не положат, и те их земли отмежеваны и измеряны будут и без крепостей по писцовым книгам. А которые дачи после писцовых книг или куплены, а крепостей не положат, и те их земли измерены и отмежеваны будут в порозжие земли потому, что крепостей не положили. А тем не отыматьца, что на воеводствах или в посылках крепости с помещики и вотчинники для того, что у них | по приказом за дела ходят люди их, и крепости в делах объявлявают, и за теми помещики и вотчинники земли писать и межевать по писцовым книгам и по дачем и бес крепостей. А за которыми дачь не объявитца, а крепостей не положат³⁰, и те земли, измеря, обмежевать и описать в порозжие³¹ земли. А сибирских и астраханских, и иных понизовых и дальних городов воевод людем их по тому же крепости класть безсрочно.

Л. 291

7.

Да писцом же Потапу и подьячему, писать³² оброчные села и деревни, и починки, и пустоши, и селища, и замища, и реки, и озера, и истоки, и пруды, и мельницы спуды³³, и перевесье, и рыбные ловли, и бобровые гоны, и лосиные стойла, и бортные, и всякия угодыя всяких оброков, которые в поместье розданы, и которые не в роздаче, и которые на льготе по государевым грамотам или по пис|цовым и по отдельным книгам и по выписям, писать подлинно порознь со всеми угодыи, и мерить и смечать по наказу. А на бортные и на оброчные и всяких оброков на села и на деревни, и на починки, и на пустоши, и на селища, и на всякия угодыя оброки за пасошной корм, и за мелкой, и за всякой доход деньгами и медом, и [и]ными какими всякими оброки, которые наперед сего в государеву казну по писцовым книгам шли, класти писцом сыскивая книгами и сотными³⁴ прежних писцов и отписми по своему писму, чтобы в государеве казне прибыль была, а убытков нигде в государеве казне не было, и крестьяном бы тягости большие в оброке не было же, чтобы им как впредь прожить.

Л. 291 об.

А государевы оброки и всякия подати платить ежегод сполна беспереводно мочно, а сколько с которого села и деревни, и с починков, и с пустошей, и з селищ, и з бо|ртных лесов, и с рек, и с озер, и с истоков, и с перевесей, и рыбных ловель, и бобровых гонов, и со всяких угодей, которым людем по окладу впредь деньгами и медом, и иными всякими оброки, в государеву казну порознь давать на год, и писцом то все велеть написать в книги подлинно порознь. А росписывать в книгах медвенные оброки опричь, а с рек и с озер, и с прудов, и с перевесей опричь же. А что перед старым где на какие угодыя и какова оброку прибавят, или где сколько с которых угодей чего перед старым убавят, и писцом то все велеть написать в книги же подлинно порознь.

Л. 292

А которые будут всякия угодыя прежние писцы объехали и которых не объехали, а оброку будет на те угодыя и прежние³⁵ писцы не положили, а ныне будут на них пригоже оброк положить, и писцом сыскивая накрепко

³⁰ Дописано над строкой.

³¹ Написано дважды.

³² Вписано в строку другими чернилами на месте пропуска под имя.

³³ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2006. Вып. 27. С. 98–99.

³⁴ Написано другими чернилами.

³⁵ Дописано в строку на правом поле листа тем же почерком и чернилами.

Л. 292 об. те угоды всякия писати же. А где будет меж которых угодей | пашня есть и писцом те пашни измерить, и оброк на них положить деньгами или медом, или иные какие оброки доведетца класти по сему же наказу, смеря по землам³⁶ и по всяким угодым как будет пригоже, и как бы государеве казне было прибыльнее, и чтобы некоторые угоды безоброчны не были, и в книги подлинно писать за кем которые прибыльные угоды, и что с них которые оброки порознь.

8.

Где писцы наедут бортные угожья и те угожья писать за бортники, и знамены, и с потесы имянно порознь, сколько у котораго бортника, и в которых местех и урочищах угожьев бортных дельных бортей со пчелами и без пчел, и какова которова бортника на бортях знамена кладываны, или каков потес натешеван, и сколько у которого бортника в угожьех не дельного бортнаго деревья, которые деревья впредь пригодятца в борти, и сколько в них угожьев, рек, и озер, и рыбных ловель, и бобровых гонов, и иных каких всяких угодей, да и оброки медвенные, и за бобровые гоны, Л. 293 и за рыбные ловли, и за всякия угоды, | где что доведетца, в книги велеть писать подлинно порознь. И поруки в книгах в оброках по бортниках, и в бортных угодых, писать бортников же и сторонних крестьян добрых людей, чтобы государевы оброки по вся годы за поруками сполна без недоборов сходили.

А в которых угодых бортники и крестьяне учнут в оброках перекупатьца, а учнет кто над кем оброку наддавать, и писцом давати оброчные угоды тем бортником и крестьяном, которые больше оброку дадут, чтобы государю прибыльнее было. А в оброке имать поруки з записми бортников же и крестьян добрых людей, да порутчиков их по имяном и с прозвищи, чей хто сын, и где хто живет писать в книги подлинно.

А детям боярским бортных лесов и бобровых гонов, и рыбных ловель, и всяких угодей к поместьям и вотчинам мимо бортников и крестьян на оброк не отдавать никому ни которыми делы, чтобы | от того которые угоже не запустели.

Л. 293 об.

9.

А которые бортные леса и деревни, и починки, и пустоши, и селищи, и заимищи сошлись с помесными землями, с пашнями, и с покосы, и со всякими угодыми, в которых спору нет, и писцом те бортные земли с помесными землями размежевать, и межи учинить, чтобы впредь меж их землях споров не было. А которые села и деревни, и починки, и пустоши, и селища бортные меж детей боярских по³⁷ поместей отхожих от лесов от бортных, и от иных угодей, отошли будет которые далече, и ведают будет которые бортники и угожаи свои бортные леса, и бобровые гоны, и рыбные ловли, и иные всякия угоды, и с тех сел и деревень ведать³⁸ наездом. А пришли будет к их бортным лесам или к рекам, и к озерам, и ко всяким угодым, | с которых они оброки платят, помесные села и деревни, и починки, и селища, и пустоши, и заимища, и им будут от помещиков в бортных угодых или в рыбных ловлях, и в бобровых гонах, и во всяких

Л. 294

³⁶ Так в рукописи.

³⁷ Так в рукописи.

³⁸ Так в рукописи.

угодьях силы и обиды, и споры чинитца великия, и оброк будет которые за кем сполна не платят, да и впредь которые скажут, что им от обид оброков платить не мочно, или которые бортники в угодьях своих учнут отказывать, а скажет, что им и впредь тех ухожьев ведать наездом, и оброков сполна платить от обид не мочно, и пригоже будет которые бортные земли сменить с помесными землями.

И писцом помесных и бортных сел, и деревень, и починков, и пустошей, и селищ, пашни, и леса, и покосы измерить, и всякия угодья сметить по сему же наказу, а сметя против земли, и угодье против | угодья, и велеть те обои земли и угодья писать в книги подлинно порознь, и чертеж учинити, и оброки выписав, писать к великому государю. А меж дворян и детей боярских помеся не росписывать без государевых грамот, а бортных и оброчных земель, которые в поместье не бывали, а ныне будут порозжи, без указа великого государя в роздачи не роздавать ни которыми делы. Л. 294 об.

10.

А которые бортные и оброчные земли по государеву указу розданы после прежних писцов в поместье, и грамоты государевы жалованные и вотчинные на те земли у помещиков есть, и о тех землях сыскивая государевыми грамотами и отдельными выписми, писать их в помесные земли. А с которых сел и деревень оброки иманы денежные з земли и с угодей, а медвенные оброки и | те денежные оброки писцом складывати, и в книги та складка писати имянно подо всякою статьею. Л. 295

11.

Которые денежные оброки збираютца с рек и с озер, и за рыбные, и за бобровые ловли, и с перевесей, и с ьных угодей, а не з земель, и те денежные оброки все класть на всякия угодья по старине или с наддачею, как бы государеве казне было прибыльнее, и оброки бы впредь сполна с которых угодей в государеву казну мочно было платить.

12.

А ³⁹ которых сел или з деревень з бортных и с оброчных, которые розданы в поместье, истари оброки платят медом з земель, а не с лесов, и те земли писцом писать сыскивая накрепко по своему письму, как бы было государю прибыльнее, и в книги подлинно написать прибыль, где что прибудет, или где что | убудет. А которых будет бортных и оброчных сел и деревень, которые в поместье розданы с лесов, а не с земель, медом оброки, и с рыбных и с бобровых ловель, и со всяких угодей оброки же платят, а те будут бортные угодьи и всякие угодья у тех сел и деревень в поместьях поблиску, и в тех медведеных⁴⁰, и во всяких оброках писцом по детях боярских имать крепкие поруки з записми людей добрых не служилых, чтобы им тех бортных лесов не сечь, и всяких угодей не запустошить, и оброки в государеву казну с тех со всех угодей беспереводно платить по вся годы сполна. А которые бортные угодья и рыбные ловли, и бобровые гоны, и иные угодья тех же розных сел отошли далече, а ведают будет угодья крестьяне ис тех сел. И в тех угодьях медвенных и во всяких оброках

³⁹ Написано над строкой другими чернилами.

⁴⁰ Так в рукописи.

Л. 296 имати поруки | з записьми по крестьянех, хто те бортные ухозя, и всякия угоды ведает и ходят, и оброки на тех класти, смотря по всяким угодым как будет пригоже, чтобы как прибыльнее впредь бы мочно было сполна оброки платить.

13.

Будет которой помещик приишет где пустые озера, или в реках рыбные ловли порозжие, не помесные, и не вотчинные, и не оброчные, и учнут о тех водах бить челом государю в поместье за четвертную пашню, и такие воды мерить в десятины же, а измерев писать за ними по государевым грамотам.

14.

Л. 296 об. Которые бортные ухозя или рыбные ловли, и бобровые гоны, и всуды, и перевесья, и мельницы, и перевозы, | и сенные покосы, и всякия угоды на государевых землях, а не на помесных и не вотчинных землях, и которые бортные ухозя и всякия угоды на отхожих землях владеют ими тех же помещиков и вотчинников крестьяне и иные всякие люди на оброке, и тем оброчтчиком и впредь с тех земель, и со всяких угодей оброк платить, а из окладу того оброку не выкладывать.

15.

Л. 297 А за патриархом и за властью, и за монастыри, вотчинные земли писать, обыскивая всякими людьми, смотря государевых жалованных и сотных грамот, и писцовых, и отдельщиковых выписей, и купчих, и духовных, и даных, и всяких крепостей и взяв с них списки за руками, что хто в которой монастырь вотчину свою по своёй душе, и по родителех дал до Уложения 89-го году. А которые вотчины купленные и даваны в монастыри, а иные проданы после Уложения 89-го году, а вотчинники из монастырей в те годы по московское разоренье не били челом и тех вотчин не выкупили, и те вотчины писать за монастыри по прежнему по крепостям, потому что те вотчины в монастырех застарели. А о которых вотчинах было челобитье, и те вотчины писать особь статьею. |

Л. 297 об.

16.

А которые люди давали вотчины в монастыри вкладу при государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Руси мимо указу 89-го и прежних указов, а о тех вотчинах по родству учнут бить челом из монастырей на выкуп, и те вотчины из манастырей выкупать по Уложению опроче тех земель, которые даваны в монастырь по государеву имянному указу, и по челобитью тех земель вотчинников, и писцом те вотчины писать сею же статьею.

17.

А которые вотчины за ними объявятца после писцов до Уложения 157-го году по крепостям, и те земли писать за ними по крепостям, которые даны из приказов за дьячьими приписми. |

А которые вотчины объявятца за ними по данным и по купчим после Уложения 157-го году, и те вотчины писать в книги особь статью. А что в тех их вотчинах сверх их дачь в их межах и гранях по тому же, примежевать к тем их вотчинным дачам, и отписывать с мерою, и давать выписи такие же, как помещиком и вотчинником. А им с теми выписями в Помесном приказе бить челом о справке в год с того числа, как писцы книги положат. А буде у них какие земли объявятца за межами и за гранями не в их межах и гранях, а владеют они теми землями без дач и бес крепостей, и те земли с угоды писать, и мереть, и отмежевать особь статью. |

19.

Л. 298 об.

А где в селех и на пустых погостех объявятца кладбища, и по тем кладбищам в писцовых книгах церковных земель не написано, а старожилы и окольные люди к тем кладбищам станут обводить церковные земли, а по розыску те земли объявятца порозжие, а не помесные и не вотчинные, и строения на них никакова нет, и те земли к тем кладбищам по тому же с мерою писать и межевать имянно, что писаны и межеваны под кладбищам, и по старожилowym скаскам, а не по крепостям. А будет к таким кладбищам церковных земель старожилы не укажут, или укажут, а по сыску объявятца помесные и вотчинные, или каких строенье какое, и таких земель по кладбищам, и по старожилowym скаскам не описывать, и не межевать для того, что те земли по крепостям в дачах, а межевать те земли у кого в крепостях написаны. А которые церкви построены | после писцовых книг, а замен к ним не дано и к тем церквям ис помещиковых, и из вотчинниковых земель межевать по дачем тех сел и деревень, х которым та церковь построена, со шtisот чети и выше – церковные земли по дватцети чети, а с пятисот и ниже до ста чети – по петнатцети чети, а со ста чети и ниже – по десяти чети в поле, а в дву по тому ж. А сенных покосов на четверть – по копне. А отмеривать, и отмежевывать церковные земли во всех трех полях в селе, где церковь, с ряду, а не через полосу.

20.

Буде кто которыми землями вотчинник владеет, а государевых грамот и писцовых, и отдельщиковых выписей, и даны[х], и иных никаких крепостей не положит, и учнет сказывать, что крепости в смутное время, и в литовское разоренье пропали, и писцом про те вотчины сыскивать платежными книгами, а буде | платежных книг нет, и про те вотчины обыскивать сторонними людьми, а по сыску те вотчины писать особь статью. Л. 299 об.

21.

А межевать им тот стан и волости, и в них помесные и вотчинные земли по писцовым книгам, и по старым межам и граням. А будет где старых межей и граней нет, и в тех местех розмежевать вновь, розыскав старожилы, чтоб межы были знатны и описаны с мерою. А где на помещиковых и на вотчинниковых землях старых меж и граней нет, и старожилы, что те земли розвесть по старым урочищам не будет, и те земли межевать розмеривая по дачем, а с образом не отводить для того, чтобы в том душевредства и клятвы не было.

22.

- Л. 300* А грацкие и становые и волостные межи, | где сошлись с ыными землями, взая у сторожилов скаски за руками, межевать по писцовым книгам с мерою с сторожилы же, и с окольними же людьми, и описывать в книгах имянно в тех статьях, которые земли з грацкою, и становую, и волосною землею смежны. А на меже описывать реки и ручьи, и враги, и всякия признаки, и леса, и луги, и всякие угодыя подлинно с мерою, сколько сажень меж ими. А где будет межа рекою или подле реки и то описывать подлинно, правая или левая сторона, вверх или вниз рекою, и с которых мест до которого урочища, и от реки той межи куда будет поворот, описывать по тому же, на правую сторону или на левую. И на полевых местех, где знатных признак не прилучитца, рек и дорог, столбы ставить большого лесу, и на них грани насекачь. А в лесах по тому ж грани велеть насекачь на больших деревьях.
- Л. 300 об.* А ямы копать | на грацкой меже в ширину во все четыре стороны по две сажени, а в глубину полторы сажени, а на становой по полторы сажени, а в глубину по сажени. А меж помещиковых и вотчинниковых земель ямы копать в ширину в сажень во все четыре стороны, а в глубину два аршина. А грань от грани вдоль по меже ставить по сту сажень от [о]беих уездов или станов людьми, с обе стороны грань против грани и ямы против ямы, а меж граней и ям велеть оставлевать на грацкой меже по три сажени, а на становой по полторы сажени, а на помещиковых и вотчинниковых межах по сажени. А где по меже будет поворот, и в тех местех по тому же ставить столбы и ямы копать, на [с]кольких саженьях и в которую сторону прилучитца. А будет где старых меж и граней нет, а помещики и вотчинники полюбовно межи по дачам. А розмеривая по дачам, становую или грацкую межу учинить по указу, как написано выше сего, а меж граней все описывать мерою в сажени, чтобы впредь о межах спору и челобитья не было.
- Л. 301*

23.

- А где в межах обявлятца старые грани и ямы, и тех прежних граней и ям не отставлять, а сколько меж ими мерою сажень будет, и которого году те грани и ямы учинены и чьего межевания, и то описывать в межевых книгах подлинно. А которые будут старые межи, что межевали прежние писцы, попортились и заросли, и ямы заровнялись, и на деревьях ямы и признаки повыгнили, и те межи и грани подновить с старожильцы и с окольними людьми при обеих помещиках и вотчинниках, меж чьими землями те межи | и грани учинены, розмеривая по дачам. И написать в книги подлинно меж граней и ям по тому же с мерою, а старых признак на тех межах портить не велеть, чтобы впредь о том спору никакова не было. А спорные земли розводить мерою же по указу, не отсрочивая в том где стан не розмежеван. А где спор будет в обеих станех по одному челобитью и то розмежевать тому межевщику, кому заручные челобитные принесены будут. А как по тому полюбовному заручному челобитью розмежевано будет, и другова стана писцу дать о том межеванье список за своею рукою тому писцу в своем стану то межеванье написать особь статьею.
- Л. 301 об.*

24.

Где будет с патриаршими и со властелинскими, и с церковными, и с монастырскими вотчинами с помещики, и с вотчинники со всякими землями смежно в межах и в гранях великого государя царя и великого

князя Феодора Алексеевича всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержца дворцовые села, | и черные волости, и ямские слободы, а меж ими не межевано, и в тех смежных землях учинитца спор, и про такие спорные земли, съехався тех дворцовых сел и черных волостей и ямских слобод с прикащики, и взяв соцких и старост и старожилов, сыскивать писцовыми и отдельными книгами и всякими крепостьми, и старожильцы, на которых учнут слатца дворцовых сел, и черных волосте[й], и ямских слобод старосты и крестьяны, и вотчинники, и помещики. И по сыску такие земли писать и размежевать с мерою по дачам и по крепостям, и по старым признаком и урочищам, а сверх дачь примерные земли описывать и примежевать с мерою. А будет которые прикащики дворцовых сел и черных волостей и ямских слобод будут в отъезде к Москве или куды-нибудь, и писцом имать старост и крестьян, и взяв у них о той меже списки за руками и межевать по тому же, по крепостям и по скаском. | *Л. 302*

А буде которых дворцовых сел и черных, и ямских слобод старости и крестьяне бес прикащиков на межу не пойдут, и крепостей не положат, и помесные и вотчинные земли и без их крепостей отмежевать с мерою сполна по дачам и бес крепостей того с кем смежно, потому что для межеванья в крепостях сроку не указано, также как и преж сего писцы межевали безсрочно. *Л. 302 об.*

25.

А будет которые люди учнут великому государю бити челом, что после писцов прежние писцовые межи испорчены и столбы выметаны, и грани высечены, и ямы заровняны, и землю перепахали, и тем давать очные ставки и розыскивать правдою. Да будет по розыску объявятца хто прежние писцовые межи испортил и землю перепахал, и на тех | виноватых людех *Л. 303* доправить пени за всякую испорченную грань по пяти рублей, чтобы впредь иным воровать было неповадно. А пенные денги присылать к Москве в Помесной приказ, а те земли размежевать по старой меже и учинить межу новую по указу.

26.

А будет про старые межи, где они, были розыскать нечем, а меж помещиков и вотчинников учинитца в землях спор, и те земли межевать: четвертную пашню, и сенные покосы, и лес, и всякие угодыя – размеривая по писцовым книгам и по дачам. А где сенные покосы писаны копнами, а не десятинами, и в тех местех отмеривать на десять копен по десятине. А х которым землям написаны по писцовым книгам и по дачам поверстные | леса и сенные покосы многие, а по их мере к тем землям столько *Л. 303 об.* против писцовых книг и дач поверстных лесов и сенных покосов не будет, и тем помещиком и вотчинником, отмеривать четвертную пашню прежде по писцовым книгам, а исполня четвертную пашню против писцовы[х] книг, розписать за ними леса и сенные покосы по четьям, чтобы нихто ни от кого избизен⁴¹ не был и учинено бы было им правдою. А будет леса и сенные покосы объявятца в розпашных землях, и те земли, размеря, отмежевать в чети, и тем же людем, кто розчистил.

⁴¹ Так в рукописи.

27.

У которых помещиков и у вотчинников земли были и межеваны, а их
Л. 304 не стало, а после их помесья их и вотчины розданы | в роздачу на двое, или на троих, или на четверо и больши, и на тех землях помещиковых и вотчинниковых дворов по два и по три, и их задворных людей дворы, а землю владеют черес полосу, а не с ряду, и те их земли за ними писать и межевать против писцовых книг и дач, и четвертную пашню, и всякие угоды с ряду, а не черес полосу, и дать им жеребей кому с которых мест по розделу и по четвертям которая земля достанетца. А будет те помещики и вотчинники учнут бить челом полюбовно, чтобы тех их земель не межевать, а владеть им по прежнему, и тому их полюбовному челобитью не верить, а те земли меж ими писать и межевать, розмера по дачам, а черес полосы владеть не велеть, чтобы впредь им о межеванье своих земель не бить челом. |

Л. 304 об.

28.

Будет где спору в межеванных землях не будет и помещики и вотчинники учнут бити челом полюбовно, и челобитную принесут за руками, и те земли писать с мерою же, и межевать против полюбовного челобитья и заручных челобитен, и на межах чинить признаки по указу, и примерные земли по тому же – что кому в дачю примерено, отписать и отмежевать и о той примерной земле чинить указ, как писано выше сего. А на межах велеть быть с обе стороны самим помещикам или людем их и крестьяном, да с ними старожильцом и окольным людем. А как против их полюбовного челобитья межи и грани и всякие признаки учинят, и к тем межевым росписям тем людем, чьи будут земли по челобитью | розмежеваны, да и старожильцом, которые с ними на межеванье будут, велеть руки приложить, чтобы впредь о них спору и челобитья в том не было.

Л. 305

29.

А будет где великого государя борти или бортные деревья созжены или посечены, и писцом тех бортей самим досматривать и обыскивать по сему же наказу: хте⁴² те бортные деревья выжег или высек. Да будет на кого в обыску скажут, что бортные деревья те люди высекли и выжгли, и писцом на тех людех велеть доправить на государя за борть заделною, которая со пчелами по рублю за дерево, а которое дерево делное безо пчел, и за то доправить по полтине. А которое дерево бортное, а не делное, холостое, и за то дерево доправить по полуполтине. Да что тех денег писцы зберут и на ком что денег | возьмут, и писцом то все велел⁴³ написать в книги, да те книги привести им к великому государю к Москве.

Л. 305 об.

Да и того писцом Потапу и подьячему досматривать, и сметив в книги написать, на которых бортных и на черных лесах пригоже и мочно впредь деревни и починки ставить, и сколько тех лесов по мере или по смете десятин или верст, да и те леса, на которых на бортных и черных лесах впредь не пригоже и не мочно деревень и починков чего для ставить и по тому же, сметив, написать.

⁴² Так в рукописи, должно быть хто.

⁴³ Так в рукописи.

30.

А однолично писцом того беречь накрепко и роспрашивать, которые дети боярские верстались, а поместья за собою не сказали, а отцовские поместья писаны за меньшими братьями, а меньшие их братья в службу | не поспели. А будет которой верстался от отца и за отцом ево оклад сполна или в полюоклад, а у отца ево oprичь ево иных детей нет, и о том писати же имянно тем детям боярским новиком, которые от отцов верстались. А у отцов их иных детей нет, и тем служить с отцом вместе с отцова поместья же, отдать отцова поместья. Л. 306

31.

А будет к ним, писцом, Потапу и к подьячему, всяких чинов люди учнут презжать⁴⁴ великого государя з грамотами на дикие поля, которым из диких поль в указные числа со 181-го году ни в котором городе не дано, и писцом по тем великого государя грамотам всяких чинов людям из диких поль межевать по указным статьям, как писаны ниже сего. |

32.

Л. 306 об.

Патриарху две тысячи чети, митрополитом, архиепископом и епископом по тысячи по двести чети, Троицы Сергиева монастыря девятьсот чети, Рожественского монастыря, что в Володимере, да Чюдова монастыря по осмисот чети, а иным всем монастырем по пятисот чети. Бояром по тысяче чети, окольничим по осмисот чети, кравчему пятьсот чети, казначею шестьсот пятьдесят чети, постельничему пятьсот чети, думным дворяном по штисот чети, печатнику пятьсот пядесят⁴⁵ чети, думным дьяком по пятисот чети, спальником по четыреста по пятидесят чети, приказу Тайных дел дьяку двести пятьдесят чети, стряпчему с ключом, московскому ловчему по четыреста по пятидесят чети, ясельничему четыреста чети, стольником по триста по пятидесят чети, стряпчим, дворяном московским по триста чети, полковником и головам московских стрельцов, и всяких чинов служилым людям по чинном по указу, хто ис какова чину: степенным ключником против московских дворян по триста чети, дьяком и путным ключником по двесте чети, жильцом и дворяном городовым, которые по выбору, по двесте по дватцати чети, з городом по сту по пятидесят чети, чарошником и стряпчим и векошником по сту по пятидесят чети, сытником, и подключником, стремянным конюхам по сту чети, московских стрельцов сотником, кречетником, сокольником по сту чети, розных приказов подьячим, которые верстаны помесными оклады, по штидесят чети. Л. 307

33.

А которым люди в прошлом | во 184-ом году дано было из диких поль в помесные их оклады, а после тое дачи те земли и поместей своих купили в вотчину, и тем четьям быть по продаже в вотчине. А вместо тех земель, которые проданы в вотчину, тем людям в указные статьи давать из диких поль, где они приищут. Л. 307 об.

⁴⁴ Так в рукописи.

⁴⁵ Так в рукописи.

34.

А которым людем из диких поль помечено дать в оклады, а по пометам великого государя не имали, и те дикие поля против первого их челобитья давать им в указные статьи. А что останется за указные статьями, и то отдавать челобитчиком. |

Л. 308

35.

А как к ним, писцом, великого государя з грамотами всяких чинов люди учнут приезжать, и им, писцом, против тех великого государя грамот про дикие поля сыскивать накрепко большим повальным обыском тутошними и сторонними многими людьми те земли против челобитья всяких чинов людей порозжат, и будет порозжи, в поместье и в вотчину на оброк наперед сего кому не отданы ль, и великого государя к дворцовым селам не приписаны ль, и не блиско ль десятинные пашни городов Скопина, и Романова, и Богородицкого, и тех городов сел и деревень, и не стрелецкая, и не казачья, и не пушкарская земля, и впредь о тех землях спору и челобитья не будет ли. И будет порозжи и спору не будет, и те дикие поля мерять | в десятины, как о той мере написано в сем наказе выше сего. А измеря, отделять и отмежевывать челобитчиком по прежним великого государя указным грамотам, каковы тем челобитчиком даны к прежним межешником, которым по тем грамотам из диких поль не межevano, а как к ним, писцом, в Тульской уезд учнут привозить, а давать челобитчиком ис тех диких поль на сто чети по пятидесят десятин в поле, а в дву по тому же. А под усадьбу и на выгон и на сенные покосы давать тем челобитчиком на сто чети под усадьбы и на выгон по пяти десятин, а на сенные покосы по десяти десятин. А где кому из дикого поля доведетца отмежевать | больши или меньши ста чети и в тех местех под усадьбы, и на выгон, и на сенные покосы давать по расчету. А без грамот великого государя диких поль не давать.

Л. 308 об.

Л. 309

36.

А как кому по чином и по числам первым челобитчиком дикие поля давать, и тому даны им, писцом, книги за дьячею приписью. А что у кого останетца за роздачею сверх челобитья и указных чети, и те земли отписывать на великого государя до помесные отдачи. А речные и лесные угодья давать им въезжать велеть в тех же указных четьях всем вопче. А недорослям, у которые в служилые | списки не написаны, розыскивать, а из диких поль не давать.

Л. 309 об.

37.

А как челобитчики учнут к ним приезжать великого государя з грамотами и им, писцом, тех челобитчиков допрашивать подлинно, кроме Орловского уезду из диких поль по их же челобитью сверх указанного числа в иных городех дачи им со 180-го году не были, и о том у них имать скаски за их руками с великим подкреплением.

Л. 310

А в скасках велеть писать; будет хто скажет ложно, а после сыщетца что он взял дачю ж из дикого поля | в ыных городех, кроме тое дачи, и у них взять на великого государя за ложные скаски прежние их жилые замосковных городех поместья и вотчины и те новые дачи бесповоротно и учинить им наказанье.

А будут в одном числе на одне урочища челобитчиков будет много, а земли с их дачи всем в тех урочищах не будет, и тем одного числа челобитчиком давать жеребей, чье имя преж выметца, тому преж и давать. А жеребей написать имена всех тех одного числа челобитчиков, и учинить к выниманию ввоску ровно, и велеть вынимать сторонним людем, или кого они, челобитчики, излюбят. А которые з жеребья останутца, а земли им в тех урочищах не будет и им давать в ыных местех, где хто пришет. А которых челобитчиков имена в книги будут написаны хотя | и по числам, а государевых грамот о даче тех земель будет не прислано, а к роздаче они сами не будут и никого не пришлют, а в то время будут в домех, и тем людем диких поль не давать.

А иных челобитчиков имена будут в книги написаны и скажут про них, что они ныне на государевой службе, и таким челобитчиком против их чинов и челобитья, смеряв, земли оставливать, а не отказывать и не отмежевывать. А как они з государевы службы будут и им в то время о тех землях великому государю бить челом. А будет по их | наезду на диких полях хто поселился без дач, изроспахал многую землю, а имян тех людей в государевых грамотах и в книги по числам будет не написано, и крепостей не положат, и те земли отписывать на великого государя. И буде прежние межешники, будучи в Орловском уезде в Корчаковском стану, преж сего кому отмерели и отмежевали московских чинов людем, и городовым дворяном, и детем боярским лишние земли, и на тех людей будучь челобитчики, что они отмежевали тем людем лишние земли, а те люди, кому они отмежевали буде они на службе, и без них тех земель не межевать. А буде которые живут | в домех своих и у тех людеи дачи их мерить в правду. А что будет сверх дач, и то отписывать на великого государя и отмежевать к одной стороне и о том писать к великому государю, и лишним четьям прислать в Помесной приказ книги.

А в указе блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия, и Малыя, и Белья России самодержца 180-го году о диких полях в 5-й статье написано: будет хто учнет бить | челом сам на себя, что в ево дачах есть лишняя земля, и тем людем давать из лишних земель указные число, будет наперед их челобитья иных челобитчиков не будет. А в 10-й статье 180-го году написано: будет у ково объявитца сверх дачь по чьему челобитью лишняя земля и те земли по сыску мереть, и исмеря их дачи, давать излишние земли в указное число. А что будет сверх прежней ево дачи и указного числа новой дачи, и те лишние земли отдавать челобитчиком.

А в прошлом во 187-ом году апреля в 7 день великий государь указал и бояре приговорили: | за которыми людьми старые дачи и те земли мереть, и прежним помещиком старые их дачи отмереть против их дач. А что будет сверх старых дач лишние примерные земли, и ис тех лишних земель прежним помещиком давать в указные числа и в оклад сполна по 10-й статье 180-го году, а 5-ю статью 180-го году отставить. А которые дела вершены по 5-й статье апреля до 7-го числа прошлого 187-го году, и тем быть так, как они вершены.

38.

А что за роздачею в Корчаковском стану у всех челобитчиков дикого поля в лишке будет, и в которых урочищах и те лишние земли от тех помещиковых дач по тому же отмежевать вправду, сколько

тех лишних земель за их челобитьем в остатке будет, чтоб в Корчаковском стану немежеванных порозжих диких поль и примерных земель не было.

39.

А которые украинных городов дети боярские на диких полях и на порозжих землях по государевым сыскным грамотам, а иные не взяв великого государя сыскных грамот за челобитьем своим, поселились, дворы построили и землю роспахали, а об отказных грамотах великому государю не били челом и за выписками не ходили многие годы и месяцы, а иных поместий за томи украинцы опричь тех земель нигде нет, а московских и иных всяких чинов люди, не украинцов, о тех землях били челом, и ныне бьют челом по Уложению, что ныне на те земли по обыском не били челом многие годы и месяцы, и тем землем быть за теми украинцы по их первому челобитью и прииску для их службы и скудости, и потому что они о тех землях били челом и на них поселились, и службы великого государя служат с тех земель по вся годы, а люди молотчие, а иные из них скудные, а поместей и вотчин за ними нет.

40.

А будет в Орловском уезде московских чинов и иных городов за людьми прежние дачи по писцовым книгам и после писцов даны из обводных земель, и дикие поля, и примерные земли сверх старых дач в оклады и в указные статьи отмежеваны, а спору и челобитья августа до 7-го числа прошлого 189-го году не было, и тем⁴⁶ межам быть так.

А на которые межи челобитье было или которые примерные земли сверх дач старых помещиков даны московских чинов и иных всяких городов людем, или по государевым грамотам отказаны, а иным межевщики отмерели по 5-й статье 180-го году августа до 7-го числа прошлого 189-го году, и те межи оставить, а отмереть преж старые дачи украинцов детей боярских, да новые дачи московских чинов и иных городов людем.

41.

А что сверх старых дач украинцов детей боярских и московских чинов, и иных городов людей новых дач будет примерные лишние земли, и те примерные земли давать тех украинных городов дворяном и детям боярским, хто по которому городу служит которым их дачам и беспомесным в оклады их сполна, а сверх окладов лишних земель и в указные числа против московских чинов не давать. А которые дети боярские помесными оклады не верстаны, а службу служат, и тем помесные дачи давать против новичных окладов тех городов, по которым городам они служат, средней и меньшей статьи. А недорослям и котор[ые] в служивые списки не написаны земель не давать. А что сверх их дач помесных окладов будет примерных лишних земель, и писцом те земли описывать с мерою: сколько в которм городе и в слободе и в селе розмерные земли будет. И писать о тех землех к великому государю к Москве в Помесный приказ, а московских чинов и иных городов людем тех примерных земель не довать, опричь тех городов, в которых московских чинов людем дикие поля давать указано.

⁴⁶ В тексте написано дважды.

42.

А буде в Орловском уезде в слободах и в селех живут дети боярские, и в тех слободах и в селех преж отмерить и отмежевать земли детем боярским против их дачь. А что за их дачами останетца, и то отмежевать им же в оклады. А неверстаным, которые службу служат, отмежевать против новичных окладов меньшей статьи. А что за их дачами останетца, и те земли мереть и межевать московских чинов и иных городов людем. *Л. 315 об.*

43.

Писать и мерить, и межевать писцом самим, и всякие земляные дела делать перед собою, и для межеванья от себя никого не посылать. И кои земли станут межевать и им с тех земель не domeжевав не съезжать, и в крепостях сроку не давать. А которого стану села и деревни, и починки, и пустоши, и селища, и займища опишут, и писцом велеть в книги писать перед собою набело и вчерне книг не держать. А полевые книги писать старому подьячему своею рукою. Да те книги и всякие списки держать писцом за своими печатями для береженья. И учинить помесным и вотчинным и порозжим землям под статьями, и под станами и под волостями перечни порознь. А учиня перечни, написать подо всеми станами и волостями один перечень. *Л. 316*

44.

Которые вотчинники учнут класть на свои вотчины государевы и царевы и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси жалованные грамоты, которые даны за московское осадное сидение в вотчину, а по новому Уложению те грамоты не переписаны, и писцом те вотчины за вотчинники писать в вотчину же себе статьею. А которые вотчинники ж померли, а после и жены, и дети, и братья, и племянники учнут класти перед писцы государевы царевы и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси жалованные вотчинные грамоты, которым даваны в вотчины за царя и великого князя Василья Ивановича всеа Руси московское осадное сидение, и по государеву указу и по новому Уложению те грамоты не переписаны же, и писцом те вотчины писать писма своего и меры в книги за вотчинники, буде после тех грамот в писцовых книгах, и в дачех те земли ни за кем не написаны. *Л. 316 об.*

45.

А будет у кого споры объявятца, чего в сем наказе и в статьях не написано и указу учинить в чем будет не мочно, и о тех статьях писать к великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу всеа Великия, и Малыя, и Белья | России самодержцу к Москве в Помесный приказ, а им о том ис Помесного приказу государев указ будет прислан. И се статьи, которые в наказе писцом написаны, помещиком и вотчинником, как они на их земли писать и мерить, и межевать приедут, прочитать, чтобы великого государя указ помещиком и вотчинником в писме и мере и межеванье земель их всем был ведом. И о том у них имать скаски за руками, что они великого государя указ статей слушали и помесные и вотчинные и порозжие земли писать и мерить и межевать по сему великого государя указу, и по статьям, и по наказу вправду, не норovia никому некоторыми делы, и от того посулов

и поминков не иметь, чтоб у помещиков, и у вотчинников впредь в межах спору и челобитья никакова великому государю не было. |

Л. 317 об. А как они, писцы, помесные, и вотчинные, и порозжие земли опишут, и измеря, розмежут, и что по их письму и мере в том стану будет меж и граней, и те межи велеть написать в книги в десть письма своего и межеванья. И с тех книг зделать перечневой список, да те межевые книги за руками старожил, и сторонних людей, и помещиков, и вотчинников, и людей и крестьян, которые на мере и на межеванье с ними будут, и им, писцам, за своими руками привести к великому государю царю и великому князю Федору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу к Москве безо всякого мотчанья. А приехав, прийтца и книги письма своего, и меры, и межеванья подать в Помесном приказе окольничему князю Ивану Михайловичу Коркодинову с товарищи. |

Л. 318 А будет они, писцы, помесные, и вотчинные, и порозжие земли учнут писать, и мереть, и межевать неправдою, норовя кому по посулам или для дружбы, или сверх писцовых книг и дачь помещиком и вотчинником учнут примеривать лишние земли или порозжие обводные земли, которых в писцовых книгах не написано, примежут к иным землям, и от того учнут иметь посулы и поминки, а в писцовом деле, и в межеванье поместных, и вотчинных, и порозжих земель учинят мешканье, или что они в писцовом в межевом деле учинят не по сему великого государя указу, как им написано в статьях, а от помещиков и вотчинников великому государю о том будет на них челобитье, и по тому их челобитью будет сыщется допряма, то писец | и подьячий с приписью, в каком деле учинил неправду, и по розыску у того писца взять половину поместей ево и вотчин, и роздать в роздачу челобитчиком безповоротно, а другую половину оставить жене ево и детям. А подьячему с приписью учинить против того же, а будет за ним поместей и вотчин нет, и ему учинено будет наказание – бить кнутом.

Л. 318 об. А будет челобитчик учнет великому государю бить челом на писца и на подьячего с приписью ложно, а писец и подьячий в том деле, в чем хто учнет на них великому государю бит[ь] челом, по розыску будут оправлены, и таким челобитчиком за лживое их челобитье, чинить великого государя указ против того же как довелось | учинить писцу, на которого будет челобитье: отнять у него столько же поместей и вотчин, что было довелось отнять у писца. А будет у него поместей и вотчин меньше писцова, и у него отняти половина поместья ево и вотчин, а другую половину оставить жене ево и детям.

Л. 319 А вместо корму писцом иметь деньги на тех людех, чьи земли станут писать и межевать: с четверти писцу денга, подьячему с приписью с молодыми подьячими и служилыми людьми, которые с ними будут, всем вопче денга же, а сверх того корму им не иметь. А будет они сверх того указного корму что возьмут и сыщется про то допряма, [и] им за то учинено будет против того же, что велено чинить за неправое письмо и межи. |

Л. 319 об. А подводы им: писцу по двенадцати, а подьячему с приписью по три подводы, молодым по подводе человеку, служилым людям, которые с ними будут, пяти человеком три подводы.

А на чернила и на бумагу, и на воск, и на свечи иметь со ста чети по гривне, и где будет больше или меньше ста чети, и в тех местах иметь по розсчету.

А для того письма, и меры, и межеванья с орловских дозорных книг письма и меры Ивана Кутузова да подьячего Ивана Коровина 134-го, и с межевых книг розных межевщиков помесным и вотчинным землям, даны им

списки за дьячими приписями. А для письма даны им два человека молодых подьячих, а на меру сажень за печатью, треть аршин да | вервь десятина, по Уложению в длину восемьдесят сажен, а поперег тридцать сажен. Л. 320

А для розсылки иматъ им у воеводы служилых людей по пяти человек.

Делопроизводственные отметки (л. 320): Правил Сенка Васильев; Для письма молодые подьячие Иван Карпов, Иван Зяблой.

Скрепя по листам: Дия – къ – Ва – си – лей – Про – то – по – по – въ
РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10048. Л. 283–320 об.

№ 2

Обсуждение поправок и дополнений к писцовому наказу валовым писцам 1681 г. выборными дворянами-окладчиками разных городов в комиссии кн. А.И. Хованского

1682 г.

В нынешем во 190-ом году, февраля в 9 день, по указу великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержца, столник князь Андрей княж Иванов сын Хованской с товарищи да выборные дворяня из городов слушали наказ, каков наказ дан ис Помесного приказу писцом, и что в том наказе по которой статье говорили пополнить, и то подписано под теми статьями. | Л. 243

В наказе в 1-й статье:

Л. 217

Писцом писати и мерить и межевать всякие земли по старым межам и урочищам, а где старых меж и граней нет, и старожиллов, что те земли розвестъ по старым урочищам не будет, и те земли описывать и межевать розмеривая по дачам, а с образом не отводить для того, чтобы в том душевредства и клятвы не было. |

А ныне говорили:

Л. 217 об.

Которые земли розведены с образом после Уложения, а спорное челобитье на оброзное хожение было до году, и те земли розмеривать и межевать по дачам с мерою.

А буде по мере земли у того, кому отведена с образом убудет, а тому, кто бил челом на оброзное хожение по мере земли прибудет, и тому, кому отведена с образом, ничего не чинить, и владенья, и простей, и волокит не править, для того по прежнему Уложению велено отводить с образом, а ныне у него та земля отоидет мерою, а не иным розыском.

А которые земли розведены оброзным хожением, а до году челобитья на те межи не было, и тем землям | быть по образному межеванью. Л. 218

А которые земли в прежних писцовых книгах межеваны, а после писцовых книг те межи испорчены, а иные заросли, а старожиллов на те межи не сыскано, и те земли по челобитью помещиков и вотчинников розведены образным хожением после Уложения для того, что старожиллов на те межи не сыскано. И о тех землях чинить то же, как писано выше сего. Буде челобитье было после образного межеванья до году и те земли розмеривать по дачам, а буде до году челобитья не было, и тем землям быть по образному межеванью.

Л. 218 об. А буде у кого по образному межеванью | земли против дачь прибудет, и той лишней земле быть за тем, кому с образом отведена, а буде по тому образному хожению земли против дачь у кого не будет, и той земле так и быть, как ему отмежевано.

А буде у которых помещиков и вотчинников в землях были суды и очные ставки, и те земли розведены у них по сыску повальным обыском, и тем землям быть по тому повальному розводу, и писать, и межевать за ними с мерою, чтобы те земли в мере были все ведомы. А буде у кого по тому повальному розводу земли по мере писцов объявитца больши того, что ему отведено повальным обыском, и лишней земле быть за теми же, у кого она примерена будет. А будет у кого против того повального обыску земли столько по мере не будет и за ним тому и быть, как ему по сыску отведено.

Л. 219 А которые земли у помещиков и вотчинников розведены и размежеваны полюбовно по записям, и писцом те земли писать за теми | помещики и вотчинники по тому их полюбовному розводу, и по крепостям, и по записам⁴⁷ за их руками с мерою ж.

В наказе во 2-й статье:

Мерить писцом одно поля, а два поля смечать, чтобы хлебу толоки не было.

А ныне говорили:

Л. 219 об. Чтобы писцом мерить все три поля, которые и с хлебом для того: естли всех поль не мерить и в смете будет неправда, и нам многую землю напишут за малые чети, а иным немногую землю напишут за многие чети, а писцы станут отъиматца тем, что они те земли писали по смете, а не мерою, и им той земли писать | было вправду по смете без меры не мочно. А в наказах им, писцом, написать, чтобы они те поля мерели бережно, больши бы десяти человек с собою не имали, а мерять им все три поля, которые и с хлебом, кинуть длинник да поперешник. И в том длиннике и в поперешнике писать смечая десятинами, а порознь десятинами не мерять, чтобы от того хлебу толоки не было.

А у меры помещиком и вотчинником быть самим, а кого самих не будет, и у них быть людям их и крестьяном для того, чтобы впредь у помещиков и вотчинников спору и челобитья не было. |

Л. 220

В наказе во 2-й же статье:

В которых селех и в деревнях, и в пустошах будет середняя или худая земля, и те земли одабривать ис примерных земель, а у которых людей в дачах примерных земель не будет, и за теми людьми земель не одабривать, а быть против дачь.

А ныне говорили:

Буде где середняя или худая земля, а примерных земель не будет и те средние и худые земли одабривать из дачь, а сколько чети из дачь у кого в одабриванье убудет, и те чети с тех людей, за кем те земли одобрены будут, сыскать. |

Л. 220 об.

В наказе в 3-й статье:

Помесные примерные земли давать тем людям в оклады, у кого примерены будут, а что за оклады будет лишка, и те лишние примерные земли примежевать им же с прежними их дачами, и дать им на те земли выписи.

⁴⁷ Так в рукописи. Должно быть: "записям".

А по тем выписям бить челом им о тех землях в год с того числа, как писцы в Помесном приказе книги положат, и те земли давать им же в поместье, а что за оклады будет, и те земли продавать им же в вотчину, а денги иметь за три чети по рублю. А буде они тех земель купить не похотят и чьево челобитья по тем выписям, как писцы книги положат, в год не будет, и те земли отдавать челобитчикам в поместье. А вотчинные примерные земли писать за теми же вотчинниками, у кого примерены будут, безденежно. |

А ныне выборные дворяне били челом великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, чтобы он, великий государь, пожаловал их, буде у кого объявятца в поместьях примерные земли и те бы земли тем помещиком отдавать в оклады писцом, а что останетца за оклады, и те чети в вотчину им продавать, и на те земли купчие давать писцом же за своими руками, чтобы им в том лишние волокиты не было. А денги и пошлины четвертные и печатные иметь с них четвертные с четверти и по 2 денги с полуденгою, да печатные с челобитья по полуполтине с человека писцом, и присылать | в Помесной приказ для того, что многие из них в скудосте и в бедности живут.

Л. 221

А буде у кого объявятца в помесных землях примерные сенные покосы сверх указанного числа по сколько десятин на сто четвертей сенных покосов давать велено, и те сенные покосы класть в четверти в три поля, и давать тем же помещиком в поместье в оклад у кого примерены будут. А будет, что за оклады будет и то продавать им же в вотчину, а денги иметь по прежнему наказу, как о том писана выше сего в третьей статье. А буде хто купить не похочет, или чьево челобитья в год | с того числа не будет, как писцы книги в Помесном приказе положат, и те сенные покосы отдавать челобитчиком в поместье.

Л. 221 об.

Л. 222

А которые земли будут примерены в вотчинах и те бы земли писцом писать за ними в вотчину ж с теми же четвертьми, а в Помесном бы приказе опричь того о справке тех земель не бить челом и давать им на те земли для владенья выписи.

А буде в прожиточных поместьях вдов и девок объявятца примерные земли, а дано им на прожиток вдовам с мужних, | а девкам с отцовских окладов против указу не сполна и им из тех примерных земель по указу с окладов додавать сполна. А что у них за прожитком сверх того, что им доведетца додать, останетца лишку и те лишние четверти отдавать в род вдовиных мужей, а девкиных отцов. А будет родственников не будет, отдавать челобитчиком, а крестьян на примерные земли не отписывать.

Л. 222 об.

А буде которым вдовам и девкам дано на прожиток вдовиных мужей, а девок отцовых из поместья с окладов по указу сполна, а по мере четвертная пашни против дачь их не будет, а достальные поместья вдовиных мужей, а девкиных отцов отданы родственником или в чюжие роды, | и те земли, которые по мере тем вдовам и девкам против дачь не достанет, наполнять ис тех чети, которые отданы вдовиных мужей, а девкиных отцов родственником или чюжеродцом, а крестьян на те земли не давать же.

Л. 223

В наказе в 4-й статье:

Под усадбы и на выгоны отмеривать ис примерных земель на 100 чети по 5 десятин, да на сенные покосы по 10 десятин, а где примерных земель не будет и тем людям под усадбы, и на выгон⁴⁸, и на сенные

⁴⁸ *Дописано над строкой.*

покосы давать из их старых дачь, и ис четвертные пашни те десятины выложить, а где дачи будут больши или менши 100 чети, и тут писать по розчету.

А ныне говорили:

Под усадьбы и на выгон писать на 100 чети по 20 десятин, а на сенные покосы на 100 чети по 20 же десятин. А буде где примерных земель не будет, и под усадьбы, и на выгон, и на сенные покосы давать из старых дачь, и те десятины с тех людей, кому ис старых дачь под усадьбы, и на выгон, и на сенные покосы дано будет снять, и в оклад их не писать. |

Л. 223 об.

В наказе в 5-й статье:

Которыми поместными и вотчинными землями по старым писцовым и по дозорным книгам владеют помещики и вотчинники в поместье или в вотчине по старине, а не из дворцовых сел по дачам, а угожьями и лесами не изверстаны, и тем людем владеть всякому своими угожья, и в леса для дров, и для хоромного лесу ездить всякому в свой лес по старине.

А ныне говорили:

Которым помещиком и вотчинником написаны в писцовых книгах поверстные или десятинные леса, и те леса⁴⁹ разделить всем помещиком и вотчинником по дачам к тем селам и к деревням, к которым в те леса по писцовым книгам велено въезжать. А буде кто те леса взял из обводных земель или вместо диких поль, и те дачи отставливать для того, что им дано мимо писцовых книг.

Л. 224

А х которым селам и к деревням в писцовых | книгах написано въезжать в леса для хоромного и дровеного лесу, а на сколько верст или десятин того лесу, и того в писцовых книгах не написано, и те леса взяли иные помещики и вотчинники из обводных земель в дачю, и те леса тех сел и деревень коим велено въезжать по писцовым книгам ездить по прежнему по коих мест лес будет. А как те леса розчищены будут в пашню и тем землям, кои розчищены будут ис тех лесов, быть по дачам кому даны из обводных земель для того х которым селам и к деревням в те леса велено ездить, в писцовых книгах верст или десятин не написано.

Л. 224 об.

А которые земли и на тех землях леса написаны в писцовых книгах к селам или к деревням и пустошам имянно, да в те же леса велено въезжать иным помещиком и вотчинником для хоромного и дровяного лесу, и в те леса въезжать им по прежним писцовым книгам, а землю, которая розчищена будет ис тех лесов, владеть тем помещиком и вотчинником, которым та земля написана в писцовых книгах.

А проезды, которым в те леса въезжать, в книгах писать имянно через чьи кому земли ездить старыми дорогами, а где стары⁵⁰ дорог нет и в те леса учинить новые дороги, и где те старые и новые учинены будут, и то в книгах писать имянно ж. А у которых помещиков и вотчинников сенные покосы и всякие угожья будут за чюжими землями, и к тем угожьям и на сенные покосы по тому же учинить дороги, и писать в книги имянно, чтобы от того впредь у них спор не было. |

Л. 225

А которые помещики и вотчинники учнут бить челом, чтобы им в леса и во всякие угожья възжать к иным помещиком и вотчинником, у которых

⁴⁹ *Дописано над строкой.*

⁵⁰ *Так в тексте.*

угодья по писцовым книгам для того, что к их поместьям и вотчинам в писцовых книгах лесных и никаких угодей не написано, и им в чюжие угодья въезжать не велеть, а владеть теми лесами тем людем, кому те леса написаны в писцовых книгах.

А которым людем межевщики отмежевали к селам или к деревням отхожие земли и сенные покосы, и леса по скаске тех людеи, кому отмежевано, или по старожилowym скаскам, а в четвертную пашню те земли, а лес и сенные покосы в десятины не положены, и в писцовых книгах | тех отхожих земель, и сена, и лесу за теми людьми, кому межевщики отмежевали, не написано, и крепостей у них, и дач им на те земли в Помесном приказе нет, и такие отхожие земли, и леса, и сена у тех людеи, кому межевщики отмежевали по скаске, отымать, и отдавать челобитчиком. *Л. 225 об.*

А буде в одном селе или в деревне два помещика или вотчинника, а четвертная пашня написана за ними в писцовых книгах пополам, а сена и лес, и всякие | угодья написано одному больши, а другому менши, и писцом те угодья делить, и писать, и межевать против дач. *Л. 226*

А будет два же помещика или вотчинника в одном селе или в деревне владеют землею и лесом, и сенными покосы, и всякими угодья пополам по писцовым книгам, а ныне по наказу писцом за помещики и за вотчинники земли, и всякие угодья велено писать розмеривая по дачам, и межевать. И буде в одной половине по мере писцов будет пашня, а в другой половине за пашнею будут сенные покосы и лес, и всякие угодья, и в тех селех и в деревнях помещиком | вотчинником | пашнею, и сеном, и лесом, и всякими угодья владеть по писцовым книгам пополам, и писать, и межевать за ними по дачам. А х которой половине сена и лесу, и всяких угодей по мере и по межеванью не дойдет, и х той половине через другую половину, в которой половине сена, и лес, и всякие угодья, будут давать дороги, и писать те дороги в книгах имянно. А пашенною землею вместо лесу и сенных покосов, и всяких угодей, х той половине, х которой угодья по мере не дойдет, не намеривать, а дороги бы учинить в ширину полтары сажени. | *Л. 226 об.*

А которые пустоши написаны в писцовых книгах имянно на реке или на речке, или на враге, или кому так же имянно даны пустоши ис порозжих обводных земель, а за иными помещики и вотчинники в писцовых книгах написаны села и деревни, и к тем их селам и деревням припущены в пашню пустоши теми ль имяны, коими написаны в писцовых книгах особо, и кому даны из обводных земель, а те села и деревни от тех путошей, которые написаны в писцовых книгах особо, и кому даны из обводных земель на урочищах, розошли иные земли. А те помещики и вотчинники к тем своим селам и к деревням владеют теми отошлыми пустоши через земли, а не в полях тех | своих сел и деревень, и писцом те особые пустоши писать за теми людами, кому они даны по писцовым книгам, или из обводных земель на урочищах. А тем людем, которые теми пустоши владеют через земли к селам своим и к деревням, припускных пустошей искать в полях тех своих сел и деревень по тому, что в писцовых книгах написано им имянно, что те пустоши припущены в пашню к тем их селам и к деревням. | *Л. 227*

А буде за которыми помещики и вотчинники написаны в писцовых книгах пустоши имяны и четвертная пашня в стану или в волости имянно, а такими же имяны пустоши в писцовых книгах написаны в ыном стану или волости в порозжих землях или в обводных землях особая четвертная пашня в стану и волости, в коих за ними написано в писцовых книгах, владеют теми пустоши, кои обявятца в ыном стану или волости особо. И о тех особых пустошах учнут бить челом великому государю челобитчи- *Л. 228*

Л. 228 об.

ки в поместье, а помещики и вотчинники, которые теми пустошми владеют, учнут бить челом, что они теми пустошми владеют изстари, и чтобы тем пустошам быть за ними по старине, и те особые пустоши, кои написаны в ыном стану или волости, буде о тех пустошах преж тех помещиков и вотчинников | челобитчиков, хто ими владеет, не будет, писать за ними, будет за ними в том стану или волости, в коих за ними написаны тех пустошей в писцовых книгах теми же имяны по наезду писцов за ними не сыщутца, а буде за ними те пустоши по наезду писцов в тех станех и волостях, в коих за ними написаны в писцовых книгах, сыщутца, и те пустоши в тех станех за ними и писать. А особые пустоши, кои объявятца в ыном стану или волости, отдавать челобитчиком, а буде челобитчиков не будет, и те пустоши отписывать на великого государя, и писать в порозжие земли, а за челобитчики тех пустошей, которые об них учнут великому государю бить челом, без грамот великого государя в писцовые книги не писать. |

Л. 229

В наказе в 5-й же статье:

К порозжим и к примерным землям, которые останутца у помещиков и у вотчинников за дачами, оставливать угодья по пашне, чтобы впредь те земли для угодей порозжи не были.

А ныне говорили:

К порозжим и к примерным землям, которые останутца у помещиков и у вотчинников за дачами, а в поместье их взять никто не похочет, и в вотчину не купят, и те земли оставливать с угодьем против помещиковых же и вотчинниковых земель, чтобы впредь те земли порозжи не были. |

Л. 229 об.

В наказе в 6-й статье:

Которым людям даны по мерным книгам обводные земли, а смежны с теми землями, кои написаны в писцовых книгах, и те обводные земли мерить после четвертные пашни, которые написаны в писцовых книгах. А будет те обводные земли в мере будут к тем же землям в четвертную пашню, которые земли написаны по писцовым книгам, а те люди теми землями, что даны из обводных земель, владеют, а иные построились и земли рочистили, а до указа великого государя 188-го декабря по 12 число челобитья на них не было, и те земли, за кем написаны по писцовым книгам, и кому даны из обводных земель, разделить им против дач по сколько достанетца | для того, что от тех людей, за которыми земли написаны по писцовым книгам, на тех людей, кому даны из обводных земель, челобитья до того великого государя указу не было. А будет которые люди скажут, что у них на тех людей, которым дано после их дачь из обводных земель, спор и челобитье было, и у них о том имать скаски за руками, где и в которых годех то их челобитье было, и указ им по тем делам учинен ли, а в яве скаски, те земли меж ими розмерить и размежевать по дачем, а спорное их челобитье в той меже описать подлинно.

Л. 230

Л. 230 об.

А будет в обводных землях по дачам четвертная пашня будет сполна сверх тех земель, которые смежны с ними и написаны в писцовых книгах, и те земли четвертную пашню, кои даны из обводных земель с теми землями, что написаны в писцовых книгах, писать и межевать по тому же, розмеривая по дачам, а леса и всякие угодья межевать им к тем землям по дачам, будет тех лесов и всяких угодей против дач будет. А будет лесов и всяких угодей к тем землям против писцовых книг и дач не будет, и те леса и всякие угодья, будет от тех людей, за которыми земли написаны по

писцовым книгам, челобиться на тех людей, кому даны из обводных земель, до указа великого государя 188-го году декабря по 12 число не было, расписать за ними и размежевать по четьям кому по сколько достанетца, чтобы | в тех лесах и в угодьях изобижены никто не был.

Л. 231

А которые земли у прежних писцов обведены и теми обводными землями владеют помещики и вотчинники без дач, а иные лежат порозжи, и те порозжие обводные земли описывать имянно на каких они урочищах, подле рек или на ручьях, или на суходолех, и на врагах, и по обе ль стороны или по одну сторону, и с верховья речки или ручья, и врага по правую ль или по левую сторону те обводные земли, и с чьими землями смежны, и что к ним каких угодей, а описать и измеря в десятины с угодьи от помесных и вотчинных земель отмежевать и в книгах написать особь статью. |

А которые порозжие земли не в роздаче, а пашню пашут и сена на них косят самовольством, и писцом на тех порозжих землях хлеб всякой и сена сметя, отписывать на великого государя, и приказать [чтобы] тот хлеб пожали, и скласть, и беречь тутошним и стороннем людем с порукою, и написать в книги. А которые люди теми землями владели бес крепостей и безъоброчно, и писцом про то сыскивать, сколько хто лет теми землями владел самовольством, и велеть их давать на поруки в государеве пене и во владенью. |

Л. 231 об.

А ныне говорили:

Л. 232

Которые земли написаны в писцовых книгах за помещики и за вотчинники, и в порозжих землях, а после писцовых книг теми землями владеют по дачам, а иным даны из обводных земель, а те обводные земли смежны с теми же землями, которые написаны в писцовых книгах, и земли отмеживать по писцовым книгам, за кем ныне по дачам четвертную пашню, и всякие угодья по писцовым книгам сполна, а обводные земли давать, что останетца, за мерою тех земель, которые написаны в писцовых книгах. А будет те земли, кои даны из обводных земель, по мере будет в тех землях, которые написаны в писцовых книгах, а построены на них села и деревни, и поселены крестьяне, и ис тех сел и из деревень, которые назвали обводными землями, крестьян сводить, а дворовое строенье отдавать тем людем, чьи те земли по писцовым книгам и по дачам. А будет по писцовым книгам дача и всякие угодья будет сполна, а обводные земли останутца по мере за теми землями, которые написаны в писцовых книгах, и те земли за теми людьми мерять и писать в писцовые книги. А будет меж тех земель, которые написаны в писцовых книгах и кому дано из обводных земель, объявятца примерные земли, и те земли за ними писать по дачам, а лес и всякие угодья отмеря, и отмежевать преж по писцовым книгам по дачам. А что у тех людей останетца за писцовою дачею и те угодья писать к обводным землям, а на примерные земли по дачам, кому дано по писцовым книгам, и из обводных земель.

Л. 232 об.

А которые люди порозжими землями владеют без дач самовольством, а на тех землях сеен хлеб, | и тот хлеб велеть жать тем же людем, хто сеел, а сено будет не кошено, велеть скосить тем же людем, хто теми санными покосы владел, и описать, сколько какова хлеба будет, и учинить опыт по чему из сотницы какова хлеба будет, так же и сена описать, сколько будет возов, и оценить окольным людем, по чему того сена воз по оценке, и писать о том к великому государю к Москве в Помесной приказ, а беречь тот хлеб и сено тем же людем, хто тою землею владел. А буде они тот хлеб и сено с той отписной земли свезут или потравят, и тот хлеб и сено доправить на них вдвое.

Л. 233

В наказе в 7-й статье:

Л. 233 об.

Помещиком и вотчинником всяких чинов людям на помесные и вотчинные земли к писцом крепости приносить безсрочно, не отъямаясь ничем, чтобы в том мотчанья не было, а которые крепостей не положат, и про которых помещиков и вотчинников скажут люди их, что они на воеводстве или в посылках, а крепости с ними, и тем не отъяматца для того, что у них по приказом за дела | ходят люди их, и крепости в делах объявляют, и за теми помещики и вотчинники земли писать и межевать по писцовым книгам и по дачам, и бес крепостей. А за которыми дачь не объявитца и крепостей не положат, и те земли измеря, обмежевать и описать в порозжие земли, а сибирских и астраханских и иных понизовых городов воевод людям их по тому же крепости класть безсрочно.

А ныне говорили:

Быть той статье по прежнему и чтобы ее пополнить: которые земли описаны и обмежеваны будут, и написаны в порозжие земли, для того помещик или вотчинник в тое пору крепостей не положит, а после того которые помещики и вотчинники к писцу крепости учнут привозить, и писцом те земли по крепостям за помещики в поместье, а за вотчинники в вотчины справливать и писать за ними в писцовые книги, и какие крепости положат, описывать в книгах имянно. |

Л. 234

В наказе во 8-й статье:

Л. 234 об.

Оброчные села, и деревни, и починки, и пустоши, и селища, и займища, и реки, и озера, и истоки, и пруды, и мельницы вспуды, и перевесье, и рыбные ловли, и бобровые гоны, и лосинные стойла, и бортные, и всякие угодыя всяких оброков, которые в поместье розданы, и которые не в роздаче, и которые на льготе по государевым грамотам или по писцовым и по отдельным книгам, и по выписям писать подлинно порознь со всеми угодыи, и мерить, и смечать по наказу. А на бортные и на оброчные, и всяких оброков на села, и на деревни, и на починки, и на пустоши, и на селища, и на всякие угодыя оброки за посошной корм, и за польной, и за всякой доход деньгами, и медом, и иными какими всякими оброки, которые оброки наперед сего в государеву казну по писцовым книгам шли, класти писцом сыскивая книгами, и сотными прежних писцов, и отписми по своему писму, чтобы в государеве казне прибыль была, а убытков нигде в государеве казне не было, и крестьяном бы тягости большие в оброке не было же, чтобы им как впрежь прожить, а государевы оброки и всякие подати платить ежегод сполна беспреводно | мочно. А которые будут всякие угодыя прежние писцы объехали и которых не объехали, а оброку будет на те угодыя и прежние писцы не положили, а ныне будут на них пригоже оброк положить, и писцом сыскивая накрепко те угодыя всякие писати же. А где будет меж которых угодей пашня есть, и писцом те пашни измерить и оброк на них деньгами или медом или иные какие оброки доведутца, класти по наказу, смотря по землям и по всяким угодыям, как будет пригоже, и как бы государеве казне было прибыльнее, и чтобы некоторые угодыя безоброчны не были. |

Л. 235

А ныне говорили:

Быть той статье по прежнему и чтобы ее пополнить: которые озера, и реки, и речки в их землях, а отданы на оброк, а не за кем в поместье и в вотчине не в дачех, и тем озерам, и рекам, и речкам, и в них рыбным лов-

лям быть на оброке по прежнему. А буде ис тех помещиков и вотчинников, в чьих землях те озера, и реки, и речки, хто похочет взять на оброк, чтобы им от откупщиков тесноты не было, и писцом для оценки тех озер, и рек, и речек при себе припустить сторонних людей, и дать торг, и оценить, а оценя давать те озера, и реки, и речки тем помещиком и вотчинником, чьи земли к тем озерам, и рекам, и речкам пришли, буде они похотят, а отдать тем смежным помещиком и вотчинником те озера, и реки, и речки впредь бес перекупки и оброки с них имать погодно.

А которые озера, и реки, и речки, и в них рыбные ловли даны кому в поместье или в вотчину за четвертную пашню, и тем бы озерам, и рекам, и речкам быть за теми людьми по дачам, кому отданы, | по прежнему.

Л. 235 об.

В наказе в 9-й статье:

Где писцы наедут бортные ухозя и те ухозя писать за бортники з знамены и с потесы имянно порознь, да и оброки медвенные, и за бобровые гоны, и за рыбные ловли, и за всякие угодыя в книги писать подлинно порознь, и поруки в книгах в оброках по бортниках, и в бортных ухозях писать бортников же и сторонних крестьян добрых людей, чтобы оброки по вся годы за поруками сполна без недоборов сходились.

А ныне говорили:

Чтобы поручные записи отставить, а на | оброк давать бортные ухозя, *Л. 236* и бобровые гоны, и рыбные ловли, и всякие угодыя человеком пяти, и шти, и десяти, и больши, сколько человек пригоже, смотря по угодыю, и писать имяна их в книги. И кому будут отданы на оброк, и им велеть х книгам руки приложить, а хто из них будет в лицах, на том те оброки и править, а [об] озерах, и о реках, и о речках, которые в их землях, указал бы великий государь быть, как о том писано выше сего в 8-й статье.

А под селы и под деревнями пруды и озера писать имянно, где те пруды, и озера, и мельницы и по чему кто владеет, по дачам, или по крепостям, | или из найму.

Л. 236 об.

А которые реки, и речки, и озера в поместье, и в вотчину, и на оброк никому не отданы, а пришли кругом тех рек, и речек, и озер помещиковы и вотчинниковы земли, и тем помещиком и вотчинником теми реками, и речки, и озера владеть вопче против дачь, а впредь на оброк никому не отдавать. А которые реки, и речки, и озера отданы преже сего на оброк, и тем рекам, и речкам, и озерам быть так, как о том писано выше сего в 8-й статье. |

В наказе в 11-й статье:

Л. 237

Которые бортные и оброчные земли по государеву указу розданы после прежних писцов в поместье, и грамоты государевы жалованные и вотчинные на те земли у помещиков есть, и о тех землях сыскивая государевыми грамотами и отделными выписями, писать их в помесные земли. А с которых сел и деревень оброки иманы денежные с земли и с угодей, а не медвенные оброки, и те денежные оброки писцом складывати, и в книги та складка писати имянно подо всякою статьею. |

А ныне говорили:

Л. 237 об.

Быть той статье по прежнему, да ее же пополнить: на которых бортных ухозях и на оброчных землях по указу великого государя построены города и по дачам поселены села и деревни, и с тех бортных ухозяев и

с оброчных земель никаких оброчных денег, по чему на них положено, и меду не иметь, розыскав с того числа, как на тех бортных ухожьях и на оброчных землях те городы, и села, и деревни построены. |

Л. 238 А которые оброку не платили до селидьбы тех городов, и сел, и деревень, и на тех людех на прошлые годы, на которые годы они не платили до селидьбы городов, и сел, и деревень, оброки править.

В наказе в 12-й статье:

Л. 238 об. Которые денежные оброки збираютца с рек, и с озер, и за рыбные, и за бортные ловли, и с перевесей, и с ыных угодей, а не з земель, и те денежные оброки писцом класть на всякие | угодыя по старине или с наддачею, как бы государеве казне было прибыльнее, и оброки бы впредь сполна с которых угодей в государеву казну мочно было платить.

А ныне говорили:

Быть той статье по прежнему да ее ж пополнить: которые реки, и речки, и озера, и бобровые гоны, и рыбные ловли объявятца в порозжих землях, и те реки, и речки, и озера, и бобровые гоны, и рыбные ловли отдавать на оброки, а оброки с них иметь по наказу, как о том писано выше сего во 12-й статье. |

Л. 239 А которые реки, и озера, и рыбные ловли, и бобровые гоны, и перевесы в их помесных и в вотчинных землях, и о тех угодыях указал бы великий государь указ учинить, как о том писано выше сего в 8-й статье.

В наказе в 13-й статье:

Л. 239 об. С которых сел или и з деревень з бортных и с оброчных, которые розданы в поместье изстари, оброки платят медом з земель, а не с лесов, и те земли писать в книги сыскивая | накрепко. А с которых бортных и оброчных сел и деревень с лесов, а не з земель медом, и з рыбных, и з бобровых ловель, и со всяких угодей оброки платят, и в тех медвяных, и во всяких оброках писцом имати поруки з записми, чтобы им тех бортных лесов не сечь, и всяких угодей не запустошить, и оброки в государеву казну платить по вся годы сполна. А которые бортные ухожьи, и рыбные ловли, и бобровые гоны, и иные угодыя тех же розных сел отошли далече, а ведают буде те угодыя крестьяне ис тех сел, и в тех угодыях медвеных, и во всяких оброках имати поруки з записми по крестьянех, хто те бортные ухожья ведают и ходят, и оброки на них класти | смотря по всяким угодыям.

Л. 240 А выборные дворяне били челом великому государю: которые де земли преже сего были на оброке, а ныне те оброчные земли розданы в дачи помещиком и вотчинником, и на тех оброчных землях поселены села и деревни, так же и на бортных ухожьях, чтобы ныне с тех земель, и з бортных ухожьев, где были бортные ухожьи, оброки не иметь для того, что у них с сел, и из деревень, с крестьянских, и з бобыльских дворов положены великого государя всякие поборы по указу, по переписным книгам, а которые реки, и речки, и озера, и рыбные ловли в поместных их и в вотчинных землях, |
Л. 240 об. и с тех бы оброку не иметь для того, чтобы те их поместья и вотчины без угодей не были, а владеть бы им теми угодыя по землям. А которые тех же сел и деревень отхожие угодыя, а отошли далече, и с тех оброки платить, а поруки отставить, а писать тот оброк на крестьян, х которому селу или деревне владеют, как о том писано выше сего во 8-й статье.

В наказе в 14-й статье:

Будет которой помещик приишет где пустые озера или в реках | рыб- *Л. 241*
ные ловли порозжие, а не помесные, и не вотчинные, и не оброчные, и уч-
нут о тех водах бити челом государю в поместье за четную пашню, и такие
воды мерить в десятины же, а измерев, писать за ними по государевым
грамотам.

А ныне говорили:

Быть той статье по прежнему, да сверх того пополнить: отдавать всякие
угодья в поместья, буде не в помещиковых и не в вотчинниковых землях,
а буде объявятца в помесных и в вотчинных землях, и теми угодьи владеть
по землям по дачам, в которых землях те озера и реки. |

В наказе в 19-й статье:

Л. 241 об.

Которые вотчины за монастыри объявятца по данным и по купчим по
Уложению 157-го году, и те вотчины писать в книги особ статьею. А буде у
них какие земли объявятца за межами и за гранми не в их межах и гранях,
а владеют они теми землями без дачь и без крепостей, и те земли с угодьи
писать, и мерить, и отмежевать особ статьею.

А ныне говорили:

Быть по прежнему той статье, да ее ж пополнить: которыми порозжими
пустошми, | и сеном, и лесом, и всякими угодьи, кои написаны в писцовых *Л. 242*
книгах в порозжих землях, и которые пустоши и всякие угодья у прежних
писцов не обведены, и на иных пустошах поселены села и деревни, и те

порозжие пустоши, | и всякие угодья, и что объявитца на тех порозжих зем- *Л. 242 об.*
лях какова строенья и с хлебом стоячим, и с молочным, и сена отписывать
на великого государя до ево, великого государя, указу, и тот хлеб велеть
жжать тем же людем, кто сеял, а сено будет не кошено, велеть покосить

тем же, кто теми санными покосы владел, и описать, сколько какова хлеба
будет, и учинить опыт, | по чему из сотницы какова хлеба будет, так же и *Л. 249*
сено описать, сколько будет возов, и оценить окольным людем, по чему
того сена воз по оценке, и писать о том к великому государю к Москве в

Помесной приказ, и беречь велеть тот хлеб и сено тому, хто тою землею
владел, а буде они тот хлеб и сено с той отписной земли свезут или потра-
вят, и тот хлеб и сено доправить на них вдвое.

В наказе в 20-й статье:

Которые церкви построены после писцовых книг, а земель им не дано,
и тем церквам ис помещиковых и из вотчинниковых земель межевать по
дачам тех сел и деревень, х которым та церковь построена, со 600 чети и
выше по 20 чети, а с 500 чети и ниже по 15 чети, а со 100 чети и ниже по
10 чети в поле, а в дву по тому же, а санных покосов на церковные земли
давать на четверть по копне. |

А ныне говорили:

Л. 249 об.

Тое статью пополнить: буде где в селех или в деревнях дачи малые и
в тех селех и в деревнях церковные земли для утеснения из малых дачь
вымереть не мочно, и к тем церквам вымеривать у тех же помещиков и вот-

чинников из ыных их дачь в тех же местех для того, чтобы тех помещиков и вотчинников из усадьбы и от церкви не оттеснить.

А сенных покосов с церковными землями давать на десять чети по две десятины, а где десять чети свыше и тем давать по тому же против чети по розчету.

В наказе в 21-й статье:

Л. 250 Буде которыми землями кто вотчинник владеет, а государевых грамот, и писцовых, и отдельщиковых выписей, и даных, и иных никаких крепостей не положит, и писцом про те вотчины сыскивать платежными книгами, а буде платежных книг нет, и про те вотчины обыскивать, а по сыску те вотчины писать особ статью.

А ныне говорили:

Быть той статье по прежнему, да ее же пополнить: отписывать те вотчины на великого государя до ево, великого государя, указу, а иметь у них скаски за руками, по чему они теми вотчинами владеют, и писать те скаски в книгах имянно.

В наказе в 22-й статье:

Л. 250 об. Межевать помесные и вотчинные земли по писцовым книгам и по старым межам и граням, а буде где старых меж и граней | нет, и старожилов, что те земли розвесть по старым урочищам не будет, и те земли межевать розмеривая по дачам, а с образом не отводить.

А ныне говорили:

Быть той статье по прежнему, да сверх того пополнить: патриарши и властелинские, и за монастыри, и за бояры, и за окольныхичими, и за думными, и за ближними людьми, и всяких чинов людьми, за помещики, и за вотчинники межевать розмеривая по дачам, а лишние земли давать им же по дачам. А где против дачь земли не будет, и те земли писать за ними, сколько по мере будет, а где старые межи и грани были, и в писцовых книгах написаны, | а ныне они заросли и перепорчены, и где были того не ведомо, и те земли межевать, розмеривая по дачам же.

В наказе в 27-й статье:

Л. 251 об. Где сенные покосы писаны копнами, а не десятинами, и в тех местех отмеривать на десять копен по десятине, а х которым землям написаны по писцовым книгам и по дачам поверстные леса и сенные покосы многие, и по их мере к тем землям столько против писцовых книг и дачь поверстных лесов и сенных | покосов не будет, и тем помещиком и вотчинником отмеривать прежде четвертную пашню, а леса и сенные покосы по четьям, чтобы ни кто ни от кого изобижен не был. А будет леса и сенные покосы объявлятца в розпашных землях, и те земли розмеря, отмежевать в чети тем же людям, кто розчистил.

А ныне говорили:

Л. 252 Быть той статье по прежнему, да сверх того пополнить: где сенные покосы писаны копнами, и те копны отставить, а быть десятинам, а класть на десятину по пяти копен, а не по десяти. А будет где кому написано сто копен, а иному | написано десять десятин, а дачи не деленые и владеют они вопче, и те сто копен и десять десятин розмеривать им пополам, да и для того, чтобы копнам не быть, а быть бы десятинам, чтобы было однолицо,

и земля бы была в смете, а будет в их дачах сенных покосов будет лишек, и тот им лишек разделить пополам. А буде против дачи сенных покосов не достанет и тому быть так, что объявитца по мере, а леса, хотя кто и не розчищал, делить всем по дачам.

В наказе в 28-й статье:

У которых помещиков и вотчинников | земли были и межеваны, а их не стало, а после их поместья их и вотчины розданы в роздачу на два, или на трое, или на четверо и больши, и на тех землях помещиковых и вотчинниковых дворов по два, и по три и их задворных людей дворы, и землею владеют через десятину, а не с ряду, и учнут те помещики и вотчинники бить челом полюбовно, чтобы тех их земель не межевать, а владеть им по прежнему, и тому их полюбовному челобитью не верить, а те земли меж ими писать и межевать размеривая по дачам. *Л. 252 об.*

А ныне говорили:

В которых селех и в деревнях помещиков и вотчинников по пяти, и по шти, и больши, а землями | они владеют через десятину⁵¹, а⁵² не пополюсно, и те земли всем во всех трех полях мерить по полосам, а полосы мерить от дворовых усадеб и до межи смежных помещиков и вотчинников по дачам, сколько кому в том селе или в деревне дачь. *Л. 253*

А будет кому достанетца добрая, или середняя, или худая земля, и на середнюю и на худую землю наддавать против прежняго, как о том писано о одобриванье земель, а добрую землю межевать без наддачи, а усадбами помещиковыми, и вотчинниковыми, и крестьянскими владеть по прежнему, а прогоны давать к воде, и в поля к пашне, и на сенные покосы кому куды ездить, и в книгах писать имянно. |

А сенные покосы давать против дачь по прежнему, где кому достанетца во всех трех полях, а полями в одном селе, чтобы одному помещику были все три поля в одном месте, не мерить и не межевать для того, у которых помещиков дачи будет малые, и им от болших дачь жить будет не мочно, а в полях, которые в одном селе, многие помещики сеят хлеб в котором поле кои год какой хлеб сеятца, а въ яровом поле ржи не сеят, а в оржаном ерового не сеет для того, чтоб у них в соседстве от того утеснения и обиды не было. А кто посеет в орженом поле еровой хлеб, а как рожь сожнет, а еровому хлебу учинитца потрава и толока, и ему той толоки и потравы не спрашивать, для того не сей ерового хлеба в орженом поле, и в книгах написано имянно, и сказать то помещиком и вотчинником, чтобы они про то ведали. *Л. 253 об.*

А будет за которыми помещики и вотчинники | поместья их и вотчины писаны в писцовых книгах, а после их те поместья и вотчины за детми, и за внучаты, и за братьями, и за племянники не справлены, и те поместья и вотчины писцом писать за теми их детьми, и за внучаты, и за братьями, и за племянники родными⁵³, а писцом имать с них четвертные и печатные пошлины, и писать те пошлины в книгах имянно, и присылать в Помесной приказ, а помещиком и вотчинником давать на те земли выписи за своими руками и на выписях подписывать им, писцом, своими руками, что четвертные и печатные пошлины с них взять и сколько с кого взято. *Л. 254*

⁵¹ Далее зачеркнуто: а не по столбам.

⁵² Исправлено из и.

⁵³ Дописано над строкой.

Л. 254 об. А будет после которых умерших останутца жены и дочери-девки, и тем вдовам и девкам доведетца дать на прожиток вдовам с мужних, а девкам с отцовых окладов, и тех вдов, и девок, и у родственников вдовиных мужей, а девкиных отцов | иметь окладом умерших скаски с подкреплением, а против тех сказок писцом о тех окладах справлятца в городех у воевод с разборными книгами и з десятнеми и, справясь с оклады, писцом писать за теми вдовами и за девками помесья на прожиток с окладу по указу, а пошлины четвертные и печатные по тому же иметь, и присылать к Москве в Помесной приказ, а им в тех пошлинах давать отписи впрעד для спор.

В наказе в 29-й статье:

Л. 255 Будет где спору в межеваных землях не будет и помещики и вотчинники учнут бить челом полюбовно и челобитную принесут за руками, и те земли писать с мерою и межевать против полюбовного челобитья и заручных | челобитен, а на межах велеть быть с обе стороны самим помещиком или людем их и крестьяном, да с ними старожильцам и окольным людем.

А ныне говорили:

Быть по прежнему, да ее же пополнить: пашня и сена во всех трех полях мерить против дачь поровну, как о том писано выше сего в 3-й статье.

В наказе в 30-й статье:

Л. 255 об. Будет кто великого государя борти или бортные деревья выжег или высек и на кого в обыску скажут, и писцом на тех людах велеть доправить на государя за борть за | дельную, которая со пчелами, по рублю за дерево, а которое дерево дельное безо пчел, и за то доправить по полтине, а которое дерево бортное, а не дельное холостое, и за то дерево доправить по полуполтине.

А ныне говорили:

Л. 256 Быть по прежнему, да сверх того пополнить: про бортные ухозя розыкивать, и буде по розыску объявитца хто бортное дерево испортит нарочно, и на тех людах пеню править по наказу. |

А которые помещики и вотчинники учнут бить челом, чтобы им в леса и во всякие угодыя въезжать к иным помещиком и вотчинником, у которых угодыя по писцовым книгам, для того, что к их поместьям и вотчинам в писцовых лесных и никаких угодей не написано, и им в чюжие угодыя въезжать не велеть.

Л. 256 об. А которым людем межевщики отмежевали к селам или к деревням отхожие земли, и сенные покосы, и леса по скаске тех людей, кому отмежевано, или по старожилowym скаскам, а в четвертную пашню те земли, а лес и сенные покосы в десятины не положены, и в писцовых книгах, | тех отхожих земель, и сена, и лесу за теми людьми, кому межевщики отмежевали, не написано, крепостей у них и дачь им на те земли в Помесном приказе нет, и такие отхожие земли, и леса, и сена у тех людей, кому межевщики отмежевали по скаске, отымать и отдавать челобитчиком.

Л. 257 А буде в одном селе или в деревне два помещика или вотчинника, а четвертная пашня написана за ними в писцовых книгах пополам, а сена, и лес, и всякие | угодыя написано одному больши, а другому менши, и писцом те угодыя делить, и писать, и межевать против дачь.

А будет два же помещика или вотчинника в одном селе или в деревне, владеют землею, и лесом, и сенными покосы, и всякими угодыя пополам

по писцовым книгам, а ныне по наказу писцом за помещики и за вотчинники земли, и всякие угодыя велено писать, розмеривая по дачам, и межевать. И буде в одной половине по мере писцов будет пашня, а в другой половине за пашнею будут сене покосы, и лес, и всякие угодыя, и в тех селех и в деревнях помещиком и вотчинником | пашнею, и сеном, и лесом, и всякими угодыя владеть по писцовым книгам пополам, и писать, и межевать за ними по дачам. А х которой половине села и лесу, и всяких угодей по мере и по межеванью не доидет, и х той половине через другую половину, в которой половине сена, и лес, и всякие угодыя будут давать дороги, и писать те дороги в книгах имянно. А пашенною землею вместо лесу и сенных покосов и всяких угодей х той половине, х которой угодыя по мере не дойдет, не намеривать, а дороги учинить в ширину полторы сажени. |

А которые пустоши написаны в писцовых книгах имянно на реке, или на речке, или на враге или кому так же имянно даны пустоши ис порозжих обводных земель, а за иными помещики и вотчинники в писцовых книгах написаны села и деревни, и к тем их селам и деревням припущено в пашню пустоши теми ж имяны, коими написаны в писцовых книгах особо, и кому даны из обводных земель, а те села и деревни от те[х] пустошей, которые написаны в писцовых книгах особо, и кому даны из обводных земель на урочищах розошли иные земли, а те помещики и вотчинники к тем своим селам и деревням владеют теми отошлыми пустоши через земли, | а не в полях своих сел и деревень, и писцом те особые пустоши писать за теми людьми, кому они даны по писцовым книгам или из обводных земель на урочищах. А тем людям, которые теми пустоши владеют через земли к селам своим и к деревням, припускных пустошей искать в полях тех своих сел и деревень, потому что в писцовых книгах написано им имянно, что те пустоши припущены в пашню к тем их селам, и к деревням⁵⁴. |

В наказе в 37-й статье:

Л. 265

Как кому по чином и по числам первым челобитчиком дикие поля давать, и тому даны им, писцом, книги за дьячьєю приписью, а что у кого останетца за роздачею сверх челобитья и указных четьи, и те земли отписывать на великого государя до помесных отдачи, а речныя и лесныя угодыя давать им въезжать велеть в тех же указных четях всем вопче, а недорослям и которые в служилые списки не написаны, розыскивая, из диких поль не давать.

А ныне говорили:

Тое статью пополнить: которым людям отмежеваны дикие поля и леса вместо диких поль, а в те леса по прежним писцовым | книгам, которых сел и деревень или слобод велено въезжать для хоромного и дровяного лесу, и в те леса въезжать тех слобод, и сел, и деревень крестьяном по прежним писцовым книгам, по коих мест лес будет. А кому отмежеваны леса, а по прежним писцовым книгам в те леса въезжать никому не велено, и теми лесами владеют кому отмежевано, а иному никому не въезжать.

В наказе в 41-й статье:

Буде в украинных городех московских чинов и иных городов за людьми прежние дачи по писцовым книгам, | и после писцов даны из обводных земель и дикия поля, и примерныя земли сверх старых дачь в оклады, и в указные статьи, и отмежеваны, а спору и челобитья августа до 7-го числа прошлого 189-го году не было, и тем межам быть так.

⁵⁴ Далее на л. 259–264 об. повтор текста статей 5, 6, 7, 8.

А ныне говорили:

Быть той статье по прежнему, да сверх того пополнить: которые земли написаны по писцовым книгам, а с теми земли смежны иные земли, а даны из обводных земель и из диких поль, и смежные земли писцы межевали, которым даны из обводных земель, а тех земель, которые по писцовым книгам против дачь не отмерели, и которые помещики и вотчинники учнут бить

Л. 266 об.

челом, что им на их дачи земель сполна, что им написано | по писцовым книгам, не отмерили, и не розмежевали, а тех их дачь, которые им написаны по писцовым книгам, отмежевали к обводным землям, и к диким полям з земли, которые писаны в писцовых книгах, отмереть и отмежевать против дачь, а что за теми дачеми останетца, и то межевать кому дано из обводных земель или из диких поль. А будет по мере объявитца которые земли написаны по писцовым книгам дачи сполна, опричь тех земель, кому отмерены, и отмежеваны из обводных земель и з диких поль, и тех меж и граней кому даны и отмежеваны земли, и из диких поль, и из обводных земель не портить для того, что дачи их по писцовым книгам сполна. А кои земли, как

Л. 267

писцы | межевали, ни за кем в даче не были, а написаны они в писцовых книгах или в дачах и тех земель писцы примежевали к иным землям, и те земли межевать вновь по указу, для того как писцы межевали, тех земель в дачах ни за кем не было, и спорить было, и стоять за них некому.

А буде в украинских городех, в которых московских чинов диких поль давать не велено, помечено дать московских чинов и иных городов людем из диких поль, и ис примерных земель в указные статьи и в оклады да указу великого государя, и боярского приговору 189-го году августа до 7-го числа, а иным по тем пометам к межевщиком до того указу и грамоты даны, а те земли им | не отмежеваны, и тем людем по прежним пометам и с прежних отпусков великого государя, грамоты на дикие поля и на примерные земли давать, буде те земле прежде их первого челобтья кому не отмежеваны.

Л. 267 об.

А которые земли даны кому по государевым грамотам, а до указу 189-го году августа до 7 числа спору и челобтья на те земли не было, и тем землям быть за теми людьми, кому они по тем государевым грамотам даны.

А которые люди били челом великому государю на дикие поля и на примерные земли имянно на урочищи, и грамоты писцом поданы, а писцы те земли отмежевали не по числам, последним челобитчиком, которые били челом в прииск, а не имянно на те урочища, и те земли у тех людей, кому отмежеваны в прииск, взяв отмежевать тем людем, которые на те земли били челом имянно, и писцом подали государевы грамоты до межеванья

Л. 268

как межевали в прииск. А которые писцы приняв грамоты | по челобитью первых челобитчиков имянно на урочища, а после того на те на урочища били челом иные челобитчики и привезли к ним писцом государевы грамоты, и писцы те земли отмерели и отмежевали последним челобитчиком за челобитьем и за грамотами первых челобитчиков, и те земли у тех последних челобитчиков взяв, отдать первым челобитчиком по числам. А буде те последние челобитчики на тех землях поселились и крестьянские дворы построили, и тем последним челобитчиком крестьян с той земли свесть, а строенье отдать по земле первым челобитчиком.

В наказе в 46-й статье:

Будет писцы поместные и вотчинные, и порозжие земли учнут писать, и мерить, и межевать неправдою, норовя кому посулом, или для дружбы, или что они | в писцовом в межевом деле учинят не по сему великого государя указу как им написано в статьях, а от помещиков, и от вотчинников, великому государю о том будет на них челобитье, и по тому их челобитью

Л. 268 об.

будет на них сыщется про то допряма, что писец и подьячей с приписью в каком деле учинили неправду, и по розыску у того писца взять половину поместей ево и вотчин, и роздать в роздачу челобитчиком бесповоротно, а другую половину оставивать жене ево и детем, а подьячему с приписью учинить против того же, а будет за ним поместей и вотчин нет, и ему учинено будет наказание – бить кнутом.

А будет которой челобитчик учнет великому государю бить челом на писца и на подьячего с приписью ложно, а писец и подьячей в том деле, в чем хто учнет | на них великому государю бить челом, по розыску будут оправлены, и таким челобитчиком за лживое их челобитье, чинить великого государя указ против того же, как было довелось учинить писцу, на которого будет челобитье, отнять у него столько же поместей и вотчин, что было довелось отнять у писца. А будет у него поместей и вотчин меньше писцова, и у него отнять половина помесья ево и вотчин, а другую половину оставить жене ево и детем. А вместо корму писцом имать деньги на тех людех, чьи земли станут писать и межевать, с четверти писцу денга, подьячему с приписью, с молодыми подьячими, и служилыми людьми, которые с ними будут, всем вопче денга же, а сверх того корму не имать. А будет они сверх того указного корму что возьмут и сыщется про то допряма, и им за то учинено будет против того же, что | велено чинить за неправо писмо и межи. *Л. 269 об.*

А ныне говорили:

Буде помещики и вотчинники впервые учинятца сильны писца на землю не пустят или з земли собьют, и тех помещиков и вотчинников за первую силу бить ботаги, да ту деревню отписать на государя, в которую он писца не пустит.

А будет он государеву указу учинитца не послушел и из деревни не выдет, и писцов на землю не пустит в другой ряд, и за ту другую силу тое деревню, отписав на великого государя, роздать в роздачу бесповоротно. Да того же помещика или вотчинника, буде он в стольниках, или в стряпчих, или во дворянх, написать по городу в дети боярские, а городовых дворян и детей боярских писать в нижние чины, а буде при|кащики, и старосты, и крестьяне учинятца сильны писцов на землю не пустят, и им чинить наказание, бить кнутом, а землю межеваать по наказу. *Л. 270*

А писать великому государю писцом на сильных и отписки присылать за своими руками, а при ком помещики и вотчинники учинятца сильны, и тех оковых людей скаски присылать за их руками.

А буде писцы на помещиков и на вотчинников учнут писать, затеев ложно, и тем писцом чинить тот же указ, что велено чинить помещиком и вотчинником за силу.

А подьячим старым, которые будут с писцами чинить, то же, что и писцом, |а буде за которым подьячим поместей и вотчин нет, и ему отсечь рука. *Л. 270 об.*

Городовые же дворяне били челом, чтобы государь пожаловал, велел в города послать писцов дворян добрых и знатных, и старых, ково бы с то писцовое дело стало, и которые бывали у дел за обычных людей.

А которые ныне в писцы написаны и с тех, которые не за обычные и молодые, и у дел не бывали, и тех бы государь посылать не указал.

А корм писцом имать с четверти по денге с одново поля, а з дву поль не имать, потому, что в дачах помещику и вотчиннику в окладе пишется одно поле, а в дву по тому же, а подьячим старому с молодыми и служилыми людьми по тому же.

Протокольная запись Поместного приказа без скреп

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10048. Л. 217–242 об.; 249–270 об.

ТАМОЖЕННАЯ КНИГА ЯИЦКОГО ГУРЬЕВА ГОРОДКА 1725 г.

В Государственном архиве Астраханской области хранится ряд таможенных книг XVIII в. по Астрахани и некоторым другим городам Астраханской губернии (Черному Яру, Красному Яру, Гурьеву Яицкому городку)¹. Среди них особый интерес представляет гурьевская таможенная книга 1725 г.² Гурьев Яицкий городок, основанный в 1640 г. русскими купцами Гурьевыми в устье реки Яика (Урала), имел благодаря своему уникальному географическому положению особое значение в системе торговых связей Прикаспийского региона. В то же время в Российском государственном архиве древних актов, в котором сосредоточена основная масса дошедших до нашего времени таможенных книг, источников данного типа по Гурьеву не выявлено.

Таможенная книга Яицкого Гурьева городка насчитывает 11 листов. Она не имеет самостоятельного заглавия и составляет второй раздел “Книги приходу и расходу на Яике в Гурьеве городке таможенного и кабацкогобору бытности целовальников Семена Шадры и Ивана Шапошникова”. Общий объем этого документа 82 листа. На л. 1–33 помещен алфавитный указатель фамилий торговцев, записи в котором отсутствуют (без начала, начинается с буквы “З”), на л. 35–53 об. находится кабацкая книга, на л. 72–82 – таможенная, л. 54–71 об. – пустые. Рукопись имеет тройную фолиацию (последний лист составительской чернильной фолиации – 102, старой карандашной архивной – 96, нынешней карандашной архивной – 82)³.

Гурьевская таможенная книга отражает новый этап в эволюции таможенного делопроизводства. Она имеет бланковый формуляр. Каждый лист документа разделен на пять столбцов: первый – номер записи (не внесены), второй – число месяца, третий – текст таможенной записи, четвертый и пятый – сумма взятых таможенных пошлин в рублях и копейках. В расположенной над столбцами горизонтальной строке вписано название месяца. Числа месяцев и суммы пошлин показаны арабскими цифрами⁴.

Рассматриваемая рукопись является, по-видимому, белой копией, представленной в качестве отчетного документа в Астраханскую таможню, которой были подведомственны гурьевские таможенные целовальники. В тексте книги проставлена скрепа (уверенному прочтению не поддается), а в левом нижнем углу листов имеются четыре отверстия, через которые была пропущена веревка с печатью.

¹ Среди них имеется, например, расходная книга Астраханской таможни 1724 г., астраханская книга конского сбора 1747 г., приходная книга таможенного сбора по Красному Яру 1746 г., книга учета соляных пошлин Черноярской таможни 1728 г. и др.

² Государственный архив Астраханской области. Ф. 681. Оп. 1. Д. 620.

³ Документ был подготовлен к печати по цифровой копии, что, естественно, наложило определенные ограничения на возможность его кодикологической характеристики.

⁴ Для сравнения, в курской таможне в 1720 г. при составлении прихода-расходной документации продолжали использовать буквенную цифирь (см.: *Раздорский А.И.* Книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г.: Исследование. Текст. Комментарии. СПб., 2007).

Формуляр гурьевских таможенных записей включает следующие сведения:

- дата явки товара в таможеню;
- местожительство, имя, фамилия и социальный статус торговца;
- наличие таможенной выписи и место покупки товарной партии;
- пункт отправки товарной партии;
- общая стоимость товарной партии;
- состав товарной партии с указанием ее объема;
- совокупная стоимость отдельных товаров (при регистрации товаров, подлежащих реализации на местном рынке);
- сумма взятых пошлин.

Материалы таможенной книги Гурьева Яицкого городка дают возможность составить многомерную картину оптового товарооборота в этом населенном пункте, расположенном на далекой окраине Российского государства. С марта по декабрь в Яицкой таможене было зарегистрировано 39 явок товаров. Совокупная стоимость 35 товарных партий составила 2113 руб. 37 коп. Стоимость четырех партий мехов, вымененных русскими торговцами у калмыков, в книге не обозначена (указана лишь сумма пошлин, взятых “от трубчатого пятна”). Шесть товарных партий на сумму 471 руб. 2 коп. было отпущено в отвоз, из них четыре в Астрахань и две на Макарьевскую ярмарку. Из 33 товарных партий, предназначенных для реализации в Гурьеве, 27 было явлено без таможенных выписей, 2 – закуплены в Астрахани и 4 – в Красном Яре.

По географической принадлежности торговцев количество явок товаров распределяется так: 22 – местные жители, 10 – астраханцы, 3 – красноярцы, 2 – москвичи; местожительство двух владельцев торговых партий не обозначено. По социальной принадлежности эти показатели распределяются следующим образом: яицкие переведенцы – 14 явок, посадские люди – 4, солдаты⁵ – 3, приказчики и отставные казаки – по 2, отставной матрос, рабочий человек, соборный звонарь – по 1; социальный статус владельцев 11 товарных партий не конкретизирован (указано, например, только “яицкой житель”).

Гурьевский отпуск в 1725 г. состоял главным образом из лисьих, корсачьих и волчьих (“бирючьих”) мехов “яицкой” и “калмыцкой” покупки, а также включал овчины, овчинные тулупы и мерлушки. Ассортимент товаров, доставлявшихся в Гурьев, был намного разнообразнее. Сюда привозились продукты питания (пшеничная, ржаная и овсяная мука, пшено, овсяная, полбяная и гречневая крупа, ржаной и ячменный солод, горох, отруби), металлические изделия (котлы, таганы, половники, ведра, ножи, замки, иглы), ткани разных сортов (холст-хрящ, льняной холст, пестрядь, крашенина, сукно, шелк, лудан, аба), предметы обуви и одежды (сапоги, штаны, шапки, шали), выделанные кожи, писчая бумага, пряжа, воск, мыло, посуда (чашки, ставцы, блюда, фляги), галантерея (нитки, мишура,

⁵ Участие солдат регулярной армии в торговых операциях не являлось в XVIII в. чем-то необычным. См., например, об этом: *Калашиков Г.В.* Солдатская торговля в середине XVIII в. // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв.: Сб. материалов междунар. науч. конф.* СПб., 2001. С. 150–156.

гребни), предметы хозяйственного обихода (бечевки, мешки, коробки, сита) и конской упряжи (стремяна, удила, тебенки), импортные (“заморские”) меха (норка), лекарственное растение кучеляба. В структуре ввоза главное место занимали хлебопродукты (ржаная и пшеничная мука), металлические изделия, сапоги. В гурьевской таможенной книге получила отражение торговля таким экзотическим для большинства российских региональных рынков товаром, как каспийские тюлени. В Яицкой таможне в 1725 г. было зарегистрировано семь товарных партий тюленей (1080 штук на общую сумму 324 руб.).

Таможенные записи дают возможность определить цены на большинство товаров, привозившихся на продажу на местный рынок. Так, например, пара сафьянных калмыцких сапог стоила 50–80 коп., пара конинных сапог – 20 коп., 10 аршин холста-хряща – 20 коп., 10 аршин льняного холста – 33 коп., 10 аршин пестряди-белоглазки – 42,5 коп., ансырь (фунт) шелка – от 1 руб. 50 коп. до 1 руб. 60 коп., пуд пряжи – от 1 руб. до 1 руб. 20 коп., норка – от 40 коп. до 1 руб. 65 коп., корсак – 25–27 коп., пара (юфть) кож – от 43 коп. до 1 руб., шаль – 20 коп., штаны – 14 коп., суконная шапка с “бухарскими околышами” – 40,5 коп., стопа писчей бумаги – 1 руб. 70 коп., котел – 45–50 коп., таган – 15–20 коп., половник – 5–6 коп., 100 игол – 7 коп., пара стремян – 7,5–10 коп., пуд мыла-ядра – 1 руб. 20 коп., фунт воска – 15 коп., тюлень – 30 коп. К сожалению, объем муки и круп показан в таможенной книге не в мерных, а в тарных единицах – мехах (мешках)⁶, объем которых точно не известен.

Гурьевской оптовой торговле были присущи четко выраженные сезонные циклы. В марте в местной таможне регистрировались товары, вымененные у калмыков. В апреле преобладали товары, отправляемые из Гурьева Яицкого городка в другие населенные пункты страны. Летом и осенью фиксировались товарные партии, предназначенные для реализации в самом Гурьеве. В декабре наступала пора тюленьей торговли.

Документ публикуется в соответствии с ныне действующими в Российской Федерации “Правилами издания исторических документов в СССР” 1990 г. В подстрочных примечаниях приведены толкования некоторых малоизвестных, устаревших и диалектных слов.

А. И. Раздорский

⁶ В книге зарегистрирован привоз 145 мехов пшеничной и 477 мехов ржаной муки.

Таможенная книга Яицкого Гурьева городка 1725 г.

Март месяц*. Яицкого Гурьева городка в таможене целовальнику Семену Шадре с товарищем яицкой переведенец Сергей Кульпа с товарищи явили у себя выменных у калмык сорок пять лисиц, дватцать три бирюка, сто шездесят два корсока**. И со оных зверей с каждого бирюка и лисицы по четыре деньги, а с корсока по две деньги, от трубочного пятна пошлины по указу его императорского величества в Яицкой таможене взяты. Итого 2 рубля 98 копеек. Л. 72

Яицкого Гурьева городка в таможене целовальнику Семену Шадре с товарищем астраханца посацкого человека Федора Губанова прикащик ево Иван Логинов с товарищи явил у себя выменных у калмык сорок две лисицы, шеснатцать бирюков, триста дватцать два корсока. И со оных зверей с каждого бирюка и лисиц по четыре деньги, а с корсока по две деньги, от трубочного пятна пошлины по указу его императорского величества в Яицкой таможене взяты. Итого 4 рубля 38 копеек.

Яицкого Гурьева городка в таможене целовальнику Семену Шадре с товарищем яицкой переведенец Алексей Черной с товарищи явили у себя выменных у калмык пятьдесят две лисицы, двенатцать бирюков, семдесят семь корсоков. И со оных | зверей с каждого бирюка и лисицы по четыре деньги, а с корсока по две деньги, от трубочного пятна пошлины по указу его императорского величества в Яицкой таможене взяты. Итого 2 рубля 5 копеек. Л. 72 об.

Яицкого Гурьева городка в таможене целовальнику Семену Шадре с товарищем яицкой переведенец Иван Осетров с товарищи явили у себя выменных у калмык сорок две лисицы, десеть бирюков, восьмдесят пять корсоков. И со оных зверей с каждого бирюка и лисицы по четыре деньги, а с корсока по две деньги, от трубочного пятна пошлины по указу его императорского величества в Яицкой таможене взяты. Итого 1 рубль 89 копеек. |

Месяц апрель. 10 числа. По указу ея величества государыни императрицы и самодержицы всероссийской Яицкого Гурьева городка таможенн целовальник Семен Шадра с товарищем отпустили с Яику до Макарьевской ярмонки астраханского конного отставного казака Савелья Гаврилова товару ево на явленные деньги на шездесят на пять рублей на две гривны калмыцкие покупки: сорок девять бирюков, пятьдесят две лисицы. И со оногo товару по указу ея величества государыни императрицы и самодержицы всероссийской пошлины с рубля по пяти денег в Яицкой таможене взяты. Итого 1 рубль 63 копейки. Л. 73

10 числа. По указу ея величества государыни императрицы и самодержицы всероссийской Яицкого Гурьева городка таможенн целовальник Семен Шадра с товарищем отпустили с Яику до Астрахани или где погодитца астраханского конного отставного казака Савелья Гаврилова товару ево на явленные деньги на сорок на деветь рублей с полтиною яицкие покупки: сто девяностo восьм корсоков. И со оногo товару по указу ея величества государыни императрицы и самодержицы всероссийской пошлины с рубля по пяти денег в Яицкой таможене взяты. Итого 1 рубль 24 копейки.

* Здесь и далее число не указано.

** Корсак – “вид небольшой лисы, в северной половине Киргизской степи” (Даль В.И. Толковый словарь живогo великорусского языка: В 4 т. М., 1954. Т. 2. С. 170).

10 числа. По указу ея величества государыни императрицы и самодержицы всероссийской Яицкого Гурьева городка таможни целовальник Семен Шадра с товарищем отпустили с Яику до Астрахани астраханца посацкого человека Антона Никулаева товару ево на явленные деньги на сто на сорок на девять рублей на десеть алтын на две деньги яицкие поупки: пятьсот пятьдесят три корсока. И со оного товару пошлины по пяти денег с рубля взяты. Итого 3 рубля 73 копейки. |

Л. 73 об.

10 числа. По указу ея величества государыни императрицы и самодержицы всероссийской Яицкого Гурьева городка таможни целовальник Семен Шадра с товарищем отпустили из Яицкого Гурьева городка до Макарьевской ярмонки астраханца посацкого человека Антона Никулаева товару ево на явленные деньги на восьмьдесят на семь рублей на три алтына на две деньги яицкие поупки: дватцать шесть бирюков, сто дватцать лисиц. И со оного товару пошлин по пяти денег с рубля в Яицкой таможе взяты. Итого 2 рубля 18 копеек.

10 числа. По указу ея величества государыни императрицы и самодержицы всероссийской Яицкого Гурьева городка таможни целовальник Семен Шадра с товарищем отпустили с Яику до Астрахани красноярского жителя Григорья Качаганова товару ево на явленные деньги на дватцать на восемь рублей на две деньги яицкие поупки: восьмьдесят два корсока, две лисицы, девять тулупов овчинных, тритцать шесть овчин, два бирюка, пятнатцать мерлушек черных и красных и белых. И со оного товару пошлины по пяти денег с рубля по указу в Яицкой таможе взяты. Итого 70 копеек.

28 числа. Яицкого Гурьева городка в таможе целовальнику Семену Шадре с товарищем москвитин Иван Логинов явил привозного товару у себя без выписи на пятьдесят на шесть рублей на две гривны: восьмьдесят пять обувей сапогов сафьянных калмыцких, за десяток по пяти рублей, пятьсот аршин холсту хрящу*, | за сто по два рубли, две порешни** заморских плохих, за порешну по дватцати по одному алтыну по четыре деньги, два пуда мыла ядра, за пуд по сороку алтын. И со оного товару по указу ея величества государыни императрицы и самодержицы всероссийской пошлины с рубля по десяти денег в Яицкой таможе взяты. Итого 2 рубля 81 копейка.

Л. 74

28 числа. Яицкого Гурьева городка в таможе целовальнику Семену Шадре с товарищем москвитин Иван Логинов явил товару у себя по астраханской таможенной выписи на четыреста на шездесят на восемь рублей на семь гривен: сто тритцать пять мехов пшеничной муки, сто тритцать пять рублей; девятнатцать мехов рогожных пшена, дватцать два рубли восемь гривен; семдесят четыре меха круп овсяных и полбяных, восьмьдесят восемь рублей восемь гривен; сто тритцать два меха портяных осминных пшена, сто пять рублей дватцать алтын; три меха солоду ржаного, три рубли; три меха круп гречневых, три рубли дватцать алтын; три меха овсяной муки, сорок алтын; два меха солоду ячного, шездесят алтын; два меха семян гороху, рубль дватцать алтын; сто семнатцать мехов ржаной муки, сто пять рублей десять алтын. И со оного товару с вышеписанной цены пошлин по выписи з зачету с рубля по пяти, да с прибылой цены с осми рублей по десяти денег в Яицкой таможе взяты. Итого 12 рублей 12 копеек. |

* Самый толстый, грубый холст. “Хрящ на половики идет” – отмечает В.И. Даль (Указ. соч. Т. 4. С. 567).

** Норка (Даль В.И. Указ. соч. Т. 3. С. 327).

Месяц май*. По указу ея величества государыни императрицы и самодержицы всероссийской Яицкого Гурьева городка таможни целовальник Семен Шадре с товарищем отпустили с Яику до Астрахани астраханского соборного звонаря Степана Железного товару ево на явленные деньги на девяносто на один рубль на тридцать алтын калмыцкие покупки: сто тридцать одна лисица, тридцать три бирюка. И со оного товару по указу ея величества пошлина с рубля по пяти денег в Яицкой таможе взяты. Итого 2 рубля 30 копеек. |

Месяц июнь. 23 числа. Яицкого Гурьева городка в таможе целовальнику Семену Шадре с товарищем яицкой переведенец Иван Осетров явил привозного своего товару без выписи на пятьдесят на девять рублей на шесть алтын на четыре деньги: дватцать две обуви сапогов сафьянных калмыцких, за десяток по пяти рублей; десеть порешен заморьских малых, пять рублей; дватцатеры стремана, за десяток по осьми гривен; дватцать шалев заморских, четыре рубли; дватцать мешин красных и желтых, шесть рублей; одна стопа бумаги пищей, рубль дватцать три алтына две деньги; дватцать пять котлов однополичных железных малой и средней рук, восемь рублей с полтиной; пятьдесят уполовников железных, два рубли с полтиною; десеть мехов муки ржаной, восемь рублей три алтына две деньги; восемь мехов муки пшеничной, за мех по сороку по пяти алтын. И со оного товару с вышеписанной цены по указу ея величества государыни императрицы пошлины с рубля по десяти денег в Яицкой таможе взяты. Итого 2 рубля 96 копеек.

23 числа. Яицкого Гурьева городка в таможе целовальнику Семену Шадре с товарищем яицкой переведенец Алексей Черной явил привозного своего товару без выписи на тридцать на один рубль на четыре гривны: десеть мехов муки ржаной, восемь рублей; дватцать обуви сапогов сафьянных калмыцких, десеть рублей; один мех осминной пшена русского, рубль; двести чаш красных больших, шесть рублей; восьмьсот чашек крапчатых и ставцов и блюд, за сто по осьми гривен. И со оного товару с вышеписанной цены по указу ея величества государыни императрицы пошлин с рубля по десети денег в Яицкой таможе взяты. Итого 1 рубль 57 копеек. |

23 числа. Яицкого Гурьева городка в таможе целовальнику Семену Шадре с товарищем яицкой переведенец Иван Орлов явил привозного своего товару без выписи на тридцать на четыре рубли: пятьдесят дей двойниковой пряжи, десеть рублей; шеснатцать обуви сапогов сафьянных калмыцких, за десяток по пяти рублей; дватцать котлов однополичных железных малой руки, семь рублей; десеть мехов ржаной муки, восемь рублей; один мех осминной пшена, рубль. И со оного товару с вышеписанной цены по указу ея величества государыни императрицы пошлин с рубля по десяти денег в Яицкой таможе взяты. Итого 1 рубль 70 копеек.

23 числа. Яицкого Гурьева городка в таможе целовальнику Семену Шадре с товарищем яицкие переведенцы Максим Шитов, Степан Рупцов явили привозного своего товару без выписи на тридцать на восемь рублей: сто чаш красных, три рубли; семьсот пятьдесят блюд и ставцов и чапурок**, за сто по осьми гривен; пять мехов муки ржаной, четыре рубли; шездесят делей двойниковой пряжи, двенатцать рублей; дватцать котлов однополичных малых и

* Число не указано.

** У Даля отмечено слово “чапура”, а также “чап(б)арка, чапаруха” – “цаплажка, ставчик, деревянная чашка, коею черпают и пьют” (*Даль В.И. Указ. соч. Т. 4. С. 582*).

средних, восемь рублей; две порешни заморских, рубль; десеть коробок красных средних, два рубли з гривною; десеть фляг четвертных елевых, полтина; десеть гнезд ведр водоносных, дватцать алтын; десеть сит средних ретких, восемь гривен. И со оного товару с вышписанной цены пошлин по десяти денег с рубля в Яицкой таможене взяты. Итого 1 рубль 90 копеек.

23 числа. Яицкого Гурьева городка в таможене явил отставной матроз Осип Орлов привозного товару без выписи на деветь рублей на четырнатцать алтын: восемь мехов муки ржаной, два меха муки пшеничной. И со оного запасу пошлин по указу по десяти денег в Яицкой таможене взяты. Итого 47 копеек. |

Л. 76 Месяц июль. 15 числа. Яицкого Гурьева городка в таможене целовальнику Семену Шадре с товарищем астраханской посацкой человек Сергей Сергеев сын Малютин явил по красноярской таможенной выписи товару у себя на семнатцать рублей на три алтына на две деньги: десеть юфтей кож красных, четыре рубли десеть алтын; сто аршин холсту альняного, три рубли десеть алтын; одна порешна, рубль дватцать один алтын четыре деньги; один ансырь* шелку красного, рубль дватцать алтын; четыре мешка муки ржаной, четыре рубли; один мешек пшена, сорок пять алтын; пять шалов, тритцать шесть алтын четыре деньги; три дести бумаги пищевой, двенатцать алтын. И по указу ея величества государыни императрицы пошлины по выписи з зачету с рубля по пяти д[енег] с прибылой цены с осмнатцати алтын с четырех денег по десяти денег в Яицкой таможене взяты. Итого 46 копеек.

15 числа. Яицкого Гурьева городка в таможене целовальнику Семену Шадре с товарищем астраханского гварнизона** салдат Гаврило Самойлов явил по красноярской таможенной выписи товару на тритцать на семь рублей на пятнатцать алтын: сто пятьдесят аршин хрящу ровной нити, два рубли дватцать пять алтын; сто аршин холсту тонкого, три рубли восемь алтын две деньги; сто аршин пестреди*** белогласки, четыре рубли восемь алтын две деньги; пятьдесят аршин крашенины сандалной, сорок пять алтын; пять пар штанов толстых, семь гривен; две порешны заморских, два рубли восемь гривен; пятьдесят ножей павловского дела, рубль дватцать алтын; дватцать юфтей кож красных, пятнатцать рублей; две куклы шелку, рубль; десеть вершков суконных разных, тритцать шесть алтын четыре деньги; два аршина лудану**** красного, сорок пять алтын; пятьдесят ставцов, пятнатцать алтын; полпуда мыла крепкого, тритцать алтын; полпуда ниток суровых, два рубли восемь гривен; пять уполовников, десеть алтын; полпуда хрептин*****, пятнатцать алтын; пять удел конских, два алтына;

* Единица веса, равная в рассматриваемое время 1 фунту (ЗОРСА. СПб., 1851. Т. 1. С. 106–139).

** Так в ркп.

*** “Пеньковая, грубая ткань, пестрая или полосатая, более синеполосая; идет на шаровары, рабочие халаты, тюфяки и пр. Пестредь бывает третная, два гнезда (нити основы) синие, а одно белое; с перелучкой или рубашечная, в мелких клетках; белоглазка, погоняйка, самая простая, грубая, в редких полосках об одной нитке; тяжина или кежь, кипорная; наволочная, она же; скворцовая, рябенькая; путанка, вся в полосатой сыпи; половинчатая, полосатая, по две синих и по две белых нитки” (*Даль В.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 104).

**** Сорт шелковой ткани (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 180).

***** Здесь и далее, по-видимому, речь идет о бечевке, к которой, “на поводках подвязаны рыболовные крючки, кованцы” (*Даль В.И.* Указ. соч. Т. 4. С. 565; с пометкой “астрх.”)

две пары стремян, пять алтын; два шала, осмнатцать алтын две деньги; две бумашки игол, десять алтын. И по указу ея величества государыни императрицы пошлин по выписи з зачету с рубля по пяти, а с прибылой цены с трех рублей з дватцати дву алтын по десяти денег взято. Итого 1 рубль 12 копеек. |

15 числа. Яицкого Гурьева городка в таможене целовальнику Семену Шадре с товарищем красноярской салдат Ларин Федоров сын Серебряков явил привозного своего товару без выписи по оценке на семнатцать рублей на четырнатцать алтын: четыре мешины желтых, дватцать четыре алтына; два меха круп овсяных четвертных, два рубля дватцать алтын; два меха муки ржаной малой руки, шездесят алтын; пять мехов отрубей пшеничных, полтора рубли; одиннатцать вершков суконных всяких, полтора рубли; две порешны плохих, восемь гривен; десеть обуви сапогов сафьянных красных калмыцких, семь рублей; пятнатцать таганов малых, полтора рубли. И со оного товару с вышепоказанной цены по указу ея величества государыни императрицы пошлины с рубля по десяти денег в Яицкой таможене взяты. Итого 87 копеек.

15 числа. Яицкого Гурьева городка в таможене целовальнику Семену Шадре с товарищем красноярской салдат Кирило Фомин явил у себя привозного товару без выписи по росценке на восемь рублей на две гривны: шесть мехов муки ржаной большей руки, шесть рублей; три меха отрубей пшеничных, тритцать один алтын четыре деньги; один мех пшена русского, сорок один алтын четыре деньги. И со оного товару с вышепоказанной цены по указу ея величества государыни императрицы пошлин с рубля по десяти денег в Яицкой таможене взяты. Итого 41 копейка. |

Месяц август. 25 числа. Яицкого Гурьева городка в таможене целовальнику Семену Шадре с товарищем яицкой переведенец Лаврентей Степанов сын Долгой явил привозного своего товару без выписи по оценке на тритцать на один рубль на четыре гривны: дватцать семь делей двойниковой пряжи, за десяток по два рубли; десетеры тебенки*, два рубли; дватцать уполовников железных, рубль; десеть котлов железных однополчных, четыре рубли шеснатцать алтын четыре деньги; десеть таганов железных, рубль шеснатцать алтын четыре деньги; десетеры стремяна, тритцать алтын; десеть хрептин, тринацать алтын две деньги; пять мехов месетки** пшеничной, за мешек по четыре гривны; сто ставцов красных, рубль; девятнатцать обуви сапогов сафьянных калмыцких, за десяток по шести рублей; пятнатцать гребней роговых, восемь алтын; один фунт ниток швейных, шесть алтын четыре деньги; одна кукла шелку зеленого, шеснатцать алтын четыре деньги; две бумашки игол, двенатцать алтын. И со оного товару с вышеписанной цены по указу ея величества государыни императрицы пошлины по десяти денег с рубля в Яицкой таможене взяты. Итого 1 рубль 54 копейки. |

Месяц сентябрь. 14 числа. Яицкого Гурьева городка в таможене целовальнику Семену Шадре яицкой житель Иван Орлов явил товару у себя по красноярской таможенной выписи на сто на шесть рублей на две гривны красноярские покупки: шездесят обуви сапогов сафьянных красных, цена сорок рублей; десеть обуви сапогов желтых малой руки, три рубли с полтиною; лудан красной, десеть рублей; дватцать юфтей кож красных,

* Кожаные лопасти по бокам седла, подвешенные на пряжках (*Даль В.И. Указ. соч. Т. 4. С. 395*).

** Высевки, отруби (*Даль В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 369*).

двадцать рублей; один ансырь шелку зеленого, полтора рубли; пять обувей сапогов конинных белых, один рубль; пять коробок, восемь гривен; двенадцать порешин, двенадцать рублей; двадцать пар стремян, два рубли; двадцать таганов, три рубли четыре гривны; сорок делей*, шесть рублей. И по указу ея величества государыни императрицы пошлин по выписи з зачету с рубля по пяти да с прибылой цены с одиннатцати рублей по десети денег в Яицкой таможе взяты. Итого 3 рубля 20 копеек.

14 числа. Да он же яицкой житель Иван Орлов явил товару у себя без выписи по росценке явилось на семь рублей, а именно: семь аршин сукна разных цветов, четыре рубли две гривны; один фунт нитей, две гривны; две крашенины, полтина; двадцать аршин новины**, двадцать алтын; один пуд хрептин, двадцать алтын; десетеры стремяна, тритцать алтын. И со оногo товару с вышеписанной цены пошлин по указу ея величества государыни императрицы по десяти денег с рубля в Яицкой таможе взяты. Итого 35 копеек. |

Л. 78 14 числа. Яицкого Гурьева городка в таможе целовальнику Семену Шадре яицкой житель Иван Осетров явил товару у себя без выписи по росценке явилось на одиннатцать рублей на четыре гривны, а именно: двадцать делей двойниковой пряжи, цена три рубли тритцать алтын; один пуд пряжи пятерику, рубль; тринадцать мехов отрубей пшеничных, шесть рублей с полтиною. И со оногo товару с вышеписанной цены пошлин по указу ея величества государыни императрицы по десяти денег в Яицкой таможе взяты. Итого 54 копейки.

14 числа. Яицкого Гурьева городка в таможе целовальнику Семену Шадре яицкой житель Степан Рупцов явил товару у себя по красноярской таможенной выписи на двадцать на семь рублей на двадцать алтын: десять котлов железных, цена пять рублей; двадцать обувей сапогов сафьянных красных, четырнатцать рублей; пять мехов ржаной муки, четыре рубли; две порешны, два рубли; три обуви сапогов конинных, двадцать алтын; две юфти кож красных, два рубли. И со оногo товару по указу ея величества государыни императрицы пошлин по выписи з зачету с рубля по пяти да с прибылой цены со шти рублей з дву гривен по десяти денег в Яицкой таможе взяты. Итого 1 рубль. |

Л. 78 об. 14 числа. В Гурьеве городке в таможе целовальнику Семену Шадре яицкой житель Елисей Марков явил привозного у себя товару без выписи, по росценке явилось на двадцать на четыре рубли: три фунта кучелебы***, цена двадцать алтын; десятеры тебенки, сорок алтын; десять делей двойниковой пряжи, два рубли; четырнатцать гребней роговых, девять алтын две деньги; тысеча игол, двадцать три алтына две деньги; двадцать котлов однополчных железных, девять рублей; три обуви сапогов сафьянных калмыцких, два рубли четыре гривны; два лоскута порешны, две гривны; четыре аршина сукна белого абы****, четыре гривны; одна цевка мишюры, восемь алтын две деньги; две куклы шелку зеленого, рубль; десеть удел, четыре алтына; пять замков железных малой руки, пять алтын; десять таганов, два рубли; пуд пряжи пятерику, рубль; один пуд хрептин, двадцать алтын; три мешка отрубей, полтора рубли; десеть уполовников железных,

* Пропущено слово пряжи?

** Суrowый небеленый холст (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1986. Вып. 11. С. 395).

*** Кучеляба, целибуха, чилибуха – растение и плод *Strychnos nux* (Даль В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 229).

**** Грубое сукно (Словарь русского языка XVIII в. Л., 1984. Вып. 1. С. 7).

двадцать алтын. И со оного товару с вышписанной цены пошлин по указу ея величества государыни императрицы по десяти денег в Яицкой таможене взяты. Итого 1 рубль 22 копейки.

14 числа. Явил яицкой житель Сергей Кульпа привозного у себя товару без выписи сорок три обуви сапогов сафьянных калмыцких за десяток по осьми рублев. И со оного товару пошлин по указу по десяти денег с рубля в Яицкой таможене взяты. Итого 1 рубль 72 копейки. |

14 числа. Яицкой житель Степан Рущов явил привозного у себя товару *Л. 79* без выписи, по росценке на одиннатцать рублев, а именно: пять крашенин сандалных, рубль; двадцать аршин навины, двадцать алтын; один фунт воску, пять алтын; семь делей двойниковой пряжи, рубль четыре гривны; полпуда пряжи пятерику, двадцать алтын; десеть хрептин, четыре гривны; две коропки красных, одиннатцать алтын четыре деньги; два меха пшена, три рубли; семь мехов отрубей пшеничных, три рубли с полтиною. И со оного товару с вышписанной цены пошлины по указу ея величества государыни императрицы по десяти денег в Яицкой таможене взяты. Итого 55 копеек. |

Месяц октябрь. 28 числа. В Гурьеве городке в таможене целовальнику Семену Шадре яицкой житель Иван Черногор явил товару у себя без выписи, по росценке явилось на семнатцать рублев на двадцать на шесть алтын на четыре деньги: шездесят аршин холсту толстого, шездесят алтын; двадцать порешен заморских, за десяток по осьми рублев. И со оного товару пошлин по указу по десяти денег с рубля в Яицкой таможене взяты. Итого 89 копеек. |

Месяц ноябрь. 13 числа. В Гурьеве городке в таможене целовальнику Семену Шадре астраханца посацкого человека Федора Губанова прикащик ево Иван Логинов явил товару у себя без выписи по росценке явилось на сто на сорок на один рубль на двадцать алтын: двести мехов топлрой битой ис комьев муки ржаной, за сто по шездесят рублев; сто пятьдесят аршин сукна белого човашского, за аршин по три алтына; двадцать шапок пудового сукна разных цветов з бухарскими околышами с черными и серыми на калмыцкую руку, восемь рублев три алтына две деньги. И со оного товару пошлины по указу по десяти денег с рубля в Яицкой таможене взяты. Итого 7 рублей 8 копеек. |

Месяц декабрь*. В Гурьеве городке в таможене целовальнику Семену Шадре явил астраханец посацкой человек Василей Назарьев товару у себя по астраханской таможенной выписи на сто рублев сто мехов полоторных ржаной муки. И со оной муки пошлин по указу с рубля по пяти денег в Яицкой таможене он, Назарьев, платил. Итого 2 рубля 50 копеек.

В Гурьеве городке в таможене целовальнику Семену Шадре с товарищем яицкой переведенец Иван Осетров с товарищи явили у себя уловных триста двадцать тюленей, которых они ловили в море оханами** отъезжая от морских горловин в дальные разстоянии по морским култукам***. Ценою положено за десяток тюленей со означенной цены пошлины по указу ея императорского величества с рубля по десяти денег в Яицкой таможене он, Осетров, с товарищи платили. Итого 4 рубля 80 копеек. |

* Здесь и далее число не указано.

** Ставная сеть (*Даль В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 771; с пометкой "касп."*)

*** Мелкий морской залив (*Даль В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 216; с пометками "касп.", "аральс.", "байкальс."*).

Л. 81 В Гурьеве городке в таможене целовальнику Семену Шадре с товарищем яицкой переведенец Иван Орлов с товарищи явили у себя уловных сто пятьдесят тюленей, которых они ловили в море оханами, отъезжая от морских горловин в дальные разстоянии по морским култукам. Ценою положено за десяток по три рубли. Итого сорок пять рублей. И со оных уловных тюленей с означенной цены пошлины по указу ея императорского величества с рубля по десяти денег в Яицкой таможене он, Орлов, с товарищи платили. Итого 2 рубля 25 копеек.

В Гурьеве городке в таможене целовальнику Семену Шадре с товарищем яицкой переведенец Алексей Черной с товарищи явили у себя уловных сто пятьдесят тюленей, которых они ловили в море оханами, отъезжая от морских горловин в дальные разстоянии по морским култукам. Ценою положено за десяток по три рубли. Итого сорок пять рублей. И со оных уловных тюленей с означенной цены пошлины по указу ея императорского величества с рубля по десяти денег в Яицкой таможене он, Алексей, с товарищи платили. Итого 2 рубля 25 копеек. |

Л. 81 об. В Гурьеве городке в таможене целовальнику Семену Шадре с товарищем яицкой переведенец Максим Шитов с товарищи явили у себя уловных тюленей сто семдесят, которых они ловили в море оханами, отъезжая от морских горловин в дальные разстоянии по морским култукам. Ценою положено за десяток по три рубли. Итого пятьдесят один рубль. И со оных уловных тюленей с означенной цены пошлины по указу ея императорского величества с рубля по десяти денег в Яицкой таможене он, Шитов, с товарищи платили. Итого 2 рубля 55 копеек.

В Гурьеве городке в таможене целовальнику Семену Шадре с товарищем яицкой переведенец Иван Гусев с товарищи явили у себя уловных сто дватцать тюленей, которых они ловили в море оханами, отъезжая от морских горловин в дальные разстоянии по морским култукам. Ценою положено за десяток по три рубли. Итого тритцать шесть рублей. И со оных уловных тюленей с означенной цены пошлины по указу ея императорского величества с рубля по десяти денег в Яицкой таможене он, Гусев, с товарищи платили. Итого 1 рубль 80 копеек. |

Л. 82 В Гурьеве городке в таможене целовальнику Семену Шадре с товарищем яицкой переведенец Андрей Ласкин с товарищи явили у себя уловных сто тритцать два тюленя, которых они ловили в море оханами, отъезжая от морских горловин в дальные разстоянии по морским култукам. Ценою положено за десяток по три рубли. Итого тритцать девять рублей дватцать алтын. И со оных уловных тюленей с означенной цены пошлин по указу ея императорского величества с рубля по десяти денег в Яицкой таможене он, Ласкин, с товарищи платили. Итого 1 рубль 98 копеек.

В Гурьеве городке в таможене целовальнику Семену Шадре с товарищем явил работной человек Степан Семенов сын Улыбин уловных у себя тритцать восемь тюленей ценою положено за десяток по три рубли. Итого одиннатцать рублей четыре гривны. И со оных уловных тюленей с означенной цены пошлины по указу ея императорского величества с рубля по десяти денег в Яицкой таможене он, Улыбин, платил. Итого 57 копеек.

Государственный архив Астраханской области. Ф. 681. Оп. 1. Д. 620. Л. 72–82. Беловая копия.

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ПРОЕКТЫ Н.И. КОСТОМАРОВА КОНЦА 1850-х – НАЧАЛА 1860-х годов*

История неосуществленных научных замыслов представляет подчас не меньший историографический интерес, чем изучение достижений, принесших своим авторам широкое признание. Особенно если эти замыслы не бесплотные мечты, заведомо обреченные на неуспех и потому доверяемые их создателем лишь дневнику или дружеской переписке. Научные проекты и программы, не получившие признания коллег или поддержки в бюрократических кругах, не только позволяют реконструировать внутреннюю логику становления исторических взглядов ученого, благодаря этим материалам, в большинстве своем так и не нашедшим дороги к широкой публике, исследователь впервые получает возможность на деле установить пределы доступности организационных и административных ресурсов в условиях конкретной историографической ситуации.

Представленные здесь проекты, на первый взгляд, соединены между собой лишь общим временем появления – семилетие, на протяжении которого они родились, совпадает с апогеем эпохи “великих реформ”, и причастностью к их созданию одного из самых известных историков той поры Николая Ивановича Костомарова. В первом проекте речь идет об университетском курсе, во втором – об историко-этнографической экспедиции Русского географического общества, в третьем – о создании нового ученого общества. Меняющийся масштаб намечаемых Костомаровым научных предприятий как будто отражает только замысловатую траекторию его собственного социального статуса в эти годы: от саратовского ссыльного, с готовностью принимающего предложение занять кафедру в провинциальном университете, до пережившего триумфальное возвращение в столицу авторитетного профессора, хотя и оказавшегося временно не у дел после студенческих волнений¹. Между тем, внимательное прочтение этих текстов обнаруживает более глубокую, концептуальную связь между ними. Эта связь становится явной при рассмотрении их в одном ряду с другими программными выступлениями Костомарова этих лет, – прежде всего петербургской университетской вступительной лекцией в курс русской истории 22 ноября 1859 г. и лекцией в Географическом обществе “Об отношении русской истории к географии и этнографии” 10 марта 1863 г.

Начиная с «Программы курса “Русских древностей”, представленной для преподавания в Казанский университет», “народная история” на годы становится для Костомарова одной из самых излюбленных тем. Именно здесь в первый раз он открыто делает ставку на изучение “бытовой истории” как на важнейшее средство радикального обновления русской исторической науки. Правда, если в 1857 г. восполнения недостатков политической, “былевой”, событийной истории Костомаров склонен ожидать от исследователя истории внутренней, “археолога”², то через год он не вполне удовлетворен и “так на-

¹ О бурных перипетиях биографии Н.И. Костомарова этого периода см. его мемуары: *Костомаров Н.И. Исторические произведения. Автобиография*. Киев, 1990. С. 516–599.

² Об истоках такого представления о задачах и содержании археологии см.: *Козлов В.П. Росийская археология конца XVIII – первой четверти XIX в. М., 1999. С. 260–261.*

зывается внутренней историей, последовательным изображением законодательства, учреждений и быта, отлично от внешних событий”³. А в 1863 г. одну из распространенных, на его взгляд, тенденций в историографии, когда “археология хочет заменить историю, а история впадает в археологию”, Костомаров и вовсе трактует как ошибочную⁴. Вместо этого теперь на первый план им выдвигается идея “сближения русской истории с этнографией, взаимного действия этих двух наук и нераздельного их развития”. При этом замена одного союзника науки русской истории на другого – археологии на этнографию – продиктована стремлением ученого к “воссозданию цельности народной жизни”⁵, т.е., в сущности, к той самой цели, которая была намечена им еще в казанской программе. (К слову, переезд Костомарова из Саратова в Казань не состоялся из-за противодействия саратовского губернатора, отказавшегося предоставить в Министерство народного просвещения соответствующую рекомендацию.) Итак, несмотря на кажущиеся различия, историко-этнографические проекты 1862 и 1864 гг. в концептуальном плане родственны костомаровским замыслам 1857 г., но, в отличие от этих последних, совершенно неизвестны⁶. Поэтому остановимся на обстоятельствах их появления подробнее.

Специальный интерес Н.И. Костомарова к этнографии и его надежды на помощь историкам со стороны этой науки проявляются с момента вступления ученого в Русское географическое общество в 1860 г.⁷, а точнее – с начала следующего года, когда он был избран помощником председателя этнографического отделения Общества⁸. Учитывая его энергичность, а также то, что обязанности председателя этого отделения тогда же принял на себя благоволивший Костомарову еще со времен саратовской ссылки Н.В. Калачов, члены РГО вправе были рассчитывать на предстоящее в недалеком будущем оживление этнографических изысканий.

Инициатива нового помощника председателя не заставила себя долго ждать. Почти одновременно с избранием на этот пост он вместе с профессором И.В. Вернадским предложил этнографическому отделению заняться нанесением на известную карту П.И. Кеппена “взаимных границ различных ветвей Славяно-Русского мира”. Это предложение получило формальное одобрение, но, поскольку заняться данной проблемой было поручено самим инициаторам⁹, по поводу широкой поддержки этого начинания, очевидно, Костомарову обольщаться тогда не приходилось.

³ *Костомаров Н.И.* Вступительная лекция в курс русской истории, читанная... в Императорском Санкт-Петербургском университете 22 ноября 1859 г. // *Русское слово.* 1859. № 12. С. V–VI.

⁴ *Костомаров Н.И.* Об отношении русской истории к географии и этнографии // Он же. Исторические монографии и исследования. СПб., 1880. Т. 3. С. 358.

⁵ Там же. С. 364–365.

⁶ Близкий к тексту Н.И. Костомарова, хотя и весьма неполный пересказ программы курса “Русских древностей”, а также освещение обстоятельств, связанных с его неудачным определением в Казанский университет см.: *Бобров Е.* Эпизод из жизни Н.И. Костомарова (по архивным документам) // *Русская старина.* 1904. № 3. С. 603–614.

⁷ Далее – РГО.

⁸ Отчет о действиях РГО за 1860 г. СПб., 1860. С. 36; Записки РГО. СПб., 1861. Кн. 2. С. 55.

⁹ Записки РГО. СПб., 1861. Кн. 2. С. 25–26.

Ситуация начала меняться осенью 1861 г., когда в Обществе с докладом о своих поездках по “внутренней России” выступил экономист В.П. Безобразов. Анализируя свой опыт путешественника, он высказался за снаряжение масштабной статистико-этнографической экспедиции по Европейской России для изучения народного быта на местах. Это предложение было встречено с энтузиазмом: для выработки программы экспедиции и дальнейшей ее подготовки на основе отделений этнографии и статистики была сформирована смешанная комиссия под председательством Н.В. Калачова. Среди ее участников оказался и Н.И. Костомаров¹⁰.

Вероятно, с этим периодом деятельности комиссии, который приходится, главным образом, на первую половину 1862 г., и связано появление костомаровского “Проекта историко-этнографического путешествия по России”. В этом тексте налицо не только заявленный Костомаровым ранее интерес к различиям “ветвей Славяно-Русского мира” и вполне понятное желание направить деятельность предстоящей экспедиции в более знакомое ему “историко-этнографическое” русло¹¹, но и определенная преемственность в отношении предложения Безобразова: речь здесь идет о путешествии по всей Европейской России.

Если судить по результатам работы смешанной комиссии, роль Костомарова в ней была весьма значительной. Согласно выработанным ею критериям, которыми должна была руководствоваться экспедиция при выборе подлежащих изучению местностей, эти территории должны были характеризоваться “разнообразием племенных групп и экономических условий быта, соприкосновением или встречей различных и противоположных элементов народного быта под влиянием исторических переворотов, столкновений и слияний”, а также “возможно большим накоплением наружных исторических признаков прежних эпох быта”. Наибольшее соответствие всем этим критериям комиссия обнаружила, в полном соответствии с интенциями Костомарова, на “исторически-порубежных землях ... и в особенности на украинских, т.е. на границах Московского государства”¹².

Однако только осенью 1862 г. сфера деятельности предстоящей экспедиции стала приобретать зримые контуры. Начало этому положил всеподданнейший доклад министра народного просвещения А.В. Головнина на имя Александра II, вследствие которого 9 сентября этого года Географическому обществу было выделено 10 000 р. на исследование “числа народонаселения по народностям, вероисповеданиям, сословиям и занятиям” в Западном крае¹³. Теперь совету Общества предстояло согласовать задачи, санкционированные верховной властью, с наработками смешанной комиссии отделений этнографии и статистики. Созданная для этого специальная комиссия, в которую вошли А.К. Гирс, П.П. Семенов и А.И. Бутовский, была призвана определить круг занятий, место проведения, сроки и состав участников эк-

¹⁰ Отчет о действиях РГО за 1861 г. СПб., 1861. С. 12; Записки РГО. СПб., 1862. Кн. 2. С. 10, 35, 38.

¹¹ См. подробнее: *Боярченко В.В.* Историки-федералисты: Концепция местной истории в русской мысли 20–70-х гг. XIX в. СПб., 2005. С. 196.

¹² Отчет о действиях РГО за 1862 г. СПб., 1863. С. 34–35.

¹³ Там же. С. 35–36; Записки РГО. СПб., 1863. Кн. 1. С. 25–26.

спедиции¹⁴. По сути, во время работы этой комиссии Костомаров имел последний шанс повлиять на судьбу намечавшегося научного предприятия.

План экспедиции, разработанный Гирсом, Семеновым и Бутовским и утвержденный советом РГО 23 октября 1862 г.¹⁵, однако, не содержит в себе ощутимых следов этого влияния. Исторические вопросы, столь важные для Костомарова, начисто вытеснены в нем статистической составляющей; сроки всех исследовательских работ ограничены одним годом. Итак, появление второй записки, представленной историком в Географическое общество, – “Предполагаемая историко-этнографическая экспедиция”, – скорее всего, приходится на период между 9 сентября и 23 октября 1862 г. Во-первых, в этой записке ничего не говорится об общероссийских масштабах предстоящей экспедиции, а во-вторых, – не упоминается о ее финансовом обеспечении, как если бы автор считал этот вопрос уже решенным.

В последовавшем затем обсуждении технических моментов реализации плана экспедиции, растянувшемся до начала декабря, Костомаров, судя по протоколам, участия не принимал. На заседании совета РГО 12 ноября 1862 г., подводившем промежуточные итоги этой работы, в числе прочих прозвучало решение “благодарить Н.И. Костомарова за сообщение мыслей его о снаряжении историко-этнографической экспедиции вообще и в Южной Руси в особенности, и иметь план, – начертанный Н.И. Костомаровым и не входящий по своему объему в план этнографической экспедиции в западные губернии, ныне снаряжаемой, – в виду для осуществления его на будущее время или ныне же при увеличении денежных способов Общества”¹⁶. Фактически это была констатация неудачи историка в его попытке вдохновить одно из начинаний ученого общества своими исследовательскими замыслами. Обе его записки в конце концов оказались переплетенными в деле “Об этнографическо-статистической экспедиции в западные губернии”, отложившемся в фонде канцелярии РГО. На первом листе сделана надпись карандашом: “От Костомарова”¹⁷.

Непосредственного влияния на дальнейший ход работы экспедиции проекты Костомарова не оказали. Слабым утешением для ученого должна была стать высокая оценка его предложений в ежегодном отчете о действиях РГО: его программа названа там превосходной, снаряжение историко-этнографических экспедиций по всей Европейской России – плодотворным предприятием. Кроме того, авторы отчета выражали уверенность, что “многие указания, внушенные опытностью Н.И. Костомарова, послужат с пользою”¹⁸.

Может быть, именно эти оценки и отсутствие категорического отказа продлили на несколько месяцев иллюзии ученого по поводу осуществимости его проектов. Во всяком случае, в уже упоминавшейся публичной лекции, прочитанной в РГО 10 марта 1863 г., он еще полон надежд обрести поддержку среди его членов. Подтверждая приверженность провозглашенным в прошлом году принципам, он обратился к сотрудникам этнографического

¹⁴ Записки РГО. СПб., 1863. Кн. 1. С. 26–27.

¹⁵ Там же. С. 63.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Архив РГО. Ф. 1-1862. Оп. 1. Д. 26. Л. 36.

¹⁸ Отчет о действиях РГО за 1862 г. С. 35.

отделения: “Нам кажется, что было бы полезно... снарядить ученую экспедицию для путешествия по России, обращая особое внимание на края, представляющие наиболее данных для взаимного решения исторических и этнографических вопросов, которые заранее могли быть составлены к сфере соотношения истории с этнографией и переданы членам такой экспедиции”¹⁹. Все пространные рассуждения Костомарова об общности задач истории и этнографии, составляющие почти все содержание этой публичной лекции, можно рассматривать как последнее усилие историка склонить чашу весов в РГО в пользу своего проекта.

Впрочем, вскоре Костомарову пришлось испытать разочарование в этих надеждах. После того, как на заседании 23 ноября 1863 г. совет Общества отклонил предложенный им для публичных чтений цикл лекций на тему “Русская земля в Смутном периоде (самозванцы и междуцарствие)”, посчитав его слишком обширным и к тому же чисто историческим и “потому не входящим непосредственно в круг наук, обозначенных в уставе Общества”²⁰, имя Костомарова надолго исчезает со страниц материалов РГО. А вновь оно там появляется только 4 октября 1871 г., в журнале заседаний Комиссии по снаряжению экспедиции в Западный край, как будто специально для того, чтобы напомнить о давних неудачах историка. К этому времени П.П. Чубинский завершил возложенную на него этнографическую часть работы экспедиции, и Костомаров “предложил Комиссии свои услуги для печатания под его редакцией песен Юго-Западного края, собранных П.П. Чубинским, причем он готов присовокупить к этому собранию и те песни, которые записаны им самим в той же местности”. Комиссия приняла это предложение с благодарностью²¹. Разумеется, нет никаких оснований видеть в этом возобновившемся сотрудничестве Костомарова в РГО какую-либо преемственность относительно его замыслов начала 1860-х годов.

Между тем, разочаровавшись в деятельности РГО, ученый отнюдь не сразу охладел к организации широких историко-этнографических исследований. Об этом свидетельствует сохранившееся в личном фонде И.Е. Забелина ноябрьское письмо 1864 г., автор которого, известный этнограф С.В. Максимов приглашает своего московского корреспондента принять участие в задуманном им вместе с Костомаровым историко-этнографическом обществе. Как видно из письма Д.И. Иловайского к К.Н. Бестужеву-Рюмину, датированного 15 декабря того же года, Забелин был не единственным москвичом, приглашенным к сотрудничеству в нем: “Задуманное вами историко-этнографическое общество отличная вещь; для меня особенно оно интересно, так как я намерен налечь на этнографию. После письма Максимова я не слышал, пошло ли это дело в ход”²². Подробности дальнейшей судьбы этого проекта, очевидно, еще ждут своих исследователей.

В.В. Боярченко

¹⁹ Костомаров Н.И. Об отношении русской истории к географии и этнографии... С. 374–375.

²⁰ Записки РГО. СПб., 1863. Кн. 4. С. 11–13.

²¹ Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной РГО. Юго-западный отдел: Материалы и исследования, собранные действительным членом П.П. Чубинским. СПб., 1872. Т. 1. С. VIII.

²² РО ИРЛИ. Ф. 27. № 24812. Л. 35.

**Программа курса “Русских древностей”,
представленная Н.И. Костомаровым для преподавания
в Казанском университете 6 декабря 1857 г.**

В настоящее время направление нашей отечественной истории клонится преимущественно к разъяснению и уразумению внутренней жизни и протекшего быта нашего. Теперь созрело и утвердилось сознание, что изложение одних внешних событий, как бы они верно и живо ни были изображаемы, и как бы разумно ни были между собою связаны, не могут удовлетворить мыслящей любознательности. Внешняя, былевая история касается только немногих лиц из целого народа, таких лиц, которых обстоятельства или дарования выдвинули на поверхность народной массы. Жизнь поколений, сменявших одно другое и протекавших свой путь под влиянием исторических событий, остается чрез то мало разгаданною, а между тем она-то и составляет сущность исторического знания. Мы не довольствуемся уже знанием того, что изменяло судьбу народа, что заставляло его радоваться или страдать, оживляться или падать в апатию; мы хотим знать, как народ чувствовал, страдал, радовался, действовал; нас не удовлетворяют ни князья, ни полководцы, ни придворные празднества и мирные договоры, ни важные минуты государственных явлений; нам надобно увидеть бедного поселянина в его хате, прислушаться к его домашней речи, узнать его обращение с семьею и соседями. Самые внешние события, представленные историею, сохраняя свой корень в глубине народных побуждений, не вполне понятны и лишены истинного своего смысла, без знания общенародной жизни. Исторические герои навсегда останутся для нас неясными силуэтами, если нравственные и материальные особенности обстановки, сопровождавшей приемы их деятельности, ускользают от нашего внимания. Только соединение изображения событий с картиною протекшего народного быта, среди которого совершались эти события, может образовать такую науку, которая бы удовлетворяла историческому смыслу, одухотворяющему угасшую жизнь столетий, воскрешаемую пером деписателя.

Эта потребность русской истории высказана в нашей литературе первый раз Полевым. Одно название, которое он дал своему сочинению: “История Русского народа” указывает, что автор восчувствовал недостаточность нашего исторического метода, который ограничивался долго изображением государственных перемен и все вводил единственно в политический круг. Талантливый писатель не достиг своей цели и не мог достичь ее.

Сокровищница источников для такой истории народа была слишком бедна в то время; тем не менее за ним остается честь первого указания того, в чем состоять должна наука русской истории. Эту честь не отняла у него современная критика, обличавшая часто вполне справедливо недостатки в сочинении человека, имевшего более дарования и ума, чем запаса для постройки предпринятого творения.

Прежде чем могла явиться такая история русского народа, которой идеал возник в голове Полевого, надлежало образоваться отдельной науке древностей: русской археологии или бытовой истории. Надобно было, чтоб, отделившись от подчиненности рассказу и изложению политических событий, она изобразила целостную картину народной жизни. Бесценные издания Археографической комиссии, Московского общества Истории и Древностей, Киевской археографической Комиссии, вместе с румянцевским Собранием Грамот, Древнею Вивлиофикою Новикова и разными материалами, в последнее время изданными и отдельно, и в различных сборниках и периодических изданиях любителями старины, предуготовили возможность этой науки, а добросовестные труды наших ученых: Погодина, Забелина, Беляева, Калачова, Соловьева, Константина Аксакова, Чичерина, Мейера, Лешкова, Пыпина, Буслаева, Афанасьева, Бодянского, Срезневского, Ундольского и других, обогатив нашу литературу превосходными исследованиями о прошедшей жизни нашей, поло-

жили основание ее построению. После всего того, на чем остановилось в настоящее время это историческое направление, наступила, кажется, пора, когда наука русских древностей или бытовая история должна явиться в отдельной форме преподавания в Университетах, независимо от преподавания русской былевой истории. Этого заставляет желать, во-первых, важность предмета. Надобно дать ему более значительный объем, чтоб развить в образованной публике сочувствие к нему, разлить в ней необходимые классические знания, без которых не может быть участия к явлениям в мире науки и наконец приготовить в юном поколении деятелей для науки: такого рода преподавание послужит молодым людям основой для их последующих ученых занятий. Во-вторых, отделить русские Древности от преподавания русской истории побуждает трудность предмета. Если преподаватель и будет обладать такою громадною ученостью, что совладеет с двумя этими отраслями исторического знания, то уже одна критическая обработка источников для былевой истории достаточно займет у него времени; притом же преподаватель древностей или бытовой истории, не имея под рукою никаких специальных обработанных сочинений, обнимающих целый предмет, кроме некоторых монографий, должен будет пролагать сам себе дорогу к систематическому изложению науки в куче разнообразных источников, изданных большею частью без объяснений, и потому сам должен будет заниматься их объяснениями и оценкою. Необходимо, при таком положении, оградить преподавателя древностей от совместничества других занятий и доставить ему время и способы, чтоб предаться всею душою новому, так сказать, девственному предмету.

Не должно смешивать науку древностей или бытовую историю с археографиею. Археография есть только систематическое описание памятников, служащих к уразумению сторон, которыми занимается наука древностей. Предмет археографии – памятники, ведущие к уразумению жизни; предмет науки древностей есть самая жизнь. Дело археографии определить ценность памятников по их древности, указать, к чему они относятся, при каких обстоятельствах явились, что и в какой степени выражают; дело археолога или бытового историка – извлечь из них смысл, относящийся к жизни.

Принимая за основание, что наука древностей или бытовая история имеет целью изобразить прошедшую *жизнь*, преподаватель должен представить ее с тех сторон, в которых народная жизнь проявлялась: именно со стороны физиологической, политической, общественной и духовной и сообразно этому изложить науку в четырех отделах.

В первом отделе он представит влияние местности и климата на организм народа, его этнографические особенности, состояния народного здоровья и телесного склада, наружный вид и телесные способности народа, сообразно памятникам прошедшего.

Во втором отделе он изобразит государственное строение, в которое облеклась народная жизнь, отношения к соседям, средства защиты, относительное могущество или слабость державы.

Третий отдел будет обнимать общественный быт, то есть те формальные связи, в которых воплощается соединение людей между собою. Эти связи – церковь, гражданство, промысел и дом.

Четвертый отдел изобразит внутреннее настроение народного духа, которое выражается понятиями и чувствами в отношении к высочайшему существу, человеку и природе. Сюда войдут религия, народные понятия и суеверия, воспитание, просвещение, народная и письменная литература.

С первого взгляда покажется, что эти отделы в некоторых пунктах сливаются между собою, но тем не менее каждый имеет свою особую сферу. Так, например, говоря о церкви, преподаватель должен будет говорить и вообще о религии; но в третьем отделе он изобразит, например, церковные обряды, а в четвертом покажет,

как эти обряды возбуждали религиозное чувство, или как религиозное чувство выражалось в этих обрядах. Или: В третьем отделе он представит супружеские отношения, способ их проявления, законы, обеспечивающие супружескую связь, а в отделе духовной жизни укажет на взгляд, какой составил себе народ о супружестве. Равным образом, например, в отделе политической жизни он коснется войска, говоря о средствах защиты края, а в отделе общественной жизни представит внутреннее устройство военного сословия, военное управление и военный быт.

Применяя эти основания к русским древностям, преподаватель будет следовать следующей программе.

Отдел первый.

Общий взгляд на географическое положение России до Петра Великого.

Климат.

Естественные произведения.

Народы, населявшие Россию. Их этнографические отличия. Наружное сложение русского народа.

Народное здоровье и болезни. Долговечность.

Отдел второй.

Разделение Руси на удельную и единоедержавную.

Состав удельной Руси. Ее развитие и падение.

Власть князя.

Значение веч.

Федеративная связь.

Междоусобия.

Сила и бессилие удельной Руси.

Средства защиты.

Отношения к соседям.

Русь единоедержавная. Образование ее.

Значение царя и верховной власти. Государственность.

Средства защиты.

Отношения к соседям.

Русская дипломатия.

Отдел третий.

а) церковь.

Состав церкви.

Церковное устройство. Приходы. Монастыри.

Церковное управление и благочиние.

Церковное законодательство.

Церковное судоустройство.

Церковное судопроизводство.

Монастырское устройство и управление.

Церковные доходы и расходы.

Устройство богослужения.

Церковная обрядность.

Образ жизни и быт духовного класса.

б) гражданство.

Права.

Законодательство.

Делопроизводство.

Судоустройство.

Судопроизводство и расправа.
Управление государственное и областное.
Финансовое управление.
Военное управление.
Устройство войска.
Права и быт военного сословия.
в) промышленность.
Сельское хозяйство.
Промыслы.
Ремесла.
Торговля.
Права и быт торгового сословия.
Ценность.
г) домашний быт.
Города, села и деревни.
Устройство домов.
Образ жизни.
Домоводство.
Семейная жизнь.
Обычай.
Домашние нравы.
Увеселения.

. Отдел четвертый.

Религиозность и набожность.
Воспитание.
Просвещение.
Суеверие.
Народная литература.
Письменная литература.

Бытовая история необходимо соприкасается с такими предметами, которые составляют уже достояние особых наук, например, история русского законодательства, церковная история, история русской литературы. Но преподаватель, касаясь этих предметов, не должен забывать, что у него есть своя особенная цель и потому ему следует не иначе брать их в свой курс, как только по отношению к этой главной цели. Мы выше определили, что наука древностей должна излагать прошедшую народную жизнь, следовательно бытовой историк столько будет говорить о церковном быте, о законодательстве, о литературе, сколько того будет требовать задача изображения протекшей народной жизни. Он не станет излагать в подробности и систематически русское законодательство, но возьмет из него те черты, которые непосредственно входили в отправление народной жизни, и только по отношению к ней; равным образом он обратит внимание только на те произведения народного слова, которые имели прямое влияние на общественное мышление и чувство или необходимо истекали из тогдашних потребностей народного самовыражения.

Я набросал здесь только главные черты преподавания русских древностей или бытовой истории. Дальнейшее дробление разделов и образование подробной системы явится при самом изложении предмета. Нет ничего неуместнее, как строить заранее клетки и потом, желая во что бы то ни стало сохранять их, насильно вкладывать туда научные предметы. Это более всего не приложимо к русскому миру, который слишком велик, разнообразен и свеж, чтоб подчиниться искусственным формам.

Занимаясь более десяти лет составлением полного сочинения о бытовой истории Руси до Петра Великого, которое может быть издано только по происшествии еще многих лет труда, я в виде опыта обработал один отдел этого сочинения, именно: “очерк торговли московского государства в XVI и XVII веке”, который в настоящее время печатается в “Современнике” и окончится в будущем году в генварской книжке этого журнала. Это сочинение, как часть моего курса бытовой истории или русских древностей, я предаю на суд ученого сословия как в образец формы, в какой бы, допуская впрочем необходимые сокращения, излагал свою науку, если бы достопочтимый совет Университета удостоил меня чести преподавать ее.

Н. Костомаров. 6 декабря 1857 г.

Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. (Историко-филологический факультет). Д. 774. Л. 3–8 об.

[Н.И. Костомаров]

Проект историко-этнографического путешествия по России

1. Русское географическое общество снарядит историко-этнографическую экспедицию по Европейской России.

2. Принявшие на себя это поручение должны будут с ученою целью объездить те полосы и местности Европейской России, которые заключают в себе наиболее исторических стихий, ограничиваясь преимущественно русско-славянскими народностями, а по окончании своего дела издадут “Историко-этнографическое путешествие” с приложением историко-этнографического атласа.

3. Это историко-этнографическое путешествие должно иметь целью изложить и представить:

а) Соотношение между прошедшею и настоящею жизнью народа и сравнение явлений общественного и домашнего быта прошлых времен с такими же явлениями в наше время.

б) Этнографические особенности в языке, обычаях, нравах, понятиях и народной поэзии в разных местностях, с показанием причин, которые их произвели и поддерживали.

в) Взгляд самого народа на свою прошедшую и настоящую жизнь, его юридические, религиозные, нравственные и экономические понятия, его симпатии и антипатии, его воспоминания, его опасения и надежды.

г) Следы прошедшей исторической жизни народа в вещественных памятниках.

4. Изданное таким образом “Историко-этнографическое путешествие” должно сохранять в себе условия ученого сочинения, но в общедоступной форме путевых записок.

5. Издание “Историко-этнографического путешествия” принимает на себя Русское географическое общество, с возвращением в свою пользу издержек, употребленных на печатание и на совершение путешествия.

6. Русское географическое общество с этой целью пошлет двух ученых: одного по Великому России, другого по Белоруссии и по Южной Руси, включая сюда и австрийскую Галицию, предоставив каждому избрать себе, по усмотрению, помощника из молодых людей, окончивших курс в университете, или из художников, для снятия видов.

7. Для совершения такого путешествия необходимо никак не менее четырех лет, но, по всей вероятности, окажется потребным и более, именно потому что многие

местности, имеющие историческое значение, недостаточно видеть в зимнее время, и следовательно из числа месяцев, составляющих четыре года, придется выбросить несколько неудобных для путешествия.

8. Если Русское географическое общество затруднится посылкою обоих ученых разом, то может сначала послать одного в Белоруссию и Южную Русь.

9. На путевые издержки следует дать никак не менее 3000 р. в год, оставив ему содержание по месту его службы, если он его занимает; в противном случае надлежит увеличить сумму. Помощнику его следует дать от 1000 до 1500 р. в год.

10. Таким образом, вся историко-этнографическая экспедиция обошлась бы Русскому географическому обществу в 36 000 рубл. серебром, каждая же половина ее в 18 000 р. Печатание стоило бы, приблизительно, с картами и рисунками до 20 000 р., так что вся экспедиция обошлась бы от 50 000 до 60 000 р.

11. Для издержек на предполагаемую историко-этнографическую экспедицию Русское географическое общество может обратиться к правительству с просьбою дать ему потребную сумму заимообразно, с тем, что она будет выплачена из выручки за издание.

12. Русское географическое общество может напечатать четыре тысячи экземпляров *“Историко-этнографического путешествия”* и пустить в продажу по 15 р., что будет необыкновенно дешево, если принять во внимание рисунки и карты, приложенные при сочинении, что составит 60 000 р. Нет сомнения, что издание, при такой дешевизне, разоидется скоро, и Общество может в непродолжительное время выплатить занятую у правительства сумму.

Архив РГО. Ф. 1 – 1862. Оп. 1. Д. 26. Л. 35–35 об., 38.

[Н.И. Костомаров]

Предполагаемая ученая историко-этнографическая экспедиция

Она должна будет представить соотношение прошедшей жизни с настоящей в различных сферах человеческой образованности.

Следует измерить все, что составляет остаток прошедшей исторической жизни в нравах, обычаях, воззрениях – религиозных, юридических, экономических, нравственных – народа в настоящее время.

Показать местные этнографические особенности, сходства и различия в связи с прошедшею народною жизнью.

Показать влияние на жизнь народа и на его настоящий быт прежних исторических обстоятельств, на разные воззрения, какие в разных местностях имеет народ на свою прошедшую жизнь, его симпатии и антипатии, его желания, надежды и опасения, родившиеся вследствие прошедших обстоятельств.

Сообщить возможно полные и подробные сведения о следах прежней исторической жизни в народных воспоминаниях и в вещественных памятниках.

Избрать для этого на первый раз Южную Русь, понимая под этим именем край, заселенный народом, представляющим особность под названием южнорусского или малороссийского народа, включая сюда и Галицию.

Принявший на себя обязанность экспедиции должен будет проехать по этнографической границе южнорусского племени, в сопредельности с белорусским, великорусским и польским. Для этого потребно не менее четырех лет.

По окончании четырех лет путешествия автор должен представить свое историко-этнографическое путешествие, которое будет издано на счет Географическо[го]

общества с обращением выручки за издание в пользу Общества для покрытия издержек на путешествие с отдачею автору всего, что останется за покрытием издержек.

Архив РГО. Ф. 1 – 1862. Оп. 1. Д. 26. Л. 36–37.

Письмо С.В. Максимова И.Е. Забелину от 8 ноября 1864 г.

При личном свидании нашем, Многоуважаемый Иван Егорович, мне не удалось на Ваше любезное согласие передать те основания, которыми руководится Общество издания дешевых книг для народа с практической стороны этого дела. Вам за Ваши работы оно готово платить по сту рублей за печатный лист (считая по 29 тысяч в листе набора). Книжка по их расчетам не должна иметь таких листов больше трех. Выдача гонорария обусловливается следующим правилом: $\frac{2}{3}$ выдается по выходе рукописи из цензуры; остальная $\frac{1}{3}$ по выходе книжки из типографии. Число приготавливаемых экземпляров может дойти до 50 тысяч при удачном ходе сочинения. Если Вы найдете эти условия достаточно гарантирующими Ваши работы и решитесь подарить наши издания ими, то, адресовав извещение Ваше на мое имя, вы тем премного обяжете нас. Еще раз усердно прошу Вас о том. Не надумали ли Вы уже что-нибудь?

И еще к Вам моя усердная просьба, по поручению очень многих. Дело в том, что на днях Костомаров и Ваш покорнейший слуга решились организовать Общество с целью сдружить между собою два рода исследований: исторические и этнографические. Обществу вследствие того дано будет название историко-этнографического. Оно потребует работ исключительно только таких, где бы обе науки разрабатывались в совокупности. Исключительно исторические и исключительно этнографические не входят в круг наших занятий. На будущей неделе составлен будет проспект программы и проект устава, каковой и будет прислан на Ваше усмотрение и для Ваших замечаний. Здесь предложение наше встречено живым и деятельным сочувствием; кладем полную надежду и на Ваше, Многоуважаемый Иван Егорович. Всякие ненаучные формальности и всякая бюрократическая дичь, от которых стоят неподвижно все другие общества, мы будем тщательно устранять. Заседаниям своим раз в месяц придаем форму простых бесед. Взнос возможно малый с членов-учредителей (в числе которых с особым удовольствием считали бы Вас); полагается взносу в год 10 руб. Статьи, поступающие в ежегодные сборники наши, непременно оплачиваются гонорарием. Средства к тому мы видим в сборах с литературных чтений, устраиваемых несколько раз в год; а также во взносах почетных членов и от излишков со сборов действительных членов, избираемых уже по баллотировке. Желających мы насчитали в настоящее время около сорока; членов-капиталистов пять человек. Не теряя понапрасну время, на будущей неделе займемся составлением устава и хлопотами о дозволении, которое – конечно – дано будет нам. Ваше участие нам дорого и необходимо: не откажитесь уделить хотя небольшую долю досужего времени.

С истинным моим к Вам почтением остаюсь навсегда Вашим покорнейш[им] слугой

С. Максимов

Адрес мой: в СПб. на Николаевской ул. близ Старообрядской церкви, д. Михельсона.

ОПИ ГИМ. Ф. 440 (И.Е. Забелин). Оп. 1. Д. 66. Л. 31–32 об.

“ВИЛЬНУ ДО ЕЕ ОККУПАЦИИ В 1915 г. МОЖНО БЫЛО НАЗВАТЬ ГОРОДОМ АРХИВОВ, БИБЛИОТЕК И МУЗЕЕВ”

**(Записки старшего архивиста I отделения II секции ЕГАФ
РСФСР А.И. Миловидова в Наркомпрос РСФСР)**

Публикуемые документы выявлены в хранящемся в Архиве РАН личном фонде первого ректора Белорусского государственного университета, выдающегося историка-слависта академика В.И. Пичеты¹. Дело, в котором они находятся, имеет следующий заголовок “Записки о толковании мирного договора с Польшей Комиссии по разработке вопросов об эвакуированных предприятиях, сведения об эвакуированных и находящихся в Вильне печатей, книг, архивов, карты Польши и расселение поляков и др. документы Российско-Украинской комиссии по уполномочию договора с Польшей”. Хотя, как следует из содержания публикуемых документов, никакого отношения к деятельности Российско-Украинской комиссии по подготовке мирного договора с Польшей (именно ее секретарем был В.И. Пичета) они не имеют. Очевидно, что эти документы готовились накануне заключения Московского мирного договора, подписанного 12 июля 1920 г. между РСФСР и Литовской Республикой и содержавшего, как и в заключенных договорах 11 августа 1920 г. между Россией и Латвией и 18 марта 1921 г. между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой, статьи о размежевании архивно-музейно-библиотечного наследия².

Для того чтобы понять, каким образом в фонде В.И. Пичеты оказались публикуемые документы, следует познакомиться как с их автором, так и с деятельностью фондообразователя в 1920-е годы. Как известно, В.И. Пичета, будучи в 1918–1922 гг. профессором Московского университета, одновременно являлся и ответственным работником Главархива (Центрархива) РСФСР (был главным инспектором, зав. научно-теоретическим отделом и др.). Как один из лучших знатоков российских, белорусских, украинских архивов, он привлекался в качестве эксперта к подготовке мирных договоров России с Литвой, Латвией, а затем и с Польшей. Будучи секретарем Комиссии по подготовке мирного договора с Польшей, В.И. Пичета в сентябре 1920 г. выезжал в Ригу, где оставался продолжительное время³. С учетом этого обстоятельства вполне объяснимо нахождение именно в его личном архивном фонде документов, имеющих отношение к подготовке Московского договора с Литвой.

¹ АРАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 46. Л. 1–13.

² В договоре с Литвой это была ст. IX; в договорах с Латвией и Польшей – статья XI.

³ Сохранились его дневниковые записи об отъезде в Ригу 10 сентября 1920 г. в составе делегации (АРАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 201. Л. 1–3). На состоявшемся 17 сентября 1920 г. заседании коллегии Главархива РСФСР было принято решение “Исправление должности главного инспектора ввиду отъезда В.И. Пичеты в продолжительную командировку поручить ст. инспектору А.Ф. Изюмову” (ОА. 2010. № 5. С. 97). Судя по протоколам заседаний Главархива, командировка Пичеты продолжалась до конца октября или начала ноября 1920 г. По возвращении из Риги он был введен 5 ноября 1920 г. в состав особой комиссии для выяснения всех вопросов, связанных с передачей архивов Польше, 30 декабря этого же года – в межведомственную комиссию по вопросу о передаче польских архивов, избранную совещанием управляющих. (Там же. С. 99, 101).

Теперь об авторе документов – Александре Ивановиче Миловидове (1864 – после 1933), – более 20 лет прослужившем в библиотеках, архивах и музеях Вильно, как пишет он о себе в докладной записке в Наркомпрос РСФСР 27 апреля 1920 г., и от себя добавим, оставившем заметный след в истории архивного, музейного, библиотечного дела. Будучи представителем “западнорусского направления” в историографии, руководителем открытого в 1898 г. в Вильно музея бывшего “начальника Северо-Западного края” М.Н. Муравьева, монархистом по убеждениям, он в то же время нередко выступал с резкой критикой в адрес центральных российских властей и местной администрации за их индифферентное отношение к памятникам древности в белорусских и литовских губерниях⁴. Не вдаваясь в объяснение причин таких парадоксов в поведении Миловидова, отметим лишь, что до сих пор остаются актуальными и востребованными его исследования в области камеральной археографии, архивоведения, книговедения⁵.

Вынужденный спешно покинуть Вильно накануне его оккупации в сентябре 1915 г. немецкими войсками⁶, А.И. Миловидов перебирается в Петроград, где переживает две революции и оказывается, как и большинство людей его круга и убеждений, в сложном материальном положении. С созданием после 1 июня 1918 г. Главного управления архивным делом (Главархива) с двумя областными управлениями (Петроградским и Московским), А.И. Миловидов обращается с просьбой к возглавившему 16 июля Петроградское управление профессору С.Ф. Платонову⁷ предоставить ему какую-либо должность в архивном ведомстве⁸. Благодаря поддержке Платонова он

⁴ Об этом, в частности, он писал в статьях “Прошлое и современное положение археографии в Северо-Западном крае” (ЖМНП. 1904. № 9), “Виленский центральный архив (1852–1902)” (Там же. 1902. № 4), предисловии к Сборнику документов Муравьевского музея (Виленский временник. 1913. Кн. 6, ч. 1).

⁵ См., например, его работы: Судьба книги в Северо-Западном крае в связи с его культурной историей // Христианское чтение. 1903. № 9, 10; Описание Рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1903. Т. 4; Архив Пинского Лещинского монастыря // ЧОИДР. 1900. № 2; Старопечатные издания, вышедшие из западнорусских типографий XVI–XVIII вв. // Там же. 1908. № 1; и др.

⁶ В записке (док. 1) Миловидов пишет об оставленной им в городе значительной библиотеке, которую, наряду с библиотеками Ф.Н. Добрянского, Г.Я. Киприановича и др., следует вывезти из Вильны.

⁷ 20 июля 1918 г. С.Ф. Платонов сообщал в письме председателю Тверской ученой архивной комиссии И.А. Иванову об избрании его заместителем председателя Главного управления архивным делом, которое возглавлял Д.Б. Рязанов, “ученый, порядочный и добрый еврей, революционер-теоретик, к которому все члены управления относятся с признанием и расположением”. «После упорной двухмесячной работы в [Петер]б[урге] и Москве, – писал далее Платонов, – мы наладили “главное” и два “областных” архивных управления. Председателем в [Петер]б[ургском] управлении – я, а инспектором архивов пока, временно, проф[ессор] Пресняков. Председателем московского управления – проф[ессор] Любавский, его заместителем – С.А. Белокуров, а инспектором – проф[ессор] С.Б. Веселовский» (Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками: В 2 т. М., 2003. Т. 1: Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930 / сост. В.Г. Бухерт. С. 235).

⁸ В Каталоге архива С.Ф. Платонова под № 795 значится представление его в “Главное управление архивным и научно-книжным делом” о предоставлении “заведующему Виленским областным историческим (б. Муравьевским) музеем и соединенным с ним Политическим архивом б. Виленского генерал-губернаторства А.И. Миловидову постоянной должности или временного занятия” (Архив академика С.Ф. Платонова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Каталог / сост. В.А. Колобков. СПб., 1994. Вып. 1. С. 221).

был принят на должность старшего архивиста I отделения II секции Единого государственного архивного фонда⁹.

Перейдем теперь к характеристике публикуемых документов: докладной записки А.И. Миловидова в Наркомпрос РСФСР¹⁰ от 27 апреля 1920 г., сопровождавшей в свою очередь носившую характер экспертного заключения записку “Об эвакуированных из Вильны и оставленных там архивах, библиотеках и музеях”. Пока нет оснований достоверно утверждать, от кого исходила инициатива их подготовки: от А.И. Миловидова ли, как работника Петроградского управления (отделения) ГУАД, хорошо владевшего ситуацией с виленскими архивами, музеями и библиотеками, или от его непосредственных начальников, получивших в свою очередь задание на подготовку подобного рода заключения от внешнеполитического ведомства Советской России в связи с подготовкой договора с Литовской Республикой. Можно лишь предполагать о втором.

Как известно, именно в это время литовская сторона проявляла значительную активность в деле выработки проекта договора. Не затрагивая территориальных вопросов, обсуждение которых имело, безусловно, главное значение в этой работе, ограничимся лишь сформулированными в IX статье подписанного 12 июля 1920 г. договора положениями о распределении между РСФСР и Литовской Республикой культурных ценностей, включая архивные, музейные, библиотечные. Если верить очевидцу и участнику тех событий, руководителю Военно-дипломатической миссии Белорусской Народной Республики в Латвии и Эстонии К.Б. Езовитову¹¹ (1893–1946), именно в это время литовская делегация на мирных переговорах в Москве заявляла претензии на передачу Литовской Республике ряда архивных, музейных, библиотечных собраний, пребывавших в России.

Так, в предисловии к опубликованной отдельной брошюрой статье (на бел. яз.) известного белорусского архивиста и археографа Д.И. Довгялло “Литовская метрика и ее ценность для изучения прошлого Беларуси” (Рига, 1933)¹², Езовитов, в частности, пишет: «В 1920 году в связи с литовскими притязаниями на передачу в Ковно Литовской метрики, в Риге произошел очень интересный и поучительный белорусско-литовский эпизод. Проездом из Ковно в Москву в Риге задержалась литовская делегация на мирных

⁹ В соответствии с декретом “О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР” от 1 июня 1918 г. все ранее существовавшие в дореволюционной России архивы, составившие ЕГАФ, подразделялись на секции, которые в свою очередь делились на отделения. В Петрограде было создано 7 секций: I отделение II секции, которое возглавлял И.А. Блинов, включало бывш. Сенатский архив, насчитывавший до 5,2 млн дел.

¹⁰ Как известно, до конца 1921 г. Главное управление архивным делом находилось в ведении Наркомпроса.

¹¹ В годы Великой Отечественной войны К.Б. Езовитов входил в состав руководства Белорусской центральной рады, действовавшей под контролем оккупантов. Он возглавлял Главное военное управление, был генеральным инспектором “белорусских освободительных войск”, формировавшихся на территории гитлеровской Германии. 26 апреля 1945 г. арестован советской контрразведкой, умер, находясь в тюремной больнице.

¹² В основе статьи лежал одноименный доклад Д.И. Довгялло, с которым он в январе 1926 г. выступал на Первом съезде исследователей белорусской археологии и археографии. На основании доклада съезд принял резолюцию “О Литовской метрике”, первый пункт которой гласил, что это архивное собрание должно остаться в пределах СССР (Подробнее об этом см.: *Шумейко М.Ф.* Проблемы реституции архивов на Первом съезде исследователей белорусской археологии и археографии // Архивы и делопроизводство. (Минск). 2006. № 1. С. 93–99.

переговорах с РСФСР. В эту делегацию входил тогдашний министр по белорусским делам в Литовском Правительстве гражд. Д. Семашко, который без согласия белорусов был назначен на эту должность литовцами. (После демонстративного ухода в отставку гражд. И. Воронко, предложения которого не были приняты Литовским Правительством, белорусская общественность не пожелала выставить нового кандидата на должность белорусского министра и поэтому, дабы “поставить белорусов перед фактом”, Литовское Правительство назначило министром соглашателя Д. Семашко¹³.) Этому бойкотировавшемуся белорусами министру, литовская делегация поручила посетить проживавшего в Риге председателя эмигрантского Белорусского правительства гражд. В. Ластовского и добиться от него согласия на передачу в Ковно Литовской метрики»¹⁴.

Далее автор предисловия описывает конфуз, случившийся с литовской делегацией, все-таки добившейся через министра-соглашателя Д. Семашко “согласия” В. Ластовского на передачу литовской стороне Метрики на определенных условиях, а именно: подлежали передаче те документы Метрики, которые написаны на литовском языке; что же касается написанных по-белорусски документов, то литовская сторона навсегда отказывалась от претензий на них. Разумеется, такой “договор”, предъявленный литовской делегацией в Москве своим партнерам по переговорам, ничего, кроме смеха у последних, вызвать не мог, поскольку, как известно, в составе Метрики нет ни одного документа, написанного по-литовски.

Вполне возможно, что подготовка А.И. Миловидовым записок и была обусловлена чрезмерной активностью литовской стороны. На последнее обстоятельство, кстати говоря, указывает и их тональность: автор постоянно делает акцент на происхождении собраний (“созданные на средства государственной казны и описанные на этот же счет”), напоминает об удовлетворенных российским правительством в 1917–1918 гг. ходатайствах польских и литовских деятелей о возвращении им “некоторых книжных, рукописных и музейных собраний” и т.д.

Кроме архивоведчески-музееведчески-библиотечковедческого значения (записки дают представление об объемах хранившихся в виленских архивах дел, составе и количестве основных музеев, библиотек; указывают на места их вывоза накануне занятия Вильно германскими войсками и т.п.) публикуемые документы важны и в общеисторическом плане. Они свидетельствуют, что еще до начала полномасштабной советско-польской войны, в результате которой 14 июля 1920 г. 3-й конный корпус Г. Гая вступит в Вильно, уже ставился вопрос о возможности вывоза из этого города, занимаемого с апреля 1919 г. польскими войсками, некоторых архивных, музейных, библиотечных собраний...

Документы публикуются в соответствии с существующими в Беларуси археографическими традициями.

М.Ф. Шумейко

¹³ Д. Семашко сменил И. Воронко на посту министра белорусских дел в Правительстве Литовской Республики в апреле 1920 г.

¹⁴ Цит. по: НА РБ. Ф. 458 (К.Б. Езовитов). Оп. 1. Д. 67. Л. 18–26 (пер. с бел. яз.).

**Докладная записка старшего архивиста
I отделения II секции ЕГАФ РСФСР А.И. Миловидова
в Наркомпрос РСФСР “О возвращении из Вильны
оставленных там русских архивов, музеев и библиотек”**

Петроград. 27 апреля 1920 г.

При спешной эвакуации Вильны и других городов б[ывшего] Северо-Западного края в июле–августе 1915 г. там остались (в целом и в частях) ценные архивы, библиотеки и музеи, созданные, собранные и описанные русскими деятелями и на средства русской государственной казны. При политической автономии Литвы они сделаются ее государственной собственностью и потеря их для русской науки и русских ученых будет *невознаградима**.

Конечно, ученые работы возможны и за границей, но они дорого обходятся, доступны немногим, зависят от международных отношений и при веками воспитанном недружелюбном отношении к русским, последним могут быть и недоступны некоторые ценные научные материалы.

Затем, хотя из края и эвакуирована часть рукописных, книжных и музейных собраний, но подбор их при спешности эвакуации был сделан не всегда продуманно: увезены некоторые научные ценности, имеющие местное (краевое) значение, наоборот, оставлено то, что имеет значение преимущественно для Центральной России. Все это послужит сильным тормозом для ученых работ, особенно по истории и вспомогательным ей наукам.

Более 20-ти лет прослуживший в библиотеках, архивах и музеях Вильны, знакомый с их содержанием и научным значением, я, ввиду предполагаемых дипломатических переговоров с Литвой, беру на себя смелость обратить внимание Народн[ого] комиссар[иата] по просвещению, не найдет ли он возможным в интересах русской науки войти с представлением к Советскому Правительству: а) чтобы в договоре была предусмотрена возможность возвращения или обмена некоторых архивных, библиотечных и музейных собраний, б) чтобы при обсуждении этого вопроса для выработки условий были приглашены компетентные русские ученые, в) чтобы от заведовавших научными институтами г. Вильны были затребованы сведения о научных ценностях, оставленных там.

Считаю нужным напомнить, что в 1917–1918 гг. польские и литовские деятели в интересах своего национально-просветительного дела вошли с ходатайством к русскому Правительству о возвращении им некоторых книжных, рукописных и музейных собраний, и их ходатайство в значительной части было уважено.

В особой записке¹ я перечисляю оставленные в Вильне русские архивы (12 окружных, 8 губернских, 2 монастырских, 2 рукописных собрания), музеи (6, из них 3 также областные) и 6 наиболее ценных библиотек, указываю их происхождение и собрания, наиболее необходимые для возвращения.

При обсуждении моего предположения рекомендую ознакомиться с отчетом германского агента д-ра Хенигера, обследовавшего виленские архивы, библиотеки и музеи и напечатавшего свой отчет в *Zentralblatt Bibliothekswesen* (1916, № 9–10)¹.

А.И. Миловидов

*Вас[ильевский] Остр[ов]. 8 Л[иния], д. 19, кв. 20
27 апреля 1920 г.*²

АРАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 46. Л. 1–1 об. Машинопись с авторской правкой.

* Так в тексте.

¹ См. док. 2.

² Вписано от руки чернилами.

Записка А.И. Миловидова “Об эвакуированных из Вильны и оставленных там архивах, библиотеках и музеях”

Петроград б/д

Вильну до ее оккупации в 1915 г. можно было назвать городом архивов, библиотек и музеев. Там сосредоточено было содержащихся на счет казны архивов: 12 окружных, 8 губернских, 2 монастырских, 2 рукописных собрания. Сюда не входили архивы православных церквей, р[имско]-католических костелов, учебных заведений, общественных учреждений и рукописные собрания частных лиц. Библиотек, читален, книжных складов по официальным данным было 70, не считая библиотек при учебных заведениях, при правительственных и общественных учреждениях и у частных лиц. Музеев, доступных публике, и содержащихся на средства казны, было 6, но, кроме того, было 3 польских, один литовский, 5 значительных коллекций частных лиц.

Накопление такого большого (сравнительно с др[угими] губернскими городами и по количеству населения) богатства совершалось веками и при особых исторических условиях. Вильна с XIV в. сделалась административным центром обширной области, в ней сосредоточивалось административное и судебное делопроизводство, дававшее архивные материалы. Затем в XVI в. Вильна сделалась центром борьбы культур и народностей края, борьбы, базировавшейся на почве религиозного и национального самосознания и составлявшей главное содержание истории края. Главным орудием этой борьбы было просвещение и, в частности, школа и книга. В XVI в. в Вильне возникли по тому времени высшие школы: братская (русская), иезуитская академия (польская), кальвин[ист]ское (немецкое) училище и в XVII в. еврейская школа, сделавшаяся на некоторое время центром талмудической учености. Школа вызывала книгу, которая первоначально была рукописная, а с 1525 г. Вильна сделалась колыбелью русской печати, значительно *(на 69 лет)*^{3*} здесь опередившей печать польскую (литовцы начали печатать свои книги в крае только в XVIII в.).

При количественном господстве русского населения ($\frac{9}{10}$) в Литовско-Русском крае и официальном значении русского языка, русская книга с XVII в. занимала там царственное положение, но, подвергаясь гонениям и массовому истреблению (включая публичные *авто-дафэ*), она в конце этого столетия, когда (в 1696 г.) русский язык *в суде* и в официальной переписке был заменен польским, уступила свое место польской книге.

Русское правительство уже не нашло в крае библиотек из русских книг, но получило значительное архивное наследство, заключавшееся в архивах более чем 200 судебных учреждений, в архивах городских ратуш, монастырей и церквей православных, униатских, р[имско]-католических. Первоначально со стороны русского правительства и людей науки ничего не было предпринято к приведению в известность, к охране и описи архивов, но уже в первой четверти XIX в. вместе с пробуждением интереса к истории Западного края, архивы его привлекают внимание русских ученых и заботы местных администраторов.

В 1824 г. был издан первый археографический сборник “Белорусский архив древних грамот”², а в 1842 г. учреждена комиссия для разбора Литовского трибунала, в 1850 г. утверждено положение об учреждении по городам архивов и археографических комиссий, в 1852 г. открывается Виленский центральный архив древних актов книг. Но наибольшего развития архивное, а за ним библиотечное и музейное, дело в крае достигло после восстания 1863–64 гг., когда на полонизаторскую

^{3*} Здесь и далее выделенное курсивом вписано автором от руки чернилами.

польскую политику Русское правительство ответило политикой русификаторской, и к решению вопроса о правах на обладание краем были призваны письменные, печатные и вещественные памятники старины, которые при деятельном участии местного русского общества тщательно собирались, охранялись и описывались. Кроме того, в частности, развитию архивного дела в *крае* много способствовало то, что с учреждением Виленского генерал-губернаторства (1798 г.) Вильна снова сделалась административным центром, сосредоточием канцелярской переписки всего края.

В текущем столетии с ослаблением политической борьбы интенсивная работа русских деятелей по организации архивов, библиотек и музеев продолжается, но уже ведется вне всякой политики по научным методам.

Переходя к сообщению о виленских архивах, музеях и библиотеках, считаю нужным оговориться, что основанные на документах подробные сведения об их истории, статистике и научном значении находятся в моих сочинениях (список их прилагается^{4*}), но за *полную*^{5*} точность моих сведений об их полной судьбе не ручаюсь.

А. Архивы исторические учреждений, прекративших свое существование.

1) Центр[альный] архив [древних] актовых книг. В нем до 26 000 волюменов, содержащих свыше 13 млн актов XVI–XVIII вв. и охватывающих всю внутреннюю и внешнюю историю С[еверо]-З[ападного] края. Судебные акты и большинство официальной переписки до 1697 г. – на западно-русском наречии, писаны кириллицей. Часть этих актов (Россиенского и Тельшевского судов) вывезена в *Кострому или Ярославль*, но по моему мнению, для истории Литовской Руси необходимо вывезти и другие судебные акты XVI в., а также книги духовного трибунала, относящиеся к истории русских (православных и униатских) церквей и монастырей XVI–XVIII вв.; очень также важны магдебургии древних русских городов края – Минска, Пинска и др.; трибунал скарбовый (экономическая жизнь края) местностей с чисто русским (белорусским) населением.

2) Архив б. Виленского генерал-губернатора в здании архива присутственных мест, где сосредоточено до 673 984 дел. Хронологический масштаб ген[ерал]-губ[ернаторского] архива 1798–1912 гг., но есть и древние акты (древнейший относится к 1 мая 1523 г.), важнейшая часть (политическое отделение), входившая в состав исторического (б. Муравьевского) музея, вывезена всецело. Необходимо вывезти дела Особой канцелярии, дающие обильный материал для истории русской политики в крае, для истории борьбы культур и народностей, по вероисповедному и еврейскому вопросам в крае.

3) Архив Виленского полевого аудиториата 1863–1865 гг. Крайне необходим для истории революционного движения в России, находившегося с начала [18]60-х гг. в тесной связи с национальным польским движением (еще Герцен называл поляков первыми учителями русских революционеров). Эта связь особенно сказывается в процессах политических преступников: некоторые из них судились в Петербурге и Вильне, следственные дела о них и дополнительные справки встречаются как в архивах Министерства юстиции и б. Сената, так и в архивах Виленского полевого аудиториата. Можно думать, что этот небольшой архив уцелел и, может быть, остался незамеченным, по крайней мере д-р Хенигер в своем отчете о нем умалчивает.

4) Небольшой Муравьевский архив³ из дел разных присутственных мест (начиная с волостных правлений) 6 губерний края за время управления им М.Н. Муравьева (1863–1865 гг.); важен преимущественно для истории последнего польского восстания.

^{4*} Не публикуется (рукописный экз. списка приложен к записке; л. 14).

^{5*} Здесь и далее выделено автором док.

Б. Окружные архивы.

5) Архив канцелярии попечителя Виленского учебного округа с 1803 г., но встречаются документы более раннего времени. Наиболее важные дела: Виленского университета, о тайных обществах (*филалеты*^{6*}, лучезарные и др.), о преподавании русского языка, Закона Божьего, о реформах школы в крае. Желательно отобрать дела, наиболее характеризующие историю русского просвещения и науки в крае, историю русской политики, революционного и общественного движений. Все это находится в тесной связи с общей историей России.

6) Архив Литовской духовной консистории. Всего до 53 875 дел, начиная с 1688 г. Делопроизводство по церковному управлению, главным образом, Виленской, Гродненской и Ковенской губ[ерний]. Очень важен архив для истории православия и унии в С[еверо]-З[ападно]м крае. Часть архива вывезена в Москву (Данилов монастырь).

7) Архив штаба Виленского военного округа. Наиболее интересная его часть – о военных действиях в 1863–1864 гг. – передана уже в архив Генерального штаба.

8) Архив судебной палаты и окружного суда. В нем мне несколько известен громкий ритуальный процесс 40-х гг. и такого же характера дело Блондеса.

9) Архив виленско-ковенского управления землеустройства и государственных имуществ. Интересные дела по истории русского землевладения, лесного хозяйства и торговли в крае.

10–12) Архивы виленских округов: путей сообщений, таможенного, почтового имеют местное ведомственное значение. Насколько они эвакуированы, мне неизвестно.

В. Губернские архивы.

1) Архив канцелярии виленского губернатора. В нем заслуживает внимания секретный стол, содержащий ценные документы по истории революционных движений и вооруженных восстаний в крае (XIX в.). Вывезена только часть архива за последние годы.

2) Архив казенной палаты. В нем любопытные дела, относящиеся к истории Виленского университета (?).

3) Архив губернского правления. Наиболее интересные дела из него переданы в Муравьевский архив (за 1862–1865 гг.), но не эвакуированы.

4–8) Архивы губ[ернского] присутствия, контрольной палаты, дворянского депутатского собрания, приказа общественного призрения, городского театра. Несомненно, интереснее и содержательнее подобных же архивов губернских городов Центральной России, как содержательнее и сама жизнь окраинного и исторического города, долгое время бывшего центром края, *конкрецией*^{7*} его элементов, но я затрудняюсь указать сейчас, что следовало бы из них отобрать и вывезти – это можно решить на месте, мне известно только, что большая часть этих архивов осталась в Вильне.

Г. Архивы монастырские.

1) Троицкого монастыря, известного еще в XIV в. и бывшего одно время центром административного управления униатских (базилианских) монастырей. В нем целый шкаф неразобранных и почти неиспользованных наукой фасцикулов⁴, ценных для истории унии и базилианства. Так как шкаф помещался в темном углу на хорах собора и не отмечен в отчете Хенигера, то может быть он остался цел.

2) Архив Духовского монастыря, основанного в XVI в., и знаменитого тем, что это – единственный монастырь в крае, не изменивший православию; при нем в 1584 г. организовалось братство, служившее образцом для подобных же русских организаций в крае, существовавших до его оккупации. Дел в архиве до 3300, из них

^{6*} Так в тексте; вероятно, автор имел в виду филалетов или филаретов.

^{7*} Так в тексте.

15 пергаменных грамот (с 15...^{8*}) польских королей и великих князей литовских. Архив не эвакуирован.

Д. Рукописные отделения.

1) Весьма ценное отделение при Виленской публичной библиотеке, состоящее: а) из пергаменов (рукописи, грамоты и книги), всего до 1000 на церк[овно]-слав[янском] и иностранных языках, древнейшие с XI в.; б) из рукописей на бомбицине⁵ и бумаге, на церк[овно]-слав[янском], рус[ском] и иностранных языках; в) из сборников различного содержания (их до 5000); г) из писем и автографов (свыше 35 000). Самое ценное, несомненно, эвакуировано, но многое и осталось; по крайней мере, д-р Хенигер не без удовольствия отмечает, что он нашел корзины с упакованными в них рукописями. Все, что осталось из отделения, должно быть возвращено России, так как принадлежит ей частью как военная добыча, но больше как приобретение на русские деньги, собранные и описанные русскими деятелями.

2) Рукописное отделение при Историческом (б. Муравьевском) музее незначительно по количеству, но ценно по содержанию (записки, дневники, письма и пр.). Эвакуировано всецело.

II

Из виленских шести музеев, содержащихся на средства казны, первое место занимает музей при Публичной библиотеке. Он состоит из 2-х отделений:

1. Музей археологический, местного и общенаучного значения. В нем обширный отдел первобытных (доисторических) древностей (раскопки). Из них витрина со скандинавскими отбивными орудиями (неолит) может быть украшением любого русского музея. Кроме того, в музее значительные коллекции нумизматики (есть уники и раритеты), церковных древностей, сфрагистики, оружия, бижутерии, керамики, живописи, гравюр. Эвакуирована ценная часть музея, но большая половина осталась. По моему мнению, из доисторической культуры могут быть оставлены лишь предметы, добытые путем раскопок *в пределах* современной Литвы, оставлены также те предметы других отделов, которые имеют местное (краевое) происхождение и значение. Художественный отдел должен быть возвращен России всецело, так как составлен из пожертвований русских учреждений и лиц. Из всех этих возвращенных виленских коллекций, вместе с эвакуированными в 1915 г., может быть организован особый музей, например, в Смоленске, как близком к Белоруссии и значительно схожем с ней по этнографическому составу населения (западные уезды) и по культуре (особенно первобытной).

2. Музей естественно-исторический включает в себя весьма ценную орнитологическую коллекцию; особенно хорошо представлены колибри; такой коллекции, кажется, нет в других русских музеях. Кроме того, в музее богатая минералогическая коллекция, коллекция яиц, растений, есть предметы палеонтологии. Местные флора и фауна представлены слабо. Эвакуирована из музея небольшая часть.

3. Исторический (б. Муравьевский) музей (во флигеле дворца) вывезен всецело (*systematisch ausgeräumt* – по выражению германского отчета).

4. Педагогический музей (в здании Виленского учебного округа) с библиотекой, большой коллекцией приборов, наглядных пособий. Создан исключительно на средства казны. Что эвакуировано – мне неизвестно.

5. Военный музей при Военном собрании. В нем, кроме оружия (холодного и огнестрельного, старого и современного), значительная коллекция предметов быта, вывезенных из Японии и Китая, а также коллекция автографов. Эвакуирована большая часть музея.

^{8*} Край листа оторван, так что полностью год не читается.

6. Литовское епархиальное древлехранилище (в Троицком монастыре над воротами). Учреждение молодое, но в нем очень ценные раритеты униатского церковного ритуала; заслуживают внимания произведения униатской живописи, старопечатные книги и рукописи. Насколько древлехранилище эвакуировано – мне точно неизвестно.

III

Из книжного богатства г. Вильны я назову библиотеки и склады, содержащиеся на государственные средства и доступные публике.

1) Публичная библиотека. По количеству и научной ценности книг она занимает третье место в России и первое среди провинциальных библиотек. В ней свыше 250 000 т[омов] (из них до 50 000 т[омов] на русском языке), ценный отдел старопечатных книг церк[овно]-слав[янских] (270) и иностранных (инкунабул 1500 г. – 170, за 1500–1550 гг. – 585 т[омов]), отдел ценных художеств (альды, эльзевир) иллюстрированных изданий XVI–XVIII вв. (152 т[ома]), из них 10 уник и до 30 раритетов, составляющих гордость больших библиотек Европы. Эвакуирована незначительная, хотя более ценная часть библиотеки. Я полагал бы просить о возврате всего русского отделения как приобретенного на русские деньги и пожертвования, а также весь старопечатный отдел как собранный, описанный русскими работниками на средства казны. Иностранный отдел (около 125 000 томов), за исключением раритетов, можно оставить в библиотеке, так как большинство его составляют сочинения богословского содержания (орфодоксалы), не соответствующие современным задачам просвещения, а книги научного содержания устарели. В виде компенсации можно возратить [в] библиотеку эвакуированный картоновый каталог, без которого пользование ею^{9*} очень затруднительно.

Кроме Пуб[личной] [библиоте]ки общеобразовательного и академического типа в Вильне публике были доступны бесплатно библиотеки при музеях с специальным подбором книг. Так, при Муравьевском музее была краевая историческая библиотека из сочинений на разных языках по истории Белоруссии, Литвы и Польши, при Педагогическом музее – была исключительная (25 000 т.) библиотека по педагогике и дидактике, при Военном музее – по истории, технике и стратегии военного дела. Из 18 библиотек при учебных заведениях и *общественных учреждениях* Вильны выделялись: библиотека духовной семинарии и 1-й гимназии. В первой, кроме книг по разным дисциплинам, была коллекция старопечатных книг, между ними – первенец церковно-славянской печати – Часослов краковского издания. *Библиотека не эвакуирована и упоминается в германском отчете*^{10*}.

Нельзя пройти молчалием два русских книжных склада: один – изданий Виленского учебного округа (в здании округа) и 2-й – изданий Виленского ген[ерал-]губернатора и Муравьевского музея (под чердаком флигеля дворца). В этих складах преимущественно археографические издания, причем есть еще не поступившие на книжный рынок, и если они не расхищены, то ценность их миллионная.

Необходимо выговорить возвращение значительных библиотек русских подданных, б[ывших] виленских жителей (известные библиотеки Ф.Н. Добрянского⁶, А.И. Миловидова, Г.Я. Киприановича⁷ и др.).

В короткой, спешно составленной записке, трудно было дать все исчерпывающие сведения о виленских архивах, музеях и библиотеках, почему для детального ознакомления отсылаю к печ[атным] статьям о них моим и др. авторов; могу также

^{9*} В тексте: им

^{10*} Дописано от руки.

сделать пояснение лично и сообщить сведения об архивах и книжных сокровищницах в др. городах С[еверо]-З[ападного] края.

А. Миловидов

В[асильевский] О[стров]. 8 л[иния], д.19, кв. 20^{11}*

АРАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 46. Л. 9–13 об. Машинопись с авторской правкой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ “Zentralblatt für Bibliothekswesen” (“Центральный библиотечный журнал”) – немецкий библиотечный журнал, основан в 1884 г. Издается ежемесячно в Лейпциге. Публикует статьи по теории и практике библиотечного дела.
- ² Издан в Москве, в типографии С. Селивановского; составитель – гомельский протоиерей И. Григорович (1792–1852), член “румянцевского кружка”.
- ³ Подробнее о нем см. монографию польского архивиста Р. Меницкого “Archivum Murawiewskie w Wilnie 1898–1901–1936”. (Warszawa, 1937).
- ⁴ Фасцикул – связка несброшюрованных в дело документов.
- ⁵ Бомбицина – (лат., от греч. *Vombus* – шелковичный червь) – бумага, ввозившаяся в Европу с Востока в Средние века, отличалась рыхлостью и толщиной. Использовалась в X–XV вв.
- ⁶ Добрянский Флавиан Николаевич (1848–1919) – историк, археограф; в 1902–1913 гг. возглавлял Виленскую археографическую комиссию, с 1914 г. – директор Виленского еврейского учительского института. Автор-составитель описания рукописей Виленской публичной библиотеки (1882). В 1915 г. эвакуировался из Вильно; дальнейшая судьба неизвестна.
- ⁷ Киприанович Григорий Яковлевич (1846 – после 1915) – церковный историк, педагог, автор исследований по истории церковной Унии и других работ.

ПИСЬМА АРХИЕПИСКОПА ЛУКИ (В.Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО) А.М. ФОКИНУ 1934–1937 гг. И ВОСПОМИНАНИЯ А.М. ФОКИНА ОБ АРХИЕПИСКОПЕ ЛУКЕ (В.Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОМ) 1968 г.

В хорошо документированной, опирающейся не только на письменные, но и, в значительной степени, на устные источники биографии В.Ф. Войно-Ясенецкого¹, написанной М.А. Поповским² о родственнике академика В.И. Вернадского – А.М. Фокине³ – не упоминается. Очевидно, ни сам А.М. Фокин, ни его “Воспоминания об архиепископе Луке” М.А. Поповскому не были известны, так же как и автору другой книги о В.Ф. Войно-

¹ Лука (Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) (1877–1961) – хирург, духовный писатель, архиепископ Красноярский (1942–1944), Тамбовский и Мичуринский (1944–1946), Симферопольский и Крымский (с 1946 г.). См.: *Поповский М.А. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого архиепископа и хирурга.* Нью-Йорк, 1996.

² Поповский Марк Александрович (1922–2004) – писатель, журналист.

³ Об Анатолии Михайловиче Фокине (1892–1979) – историке, геологе и писателе подробнее см.: Незданная работа А.М. Фокина 1943 г. “Ключевский и Платонов” / подгот. В.Г. Бухерт // АЕ за 2007–2008 годы. М., 2012. С. 513–528.

Ясенецком – В.А. Лисичкину⁴. Между тем эти воспоминания относятся к числу весьма ценных источников сведений о В.Ф. Войно-Ясенецком, и не только о нем.

А.М. Фокин находился в ссылке на севере (Архангельск, Онега, Печора, Кольский полуостров, Карелия) с 1930 г.⁵, а 6 мая того же года в Ташкенте “по сфабрикованному обвинению в соучастии в убийстве”⁶ профессора И.П. Михайловского⁷ был арестован архиепископ Лука⁸. В марте 1931 г. архиепископ Лука был отправлен в ссылку, сначала в Котлас, а затем – в Архангельск⁹. О своем пребывании в ссылке он вспоминал: “В первый год жизни в Архангельске я испытывал большие затруднения в отношении квартиры и был почти бездомным. Не только врачи больницы, но, к удивлению моему, даже епископ Архангельский¹⁰, встретили меня довольно недружелюбно”¹¹. Начало своего знакомства с архиепископом Лукой А.М. Фокин относит к августу 1931 г., когда он предложил архиепископу временно поселиться у себя в комнате на одной из центральных улиц города – Новгородском проспекте. Их совместное проживание продолжалось, по свидетельству А.М. Фокина, “около трех месяцев”. Этому периоду в основном и посвящены воспоминания А.М. Фокина. Архиепископ Лука стал для него духовным “руководителем”¹².

О возвращении А.М. Фокина из ссылки есть упоминание в письме В.И. Вернадского жене от 16 июня 1933 г. Сообщая об этом событии, В.И. Вернадский с уважением писал о А.М. Фокине: “Он молодцом выходит из трудностей жизни”¹³.

Архиепископ Лука был освобожден из ссылки и выехал в Москву в конце 1933 г.¹⁴ В последующие годы он состоял с А.М. Фокиным в переписке¹⁵, некоторые из писем архиепископа А.М. Фокину сохранились. Последнее из них датировано 2 июня 1937 г., а 23 июля того же года архиепископ Лука был арестован по обвинению в том, что является “активным участником всесоюзного церковного центра”¹⁶ во главе с бывшими митрополитами Кириллом¹⁷

⁴ Лисичкин В.А. Лука, врач возлюбленный: Жизнеописание святителя и хирурга Луки (Войно-Ясенецкого). М., 2009.

⁵ АРАН. Ф. 1604 (Н.М. Дружинин). Оп. 4. Д. 817. Л. 189 об.

⁶ Лисичкин В.А. Указ. соч. С. 191.

⁷ Михайловский Иван Петрович (1876–1929) – физиолог, профессор САГУ.

⁸ *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)*. “Я полюбил страдание...”. М., 1999. С. 68. Сам архиепископ Лука в своих воспоминаниях пользуется старым стилем и указывает датой своего ареста 23 апреля 1930 г.

⁹ Лисичкин В.А. Указ. соч. С. 207.

¹⁰ Аполлос (Аполлос Никанорович Ржаницын) (1872–1937) – епископ Тотемский, викарий Вологодской епархии (1927–1929), Нядомский, викарий Вологодской епархии (1929–1931), Архангельский и Холмогорский (1931–1933), Моршанский (1937).

¹¹ *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)*. Указ. соч. С. 72.

¹² АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 102.

¹³ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. 1909–1940. М., 2007. С. 232.

¹⁴ *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)*. Указ. соч. С. 76.

¹⁵ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 102.

¹⁶ Лисичкин В.А. Указ. соч. С. 228–229.

¹⁷ Кирилл (Константин Илларионович Смирнов) (1863–1937) – епископ Гдовский, викарий С.-Петербургской епархии (1904–1909), епископ (с 1913 г. архиепископ) Тамбовский и Шацкий (1909–1918), митрополит Казанский и Свияжский (с 1918 г.).

и Иосифом¹⁸. В марте 1940 г. он снова был отправлен в ссылку в Красноярский край¹⁹.

Воспоминания А.М. Фокина об архиепископе Луке, датированные 18–19 января 1968 г., были обнаружены в фонде друга А.М. Фокина академика Н.М. Дружинина²⁰.

Письма В.Ф. Войно-Ясенецкого публикуются по автографам в соответствии с современными правилами правописания, при сохранении их стилистических особенностей. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

В.Г. Бухерт

Письма В.Ф. Войно-Ясенецкого А.М. Фокину

№ 1

Ташкент. 10 мая [1934 г.].

Многоуважаемый Анатолий Михайлович!

Письмо Ваше я получил и благодарю за память обо мне. От Георгия Васильевича¹ и Бориса Измайловича² Вы, вероятно, знаете историю моей работы с Вальневой³, столь неожиданно прервавшейся. После увольнения Вальневой мне нечего было делать в Архангельске, и хотя мне предлагали там кафедру по хирургии, я уехал в Ташкент. Здесь я очарован роскошью южной природы и в первые дни чувствовал себя точно в волшебном сне. Какой огромный контраст с серым, плоским, деревянным Архангельском! Я обратился здесь в Наркомздрав за работой, и мне обещали, но теперь выясняется, что, очевидно, никакой, даже амбулаторной, работы не дадут. Ничего не остается кроме частной практики в Ташкенте, но и то нет уверенности в завтрашнем дне. А деньги нужны, т.к. дочь моя заболела туберкулезом легких, а муж ее очень дурно относится к ней и не даст денег для курортного лечения. Придется мне самому позаботиться о курорте не только для нее, но и для младшего сына, и для обоих понадобится около 1200 р. Мое положение здесь очень тягостно в церковном отношении, т.к. единственная наша часовня на кладбище держится на волоске и М[итрополит] Арсений⁴ опасается, что мое появление в ней ускорит ее закрытие. Уже 2 воскресенья и Преполовение я провел дома по этой причине, но ведь близится Вознесение и Троица; каково будет мне тогда без Богослужения! От самой Пасхи я не был в церкви.

Книга моя⁵ все еще не вышла; она еще в январе была набрана, но не хотят печатать на плохой бумаге, а хорошей, вероятно, не скоро дождутся.

Господь да поможет Вам устроиться на лето с семьей. Вполне ли благополучно кончилась скарлатина у Вашей маленькой дочурки?⁶

Всегда молюсь о Вас и семье Вашей.

Е[пископ] Лука

10. V

Ташкент, ул. Свердлова, 5.

ЦИАМ. Ф. 2049 (А.М. Фокин). Оп. 1. Д. 60. Л. 7–7 об. Автограф.

¹⁸ Иосиф (Иван Семенович Петровых) (1872–1937) – епископ Угличский, викарий Ярославской епархии (1909–1919), архиепископ Ростовский, викарий Ярославской епархии (1920–1926), митрополит Ленинградский (1926–1927).

¹⁹ Лисичкин В.А. Указ. соч. С. 313.

²⁰ Дружинин Николай Михайлович (1886–1986) – историк, академик АН (с 1953 г.).

[Андижан]. 20 сентября 1934 г.

Многоуважаемый Анатолий Михайлович!

Я давно уже послал Вам письмо по московскому Вашему адресу, в котором общал, как Господь устроил меня в Андижане консультантом городской больницы. Надеюсь, что Вы все-таки получили это письмо, хотя и живете очень далеко от Москвы. Теперь Вы в заполярной стране, а я в субтропической. С житейской стороны мне здесь очень хорошо, но Господь продолжает и здесь ряд тяжелейших испытаний моей веры и надежды. Месяц т[ому] н[азад] я почти совсем ослеп на левый глаз вследствие отслойки сетчатки. Это тяжкая болезнь, приводящая к полной слепоте в 92% и распространяющаяся в $\frac{1}{3}$ случаев и на второй глаз, обычно наблюдается при высокой близорукости, а при средней, как у меня, составляет редкость. Вы понимаете, конечно, что главная тяжесть этого испытания заключается для меня в духовной его стороне, в непонятности его цели и значения. Кроме отслойки сетчатки, Господь послал мне экзему пальцев, которой я страдаю больше 2-х лет. Перед приездом в Андижан она совсем прошла, а теперь снова появилась. Точно Богу не угодно, чтобы я снова занимался хирургией, и тяжелыми болезнями он преграждает мне хирургический путь. Но ведь, как я Вам писал, все складывалось таким образом, что я считал согласным воле Божией свое возвращение к хирургии при невозможности продолжения архиерейского пути. И в этом мучительном недоумении состоит главная тяжесть моего, почти безвыходного, положения. Уйти от работы теперь, когда 2-й⁷ и 3-й сыновья мои, наконец, попали [в] университет, нельзя, да и некуда деваться.

Архиерейское служение при настоящих условиях я считаю морально невозможным, да и фактически оно станет очень скоро для всех невозможным. И вот, видя, что моя хирургия негодна Богу, я только ограничиваю ее по необходимости, ибо трудно, а иногда и небезопасно оперировать с одним глазом и экземой. Охотно ушел бы в монастырь, но где же его найти? Вспоминаю, что Вы говорили о Чердыни, но ведь и там сегодня есть, а завтра не будет. До сих пор я не лечился, предоставляя свой глаз на волю Божию, но теперь решил поехать в Москву, где проф[ессор] Одинцов⁸ делает новую операцию Gonin'a⁹ при отслойки сетчатки и получает 50% выздоровлений. Завтра поеду в Ташкент для консультации с тамошними профессорами, а оттуда в Москву.

Вышла, наконец, моя книга, но издана очень плохо, даже без переплета; рисунки изуродованы, некоторые до полной потери смысла. Но и то, слава Богу. Ведь 5 лет ждала она напечатания.

Радуюсь за Вас, что Вы опять вместе с семьей. Неустанно молюсь о всех вас и Вашей покойной дочери. Господь да сохранит и благословит вас всех.

Е[пископ] Лука

20.IX.1934 г.

ЦИАМ. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 60. Л. 1-2. Автограф.

[Ташкент]. 19 августа [1935 г.].

Дорогой Анатолий Михайлович!

Я так сильно занят, что долго не мог найти время написать Вам. И теперь $\frac{1}{2}$ двенадцатого ночи, а завтра в 6 ч. утра пришлют за мной машину, повезут на аэродром, и в третий раз уже полечу в Сталинабад (630 км, 4 ч. 40 м. лета), куда меня вызывают к большим людям. В прошлый полет Господь помог мне спасти

от смерти бывшего секретаря Ленина, Н.П. Горбунова¹⁰, теперь начальника Памирской и других экспедиций. У него была газовая флегмона, дающая 70–80% смертности. Конечно, я единственный в СССР архиерей, летающий под небесами (2250 метров через горы). Полеты достаются не легко, т.к. мучает рвота. Работа в Ташкенте идет отлично, но катаплазмами В.М. Вальневой я несколько разочарован. Положение мое в Ташкенте блестяще, но это несколько не облегчает тяжелой тоски по священнослужению. Глаз мой, конечно, стал видеть гораздо хуже, чем в январе, но все-таки я собираюсь поехать в сентябре опять на операцию, ибо она нередко удается во второй раз, а духовные препятствия к этому, с Божьей помощью, устранены. Радуюсь за Вас и Ваших деток, что провел вас Господь в такое благодатное место, и сердечно желаю Вам преодолеть все трудности Вашей работы.

Примите привет мой, любовь и благословение мое и передайте их Марии Марковне¹¹, всем деткам Вашим и Марии Михайловне.

Всегда молюсь о Вас и прошу молитв Ваших.

Е[пископ] Л[ука]

19/6 августа

(день Преображения Господня)

ЦИАМ. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 60. Л. 10–10об. Автограф.

№ 4

Ташкент. [1935 г.].

Дорогой Анатолий Михайлович!

Слава Богу, что благополучно кончился Ваш карбункул, несмотря на очень плохое лечение, которое так оценить могу по Вашему описанию. А карбункул бывает и опасным для жизни. Впрочем, не только краснополянские, но и многие столичные хирурги очень убоги в области гнойной хирургии; и хорошо Вы сделали, что не поехали в Сочи, т.к. там Вас лечили бы несколько не лучше. Я оказываюсь белой вороной в этой области, и о моем вчерашнем докладе (о флегмонах лица) врачи говорили, что это был не доклад, а лекция для младших товарищей. В моей работе очень явна помощь Божия, и идет она превосходно. Зреют важные научные работы. Через 2 недели буду делать доклад (предварительное сообщение) о лечении по способу В.М. Вальневой. Это будет большая сенсация, но мои врачи очень волнуются, т.к. ждут озлобленных нападков на меня, еще худших, чем было в Архангельске. Я, однако, ничего не боюсь, т.к. на этом деле явное благословение Божие. В сентябре-октябре я ездил в Москву для вторичной операции на глазу, но она только ухудшила состояние моего глаза, и он уже совсем ослеп. Далеко не покоен я и за правый глаз, т.к. усиливаются признаки разжижения стекловидного тела; впрочем, вижу им теперь хорошо и свободно оперирую. В Москве я долго говорил с М[итрополитом] Сергием¹² о том, что считаю потерю глаза Божьим наказанием за отход от служения церковного и выразил готовность служить, но он не считает возможным теперь и на ближайшие годы куда-либо меня назначить. Виделся с Георгием Васильевичем и Борисом Измайловичем. Оба они живут по-прежнему. Очень скорблю о тяжелой участи Ив[ана] Ник[олаевича] К.-З., но думаю, что он чем-нибудь серьезным провинился.

Радуюсь о Ваших детках и всегда молюсь о всей Вашей семье. Мои дети гордятся мною, а я ими, ибо все они идут по прекрасному пути, старший пишет диссертацию на кандидата мед[ицинских] наук, а потом и докторскую, средний

и младший блестяще учатся и очень выдаются на своих курсах, и даже замужняя дочь поступила на последний курс рабфака и в следующем году поступит на мед[ицинский] факультет. Они цветут, а я старею, слабеет память, и сердце неважно, и ноги ослабели от расширения вен, которым страдаю 12 лет, от первой ссылки.

Господь да благословит всех Вас и да устроит жизнь Вашу.

Епископ Лука

Ташкент, тупик Фигельского, 2.

ЦИАМ. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 60. Л. 12–13. Автограф.

№ 5

Ташкент. [Июль 1936 г.].

Анатолию Михайловичу и Марии Марковне с детьми мир и благословение.

Посылаю Вам свою газетную статью, из которой Вы поймете что случилось. В.М. Вальнева 8/VII уехала в Архангельск, и сегодня я получил от нее письмо, в котором она сообщает, что не нашла квартиры в Архангельске и поселилась в Цигломени¹³, где практики не имеет. Я буду продолжать дело без нее, и недавно послал директору кафедры ботаники АЛТИ¹⁴ 300 р. на сбор для меня Вальневских трав (Вера Мих[айловна] отказалась их прислать). Работа моя по гнойной хирургии идет отлично, и быстро накаплиются очень ценные материалы для книги о флегмонах, которую на днях начну писать и надеюсь кончить через 1/2 года. Надеюсь, что на это время Господь сохранит мое зрение, а что будет дальше – не знаю, т.к. последний мой глаз далеко не благополучен: в нем появилось помутнение стекловидного тела, служащее симптомом воспалительных или дегенеративных процессов в сетчатке или сосудистой оболочке глаза, а это легко может привести к отслойке сетчатки и к полной слепоте. Пока я вижу правым глазом хорошо, но он, все-таки, под тяжелой угрозой слепоты. Конечно, я в первое время тяжело переживал появление помутнения, но скоро успокоился и в значительной мере примирился с грозящей мне слепотой в надежде, что вместо зрения телесного Господь мне даст зрение духовное. Вместо покойного Митр[ополита] Арсения у нас теперь Арх[иепископ] Борис (Шипулин)¹⁵, чистая, добрая и благочестивая душа. Его отношение ко мне не оставляет желать ничего лучшего. На днях я получил радостную весть об открытии в Ялте храма Александра Невского, закрытого в 1928 году и о таком же открытии храма в Иваново-Вознесенске. Слава и благодарение Богу!

За невозможностью найти квартиру в Ташкенте мне пришлось купить маленький, но чрезвычайно приятный домик с садом на тихой улице, где можно будет сосредоточиться на писании книги. Ради нее я недавно стал изучать английский язык и делаю в нем быстрые успехи, удивляющие моего учителя. Уже читаю со словарем научные статьи и думаю, что через 2–3 месяца буду читать довольно свободно.

Радуюсь тому, что Вы мне писали о своих детях, но боюсь, что очень трудно будет Вам, и вряд ли даже возможно, сохранить их в детском благочестии, особенно Наташу¹⁶, ибо влияние на молодежь коммунистических идей колоссально.

Всех вас сохранит и благословит Господь!

Любящий вас и всегда молящийся о вас

Е[пископ] Лука.

г. Ташкент, I проезд Воровского, 23.

ЦИАМ. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 60. Л. 15–16. Автограф.

[Ташкент]. 2 июня 1937 г.

Воистину воскрес Христос, дорогой Анатолий Михайлович!

Я едва нашел в себе силы оторваться от своей писательской работы, чтобы ответить Вам, и сегодня только потому оторвался, что мелкие неприятности целого дня выбили меня из колеи и лишили необходимого для работы спокойствия.

Лишенный возможности священнослужения, я весь ушел в научную работу и исполняю ее в форме служения Богу. Поразительная и совершенно явная помощь Божия в этой работе укрепляет меня в убеждении, что это действительно угодное Богу дело. Книга, которую я готовлю, спасет от страданий, увечий и смерти сотни тысяч больных, ибо по ней тысячи врачей научатся гнойной хирургии. Считая писание книги угодным Богу делом, я напрягаю все свои силы, чтобы поскорее закончить его, не пользуясь отпусками и каждые $1\frac{1}{2}$ часа, потраченные на другие дела, считаю потерянными. Очень многое новое и весьма важное, к чему я пришел за 3 (почти) года хирургической работы после ссылки, я решил опубликовать сперва в виде отдельных журнальных статей (числом 6–7), а потом внести в виде дополнений в [о] второе издание своих “Очерков гнойной хирургии”¹⁷, которое почти вдвое увеличится в своем объеме (до 500–600 стр.) и станет классическим руководством гнойной хирургии (ибо уже о первом издании книги рецензенты писали, что она будет настольной книгой хирургов, и я со всех сторон получаю восторженные отзывы о ней). Так сбывается на мне Божие слово: “прославляющего Мя прославлю”. Я не хочу, однако, славы для себя, а горю надеждой, что крупный научный труд, написанный епископом, станет всенародной хвалой Богу. Поэтому так и спешу поскорее вознести эту хвалу. Мне уже 60 лет, и вряд ли еще долго проживу. Как же не спешить? Недавно я отправил в печать первую, самую крупную статью о глубоких флегмонах лица, а теперь усиленно работаю над второй, о флегмонах стопы и надеюсь закончить ее через 2–3 недели. Если мне недостает нужного случая для подтверждения какого-либо моего теоретического положения, то всегда, именно в самый нужный момент, Господь посылает мне именно такого больного, которого мне недостает. Это прямо поразительно и повторялось уже немало раз. Митр[ополит] Алексей Ленинградский¹⁸ пишет мне, что моя вера дает мне неизмеримое преимущество над обыкновенными учеными, служит светочем в моей научной работе и открывает мне многое то, чего не видят и не замечают не имеющие этого светоча. Это, конечно, глубоко верно. Очень укрепляет меня в нынешнем пути моем и благодатная помощь Духа Святаго в молитве. Ибо Вы знаете, что святые отцы, встречаясь друг с другом, первым делом спрашивали: “отче, как идет молитва?”. Итак, по великой милости Божией, блестяще идет моя научная работа и не оскудевает молитва моя. Изнемогаю от усталости вследствие постоянной осады больными, которых далеко, далеко не могу удовлетворить. Продолжаю изредка летать под небесами, и, может быть, завтра полечу в Сталинабад, за 590 км. Это будет уже 7500 км моего летного стажа.

Большое горе у меня с младшим сыном (ему 24 года), который уже 6 лет болеет слабо выраженным туберкулезом легких. Это прекрасный и нравственным отношении молодой человек, чрезвычайно талантливый и блестяще учащийся на 3-м курсе мед[ицинского] инст[итута]. Он был в Москве у Постниковых и Моисеевых. Завтра посылаю его в Ферганский горный курорт. Часто у него бывает недомогание и боль в боку, не дающие возможности заниматься. Хотя у него и благоприятная, фиброзная форма туберкулеза, но конечно со временем она может перейти и в тяжелую.

Другое горе с дочерью, у которой муж совершенно невыносим по своим нравственным качествам и развратности. Она мучается с ним 11 лет, и теперь с большой остротой встал вопрос о разводе.

Кончаю письмо через 5 дней, вернувшись из Сталинабада. Там очень ухаживают за мною и официально приглашают отдохнуть в горах, где рай земной, на даче Совнаркома. Может быть поеду в июле¹⁹.

С Вашей Наташей было что-то исключительно тяжелое и опасное. Такие заболевания сплошь и рядом кончаются тяжелыми параличами. Господь помиловал и спас!

Прошу Вас передать мой сердечный привет и благословение Георгию Васильевичу и Елене Семеновне, Борису Измайловичу и Вере Викторовне. Дайте и им прочесть это письмо.

Вас и семью Вашу и Нину Михайловну да благословит Господь.

Любящий Вас Е[пископ] Лука

2. VI 1937 г.

ЦИАМ. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 60. Л. 3–5. Автограф.

А.М. Фокин

Воспоминания об архиепископе Луке

С архиепископом Лукой, в миру Валентином Феликсовичем Войно-Ясенецким, я был знаком в течение последних тридцати лет его жизни. Временами связь между нами прерывалась, восстанавливаясь снова, но глубокое впечатление от духовной личности Владыки меня не покидало ни при каких обстоятельствах.

Знакомство наше состоялось в первой половине августа 1931 г. в Архангельске. За год пребывания там я успел обжиться и занимал комнату в благоустроенном деревянном особнячке на одной из лучших улиц города – Новгородском проспекте. Это мне давало возможность оказывать временный приют некоторым вновь прибывшим товарищам по высылке. Колония, задержавшихся в Архангельске высланных в Северный край, представляла собой осадки высылки, последовательно проводившихся с конца 1923 г., причем некоторые высланные по окончании своего срока, в силу разных бытовых причин, оставались жителями Архангельска. Состав архангельских высланных своей пестротой отражал население тюрем того времени, но группировался по живучим социальным признакам с личными выходами за их круг. Моя экспансия от так называемых бывших людей, к которым я относился, шла в двух направлениях: духовенства и близких мне по прежней деревенской деятельности высланных крестьян, из которых набирались рабочие для буровых партий. Незадолго до того потеряв старшую дочь²⁰, я находил утешение в церкви и московский экономист, деятельный Георгий Васильевич Постников, глубокий церковник, мистик эсхатолог неумолимо сводил меня с новыми представителями церковного мира. Одним из них был образованный московский священник о. Владимир Страхов²¹, до прискания комнаты живший недели две у меня, и в ставший памятным погожий, совсем летний, августовский день я зашел к нему на новоселье.

В просторной комнате обычного архангельского деревянного дома жизнерадостный экспансивный о. Владимир, ни в чем не сохранявший обличье священника, представил меня своему гостю, которым был Владыка Лука. Только что выпущенный с этапа, он не имел пристанища и я с первых слов предложил ему пожить у меня до приезда ко мне семьи. Он был довольно высок ростом, степен и еще не полный, а лишь дороден. Несмотря на пятьдесят лет с небольшим, почти белые его густые волосы, подстриженные на среднюю длину, как когда-то носили на Руси, и такая же пышная, подстриженная до груди, борода делали его старше. Выпуклый большой лоб и коротковатый нос придавали ему сходство с Сократом²² в украшенном виде. Большие, строгие, серые глаза прикрывались очками с толстыми стеклами. Одет он был в серую толстовку и на ногах сапоги, все очень аккуратное. Когда поднялся, в

движениях его чувствовалась легкость и сила. Голос у него был несколько приглушенный и тон спокойно докторальный. Сочетание профессорского облика с архиерейской сановитостью, чем он был в действительности.

Жил я неподалеку и мы очень скоро оказались на моей квартире. По пути Владыка с интересом оглядывал все кругом, и я отвечал на его вопросы так же скупое, без лишних подробностей. Выражение лица его постепенно смягчилось, и улыбка трогала моментами его усы. Как я понял, ему не нравилась светскость о. Владимира.

Комната моя была угловая, узенькая, отапливаемая кафельным зеркалом большой голландской печи. Стены из плотно пригнанных брусьев и двери и оконный прибор шегольские, как любили поморы. Обстановка – кровать, которую я уступил Владыке, сам переместившись под окно, где раскладывал спальный мешок, столы для еды и для занятий и три стула. Тишина нарушалась топотом прохожих по дощатому тротуару и стуком копыт по таковой же мостовой проезжавшей подводы и совсем редко шумом автомобиля. Здесь началось наше совместное проживание, длившееся около трех месяцев.

Владыка почти целые дни отсутствовал – он поступил врачом в одну из городских амбулаторий, обедал вне дома и не пропускал ни одной церковной службы. Я тоже с утра до вечера бывал на буровых работах по всей дельте Северной Двины и питался в столовых. Вместе мы проводили вечера и воскресенья и, хотя ко мне постоянно заходили знакомые, времени для бесед бывало достаточно – Владыка не спеша рассказывал и выражал суждения по разным поводам, а я слушал. Дома он надевал рясу и подолгу сосредоточенно молился сидя, устремив глаза на образ в углу.

В первый же вечер Владыка мне рассказал историю своих ареста²³ и высылки. В отличие от всех нас, имевших пресловутую 58-ю статью, он был выслан по уголовной статье, предусматривавшей подстрекательство к убийству. Дело было так. Он проживал в Ташкенте в качестве заштатного архиерея и вольнопрактикующего врача. В Ташкентском университете занимал кафедру физиологии профессор Михайловский, всегда отличавшийся неуравновешенностью. Предметом его увлечения было впрыскивание в трупы растворов, приостанавливающих разложение, и он считал, что таким путем можно добиться возвращения жизни. Михайловского постигло несчастье – умер его единственный сын, мальчик-подросток, и он задался целью оживить его своими растворами. Мальчика не похоронили, а оставили в его комнате, причем отец настолько был уверен в успехе, что ставил у его ложа фрукты и другую еду, чтобы, очнувшись один, он мог подкрепиться. Ташкент в те недели жил сенсационным событием и газеты трубили о триумфе советской науки. Поведение самого Михайловского показывало, что он из одержимого стал просто помешанным. Кончилось все тем, что растворы перестали действовать и тело начало разлагаться. Запротестовали соседи по квартире и мальчика похоронили. Михайловский покончил самоубийством. Жена²⁴ и теща²⁵ Михайловского – верующие женщины и почитательницы Владыки – хотели похоронить самоубийцу по всем церковным обрядам, на что требовалось архиерейское разрешение. Владыка его им дал как архиерей и как врач, лично знавший Михайловского и считавший его покончившим с собой в состоянии умопомешательства. Тогда дело приняло неожиданный оборот. Давно точившие зубы на Владыку ташкентские власти возбудили дело об убийстве Михайловского мракобесами, желавшими сорвать триумф советской науки. Арестованным жене и теще было предъявлено обвинение в совершении убийства, а Владыке в подстрекательстве к нему. Газеты подхватили новую сенсацию, меча громы и молнии против церковников. Несмотря на всю энергию инициаторов, следствие топталось на месте. Газеты уже замолчали. Шли месяцы – обвиняемые сидели в тюрьме. Тем временем сведения проникли за границу и парижские эсеры-эмигранты опубликовали брошюру о случае советского изуверства. Вернувшийся из Парижа Литвинов²⁶

передал брошюру Молотову²⁷, указав, что такие вещи вредят выполнению его миссии. Дело приходилось кончать. Из Москвы наркомюст направил в Ташкент Сольца²⁸, грозу юридических органов на местах. Кто-то пострадал за неумеренный пыл и все замаяли следующим образом – физическая убийцы жена и теща получили высылку – “минус шесть”, а подстрекатель Владыка – три года высылки в Северный край по статьям, по которым было предъявлено обвинение.

Понемногу из вечера в вечер Владыка рассказывал мне историю своей жизни и о впечатлениях, направивших его на путь духовного служения. Родился Владыка и вырос в Киеве. Отец его²⁹ был поляк-католик из могилевской шляхты*, мать³⁰ – русская православная. О родителях Владыка не рассказывал, но однажды обмолвился, что начатки православной веры преподала ему мать. По старым русским законам дети от смешанных браков, если одна сторона была православной, обязательно принимали православное вероисповедание. Учился Владыка в киевской гимназии, обнаружив выдающиеся способности к живописи, что, впрочем, не мешало успехам в науках – гимназию он окончил с золотой медалью. Дальнейшее поприще казалось предопределенным – он поехал в Петербург держать экзамен в Академии художеств и успешно прошел по конкурсу. До начала занятий оставалось менее месяца и он остался в северной столице, знакомясь с ее достопримечательностями. Судьба его свела со студентом-медиком и, разговорившись с ним, он убедился, что самый прямой путь служения страждущему человечеству – профессия врача. Решение его было бесповоротным. Не смущаясь, он взял бумаги из Академии художеств и направил их на медицинский факультет Киевского университета, для зачисления на который требовалось лишь предъявление аттестата зрелости. Окончив медицинский факультет, Владыка служил до Первой мировой войны земским врачом и, когда война началась, был призван по мобилизации и работал в госпиталях, где выдвинулся как искусный хирург. Точность художественной руки помогала ему в производстве самых тонких операций глаза. После окончания войны он получил приглашение организовать кафедру хирургии при вновь основанном Ташкентском университете. Заняв созданную им кафедру, он вскоре стал одним из наиболее популярных профессором-медиков, и клиника его привлекала больных со всей Средней Азии. Владыка был женат и после старшей дочери³¹ у него родились три сына³². Семья была дружная и счастливая. Сестра его жены³³ потеряла единственную дочь от туберкулеза легких и убитая горем приехала к родным в Ташкент. Владыка сказал своей жене, что следует подвергнуть дезинфекции вещи приезжей, чтобы не занести заразу. “Как можно, – запротестовала жена, – касаться ее больного места”. Владыка промолчал, но сердце кольнуло тяжелое предчувствие. Через некоторое время жена его заболела. Болезнь сразу приняла скоротечную форму и, несмотря на все принимавшиеся меры, больная скончалась. Владыка остался вдовцом с четырьмя малолетними детьми. В последнюю ночь перед выносом тела покойницы он стоял у гроба в горестных размышлениях. Внезапно ему стало ясно, что все произошло по предуказанному – он не предполагал, а знал, что так случится. Для чего все произошло? счастливой семье не стало. Очевидно, в этом высшее указание – мало соблюдать праздники и ходить в церковь, надо себя целиком посвятить церкви. И это решение было бесповоротным. Немного спустя, в церкви на Пушкинской улице, районе, где проживала универси-

* Фамилия Войно-Ясенецких включает в первой своей части название герба, происшедшего от названия хоругви, под которую съезжались шляхтичи разного состояния и происхождения, жившие по соседству. Со временем разбредшись в разные стороны, они сохраняли название хоругви и ее эмблему, становившуюся фамильным гербом. Польская и литовская шляхта нередко присоединяла название герба к фамилии – Корвин-Круковские, Порай-Кошицы, Гоздава-Голомбевские и др. Отсюда ясно, что Бонч-Бруевичи и Бонч-Осмоловские происходят не от одного предка, а съезжались когда-то под одну хоругвь – Бонч (*примеч. А.М. Фокина*).

тетская интеллигенция Ташкента, новый настоятель о. Валентин развил кипучую деятельность – на его воскресные проповеди шли со всех концов города, вспомнив оставленное призвание, он самолично, стоя на лесах, расписывал церковь Евангельскими сценами. Заведующий хирургической клиникой профессор Войно-Ясенецкий распорядился повесить в операционной икону и читал лекции студентам в рясе с наперсным крестом. Когда пишущий эти строки летом 1921 г. был в Ташкенте, кругом только об этом и говорили, но тогда познакомиться с будущим Владыкой мне не пришлось. Необыкновенным священником заинтересовался патриарх Тихон³⁴ и вызвал его в Москву, откуда вернулся для управления ташкентской епархией епископ Лука, получивший при пострижении имя, слывшего врачом, апостола евангелиста Луки. Новое положение было связано с отказом от медицинской деятельности. На своем посту Владыка пробыл недолго – его арестовали и выслали в Туруханский край, где он томился, занимаясь лечением местных жителей. По его убеждению он должен был себя посвятить нераздельно архипастырскому служению и в устранении от него видел преудачное испытание. На той поре еще действовали хлопоты и Владыку вернули в Ташкент, но епархия его была передана другому³⁵ и кафедра хирургии замещена. Стал вопрос о средствах существования для него и большой семьи. На службу он не поступил, считая ее несовместимой со своим саном, и стал практиковать на дому. К этим годам Владыка относил наибольший размах своего врачебного дарования. Больные к нему валили валом, ехали из кишлаков верхом и в арбах, крадучись проникали, побужденные болезнью, люди в кожаных куртках и другие представители власти. Широчайший диапазон клинических наблюдений и душевный подъем окрыляли диагноз, рождая новые медицинские идеи. Очевидно связи с медицинским факультетом в какой-то мере сохранялись и лечение не было индивидуальным. С медицинской славой текли деньги и материальные приношения, с избытком покрывавшие скромные потребности, их по распоряжению Владыки его сотрудницы широко раздавали нуждающимся. Владыка удовлетворен не был – он все же не занимался своим делом. Должна была наступить развязка, и она явилась в виде дела об убийстве профессора Михайловского.

В центре города Архангельска служба шла в одной, являвшейся кафедральной, Никольской церкви, вблизи набережной. Пришлого высланного народа в ней бывало не меньше, чем местного. Владыка иногда проходил в алтарь, но чаще стоял на клиросе за иконами. Служивое духовенство относилось к нему с опаской, но простые люди неизменно его окружали, подходя под благословение. Одновременно по городу распространилась слава об искусном враче и многие из церковных почитателей становились его пациентами. От них он узнавал церковные новости и тогда произошел такой случай.

Вскоре после приезда Владыки архангельский архиерей Антоний³⁶, высокий старик, прирожденный северянин, был арестован, скончался в тюрьме и без огласки похоронен неизвестно где³⁷. Поклонницы и поклонники его, в конце концов, вывели место погребения на самом дальнем кладбище и сообщили об этом Владыке. В Архангельске он был единственным архиереем и решил, что его долг – похоронить усопшего архиерея по подобающему чину. В течение нескольких дней шли таинственные приготовления, к которым привлекли и меня. Заранее из Никольской церкви было принесено архиерейское облачение, чтобы одеть тело покойника. Уже наступили заморозки, и я снабдил самого Владыку полушубком и валенками. Лопаты и кирки для раскопки могилы предполагалось получить на месте. С вечера Владыка долго молился. Глубокой ночью к нам постучали, и я проводил удалившуюся экспедицию, среди которой бодро выступал Владыка. К утру он не вернулся, что несколько меня встревожило. Вынужденный выехать на работы, я постарался вернуться как можно раньше и к моей радости застал смущенно улыбавшегося Владыку. Предприятие не удалось. Как только приступили к раскопке могилы, внезапно

появились кем-то предупрежденные чекисты. Все принадлежности отобрали, пособия куда-то исчезли, очевидно, они играли двойную игру, а самого Владыку отвели в ОГПУ, где один из старших чинов сделал ему назидание, и отпустили с миром. Владыка после этого происшествия стал меньше доверять подходившим к нему богомольцам.

Владыка умел быть суровым. Когда он уже переехал на другую квартиру, ко мне иногда заходил один странный старик, священник о. Василий. Родом донской казак, он, попав в ссылку, принял обет странничества и не ночевал две ночи сряду в одном месте. Наряду с несомненной внутренней силой, в нем чувствовалось что-то тяжелое и даже порочное. Знакомства у него были самые подозрительные. Услышав от меня некоторые наблюдения, Владыка категорически запретил мне его принимать: “Скажите, что я вам велел”. Исполнить это я не мог – нельзя было не пустить в холодную архангельскую ночь обсыпанного снегом худо одетого 70-летнего старика. Владыка после пенял мне за слушание.

Темная мистика не уживалась в ясной душе Владыки. На отвлеченные темы мы разговаривали сравнительно редко. Должен отметить, что он не подходил ни под какие рамки и не относился ни к одному из направлений русского традиционного церковного мирозерцания. Путь его был совершенно особый, строго индивидуальный, чуждый ортодоксальной соборности. Сказывалось отсутствие влияния церковной школы, которым были проникнуты известные мне священники и архиереи из стародворянской среды – братья И.В. и Н.В. Арсеньевы³⁸, митрополиты Серафим (Чичагов)³⁹ и Трифон (Туркестанов)⁴⁰, даже мирские церковники из славянофильских семей, группировавшихся вокруг Троице-Сергиевой лавры. Специфического запаха ладана от Владыки не шло. В одинаковой степени ему было чуждо религиозно-философское любомудрие со всеми его прокатолическими и византийскими оттенками, индизмизмом и теософическим уклоном. Сомневаюсь, чтобы Владыка успел прочесть тома “Добролюбия” и творения Мотовилова⁴¹. Религиозное образование свое он пополнял урывками, уделяя больше внимания не технике молитвы, а церковной службе и огромное значение придавал живому проповедническому слову. Очевидно к церкви он пришел крепко сложившимся человеком, твердо стоя на ногах, несмотря ни на какие ветры, и в духовной среде, в которую вошел, оставался одиночкой. На пороге нашего первого знакомства Владыка, не связанный архиерейскими обязанностями, ориентировался самостоятельно и устанавливал независимые отношения в психологически сложной революционной обстановке.

Будучи непоколебимо убежденным, что его ведет Высший Промысел, Владыка считал каждый свой шаг предуказанным – дом, в который он входил, и человек ему там встретившийся мнились ему назначенными. Раз так случилось, значит так нужно. Другим он с осторожностью давал советы, а сам ждал указаний свыше. Кое в чем он ошибался, как в убеждении, что ему суждено стать митрополитом петроградским, высказывавшемся близким людям. Для какой-то цели он хотел совершенствоваться во французском языке, читая на нем Библию и взяв несколько уроков в Москве у моей тетушки.

Предначертанный путь требовал цельной собранности, но Владыку не отпускала медицина. Мне кажется, что и в медицине он был не теоретиком, а практиком, быть может, художником лечения с талантливой интуицией и полной независимостью от академических предвзятостей. Рабство укоренившихся взглядов у него возбуждало против себя боевой пыл, и по всякому поводу он разил его без пощады. Однажды я ему показал в старой геологии Неймайера⁴² место с рассказом о высмеивании цеховыми учеными падения метеорита. Один из них договорился до того, что если собственными глазами увидит падение метеорита, то себе не поверит. Владыка выписал себе этот абзац и после цитировал в одной статье⁴³.

Как временное поселение у меня, так и переезд на новую квартиру Владыка считал предуказанными. Произошел его переезд при таких обстоятельствах. В Архангельске жила знахарка⁴⁴, лечившая всякие гнойные воспаления припарками из простых народных средств. Лечение ее пользовалось популярностью, но официальный медицинский мир города третировал ее с высокомерием. Эта женщина пришла за помощью к Владыке, все ему показала и рассказала, и он прозрел новую идею, легшую потом в основу его прославленного труда⁴⁵ о лечении гнойных ран, сыгравшей большую роль в войне и принесшего ему Сталинскую премию. С предвзвешенными результатами своего изучения Владыка ознакомил местных медиков на заседании медицинского общества и встретил с их стороны единодушное одобрение. У знахарки в ее доме освободилась комната, и он переехал туда, что облегчило ему продолжение исследований.

В столичных медицинских кругах к идее Владыки отнеслись более серьезно и с этим были связаны неоднократные его приглашения в Питер. Был поставлен вопрос о привлечении его к более широкой медицинской деятельности. Владыку принял Киров⁴⁶, уговаривавший его снять сан, за что предоставлял ему целый институт, но он ответил категорическим отказом⁴⁷. Не было достигнуто соглашения также по вопросу издания книги, на заголовке которой Владыка требовал обозначить, хотя бы в скобках, его духовное имя и сан. В результате он возвращался в Архангельск в свое прежнее положение, и летом 1933 г., получив освобождение от высылки за окончанием срока, я его там оставил.

Общительным Владыку назвать было нельзя, для этого он был слишком внутренне занят, но ни от какой встречи с новым человеком он не уклонялся, тоже, очевидно, считая ее предуказанной.

Круг моих старых знакомых из остатков прежнего дворянского общества его не интересовал, он мыслил человечество в абсолютных категориях, и видимо его раздражала упорная устремленность в прошлое, которую я по привычке разделял, как салятся по привычке за ломберный стол. Владыка больше сочувствовал моей новой геологической специальности.

Познакомился с Владыкой и сделался его преданным другом один из чистейших и честнейших людей, встреченных мною на жизненном пути, Борис Измайлович Моисеев, пребывавший в Архангельске не в ссылке, но и не полностью по своей воле. О нем стоит сказать несколько слов. Был он по годам примерным сверстником Владыки. Борис Измайлович происходил из дворянской помещицкой семьи Горбатовского уезда Нижегородской губернии, приходился племянником писателю Мельникову-Печерскому⁴⁸ и двоюродным братом балетмейстеру Игорю Моисееву⁴⁹. В университете сблизился со студентами-большевиками, по решительной истовости характера не остановился на полдороге и с 1903 г. состоял членом большевистской партии. По окончании юридического факультета был помощником присяжного поверенного в Нижнем Новгороде. В Москве женился на Вере Викторовне Бобыниной, дочери единственного во всей России историка математики⁵⁰, художнице и преподавательнице рисования. В первую войну в чине прапорщика воевал на Кавказском фронте и примкнул в конце 1916 г. к военной организации, предполагавшей возвести на престол великого князя Николая Николаевича⁵¹. Когда началась революция, он вернулся в Москву и сразу предложил себя набирающейся Красной армии. Поскольку он был одним из старейших большевиков военных, его назначили командующим фронтом или армией против Колчака⁵². На войне он проявил смелость, суворовское презрение ко всяким удобствам, бескорыстие, но полководческие таланты не показал. По окончании Гражданской войны вернулся к мирной деятельности в роли заведующего одним из крупных отделов ВСНХ. В этой обстановке у него начались трения с набиравшим ходу новым курсом. У меня с ним тогда состоялось беглое знакомство на почве архивных и генеалогических интересов, которые он разделял.

Незадолго до моего приезда в Архангельск он был туда переведен в Северолес на должность заведующего плановым бюро. Хотя в Архангельске его приняла родственная семья, он чувствовал себя там неприкаянным. Сослуживцы и работа его не интересовали. На досуге он задавался вопросом: “Куда мы идем?”. Совесть его не мирилась с репрессиями и те, кто проводил их, вызывали у него отвращение. Из ссыльных у него установились дружеские отношения с Г.В. Постниковым, Владыкой и со мной. Думаю, что тягу к церкви у него возбудил Г.В. Постников, пылкий пропагандист, и он же, вероятно, указал Владыке на его миссию вернуть большевика на лоно церкви. Владыка взялся за нее с жаром и имел полный успех. Впоследствии, приезжая в Москву, Владыка неизменно останавливался у Моисеевых, в Шереметевском переулке. В Москве Борис Измайлович до выхода на пенсию занимал более подходящую ему должность хранителя в Историческом музее.

Из простых людей Владыку безгранично почитал саратовский извозчик по фамилии тоже Моисеев, служивший в бане, где он с почетом его принимал в часы, когда для прочих посетителей баня была закрыта. Владыка очень ценил такое внимание. Все ущемленные в своих правах дорожат предоставляющимся благом.

Остается еще немного сказать, насколько мне это известно, об отношении Владыки к своим детям. Подобно медицине, обязательства перед семьей отвлекали его с прямой дороги и, строгий к себе, он стремился ограничить их необходимостью. В Архангельске приезжала к нему и некоторое время жила дочь с маленькой дочкой, наружностью похожая на него. К зятю он относился неодобрительно. Старший его сын врач⁵³ занимал во Львове кафедру анатомии – Владыка с гордостью мне писал о блестящей защите им докторской диссертации. Другой его сын был художником на фарфоровой фабрике⁵⁴. Владыка лег в Московскую клинику, где ему была произведена глазная операция – слепота на него надвигалась издавна. Вдруг он получил известие, что поезд, на котором возвращался в Питер проведавший его сын⁵⁵, потерпел крушение. Не долечившись, ослабевший, он выписался из клиники и тотчас выехал к сыну, травмы которого оказались несерьезными. Супружеские разводы он строго осуждал, вникая, однако, в суть дела в каждом отдельном случае и придавая значение не людскому вмешательству в семейную распрю, а направляющему промыслу. Однажды он высказал мнение, что курящая женщина не может быть верной женой. Заостренная формулировка и парадоксы никогда его не смущали.

Владыка недолюбливал евреев, но отнюдь не из антисемитизма, а просто разделял предубеждения многих, живших в черте оседлости, особенно развитые среди врачей. Кроме того, евреями были представители официальной науки, оспаривавшие его смелые идеи.

О политике Владыка говорить не любил, рассматривая явления под другим углом, но ждал тяжелых потрясений и молился об их отвращении.

С отъездом из Архангельска моя связь с Владыкой поддерживалась редкими случайными встречами и перепиской. Несмотря на все тревобления, я неизменно вспоминал его в нужную минуту. Владыка вернулся в Ташкент, а я, держась за Москву, засиживаться в ней избегал из-за необходимости в увеличенном заработке на окраинах и не желая мозолить собой глаза определенных органов. Это был период профилактических самоссылок. Письма ко мне Владыки неизменно носили характер принятого им на себя руководства, что оказало мне неоценимую поддержку. Я постарался их сохранить, но держать у себя дома опасался. Лицо Владыки было очень фотогенично, и он прислал мне прекрасный свой фотографический портрет, сданный в тревожное время со многим другим в фонды Литературного музея.

Незадолго до войны я получил печальную весть, что Владыка сослан в Красноярский край. Жизнь всех закурила, и на несколько лет я потерял его из виду.

В самом конце войны, когда я уже жил в Тбилиси, в руки мои попал номер церковного журнала и, перелистывая его, я увидел группу членов Синода за столом, в

числе которых был Владыка, уже архиепископ тамбовский. Радость меня ошеломила и, получив подтверждающие сведения от католикоса Грузии Каллистрата⁵⁶, я написал письмо и очень скоро получил обстоятельный ответ. Стороной доходили до меня слухи о больших медицинских успехах Владыки, начавшихся с сибирских госпиталей для раненых. Между нами установилась регулярная переписка. Владыка, видимо, был увлечен медициной, но в то же время упрекал себя за половинчатость церковного служения. В Тамбове он консультировал в госпиталях. Озабочивало его неуклонное ухудшение зрения и он торопился закончить начатую большую экспериментальную работу. Главное по ней уже было сделано и вдруг, поняв, что безнадежно слепнет, он бесповоротно решил порвать с медициной, видя в слепоте к тому высшее указание. Писал он об этом с покорностью судьбе, сочетавшейся с подъемом. Остался один архиепископ Лука, вся жизнь которого сосредоточилась в церкви. Из Тамбова его перевели в Симферополь – кто долго, особенно не по своей воле, жил на севере испытывает жадную тягу к южному солнцу, к которому Владыка привык еще в Ташкенте. С удовлетворением Владыка мне писал об успехе своих проповедей. В своих письмах он вникал во все мои сообщения и горячо приветствовал переход мой с практической на теоретическую геологию и радовался моей кандидатской диссертации, видя в защите ее историком по образованию знак несомненного высшего руководства.

Судьба послала мне величайшую радость последней встречи с Владыкой. В 1952 г. он приехал на похороны католикоса Каллистрата. Совсем слепой, одряхлевший и располневший, былую силу он сохранил только в звучном голосе. За некоторое время до приезда его письма были уже не собственноручными, а только им подписывались. Беседа наша состоялась в отведенном Владыке большом номере гостиницы. Движимый непреодолимым наитием, я рассказал все, что со мной произошло. Слова лились, не останавливаясь, это была не исповедь, а сверхисповедь, единственная в моей жизни. Освежающее впечатление от нее еще во мне живет, и я считаю его, быть может, самым высоким взлетом.

Владыка уехал, и переписка наша продолжалась. Услышанное в церкви известие о смерти Владыки разверзло передо мной пучину духовного сиротства. При первой возможности я съездил в Симферополь и постоял на его могиле. Оставшаяся там его секретарь Евгения Павловна Лейкфельд рассказала мне об его последних днях.

18–19.1.1968 [г.].

АРАН. Ф. 1604 (Н.М. Дружинин). Оп. 4. Д. 914. Л. 155–170. Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду Постников Георгий Васильевич (1891–1938).

² Моисеев Борис Измайлович (1877–?) – меньшевик-интернационалист.

³ Имеется в виду Вальнева Вера Михайловна (?–?) – потомственная целительница.

⁴ Арсений (Авксентий Георгиевич Стадницкий) (1862–1936) – ректор Московской духовной академии (1898–1903), епископ (с 1907 г. архиепископ) Псковский и Порховский (1903–1910), архиепископ (с 1917 г. митрополит) Новгородский и Старорусский (1910–1933), митрополит Ташкентский и Туркестанский (с 1933 г.).

⁵ *Войно-Ясенецкий В.Ф.* Очерки гнойной хирургии. М.; Л., 1934.

⁶ Фокина (в замужестве Заврисева) София Анатольевна (род. в 1928 г.) – младшая дочь А.М. Фокина.

⁷ Войно-Ясенецкий Алексей Валентинович (1910–1981) – биолог, сотрудник Института физиологии им. И.П. Павлова АН.

⁸ Одинцов Виктор Петрович (1876–1938) – офтальмолог, профессор Московского университета (с 1918 г.).

⁹ Гонин Юлиус (1870–1935) – швейцарский хирург-офтальмолог.

- ¹⁰ Горбунов Николай Петрович (1892–1938) – советский государственный деятель, химик, управделами СНК РСФСР (с 1920 г.), СНК СССР (1922–1923), академик, непреременный секретарь (с 1935 г.) АН, начальник Памирской высокогорной советско-германской экспедиции (1928).
- ¹¹ Фокина (урожд. Любошинская) Мария Марковна (1894–1988) – жена А.М. Фокина, племянница В.И. Вернадского.
- ¹² Сергей (Иван Николаевич Страгородский) (1867–1944) – патриарх Московский и всея Руси (с 1943 г.).
- ¹³ Цигломень – ныне часть района Исакогорка города Архангельска.
- ¹⁴ АЛТИ – Архангельский лесотехнический институт (ныне Архангельский государственный технический университет), основанный в 1929 г.
- ¹⁵ Борис (Владимир Павлович Шипулин) (1876–1938) – епископ Винницкий, викарий Подольской епархии (1912–1914), епископ Балтский, викарий Подольской епархии (1914–1915), епископ Чебоксарский, викарий Казанской епархии (1915–1918), епископ Киренский, викарий Иркутской епархии (1918–1921), епископ Уфимский (1921–1927), архиепископ Тульский (с 1927 г.), архиепископ Ташкентский (с 1936 г.).
- ¹⁶ Фокина (в замужестве Кулиджанова) Наталия Анатольевна (род. в 1927 г.) – кинодраматург, дочь А.М. Фокина.
- ¹⁷ *Войно-Ясенецкий В.Ф.* Очерки гнойной хирургии. 2-е изд. М., 1946.
- ¹⁸ Алексей (Сергей Владимирович Симанский) (1877–1970) – патриарх Московский и всея Руси (с 1945 г.).
- ¹⁹ 23 июля 1937 г. В.Ф. Войно-Ясенецкий снова был арестован. (См.: *Лисичкин В.А.* Указ. соч. С. 229).
- ²⁰ Фокина Анна Анатольевна (1920–1929) – старшая дочь А.М. Фокина.
- ²¹ Страхов Владимир Николаевич (1883–1938) – протоиерей, профессор (с 1912 г.), ректор (с 1922 г.) Московской духовной академии.
- ²² Сократ (ок. 470–399 г. до н.э.) – древнегреческий философ.
- ²³ В.Ф. Войно-Ясенецкий был арестован в Ташкенте 6 мая 1930 г.
- ²⁴ Гайдебурова Екатерина Сергеевна (1906–?) – жена И.П. Михайловского.
- ²⁵ Гайдебурова Анна Максимилиановна (?–?) – теща И.П. Михайловского.
- ²⁶ Литвинов (наст. фам. и имя Валлах Макс) Максим Максимович (1875–1951) – советский государственный и партийный деятель, нарком иностранных дел СССР (1930–1939).
- ²⁷ Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – политический деятель, председатель СНК СССР (1930–1941), 1-й заместитель председателя СНК (СМ) СССР (1941–1957), нарком (министр) иностранных дел (1939–1949 и 1953–1956), почетный член АН (1946–1959).
- ²⁸ Сольц Арон Александрович (1872–1945) – советский государственный и партийный деятель.
- ²⁹ Войно-Ясенецкий Феликс Станиславович (1838–?) – отец В.Ф. Войно-Ясенецкого.
- ³⁰ Войно-Ясенецкая (в девичестве Кудрина) Мария Дмитриевна (1849–?) – мать В.Ф. Войно-Ясенецкого.
- ³¹ Войно-Ясенецкая (в замуж. Жукова-Войно) Елена Валентиновна (1908–1970) – дочь В.Ф. Войно-Ясенецкого.
- ³² Михаил, Алексей и Валентин.
- ³³ Войно-Ясенецкая (урожд. Ланская) Анна Васильевна (1882–1919) – жена В.Ф. Войно-Ясенецкого (с 1905 г.).
- ³⁴ Тихон (Василий Иванович Белавин) (1865–1925) – патриарх Московский и всея Руси (с 1917 г.).
- ³⁵ Никандр (Николай Григорьевич Феноменов) (1872–1933) – епископ Кинешемский, викарий Костромской епархии (1905–1908), Нарвский, викарий С.-Петербургской епархии (1908–1914), Вятский и Слободской (1914–1918), митрополит Одесский (1925–1927), Ташкентский и Туркестанский (с 1927 г.).
- ³⁶ Антоний (Николай Михайлович Быстров) (1858–1931) – епископ Вельский, викарий Вологодской епархии (1910–1921), епископ (с 1921 г.), архиепископ (с 1926 г.) Архангельский и Холмогорский.

- ³⁷ Встречаются разные сведения о годе смерти архиепископа Антония. По одним – он скончался 16 февраля 1931 г., по другим – 16 июля 1932 г. Если верить А.М. Фокину, это случилось все же в 1931 г.
- ³⁸ Арсеньев Иоанн Васильевич (1862–1936) – протоиерей; Арсеньев Николай Васильевич (1867–1940) – протоиерей.
- ³⁹ Серафим (Леонид Михайлович Чичагов) (1856–1937) – епископ Сухумский (1905–1906), Орловский и Севский (1906–1908), епископ (с 1912 г. архиепископ) Кишинеvский и Хотинский (1908–1914), Тверской и Кашинский (1914–1917), митрополит Ленинградский и Гдовский (1928–1933).
- ⁴⁰ Трифон (князь Борис Петрович Туркестанов) (1861–1934) – епископ (с 1923 г. архиепископ, с 1931 г. митрополит) Дмитровский, викарий Московской епархии (с 1901 г.).
- ⁴¹ Мотовилов Николай Александрович (1809–1879) – автор “Записок” о Серафиме Саровском. (См.: Записки Николая Александровича Мотовилова, служки Божией Матери и преподобного Серафима. М., 2006).
- ⁴² Неймайер Мельхиор (1845–1890) – австрийский геолог, профессор Венского университета (с 1873 г.).
- ⁴³ См.: *Войно-Ясенецкий В.Ф.* По поводу статьи “Медицина на грани знахарства” // Правда Востока (Ташкент). 1936. 10 июля. № 158.
- ⁴⁴ Имеется в виду В.М. Вальнева.
- ⁴⁵ *Войно-Ясенецкий В.Ф.* Очерки гнойной хирургии. М.; Л., 1934.
- ⁴⁶ Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886–1934) – советский партийный и государственный деятель, первый секретарь Ленинградского губкома (обкома) ВКП(б) (с 1926 г.), член Политбюро ЦК ВКП(б) (с 1930 г.).
- ⁴⁷ Об этой встрече упоминал и А.И.Солженицын. (См.: *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. 2-е изд. Вермонт; Париж, 1989. Гл. III–IV. С. 287). Сам В.Ф. Войно-Ясенецкий писал, что он обращался к наркому здравоохранения М.Ф. Владимирскому с просьбой предоставить возможность “заняться в специальном исследовательском институте разработкой гнойной хирургии”, однако против этого выступил директор Института экспериментальной медицины Л.Н. Федоров. (См.: *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий).* “Я полюбил страдание...”. С. 76, 77). О встрече с С.М. Кировым и о сделанном им предложении В.Ф. Войно-Ясенецкий не упоминал, однако это, разумеется, не значит, что такой встречи не было.
- ⁴⁸ Мельников Павел Иванович (псевд. Андрей Печёрский) (1818–1883) – писатель.
- ⁴⁹ Моисеев Игорь Александрович (1906–2007) – хореограф, балетмейстер, организатор и руководитель Ансамбля народного танца СССР (с 1937 г.).
- ⁵⁰ Бобынин Виктор Викторович (1849–1919) – историк математики, приват-доцент Московского университета (с 1882 г.), издатель-редактор журнала “Физико-математические науки в их настоящем и прошедшем” (1884–1894).
- ⁵¹ Николай Николаевич (Младший) (1856–1929) – генерал от кавалерии, генерал-адъютант, генерал-инспектор кавалерии (1895–1905), главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1905–1914), верховный главнокомандующий русской армией (1914–1915), наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией (1915–1917).
- ⁵² Колчак Александр Васильевич (1873–1920) – адмирал, командующий Черноморским флотом (1916–1917), “Верховный правитель Российского государства” (1918–1920).
- ⁵³ Войно-Ясенецкий Михаил Валентинович (1907–1994) – патологоанатом, профессор Львовского медицинского института (с 1947 г.), сын В.Ф. Войно-Ясенецкого.
- ⁵⁴ Очевидно, имеется в виду: Войно-Ясенецкий Валентин Валентинович (1913–1992) – офтальмолог. Именно он унаследовал от отца способность к живописи.
- ⁵⁵ Имеется в виду М.В. Войно-Ясенецкий.
- ⁵⁶ Каллистрат (Каллистрат Михайлович Цинцадзе) (1866–1952) – католикос-патриарх всея Грузии (с 1932 г.).

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

в 2009–2010 годах

Помимо традиционных пленарных заседаний в июне и декабре, материалы о которых помещаются в настоящем издании, происходили различные заседания, на которых обсуждался ход плановых работ сотрудников Археографической комиссии по подготовке “Каталога личных архивных фондов отечественных историков” (М.П. Мироненко, Т.В. Медведева, В.А. Черных), “Сводного каталога славяно-русских рукописных книг” (Н.А. Кобяк, А.Л. Лифшиц), подготовки собрания сочинений С.Ф. Платонова и сборника «Петр Петрович Дубровский (1754–1816) – создатель “Депо манускриптов” Императорской Публичной библиотеки: Выявление, исследование и введение в научный оборот его научных трудов и архивных материалов о его деятельности» (А.В. Мельников, С.О. Шмидт) и др., а также заслушивались сообщения об участии сотрудников Археографической комиссии в научных конференциях в России и за рубежом и о работе этих конференций.

Новые издания Археографической комиссии в 2009–2010 годах

Die Grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij: Uspenskij spisok = Великие Минские четьи митрополита Макария: Успенский

список. 9–23 мая. Weher-Freiburg Y. Br., 2009. 667 S.

Die Grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij: Uspenskij spisok: Kritischer Apparat = Великие Минские четьи митрополита Макария: Успенский список: Критический аппарат. Weher-Freiburg Y. Br., 2009. 198 S.

Богословский М.М. Российский XVIII век / отв. ред. С.О. Шмидт, сост., подгот. текста, примеч. А.В. Мельникова; АК РАН. М.: Новый хронограф, 2010. Кн. 2. 485 с.

Лики летописи. М., 2010. Часть 1: К 70-летию доктора исторических наук Валентина Викторовича Морозова / отв. ред. С.О. Шмидт. АК РАН. 282 с., ил., портр.

Платонов С.Ф. Собрание сочинений: В 6 т. / отв. ред. С.О. Шмидт; РАН. Отд. ист.-филол. наук, ИСл, АК, РНБ. М.: Наука, 2010. Т. 1: Московские земские соборы XVI и XVII веков. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник / сост.: В.В. Морозов, А.В. Сиренов. 597 с., ил., портр.

Шмидт С.О. Историк С.Ф. Платонов – ученый и педагог: (К 150-летию со дня рождения) / АК РАН. М., 2010, портр.

КРУГЛЫЙ СТОЛ В ИСТОРИКО-АРХИВНОМ ИНСТИТУТЕ РГГУ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.П. АНЦИФЕРОВА (20 ноября 2009 г.)

20 ноября 2009 г. в ИАИ РГГУ состоялся круглый стол “Николай Павлович Анциферов (1889–1958) – значение наследия ученого в историко-краеведческих исследованиях и развитии отечественного экскурсоведения (к 120-летию со дня рождения)”. Его организато-

рами выступили Отделение краеведения и историко-культурного туризма ИАИ РГГУ, Союз краеведов России (СКР) и Московское краеведческое общество (МКО), при участии научных сотрудников Археографической комиссии РАН и Института мировой литературы РАН.

В работе круглого стола приняли участие преподаватели и студенты Отделения краеведения и историко-культурного туризма ИАИ РГГУ, известные московеды, специалисты в области экскурсионного дела, представители академической науки.

Имя Николая Павловича Анциферова прочно вошло в историю отечественной науки и культуры. Его многогранный талант ученого, литератора, краеведа, экскурсиониста отразился в документальном наследии: его опубликованных работах, в книге воспоминаний “Из дум о былом” (М., 1992), в документах, хранящихся в архивах. В последние десятилетия это наследие привлекает все большее и большее внимание исследователей, занимающихся проблемами истории отечественного краеведения, истории отечественной экскурсионной школы, городоведения, литературоведения. Этот интерес и стал побудительным мотивом для организации круглого стола, который смог собрать представителей различных направлений отечественной гуманитарной науки.

Работу круглого стола открыл почетный председатель СКР и АК РАН, заведующий кафедрой москвоведения ИАИ РГГУ *С.О. Шмидт*. В своем вступительном слове он подчеркнул, что Н.П. Анциферов – “совершенно уникальная фигура, являющаяся воплощением, объединением нескольких сверхкультур”, что, в первую очередь, это была личность, не только оказывавшая огромное влияние на окружавших его людей, современников, но до сих пор оставляющая глубокий след в душах тех, кто соприкасается с его творчеством и его наследием. Вспоминая о своих личных впечатлениях, ощущениях от общения с Н.П. Анциферовым, *С.О. Шмидт* сказал: “Я познакомился с Николаем Павловичем, когда ему было сильно за 50 лет (я моложе его на 32 года), и это, видимо, тогда очень влекло к нему. Знаю, что Дмитрий Сергеевич Лихачев, который общался с великим множеством замечательных людей, и который с юных лет был очень увлечен Петербургом и его окрестностями, ходил на экскурсии Анциферова по петербургским окрестностям. И ходил, конечно, не для того, чтобы узнать какие-то дополнительные подробности (Лихачев был книголюбом и многое знал), а, видимо, ходил, чтобы ощутить, что можно распознать в том, что тебя окружает... Это была школа для молодого человека..... Это были впечатления от возрастания и формирования самого Лихачева при общении с Николаем Павловичем. Немногим

даны умение воздействовать на окружающих, такая личная притягательность”. Говоря о литературном таланте Н.П. Анциферова, *С.О. Шмидт* подчеркнул значение диссертационного исследования Д.С. Московской, защищенного в 2009 г., и значение опубликованной ею диссертации самого Н.П. Анциферова “Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций” (издание было подготовлено в ИМЛИ РАН и вышло в свет в Москве в 2009 г.).

Научный редактор этой книги, член-корреспондент РАН *Н.В. Корниенко* (ИМЛИ), ставшая в 2009 г. дипломантом Анциферовской премии фонда им. Д.С. Лихачева за публикацию научного наследия Анциферова, остановилась на оценке вклада Н.П. Анциферова в развитие отечественной филологии, и шире – истории отечественной культуры. *Н.В. Корниенко* подчеркнула, что хотя официально в нашей науке и нет понятия “школы” Анциферова, но по существу он создал такую школу. Особое значение имеет введенное им понятие “внутреннего пространства города”, без которого, по словам выступавшей, “подходить даже к образам Москвы в литературе невозможно”.

Председатель СКР и МКО, заведующий кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ *В.Ф. Козлов* указал, что тема круглого стола – одна из самых животрепещущих для современных исследователей: «Николай Павлович Анциферов, Иван Михайлович Гревс, еще несколько человек, составляли украшение не только краеведения, но и вообще гуманитарной науки в Советском Союзе в 1920-е годы. И для нас чрезвычайно важны все те замечания, статьи этих людей, теоретиков локальной, региональной истории (хотя чаще всего они говорили все-таки о краеведении), которые собственно заложили, создали основы краеведения в нашей стране. И вряд ли сейчас мы в значительной степени пересматриваем те позиции, те взгляды которые были выработаны в “золотое десятилетие” краеведения”. Главной темой выступления *В.Ф. Козлова* стал анализ работ Н.П. Анциферова, опубликованных им по краеведческой тематике в краеведческой периодике 1920-х годов. *В.Ф. Козлов* подчеркнул: “Анциферов не так часто, как некоторые другие, публиковал свои работы, но эти работы были очень существенны и очень важны. Это было руководство для практического выполнения целей и задач краеведов”.

На методическом значении работ Анциферова для развития отечественного экскурсионного дела, становления отечественной экскурсионной школы остановились первый заместитель председателя МКО, заместитель заведующего кафедрой москвоведения ИАИ РГГУ *А.Г. Смирнова*, член Совета МКО *А.В. Святославский*. В своих выступлениях они подчеркнули “современность” тех подходов, приемов и методик экскурсионной работы, которые были выработаны Н.П. Анциферовым в первой половине XX в.

Д.С. Московская, заведующая Отделом рукописей ИМЛИ РАН, обратила внимание участников круглого стола на значение кандидатского исследования Н.П. Анциферова, подчеркнув, что, поскольку Николай Павлович, соединял в своем научном творчестве самые различные гуманитарные направления, то и его диссертация гораздо шире, чем только филологическое исследование, ее проблематика лежит на стыке филологии, городоведения, краеведения, по существу предвосхищая возникновение культурологических исследований современности.

Проблему увековечения памяти Н.П. Анциферова в ходе работы круглого стола

озвучил заместитель председателя Комиссии “Старая Москва” *А.В. Буторов*.

Отдельным блоком прозвучали выступления студентов Историко-архивного института, обучающихся на Отделении краеведения и историко-культурного туризма, посвященные сюжетам биографии, экскурсоведческому наследию Н.П. Анциферова в контексте развития современной музейной экскурсии.

Одними из интереснейших в рамках работы круглого стола стали выступления людей, знавших Н.П. Анциферова, работавших с ним и его родственников. *А.Б. Молчанова*, *М.А. Реформатская*, *М.С. Анциферов* (внук Н.П. Анциферова) поделились своими воспоминаниями и позволили присутствующим увидеть Николая Павловича как человека, как коллегу по работе, как ту самую притягательную в человеческом плане личность, о которой в начале заседания вспоминал и С.О. Шмидт.

Это научное мероприятие положило начало традиции проведения в ИАИ РГГУ семинаров, круглых столов, посвященных выдающимся краеведам прошлых лет.

А.Г. Смирнова

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ 30-ЛЕТИЮ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ СЕРИИ “ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА”

3 декабря 2009 г. в Санкт-Петербургском институте истории РАН состоялось заседание, посвященное 30-летию юбилею документальной серии “Полярная Звезда”. Оно было организовано сотрудниками СПБ ИИ РАН, на протяжении многих лет связанными научными и личными контактами с иркутским документальным изданием, совместно с представителями сибирской части редакционной коллегии серии.

Документальная серия “Полярная Звезда” – крупнейший археографический проект, задачей которого является систематическое введение в научный оборот документального наследия участников движения декабристов.

Идея многотомного издания зародилась в 1975 г., серия основана в 1978 г., первый том опубликован в 1979 г. На протяжении 30 лет в свет вышли 27 томов, вообравшие в себя политические сочинения, научные и литературные труды, публицистику, мемуары, дневники и письма участников общественного движения в России первой половины XIX в.¹

Юбилей документальной серии дает возможность подвести некоторые итоги, дать оценку сделанному на протяжении 30 лет существования иркутской серии, связанной с именами выдающихся историков и архивистов, крупных источниковедов и археографов таких, как академики М.В. Нечкина и

¹ О серии “Полярная Звезда” см.: *Коваль С.Ф.* “Полярная Звезда” (К истории возникновения, задачи и перспективы) // *Земля Иркутская*. 1996. № 6. С. 50–54; *Он же*. Несколько дополнений к подлинной истории серии “Полярная Звезда” // *Сибирь и декабристы*. Иркутск, 2009. Вып. 6. С. 88–100; *Ходоров А.Е.* Не гаснет “Полярная Звезда” // *Краеведческие записки*. Иркутск, 1995. № 3; *Матханова Е. И.* Серия “Полярная Звезда”: к возобновлению издания // *Гуманитарные науки в Сибири*. Сер.: *Отеч. история*. 2003. № 2; *Ильин П.В.* Возобновление документальной серии “Полярная Звезда” // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 6. СПб., 2004. С. 447–480. Полная библиография вышедших томов помещена в настоящем издании (С. 35–36).

И.Д. Ковальченко, С.Ф. Коваль, С.В. Житомирская, Н.Я. Эйдельман, И.В. Порох, А.Г. Тартаковский, В.А. Федоров, С.В. Мироненко и др.

Вместе с тем необходимо оценить перспективу развития крупнейшего археографического проекта в области изучения общественно-политического движения и общественной мысли XIX в.

Заседание открыл заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник СПБНИИ РАН, А.Н. Цамутали. В своем вступительном слове он отметил уникальность сибирского документального издания. В ряду других публикаторских проектов (серия “Восстание декабристов”, возобновленная в 1950-е годы благодаря усилиям М.В. Нечкиной) и исследовательских инициатив (декабристский выпуск серийного издания “Исторические записки” 1975 г., периодический сборник “Освободительное движение в России”, издаваемый Саратовским государственным университетом, петербургский сборник “14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография”) иркутская серия отличается сугубо документальным характером, биографическим принципом составления документальных изданий, систематическим введением в оборот большого массива источников личного происхождения, большим историографическим значением сопроводительных исследовательских статей.

Несмотря на существующее обилие публикаций, многое по изучению исторических источников еще не сделано. Большею частью источники остаются неопубликованными, по-прежнему стоит задача подготовки тематических и пофондовых публикаций архивных материалов по определенным проблемам. Отсутствует общий указатель неопубликованных архивных материалов по истории движения декабристов. В связи с этим особую роль приобретают тематические справочники декабристских материалов, подготовленные сотрудниками центральных исторических архивов². В данном контексте значение иркутской документальной серии, вводящей в оборот большой объем впервые публикуемых источников, трудно переоценить. 30 лет – значительный срок для серийного издания. Несмотря на все проблемы переходного времени, наступившего после 1991 г., серия успешно преодолела орга-

низационные, финансовые и издательские трудности. А.Н. Цамутали приветствовал исследователей из Иркутска, Новосибирска, петербургских историков, собравшихся в стенах института.

Далее выступил сопредседатель Санкт-Петербургского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры А.Д. Марголис, многие годы тесно сотрудничающий с редколлегией и авторами-составителями серии. Он напомнил обстоятельства, при которых возникла идея серийного издания, охватывающего все значимое наследие декабристов, подчеркнул определяющую роль в этом юбилейных научных конференций по истории декабристов 1975 г. в Чите и Иркутске, в ходе которых родился замысел серии, отметил участие в этом проблемного научного совета “Декабристы и Сибирь” при Иркутском государственном университете, созданного в 1976 г., подвижнический труд С.Ф. Ковалья и его иркутских коллег по организации работы редколлегии, выработке программы серии и научных принципов изданий, подготовке первых томов.

А.Д. Марголис увидел особую заслугу основателей серии и “первой редколлегии” в том, что удалось привлечь замечательных исследователей и архивистов, выдающихся знатоков эпохи. “Полярная Звезда” – это большой интеграционный проект, объединивший квалифицированных специалистов из разных регионов страны. А.Д. Марголис указал на большое самостоятельное значение сопроводительных статей к томам серии, каждая из которых представляет собой законченное монографическое исследование о том или ином декабристе. Он предложил идею подготовки отдельного издания – сборника биографических работ, который включал бы в себя вступительные статьи к томам серии.

Старший научный сотрудник СПБНИИ РАН Т.В. Андреева в своем вступительном слове подчеркнула незаменимость томов документальной серии для исследователя, изучающего историю общественного движения первой половины XIX в. Как специалист, занимающийся данной проблематикой, она поблагодарила руководителей серии “Полярная Звезда” и авторов-составителей томов за проделанный огромный труд, результаты которого позволяют обращаться к большому комплексу первоисточников, значение кото-

² См., например: Движение декабристов: Аннотированный указатель к документам фондов ЦГИА СССР / сост. А.Л. Вайнштейн, В.П. Павлова. М., 1981; Петровский Л.П. Архивные справочники по декабристской тематике // ВИ. 1985. № 9. С. 112–118.

рых невозможно переоценить. Тома “Полярной звезды” стали настольным изданием для исследователей указанного периода русской истории. Т.В. Андреева отметила огромное значение серии как публикации источников личного происхождения, без которых невозможно изучить личностные особенности, жизненные установки, взгляды, мировоззрение деятелей русского общественного движения.

Следующая часть заседания была отведена выступлениям членов редакционной коллегии в связи с юбилеем документальной серии. Основной доклад «30-летие документальной серии “Полярная звезда”: достижения и перспективы» представил член редколлегии серии “Полярная Звезда”, ассоциированный научный сотрудник СПБ ИИ РАН П.В. Ильин³.

Заместитель главного редактора редколлегии серии “Полярная Звезда” Т.А. Перцева (Иркутский гос. ун-т) в своем докладе остановилась на современном этапе работы, на тех задачах, которые стоят перед серией в настоящее время. Пройден большой путь, есть значительные результаты. Большая заслуга в этом принадлежит Иркутскому музею декабристов, взявшему на себя в самые трудные времена заботы по изданию новых томов. Но столь протяженная работа не могла обойтись без больших и невосполнимых потерь, которые повлияли на работу редколлегии. Последнее десятилетие принесло с собой особенно ощутимые утраты центральных фигур первоначальной редколлегии (С.Ф. Коваль, С.В. Житомирская), безвременный уход ответственного секретаря Е.А. Ячменева. Но работа продолжается и должна быть продолжена в соответствии с программой издания.

В связи с этим необходимо остановиться на актуальных задачах, стоящих перед серией. Первая основная задача – подготовка качественных научных изданий. В серии по-прежнему должна иметь место не простая републикация, а полноценное введение в научный оборот источников с необходимым текстологическим и источниковедческим исследованием издаваемых материалов. Здесь важны как публикация новых источников, так и качественное издание документов, имеющих несовершенные публикации. Главное – сохранить высокий уровень научных изданий, заложенный в первых томах серии.

Вторая задача – тщательная и корректная подготовка необходимого реального комментария и сопроводительной статьи. Сегодня исследователи располагают большей свободой в анализе и интерпретации различного рода идеологических течений, религиозных идей, истории быта эпохи. Отсутствие идеологических ограничений, свойственных советскому времени, позволяет более полно, непредвзято и объективно изучать письменное наследие декабристов, анализировать взгляды участников общественного движения, их позицию по более широкому спектру вопросов. Вместе с тем в последнее время здесь возникает другая опасность: соблазн отказаться от всего сделанного прежде и “переписать” историю, в том числе историю декабризма. К сожалению, вся новизна такого метода “кавалерийской атаки” нередко заключается в простой смене оценок с плюса на минус, а отсутствие достойной аргументации объясняется необходимостью избавиться историю от наукообразия, сделать ее понятной всем. Думается, что научность и наукообразие – вещи разные, и, даже заботясь о популяризации серии, мы должны сохранять тот уровень, который был высоко оценен нашими коллегами. Еще одна, третья, задача – привлечение новых авторов-составителей не только для дальнейшей реализации программы серии, но и для завершения незаконченных изданий, которые по ряду причин не доведены до конца (П.Н. Свистунов, С.Г. Волконский и др.). Таковы основные задачи, которые стоят сейчас перед редколлекцией; они, по-видимому, сохраняют свое значение и в последующие годы.

Член редколлегии серии “Полярная Звезда” Н.П. Матханова (Институт истории СО АН СССР, Новосибирск) поделилась воспоминаниями о своей работе над томом записок и писем А.В. Поджою⁴. Основной трудностью при его подготовке были особенности авторской рукописи записок (неразборчивый почерк, французский язык). Это удалось преодолеть только с помощью кропотливого труда нескольких специалистов, в том числе знатоков французского письма XVIII–XIX вв. Кроме того, в советский период (как, видимо, и теперь) даже научно значимая публикация такого ценного мемуарного источника, как записки А.В. Поджою, была дополнительной нагрузкой для составителя, скованного плановой и текущей работой. Отдельным аспектом публикаторского труда

³ Дополненный текст доклада публикуется в настоящем издании (С. 25–36).

⁴ Поджою А.В. Записки, письма / изд. подгот. Н.П. Матханова. Иркутск, 1989.

стала датировка писем. Полезным пособием в ходе работы служили архивные описи, рукописный и печатный справочный материал, облегчавший поиск документов. Важнейшим этапом подготовки являлась редакторская работа, обеспечивающая единый уровень готовящихся томов. Н.П. Матханова также обратила внимание на имевшую место ранее систему помощи, опеки и поддержки авторов-составителей, (здесь показателем пример Н.Я. Эйдельмана, внимательно ознакомившегося с рукописью тома А.В. Поджио и высказавшего немало ценных советов).

Н.П. Матханова констатировала отсутствие разработки истории серии “Полярная Звезда” как историографической проблемы, необходимости ее изучения на основе, в том числе архивов основателей и руководителей серии. Нельзя не обратить внимания на то, что выпуск документальных изданий общероссийского значения в Сибири, публикация материалов из московских и ленинградских архивов в “провинциальном” издательстве представляет уникальный, не имеющий аналогов опыт в истории отечественной науки и книгоиздания. Безусловно, требует анализа и оценки значение томов серии в источниковедческом и археографическом плане. В ходе этой будущей работы нельзя оставить без внимания то влияние на исторические исследования, которое имел каждый том серии “Полярная Звезда”, роль вступительных статей, аккумулировавших достижения отечественной историографии, внесших много нового в научные разработки. К сожалению, до сих пор не написана общая история изучения декабристов в советский период, составной частью которой является история иркутской серии. Все это остается делом будущего.

В заключение Н.П. Матханова указала на недостатки в воспроизведении текстов в выходящих публикациях, снижении уровня культуры ссылок в ряде исследований последнего времени. На этом фоне необходимо не отступать от заданной в серии планки источниковедческой, археографической и комментаторской работы.

Далее были заслушаны сообщения составителей томов, вышедших в серии или готовящихся в настоящее время.

Н.Ф. Караш (Санкт-Петербург) рассказала о подготовке издания записок С.Г. Волконского в серии “Полярная Звезда”⁵. Впервые публикация осуществлялась по авторской

рукописи, была проведена тщательная работа по сверке текста дореволюционной публикации с архивным оригиналом. Значительную трудность представлял почерк С.Г. Волконского, с трудом поддающийся расшифровке. Н.Ф. Караш с теплыми чувствами вспомнила о талантливых исследователях и ярких личностях, с которыми ей посчастливилось встретиться в период работы над материалами тома – Н.Я. Эйдельмане, С.Ф. Ковале, Ю.Д. Марголисе, А.З. Тихановской, об их человеческих качествах и научных интересах.

Член редколлегии серии “Полярная Звезда” *Г.Г. Лисицына* (Европейский университет в Санкт-Петербурге) затронула ряд вопросов, связанных с подготовкой издания записок и писем А.М. Муравьева⁶. Сложность публикаторской работы заключалась в иноязычном (французском) тексте большинства издаваемых источников, отсутствии авторского оригинала (сохранились лишь копии записок А.М. Муравьева), наличии нескольких редакций записок. Нельзя не отметить непростую судьбу данного тома: подготовка его к печати пришлось на сложное переходное время и затянулась на долгие 10 лет. Тем не менее можно с удовлетворением сказать, что работа над томом привела к знакомству с людьми, встреча с которыми едва ли состоялась в других обстоятельствах. Г.Г. Лисицына затронула современные проблемы в работе с архивными материалами: нельзя не признать, что архивы, относящиеся к данной эпохе, в прежние годы, в целом, были доступнее, чем сейчас. Серьезной проблемой в постсоветское время стала материальная сторона проекта “Полярная Звезда”, поскольку разнообразные направления подготовки рукописей к печати, а также географические передвижения требуют солидной финансовой поддержки.

Т.Г. Любарская (РГИА, Санкт-Петербург) посвятила присутствующим в некоторые детали подготовки писем А.З. Муравьева к первой научной публикации в серии “Полярная Звезда” (издание готовится к печати). Издаваемый материал позволяет существенно пересмотреть распространенные представления об А.З. Муравьеве, восстановить его биографию в полном виде. Особенностью тома является принадлежность большого комплекса писем женам декабристов, взявшим на себя обязанность писать их родственникам, в связи с установленным запретом на

⁵ Волконский С.Г. Записки / изд. подгот. А.З. Тихановской, Н.Ф. Караш, Б.Н. Капелюш. Иркутск, 1991.

⁶ Муравьев А.М. Записки и письма / изд. подгот. Г.Г. Лисицыной, Э.Н. Филипповой. Иркутск, 1999.

переписку осужденных. Эти письма передают текст, надиктованный А.З. Муравьевым, или отражают его устные сообщения. В связи с этим возникла задача специального выделения этой группы писем в составе тома. Осуществлена сложная и трудоемкая работа по переводу подавляющей части писем с французского языка.

П.В. Ильин рассказал о подготовке публикации мемуарных текстов М.И. Пущина в серии “Полярная Звезда” (издание готовится к печати). Автобиографические записки декабриста сохранились в двух редакциях: рукопись из семейного архива Пушиных передает раннюю редакцию, а текст, опубликованный в 1908 г. в журнале “Русский архив”⁷, – позднюю. Рукопись, положенная в основу указанной публикации, до сих пор не обнаружена. В советское время записки М.И. Пущина в полном виде не издавались. В настоящее время в целом завершена сверка двух редакций, составлены текстологические примечания, отражающие различия между ними. Воспоминания М.И. Пущина об А.С. Пушкине сохранились в виде автографа, который будет положен в основу готовящейся научной публикации (опубликованный впервые еще в 1893 г.⁸ текст страдает серьезными неточностями). По итогам работы планируется первое научное издание мемуарных текстов М.И. Пущина в соответствии с требованиями, выработанными в серии “Полярная Звезда”.

В заключение состоялся обмен мнениями по затронутым в докладах и сообщениях вопросам.

А.А. Кононов (РНБ, Санкт-Петербург) обратил внимание собравшихся на важность сбалансированного подхода к публикации источников. Представляется, что в рамках серии ранее соблюдалось гармоничное сочетание публикации источников разных видов – публицистических, литературных и научных трудов, записок, мемуаров, дневников, писем. В последние годы наметилась тенденция к изданию в основном эпистолярных источников, которые, без сомнения, наделены немаловажным значением, но тем не менее не могут заменить собой источники личного происхождения во всем их разнообразии. Чтобы избежать возможного перекоса в публикаторском процессе, А.А. Кононов высказал мнение о необходимости самостоятельной редакционной политики, которая подразумевает не столько следование иссле-

довательским интересам авторов-составителей, сколько создание необходимых условий для планомерной публикации документальных комплексов и отдельных памятников декабристского наследия, имеющих несомненное общеисторическое значение (мемуаров, дневников, сочинений).

М.В. Вершевская (Государственный музей истории Санкт-Петербурга) подчеркнула значимость подобных собраний, регулярных встреч исследователей и обмена опытом. В этом контексте следует рассматривать приближающийся юбилей – 185-летие событий на Сенатской площади в 2010 г., в рамках которого было бы оправданно провести следующую встречу членов редколлегии с исследователями, занимающимися историей декабристов.

П.В. Ильин продолжил эту мысль, обратив внимание на важность регулярных встреч членов редколлегии с кругом заинтересованных исследователей, которые потенциально могут стать составителями новых томов. Прозвучавшие в ходе заседания выступления как нельзя лучше демонстрируют необходимость привлечения к работе новых исследовательских сил. Следует согласиться с тем, что необходимо уделять внимание публикации важнейших декабристских памятников, не имеющих до сих пор научного издания (в частности, упомянутых в основном докладе), вести целенаправленную редакционную политику. При этом нужно отметить, что эпистолярные материалы часто содержат ценную биографическую информацию, которую нельзя обнаружить в других источниках.

С.Е. Эрлих (издательство “Нестор-История”, Санкт-Петербург) отметил необходимость обмена научными изданиями между Петербургом и Сибирью, предложил конкретные пути распространения в Петербурге исторических изданий, в том числе томов документальной серии “Полярная Звезда”.

Т.А. Перцева сообщила о происшедших изменениях в редколлегии серии в связи с ее обновлением. Новым главным редактором стал директор ГА РФ, профессор МГУ, д.и.н. С.В. Мироненко, его заместителем остается к.и.н. Т.А. Перцева, еще одним заместителем избран к.и.н. П.В. Ильин, членами редколлегии остаются Г.Г. Лисицына, д.и.н. Н.П. Матханова, д.ф.н. Г.В. Чагин (Москва), к.и.н. В.П. Шахеров (Иркутск), новыми членами избраны Т.С. Комарова (Красноярск) и к.и.н. О.В. Эдельман (ГА РФ, Москва). За-

⁷ Записки Михаила Ивановича Пущина // Русский архив. 1908. № 11. С. 410–464; № 12. С. 507–576.

⁸ См.: Майков Л.Н. Из заметок о Пушкине // Русский вестник. 1893. № 9. С. 160–167.

меститель главного редактора редколлегии пожелала авторам-составителям будущих томов творческих успехов, результативного завершения предпринятых исследований.

В заключение ведущие заседания Т.В. Андреева и П.В. Ильин поблагодарили присутствующих за содержательные выступления

и состоявшийся обмен мнениями, выразили удовлетворение в связи с теплой атмосферой, которая отличала заседание, собравшее вместе, по замыслу организаторов, друзей и единомышленников, пожелали участникам встречи новых творческих свершений.

Т.А. Перцева, П.В. Ильин

СОЗИДАТЕЛИ КУЛЬТУРЫ СМОЛЕНЩИНЫ

10 июня 2009 г. Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым был подписан Указ “О праздновании 1150-летия основания г. Смоленска”. В рамках реализации программы мероприятий по подготовке юбилея, который город отметит в 2013 г., готовится к выходу в свет библиографический справочник “Созидатели культуры Смоленщины: библиотечные и музейные деятели, книгоиздатели и коллекционеры конца XVIII – начала XX века”. В авторский коллектив издания входят представители двух региональных учреждений: Смоленского государственного института искусств (преподаватель кафедры библиотечковедения и информационных ресурсов Т.Н. Жарова и кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела и охраны памятников М.В. Иванов) и редакции научно-популярного журнала “Край Смоленский” (заместитель главного редактора Л.Л. Степченков). Издание осуществляется при научной поддержке Археографической комиссии РАН, ответственным редактором книги и автором предисловия к ней является председатель Комиссии, член-корреспондент РАН С.М. Каштанов.

Справочник содержит свыше тысячи биографических статей о деятелях культуры Смоленской губернии, значительная часть сведений о которых впервые вводится в научный оборот. Этих лиц, порой разительно отличавшихся по сословию, социальному положению (должности, чину гражданской и военной служб, уровню доходов и земельной собственности), объединяет их посильный вклад в развитие смоленской культуры. Они названы общим словом “созидатели”, имеющим множество раскрывающих цель книги синонимов – создатели, основатели, учредители, творцы...

В последние годы наметился значительный интерес государственных и общественных структур к проблемам сохранения и возрождения местных традиций. Изучение и эффективное использование уникального культурного наследия Смоленской области в данной связи приобретает особую значимость. Смоленщина, расположенная возле западной границы России, оказалась под влиянием межкультурных взаимодействий Западной и Восточной Европы, которые сохранялись на протяжении длительного времени. В период пребывания Смоленска под властью Речи Посполитой, несмотря на благоприятное отношение к православию и сохранение официального русского языка, происходил процесс проникновения западноевропейской культуры на русские земли. После присоединения Смоленска к “Московии” в 1667 г. многие литовские дворяне остались на службе в Русском государстве, приняли подданство и крестились по православному обряду. Они составили особый слой дворянства – смоленскую шляхту, которая вплоть до 1917 г. общалась на польском, русском и старобелорусском языке¹.

Народные восстания 1863–1864 гг. в Польше стали предпосылкой, способствовавшей еще большему распространению европейской культуры на Смоленской земле. Высланной в Сибирь после подавления восстаний польской интеллигенции запрещалось возвращаться на родину. Многие представители просвещенной элиты после ссылки в 80-х годах XIX в. селились в западных губерниях России, в том числе на Смоленщине². Перечисленные факторы послужили тому, что значительная часть смоленского дворянства имела польское происхождение.

Помимо влияния западной культуры, для губернии были характерны типичные черты

¹ Смоленская шляхта: В 2 т. / авт.-сост. Б.Г. Федоров. Смоленск, 2010. Т. 1. С. 17.

² Жарова Т.Н. Взаимодействие культур на Смоленской земле: на примере деятельности римско-католических библиотек в начале XX века // Край Смоленский. 2011. № 11. С. 23.

Центральной России. Из представителей русского дворянства состояла значительная часть местного чиновничества, способствовавшего культурному развитию губернии. Существенное влияние на формирование библиотечного и музейного дела, книгопечатания оказали прогрессивные правители-губернаторы. Заложены эти традиции были еще в первой половине XIX в. участником Отечественной войны 1812 г., драматургом Н.И. Хмельницким, ставшим инициатором открытия Смоленской губернской библиотеки в 1831 г. В конце XIX столетия передовые начинания возобновил губернатор В.О. Сосновский. Его стараниями было открыто большое количество бесплатных народных библиотек, в некоторые из которых его избрали почетным членом комитетов. Просветительская деятельность смоленских губернаторов и предводителей дворянства стала фактором, за которым последовал всплеск частной инициативы в открытии библиотек, музеев, книжных магазинов и типографий.

Многие из библиотечных деятелей Смоленщины были известны за пределами губернии. Назовем лишь некоторых из них: библиограф Г.Н. Геннад, профессор Московского университета и член-корреспондент РАН С.А. Рачинский, путешественник Н.М. Пржевальский, князь Н.П. Мещерский и его жена М.А. Мещерская (урожденная Панина), князь В.М. Урусов, граф И.А. Уваров, граф А.Д. Шереметев, выдающийся деятель народного образования В.П. Вахтеров, поэт А.Н. Плещеев, депутат Первой Государственной думы А.Н. Попов и его жена писательница О.Н. Полова и другие.

Распространению книжной культуры в обществе, открытию библиотек и музеев на Смоленской земле способствовала также близость к обоим столицам России – Санкт-Петербургу и Москве. Благодаря своевременному знакомству с новинками печати и литературными событиями конец XVIII – начало XIX в. стали временем расцвета культуры Смоленского края. Социокультурная ситуация в любой местности оценивается по количеству издаваемых книг, брошюр, периодических изданий. Возникновение и развитие типографского дела вывело Смоленщину на передовые позиции в России. В конце 70-х

лет XVIII в. известный писатель и организатор крупнейших издательств Н.И. Новиков открыл в Смоленске, в числе шести провинциальных российских городов, книжную торговлю. Накопленный за XVIII в. интеллектуальный потенциал привел к появлению в Смоленске первой типографии, связанной с деятельностью И.Я. Сытина. Большое количество книг, изданных в конце XVIII – начале XIX в., по сравнению с другими провинциальными городами России, принято называть “смоленским феноменом”³.

В среде книгоиздателей необходимо указать несколько человек, деятельность которых оказала значительное воздействие на развитие культуры Смоленской губернии: содержатель первой типографии в губернском центре И.Я. Сытин, владелец первой частной смоленской типолитографии А.Н. Переплетчиков, собственник самой крупной типолитографии в Смоленске и подобных заведений в Духовщине, Сычевке, Юхнове, Могилеве, Витебске Я.Н. Подземский, крупный общественный деятель Л.А. Черевин, владелец типографии, книжных магазинов, библиотеки, общественный деятель либеральной направленности крестьянин М.С. Калинин, редактор-издатель, заложивший демократическую направленность газеты “Смоленский вестник”, неоднократно подвергавшийся различным наказаниям за прогрессивные публикации, А.И. Елишев.

Для центральных губерний России, в том числе и Смоленской, было характерно книжное собирательство и коллекционирование предметов культуры. После указа Петра III об освобождении дворян от обязательной службы, изданного в 1762 г., начался активный процесс европеизации имений. Число дворян в западных и юго-западных губерниях, т.е. территориях ранее входивших в состав Речи Посполитой, существенно превышало число дворян в коренных русских губерниях. На Смоленщине проживали 16,6 тыс. потомственных дворян, т.е. больше, чем в крупной Московской губернии (13,5 тыс.)⁴. Причиной этому была многочисленность мелкопоместной шляхты. На рубеже XIX–XX вв. в губернии числилось более 1500 дворянских родов⁵. По данным 1909 г. – более 6250 владельческих имений⁶.

Поместья с их нововведениями, богатыми библиотеками и коллекциями произведений

³ Степченко Л.Л. Полиграфия Смоленщины: 1795 – 1915 гг. Смоленск, 2008. С. 3.

⁴ Смоленская шляхта... Т. 1. С. 19.

⁵ Иванов М.В. Смоленский край: История музейной деятельности на материалах частных собраний, выставок и музеев: (конец XVIII – первая треть XX в.). Смоленск, 2005. С. 12.

⁶ Государственный архив Смоленской области. Ф. 5 (Смоленский губернский статистический комитет). Оп. 1 (1909). Д. 15.

искусства стали центрами экономической и культурной жизни Смоленщины XVIII–XIX вв. В числе смоленских помещиков-библиофилов, имевших в частных коллекциях от 100 до 15 тысяч книг упомянутые ранее Г.Н. Геннади, С.А. Рачинский, Н.М. Пржевальский, а также этнограф Е.Н. Клетнова, владелица фабрики товарищества Ярцевской мануфактуры бумажных изделий В.А. Хлудова, владельцы имения Холм Бельского уезда графы Уваровы, имения Хмелита Вяземского уезда Волковы-Муромцевы и другие. Книжные коллекции составляли не только дворяне, но и небогатые смоляне других сословий, например, представители духовенства Н.А. Мурзакевич и И.И. Орловский, помещанин В.И. Грачев.

В развитии музейного дела Смоленского края, наряду с широко известными В.В. Докучаевым, М.К. Тенишевой, М.М. Пришвиным, сыграли важную роль и мало знакомые широкому кругу деятели – С.М. Соколовский, Л.Я. Лавровский, П.А. Спиридонов, Н.И. Савин и другие. Есть в их числе и те, кто по тем или иным причинам до недавнего времени были “фигурами умолчания” (В.А. Меландер, В.И. Мушкетов и др.).

В ряду персоналий, рассмотренных в издании, имеются не только отличившиеся своей многогранной деятельностью на Смоленской земле, но и внесшие вклад в развитие русской культуры в целом. Особо отметим в этой связи

М.К. Тенишеву, Е.Н. Клетнову, Н.М. Пржевальского, Г.Н. Геннади, М.М. Пришвина, А.Ф. Палашенкова.

Смоленская земля включена богатыми просветительскими традициями, открывала в числе первых публичные библиотеки, типографии, музеи. Самой же большой ее гордостью были люди, благодаря которым она достигла высокого культурного уровня развития.

В биографические справки о деятелях культуры включены сведения о происхождении, владении собственностью, образовании, служебной и общественной деятельности, наградах и почетных званиях и проч. Источники, использованные при подготовке данного издания, разделяются на две основные группы: неопубликованные – документы центральных и региональных архивов; опубликованные – исследования современных авторов, воспоминания, переписка и дневники деятелей культуры, библиотечные и музейные каталоги, памятные и справочные книжки, путеводители по Смоленску, публикации в периодических изданиях.

Издание снабжено вспомогательными указателями: географическим, именовым, словарем названий устаревших должностей (чинов) и учреждений царской России. В качестве иллюстративного материала использованы фотокопии архивных документов и портреты персоналий.

Т.Н. Жарова, М.В. Иванов, Л.Л. Степченков

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.А. ЗИМИНА: ПЯТЫЕ ЗИМИНСКИЕ ЧТЕНИЯ В РГГУ (25–26 февраля 2010 г.)

25–26 февраля 2010 г. в Москве прошли Пятые Зиминские чтения, посвященные 90-летию со дня рождения А.А. Зимина и приуроченные к 30-летию со дня его кончины. Международная научная конференция в рамках Чтений была посвящена теме “Историк в России: между прошлым и будущим” и проходила в Центральной аудитории Российского государственного гуманитарного университета.

Организаторами конференции стали Отделение историко-филологических наук РАН, Архив РАН, Федеральное архивное агентство, РГАДА, РГГУ, а также кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ.

В конференции приняли участие более 80 человек, а на пленарных и секционных заседаниях выступили более 60 человек

из почти двух десятков городов – Москвы, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Брянска, Владимира, Волгограда, Вологды, Казани, Набережных Челнов, Нижнего Новгорода, Перми, Рязани, Сыктывкара, Твери, Ульяновска, Чебоксар, Челябинска, Энгельса. В числе многочисленных гостей конференции присутствовали представители академических институтов, работники музеев и архивов разных городов, сотрудники и профессора РГГУ. Особенно памятный характер чтениям придало присутствие на заседаниях Валентины Григорьевны Зиминной.

Перед началом работы конференции в фойе РГГУ состоялось открытие выставки, на которой были представлены труды А.А. Зимина, а также документы из архива ученого, Архива РАН и других частных собраний,

посвященные исследованию А.А. Зиминим “Слова о полку Игореве”.

Открывая работу конференции, с приветственными словами выступили представители руководства университета – ректор РГГУ, член-корреспондент РАН *Е.И. Пивовар*, проректор по научной работе *Д.П. Бак*. Ими был отмечен огромный вклад А.А. Зимина в отечественную историческую науку и особенное значение личности ученого для Историко-архивного института, в котором он долгие годы преподавал. В своей вступительной речи *В.П. Козлов*, член-корреспондент РАН и профессор РГГУ, выразил признательность участникам конференции, а также руководству университета за поддержку в организации чтений.

Пленарную часть конференции открыл доклад главного редактора журнала “Исторический архив” *А.А. Чернобаева*, представившего фотолетопись жизни и творчества А.А. Зимина и уделившего внимание актуальности трудов ученого в работе современных историков.

Доклад академика РАО *С.О. Шмидта*, знакомого с А.А. Зиминим с конца 1930-х годов по Историческому факультету МГУ, а затем и по совместной работе на одной кафедре в МГИАИ, касался первых шагов Александра Александровича в науке и становления его как историка и источниковеда.

Доклад *А.Л. Хорошкевич* (Институт славяноведения РАН) носил характер личных воспоминаний о А.А. Зимине, его судьбе, работе с источниками, учениках и коллегах.

Член-корреспондент РАН *С.М. Каштанов* рассказал о А.А. Зимине как своем Учителе, всегда с огромным вниманием относившемся к ученикам, о его новаторских научных подходах. Вторая часть выступления тематически продолжала один из “зиминских” сюжетов и была посвящена спорным вопросам истории холопства и формы устройства Древнерусского государства.

В докладе *Л.Н. Пушкарева* (ИРИ РАН), прочитанном *И.М. Пушкаревой* (ИРИ РАН), были отмечены широта научных интересов, удивительная работоспособность А.А. Зимина, который и в наши дни остается примером истинного служения науке.

Директор Архива РАН *В.Ю. Афиани* посвятил свой доклад малоизвестным архивным документам, касающимся обсуждения в 1964 г. книги А.А. Зимина о “Слове о полку Игореве”.

Р.А. Киреева (ИРИ РАН) рассказала о работе А.А. Зимина над исследованием научно-

го творчества В.О. Ключевского, подготовке многотомного издания и неосуществленной докторской диссертации на эту тему.

В.С. Мингалев (ВНИИДАД) в своем докладе коснулся важности издания эпистолярного наследия А.А. Зимина. По словам докладчика, в современном преподавании должно уделяться больше внимания источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам как основе научной работы.

Директор РГАЛИ *Т.М. Горяева*, вспоминая свои занятия в студенческом семинаре А.А. Зимина, рассказала, как А.А. на своем примере учил студентов серьезному и профессиональному отношению к науке, научной и гражданской смелости, честности, щедрости и открытости к ученикам. По словам докладчика, в фундаменте научной школы А.А. Зимина стоят не только научные, но и нравственные основы.

С докладом о научных подходах А.А. Зимина выступил член-корреспондент РАН *В.П. Козлов*, достаточно подробно остановившийся на работе А.А. по изучению датировки и авторства “Слова о полку Игореве”.

Дальнейшие доклады конференции были сгруппированы по трем секциям, названия которых следовали основным направлениям трудов А.А. Зимина: отечественная история, источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины, историография.

Секция отечественной истории включала доклады, хронологически охватывающие период от Древней Руси до XVIII в. Продолжая направления научных поисков А.А. Зимина, большинство из них было посвящено политической и социально-экономической истории.

Периоду русского Средневековья было посвящено несколько сообщений. *П.И. Гайденко* (Казань) в своем докладе обратился к дискуссионной проблеме “феодального” характера церковной организации на Руси. По мнению докладчика, исследование административно-политического и экономического устройства русской церкви может потребовать пересмотра сложившихся в историографии представлений о церкви на Руси как феодальном институте. *А.В. Кузьмин* (Москва) проанализировал генеалогические подробности происхождения участников заговора 1462 г. с целью освобождения боровско-серпуховского князя Василия Ярославича, что позволило проследить связь заговорщиков с уделом названного князя. *А.С. Усачев* (Москва) в своем докладе по материалам Троице-Сергиева, Спасо-Евфимьева, Кирилло-Белозерского и Иосифо-Волоко-

ламского монастырей исследовал традицию наименования монастырей по имени их основателей. В результате докладчик пришел к выводу, что имя основателя обитель получала через некоторое время после его смерти. Это позволило указать наиболее вероятный хронологический диапазон даты смерти Козьмы Яхромского, имя которого получил Владимирский Успенский Космин монастырь. В докладе *С.В. Алексеевой* (Санкт-Петербург) было показано значение А.А. Зимина как исследователя периода второй четверти XV в., представившего целостную концепцию “феодалной войны” и повлиявшего на последующую историографию проблемы. Внимание было уделено также анализу различных историографических подходов к данной теме.

Наиболее многочисленным на секции отечественной истории стал блок докладов, посвященных периоду XVI–XVII вв.

К.В. Петров (Ленинградская область) осуществил сравнительное исследование систем и практик управления в России XV–XVII вв. и в западноевропейских странах, что позволило наметить особенности приказной системы управления в отличие от аналогичных европейских учреждений.

О.Г. Ульянов (Москва) посвятил доклад проблеме возникновения и формирования в XVI в. института оружейничих, уделил внимание организации, функциям и персональному составу оружейничих. *М.В. Моисеев* (Москва) в результате анализа русско-ногайских отношений в XVI в. отметил важность для организации дипломатических отношений изначального статуса страны. Дипломатический статус Ногайской орды и социальное положение связанных с ней русских дипломатов были достаточно низкими, несмотря на важное политическое значение связей с данным регионом. Кроме того, докладчиком были отмечены имевшая место преемственность и семейственность среди русских дипломатов, занимавшихся ногайскими связями и географическая близость их территориального происхождения к восточным границам.

М.С. Черкасова (Вологда) обратилась к изучению так называемой “генеральной ревизии” монастырей конца XVI – начала XVII в. Объектом ее исследования стала опись имущества, казны и владений Спасо-Прилуцкого монастыря 1593 г., охватывающая разные отрасли монастырского управления.

В докладе, прочитанном *П.В. Белоусовым* (Москва) и написанном им совместно с *Л.В. Столяровой* (Москва), были изложены

результаты изучения обстоятельств гибели царевича Дмитрия с привлечением методов медицины. На основании анализа источников, где имеются упоминания симптомов недуга, авторы пришли к выводу, что царевич мог погибнуть в результате сильнейшего припадка, спровоцированного его болезнью.

Н.В. Башнин (Санкт-Петербург) рассмотрел особенности сельского расселения и миграции в вотчине Дионисьево-Глушицкого монастыря в XVI–XVII вв. на материале писцовых и переписных книг, писцовых дел и монастырских описей. *Д.Г. Давиденко* (Москва) проанализировал сведения о комплектовании, содержании и использовании лошадей в Симоновом монастыре в XVI–XVII вв. Среди широкого круга источников исследования особое место заняли монастырские вкладные и кормовые книги.

Доклад *В.Д. Назарова* (Москва) был посвящен одному из крупных деятелей периода Смутного времени – Прокопию Ляпунову, его личности и судьбе в контексте эпохи. *Ю.М. Эскин* (Москва) затронул вопрос реставрации местничества по окончании Смуты, обрисовал картину того, как местнические практики вновь выходили на первый план в жизни Государева двора. В центре доклада стояла фигура князя Д.М. Пожарского, претерпевшего немало местнических перипетий. *Я.Н. Рабинович* (Энгельс) проанализировал малоизученные в историографии сведения о русско-шведских отношениях в Смутное время, отраженные в “Истории Российской” В.Н. Татищева. Докладчик показал истоки интереса В.Н. Татищева к данной проблеме, источники его исследования и содержание сведений.

Н.П. Чеснокова (Москва) посвятила свой доклад контактам Синайского монастыря святой Екатерины с русским правительством в XVI–XVII вв. На первый план выступили вопросы культурной связи и обмена между Синайским монастырем и Московским государством и их влияние в искусстве и архитектуре. *Б.Н. Флоря* (Москва) посвятил свой доклад вопросам политической истории XVII в. – обстоятельствам конфликта А.Л. Ордина-Нашокина и И.А. Хованского.

Ф.Н. Иванов (Сыктывкар) уделил внимание вопросам раскладки рекрутской повинности в XVIII–XIX вв., рассмотрел практики отбора новобранцев и влияние законодательства на этот процесс.

Заключительные два сообщения секции были посвящены отечественной истории XVIII в. Доклад *А.И. Комиссаренко* и *А.Е. Че-*

куновой (Москва) касался религиозных аспектов внутренней политики Екатерины II. *А.И. Аксенов* (Москва) рассмотрел проблему государственности России в этот период с точки зрения взаимоотношения власти и общества.

Не менее насыщенной оказалась и секция источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Анализа источниковедческих подходов *А.А. Зимина* касались два сообщения. Доклад *М.Е. Бычковой* (Москва) был посвящен анализу вклада *А.А. Зимина* в развитие источниковедения. Докладчик отметила разработку *А.А. Зиминим* метода источниковедческого анализа делопроизводственных документов и “источниковедения системы фактов” при исследовании “Слова о полку Игореве”. *Н.Г. Самарина* (Москва) обратилась к наследию *А.А. Зимина*, реализовавшего системный метод и системный подход, применительно к задачам современного источниковедения.

Два сообщения носили теоретический и обобщающий характер. Богатых возможностей исторической науки, ее общественного и практического значения касался доклад *Ю.Н. Мельникова* (Ульяновск). Выступление *Ю.Л. Троицкого* (Москва) было посвящено теоретическим и методологическим вопросам современного источниковедения, принципам “дискурсного” анализа.

Основная часть докладов секции была посвящена исследованию различных видов и разновидностей источников, охватывающих эпоху от Средневековья до XX в.

Т.Ю. Фомина (Набережные Челны) провела анализ сведений Новгородской I летописи применительно к истории Новгородской епископии X – середины XII в. *В.Л. Кляус* (Москва) посвятил доклад выявлению эпических основ сюжета борьбы молодца с солнцем “Слова о полку Игореве”. *А.А. Горский* (Москва) обратился к исследованию записи на Псковском Апостоле 1307 г. *Е.В. Пчелов* (Москва) затронул проблему использования двуглавого орла на Руси до печати *Ивана III* 1497 г. Рассмотрев изображения орла на различных предметах и памятниках архитектуры, докладчик сделал вывод о неустойчивом использовании данного символа до XV в.

А.А. Романова (Санкт-Петербург) представила результаты анализа пасхалии *Ермолая-Еразма* – календарного справочника середины XVI в. *Ю.Д. Рыков* (Москва) проанализировал сведения записи синодика Архангельского собора Московского Кремля, содержащей данные о детях боярских, павших

в сражении июня 1556 г. в Казанском крае. В центре исследования *Е.А. Наймарк* (Санкт-Петербург) были традиции протехнических показов на официальных праздниках конца XVI – первой половины XVIII в.

В.Н. Козляков (Рязань) коснулся проблемы мифологизации событий Смутного времени, наблюдаемой в последнее время, как части общего пересмотра истории России под влиянием политических задач. Доклад *Н.В. Рыбалко* (Волгоград) был посвящен персональному составу печатников с конца XVI в. по 1613 г., когда печатниками были такие крупные деятели своей эпохи, как *Василий Щелкалов*, *Богдан Сутопов*, *Денис Сафонов*, *Иван Грамотин*. Объектом рассмотрения в докладе *Б.Н. Морозова* (Москва) стала грамота от турецкого султана *Садовлея* к московскому царю и ответ на нее от имени царя *Михаила Федоровича*. Докладчик уделил внимание вопросам происхождения и содержания источников, их связи с другими памятниками эпохи, показал, как в источниках переплетены реальные и легендарные события.

А.М. Булатов (Москва) проанализировал, как менялось со временем изображение и представление о Камчатке на географических картах. Докладчик рассмотрел карты, начиная с Античности, и уделил основное внимание европейским и русским картам XVI–XVIII вв., на которых изображалась восточная оконечность Азии.

М.М. Сафонов (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад сочинению *И.П. Сахарова* “о русских конституциях”, где речь идет о несохранившейся конституции *Александра I* из собрания *А.Н. Попова*, подписанной в начале царствования императора. *О.Е. Думенко* (Тверь) рассмотрела функционирование городской школы в Твери в последней трети XVIII в. по материалам делопроизводственных документов городских учреждений: городского магистрата, сиротского суда, городской думы из фондов Государственного архива Тверской области.

И.К. Лапина (Владимир) затронула тему формирования образа США по материалам отечественной периодики первой половины 1920-х годов. *М.Ю. Киселев* (Москва) показал роль *Г.А. Князева* в создании научно-справочного аппарата Архива Академии наук СССР в 1930–1950-е годы.

Секция историографии включала несколько сообщений, касающихся научного творчества *А.А. Зимина*, его связей с коллегами и учениками. Доклад *А.М. Дубровского* (Брянск) был посвящен становлению *А.А. Зи-*

мина как историка и влиянию его учителя С.В. Бахрушина на тематику и методику работ А.А. Предметом рассмотрения в докладе *К.Ю. Ерусалимского* (Москва) стало изучение А.А. Зиминым общественно-политической мысли XVI в. *А.А. Севастьянова* (Рязань), обратившись к опыту общения с А.А. Зиминым и В.Б. Кобриным в 1960–1970-е годы, рассматривала явление “ученичества”, присущее молодым исследователям, попавшим в орбиты названных историков. А.А. Зимин и В.Б. Кобрин для многих стали Учителями, людьми, с которых хотелось брать пример. Доклад *М.А. Базанова* (Челябинск) содержал подход к А.А. Зимину и его ученикам с позиций историографического понятия “научная школа”, автор сообщения на основании анализа воспоминаний раскрыл основные черты педагогической деятельности Зимина.

На секции были сделаны сообщения, касающиеся оценки советской историографии и роли историка в современной России, направлений дальнейшего развития исследований. *В.И. Дурновцев* (Москва) в своем докладе рассмотрел феномен советской историографии. *Т.Н. Иванова* (Чебоксары) на примере личности В.И. Герье показала влияние стереотипов советской историографии на оценки научного наследия дореволюционных историков. *С.Б. Белов* (Нижний Новгород) представил размышления о том, кто такой историк в современной России и каким он должен быть. Докладчик отдал должное А.А. Зимину, сумевшему, по его словам, создать свой стиль в исторической науке, оставаясь при этом личностью. *Г.Н. Ланской* (Москва) коснулся современного состояния историографии экономической истории России начала XX в., характеризующегося переходом от советских принципов к новым подходам.

Еще одним тематическим направлением сообщений секции стало историографическое изучение трудов отечественных историков XVIII–XX вв. *О.Г. Санин* (Москва) посвятил доклад вопросу образования исторического департамента при Российской академии наук, выдвинутому Г.Ф. Миллером в 1746 г. *М.К. Павлович* (Москва) уделила внимание жизненному пути и трудам Н.Д. Извекова как историка соборов и церкви Московского Кремля. *Г.П. Волгирева* (Пермь) рассмотрела книгу экономиста П.Н. Першина “Община и хутора Красноуфимского уезда Пермской губернии” как исследование особенностей крестьянского землевладения и хозяйства в данном регионе в начале XX в. *А.М. Столяров*

(Казань) проанализировал взгляды русских историков начала XX в. о Кривской унии 1385 г. *И.В. Сидорчук* (Санкт-Петербург) рассмотрел вклад А.С. Лаппо-Данилевского в решение вопросов междисциплинарного синтеза. *Б.С. Илизаров* показал трансформацию образа царя Ивана Грозного в трудах Р.Ю. Виппера под влиянием политических установок.

Итоги работы конференции подвел в своем выступлении член-корреспондент РАН В.П. Козлов, который от имени Оргкомитета озвучил ряд предложений: сделать конференцию с общим названием “Историк в России: между прошлым и будущим” периодической и посвящать ее памяти крупных отечественных историков, источниковедов, архивистов; запросить руководство РГГУ о возможности проведения таких конференций на базе университета; просить руководство РГГУ о поддержке в издании готовящегося Полного собрания трудов А.А. Зимина; совместно с руководством РГГУ ходатайствовать о включении вспомогательных исторических дисциплин в Государственный стандарт по образованию. Все данные предложения были единогласно одобрены участниками конференции. В заключение В.П. Козлов поблагодарил всех участников конференции, а также ее организаторов, отметил большое научное и общественное значение прошедших Зиминских чтений, одним из важных результатов которых должно стать издание готовящегося сборника статей, посвященного А.А. Зимину. На этом работа конференции закончилась, а общение ее участников продолжилось во время фуршета.

Пятые Зиминские чтения не только стали крупной научной конференцией, где прозвучали серьезные доклады по широкой проблематике, но и одновременно памятным мероприятием, показавшим вновь жизненность и актуальность научного наследия А.А. Зимина. Заседания объединили многих учеников А.А. Зимина, а также тех, кто считает его своим учителем и тех, кто знаком с ним уже только “заочно”, по трудам, и продолжает исследования его любимых сюжетов. Из воспоминаний и исследований докладчиков вставал образ яркой личности А.А. Зимина – страстно увлеченного наукой, бескомпромиссного в научном поиске, но при этом человека с разносторонними интересами, успевавшего всегда так много, обаятельного и талантливого.

Труды Зимина и подготовленные им издания источников поражают не только темати-

ческой широтой, но и своим новаторством, исчерпывающим и тщательным анализом источников и научных трудов по интересовавшей его теме. Книгам и статьям присущи качества, свойственные самому А.А. – высочайшее мастерство и глубокая искренность. Время показывает, что личность Зимина будет оставаться одной из притягательных вершин отечественной исторической науки,

а оставленные им труды сохраняют научную актуальность и долгие годы будут источником вдохновения для историков.

Практика подобных конференций, без сомнения, очень важна, как для стимулирования современных исследований, так и для укрепления преемственности и исторической памяти в самой науке, без чего невозможно ее развитие.

Н.А. Комочев

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ В ИСТОРИКО-АРХИВНОМ ИНСТИТУТЕ РГГУ К 60-ЛЕТИЮ КРУЖКА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

(17 апреля 2010 г.)

17 апреля 2010 г. в актовом зале Историко-архивного института РГГУ, по инициативе руководства кафедры региональной истории и краеведения, состоялось торжественное заседание, приуроченное к 60-летию со времени основания научного студенческого Кружка источниковедения отечественной истории, душой и бессменным руководителем которого на протяжении полувека являлся С.О. Шмидт. Хотя как официальная структура Кружок прекратил свое существование десять лет назад и последним его заседанием стал день празднования его 50-летия 15 апреля 2000 г.¹, заведующий кафедрой региональной истории и краеведения *В.Ф. Козлов*, открывая заседание, специально отметил, что день рождения кружка (13 апреля) и день рождения его руководителя (15 апреля) всегда были особенными для Историко-архивного института, а 60-летие кружка – преддверие двух грядущих юбилейных дат – 80-летия Историко-архивного института и 10-летия РГГУ. На призыв принять участие в праздновании круглой даты Кружка отозвались кружковцы самых разных поколений. Актовый зал был полон.

Во вступительном слове *С.О. Шмидт* обозначил основные вехи истории Кружка, охарактеризовал вклад кружковцев в развитие гуманитарных научных знаний, высшей школы. Приоритеты научных ценностей, дружбы, взаимоуважения, высоких нравственных отношений, толерантности, культивируемые внутри сообщества, оказали видимое влияние на судьбы многих кружковцев. С.О. Шмидт особо говорил о значе-

нии Кружка в своей научно-педагогической судьбе, в формировании научно-педагогической школы источниковедения. Звучали имена А.В. Елпатьевского, С.М. Каштанова, В.В. Белецкой, Г.Я. Тарле, И.С. Фесуненко, Л.М. Рошала, Н.Н. Митрофанова, Г.С. Лялиной, Н.С. Лебедевой, И.Л. Беленького, М.К. Макарова, Е.В. Старостина, Е.Н. Швейковской, В.Ю. Афиани, С.Б. Филимонова, С.В. Чиркова, В.И. Гальцова, В.Е. Туманова, В.П. Козлова, К.Е. Новохатского, Г.П. Присенко, Д.В. Карева, М.Ф. Шумейко, А.Н. Медушевского, В.Ф. Козлова, С.В. Журавлева и многих других видных историков и архивистов, преподавателей высшей школы и сотрудников Российской академии наук. Почтили память и ныне уже покойных С.А. Левиной, Е.С. Сизова, В.М. Кабузана, А.А. Курносова, Б.А. Томана, Ю.Я. Рыбакова, Е.П. Маматовой, А.Д. Степанского, А.Л. Станиславского, В.В. Кабанова, В.А. Муравьева, В.В. Крылова, А.А. Амосова, А.Д. Зайцева, М.П. Лукичева и др. Руководитель Кружка особо отметил роль профессоров и преподавателей Историко-архивного института А.С. Рословой, В.К. Яцунского, О.М. Медушевской, Е.А. Луцкого, А.А. Зимина, И.А. Мироновой, М.Н. Черноморского и др., активно участвовавших в работе Кружка, направлявших для работы в нем своих студентов.

От имени ректората РГГУ и дирекции Историко-архивного института выступил директор ИАИ РГГУ *А.Б. Безбородов*. В.Ф. Козлов огласил приветственные телеграммы, поступившие на имя С.О. Шмидта, от

¹ См.: Кружку источниковедения – пятьдесят лет. М., 2000; Юбилей уникального кружка // Научная книга. 2000. № 2(8). С. 109–111; *Мельников А.В.* Юбилей Кружка источниковедения Историко-архивного института РГГУ // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 490–492.

С.Б. Филимонова (Симферополь), В.И. Гальцова (Калининград), М.Ф. Шумейко (Минск), С.Н. Богатырева (Лондон) и других.

Руководил заседанием, по просьбе С.О. Шмидта, один из первых старост Кружка И.С. Фесуненко, ныне широко известный журналист и деятель телевидения. И.С. Фесуненко поделился яркими воспоминаниями о годах обучения в Историко-архивном институте и о своей журналистской работе за рубежом. С приветствием выступил ректор Института сервиса А.А. Федулин.

Профессор А.Н. Медушевский и член-корреспондент РАН В.П. Козлов выступили с докладами аналитического характера, в которых была выпукло представлена роль Кружка в развитии отечественной историографии XX в., создании научных школ в МГИАИ, не

только в формировании профессионализма студентов, но и их мировоззрения, в определении судьбы многих и многих выпускников Историко-архивного института. И сегодняшнее собрание явственно показало, сколь значим для многих Кружок и его руководитель, дружба в нем, возникшая между людьми разных поколений и взглядов.

Член-корреспондент РАН С.М. Каштанов, неизменный "историограф" Кружка, автор и статей, и стихотворных произведений (как правило, тонкого юмористического содержания) к юбилеям Кружка², и на этот раз остался верен кружковой традиции, порадовав собравшихся товарищей приветствием в стихотворной форме.

А.В. Мельников

² Каштанов С.М. Пятьдесят лет в строю // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 491–495.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ"

(Санкт-Петербург, Библиотека Академии наук,
25–27 мая 2010 г.)

Формальным поводом для большой и весьма разнообразной по представленным докладам конференции, организованной совместно Библиотекой Академии наук и Археографической комиссией РАН, послужило столетие со дня выхода в свет первого тома "Описания рукописного отделения Библиотеки Императорской академии наук"¹, и празднование этого юбилея, естественно, не могло не отразиться на выборе тем многих докладов и на проблематике, которая была затронута выступавшими.

В конференции приняли участие сотрудники ведущих научных организаций России: Института русской литературы ("Пушкинский дом"), институтов Русского языка, Славяноведения, Российской истории, Всеобщей истории, Санкт-Петербургского института истории РАН, Государственного института искусствознания, Московского и Санкт-Петербургского государственных универси-

тетов. Помимо Библиотеки Академии наук библиотечное сообщество было представлено Российской Государственной и Российской Национальной библиотеками, Научной библиотекой МГУ. С докладами выступили сотрудники РГАДА, Государственного исторического музея, Музеев Московского Кремля. Свои доклады на конференции представили ученые из Екатеринбурга, Костромы, Новосибирска и Томска, исследователи из Болгарии, Литвы, Сербии, США и Украины. К сожалению, сборник докладов конференции вышел крайне малым тиражом².

Конференцию открыл директор Библиотеки Академии наук В.П. Леонов.

От имени председателя Археографической комиссии РАН члена-корреспондента РАН С.М. Каштанова и ее почетного председателя академика РАО С.О. Шмидта собравшихся приветствовал член оргкомитета конферен-

¹ Срезневский В.И., Покровский Ф.И. Описание рукописного отделения Библиотеки Императорской академии наук. СПб., 1910. [Т.] 1: Рукописи.

² Современные проблемы археографии: Сб. статей по мат-лам конференции, проходившей в Библиотеке РАН 15–27 мая 2010 г. СПб., 2011. 374 с.

ции сотрудник Археографической комиссии *А.Л. Лифшиц*.

С краткой эмоциональной речью к собравшимся обратилась многолетний руководитель Археографической лаборатории Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова *И.В. Поздеева*, подарившая Библиотеке последние издания Археографической лаборатории.

Доклады на пленарном заседании сразу очертили круг проблем, который в дальнейшем активно обсуждался на конференции и в ее кулуарах. Проблема изучения истории формирования коллекций и истории их изучения была затронута в докладах *И.Н. Лебедевой* (БАН) “Опыт изучения двух личных библиотек: Петра I и М.В. Ломоносова” и *Б.Л. Фонкича* (ИВИ РАН) “Коллекция греческих рукописей А.А. Дмитриевского”.

Проблемам описания рукописного фонда и его каталогизации были посвящены доклады *Н.Ю. Бубнова* (БАН) “Систематическая серия описания рукописей в Библиотеке Академии наук: замысел и воплощение” и *Ф.В. Панченко* (ИРЛИ) “Сводный каталог нотированных славяно-русских певческих книг: предварительные замечания”.

История науки, отраженная в архивных документах, была представлена в докладе *А.Н. Анфертьевой* (СПбФ АРАН) “Научная и организаторская деятельность В.И. Срезневского”. Задачи полевой археологии в освещении историко-культурной ситуации прошлого были подняты в выступлении *И.В. Поздеевой* “Московская печать и российское общество накануне Нового времени”. О проблемах сохранности книжного и рукописного наследия говорила заместитель директора БАН *И.М. Беляева*.

В дальнейшем доклады были распределены между пятью секциями: “Изучение разрозненных собраний и реконструкция библиотек”; “Изучение рукописной традиции средневековых памятников”; “История формирования коллекций”; “Научное описание рукописей”; “Методические проблемы изучения и описания книжного наследия”. Хотя надо признать, что эти названия носили, скорее, условный характер, поскольку многие доклады с равным основанием могли быть отнесены более, чем к одной из объявленных секций.

Помимо выступлений на пленарном заседании, довольно значительное число докладов и сообщений было посвящено именно проблемам составления каталогов и описания рукописных и иных материалов. Это концептуально насыщенный доклад *А.А. Турилова* (ИСл РАН) “Сводный каталог

славяно-русских рукописных книг: замысел, история, сверхзадачи, потребность ретроспекции”, сообщения *Э.Н. Добрыниной* (Институт искусствознания) “Сводный каталог греческих иллюминированных рукописей в российских хранилищах”, *Е.В. Беляковой* (ИРИ РАН) “О создании сводного каталога славянских канонических памятников”, стендовый доклад *О.Н. Бахтиной* (Томский государственный университет) “Томская коллекция рукописей на бересте (проблемы изучения и описания)”, *Ю.Э. Шустовой* (РГБ) “Опись Музея Ставропигийского института во Львове” *И.С. Свенцицкого* как первый опыт комплексного описания памятников письменности собрания львовского Ставропигиона», *Д. Найденовой* и *М.В. Ивановой* (Кирилло-Мефодиевский центр Болгарской АН) “О работе над каталогом славянских юридических рукописей из собраний болгарских библиотек” и “Собрания микрофильмов и фотокопий рукописей – проблемы научного описания”, *А.Н. Моревой* (ИРЛИ) “О каталоге-инципитарии русских духовных стихов”.

Задачей каталога, по мысли многих выступавших, является не только составление как можно более полного перечня, но попытка определения места каждой описываемой единицы в историко-культурном контексте. Соответственно, и выбор элементов описания должен быть подчинен этой задаче.

Тесно связанными с таким пониманием задачи каталожного описания были выступления, посвященные выявлению рукописей, принадлежавших одной коллекции или одному собранию. Таковы были доклады *Ж.Л. Левшиной* (РНБ) «“Македонская коллекция” А.Ф. Гильфердинга: промежуточные итоги и перспективы реконструкции», *С.Ю. Темчина* (Вильнюс, Институт литовского языка) “Древнейшие рукописи суспрасльского Благовещенского монастыря (1500–1532 гг.) новые данные”, *Е.И. Серебряковой* (ГИМ) “Остатки монастырских библиотек в Епархиальном собрании Отдела рукописей ГИМ” и представленные на стендах конференции сообщения *Е.А. Полетаевой* (Центральная научная библиотека Уральского отделения РАН) “Библиотека Кожеозерского монастыря: источники реконструкции” и *Д. Бойовича* (Центр церковных исследований, г. Ниш, Сербия) “Судьба сербских рукописных библиотек Косово и Метохии”.

Отдельным типам рукописных текстов и памятников были посвящены доклады *М.В. Корогодиной* (БАН) “Кормчие книги во второй половине XV в.: локализация основных редакций”, *И.И. Макеевой* (ИРЯ РАН)

“Рукописи с чудесами св. Николая Мирликийского в российских архивохранилищах”, *Чесноковой Н.П.* (ИВИ РАН) «“Хрисмологикон” Паисия Лигарида в рукописных собраниях ГИМ и РНБ», *Л.А. Герд* (СПБНИИ РАН) “Поствизантийские юридические сборники. Вопросы покаянной дисциплины”, *Р. Мартина* (Вестминстерский колледж, Нью-Вильмингтон, США) «“Государева радость” – новые источники и текстологические загадки рукописных сборников, включающих в себя описания царских свадеб XVI–XVII вв. (по материалам Библиотеки РАН)».

Изысканный образец работы с источниками представил *А.В. Сиренов* (СПбГУ) в докладе “Татищевский список Окладной книги Сибири 1696–1697 гг. – утраченная рукопись из собрания Библиотеки Академии наук”.

Разные аспекты научного изучения рукописных собраний и отдельных памятников были освещены в выступлениях *Э.С. Смирновой* (Институт искусствознания, МГУ) “Книжные мастера Великого Новгорода времени архиепископа Геннадия (1484–1504 гг.). Работа миниатюристов и орнаментаторов (по материалам новых атрибуций)”, *А.А. Романовой* (БАН) “Проблемы поиска и описания агиографических памятников XVII в., посвященных местным святыням”, *А.Г. Сергеева* (БАН) и *М.А. Шибаева* (РНБ) “Кирилло-Белозерский писец первой трети XV в. Мартирий”, *А.Л. Лифшица* (АК РАН, НБ МГУ) “О записи Архангельского Евангелия из собрания РГБ”, *М.А. Шибаева* (РНБ) “Пути формирования библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря в XV в.”, *Б.Н. Морозова* (АК РАН) “Перспективы выявления и изучения

записей пермской азбуки”, *Д.Н. Рамазановой* (РГБ) “Школа письма Луки Бозеу: проблемы выявления, описания и изучения рукописей, принадлежащих одной писцовой школе (по рукописям РНБ и БАН)”, *Н.В. Савельевой* (ИРЛИ) “К вопросу о печатных источниках поздних рукописных сборников”, *Е.К. Пиотровской* (СПБНИИ РАН) “Из архивного наследия А.А. Гераклитова” и др.

Доклады сопровождался обсуждением, иногда весьма оживленным. Так, после выступления Э.Н. Добрыниной разгорелась довольно длительная дискуссия, касавшаяся проблем реставрации рукописных памятников. Участники дискуссии отметили острую потребность в проведении специализированной конференции, посвященной этой тематике.

О неподдельном интересе к представленным на конференции докладам можно было судить хотя бы по значительному количеству присутствовавших в начале утренних заседаний и в конце вечерних. Атмосфера взаимной заинтересованности и уважительного отношения к докладам, касавшимся даже вполне частных вопросов, была отмечена всеми выступавшими на заключительном заседании конференции.

Также единодушно высказывались собравшиеся и о необходимости более частого проведения подобных конференций в будущем. Впрочем, надежды возлагались вновь на Библиотеку Академии наук, директор которой обещал созвать новую конференцию по случаю столетия выхода Второго тома описания рукописного собрания Библиотеки – в 2015 г.

А.Л. Лифшица

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ РАКУРС В РАБОТЕ СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ X–XXI вв.

(Рязань, 21–24 сентября 2010 г.)

Впервые за многолетнюю деятельность Симпозиума по проблемам аграрной истории Восточной Европы его XXXII сессия обсуждала “Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования”. Конечно, отдельные источниковедческие сюжеты неоднократно возникали на предыдущих сессиях, однако Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы

при ОИФН РАН счел необходимым уделить источникам, и главное, методам и методикам их исследования, специальное внимание. Сессия прошла в Рязани 21–24 сентября 2010 г. при непосредственном участии Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. В ее работе участвовало около 70 исследователей из научных учреждений РАН и вузов России, Украины. Всего было заслушано свыше 60 докладов и сообщений в

трех хронологических секциях и специальной тематической – “Современные информационные методы и технологии в исследованиях по аграрной истории” и на круглом столе по теме “Российская деревня и проблемы продовольственной безопасности”.

На пленарном заседании и в секциях прозвучали выступления по продолжающейся теме “Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы в лицах”: о преломлении проблем аграрной истории в творчестве выдающегося медиевиста акад. С.Д. Сказкина, который в конце 1950-х годов был одним из главных организаторов Симпозиума (*И.С. Филиппов*); о В.А. Александрове, видном специалисте по проблемам колонизации новых территорий России (Юга, Сибири), сельской общины, обычного права в XVI – первой половине XIX в., который в 1976–1989 гг. был заместителем председателя оргкомитета Симпозиума при последовательно сменявшихся председателях чл.-корр. В.Т. Пашуто, академиков В.Л. Янине и И.Д. Ковальченко (*Е.Н. Швейковская*); о вкладе в развитие аграрной истории России первой половины XIX в. одного из старейших участников симпозиума (с 1959 по 2002 г.) В.А. Федорова, много лет возглавлявшего секцию первой половины XIX в. (*К.М. Ячменихин* и *Т.Н. Кандаурова*) и А.М. Анфимова, который на протяжении 1960–1980-х годов руководил секцией второй половины XIX в. (*И.Н. Слепнев*), а также об участии в сессиях 1960–1970-х годов А.А. Преображенского, разделявшего точку зрения на генезис капиталистических отношений и расслоение крестьян в России с XVII в., имевшую в те десятилетия сильную позицию (*А.И. Комиссаренко*).

В секции “X – середина XIX в.” было доложено о новых эффективных приемах извлечения и обработки исторической информации путем а) метода исторического картографирования для выяснения: по сведениям писцовых книг конца XV–XVI в. поселенческой структуры и хозяйственного освоения новгородских земель (*Л.Г. Степанова*), на основе писцового описания, десятиен и разборных книг первой трети XVII в. состава и землевладения нижегородской городской служилой корпорации (*П.В. Чеченков*, *Д.А. Черненко*); б) использования одного из методов математической статистики – корреляционного для характеристики землевладения правящей элиты, которое формировалось в Ингерманландии вокруг Петербурга, по материалам подушных переписей 1730–1760-х годов (*С.В. Черников*).

В ряде выступлений предлагались новые подходы к изучению писцовых книг, архиепископских окладных книг и монастырской учетной документации (*З.В. Дмитриева* и *Н.В. Башнин*, *М.С. Черкасова*). Ценность информации о начальном этапе колонизации и заселения урало-сибирских земель раскрыта на основе недавно обнаруженной писцовой книги Верхотурского уезда 1621 г. в списке, относящемся к рубежу XVII–XVIII вв. (*И.Л. Манькова*).

Традиционные источниковые методы вкупе с семантическими оценками, примененные к “освобоженным грамотам” конца XV – начала XVI в., использованы для выяснения соотношения понятий “вотчина” и “удел” и реконструкции одного из способов зарождения светской привилегированной вотчины (*В.Д. Назаров*).

Методика “теории конфликта” для изучения крестьянской общины в монастырской деревне Центра России XVII – середины XVIII в. с привлечением разных источников – челобитных крестьян, приходно-расходных книг использована для установления механизмов гашения споров в общине к обоюдной выгоде крестьян и землевладельцев (*Н.В. Соколова*). Комплексные приемы исследования сохранившихся массовых источников в ситуации гибели делопроизводства Казанского дворца позволили раскрыть складывание на территории Южного Средневолжья XVII в. крупной феодальной собственности и церковно-монастырских корпораций, и, главное, предложить пути восполнения “источникового голода” (*Э.Л. Дубман*).

Особое место заняли доклады, посвященные источникам социально-политической истории – Правды Русской (*М.Б. Свердлов*), “Уложению” о крестьянах царя Василия Шуйского 9 марта 1607 г. (*В.Н. Козляков*).

Материалы земской статистики конца XIX в., представленные документами разных видов и типов, обсуждались на пленарном заседании (*М.Д. Карпачев*) и в секции “Вторая половина XIX – начало XX в.”. Они оценивались для определения жизненного уровня крестьянства, его производственных возможностей, роли различных государственных и общественных структур в развитии хозяйственного потенциала деревни сквозь призму репрезентативности и полноты содержания, степени достоверности показателей, которые извлекаются из статистических сведений (*Э.М. Шагин*, *В.Н. Никулин*, *А.Н. Курцев* и др.) Внимание привлекли также земельная перепись 1877–1878 гг. (*Н.М. Александров*),

первичные данные (подворные карточки) сельскохозяйственных переписей конца XIX – начала XX в. (*М.И. Роднов*) и др. источники.

Источники советского времени, вновь вводимые в науку в последние годы, и проблемы изучения российской деревни первой трети XX в. характеризовались а) в пленарном докладе, в котором подчеркивалось, что актуальность проблем источниковедения связана не только с анализом новых рассекреченных видов источников, но и ранее опубликованных и достаточно известных (*В.Я. Фильмонов*); б) в выступлениях на секции “1917 – современность”. Наибольшее внимание ее участников привлекли документы многоотомных публикаций по истории коллективизации “Трагедия советской деревни” и “Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД”, а по колхозной деревне – помещенные в сборнике сводок ВЧК. Разновидовые комплексы источников позволили полноценнее осмыслить процессы, происходившие в деревне, причины и масштабы трагедии, пережитой крестьянством на рубеже 1920-х – 1930-х годов. Большой интерес вызвал доклад о демографической статистике голода 1932–1933 гг., основанный на анализе рассекреченного статистического материала РГАЭ, который свидетельствует о масштабах жертв голода в целом в стране и по отдельным регионам. Особо была подчеркнута необходимость критического подхода к оценке сохранности тех или иных документов и их сведений (*М.М. Кудюкина*). Обсуждались также сравнительно новые виды источников, которые только входят в научный оборот. Среди них: слухи и толки, в частности внешнеполитического содержания, которые распространялись среди крестьян в первой четверти XX в. (*А.В. Голубев*); документы, образовавшиеся в период действия временных антибольшевистских правительств 1918–1919 гг. в практике сибирских местных земельных органов (*В.М. Рынков*). Впервые был поставлен вопрос о видовой специфике аудиовизуальных источников 1930–1980-х годов, отражавших разные сферы жизни и образы советской деревни, в частности для характеристики процессов урбанизации (*Л.Н. Мазур*).

Выступления в секции “Современные информационные методы и технологии в исследованиях по аграрной истории” сконцентрировались на применении метода электронного картографирования и использования возможностей геоинформационных систем (специальных программ ГИС), что

позволяет совмещать и сопоставлять данные разновидовых и разновременных источников: археологический материал, акты землевладения конца XV–XVI в., данные писцовых книг XVII в. и Экономических примечаний к Генеральному межеванию второй половины XVIII в. для локализации административных границ станов, волостей, уездов, топонимов в средневековой Руси (*С.З. Чернов*) или сведения Экономических примечаний XVIII в. и писцовых книг первой половины XVII в. для создания электронных карт и реконструкции по ним пространственного расположения, границ населенных пунктов и феодальных владений в каком-либо из уездов Центральной России (*Д.А. Черненко*). Групп ученых из Тамбова в ряде своих выступлений рассказала о применении электронных баз данных, геоинформационных и других технологий в сочетании со сведениями письменных источников, карт, космоснимков для изучения, например, реализации “Сталинского плана преобразования природы” в Тамбовской области на рубеже 1940–1950-х годов (*В.В. Канищев* и *А.Л. Аврех*).

На заседании круглого стола по теме “Российская деревня и проблемы продовольственной безопасности” существо основного доклада сводилось к тому, что уровень продовольственного обеспечения, его структура и механизмы находятся в прямой зависимости от развития сельскохозяйственного производства, перерабатывающих отраслей, торговли, а также от сложившихся в обществе традиций потребления. Начавшаяся с конца XIX в. в России модернизация вела к изменению организации продовольственной системы и трехэтапной смене на протяжении XX в. механизмов обеспечения продовольственной безопасности (*Г.Е. Корнилов*).

Итак, в центре внимания докладчиков XXXII сессии Симпозиума находились: разновидности и типы одного вида источников как в их отдельной, так и совокупной характеристике; один из видов источников с включением первичных документов, служащих его основой; разные виды источников, нацеленные на раскрытие одной темы; один вид или тип источника с содержательно сопутствующими ему источниками. Продемонстрированы были практически все приемы анализа источников при рассмотрении того или иного вопроса – репрезентативность, полнота, достоверность сведений и т.д.; обозначены методики в изучении отдельных видов источников, в том числе вновь вводимых в науку; реализованы новые подходы к ана-

лизу известных типов; обращено внимание на источники, несущие как бы негативную информацию, и потому находившиеся вне поля зрения ученых.

Главный итог рассмотрения основной проблемы, вынесенной на обсуждение XXXII сессии, состоит в том, что сквозной анализ комплексов источников от времени Киевской Руси до современности убедительно продемонстрировал: 1) смену в составе корпуса источников одних видов другими; вариативность типов

внутри одного вида вследствие изменения целей составления; 2) существование одного и того же вида (типа) источников с трансформацией во времени их формуляра (например, от простого к сложному). В целом, конструктивная работа XXXII сессии Симпозиума будет способствовать совершенствованию источниковедческого уровня исследований по аграрной истории.

Е.Н. Швейковская

ЗАСЕДАНИЕ В ИСТОРИКО-АРХИВНОМ ИНСТИТУТЕ РГГУ, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА М.К. ЛЮБАВСКОГО (22 декабря 2010 г.)

22 декабря 2010 г. состоялось совместное научное заседание, организованное АК РАН и кафедрами истории и организации архивного дела и археографии ИАИ РГГУ, посвященное 150-летию со дня рождения академика М.К. Любавского (1860–1936).

Во вступительном слове почетный председатель АК РАН *С.О. Шмидт* подчеркнул важность изучения и публикации научного наследия выдающихся российских ученых-историков начала XX века, особенно тех из них, кто подвергся необоснованным репрессиям по фальсифицированному “академическому делу” 1929–1931 гг. Многие их научные труды остались непечатанными, были забыты, не использовались в университетском преподавании, не учитывались в работах историков в советские годы. В последнее время Археографическая комиссия уделяет много внимания изданию научных трудов С.Ф. Платонова, М.М. Богословского, С.К. Богоявленского и др. К этой же плеяде замечательных ученых принадлежит и М.К. Любавский – талантливый ученик В.О. Ключевского, профессор и ректор Московского университета в предреволюционные годы, а в 1920-е годы – руководитель Высших архивных курсов, директор Древлехранлища, внесший выдающийся вклад в охрану и спасение культурных ценностей и организацию архивного дела в нашей стране.

Профессор *А.Я. Дегтярев* всесторонне осветил многогранную научную, преподавательскую и научно-организационную деятельность М.К. Любавского. Докладчик отметил, что сегодня труды М.К. Любавского

широко издаются и внимательно изучаются, и трудно поверить, что с 1929 по 1996 год в нашей стране не было напечатано ни одной его работы, и даже имя его почти не упоминалось. Однако и сегодня новаторские работы ученого по исторической географии, расселению славян, истории Великого княжества Литовского и русско-литовско-польских отношений (при наличии исследований Д.В. Карева и др.) до сих пор остаются недооценены и очень мало учтены в последующей отечественной историографии.

Показательно, что и ныне юбилей замечательного ученого был достойно отмечен только в Башкирии (там он провел в ссылке последние четыре года своей жизни). В Уфе, согласно специальному распоряжению правительства Республики Башкортостан об утверждении перечня мероприятий, посвященных 150-летию со дня рождения М.К. Любавского, прошла представительная научная конференция, юбилей широко освещался средствами массовой информации. В Москве и Санкт-Петербурге эта годовщина осталась почти незамеченной.

Под редакцией и с авторским участием *А.Я. Дегтярева* вышла небольшая, но весьма содержательная брошюра “Академик М.К. Любавский и его наследие: К 150-летию со дня рождения” (М., 2010). В ней, помимо исследовательских статей, характеризующих жизненный путь и научную деятельность академика М.К. Любавского, помещены списки его трудов и обильный иллюстративный материал. В заключение докладчик поставил вопрос о необходимости скорейшего издания

трудов М.К. Любавского, остающихся еще неопубликованными.

К.Ю. Ерусалимский (РГГУ) посвятил свое сообщение трудам М.К. Любавского по истории Великого княжества Литовского и его взаимоотношений с Московской Русью. В свое время, эти труды вызвали не только оживленную научную, но и политическую полемику, да и теперь неоднозначно оцениваются учеными России и соседних стран. Докладчик подчеркнул, что изучение этих вопросов, поднятых в трудах М.К. Любавского, должно быть продолжено с учетом ранее неизвестных архивных источников.

Е.В. Старостин (РГГУ) затронул вопрос об отношении М.К. Любавского к требованиям польского правительства в 1920-е годы о передаче из советских архивов всех документов, относящихся к истории Польши и польского народа. М.К. Любавский твердо стоял на позиции недробимости архивных фондов и возражал против изъятия из фондов российских правительственных учреждений документов, не по происхождению, а лишь тематически относящихся к территории Польши, находившейся под российским управлением. Соображения М.К. Любавского (как и ряда других историков и архивистов, в частности, В.В. Максакова, В.И. Пичеты) не были учтены при заключении Рижского мирного договора 1921 года, и Польше были переданы архивные документы российских учреждений, которые потом погибли в огне Второй мировой войны.

Сообщение *Т.И. Хорхординой* (РГГУ) было посвящено теме: "М.К. Любавский и архивы". Изученные ею протоколы Главного управления архивным делом за 1918–1919 годы позволяют утверждать, что роль М.К. Любавского в спасении архивных ценностей в годы Гражданской войны и в ста-

новлении советского архивного дела была намного более значительной, чем считалось до сих пор. Он возглавлял ключевые участки в работе ГУАД (нередко замещая Д.Б. Рязанова), основал Хранилище частных архивов, являлся автором многих инструкций и методических пособий, заботился о хозяйственных и бытовых нуждах архивистов и архивов.

А.В. Топычанов (РГГУ) в сообщении "Историческая география в трудах М.К. Любавского" подчеркнул выдающийся вклад ученого в развитие этой важнейшей научной дисциплины, обобщил достигнутое наукой к 1920-м годам, акцентируя внимание на вкладе ученых Московского университета.

В.Ю. Афиани (РГГУ) рассказал о содержании части архива М.К. Любавского, хранящейся в Архиве РАН. (Другая, большая его часть находится в Отделе рукописей РГБ.)

Присутствовавшая на заседании внучка М.К. Любавского – заслуженный художник России *Т.Г. Ливанова* осветила историю передачи личного архива ученого в эти два государственных хранилища. Она выразила глубокую благодарность башкирским коллегам, так широко, человечно, без всякой казенщины организовавшим проведение юбилея замечательного ученого, Московскому университету, где 25 октября прошло заседание кафедры истории России до начала XIX в., приуроченное к юбилею историка, а также организаторам и участникам нынешнего заседания.

В заключительном слове *С.О. Шмидт* обобщил все пожелания, высказанные участниками заседания, обратив особое внимание на необходимость скорейшей публикации изданных трудов академика М.К. Любавского, прежде всего по истории архивного дела.

В.А. Черных

**КЛАВДИЯ
ИВАНОВНА
САВИНА
(1922–2007)**

28 мая 2007 г. оборвался долгий жизненный путь К.И. Савиной (Безродной). Клавдия Ивановна не имела высшего образования и работала в Археографической комиссии на скромной должности технического сотрудника (машинистки)¹, однако ее вклад в работу и всю жизнь комиссии с 1970 по 1983 год невозможно переоценить. Она не только обладала безукоризненной грамотностью и чувством языка, умела разбирать любые почерки, включая скоропись XVII в. Ее руками, в кажущийся уже таким далеким докомпьютерный век, на старенькой пишущей машинке перепечатывались все труды комиссии, статьи и публикации сотрудников. По сути дела, Клавдия Ива-

новна была и корректором, и литературным редактором и, можно сказать, диспетчером Археографической комиссии. Она болела душой и за всю комиссию, и за каждого ее сотрудника, была в курсе как их научных, так и личных дел, прекрасно распознавала их профессиональные и человеческие качества; нетерпимо относилась к малейшим проявлениям лени, необязательности, не порядочности; всегда готова была помочь, поделиться своим богатым жизненным (в том числе и фронтовым) опытом. И, выйдя на пенсию, не порывала связей с нами. Прощайте, дорогая Клавдия Ивановна! Нам всем Вас очень не хватает.

В.А. Черных

¹ См. о ней: Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 423; юбилей нашей Клавдии Ивановны // АЕ за 1997 год. М., 1997. С. 689.

**ВИКТОР
АЛЕКСАНДРОВИЧ
МУРАВЬЕВ
(1941–2009)**

25 октября 2009 г. ушел из жизни видный российский историк, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин (в настоящее время – Высшая школа источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин) Историко-архивного института РГГУ, заслуженный профессор РГГУ, член Археографической комиссии РАН Виктор Александрович Муравьев.

В научном сообществе историков с горечью восприняли кончину Виктора Александровича¹. 30 октября 2010 г. в Историко-архивном институте РГГУ прошли историографические чтения его памяти, по итогам которых подготовлен сборник статей. В январе 2011 г. состоялась XXIII научная конференция кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин “Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве ученого”, посвященная 70-летию со дня рождения ученого.

Друзья и коллеги ученого намерены переиздать самые ценные и очевидно значимые в настоящем и ближайшем будущем отечественной науки истории его работы.

В.А. Муравьев родился 17 января 1941 г. в селе Васильково Ростовского района Ярославской области в семье военнослужащего. В 1958 г. после окончания средней школы поступил в Московский государственный историко-архивный институт.

Виктор Александрович принадлежал к поколению советских/российских историков, которые развивались духовно, формировали историческое мировоззрение, приобретали профессиональные навыки в годы отпели. Исключительное влияние на будущего ученого оказала духовная и интеллектуальная атмосфера в кружке источниковедения под руководством С.О. Шмидта. Первый научный руководитель был и инициатором выбора Виктором Александровичем темы исследования, посвященной творческому наследию

¹ Памяти Виктора Александровича Муравьева // Новый исторический вестник. 2009. № 3(21). С. 6–8; Памяти Виктора Александровича Муравьева (17.01.1941–25.10.2009) // Вестник РГГУ. 2010. № 7 (50)/10. С. 300–302; Пархоменко Т.А. Портрет историка как явление культуры в творчестве Виктора Александровича Муравьева (1941–2009): памяти учителя // Культурологический журнал. 2010. № 2. С. 1–11 (www.cr-journal.ru/rus/journals/); Дурновцев В.И. Виктор Александрович Муравьев: историк в зеркале историографии // Вестник РГГУ. 2011. № 22. С. 261–275

Н.П. Павлова-Сильванского. В дальнейшем историографическая проблематика стала центральной, но не единственной в научных и педагогических занятиях историка. В поле его исследовательского внимания неизменно были источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины, а в последние годы историческая география России и Европы.

После окончания института в 1963 г. В.А. Муравьев работал старшим научным сотрудником Архивного отдела при Совете министров Башкирской АССР (1963–1965 гг.), короткое время старшим научным сотрудником Костромского областного государственного архива. С 1965 г. – он аспирант, с декабря 1968 г. – преподаватель кафедры истории СССР досоветского периода (в настоящее время – кафедра истории России Средневековья и раннего Нового времени).

В 1970 г. В.А. Муравьев успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему “Теории феодализма в русской историографии конца XIX – начала XX в.” (научный руководитель В.Е. Иллерицкий).

В 70-е годы Виктор Александрович успешно сочетал преподавательскую и научно-исследовательскую работу. Постепенно сложилась неповторимая и привлекавшая многих манера его общения со студентами и аспирантами: профессорская старомодность удивительным образом сочеталась с юношеской пылкостью. Присущие Виктору Александровичу обаяние, внутренняя интеллигентность, глубокая эрудиция, неизменная готовность оказать помощь в решении научных и жизненных проблем опекаемых им начинающих исследователей – все это обеспечило ему популярность не только в родном институте, но и во многих других вузах страны, научных учреждениях.

Вскоре Виктор Александрович освоил новый для себя жанр – рецензий. Его отклики на работы коллег, инициативные и по заказам редакций, свидетельствуют о тонком анализе, умеренной принципиальности, умении увидеть в рецензируемой работе, сборнике то ценное, что не заметили сами авторы или составители. Отнимало много творческих сил и времени официальное и неофициальное оппонирование кандидатских и докторских диссертаций, постоянно ведущийся мониторинг научной жизни, многочисленные информации о конференциях, симпозиумах, научных заседаниях. Трудно переоценить роль, какую сыграл Виктор Александрович в те годы в укреплении контактов между

историографическими школами и ведущими центрами преподавания истории исторической науки.

Блестяще проявил себя В.А. Муравьев и в жанре энциклопедических статей. Не чуждый просветительской миссии, он написал их великое множество. Энциклопедические статьи требовали от автора сочетания ценнейших качеств: точности в передаче фактов, лаконичности, умения соединить воедино трудно сводимые точки зрения, т.е. раскрыть энциклопедическую тему на уровне современной науки. Всеми этими качествами Виктор Александрович обладал в полной мере. Но в свою очередь этот род занятий дисциплинировал ум, расширял горизонты познания, вырабатывал точность и лаконичность мысли.

Виктор Александрович много и охотно писал в соавторстве. Нередко в этих временных творческих содружествах его роль была первенствующей. Он много сил отдал анализу и разработке новой учебной литературы по историографии. После опубликования в 1971 г. “Историографии истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции” под редакцией В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева, учебника, в подготовке которого принимал участие и Виктор Александрович, началась его совместно с В.Е. Иллерицким работа над учебником по отечественной историографии “в эпоху социализма”.

Параллельно с пристальным изучением различных неакадемических форм выражения исторической мысли Виктор Александрович разрабатывает другую исследовательскую проблему – историографию Первой российской революции, а вслед за нею – изучает воздействие революционных событий на судьбы историков и в целом на русскую историческую науку.

После назначения в 1976 г. нового ректора МГИАИ Н.П. Красавченко, способности, знания, опыт Виктора Александровича оказались в полной мере востребованными в МГИАИ. Как полезен Виктор Александрович институту, как нужен институт ему показало, в частности, празднование 50-летнего юбилея Московского государственного историко-архивного института.

Во второй половине 80-х годов, вскоре после прихода в МГИАИ нового ректора Ю.Н. Афанасьева, В.А. Муравьев назначен проректором по научной работе. В эти годы Виктор Александрович не только решительно поддержал, но и реально обеспечил подготовку и реализацию программ преподава-

ния политической истории России, которая заменила тотальную в системе тогдашнего высшего образования историю КПСС.

Потом была монография (в соавторстве с О.В. Волобуевым), докторская диссертация, защищенная в 1987 г. Эмпирическая составляющая этих работ может сослужить хорошую службу для так давно ожидаемого спокойного и взвешенного изучения судьбы отечественной историографии в XX в.

Когда в МГИАИ началась работа над концепцией нового гуманитарного университета, Виктор Александрович принял в ее создании деятельное и заинтересованное участие. По существу Виктор Александрович стал одним из авторов концепции РГГУ, причем в ее самой конструктивной и жизнеспособной части. И он был вместе с теми профессорами МГИАИ, кто добивался сохранения Историко-архивного института как отдельной и особой структуры в составе РГГУ.

В 1990–2002 гг. В.А. Муравьев – заведующий кафедрой вспомогательных исторических дисциплин, которая вскоре по его инициативе становится кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. В эти годы обновляется состав кафедры, создаются качественные программы учебных дисциплин, вводятся новые специализации.

Исключительную роль в приращении научного знания в сфере вспомогательных и специальных наук истории сыграли ежегодные научные конференции кафедры. Здесь роль Виктора Александровича была особенно значимой и в определении тематики конференций, и состава участников, и интеллектуального сопровождения.

В то время Виктор Александрович весьма активен как ученый и преподаватель: он выступает с лекциями в России и за рубежом, организует и участвует в работе многочисленных университетских, российских и международных научных конференций, неизменно окружен студентами и аспирантами.

Характерной и отличительной чертой научного облика Виктора Александровича была редко встречающаяся в век специализации ученой работы способность одинаково комфортно чувствовать себя на двух полюсах исторического познания. На одном – гло-

бальные, всеохватывающие, тотальные идеи и представления, на другом – предельно частные, детальные, конкретные исследовательские объекты. Сравнительно новая для него область изучения и преподавания – историческая география – позволяла максимально сблизить эти крайности познавательной деятельности.

Профессионально ориентируясь в общемировых проблемах истории исторического знания, Виктор Александрович был все же в первую очередь историком отечественной исторической науки. Новые и долгожданные требования к преподаванию историографии, историографической научно-исследовательской практике привели к решительному обновлению учебных программ и в целом крутому повороту в содержании, в методах и методике преподавания историографических курсов.

В последние годы жизни Виктор Александрович часто обращается к теме, с которой он, собственно, начинал свою научную деятельность – персонализации историографического процесса, антропологически ориентированной истории исторической науки.

Он пишет проникновенный очерк о А.А. Зимине, где милые сердцу студенческие воспоминания сопровождаются размышлениями историкогеографа о поразительном феномене ученого. Его особым вниманием как “исторического географа” пользуется творчество В.К. Яцунского; он находит самые нужные и верные слова, определяющие роль ученого в развитии отечественной исторической географии. Он набрасывает точные штрихи к портрету М.М. Богословского, раскрывая, быть может, сокровенные тайны его психологического и творческого облика. А в одну из знаменательных дат в жизни С.М. Каштанова Виктор Александрович “дарит” юбиляру “годами накопленные размышления о нем и о Историко-архивном институте”.

Три года среди нас, друзей, коллег, многочисленных учеников, нет ученого историка Виктора Александровича Муравьева. Остались его книги, статьи. И наша боль утраты, и наша память, порой воспроизводящая до деталей дни и годы тесного общения с этим незаурядным и ярким человеком.

В.И. Дурновцев

Александр Давидович Степанский

Андрей Валерьянович Елпатьевский

**ПАМЯТИ КОЛЛЕГ
И ДРУЗЕЙ:
А.Д. СТЕПАНСКОГО
(1934–2009)
И А.В. ЕЛПАТЬЕВСКОГО
(1931–2010)**

На рубеже нулевых и десятых “годов нынешнего столетия все российское архивное сообщество и наша Археографическая комиссия понесли невосполнимые потери: 6 декабря 2009 г. скончался Александр Давидович Степанский, а 29 сентября 2010 г. не стало Андрея Валерьяновича Елпатьевского. Ни внешне, ни по темпераменту они не были похожи друг на друга, по-разному складывались их жизненные пути, каждый внес свой собственный неповторимый вклад в развитие архивного дела, археографии, источниковедения, социальной истории России. Но теперь, когда прошло больше двух лет со времени их ухода, почему-то неразрывно думается о них обоих, и вместе они стоят, как живые, перед глазами. Может быть потому, что они часто вместе приходили на заседания Археографической комиссии, являлись одними из самых активных участников этих заседаний и других мероприятий комиссии. Но главное все-таки не в этом. При всем различии, очень многое их объединяло. Почти ровесники: Андрей Валерьянович родился 8 февраля 1931 г., Александр Давидович – 15 октября 1934 г. (только в юности разница в три с половиной года кажется значительной). Оба окончили Московский историко-архивный институт в переломную эпоху середины 1950-х годов (А.В. – в 1953 г., А.Д. – в 1957 г.), когда рушились обветшавшие догмы, и перед историками XX в. открывались новые горизонты; оба специализировались под руководством

профессора Н.П. Ерошкина по истории государственных учреждений и общественных организаций России начала XX в., участвовали в работе научного студенческого кружка источниковедения С.О. Шмидта. С защитой кандидатских диссертаций не торопились, работали над ними глубоко и тщательно, опираясь на солидную базу архивных документов, впервые введенных ими в научный обиход. Впрочем, уже тогда наметилась определенная разница в научных интересах: А.Д. Степанского привлекала история государственного аппарата в предреволюционной, а А.В. Елпатьевского – в послереволюционной России. Александр Давидович защитил в 1965 г. в МГИАИ кандидатскую диссертацию на тему “Государственный совет в период революции 1905–1907 гг.”, а Андрей Валерьянович – там же в 1967 г. на тему “Управление московской местной промышленности в 1921–1932 гг.”.

По окончании МГИАИ профессиональные занятия Андрея Валерьяновича и Александра Давидовича развивались по разным, но, по сути дела, не слишком далеко расходящимся путям. А.В. Елпатьевский с головой окунулся в практическую архивную жизнь, стал одним из руководителей архивного дела и выдающимся теоретиком архивоведения; А.Д. Степанский после нескольких лет работы в органах управления архивным делом и в государственных архивах, в 1966 г. окончательно связал свою судьбу с преподаванием в Историко-архивном институте; в 1982 г. он защитил докторскую диссертацию “Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.”, в 1983 г. стал профессором, в 1986 – заведующим кафедрой археографии

ИИАИ РГГУ, в 1997 г. – главным редактором журнала “Вестник архивиста”.

Но, пожалуй, главное, что объединяло Андрея Елпатьевского и Александра Степанского и заставляет думать о них как о лучших представителях своего поколения, – прекрасные человеческие качества, свойственные им обоим. Глубинная, подлинная интеллигентность; безукоризненный профессионализм, неразрывно сочетающийся с энциклопедической образованностью; отзывчивость и дружелюбие, постоянная готовность прийти на помощь и поделиться своими знаниями; скромность, неотделимая от чувства собственного достоинства.

Сейчас уже в некрологах, воспоминаниях, статьях, биографических справочниках сказано много хороших слов об А.В. Елпатьевском и А.Д. Степанском, об их вкладе в науку и их личных достоинствах¹. Нет нужды повторяться; следует лишь присоединиться к этим справедливым и прочувствованным словам. Можно только напомнить, что постоянное участие А.В. Елпатьевского и А.Д. Степанского в “Археографическом ежегоднике” началось еще в 60–70-х годах прошлого столетия и продолжалось почти полвека². Здесь же были напечатаны и списки их печатных трудов.

Представляется уместным закончить эту краткую заметку строками В.А. Жуковского, не утратившими за два века своего глубокого, поистине всечеловеческого смысла:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим спутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*;
Но с благодарностию: *были*.

В.А. Черных

¹ См., в частности: Елпатьевский Андрей Валерьянович // Чернобаев А.А. Историки России XX века: Биобиблиографический словарь. СПб., 2009. Т. 3. С. 80; Степанский Александр Давидович // Там же: Саратов, 2005. Т. 2. С. 369–370; Хорхордина Т.И. А.Д. Степанский – историк, архивовед, археограф: (К 70-летию со дня рождения) // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 156–163; Козлов В.П. Памяти А.В. Елпатьевского // ОА. 2010. № 6. С. 131; Шаикова О.А. “...В Александре Давидовиче Степанском гармонично уживался историк и археограф” // ВА. 2010. № 3. С. 268–276; Елпатьевская Е.А. О “Голубой дивизии”, военнопленных и интернированных испанцев в СССР // Материалы Международного конгресса “История семьи – история народа”, состоявшегося в рамках Перекрестного года “Россия и Испания – 2011” в г. Сантьяго-де-Компостела 23–25 ноября 2011 г. Сантьяго-де-Компостела; Москва; Рязань, 2012. С. 279–284.

² См. их первые публикации в АЕ: Елпатьевский А.В. О некоторых вопросах описания документальных материалов государственных учреждений // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 48–56; Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 38–55.

³ Список печатных трудов А.В. Елпатьевского // АЕ за 1991 год. М., 1994. С. 272–274; Список печатных трудов А.В. Елпатьевского с 1989 г. (К 75-летию со дня рождения) // АЕ за 2006 год. М., 2011. С. 383–385; Список печатных трудов А.Д. Степанского // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 317–320.

**ГАЛИНА
ЯКОВЛЕВНА
ТАРЛЕ
(1931–2010)**

Галина Яковлевна Тарле родилась 28 июня 1931 г. в Москве в семье врачей. В 1949 г. она окончила школу № 329 г. Москвы, в 1950–1955 гг. была студенткой, а в 1955–1958 гг. – аспиранткой Московского государственного историко-архивного института. В институте Г.Я. занималась изучением источников советского периода, с преимущественным вниманием к материалам по истории промышленности и рабочего класса. Ее наставниками в эти ранние годы являлись Л.М. Зак и В.В. Макасов. Г.Я. была активной участницей историко-архивного кружка С.О. Шмидта. Некоторые встречи кружковцев происходили в гостеприимных апартаментах Галиной семьи на Соколе. До сих пор вспоминаются эти яркие, интересные, наполненные юмором и шутками вечера.

В декабре 1958 г., по окончании аспирантуры, Г.Я. была принята в Институт истории АН СССР на должность младшего научного сотрудника без степени. Она поступила в Отдел истории советского общества, где сначала работала в группе иностранной историографии, затем – в секторе по подготовке многотомной истории СССР. В центре исследовательских интересов Г.Я. Тарле оказался такой необычный вопрос, как иммиграция иностранных рабочих в советскую Россию

для участия в реконструкции российской экономики, разрушенной в период революции и Гражданской войны. Деятельности и организации деятельности рабочих-иммигрантов в первые годы советской власти была посвящена кандидатская диссертация Г.Я., защищенная в 1965 г. под руководством Э.Б. Генкиной. Эта работа переросла в замечательную монографию на 370 с., изданную в 1968 г.: “Друзья страны Советов: Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР в 1920–1925 гг.”.

С 1968 г. Г.Я. работала в секторе комплексных проблем истории социалистического и коммунистического строительства в СССР, с 1971 г. – в должности старшего, затем – ведущего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР (с 1991 г. – Института российской истории РАН). В этот период ее исследовательский вклад в изучение проблем иммиграции и эмиграции трудящихся находит выражение в монографии “Российское зарубежье и Родина” (М., 1993. 98 с.) и в целом ряде коллективных трудов и сборников статей (подробнее см.: Список печатных трудов Г.Я. Тарле // АЕ за 2001 год. М., 2002. С. 403–406). Наряду с вопросами истории иностранных диаспор в России и русской диаспоры за рубежом основной темой исследований Г.Я.

становится история борьбы за мир в период после Второй мировой войны. Этой теме была посвящена ее докторская диссертация: “Роль советской общественности в борьбе за мир (1945–1985)”. М., 1989. В диссертации Г.Я. был введен в научный оборот и проанализирован широкий круг опубликованных и архивных источников (в том числе из фондов ЦГАОР и ЦГАЛИ), подробно прослежены этапы борьбы за мир и их особенности.

В период с 1 июля 2002 г. по 30 июня 2005 г. Г.Я. Тарле работала в ИРИ РАН в должности ведущего научного сотрудника-консультанта, с 1 июля 2005 г. на пенсии. Умерла Галина Яковлевна 14 июня 2010 г., не дожив две недели до своего 79-летия. В лице

Г.Я. Тарле историческая наука потеряла выдающегося историка-источниковеда, глубокого знатока истории советского периода. Как исследователь Г.Я. отличалась строго критическим отношением к источникам, мастерством источниковедческого анализа и синтеза. Высокая порядочность и требовательность к себе составляли сущность ее натуры. Г.Я. была замечательным товарищем, отзывчивым и добрым другом, кристально честным человеком. Потеряв Галю, мы лишились частицы тепла этого мира. Нам всегда будет не хватать ее доброго юмора, ее заботы о ближнем, ее сердечности и рассудительности.

С.М. Каштанов

**МИРКАСЫМ
АБДУЛАХАТОВИЧ
УСМАНОВ
(1934–2010)**

11 октября 2010 г. ушел из жизни Миркасым Абдулахатович Усманов – один из ярких представителей российской исторической науки и отечественной культуры, академик Академии наук Татарстана, доктор исторических наук, профессор, член Археографической комиссии РАН, выдающийся востоковед-тюрколог, археограф и источниковед с мировым именем.

Казалось, совсем недавно на страницах многих научных изданий России отмечали семидесятилетний юбилей прославленного ученого. Так, в частности, и в “Археографическом ежегоднике” были напечатаны статья к 70-летию М.А. Усманова и содержательная информация о чествовании юбиляра на специальном заседании Ученого совета Казанского государственного университета¹.

Миркасым Абдулахатович был уникальным человеком, так же как уникальна была его жизнь, как уникально было все его научное творчество. Он родился 31 мая 1934 г. в г. Кульджа, провинции Синьцзян (Западном Китае). Там же он начал учиться в татарской школе, а затем в русской гимназии.

В середине 1950-х годов его семья переехала в Советский Союз, сначала в Казахстан, а затем в Татарстан. В 15 лет он начал работать в Казани разнорабочим и поступил учиться в вечернюю школу. Миркасым еще с детства отличался большим трудолюбием, целеустремленностью и жадой к знаниям. Именно благодаря этим качествам и незаурядности своей личности он сумел в дальнейшем вырасти в крупного ученого, блестящего профессора и организатора науки. В 24 года он только закончил школу и поступил в ВУЗ – на историко-филологический факультет Казанского университета. С этим университетом он оказался связанным на всю жизнь – Миркасым прошел в нем путь от студента, а затем ассистента, доцента, профессора и заведующего кафедрой до проректора университета. Самое же примечательное – он вырос здесь во всемирно известного ученого, археографа-классика.

Еще в студенческие годы Миркасым Абдулахатович увлекся источниковедением и в дальнейшем посвятил свою жизнь изучению письменных памятников тюркских народов

¹ *Шумит С.О.* М.А. Усманов – член Археографической Комиссии РАН: (к 70-летию со дня рождения) // АЕ за 2004 год. М., 2005 С. 164–170; *Мустифина Д.А.* Человек в истории и история в человеке: (Чествование М.А. Усманова в Казанском государственном университете) // Там же. С. 546–548.

XIII–XIX вв. Его кандидатская диссертация называлась “Татарские нарративные источники XVII–XVIII вв. и их особенности”. Он блестяще освоил тюркские языки и арабскую графику, а его научная активность и продуктивность были столь заметны, что очень быстро Миркасым стал известен в научных кругах как весьма перспективный тюрколог и историк-востоковед. Неудивительно поэтому, что в 1968 г. М.А. Усманова, молодого ученого – кандидата исторических наук – избрали членом Археографической комиссии АН СССР. Он стал активным участником почти всех конференций и других научных мероприятий, организованных Археографической комиссией АН СССР / РАН в различных научных центрах страны.

Мы не станем перечислять здесь даже основные научные труды и публикации М.А. Усманова. Отметим лишь некоторые из них, изданные в “Археографическом ежегоднике” и продолжающие сохранять свою актуальность и научное значение. Это – значительная по объему и содержанию статья “Официальные акты ханств Восточной Европы XIV–XVI вв. и их изучение”, в которой дан глубокий историко-филологический анализ и предложена методика исследования подобных письменных источников². Не менее важна и интересна также работа Миркасыма “О новых ярлыках ханств Джучиева Улуса XIV–XVI вв.”³. В статье сформулированы “задачи не только ярлыковедения, но и изучения особенностей развития каллиграфии, способов написания документов и хранения их в канцелярии” и в конечном итоге “создана прочная база для изучения жалованных ярлыков в плане дипломатики”⁴.

А сколько еще таких замечательных трудов, основанных на источниковедении и археографии, создал М.А. Усманов! Прекрасное знание тюркских языков, многочисленных письменных и вещественных источников позволило Миркасыму Абдулахатовичу всесторонне изучить историю и культуру тюркских государств, существовавших в Средневековье в Евразии. Огромная его заслуга заключается в том, что он ввел в научный оборот значительное число арабско-графических письменных источников по истории и культуре тюркских народов.

Особо подчеркнем что первостепенное внимание в своей многогранной научной деятельности М.А. Усманов всегда уделял иссле-

дованию и разработке важнейших вопросов, связанных с источниковедением и изучением истории Золотой Орды – Улуса Джучи. И в данной области он являлся одним из самых признанных и авторитетных специалистов в нашей стране и мире. Начав, можно сказать, заниматься исследованием истории Джучиева Улуса на заре своей научной работы, Миркасым Абдулахатович никогда не прекращал ее изучения. Им написана и издана по данной важнейшей проблематике значительная серия глубоко оригинальных трудов, вошедших в сокровищницу российской исторической науки. Среди них, например, такое крупное обобщающее исследование, как “Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв.”, изданное в Казани в виде монографии в 1979 г. и блестяще защищенное М.А. Усмановым в 1981 г. в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Надо также особо отметить, что важной составляющей научной деятельности М.А. Усманова стала его исключительно плодотворная полевая работа. В течение не менее четверти века, начиная с 1963 г., организованные под руководством Миркасыма Абдулахатовича археографические экспедиции Казанского университета увенчались поистине выдающимися результатами. Работами их оказались охвачены обширные регионы страны, прежде всего Поволжья и Приуралья. Первоначально экспедиции были проведены в Татарстане, Астраханской, Волгоградской, Горьковской, Оренбургской, Пермской и Рязанской областях, а затем и в Кировской, Свердловской, Тюменской областях и Удмуртии. Достаточно сказать, что в результате этих работ было собрано свыше 9000 рукописей и старопечатных книг на различных тюркских языках. Итоги археографических экспедиций М.А. Усманова вызвали большой интерес в научных кругах и явились предметом обсуждения широкой общественности. Что же касается организатора и руководителя данных экспедиций М.А. Усманова, то он благодаря им стал ведущим в стране полевым-археографом со своей общепризнанной школой, а Казанский университет – одним из основных центров археографической работы в России.

Мы всегда помним, что именно Миркасым Абдулахатович выступил инициатором организации при Археографической Комиссии

² См.: АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 117–135.

³ См.: АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 46–51.

⁴ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 166.

РАН секции восточной археологии и принимал самое деятельное участие в ее работах.

Я не стану специально останавливаться здесь на педагогической деятельности М.А. Усманова. Она была весьма активной и разносторонней и продолжалась до конца дней его. Не будет преувеличением сказать, что Миркасым отдал всю свою жизнь делу обучения и воспитания студенчества, подготовке столь необходимых Татарстану и всей нашей стране квалифицированных кадров учителей и работников науки. Весь его рабочий путь, вся его основная деятельность оказались прочно связаны с родным для него Казанским университетом. Все хорошо знают, как беззаветно он любил свой университет и его студентов, сколько он делал и действительно сделал для его плодотворной работы и процветания! В Казанском университете в полной мере раскрылись и недюжинные способности Миркасыма Абдулахатовича как незаурядного организатора науки и учебного процесса. Он успешно работал здесь и заведующим кафедрами сначала отечественной истории до XIX в., а затем истории татарского народа, проректором и даже исполнял обязанности ректора университета.

Отдельно следует сказать и о том, что под руководством М.А. Усманова выполнены переиздания научных сочинений таких известных авторов, как И. Гаспринский, М.Г. Худяков, Карл Фукс и др.

Я испытываю истинную гордость от того, что мне посчастливилось не только быть знакомым и многократно встречаться с Миркасымом – этим выдающимся ученым и замечательным человеком, но и дружить с ним. Мы знали друг о друге давно, но познакомились сравнительно поздно. Это произошло в Казани в 90-х годах прошлого столетия, когда встал вопрос о том, что Казани как городу 1000 лет. Как известно, для обоснования даты возникновения Казани были привлечены ученые из всех основных научных центров России, а также некоторых других стран. Руководство Татарстана создало Республиканский комитет по организации и проведению тысячелетнего юбилея Казани, в который вошел и М.А. Усманов. Тогда мне, как директору Института археологии РАН, приходилось часто бывать в столице Татарстана и постоянно видеться с Миркасымом. До встречи с ним я был наслышан о нем от моего близкого друга, известного российского востоковеда из Дагестана профессора А.Р. Шихсаидова, дружившего с ним уже много лет. Мы всегда тепло встречались с Миркасымом, как

старые друзья, обменивались новостями по работе и дому и вскоре довольно хорошо знали друг друга. Он непременно интересовался результатами работ возглавляемой мной археологической экспедиции в Сирии и делами на Ближнем Востоке. Меня же интересовали итоги его экспедиционных поисков восточных рукописей в различных областях нашей страны, над чем он сейчас трудится и как ему живется и отдыхает в деревне под Казанью. Не скрою, я всегда получал большое удовлетворение от общения с ним.

Не могу не вспомнить здесь о тех славных плаваниях – путешествиях, которые мы вместе с другими участниками конференций, посвященных 1000-летию Казани, совершили по Волге от Казани до Астрахани и морем от Санкт-Петербурга до Швеции и обратно. Тогда мне представилась возможность не только постоянно находиться рядом с ним, но и близко наблюдать его. Основную часть участников этих конференций составляли, естественно, научные работники. И должен подчеркнуть, что, если я не ошибаюсь, Миркасым был, пожалуй, единственным или одним из немногих, кто находил время заниматься там, в каюте или даже на палубе, научной работой – он или писал статью, или редактировал какие-то труды своих коллег, или, наконец, переводил что-то с русского на татарский. Таков был этот яркий, трудолюбивый и необычайно талантливый человек, бесконечно любивший науку и также бесконечно преданный ей!

В заключение мне хочется вспомнить о Миркасыме просто как о человеке. Чуть ниже среднего роста, коренастый и смуглый, заряженный энергией, он имел открытое лицо и был мужественным человеком. Сколько я помню, Миркасым всегда ходил в берете и этим тоже обращал на себя внимание. Внешне, при первом знакомстве, могло сложиться впечатление о нем, как о немного угрюмом человеке. Но это было обманчивое впечатление, ибо очень скоро незнакомец убеждался в обратном, т.е. насколько Миркасым приятный, доброжелательный и приветливый человек с чувством юмора. Я очень ценю в людях умение выслушивать своего собеседника. И этим качеством, мне хочется подчеркнуть, обладал в должной мере незабвенный Миркасым. В не меньшей степени мне нравилось в нем и то, что он был прямым человеком, ничего, как мне казалось, не таил в себе и всегда откровенно высказывал свое мнение. Как-то я был включен вместе с ним в комиссию по проверке Института истории

Академии наук Татарстана. Отчет комиссии происходил на заседании Президиума АН Татарстана. Первым предоставили слово гостям из Москвы – директору Института социологии РАН Л.М. Дробижевой и мне, а затем М.А. Усманову. Надо было наблюдать, с каким знанием дела выступал Миркасым и насколько обосновано выглядели его замечания. Самое же главное – за всей его критикой ясно сквозила искренняя озабоченность делами и судьбой Института и стремление помочь ему ликвидировать в короткие сроки

имеющиеся в его работе упущения. Между прочим, вскоре после этого Миркасым Абдулахатович, как видный ученый страны и крупный организатор науки, был избран вице-президентом Академии наук Татарстана.

Все мы – его друзья, коллеги и ученики будем всегда помнить дорогого Миркасима Абдулахатовича Усманова – великолепного человека и ученого, автора уникальных научных трудов, составивших яркие страницы нашей науки и ставших ее гордостью.

Р.М. Мунчаев

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	– “Археографический ежегодник”
АИ	– “Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией”
АК	– Археографическая комиссия
АН СССР	– Академия наук СССР
АПН	– Академия педагогических наук РСФСР
АРАН	– Архив Российской академии наук
АУ	– “Архіви України”
АХ	– Академия художеств
БАШ	– “Беларускі археаграфічны штогоднік”
БАН	– Библиотека Академии наук
БГАМЛИ	– Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства
БГУ	– Белорусский государственный университет
БелНИИДАД	– Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
ВА	– “Вестник архивиста”
ВВ	– “Византийский временник”
ВГО	– Всесоюзное Географическое общество Академии наук СССР
ВИ	– “Вопросы истории”
ВИД	– “Вспомогательные исторические дисциплины”
ВИЕТ	– “Вопросы истории естествознания и техники”
ВНИИДАД	– Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
ВХУТЕМАС	– Высшие художественно-технические мастерские
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГА РФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАУ	– Главное архивное управление
ГАФ	– Государственный архивный фонд
ГАЯО	– Государственный архив Ярославской области
ГВНП	– “Грамоты Великого Новгорода и Пскова”
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ДВГНБ	– Дальневосточная государственная научная библиотека
ЕГАФ	– Единый государственный архивный фонд
ЖМНП	– “Журнал Министерства народного просвещения”
ЗОРСА	– “Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества: Сборник”
ИА	– “Исторический архив”
ИАИ РГГУ	– Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета
ИВИ РАН	– Институт всеобщей истории Российской академии наук
ИЗ	– “Исторические записки”
ИИЕТ	– Институт истории естествознания и техники
ИМЛИ РАН	– Институт мировой литературы Российской академии наук
ИНИОН РАН	– Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
ИРИ РАН	– Институт российской истории Российской академии наук
ИРЛИ РАН	– Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

ИР НБУ	– Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. А.И. Вернадского
ИРЯ РАН	– Институт русского языка Российской академии наук
ИСл РАН	– Институт славяноведения Российской академии наук
ИСССР	– “История СССР”
КА	– “Красный архив”
ЛОИИ	– Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР
ЛО ИИЕТ	– Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники Академии наук СССР
ЛОЦИА	– Ленинградское отделение Центрального исторического архива
МГАМИД	– Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГИАИ	– Московский государственный историко-архивный институт
МГУ	– Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
МДА	– Московская духовная академия
МСА Евразика	– Международный совет архивов (Евразика)
МХАТ	– Московский художественный академический театр
НАІС	– Національна архівна інформаційна система
НАН України	– Національна академія наук України
НАНБ	– Национальная академия наук Беларуси
НАРБ	– Национальный архив Республики Беларусь
НА РТ	– Национальный архив Республики Татарстан
НАФ	– Национальный архивный фонд Украины
НБ ДВГУ	– Научная библиотека Дальневосточного государственного университета
НБ МГУ	– Научная библиотека Московского государственного университета
НИАБ	– Национальный исторический архив Беларуси
НИиИ	– “Новая и новейшая история”
НИМ	– Национальный исторический музей Республики Беларусь
НИОР РГБ	– Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
НИУ ВШЭ	– Национальный университет Высшая школа экономики
ОА	– “Отечественные архивы”
ОИ	– “Отечественная история”
ОИФН РАН	– Отделение историко-филологических наук Российской академии наук
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ПИ	– “Проблемы источниковедения”
ПСЗ	– “Полное собрание законов Российской империи”
ПСС	– Полное собрание сочинений
РА	– “Российская археология”
РАО	– Российская академия образования
РАН	– Российская академия наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГАНИ	– Российский государственный архив новейшей истории (бывший ЦХСД)
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	– Российский государственный архив экономики
РГБ	– Российская государственная библиотека
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РГО	– Российское географическое общество

РИБ	– “Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией”
РНБ	– Российская национальная библиотека
РО	– Рукописный отдел
САГУ	– Средне-Азиатский государственный университет
СО АН СССР	– Сибирское отделение Академии наук СССР
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СПбГУП	– Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
СПБИН РАН	– Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
СПбФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
ТОДРЛ	– “Труды Отдела древнерусской литературы”
УНІАСД	– Український науково-дослідний інститут архівної справи та документознавства
ЦАДКМ	– Центральный архив документальных коллекций г. Москвы
ЦАУ БССР	– Центральное архивное управление БССР
ЦГА ВОВУ Украины	– Центральный государственный архив высших органов власти Украины
ЦГАЛИ	– Центральный государственный архив литературы и искусства (совр. РГАЛИ)
ЦГАЛИ СПб.	– Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦГАМО	– Центральный государственный архив Московской области
ЦГАНХ СССР	– Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
ЦГАОР	– Центральный государственный архив Октябрьской революции
ЦГАОР БССР	– Центральный государственный архив Октябрьской революции БССР
ЦГА РФ	– Центральный государственный архив Российской Федерации
	ЦГИА СПб. – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦИАМ	– Центральный исторический архив Москвы
ЦИГУС	– Центр исследования городского управления и самоуправления
ЦМАМЛС	– Центральный московский архив-музей личных собраний
ЦНБ ДВО РАН	– Центральная научная библиотека Дальневосточного отделения Российской академии наук
ЧОИДР	– “Чтения в Обществе истории и древностей российских”
ЯГВ	– “Ярославские губернские ведомости”
ЯГУАК	– Ярославская губернская ученая архивная комиссия
ЯМЗ	– Ярославский музей-заповедник

СОДЕРЖАНИЕ

І. Статьи и сообщения

<i>Р.Г. Пихоя.</i> “Архивная революция”: двадцать лет спустя. Часть 2. Архивы в России. 1992–1993	3
<i>П.В. Ильин</i> (Санкт-Петербург). 30 лет документальной серии “Полярная Звезда”: достижения и перспективы	25
<i>А.С. Минаков</i> (Орел). Годовые всеподданнейшие отчеты губернаторов: исследовательский опыт и источниковедческие перспективы	37
<i>Л.А. Спиридонова.</i> Роль археографии и источниковедения в изучении наследия А.М. Горького	56
<i>В.Н. Быков, К.В. Быков.</i> Источниковая база издательского проекта по составу органов московского городского общественного управления	72
* * *	
<i>М.В. Корогодина</i> (Санкт-Петербург). Составление Кормчей Нифонта Кормилицына	99
<i>К.А. Левинсон.</i> К проблеме авторства “эго-документов”: (на примере прошений городских служащих в Священной Римской империи в XVI–XVII вв.)	113
<i>А.В. Малов.</i> Командиры частей нового строя в 1628–1636 гг. (от подготовки к Смоленской войне до роспуска частей нового строя после ее окончания)	126
<i>А.И. Федорец.</i> Исповедные ведомости как источник по истории московского купечества в XVIII веке	144
<i>А.В. Белов.</i> “Росписание губернским и уездным штатным городам...” – источник по структуре сети городов и городских поселений Российской империи рубежа XVIII–XIX веков	154
<i>Г.В. Вилинбахов</i> (Санкт-Петербург). К истории одной научной дуэли: (Диспут М.П. Погодина и Н.И. Костомарова)	162
<i>В.Г. Бухерт.</i> Совещания профессоров русской истории и истории русского права российских университетов (Москва, 26–28 марта 1915 г.)	180
<i>В.Ф. Козлов.</i> Постоянная комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК и ЦИК СССР и судьбы православных храмов. 1929–1937 гг. (по материалам ГА РФ)	196
<i>М.Ф. Шумейко</i> (Беларусь, Минск). Возобновление археографической традиции: (К 10-летию создания Археографической комиссии в системе Государственной архивной службы Беларуси)	214
<i>Я.Е. Смирнов</i> (Ярославль). С.Ф. Платонов и ярославское краеведение	228
<i>Г.А. Веселая.</i> З.А. Веселая и книжная серия “Поэты – узники ГУЛАГа”	288
<i>Ю.М. Эскин.</i> К 90-летию Н.Ф. Демидовой	293
<i>Г.В. Боряк</i> (Украина, Киев). Константин Новохатский: Штрихи к портрету современного историка-архивиста	298

Тихомировские чтения 2009 года

“Из опыта публикации наследия отечественных историков”

Хроника заседания	306
-------------------------	-----

К 50-летию со времени кончины А.И. Андреева

**Совместное заседание Археографической комиссии РАН
и Архива РАН**

Хроника заседания	309
<i>С.О. Шмидт.</i> Вступительное слово	310
<i>Н.П. Копанева</i> (Санкт-Петербург). К биографии А.И. Андреева	314
Доклад И.Л. Маяковского 1947 года “А.И. Андреев как архивист” (<i>подгот. А.В. Мельников</i>)	324

Тихомировские чтения 2010 года

*Всероссийская научная конференция,
посвященная 150-летию С.Ф. Платонова*

<i>Е.А. Ростовцев</i> (Санкт-Петербург), <i>А.В. Сиренов</i> (Санкт-Петербург). Хроника заседания	332
---	-----

II. Обзоры, описания, библиография

<i>А.Л. Лифшиц.</i> Рукописный роман XVIII в. в собрании Демьяна Бедного	340
<i>П.А. Трибунский.</i> Фонд адвоката и общественного деятеля О.О. Грузенберга в Национальной библиотеке Израйля	345
<i>М.П. Мироненко.</i> Документальные материалы С.Ф. Платонова и о С.Ф. Платонове в московских хранилищах: (Из опыта подготовки “Каталога личных архивных фондов отечественных историков”)	351
<i>Т.Б. Тишунина.</i> Фонд пушкинистов И.М. Ободовской и М.А. Дементьева в собрании Государственного музея А.С. Пушкина	359
Список печатных трудов М.П. Ирошникова за 1996–2012 гг. (К 75-летию со дня рождения)	369
Список печатных трудов Б.С. Илизарова (К 65-летию со дня рождения)	371
Список печатных трудов С.С. Илизарова (К 60-летию со дня рождения)	379

III. Публикации

Семейная драма в Тотемском уезде первой трети XVII в. (реплика к изучению демонологии) (<i>подгот. Е.Н. Швейковская</i>)	389
Писцовый наказ 1681 г. и другие источники о начале “второго валового письма” в России (1680–1688 гг.) (<i>подгот. М.Ю. Зенченко, А.М. Прокопенко</i>)	398
Таможенная книга Яицкого Гурьева городка 1725 г. (<i>подгот. А.И. Раздорский</i> (Санкт-Петербург))	438
Нереализованные проекты Н.И. Костомарова конца 1850-х – начала 1860-х годов (<i>подгот. В.В. Боярченков</i> (Рязань))	449
“Вильню до ее оккупации в 1915 г. можно было назвать городом архивов, библиотек и музеев”: (Записки старшего архивиста I отделения II секции ЕГАФ РСФСР А.И. Миловидова в Наркомпрос РСФСР) (<i>подгот. М.Ф. Шумейко</i> (Беларусь, Минск))	461
Письма архиепископа Луки (В.Ф. Войно-Ясенецкого) А.М. Фокину 1934–1937 гг. и воспоминания А.М. Фокина об архиепископе Луке (В.Ф. Войно-Ясенецком) 1968 г. (<i>подгот. В.Г. Бухерт</i>)	471

IV. Хроника

Деятельность Археографической комиссии в 2009–2010 годах	488
Новые издания Археографической комиссии в 2009–2010 годах	488
<i>А.Г. Смирнова.</i> Круглый стол в Историко-архивном институте РГГУ, посвященный 120-летию со дня рождения Н.П. Анциферова (20 ноября 2009 г.)	488
<i>Т.А. Перцева</i> (Иркутск), <i>П.В. Ильин</i> (Санкт-Петербург). Заседание, посвященное 30-летию документальной серии “Полярная Звезда”	490
<i>Т.Н. Жарова</i> (Смоленск), <i>М.В. Иванов</i> (Смоленск), <i>Л.Л. Степченков</i> (Смоленск). Созидатели культуры Смоленщины	495
<i>Н.А. Комочев.</i> К 90-летию со дня рождения А.А. Зимина: Пятое Зиминские чтения в РГГУ (25–26 февраля 2010 г.)	497
<i>А.В. Мельников.</i> Торжественное заседание в Историко-архивном институте РГГУ к 60-летию Кружка источниковедения (17 апреля 2010 г.)	502
<i>А.Л. Лифшиц.</i> Международная научная конференция “Современные проблемы археографии” (Санкт-Петербург, Библиотека Академии наук, 25–27 мая 2010 г.) ...	503
<i>Е.Н. Швейковская.</i> Источниковедческий ракурс в работе Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. (Рязань, 21–24 сентября 2010 г.)	505
<i>В.А. Черных.</i> Заседание в Историко-архивном институте РГГУ, посвященное памяти академика М.К. Любавского (22 декабря 2010 г.)	508
<i>В.А. Черных.</i> Клавдия Ивановна Савина (1922–2007)	510
<i>В.И. Дурновцев.</i> Виктор Александрович Муравьев (1941–2009)	511
<i>В.А. Черных.</i> Памяти коллег и друзей: А.Д. Степанского (1934–2009) и А.В. Елпатьевского (1931–2010)	514
<i>С.М. Каштанов.</i> Галина Яковлевна Тарле (1931–2010)	516
<i>Р.М. Мунчаев.</i> Миркасым Абдулахатович Усманов (1934–2010)	518
Список сокращений	522

Научное издание

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
за 2009–2010 годы**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук*

Редакторы *Л.В. Абрамова, М.М. Леренман*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дудовицкая,*
Т.И. Шеповалова

Иллюстрации воспроизведены в соответствии
с представленными архивными оригиналами

Подписано к печати 25.12.2012
Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 42,9. Усл.кр.-отт. 42,9. Уч.-изд.л. 47,2
Тираж 1000 экз. Тип. зак. 2149

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ООО “Цифровая типография № 21”
123022, Москва, Рочдельская ул., 15, стр. 13

ISBN 978-5-02-037565-9

9 785020 375659

АРХЕОГРА
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

2009
2010